

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАРЬ.

1881.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХVІІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЗАНОВА.

Колѣри. цвѣтъ, покуда Востокъ и Западъ не соединятся, г. № 20-1.

1881.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Мамарій итронозить всяя Россіи. (Окончаніе). К. Залусцкаго.

Арханческія формы семейной организаціи у
кавказскихъ горцевъ. В. Сокольскаго.

Давидъ Саеунскій. ***

Религіозные символы древнихъ Вавилонянъ. В. Ш.

Бритика и библиографія:

Римская сатра и Ювеналъ. Литературно-критическое
исследование Д. Н. Петушевскаго. Н. Влгоградскаго.

Н. В. Крушевскій. К вопросу о гудъ. Исследование в
области старо-славянскаго вокализма В. К.

Коммерческія отдѣленія реальныхъ учи-
лищъ. П. Колумбуса.

Отчетъ о двадцать-четвертомъ присужденіи
наградъ графа Уварова.

Педагогическій съездъ сельскихъ учителей
и учительницъ Лужскаго уѣзда въ
1881 году. .

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ
учебныхъ заведеній: вмѣстѣ специа-
льными учебными заведеніями.

Письмо изъ Парижа. Д—ра.

А. А. Ботлиревскій. (Некрологъ).

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертка).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

ПАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССКУШ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВЛАЗНЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Воспосенскаго и Марининскаго мостовъ, д. № 90-1.

1881.

Средна Надгочина, № 1.
2271.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (17-го августа 1881 г.). О дозволеніи Вяземской гимназіи впредь именоваться „Александровскою“ и состоять подъ Августѣйшимъ Его Величества покровительствомъ.

Открытая въ городѣ Вязьмѣ на счетъ Смоленскаго земства мужская гимназія принята была въ 1869 г. Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ, подъ свое высокое покровительство и въ томъ же году этой гимназіи было присвоено наименованіе „Александровской“ въ честь высокаго ея покровителя.

Нынѣ педагогическій совѣтъ названной гимназіи обратился съ ходатайствомъ объ испрошеніи Всемилостивѣйшаго соизволенія Вяземской гимназіи и впредь именоваться „Александровскою“ и состоять подъ августѣйшимъ Его Величества покровительствомъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Высочайше соизволилъ на удовлетвореніе изъясненнаго ходатайства.

2. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи стипендій при Ташкентской мужской прогимназіи и при Вѣрненскихъ мужской прогимназіи и женской гимназіи.

Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра,

объ учрежденіи на проценты съ капитала въ три тысячи четыреста пятьдесятъ руб. пожертвованнаго лицами учебнаго вѣдомства Туркестанскаго края, при Ташкентской мужской прогимназій и при Вѣрненскихъ мужской прогимназій и женской гимназій по одной стипендіи въ память двадцатипятилѣтія царствованія въ Россіи почившаго Императора Александра II, собственноручно начертать изволилъ „Согласенъ“.

3. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи при Таганрогскихъ мужской и женской гимназій стипендій имени статскаго совѣтника Кульжинскаго.

Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, объ учрежденіи на проценты съ капитала въ тысячу руб., пожертвованнаго гражданами г. Таганрога, при Таганрогской мужской гимназій стипендіи имени статскаго совѣтника Алексѣя Кульжинскаго и на пожертвованный самимъ Кульжинскимъ капиталъ въ восемьсотъ руб., при Таганрогской Маріинской женской гимназій стипендіи имени жертвователя, собственноручно изволилъ начертать: „Согласенъ“.

4. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи стипендій для образованія трехъ крестьянскихъ мальчиковъ Липовецкаго уѣзда.

Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, объ учрежденіи на проценты съ капитала въ девятнадцать тысячъ тридцать девять руб., восемь коп., пожертвованнаго дворянами Липовецкаго уѣзда, стипендій въ память въ Россіи почившаго Императора Александра II для образованія трехъ крестьянскихъ мальчиковъ Липовецкаго уѣзда, собственноручно начертать изволилъ, „Согласенъ“.

5. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи при Видавскомъ уѣздномъ училищѣ стипендіи гражданина г. Видавы Эгерта.

Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, объ учрежденіи на проценты съ капитала въ пятьсотъ руб., пожер-

твованнаго гражданномъ города Винавы Эдуардомъ-Ульрихомъ Эгертомъ, при Винавскомъ уѣздномъ училищѣ, стипендіи въ память въ Возѣ почившаго Императора Александра II, собственноручно начертать изволилъ: „Согласенъ“.

6. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи при Новгородсѣверской гимназій и Кролевецкомъ городскомъ училищѣ стипендіи имени генераль-лейтенанта Антоновича.

Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, объ учрежденіи на проценты съ капитала въ шесть тысячъ пятьдесятъ четыре руб. и 26 коп., собраннаго служащими въ учебныхъ заведеніяхъ Кіевскаго учебнаго округа, при Новгородсѣверской гимназій и Кролевецкомъ городскомъ училищѣ, стипендіи имени бывшаго попечителя Кіевскаго учебнаго округа, генераль-лейтенанта П. А. Антоновича, собственноручно начертать изволилъ: „Согласенъ“.

7. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа стипендіи имени Франца Новодворскаго.

Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, объ учрежденіи на проценты съ капитала въ тысячу четыреста руб., собраннаго бывшими учениками учителя Франца Новодворскаго, при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа, стипендіи имени Франца Новодворскаго, собственноручно начертать соизволилъ: „Согласенъ“.

8. (13-го сентября 1881 года). Объ учрежденіи при Московскихъ 1-й гимназій и 2-мъ уѣздномъ училищѣ и при Сычевскомъ городскомъ училищѣ стипендіи имени князя Мещерскаго.

Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, объ учрежденіи на проценты съ капитала въ восемь тысячъ четыреста двадцать одинъ руб. шестьдесятъ шесть коп., собраннаго служащими въ учебныхъ заведеніяхъ Московскаго учебнаго округа трехъ стипендіи (на капиталъ въ 6.021 р. 66 коп. (при Мо-

сковской 1-й гимназіи по одной стипендіи (въ 1,200 р. каждая) при Московскомъ 2-мъ уѣздномъ училищѣ и при Симчевскомъ городскомъ училищѣ, имени князя Николая Петровича Мещерскаго, собственноручно начертать дозволяя: „Согласенъ“.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

23-го іюля 1881 года. (№ 12). Утверждаются: инспекторъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Канановъ—директоромъ сего института.

Коллежскій ассесоръ Любимовъ и Кяхтинскій 1-й гильдіи купецъ Шведовъ—почетными попечителями Алексѣевскихъ реальныхъ училищъ: первый—Пермскаго, на три года, и второй—Троицкосавскаго, по 1-е іюля 1883 года.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: бывшему учителю Московской четвертой гимназіи Булаковскому и кандидату Императорскаго Московскаго университета Борисову—на одинъ годъ; изъ нихъ первому съ 1-го іюля 1881 года.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: сверхштатный ассистентъ при госпитальной хирургической клиникѣ Императорскаго Казанскаго университета Падаринъ—на лѣтнее вакаціонное время 1881 года.

Ординарные профессеры Императорскаго университета св. Владимира: дѣйствительный статскій совѣтникъ Романовичъ-Славатинскій и статскій совѣтникъ Авенариусъ, первый съ 15-го августа по 1-е октября 1881 года, а второй—на лѣтнее вакаціонное время 1881 года и двадцать восемь дней, съ зачетомъ послѣднему въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска на одинъ мѣсяць.

Учитель С.-Петербургской Введенской прогимназіи Слугиновъ—на лѣтнее вакаціонное время и по 1-е октября 1881 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ—на шесть мѣсяцевъ, съ 20-го августа 1881 года.

Ординарный профессор историко-филологического института князя Безбородю въ Нѣжинѣ Гротъ, доценты Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго, Палаузовъ и св. Владимира, Козловъ и кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Соколовъ—на одинъ годъ: въ нихъ: Палаузовъ съ 15-го августа 1881 г., а Гротъ и Козловъ съ 1-го сентября 1881 года.

Доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета Вунге — по 10-е августа 1882 года, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска на одинъ мѣсяцъ.

Увольняются въ отпускъ: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Поповъ — на два мѣсяца, въ разныя губерніи Россіи, по болѣзни.

Попечители учебныхъ округовъ: Харьковскаго генеральнаго штаба генералъ-майоръ Максимовскій — на двадцать восемь дней (Выс. пов. 19-го іюня 1881 г.), С.-Петербургскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитріевъ—на одинъ мѣсяцъ и Московскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Бакинскій — на два мѣсяца (Выс. пов. 19-го іюня 1881 г.), во внутреннія губерніи Россіи.

Увольняется, согласно прошенію: директоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, тайный совѣтникъ Деляновъ—отъ сей должности.

17-го августа 1881 года. (Ж 18). Утверждаются на три года: состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ Ротгольцъ и мануфактуръ совѣтникъ Гарелинъ—почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый — Севастопольскаго Константиновскаго и послѣдній—Иваново-Вознесенскаго.

Назначается: старшій тьюторъ университета курса лица Цесаревича Николая Лаврентьевъ—окружнымъ инспекторомъ Московскаго учебнаго округа.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою дѣлію: ординарному профессору Императорскаго Казанскаго университета, статскому совѣтнику Водуенъ-де-Буртенъ—по 15-е августа 1882 года.

Командируются за границу съ ученою дѣлію: экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Левшинъ — на международный медицинскій конгрессъ въ Лондонѣ.

Директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, тайный совѣтникъ Струве, ординарный профессоръ Императорскаго

Варшавскаго университета Вилецкій и сверхштатный астрономъ означенной обсерваторіи Струве—на три мѣсяца.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Егоровъ—на три мѣсяца и тринадцать дней.

Лаборантъ Императорскаго Варшавскаго университета Дзевульскій—на четыре мѣсяца.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (15-го сентября 1881 г.). Положеніе о двѣнадцати стипендіяхъ Смоленскаго губернскаго земства при Смоленскомъ реальномъ училищѣ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 25-й день февраля 1881 года, учреждаются при Смоленскомъ реальномъ училищѣ, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго Смоленскимъ губернскимъ земствомъ капитала въ семь тысячъ двѣсти руб., двѣнадцать стипендій, съ наименованіемъ оныхъ „Александровскими“.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 1-го восточнаго займа, составляетъ неотъемлемую собственность Смоленскаго реального училища и хранится неприкосновеннымъ въ Смоленскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ.

3) Проценты съ означеннаго капитала обращаются исключительно въ плату за право ученія дѣтей двѣнадцати бѣднѣйшихъ жителей Смоленской губерніи, уроженцевъ оной.

4) Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту и почетному попечителю училища, при чемъ стипендіи распределяются по возможности равномерно между учащими.

5) Невыданіе по какому-либо случаю проценты съ пожертвованнаго капитала присоединяются къ этому капиталу, вслѣдствіе чего размѣръ стипендій можетъ увеличиваться.

2. (29-го сентября 1881 г.). Правила о стипендіи, учреждаемой при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на проценты съ капитала въ тысячу рублей, пожертвованнаго оставшимъ штабсъ-капитаномъ Иваномъ Степановичемъ Дурново.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія.)

1) На проценты съ капитала въ тысячу рублей, заключающагося въ билетѣ государственнаго банка 2-го выпуска за № 84778, учреждается одна стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 13-го сентября 1881 года, именуется „стипендіею гвардіи полковника Николая Ивановича Дурново“.

2) Размѣръ стипендіи—пятьдесятъ рублей въ годъ.

3) Стипендія назначается одному изъ бѣдѣйшихъ студентовъ юридическаго факультета, происходящему исключительно изъ дворянъ Тульской губерніи.

4) Назначеніе стипендіи принадлежитъ совѣту университета, по представленію юридическаго факультета.

5) Стипендія эта можетъ быть соединяема съ другою стипендіею такого же или нѣсколько большаго размѣра.

6) Стипендіатъ лишается стипендіи, если не перейдетъ на слѣдующій курсъ, а равно и въ томъ случаѣ, если замѣченъ будетъ въ чемъ-либо предосудительномъ.

7) Образовавшіеся по какому бы то ни было случаю остатки отъ процентовъ съ капитала присоединяются къ оному съ цѣлію увеличенія внослѣдствіи размѣра стипендіи.

3. (29-го сентября 1881 г.). Правила о стипендіи, учреждаемой при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на проценты съ капитала въ шесть тысячъ рублей, пожертвованнаго надворнымъ совѣтникомъ Яковомъ Васильевичемъ Ѳедоровымъ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія.)

1) На проценты съ капитала въ шесть тысячъ рублей, заключающагося въ пятидесяти одной облигаціи 1-го восточнаго займа, учреждается одна стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 13-го сентября 1881 года, именуется „стипендіею дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Васильевича Ѳедорова“.

2) Размѣръ стипендіи триста рублей въ годъ.

3) Стипендія назначается достойнѣйшему по успѣхамъ и отличному поведенію, недостаточнаго состоянія студенту медицинскаго факультета, православнаго вѣроисповѣданія, и чисто-русскаго происхожденія, преимущественно изъ уроженцевъ Ярославской губерніи.

4) Если бы не случилось достойнаго студента изъ Ярославскихъ уроженцевъ, то стипендія можетъ быть предоставлена уроженцу другой губерніи, если онъ удовлетворяетъ условіямъ, изложеннымъ въ предшествующемъ 3-мъ пунктѣ.

5) Назначеніе кандидата на стипендію принадлежитъ пожизненно—жертвователю капитала, надворному совѣтнику Якову Васильевичу Федорову, по предварительномъ сношеніи съ ректоромъ университета для полученія свѣдѣній объ успѣхахъ и поведеніи избраннаго кандидата на стипендію; по смерти же г. Федорова право назначать стипендію предоставляется совѣту университета.

6) Стипендіатъ лишается стипендіи, если не перейдетъ на слѣдующій курсъ, а равно и въ томъ случаѣ, если замѣченъ будетъ въ чемъ-либо предосудительномъ.

7) При освобожденіи стипендіи университетъ извѣщаетъ объ этомъ распорядителя ея назначеніемъ Якова Васильевича Федорова.

8) Остатки отъ процентовъ съ капитала, образовавшіеся по какому бы то ни было случаю, присоединяются въ основному капиталу для увеличенія, впоследствии, размѣра стипендіи.

— Господинъ управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищъ министра, разрѣшилъ: открыть параллельное отдѣленіе при IV классѣ Кронштадтскаго реальнаго училища, съ начала 1881—1882 учебнаго года, съ отнесеніемъ потребнаго для сего расхода на спеціальныя средства названнаго училища, съ увеличеніемъ платы за ученіе до пятидесяти руб. въ годъ съ cadaго ученика.

— Закрыть параллельныя отдѣленія при I и IV классахъ Новгородсѣверской гимназіи и открыть, въ замѣнъ ихъ, таковыя же отдѣленія при II и V классахъ названной гимназіи, съ начала 1881—1882 учебнаго года, съ отнесеніемъ потребной на содержаніе ихъ суммы на спеціальныя средства гимназіи.

— Взимать плату за ученіе въ Стародубской мужской прогимназіи, съ начала 1881—1882 учебнаго года, въ приготовительномъ классѣ по восемнадцати руб. и въ нормальныхъ классахъ по двадцать четыре руб. въ годъ съ cadaго ученика.

— Закрыть параллельное отдѣленіе при II классѣ Урюпинскаго реальнаго училища и открыть, въ замѣнъ онаго, параллельное отдѣ-

леніе при III классѣ названнаго училища, съ начала учебнаго года 1881—1882 учебнаго года, съ отнесеніемъ потребнаго на содержаніе сей параллели расхода, въ количествѣ до 1380 руб., на спеціальныя средства училища.

— Расходы по содержанію VIII класса Мариупольской гимназіи, въ количествѣ тысячи девятисотъ руб., съ 1-го января 1882 г., производятъ изъ спеціальныхъ средствъ сей гимназіи, для чего увеличить съ того же срока плату за ученіе въ названной гимназіи: въ приготовительномъ классѣ до двадцати пяти руб. и въ нормальныхъ классахъ до тридцати пяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Его превосходительство г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищъ министра, утвердилъ: сдѣланное попечителемъ Одесскаго учебнаго округа распоряженіе объ открытіи, съ начала 1881—1882 учебнаго года, параллельнаго отдѣленія при IV классѣ реальнаго училища св. Павла въ Одессѣ, съ отнесеніемъ расхода по содержанію этой параллели на счетъ сумми, ассигнованной для сего попечительнымъ совѣтомъ названнаго училища.

— Сдѣланное попечителемъ Одесскаго учебнаго округа распоряженіе о закрытіи параллельнаго отдѣленія при IV классѣ Севастопольскаго Константиновскаго реальнаго училища и объ открытіи, съ начала 1881—1882 учебнаго года, такового же отдѣленія при III классѣ названнаго училища, съ отнесеніемъ расхода по содержанію сей параллели на спеціальныя средства училища.

— Сдѣланное управляющимъ Оренбургскимъ учебнымъ округомъ распоряженіе объ открытіи, съ начала 1881—1882 учебнаго года, параллельнаго отдѣленія при I классѣ Уральской войсковой гимназіи, съ отнесеніемъ расхода по содержанію сей параллели на спеціальныя средства гимназіи.

IV. ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

14-го августа 1881 года (№ 7-в). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вериге — деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, на три года.

Экстраординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лица Исаевъ — ординарнымъ профессоромъ сего лица по политической экономіи, съ 22-го іюля 1881 года.

Исполняющій обязанности инспектора Новгородсѣверской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Фирсовъ — директоромъ сей гимназіи.

Директоръ Θεодосійскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ Лагоріо — директоромъ Полтавскаго реальнаго училища.

Исправляющій должность преподавателя Московской первой военной гимназіи коллежскій совѣтникъ Хайновскій — директоромъ содержимаго имъ въ Москвѣ реальнаго училища, съ 10-го іюля 1881 года.

Инспекторъ Вѣльской мужской прогимназіи, преобразованной изъ четырехклассной въ шестиклассную, коллежскій совѣтникъ Розановъ — директоромъ сей прогимназіи, съ 1-го іюля 1881 года.

Потомственный почетный гражданинъ Лушниковъ, первой гильдіи купцы: Корзухинъ, Переваловъ, Молчановъ, Коконинъ, второй гильдіи купцы: Сердюковъ и Сибиряковъ — членами попечительства Троицкосавскаго реальнаго училища, по 1-е іюля 1883 года.

Назначаются: доцентъ Демидовскаго юридическаго лица Тальбергъ — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора сего лица по уголовному праву, съ 22-го іюля 1881 года.

Кяхтинскіе купцы: Осокинъ, Шишмаковъ и Сахаровъ — членами попечительства Троицкосавскаго реальнаго училища, на три года.

Опредѣляются на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: кандидаты Императорскаго С.-Петербургскаго университета Матвѣй Соколовъ и Вильгельмъ Регель, первый — съ 1-го іюля 1881 года, съ назначеніемъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, по предмету русской словесности, а второй — съ 31-го іюля 1881 года, съ причисленіемъ къ министерству народнаго просвѣщенія.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія: чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ V класса по дѣламъ почтоваго управленія, въ званіи камеръ-юнкера, статскій совѣтникъ Хрущовъ, съ опредѣленіемъ членомъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по рассмотрѣнію книгъ, выдаваемыхъ для народнаго чтенія, и съ остав-

леніемъ на службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ, съ 17-го іюня 1881 года.

Оставляются на службѣ на два года: директоръ Тверской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фресе, съ 31-го іюля 1881 года.

На два съ половиною года: директоръ народныхъ училищъ Бессарабской губерніи дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ, съ 26-го іюля 1881 года.

На пять лѣтъ: директоръ народныхъ училищъ Олонецкой губерніи дѣйствительный статскій совѣтникъ Соколовъ, съ 10-го іюня 1881 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, коллежскій совѣтникъ Демченко, съ 11-го іюля 1881 года.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, тайный совѣтникъ Митюковъ, съ 31-го іюля 1881 года.

Директоръ народныхъ училищъ Орловской губерніи, статскій совѣтникъ Дружининъ, съ 3-го августа 1881 года.

Директоры гимназій: Самарской, статскій совѣтникъ Соколовъ и Астраханской, статскій совѣтникъ Рубцовъ и директоръ Сарapulьскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Позняковъ, всё трое съ 10-го августа 1881 года.

Командируется съ ученою цѣлю: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Загоскинъ — на два мѣсяца въ Москву.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на восемь дней: директоръ Гомельской прогимназіи, статскій совѣтникъ Трофимовъ— въ разныя губерніи.

На шестнадцать дней: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, членъ ученаго комитета сего министерства, статскій совѣтникъ Игнатовичъ—въ Тульскую губернію.

На двадцать четыре дня: ректоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рахманновъ—въ разныя губерніи.

На двадцать восемь дней: директоръ Могилевской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Ставровичъ— въ разныя губерніи.

На мѣсяцъ: директоръ Житомирской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сорокинъ—въ Черниговскую и Волинскую гу-

бернн, директоръ Минской дирекціи народныхъ училищъ, коллежскій совѣтникъ Тимоѣевъ—въ гор. Аренсбургъ и С. Петербургъ и помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій регистраторъ Трапезниковъ—въ разныя губерніи.

На мѣсяцъ и три дня: директоръ Виленской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Балвановичъ—въ разныя губерніи.

На мѣсяцъ и семь дней: директоръ Курской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Жаворонковъ—въ Крымъ, по болѣзни.

На мѣсяцъ и двадцать дней: директоръ народныхъ училищъ Самарской губерніи, статскій совѣтникъ Никольскій—въ Саратовскую губернію по болѣзни.

На мѣсяцъ и двадцать три дня: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія Хабаровъ—въ гор. Витебскъ.

На два мѣсяца: директоръ народныхъ училищъ Вологодской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Левицкій—въ разныя губерніи.

На двадцать девять дней сверхъ лѣтнаго вакаціоннаго времени 1881 года: директоръ Екатеринбургскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Балдинъ—въ разныя губерніи.

За границу: на двадцать восемь дней: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, коллежскій совѣтникъ Шмальгаузенъ и почетный смотритель Московскаго 2-го городского училища, надворный совѣтникъ Гивартовскій.

На два мѣсяца: бібліотекари Императорской Публичной Библиотеки: дѣйствительный статскій совѣтникъ Стасовъ и статскій совѣтникъ Страховъ и исправляющій должность управляющаго Болградскою гимназіею Ивановъ.

На пятьнадцать дней сверхъ лѣтнаго вакаціоннаго времени 1881 года: начальница женской гимназій въ гор. Харьковѣ Оболенская.

На три мѣсяца: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Боровдинъ, по болѣзни.

Отчисляется отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленный къ сему министерству, титулярный совѣтникъ Терне, съ 22-го іюня 1881 года, по случаю причисленія его къ министерству государственныхъ имуществъ.

Увольняются: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сабя-

нинъ, согласно прошенію, отъ должности декана физико-математическаго факультета сего университета.

Ординарный профессор Казанскаго ветеринарнаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Зейфманъ, согласно прошенію, отъ настоящей должности.

Директоръ Владивостокской прогимназіи Сибиряковъ—отъ сей должности, согласно прошенію, съ 1-го іюля 1881 года.

Помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, губернской секретарь Зининъ, согласно прошенію, отъ службы, съ 1-го іюля 1881 года.

Директоръ Екатеринбургской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ — отъ службы, согласно прошенію, съ 11-го іюля 1881 года.

Директоръ народныхъ училищъ Нижегородской губерніи, статскій совѣтникъ Овсянниковъ—отъ службы, за выслугою срока, съ 11-го іюля 1881 года.

Директоръ Витебской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шефлеръ и директоръ Полтавскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Юшковъ—отъ службы, за выслугою срока, въ нихъ первый съ 10-го августа 1881 года, съ дозволеніемъ обонимъ носить въ отставкѣ мундирные полукафтаны, послѣднимъ должностямъ присвоенные.

Помощникъ журналиста департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Елифановъ — отъ службы, согласно прошенію, съ 1-го августа 1881 года, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: попечителю Трехбратавскаго сельскаго училища, Рославльскаго уѣзда, Смоленской губерніи, мѣстному землевладѣльцу Пенскому—за усердіе къ дѣлу народнаго образованія.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:

— Книгу С. Julii Caesaris Commentarii de bello Gallico. Текстъ съ

объяснительнымъ словаремъ и приложеніемъ карты Галліи. Издаѣтъ для употребленія въ гимназіяхъ М. Влюсь. Москва, 1881 г. — допустить въ гимназіи въ качествѣ учебнаго пособия.

— Книгу: „Этимологія русскаго языка, для низшихъ классовъ гимназій (примѣнительно къ правописанію). Составили А. Киричниковъ и Ѳ. Гиларовъ. Изданіе 16-е. Москва, 1882 г. Цѣна 40 коп.“ — одобрить какъ руководство по русскому языку для среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу „Систематическій курсъ ариметики. Часть I. Цѣлыя числа. Составилъ Ѳ. В. Геде. Второе передѣланное изданіе. С-Петербургъ, 1881 г. Цѣна 45 коп. Часть II. Дробныя числа, отношенія пропорціи и тройныя правила. Составилъ Ѳ. В. Геде. Второе передѣланное изданіе. С.-Петербургъ, 1881 г. Цѣна 45 коп.“ — допустить какъ учебное пособие для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Начала космографіи. Съ политипажами въ текстѣ и палитографированной таблицей. Составилъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ К. Краевичъ. Изд. 3-е. С.-Петербургъ, 1881 г. Цѣна 1 руб.“, — включить въ число учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „О семьѣ. Чтеніе для народа. Мужьямъ о женахъ. Чтеніе первое, священника В. Пѣцова (произнесено въ аудиторіи Солнаго городка). Изданіе второе. С.-Пб., 1880 г. Цѣна 10 коп.“ — одобрить для библиотекъ народныхъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу, составленную Г. Воденелемъ (Vaudenelle Verviers. 1881): „La Gymnastique pedagogique pour garçons, à l'usage des écoles primaires, moyennes et normales etc.“ — рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— 1) Книги: „Плоская тригонометрія“, для употребленія въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Составилъ К. Гехель, докторъ математики въ Дерптѣ. Изданіе 2-е. Дерптъ и Рига, 1880 г. Цѣна въ переплетѣ 60 к., — одобрить какъ учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній.

— 2) „Книга упражненій въ латинской грамматикѣ съ этимологическимъ вокабуляріемъ для учениковъ II и III классовъ гимназій и прогимназій. Издаѣтъ С. Блажевскій. Москва, 1881 г., — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для низшихъ классовъ гимназій и про-

— 3) „Учебник Русской исторіи“ для III класса женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія, для II класса городскихъ училищъ, для приготовительнаго класса учительскихъ семинарій и иныхъ учебныхъ заведеній съ соответствующимъ курсомъ отечественной исторіи, Составилъ Н. Баженовъ, преподаватель Кронштадтскаго реальнаго училища и Техническаго училища морскаго вѣдомства. Кронштадтъ. 1881 г. цѣна 50 к.,—одобрить въ видѣ учебнаго пособия для высшихъ классовъ женскихъ гимназій, а также городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій.

— 4) „Жизнь и сочиненія Горація“. Литературный очеркъ Лукіана Миллера. С.-ПВ. 1880 г.—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособия для высшихъ классовъ гимназій.

— 5) Брошюру: „Богатства Сѣвера“. Экономическое изслѣдованіе Викентія Журавскаго. Нижній-Новгородъ 1875 г.—рекомендовать основными бібліотекамъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и учительскихъ семинарій.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:—книгу „Объяснительное чтеніе. Статьи для первоначальнаго заветія русскимъ языкомъ. Назначается для городскихъ и начальныхъ школъ и для первыхъ двухъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ Ѡ. Г. Савенко. Воронежъ 1881 г., цѣна 80 к., допустить какъ учебное пособие для городскихъ начальныхъ училищъ.

— Брошюру: „Азбука копѣйка“, 1878 г. С.-Петербургъ,—допустить для употребленія въ начальныхъ народныхъ школахъ.

— Книгу: „Вережь и трудъ“ краткое руководство политической экономіи (по Блоку) Н. А. Тивенгаузена С.-Петербургъ 1881 г. цѣна 40 к., допустить въ бібліотеки начальныхъ народныхъ училищъ, городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій.

— Составленію г. К. Петровымъ книгу: „Краткое описаніе Олонецкой губерніи“ (роднiovѣдѣніе) Петрозаводскъ 1881 г. ц. 25 к.,

одобрить какъ учебное пособіе для учебныхъ заведеній Олонецкой губерніи, въ которыхъ преподается географія.

— Книгу: 1) „Христосъ“. Священная поэма изъ св. Евангелія, въ стихахъ. Изданіе 1-е. Москва 1880 г. Цѣна 1 руб. составилъ Самойло“, 2) „О томъ какъ подобааетъ православнымъ христіанамъ проводить дни престольныхъ и нарочитыхъ праздниковъ. Простонародныя бесѣды св. Іоанна Милосвидова изд. 1-е Москва 1879 г.—допустить въ бібліотеки городскихъ училищъ и начальныхъ сельскихъ и городскихъ школъ.

— Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, рассмотрѣвъ изданныя редакціею журнала „Досугъ и дѣло“ книги: 1) „Краткое изъясненіе Вожеественной литургіи“. Составлено священникомъ Іоанномъ Никольскимъ. С.-ПБ. 1876 г. и 2) „Житіе святыхъ угодниковъ“ С.-ПБ. 1879 г. мѣніемъ своимъ, утвержденнымъ г. управляющимъ министерствомъ и согласно съ заключеніемъ учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, призналъ возможнымъ одобрить означенныя книги для бібліотекъ начальныхъ народныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Вслѣдствіе представленій начальства Варшавскаго учебнаго округа министерство народнаго просвѣщенія, утвердило съ огражденіемъ правъ третьихъ лицъ, значащіяся, въ формально опубликованныхъ домашнихъ духовныхъ завѣщаніяхъ, и дарственныхъ актахъ, отказы: 1) бывшаго законоучителя Варшавскихъ начальныхъ училищъ ксендза Іосифа Билинскаго отъ 6-го и 18-го января 1879 г., 2,100 р. въ пользу стипендіальнаго фонда для двухъ учениковъ гимназіи или прогимназіи, изъ семи поименованныхъ въ завѣщаніи его фамилій, по выбору существующаго при митрополитальномъ костелѣ св. Іоанна литературнаго братства и 300 руб. въ пользу Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, 2) настоятеля прихода Огородзенець, Ксендза Войцѣха Фричъ, отъ 15-го 27-го сентября 1880 г., 7,500 р. въ закладныхъ листахъ земскаго кредитнаго общества въ пользу института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, 3) Гортеніи Ярочевской, отъ 13-го октября 1880 г., 3,300 р. въ пользу стипендіальнаго фонда для семейства Галчинскихъ, 4) Ивана Вржезинскаго, отъ 19-го октября 1879 г.

15,000 р. на обученіе несостоятельныхъ молодыхъ людей ремесленнаго класса, польскаго происхожденія и римско-католическаго вѣроисповѣданія, ремесла: столярному, плотничному, слесарному, кузнечному, сапожному и портняжному на указанныхъ завѣщателемъ условіяхъ, 5) Станислава Шуберскаго, отъ 8-го 20-го декабря 1876 г., 450 р. въ пользу института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ; 6) Ивана Добошинскаго отъ 13-го и 25-го сентября 1880 года для раздѣла между земледѣльческимъ пріемомъ, институтомъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ и стипендіальнымъ фондомъ, для учениковъ Варшавскихъ учебныхъ заведеній римско-католическаго исповѣданія, половины оставшагося послѣ завѣщателя капитала, по уплатѣ изъ онаго откупа въ 300 р. въ пользу его сестры; 7) Валентія Станчужовскаго отъ 15-го мая 1877 г., 150 руб. въ пользу студентовъ Варшавскаго университета и 15 руб. въ пользу института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ; 8) Игнатія Цишевскаго, отъ 23-го апрѣля 1880 г., 4,000 руб., для образованія изъ процентовъ съ этой суммы стипендіи для одного изъ посвящающихъ себя скульптурѣ, по выбору общества поощренія художествъ въ царствѣ Польскомъ и 9) Ивана Боровскаго отъ 3-го и 4-го сентября 1880 г., 2,150 р. и движимаго имущества и капиталовъ, оставшихся послѣ завѣщателя, за удовлетвореніемъ издержекъ по похоронамъ и другихъ расходовъ, въ пользу стипендіальнаго фонда для ученика, ученицы и студента изъ фамилій указанныхъ въ завѣщаніи.

8-го сентября текущаго года открыта въ г. Стародубѣ четырехъ-классная мужская прогимназія, на первое время въ составѣ первыхъ двухъ классовъ.

МАКАРІЙ МИТРОПОЛИТЪ ВСЕЯ РОССІИ ¹⁾.

VI.

Съ расширеніемъ предѣловъ и власти московскаго князя, Судебникъ, составленный при Іоаниѣ III, не могъ соотвѣтствовать уже требованіямъ времени. Жизнь общества двинулась впередъ, уяснились юридическія понятія, слѣдствіемъ чего явилась необходимость изданія новыхъ законовъ и замѣны старыхъ. Іоаниѣ обратилъ вниманіе на это обстоятельство и въ 1550 г. „благословясь у митрополита пересмотрѣть и исправить Судебникъ по старинѣ“ ²⁾, повелѣлъ заняться уложеніемъ новаго. Есть нѣкоторыя указанія на участіе Макарія при составленіи новаго судебника. Въ 1550 г. царь Іоаниѣ съ митрополитомъ и боярами приговорилъ в нарядѣ служебный велѣлъ написать, гдѣ бытъ на его службѣ боярамъ и воеводамъ по полкамъ. Это постановленіе ограничило случаи мѣстничества и дало возможность и людямъ незнатнаго происхожденія имѣть вліяніе на ходъ войны. Въ томъ же году Макарій ѣздилъ во Владиміръ и тамъ уговаривалъ воеводу прекратить мѣстническіе споры. Безспорно участіе митрополита въ вопросахъ, касавшихся духовенства. Къ такимъ вопросамъ нужно отнести установленіе предѣловъ святительскаго суда, постановленіе о наложеніи эпитиміи на христіанъ, нарушившихъ клятву, данную въ плѣну—не спасаться бѣгствомъ, о духовныхъ за-

¹⁾ Окончаніе. См. октябрьскую книжку текущаго года.

²⁾ Карамзинъ, VIII, 182 (пр.), Стоглавъ (Кож.), 39.

вѣщаніяхъ, которыя тогда подлежали вѣденію духовенства и т. п.¹⁾ Есть свидѣтельство о томъ, что за разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ иногда обращались къ митрополитскимъ боярамъ.

Составленіе новаго Судебника представляетъ какъ бы приступъ къ цѣлому ряду мѣръ, къ устраненію ненормальныхъ сторовъ внутренней жизни русскаго общества 16-го столѣтія. Дѣйствительно, въ 16 столѣтіи замѣтно стали рушиться традиціи старины, отцами и дѣдами положенныя въ основу общественныхъ отношеній. Новые понятія и взгляды не могли мириться съ старинными формами, но и сами они не вносили ничего цѣльнаго въ жизнь, слѣдствіемъ чего и была та путаница нравственныхъ правилъ и воззрѣній, отъ которой несвободны даже лучшіе люди русскаго общества 16-го столѣтія.

Главной причиною такой неурядицы былъ весьма низкій уровень образованія. Нечего и говорить о народной массѣ, когда въ лучшей части общества истинное благочестіе было замѣнено вѣвшей стороной религіи, на нравственность смотрѣли какъ на средство для достиженія практическихъ цѣлей. Отсутствие просвѣщенія повлекло за собой множество заблужденій даже среди высшаго духовенства, какъ, напримѣръ, смѣшеніе каноническихъ и апокрифическихъ книгъ; даже само св. писаніе не оставалось безъ перемѣнъ, часто совѣтъ искажавшихъ его смыслъ. Въ то же время въ обществѣ господствовало полнѣйшее поклоненіе силѣ: обману, грабежи, насилію, разбойничеству и тому подобныя преступленія даже не считались таковыми и лица, особенно отличавшіяся на этомъ поприщѣ, дѣлались часто примѣрами для подражанія, какъ образцы молодечества.

Но однако мы видимъ, что государство не пало: напротивъ, оно выдержало страшный напоръ враговъ и послужило здоровымъ основаніемъ при образованіи могущественнѣйшей имперіи; это объясняется тѣмъ, что хотя общество вслѣдствіе неблагоприятныхъ историческихъ условій и было на краю гибели, но въ немъ коренилось еще много здоровыхъ началъ, которыя и помогли ему выйти на настоящую дорогу. Такъ въ обществѣ не заглохло еще совѣтъ сознаніе своихъ недостатковъ и оно не переставало проявлять это сознаніе въ лицѣ своихъ передовыхъ людей, которые не желали мириться съ современнымъ имъ положеніемъ дѣлъ, чувствовали всю ненормальность такого положенія и невозможность прогресса при такихъ условіяхъ. Хотя эти люди, будучи дѣтьми своего времени и общества, не всегда

¹⁾ Судебникъ, § 91 (Ист. А. 1—245), Карамзинъ, IX, 268.

указывали надлежащія мѣры къ его исправленію, но одно ихъ отрицательное отношеніе къ современности даетъ имъ право стать на ряду съ лучшими дѣятелями русской исторіи. Въ описываемую нами эпоху къ числу такихъ дѣятелей, кромѣ иностранца Максима Грека, нужно причислить Іоанна IV и митрополита Макарія. Свои воззрѣнія на современное имъ положеніе дѣль они высказали въ такъ называемомъ Стоглавѣ — постановленіяхъ Стоглаваго собора, главными участниками котораго они были.

Стоглавный соборъ былъ созванъ въ 1551 г., и засѣданія его открылись 23 февраля „въ царскихъ палатѣхъ“. Предсѣдательствовали митрополитъ Макарій, членами были: архіепископы Θεодосій Новгородскій, Никандръ Ростовскій, епископы Кассіанъ Рязанскій, Авакій Тверской, Кипріянь Перискій, Θεодосій Коломенскій, Трифонъ Суздальскій, Гурій Смоленскій, Савва Сарскій, архимандриты, игумены и многихъ честныхъ монастырей строители. Нужно замѣтить, что четверо изъ епископовъ—именно Смоленскій, Новгородскій, Тверской и Сарскій были Іосифовы постриженники ¹⁾, а изъ остальныхъ епископовъ только Кассіанъ Рязанскій извѣстенъ былъ какъ приверженецъ противной Іосифлянамъ партіи.

Рѣшенія собора носили первоначально названіе „царскіе вопросы и соборные отвѣты о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ“; изъ этого заглавія уже видно, что они состоятъ изъ вопросовъ, приписываемыхъ царю, и отвѣтовъ, данныхъ отъ лица собора.

Стоглавный соборъ былъ открытъ двумя рѣчами царя, въ которыхъ онъ преимущественно обращаетъ вниманіе на бѣдствія, претерпѣвныя русской землей во дни его юности, обвиняетъ бояръ и вельможъ, которые бѣднымъ христіанамъ великое насильство чинили, облачаютъ ихъ въ гордости, корыстолюбіи, зависти, распутствѣ и другихъ порокахъ и въ концѣ первой своей рѣчи проситъ соборъ указать средства къ исправленію церковнаго и земскаго настроенія; во второй рѣчи онъ предлагаетъ святителямъ рассмотреть и утвердить Судебникъ. Затѣмъ царь представилъ собору рядъ вопросовъ (37 первыхъ и 32 вторыхъ), въ которыхъ указываетъ на различные безпорядки, происшедшіе въ обществѣ отъ того, „что пошаталися прежніе обычаи и въ самовластіи учинено по своимъ волямъ и прежніе законы порушени“. Безпорядки, указанные царемъ, относятся ко всѣмъ сторонамъ тогдашней жизни: поведеніе духовенства и мірянъ,

¹⁾ Лом. Р. лит. и др., V, Чалобитная св. Леониды.

отношеніе церкви къ государству, іерархія, богослуженіе, народныя безчинства и суевѣрія и т. п.

Митрополитъ Макарій утверждаетъ ¹⁾, что составленіе этихъ вопросовъ нельзя приписать царю, что молодой царь не могъ обладать такими обширными свѣдѣніями, какія находимъ мы въ вопросахъ, и что ему нужно только приписать честь осуществленія мысли его совѣтниковъ, преимущественно Макарія. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя однако вполне согласиться. Мысль о созваніи собора и честь осуществленія ея одинаково принадлежатъ Макарію и Іоанну. Соборы съ давнихъ поръ считались въ русской землѣ необходимыми средствомъ для обсужденія положенія дѣлъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что и на этотъ разъ царь и митрополитъ рѣшились прибѣгнуть къ обычному средству. Что Іоаннъ не ограничился только тѣмъ, что далъ ходъ дѣлу, видно изъ того горячаго участія, которое онъ принималъ въ разсматриваемыхъ вопросахъ, какъ, напримѣръ, о церковныхъ вотчинахъ, о подсудности духовенства и т. п.; подтвержденіе этого мы находимъ и въ 98 и 101 главахъ Стоглава, гдѣ приводятся совѣщанія Макарія съ царемъ. Нельзя также сомнѣваться въ томъ, что Іоаннъ обладалъ тѣми обширными свѣдѣніями, которыя обнаружены въ вопросахъ, особенно относительно церковныхъ обрядовъ и мельчайшихъ подробностей богослуженія. Московскіе великіе князья и цари вообще отличались знаніемъ церковной обрядности, а Іоаннъ IV въ особенности. Извѣстно, что онъ весьма любилъ вступать въ богословскія пренія съ иностранцами (Посевинъ, Рокита, Бакгорнъ и др.) и своими свѣдѣніями въ вопросахъ религіозныхъ приводилъ ихъ въ изумленіе.

Стремленіе царя къ изображенію отрицательной стороны жизни можно видѣть еще въ рѣчи его, произнесенной къ выборнымъ земли Русской. Въ посланіи Іоанна въ Кирилловъ Вѣлоозерскій монастырь есть множество указаній на недостатки монашеской жизни, которая, очевидно, должна была быть ему хорошо извѣстна. Наконецъ, еще болѣе указаній на темныя стороны жизни замѣчаемъ мы въ извѣстной рѣчи его къ духовенству въ 1575 году. Съ беспорядками мѣстными, суевѣріями и т. п. царь могъ ознакомиться въ своихъ многочисленныхъ путешествіяхъ, о чемъ онъ и самъ упоминаетъ въ 34 вопросѣ, „какъ если быль въ Великомъ Новѣградѣ и Псковѣ“ (Кож., 56 стр.).

Но, не отвергая участія царя въ составленіи вопросовъ, нельзя

¹⁾ Ист. р. Церк., VI, 239.

однако вполнѣ ихъ приписывать ему. Въ вопросахъ есть много данныхъ, указывающихъ на то, что и Макаріій принималъ большое участіе въ ихъ составленіи. Въ нихъ весьма часты, напримѣръ, такіа указанія на порядки и обычаи Новгородской епархіи ¹⁾, какія могли дать только человекъ, весьма близкій къ этимъ мѣстамъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ вопросы, которые уже были затронуты Макаріемъ въ Новгородѣ, напримѣръ, въ 9 вопросѣ (объ игуменахъ) недостатки игуменовъ указываются тѣ же, что и въ уставной грамотѣ св. Духову монастырю, въ 18—о пьянствѣ монаховъ, въ 37—о мужско-женскихъ монастыряхъ, во вторыхъ 12-хъ о духовникахъ монахахъ въ женскихъ монастыряхъ и т. п.

Отвѣты на царскіе вопросы отъ лица всего собора составлены, какъ можно заключать по изложенію, нѣсколькими лицами, но главная редакція всего Стоглава и бѣльшая часть отвѣтовъ безспорно принадлежитъ митрополиту Макарію. Онъ былъ не только по своему сану первоприсутствующимъ на соборѣ, но и дѣйствительно по образованію и начитанности стоялъ выше всѣхъ другихъ членовъ, болѣе всѣхъ былъ знакомъ съ церковными законами, и потому естественно имѣлъ преимущественное вліяніе при составленіи и формулированіи соборныхъ рѣшеній. Кроме того, въ этомъ убѣждаетъ насъ сличеніе многихъ мѣстъ Стоглава съ сочиненіями Макарія, явившимися раньше собора. Такъ 8 и 33 главы часто представляютъ выдержки изъ посланія Макарія въ Сызжскъ ²⁾, 52 глава—изъ посланія къ царю въ Базань ³⁾, постановленія собора о церковныхъ вѣмствахъ основываются на тѣхъ же данныхъ, какія мы находимъ въ „Отвѣтѣ“ Іоанну, писанномъ раньше соборнаго постановленія ⁴⁾. Въ 35 главѣ, въ которой помѣщенъ „указъ поповскимъ старостамъ“, постоянно встрѣчаются указанія на Московскій Успенскій соборъ (Пречистая соборная), вмѣсто общаго указанія на „святителя“ встрѣчается „митрополитъ“, такъ что вполнѣ естественно предположить, что указъ былъ сначала составленъ для московскихъ старостъ Макаріемъ и затѣмъ на соборѣ принятъ былъ за общее руководство и помѣщенъ въ постановленіяхъ

¹⁾ Вопросы первые: 11, 18, 34, 36; вторые 12, 14, 15, 18 и др. Въ 12 вопросе, напримѣръ, просаиряи, сами совершающіа колѣтамъ надъ просопрами, сравниваются съ чуждыми арбуни.

²⁾ Акт. Ист. 287, Стогл. 36, 37, 100.

³⁾ Акт. Ист. 290, Стогл. 174.

⁴⁾ Лѣт. Р. Л. и Др. V, III, 126; Стогл., 230.

въ первоначальномъ видѣ ¹⁾). Даже современники признавали Макарія главнымъ составителемъ Стоглава, что видно изъ того, что многія отдѣльныя главы изъ Стоглава въ рукописяхъ приписываются ему ²⁾). Даже весь Стоглавъ носилъ названіе Соборнаго Уложенія царя Ивана Васильевича и митрополита Макарія, какъ это видно изъ одной грамоты Троицкаго монастыря 1555 года ³⁾).

Стоглавъ имѣлъ цѣлю указать тѣ нравственныя язвы, которыми страдало Русское государство, и дать средства къ излеченію этихъ язвъ. На сколько рекомендованныя Стоглавомъ средства были цѣлесообразны и спасительны, объ этомъ поговоримъ послѣ, а теперь займемся вопросомъ, въ чемъ видѣли составители собора эти язвы, или повсѣпавшія стороны современной имъ жизни, и что считали средствами, могущими ихъ уничтожить.

Касаясь преимущественно церковно-юридическихъ вопросовъ, Стоглавъ не оставлялъ безъ вниманія и обыкновенныхъ явленій народной жизни, ея нравовъ и обычаевъ, казавшихся ему ненормальными. Больше всего останавливали на себѣ вниманіе его составителей вопросы о правѣ монастырей владѣть населенными землями, о духовномъ судѣ и администраціи, о поставленіи священниковъ, объ образованіи и др., которыми теперь и займемся.

Древній складъ русской жизни вызвалъ особое направленіе народнаго духа—мистико-аскетическое. Направленіе это выразилось какъ въ особыхъ взглядахъ на жизнь, такъ и въ высшей степени сочувственномъ отношеніи къ представителямъ идеи аскетизма—монахамъ. Однимъ изъ проявленій этого сочувствія былъ надѣлъ монастырей недвижимою собственностью, который практиковался съ первыхъ же временъ появленія на Руси монашества. Доброхотныя даянія способствовали накопленію въ монастыряхъ движимыхъ и недвижимыхъ богатствъ, которыя, вмѣстѣ съ обширными привилегіями, получаемыми отъ правительства, давали возможность расширять свои владѣнія и привлекать на монастырскія земли крестьянъ; такимъ образомъ монастырскія владѣнія до того увеличились, что въ вѣкъ Стоглава, по отъѣзду одного иностранца (Адама Клементя), монастыри владѣли третьею частью всей тогдашней Россіи. Такое накопленіе богатствъ въ монастыряхъ, какъ съ одной стороны не могло не остаться безъ

¹⁾ Ждановъ, Матеріалы к. Ст. Соб., 300.

²⁾ Силарета, 132; Макарій, VI, 236—237; Ждановъ 220.

³⁾ Акт. Всп., 1, 266.

пагубнаго вліянiя на монашескую жизнь, такъ съ другою не могло быть прiятно для свѣтскаго правительства, вслѣдствіе чего въ XV и XVI столѣтіяхъ стало появляться много протестовъ противъ такого порядка вещей. Начало положилъ Іоаннъ III, завладѣвшій въ 1477 г. частью епископскихъ и монастырскихъ имуществъ Новгородѣ. Въ 1503 г. онъ велѣлъ разсмотрѣть собору, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть землями; противъ владѣнія вооружились ревнители древняго отшельничества; но, не смотря даже на сочувствіе царя, они должны были уступить Іосифу, выставившему такіа историческія и юридическія основанія и свято-отческія преданія, что великому князю оставалось только отказаться отъ своего намѣренія. Такимъ образомъ, дѣло оставалось неразрѣшеннымъ до времени Стоглаваго собора, когда его опять выдвинули на сцену.

Іоаннъ IV, подобно дѣду своему, былъ противъ владѣнія монастырей имуществами. Возникновенію такого взгляда главнымъ образомъ способствовали государственные интересы; но не оставались безъ послѣдствія и убѣжденія партіи, противной іосифлянамъ, которая тогда еще пользовалась большимъ вліяніемъ на государя. Царь, какъ видно, хотѣлъ окончательно рѣшить этотъ вопросъ на соборѣ, и не въ пользу Іосифлянъ, но такому намѣренію его всѣми силами воспротивился Макаріей. Лишить монастыри и вообще все высшее духовенство его матеріальныхъ средствъ, по его мнѣнію, значило уничтожить одну изъ важнѣйшихъ основъ церковнаго благочестія, поколебать все стройное зданіе, столь долго и съ такими усиліями созидаемое его предшественниками. Подобно одному изъ нихъ, митрополиту Симону, онъ рѣшился возстать противъ своего государя и въ особомъ посланіи категорически изложилъ свои мнѣнія. Посланіе это носитъ названіе „Отвѣтъ Макарія, митрополита всея Русіи отъ божественныхъ правилъ святыхъ апостоловъ и отецъ седми соборовъ и помѣстныхъ.... и отъ заповѣдей святыхъ православныхъ царей къ благолюбивому царю и великому князю Ивану Васильевичу о недвижимыхъ щехъ, вданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ“¹⁾.

Отвѣтъ начинается воззваніемъ къ царю слушать и внимать скажному и затѣмъ, разсудивъ, избрать душеполезная и вѣчная, а бѣдная и мимотекущая міра сего полагать ни во что, такъ какъ онъ переходяща; вѣчны только добродѣтель и истина. За этимъ энергическимъ вступленіемъ слѣдуетъ изложеніе историческихъ и юриди-

¹⁾ Лавр. Р. Л., V, III, 129.

чeskихъ основаній, могущихъ имѣть обязательную силу для государъ. Сначала идутъ указанія на царей греческихъ. Отъ перваго христіа слаго царя Константина ни одинъ греческій царь не осмѣлился отвѣтъ у церквей и монастырей вѣданныхъ имъ въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ недвижимыхъ и движимыхъ вещей, боясь осужденія отъ Бога св. апостолъ и отецъ седми соборовъ страшныя, грозныя и великія ради заповѣди. Ибо по внушенію св. Духа отцы соборовъ возгласиша „если какой-нибудь царь или князь похититъ, или возьметъ вѣданыя церквамъ и монастырямъ недвижимыя вещи, тотъ отъ Бога осудится, какъ святотатецъ, а отъ св. отцевъ проклятъ на вѣки“. потому греческіе цари не только не отнимали, а напротивъ сами и рили, какъ, напримѣръ, Константинъ папѣ Сильвестру. Затѣмъ слѣдуетъ известная подложная грамота папѣ Сильвестру, которая помѣщена и въ Стоглавъ (60 гл.). Равнымъ образомъ, продолжаетъ Макарий, и въ Россіи отъ перваго прадѣда царскаго св. Владиміра и Іоанниова христіолюбиваго царства всѣ русскіе цари, боясь наказанія отъ Бога, не смѣли коснуться церковныхъ имуществъ, но сами и движимыя вещи въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ имъ вѣдали. Св. Владиміръ назначилъ церкви десятую часть, и въ завѣщаніи (которое цѣлится здѣсь и въ 62 гл. Стоглава цѣлкомъ) проклялъ всѣхъ и ршающихъ права церкви. Подобно ему князь Андрей Боголюбскій другіе князья давали „многы имѣнія и слободы и з данныи, и се лучшія и даны и десятину во всемъ и въ стѣдахъ своихъ и тор десятинъ во всемъ своемъ царствѣ“, и Божиимъ милосердіемъ всѣ и жалованія въ святѣйшей митрополіи русской и до сего дня никѣ недвижимы и невредимы сохраняются; если иногда и оскорбляютъ злыми людьми, то по волѣ Бога опять наполняются, потому что это посвящено Богу, и никто не можетъ оскорблять или поколебать церковь Божию: она выше и тверже небесъ, шире земли, глубже морей, свѣтлѣе солнца и основана на камнѣ, сирѣчь на вѣрѣ Христоваго кона. Даже невѣрные и нечестивые цари монгольскіе не отнимали ничего у св. церквей, но давали ярлыки св. митрополитамъ съ великимъ запрещеніемъ, чтобъ церковныя имущества ни отъ кого не отданы и недвижимы были до скончанія царства ихъ (слѣдуетъ ярлыкъ Узбека, данный митрополиту Петру).

„Коль же паче слѣдуетъ тебѣ, благочестивый государь, показавъ свою вѣру къ Богу и тщаніе къ монастырямъ и церквамъ и не отвѣтъ у нихъ имѣній, но подавать. Ибо тебя паче всѣхъ царей Божіихъ возвысилъ и почтилъ: ты единовластный царь во всемъ великомъ Р

ійскомъ царствѣ и самодержецъ и знаешь хорошо Христовъ законъ св. отецъ заповѣди „вся тебѣ божественная писанія въ конецъ будущу и на языкѣ носящу“.

Затѣмъ отъ представителей свѣтской власти Макаріи переходитъ къ представителямъ духовной. И имъ тожѣ на всѣхъ соборахъ запрещено продавать или отдавать недвижимыя стѣжаниа церковныя. „Если какой-нибудь святитель, или игуменъ, или монахъ дерзнетъ продать ли отдать церковныя недвижимыя вещи“, говоритъ правило вселенскихъ соборовъ, „князю или вельможамъ земли своей, то продажа не считается дѣйствительною, а продавшіе будутъ осуждени св. Троицею устроени идѣже червь не умираетъ и огнь не угасаетъ, потому что гласу Господню противятся глаголющу: не творите Отца моего ому купленнаго моего“.

Правило это соблюдали всѣ греческіе и русскіе митрополиты, „тѣмъ болѣе подобаетъ мнѣ смиренному, хотя недостойному такого святельскаго сана, даже не осмѣлиться таковая страшная дратья или помыслити уступить или продать, что нибудь изъ церковныхъ имущества. Не буди того и до послѣдняго нашего надыханія и избави зѣихъ насъ, всесильный Боже, и сохрани отъ такого законо-преступленія и не допусти бытъ тому не только при насъ, но и послѣ насъ. Не удивляйся мнѣ словамъ, царь: какъ св. отцы уставили и заповѣдали, такъ и мы мудрствуемъ и до послѣдняго своего надыханія. Мы всѣ люди, плавая въ „многомѣльномъ“ семъ морѣ, не знаемъ, что будетъ съ нами, но боимся намъ слѣдуетъ только небеснаго серна, который видѣлъ пророкъ Захарія, уготованнаго на всѣхъ обидящихъ, неправедно судящихъ и нарушающихъ клятвы. Я во время своего рукоположенія среди церкви предъ тобою, царь, и всѣмъ народомъ клялся „судьбы, оправданія и законн наши хранить и предъ цари за правду не стыдиться“, а если мнѣ теперь и понуженіе будетъ отъ самого царя или вельможъ его говорить что нибудь не по божественнымъ правиламъ, то не послушаю ихъ, даже если и смертью претать“. И потому прошу и умоляю твое царское величество и много со слезами челомъ бью, не вели взяти у Богородицы и святыхъ чудотворцевъ изъ дому тѣхъ недвижимыхъ вещей“.

Это прекрасно составленное и съ необычайной энергіей и твердостью написанное посланіе представляетъ весьма рѣдкое явленіе въ оевай русской литературѣ. Оно произвело сильное впечатлѣніе на ря Ивана Васильевича, и вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ былъ едложенъ собору совершенно не въ такой формѣ, въ какой пред-

полагалось. Царь обратилъ вниманіе только на дурное управленіе монастырей имуществами и на малѣйшую заботливость о прибрѣтеніи новыхъ имѣній. Соборъ (75 глава) постановилъ прекратить безпорядки въ управленіи имѣніями и запретилъ докучать царю просьбами новыхъ пожалованіяхъ.

Постановленія собора послѣ ихъ составленія были посланы для разсмотрѣнія въ Троицкій монастырь бывшему митрополиту Іосафу бывшему архіепископу Ростовскому Алексѣю и нѣсколькимъ другимъ вѣщатымъ духовнымъ лицамъ—всѣмъ, какъ мы увидимъ, принадлежавшимъ къ партіи, противной Іосифлянамъ. Это обращеніе къ бывшимъ не у мѣсть сторонникамъ заволжскихъ старцевъ объясняется тогда мы обратимъ вниманіе на то, что въ числѣ лицъ, рассмотрѣвшихъ вмѣстѣ съ Іосафомъ постановленія Стоглава фигурируетъ Благовѣщенскій попъ Селиверст¹⁾. Какъ и слѣдовало ожидать противники Іосифлянъ преимущественно обратили вниманіе на стары спорные пункты собора 1503 г. Прежде всего они потребовали, чтобъ въ сборномъ спискѣ 1503 года, приведенномъ въ одной изъ главъ Стоглава, гдѣ въ числѣ игуменовъ, присутствовавшихъ на соборъ упомянуть только одинъ Іосифъ Волоцкій, были упомянуты и другіе честные игумены и старцы, которые житѣемъ были богоугодны святое писаніе твердо и разумно знали и которыхъ имена можно узнать у болгаръ старыхъ; но въ Стоглавѣ имя Іосифа упомянуто потому, что приводится его мнѣніе относительно вопроса о вдовыхъ повахъ (79 гл.), мнѣніе совершенно противоположное мнѣнію заволжскихъ старцевъ, и потому упоминать ихъ имена было совсѣмъ лишнимъ. Требованіе Іосафа и его сторонниковъ иначе нельзя объяснить какъ желаніемъ напомнить царю, что мнѣніи Іосифа Волоцкаго и всѣ держатся и что есть еще и нныя честныхъ и богоугодныхъ игуменовъ и старцевъ, которыя также слѣдуетъ принимать во вниманіи при уложеніи постановленій собора.

Іосафъ прямо не коснулся вопроса о монастырскихъ имѣніяхъ; но вѣроятно, пользуясь вліяніемъ Сильвестра, успѣлъ настоять и томъ, чтобы этотъ вопросъ вторично былъ разсмотрѣнъ на соборѣ. 11-го мая (191 гл.) царь Иванъ Васильевичъ вмѣстѣ съ митрополитомъ и всѣмъ соборомъ постановили: разрѣшить впредь покупать духовнымъ лицамъ имѣнія только съ особаго царскаго разрѣшенія, въ неправильно записанныя или за долги отнятыя имѣнія возврати:

¹⁾ Стогл. 415 (Кавалск. изд.).

ежнимъ владѣльцамъ и, наконецъ, отиѣнить всѣ милостыни, назва-
нныя церквамъ въ малолѣтство государя.

Другой вопросъ, который обращалъ на себя вниманіе всѣхъ луч-
шхъ людей того времени, былъ вопросъ о духовномъ судѣ и о спо-
сѣ прекращенія всѣхъ безпорядковъ и неурядицъ, которыми онъ
гда отличался. До Стоглава судомъ завѣдывали владичіе наміст-
ки, бояре, дьяки и, такъ называемые, десятильники. Какъ видно,
югіе вооружались противъ этихъ десятильниковъ, и соборъ не от-
близилъ ихъ только потому, что они существовали при са митрово-
тахъ Петръ, Алексій и др., но все-таки онъ признавалъ необходи-
мъ присутствіе на судѣ выборныхъ поповскихъ старостъ и десят-
ныхъ, которые должны были наблюдать за поведеніемъ десятильни-
въ и въ случаѣ злоупотребленій доносить владичей. Они также
жны были заботиться о правильной доставкѣ святительскихъ да-
нъ и пошлинъ и вообще каждый въ своемъ округѣ наблюдать за
равнымъ благочиніемъ и за исполненіемъ обязанностей духовен-
вомъ. Относительно суда святительскихъ бояръ Стоглавъ постано-
вилъ, чтобы и на ихъ судѣ сидѣли старосты поповскіе, пятидесяткіе
десяткіе вмѣстѣ съ земскими судьями; судные списки должны были
редставляться святителямъ, которые и чинили окончательный при-
говоръ.

Іоаннъ въ своихъ вопросахъ обратилъ вниманіе на безнравствен-
ность чернаго и бѣлаго духовенства, на полнѣйшее непониманіе ими
онхъ обязанностей, на безграмотность ставленниковъ и т. п. Соборъ
далъ правила о собраніяхъ священниковъ для совѣщаній о церков-
ихъ дѣлахъ, поручилъ поповскимъ старостамъ и десятскимъ сме-
ѣть за нравственностью священниковъ, присутствовать въ ихъ со-
щаніяхъ, и руководить ими.

Какъ ни низокъ былъ уровень образованія въ тогдашнемъ рус-
мъ обществѣ, но и при тогдашнихъ самыхъ умѣренныхъ требова-
тѣ бросалось въ глаза крайнее невѣжество людей, избранныхъ
въ нравственными и религиозными руководителями народа. Священ-
и необходимы были для народа, а грамотныхъ людей вать было
ѣ; малограмотные ставленники говорятъ: „мы де учимся у своихъ
въ или мастеровъ, а видѣ намъ учиться негдѣ; сколько отци
и и мастера умѣютъ потому и насъ учать“; а учителя отци и
ерш, замѣчаетъ Стоглавъ, и сами мало знаютъ, потому что учи-
нитъ негдѣ. Прежде въ Москвѣ и въ Новгородѣ много училищъ
о и потому тогда грамотѣ и висати и лѣти и чести горазднхъ

много было, пѣвцы и четцы славны были по всей землѣ и доднесь (25 гл.). При такомъ бѣдственномъ положеніи соборъ не выдумалъ лучшей мѣры, какъ приказать во всѣхъ градахъ выбрать добрыхъ священниковъ и діаконовъ, грамотѣ чести и писати гораздыхъ, и въ ихъ домахъ открыть училища. Въ училищахъ должны были учить псалмопѣнію, чтенію напойному и пѣнію, и канарханію по церковному чину; учителя должны были учить всему тому, что сами умѣютъ, по данному имъ отъ Бога таланту, ничтоже скрывающе. Уча, нужно было имѣть въ виду, чтобъ учения впредь не только сами могли заниматься, но и другихъ пользоваться и учить всему полезному. Особенное вниманіе обращаетъ Стоглавъ, чтобъ ученики воспитывались въ строгой нравственности (26 гл.).

Рѣшивъ такимъ образомъ вопросъ о первоначальномъ образованіи, отцы Стоглава совсѣмъ не коснулись вопроса о просвѣщеніи въ примѣненіи къ высшему духовенству. А какъ необходимо было оно видно изъ самого Стоглава. Лучшіе представители русской церкви не считали противозаконнымъ основываться на апокрифическихъ сказаніяхъ, подложныхъ правилахъ и невѣрныхъ выдержкахъ изъ Св. Писанія, произвольно ихъ толковать и т. п.; они же узаконили подъ страхомъ анаемы такіе обряды и обычаи, какъ двушерстное сложеніе, сугубая аллилуія, небритіе бороды и усовъ и другіе имъ подобные. Напрасно стали бы мы оправдывать въ этихъ прегрѣшеніяхъ Стоглава митрополита Макарія. Онъ былъ человекъ своего времени, воспитавшійся при такихъ условіяхъ, при которыхъ возможно было появленіе цѣлаго ряда замѣчательныхъ людей, впадшихъ въ такія же, какъ и онъ, ошибки по недостатку надлежащаго образованія. Самъ Макарій чувствовалъ свою несостоятельность въ этомъ отношеніи; въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ пишетъ: „если гдѣ написано ложное и отреченное слово, и мы того не возможемъ исправить и отставить, о томъ отъ Господа Бога прошу прощенія“. Какъ шатки были у него убѣжденія относительно нѣкоторыхъ узаконенныхъ имъ обычаевъ видно изъ того, что въ Четвяхъ Минеяхъ онъ помѣстилъ „преніе философа Никифора Панагіота съ Азимитомъ“, въ которомъ доказывается правильность троеперстія, указъ о трегубой аллилуіи и т. п.

Соборъ обратилъ однако вниманіе на неправильную переписку книгъ св. писанія. Это можно объяснить вліяніемъ сочиненій Максима Грека, усерднымъ чтеніемъ которыхъ былъ, какъ мы видѣли, Макарій. Максимъ оставилъ множество сочиненій, въ которыхъ доказывалъ необходимость и важность исправленія книгъ. Самъ Ма-

ий, усердно занимался собраніемъ и пересмотромъ рукописей, на этики могъ познакомиться съ неудобствами, происходящими отъ неправильной переписки и отъ недостатка хорошихъ переписчиковъ. Стоглавъ, разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, какъ и Максимъ Грекъ, главною причиною неисправности книгъ считалъ малограмотность писцовъ и великое небреженіе о церковныхъ книгахъ со стороны слушателей и пастырей церкви; вслѣдствіе этого соборъ установилъ родъ духовной цензуры, поручивъ ее поповскимъ старостамъ и десятскимъ; они должны были осматривать всѣ священныя и церковныя книги, найдя неправильныя, съ описками, исправлять такія соборнѣ, по лучшимъ спискамъ; писцамъ же велѣно писать только съ добрыхъ переводовъ и продавать рукописи послѣ пересмотра ихъ священниками, которые приглашались имѣть въ этомъ дѣлѣ особенное тщаніе, тоби „совершить и исправить, елика ихъ сила, за то имъ отъ Бога награда, отъ царя честь, отъ собора благословеніе и отъ всего народа благодареніе“ (гл. 27, 28).

Но самая главная заслуга Стоглава и преимущественно Макарія въ этомъ отношеніи—въ открытіи первой въ Московской Руси типографіи. Она была специально открыта для печатанія священныхъ книгъ по исправленнымъ образцамъ. Въ послѣсловіи апостола 1564 г. сказано: „повелѣ составити—дѣло печатныхъ книгъ ко очищенію и исправленію ненаучныхъ и неискусныхъ въ разумѣ книгописцевъ“¹⁾. Первые типографіици Іоаннъ Федоровъ и Петръ Мстиславецъ пользовались покровительствомъ митрополита Макарія и, только благодаря ему, могли заниматься своимъ дѣломъ, несмотря на всеобщее гонимое противъ типографіи, поддерживаемое и распространяемое ненаучными и неискусными въ разумѣ грамотѣями-переписчиками и многими суевѣрами и фанатиками.

Установивъ правила для переписчиковъ книгъ, Стоглавъ не могъ обратить вниманія и на иконописцевъ. Макарій былъ самъ иконописецъ, и потому крайне любопытенъ тѣ требованія, какія онъ предъявляетъ людямъ, жаждущимъ заниматься этимъ искусствомъ. Иконописцы должны быть людьми благочестивыми, кроткими, воздержными, аче же всего цѣломудренными; за поведеніемъ ихъ и жизнью должны наблюдать духовные отцы подъ надзоромъ епископовъ, которые лучшихъ по искусству и жизни представляютъ царю; всѣхъ же вообще иконописцевъ слѣдуетъ почитать паче простыхъ человѣкъ. Затѣмъ

¹⁾ Филаретъ, Общ. дух. ант., стр. 141.

слѣдуютъ вставленія, какъ должны писать живописцы, „по образъ и по подобію и существу, смотря на образцы древнихъ живописцевъ какъ Греки живописцы писали и Андрей Рублевъ, а отъ своего смысленія и по своимъ догадкамъ божества не описывать“.

Наравнѣ съ неправильными переводами и подлинниками речей теле православія не могли переносить распространенія въ обществѣ, такъ называемыхъ, отреченныхъ книгъ, подъ которыми разумѣлись не апокрифы, силюшъ и рядомъ и ими самими не отличаемы отъ каноническихъ книгъ, но книги, составлявшія почти всю тогдашнюю свѣтскую литературу. Стоглавъ постановилъ: „во всѣмъ го родѣхъ царю свою царскую гробу и заповѣдь учинить, чтобы христіане еретическихъ, богомерзкихъ книгъ у себя не держали и не читали, а которые учнутъ держать и честь, имъ быть отъ царя въ великой оуагѣ и въ наказаніи, а отъ святителей въ отлученіи и проклятій“.

Къ еретическимъ и богомерзкимъ книгамъ Стоглавъ относитъ Рафли (ράφλιον), астрологическое сочиненіе, въ которомъ говорилось о вліяніи звѣздъ на жизнь человѣка, Шестокривъ — астрологическія таблицы Эммануила Бенъ Іакова, Аристотелевы врата (secreta vesce togum de vehimine, de sanitatis conservacione, de phisionomia)—сборникъ свѣдѣній по астрологіи, медицинѣ и физиономіи, Остроношій Зодій (сказаніе о двѣнадцати зодіакальных знакахъ), Альманахъ календарь съ предсказаніями и примѣтами, Звѣдочетье — предсказанія по планетамъ, Воронографъ—гаданіе по голосамъ птицъ и „нимъ состави и мудрости и любви (гаданія по примѣтамъ) бѣсовскія, которыя прелесть отъ Бога отлучаютъ“.

Если выслушимъ, грамотныхъ слоюмъ общества духъ времени, представителями котораго являлись отцы собора, запрещающіе чтеніе еретическихъ тогда книгъ свѣтскаго содержанія, то естественно былъ ожидать, что онъ не оставитъ безъ вниманія и народныхъ увеселеній, тѣмъ болѣе, что къ нимъ приишнвалось тогда множество суевѣрныхъ обычаевъ и амыческихъ обрядовъ. Отцы собора вооружаются противъ обычая сходиться на Троицкую субботу съ скомороками гудками на кладбищахъ и проводить тамъ время въ попойкѣ, пляскѣ и пѣсняхъ. Запрещены пляски и игрища наканунѣ Ивашова дня Рождества и Крещенія, въ великій четвергъ, въ первый поведѣльникъ послѣ Петрова поста, когда ходили въ рошу и тамъ устроивали „бѣсовскія потѣхи“. Исходи изъ того исключительнаго взглядъ на предметы, который принадлежитъ къ характеристическимъ при

знакамъ современной имъ эпохи, отцы собора вмѣстѣ съ языческими увеселеніями запретили всѣ мірскія забавы, какъ напримѣръ, шахматы, вернь, гусли, сопѣли, всякое гудѣніе, позорища, переражываніе, въюнецъ (хороводы), кормленіе и храненіе медвѣдей и другихъ животныхъ ради глумленія и т. п.

Уже изъ этого весьма неполнаго обзора дѣятельности Стоглава можно видѣть, что именно по мнѣнію Макарія и другихъ отцевъ собора могло ввестись Московскую Русь XVI вѣка изъ той безурядицы и неурядства, въ которомъ она находилась. „Въ коейжде странѣ“, говоритъ Стоглавъ, „законы и чини не приходятъ другъ ко другу, во своего обычая кійждо законъ держить; ми же православніи, законъ истинный отъ Бога пріемше, разныхъ странъ беззаконіи осквернихомся, обычая злая отъ нихъ пріемше, и сего ради казнить насъ Богъ за таковая преступленія“ (39 гл.). Нужно было отказаться отъ всѣхъ новыхъ злыхъ обычаевъ, нужно было вернуться къ той счастливой старинѣ, когда строго соблюдались древнія апостольскія правила и постановленія, когда служили по книгамъ правильнымъ, книги отреченныхъ не читали, и когда поэтому христіанскіе обычаи и законы не шатались и не были порушены.

Чтобы водворить опять на Русь эту идеальную старину соборъ издалъ цѣлый рядъ постановленій, въ формѣ запрещеній, причемъ незаконность запрещаемаго выводилась изъ Св. Писанія, правилъ св. апостоловъ и отцевъ, разныхъ уставовъ и т. п. Такого рода доказательства были исполнѣны въ духѣ своего времени и только они одни имѣли обязательную силу для всѣхъ. Точно также и тѣ преобразования, которыя соборъ счелъ нужнымъ произвести въ сферѣ духовной администраціи и суда, онъ вездѣ подтверждаетъ каноническими законами.

Путь, который избралъ Стоглавъ для проведенія въ общество своихъ постановленій, отличается истиннымъ христіанскимъ характеромъ и дѣлаетъ большую честь его составителямъ. На первомъ планѣ поставлены духовныя средства, увѣщанія и убѣжденія; наказаніе большей частью ограничивается церковною зпиміей, и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ предѣстается царю, его „царской заповѣди и гровѣ“.

Изъ всѣхъ членовъ собора, какъ видно, только одинъ Макарій ревностно старался приводить въ исполненіе его постановленія. Имъ лично отправлено было въ разные мѣста множество грамотъ и посланій съ поясненіемъ и толкованіемъ новыхъ постановленій. Изъ

такихъ грамотъ сохранялись слѣдующія: 1) грамота въ Симоновъ монастырь архимандриту Алексію, въ которой Макарій вкратцѣ упоминаетъ о разныхъ постановленіяхъ собора, приглашаетъ молиться объ устроеніи земскоѣ, тишинѣ и здравіи государя, и проситъ, чтобы все, что въ грамотѣ писано, „потщалися духовне и тѣлеснѣ исправити елика ваша сила“. Въ грамотѣ приложены 44, 50, 51, 52, 75, 76, 67, 68, 31 и царскихъ вопросовъ 68-я главы. 2) Грамота къ архіепископу Новгородскому Серапіону, въ которой говорится про „праздничное“, тиунскія алтнни, о духовномъ судѣ, запрещается приводить поповъ къ полю и къ крестному цѣлованію, о ставленникахъ и т. п. 3) Грамота къ бѣлому духовенству во Владимірѣ и 4) Наказная грамота къ бѣлому духовенству въ Каргополь; въ послѣднихъ двухъ приводятся выдержки изъ Стоглава, имѣющія отношенія къ бѣлому духовенству, какъ, на примѣръ, о поповскихъ старостахъ, судѣ, ставленникахъ и т. п. Для возбужденія большей ревности у епископовъ къ исполненію постановленій собора, царь и митрополитъ въ 1554 г. говорили „о прежнемъ соборномъ уложеніи; о многоразличныхъ дѣлахъ и чинѣхъ церковныхъ, которыя дѣла исправилия и которыя еще не исправилия; и царь государь богомольцамъ своимъ говорилъ, чтобы Богъ далъ впередъ и прочія дѣла исправлены были“. О томъ же рассуждали и въ 1555 году ¹⁾.

Типографія, открытая Макаріемъ для распространенія исправленныхъ книгъ, пользуясь его покровительствомъ, занималась своимъ дѣломъ до его смерти, когда, лишившись своего защитника, была разрушена нафанатизированнымъ народомъ, и типографщики должны были бѣжать за границу. Послѣ смерти Макарія была нарушена и столь энергично защищаемая имъ неприкосновенность церковныхъ имѣній. Въ 1573 году запрещено было записывать вотчины за большими монастырями, а въ 1580 и всѣ монастыри лишились права получать имѣнія по завѣщаніямъ.

Въ продолженіи 150 лѣтъ послѣ Стоглаваго собора, всѣ іерархи русской церкви пользовались и руководились его постановленіями. Соборъ 1667 года наложилъ анаѣму на Стоглавъ за его извѣстныя ошибки, „за не той Макарій митрополитъ и иже съ нимъ мудрствовали невѣжествомъ своимъ безразсудно, якоже восхотѣша, сами собой, не согласяся съ греческими и древними славянскими каратаейными книгами, ниже съ вселенскими святѣйшими патріархами о томъ совѣ-

¹⁾ Никол. Лет. VI, 231.

товаша^а. Но эта анагема не помѣшала патриарху Адриану руководиться Стоглавомъ при составленіи въ 1700 году новаго уложенія ¹⁾ и хотя Стоглавъ, согласно постановленію 1667 года, считался „якоже не бысть“ въ продолженіи весьма долгаго времени и даже вслѣдствіе ложныхъ опасеній не издавался, но въ настоящее время, благодаря безпристрастнымъ его изслѣдованіямъ, онъ занялъ должное мѣсто въ исторіи Русской церкви, и всѣми признаны заслуги его составителей.

Въ одно время съ уложеніемъ Стоглава, Макарію и другимъ представителямъ русскаго духовенства пришлось бороться съ послѣдними проявленіями того религіознаго броженія, которое такъ волновало русскую церковь въ XV столѣтіи. Ересь жидовствующихъ, несмотря на страшный разгромъ, не прекратилась: тайныхъ ея сторонниковъ оставалось довольно много, особенно среди бояръ и монашествующаго духовенства. Въ рассматриваемое время главное гнѣздо ереси было среди бѣлозерскихъ (заволжскихъ) отшельниковъ, откуда вышли почти всѣ тогдашніе главныя еретики.

Нѣкоторые утверждаютъ, что ересь 1554 года явилась подъ вліяніемъ западно-европейской реформаціи. Уже Курбскій видѣлъ въ ней „лютерскую лесь“, и дѣйствительно въ этой ереси замѣшаны какіе-то иноземцы — аптекарь Матвей Литвинъ и Андрей Хотяевъ, латынникъ. Если и допустить вліяніе западно-европейской реформаціи, то только въ томъ смыслѣ, что, благодаря ей, замѣтно стало нѣкоторое обновленіе ереси, которая однако возникла самобитно на русской почвѣ и развилась преимущественно изъ ученія жидовствующихъ.

Ересь обнаружилась слѣдующимъ образомъ: нѣкто Матвей Семеновичъ Башкинъ сталъ часто ходить къ благоугодному священнику Симеону и давать ему разные „недоумѣнныя“ вопросы. Симеонъ посѣдѣвши доложить объ этомъ царю, но Іоаннъ на его докладъ не обратилъ никакого вниманія. Въ Москвѣ появилось множество недобротельныхъ толковъ о Башкинѣ, и Симеонъ принужденъ былъ брататься съ докладомъ о немъ къ митрополиту Макарію ²⁾; тогда слѣдно было схватить Башкина и начать надъ нимъ розыскъ. Сначала Башкинъ не хотѣлъ давать показаній, но потомъ усмирился и по приказанію митрополита „своею рукою исписа и свое еретичество и

¹⁾ Макарію, Ист. Р. Ц. VI, 246.

²⁾ Соловьевъ, VII, 133.

свои единомысленники". Главная его вина заключалась въ томъ, что онъ все Са. Писаніе называлъ баснословіемъ и совершенно произвольно толковалъ Апостолъ и Евангеліе. Въ числѣ своихъ единомысленниковъ, кромѣ вышеупомянутыхъ иноземцевъ, Башкинъ назвалъ Заволжскихъ старцовъ, которые „утверждали его въ его злобѣ“, и бывшего Троицкаго игумена Артемія, любимца Сильвестра. Митрополитъ усердно принялся за это дѣло и, какъ говоритъ Курбскій ¹⁾, „повелѣлъ всадѣ внять еретиковъ, хотаще истязати ихъ о расколѣхъ ихъ, и гдѣ елико аще обрѣтено ихъ, всадѣ имати и провожено до мѣста главнаго Московскаго, паче же отъ пустынь Заволжскихъ“. Соборъ былъ созванъ въ 1554 году и началъ свое дѣло изслѣдованіемъ вины товарищей Башкина, которые не сознавались въ ереси. На соборѣ была прочтана книга Іосифа Волоцкаго противъ еретиковъ, „Свѣтло православія“, какъ ее называлъ митрополитъ и другіе чины собора. Но не могъ перенести такого торжества Іосифлякъ единственный епископъ, не принадлежавшій къ ихъ партіи, Кассіанъ Рязанскій. Онъ возразилъ голосъ за осужденныхъ и сталъ порицать книгу Іосифа, утверждалъ, что въ ней находятся невѣрные свидѣтельства, но, какъ и слѣдовало ожидать, не имѣлъ успѣха. Онъ скоро долженъ былъ оставить епископію, и о его смерти сложилась легенда, что будто бы онъ за свое дерзновеніе лишился руки и умеръ въ страшныхъ мученіяхъ—у него повернулась назадъ голова ²⁾. Башкинъ былъ осужденъ на заточеніе въ Іосифовъ монастырь, а сообщники его кромѣ Артемія, были отданы подъ монастырскій присмотръ, „да не смѣютъ злоби своея роду человѣческому“ ³⁾.

Примеченный къ отвѣтственности по показанію Башкина, Артемій обвинялся въ томъ, что хулилъ книгу Іосифову, хвалилъ нѣмецкую вѣру, не считалъ еретиками Курциана, Рукаваго и др., и т. п. На соборѣ онъ осмѣливался защищать предъ митрополитомъ Башкина, и за всѣ свои вины былъ осужденъ на заточеніе въ Соловецкій монастырь. По этому случаю митрополитъ Макарій отправилъ въ Соловецкій монастырь грамоту ⁴⁾, въ которой сначала упоминаетъ о соборѣ противъ Артемія и Башкина, о винахъ ихъ, затѣмъ предписываетъ Артемію держать въ „молчальной келіи“, ни съ кѣмъ ему и

¹⁾ См. изв. Курбскаго, 177.

²⁾ Костомаровъ, Ист. Мос. I, 456.

³⁾ Макарій, Ист. Р. Ц. VI, 268.

⁴⁾ Акт. Эвек. I, № 239.

бесѣдовать, ни посланіе писать, ниже принимать отъ кого. За нимъ долженъ надзирать пресвитеръ и испытывать, когда онъ будетъ каяться, истинно ли его покаяніе. Запрещалось давать ему какія либо книги кромѣ молитвенныхъ, и игумену поручалось надзирать даже за сторожемъ и священникомъ, которые будутъ входить съ нимъ въ сношенія, дабы онъ не увлекъ ихъ своими еретическими разговорами. Дозволить причаститься ему можно было только передъ смертью.

На этомъ же соборѣ 1554 г. разсматривалось дѣло дьяка Висковатаго. Мы видѣли, какое вниманіе на иконописи обратилъ Стоглавый соборъ. Въ концѣ 1553 г. на одномъ изъ соборныхъ засѣданій царь полюбопытствовалъ узнать, какъ исполняются постановленія Стоглава, въ частности же относительно иконописи. Когда Макарій отвѣчалъ, что для надзора за иконописью назначено четыре старостъ-иконниковъ, поднялся дьякъ Висковатый и сталъ заявлять сомнѣніе, слѣдуетъ ли изображать на иконахъ Бога Отца и безплотныя силы. Митрополитъ отвѣтилъ, что рисуютъ Бога Отца по пророческимъ видѣніямъ и древнимъ подлинникамъ, и предостерегалъ Висковатаго, чтобы онъ зналъ свои дѣла и, мудрствуя противъ еретиковъ, не попалъ самъ въ еретики. Но, несмотря на это предостереженіе, черезъ нѣсколько недѣль Висковатый снова и уже письменно сталъ заявлять свои мнѣнія. Онъ писалъ, что послѣ пожара 1547 г., когда погорѣли храмы и иконы, государь послалъ за иконами въ Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ и другіе города. Въ Благовѣщенскомъ соборѣ, гдѣ былъ протопопъ Сильвестръ, новгородскіе и псковскіе живописцы списывали подъ его наблюденіемъ и руководствомъ новыя образа, и въ нихъ Висковатаго поразило то, что они были писаны „безъ свидѣтельства, на разные образцы, не согласно со стариной“; Сильвестра онъ обвинялъ въ единомысліи съ Артеміемъ и въ новыхъ его иконахъ видѣлъ еретическія мудрствованія. Такъ напримѣръ, изображеніе Сына Божія при сотвореніи міра въ видѣ Ангела онъ объяснялъ тѣмъ, что здѣсь проводится мнѣніе Башкина о неравенствѣ лицъ пресвятой Троицы ¹⁾).

Сильвестръ оправдывался предъ Макаріемъ и просилъ разсмотрѣть это дѣло на соборѣ. Макарій согласился и на соборѣ 1554 г. были разобраны по порядку всѣ недоумѣнія Висковатаго, и на каждое митрополитъ давалъ обстоятельный отвѣтъ. Главнымъ образомъ Ви-

¹⁾ Костомаровъ, Ист. Мос. I, 449; Салосъевъ, VII, 132; Филаретъ, 141; Макарій, VI, 265.

сковатаго смуцало то, что на иконахъ писали пророческія видѣнія, невидимыя и безплотныя силы, человеко-образныя изображенія до бродѣтелей и пороковъ и т. п. Разрѣшая недоумѣніе, митрополитъ указывалъ внутренній смыслъ изображеній на иконахъ и древніе подлинники, съ которыхъ они списывались. Разсмотрѣвъ дѣло, соборъ сначала отлучилъ отъ церкви Висковатаго, но когда онъ появился, ограничилъ наказаніе трелѣтней эпитиміей—„за то, что о св. иконахъ сомнѣніе имѣлъ и вопилъ, возмущалъ народъ, православныхъ христіанъ, въ соблазнъ и въ поношеніе многимъ“. Относительно же новыхъ иконъ постановлено, что такъ какъ на 7 Вселенскомъ и другихъ соборахъ новымъ иконамъ запрещенія нѣтъ, то нѣтъ основанія и теперь ихъ запрещать. Кромѣ того, Висковатому поставлено на видъ 64-е правило Трульскаго собора: „не подобаетъ предъ людьми простыми людямъ учительнаго слова подвигнути или учить, самъ себя учительскій утворяя, но внимати отъ Господа преданному чину“.

Изъ всего этого дѣла видно, что Висковатаго главнымъ образомъ обвинили за то, что онъ судилъ о предметахъ религіозныхъ, разсуждалъ тамъ, гдѣ требовалось непрекословное повиновеніе духовенству. Естественно, что духовенству такое вмѣшательство не могло нравиться, и если Висковатый отдѣлялся такъ легко, то, по всей вѣроятности, только благодаря тому, что онъ игралъ важную роль въ партіи противниковъ Сильвестра и Адашева, къ которой принадлежала и большая часть членовъ собора.

Черезъ годъ послѣ осужденія Башкина и Артемія соборъ разсматривалъ дѣло новыхъ еретиковъ—Феодосія Косаго и другихъ Вѣлоозерскихъ старцевъ. Ученіе Косаго сходно съ ученіемъ Башкина и служить какъ бы его продолженіемъ. Косой прямо отрицалъ все то, что составляетъ сущность христіанства, основывая однако свое отрицаніе, подобно своимъ предшественникамъ, на почвѣ самого же христіанства. Опровергая Новыя Завѣты, онъ, какъ и жидовствующіе, ссылался на книги ветхозавѣтныя, преданія церковныя пытался опровергать писанія св. отцевъ и наоборотъ. Косой возставалъ противъ высшаго духовенства, монастырей и т. п. Вообще его ученіе, насколько оно извѣстно изъ сочиненій Зиновія Отенскаго, было дальнѣйшимъ развитіемъ ереси жидовствующихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ ея словомъ. Соборныя акты дѣла Косаго не сохранились и потому нельзя опредѣлить участіе въ немъ Макарія. Извѣстно

только, что еще до окончанія дѣла Феодосій со своими товарищами бѣжалъ въ Литву.

Такъ кончилось при Макаріи это замѣчательное движеніе въ русской церкви, начавшееся въ 15-мъ столѣтіи и такъ упорно державшееся, несмотря на всевозможныя строгія преслѣдованія со стороны противниковъ. Въ честь Макарія нужно замѣтить, что несмотря на свои Іосифлянскія убѣжденія, онъ не строго придерживался рекомендуемыхъ Іосифомъ правилъ противъ еретиковъ, въ родѣ, напримеръ, слѣдующаго: „невѣрующихъ во святую Троицу повелѣваемъ мечемъ посѣкти и богатство ихъ на раслищеніе предать; повелѣваемъ мучить ихъ казнями лютыми, наравнѣ съ ворами и разбойниками“. Напротивъ, наказанія, налагаемыя Макаріемъ на еретиковъ, можно назвать даже снисходительными, особенно если обратитъ вниманіе на время, въ которое онъ жилъ и дѣйствовалъ.

VII.

Въ 1552 году Макаріи сдѣлалъ драгоцѣнный вкладъ въ свой митрополичій Успенскій соборъ: вновь пересмотрѣнный и значительно дополненный списокъ Четивъ Миней. Въ то же время другой экземпляръ своего труда онъ поднесъ царю Ивану Васильевичу. Такимъ образомъ было кончено это знаменитое дѣло Макарія, котораго одного достаточно, чтобы сдѣлать его имя славнымъ въ лѣтописяхъ русской исторіи и литературы.

Миней Четивъ (чѣтѣвъ — мѣсяцъ, чѣтѣвъ — отъ читать) представляютъ, какъ видно изъ заглавія, мѣсячныя чтенія, для православныхъ христіанъ приличныя. Это громаднѣйшій сборникъ разнаго рода сочиненій, состоящій изъ 12 книгъ, въ которыхъ заключается не менѣе 27,057 страницъ или 13,528 большихъ листовъ.

Макарьевскія великія Миней Четивъ были первыиъ сборникомъ такого объема и такого содержанія въ русской литературѣ. Сохранилось нѣсколько миней XV вѣка, но они всѣ имѣютъ характеръ мѣстный и отличаются весьма небольшоимъ объемомъ¹⁾. Въ сборникахъ разныхъ сочиненій, переводныхъ и оригинальныхъ, преобладающимъ элементомъ были церковно-поучительныя произведенія, слова и поученія на церковныя праздники, похвальные слова, въ честь святыхъ и только изрѣдка житія ихъ. Чаще всего въ нихъ попадаются слова

¹⁾ *Искрассовъ, Зародк. Націон. Лит., 12.*

Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Аванасія Александрійскаго, Прокля Константинопольскаго и другихъ, а въ славянскихъ проповѣдяхъ Климента Величскаго и Григорія Цамблака. Такого рода сборники, какъ кажется, и послужили первообразомъ Четій Миней Макарія. Но онъ поставилъ себѣ задачу гораздо шире прежнихъ составителей сборниковъ и сообразно господствующему направленію общества, выразившемуся въ стремленіи къ централизациі, задался цѣлью собрать всѣ книги, какія только были въ русской землѣ. Макарій началъ свою работу въ 1529 году и, какъ онъ говоритъ, „писалъ и собиралъ эти свята книги въ одно мѣсто многими имѣніемъ и многими различными писарями, не щадя серебра и всякихъ почестей; особенно много трудовъ и подвиговъ подъялъ отъ исправленій иностранныхъ и древнихъ рѣчевій, перевода ихъ на русскую рѣчь, и сколько намъ Богъ даровалъ уразумѣть, столько и смогъ и исправить“¹⁾.

Всѣ главнѣйшія сочиненія, вошедшія въ составъ Макарьевскихъ Четій Миней, можно раздѣлить на слѣдующія группы:

1) Книги священнаго писанія и толкованія на нихъ: 4 Евангелія, всѣ апостольскія Посланія и Дѣявія, въ ветхозавѣтныхъ семь историческихъ, четыре учительныхъ, Псалтырь въ троюкомъ видѣ—съ толкованіями Аванасія, Брунона и Теодорита и шестнадцать пророческихъ книгъ.

2) Патерники: 1) Синайскій или лимонарь—житія святыхъ синайскихъ, палестинскихъ и египетскихъ; 2) Іерусалимскій—отцевъ іерусалимскихъ; 3) азбучный, въ которомъ житія помѣщены по алфавиту; 4) Египетскій—египетскихъ черноризцевъ; 5) Скитскій—житія святыхъ отецъ горы Синайской; 6) Печерскій—житія киево-печерскихъ святыхъ; 7) патерникъ св. Ефрема Сирина, Григорія Двоеслова, папы Римскаго и др.

3) Прологи или синаксари, пополненные словами на праздники, замѣствованными изъ торжественниковъ.

4) Разныя сочиненія отцевъ церкви и святыхъ, русскихъ и греческихъ, какъ, на примѣръ, Златоструй—бесѣды Златоуста на книгу Бытія, Маргаритъ и Великій Златоустъ—сборники съ избранными его сочиненіями и поученіями, Катехизическія поученія (оглашенія) Кирилла Іерусалимскаго, Лѣтвица Іоанна, Книга о постничествѣ, Шестодневъ и другія сочиненія Василія Великаго, книга о небесной

¹⁾ Минея Четія—Введеніе.

іерархіи Діонисія Ареопагита, Небеса Іоанна Дамаскана, книга его о восьми частяхъ рѣчи, книга Меодія епископа Патарскаго, Слова и сочиненія Григорія Богослова, Ефрема Сирина, Григорія Антиохійскаго, Нектарія патриарха и многихъ другихъ, сочиненія Григорія Цамблава, Посланія Θεодосія Печерскаго, Слово Кирилла Туровскаго, Посланія митрополитовъ Кипріана, Фотія, Іоанн, Просвѣтитель и Уставъ Іосифа Волоколамскаго и др.

5) Сочиненія, не принадлежащія святымъ, но пользовавшіяся уваженіемъ и распространеніемъ на Русь: Пчела, Златая Цѣпь (нравственныя наставленія о молитвѣ, милостивѣ, постѣ и разныхъ добродѣтеляхъ), книга Іосифа Флавія Еврена, Великая книга Никонская (сочиненія Никона Черногорца), сочиненія Іоанна экзарха Болгарскаго, Толкованіе о священныхъ вещахъ, Главизны Василія цара греческаго къ сыну, слова Космы Пресвитера, книга Космы Индикоплова и др.

6) Путевыя записки, напримѣръ, Странникъ игумена Давида, притчи, небольшіе разказы, посланія и грамоты русскихъ князей, митрополитовъ, епископовъ, Кормчая книга, монашескіе уставы, акты и множество другихъ матеріаловъ.

7) Старыя и новыя редакціи русскихъ житій, составленныя большей частью специально для труда Макарія.

Уже изъ этого весьма неполнаго перечня сочиненій, входящихъ въ составъ Четивъ Миней, можемъ заключить, какія усилія долженъ былъ употреблять Макарій, чтобъ собрать всю эту, можно сказать, бібліотеку. Однако задача, которую онъ себѣ поставилъ — „собрать всѣ святыя книги, какія обрѣтаются въ русской землѣ“, не была имъ вполне выполнена. Въ Четивѣхъ Минейхъ нѣтъ нѣкоторыхъ книгъ св. Писанія, многихъ сочиненій русскихъ писателей, но это объясняется тѣмъ, что, собирая книги, Макарій имѣлъ въ виду и другую цѣль — „великую душевную пользу читателей“, то-есть нравственное ихъ воспитаніе и потому естественно старался прежде всего отыскать сочиненія, соответствующія этой цѣли. Вотъ почему нѣтъ книгъ св. Писанія онъ помѣстилъ преимущественно тѣ, къ которымъ могъ найти толкованія. Наконецъ, нужно обратить вниманіе и на то обстоятельство, что дѣло Макарія не ограничивалась только однимъ собираніемъ книгъ. Онъ долженъ былъ ихъ внимательно читать, глѣдѣть, чтобъ гдѣ-нибудь не попалось „ложное или отреченное слово“, или самому не ошибиться „отъ неразумія своего“, отчего могъ бы быть соблазнъ для читателей. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ

въ виду ясность и удобопонятность изложенія и долженъ былъ, какъ онъ самъ говоритъ въ введеніи, исправлять иностранныя (по всей вѣроятности болгарскія и сербскія) и древнія рѣченія, перевода ихъ на русскую рѣчь.

Такимъ образомъ волюй естественно, что при такомъ обширномъ трудѣ Макарій могъ упустить изъ виду многія сочиненія, кромѣ того многія могли быть ему совсѣмъ неизвѣстны. Но, не смотря и на отсутствіе нѣкоторыхъ сочиненій, трудъ Макарія имѣетъ громадное значеніе въ русской литературѣ, такъ какъ безъ него множество замѣчательныхъ русскихъ сочиненій осталась бы намъ неизвѣстны, особенно же это можно сказать относительно древне-русскихъ житій святыхъ.

Но еще больше заслуга Макарія для русской литературы въ томъ, что онъ своими Четверыми Минеями представилъ намъ яркую картину тогдашней русской образованности. Въ нихъ помѣщена вся сумма знаній тогдашняго образованнаго человѣка, энциклопедія всѣхъ извѣстныхъ ему наукъ. По нимъ мы можемъ судить, какъ не широкъ былъ его умственный горизонтъ, какъ велика была, вслѣдствіе дѣлаго ряда неблагоприятныхъ историческихъ условій, его отсталость въ образованіи. Почти накануне своего появленія въ качествѣ дѣятельнаго фактора среди европейскихъ народовъ, общество все еще не могло покончить съ своимъ средними вѣками. Все еще таготѣло надъ нимъ церковно-византийское преданіе, выразившееся въ немъ какъ въ національной и религіозной исключительности, такъ и въ чисто-схоластической системѣ знаній. Религіозное направленіе проникало всю его умственную дѣятельность, и только одно оно имѣло мѣсто въ тогдашней наукѣ и литературѣ. Библія, творенія отцевъ церкви, преимущественно Василія Великаго и Дамаскина, книги въ родѣ сочиненія Косьмы Индикоплова, множество отдѣльныхъ статей и разказовъ о великихъ невѣроятныхъ явленіяхъ природы—вотъ и весь матеріалъ для знаній, которымъ приобрѣталъ образованный тогдашній человѣкъ объ окружающей его природѣ. Путевыя записки въ родѣ Странника Давида и т. п. давали ему свѣдѣнія по географіи, а съ исторіей онъ знакомился по библейскимъ разказамъ, хронографамъ, хроникамъ и всякаго рода житіямъ святыхъ. Эти послѣднія были больше всего распространены въ массѣ и для тогдашняго общества отчасти замѣняли и нѣвшнюю беллетристику.

Изъ житій святыхъ больше всего возбуждали интересъ, какъ и слѣдовало ожидать, житія русскихъ святыхъ. На нихъ преимуще-

ственно и обратилъ вниманіе Макарій при составленіи своихъ Четивъ Мняей. Большую часть остальныхъ входящихъ въ ихъ составъ сочиненій Макарій находилъ готовыми, и ему нужно было только заняться исправленіемъ и перепиской ихъ, но не то было съ житіями русскихъ святыхъ. Онъ долженъ былъ заботиться объ исправленіи старыхъ редакцій житій, составленіи новыхъ, и вообще дѣятельность его въ этомъ отношеніи столь важна, что дѣлалъ современный ему періодъ въ русской агиографіи можно назвать Макарьевскимъ. Для того, чтобы лучше понять все его значеніе въ этой отрасли русской литературы, мы постараемся дать краткій историческій очеркъ ея развитія.

Съ первыхъ же временъ принятія христіанства на Русь стали распространяться переводы житій греческихъ святыхъ (прологи, патерики и т. п.); скоро они сдѣлались любимымъ чтеніемъ грамотныхъ людей и проникли даже въ простой народъ. Благодаря имъ, высокіе нравственные идеалы христіанскаго подвижничества замѣнили прежніе идеалы физической силы—богатырей; въ народномъ воображеніи составился дѣлалъ новый міръ, міръ образовъ, сдѣлавшихся скорѣе до того излюбленными, что они вошли въ область народнаго творчества. Выбѣсть съ тѣмъ въ обществѣ естественно явилось желаніе осуществить новые идеалы, и избранные люди пошли по стопамъ греческихъ угодниковъ. Явились рускіе иноки, отшельники, пустынники, схимники, столпники, которые личнымъ примѣромъ еще богѣе вдохновляли народныя массы; служа предметомъ народнаго почитанія, они вызывали дѣлалъ сказанія о себѣ и своихъ подвигахъ, которыя передавались или устно, по преданію, или записывались грамотными поклонниками святаго. Простодушные сказатели относились съ искренней вѣрой ко всему, что только ходило въ народѣ о подвигахъ святыхъ, и безъ всякой критики записывали вымыслы народной фантазіи; ихъ сказанія отличаются крайней простотой изложенія, и если въ нихъ замѣчается вліяніе византійскихъ житій, то только въ нѣкоторыхъ пріемахъ, которые, какъ въ эпосѣ, дѣлалются настоянными въ житіяхъ, напримѣръ, при разказѣ о событіяхъ, происходившихъ со святымъ во время его дѣтства. Но скоро такого рода житія перестали удовлетворять людей, развившихъ свой вкусъ подъ вліяніемъ искусственной книжной литературы. Явилась потребность переработать эти сказанія, подвергнуть ихъ критикѣ и все несогласное съ прямой вѣдой—нравственнымъ назиданіемъ читателей, выбросить, прибавивъ дѣлалъ нужно книжныя разсужденія, и все наложить витѣватныхъ яви-

комъ тогдашнихъ книжниковъ. Такого рода характеръ приобрѣтають житія въ XIV и XV вѣкахъ. Съ XV вѣка, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ наплыва новыхъ, по преимуществу юго-славянскихъ образцовъ, а также появившихся въ Россіи Сербовъ и Болгаръ—слагательный способъ составленія житій окончательно вырабатывается. Препятствія простота замѣняется искусственными литературными приемами, прежній главный и единственный источникъ, народное преданіе, замѣняется другими, личность слагателя, прежде неизвѣстная, выступаетъ на первый планъ, и само житіе иногда является только поводомъ автору выставить на видъ свое краснорѣчіе, которое заключалось большей частью въ напыщенности и растянутости, „плетеніи словесъ“, какъ удачно называли его сами слагатели. Съ этого же времени ко всякому житію, вмѣсто прежней краткой молитвы, стали присоединять похвальныя слова въ честь святаго и описанія чудесъ, совершавшихся по его кончинѣ въ разные времена. Въ этотъ періодъ русской агіо-биографіи болѣе всего составили житій Сербъ Кипріянь и Пахомій Логофеть и русскій Епифаній. Благодаря имъ появилось множество житій святыхъ и угодниковъ Божіихъ, преимущественно новгородскихъ и московскихъ.

Слѣдующій періодъ русской агіобиографіи, начавшійся съ XVI столѣтія, по главному дѣйствующему въ немъ лицу, называется Макарьевскимъ. Характеристическая его черта—проявленіе и въ этой области русской литературы сознанія единства Русской земли. До времени Макарія каждая область заботилась только о своихъ мѣстныхъ святыхъ, ихъ преимущественно почитала и имъ поклонялась, такъ что, на примѣръ, Новгородскіе святые не признавались таковыми въ Москвѣ, и наоборотъ ¹⁾. Иногда даже въ житіяхъ святыхъ попадались разные политическія тенденціи, какъ, на примѣръ, въ житіяхъ Зосими и Саватія, Варлаама Хутынского и другихъ ²⁾. Естественно, что при новомъ порядкѣ вещей, который возникъ въ Московскомъ царствѣ, такое

¹⁾ Въ одной древней рукописи говорится: Псковъ и Великій Новгородъ блажить Варлаама и Михаила предиваго Христа ради, Смоленскъ блажить князя Теодора, Московское же царство блажить Петра, Алексѣя и Іоанъ и Максима и нѣкъ множество. Ростовъ блажить Леонтія и Игнатія, Исаю, Вассіана и Еврею: Вологда бо блажить преподобнаго Дмитрія и нима тако сущія многія. Имъ Устюжане тебѣ, Проконіе, сѣверная страна по Двинѣ рѣцѣ, Вага—Георгія и т. д. (*Ща-моль*, Ист. оч. нар. вѣр. *Ж. М. Н. Пр.* 1861, 1).

²⁾ *Буслаевъ*, Пст. Оч. р. нар. повѣ. и иск. II, 269.

положеніе дѣлъ не могло продолжаться, и первый постарался уничтожить эту дисгармонію съ общимъ порядкомъ Макаріи. При составленіи Четвѣи Миней онъ, какъ мы уже говорили, преимущественно обращалъ вниманіе на отдѣлъ русской агіобіографіи, и благодаря своей энергической дѣятельности, далъ ей возможность достигнуть такого развитія, какого она ни до него, ни послѣ не имѣла.

Составляя свой сборникъ, Макаріи образовалъ около себя цѣлый кружокъ людей, которые работали для его дѣла. Однихъ онъ привлекалъ къ себѣ, не щадя золота, серебра и многихъ почестей, а другіе работали, также какъ и онъ, изъ любви къ дѣлу. Такимъ образомъ составилось цѣлое литературное общество, одни члены котораго рылись въ монастырскихъ бібліотекахъ, вездѣ старались найти нужный имъ матеріалъ, другіе переписывали разныя редакціи житій, третьи уже составляли новыя житія, или передѣлывали старыя сообразно требованіямъ времени. Такое общество—явленіе единственное въ то время въ Московской Руси. Самъ Макаріи былъ въ этомъ обществѣ не только предсѣдателемъ и редакторомъ, но и ревностнымъ сотрудникомъ. Распредѣляя работы и исправляя доставленныя редакціи, онъ и самъ, какъ говоритъ одинъ изъ его помощниковъ, Илья, любилъ „день и ночь, яко пчелы сладость отовсюду приносить, поискати святыхъ житія. Мнози отъ святыхъ забвенію предани быша, сихъ убо святитель подъ спудомъ не скрываетъ, но на свѣщницѣ добродѣтели возлагаетъ“. Но главной его заботой, какъ мы уже говорили, было исправленіе доставленныхъ ему редакцій житій со стороны слога. Въ этомъ отношеніи онъ былъ сторонникомъ своего учителя, преподобнаго Пафнутія, который, какъ сказано въ его біографіи, не любилъ слушать тѣхъ, которые говорили не отъ писанія, то-есть, не церковно-славянскимъ языкомъ¹⁾. Всѣ житія въ Макарьевскихъ Четвѣихъ Минейхъ писаны почти исключительно церковно-славянскимъ языкомъ, не смотря на то, что сохранилось много первичныхъ редакцій этихъ житій, писанныхъ языкомъ, довольно близко подходящимъ къ народному и разговорному. Весьма вѣроятно, что этой своей передѣлкой житія обязаны Макарію, который кромѣ того отъ себя внесъ въ простыя и безскусственныя первыя редакціи необходимую тогда витѣватость изложенія. Однако, не смотря на всѣ старанія Макаріи, въ житіяхъ его попадаются иногда признаки сербскаго правописанія, результатъ вліянія сербскихъ слагателей, и нѣкоторыя особенности мѣстнаго пов-

¹⁾ *Искривость*, Зародк. наук. лит., 37.

городскаго говора ¹⁾), что весьма естественно, такъ какъ большая часть житій собрана имъ въ Новгородѣ при помощи сотрудниковъ Новгородцевъ.

Что же были лица, составлявшія кружокъ Макарія? Лѣтописи и житія сохранили нѣсколько ихъ именъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ знаменитый дьякъ Дмитрій Герасимовъ, прозванный Толмачемъ. Его служебная дѣятельность относится къ временамъ Іоанна III, когда онъ явился среди тѣхъ новыхъ людей, которые, не будучи знатнаго происхожденія и не пользуясь вышнимъ почетомъ, были первыми дѣльцами въ государствѣ. Онъ хорошо зналъ латинскій языкъ, былъ въ разныхъ странахъ Европы и вообще принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ русскихъ людей своего времени, о чемъ единогласно свидѣтельствуютъ Герберштейнъ и Іовій, бывшіе въ тѣсныя съ нимъ сношеніяхъ. Герасимовъ принадлежалъ къ числу ревностнѣйшихъ борцовъ противъ жидовствующихъ ²⁾ и послѣдніе годы своей жизни провелъ въ Новгородѣ при Макаріѣ. „Въ старости маститъ“, говоритъ лѣтописецъ, „раввунн своему отъ всея души послуживше, рѣченному архіепископу Макарію и ветхая понови и пополни во истинну мѣру, наткану и потрясу“. Въ 1532 г. онъ, по порученію Макарія, перевелъ съ латинскаго толковую Псалтырь Брунона, епископа Вюрцбургскаго, въ которой помѣщены были толкованія Іеронима, Августина, Григорія, Кассіодора, Беда и самого Брунона ³⁾. Въ предисловіи Дмитрій посвящаетъ свой трудъ Макарію и говоритъ о трудности перевода священныхъ книгъ „во нѣтъ языкъ“, о древнихъ переводчикахъ Библии и т. п.

Другой сотрудникъ Макарія былъ прибывшій въ 1537 г. въ Новгородъ по государеву дѣлу, для набора ратныхъ людей, боярскій сынъ Василій Михайловичъ Тучковъ. Макарію, узнавъ, что онъ „издѣтска навикъ вельми божественнаго писанія“, постарался привлечь его къ своему дѣлу и поручилъ передѣлать житіе и чудеса св. Михаила Саллоса, жившаго на Клопскѣ. Прежнее житіе, какъ говоритъ лѣтописецъ, было написано неискусно и просто, ибо тогда „человѣцы въ Новгородѣ еще быша не вельми искусни божественнаго Писанія“ ⁴⁾.

¹⁾ Напримѣръ, употребленіе и выство ч—величающе, о выство е, и вл. ѿ—шириарт, «при святѣйшомъ митрополитѣ, во гради, на мѣста» и пр. (*Некрасова*, Зар. и. р. лит. 22, 163).

²⁾ *Филаретъ*, Ист. цер., 81.

³⁾ Полн. С. Р. Лѣт. VI, 309; *Каразинъ*, VIII. Прил. 14—96.

⁴⁾ Полн. Собр. Лѣт. VI, 301.

Тучковъ передѣлалъ его и привелъ въ восхищеніе многихъ современниковъ. Его наложеніемъ восхищается и лѣтописецъ, который говоритъ: „аще кто прочтетъ, самъ узреть, како ветхая поновя и кольми чудно изложи“. Въѣсть съ тѣмъ лѣтописца удивляетъ и то рѣдкое тогда явленіе, что Тучковъ, „отъ многоцѣнныхъ царскія палаты храбрый вопль и всегда во царскихъ домахъ живый и мягкая нося и подружіе законно нѣя и въѣсть съ тѣмъ селника разумія отъ Господа сподобяся“. Но въ дѣйствительности Тучковъ только разукрасилъ множествомъ риторическихъ прибавленій древнюю редакцію, даже во многихъ случаяхъ сократилъ ее, сдѣлалъ нѣсколько измѣненій и даже искаженій фактовъ. Житію Тучковъ предпослалъ ватіеватое предисловіе, въ которомъ онъ представляетъ очеркъ искупленія рода человѣческаго, начиная отъ Адама; закончилъ же житіе послѣсловіемъ, гдѣ онъ выставляетъ на видъ свое знакомство съ книгой „о Тройскомъ плѣненіи“ и приводитъ имена Омира, Ахиллеса и Еркула. Новая редакція Тучкова не нравилась, какъ кажется, Макарію, потому что въ Четьяхъ Миняехъ онъ рядомъ съ ней помѣстилъ и старую.

Однимъ изъ ближайшихъ и постоянныхъ сотрудниковъ Макарія былъ неоднократно уже упоминаемый нами іеромонахъ его домовоі церкви Ілля. Макарій поручилъ ему написать житіе Георгія, мученика Болгарскаго. Основаніемъ для составленія житія послужили рассказы двухъ аеонскихъ монаховъ, Прохора и Митрофана, зашедшихъ въ Новгородъ и гостепріимно принятыхъ Макаріемъ. Онъ ихъ разспрашивалъ, въ какомъ положеніи находятся въ Болгаріи христіане, велика ли нужда пмъ отъ поганыхъ Сарацинъ. Инокіи рассказывали всѣ бѣдствія, которыя терпятъ христіане отъ невѣрныхъ, и между прочимъ рассказавъ о мученіяхъ св. Георгія. „Владыка восхитилъ ихъ слова точно пишу сладкую и повелѣлъ мнѣ описать подвиги мученика,“ говоритъ Ілля. Естественно, что ни Макарій, ни Ілля не могли вполнѣ полагаться на слова монаховъ, и Ілля писалъ, какъ онъ самъ говоритъ, надѣясь на молитвы великомученика Георгія и архіепископа Макарія; дѣйствительно, житіе, составленное Іллей, во многомъ несогласно съ болгарскимъ житіемъ, что можно объяснить тѣмъ, что сами аеонскіе монахи знали о Георгіѣ только по слухамъ.

По переѣздѣ въ Москву, Макарій не оставилъ своихъ прежнихъ занятій, но продолжалъ ихъ еще съ большей энергіей. Сдѣлавшись митрополитомъ всея Россіи, онъ прежде всего успѣшилъ привести исполненіе свою завѣтную мысль—сдѣлать общую канонизацію

всѣхъ русскихъ мѣстныхъ святыхъ. Въ своей окружной грамотѣ ¹⁾, писанной по этому поводу, онъ говоритъ, что многіе святые почитаются только въ мѣстностяхъ, гдѣ подвизались и покоятся по смерти, а всей остальной Россіи остаются неизвѣстными: „Господь прославлялъ ихъ многими различными чудесы и знаменіи и не бѣ имъ доднесь соборнаго пѣнія.“ Онъ обратился къ Іоанну и успѣлъ вызвать въ немъ сильное сочувствіе къ своему дѣлу. По повелѣнію царя, въ 1547 году былъ созванъ соборъ, на которомъ двѣнадцать святыхъ определено было объявить всероссійскими, а девяти установить только мѣстное почитаніе. Вліяніе Макарія на соборъ выразилось въ томъ, что почти ²/₃ изъ двѣнадцати общихъ святыхъ внесены по его собственному желанію: пять святыхъ новгородскихъ, Пафнутіи Боровскій, Александръ Невскій и митрополитъ Іона. Для того, чтобы внести въ списокъ требовались необходимыя для канонизаціи біографическія данныя, а такъ какъ въ то время они имѣлись не о всѣхъ святыхъ, то дѣло собора 1547 года нельзя было считать конченнымъ съ его прекращеніемъ. Вотъ почему Іоаннъ, безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ Макарія, въ концѣ собора обратился ко всѣмъ присутствующимъ съ просьбою собирать свѣдѣнія о новыхъ чудотворцахъ и иредставить ихъ на слѣдующій соборъ, который и состоялся въ 1549 году. На немъ было утверждено почитаніе новыхъ двадцати трехъ святыхъ, въ томъ числѣ шести новгородскихъ, двухъ сербскихъ и трехъ литовскихъ.

Житія многихъ изъ вновь канонизованныхъ святыхъ не были еще составлены, а нѣкоторыя надо было передѣлать, слѣдствіемъ чего явилась новая усмеленная дѣятельность Макарія. Еще раньше этихъ соборовъ онъ поручилъ Саввѣ, епископу Крутицкому, постриженнику Іосифа Волоцкаго, написать его житіе, которое и помѣстилъ въ Четвѣхъ Минеяхъ, несмотря на то, что Іосифъ тогда еще не былъ признанъ святымъ. Тогда же онъ поручилъ другому постриженнику Іосифа, старцу Фотію, составить службу Іосифу и благословилъ его въ кельи „по ней молитвовать и до празднованія соборнаго уложенія“. Еще въ 1540 г., по порученію митрополита, внокъ Макарій написалъ житіе преп. Макарія Калазинскаго, который былъ канонизованъ въ 1547 г.; точно также раньше канонизаціи въ 1545 г. Макарій поручилъ игумену Іеродіону Сварскому составить житіе преподобнаго

¹⁾ Акт. Эксп. 1, 113.

Александра Свирскаго, скончавшагося только за двадцать лѣтъ передъ этимъ, въ 1533 году.

Въ 1547 году, послѣ перваго собора, по порученію Макарія, были написаны житія Александра Невскаго и митрополита Іоны. Первое житіе написалъ Михаилъ, инокъ Владимірскаго монастыря, въ которомъ хранились мощи Александра Невскаго; онъ былъ на соборѣ 1547 года и тутъ, по всей вѣроятности, получилъ отъ Макарія порученіе составить это житіе. Произведеніе Михаила не что иное, какъ панегирикъ въ формѣ похвальнаго слова; такой же характеръ имѣютъ и вновь составленныя, по порученію Макарія, житія Іоны Московскаго, Никона и Павла Обнорскаго. Въ 50-хъ годахъ инокъ Іосафъ, по порученію Макарія, составилъ житіе Степана Махрицкаго, инокъ Маркеллъ Безбородный — житіе Саввы Сторожевскаго, „Макарію умолену бывшии отци обители оныя (Фросевской) и добре о семъ подвигнуша и мене убогаго понудившу списати“. Около того же времени были составлены два послѣднія житія, внесенныя Макаріемъ въ его Четви Миней: житіе преп. Евфросина и житіе князя Всеволода Псковскаго, составленныя извѣстнымъ пресвитеромъ Василиемъ, ревностнымъ защитникомъ сугубой аллилуйи. Съ этого времени Макарій хотя и кончилъ составленіе Четви Миней, но все-таки съ неменьшею ревностью продолжалъ заботиться о дальнѣйшемъ развитіи литературы житій. Тотъ же Василій составилъ, по его порученію, житія Саввы Брынецкаго, Никиты, Нифонта епископа Новгородскаго, и Исидора Юрьевскаго. Въ 1553 г., по порученію Макарія, составлено житіе Данила Переяславскаго, а въ 1560 г. онъ повелѣлъ игумену Варлааму Махрицкому и епископу Іосафу Вологодскому навести справки на мѣстѣ въ Авжежскомъ монастырѣ о чудесахъ преподобныхъ Григорія и Кассіана Авжежскихъ (Авнежскихъ). Когда порученіе имъ было исполнено, Макарій постановилъ на соборѣ праздновать обимъ новымъ чудотворцамъ.

Литературное движеніе, вызванное Макаріемъ, результатомъ котораго было появленіе при немъ шестидесяти новыхъ житій, продолжалось долгое время и послѣ его смерти. Можно сказать даже, что житія святыхъ и похвальныя имъ слова стали почти исключительнымъ родомъ сочиненій въ русской литературѣ конца шестнадцатаго и начала семнадцатаго столѣтій. Не остался безъ подражанія и примѣръ Макарія, какъ составителя Четви Миней. Въ 1646—1654 гг. составлены Миней Четви священникомъ Милутинымъ, а въ 1684 — 1689 г. св. Димитріемъ Ростовскимъ.

Дѣятельность Макарія на пользу русской агіобіографіи не осталась безслѣдною для его современниковъ. Сохранилась рукопись, въ которой описаны послѣдніе дни жизни Макарія ¹⁾ — обыкновенный тогдашній пріемъ заготовленія матеріаловъ для будущаго составителя полнаго житія. Если житіе и не было составлено, а Макарій не былъ канонизованъ, то только благодаря послѣдующимъ смутнымъ событіямъ, отвлекшимъ вниманіе общества отъ его прежнихъ мирныхъ дѣятелей.

Въ послѣдніе годы своей жизни Макарій преимущественно занимался Степенной Книгой. Степенная Книга — это лѣтописный сборникъ, составленный на основаніи древнихъ лѣтописей, но съ тѣмъ отличіемъ отъ нихъ, что связь между описываемыми въ ней событіями не хронологическая, а генеалогическая по степенямъ, или по княженіямъ. Мѣсто прежнихъ обозначеній лѣтъ здѣсь занимаютъ названія князей, причемъ видно желаніе провести черезъ весь сборникъ новую идею о престолонаслѣдованіи: за княженіемъ отца идетъ повѣствованіе о княженіи сына, затѣмъ внука, правнука и т. д. Всѣхъ степеней считается семнадцать, и разказъ доведенъ до Іоанна Грознаго. Первымъ составителемъ Степенной Книги, согласно мнѣнію Татищева, считается митрополитъ Кипріянь, но, какъ говоритъ высокопресвященный Макарій ²⁾, только за догадку можно принять мысль, что Кипріянь составилъ Степенную Книгу въ ея кратчайшемъ видѣ, или положилъ ей начало; тѣмъ же видомъ и составомъ, въ какомъ она сохранилась, она главнымъ образомъ обязана митрополиту Макарію.

Участіе Макарія въ составленіи Степенной Книги было такого же рода, какъ и въ составленіи Четивъ Миней. Онъ поручалъ составлять статьи для нея разнымъ способнымъ къ тому людямъ, руководилъ ихъ работою и, по всей вѣроятности, придавалъ ей окончательный видъ. Почти въ каждой изъ такихъ статей говорится, что она составлена „благословеніемъ и повелѣніемъ митрополита Макарія всея Русіи“.

Отличительный характеръ Степенной Книги тотъ, что всѣ церковныя и гражданскія историческія событія изложены въ ней съ религіозной точки зрѣнія, вслѣдствіе чего повѣствованіа о князьяхъ и по содержанію и по формѣ очень похожи на житія святыхъ, помѣщенныхъ въ Четывъ Минейхъ. Но нельзя однако сказать, что Ма-

¹⁾ *Древн. ист. соч.*, 223.

²⁾ *Ист. Р. Цер.* V 192.

каріи не чувствовалъ никакого различія между житіями Четвѣртой Миней и Степенной Книжки; въпримѣръ, изъ того уже обстоятельства, что для Степенной Книжки онъ счелъ нужнымъ составить новыя редакціи житій, уже помѣщенныхъ въ Четвѣртыхъ Минейхъ, видно, что онъ хоть и слабо, но все-таки сознавалъ эту разницу. Такъ, если сравнимъ житіе Александра Невскаго, помѣщенное въ Четвѣртыхъ Минейхъ и въ Степенной Книжкѣ, то замѣтимъ, что въ послѣдней нѣтъ столько витиеватостей, нѣтъ риторическаго похвальнаго слова, нѣтъ подробнаго перечня чудесъ, вообще преобладаетъ биографическій разказъ, и дѣятельность великаго князя изображается въ связи съ другими историческими явленіями его времени. Это замѣчаетъ самъ составитель, который относительно чудесъ говоритъ: „сія же различная чудеса довольно писана быша въ торжественнѣмъ словеси его, въ сей же повѣсти сокращено прочихъ ради дѣланій“. Такимъ же характеромъ отличаются помѣщенные въ Степенной Книжки житія св. Владиміра, Ольги, Бориса и Глѣба, митрополита Іоны, Алексія и другихъ.

Между ними самое значительное по размѣру житіе св. Владиміра. Кромѣ того оно отличается отъ прочихъ житій многословіемъ и растянутостью, состоитъ изъ 72-хъ большихъ главъ, въ которыхъ повѣствуется не только о Владимірѣ, но и о началѣ Руси и первыхъ русскихъ князьяхъ. Здѣсь въ первый разъ родъ Рюрика выводится изъ Пруссій и родовачальникъ его именуется братомъ Августа—сказаніе, возникшее въ видѣ подтвержденія идеи, что Москва есть третій Римъ, и Московскій великій князь преемникъ Византійскихъ и Римскихъ императоровъ. Послѣ житія Владиміра слѣдуетъ, какъ бы его продолженіе, житіе Бориса и Глѣба, составленное по Іакову и Нестору. Изъ другихъ житій замѣчательно житіе князя Всеволода Псковскаго, при составленіи котораго авторъ пользовался полной редакціей, помѣщенной въ Четвѣртыхъ Минейхъ; онъ, какъ и авторъ житія Александра Невскаго, изъ многочисленныхъ чудесъ Всеволода упоминаетъ только объ одномъ, а о прочихъ говоритъ, что „въ иной книжѣ, въ житіи его, обрящеша“.

Кромѣ всѣхъ вышеуказанныхъ житій, въ Степенную Книжку при Макаріи внесено было еще житіе Данила Перелславскаго; объ остальныхъ же житіяхъ, помѣщенныхъ въ Степенной Книжкѣ, можно предполагать, что они внесены туда или до Макарія, или послѣ него.

Какъ въ составленіи Четвѣртой Миней, такъ въ Степенной Книжкѣ Макаріи являлся только главнымъ руководителемъ, но отъ него осталось, какъ мы видѣли, и много собственныхъ сочиненій. Хотя они и часть сскви, отд. 2.

по качеству, и по количеству уступаютъ произведеніямъ современныхъ Макарію писателей—Максіма Грека, кн. Курбскаго, Іоанна IV, Зиновія Отенскаго, но все-таки не лишены литературнаго значенія.

Предлагаемъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ сохранившихся сочиненій Макарія.

1526 г. Посланіе къ великому князю Василію объ учрежденіи общежитія (Доп. Ист. Ак. 1—23).

1528 г. Уставная грамота Духовскому монастырю (Ак. Ист. 1—339).

1534 г. Грамота въ Вятскую Патрну (Доп. Ист. Ак. 1—27).

1539 г. Повольная грамота митр. Іосафу на всякое великое дѣло (Ак. Эп. 1 — 184).

1549 г. Уставная грамота о пошлинахъ съ сельскихъ церквей Николаевскаго Псковскаго монастыря (Ак. Эп. № 197).

1547 г. Слово по поводу бракосочетанія великаго князя (Доп. Ист. Ак. № 40).

1547 г. Окружная грамота въ Вологду и Бѣлоозеро объ установленіи празднованія новымъ русскимъ святымъ (Ак. Эп. № 213).

1547 г. Окружное посланіе о милостивнѣ Святгорскимъ старцамъ (Ист. Ак. 545).

1550 г. Рѣчь во Владимірѣ къ воеводамъ (Ник. лѣт. VII—67).

1550 г. Отвѣтъ отъ божественнаго писанія царю Ивану Васильевичу (Лѣт. Тих. V — III — 126).

1551 г. Слово по случаю заложенія Свиязска (Ник. лѣт. VII — 73),

1551 г. Грамота о постановленіяхъ Стоглава во Владимірѣ къ бѣлому духовенству.

1551 г. Грамота Суздальскому Дмитріеву монастырю на владѣніе деревней Мзарамы и на подсудность крестьянъ игумену (Вост. Ок. Рум. М. 79).

1551 г. Уставная грамота о постановленіяхъ Стоглаваго собора (Времен. Моск. Ист. Общ. XIV).

1552 г. Посланіе въ Свиязскъ къ войску (Ак. Ист. 287).

1552 г. Посланіе къ царю Ивану Васильевичу объ укрѣпленіи на брань (Ак. Ист. 290).

1552 г. Посланіе къ царю Ивану Васильевичу въ Казавь (Поли. С. Р. Л. VI — 208).

1553 г. Слово при встрѣчѣ Великаго Князя въ Москвѣ (Ник. Л. V—193).

1553 г. Посланіе въ Соловецкій монастырь о заточеніи Троицкаго игумена Артемія (А. Эксп. № 239).

1554 г. Грамота въ Симоновъ монастырь о постановленіяхъ Стоглава (Стогл. Казавск. вѣд. 258).

1554 г. Грамота Новгородскому арх. Серапіону (Стогл. Каз. пзд. 420).

1557 г. Грамота въ Новгородъ объ отправленіи молебствія по случаю голода (Д. А. Н. 366).

1558 г. Грамота въ Каргополь къ бѣлому духовенству о постановленіяхъ Стоглава (Прав. Соб. 1863 — 1).

1658 г. Послание къ архіеп. Новгородскому Пимену о священноинокѣ Юрьева монастыря Аврааміи, служившемъ литургію безъ энтрахлии (Авраамія оглушить на годъ, а архимандрита который не довезъ о его проступкѣ архіепископу, простить); о священникѣ, не кончившемъ литургіи по причинѣ припадка (если выдоровѣлъ, вѣстеть Макарію, пусть служатъ по прежнему — животоу и смертию владѣеть Богъ, если же нѣтъ, назначить другаго на его мѣсто). (Акт. Эксп. 1 — № 253).

1663 г. Дуковная грамота (А. П. 1—328).

Кромѣ того Макарію приписываютъ Боричую книгу — собраніе всѣхъ каноническихъ статей, въ томъ числѣ и такихъ, которыя только казались каноническими, Великую книгу правила келейнаго и путнаго, Дѣянія Собора противъ Башкина и Поученіе о молитвѣ ¹⁾, но предпослѣднее сочиненіе есть только соборное дѣло, скрѣпленное рукою митрополита; а послѣднее — выписки изъ Стоглава.

Большую часть сочиненій Макарія мы подробно излагали въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ при обзорѣни политической и церковной его дѣятельности; теперь же займемся ихъ литературной оцѣнкой.

Если отбросить всѣ грамоты и посланія, въ которыхъ заключаются церковно-административныя распоряженія, то собственно литературныхъ произведеній Макарія останется: одно поученіе, три рѣчи, четыре посланія и одна грамота.

Одно сохранившееся церковное поученіе Макарія не даетъ однако права утверждать, что онъ по примѣру большинства своихъ современниковъ не любилъ заниматься этой отраслью духовной литературы. Напротивъ, лѣтописцы единогласно утверждаютъ, что Макарію постоянно говорилъ къ народу „многими повѣстми“, и что изъ устъ его являлись рѣчи медоточнаго ученія. Въ лѣтописи упоминается, наприимѣръ, что при рукоположеніи Θεодосія въ игумены онъ провѣнесь поученіе о томъ еже достоинъ игуменахъ—пробывати въ постѣ и въ молитвахъ и во бдѣніяхъ и во всякихъ добродѣтеляхъ и поученіе имѣти о своемъ спасенномъ стадѣ, елико Богъ дастъ ²⁾. Сохранившееся вополнѣ поученіе Макарія сказано имъ при бракосочетаніи царя. Въ немъ прежде всего насъ поражаетъ естественный стройный порядокъ изложенія; поученіе раздѣляется на три строго опредѣленныя части: въ первой ораторъ говоритъ объ обязанностяхъ обще-христіанскихъ, во второй—царскихъ, въ третьей собственно семейныхъ. Затѣмъ слѣдуетъ заключеніе, въ которомъ Макарію въ духѣ

¹⁾ Филаретъ. Общ. р. д. лт. 132.

²⁾ Соев. Врем. 372.

своего времени обѣщаетъ новобрачной четѣ за соблюденіе всѣхъ этихъ обязанностей всякаго рода благополучіе, небесное и земное. Кромѣ плана это поученіе отличается простотою слога и удобоуяснителнью изложенія: ораторъ, какъ видно, преимущественно обращалъ вниманіе на духъ и мысль своего сочиненія, а не на форму, благодаря чему у него не замѣтно никакой условной торжественности которой такъ страдаютъ другіе современные ему писатели. Вообще простой и естественный способъ выраженія выгодно отличаетъ Макарія отъ другихъ современныхъ ему ораторовъ, у которыхъ часто можно встрѣтить одинъ только наборъ словъ и трескучихъ фразъ безъ всякаго смысла. Неудивительно, что, по свидѣтельству лѣтописца, всѣ слушатели Макарія удивлялись его способности говорить всѣмъ удобоуяснително.

Такимъ же характеромъ отличаются и рѣчи Макарія—сказанныя во Владимірѣ воеводамъ, въ Москвѣ по случаю заложенія Свѣяжска и при встрѣчѣ великаго князя. Простота и безыскусственность ихъ до того поразительны, что заставляютъ предполагать отсутствіе предварительной ихъ подготовки. Особенно это можно сказать относительно рѣчи, произнесенной по случаю заложенія Свѣяжска, которая собственно, какъ мы видѣли, состоитъ только изъ двухъ мыслей. Рѣчь, произнесенная во Владимірѣ— о вредѣ ивѣстничества, хотя по размаху и больше, но все таки не уступаетъ первой въ безыскусственности. Наконецъ, третья рѣчь, сказанная Макаріемъ при встрѣчѣ государя послѣ взятія Казани, проникнута вся глубокимъ патриотическимъ чувствомъ, сознаниемъ всей важности для Россіи только что оконченнаго дѣла. Здѣсь уже являются довольно длинныя періоды, искусственными сравненія Іоанна съ Константиномъ, Владиміромъ, Дмитріемъ Донскимъ и Александромъ Невскимъ, при чемъ ораторъ подвигъ его ставитъ выше ихъ дѣлъ; рѣчь свою Макарій закончилъ эффектнымъ приемомъ, вполне соответствовавшимъ торжественности обстановки и произведшимъ на слушателей весьма сильное впечатлѣніе. На поклонѣ царя онъ отвѣтилъ поклономъ до земли, при чемъ произнесъ слѣдующія слова; „чѣмъ возможемъ мы возблагодарить Бога за оказанныя имъ тебѣ великія милости, какъ не словами: велий еси Господи, и чудна дѣла твоя, ни одно же слово довольно къ похвалѣнію чудесъ твоихъ! А тебя царь, какъ мы отблагодаримъ и какія принесемъ похвалы? Ты избавилъ насъ отъ нашествія варваровъ, разорилъ ихъ жилища, освободилъ отъ рабства вашихъ плѣнныхъ братьевъ; вмѣстѣ съ ними мы восклицаемъ къ тебѣ: радуйся и весе-

лись, благочестивый царь! Здравствуй, государь, со своею царицею и сыномъ, со всѣми боярами и воинствомъ въ царственномъ градѣ Москвѣ, на всѣхъ твоихъ царствахъ и на благодарованномъ Казанскомъ царствѣ въ сей годъ и послѣдующій, въ родъ и родъ, на многая лѣта! И тебѣ, царю, за всѣ твои труды со всѣми освященнымъ соборомъ и со всѣми православными христіанами челоуъ бую°. Нужно замѣтить, что рѣчь эта не могла быть приготовлена раньше, потому что она служила отвѣтомъ на слова Іоанна; вообще эта рѣчь показывается въ Макаріѣ челоуъка вполне владѣющаго даромъ слова и умѣющаго пользоваться обстоятельствами для того, чтобы усилить впечатлѣніе своихъ словъ.

Совершенно иной характеръ носятъ посланія Макаріа: въ нихъ онъ вполне подчинялся вліянію своего времени, и потому всѣ недостатки современныхъ сочиненій такого рода имѣютъ въ нихъ мѣсто.

Посланія были тогда преобладающей формой литературы: съ ними обращались къ разнымъ лицамъ или сословіямъ, когда желали исправить чьи либо недостатки, или изобличить заблужденія. Чаще всего писались посланія къ князьямъ; въ нихъ давались разнаго рода совѣты по поводу важныхъ событій, одобрялись, или порицались княжескія дѣйствія, или испрашивалось дозволеніе на какія нибудь нововведенія. Такое содержаніе имѣютъ и всѣ посланія Макаріа, изъ которыхъ замѣчательнѣйшія посланія его къ Іоанну—два по поводу Казанскихъ событій, а одно по поводу вопроса о церковныхъ имѣніяхъ и посланіе въ Свиязскъ ко всему войску и шароу.

Изъ нихъ ниже всѣхъ другихъ по изложенію и содержанію посланіе къ царю въ Муромъ: оно отличается искусственностью, витіеватостью, многорѣчіемъ, одна и та же мысль нѣсколько разъ повторяется только въ разной формѣ. Но, несмотря на всѣ эти недостатки, и въ немъ попадаются хорошія мѣста, къ которымъ нельзя не причислить всѣ смѣлыя обращенія Макаріа къ царю, приглашающія его удерживаться отъ грѣховъ. Въ этомъ посланіи, какъ и въ прочихъ, мы замѣчаемъ множество историческихъ примѣровъ, взятыхъ изъ отечественной исторіи. Изъ другихъ писателей такое обиліе примѣровъ встрѣчается только у знаменитаго Вассіана Ростовскаго, особенно въ посланіи его къ Іоанну III, въ которомъ онъ примѣрами Игоря, Владиміра, Мономаха, Донскаго и др. побуждаетъ великаго князя сражаться съ Татарами. Вообще посланія Макаріа и въ другихъ отношеніяхъ напоминаютъ посланія Вассіана и весьма вѣроятно предположить, что

Вассіанъ былъ любимый ученикъ Пафнутія Боровскаго, изъ монастыря котораго вышелъ Макарій.

Второе посланіе къ Іоанну по случаю взятія Казани короче перваго и почти все состоитъ изъ постоянныхъ напоминаній мужаться и твердо продолжать начатое дѣло. Въ этомъ посланіи, какъ и въ первомъ, довольно часто попадаются повторенія и мѣстами замѣчается растянутасть, но въ цѣломъ оно стройнѣе перваго и отличается глубокимъ патриотическимъ чувствомъ, которое возвышаетъ автора до истиннаго краснорѣчія, особенно въ концѣ посланія.

Отвѣтъ Макарія царю о недвижимыхъ вещехъ, вѣданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, мы уже подробно разбирали; здѣсь остается только замѣтить, что содержаніе въ немъ не всегда соотвѣтствуетъ формѣ и цѣлыя большія фразы повторяются по два и по три раза.

Обширнѣе всѣхъ другихъ посланій Макарія, грамота его въ Свіязскъ къ войску и народу, въ которой онъ увѣщаетъ ихъ исправить свое поведеніе и, подобно всѣмъ другимъ древне-русскимъ книжникамъ, въ постигшихъ ихъ болѣзняхъ видитъ наказаніе за ихъ грѣхи. Несмотря на свой объемъ, посланіе отличается послѣдовательностью хода мыслей, сравнительной простотой выраженій и силой, которою проникнуты всѣ обличенія и угрозы святителя.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о Духовной Макарія, которая писана имъ за три мѣсяца до смерти, въ сентябрѣ 1563 года. Эта „духовная грамота“ составлена по образцу грамотъ его предшественниковъ и болѣе всего сходна съ грамотой митр. Кипріяна ¹⁾). Въ ней Макарій упоминаетъ сначала о своей старости и различныхъ болѣзняхъ, побудившихъ его написать это завѣщаніе; затѣмъ говоритъ объ исповѣданіи вѣры, которое написалъ, когда рукополагался во святители, замѣчаетъ, что былъ поставленъ въ митролиты противъ своей воли, неоднократно по причинѣ многихъ скорбей хотѣлъ отказаться отъ архіерейства, но былъ удерживаемъ великимъ княземъ, святителями и соборомъ. Въ концѣ грамоты онъ обращается ко всему духовенству, великому князю, боярамъ, дѣтямъ боярскимъ, дьякамъ и всѣмъ православнымъ, христіанамъ съ ихъ женами и дѣтьми, проситъ у нихъ и самъ имъ преподаетъ благословеніе и прощеніе.

¹⁾ Макарій, V, 190.

АРХАИЧЕСКІЯ ФОРМЫ СЕМЕЙНОЙ ОРГАНИЗАЦІИ У КAVKAZ-СКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

Въ послѣднее время точное изученіе быта народовъ, находящихся на низшихъ ступеняхъ развитія, привело къ убѣжденію, что такъ называемая патріархальная семья далеко не можетъ быть признана первичною формою семейной организаціи. Открыты были болѣе архаическія формы¹⁾. Подробное изученіе этихъ формъ у различныхъ народовъ необходимо въ настоящее время, такъ какъ безъ него немислимо пониманіе генезиса семейнаго строя вообще. Въ этомъ отношеніи русскіе ученые могутъ сдѣлать очень много для науки, такъ какъ въ ихъ распоряженіи находится богатый матеріалъ, недоступный въ большинствѣ случаевъ для иностранныхъ ученыхъ. Я говорю здѣсь о правѣ инородцевъ, живущихъ въ предѣлахъ обширной Россійской имперіи. Тутъ мы знакомимся съ самыми разнообразными архаическими формами семьи. У нѣкоторыхъ изъ инородческихъ племенъ эти древнія семейныя формы еще пользуются полнымъ признаніемъ, еще не замѣнены болѣе новыми, между тѣмъ какъ у другихъ онѣ отжили уже свой вѣкъ и уступили мѣсто семейному строю новѣйшей формациі, такъ что въ правѣ этихъ племенъ мы можемъ указать только на слѣды и остатки ихъ существованія. Но и эти остатки въ высшей степени важны для науки, и они должны быть тщательно собраны и систематизированы.

¹⁾ См. мою статью «Къ ученію объ организаціи семьи и рода въ первобытныхъ обществахъ» въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, апрѣль и іюль 1881 г.

Въ настоящемъ очеркѣ мы задались цѣлью, познакомиться съ остатками архангеской семейной и родовой организаціи у инородческихъ племенъ, населяющихъ Кавказъ.

Начнемъ съ общаго замѣчанія, что тотъ семейный и родовой строй, съ которымъ мы встрѣчаемся въ настоящее время у кавказскихъ горцевъ, принадлежать уже къ позднѣйшимъ формаціямъ права: только тамъ и сямъ попадаются остатки прежнихъ формъ. А именно, въ семейной и родовой организаціи горскихъ племенъ начало агнатства имѣеть несомнѣнное преимущество надъ началомъ когнатства, что, какъ доказано новѣйшими изслѣдованіями, составляетъ отличительный признакъ семейнаго права позднѣйшихъ формацій. Но, въ правѣ нѣкоторыхъ племенъ сохранились указанія на то, что нѣкогда было иначе, что въ древности начало когнатства было организаціоннымъ принципомъ семейнаго строя. Наконецъ, и тамъ, гдѣ агнаты получили перевѣсъ надъ когнатами, сіи послѣдніе не были окончательно вытѣснены первыми и семейная организація никогда не угодоблялась той, которая извѣстна подъ названіемъ римской патриархальной семьи.

Обратимся прежде всего къ даннымъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что въ глубокой древности ребенокъ принадлежалъ исключительно къ роду своей матери. Въ этомъ отношеніи въ особенности важно одно преданіе, сохранившееся у Ингушей и указывающее на то, что нѣкогда у этого племени ребенокъ до такой степени считался всецѣло принадлежащимъ къ роду своей матери, что онъ долженъ былъ въ случаѣ, если его отецъ убивалъ его дядю—брата его матери, отомстить за дядю кровавою местию и убить отца. Далѣе, изъ того же преданія мы можемъ убѣдиться, что роды и племена вели свое происхожденіе нюгда не отъ мужчинъ—родоначальниковъ, а отъ женщинъ—родоначальницъ. Вотъ это преданіе: одинъ изъ древнихъ ингушевскихъ героевъ Чона, сынъ Барота, находился въ связи съ лѣсной женщиной¹⁾. „А что, Чона, спросила его однажды

¹⁾ Ингуши вѣрятъ, что въ лѣсахъ живеть особая порода лѣсныхъ людей. Лѣсные мужчинамъ покрыты волосами и имѣютъ страшный видъ, лѣсными же женщинамъ отличаются чрезвычайной красотой, но по характеру онѣ такъ же злы и коварны. Это преданіе объ особой породѣ людей по всей вѣроятности имѣеть основаніемъ существованіе въ древности въ лѣсной части занимаемой Ингушами территоріи вакого явбудъ племени, различнаго съ Ингушами по происхожденію и обычаямъ, но потому съ ними сближающагося.

лѣсная женщина, ты испугаешься, если къ тебѣ придетъ ночью какое нибудь чудовище?" „Настолько не испугаюсь, отвѣчалъ Чопа, что не потеряюсь и сумѣю защитить себя, кто бы ни напалъ на меня". „Въ такомъ случаѣ, замѣтила лѣсная женщина, я оставлю тебя сегодня одного въ лѣсу, и ты долженъ будешь показать твою храбрость, такъ какъ въ полночь къ тебѣ придетъ лѣсной человѣкъ". Чопа съѣлъ въ лѣсу одинъ. Вдругъ съ вихремъ появляется чудовище; оно освѣщается огнемъ и подходитъ къ Чопѣ. Чопа сдѣлалъ въ него выстрѣлъ. „Я братъ той женщины, съ которой ты живешь", простонало чудовище, „напрасно ты въ меня выстрѣлялъ!" Съ этими словами чудовище исчезло. При свиданіи Чопа разказалъ лѣсной женщинѣ все случившееся. Она, хотя и упрекала Чопу въ убійствѣ брата, но тѣмъ не менѣе продолжала съ нимъ связь. У нихъ родился сынъ. Когда онъ сталъ подростать, то Чопа сталъ опасаться отомщенія отъ него за убитаго дядю. Онъ долженъ былъ прекратить свою многолѣтнюю связь съ лѣсной женщиной и даже боялся ходить въ лѣсъ ¹⁾. Не смотря на всѣ эти предосторожности, Чопа встрѣтилъ однажды своего сына въ ущельи Аршту, не доѣзжая аула Булгума. Между отцемъ и сыномъ произошла драка, и Чопа былъ раненъ и ограбленъ сыномъ своимъ, который отомстилъ такимъ образомъ за своего дядю. Чопу взяли жители аула Булгумъ. Чопа умиралъ, онъ завѣщалъ, чтобы въ комнатѣ, гдѣ онъ будетъ лежать мертвымъ, никого не было. Такъ и сдѣлали. Но одна женщина изъ любопытства осталась въ комнатѣ съ трупомъ. Въ полночь комната вдругъ освѣтилась, и явилась лѣсная женщина съ дочерью оплакивать Чопу. Къ разсвѣту лѣсная женщина говоритъ своимъ дочерямъ, что она чувствуетъ запахъ человѣчскій. „Кто слышитъ нашъ разговоръ, сказала лѣсная женщина, да не удовлетворятся души его потомства". Произнесши это заклятіе лѣсная женщина исчезла съ дочерью. Отъ той женщины (то-есть, отъ той, которая подглядывала появленіе лѣсной женщины) произошли Орштохойцы (Карабулак). Известно, что они самый беспокойный народъ и ничѣмъ не удовлетворяются (Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горахъ. Выпускъ VIII. Статья Чаха Ахрѣева „Пигуши", стр. 27—29). Изъ числа юридическихъ обычаевъ, указывающихъ на преобладаніе въ древности начала материнскаго родства, самымъ харак-

¹⁾ Изъ того, что Чопа боялся ходить въ лѣсъ, видно, что сынъ его жилъ въ лѣсу при имени своей матери.

теристическимъ является обычай, опредѣляющій порядокъ передачи сословныхъ правъ у Кабардинцевъ и вообще у всѣхъ Адиге (Черкесовъ). Этотъ обычай свидѣтельствуетъ такъ же, что въ древности семья группировалась вообще не около мужчинъ, а около женщинъ. А именно, у низшихъ (то-есть, зависимыхъ) сословій сословныя права передаются не отцемъ, а матерью. Мало того, даже мужу иногда сословныя права сообщаются женою. Такъ, мужчина унаутъ, то-есть рабъ, по достиженіи совершеннолѣтія можетъ требовать отъ владѣльца жену изъ сословія логанапутовъ или шпатлей¹⁾, и владѣлецъ долженъ ему ее купить, послѣ чего какъ мужъ, такъ и прижитыя съ логанапуткой дѣти получаютъ права логанапутовъ. Унаутки по обычаю не могли выходить замужъ, но имъ могло быть дозволено со стороны господина вступать во временныя связи съ Унаутами, Логанаутами и даже со свободными, при чемъ всѣ дѣти, рожденныя отъ такой связи дѣлались Унаутами. Однимъ словомъ, относительно причисленія дѣтей къ тому или другому сословію у Адиге господствовало правило, по которому рожденный отъ холопа и свободной женщины считался свободнымъ, а рожденный отъ свободного мужчины и холопки—холопомъ. Что касается высшихъ сословій, то здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ же правиломъ, хотя оно вѣсколько и видоизмѣнено: дѣти князя и женщины не княжескаго происхожденія не получали сословныхъ правъ своего отца, не становились князьями. Впрочемъ, они не причислялись и къ сословію своей матери, а составляли особое сословіе, называвшееся тума (Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Выпускъ I. Горская лѣтопись, стр. 24. Дубровникъ, Исторія войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ. Томъ I. книга 1, стр. 210). Подобное опредѣленіе принадлежности къ тому или другому сословію происхожденіемъ по женской линіи неоспоримо указываетъ на то, что утробное родство было у Адиге основой семейной и родовой организаціи еще не особенно давно, а именно въ тотъ сравнительно уже поздній періодъ ихъ исторіи, когда слагались сословія. Далѣе, на преобладаніе вѣкогда у вѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ той формы рода, которая основана на счетѣ родства по женской линіи, указываютъ такъ же постановленія вѣкоторыхъ адатовъ о кровавой мести. Такъ, по адатамъ Кумыкской плоскости, если братъ убьетъ брата, то, если убійца съ убитымъ братья отъ разныхъ

¹⁾ Логанапутм или шпатей составляютъ зависимое сословіе, но не находятъ въ состояніи рабства.

матерей, а у убитаго есть братья отъ одной матери, сему послѣднему принадлежитъ право мести и выкупа (Сборн. свѣдѣн. о кавказ. горцахъ, вып. VI. Алаты Кумынской плоскости, стр. 5). Значеніе утробнаго родства здѣсь очевидно: братья отъ разныхъ матерей рассматриваются въ данномъ случаѣ какъ чужеродцы. Еще болѣе проявляется значеніе утробнаго родства въ положеніяхъ алата Гамринскаго нагола, по которымъ мужъ, убившій свою жену, становится калымъ (то-есть подпадаетъ мести) своихъ дѣтей и родственниковъ своей жены (Сборникъ свѣдѣн. о кавказ. горц. Вып. VIII, Алаты южно-дагестанскихъ обществъ, стр. 53). Здѣсь дѣти известной женщины вмѣстѣ съ родичами ея противопоставляются мужу этой женщины, своему отцу, какъ чужеродцу. Равнымъ образомъ только тѣмъ, что въ древности ребенокъ исключительно принадлежалъ къ роду матери и мужчинъ наследовали не его дѣти, а племянники, то-есть дѣти его сестры, можетъ быть объяснено положеніе обычнаго права Ингушей, по которому дядя обязанъ племяннику своему, — сину сестры, а не брата, достигшему 16 или 17-лѣтняго возраста, сдѣлать баргъ, то-есть почетную плату, состоящую въ подаркѣ хорошей лошади, стоящей не менѣе 30 р. Подарокъ этотъ обязателенъ до такой степени, что взрослый и нетѣрпѣливый племянникъ, долго не получающій подарка, можетъ отнять у своего дяди означенный баргъ силою (Сборн. свѣдѣн. о Кавказ. горц. Вып. IX статья: „Ингуши“, стр. 102). Далѣе, на преобладаніе въ древности утробнаго родства указываетъ такъ же обычай Осетинъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни совѣтоваться съ братьями своей матери. Правда, Гудиръ Шанаевъ, авторъ статьи (Сбор. свѣдѣн. о Кавказ. горц. Вып. VII, статья: „Изъ осетинскихъ народн. сказаній“, стр. 25), изъ которой мы почерпнули настоящее свѣдѣніе, объясняетъ, что совѣтуются съ братьями матери потому, что сія послѣдніе, не имѣя по обычному осетинскому праву наследственныхъ правъ относительно своихъ племянниковъ, могутъ дать наиболѣе безкорыстные совѣты, но изъ словъ его не видно, толкуется ли такъ занимающій насъ обычай самими Осетинами, или это просто ображеніе автора, случайно пришедшее ему въ голову. Но, еслибы даже сами Осетины толковали такъ этотъ обычай, то это нисколько не подрывало бы нашего предположенія, что сей послѣдній есть не что иное какъ переживание, сохранившееся отъ того времени, когда отцу матери принадлежало въ семьѣ то мѣсто, которое занимаетъ теперь отецъ. Вѣдь хорошо известно, что народъ рѣдко правильно толкуетъ смыслъ такъ-называемыхъ переживаній, а переживаніе, о ко-

торожъ идетъ рѣчь, относится къ семейному строю, давно уже не существующему у осетинскаго народа, такъ какъ въ настоящее время происхожденіе по мужеской линіи признается единственнымъ и исключительнымъ основаніемъ для опредѣленія принадлежности къ тому или другому роду. Родство по женской линіи теперь не имѣетъ между Осетинами почти никакого юридическаго значенія: по понятіямъ Осетинъ родственникъ въ 100 степеней, носящій одно со мной фамильное имя, ближе мнѣ чѣмъ братъ моей матери (Nachtbausen, Transkaukasien, Band II, p. 26). Въ виду этого не удивительно, что современные Осетины придали указанному выше обычаю иной смыслъ чѣмъ тотъ, который онъ имѣлъ въ древности. Затѣмъ, доказательствомъ нашего мнѣнія о преобладаніи въ древности у кавказскихъ горцевъ материнскаго начала въ родствѣ можетъ служить обычай Черкесовъ, приводимый Лаппинскимъ (см. изложеніе его сочиненія „Die Bergvölker des Caucasius“ въ Запискахъ импер. русск. географ. общества 1863 г. книга I, библиографія, стр. 42), по которому жена никогда не родитъ въ домъ своего мужа, а отправляется въ домъ своей матери или престарѣлой родственницы. Смыслъ этого обычая, по нашему мнѣнію, тотъ, что дѣти первоначально и принадлежали къ роду, въ домъ котораго они до сихъ поръ рождаются своими матерями. На это, какъ мы полагаемъ, указываетъ такъ же одинъ обычай чеченцевъ, передаваемый Дубровиннымъ (Исторія войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ, томъ I, книга 1, стр. 439). Дубровинъ говоритъ, что въ Чечнѣ имя дается ребенку слѣдующимъ образомъ. Почетныя и знакомыя женщины собираются съ утра въ комнату матери ребенка, и начинается такъ-называемый женскій пиръ. Имя младенцу даютъ сами, какое имъ вздумается, и часто одного и того же ребенка отецъ называетъ однимъ, а мать другимъ именемъ. Это по нашему мнѣнію свидѣтельствуетъ о томъ, что въ древности право давать имя дѣтямъ принадлежало роду матери, и право это по справедливому замѣчанію Моргана (Ancient society p. 65) принадлежитъ къ важнѣйшимъ родовымъ правамъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ росло значеніе патернитета, такое же право получилъ и отецъ съ своимъ родомъ. Вотъ почему до сихъ поръ въ Чечнѣ одного и того же ребенка мать зоветъ однимъ, а отецъ другимъ именемъ. Наконецъ укажемъ на то, что въ обычаяхъ Кавказскихъ горцевъ сохранились даже слѣды такъ-называемаго групповаго родства. Такъ въ Кабардѣ существуетъ до сихъ поръ одинаковое обращеніе къ отцу и къ старикамъ „дада“ (Сборн. свѣдѣн. о Кавказскихъ горахъ. Выпускъ VII,

статья: „Кабардинская старина“, стр. 110). Это свидетельствует о томъ, что нѣкогда, въ глубокой древности, отношенія отца къ сыну и чѣмъ не разнились отъ отношеній къ сему послѣднему остальныхъ взрослыхъ мужчинъ племени. Вообще въ обычаяхъ сохранились указанія на то, что въ древности принадлежность известнаго лица къ известной общественной группѣ, къ известному племени, опредѣлялась тѣмъ, находилось ли оно въ какихъ нибудь отношеніяхъ къ женщинамъ этой группы, этого племени, или нѣтъ. При семъ былъ безразличенъ самый характеръ этихъ отношеній: будутъ ли то отношенія происхожденія, воспитанія или брака. Такъ, у Чеченцевъ и у Черкесовъ ребенокъ, вскормленный чужою грудью, признаетъ на всегда вскормившую его женщину матерью, а дѣтей ея своими братьями и сестрами. Здѣсь вскармлиеніе и воспитаніе замѣняетъ происхожденіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сіе послѣднее замѣняется бракомъ. А именно, въ Чечнѣ вольвоотпущенные рабы не оставляли своего господина, а поселившись вблизи отъ него старались жениться на одной изъ его дочерей или родственницъ, чтобы чрезъ то сдѣлаться членами его семейства или фамиліи (Дубровинъ, Исторія войны и владчества Русск. на Кавказѣ, томъ I, книга I, 453). Все это ведетъ свое начало отъ того времени, когда общественные союзы группировались около женщинъ, и когда внутри этихъ общественныхъ группъ понятіе родства еще не вполне индивидуализировалось ¹⁾).

Въ предшествовавшемъ изложеніи мы собрали находящіяся въ преданіяхъ и правѣ кавказскихъ горцевъ слѣды того древняго семейнаго и родоваго строя, главной основой котораго служило такъ-называемой утробное родство. Современная семейная и родовая организація горскихъ племенъ покоится на иномъ основаніи; въ ней, какъ мы замѣтили выше, начало агнатства преобладаетъ надъ началомъ когнатства. Но, въ то же время, въ большинствѣ Кавказскихъ обычныхъ правъ, за исключеніемъ, собственно говоря, только осетинскаго, утробное родство не утратило окончательно своего значенія. Напротивъ того, родичи по матери пользуются родовыми правами и отправляютъ родовыя обязанности рядомъ съ родичами по отцу, хотя и не всегда въ равной съ ними степени.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи интересно было бы рассмотреть здѣсь институтъ ¹⁷⁷владчества. Но институтъ этотъ слишкомъ сложный, такъ что ему необходимо посвятить особую статью.

Познакомимся теперь ближе съ этимъ участіемъ когнатовъ въ родовыхъ правахъ и обязанностяхъ.

Что касается права кровной мести, то право это большинствомъ адатовъ признается за родственниками вообще, при чемъ не дѣлается различія между агнатами и когнатами. Въ обычномъ правѣ племени, населяющихъ Кумьскую плоскость, прямо говорится, что кровомщеніе принадлежитъ какъ родичамъ со стороны отца, такъ и родичамъ со стороны матери, хотя первенство по кровомщенію и дается отцовской сторонѣ (Сборн. свѣдѣн. о кавказскихъ горцахъ. Вып. VI, Адаты жителей Кумьской плоскости, стр. 6). Далѣе, обязанность помогать родичу при платежѣ выкуновъ, взысканій и денежныхъ пеней возлагается адатами какъ на агнатовъ такъ и на когнатовъ. По общимъ адатамъ даргинскихъ обществъ, если на возмездіе взысканія не хватитъ имущества обвиненнаго, то остатокъ возлагается на его родственниковъ. Для этого назначаются сорокъ ближайшихъ родственниковъ обоюга пола, по двадцати со стороны отца и со стороны матери обвиненнаго (Сборн. свѣдѣній о кавказ. горц. Вып. VII. Адаты даргинскихъ обществъ стр. 11—12). Значитъ, адѣсь родичи по матери отвѣтствуютъ въ равной степени съ родичами по отцу. То же самое правило повторяется и въ мѣстныхъ даргинскихъ адатахъ съ нѣкоторыми видоизмѣненіями ¹⁾, не касающимися, впрочемъ, сущности дѣла, заключающейся въ равной степени отвѣтственности обоимъ родственнымъ цикломъ. Только адаты Ураглинскаго (Хуркилинскаго) общества налагаютъ на оба рода отвѣтственность не въ равной степени. Въ этомъ адатѣ сказано: если имущества всѣхъ родственниковъ, состоящихъ въ опредѣленной степени родства, окажется недостаточнымъ, то для платежа остатка назначаются слѣдующіе родственники—3 со стороны отца и 2 со стороны матери, изъ которыхъ четыре уплачиваютъ падающее на несостоятельнаго взысканіе въ пользу истца, а пятый вноситъ причитающіеся штрафы (Сборн. свѣд. о кавказск. горцахъ, вып. VII, Адаты даргинскихъ обществъ, стр. 84). Впрочемъ, адаты этотъ, какъ противорѣчающій не только общему адату, но и большинству мѣстныхъ, очевидно болѣе поздняго происхожденія: на немъ от-

¹⁾ Видоизмѣненія эти состоятъ въ томъ, что сперва призываются къ отвѣту лица тѣхъ степеней родства, въ которыхъ пому сульханскому закону запрещенъ бракъ, или же родители, братья и сестры, а потомъ уже остальные родственники въ равномъ числѣ съ отцовской и материнской стороны (Сборн. свѣд. о кавказ. горц. Вып. VII. Адаты даргинскихъ обществъ, стр. 46, 60, 72 и 112).

разилось наступившее съ теченіемъ времени ослабленіе связи отдѣльнаго лица съ материнскимъ родомъ. Меньшее значеніе имѣетъ материнская родня въ дѣлѣ помощи родичу въ качествѣ соприсяжниковъ. По общему адату даргинскихъ обществъ, обязанность эта лежитъ исключительно на родичахъ по мужской линіи (Сборн. свѣдѣній о кавказск. горцахъ, вып. VII, Адаты даргинскихъ обществъ, стр. 9), но въ мѣстныхъ адатахъ призываются въ соприсяжники и родственники по женской линіи. Такъ, по адату акушинскаго общества могутъ быть допущены съ согласія противной стороны и родственники по матери. Другіе мѣстныя адаты допущеніе родственниковъ по матери ставятъ въ зависимость отъ числа соприсяжниковъ. А именно, если по какому нибудь дѣлу требуется большое число соприсяжниковъ, свыше известнаго опредѣленнаго адатомъ числа, то къ присягѣ допускается и родня по женской линіи. Такъ, по адату мушунскаго общества родственники по матери призываются въ соприсяжники, если необходимо выставить 12 или болѣе соприсяжниковъ (Сборн. свѣд. о кавказск. горцахъ, вып. VII, Даргинскіе адаты, стр. 60), а по адатамъ урахлинскаго (хюркилинскаго) и цудахарскаго обществъ, если требуется присяга съ 40 родственниками-соприсяжниками (Сборн. свѣд. о Кавказск. горцахъ, вып. VII, Даргинскіе адаты, стр. 84 и 111). При этомъ непремѣннымъ условіемъ допущенія материнской родни является то, чтобы мать не была угроженкой другаго аула. Это послѣднее правило обязано своимъ происхожденіемъ новому территориальному началу, весьма сильно повліявшему на всю общественную организацію горскихъ племенъ.

Такимъ образомъ, и въ настоящее время утробное родство у горскихъ племенъ не утратило своего значенія. Дѣти, считаясь по преимуществу принадлежащими къ роду своего отца, не утратили однакожь родовыхъ правъ въ родѣ своей матери. Съ этимъ явленіемъ, какъ учитъ новая историческая школа, мы встрѣчаемся въ исторіи всѣхъ первобытныхъ обществъ. Да оно и не могло быть иначе, такъ какъ были на лицо слишкомъ сильныя мотивы для сохраненія связи съ материнскимъ родомъ. А именно, какъ известно, чѣмъ болѣе обширное родство имѣлъ первобытный человѣкъ, тѣмъ обезпеченіе была его жизнь и его имущество, такъ какъ при отсутствіи государственной власти гарантіей правъ являлась исключительно защита со стороны родичей. Слѣдовательно, въ первобытныхъ обществахъ должна была высказываться тенденція не къ ограниченію, но, напротивъ того, къ расширенію родственнаго цикла. Поэтому и послѣ призна-

нія агнатическаго родства когнатическое родство не могло утратить свое значеніе ¹⁾). Кромѣ того сохраненію значенія утробнаго родства способствовали еще одинъ весьма вѣскій мотивъ. Защита со стороны родичей по женской линіи не только увеличивала безопасность первобытнаго человѣка отъ внѣшняго врага-чужеродца, но и обезпечивала его права отъ нарушенія со стороны его родичей-агнатовъ. Родичи по матери зорко наблюдали за тѣмъ, чтобы отецъ и его родичи не злоупотребляли своей властью надъ ребенкомъ. Такъ, по адату акушанскаго общества (Сборн. свѣд. о кавказск. горцахъ, даргинскіе адаты, стр. 35) отецъ, убившій сына, становится ками родичей матери.

Изъ вышеназложеннаго явствуетъ, что какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ горскихъ племенъ характеръ семейныхъ властей не представлялъ и не представляетъ тѣхъ чертъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ такъ называемыхъ патриархально-организованныхъ обществахъ. Ни мужъ, ни отецъ у большинства горцевъ не имѣли и не имѣютъ права жизни и смерти. Жену защищала ея родъ, дѣтей — родъ ихъ матери. Я не хочу этимъ сказать, чтобы не было исключеній. Такъ, по южно-дагестанскимъ адатамъ отецъ за убійство дѣтей не отвѣтствуетъ, такъ какъ по этимъ адатамъ только онъ имѣетъ право на месть и выкупъ за дѣтей (Сборн. свѣд. о кавказск. горцахъ, вып. VIII. Адаты южно-дагестанскихъ обществъ, стр. 7, 22, 34, 49, 52 и 59). Но эти исключенія ничего не доказываютъ, такъ-какъ южно-дагестанскіе адаты принадлежатъ несомнѣнно новѣйшей формации права и носятъ отпечатокъ постороннихъ вліаній. Кромѣ того, въ этихъ адатахъ безнаказанность отца за убійство дочери или сына является слѣдствіемъ не отеческой, а родительской власти вообще, такъ какъ въ южномъ Дагестанѣ и мать, убившая своихъ дѣтей, никѣмъ не преслѣдуется (Сборн. свѣд. о кавказск. горцахъ, вып. VIII, стр. 65).

Вотъ основныя черты семейной и родовой организаціи кавказскихъ племенъ въ прошломъ и настоящемъ, насколько мы можемъ познакомиться съ ними по собраннымъ доселѣ матеріаламъ. Намъ кажется, что приведенныхъ нами данныхъ достаточно для доказательства того, что у горцевъ въ доисторическое время понятіе род-

¹⁾ И въ дѣйствительности, утрата утробнымъ родствомъ всякаго юридическаго значенія является исключеніемъ въ исторіи первобытныхъ обществъ, объясняющимся дѣйствіемъ особыхъ, не общихъ всему человѣчеству, причинъ.

ства покоилось исключительно на происхождении по женской линии, и что впоследствии, не смотря на то, что агнатическое начало было признано и сдѣлалось основой всей семейной и родовой организации, угробное родство не утратило своего значенія. Вотъ результаты, къ которымъ привело насъ наше изслѣдованіе.

Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ отвѣтить теперь же на нѣкоторыя замѣчанія, которыя могутъ быть намъ сдѣланы. Намъ могутъ замѣтить, что тѣ начала, на которыя мы указали въ настоящемъ очеркѣ, могли первоначально составлять особенности права одного изъ безчисленныхъ племенъ, населяющихъ Кавказъ, и потому быть заимствованы у этого племени другими племенами. По нашему мнѣнію, нельзя предположить, чтобы подобное заимствование имѣло мѣсто. Всякому, кому извѣстно, до какой степени обособились не только отдѣльныя кавказскія племена, часто принадлежащія къ различнымъ расамъ человеческого рода, но даже роды одного и того же племени, подобное предположеніе не можетъ не показаться лишнимъ всякаго основанія. А потому, если мы у большинства кавказскихъ племенъ встрѣчаемся со слѣдами преобладанія материнскаго начала въ родѣ, то это можетъ быть объяснено только тѣмъ, что такова была организациа большинства первобытныхъ человеческихъ обществъ. Затѣмъ, намъ могутъ поставить на видъ, что если въ наукѣ уже установлено, что преобладаніе родства по женской линіи въ ранній періодъ исторіи есть явленіе, общее всему человечеству, то приведеніе новыхъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ, фактовъ и данныхъ изъ быта племенъ, право которыхъ мало еще изслѣдовано, лишено въ извѣстной степени живаго интереса ¹⁾. На это мы можемъ возразить, во первыхъ, что, несмотря на то, что извѣстныя положенія уже установлены наукой, все-таки желательно для ихъ вѣрнаго пониманія и большаго обоснованія собраніе все большаго и большаго числа относящихся къ нимъ данныхъ, а во вторыхъ, что многія изъ указанныхъ нами изъ быта горскихъ племенъ данныхъ въ высшей степени характеристичны и не встрѣчаются въ такомъ видѣ въ правѣ другихъ народовъ. Мы укажемъ здѣсь только нѣсколько примѣровъ. Такъ, въ правѣ большинства первобытныхъ народовъ ребенокъ принадлежитъ исключительно роду своей матери, но нигдѣ онъ не дѣлается столь чуждымъ своему отцу, какъ въ приведенномъ нами выше ии-

¹⁾ Не смотря на странность подобнаго замѣчанія, оно все-таки нередко дѣлается учеными критиками.

гнѣсвоюъ преданіи о томъ. Нигдѣ, дажѣ, такъ опредѣленно высказывается обязанность сына отомстить отцу за убійство мат какъ въ положеніяхъ адата Гамринскаго магалъ. Наконецъ, ни защита ребенка родичами его матери противъ покушеній на его жи со стороны отца не нашла себѣ такого полнаго выраженія какъ акушанскоюъ адатѣ, по которому отецъ, убившій сына, станови малли родичей матери. Вотъ почему мы сочли весьма полезнымъ брать и изложить въ извѣстной системѣ свѣдѣнія объ архангелскіи формахъ семейной и родовой организаціи у кавказскихъ горцевъ.

В. Семельскій.

ДАВИДЪ САСУНСКИЙ.

(Армянскій народный эпосъ):

Предлагая вниманію ученыхъ одинъ изъ памятниковъ народной армянской литературы въ русскомъ переводѣ, считаемъ не лишнимъ сказать по поводу этого нѣсколько словъ.

Древняя армянская литература (историческая), въ особенности въ той своей части, которой она касается исторіи народовъ передней Азіи, вполне заслуженно пользуется вниманіемъ ученой Европы. Увеличивающееся съ каждымъ годомъ число переводовъ, монографій и другихъ изслѣдованій, появляющихся почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ, достаточно указываетъ на ея важное значеніе для науки вообще, не говоря уже о специальныхъ кафедрахъ армянскаго языка и литературы въ Вѣнскомъ университетѣ и въ Парижской *École des langues orientales vivantes*, существующихъ съ давнихъ поръ.

Между тѣмъ какъ, съ одной стороны, замѣчается такое ревностное изученіе памятниковъ древней армянской литературы, съ другой—въ совершенной неизвѣстности находится литература народная. Богатая прекрасными сказками, пѣснями и всякаго рода эпическими преданіями и космогоническими сказаніями, народная армянская литература представляетъ обширное поле для любопытныхъ изслѣдованій. Важное значеніе народныхъ сказокъ и пѣсней, какъ обильнаго матеріала для исторіи литературы, филологіи и этнографіи, давно созвѣно и утверждено въ наукѣ; сравнительное же изученіе армянскихъ эпическихъ преданій съ таковыми же преданіями другихъ indo-европей-

скихъ народовъ, представляющими съ первыми много весьма сходнаго и общаго, могло бы пролить не мало свѣта на малозслѣдованную ¹⁾ область древнѣйшихъ вѣрованій Армянъ.

Причина такого невниманія ученыхъ европейскихъ арменистовъ къ народной армянской литературѣ заключается въ малочисленности издаваемыхъ сборниковъ и въ той трудности, которую представляетъ эта литература въ отношеніи языка: памятники ея записаны на областныхъ нарѣчіяхъ, рѣзко отличающихся отъ изучаемаго европейскими учеными языка древне-литературнаго. Первое затрудненіе теперь въ извѣстной мѣрѣ устранено: за послѣднія пять-десять лѣтъ собрано и издано нѣсколько интересныхъ сборниковъ пѣсней, сказокъ, преданій, легендъ и т. п. Что же касается втораго, то-есть, языка, то не смотря на нѣкоторые удачные опыты ²⁾ по этому предмету, изученіи народнаго языка армянскаго оставляетъ желать еще многого.

Содержаніемъ предлагаемаго эпическаго разказа служатъ событія, упоминаемыя въ древнѣйшей армянской исторіи; но эти событія такъ разукрашены эпическими и мифологическими подробностями, что разказъ отъ этого совершенно теряетъ характеръ историческаго повѣствованія, походя скорѣе на былинку въ прозѣ или героическую поэму, какъ мы и будемъ его называть въ нашемъ предисловіи.

Начало этой поэмы очень сходно съ упоминаемымъ въ IV-й книгѣ Царствъ и у Иосифа Флавія преданіемъ о бѣгствѣ сыновей Ассирійскаго царя Сеннахирима въ Арменію, за 700 лѣтъ до Р. X. Вотъ это мѣсто изъ IV-й книги Царствъ (гл. XIX, 37): „И бысть ему [Сеннахириму] кланяющуся въ храмѣ Мессераха бога своего, и Адраме-лехъ и Сарасаръ сыновья его убиша его мечемъ. Сами же бѣжаша въ землю Араратску (то-есть, Арменію). И воцарися Асорданъ сынъ его вмѣсто его“.

Болѣе подробно объ этомъ событіи передаетъ Иосифъ Флавій, заимъ

¹⁾ Первымъ, на сколько намъ извѣстно, опытъ по этому предмету сдѣлалъ Н. О. Вликимъ въ его брошюрѣ «Очеркъ религіи и вѣрованій эпическаго Армянъ», вышедшей въ 1864 году.

²⁾ Образцовое изслѣдованіе тѣлеснаго нарѣчія сдѣлано покойнымъ Юріемъ Ахвердовичемъ въ изданномъ имъ (въ 1852 г.) сборникѣ пѣсней пѣвца Салты-Нова. По его матеріаламъ профессоръ Берлинскаго университета Петерманъ издалъ въ 1867 г. довольно разработанную грамматику тѣлеснаго нарѣчія: «Ueber den Dialect der Armenien von Tiflis». Кроме того, профессоръ Паткаловъ издалъ «Матеріалы для изученія армянскихъ нарѣчій». Пока имъ представлены образцы только двухъ нарѣчій—ново-нахичеванскаго и мусскаго.

ствуя свой разказъ у халдейскаго историка Бероза. „Сеннахиримъ“, говоритъ онъ,—по возвращеніи своемъ изъ Египта, нашелъ, что число его войска уменьшилось сто-восмидесятью-пятью тысячами человекъ вслѣдствіе заразы, посланной Богомъ въ первую ночь послѣ того, какъ войска его начали сильно приступать къ Іерусалиму, подъ предводительствомъ Рапсакеса. Онъ такъ былъ этимъ пораженъ, что, боясь лишиться и остальнаго войска, поспѣшно удалился въ столицу своего царства Нинивію, гдѣ, немного спустя, Адрамелекъ и Селенаръ (въ нашей поэмі—Абамелекъ и Санасаръ), самые старшіе изъ его сыновей, убили его въ храмѣ бога Арака. Народъ приведенный въ ужасъ этимъ поступкомъ, изгналъ ихъ. Тѣ убѣжали въ Арменію, и Асординъ, младшій изъ сыновей Сеннахирима, ему наслѣдовалъ¹⁾.

Объ этомъ событіи, хотя и вкратцѣ, упоминаютъ и армянскіе историки—Моисей Хоренскій, Іоаннъ Каколикъ, Тома Арцрунъ и друг. По словамъ перваго, Адрамелекъ и Санасаръ, прибывъ въ Арменію, нашли убѣжище у Армянскаго царя Ссайрдій, который поселилъ ихъ на югъ и юго-западъ отъ Ванскаго озера, назначивъ имъ особія владѣнія²⁾.

Такъ передаютъ этотъ любопытный разказъ письменные памятники. Его разительное сходство съ нашею поэмою, какъ увидитъ читатель, даетъ поводъ къ предположенію, что послѣдняя, по крайней мѣрѣ въ основѣ своей, заимствовала изъ названныхъ источниковъ. Можно опустить и то, что поэма сложилась и составлялась независимо отъ свѣжнаго вліянія,—только по преданію народа, сохранившаго въ памяти разказъ о приходѣ въ Арменію ассирійскихъ царевичей.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно лишь одно, что основная, первоначальная редакція нашей поэмы относится ко временамъ древнимъ: она, повидимому, восходитъ къ первымъ вѣкамъ христіанства, когда съ особенною энергіей совершался въ народной фантазіи переходъ отъ мифовъ древнѣйшаго періода къ эпосу собственно историческому. Это особенно ясно изъ слѣдствій въ поэмі многихъ мифическихъ и языческихъ элементовъ съ возрѣвшими христіанскими. Они живы въ устахъ народа въ теченіе вѣковъ, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, древнѣйшая редакція поэмы естественно должна была подвергаться многимъ измѣненіямъ и наслоеніямъ. Она обогатилась новыми чертами, новыми подробностями и даже цѣлыми эпи-

¹⁾ Иосифъ Флавій (армянск. переводъ), Древн. Ист. Іудеевъ, кн. X, гл. 1 и 2.

²⁾ Моисей Хоренскій, кн. I, гл. 23.

зодами изъ современности различныхъ поколѣній, не говоря уже о многихъ странныхъ анахронизмахъ, которыми полна наша поэма. Такъ, вмѣсто Іудей и Іерусалима, мы видимъ Арменію и монастырь св. Предтечи, вмѣсто Сеннахирима VII вѣка до нашей эры—какого-то халифа Багдадскаго, вмѣсто азмечской обстановки—названія и обычаи христіанскіе (Богородица, св. Сергій, праадникъ Вознесенія и т. п.) и магометанскіе (эмиръ, шариатъ, халифъ, и т. п.)¹⁾.

Итакъ, начало нашей поэмы, какъ было выше замѣчено, весьма сходно съ подобнымъ же разказомъ Іосифа Флавія и IV-й книги Царствъ. Но въ поэмѣ важно не это сходство и даже не сказаніе объ ассирійскихъ царевичахъ, занимающее въ добавокъ только первыя двѣ главы поэмы (всѣхъ 10). Болѣе интереса представляютъ въ ней подвиги героя ея, Давида, переданные въ чудныхъ поэтическихъ картинахъ и прекраснымъ эпическимъ складомъ рѣчи. При этомъ любопытно то, что Давидъ, сынъ одного изъ ассирійскихъ царевичей VII вѣка до Р. Х., является не только христіанномъ, но и кровнымъ Армяномъ, и вся жизнь и обстановка, среди которой онъ вращается, ничего ассирійскаго не напоминаетъ. Такимъ образомъ онъ является любимымъ народнымъ героемъ, которому ванскіе и мушскіе Армяне приписываютъ чудеса храбрости: онъ сражается противъ поганыхъ Дэвовъ, борется съ чудовищами и очищаетъ страну отъ хищниковъ.

Рядомъ съ богатырскою личностью Давида, и даже въ связи съ нею, особеннаго вниманія заслуживаетъ мнѣологическій элементъ въ поэмѣ. Элементъ этотъ могъ войти въ нее или отъ перенесенія народомъ нѣкоторыхъ качествъ своихъ прежнихъ боговъ на любимыхъ имъ героевъ, или наоборотъ—божество, хотя и приняло нѣкоторыя черты богатыря, но еще не совсѣмъ утратило свои чисто-мнѣческіе свойства. Такъ, въ Давидѣ, благочестивомъ христіанинѣ и могучемъ богатырѣ, обладающемъ необъятною физическою силою, нельзя не замѣтить остатковъ древнѣйшей мнѣческой пригнѣси къ поддѣльнымъ чертамъ героическаго типа христіанской эпохи; въ сынѣ же его, Мхерѣ, мы видимъ явленіе обратное: мнѣческія свойства божества преобладаютъ въ немъ надъ богатырскими; онъ скорѣе богъ, чѣмъ богатырь. Къ тому же слѣдуетъ упомянуть о близкомъ родствѣ имени его (Мхеръ) съ именемъ бога-Солида, Мхр'а. Можно даже

¹⁾ Съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія на замѣчательную точность и вѣрность изрѣченій въ поэмѣ нѣкоторыхъ географическихъ пунктовъ и ихъ названій.

редположить, что Мхеръ—это воплощеніе мнѣческихъ представленій горныхъ силахъ, преданіе о которыхъ армянскій эпосъ сохранилъ въ титаническомъ образѣ Мхера, заключеннаго именно въ горѣ, но, какъ передаетъ наша поэма, — „земля его не держать, и ноги его уходятъ въ землю“ (гл. X). Замѣтимъ мимоходомъ, что Мхеръ, какъ увидитъ читатель, во многомъ напоминаетъ Святгора русскихъ лѣтъ, какъ Давидъ нашей поэмы—Илья Муромца.

Кромѣ названныхъ двухъ лицъ, поэма представляетъ цѣлый рядъ другихъ богатырей, надѣленныхъ то необыкновенно сильнымъ, значимъ голосомъ, то очаровательнымъ даромъ пѣсни, то наконецъ, представляющихъ изъ себя не виданныхъ безобразныхъ чудовищъ съ занесшими до груди бровями и губами, коротыи мечуть землю. Любопытенъ типъ женщины-паленницы въ лицѣ Хандудъ-Ханумъ, являющейся, рядомъ съ богатырскими подвигами, нѣжно любящее сердце вѣрной супруги, которая не захотѣла перенести мужа своего, Давида и бы лишила жизни.

Не будемъ вдаваться въ подробный разборъ личностей этихъ богатырей, какъ и всего содержанія поэмы: это повело бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ лишь, что поэма довольно вѣрно отражаетъ въ себѣ, рядомъ съ христіанскими воззрѣніями, древнѣйшія вѣрованія армянъ, ихъ бытъ, нравы и обычаи. Въ замѣчательно простой и безыскусственной обстановкѣ представлена въ ней, въ особенности, сельская жизнь, среди которой росъ герой поэмы, Давидъ. Кромѣ того, ждая страняца поэмы запечатлѣна храбростію и благочестіемъ этого рода, его великодушіемъ къ побѣжденнымъ и состраданіемъ къ бѣднымъ, а безыскусственная простота рѣчи и спокойный эпическій тонъ сказа, нарядъ прерываемый лирическими порывами, придаютъ поэмі обонную красоту и прелесть.

Переводчикъ.

I.

Слезъ и могутъ халифъ Багдадскій ¹⁾. Онъ собираетъ войско и едетъ на нашего св. Предтечу ²⁾: сильно гнѣснитъ нашъ ³⁾ народъ и едетъ съ собою много плѣнныхъ. (Между плѣнными) была дѣвушка — она прекрасная: Багдадскій халифъ беретъ эту дѣву себѣ (въ жену). Проходитъ нѣкоторое время — она родитъ двухъ сыновей: одному даетъ имя Абамеликъ, а другому—Санасаръ.

Отецъ дѣтей—ямчаникъ, а мать—поклонница креста ⁴⁾: вѣдь халифъ увелъ ее изъ среды нашего ⁵⁾ народа.

Халифъ этотъ еще разъ собралъ войско и пошелъ на нашъ народъ. На этотъ разъ—преклоняюсь передъ твоими святыми чудесами, о Предтеча Святой, — уже нашъ народъ сильно стѣснилъ его; и въ этой тѣснотѣ халифъ воззвалъ къ своему идолу и сказалъ: „О, великій богъ, упаси ты меня отъ этого народа, и когда я вернусь (домой) живъ и здоровъ, обоихъ моихъ сыновей принесу тебѣ въ жертву!“

Ихъ мать (въ Багдадѣ) заснула и увидѣла сонъ. Ей привидѣлось, будто у нея (въ рукахъ) два свѣтильника; передъ тѣмъ, какъ имъ потухнуть, они еще разъ вспыхнули и издали (яркій) свѣтъ. Утромъ, когда она проснулась, разказала свой сонъ сыновьямъ своимъ. Она сказала: „Въ эту ночь явился ко мнѣ во снѣ св. Предтеча и сказалъ, что отецъ вашъ попалъ въ большую бѣду и васъ обѣщавъ (принести) въ жертву идоламъ своимъ; когда онъ вернется—васъ заколаетъ. Подумайте о своей участи!“

Оба брата призвали своего Бога, взяли запасъ на дорогу, насыпали денегъ въ суму и пустились въ путь-дорогу. Шли, долго плутали и пришли въ чужезадельную страну. Пришли и остановились въ узкой долинкѣ. Видать—течетъ рѣка; а тамъ протекаетъ потокъ: онъ прорѣзываетъ эту рѣку полосой до середины ея, потомъ сливается съ рѣкою и течетъ дальше по ея теченію.

Савасаръ сказалъ Абамелику: Кто найдетъ ключъ (начало) этого потока и построитъ себѣ жилище надъ нимъ — того и родъ будетъ также могучъ ⁶⁾.

Встали оба брата и пошли вверхъ (по теченію) потока. Пошли и нашли на его начало. Вода этого ключа—какъ бы (течетъ) изъ трубочки; течетъ и совсѣмъ перерѣзываетъ подъ нимъ находящійся потокъ и потомъ уже сливается съ потокомъ ⁷⁾. Остановились они у этого ключа и положили основаніе своему замку.

Савасаръ ходилъ на охоту, а Абамеликъ работалъ надъ замкомъ. Въ этихъ мѣстахъ не было (тогда) жилья.

Дней десять-двадцать они работали надъ этимъ жилищемъ. Пришелъ разъ Абамеликъ, видитъ — Савасаръ, утомившись, задремалъ: бросилъ онъ дичину еще въ крови—такъ, не жареную — и заснулъ. Крѣпко запечалился онъ, при видѣ участи брата и сказалъ: „Встань, братецъ, уйдемъ (отсюда); доколѣ же мы будемъ оставаться тутъ и ѣсть мясо безъ соли? Ежели бы далъ Богъ (счастье), онъ далъ бы намъ въ хоромахъ нашего отца“.

Братья сѣли (на коней) и поѣхали къ правителю Арэррома. Приѣхавъ оба брата, пошли къ этому мужу, отвѣсили по поклону и стали передъ (нимъ).

Страшные и могучіе были мужи оба брата.

Сидящему въ Арэрромѣ ⁹⁾ эмиру они крѣпко припились по праву; онъ спросилъ объ ихъ родѣ, племени и сказалъ: „Что вы за люди?“ Санасаръ сказалъ: „Мы сыновья Багдадскаго халифа“.

Эмиръ этотъ сказалъ: „Ой, ой, ой!...“ и стряхнулъ свой воротъ, какъ бы по дальше отъ нихъ. — „Мы ихъ покойниковъ бѣжимъ, а тутъ встрѣчаемъ ихъ живыми! Пріютить васъ не можемъ; ступайте, куда хотите!“

Санасаръ сказалъ Абамелику: „Братецъ, мы вѣдь убѣжали отъ нашего отца; зачѣмъ же мы носимъ его имя? Съ этихъ поръ, куда бы мы ни пошли, кто насъ ни спрашивалъ бы, скажемъ: у насъ никого нѣтъ—ни отца, ни матери, ни жилища, ни родины! Авось люди пріютятъ насъ“.

Отсюда они поѣхали къ Барсскому эмиру. Тотъ тоже далъ такой отвѣтъ этимъ молодцамъ. Они повернули назадъ и поѣхали на этотъ разъ къ царю Капутгоха. Капутгохскій царь увидѣлъ этихъ молодцевъ и сильно полюбилъ ихъ. Абамеликъ отвѣсилъ поклонъ (царю) и сталъ передъ (нимъ): это больно понравилось царю. Онъ спросилъ ихъ: „Дѣти (мой), откуда вы, чтó у васъ есть, чего нѣтъ?“ ¹¹⁾

„Мы никого не имѣемъ—ни отца, ни матери—ровно никого!“

Санасаръ сдѣлался чебукчи ⁵⁾, а Абамеликъ — хайвачи ⁵⁾. Такъ они жили нѣкое время.

Разъ Санасаръ сказалъ Абамелику: „Мы не мало потрудились, а нашъ замокъ остается такъ и не достроеннымъ. На утро“, сказалъ онъ,—„ни ты не вари кофе (царю), ни я не подамъ ему чубука; дай завтра не являйся передъ лицо (царя)“.

Царь Капутгохскій ¹⁰⁾ проснулся. (Видитъ) — нѣтъ ни того, ни другаго. Онъ вызвалъ этихъ молодцевъ, подошелъ къ себѣ и сказалъ: „Дѣти (мой), вѣдь я напередъ спросилъ васъ: есть ли у васъ что, есть ли у васъ мать, отецъ?—и вы мнѣ рассказали, что—у хали нѣтъ никого. Зачѣмъ вы такъ опечалены?“

Сказали: „Много глѣтъ ядравствуй, государь! И въ правду, у насъ нѣтъ ни отца, ни матери. Если скроемъ (это) отъ тебя, отъ Бога не скроемъ. Мы немного поработали надъ замкомъ, потомъ бросили его и ушли. Такой-де ключъ есть тамъ“. И рассказали ему все сполна какъ было).

Защемлю сердце у царя при этомъ; онъ сказалъ: „Дѣти (мои), ежели такъ — на утро я вамъ дамъ нѣсколько дворовъ: ступайте, кончайте вашъ замокъ“.

Царь этотъ всталъ, отпустилъ имъ сорокъ дворовъ. И какой народъ-то! У каждаго по ослу да по веретену (и только).

Они встали на утро, навьючили свой скарбъ и оба брата (съ ними) поѣхали къ замку своему. Поѣхали и стали у своего ключа и своего порога.

Савасаръ сказалъ Абамелику: „Замокъ ли этотъ строить намъ прежде, или избы — бѣдному люду?“

Абамеликъ сказалъ: „Напередъ построимъ имъ избы, а потомъ — намъ замокъ: эти бѣдныя не могутъ оставаться на солнцѣ“.

И начали съ избы.

Абамеликъ былъ такъ силенъ, что въ день рылъ (мѣсто) для десяти избы и ставилъ по десятку избы; другой (братъ) гѣсь таскалъ, а отдѣлкой занимались они оба. Въ четыре дня оба брата вдвоемъ построили сорокъ избы всѣмъ готовыхъ. Послѣ того принялись за постройку замка и привели его къ концу. Они были такъ могучи, что къ каменному столбу приставили каменный же столбъ, подставили подставку, и замокъ былъ готовъ.

Абамеликъ взялъ поѣхалъ къ своему царю Капуткокскому и сказалъ: „Мы — твои дѣти; построили мы и завершили нашъ замокъ: пришли къ тебѣ и просимъ тебя прійти и дать имя нашему замку“.

Этотъ царь Капуткокскій обласкалъ, любовно приналъ Абамелика и сказалъ: Добро, что вы меня не забыли!“

И взялъ выдалъ дочь свою за Абамелика и сдѣлалъ его своимъ приближеннымъ. Послѣ свадьбы собрались въ замокъ самъ царь и молодые; дядя Торосъ ¹²⁾ тоже присталъ къ нимъ. Сѣли (на коней) и поѣхали. Абамеликъ поѣхалъ впереди (всѣхъ); доѣхали до замка. Тутъ царь (вдругъ) повернулъ своего коня, чтобъ ѣхать назадъ, и сказалъ: Вы уже дали имя своему замку, и нарочно позвали меня, чтобъ испытать“.

Абамеликъ сказалъ: „Много гѣтъ здравствуй, государь! Повѣрь, что ми этому замку имени еще не давали; знаемъ лишь то, что построили и завершили замокъ“.

„Ну, хорошо! какъ вы имена не давали, а къ каменному столбу каменный же столбъ приставили, — то пусть его имя будетъ Сасунъ ¹³⁾ или Сасунъ“.

Здѣсь они остались малое время, поженили и дядю Тороса, и ша-о остался тутъ же, а царь вернулся во своеси.

Абамеликъ былъ мужъ сильно-могучій: начиная съ окрестностей Черной горы и вершины Цецмака, отъ верхней стороны Мушской (равнины) до пояса Сехаисара и равнинъ Чапахтура ¹⁴⁾, всѣмъ этимъ онъ завладѣлъ, окруживъ эту мѣстность стѣной. И поставилъ четверо воротъ: постоянно бывало запретъ свои ворота, садеть на своего коня и давай ловить кого ни попало—демоновъ, звѣрей. Разъ даже онъ хватилъ, прошелъ до Мѣсра ¹⁵⁾ и Мѣсромъ тоже завладѣлъ. Пошелъ онъ ночью и легъ съ женою правителя Мѣсра: она отъ него понесла, и родился мальчикъ. А царь Мѣсра узналъ, чтъ мальчикъ этотъ отъ Абамелика—и мальчика звали Абамеликомъ—за это далъ ему имя Мѣсраменикъ. Абамеликъ же убилъ царя Мѣсра, взялъ (себѣ) его жену, остался въ Мѣсрѣ и сталъ царемъ.

Этотъ пова останется здѣсь.

II.

Санасаръ жилъ въ Сасунѣ. Отцовскіе идолы не даютъ ему покоя; потому взялъ собрался къ своему отцу и матери и поѣхалъ въ Багдадъ. Отецъ его сидѣлъ у окна, видитъ—идетъ сынъ его Санасаръ: узналъ его и сказалъ: „О, великъ ты Богъ мой ¹⁶⁾! Какъ ты привлекъ сюда свою жертву! Должно быть скоро и другую ¹⁷⁾ приведешь силою“.

Мать—а она была поклонница креста—начала плавать и обливаться слезами по дѣтямъ своимъ. Отецъ взялъ вострый мечъ, выпелъ, подозвалъ (сына) и сказалъ: „Пойдемъ, сынъ (мой), поклонись великому богу; а хочу тебя принести ему въ жертву.“

Сынъ сказалъ: „Батюшка! Твой великій богъ—вѣло чудесный богъ: даже по ночамъ не давалъ намъ покоя; должно быть скоро и другую свою жертву силою привести“.

Отецъ взялъ съ собою сына, и оба вошли въ кумирню. Сынъ тотъ алъ отцу: „Батюшка, вѣдь ты знаешь, что мы ушли (изъ дому) еще ребятами: мы не знали силы твоего бога. Ну-ка ты прежде поклонись, да поклонись богу твоему; а посмотрю, какъ ты сдѣлаешь, самъ сдѣлаю то же“.

Отецъ сказалъ: „Вотъ такъ, сынъ (мой)“,—и нагнувшись поклонился.

Сынъ сказалъ: „Батюшка, что за чудесный богъ—твой богъ!“

Когда ты нагнулся, въ глазахъ у меня потемнѣло, и я не замѣтилъ— какъ это ты сдѣлалъ?" (Онъ не успѣлъ въ первый разъ ударить: пуговицы кафтана не растегнулись).

Сказалъ: „Тяга, тяга, поклонись-ка еще разъ, посмотрю, какъ это ты дѣлаешь, чтобы я ни сдѣлать то же“.

Когда же во второй разъ нагнулся отецъ, сынъ воскликнулъ: „Хлѣбъ да вино—живь Господь!“—хватилъ булавою и на семь аршинъ въ землю вогналъ отца своего, халифа. Взялъ булаву и бросился на идоловъ и давай ихъ разбивать, — всѣхъ перебилъ, взялъ набралъ себѣ серебро въ полу кафтана, принесъ, отдалъ матери и сказалъ: „Матушка, вотъ тебѣ на украшеніе!“

Мать пала ницъ, поклонилась ему и сказала: „Благодарю тебя, Творецъ неба и земли; хорошо, что ты избавилъ насъ отъ рукъ этого жестокаго человѣка!“

Она взяла, жена Сакасара и посадила на престолъ вмѣсто отца. Этотъ останется тутъ 19).

Вернемся къ Абамелику.

III.

Абамеликъ, что сидѣлъ въ Мѣсрѣ, оставилъ своего сына (отъ Мѣсрской царицы) Мѣсрамелика вмѣсто себя (царствовать), а самъ прѣѣхалъ въ Сасунъ.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, и у него родилось нѣсколько дѣтей: одному онъ далъ имя Чѣнчаокрѣкъ, старшему сыну далъ имя Цѣранвѣгі, другому—Цѣновъ-Ованъ, третьему—Хоръ-Гусѣкъ 20), а самому младшему—Давидъ.

Между этими сыновьями Чѣнчаокрѣкъ и Цѣранвѣгі оказались ни на что годными. За то у Цѣновъ-Ована былъ такой голосъ, что онъ, высушивъ на солнцѣ семь буйволовыхъ шкуръ, обертывался ими, чтобы не треснуть, и тогда только принимался кричать. Всѣхъ искусіе былъ, а о силѣ его языкомъ не передать!

Прожилъ нѣкое время и состарился Абамеликъ. Какъ-то разъ сидѣть онъ себѣ, призадумался и говоритъ самъ съ собою: „Кругомъ (всѣ) стали мнѣ врагами; и кто по смерти моей будетъ пещись о моихъ дѣтяхъ? Если кто и будетъ—это Мѣсрамеликъ. Кромя него, никто другой не справится съ моими врагами“.

Взялъ да поѣхалъ къ Мѣсрамелику 21). Онъ ужъ тогда былъ старъ. Сказалъ: „Мѣсрамеликъ, сынъ (мой), вѣдь и ты кровь моя: если

а прежде умру, то дѣтей своихъ я поручаю тебѣ (ти ихъ береги); ежели же ты прежде умрешь — пусть дѣти твои будутъ поручены мнѣ: я буду ихъ беречь“.

Вернулся назадъ и остался жить въ замкѣ. Насталъ день смерти, (в) померъ.

Пріѣхалъ Мѣсрамеликъ, забралъ его дѣтей и увезъ ихъ съ собою: онъ не забылъ отцовскаго наказа.

Семь лѣтъ Сасунъ билъ въ печали по смерти Абамелика. Разъ крестьяне съ дядей Торосомъ сѣли пировать, вино попивать. Крестьяне сказали: „Дядя Торосъ, молодцы наши состарѣлись, а красныя дѣвицы — старухами стали. Ежели ты думаешь, что нашимъ семилѣтнимъ плачемъ Абамеликъ оживетъ, еще семь лѣтъ ми готовы (плакать по немъ)“.

Дядя Торосъ далъ позволеніе своимъ крестьянамъ и сказалъ: „Засватайте вашихъ молодцевъ и дѣвушекъ; плачемъ ни чему не пособить“.

И снова они сѣли пировать, вино попивать. Дядя Торосъ взялъ чашу въ руку, и стоитъ: онъ привадумался — ни пить, ни выпускать изъ рукъ (чашу). Сынъ Тороса закричалъ отцу съ улицы и сказалъ: „Тятя, вѣдь это шальные Сасунцы! (Того и гладя), сейчасъ тебѣ обидное слово скажутъ. Или виной, или оставъ — уйдемъ!“

Отецъ обратился къ сыну и сказалъ: „Ахъ ты, собачій сынъ! Мнѣ тутъ сидѣть пировать, (а) Мѣсрамелику пріѣхать да забрать нашихъ ребятишекъ? Ему мучить да терзать дѣтей Абамеликовыхъ, — а мнѣ тутъ сидѣть да пировать? Вишь, срамъ какой? Хлѣбъ да вино — живъ Господь! — не выпью другой чашы, возьму да поѣду къ своимъ ребятишкамъ.“

Дядя Торосъ ударилъ ²¹⁾ изъ Сасуна и поѣхалъ въ Мѣсръ. По-здоровался онъ съ Мѣсрамеликомъ, и они сѣли. Онъ сказалъ: „Ну, поведемъ ми съ тобою на судъ ²²⁾ божій! Правда, ты и Абамеликъ другъ съ другомъ условились, но (вѣдь не даромъ сказано): ежели продать плѣнника, то онъ долженъ достаться хозяину“ ²³⁾.

Встали и пошли на судъ: дѣти достались дядѣ Торосу.

Абамеликъ сильно бонется этихъ ребятишекъ. Онъ сказалъ дядѣ Торосу: „Поди, пропусти этихъ ребятишекъ подъ мой мечъ, а тамъ возьми ихъ съ собою да ступай!“

Дядя Торосъ пришелъ и разказалъ молодцамъ. Пѣранвѣгі сказалъ: „Давайте, пройдемте подъ его мечъ и уйдемте! Остальные двое сказали то же самое.“

Но Давидъ сказалъ: „Если убить, такъ пусть сегодня же насъ убьютъ; тогда люди скажутъ: онъ ребенка убилъ! Подъ его мечъ я не пройду. Это онъ дѣлаетъ, чтобъ я не поднялъ на него меча, когда вырасту!“

Дядя Торось изъ страха собралъ ихъ, чтобъ взять превести подъ мечъ. Давидъ заупрямился, сталъ и не идетъ подъ мечъ. Дядя Торось схватилъ Давида за воротъ и пихнулъ, чтобъ тотъ прошелъ подъ мечъ. Давидъ не прошелъ подъ мечъ, онъ пошелъ мимо него и задралъ большимъ пальцемъ (ноги) за кремень: заискрился огонь оттуда. Сильно перепугался Мѣсрамлигъ, когда увидалъ это. Онъ сказалъ: „Этотъ еще такъ малъ, а какой (страшный), что же будетъ, когда онъ вырастетъ! Если приключится со мною бѣда такая, то отъ него“.

Дядя Торось взялъ дѣтей и прѣехалъ въ Сасунъ. Цѣравэгі онъ поставилъ въ замкѣ на мѣсто отца, а Давида, что былъ моложе всѣхъ прѣставилъ къ телатамъ.

IV

Ухъ, какой былъ Давидъ! Какъ хватить телать дубиной, (такъ ихъ всѣхъ) да еще сорокъ теленушекъ съ ними съ ногъ собьеть. Разъ онъ погналъ телать на вершину горы. Видеть — пастушекъ бранить своихъ телать. Давидъ сказалъ: „Ты, молодецъ, меня что ли бранишь? Погоди, доберусь я (до тебя), да такъ хвачу дубиной, что ай, ай!“

Тотъ сказалъ Давиду: „Умереть мнѣ за твою за головушку“; Вѣдь я тоже пастухъ изъ деревни батюшки твоего, а это—крестьянскія телата“.

Давидъ сказалъ: „А, коли такъ, насъ и моихъ телать. Я не знаю времени, когда ихъ на дворъ загнать. Когда настанетъ время—скажи мнѣ, я ихъ поведу“.

Въ этотъ день погналъ Давидъ телать во время и пришелъ въ деревню. Обрадовался дядя Торось и сказалъ: „Снись (мой), всегда будъ такъ точенъ, всякій день во время иди и возвращайся!“

Давидъ сказалъ: „Дядюшка, это не моя догадка; брата я себѣ нанялъ; каждый день онъ будетъ стеречь моихъ телать. Теперь мнѣ легко будетъ справиться съ ними“.

Какъ-то разъ товарищъ его заводилъ. Давидъ крѣпко осерчалъ. Оказалось — у нихъ въ деревнѣ служили обѣдню: малый-то былъ

тамъ,—вотъ почему и замѣшкался. (Наконецъ) пришелъ. Давидъ ему сказалъ: „Какъ-то ты сегодня уйдешь отъ моихъ рукъ?“

Малый сказалъ: „Давидъ, умереть мнѣ за твою за головушку! Изъ-за гнѣва твоего я не выстоялъ (въ церкви) и даже ни одной ложки не отвѣдалъ праздничной похлебки ²⁵⁾, погналъ телятъ и пришелъ. Вотъ почему немного замѣшкался“.

Давидъ сказалъ: „Ты подожди здѣсь, а пойду принесу тебѣ ѣсть“.

Положилъ дубину на плечо и пошелъ. Приходить въ деревню, видятъ—всѣ новыставили кашу на гумно, а попы пришли и благословляютъ. Пошелъ Давидъ, прохѣлъ дубину въ ручку четырехручнаго мѣднаго котла и полнехонекъ, какъ онъ былъ, взялъ положилъ себѣ на плечо. Двинулись тѣ попы и крестьяне, что стояли тутъ; а одинъ закричалъ: „Да вѣдь онъ унесъ котелъ!“

Попъ вскричалъ: „Ради Бога молчи! Вѣдь онъ изъ шальныхъ Сасунецъ: (того и гляди) вернется да бока намъ помнетъ. Пусть вележкій его беретъ, провались онъ съ ними!“

И взялъ Давидъ котелъ полный каши и пришелъ къ своему товарищу. А товарищъ сидитъ себѣ да плачетъ.

„Э, э!“ сказалъ Давидъ,—„знаю объ чемъ ты плачешь: кашу-то я тебѣ принесъ, а масло и соль забылъ,—вотъ о чемъ ты плачешь! На, ѣшь теперь кашу, а вечеромъ—соль и масло на нее!“

Малый сказалъ: „Давидъ, умереть мнѣ за твою за головушку! На что мнѣ масло и соль? Пришли сорокъ разбойниковъ — дѣвокъ ²⁶⁾, ударили на нашихъ телятъ и угнали ихъ“.

Давидъ сказалъ: „Ты останься тутъ, да стереги этихъ телятъ, а я пойду тѣхъ приведу“.

И пошелъ за телятами. Пошелъ онъ по ихъ слѣдамъ, пришелъ къ входу одной пещеры и сталъ. Давидъ тутъ закричалъ такимъ голосомъ, что ужасъ напалъ на тѣхъ дѣвокъ,—(словно) бѣсы засуетились, когда голосъ Христа раздавался въ аду. Когда услышалъ атаманъ тѣхъ разбойниковъ, сказалъ:

„Видно это — Давидъ, сынъ Абамелика. Идите, примите его съ почетомъ, чтобъ онъ насъ не убилъ“.

Вышли они по одиночкѣ, а Давидъ угожалъ каждого дубиной, и (такъ) снесъ сорокъ головъ, (одни) трупы остались (на мѣстѣ). Онъ отрубалъ у всѣхъ сорока уши и пошелъ спряталъ подъ камень—недалеко отъ пещеры.

Давидъ оставилъ дубину у входа, самъ же вошелъ въ пещеру.

Видить—стоитъ одна куча золота, другая—серебра,—(словомъ) добро и богатство всего свѣта! Съ тѣхъ поръ какъ его отецъ умеръ, они грабили и (все) складывали въ эту пещеру. Онъ отворилъ одну дверь—а тамъ стоитъ на привязи жеребчикъ. Призадумался Давидъ и говоритъ про себя: „Дядюшка, все это добро тебѣ, ниѣ же этотъ звѣрь: дашь—хорошо, не дашь—и тебѣ къ нимъ дорога!“ А потомъ самъ себѣ отвѣчаетъ: „Дитя (мое), и добро тебѣ, и звѣрь тебѣ; что ниѣ (съ ними) дѣлать?“

Оглянулся, видитъ—на кострѣ стоитъ мѣдный котелъ о сорока ручкахъ и въ немъ—(свой) сорокъ теленушекъ. Просунулъ дубину черезъ ручки и поднялъ. Воду вылилъ, а ножки телятъ положилъ (въ котелъ), взялъ на плечо и пошелъ къ товарищу.

Взяли—погнали они остальныхъ телятъ и вернулись въ деревню. Давидъ призывалъ хозяевъ телятъ и сказалъ: „Ежели хоть на палецъ обсчитаете моего брата, бѣда будетъ вамъ! Продайте этотъ котелъ, пусть онъ пойдетъ за вашихъ телятъ“.

А самъ отдѣлилъ своихъ телятъ (отъ крестьянскихъ), пришелъ въ полдень домой и сказалъ дядѣ Торосу: „Возьми скорѣе муловъ двадцать и поѣдемъ, добра привеземъ (столько), что и тебѣ хватитъ и (дѣлать твоимъ) до седьмага колѣна! Долго ли ниѣ быть пастухомъ?“

И взяли муловъ да поѣхали. Подъѣхали къ пещерѣ; дядя Торосъ видитъ—дзвы растянулись у входа въ пещеру и всѣ они раздулись, словно ходитъ Похъ. Дядя Торосъ отъ страха отвязалъ своего мула отъ прочихъ и давай бѣжать (назадъ).

Давидъ сказалъ: „Разоритель ты! Я не убѣжалъ отъ нихъ живыхъ, чего же бѣжать отъ нихъ мертвыхъ? Сказалъ: ежели не вѣришь, вернись назадъ да загляни подъ большой камень: уши всѣхъ я туда сложилъ“.

Дядя Торосъ посмотрѣлъ, вернулся, взялъ муловъ и вошелъ въ пещеру. Собрали все, что было, и ставули въ тѣнь. Давидъ сказалъ: „Дядюшка Торосъ, все это добро — тебѣ, ниѣ же — этотъ звѣрь: дашь — хорошо, не дашь — и тебѣ къ нимъ дорога“.

Тотъ сказалъ: „Дитя (мое), и добро тебѣ, и звѣрь тебѣ; что ниѣ съ ними дѣлать?“

Давидъ получилъ согласіе дяди, сѣлъ на жеребчика и прищипориваетъ его да скачетъ то туда, то сюда. Нѣтъ, то не (простой) жеребчикъ: о проворствѣ его ланюкъ не разкажешь!

Такъ съ добромъ и казной вернулись они въ Сасунъ

Давидъ досталъ себѣ прекраснаго сокола и, развѣзая по пашинѣ, охотился. Телятъ онъ уже оставилъ. Разъ (на охотѣ) онъ наткнулся на пашню бѣдняка. А у того семья изъ семи душъ и семь бородачъ просу (засѣбно): четыре (бородачъ) онъ растопталъ, осталось три. Кто-то пришелъ съ вѣстью къ бѣдному старичку и говоритъ: „Да ты проналъ! Скорѣе ступай на свою пашню: къ ночи онъ (покалуй) разорить и остальные три бородачъ!“

Старичекъ всталъ спозаранку и пока помолился и пошелъ, видитъ — пашня разорена. Глядь, ѣдетъ Давидъ на жеребчикѣ съ соколомъ въ рукѣ. Тутъ старичекъ проклялъ Давида и сказалъ: „Да ты развѣ во все не боишься Бога? Силу свою на моемъ просѣ испытываешь? У меня, семь душъ и семь бородачъ проса: четыре ты растопталъ, осталось три. Ежели ты храбръ, поди возврати себѣ вотчину свою, чтѣ отъ вершины Цѣцмака тинется до пояса Сехансара: ее захватилъ Мѣсраменикъ и пользуется ею! Поди вонъ то возврати себѣ! Что ты силу свою на мнѣ испытываешь?“

Давидъ сказалъ: „Старина, не кляни меня! На тебѣ горсть золота, прокаримливайся!“

И тутъ же убилъ сокола.

Давидъ (вернулся домой и) сказалъ: „Дядюшка Торось, поди достань мнѣ булаву и лукъ моего отца: я ѣду восвать! Вотчину мою чужье заѣдаютъ, а вы мнѣ ничего не скажете“.

Всталъ дядя Торось, пошелъ къ Цѣренвэгі и потребовалъ (отъ имени Давида) булаву и лукъ его отца. Цѣренвэгі не далъ. (Давидъ) вторично послалъ къ нему и (велѣлъ) сказать: „Дашь — хорошо, не дашь — прийду отдѣлаю тебя (такъ, что) голова (твоя) отлетитъ прочь, останется одно тѣло“.

Струхнулъ Цѣренвэгі и отдалъ отцовскіе булаву и лукъ, а дядя Торось принесъ ихъ Давиду. Давидъ заснулъ и видитъ въ ту ночь сонъ ²⁷⁾.

Взялъ онъ (на другой день) сорокъ тѣлокъ и пошелъ на Святой Высокій Маратухъ ²⁸⁾, закололъ тѣлокъ и выкупался въ ихъ крови; затѣмъ упалъ ницъ и долго плакалъ и молилъ Бога, (до тѣхъ поръ, пока) Богъ не низпослалъ ему Святое Знаменіе ²⁹⁾ и гребешокъ. И по сіе время это Св. Знаменіе находится тамъ, въ Гавар'ѣ, въ домѣ Зорк'а. Давидъ поцѣловалъ Св. Знаменіе и положилъ его за правую пазуху, а гребешокъ — за лѣвую пазуху.

V.

Услышавъ тотъ Мёсрамеликъ, что сынъ Абамелика (Давидъ) возмужалъ, что собирается и идетъ на него войной. Съ его стороны поднялся Холбашъ³⁰⁾, взявъ войско свое и пошелъ на Маратукъ противъ Давида. Видать — бабы на дорогѣ стоятъ; онъ имъ сказалъ: „Пойте себѣ да пляшите, пока я вернусь“.

Тѣ сказали: „Что же намъ пѣть и плясать: да вѣдь мы не знаемъ, о чемъ пѣть?“

Холбашъ имъ пропѣлъ:

- Привѣстия бабы (пустъ) на жерновѣ мелютъ,
- Высокія бабы — верблюдовъ новьючатъ!
- Нашъ Холбашъ пошелъ по дѣлу въ Сасунъ:
- Онъ приведетъ дюжыхъ упряжыхъ воловъ,
- Онъ приведетъ красныхъ дойныхъ коровъ,
- Весной приготовимъ себѣ вдоволь масла и чортана!³¹⁾

Холбашъ видать — бабы начали себѣ это пѣть и плясать. Самъ онъ собралъ войска (свои), пошелъ и зашелъ на дворницѣ Маратукскомъ.

Дочь-то Маратукскаго пона (частенько) заглядывалась на Давида; да и этотъ не былъ къ ней равнодушенъ. Приходитъ попова дочка съ извѣстіемъ къ Давиду и говоритъ: „Давидъ, умереть мнѣ за твою за головушку! Встань, посмотри, сколько войска привалило во дворце — видимо-невидимо“.

Сказала это попова дочка, вышла со двора да и заперла снаружи всѣ ворота. Воспрянулъ Давидъ и воскликнулъ: „О, хлѣбъ да вино — живъ Господь!“ — и давай рубить головы у ратныхъ людей; всѣхъ перерубилъ, (такъ что) тѣла полетѣли за ограду, а головы остались на дворницѣ. Давидъ схватилъ и холбашъ, вырвалъ у него зубы и вколотилъ ихъ ему въ лобъ; а копье его свернулъ (въ дугу), словно ошейникъ собачій, надѣлъ ему на шею и сказалъ: „Ну (теперь), ступай и доложи (обо всемъ) Мёсрамелику! Ежели у него еще осталось народу, пусть ихъ собираетъ, пока я приду“.

Холбашъ въ другой разъ встрѣтился съ тѣми бабами; а онѣ поютъ себѣ да приплясываютъ. Одна изъ бабъ затянула:

- Холбашъ, милый холбашъ!
- Отсюда ты пошелъ — что возлѣ лютыя,
- Оттуда ты пришелъ — что несъ гончій:
- Копье твое — на шеѣ, словно ошейникъ собачій,

«Ротъ у тебя разинуть, словно окно широкое;
Изъ рта у тебя пѣна валить, словно изъ мѣху молоко кислое²³⁾,
«И на рту-то у тебя мухъ — дѣлать караванъ!»

Холваши пропѣлъ:

«Ахъ ты безстыдница непотребная!
«Я думалъ — Сасунъ — чистое поле,
«А не думалъ (тамъ) — одни камни да ущелье;
«(Что) дѣти новорожденныя — настоящіе бѣсы,
«(Что) ихъ струя — что бревна на маслянойнѣ:
«Какъ пустать — (такъ) ротъ разинешь, словно окно широкое.
«Молодцы, что были со мною, всѣ легли въ Хараманъ²⁴⁾;
«Весной, какъ прибудетъ вода, много добра (даровъ) принесетъ съ собою:
«Тогда-то вы себѣ приготовите изъ масла и чортава!»

На этотъ разъ поднялся Давидъ, снаряжился и поѣхалъ на Мѣсрамеянка. Приѣхалъ, видитъ — собралась рать великая и засѣла у поляса Сехансара²⁵⁾.

Давидъ сказалъ: «Даю зарокъ не выходить на бой, пока подъ зелено-краснымъ шатромъ не поѣмъ я семь дней плыва изъ рису!»

И погналъ оттуда Давидъ (коня), поѣхалъ и внезапно явился съ заката, — явился и сталъ противъ шатра.

Когда рать замѣтила того всадника, на нее нашель великій страхъ. Меликъ спросилъ: «Что ты за человекъ?»

Давидъ сказалъ: «Я сынъ западнаго царя; приѣхалъ къ вамъ на подмогу».

Меликъ разбилъ (для него) палатку. Семь дней они ѣли вмѣстѣ. На восьмой Давидъ взялъ сѣлъ на своего коня, проѣхался раза два и сказалъ: «Ну, выходи: я приѣхалъ воевать съ тобою! Долго ли тебѣ ѣсть мое отцовское добро?»

Бой начался.

Давидъ воскликнулъ: «Хлѣбъ да вино живъ Господь!»

Дошелъ слухъ до дяди Тороса о ихъ борьбѣ. Онъ вырвалъ (съ корнемъ) тополь, положилъ себѣ на плечо и идетъ. Самъ сталъ по-верхъ долины, а тѣ бѣгутъ въ долину: если кто на побѣгъ побѣжитъ и вскарабкается на верхъ, Давидъ закричитъ: «Дядюшка Торосъ ты ихъ гони въ долину, а я съ ними управлюсь!»

Войско стало роптать: «Нужно де вамъ обонимъ только составаться; кто одолѣетъ, того и будетъ побѣда».

Одинъ (изъ братьевъ) говоритъ: „Ты сидь—я ударю (булавой)!“
 Другой говоритъ: „Нѣтъ, (сиди) ты!“

По уговору пришлось сидѣть Давиду, (какъ) младшему брату.

Давидъ надвинулъ щитъ на голову, взялъ подъ щитъ Св. Знаменіе и сѣлъ. Мѣсрамеликъ отъѣхалъ на разстояніе трехчасоваго пути, поспѣшно вернулся и ударилъ булавою, приговаривая: „Ты еси земля—въ землю обрати!“

Давидъ сказалъ: „Исповѣдую (и) вѣрую въ высокое Маратукское Св. Знаменіе! Я словно подъ зелено-краснымъ шатромъ ѣмъ пилавъ изъ рису!“

Такъ три раза Мѣсрамеликъ проѣхался, ударялъ булавою, приговаривая: „Ты еси земля—въ землю обрати!“

А Давидъ трижды повторялъ: „Исповѣдую (и) вѣрую въ высокое Маратукское Св. Знаменіе!“

Теперь пришла очередь сидѣть Мѣсрамелику. Мѣсрамеликъ заупрямился, сталъ и не хочетъ садиться. Войско стало корить его. (Тогда) онъ пришелъ, взялъ надвинулъ щитъ на голову и сѣлъ. Мать Мѣсрамелика начала укорять Давида и сказала: „Давидъ, умереть мнѣ за твою за головушку! Развѣ не братъ онъ тебѣ? Не бей его, пожажѣй!“

Сказалъ Давидъ: „Ахъ ты, безстыдница этакая! Пока онъ ударялъ (меня), что же ты не говорила (ему): развѣ не братъ онъ тебѣ?“ Ну, пусть будетъ (по твоему)! Одинъ ударъ я уступаю бога ради, другой—ради тебя, но послѣдній ⁸⁶⁾ мой ударъ я ужъ нанесу: или умретъ, или живъ останется“.

Проѣхался Давидъ взадъ и впередъ, хватилъ булавою и на семь аршинъ въ землю вогналъ Мѣсрамелика. И пошелъ, захватилъ Мѣсръ и сѣлъ на царскій престолъ.

Этотъ адѣсъ останется.

VI

У Кахизванскаго эмира ⁸⁷⁾ есть дочь. Имя ея — Хандудъ-Ханумъ ⁸⁷⁾. Она узнала объ удастьѣ Давида, наградила ашуха и сказала (ему): „Ступай, воспой Давиду красоту мою! Авось онъ придетъ сюда, и мы полюбимъ другъ друга“.

Ашухъ взялъ да пошелъ въ Сасунъ: думалъ онъ—Давидъ въ Сасунѣ. Пришелъ и вступилъ въ замокъ Цѣранвэгъ: онъ думалъ—тамъ сидитъ Давидъ. Сѣлъ и началъ воспѣвать Цѣранвэгъ. Цѣранвэгъ

вскричалъ: „Эй, вы, идите, поколите его и прогоните вонъ! Онъ пришелъ обманомъ увести моего брата“. Поколотили ашуха, потащили его въ долину и выбросили на дорогу.

Вечеромъ пастухи на своихъ волахъ возвращаются въ деревню. У одного волъ заорчался—пастухъ слетѣлъ съ него. Понскали и нашли ашуха. Ашухъ плакалъ и молилъ пастуховъ, и спросилъ: „Который (изъ братьевъ) живетъ въ этомъ замкѣ?“

Пастухи сказали: „Тутъ—Цѣранггй, Давидъ же тамъ, въ Мѣсрѣ“.

Взялъ ашухъ далъ пастухамъ червонецъ. Пастухи собрали ему куски его (разбитого) тамбура³⁹⁾ и показали ему дорогу. Ашухъ направился къ Мѣсру. Пошелъ и воспылъ Давиду красоту Хандудъ. Давидъ богато одарилъ того ашуха и сказалъ: „Ты ступай, я прииду!“

Ашухъ пришелъ и разказалъ (обо всемъ) Хандудъ-Ханумъ⁴⁰⁾. А Давидъ выѣхалъ изъ Мѣсра и прямо прибылъ въ Сасунъ. Изъ Сасуна онъ поѣхалъ къ Цѣдмакской вершинѣ. Видитъ—на дорогѣ стоитъ плугъ⁴¹⁾. Отвязалъ воловъ, (самъ) схватился за цѣпь и сѣлъ на коня: отсюда потянетъ плугъ—снесетъ внизъ. Такъ, съ вершины Чернаго Сара⁴²⁾ отъ стремглавъ спустился къ водопроводу деревни Маринкъ.

Приѣхалъ, смотритъ—отвязался буйволъ⁴³⁾, вышелъ на среднюю дорогу и оставилъ тамъ (свой) пометъ. Посмотрѣлъ Давидъ на этотъ пометъ и сказалъ: „Ежели приключится со мною бѣда какая, то отъ того, кто оставилъ этотъ пометъ, не случится,—отъ него же (не случится)“.

Видитъ—вышелъ изъ лужи буйволъ. Давидъ, какъ ничего подобнаго не видалъ еще, поднялъ и сталъ, чтобъ ударить буйвола. Съ противной стороны пришелъ пастухъ и сталъ бранить буйвола. Давидъ подумалъ, что его ругаютъ, и сказалъ: „Молодецъ, чтó я тебѣ сдѣлалъ, что меня ругаешь?“

Пастухъ сказалъ: „Кто же тебя, братецъ? Вѣдь ты Сасунскій шальной—свѣта не видалъ! Я говорю съ своимъ буйволомъ“.

Давидъ сказалъ: „Молодецъ, чего же серднишься: стыдно, что я, что я ничего подобнаго еще не видалъ? А много ли такихъ въ вашей землѣ?“

Пастухъ сказалъ: „Пойдемъ, я тебѣ покажу!“

Пошли въ Авзутское поле, а тамъ запрагли (крестьяне) буйволовъ и погоняютъ. Приѣхалъ Давидъ, видитъ—буйволы, высунувъ отъ жара языки, тащутъ плугъ. Жалко ихъ стало Давиду: онъ распрегъ буйволовъ и погналъ ихъ въ прудъ. Пахарь принялся влечь его.

Сказалъ (ему) Давидъ: „Ты пахарь, не клани меня: дай (только) мнѣ въ руки цѣпь отъ этого плуга“.

Схватился онъ за цѣпь и ну—тянуть. Пахарь сталъ на плугъ, и Давидъ девять бороздъ запахалъ плугомъ. Пастухъ сказалъ Давиду:

„Это не твоя умѣлость; слѣзай-ка съ коня и тогда потяни, посмотримъ—твоя ли это умѣлость или коня твоего!“

Давидъ слѣзъ (съ коня) и еще девять бороздъ запахалъ одинъ.

На это пахарь ему сказалъ: „Давидъ, голубчикъ, уже полдень поди, пообѣдай—а тамъ ступай себѣ!“

Давидъ сказалъ: „Нѣтъ, я уйду: пусть дѣтки ваши обѣдаютъ! (Если) я примусь ѣсть, имъ ничего не останется“.

Ну, съѣлъ. Когда подали обѣдъ—что ни было хлѣба, скормилъ Давидъ, разомъ очистилъ горшки и проглотилъ.

Пастухъ сказалъ: „Эй, вы, спасайтесь скорѣе: пожалуй онъ и насъ съѣстъ“.

Давидъ сказалъ: „Конечно, братецъ, кто тянетъ плугъ, тому хлѣбъ нуженъ. Какъ же иначе?“

И поднялся оттуда и прямо поѣхалъ къ Хандудъ-Ханумъ.

VII.

Пріѣхалъ Давидъ къ воротамъ замка Хандудъ-Ханумъ, туда, гдѣ останавливаются всѣ сватья. И онъ—туда. Видитъ—кто-то стоитъ у воротъ съ булавой въ рукѣ.

Давидъ спросилъ его: „Эй молодець, какъ тебя зовутъ?“

Сказалъ: „Меня зовутъ Горгизъ“.

Давидъ сказалъ: „Горгизъ, я—Давидъ! Когда женись на Хандудъ-Ханумъ, ты будешь моимъ кумомъ“.

Потомъ сказалъ: „Кумъ Горгизъ, кто тамъ въ домѣ?“

Сказалъ: „Пришли сватья отъ великановъ Шибикона Хорасанскаго и Гамзы Лорійскаго“.

Сказалъ: „Возьми моего коня и привяжи!“

Тотъ повелъ его и привязалъ.

Давидъ спросилъ: „Что это за булаву дали тебѣ въ руки? Покажи-ка!“

Взялъ изъ его рукъ булаву и метнулъ, и по сякъ поръ еще она летитъ.....

Потомъ сказалъ: „Кумъ Горгизъ, взойдемъ, будемъ пировать, вино попивать!“

(Они вошли). Давидъ сѣлъ: онъ утомился и голоденъ; а тѣ сватья подаютъ Давиду вина чарку за чаркой. Давидъ потерялъ терпѣніе: схватилъ жбанъ съ виномъ и осушилъ его единымъ духомъ, приговаривая: „Да скажите же: на здоровье!“

Вино ошабурило Давида. Когда онъ сдѣлался такимъ, и голова его отъ вина стала наклоняться къ землѣ, тѣ сватья обнажаютъ мечи, чтобъ ударить его. И какъ только онъ подниметъ голову, тѣ прячутъ мечи подъ себя. Когда же снова они встали за свое, кумъ Горгиэзъ закричалъ: „Давидъ, куманекъ, тутъ—внестунъ, а не врастунъ!“⁴³).

Услышавъ это, Давидъ сказалъ: „Ну-ка, стой крѣпко у дверей!“

Тутъ же сватья встали и бросились бѣжать. Каждый отвѣсилъ по оплеухѣ Горгиэзу и убѣжалъ. Теперь Давидъ обратился къ Горгиэзу⁴⁴) и спросилъ: „Гдѣ бы видѣться съ Ханудъ-Ханумъ?“

Горгиэзъ сказалъ: „Въ царскомъ саду: нынче пятница — (она будетъ тамъ). Передъ нею пойдутъ двадцать невольницъ, за нею — двадцать же. Сегодня пойдемъ туда и увидимъ (ее)“.

Давидъ и Горгиэзъ пошли, прислонились къ оградѣ сада и стали (ждать). Прошли невольницы одна за другою. Явилась и Ханудъ-Ханумъ. Давидъ охватилъ рукой Ханудъ-Ханумъ за шею и трижды поцѣловалъ ее. Ханумъ — ни слова. Онъ—давай еще разъ. Ханудъ-Ханумъ схватила Давида за воротъ и хватъ его объ стѣну: кровь брызнула у него изъ носу⁴⁵). Осерчалъ Давидъ и пошелъ оттуда къ своему Св. Знаменію и коню, чтобы сѣсть на него. И сказалъ: „Кумъ Горгиэзъ, выведи моего коня: я разорю этотъ городъ“.

Горгиэзъ сталъ умолять его: „Прошу тебя, отложи это до утра, (теперь) темно. На разсвѣтѣ встань, разорай и поѣзжай себѣ!“

Лежитъ Давидъ въ постели и отъ досады заснуть не можетъ: „Скоро ли разсвѣтетъ“, — (думаетъ онъ), — „чтобы мнѣ встать, разорить этотъ городъ и убраться!“

Ханудъ-Ханумъ (все еще) прогуливается по саду. Пришла хромая невольница и сказала: „Не веселая будетъ твоя прогулка! Вотъ сейчасъ Давидъ разоритъ городъ твоего отца и уѣдетъ“.

Прибрали свою скатерть⁴⁶) и вернулись. Они пошли прямо къ замку, (гдѣ остановился Давидъ), и стали стучаться въ ворота, чтобы имъ отперли.

Давидъ сказалъ: „Ого, ого! Какой же тутъ наглый народъ: не дождутся утра; говорятъ: теперь же встань, разори (городъ) и уѣзжай!“

Всталъ Горгиязъ, посмотрѣлъ, и вернувшись, сказалъ: „То бабы, не мужчины“.

Отперли ворота.

Хандудъ пришла къ Давиду. Хандудъ сказала: „Давидъ, ты разъ поцѣловалъ меня за пройденный тобою путь, другой разъ — за себя, третій — Бога ради. За что же былъ лишній поцѣлуй? Ты молодчина своего отца, а — (молодвца) своего! Сказано: „Возьми жену и Ездина, чтобы сызъ вышелъ въ дядушку!“⁴⁷⁾ Подумаешь, ты мнѣ принесъ головы великановъ Шибикана Хорасанскаго и Гамзы Лорійскаго, что лишній разъ цѣлуешь меня!

На этотъ разъ Давидъ смѣтился и сказалъ: „Ежели такъ, съ разсѣтомъ я отправлюсь и доставлю тебѣ ихъ головы“.

Потомъ прибавилъ: „Но вотъ я поѣхалъ. Случись, что они переселятъ меня, они убьютъ меня. Бога твоего ради прійди искать мой трупъ: на правой рукѣ у меня родимое пятнышко — крестъ. Ты узнаешь меня по немъ, возьми (мой трупъ), отнеси и похорони!“

И Давидъ собрался и пустился въ путь-дорогу. Замѣтили великаны, что ѣдетъ всадникъ, и пылъ изъ (копытъ) коня къ небу летитъ. Сказали: „Этотъ всадникъ на бой ѣдетъ сюда. Не извѣстно — изъ роду ли онъ Сѣрго?“⁴⁸⁾

Они громко позвали его и спросили: „Эй, молодѣцъ, что ты за человѣкъ, и откуда ѣдешь? Не вѣдаемъ, — знаешь ли ты Хандудъ-Ханумъ, и не можешь ли передать ей вотъ этотъ перстень?“

Давидъ сказалъ: „Вѣстимо знаю. Но я пріѣхалъ затѣмъ, чтобы отвезти ваши головы царевнѣ Хандудъ. Я не за перстнемъ пріѣхалъ“.

У Шибикана Хорасанскаго брови такъ нависли, что доходили до груди; а онъ вилой привязалъ ихъ къ спинѣ (своей). А у того великана, у Гамзы Лорійскаго, нижняя губа тянулась по землѣ и мела землю.

И начали биться-рубиться Давидъ и тѣ великаны булавами и луками цѣлый день до вечера. Давидъ воззвалъ: „Исповѣдую (и) вѣрую въ высокое Маратукское Св. Знаменіе! Иисусе Сыне, помоги мнѣ!“ Хватилъ ѣ отсѣкъ (мечемъ) обоимъ головы⁴⁹⁾. Онъ связалъ ихъ кудри, и словно хурджинъ⁵⁰⁾, привязалъ въ торокахъ къ коню. А языки великановъ высунулись изъ ртовъ и бороздятъ землю, точно плугъ какой. Давидъ везетъ ихъ головы и уже проѣхалъ половину дороги, видитъ — летитъ на встрѣчу всадникъ межъ небомъ и землей и кричитъ ему: „Го...! берегись! (Не думаешь ли ты), что встрѣтился съ великанами Шибиканомъ Хорасанскимъ и Гамзой Лорійскимъ?“

(Всадникъ заѣхалъ въ тылъ Давиду и хватилъ было его булавой: Давидъ увернулся подъ сѣдло, булава попала въ стремя, и (оторвавъ его), вогнала въ землю. Давидъ вывернулся изъ подъ сѣдла, закричалъ: „О, хлѣбъ да вино—живъ Господь!“,—и занесъ было булаву надъ головой (всадника) сопротивника; тотъ наклонился, и рассыпались кудри по лицу. Давидъ посмотрѣлъ и узналъ: то была Хандудъ-Ханумъ. Она переодѣлась и пріѣхала на встрѣчу Давиду²¹⁾).

Давидъ сказалъ: „Ахъ ты безстыдница! Такъ и хочется хватить тебя булавой и сквозь землю провалить: это уже второй разъ ты сранишь меня!“

Взяли да поѣхали вмѣстѣ въ городъ Хандудъ-Ханумъ. Пріѣхали и сошли (съ коней). Тутъ позвали отца Хандудъ-Ханумъ, а Давидъ ему и говорить: „Не выдашь ли ты дочь свою за меня?“

Отецъ сказалъ: „Не выдамъ. Ежели возьмешь ее и останешься тутъ (жить), выдамъ; ежели уѣдешь, не выдамъ! Да какъ же! У меня враговъ много. Они разорятъ мой городъ“.

Давидъ сказалъ: „Возьму ее и останусь здѣсь, не увезу ея“.

Тогда взяли, выдали ее, сыграли свадьбу и семь дней семь ночей пировали.

VIII.

Время проходило незамѣтно, и когда исполнилось девять мѣсяцевъ, девять дней и девять часовъ, Богъ далъ имъ сына.

Давидъ сказалъ Хандудъ-Ханумъ: „Ежели мальчикъ этотъ отъ меня, на немъ долженъ быть знакъ: проявится въ немъ сила великая“.

Взяли спеленала мальчича и въ замѣнъ сивальника обвязали его цѣпью отъ плуга. Когда мальчикъ заплакалъ и повернулся въ колыбели, обмотанная вокругъ него цѣпь разлетѣлась въ кусочки.

Послали Давиду вѣсточку: „Мальчикъ хоть куда! Онъ разорвалъ цѣпь. Только одна рука у него съ изъязченъ: она закрыта, и никто не можетъ ее раскрыть“.

Пришелъ Давидъ, сѣлъ и сталъ гладить руку мальчичу и открылъ ее. Видитъ — въ рукѣ комокъ (сгустившейся) крови. Сказалъ: „Ай, ай...! (Весь) свѣтъ превратилъ въ каплю крови и держитъ у себя въ рукѣ! Если онъ живъ останется, дивныя будутъ отъ него дѣла“.

Взяли окрестили мальчича и назвали его Мхер'омъ.

Прошло нѣкоторое время. Мальчикъ выросъ. Давидъ оставилъ мальчика въ Кахизванѣ у (его) дѣда и бабушки, звалъ Хандудъ-Ханумъ и поѣхалъ въ Сасунъ.

Хлатцы узнали о пріѣздѣ Давида. Они собрали войско, вывели противъ него валъ, устроили изъ телегъ защиту и начали бой.

Хандудъ-Ханумъ какъ ударить древкомъ своего копья, такъ и снесетъ весь валъ, и телеги полетятъ на разстояніе двухчасоваго пути. А Давидъ шелъ себѣ впередъ и крошилъ войско. Обратился (къ нимъ) Давидъ: „Хлатцы“), что вы за безстыдный народъ! Воюете противъ женщинъ. Дайте отвезу жену свою въ Сасунъ, и тогда уже я пріѣду и будемъ биться“.

Тѣ не повѣрили.

„Если такъ“, сказали они,—„клянись Св. Знаменіемъ, что у тебя за пазухой,—и мы повѣримъ!“

Давидъ ударилъ рукою о гребешокъ; онъ думалъ, что клянется гребешкомъ,—но рука попала на Св. Знаменіе. А сила Св. Знаменія въ томъ и была, чтобы не клясться имъ.

Давидъ взялъ Хандудъ-Ханумъ и увезъ въ Сасунскій замокъ. Тутъ (только) онъ засунулъ руку за пазуху (думая тамъ найдти гребешокъ), видитъ—въ ту пазуху попало Св. Знаменіе, и что имъ онъ поклонился.

Сказалъ: „Теперь мое дѣло—дринь: поѣду ли, не поѣду ли, все плохо! А мнѣ все-таки надо ѣхать“.

Хватилъ да пріѣхалъ на бой. Хлатцы сильно стѣснили его. Его конь завязъ въ камышахъ Чѣхура“), въ болотѣ. Какъ-какъ онъ выбрался изъ болота и пріѣхалъ къ водамъ Лохура“).

Еще при своей жизни, когда Абамеликъ былъ въ домѣ Ибрахима-агѣ“), онъ силою пробрался къ его женѣ. Ее звали Шимшимъ-Ханумъ. Отъ Абамелика она родила дѣвочку,—и та была отъ нихъ племяннѣ“),—очень талантливую. Вотъ эта дѣвица и взяла лукъ да стрѣлу и пошла—притаилась у обваливагося берега (рѣчки).

Когда купался Давидъ въ водахъ Лохура, дѣвица та тайкомъ пустила стрѣлу Давиду въ спину. Давидъ сталъ на ноги и закричалъ; голосъ его дошелъ до Сасуна. Собрались Цэновъ-Ованъ, Хоръ-Гусанъ, дядя Торосъ, Чѣнчапокрникъ и Цѣранвэгѣ. Цэновъ-Ованъ далъ откликъ изъ Сасуна: „Давидъ, мы ѣдемъ!“.

И поѣхали на выручку Давида. Давидъ еще въ водѣ услышалъ голосъ своего брата. Они пріѣхали къ рѣкѣ и нашли Давида. Давидъ сказалъ: „Цэновъ-Ованъ, (знать) отъ нашего ослѣпка она въ ужасѣ такъ и остолбенѣла. Подите, поищите ея!“

Понскали и нашли дѣвицу съ голубыми глазами. Давидъ схватилъ ее за одну ногу, наступилъ на другую, рванулъ, разорвалъ ее на двое и махнулъ подъ гору въ деревню, и деревню ту назвалъ Чивтисъ-Чапкисъ ⁴⁷⁾. Эта деревня, что у устья Чѣхура, и по сихъ поръ называется Чапкисъ.

Братья взяли Давида и поѣхали въ Сасунъ. Четыре дня спустя, Давидъ умеръ. И стали братья его сѣтовать по немъ. Они пошли къ Ханудъ, чтобъ утѣшать ее, и пожелали ей многого здравія. А Ханудъ-Ханумъ сказала: „Охъ, охъ! Видно, послѣ Давида быть мнѣ у нихъ посмѣшницѣмъ“.

Чѣнчапокрикъ ⁴⁸⁾ сказалъ: „Ханудъ-Ханумъ, не плачь, не плачь!“ „Давидъ померъ, (но) моя голова (еще) цѣла“.

Ханудъ-Ханумъ подвинулась на вершину башни и бросилась оттуда внизъ. И ударилась она головой о камень, и голова ея пробилъ камень.

Въ (долженное) головой мѣсто Сасунцы смывать полъ-шинка ⁴⁹⁾ проса и толкутъ, какъ въ ступкѣ. До сихъ поръ видны тамъ слѣды ея семи кося; а ступка та и понынѣ стоитъ тамъ передъ замкомъ.

IX.

Собрались братья Давида и пришли къ Ханудъ-Ханумъ. Они ощущали ея груди,—тамъ молоко; вѣрно, у нея ребенокъ былъ. И стали совѣтываться другъ съ другомъ, говоря: „Ежели она родила дитя, оно должно быть тамъ (въ Кахизванѣ)“.

Взяли да поѣхали въ Кахизванъ ⁵⁰⁾ и сказали тамошнему нахѣстнику: „Отъ нашего брата и невѣстки здѣсь есть дитя: гдѣ оно?“

Тотъ сказалъ: „Нѣтъ ничего“.

Они сказали: „У насъ есть примѣта: въ грудяхъ нашей невѣстки было молоко“.

Тотъ сказалъ: „Отъ нея была дочь, да она померла“.

Они сказали: „У насъ и для покойниковъ есть свой знакъ; нашъ годовалый ⁵¹⁾ (покойникъ) бываетъ въ одинъ шагъ, двухъ-годовалый — въ два шага, и такъ дальше“.

Взяли пошли на кладбище и не нашли ни одной могилы по своему шагу.

Цэновъ-Овапъ сказалъ: „Ну, давайте обтягивать меня шкурами: и хочу кричать!“

А для Мхера устроили погребъ подъ землею, заключили его туда и приставили стражу къ нему.

Обтанули Цяновъ-Ована шкурами, и онъ закричалъ; Мхерь узналъ его голосъ и хотѣлъ выйти; но бабушка ему сказала: „Это не голосъ твоихъ“⁶¹): то шумъ ребятшекъ и бой барабановъ“.

Когда Мхерь въ третій разъ услышалъ тотъ же голосъ, ударилъ, разбилъ дверь и вышелъ вонъ. Дверь разбила дверь: отъ удара ноги — первая дверь ударилась о вторую, вторая о третью, и такъ разбилъ онъ всѣ семь дверей и вышелъ вонъ. Видеть, тутъ его дяди, а отца нѣтъ. Спросилъ дядей. (Тѣ въ отвѣтъ), что Хлатци убили его отца. Онъ заплакалъ и упалъ лицомъ къ землѣ. Когда онъ усталъ на земь, дяди бросились къ нему, и какъ ни старались, не могли перевернуть его.

А слезы Мхера прорыли землю и потекли словно потокъ. Когда исполнилось три дня, Мхерь перевернулся. Онъ (тотчасъ же) вскочилъ на отцовскаго коня, поѣхалъ въ Хлатъ и поставилъ его верхъ двомъ. И по сихъ поръ еще разорветъ.....

И взошелъ онъ на вершину Немрута⁶²). Глядь—(что-то) дымится, и дымъ все усиливается. Смотрить—осталась (жива) только одна старушка. Онъ схватилъ ее за ноги (согнулъ два дерева), привязалъ ее ноги къ деревьямъ и спустилъ. Такъ-то убилъ ее! (Съ тѣхъ поръ) и дыму⁶³) Хлатскаго не стало видно.

Отсюда онъ позволилъ дядямъ вернуться по своимъ мѣстамъ; а самъ поѣхалъ на холмъ Тослѣ⁶⁴). Говорять, и по сіе время онъ тамъ, и теперь еще показывается его конь, и до сего времени моча его коня течетъ изъ скалы.

Х.

Въ ночь на Вознесенье откривается дверь въ пещеру Мхера. Но ему не велѣно выходить: земля его не держитъ, ноги его уходятъ въ землю.

Разъ въ ночь на Вознесенье пастухъ видитъ—откривается дверь Мхера. Пастухъ входитъ внутрь. Мхерь его спрашиваетъ: „Чѣмъ вы живете на свѣтѣ?“ А тотъ отвѣчаетъ: „Умомъ.“

На это Мхерь говоритъ: „(Посмотримъ), чѣмъ у васъ за умъ? Ну, возьми торбу у того коня и надѣнь ему на шею!“

Пастухъ какъ ни бился, не могъ поднять. Подвелъ коня къ торбѣ, открылъ торбу, надѣлъ ее коню на голову, перекинулъ бичевку черезъ шею; конь поднялъ голову, а пастухъ повелъ его на мѣсто,

привязалъ и сказалъ: „Такоуъ нашъ умъ, вотъ чѣмъ мы живемъ на свѣтѣ!“

Потомъ пастухъ спросилъ: „Мхеръ, когда ты выйдешь изъ этого мѣста?“

А тотъ сказалъ: „Когда пшеница будетъ со сливу, а ячмень съ шиповникъ, тогда только велѣно мнѣ выйти изъ этого мѣста“.

Съ неба упало три яблока: одно—сказателю, одно—слушателю и одно—всему свѣту.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) По смыслу разказа и по времени, въ которое происходило это событіе, здѣсь нужно предполагать Нинивію, столицу Ассирійскаго царства, точно также, какъ и вмѣсто Арабскаго халифа, нужно принять Ассирійскаго царя Сеннахерима. Анахронизмъ, какъ видитъ читатель, довольно крупный: жившій почти до 800 лѣтъ до Р. X. царь переименованъ въ Арабскаго халифа, который могъ жить въ Багдадѣ не ранѣе VIII в. по Р. X., такъ какъ, только въ 755 г. халифы перенесли свою столицу въ Багдадъ.

2) Рѣчь идетъ о знаменитомъ монастырѣ св. Предтечи, построенномъ въ IV вѣкѣ Григоріемъ Просвѣтителемъ на горѣ Карнѣ, у берега рѣки Евфрата, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояли капища языческихъ боговъ. Ежегодно въ известное мѣсяцъ стекаются сюда отовсюду благочестивые Армяне на поклоненіе мощамъ св. Предтечи. Между ними много бываетъ пѣвцовъ (ашуховъ) и атлетовъ, которые послѣ долгаго (иногда въ нѣсколько лѣтъ) поста и молитвъ, вымалываютъ себѣ кто способность пѣть, кто силу и отвагу. Вообще св. Предтеча въ глазахъ народа считается покровителемъ искусствъ.

3) То-есть, Армякъ.

4) Употребительное между Армянами выраженіе вмѣсто словъ «христіанинъ» и «христіанка».

5) То-есть, изъ Арменіи.

6) То-есть, какъ и этотъ потокъ.

7) Это мѣсто кажется мнѣ нѣсколько темнымъ. Не искажено ли оно?

8) Первоначальное названіе этого города — Теодосіополь. Онъ основанъ греческимъ полководцемъ Анатолиемъ въ 412 г. по Р. X. и названъ такъ въ честь императора Теодосія II. (Отыглый въ послѣдствіи у Грековъ Иконійскими султанами, онъ сталъ называться «Арзи-Ромъ», что значитъ — страна или «земля Грековъ». Городъ этотъ именуется Армянами «Карнѣ» — по имени древней армянской области, въ которой онъ находится (объ этомъ см. у Ичмичиана, въ его Армянск. Археологіи, т. I, стр. 18).

9) «Чебукчи» означает лицо, которое подаетъ чубукъ, «ханвачи» — лицо, подающее чайну—кофе.

10) На юго-западѣ отъ Ванскаго озера находится большая гора, носящая названіе «Калутъ-кохъ» — отъ снѣга дѣла горы («Калутъ-кохъ» означаетъ «снѣгъ ребро»). Надо полагать, что одво время тутъ было особое княжество или царство Капуткохское, пріютившее долго странствовавшихъ ассирійскихъ царевичей. Быть можетъ, преданіе въ лицѣ Капуткохскаго царя сохранило память объ армянскомъ князѣ Скаюрді, у котораго, какъ было замѣчено, и нашли убѣжище царевичи.

12) Тутъ въ первый разъ мы встрѣчаемъ это имя. Поэма начинаетъ говорить о немъ, какъ о лицѣ уже знакомомъ. По видимому, дядя Торось—братъ Капуткохскаго царя.

13) Слово въ переводѣ означаетъ «столбъ къ столбу». Этимъ объясняется будто происхожденіе имени округа Засунъ, находящагося въ древней армянской области Ахциникъ, на югъ отъ г. Муша. Жители этого округа, благодаря гористой и недоступной мѣстности, до сихъ поръ сохранили свою независимость, не платя дани и не зная надъ собою чужой власти. Это—своего рода Зейтуци. Жаль только, что они потеряли свой національный армянскій языкъ, твердо однако сохранивъ христіанскую религію!

14) Упомянутыя здѣсь названія мѣстностей существуютъ и по нынѣ, и находятся въ древней Турруберанской и Ахциникской областяхъ, въ теперешней Мушской области.

15) «Мѣсръ» Армяне называютъ теперь Египетъ. Но тутъ вѣроятно предположить Моссулъ, который находится на юго-востокъ отъ Сасуна, на берегу р. Тигра, недалеко отъ развалинъ древней Нинивы.

16) Подстрочный переводъ армянскаго текста таковъ: «Пусть умру за тебя, великій Богъ!»

17) То-есть, «и другаго брата—Абамаелка».

18) Здѣсь прерывается нить разказа о Санасарѣ. Въ остальной части поэмы о немъ болѣе ни слова не упоминается. Чтò стало съ нимъ или съ его дѣтьми въ Багдадѣ—неизвѣстно.

19) Всѣ эти имена поэтическія, давши лицамъ въ виду тѣхъ или другихъ ихъ качествъ. Такъ, одна изъ братьевъ названъ «Цэцовъ-Ованъ», что означаетъ «Зычный Иванъ», другой — «Хоръ Гусанъ» что въ переводѣ значитъ «Добрый (хорошій) Пѣвецъ». Имена же первыхъ двухъ братьевъ Давида—«Чѣлхапокрикъ» (=Воробушекъ) и Цѣравэргъ (=Трусинка Вэргъ) даны имъ, вѣроятно, въ насмѣшку, за ихъ слабость или трусость. Невольно вспоминаешь Добрыню, Алешу Поповича и др., окружавшихъ главнаго богатыря Илью Муромца, какъ его соратники. Надо полагать, что, какъ и русскія былинны, удѣлавшія не мало прекрасныхъ страницъ описанію удали и мощи лютыхъ Илья Муромца (названныхъ богатырей), и армянскія поэмы, воспевавшія подвиги Давида, не обходятъ молчаніемъ такихъ богатырей, какъ «Зычный Иванъ» или «Добрый Пѣвецъ», или дядя Торось. Это предположеніе о существованіи отдѣльных поэмъ (или главъ въ поэмахъ), посвященныхъ подвигамъ только что названныхъ богатырей, подтверждается отчасти тѣмъ, что имъ не разъ приходилось слышать о вѣсколькихъ вариантахъ настоящей

оэмы, въ которыхъ, какъ мнѣ передавали, и Зичинъ Ивацъ, и Добрый Пѣецъ играютъ не заурядную роль.

20) То-есть, въ г. Моссулъ.

21) Характерное выраженіе, наитѣрно сохраненное мною въ переводѣ.

22) По видимому, «Судъ Божій» слѣдуетъ здѣсь понимать «жребій», которымъ рѣшались тяжбы, хотя въсколько ниже слово «судъ» передается техническимъ выраженіемъ магометанскаго судалыца—«Шаріать».

23) То-есть, если продаютъ плѣнника, то родственникамъ его преимущественно передъ другими предоставляется право выкупить его изъ плѣна.

24) Обыкновенно форма клятвы. Слово въ слово ее можно передать такъ: «Пусть умру я за голову твою и жизнь!»

25) У Армявъ, не смотря на то, что они приняли христіанство еще въ V вѣѣ, сохранилось однако много языческихъ обрядовъ и обычаевъ, конечно—потерявшихъ теперь свой первоначальный языческій смыслъ. Къ числу ихъ относится и жертвоприношеніе. Привоситъ въ жертву барашка, овцу, петуха и корову — вещь самая обыкновенная во всякомъ армянскомъ городѣ или деревнѣ. Давъ наизусть жертвоприношенію животному, предназначенному для жертвы, освященной священникомъ соли, закалываютъ его, и содравъ шкуру, варятъ мясо (безъ соли) въ большихъ котлахъ, послѣ чего берутъ посуду и разносятъ по домамъ. Вотъ о такой праздничной похлебкѣ и говорить здѣсь пастухъ. По армянски эта похлебка называется «матакъ», что означаетъ «жертва».

26) Изъ мифологіи восточныхъ народовъ видно, что *дэвъ* (персидск. *даэва*, санскр. *дэва*) былъ существо невидимое, духъ, который у древнихъ Индусовъ является добрымъ, а въ ученіи Зороастра—злымъ. На религіозныя вѣрованія Армявъ нѣкогда сильное вліяніе ученіе Зороастра, вслѣдствіе чего *дэвъ* еще въ древнѣйшихъ армянскихъ преданіяхъ представляется злымъ духомъ, демономъ, борющимся противъ всего добраго. Но въ послѣдующія эпохи это представленіе о злыхъ духахъ — *дэвахъ* очень измѣнилось, что явствуетъ изъ цѣлой серии народныхъ сказокъ. Въ этихъ сказкахъ изъ невидимаго духа *дэвъ* становится чудовищемъ, нѣрѣдко снабженнымъ въсколькими головами (въ одной интересной сказкѣ *дэвъ* выводится о сорока головахъ). Онъ живетъ въ подземномъ царствѣ, въ царствѣ Ахрмана, иногда въ пещерахъ высокихъ горъ и въ чащахъ дремучихъ лѣсовъ. Онъ постоянно является обладателемъ неисчерпаемыхъ богатствъ — золота, серебра, драгоценныхъ камней, похитителемъ прекрасныхъ дочерей царскихъ. Въ его садахъ, у источника *живой воды*, растутъ *моложаема яблоки* и *арбузы*. Въ его волшебныхъ замкахъ обитаютъ чудесныя огненные птицы и огненные кони и буйволы, въ мнѣгъ облетающіе всю вселенную. И все это представляется захватывнымъ, уносимымъ у дарей и богатырей, которые въ свою очередь стараются истребить злыхъ *дэвовъ* и возвратитъ себѣ свое добро.

27) Жаль, что въ поэмѣ не передано описаніе сна!

28) Маратукъ—это монастырь, построенный на горѣ того же названія, въ Сасуанскомъ округѣ.

29) По всей вѣроятности, Ся. Знаменіе есть крестъ.

30) Турецкое названіе военачальника указываетъ на подвоженіе и подвѣшаніе вставилъ въ поэмѣ.

81) Чортанъ—это процеженное и высушенное кислое молоко, употребляемое на востокъ въ пищу зимою.

82) Въ Арменіи, какъ я вообще на востокъ, бьютъ масло и изъ кислаго молока (нѣчто вродѣ простоквашы), отъ чего вся посуда бываетъ полна пѣнъ. Это и дало поводъ къ сравненію.

83) Названіе одной долины не далеко отъ города Муша.

84) Названіе горы. Слово въ слово значитъ «столовидная гора», отъ сходства вершинъ горы со столомъ.

85) По уговору, Давиду нужно было ударить три раза, сколько и Мѣсра-мелку.

86) Въ нашей поэзіи нерѣдко смѣшиваются понятія «царь» и «эмиръ». Это происходитъ отъ неяснаго представленія народа о власти, видѣвшаго во всякомъ высшемъ сановникѣ непременно царя. И то сказать: вѣдь арабскіе эмиры дѣйствительно мало чѣмъ отличались отъ царей.

87) Женское имя и состоитъ изъ двухъ словъ: Хандухъ и Ханумъ (=госпожа).

88) Струнный музыкальный инструментъ, нѣчто въ родѣ гитары.

89) Въ этомъ мѣстѣ поэмы пропускъ: не достаетъ пѣсенъ ашука, въ которыхъ онъ воспѣлъ красоту царевны Хандухъ-Ханумъ и тѣмъ очаровалъ богатыря Давида. Даже чувствуется какой-то спѣшность въ разказѣ, рѣзко отличающемся отъ ровнаго, спокойнаго тона предшествующихъ страницъ.

40) На востокъ, въ странѣ богатой черноземомъ, для полевыхъ работъ обыкновенно употребляютъ не соху, а такъ называемый Армянами «гутанъ»—нѣчто въ родѣ большого плуга. Онъ состоитъ изъ чрезвычайно толстой желѣзной полосы, прикрѣпленной къ оси о двухъ колесахъ—одной большой, другой маленькой. Его тянутъ отъ 5 до 10 паръ воловъ, а иногда и буйволовъ. Теперь только можно понять, какою необъятною силой обладалъ Давидъ, бородади такия громадными плугомъ. Невольно вспоминаешь прекрасное мѣсто изъ русской былинъ о встрѣчѣ богатыря Вольга съ ратаемъ:

«Подъѣхалъ оратай оратаюшно
 «На своей кобылѣ соловенькой.....
 «Ко второй ко сошнѣ подхаживалъ,
 «Эту ю сошлу понхивалъ:
 «Какъ улетѣла та сошна въ подъ-облопанъ,
 «Папа сошна о смяу землю....

(Рыбниковъ, I, 18, 3, 1).

41) «Черный Саръ», то-есть, черная гора, иначе называемая Мущкою горой, у подошвы которой находится деревня Маринтъ.

42) Давидъ тутъ не видитъ буйвола, а только его пометь.

43) Здѣсь игра словъ: переводъ ихъ таковъ: «тутъ мѣсто опасное, а не Иверія; «то-есть, ты не думай, что находишься въ Иверіи; вѣтъ, ты въ опасной странѣ».

44) Горизъ—имя грузинское, еще разъ указывающее на подраженіе поэмы.

45) Видно Давидъ поступилъ противъ обычая, поцѣловавъ царевну четыре раза.

46) Въ скатерти были различныя яства на ужинъ Хандудъ-Ханумъ.

47) Старая пословица, которую Хандудъ-Ханумъ намекаетъ Давиду осво-бодить ее отъ двухъ страшныхъ великановъ, находившихъ ей своимъ неотступными предложеніями; тогда только она согласится выйти за него за мужъ.

48) Серго — уменьшительное отъ Саргисъ (=Сергій). Этимъ именемъ Бурды называютъ перѣдко христіанъ, какъ бы потомковъ Св. Сергія, весьма популярнаго между Армянами Вака и Муша.

49) Это мѣсто напоминаетъ любопытное описаніе борьбы Алеши Поповича съ Тугарникомъ Змѣевичемъ, происходившей на палицахъ, на конькахъ и сабляхъ и продолжавшейся очень долго. Какъ и въ нашей повѣсти, Алеша отрубилъ Тугарину «буяну голову» и повезъ ее къ князю Владиміру.

50) «Хурджинъ» — сѣдельная сумка.

51) Эпизодъ этотъ очень сходенъ съ русскою былинной о встрѣчѣ Дуная Ивановича съ богатыремъ-великаномъ. Только побѣдилъ его, Дунай узнаетъ, что это — жевщина-королевщина, и она предлагаетъ себя ему въ жену. Обрадованный Дунай везетъ ее съ собою въ Кіевъ. — Если всмотрѣться ближе въ эту былинку, то мы найдемъ въ ней и другія любопытныя мѣста, также сходныя съ заключеніемъ нашей повѣсти. Известно, что, вскорѣ послѣ жевщины, Дунай Ивановичъ затѣялъ споръ съ женою своею, Дѣтирой: кто лучше стрѣляетъ изъ лука, онъ или она? Трагическая смерть Дуная и жены его, переданная въ русской былинѣ, какъ читатель увидитъ ниже, — та же, что и несчастный конецъ Давида, убитаго стрѣлой, и Хандудъ-Ханумъ, бросившей себя съ отчаянія съ башни. У тѣхъ и у другихъ рождается смѣль, «будущій богатырь, какъ говоритъ русская былина, которому не будетъ сопротивленія»; и тотъ и другой богатырь представлены окруженными золотомъ и серебромъ. (Рибникова, I, 182—197; II, 44; III, 96—108).

52) Городъ Хлатъ (по турецки Ахлатъ) находится на сѣверо-западномъ берегу Ванскаго озера. Онъ славился въ древности своимъ великолѣпіемъ, своимъ высокими стѣнами и крѣпостью. Послѣ Армянъ городомъ этимъ владѣли сначала Арабы, потомъ Турки. Вражда жителей города Хлата къ Давиду объясняется тѣмъ ущербомъ, который наносилъ имъ отецъ Давида, Абамелликъ. Теперь Хлатцы вымещаютъ свою досаду на Давидъ, противъ котораго и ведутъ они войну.

53) Чѣхуръ — болота у истоковъ рѣки Кара-су (она же — рѣка Муша) притока Евфрата.

54) Небольшая рѣчка, впадающая въ Ванское озеро, неподалеку отъ города Хлата.

55) Кто это былъ Ибрахимъ-Агъ, точно также, какъ и жена его, Шимши-Ханумъ, сказать въ точности не могу. Вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ мелкихъ князей, съ которыми Абамеллику пришлось въ началѣ вести войну, и владѣнія которыхъ онъ присоединилъ къ своимъ. Самое имя — «Ибрахимъ-Агъ», какъ происхожденія турецкаго, указываетъ на позднѣйшія вставки и измѣненія въ повѣсти.

56) То-есть, магометанка.

57) Въ переводѣ это слово означаетъ «будь разодрана и разбросана!»

58) Чѣкчапокрикъ утѣшаетъ Хаидудъ-Ханумъ, обѣщая защитить ее отъ всякихъ обидъ.

59) «Шникъ» — мѣстная мѣра снучихъ гѣлъ, равнаяся четыремъ русскимъ мѣрамъ.

60) Кахизванъ—это недавно завоеванный у Турціи городокъ Кахизванъ, въ сорока верстахъ отъ Карса.

61) То-есть, могила годовалого воюйника.

62) Твоихъ—твоихъ родственниковъ.

63) Большая гора, лежащая на с.-з. отъ Ванскаго озера, недалеко отъ г. Хлата. Объ этой горѣ существуетъ много любопытныхъ преданій. Между прочимъ разказываютъ, что на ней похоронилъ Немурода (или Бала) родоначальникъ Армянъ Хайкъ, убивъ его въ великомъ сраженіи. Самая гора съ этихъ поръ стала называться «Невродъ» или «Немурдъ».

64) Дымъ, какъ признакъ жилья.

65) Тослъ—одинъ изъ округовъ древней Веспурганской области, съ главнымъ городомъ Ванъ.

РЕЛИГИОЗНЫЕ СИМВОЛЫ ДРЕВНИХЪ ВАВИЛОНЯНЪ.

Le caillon de Mischaux, каменъ Nankas и Vit-Ada.

Въ 1800 г. французскій ботаникъ Мишо (Mischaux) нашелъ въ развалинахъ какого-то дворца на берегу Тигра, на сутки пути къ югу отъ Багдада, черный базальтовый камень, неправильной, продолговатой формы, вышиною 0,48 метра ($\frac{3}{4}$ аршина) и толщиною 0,32 (вершковъ около 7 или 8)¹⁾; на верхней его оконечности изображены были различные символическіе знаки, а на двухъ боковыхъ сторонахъ была вырѣзана клинообразная надпись. Привезенный въ Парижъ, этотъ камень, и по настоящее время, хранится въ Cabinet des Médailles подъ № 702. Въ 1802 г. извѣстный французскій археологъ Millin издалъ рисунки, съ него снятыя въ большомъ масштабѣ²⁾; Münter помѣстилъ объясненіе символическихъ знаковъ въ своемъ изданіи: *Religion der Babylonier*³⁾; надпись воспроизведена въ *W. A. I.*, I 70⁴⁾ и переводы надписи сдѣланы Оппертомъ въ 1856 г., Фоксъ-Талботомъ въ 1861 г., Оппертомъ и Менаномъ въ 1877 г.⁵⁾.

¹⁾ In den Ruinen eines Palastes, die nach Silvestre de Sacy's Vermuthung Tak Kesra, «das Gewölbe des Choeur» sind. См. Münter, *Relig. der Babylon.* 1827, in 4°, p. 1.

²⁾ *Monum. ant. inéd.* I, 58.

³⁾ P. 102, pl. III v. a.

⁴⁾ *West. Asia cuneiform inscriptions.*

⁵⁾ Напечатаны въ изд. *Вул. Archéol. de l'Athén. Franç.*, въ *Trans. of the Roy. Asiat. Soc.* XVIII; 54, *Docum. jurid. de l'Assyr. et de la Chaldée* pp. 85—125, и *S. Birch. Records of the Past*, IX, 92.

Такіе же два камня изъ чернаго базальта, съ надписями на нихъ и символическими знаками, хранятся въ Британскомъ музеѣ; рисунки, съ нихъ снятыя, изданы въ фотографіяхъ, Thompson, Brit. Mus. part. III, vol. III, №№ 529—536, и воспроизведены графически въ W. A. I., III pl. 45; надписи помѣщены въ томъ же изданіи W. A. I., III pl. 41 и 43, а переводы надписей Опперта и Менана въ Documents juridiques de l'Assyrie et de la Chaldée и въ Records of the Past, въ IX части ¹⁾).

Съ 1800 г. ассириологія далеко подвинулась впередъ и настало, повидимому, удобное время для пересмотра изслѣдованій Мюнтера и Миллена о символическихъ знакахъ, изображенныхъ на подобныхъ памятникахъ. Повторять здѣсь въ подробности мнѣнія двухъ упомянутыхъ ученыхъ было бы совершенно излишнимъ трудомъ; любопытствующій прочтетъ ихъ предположенія въ указанныхъ выше изданіяхъ. Millin считалъ камень Misbaux за издѣліе Персовъ, собаку, на немъ изображенную, за грифона и т. д., его видимо стѣсняла невозможность ознакомиться съ содержаніемъ имѣющейся на камнѣ надписи. Münter, исправивъ ошибочныя гипотезы своего друга и корреспондента, посредствомъ остроумныхъ сближеній достигъ нѣкоторыхъ результатовъ, подтвердившихся при послѣдующихъ открытіяхъ; но самъ сознавалъ недостатки своего изслѣдованія ²⁾.

Изъ прочитанныхъ надписей мы узнаемъ, что три памятника, нами указанные, относятся ко времени Вавилонскаго царя Мардук-адин-ахи (1110 л. до Р. X.) и составляли акты поземельнаго владѣнія: первый, называемый археологами le caillou de Misbaux, касается земли, отданной въ приданое за дочерью; другой — обмежеванія земли, принадлежащей дому Ада, Бит-Ада; третій — продажи земли, и по имени участвующаго въ договорѣ, называется contract of Naukas ³⁾. Надписи оканчиваются заклинаніями такого рода: если кто станетъ оспаривать права владѣнія или предпринимать что либо,

¹⁾ Вавальтомъ считаются всѣ три камня — издатели Rec. of the Past и Doc. jurid. de l'Assyr., другіе ученые ихъ считали за мраморъ, chaux carbonatée bitumineuse и т. д.

²⁾ Ich habe nur die ersten Grundlinien gezogen. Möge meine Arbeit dazu dienen, Andre zur Fortsetzung derselben zu erregen! Reliq. der Babyi. p. 134.

³⁾ Камень, нами описываемые, имѣютъ вѣрный видъ обыкновеннаго круглаго булыжника. По мнѣнію Ленормана, они служили маленькими признаками, Essai de Comment. des Fragm. Cosmogon. de Bérose над. 1871 p. 228. У насъ, въ маленькимъ камушкахъ угли, и также камни счетовъ, но безъ надписей и знаковъ.

клоняющиеся къ нарушенію владѣнія, того да покараютъ „великіе боги, которые упомянуты, которыхъ имена призываются въ этой таблицѣ (Mischauz, Nankaz)“, или — „которые обозначены, изображены на этой таблицѣ, которыхъ имена здѣсь упоминаются (Bit-Ada)“¹⁾. Въ началѣ заклинаній призывается основная, верховная триада божествъ, ея три имени вписаны сразу, въ одну строчку; за тѣмъ, упоминаются другіе великіе боги и богини, имя каждаго божества отдѣльно, съ прибавленіемъ присвоенныхъ ему эпитетовъ. Призываемыя божества, ихъ имена или идеограммы, расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

<i>Nankaz.</i>	<i>Mischauz.</i>	<i>Bit-Ada.</i>
<i>Триада.</i>	<i>Триада.</i>	<i>Триада.</i>
Anu.	Anu.	Anu.
Bel.	El.	Bel.
Nea.	Nea.	Nea.

The Great Goddess.

Остальные боги:

{ Sin.	Marduk.	Marduk.
{ Samas.	{ Samas.	{ Nebo.
{ Istar.	{ Sin.	{ Bin.
{ Marduk.	{ Istar.	{ Sin.
{ Ninip.	{ Ninip.	{ Samas.
{ Gula.	{ Gula.	{ Istar.
{ Bin.	{ Bin.	{ Gula.
{ Serah.	{ Serah.	{ Ninip.
{ Nabu.	{ Nabu.	{ Nergal.
		Zamal.
		Tarda.
		Iskhara.
		Malik.
<hr/>	<hr/>	<hr/>
Всего 3+9=12.	Всего 4+9=13.	Всего 3+13=16.

Верхняя оконечность каждаго изъ трехъ описываемыхъ нами памятниковъ тщательно скруглена, въ видѣ небеснаго свода; она образуетъ сегментъ шара, сегментъ, котораго наружный край составляетъ правильный кругъ на камняхъ Nankaz и Bit-Ada, и кругъ, неправильно усѣченный надписью съ одной стороны — на камнѣ Mischauz. Внутри означеннаго сегмента или круга, на вершинѣ каждаго камня изображены символическіе знаки, воспроизведенные ниже въ прилагаемыхъ при семь рисункахъ (Табл. I—V).

¹⁾ На камнѣ Bit-Ada повторяется три разъ: The gods who are inscribed on this tablet, all those whose name is commemorated herein; the gods that are on this stone, whose name is commemorated; whose image is on this table, and whose name is invoked. Records of the Past p. 100 и 101.

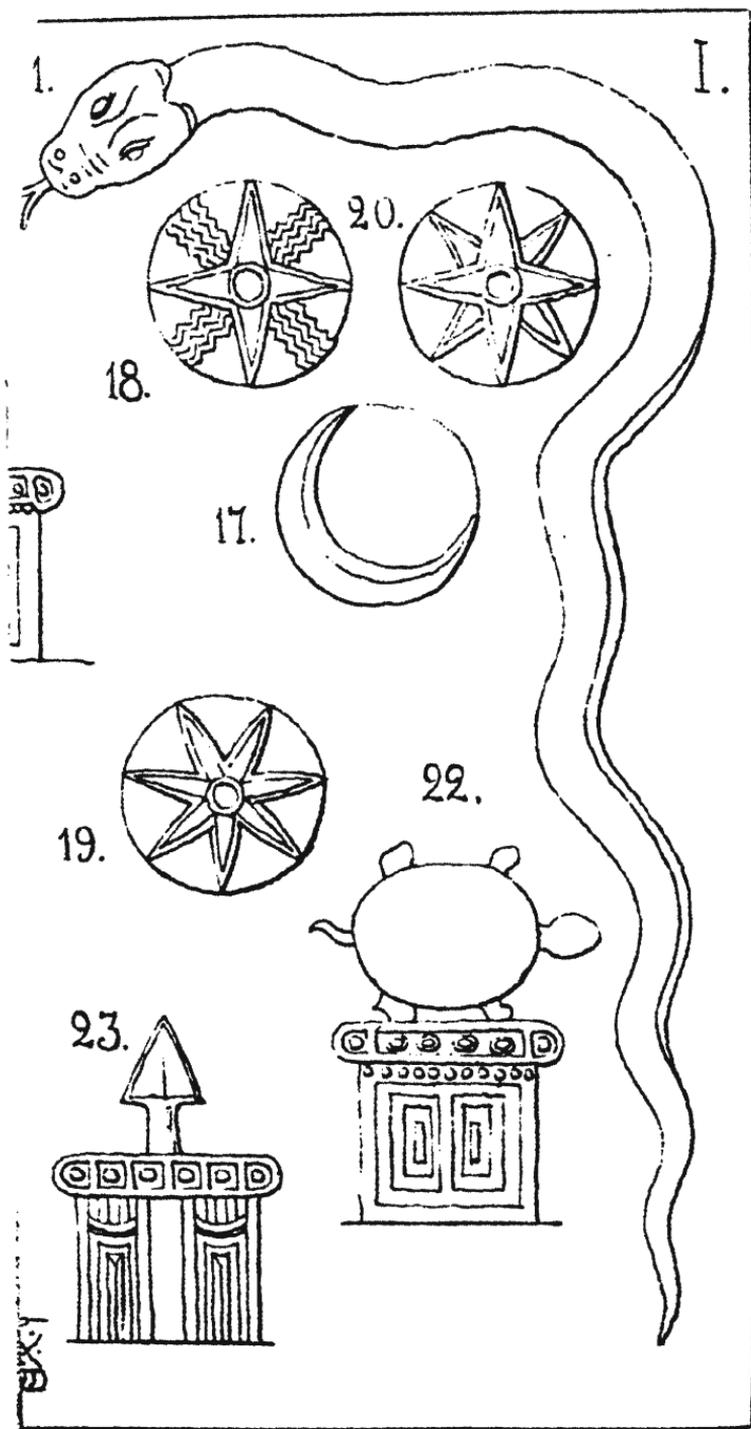
Наиболѣе крупный и замѣтный знакъ на камнѣ Бит-Ада составляетъ змѣя, котораго хвостъ начинается на окраинѣ круга или сегмента, а голова и жало проникаютъ въ середину круга (табл. I-я фиг. 1-я). Если признать, что изображенія на камнѣ дѣйствительно обозначаютъ различныя божества, упоминаемыя въ надписи, то змѣя, какъ символъ, наиболѣе значительный, слѣдуетъ отнести къ основному, верховному божеству Вавилонявъ, олицетворяющему собою первую единицу, первобытную монаду, поватіе, хорошо извѣстное ассириологамъ ¹⁾. Рядомъ, вслѣдъ за головою и шею змѣя, какъ бы на его хребтѣ, изображенъ первоначальный дуализмъ, равнующійся нѣзъ первобытнаго единства. Эта идея обыкновенно въ миеологін олицетворяется двумя верховными божествами, мужскимъ и женскимъ, и здѣсь обозначена двумя жертвенниками или престолами, равными по формѣ и величинѣ, на которые возложены два головные убора, два шлема или двѣ короны, тиары, украшенныя каждая семью парами роговъ буйвола (фиг. 2 и 3). Изображенія сдѣланы en face. О формѣ и значеніи подобныхъ головныхъ уборовъ и украшающихъ ихъ роговъ, мы уже имѣли случай распространяться въ другомъ мѣстѣ ²⁾. На таб. II и V (фиг. 28 и 48) изображены въ профиль подобныя тиары въ болѣе отчетливомъ рисункѣ.

У хвоста змѣя установлены, по той же линіи, еще три престола, украшенныя съ передней стороны символическими животными (фиг. 7, 8 и 9). На престолахъ, одной формы и величины, помѣщены три символическіе знака, а именно: на первый копье, вверхъ обращенное концемъ; на второй — нѣчто въ родѣ змѣя или дракона, выступающаго нѣзъ середины престола; на третій — лежащая стрѣла, оконечность стрѣлы или молніеносный перуны ³⁾. Начинаясь у хвоста главной фигуры, змѣя, означенныя три престола заканчиваютъ собою весь первый, нижній рядъ символическихъ знаковъ, окружающій верхнюю часть камня, и съ другой стороны примыкаютъ къ головѣ и шеѣ того же змѣя. Группируясь, такимъ образомъ, около главнаго символа таблицы,

¹⁾ Смартъ (Smith), Роулисонъ, Лемориаъ, Масперо. Менажъ въ своемъ Syl-labaire (Mém. présentées par divers savants à l'Acad. des Inscrip. etc, 1-re ser., t. VII, 1873 г. 2 part. p. 348) приводитъ идеограмму этого божества и посвящаетъ: «le Dieu un, dans tous les cas, on ne saurait dire «le dieu unique».

²⁾ Журн. Мин. Народн. Просв. 1880 года. Сент., статья: Малгаіа и Вавилонъ.

³⁾ A sort of arrow-head. Records of the Past, IX, 93.

основной монады, престолы намъ представляютъ: справа отъ нея—символическую пару, слѣва—символическую триаду. Въ самомъ центрѣ сегмента или круга помѣщено астральное проявленіе той же триады, въ видѣ мѣсяца и двухъ планетъ или, правдоподобнѣе, въ видѣ мѣсяца, солнца и звѣзды (фиг. 17, 18 и 19).

Въ нижнемъ ряду, у внѣшнихъ окраинъ круга, между двумя престолами и тремя престолами, изображены еще три знака: 1) собака (фиг. 4), 2) жезлъ или скипетръ съ раздвоенною вершиною, украшенною какою-то птицею, можетъ быть изъ породы голубей (фиг. 5), и 3) стрѣла или дротикъ, обращенный или обращенная внизъ концемъ (жаломъ) (фиг. 6), и наконецъ между центральными тремя планетами и нижнимъ рядомъ символическихъ знаковъ, имѣется надъ послѣдними второй рядъ, заключающій семь символовъ, второстепеннаго значенія, судя по ихъ величинѣ. Они изображаютъ: 1) скорпиона (фиг. 10), 2) птицу крупной породы (фиг. 11), 3) лампу (фиг. 12), 4) ручную булаву (фиг. 13), 5) перуны божества Бина или Бел-Меродаха (фиг. 14), 6) нѣчто въ родѣ подковы (фиг. 15) и 7) раздвоенный скипетръ, или вершину жезла, котораго два рога оканчиваются головами ясныхъ и хищныхъ звѣрей (фиг. 16). Упомянутые здѣсь семь малыхъ символическихъ знаковъ изображены на нашихъ рисункахъ, каждый знакъ на томъ самомъ мѣстѣ, которое онъ занимаетъ въ подлинникѣ надъ болѣе крупными, ему соответствующими знаками нижняго ряда.

Всего имѣется символическихъ знаковъ на камнѣ Бит-Ада: 1, 2, 3×3 , $7 = 19$. Такое же число знаковъ имѣется и на другихъ двухъ камняхъ, но въ иномъ расположеніи или распредѣленіи и съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, которыя будутъ указаны ниже.

Первый вопросъ, который представляется при объясненіи перечисленныхъ нами символическихъ знаковъ, заключается въ томъ: дѣйствительно ли они обозначаютъ божества древнихъ Вавилонянъ, какъ мы предположили выше, или нѣчто иное? Въ пользу теософическаго ихъ значенія свидѣлствуютъ изображенные между ними престолы и тиары, составляющіе и на болѣе крупныхъ барельефахъ Ассирій атрибуты божествъ; и за тѣмъ, самое выраженіе надписи: боги, которые изображены, вписаны или вырѣзаны (*inscribed*) на этой таблицѣ, всѣ тѣ боги, которыхъ имена въ ней упоминаются (*commemorated*). Такія выраженія указываютъ на два способа обозначенія божествъ, примененные на самомъ памятникѣ, на двѣ формы invocatioнъ божествъ.

ства: 1) обозначеніе божества знакомъ, его начертаніе или вписаніе на таблицѣ и 2) поминовеніе его имени въ надписи.

Символы, вырѣзанные на камнѣ Бит-Ада, не могли изображать знаковъ зодіака, ни обозначать мѣсяцевъ въ году или дней недѣли, потому, что своимъ числомъ значительно превосходятъ и тѣ, и другіе. Правда, число дней недѣли 7, приложенное къ числу мѣсяцевъ 12, составляетъ общую сумму 19, соответствующую числу символическихъ знаковъ; судя по послѣднимъ изслѣдованіямъ, Ассиріянамъ и Халдеямъ отъ глубокой древности извѣстно было распредѣленіе времени на 12 мѣсяцевъ, на 7 дней недѣли и даже седьмой день отдохновенія, освященный ¹⁾; но цѣли не было никакой обозначать на подобныхъ памятникахъ, знаками, дни и мѣсяцы. Г. Lepoint усматриваетъ на камнѣ Миснахъ четыре символа, соответствующіе, по его мнѣнію, знакамъ зодіака ²⁾; отсутствіе прочихъ восьми знаковъ доказываетъ, однако же, что и таблица Миснахъ не имѣла зодіакальнаго значенія. Символическіе знаки на изучаемыхъ нами трехъ камняхъ могли обозначать различныя планеты и созвѣздія, разбросанныя по небесному своду, указывая ихъ расположеніе на небѣ въ данный моментъ, составляя, такимъ образомъ, таблицу астрономическую или астрологическую; а какъ дѣленія зодіака опредѣлялись созвѣздіями, то въ таблицу могли случайно попасть и нѣкоторыя изъ созвѣздій зодіака. Такое предположеніе повидимому подтверждаетъ и форма полированного сегмента шара, на которомъ знаки расположены, напоминающая небесный сводъ, и замѣчаемыя на вершинѣ сегмента изображенія солнца и луны; но планеты и созвѣздія представлялись древнему язычнику какъ силы, одаренныя живію и волею, какъ самостоятельныя божества, или проявленія и воплощенія божествъ, и въ такомъ случаѣ, отвѣтъ на предложенный вопросъ сводится, въ сущности, къ одному и тому же результату: по всей вѣроятности, символическіе знаки изображали божества, упоминаемыя въ надписяхъ, а божества, по воззрѣніямъ язычниковъ, олицетворяли отвлеченныя идеи и стихійныя начала и, въ то же время, астральныя проявленія тѣхъ же понятій. Для полнаго выясненія этого вопроса, слѣдуетъ

¹⁾ *Mémoires*, Syllab. II, 366; *Lepoint*, Orig. de l'Hist. 243; *Sayce*, Babylonian Literature p. 54, 55.

²⁾ *Comment. de Bérose* v. a., p. 228. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что 12 знаковъ зодіака + 7 планетъ составляютъ общее число 19, совпадающее также съ числомъ символическихъ знаковъ.

попытать приурочить имена надписей къ соответствующимъ имъ символическимъ знакамъ, опредѣляя характеръ каждого божества, упомянутого въ надписи и изображеннаго знакомъ.

Число символовъ на каждомъ камнѣ не соответствуетъ числу именъ, упоминаемыхъ въ его надписи ¹⁾. Здѣсь мы встрѣчаемъ то же явленіе, какое указано было нами въ статьѣ, упомянутой выше, о символахъ Малтаин и Бавіана: надписи на памятникахъ скульптурныхъ не вполне прѣмъными къ объясненію символическихъ изображеній, имѣющихся на тѣхъ же памятникахъ. Это явленіе, повторяющееся весьма часто въ исторіи искусствъ, убѣждаетъ, что исследователь въ области археологіи долженъ идти самостоятельнымъ путемъ, руководствуясь приемами своей науки, не стѣсняясь надписями, не столько ожидая отъ нихъ разъясненія, сколько ихъ поясняя и дополняя своими изысканіями. Онъ не можетъ, однако же, вовсе не принять во вниманіе надписей и не искать въ нихъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ указаній и подтвержденій для своихъ доводовъ и соображеній. Доколѣ надпись не разобрана, археологъ чувствуетъ шаткость почвы подъ собою, какъ было выше указано относительно известнаго французскаго исследователя древнихъ памятниковъ—Millin. Надпись неожиданно можетъ опровергнуть всѣ доводи незнакомаго съ нею археолога. Когда надпись прочтена, легко разъяснить причину ея противорѣчій съ доводами археологіи.

Если сличимъ имена божествъ во всѣхъ трехъ надписяхъ ²⁾, то окажется, что 12 именъ, упоминаемыхъ на камнѣ Нанкас, повторяются и въ двухъ другихъ надписяхъ съ слѣдующими ограниченіями: въ надписи Michaux, вмѣсто Bel, стоитъ новое имя — El, и прибавлена къ основной тріадѣ великая богиня (the Great Goddess), безъ упоминанія ея имени; въ надписи Bit-Ada пропущено божество

¹⁾ Именъ на камнѣ Нанкас 12, Michaux 13, Bit-Ada 16, а символ. знаковъ на каждомъ камнѣ по 19.

²⁾ Мы полагаемся, въ этомъ случаѣ, вполне на чтеніе гг. ассирологовъ и притомъ столь опытныхъ ученыхъ, каковы—Опертъ, Менанъ, Фоксъ-Тальботъ, Ленорманъ, Вирчъ, Сайсъ. Разборъ и чтеніе именъ боговъ и вообще собственныхъ именъ обратили на себя прежде всего вниманіе ассирологовъ, и послужили основаніемъ, при дальнѣйшихъ изысканіяхъ, къ разъясненію египетскаго провозглашенія различимыхъ группъ клинообразныхъ знаковъ. Надо полагать, что ассирологи не ошибаются, передавая намъ звуки, которыми произносятся имена ассирійскихъ божествъ, встрѣчающихся въ надписяхъ, или ошибаются незначительно. Подробности по этому предіету см. въ концѣ, прилож.

Segah и прибавлено 5 новыхъ именъ—Nergal, Zama, Turda, Iskhara, и Malik. Такимъ образомъ, независимо отъ пропуска имени Segah, прибавляя къ 12 божествамъ надписи Наукас два лишнія имени на камнѣ Місхаук и 5 новыхъ на камнѣ Вит-Ада, получимъ общую сумму 19, равную числу символическихъ знаковъ. Предоставляемъ читателю самому обсудить, случайное ли это совпаденіе, или сличеніе трехъ памятниковъ однородныхъ и одного времени привело насъ дѣйствительно къ открытію 19-ти основныхъ божествъ ассирійскаго или халдейскаго пантеона, соответствующихъ символическимъ числамъ 1, 2, 3×3, 7.

Символическія числа имѣли, начиная отъ глубокой древности, великое значеніе въ космогоническихъ и теософическихъ системахъ Ассиріи и Вавилона. Въ одномъ изъ новѣйшихъ своихъ изданій ¹⁾ Lepoint, объясняя, что ученіе о таинственномъ значеніи чиселъ изъ Халдеи перешло къ Римлянамъ и позднѣе удерживалось, отчасти, даже въ средніе вѣка, припоминаетъ, по этому случаю, совѣтъ, данный Горациемъ римской красавицѣ, которую воспѣваетъ: „*pes Babylonios temptaris numeros*“ ²⁾, и добавляетъ, что г. Rassau въ недавнее время, посѣтивъ развалины Ассиріи и Вавилона, привезъ оттуда въ Лондонъ много глиняныхъ таблицъ, покрытыхъ мистическими числами, съ объясненіемъ ихъ значенія. Эти таблицы еще не изданы.

Относительно порядка перечисленія боговъ въ надписяхъ слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя группы именъ встрѣчаются нераздѣльно на каждомъ изъ трехъ памятниковъ царствованія Мардук-Идинакки: кромѣ основной триады, особо обозначенной въ началѣ каждой надписи — Anu, Bel, Nea или Anu, El, Nea, упоминается постоянно нераздѣляемая другая триада — Sin, Samas, Istar, а также два божества, нераздѣльныя, мужское и женское — Ninip, Gula или Gula, Ninip. Остальныя имена—Marduk, Nebo, Bin, произвольно вставлены или въ началѣ надписи, или въ концѣ, или въ ея серединѣ, и новыя пять именъ, добавленныя на камнѣ Вит-Ада, приурочены къ концу надписи.

Упомянутыя въ надписяхъ имена божествъ (хотя и не всѣ) намъ уже знакомы по исследованіямъ о символическихъ знакахъ Вавіана,

¹⁾ Les origines de l'Histoire d'après la Bible et les traditions des peuples orientaux, in 8°, 1860 г., p. 284.

²⁾ Od. I, 11, v. 2.

которымъ посвятили мы, какъ уже сказано выше, особую статью ¹⁾. Знаки и надписи, вырѣзанные на скалахъ Бавиана, въ окрестностяхъ Ниневіи, ассирійскимъ царемъ Сеннахерибомъ за 700 лѣтъ до Р. Х., имѣютъ непосредственную связь съ тремя памятниками Халдеи, нами изучаемыми: вавилонскій царь Мардукидинаки ²⁾ или Мардукнадинасаръ ³⁾, въ царствованіи котораго относятся послѣдніе, тотъ самый завоеватель, который поименованъ въ надписяхъ Бавиана; за 418 лѣтъ до Сеннахериба, онъ увезъ изъ Ассиріи статуи боговъ Бина и Сали; Сеннахерибъ, послѣ удачнаго похода на Вавилонъ, возвратилъ въ ассирійскіе храмы плѣнныхъ боговъ, и въ память своего подвига велѣлъ вырѣзать на скалахъ Бавиана изображенія означенныхъ боговъ во весь ростъ и надписи, нами упомянутыя. Такимъ образомъ, мы имѣемъ памятники эпиграфическіе и скульптурные двухъ различныхъ эпохъ, раздѣленныхъ промежуткомъ времени въ 400 лѣтъ и двухъ различныхъ мѣстностей, постоянно враждовавшихъ между собою, сѣверной области Тигра, Ассиріи, и южной ея окрестности, Халдеи. Тѣмъ болѣе любопытно сличеніе этихъ памятниковъ ⁴⁾. Сходство упоминаемыхъ въ нихъ именъ божествъ доказываетъ близкое сродство религій Ассиріянъ и жителей Халдеи. То и другое племя поклонялось однимъ божествамъ.

Надписи *Naikas* и *Bit-Ada* вырѣзаны болѣе древнимъ шрифтомъ, опредѣляемымъ идеограммою, поставленною передъ именемъ каждаго божества; надпись же *Mischaux* болѣе позднимъ шрифтомъ, опредѣляемымъ новою формою той же идеограммы ⁵⁾. Начертаніе буквъ

¹⁾ Журн. Мин Народн. Просв. 1880 г. свѣт.

²⁾ По чтенію Лепормана.

³⁾ По чтенію г. Мелана.

⁴⁾ Въ надписи Мишо упоминается невѣста, за которую выдаютъ приданое, называемая *Dur-Sagukinai*, то-есть уроженка или жительница города *Dur-Sagukin*. Хорсабадъ, основанный Саргономъ близъ Ниневіи въ VIII в. до Р. Х., послалъ это имя. Отсюда заключали, что камень *Mischaux* относится къ эпохѣ, болѣе поздней, нежели у насъ показывала. *Mais tout cela n'était qu'une fantaisie*, замѣчаетъ Lepormant въ своемъ *Comment. des Fragm. Cosmog. de Bérose*, изд. 1871 г., стр. 15, note 1, и весьма подробно объясняетъ, что былъ другой царь *Sagukin*, Саргомъ древній (2000 л. до Р. Х.), котораго имя принялъ при востшествіи на престолъ основатель Хорсабада, и другой городъ *Dur-Sagukin* въ Халдеи, между городами *Ur*, *Uruk* и *Larsam*, въ которомъ и родилась невѣста, упоминаемая въ рядной записи.

⁵⁾ *Mélanges, Syllabaire I* часть 1869 г., p. 10, sq.; *Millin, Mon. ant. inéd. I*, p. 58 и *W. A. J. I* pl. 70, III, pl. 41 и 43.

въ этой послѣдней надписи весьма сходно съ надписью Бавіана и вообще съ шрифтомъ, употребительнымъ въ Ассиріи въ царствованіе Саргонидовъ, хотя такое сходство и нельзя признать совершеннымъ тождествомъ. Въ теченіи 20-ти вѣковъ, въ продолженіи которыхъ употреблялись клинообразныя письмена: ихъ начертаніе не разъ видоизмѣнялось, а потому, для разбора надписей требуется нѣкоторый навыкъ и знаніе, такъ сказать, ассирійской палеографіи. Форма письменъ видоизмѣняется и по времени, къ которому относятся различныя надписи, и по мѣстности, въ которой онѣ найдены. Сличеніе надписи Місхаухъ съ двумя другими изучаемыми нами памятниками той же эпохи свидѣтельствуетъ, что въ одно и то же время были въ употребленіи даже два шрифта, одинъ болѣе архаической формы, преимущественно встрѣчающійся на древнѣйшихъ памятникахъ, и другой болѣе новый¹⁾.

Менѣе сходства замѣчаемъ въ символическихъ знакахъ той и другой мѣстности, Бавіана и окрестностей Вавилона. На памятникахъ Мардукидинаки и въ Бавіанѣ мы узнаемъ вездѣ однообразное очертаніе мѣсяца ☾. Тіары на скалахъ Малтаинъ и Бавіана инаго образца: круглыя, высокія, съ плоскимъ дномъ (цилиндрической формы, см. табл. V, фиг. 48); на юридическихъ документахъ Хаденъ у нихъ дно, скругленное въ видѣ шлема (конусообразныя, см. табл. II, фиг. 28; III, фиг. 39 и 43); тѣ и другія украшены рогами буйвола. Въ то же время, мы усматриваемъ на камняхъ Місхаухъ, Нанкаа и Bit-Ada многіе знаки, не встрѣчающіеся на скалахъ Бавіана, и притомъ, характера болѣе злобнаго или демоническаго: стрѣлы, скорпионы, змѣи, чудовища. Не слѣдуетъ забывать, что мы перешагнули за 400 лѣтъ въ глубь исторіи, спустились по теченію Тигра къ дру-

¹⁾ Въ Британскомъ музеѣ читается еще четвертый камень, безъ символическихъ знаковъ, найденный въ курганѣ Za'aleh, и на которомъ написанъ договоръ, заключенный въ 1-й годъ царствованія Мардукидинаки Земля Bit-Ada обмежевана въ 10-й годъ того же царствованія. Имя царя упоминается только на этихъ двухъ камняхъ; на камнѣ Нанкаа и Місхаухъ не упоминается. Но, свидѣтелемъ по договору Za'aleh показаны: Tab-azar-Marduk сынъ Ina-e-Sagga turbu, секретарь (а Scribe), тотъ самый женихъ, за котораго выдана замужъ Dur-Sargukinait князя Місхаухъ. Символы Zikar-Ea, губернатора (Governor of the provinces) упоминаются на камнѣхъ Za'aleh, Bit-Ada и Нанкаа, Marduk-nasir на камнѣхъ Bit-Ada и Нанкаа. Отсюда заключаемъ, что всѣ 4 камня принадлежатъ къ одной эпохѣ.

гому племени, вступили на почву великой блудницы Вавилона. Иные символы ожидают нашего объясненія.

Прежде, нежели приступить къ толкованію каждаго знака въ отдѣльности, сошлемся еще разъ на приведенную нами статью о скульптурахъ Малтаин и Баиана, чтобы не повторять всего въ ней изложеннаго, относительно важнаго значенія, какое имѣетъ греко-римская мифологія и символика для разъясненія ассирійской и халдейской. Мы намѣрены держаться той же сравнительной методы изслѣдованія. Сходство преданій греко-римскихъ и азійскихъ намъ представляется несомнѣнно доказаннымъ, отъ чего бы оно ни происходило: отъ того ли, что Греки изъ глубины Азіи заимствовали свою религію, или отъ того, что обряды и вѣрованія всѣхъ азычскихъ народовъ древняго міра произошли изъ одного общаго источника, и сходство понятій поддерживалось постоянными сношеніями между народами, еще недостаточно выясненными современною намъ наукою. Какъ бы то ни было, но греко-римскія преданія намъ разъясняютъ такія темныя стороны въ религиозныхъ вѣрованіяхъ Ассирій и Халдеи, которыхъ разгадку не находимъ ни въ надписяхъ клинообразныхъ, ни въ многочисленныхъ обломкахъ, открытыхъ въ Ниневіи, литературныхъ твореній въ бібліотекѣ Ассурбанипала и Сеннахериба.

Ни на одномъ изъ указанныхъ нами трехъ памятниковъ эпохи Мардукидинаки мы не встрѣчаемъ ассирійскаго крылатаго диска, ни имени Ассура, того божества, къ которому отпослится упомянутый символъ; его по видимому замѣняетъ змѣя (фиг. 1), составляющій на памятникахъ Халдеи символъ первенствующій, обозначающій, по всеи вѣроятности, вавилонское божество Ел, Илу. Это божество, подобно Ассуру, соответствовало греческому добродушному и счастливому Урану, небесному, древнему, основному, невидимому и въ принципѣ неизобразимому богу¹⁾; но, съ такимъ ли добродушнымъ характеромъ оно представлялось Вавилонянамъ, какъ и Грекамъ? Почему ему служить символомъ взворагивный и злой змѣя?

¹⁾ Mélang, Syllabaire II, p. 337, 338. Ил, «le Grand Dieu de la Chaldée», le premier des Dieux; Assur, «le Dieu Bon», cette divinité paraît se confondre avec la précédente et représenter le même principe (ср. Botta, Parés, pl. 16, 18 и pl. 7, 22).

Ил «der Gott» κατ' ἑαυτὴν, der Eine und der Gute, die Quelle aller Dinge, er hatte kein Tempel, Греки его часто смѣшиваютъ съ Кроносомъ. Leismant, Die Magie und Wahrsagekunst der Chaldäer, вѣнецк. издан. v. Verfass. autoris. bedeut. verbess. und vermehrt. 1878 г. in 8° pp. 111—113.

На камнѣ Бит-Ада змѣй ползеть по окраинѣ круга, и затѣмъ, приподнявъ свою шею, проникаетъ головою до самаго центра круга и символическихъ знаковъ, въ него вписанныхъ, какъ будто бы всѣ силы, изображаемыя другими знаками, онъ несетъ на своемъ хребтѣ. На другихъ двухъ памятникахъ змѣй имѣетъ иное начертаніе (фиг. 21): его хвостъ начинается между столбцами надписи, въ символическаго круга; змѣй ползеть по ребру камня, на которомъ вырѣзана надпись, и головою также проникаетъ въ центръ верхняго круга и символическихъ знаковъ, какъ нѣчто постороннее, родившееся въ цѣляхъ боговъ, но въ послѣдствіи послужившее для всѣхъ центровъ происхожденія и зарожденія.

Это было то существо, которое Библия называетъ самымъ хитрымъ изъ всѣхъ животныхъ полевыхъ ¹⁾, та сила, которая впервые прельстила великій Вавилонъ и увлекла его въ безконечныя извилины и кривые пути языческой теософіи. Она замѣнила собою, въ сознаніи людей, образъ первобытнаго Небеснаго Бога и ввела Его поклонниковъ въ заблужденіе, заградивъ собою Его чистый ликъ и ставъ на Его мѣсто. Проявляясь какою либо стороною своего бытія въ каждомъ изъ послѣдующихъ своихъ воплощеній, эта сила выражается по преимуществу во второмъ ея фазисѣ, соответствующемъ греческому Кроносу, божеству грубому, кровожадному и криводушному *ἑχολομήτης*, и во второмъ лицѣ основной верховной триады ассирійскихъ божествъ, въ божествѣ Хеа, имя котораго ассиріологи сближаютъ съ арабскимъ *hiya*, что значитъ змѣй и жизнь, и которому посвященъ тотъ же символъ — змѣй или драконъ ²⁾. Тотъ же символъ, наконецъ, и въ индійской основной триадѣ посвященъ второму ея лицу, жестокому Сивѣ, истребителю (*the destructor*) и красуется въ его рукахъ ³⁾. Та же сила Нѣа, Аус, Оапнесъ, даровала Вавилонянамъ знаніе или познаніа, науку, ту суетную мудрость, которою они гордились, установила ихъ законы, на защиту добра и въ наказаніе зла ⁴⁾. Можетъ быть, тотъ же символъ

¹⁾ Намъ самымъ голымъ, ускользающимъ изъ рукъ, слычи: харун, хрумн, хейрунн. Въ подлинникѣ употреблено выраженіе: ни голъ хаіеъ ха садех, въ всѣхъ существъ, существующихъ или знаущихъ на поляхъ. Быт. II, 25; III, 1 и 7.

²⁾ Араб. *hiyah*, асир. *hauu* змѣй, Леморнанъ производить отъ корня *hāyah*, жить. *Orig. de l'Hist.* изд. 1880 г. р. 106.

³⁾ Такъ напримѣръ у колоссальной Тримурты въ храмѣ Элеанты. *Langille, Mon. anc. et mod. de l'Indoستان*, II pl. 73.

⁴⁾ *Lemormant, Magie der Chaldäer*, издѣніе 1878 г. р. 376 sq.

обозначалъ первобытную бездну, изъ которой все возникло и произошло, первобытную пустоту (*nihil*), пространство (*the primaeval Abyss, assur. Arsu, theom Библии*).

Ассириологи давно обратили вниманіе на сходство съ повѣствованіями Библии нѣкоторыхъ преданій Вавилона. Испушеніе въ рай, пишетъ Н. Rawlinson, это было своего рода отравленіе, отравленіе символовъ языческой религіи ¹⁾; но, при подобныхъ сближеніяхъ преданій библейскихъ и языческихъ, требуется большая осмотрительность. Едва-ли даже возможно допустить примѣненіе языческихъ сказаній къ какому бы то ни было толкованію темныхъ и для насъ непонятныхъ мѣстъ изъ книги Бытія. На языческіе мифы (вымыслы) слѣдуетъ смотрѣть, какъ на искаженіе примаго, древняго, истиннаго преданія: искаженіе, иногда бессознательное, вслѣдствіе непониманія или забыванія, когда преданіе слагалось въ устахъ народныхъ массъ; иногда же и сознательное, когда жрецы въ мническій образъ облакали собственныя философы и догадки, или истину скрывали подъ видомъ иносказанія, чтобы сдѣлать ее недоступною и непонятною для людей, непосвященныхъ въ ихъ тайны и нечистыхъ. Язычники очень хорошо сознавали эту особенность мническихъ преданій, и такое сознаніе ясно выражено въ *Θεογονίαις* Гезіода, въ ихъ началѣ (ст. 26—28), въ той рѣчи, которую поэтъ влагасть въ уста Музы, обращенной къ пастухамъ Гелікона:

Ποιμένας ἀγροῶν...

Τῶν τε φύδων κολλᾶ λέγειν ἐτόμοισιν ὄμοια,

Τῶν τε δ' εὖτ' ἐθίλωμαι, ἀληθεῖα μὴδ' ἄσφακτα.

Слушайте, пастухи полевые...

Знаемъ говорить много мы лживаго, на правду дохожаго,
Знаемъ, если же мы захотимъ, рассказать также истину ²⁾.

¹⁾ Révélation divine, cette révélation était celle de l'idolâtrie; привода эти слова, Lepointant отъ себя добавляетъ, что никакіе ссылки, до сего времени обнаруженныя, не подтверждаютъ и не опровергаютъ мнѣнія Роулинсона. *Orig. de l'Hist.* 1880 г. р. 105 sq. Покойн. G. Smith узнавалъ сцену искушенія на печати вавилонской (*piette gravée*), на которой изображены дерево, мушкетъ, жемчужна и мѣдъ. По мнѣнію г. Мелана, нѣтъ въ виду достаточныхъ основаній, чтобы сцену, изображенную на печати, съ достовѣрностью относить къ библейскому преданію. *La Biblioth. du palais de Ninive*, изд. 1880 г. 127. Противъ доводовъ Мелана выступилъ, однако же, *Ward* въ *American Orient. Soc. Proceed*, 1880 г., см. *Athènes Oriental, Rev. Critique* № 1, Avril 1881, р. 37.

²⁾ Еще негдѣ призываю къ толкованію Библии гипотеза о какомъ либо заимствованіи Еврейскіхъ преданій, во время плѣненія Вавилонскаго, у народа нѣкъ чуждаго и незнакомаго (*Псал.* 136). Даже ученые, прадерживающіеся крайняго

Ассириологи считаютъ Вавилонъ за великое смѣшеніе языковъ и племенъ или расъ, *пандиктосъ* *δυλος* ¹⁾. Господствующими племенами, въ этомъ весьма пестромъ населеніи, были Сумиры (Sumiri, Sinear), семитическаго происхожденія, и Аккады (Akkadi, Kaldi, Haldi, Халден, Kardi, Kasdim, Gordyaei, Бардухи, вѣнѣшніе Курды языка и происхожденія туранскаго ²⁾. Предполагаютъ, что первые отъ послѣд-

свѣтлицы, относительно древности еврейской Торы, какъ замѣчаетъ Wellhausen, допускающее разчлененіе (*Zerstückelung*) ея неудобно раздробленнаго текста, и тѣ вынуждены признать, что первыя главы ихъ. Быт. принадлежатъ къ эпохѣ, предшествовавшей не только ассирийскому и вавилонскому разгрому, но времени дарей и пророковъ (*Der Stoff von Iehov. Eloh. ist durchaus vortprophetisch; Genes. cap. 1, 2, 3... wir befinden uns hier in dem Zaubergarten der Vorstellungen des echten Alterthums, der frische antike Erdgeruch weht uns entgegen и т. д.* Справ. Wellh. Gesch. Israels, изд. 1878 г., I, 371, 347, также pp. 9, 14, и друг.).

Lenormant объясняетъ сходство преданій тѣмъ обстоятельствомъ, что подобныя сказанія составляли общее достояніе всего человѣчества до эпохи раздѣленія и разсѣянія народовъ, и потому сохранились въ воспоминаніяхъ всѣхъ племенъ. *Anfänge der Cultur*, немец. изд. II, p. 55.

¹⁾ Aeschyl. Pers. 51 etc. См. Lenormant, *Magie und Wahrsagek. der Chald.* p. 306 sqq.

²⁾ Ménant, *Syllabaire* II, 374. На обоихъ языкахъ, семитическомъ и туранскомъ, языкъ сохранился клянообразными надписи. Въ своемъ *Syllabaire*, изд. 1873 г., г. Ménant различаетъ: l'assyrien и l'accadien (soudéen, proto-chaldéen), см. *Appendice* p. 417. Въ позднѣйшихъ своихъ изданіяхъ, согласно съ мнѣніемъ Опперта, академическій языкъ онъ называетъ: Sumérien, см. *La Biblioth. du palais de Ninive*, 1880 г. pp. 37 и 38; но далеко не всѣ ассириологи раздѣляютъ это послѣднее мнѣніе, см. Saussure, *Assyrian Grammar*, 2-е изд. 1876 г. *Preface* и *Syllabary* № 316 слова: *acada, burbar (barbar), saki, highland*; Lenormant, *Magie und Wahrsagek. der Chald.*, немец. изд. 1878 г., pp. 259, 341, 379; *Athénée Orient.*, *Rev. Crit.* Avril 1881 г. p. 17, *documents bilingues, exercice grammatical accadien*. Въ своемъ *Essai de Comment. des Fragm. Cosmog. de Bérose*, г. Lenormant, ссылаясь на таблицу Лувра, на которой видѣется надпись «за *dippi Akkad, extraite des tables d'Akkad*», прибавляетъ: *Hinka avait bien fait de donner le nom d'«accadien» à l'idiome ouralo-finnois*, p. 50. Вообще въ передней Азии, по изслѣдованіямъ ассириологовъ, господствовали три человѣческія расы: Семиты, потомки Сана, къ которымъ причисляютъ евреевъ, арабевъ, ассириянъ; Халиты, къ которымъ относятъ племя угро-финское (татарское, тюркское, монгольское), или туранское, какъ его иногда называютъ, и *Тарфемиды*, племя арийское. Библия, которую ассириологи превозносятъ за ея изумительную точность историческую, этнографическую и географическую, считаетъ потомками Хама Кушитовъ (*Cosaei*) и ихъ родственникъ Кавказитовъ; отъ Хама, по словамъ ихъ. Быт. X, 6, 8 и 10, родился Еушъ, отъ Куша Нинродъ, начало его царства — Вавель, Эрехъ, Аккадъ и Халле въ землѣ Сinearъ. Ленорманъ признаетъ Аккадовъ

нихъ заимствовали свои письма (клинообразна), свою образованность, многія имена божествъ и многіе религиозные обряды. Въ самыхъ древнихъ письменныхъ памятникахъ, открытыхъ на почвѣ Вавилона и Халдеи, замѣтно уже господство семитическаго языка (ассирійскаго, языка Сумировъ); а между тѣмъ, и въ позднія времена ассирійской монархіи, при Саргонидяхъ, языкъ туранскій (языкъ Аккадовъ) продолжали изучать, какъ языкъ священній, классическій, можетъ быть уже въ то время вымершій (мертвый). Въ развалинахъ Ниневии найдены словари и тексты аккадійскіе съ переводами на ассирійскій языкъ ¹⁾.

Ассирійское Ілу (еврейск. арамея., елах, араб. Аллах) означало на языкѣ Сумировъ вообще божество—Богъ или верховный богъ, и въ аккадійскомъ языкѣ этому термину соответствовало слово ав, апа, апи, апиу, апар; но бога Ілу Аккады именовали Ра, или Дингир, Дингира ²⁾. Названіе города Вавилона пишется въ клинообразныхъ надписяхъ Ва-bi-lu, Ва-bi-i-lu, Вав-ілу и въ послѣднемъ случаѣ означаетъ: ворота, судилище, престолъ божества (или бога Ілу) и переводится на аккадійскомъ языкѣ—Ка-Dingira ³⁾. Извѣстно, однако-же, и другое значеніе, придаваемое названію города Вавилона, Бабел, книгою Бытія (XI. 9), именно, его производство отъ корня баб, базал, смѣшивать (смѣшеніе языковъ), франц. *babel*, *babiller*, наше—бол-тать, и трудно рѣшить которая этимологія дравѣе ⁴⁾.

Такимъ образомъ, имя бога Ілу выражало отвлеченное понятіе

Кухитаи, *gace de Cham, gameau de Kouch* (*Essai de Comm. de Bérose* p. 43): но потомъ взвилъ свое мнѣніе: его гипотезу о ихъ происхожденіи отъ потомковъ Каинъ, удѣляющихъ, какими-то неизомыми путями, послѣ всемірнаго потопа—ны рѣшительно не принимая.

¹⁾ *Ménant*, Syllab. II 430 и 432; *Lenormant*, *Magie* 306 sq., 343.

²⁾ *Turc-tengri, mongol-tagri*, *Norris*, *Assyr. diction.* I 249; *Lenormant*, *Bérose* 269. *Din-ki-ra* можно перевести «Богъ основатель земли» *ib.* p. 553. *Ménant*, Syllab. II 337.

³⁾ См. *Ménant* Syllab. I p. 118, II 337 и 377. Мюнтеръ переводитъ еврейск. *Bab-Bel* «*der Palast Bels*», *Relig. d. Babyl.* p. 94. Правильнѣе была бы этимологія *Bab-El* «*der Palast Gottes*».

⁴⁾ *Lenormant* объясняетъ орографію, древнѣйшую, имени Вавилона *DIN-TIR-El* «*la ville de la racine des langues*»; идеограмму *Borsippa*, той части г. Вавилона, въ которой по преданію, была воздвигнута Башня языковъ: «*balbutier, parole, confusion des langues*», и прибавляетъ—«*de tels jeux de mots étymologiques étaient tout à fait dans le goût babylonien*». *Ess. de Comment. des fragm. cosmogon. de Bérose* p. 349 и 350.

божества, божество вообще или божество по преимуществу; и Вавилонъ, посвященный означенному божеству, считался его обителемъ, его престоломъ; но, въ Вавилонѣ же это божество, какъ указываетъ присвоенный ему символъ—змѣя, приняло весьма опредѣленные признаки второй ступени развитія языческаго богопочитанія, соответствующей греческому злобному Кроносу. Въ послѣднемъ указанномъ смыслѣ понималъ и Münter наиболѣе крупный символическій знакъ на камнѣ Michaux; онъ пишетъ: „это ядовитый змѣя, съ широкою и плоскою головою, изъ самой крупной породы ¹⁾“. Созвѣздію Дракона „dem Drachen, dem Haupte der Constellationen“, по его мнѣнію, соответствуетъ Кроносъ и планета Сатурнъ, которой весь Востокъ поклонялся подъ названіемъ Кеван или Кіуан. Это была злобщая планета; Кевану поклонялись не изъ любви, но изъ застраха, какъ Тифону въ Египтѣ ²⁾.

Замѣтивъ также всеобщность указаннаго выше обоготворенія змѣя на Востокѣ, J. Fergusson посвятилъ особую монографію изслѣдованію этого предмета, которую приложилъ къ роскошному изданію рисунковъ, святыхъ съ буддистическихъ топъ или ступъ Амравати и Санчи ³⁾ Fergusson старается доказать, что повсюду, гдѣ встрѣчается офіолатрія, поклоненіе змѣю, ведѣ этотъ культъ былъ соединенъ и съ поклоненіемъ райскому дереву, носящему плоды, а также съ поклоненіемъ огню и съ ужасными кровопролитіями, съ человѣческими жертвоприношеніями, съ умерщвленіемъ даже младенцевъ. Отвратительные обряды этого культа, который Fergusson связываетъ съ поклоненіемъ громамъ, умершимъ, прародителямъ и подземнымъ богамъ, въ различныхъ странахъ весьма долго, тайно или явно, упорно держались; въ другихъ постепенно исчезали, но символъ змѣя и его обоготвореніе оставались, какъ признаки участія народа нѣкогда въ обрядахъ того же гнуснаго суевѣрія. Такой культъ, по мнѣнію автора, возникъ впервые въ болотистыхъ низовьяхъ Евфрата, среди племенъ туранскаго происхожденія, и распространился изъ этой мѣстности по всей

¹⁾ Es ist eine giftige Schlange mit einem breiten und platten Kopf, eine Riesenschlange. Relig. d. Babylon. p. 103.

²⁾ Er war aber unheilbringend; daher die Gestalt einer giftigen Schlange unter der er abgebildet ist. Ib. p. 104.

³⁾ Tree and Serpent Worship: or illustrations of Mythology and Art in India from the sculptures of the Buddhist topes at Sanchi and Amravati etc. 1868 г. in-4 pl. Слѣд. ст. по тому же пред. въ журн. The Indian Antiquary vol. IV, № 38, январь 1875 г. р. 5.

поверхности земнаго шара, во всѣ стороны, какъ бы лучами изъ одного общаго центра ¹⁾). Признавая, что основатель буддизма въ Индіи, Сакья-Муни, былъ коренной аріецъ и что его ученіе вовсе не похоже на изувѣрства фанатическихъ поклонниковъ огненнаго культа, г. Fergusson, тѣмъ не менѣе, усмотрѣвъ на буддистическихъ тонахъ, въ скульптурныхъ ихъ украшеніяхъ, поклоненіе змѣю, священное дерево и храмъ огню, признаетъ ступы, эти величавые памятники Индіи, которымъ прототипомъ служатъ незначительныя земляныя курганы (tumulus), за символы коренной религіи туранскихъ племенъ. Онъ полагаетъ, что первые поселенцы Индіи (аборигены) были туранскаго происхожденія и составили впоследствии низшіе слои населенія, при вторженіи въ Индію Арійцевъ, которымъ они подчинились. Буддизмъ г. Fergusson считаетъ не реформою браманизма, но реакціею въ пользу древней религіи аборигеновъ и низшихъ слоевъ народныхъ массъ ²⁾).

Ф. Ленорманъ оспариваетъ крайности этой теоріи ³⁾, ссылаясь на мнѣніе Макса Мюллера ⁴⁾; но признаетъ, что во всѣхъ извѣстныхъ намъ мифологіяхъ змѣй обозначалъ: то—начало зла ⁵⁾, то—начало добра, иногда же оба начала вмѣстѣ ⁶⁾. Указывая на смѣшеніе понятій: Ouranos, Pos, Cronos у греческихъ писателей и ссылаясь на Ферекида и Санхоніатона, Ленорманъ припоминаетъ титана Офіона ⁷⁾: Офіонъ считался царемъ титановъ (Lycophr. 1192) и по схоластику означалъ Зевса или же царя, царствовавшаго до Сатурна (до Кроноса, слѣдовательно Урана); ему сопоставляется Евринома, 'Еуромѣтѣ (изобрѣтательница закона), бывшая повелительницею Олимпа также до воцаренія Кроноса и Реи ⁸⁾. Уранъ или Офіонъ

¹⁾ I would feel inclined to say that it came (the origin of serpent worship) in the mud of the Lower Euphrates, among a people of Turanian origin. Serpent Worship p. 3.

²⁾ Tree and Serpent Worship p. 62 и 221.

³⁾ О монографіи Фергюссона онъ отзывался: plus d'érudition et d'ingéniosité que de critique. Orig. del' Hist. 1860 г. p. 99 sqq.

⁴⁾ There is an Argan, a Semitic, a Turanian, an African serpent; ихъ связь, какъ одно преданіе, as one traditional chain, Мюллеръ отвергаетъ. Orig. de l' Hist. I. c.

⁵⁾ Nous voyons dans toutes les mythologies un serpent gigantesque personnifier la puissance nocturne, hostile, le mauvais principe, les ténèbres matérielles et le mal moral. Orig. de l' Hist. I. c.

⁶⁾ У однихъ Персею—исключительно зло, ib.

⁷⁾ Ophion un synonyme d'Ouranos. Lenormant orig. de l' Hist. pp. 542, 563 sq.

⁸⁾ Apollon. Rhod. I, 508.

(змѣнный) соотвѣтствовалъ Зевсу, какъ верховный богъ, начало всего и всякаго бытія ¹⁾).

Въ другомъ своемъ сочиненіи, специально посвященномъ изученію религіозныхъ преданій Халдеевъ, ихъ магіи и науки гаданій, а также въ мелкихъ своихъ твореніяхъ, собранныхъ впоследствии въ одинъ общій сборникъ подъ заглавіемъ „Начатки Культуры“ ²⁾ г. Ленорманъ предупреждаетъ противъ увлеченій вообще теоріями расъ, которыми, по его словамъ, много злоупотребляли за послѣднія двадцать лѣтъ, въ особенности аріанисты, то-есть, изслѣдователи въ области исторіи, пытавшіеся возвысить значеніе арійскаго племени, индо-европейской расы, или объяснять имена и преданія всѣхъ народовъ изъ быта индусовъ, ихъ священныя книги и языкъ санскритскаго ³⁾; г. Ленорманъ столько же порицаетъ свой собственный ultrachaldaicismus, отрекается отъ него и исправляя свои прежніе недоразумѣнія, сколько порицаетъ ultrasemitismus своего ученаго собрата Halevi, отчасти и г. Ренана ⁴⁾. Упомянутый ученый, столь извѣстный своею „Исторіею Востока“, признаетъ взаимное влѣдіе Халдеевъ и Семитовъ другъ на друга; Вавилонъ считаетъ за центръ культуры, но его вліаніе на сосѣднюю Арамею и народы Палестины не называетъ заимствованіемъ или подражаніемъ (Assimilation); религія Вавилона, по его мнѣнію, была результатомъ общей, совмѣстной умственной работы различныхъ племенъ, сосредоточенныхъ въ этомъ пунктѣ (ein Mischproduct), а религія Сиріи и прибрежія Средиземнаго моря, онъ полагаетъ, были родственными религіи Вавилона, но не тождественными (vielmehr Schwestern derselben). Тотъ же широкій взглядъ слѣдовало бы примѣнить и къ другимъ странамъ древняго міра, избѣгая всякой односторонности, что не исключаетъ, однако же, гипотезы о происхожденіи расколовъ въ первобытной религіи, общей всему человѣчеству,

¹⁾ Ὀφίς имѣло одно значеніе съ словомъ ἄρξινος, Hesiod. Theog. 322, 825, иногда же отличалось отъ него по смыслу: οφίς собственно означало змѣю; ἄρξινος—чудовище, составленное изъ частей тѣла змѣи и другихъ животныхъ.

²⁾ Въ обоихъ случаяхъ мы пользовались новѣйшими, нѣмецкими изданіями, пересмотрѣнными, вѣдительно дополненными и исправленными авторомъ, autorisart vom Verfasser, revidirt und verbessert: «Die Anfänge der Cultur» 1875 г. II, p. 84 sqq и «Die Magie und Wahrsagekunst der Chaldäer» 1878 г. pp. 143—149.

³⁾ Die Theorie der Rassen ist in Anwendung auf die Geschichte seit zwanzig Jahren ausserordentlich gemisbraucht worden, besonders von Arianisten. Anfänge der Cultur II p. 83.

⁴⁾ Ich ging vor Allem zu weit. Magie d. Chaldäer p. 143, 144.

а за тѣмъ и перваго раздѣленія и разсѣянія племенъ, именно, на почвѣ Вавилона и Халдеи.

Змѣй, по своей растянutoй фигурѣ и по своему положенію, между другими символическими знаками на камняхъ *Mischauk*, *Hankas* и *Bit-Ada* жогъ бы изображать видимый въ небѣ, между созвѣздіями и планетами, такъ называемый млечный путь, *via lactea*; но мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, которыя подтверждали бы правдоподобіе такого предположенія.

Два престола рядомъ, (или два жертвенника, *agae*, *altaria*), украшенные каждый божественною тиарою (фиг. 2 и 3), изображенные на камнѣ *Bit-Ada*, повторяются и на камняхъ *Hankas* и *Mischauk* ¹⁾. Различіе въ ихъ изображеніи въ томъ только и заключается, что на камнѣ *Bit-Ada* помѣщено на каждой тиарѣ по семи паръ роговъ, число вѣроятно указывающее на великое, первенствующее значеніе двухъ божествъ, подразумеваемыхъ подъ этими символами, такъ какъ число семь считалось, особенно священнымъ; или указывало оно на астральное значеніе тѣхъ же божествъ, напоминая семь планетъ небесныхъ, которыя эти два божества въ себѣ заключали, или которыя изъ себя породили; а на камняхъ *Hankas* и *Mischauk* показаны 4 и 5 паръ: четыре на одной тиарѣ, вѣроятно для означенія женскаго божества, и пять на другой, для означенія мужскаго—четь и нечеть. Оба числа вмѣстѣ составляютъ 9, число, заключающее въ себѣ три триады ²⁾.

Къ этимъ двумъ, послѣ змѣя, первенствующимъ символамъ естественно отнести два имени, упоминаемыя въ надписяхъ нераздѣльно, *Ninip* и *Gula*. Въ первомъ имени мы встрѣчаемся съ однимъ изъ тѣхъ затрудненій, которыя ассириологамъ еще не удалось побороть. Озна-

¹⁾ Тиары, украшенныя рогами буйвола не только служили символомъ божества, какъ въ данномъ здѣсь случаѣ, или украшеніемъ изображеній боговъ и геніевъ на рельефахъ, оны въ действительности надвѣвались на голову идола въ его храмѣ. Ассурбанналь пожертвовалъ для двухъ идоловъ въ храмы Вавилона: *age qarni sirati, age biluti, simat iluti* «les tiarés aux cornes élevées; les tiarés de domination, insignes de la divinité». W. A. L. II 38, 2 col 2, *Leopoldt, Bérose* p. 443, 446.

²⁾ Многочисленныя были ассирійскіе рельефы, открытыя въ Ниневіи гораздо позднѣе; оны не выдѣлялись изображеніемъ на нихъ рогатыхъ шлемовъ или тиаръ у боговъ и геніевъ; поэтому, означаемыя нами два символа на камнѣ *Mischauk* для него были вовсе не понятны; оны ихъ уподоблялъ каменнымъ конусамъ посвященнымъ Венерѣ или другимъ божествамъ. *Relig. d. Babył.* p. 113, 4.

ченное имя, весьма часто попадающееся въ ассирійскихъ текстахъ, нигдѣ еще не нашли переданнымъ въ транскрипціи фонетической; какъ оно произносилось, съ достовѣрностью не извѣстно. Оно обозначается двумя группами знаковъ, изъ которыхъ первая составляетъ идеограмму, соответствующую понятію „властительница“ и можетъ быть: „властелинъ, владѣка“, произносимую (фонетически), при обыкновеннымъ чтеніи, звуками NIN ¹⁾); вторая группа составляетъ, по всей вѣроятности, фонетическое окончаніе, имени божества, или какъ выражаются ассиріологи, фонетическое опредѣленіе, дополненіе идеограммы (complément phonétique) но группа принадлежитъ, сама по себѣ, къ числу знаковъ полифоновъ и произносится иногда IP, иногда DAR ²⁾). Намъ неизвѣстно, замѣчаетъ г. Ленорманъ въ своемъ Comptent. de Bérose ³⁾), ни одного божества ассирійскаго или вавилонскаго, котораго имя оканчивалось бы на ip; а на даг имѣемъ имя, хорошо знакомое мѣологамъ, упоминаемое въ Библии—Адаръ или Адаръ Самданъ. Позднѣе г. Ленорманъ принекалъ аккадійское названіе для того же божества—Nin-daga ⁴⁾). Выписавъ имена божествъ, перечисляемыхъ на камняхъ Мардукидинаки, изъ переводовъ Опперта и Менана, напечатанныхъ въ Records of the Past, мы удержали произношеніе означенныхъ ученыхъ; англійскіе ассиріологи, въ другихъ переводахъ, напечатанныхъ въ томъ же изданіи, придерживаются чтенія—Адаръ, которому впродъ и мы будемъ слѣдовать, какъ болѣе вѣроятному ⁵⁾).

Адаръ (Ninip, аккад. Nin-daga) означаетъ на еврейскомъ языкѣ огонь, отъ корня хадар или адар, блестятъ, горѣтъ ⁶⁾), и собою представляетъ второй фазисъ вѣрованій, второе воплощеніе первобытнаго божества Илу, соответствующее греческому Кроносу (Сатурну), сыну Урана и его пресмыкну. На камнѣ Michaux, Адаръ (Ninip) именуется

¹⁾ Mélanat, syllabaire I 218, II 176, 182.

²⁾ Въ послѣднемъ случаѣ означаетъ: «родъ, génération, race». Mélanat, Syllab. I, 188 № 72.

³⁾ p. 107.

⁴⁾ Die Magie etc. p 57 и 152 sqq.

⁵⁾ Opperet и Mélanat, впрочемъ, сами признали свое мнѣніе: La lecture Ninip n'est pas conforme aux règles de l'orthographe assyrienne et doit être rejetée.... M. Opperet propose la lecture «Adar», que M. Lenormant accepte. Mélanat, Syllab. II 342.

⁶⁾ Идеограмма этого божества иногда пишется и произносится Bar. Mélanat, Syllab. II, 542 Аккад. bar значить также огонь. Norris, I, 216.

въ надписи сыномъ бога El (Ил, Урана), упомянутого въ той же надписи въ числѣ боговъ основной триады ¹⁾.

По своему характеру Адаръ (Ninip) нѣсколько отличается отъ греческаго Кроноса, и въ ассирійскомъ пантеонѣ является по преимуществу воеителемъ, богатыремъ, защитникомъ боговъ или верховнаго бога, любителемъ охоты ²⁾. Въ такомъ смыслѣ его признаки сливаются съ другимъ божествомъ — богомъ Ниргалъ (Марсомъ), отъ котораго его даже трудно отличать. Его считаютъ ассирійскимъ Геркулесомъ, которому Raoul-Rochette посвятилъ извѣстную монографію ³⁾, соединяющимъ въ себѣ качества Сатурна (Кроноса), Марса и Геркулеса. Подобно Геркулесу, онъ имѣлъ солярное значеніе и въ астральномъ мірѣ представлялъ одно изъ многочисленныхъ проявленій или перерожденій солнца, именно: солнце юга, знойное, палищее солнце ⁴⁾: но специально ему посвящена была планета Сатурна ⁵⁾, въ астрономическихъ таблицахъ называемая *lubat kaivani*, звѣзда Кевана, или *lulim kaivan* ⁶⁾. Какъ и въ Греціи къ Сатурну (Кроносу), такъ и въ Халдеѣ къ Адару отнеслись нѣкоторые похоронные обряды ⁷⁾. Къ эпохѣ воцаренія того же божества, Кроноса, Адара, язычники повидимому относили первое установленіе землевладѣнія, и возлагали на него заботы объ охранѣ земель и междъ ⁸⁾.

¹⁾ Въ нашихъ сказочномъ, именческомъ мірѣ на оборотъ: змѣй считается символомъ пламени — Змѣй Горыничъ (Горыничъ отъ горю, горѣть).

²⁾ C'est le Dieu terrible, le Seigneur des braves, le destructeur des ennemis. *Ménant*, Syllab. II, 343. The hero of the gods, монолитъ въ Брит. муз. перев. Sauc's, Rec. of the Past. I, p. 9, § 3. Mächtiger Kämpfe des Mulge (des Bels) *Lenormant*, Magie etc. p. 12 sq. L'ancien des dieux, maître suprême, qui chevauche sur les nuages; онъ славится своими охотами, dieu chasseur; aucun dieu n'était plus constamment et généralement adoré que Adar, surtout par les Assyriens; ему посвящено было мѣсто, онъ именуется *sar parzalli—roi de fer*. *Lenormant*, Comment. de Béroze, p. 110 — 112.

³⁾ *Mém. de l'Acad. des Inscript.*, nouv. serie, 1848 г. XVII, 2 part.

⁴⁾ *Lenormant*, Magie, p. 137, 138.

⁵⁾ Какъ ея владытель, онъ именовался the high ruler of the Southern Sun. монолитъ Брит. муз. перев. Sauc's въ Rec. of the Past I, p. 9 § 9.

⁶⁾ *Lubat kaivani*, c'est «Saturne»; dans tous les cas, c'est l'étoile de NIN-IP. *Ménant*, Syllab. II, 353 и 355. Слнча выше мѣние Мюллера о распространеніи въ Азіи поклоненія божеству Кеван, Кіун (Кроносу).

⁷⁾ *E. Rochette*, *Mém sur l'Herc. assyr l. c. v. v.* Какъ и греческаго Кроноса, признаки Адара связывались съ атрибутами подземнаго божества Ану (Hades, Pluto). *Lenormant*, Comment. de Béroze, p. 112.

⁸⁾ *May Ninip (Adar), son of the Zenith, son of El the sublime, take away his lands, funds, and limits.* Rec. of the Past, Michaux, Hankas IX 96, 106.

Богиню *Gula* обыкновенно считают женою или спутницею Солнца, женским началомъ, соответствующимъ солнцу, the female power of the sun ¹⁾, слѣдовательно луннымъ началомъ, и смѣшиваютъ съ божествами *Anunit* и *Nana*. На трехъ камняхъ Мардукидинакки, *Gula* величается женою *Адара* (the wife of *Niur*). Ея имя, аккадійское, означаетъ „Великая“ ²⁾. Въ надписяхъ *Misauk*, *Naqas* и *Bit-Ada*, она именуется матерью, кормилицею, великою госпожею, великою царицею, великою женою *Адара*, она завѣдываетъ отравами и ядами, какъ *Геката* греческая или *Артемиды* ³⁾. По всей вѣроятности, она воспроизводитъ тотъ рядъ представленій, который выразился въ градациі греческихъ женскихъ божествъ: *Рей* (*Кибела*, великая мать боговъ), *Деметра* (богиня великихъ мистерій) и ея дочь *Персефона* (*Прозерпина*, повелительница преисподней, *Аида*).

Адара, съ прибавкою часто встрѣчаемаго эпитета—царь, *Malik* ⁴⁾ и его женскую спутницу — *Gula*, *Anunit*, *Nana*, узнаютъ въ именахъ *Адрамелек*, *Авнимелек*, обоготворенныхъ жителями *Сиппары* (*Sepharvaim*, 4 Царств. XVII, 31), и которые означали, по всей вѣроятности, солнце и луну, день и ночь, начало животворящее и пассивное, воспринимающее ⁵⁾. Въ данномъ случаѣ, на трехъ юридическихъ документахъ *Халден*, нами изучаемыхъ, *Адаръ* и *Гула* обозначали несомнѣнно родоначальника всѣхъ боговъ *Кроноса* (*Сатурна*) и великую мать боговъ *Рей* (*Кабелу*), не имѣя астральнаго или солярнаго значенія, такъ какъ солнце и луна изображены на тѣхъ же памятникахъ отдѣльными знаками.

Первый дуализмъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, первое раздвоеніе понятія: божество, повидимому, появляется съ признаніемъ за истину идеи о вѣчномъ существованіи матеріи, теоріи, которой и въ наше время придерживаются нѣкоторые естествоиспытатели ⁶⁾. Сопоставле-

¹⁾ F. Rawlinson, The five gr. monarch. v. I, p. 161. Hist. of Herodot. I, p. 498.

²⁾ *Gula*, littéralement «la Grande», A-nu-ni-tav, *Mélanit*, Syllab. II, 346. *Lenormant*, Comment. de Bérèse pp. 97, 103, отождествляетъ три имена: *Gula*, *Anunit*, *Malkit* (царица) и сравниваетъ эту богиню съ греч. *Гекатою* (*Артемидою*), богинею волшебства.

³⁾ Records of the Past. IX, 96, 100, 107.

⁴⁾ *Lenormant*, Comment. de Bérèse. p. 112.

⁵⁾ *Rawlinson* l. c. v. a. Впрочемъ, еорна *Anammelek* означаетъ мужское божество и вѣроятно составляетъ божеству — *Ану*, *Ана*.

⁶⁾ Les chaldéens disent que la nature du monde (la matière) est éternelle etc. *Diod. Sic.* II, 30, 31; *Lenormant*, Orig. de l'Hist. p. 529.

нѣ единому, первобитному, незримому божеству—другаго существа или другаго бытія, имъ не созданнаго, но только имъ оплодотворяемаго, и столь же вѣчнаго, впервые породило многобожіе. Вѣсто одного Бога, всеобъемлющаго, изъ котораго все пронстекло, являются два божества, равноправныя, мужское и женское. Второе божество названо великою матерью боговъ, и то же понятіе, понятіе материн вѣчной, пассивной, оплодотворяемой, все изъ себя порождающей, богиѣ или менѣе олицетворяется всѣми другими женскими божествами языческаго пантеона. Материализмъ, котораго начала нельзя не узнать въ этомъ ученіи, ведѣхъ, гдѣ бы ни проявился, развиваетъ самыя грубыя и низкія страсти въ народахъ; независимо отъ сего, указанный здѣсь первый религіозный расколъ долженъ былъ произвести потрясающее дѣйствіе на человѣчество и возбудить великую смуту, кровавыя раздоры: нѣкоторые изслѣдователи относятъ къ этому моменту раздѣленіе и разсѣяніе народовъ. Оттого мужскія божества, обозначающія второй фазисъ вѣрованій въ языческой теогоніи, запечатлѣны, по преимуществу, характеромъ грознымъ, бурнымъ, иногда огненнымъ и кровожаднымъ, таковы: Кроносъ (Сатурнъ), Нептунъ (Посейдонъ, Хеа), Марсъ, индійскій Сива и т. д., а женскія божества, соотвѣтствующія той же степени развитія религіозныхъ вѣрованій, отличаются характеромъ мрачнымъ, таинственнымъ и хтоническимъ, таковы указанныя выше—Рея (Кибела), Деметра, великая богиня мистерій, и ея дочь Персефона, Артемида, ассирійскія Malkit, Gula, Anunit.

Три камня царя Мардукидинаки, которымъ посвятили мы это изслѣдованіе, намъ представляютъ мнѣологическія памятники, въ высшей степени любопытныя въ томъ отношеніи, что были предназначены, какъ документы юридическія, къ обращенію въ обиходной жизни и требовали лишь освященія ихъ религіозными символами и молитвенными формулами; а потому, надо полагать, въ начертанныхъ на нихъ символическихъ знакахъ, они намъ передаютъ общепринятую систему вѣрованій, общеустановившуюся въ эпоху ихъ изготовленія, основныя догматы Халдеевъ, народныя вѣрованія, общезвѣстныя въ то время и въ символахъ общепонятныхъ, не отмеченныя теософами какого либо отдѣльнаго мыслителя и не мечтанія отдѣльныхъ личностей, каковыя во многихъ случаяхъ мы должны признать свѣдѣніа о той-же религіи, сообщаемыя поздними греческими писателями и въ особенности ученики Александрійской школы. Налагаемыя послѣдними различныя системы языческой теософіи и космогоніи, конечно, могутъ служить намъ по-

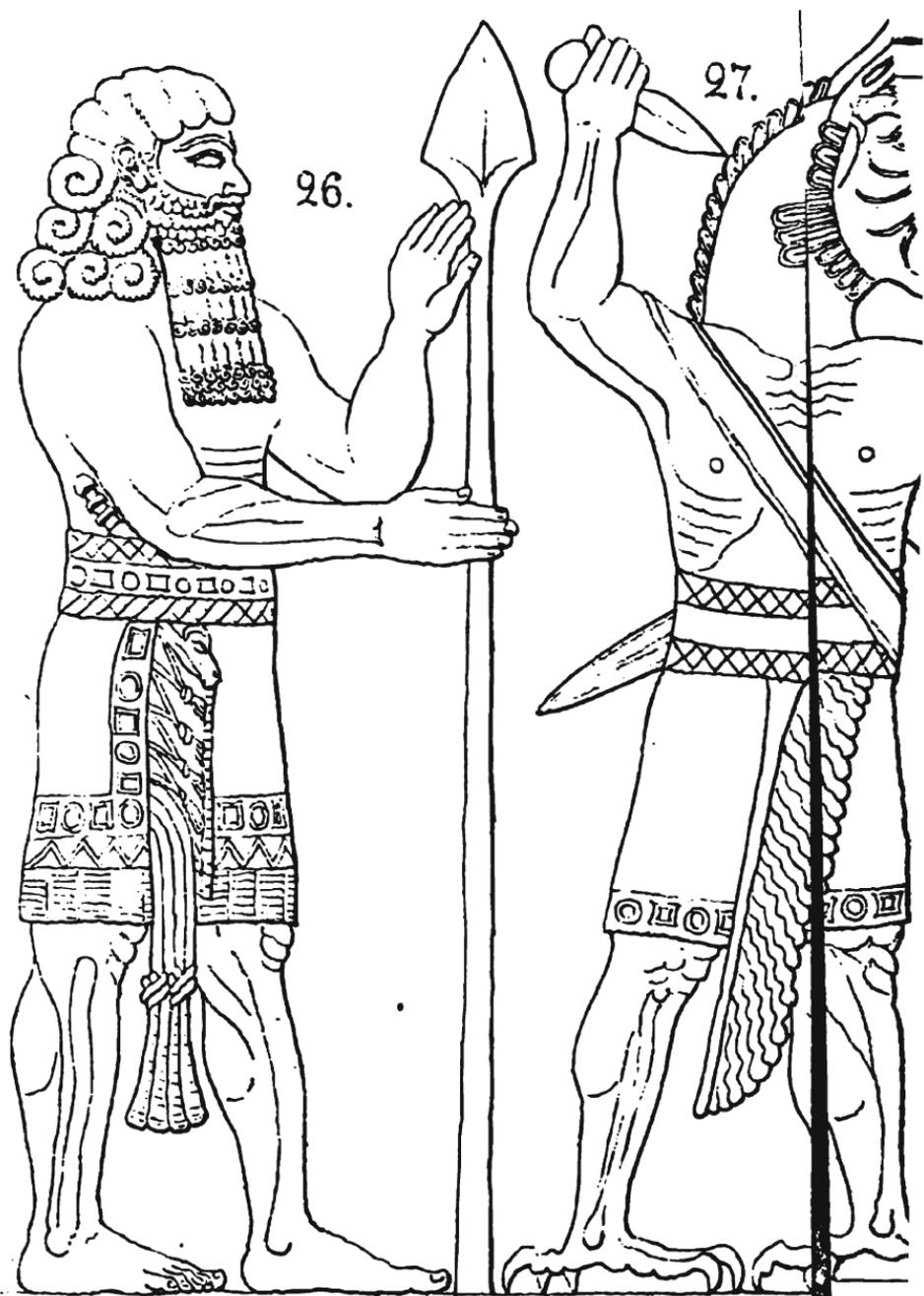
собіемъ до нѣкоторой степени, при разъясненіи символовъ Востока, не измѣняютъ и не отмѣняютъ, однако же, фактовъ, о которыхъ свидѣтельствуютъ подлинныя памятники болѣе древней эпохи, и на которые должно быть обращено, по преимуществу, вниманіе изслѣдователя.

Повторимъ. Въ трехъ символахъ, нами указанныхъ, мы узнаемъ: во 1-хъ, основное божество Ел, Илу, небеснаго бога, Урана Грековъ, но съ атрибутами и характеромъ слѣдующей ступени развитія, съ признаками понятій, присвоенныхъ культу хитроумнаго Кроноса; и во 2-хъ, божества Адара в Гулу, соответствующихъ собственно греческимъ Кроносу и Реи, фазису, означающему первое раздвоеніе върваній, первый дуализмъ, первыя послѣдствія того обмана, въ который ввергнуто змѣй примитивное челоуѣчество.

Къ тремъ престоломъ, показаннымъ на камнѣ Bit-Ada, украшеннымъ тремя символическими животными (фиг. 7, 8 и 9), мы должны, разумеется, отнести триаду, упоминаемую въ надписи—Али, Бел, Неа. Такой порядокъ именованія, вмѣсто обычнаго—Али, Неа, Бел, встрѣчается не рѣдко.

Основная триада составляла третій фазисъ религиозныхъ върваній язычества, и божества, къ ней принадлежащія, совмѣщали въ себѣ признаки предыдущихъ двухъ ступеней развитія; даже по числу божествъ, триада соотвѣтствуетъ двумъ предыдущимъ градаціямъ, вмѣстѣ взятимъ, и такимъ образомъ служитъ какъ будто бы повтореніемъ, развитіемъ, болѣе точнымъ опредѣленіемъ, спецификаціею понятій, выразившихся въ первыхъ двухъ степеняхъ религиознаго развитія. Для объясненія нашей мысли, и въ то же время для истолкованія символовъ, изображенныхъ на трехъ упомянутыхъ нами престолахъ, слѣдуетъ указать на другой памятникъ скульптуры, найденный въ Куянджикѣ, въ развалинахъ дворцовъ древней Ниневіи, и находящійся въ настоящее время въ Британскомъ музеѣ (Thompson, photographes №№ 452 и 453; см. рис. прил. ниже табл. II фиг. 26, 27, 28).

На мраморномъ барельефѣ Куянджика мы видимъ три божества. Первое съ непокрытою головою, изображаетъ мужчину, держащаго въ рукахъ такое же копье, какое водружено на первомъ изъ трехъ престоловъ, изваянныхъ на камнѣ Бит-Ада (фиг. 7 и 26). Выраженіе лица этого перваго бога отличается замѣчательнымъ спокойствіемъ. Мы полагаемъ, онъ изображаетъ намъ первый фазисъ, первый моментъ върваній, добродушнаго Урана. Въ ассирійской и халдейской

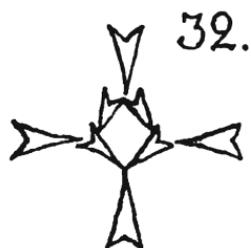
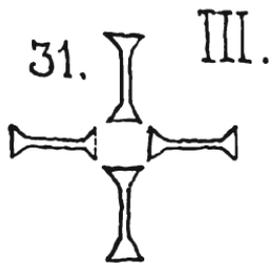

24.

25.

35.

44.

45.

миеологін ему соотвѣтствовало основное божество Ел, Илу или Ассуръ, а въ триадѣ древній Ану, котораго имя въ сущности означаетъ то же понятіе. Ану, Анув, Агиву составляетъ status emphaticus отъ корня Ап, который на аккадійскомъ языкѣ значитъ—„божество“, какъ Ел, Ил на языкѣ Сумировъ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что идеограмма, означающая боговъ, произносилась ап и имѣла значеніе „богъ, божество“.

Въ другомъ мѣстѣ мы имѣли случай указать, что и въ имени главнаго, господствующаго божества Ваала или Бел, Зевса, повторяется та же градація представленій, какая выражена въ основной триадѣ Ассиріянъ и Халдеевъ ¹⁾; одна изъ формъ этого имени соотвѣтствуетъ первому фазису вѣрованій, именно: древній Нимродъ, Бел-Нипрут, великій охотникъ. Копье означаетъ промыселъ звѣролова. Вѣроятно, то же божество встрѣчается и на иныхъ ассирійскихъ памятникахъ, въ мощной фигурѣ съ непокрытою головою (въ ознаменованіе изображаемаго имъ примитивнаго народнаго быта, не знавшаго покрывки, ни покрывала) и съ пойманнымъ львомъ въ рукахъ, котораго онъ душитъ ²⁾.

Всѣ три божества, представленныя на рельефѣ Куянджика, участвуютъ въ какой-то борьбѣ, они шествуютъ, идутъ противъ какого-то незримаго непріятеля. Можетъ быть, барельефъ изображаетъ столь известную титаномахію. И при такой обстановкѣ многозначительно невозмутимое спокойствіе, запечатлѣнное во всей фигурѣ божества Илу, Ану или Бел-Нипрут, въ выраженіи его лица и въ положеніи его копыя, покой, весьма удачно изображающій счастливый, золотой вѣкъ Урана.

Второе божество составляетъ прямую противоположность первому. Въ немъ сохранилось человѣческаго только грудь и руки. Голова у него львиная, съ развѣрагнутою пастью, напоминающею намъ значеніе и божества аккадійскаго Нса, и греческаго χαιβς (отъ χαινω, развѣрзать пасть, зѣвать). Если сравнимъ рельефъ съ многочисленными скульп-

¹⁾ Статья Малтаія и Вавіанъ, т. 2.

²⁾ Лесорменъ и Менавъ считаютъ эту фигуру за Адара, Syllab. II, 343, Bégoue, p. 110. Выше было уже указано, что признаки Илу, Ану, Адара отчетливы славятся. Бел-Нипрут соотвѣтствовалъ тѣмъ же божествамъ, какъ богъ-звѣроловъ, божество первобытное, древнее, отжившее, удалившееся отъ дѣлъ и жизни въ мѣсто отдохновенія (гробницу) и въ преисподнюю. И въ греческой міеологін сличаются также признаки: Урана и Ероноса, Зевса Ероноса и Гадеса (Аида); Зевсъ Χρόνιος, Σαρπίς это—Hades (Аида, Ану, Pluto).

турами Ниневіи, изображающими царскія охоты, то убѣдимся, что у божества уродливаго, нами описываемаго, голова львицы, а не льва; по тѣло, обнаженное до пояса, мужчины, а не женщины. Виѣсто ногъ, у него когти хищной птицы, руки подняты для нападенія и вооружены кипжаломъ и булавою; вся фигура представляетъ собою воплощеніе смуты, борьбы, вражды и злобы (фиг. 27). Невозможно было придумать болѣе удачнаго олицетворенія для передачи отвлеченнаго понятія о второмъ фазисѣ вѣрованій, для олицетворенія этого культа, погрузившаго человѣчество въ шумныя раздѣненія, вражды, мрачныхъ суждѣній, кровавыхъ человѣческихъ жертвоприношеній, изступленнаго разврата и грубаго матеріализма.

Какъ будто бы для выясненія намъ характера этого страннаго божества, въ Бувиджикѣ сохранился другой барельефъ, изображающій то же существо въ видѣ триады (табл. III фиг. 29), сгруппированной изъ трехъ совершенно тождественныхъ фигуръ, весьма оригинально сопоставленныхъ, выражающихъ готовность чудовища не только вести борьбу противъ вышшняго врага, но даже противъ самаго себя, не только пожирать другихъ, но даже собственныя внутренности, со всѣми воевать, обращаясь на право и на лѣво, противъ всѣхъ попадающихся и встрѣчныхъ ¹⁾.

Третье божество изображено также въ положенія и въ моментъ борьбы; но, во всей его фигурѣ и въ выраженіи лица замѣтна благородная энергія и царское величіе. Голова увѣнчана тиарою древняго образца, усвоенною божествамъ, украшенною тремя парами роговъ, числомъ, означающимъ, что это божество вмѣщаетъ въ себѣ оба предыдущія, всю триаду. Его руки въ какомъ то напряженія, выражающаго такое движеніе, какъ будто бы онъ бросаетъ, мечетъ что-либо обѣими руками, что либо невидимое—вѣроятно перуны, не изображенныя на рельефѣ и которые были прежде обозначены, можетъ быть, красною краскою или металлическою придѣлкой, исчезнушею съ рельефа (фиг. 28). Послѣднее описанное нами божество, божество первенствующее, царствующее, какъ показываетъ его тиара, соответствуетъ греческому громовержцу Зевсу, Ζεύς ἀριούβιος, вавилонскому Бел или Бел-Мардукъ, и собою олицетворяетъ третій фазисъ языческихъ вѣрованій, какъ и вся триада, взятая въ совокупности, которую онъ въ себѣ вмѣщаетъ.

Для болѣе яснаго истолкованія значенія третьей ступени рели-

¹⁾ *Glöttropf, Brit. Mus. № 451 в 454.*

гозныхъ вѣрованій, приведемъ еще слѣдующее мнѣніе, высказываемое впрочемъ, только въ видѣ гипотезы, предположенія, болѣе или менѣе правдоподобнаго: первобытный монотеизмъ, постепенно ослабѣвая, перешелъ вѣроятно въ полный индифферентизмъ; божество, въ глазахъ своихъ поклонниковъ, лишилось своей живительной силы или, какъ выражались язычники, оказалось оскоплено ¹⁾. Противодействіемъ столь пагубному направленію является эвергическій и кровавый культъ Кроноса. Къ этой второй ступени развитія, по всей вѣроятности, относятся: крайній матеріализмъ, обоготвореніе матеріи и животныхъ, зооморфізмъ божества, самыя грубыя суевѣрія, колдовство и вызываніе мертвыхъ, человѣческія жертвоприношенія и вкушеніе крови жертвы, крови младенцевъ, крайняя вообще жестокость и нетерпимость. Явились рядомъ два божества: одно добродушное, но безсильное; другое грозное, ужасное. Третій фазисъ культа былъ реакціею, направленною противъ послѣдняго божества, протестомъ противъ изступленнаго его культа, въ пользу древняго небеснаго бога: но третій, новый культъ не въ состояніи былъ отрѣшиться отъ всѣхъ суевѣрій, навѣянныхъ вторымъ фазисомъ; онъ составлялъ попытку согласовать обѣ предыдущія системы вѣрованій, а потому воспринялъ ихъ въ себя и частью удерживалъ изъ символы и преданія. Къ третьему фазису вѣроятно относятся: антропоморфізмъ божествъ, можетъ быть начатки пластическаго искусства, скульптуры и живописи, теософія и космогическія системы, изъ которыхъ впоследствии развилась философія, какъ наука, и вообще культъ разума, царство Зевса мыслителя, *μῦθος Ζεὺς*, который и составлялъ новое, третье видоизмѣненіе понятія божества, въ сущности божество, вмѣщающее въ себя предыдущія два божества, его породившія. Трехъ основнымъ божествамъ была сопоставлена матерія, вѣчная и не измѣняемая, какъ божество женское, оплодотворяемое силою первобытнаго разума (его сестра и жена); но потомъ, каждому изъ трехъ признанныхъ боговъ сопоставлено соотвѣтствующее ему женское божество; затѣмъ, обоготворены астральныя проявленія тѣхъ же силъ, стихійныя ихъ проявленія, различныя стороны ихъ дѣятельности, ихъ качества и т. д. до безконечнаго. Какъ только допущена была вѣчность матеріи, изъ этого сопоставленія двухъ существъ, какъ перваго начала всякаго бытія, съ неуможимою логикою нстезали, безчисленными ручьями, всѣ извилины мѣзоогическаго за-

¹⁾ Мнѣе о Кроноса, основаніемъ Ураа: Гезіодъ, Θεογον., ст. 154—197.

биринта, въ которомъ такъ легко запутаться и растеряться, не имѣя въ рукахъ путеводной нити. Во всемъ здѣсь указанномъ блужданіи человѣческаго разума виновнымъ былъ искушитель, змѣй, главное божество Вавилонянъ.

Случая символы, изображенныя на трехъ престолахъ камня Бит-Ада, съ упомянутымъ барельефомъ Буюджиеа, мы узнаемъ на первомъ престолѣ копье спокойнаго, невозмутимаго, счастливаго Зевса архаическаго, звѣролова Бел-Нипрут, котораго поклонники были разгнаны, разбѣяны, къ концу его царствованія, и разбросаны по всей землѣ (нирад или ниферад по еврейски означаетъ—разбѣяніе). На третьемъ престолѣ узнаемъ перуны Зевса атмосферическаго, Зевса громовержца, божества Бел или Меродах, Бел-Мардук; символъ, выступающій изъ втораго престола, требуетъ болѣе подробнаго изученія.

Второй фазисъ вѣрованій, запечатлѣнный характеромъ дуализма, распадается на двѣ стороны: огненную и влажную, культъ огня и культъ воды. Первому соответствуетъ по преимуществу второе лицо исторической триады—Кроносъ, Адаръ (въ триадѣ: Илу, Адаръ, Белъ); другое направленіе олицетворяется вторымъ лицомъ космической триады, божествомъ Хеа, Посейдономъ или Нептуномъ (триады: Ану, Хеа, Белъ). Первая же указанная нами сторона, огненное или солнечное начало, по преимуществу выражается въ мужскихъ божествахъ; вторая, водное или лунное начало въ божествахъ женскихъ. Вѣроятно, позднѣе признаки огненнаго культа преимущественно сосредоточились на воспоминавіяхъ о первой ступени развитія вѣрованій (смѣщеніе Илу и Адара, Урана и Кроноса), а второй фазисъ вѣрованій былъ запечатлѣнъ по преимуществу характеромъ водянаго культа.

Божеству Хеа, какъ представителю втораго фазиса были присвоены и змѣй, драконъ, символъ огненнаго культа, и рыбы—символъ водянаго. Какъ представителю огненнаго культа ему было посвящено созвѣздіе дракона, Киммат ¹⁾, а не божеству Кеван или Адар, какъ полагаютъ Мюнтеръ; послѣднему принадлежитъ планета Сатурнъ (звѣзда Кевана), самая отдаленная отъ солнца, центра

¹⁾ Nu-Kimmui, le dieu de la constellation du Serpent, W. A. L., II pl. 58, 54; G. Rawlinson, The five great monarch I, 154; Mémoires, Syllab. II, 340, Le-mormant, Comment. de Béroze 129, Magie p. 28.

жизни, живущая на послѣднемъ, огненномъ, седьмомъ небѣ ¹⁾. Проявляясь въ символѣ змѣя, второе лицо триады, Хеа, въ то же время, изображается и лично самъ въ видѣ рыбы. Его узнаютъ на барельефахъ Ассирии, по описаніямъ довольно позднаго писателя, Вероза (жившаго, какъ полагаютъ, въ III вѣкѣ до Р. Х.), въ томъ чудовищѣ, которое составлено изъ человѣческой головы съ шапкою (митрой) въ видѣ рыбьей головы, изъ туловища, крытаго рыбьею чешуею въ видѣ плаща съ рыбьимъ хвостомъ, и съ ногами человѣка, иногда же изображаемаго въ видѣ получеловѣка, полурыбы. Хеа живетъ въ безднѣ, вѣроятно въ океанѣ, окружающемъ землю, въ пучинѣ водной. По сказаніямъ Вероза, въ описанномъ выше вѣншемъ видѣ, Хеа, Оапнес, разумная рыба, выходилъ изъ Эвфрейскаго моря (Персидскаго залива) и сообщалъ Вавилонянамъ знанія, науки, учреждая въ то же время ихъ законы ²⁾. Въ тройственномъ имени господствующаго божества Ваала (Бел-Нипрут, Бел-Даган, Бел-Мардук), второе имя означаетъ также божество рыбу (даг — рыба), и при современномъ состояніи науки трудно опредѣлить, кого именно изъ двухъ божествъ: Хеа или Дагона, изображаютъ барельефы Ассирии въ фигурахъ, нами выше указанныхъ, въ божествѣ, покрытомъ чешуею рыбы, и въ полу-человѣкѣ, полу-рыбѣ. По всей вѣроятности признаки и значеніе обоихъ божествъ сливались; на рельефахъ попадаются даже двѣ фигуры рядомъ, совершенно схожія по формѣ и величинѣ, божества полу-человѣка, полу-рыбы (Хеа и Дагонъ вмѣстѣ) ³⁾. Рыбы, по своей способности къ быстрому размноженію, служатъ символомъ плодородія, и Дагонъ, которому онѣ посвящены, считался божествомъ оплодотворенія; вѣроятно тоже качество приписывалось и божеству Хеа, такъ какъ влага одно изъ условій плодородія. Этою стороною, какъ сила оплодотворяющая, онъ совпадаетъ съ Марсомъ, Аресомъ (ἄρρη) и другими божествами, специально предстоящими жатвѣ, свадьбамъ и родамъ. Хеа, какъ законодатель, наставникъ, олицетворяетъ въ то же время божественный разумъ, и въ этомъ отношеніи имѣетъ сходство съ Гермесомъ, Нави, пророкомъ, истолкователемъ воли боговъ ⁴⁾. Въ ассирійской мифологіи Хеа считается

¹⁾ *Lenormant, Bérose*, p. 373.

²⁾ *Lenormant, Bérose*, p. 6, 10, 11.

³⁾ *Lenormant, Bérose*, p. 67, 68; *Lajard, Culte de Mithra*, pl. 72 №№ 1 и 2. *Münter, Relig. d. Babyl.* pl. II, fig. 18.

⁴⁾ *Lenormant, Bérose*, p. 114, 115.

сыномъ бога Аву, Белъ сыномъ божества Хеа. Белъ (его аккадійское имя—Муд-ге) является не болѣе, какъ исполнителемъ повелѣній своего отца Хеа (и демиургомъ), и постоянно прибѣгаетъ къ его совѣтамъ ¹⁾.

Изъ середины втораго престола, изображеннаго на камнѣ Вит-Ада, выступаетъ гладкій стволъ, вѣчто въ родѣ змѣйнаго туловища или туловища пилыцы, оканчивающійся головою змѣя или дракона съ большими глазами и внизъ опущенными длинными ушами. Голова этого чудовища обломана на камнѣ Мисаух, но тѣло ясно видно у его основанія на поверхности престола, и покрыто чешуями ²⁾.

Драконъ, символъ божества Хеа, выступающій изъ середины престола или жертвенника, въ томъ видѣ, въ какомъ изображенъ на камнѣ Вит-Ада, имѣетъ сходство съ подобнымъ же изображеніемъ, вырѣзаннымъ на скалахъ Вавіана, съ тою только разницею, что въ скульптурахъ царя Сеннахериба змѣиное туловище, выступающее изъ середины престола, скорѣе напоминаетъ коническую подставку, чѣмъ змѣиное туловище и заканчивается головою овна, барана, съ круглыми, внизъ загибающимися рогами, символомъ, посвященнымъ Аресу ³⁾. Выше мы указали на нѣкоторое сходство греческаго Ареса и асси-

¹⁾ Какъ божество великой бедны, представитель втораго оазиса вѣрованій, Хеа имѣетъ нѣкоторое сходство и съ предшественниками ему божествами: Илу, Адаръ, Аву. Въ своемъ изданіи «Essai de Comment. des Fragm. Cosmog. de Bérose» 1871 г. Lenormant постоянно сличиваетъ бога Хеа и бога Аву, отчего происходитъ масса несообразностей въ выводахъ почтеннаго автора. Это сличеніе, повидимому, основывалось преимущественно на созвучіи имени Апи и названія у Бероза божества — рыбы Оппес. Позднѣе г. Lenormant принесла болѣе правильную этимологію для объясненія транскрипціи: Бероза Оппесъ Геладія Оба, Гугиана Епапанес, именно—аккадійское имя этого божества Еа-кхи, что значитъ Еа-рыба, и исправилъ свои прежнія недоразумѣнія, объяснилъ это божество, знателами: die göttliche Weisheit, man möchte fast sagen das Wort, das All durchdringt, belebt und lenkt, Beherrscher des Meeres etc. Anfänge d. Cultur. II, p. 94, 96, Magie d. Chald., pp. 123 и 167, p. 5 note 5 и прил. I, 376.

²⁾ Мюнтеръ, не имѣвъ случая сличить обломанной статуи съ ея повтореніями на другихъ памятникахъ, и судя по ея основанію, принялъ ее за стволъ дерева изъ породы пальмовыхъ: Etwas wie ein Baumstamm. Relig. d. Babyi., p. 112.

³⁾ По крайней мѣрѣ, судя по рисункамъ, изданнымъ г. Дайвардомъ Nineveh and Babylon изд. 1853 г., I, 212. Напротивъ, при самомъ внимательномъ изученіи фотографіи, снятыхъ съ камня Вит-Ада, мы не усмотрѣли на послѣднемъ ничего похожего на голову барана; уши, висѣщія позади головы дракона не похожи на рога, и сходствуютъ съ ушами другихъ животныхъ, изображенныхъ на томъ же камнѣ и на камнѣ Нанка и Мисаух.

рйвсаго Хеа, какъ божествъ, олицетворяющихъ, между прочимъ, мужескую производительную силу природы, силу оплодотворяющую; то же сходство, но не тождество, усматривается и въ присвоенныхъ имъ символахъ. Не отрицая, что змѣй или драконъ, посвященный божеству Хеа, принадлежитъ къ символамъ огненнаго культа, мы не находимъ, однако же, въ этомъ божествѣ того характера враждебнаго, злаго и боеваго, которымъ отличаются Адаръ (Кроносъ) и Ниргалъ (Аресъ, Марсъ); напротивъ, его просвѣтительная, законодательная, умиротворяющая дѣятельность, его высокій разумъ, переносятъ насъ въ совершенно иную область представлений ¹⁾.

Руководствуясь изложенными адѣсь соображеніями, мы узнаемъ въ указанномъ выше барельефѣ Буиунджика упомянутую уже нами историческую триаду: Илу, Адар, Бел (Урана, Кроноса и Зевса); историческою мы ее называемъ потому, что божества, ее составляющія, проявлялись, жили и царствовали одинъ послѣ другаго въ исторической послѣдовательности. На камнѣ Бит-Ада изображено другое проявленіе тѣхъ же силъ, триада космическая: Ану, Хеа, Бел, соотвѣтствующая греческимъ Анду, Посейдону и Зевсу (Плутону, Нептуну и Юпитеру); космическою ее называемъ потому, что божества, ее составляющія, при своемъ водареніи, раздѣлили и распредѣлили между собою вселенную: древній Ану поселился въ преисподней и подземномъ царствѣ гробовъ; Бел управлялъ атмосферическими явленіями и движеніями небесныхъ свѣтилъ надъ землею; Хеа получилъ въ удѣлъ обитель всѣхъ людей и животныхъ—поверхность земную и окружающую ее водную пучину ²⁾.

Въ третьемъ фазисѣ вѣрованій, такимъ образомъ, господствуютъ три божества, составляющія одно; или же царствуетъ одно божество, новое, проявившееся третьимъ по порядку и распадающееся на три формы представленій; эти три формы представленій составляли основную триаду—Ану, Хеа, Бел, повторяющую прежнюю историческую триаду—Илу, Адар, Бел, и выражаемую также въ трехъ именахъ

¹⁾ Неа именуется: le Seigneur de l'intelligence, Salmann, le sauveur. Еще въ 1878 г. Mépant читалъ его имя Nisruk, хотя и сознавалъ, что это чтеніе весьма сомнительное. См. Syllab. II, 341, 183 и 236. Lesepmant въ издан. 1871 г. Compt. de Bégoe, придерживался того же чтенія.

²⁾ Идеограмма, изображающая его имя BIT, и египетически произнесенное аввадѣйское его имя Ea, имѣютъ значеніе: домъ, обитель.

главнаго царствующаго божества, Бел или Ваала, въ именахъ—Бел-Нипрут, Бел-Даган, Бел-Мардук ¹⁾. Ленорманъ относитъ въ царствованію Саргона древняго (за 2000 л. до Р. X.) приведеніе въ правильную систему—мнеологию акадочъ и сумирочъ, и установленіе основныхъ догматовъ ихъ религіи. Жрецы города Сиппары ²⁾, по порученію Саргона, пытались согласовать значеніе различныхъ божествъ, уже обоготворенныхъ и признанныхъ въ разныхъ городахъ его царства, согласовать также значеніе каждого божества съ различными астральными, атмосферическими, стихійными, психическими явлениями и привести въ одну общую, правильную систему вѣроученія и мненъ, установившіяся въ различныхъ мѣстностяхъ ихъ отечества. Послѣдствіемъ этой работы былъ обширный трактатъ, многочисленныя отрывки изъ котораго дошли до насъ и найдены въ Ниневійской библиотекѣ Ассурбанипала ³⁾. Г. Lenormant замѣчаетъ, что божество Илу появляется довольно поздно; въ древнѣйшихъ памятникахъ его постоянно замѣняетъ Ану, живущій еще на небѣ, а не въ преисподней: еще позднѣе выдѣляется Ассуръ ⁴⁾. Бел (Вааль, Бахал), означая въ переводѣ властелинъ, владыко, le Seigneur, въ началѣ ви-

¹⁾ По поводу рельефа Кузиджга, мы выше упомянули о титаномехіи. Оговоримся: хотя у позднихъ писателей и встрѣчаются намеки на существованіе подобнаго мифа въ Вавилонѣ (Zetgan, Titan, Jaroste Моисея Хоррен.), но подлинными памятниками Ассиріи и Халдеи это обоготвореніе еще не подтверждено. Ассирійскіе боги имѣли другаго врага, съ которымъ часто на рельефахъ ведутъ борьбу (мифъ, послужившій, можетъ быть, основаніемъ для греческой передѣлки въ титаномехію). Это были демоны тьмы, не переносившіе свѣта дневнаго, чудовища, составленныя изъ различныхъ частей тѣла человѣка и животныхъ. Изъ произвела, по показанію Верова, женщина, по имени Оворока; даже Веровъ продолжаетъ: «ее называютъ Халден Thavath, что значитъ по гречески—море, ее отождествляютъ также съ луною». Оворока въ ассирійской транскрипціи составляетъ Umuruk, мать города Uruk, Эрехъ Вавліи, гдѣ было главное кладбище Вавилона, слѣдовательно она — царица преисподней Lenormant, *Comm. de Bérose*, pp. 12, 85.

²⁾ Города клинъ; такъ называлась восточная часть города, въ западной части котораго, именуемой Agadé, находилась резиденція Саргона древняго. Lenormant, *Anfänge der Cultur*. II, p. 78; *Magie d. Chald.*, p. 111 и 134.

³⁾ Lenormant, *Magie* v. a.

⁴⁾ Adu, le dieu primordial analogue à l'Ouganos des Grecs. *Orig. d. l'Hist.*, p. 243. Ил (Assur) se dégage tardivement, ib p. 525 sq. *Magie der Chaldäer*, p. 113. Ану als Himmel, zeit und Welt, греч. Aeon, римск. Saeculum, Varuna, Uranos «Vater der Götter», alle Eigenschaften die man später für Ilu in Anspruch nahm. *Magie*, p. 141, 142.

ражалъ то же понятіе, что и предыдущія три божества, но потому, съ нимъ отождествляется Мардук, составлявшій особое представленіе и весьма второстепенное божество атмосферическое, и новое божество Бел-Мардук дѣлается главнымъ и господствующимъ божествомъ Вавилона.

Приводимъ эти указанія, какъ гипотезы, не доказанныя еще во всѣхъ пунктахъ. Жрецы Сиппары, конечно, не могли и не рѣшились бы измѣнить народныхъ вѣрованій; а если бы посягнули на такое святотатство, ихъ не послѣдовалъ бы народъ. Убѣжденія не могутъ быть навязываемы простымъ распоряженіемъ власти. Если корпорація жрецовъ удалось привести въ правильную систему божества и именъ различныхъ городовъ, то матеріалъ для такого согласованія долженъ былъ заключаться въ самой сущности преданій и религиозныхъ повѣрій. Сходство по значенію вокабулъ: илу, ану, ассур, бел, багал, выражающихъ общее, неопредѣленное понятіе „богъ, владыка“, при ихъ произвольномъ употребленіи въ письменныхъ памятникахъ, крайне затрудняетъ изысканіе и разъясненіе — которое изъ указанныхъ именъ божества ранѣе заслужило почести всеобщаго народнаго поклоненія. Гораздо правдоподобнѣе можемъ дѣлать выводы, по этому предмету, изъ дошедшихъ до насъ символическихъ знаковъ и мѣтовъ (разказовъ) язычества, нежели изъ частаго или не частаго употребленія того или другаго имени въ памятникахъ данной эпохи. Въ изложенныхъ здѣсь фактахъ для насъ особенно любопытно то указаніе, что за 2000 л. до Р. Х. уже была предпринята работа по научному, систематическому изложенію вѣрованій и мѣтовъ. Работа систематизированія, согласованія и вообще опредѣленія значенія и свойства различныхъ божествъ, ихъ взаимныхъ отношеній, ихъ вліянія и проявленій въ мірѣ видимомъ, по всей вѣроятности, продолжалась и послѣ Саргона. По свидѣтельству Плинія и Страбона еще въ I вѣкѣ послѣ Рождества Христова существовали коллегія жрецовъ, пользовавшіяся извѣстностью по своей учености, въ городахъ Эрехъ (Орхоэ) и Борсиппа, въ Вавилонѣ и Сиппарѣ (Sippara); они составляли самостоятельныя, независимыя другъ отъ друга школы вѣроученія, и ихъ мнѣнія по различнымъ вопросамъ догматики не всегда совпадали ¹⁾.

¹⁾ Plin. Hist. Natur. VI, 26; Strabo XVI, 1, § 6; *Müller*, Rel. d. Babylon., p. 92; *Lenormant*, Anfänge d. Cultur. II, p. 74. Намъ приходится въ настоящемъ изслѣдованіи всего чаще ссылаться на изданія г. Ленормана. Причина тому

Символическія животныя, которыми украшены съ передней стороны престолы на камнѣ Бит-Ада, изображаютъ: первое (фиг. 7), у престола божества Ану, дракона, котораго змѣйный хвостъ исчезаетъ позади престола, тѣло льва, голова фантастическаго животнаго, украшенная двумя рогами и съ длинными внизъ опущенными ушами. Третье животное (фиг. 9), у престола божества Бел, изображаетъ такого же дракона, но съ пастью, дышащею пламенемъ, что составляетъ указаніе на перуны Зевса атмосферическаго. Второе животное (фиг. 8), украшающее престолъ божества Хеа, походитъ на быка, съ копытными на переднихъ ногахъ; задняя половина его туловища скрыта за престоломъ. По искривленію роговъ, по туловищу, покрытому мѣхомъ, по ногѣ приподнятой и согнутой, какъ будто бы готовой дать прыжокъ, иные исследователи считаютъ эту фигуру за козла ¹⁾. Козель и быкъ, и баранъ, котораго голова изображена на скалахъ Вавіана, въ языческой символикѣ обозначали животную производительную силу сама, понятіе, равно прѣмъимое въ божеству Хеа (Посейдону, Нептуну) и къ Аресу (Марсу).

На камнѣ Мисахъ мы видимъ тѣ же три престола, съ тѣми же символами, на нихъ возложенными, и съ тѣми же животными, съ тою только разницею, что изображены они въ слѣдующемъ порядкѣ: въ нижнемъ ряду, поспулая, какъ и на камнѣ Бит-Ада, на встрѣчу изображенныхъ фигуръ и животныхъ, 1) престолъ и животное Ану, 2) престолъ и огнедышащій драконъ божества Бел; въ верхнемъ ряду надъ ними—3) два престола съ тиграми Адара и Гулы и 4) престолъ Хеа съ его быкомъ или козломъ и змѣемъ, отъ котораго видно ясно только начало туловища, исходящаго изъ престола, но голова обло-

весьма понятна: въ большинствѣ случаевъ съ его мнѣніями согласуются показанія и другіхъ ассириологовъ; едва ли не болѣе другіхъ, онъ издалъ исследованій, специально посвященныхъ изученію вѣрованій Ассиріи и Халдеи; въ его изданіяхъ находимъ массу цитатъ, указаній на перахъ источниковъ, которыми не всегда имъ считали необходимымъ повторять, довольствуясь ссылкой на его труды. Независимо отъ сего, работы этого ученаго для насъ особенно драгоценны потому, что г. Лесториажъ, какъ самъ помечаетъ (Magie, p. 263), специально занимался изученіемъ языка Ахвадовъ, столь важнаго для разумнѣя религіозныхъ преданій древней Халдеи.

¹⁾ A winged goat kneeling. Rec. of the Past, IX, 93. Но ярымъ у него не является. Es hat die Bildung eines Ziegenbocks, der ovis стрѣφικέρως; Millin vergleicht unsern Bock mit den Tragelaphen der Griechen und mit dem Persischen Bahram. *Mémoires, Relig. d. Babyl.*, p. 112, 113.

мана. Порядок означенія триады соотвѣтствуетъ здѣсь надписямъ: Ану, Бел, Хеа.

На камнѣ Напкая изображены тѣ же пять престоловъ, но въ обратномъ порядкѣ: поступаая не на встрѣчу животныхъ, а по направленію головы животныхъ, узнаемъ престолы—Ану, Бел, Адар, Гула, Хеа. Престолъ Хеа здѣсь изображенъ безъ символическаго животнаго (фиг. 22), и на немъ, вмѣсто амъ, показана черепаха. Черепаха въ греко-римской символикѣ была посвящена Гермесу (Меркурію), изображалась даже крылатою, какъ на кругломъ жертвенникѣ Лувра ¹⁾. Можетъ быть, означенная амфибія (отъ греч. ἀμφίβιος, двухжизненный) была посвящена Меркурію, какъ божеству надземному, живущему на Олимпѣ и въ то же время подземному, сходящему въ Аидъ, какъ водитель уершихъ въ преисподню. Крылатая черепаха означала его тройственный видъ, его присутствіе въ воздухѣ, на землѣ и въ водахъ подъ землею. Символъ на камнѣ Напкая намекаетъ на сродство понятій Хеа и Меркурія, о которомъ уже мы упоминали. Животное, способное жить одновременно на сушѣ и въ водѣ указываетъ нептуническій характеръ божества Хеа.

На камнѣ Мисаух изображенъ еще шестой престолъ (табл. II, фиг. 24), безъ животнаго, украшенный знакомъ въ видѣ подковы. На томъ же камнѣ, въ надписи, къ основной триадѣ присоединена „Великая Богиня“, the Great Goddess, по всей вѣроятности слугница господствующаго божества Бел, женское существо, ему соотвѣтствующее по имени и значенію, Белгисъ или Белит, къ которой и относимъ указанный нами шестой престолъ и знакъ, на немъ изображенный. Престолъ, ей присвоенный, и титулъ, эпитетъ—„Великая“, указываютъ на ея значеніе, равное божествамъ символической діады и символической триады, имѣющимъ такіе же престолы; а символическій знакъ, помѣщенный надъ престоломъ, напоминаетъ головной уборъ богини Ианди или Атхоръ (Hâthor) на египетскихъ памятникахъ, воспроизводившій природные волосы женщины (какъ символъ природы рождающей), разчесанные на обѣ стороны лица (какъ символъ дуализма) и съ концами, завитыми въ локоны по плечамъ, или той же формѣ парикъ, afnet ent Hathor (wig of Hâthor). Красный образецъ упомянутой прически, часто встрѣчаемой въ скульптурахъ Египта, можемъ указать на каменной баркѣ, хранящейся въ Британскомъ музеѣ; парикъ богини образуетъ нѣчто въ родѣ носоваго украшенія

¹⁾ *Millin, Mytholog. Gallerie, планка вѣдан. 1848 г. pl. XXIX, 67 f.*

у барки ¹⁾. Тотъ же символъ, въ видѣ подковы или парика, означающей богиню Бейтисъ, повторяется и на камняхъ Nankas и Bit-Ada (табл. I, фиг. 15), но безъ престола, въ числѣ символическихъ знаковъ болѣе мелкихъ, втораго ряда ²⁾.

Тотъ же знакъ напоминаетъ и верхнее украшеніе, почти всегда прилагаемое къ ассирійскому крылатому диску, изображающему основное божество Ассуръ, съ тою только разницею, что надъ дискомъ этотъ орнаментъ болѣе разогнутъ (табл. III, фиг. 30, 38, 45); иногда изъподъ него выбѣгаютъ два конца головной повязки, тесьмы, отѣрца. Ассуръ изображался на скульптурахъ Ассиріи въ видѣ диска, круга, кольца (символъ вѣчности, не имѣющей ни конца, ни начала, основная монада); надъ дискомъ покоится упомянутый головной уборъ, варникъ или повязка (символъ женственности, материн, дуализма); къ тремъ сторонамъ диска обыкновенно принимаютъ, направляясь въ три разныхъ стороны, тремя лучами, покрытыя перьями два крыла и хвостъ птицы (Зевесова орла, *ἀγλός*, означающіе символическую триаду), изъ диска весьма часто выступаетъ бюстъ самаго божества, увѣнчанный тиарою, образующій въ вертикальномъ своемъ положеніи, съ хвостомъ птицы, съ которымъ сливается, и съ горизонтальными двумя крылами—крестообразное начертаніе ³⁾. То же символическое значеніе имѣла идеограмма божества AN: вертикальный клинъ означалъ монаду, двойной горизонтальный клинъ—дуализмъ, оба вмѣстѣ триаду, и крестообразное ихъ начертаніе выражало понятіе всеобъемлющаго.

Какъ имя основнаго, царствующаго божества Bel, Bilu, означало „владыка, повелитель“, такъ имя его спутницы, соответствующаго ему женскаго проявленія—Belit, Bilita (у греческихъ и римскихъ писателей Beltis, Baaltis), переводится: „госпожа, повелительница“; bilutiya—„моя госпожа“, общій эпитетъ всякаго женскаго божества. Вааль, Бел, какъ божество господствующее, царствующее, вмѣщалъ въ себя

¹⁾ См. прил. рис. табл. II, фиг. 25 и Thompson, Brit. Mus. egyptologiae № 208, Block granite statue of Mutemua, mother of Amenophis III, in a boat with ends in shape of the goddess Athor. Karnak, 1380 г. до Р. X.

²⁾ Шютеръ справедливо замѣчаетъ: Dass es aber kein Hufeisen ist, lehrt de Augenschein; и почти отгадывая истинное значеніе рассматриваемаго нами символа, называетъ его der Schleier der Natur, wie der, der Isis bei den Aegyptern, ein Schleier des Verborgenen. Relig. d. Babył. p. 111.

³⁾ Изображеніе этой символической фигуры см. въ рисункахъ, приложен. къ ст. «Maltaiя и Basiakъ», фиг. 9 и 10; Baclinson, The five gr. Monarch. II, 232 и 1: уг.

понятіе основнаго божества Ел, Илу ¹⁾). Точно также его спутница Белтисъ по преимуществу олицетворяла собою основное женское божество, природу рождающую, матерію вѣчную и неизмѣняемую. Оба вмѣстѣ, они соотвѣтствовали: Зевсу и Герѣ, Кроносу и Реѣ, Урану и Гайѣ (небу и матери землѣ). Поэтому, на камнѣ Michaux, на которомъ упоминается въ надписи богиня, вслѣдъ за именами основной триады, имя Белъ замѣнено въ триадѣ болѣе общимъ, ему соотвѣтствующимъ, именемъ божества—Ел; и на томъ же камнѣ символу богини присвоенъ престоль, слѣдовательно, ей придается болѣе значенія, ея понятіе и представленіе выдвигаются впередъ, усиливаются. Не забудемъ, что въ надписи рѣчь касается приданаго, выдаваемого за невѣстою, и совершенія брака. Усиленное выраженіе значенія богини Белтисъ (принципа женственности и брачнаго начала), на такомъ памятникѣ—весьма уместно и прилично.

Начало женственности, понятіе женской производительной силы природы, сосредоточиваясь по преимуществу на богинѣ Белтисъ, за тѣмъ раздвигается въ ассирійской мѣологій на два существа, Istar и Bilita, заключающія: 1) понятіе матери рождающей и кормящей, супруги вѣчно-юной (Belit, Bahalath, Гера, Юнона), и 2) понятіе любви, чувственнаго наслажденія (Istar, Hashtereth, Астарта, Афродита, Венера). Та же богиня Белтисъ распадается, наконецъ, и на триаду—Anat, Davkina и Bilita. Аната, которой имя съ женскимъ окончаніемъ ath, ah, соотвѣтствуетъ божеству An, Anu, Ана, по всей вѣроятности была тождественная или схожая съ богинями Allat, персид. Anahita, Апахита, египет. Neith, и въ подвѣннѣ перерожденіи превратилась въ греческ. Athene (ассир. Sala, Tala). Въ мѣологій Ассирійскъ и Халдеевъ она была богиней гробовъ и пренесподней, именовалась на языкѣ Ахкадовъ: Nin-ki-gal, „Госпожа земли великой“ или страны великой, страны, изъ которой нѣтъ возврата; Nin-gis-zida „госпожа волшебнаго жезла“, жезла заклинаній, и служить обычной спутницею бога Ану. Ея перерожденіями слѣдуетъ считать созвучную ей по имени богиню Anunit или Gula и богиню Tala (ἄλασσα), Sala, Шала, изображенную на скалахъ Вавилана близъ Ниневіи ²⁾). Къ той же богинѣ Anat относятся эпитеты Um-Uruk (Ὀμόρουκ), мать города Эрека

¹⁾ Выше было указано сличеніе въ томъ же смыслѣ понятій: Oelona (Урана) и Зевса.

²⁾ Lenormant, Magie p. 12, 60, 116, Bérose 331; Mémoires, Syllab. II, 344 sqq.

(’Орхѳн), города гробовъ, или Belit-Uruk, госпожа города Эрека ¹⁾. Dakina или Dam-ki-na, не имѣя на языкѣ Сумирровъ особаго названія, удерживала въ ассирійскихъ текстахъ свое аккадійское имя, которое переводится: la dame Terge, Δη-μῆστρ или Δαρ-μῆστρ, мать земли, Segez, у Римлянъ; какъ и Деметра или Церера, она служитъ обычною спутницею Посейдону (Нептуну, богу Хеа). Аккадійское имя богини Belit было Nin-gal или Nin-gelal „Госпожа великая“, the Great Goddess надписи Міснах ²⁾.

Въ примѣръ, какъ удобно въ мифологіи Ассирійцъ и Халдеевъ одно божество замѣнялось другимъ, въ различныхъ серияхъ мужскихъ или женскихъ божествъ, приведемъ известную мненческую таблицу Британскаго музея, въ которой объясняется значеніе слова dil-bat (Δαλαβῆт греч. писат.), обозначающаго планету Венеру: при восхожденіи солнца, связано въ таблицѣ, это AN Istar kakkabi, богиня Иштар между звѣздами; при захожденіи солнца—AN Belit ilui, богиня Белитъ между богами или повелительница, царица боговъ ³⁾. Имя Istar заключало въ себѣ такое же общее, неопредѣленное понятіе божества, женскаго начала, олицетворенія природы, какое имѣло имя Билитъ „госпожа“, какое, по всей вѣроятности, имѣли первоначально имена и богини Anat, Anunit (Gula), производныя отъ An, Anu (богъ); во множественномъ числѣ слово istarati весьма часто обозначаетъ „богини“ вообще: ilui au istarati, „боги и богини“ ⁴⁾, ilāni au istarāti asibuti Assur, „боги и богини, обитающіе Ассирію“ ⁵⁾. На камняхъ Навкаса и Bit-Ada мы усматриваемъ слѣдующую триаду женскихъ божествъ: Anunit или Gula въ нижнемъ ряду, какъ богиня преисподней, повелительница нижней гемисферы земнаго или небеснаго шара, она соупотствуетъ Адару (Кроносу); Belit помещена во второмъ ряду, въ срединной полосѣ символическихъ знаковъ, какъ представительница земли, обители и жилища смертныхъ, замѣняющая въ этомъ случаѣ Даккину, обычную спутницу бога Хеа; Istar показана въ астральномъ

¹⁾ Lenormant, Bérose, p. 85.

²⁾ Lenormant, Bérose p. 459, Méman, Syllab. II, p. 345.

³⁾ W. A. I. III, 53, № 2, II. 36, 37; Méman, Syllab. II, 353; II. 30—35 тоѣ же таблицѣ въ нѣмец. изд. Magic Lenormans переведены такимъ образомъ: Der weibliche Stern ist der Venus stern, weibl. bei Sonnenuntergang, männlich bei Sonnenaufgang; bei Aufgang sein Name ist die Göttin von Agané (Anunit), bei Untergang—von Erech (Anat). p. 117.

⁴⁾ Méman, Syllab. II, p. 348.

⁵⁾ Lenormant, Compt. d. Bérose, 118.

міръ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ и солнцемъ, на вершинѣ или въ центрѣ верхней гемисферы (сегмента). На камнѣ Мичаух усматриваемъ иное расположеніе—четыре престола помѣщены рядомъ, принадлежащія божествамъ: Belit, Héa, Adag и Gula; подъ ними находятся два престола Ану и Ваала. Такимъ образомъ, символы женскихъ божествъ, престолы Билты и Гулы, съ символомъ Иштары надъ ними, образуютъ идеальный треугольникъ \triangle ; тогда какъ символы четырехъ боговъ образуютъ квадратъ \square , двѣ геометрическія фигуры, служащія основаніемъ всякой видимой пластической формы.

На самой вершинѣ идеальной гемисферы, то-есть, въ центрѣ сегмента, заключающаго символическіе знаки, на камняхъ Напкас и Bit-Ada, усматриваемъ изображенія мѣсяца, солнца и звѣзды, въ которыхъ относимъ упоминаемую въ надписяхъ триаду: Sin, Samas, Istar (фиг. 17, 18, 19). На камнѣ Мичаух изображеніе полумѣсяца обломано, но другія два свѣтила весьма ясно обозначены. Имя Sin или Sinu означало на языкѣ Сумировъ мѣсяць, какъ свидѣлствуютъ многочисленныя ассирійскіе тексты и поздніе греческіе писатели, а на языкѣ Аккадовъ произносилось: Is, Eszeb или, какъ полагаетъ г. Lenormant, Aku, Eri-zina ¹⁾. Въ гимнѣ, посвященномъ мѣсяцу, какъ божеству, онъ именуется: „biluv или bel, владыка, управляющій всѣми богами, которые живутъ на небѣ и на землѣ; единственный величавый, abu—отецъ, AN napkar—богъ сіяющій, божество доброе (dhabu), божество великое, ilu Sinu, владыка города Уръ, царствующій въ храмѣ, наполненномъ истуканами (bit zamulli, евр. самел); распредѣлитель царскихъ вѣнцовъ; его власть (sagut или sagutav) выше всякой другой, царствуй надъ богами и т. д.“ ²⁾. Въ надписяхъ на трехъ камняхъ Мардукидинакки онъ называется: „сіяющій, живущій, кружащійся въ небѣ“; онъ насылаетъ проказу и дикихъ звѣрей, блуждающихъ по почтамъ за стѣнами города ³⁾. Мѣсяць въ астральномъ мірѣ считался старшимъ изъ боговъ, и въ этомъ отношеніи соответствовалъ древнему Ану. Въ триадѣ Sin, Samas, Istar, богиня любви представляетъ второй фазисъ вѣрованій, а солнце (Samas), жизненный центръ, третій фазисъ и господствующаго, царствующаго бога Бел. Въ ассирійскихъ текстахъ весьма часто встрѣчается нная триада—Sin, Samas, Bin, и въ такомъ случаѣ солнце (Samas), какъ огненное начало, замѣщаетъ

¹⁾ Sauss, Syllabary № 384 и Lenormant, Magie, p. 119.

²⁾ Brit. Mus. K. 2861. Sauss, Assyr. Grammar, 2-е изд. 1876 г. p. 124.

³⁾ Rec. of the Past. IX, 96, 100, 106.

собор Ану; Sin, какъ лунное начало, представляетъ второй фазисъ вѣрованій и Вис, какъ божество атмосферическое, соответствуетъ Меродаху, божеству Бел-Мардук. Половое значеніе мѣсяца или луны вообще колеблется ¹⁾. Идеограмма Sin читается на аккадійскомъ языкѣ Is ²⁾, и по созвучію напоминаетъ египетскую Isis и вавилонскую Istar. Въ иероглифическомъ письмѣ древняго Египта мѣсяцъ обозначается рогами, обращенными внизъ; если продлить оконечности роговъ, образуется символъ, намъ знакомый, богини Beltis (Isis).

Имя Samas на семитическихъ языкахъ означаетъ солнце (еврейск. шемеш); символическое изображеніе этого свѣтила на камняхъ Napkas, Bit-Ada и Michaah (фиг. 18) распадается на три части: 1) кольцо, дискъ или кругъ, символъ теллурической, эмблема планеты, вообще всякаго тѣла небснаго, а можетъ быть и символъ вѣчности; 2) крестообразный знакъ, вписанный въ означенный дискъ или кругъ и 3) изливающаяся изъ общаго центра двухъ предмудущихъ фигуръ, на четыре стороны, лучи свѣта. Крестообразный знакъ составленъ изъ четырехъ отроговъ, четырехъ клиньевъ, исходящихъ изъ одного центра, обращенныхъ на четыре противоположныя стороны, острыми своими концами по направленію къ периферіи диска. Означенный знакъ напоминаетъ подобный же, изображенный на скалахъ Бавіана ³⁾, съ той только разницею, что въ Бавіанѣ отроги расширяются, удаляясь отъ центра, по направленію къ периферіи, образуя нѣчто въ родѣ нашихъ орденскихъ знаковъ, а Malteser cross, по выраженію Англичанъ. Въ справочномъ лексиконѣ, найденномъ въ библиотекѣ Ассурбанипала, то-есть, на глиняной таблицѣ, составляющей отрывокъ изъ лексикона, усматриваемъ любопытную идеограмму, довольно точно воспроизводящую ту же фигуру (табл. III, фиг. 31). Идеограмма объяснена на аккадійскомъ языкѣ словомъ—susgi, и на ассирійскомъ словами: AN Ану, то-есть богъ Ану ⁴⁾. Въ словарѣ (Syllabary), приложенномъ къ ассирійской грамматикѣ г. Saucе ⁵⁾, встрѣчаемъ подобную же идеограмму, нѣсколько иначе изображаемую (табл. III, фиг. 32).

Ея объясненіе читаемъ на аккадійскомъ языкѣ — susgi; на ассирійскомъ —

¹⁾ Иногда Sin: im Verhältnisse zu Sonne galt für weiblich, *Leopoldant, Magic d. Chald.*, 141.

²⁾ *Mélanges, Syllab.* I, 192, № 99.

³⁾ См. рисунки, приложенные къ ст. Maltein и Бавіанъ, *опг.* I, VII.

⁴⁾ W. A. I. II, 48, *Обв.* I. 30, *Mélanges, Syllab.* II, p. 339.

⁵⁾ *Amyrian Grammar and Reading Book, with full Syllabary.* 2-е изд. 1876 г. р. 3, № 10.

рійскомъ—*ussusu*, на англійскомъ—*destruction (surname of Anu)*, разрушеніе, эпитетъ бога Ану.

Во второй идеограммѣ, въ четырехъ центральныхъ клиньяхъ, ассириологи несомнѣнно узнаютъ обычное іероглифическое начертаніе круга, диска, сферы ¹⁾; отъ этого центрального диска исходятъ четыре луча, въ противоположныя стороны, расширяющіеся по мѣрѣ удаленія отъ центра; въ такомъ видѣ вторая идеограмма ближе подходитъ, нежели первая, къ начертанію того же знака въ скульптурѣ, того символа, который напоминаетъ наши орденскіе знаки. Какъ на любопытный примѣръ употребленія этой эмблемы въ скульптурѣ, укажемъ портретъ ассирійскаго царя *Samsi-Bin* или *Samsi-Vul*, сына Салманасарова, жившаго за 824 года до Р. Х., нынѣ сохраняемый въ Британскомъ музеѣ ²⁾.

Отдѣльные знаки, составляющіе указанія нами двѣ идеограммы, элементы идеограммы, обозначаютъ: *mutu*, умирать, но также *samu*, небо и *belu*, владыка; *kissat*, множество; *matu*, страна; *raggu*, царь; *samu*, небо и *tubamtu*, бездна; *belu*, епи, владыка или царь, и также *samu* или епи, небо ³⁾. Въ крестообразномъ ихъ расположеніи на четыре стороны, узнаемъ столь часто попадающееся въ ассирійскихъ надписяхъ выраженіе: *rag kibrativ arbaiv*, царь, владыка всѣхъ четырехъ странъ свѣта ⁴⁾.

Изъ вышешложеннаго выводимъ слѣдующія заключенія: крестообразный знакъ, изображаемый двумя указанными нами идеограммами, и въ кругу изображенный на камняхъ Мардукиднахи, а также на скалахъ Вавіана, и безъ круга на груди царя *Samsi-Bin*, составляетъ символъ божества Ану; но, его объясненіе словами „*suzgu, ussusu, разрушеніе, destruction*“, хотя и соответствуетъ божеству смерти, гробовъ и преисподней, принадлежитъ, однакоже, къ болѣе позднему времени, а не къ первоначальному представленію о божествѣ. Идеограммы и символъ, нами разсматриваемые, выражаютъ то понятіе о божествѣ Ану, которое ему соответствовало въ моментъ его царствованія на небѣ, когда не сходилъ онъ еще въ преиспод-

¹⁾ Такъ пишется въ клинообразныхъ надписяхъ *solige ut*, страна *ki, irsit*, городъ, и т. д.

²⁾ Табл. рис. III, евр. 30 и Brit. Mus. *Thompson*, part. III, vol. I, Nimrud, ентографіа № 354.

³⁾ *Sayce*, Syllabary, v. 8. №№ 7, 508, 510, 427, 1 и 96. Знакъ *belu* означать также *AN Bel*, знакъ *kissat AN Marduk*. *Méaut*, Syllab. II, 339, №№ 4 и 6.

⁴⁾ *Leopoldt*, *Bérose* pp. 27, 323 W. A. I. 1, 2, 5; 3, 11 etc.

нию. Они выражаютъ понятія: даръ небесный, повелитель безграничнаго пространства (великой бедны) и всего видимаго міра (всѣхъ четырехъ странъ свѣта), источникъ всякаго бытія, все создавшій, не волею своею, но своими эманациями, какъ бы лучистыми изліяніями во всѣ стороны ¹⁾.

Крестообразный знакъ божества Ану, выисанный въ кругъ, означаетъ видимое, астральное воплощеніе той же силы—великое свѣтло дня, источникъ и центръ жизни (а не разрушенія). Лучи свѣта, изливающіеся изъ внутреннихъ угловъ крестообразнаго знака, изображены съ помощью волнистыхъ линий, въ которыхъ египтологи безъ затрудненія узнають гіероглифъ: еп, вода. Тѣмъ же способомъ обозначались: изливающееся душистое масло изъ сосудовъ, на памятникахъ Египта, и рѣки, ключи, моря—на рельефахъ Ассиріи, вообще всякая влага и жидкость. Распространеніе свѣта и теплоты Вавилоняне видно объясняли, какъ и мы, волнообразными движеніями свѣтоносной теплопроводной влаги, воздуха, эфира.

Обсуждая крестообразный символъ, встрѣчаемый на памятникахъ Ассиріи, мы должны указать на ту своеобразную форму, которую онъ принялъ въ Египтѣ: его нижній конецъ удлинняется, принимаетъ съ перекладною видъ греческаго Таб; верхній конецъ скругленъ въ видѣ ручки (табл. III, фиг. 83), и при такомъ начертаніи означенный священный знакъ влагается въ руку всякаго божества, въ скульптурахъ и живописи, какъ неотъемлемый знакъ его высокаго сана; въ гіероглифическомъ письмѣ онъ означаетъ слово: анх, жизнь (а не разрушеніе). Letronne и Raoul Rochette посвятили нѣсколько монографій объясненію указываемаго нами загадочнаго символа ²⁾. Г. Мюн-

¹⁾ Та же идеограмма въ начертаніи, болѣе упрощенномъ и сокращенномъ, составленномъ изъ двухъ каннелей, крестообразно расположенныхъ, означала то же основное божество во второмъ санѣ его проявленія, бога Адара (Еролоса), а въ удвоеніи (reduplicatio) бога Без-Марду; обращенная головою къ лѣву она обозначала бога Ану въ третьемъ санѣ, сошедшаго уже въ Пренеподную, ег. надпись Асеурбаллала W. A. I. I, 27 и *Mélang.*, Syllab. II, 339, 342. Слово жизни (désignation) переводятъ также fondation и производятъ отъ корня ашаш, во еврейск. крапнуть, крапнѣть, основывать и блестять, горѣть; отсюда производ. еш огонь, ом, ушалъ, ушкоки основаніа, прочіи основаніа, Еадра ит. I, гл. 4, 12; 5, 16; 4, 3.

²⁾ *Revue Archéologique* II v. 1845 г., 2 part. 665 и *Mém. de l'Acad. des Inscriptions*. XVII v. 1848 г., 3 part.

теперь приложилъ въ своемъ изданіи „Die Religion der Babylonier“¹⁾ рисунокъ отпечатка съ вавилонскаго цилиндра, на которомъ изображены: знакъ, весьма похожій, по своей формѣ, на египетскій анх и надъ нимъ мелкой породы птица, вѣроятно голубь; знакъ, здѣсь упоминаемый, свидѣтельствуетъ, что и въ Халдеѣ былъ извѣстенъ египетскій символъ. Что же касается до индійской свастики, то мы никакъ не рѣшаемся ее причислить къ тому же разряду символовъ. Такъ называемая „свастика“ изображала, по всей вѣроятности, во многихъ случаяхъ, въ грубомъ, примитивномъ, и символическомъ начертаніи—птицу: верхняя перекидывающаяся—голову и клювъ птицы, вертикальная черта—ее тѣло; нижняя горизонтальная черта—ее хвостъ, правое когѣно—внизъ опущенное крыло птицы, лѣвое когѣно—вверхъ поднятое другое крыло. Съ такимъ расположеніемъ крыльевъ, летящая птица (всего чаще орелъ) изображается въ скульптурахъ Ассирій, Египта и Индіи. Упомянутый знакъ (свастика) выставлялся въ началѣ письма или надписи, для указанія того направленія, по которому слѣдуетъ читать прилагаемыя строки, того направленія, по которому летитъ мысль, запечатлѣнная въ начертанныхъ буквахъ; и въ концѣ надписи или письма тотъ же знакъ помѣщался въ обратномъ направленіи для указанія, что рѣчь, мысль и письмо или надпись окончены. А какъ письмо начиналось обыкновенно или заканчивалось привѣтствіемъ: свасти бгаван, нѣчто въ родѣ нашего „здравствуй или прощай, господи; будь здоровъ; счастья вамъ, vale“, отсюда и знакъ получилъ свое названіе²⁾.

Въ надписяхъ на камняхъ Michaux, Nankas и Bit-Ada, солнце, Samas, именуется: „широкій, великій судья неба и земли“, вѣроятно потому, что свѣтъ открываетъ правду, какъ судья, и солнце разгоняетъ мракъ и совершаемыя во мракѣ преступленія³⁾.

Этимологія имени Istar еще не объяснена. Не подлежитъ сомнѣнію, что его созвучіе съ именами и словами: Astarta, Astrea, aster,

¹⁾ Pl. I, fig. 11; также Fundgruben des Orients I, pl. 3, fig. 7 и 11. См. рис., прилож. ниже: табл. III, фиг. 34.

²⁾ Проф. Коссовичъ въ своемъ глоссаріѣ къ издан. «Охотникъ и Голубь» объясняетъ: свасти (су-аста) неслон., благоостоаніе, счастье; баваг, вѣроятно сокращ. изъ багават, господина, вы, употребленное при взаимномъ обращеніи ко-2-му лицу. Справ. Indian Antiquary, 1876 г., V т. pp. 55, 176, 196, 205, 209; VI т. 78, sq. 88, 138; VII, 63; VIII, 27, 277; и символа Jaina, ib. II, 134.

³⁾ May Samas, the Judge of heaven and earth, fly before him, that he change into darkness the light of the day. Как. Nankas. Rec. of the Past, IX, 98, 100, 106.

звѣздъ, звѣзда, не случайное. Представленіе объ ассирійской Istar, какъ уже сказано выше, сливалось съ признаками богини Belit или Милитти (Militti, имя последней г. Lepogmant производить отъ ассир. Mulidit, génératrice), соответствующей греческой Герѣ (Юнонѣ). Ея представленіе распадалось на два образа: 1) Istar Arbail, богиня города Арбеллъ, богиня войны, Bellona или Istar Sa Arba-ilu, и 2) Istar Sa Ninua, Иштара города Ниневія, богиня любви¹⁾. Еврейское ея имя, Хаштерео, Хаштарот, г. Lepogmant сличается²⁾ съ корнемъ Хаш, составляющимъ въ надписяхъ финикійскую транскрипцію ассир. aššat „женщина (la dame, la femme)“, и съ еврейскимъ иша, аша „женщина“, соответствующимъ арамейск. аса, ата; съ именемъ также Ati, богини города Adiabene, которое пишется по сирійски хаои, хати и съ показаніемъ Гезихія: 'Αδὰ ὑπὸ Βαβυλωνίαν ἢ "Ηρα (Ада у Вавилонянъ это Гера). Bit-Ada, по этимъ соображеніямъ и сближеніямъ, означало бы въ переводѣ домъ Геры или Венеры, домъ, поставленный подъ ея покровительство, или храмъ Геры (Венеры). Добавимъ, что тому же звуку, которымъ начинаются финикійское (еврейское) имя богини и корень хаш, соответствуетъ буква 'Auin, которая въ древнемъ финикійскомъ алфавитѣ изображалась въ видѣ круга, кружка, планетарнаго диска, иногда съ точкою въ серединѣ, и своею формою обозначала глазъ (еврейск. ha'ayin) или небесное тѣло, планету, звѣзду первой величины. Иштара, Венера, по всей вѣроятности, какъ звѣзда самая яркая, самая красивая въ небѣ, служила единоличнымъ олицетвореніемъ всего сонма планетъ и созвѣздій, всего міра астральнаго (Astrea, Venus Urania), и триада Sin, Samas, Istar воспроизводили тотъ рядъ представленій, на который намекаютъ выраженія Библии: „поклонились солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ и всему воинству небесному“. Символь, присвоенный богинѣ на камнѣ Bit-Ada, изображенъ въ видѣ семиконечной звѣзды, вписанной въ планетарный кругъ или дискъ. Семь отроговъ или лучей обозначали, что это божество вмѣщаетъ въ себѣ понятіе всѣхъ семи крупныхъ небесныхъ свѣтилъ, планетъ, олицетворяетъ весь ихъ сонмъ. И съ такимъ же числомъ лучей изображена звѣзда въ кругу надъ тиарой богини Istar на скалахъ Милтаин³⁾. На камняхъ Hankas и Michaux,

¹⁾ Богиня Istar называется и такія богини. Кам. Hankas, надпись, Rec. o the Part. IX, 106.

²⁾ Comment. de Béroze, p. 120 и 118.

³⁾ Place, Ninive et l'Assyrie, III, pl. 45.

въ кругу вписана восьмиконечная звѣзда, символъ болѣе общій, мнѣ опредѣленный¹⁾).

Такимъ образомъ, безъ особыхъ затрудненій, какъ намъ кажется, мы объяснили первые десять символическихъ знаковъ, изображенныхъ на трехъ изучаемыхъ нами памятникахъ Халдеи. Въ нижнемъ ихъ ряду, у окранныхъ круга или сегмента, на камнѣ Bit-Ada, между престолами еще изображены: собака, стрѣла и раздвоенный жезлъ съ птицею на его вершинѣ (табл. I, 4, 5 и 6). Собаку узнаемъ по ея головѣ весьма ясно, и натурально воспроизведенной²⁾, и по характеристическому хвосту, загнутому спиралью на камняхъ Nanqas и Michaux; на камнѣ Бит-Ада хвостъ у животнаго подобранъ между ногами. Зоркій стражъ ночи изображенъ съ поднятою къверху мордою какъ онъ воетъ при видѣ своей госпожи Гулы, Анунити, Артемиды, луны. Означенный символъ относимъ къ божеству Небо, Меркурию, Гермесу, который въ такомъ же видѣ, или въ видѣ человѣческой фигуры съ собачьею головою, изображался на египетскихъ памятникахъ подъ именемъ Анибуса, Аперт, и олицетворялъ водителя умершихъ въ преисподнюю, Гермеса *ψυχοποιός*. Созвучный съ египет. Аперт и греск. *Anubis*, Небо, Набу (еврейск. Наби) въ переводѣ значить пророкъ, провозвѣстникъ воли боговъ, ихъ герольдъ или глашатай; его звѣзда, *Sirius* по объясненію Мюнтера (*das Hundsgestirn*), служитъ провозвѣстникомъ восхода солнца; у Египтянъ она называлась *Sothis*³⁾.

Метательное копьѣ, дротикъ, изображенное на камняхъ Nanqas и Bit-Ada, воспроизведено на камнѣ Michaux, если вѣрять рисункамъ Мюнтера и Millin, въ видѣ стрѣлы пернатой, съ перьями въ началѣ дробка. И дротикъ и стрѣла указывали на одно и то же понятіе—на божество войны; но положеніе смертоноснаго оружія, обращеннаго оковечностью, остриемъ, жаломъ — къ низу, мы полагаемъ, означало женское божество. Между именами, упоминаемыми въ надписи Бит-Ада, находимъ имя божества *Iskhara*; въ заклинаніяхъ къ ней обра-

¹⁾ По крайней мѣрѣ суда по рисункамъ W. A. I., Мюнтера и Миллена. На фотографіяхъ Thompson'a очень трудно определять и разобрать число лучей. См. рве. табл. I, фиг. 20.

²⁾ Mûnter: *Mein Gipsabguss lässt aber keinen Zweifel übrig. Es ist ein Hundskopf. Relig. d. Babyl.*, p. 108.

³⁾ *Münter*: *Relig. d. Babyl.*, p. 109. *Sulpa usq, le messenger du soleil levant, l'étoile de Nebo «Mercure», Mélang, Syllab. II, p. 352.*

щаются съ слѣдующею мольбою: „да не услышитъ она его (нарушителя владѣнія) въ день битвы, богиня древнихъ обычаевъ“¹⁾.

Жезлъ съ раздвоенною вершиною выражаетъ дуализмъ, лунное начало, женственность, силу рождающую. Подобную эмблему усматриваемъ на тіарѣ богини, изображенной въ скульптурахъ Богас-Кеви, на скалахъ къ югу отъ Синопа, и на тіарахъ у женщинъ ея свиты²⁾. Колонны съ раздвоенною вершиною составляютъ характеристическую особенность храма Венеры Паосской, изображаемаго на монетахъ Кипра, вмѣстѣ съ голубями, служащими символомъ той же богини любящей и той же силы рождающей, женственной природы³⁾. Упомянутый жезлъ съ раздвоенною вершиною и сидящею на немъ птицею (по всей вѣроятности голубь), Münter слѣдуетъ съ эмблемою, нами воспроизведенною (фиг. 34) съ его же рисунка, повидимому выражавшею и въ Вавилонѣ, какъ и въ Египтѣ, понятіе жизни анх. Въ надписяхъ на камняхъ Нанкасъ и Мішаухъ упоминается божество Serah, или Si-gah, Ширахъ, имя котораго имѣетъ сходство съ именемъ богини Шеруха или Шеруи (женское начало, сопоставляемое основному божеству Ассурѣ) и съ корнемъ еврейск. зерахъ, ассир. zigû, зерно. Это имя (Сирахъ) въ надписяхъ оканчивается знакомъ, передающимъ понятія женственности, луннаго начала, раздвоенія, и произносимымъ гахъ⁴⁾; схожая фигура, произносимая гакъ, составляетъ идеограмму „женщина“. Божество Serah, или Nigba, считается богомъ жатвы и плодородія⁵⁾; къ нему относятся заклинанія: „чтобы Serah задушилъ его первороднаго (Нанкас); Serah да встрѣбитъ его первенца, да измучитъ онъ его тѣло и да скуетъ его ноги цѣпями (Мішаухъ), то-есть привелъ бы ноги въ неподвижность, лишилъ бы жизни. На камнѣ Мішаухъ, кромѣ того, въ началѣ надписи упоминается, что женихъ Tab-azar-Marduk, принимая приданное своей невѣсты, составилъ (написалъ) этотъ документъ въ память принятаго дара и совершившейся воли великихъ боговъ и бога Serah (то-есть

¹⁾ May Iskhara, the goddess of the ancient customs, not hear him in the battles. *Rec. of the Past IX*, 101.

²⁾ См. рис. прилож. къ статьѣ Малтаи и Базилъ, *eng. 20* и *Texier, Descript. de l'Asie Mineure I*, pl. 78 *sqq.*

³⁾ Münterъ указываетъ на это сходство символовъ и ссылается на монеты г. Аскалона, времени Тиберія и Домициана. *Relig. d. Babyl.*, p. 117.

⁴⁾ Cf. *Ménant Syllab. I*, 212 и 228, *JMB 155* и 269, II, 234, *JMB 268* и 269.

⁵⁾ *Leopmann, Bérose*, p. 126. Его аттрабутъ серахъ, *Magie*, p. 45, 46.

совершившагося брака). Изъ этихъ выраженій заключаемъ, что Segah, мужское божество, предстоялъ жизни, браку и родамъ.

Означенные три знака, собака, стрѣла и раздвоенный жезлъ съ голубемъ, сопоставленные вмѣстѣ на камняхъ Napkas и Bit-Ada, въ одну группу, передаютъ то представленіе, которое составило себѣ язычество объ основномъ, всеобъемлющемъ божествѣ, мировомъ духѣ: предвѣчный разумъ (Гермесъ, Небо), жизни податель (Segah) и разрушитель (божество войны Iskhaga). На камнѣ Mishnah эта триада разровнена: символъ Гермеса или Небо помѣщенъ на лѣво отъ престоловъ, у престоловъ Beltis и Nea (олицетворяющаго вѣчный разумъ); символъ Segah на право отъ нихъ у престоловъ Адара и Гули (олицетворяющихъ первый дуализмъ), и стрѣла Исхари въ нижнемъ ряду символическихъ знаковъ у престоловъ съ копьемъ Бел-Нипрут и съ оконечностью стрѣлы или перуномъ бога Бел-Мардукъ.

Послѣдніа два имени, какъ уже было нами объяснено выше, иногда замѣняютъ имена: Ану и Бел, двухъ божествъ основной триады, которымъ собственно и принадлежатъ два престола, здѣсь упомянутые—съ оконечностью копья и съ оконечностью стрѣлы (перуномъ); но, имя Мардукъ, Бел-Мардукъ, Марудукъ, обозначаетъ въ то же время особое божество, сливающееся съ общимъ попятіемъ божества Бел, трехъ-именнаго Ваала, и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльно поклоняемое и соответствующее Зевсу атмосферическому, а въ астральномъ мірѣ — планетѣ Юпитера. Его символомъ считаемъ ту птицу крупной породы, которая изображена на всѣхъ трехъ камняхъ, лежащихъ нашему изслѣдованію (Napkas, Mishnah и Bit-Ada), и въ которой узнаемъ Зевсова орла, символъ воздушнаго влѣнія, атмосферы, неба, облаковъ, бури и быстро летающихъ молній (фиг. 11). При самомъ старательномъ изученіи фотографій и изданныхъ рисунковъ (вѣроятно и подлинныхъ памятниковъ) весьма трудно опредѣлить съ точностью породу изображенной птицы. Насколько насъ поражаетъ въ скульптурахъ Ассиріи натурализмъ, живенность и естественность, или, какъ нигдѣ выражаются, реальность изображаемыхъ четвероногихъ, въ особенности льва и львицы, настолько же изумляетъ неумѣлость ассирійскихъ художниковъ въ изображеніи пернатыхъ¹⁾. Въ этой особенноти стили легко убѣдиться сличеніемъ

¹⁾ То же недоумѣніе относительно породы птицъ встрѣчаетъ и Минтеръ. Relig. d. Babyl., p. 116 sq.

орла или коршуна, изображеннаго на памятникахъ Мардукидинаки, съ изображеніемъ той же хищной птицы, тяжелой и мясистой, съ загнутымъ клювомъ и широко-разставленными когтями, сопровождающей на лету ассарійскія войска на скульптурахъ Ниневин, и служащей несомнѣнно символомъ божества, имъ покровительствующаго въ битвахъ ¹⁾. *Magduk* именуется въ надписяхъ царемъ неба и земли, владику въѣчности безконечной и безпредѣльной ²⁾.

Изъ остальныхъ пяти символическихъ знаковъ, изображенныхъ на тѣхъ же юридическихъ документахъ землевладѣнія, узнаемъ перуны атмосферическаго божества *Віп* или *Rimmon*, *Ramman*, составленные изъ двухъ волнистыхъ или ломаныхъ линий, исходящихъ изъ одного общаго короткаго стержня, рукояти или корня (фиг. 14). *Millin* считалъ эту фигуру за изображение двухъ рѣкъ, сливающихся въ одно устье (какъ, напримѣръ, Тигръ и Евфратъ); *Мюнтеръ* — за двухглавую змѣю ³⁾. Значеніе этого символа, какъ изображенія молніеносныхъ перуновъ, опредѣляется подобными же изображеніями на многихъ вавилонскихъ геммахъ, цилиндрахъ и на барельефахъ Ниневин ⁴⁾. *Мюнтеръ* уже былъ знакомъ съ подобными изображеніями на цилиндрахъ и сравнивалъ ихъ съ пнеагорейскимъ Υ (Υ Ψ Ω ν). Божество *Віп*, котораго имя нѣкоторые ассиріологи читаютъ *Vul*, *Rimmon*, *Ramman* (аккад. *Im* и *Mer-mer*), соответствуетъ греческому Гефесту (Вулкану). Въ ассирійской мифологіи его признаки имѣютъ сходство съ признаками божества Бел-Мардукъ. Римонъ также божество атмосферическое и владѣетъ громами и перунами, какъ *Мардукъ* ⁵⁾. Онъ именуется сыномъ бога Ану, верховный стражъ неба и земли, онъ насмѣляетъ бурю съ дождемъ и наводненія ⁶⁾. Въ грече-

¹⁾ *Thompson*, Brit. Mus. Assyr. antiqu. Part III, vol. I, Nimrud, еототраφειν №№ 386, 388, 395 и 399.

²⁾ *Records of the Past*, IX, pp. 96, 100, 106. Г. Ленорманъ переводитъ аккадическое имя этого божества *Amar-Utuk* — блескъ солнца, сияніе солнца, *Orig. de l'Hist.*, p. 255. *Ménant* приводитъ его эпитеты: *le Maître des oracles*, *l'étoile «Jupiter»*, *bibbu—l'étoile du chat*, *lubat guttav* (?), *кометъ быть — богъ звѣзды, звѣзды солнца*, *pidnu sa zeme—le sillon du soleil*, и его имени—*Mustardin* (пот. Арабы называютъ также планету Юпитера), *Kit, Gudibir* и т. д. *Syllab.*, p. 339, 353 и 361.

³⁾ *Misgebarten der Schlangen. Relig. d. Babyl.*, p. 126 sq.

⁴⁾ См. рис. прилож. къ ст. *Maltaia* и *Basian*ъ стр. 17, 18, 22.

⁵⁾ *Ménant*, *Syllab.* II, p. 342; *Sayce Gram. Syllab.* № 415. *Lenormant*, *Magie* 190. Ему посвящена звѣзда; оловѣ—богу Ану. *Comm. de Béroze* 96.

⁶⁾ *Rec. of. the Past*, IX, 96, 100, 107.

ской миеологии, онъ удался изъ атмосферы, и соответствуетъ бо-
гѣ Зевсу подземному, сокрылся въ горныя пещеры, гдѣ работаетъ
и только выдѣлываетъ перуны — для Олимпійца. Въ первой книгѣ
Илиады онъ самъ разказываетъ, какъ задумалъ было виѣшиваться въ
дѣла олимпійскаго Зевса, и какъ тотъ его схватилъ за ногу и вы-
швырнулъ изъ Олимпа (съ неба, изъ атмосферы); онъ полетѣлъ, къ-
льи день летѣлъ, и еле живой упалъ на островѣ Лемносѣ, гдѣ его
приняли къ себѣ люди Сянтійскіе. Съ той поры, хромой, но добрый
и веселый, онъ служить увеселеніемъ (посмѣшищемъ) и для прочихъ
боговъ ¹⁾. Его идеограмма означаетъ: dhabu — добрый, gabu — очень,
и выражаетъ понятія: вѣтеръ, воздухъ, дождь, буря, дыханіе, небо,
point cardinal, и приставляется къ названіямъ четырехъ странъ свѣта,
именовавшихся — erlu, сѣверъ, si-di, югъ, satra, востокъ, шагга, за-
падъ ²⁾.

Воздушное электричество обозначено на изучаемыхъ нами памят-
никахъ двумя способами: 1) въ видѣ двухъ ломанныхъ полосъ, на-
поминающихъ обычай нашихъ современныхъ художниковъ изображать
то же атмосферическое явленіе — зигзагомъ; и 2) въ видѣ оконечности
стрѣлы, похожей на ископаема стрѣлу каменнаго вѣка — фулгуриты.
Первый символъ относимъ къ божеству второстепенному Бину; вто-
рой, покоящійся на престолѣ, къ основному божеству Велу (ф. 9 и 14).

Соперникомъ въ любви Гефеста, является на Олимпѣ величавый
Аресъ (Марсъ), богъ войны. Ему соответствуетъ ассирійское имя
Nirgalu — левъ, и въ небѣ кровавая звѣзда šimut, nibe anu ³⁾, пла-
нета Марса. Мы замѣтили уже ранѣе сродство этого божества съ
Адаромъ (Сатурномъ); въ надписи Bit-Ada, къ нему относятся эпи-
теты: божество оружія и стрѣлы; и въ той же надписи упоминается
кругое божество войны — Zamaš, именуемый „царь битвы“. Изъ сим-
волическихъ знаковъ, изображенныхъ на трехъ камняхъ, нами изу-
чаемыхъ, первому божеству (Nirgalu) мы приписываемъ скорпіона,
symbolum mortis, какъ его называютъ Мюнтеръ ⁴⁾, а второму (Za-
maš) — вырванную на камняхъ Hankas и Bit-Ada боевую булаву (фиг.

¹⁾ Илиада I, 590 sq.

²⁾ Mélanet Syllab. II, 356.

³⁾ Le dieu de Chuta (II Rois, XVII, 30), le Dieu des Lions, du bien, l'étoile rouge «Marš». Mélanet, Syll. 343, 354. Le Dieu de la mort Lenormant, Orig. de l'Hist., p. 257.

⁴⁾ Relig. d. Babyl.. p. 116.

10 и 13). Подобная же булава весьма часто изображается, на ассирийскихъ скульптурахъ въ рукахъ боговъ и царей, вѣроятно, какъ знакъ ихъ царственнаго сана; а жало скорпиона скорѣе соответствуетъ оружію и стрѣламъ бога Nîrgali: такимъ образомъ, избранные символы совпадаютъ съ эпитетами, присвоенными божествамъ въ надписи, въ которой Zamaî именуется царемъ, а Nîrgal богомъ оружія. На кругломъ жертвенникѣ Лувра ¹⁾, скорпионъ, какъ знакъ зодіакальный, сопоставленъ съ волчицею Марса и за нимъ слѣдуетъ стрѣлецъ и собака Діаны. У Римлянъ богу войны былъ посвященъ мартъ мѣсяць ²⁾. У Ассирянъ, по рошсканіямъ г. Lepoint ³⁾, мѣсяць Арахшамна (октябрь-ноябрь) соответствовалъ знаку скорпиона и былъ посвященъ богу Мардук; слѣдующій мѣсяць Кислиивъ (ноябрь-декабрь)—анакъ стрѣлы или стрѣльды и посвященъ Ниргалу (Марсу): но, почтенному ученому имъ должни вѣрить на слово, не находя у него доказательства. Достоверно только то, что наши знаки зодіака, заимствованные у Римлянъ, почти всѣ встрѣчаются, отдѣльными фигурами, и на цилиндрахъ Вавилона; но къ которому мѣсяцу и къ которому соизвѣдію каждый изъ нихъ отнесется, едва ли съ точностью опредѣлено.

Въ числѣ божествъ, упоминаеть въ надписи Bit-Ada—Turda, хранитель идоловъ великихъ боговъ; ему же препоручаются и выходные двери у частныхъ жилищъ во время ночи ⁴⁾. Къ ночному стражу кладовыхъ и дверей всего приличнѣе отнести восемнадцатый символическій знакъ, впрѣзанный на камняхъ Michaux, Hankas и Bit-Ada, въ которомъ, по свидѣтельству Мюнтера, г. Гезеніусъ совершенно вѣрно и справедливо узналъ изображеніе древней лампы, свѣточа ночи, употреблявшейся, какъ нашъ фонарь, для осмотра кладовыхъ, подземныхъ сокровищницъ, тезавровъ и тому подобныхъ складовъ ⁵⁾. Zamaî и Turda малозвѣстныя божества. Мы не знаемъ съ достоверностью, какое соотношеніе имѣетъ божество Турда съ ботами Ungal-Turda (царь—Турда) Lougal-Turda и Saturda. О послѣднемъ развѣ-

¹⁾ Clugac, Mus. de Louvre, pl. 171.

²⁾ Въ вѣвекѣ. 3-мъ изд. Millin, Mythol. Galler., 1848 г., на томъ же памятникѣ Лувра, скорпионъ отнесенъ къ повозкѣ, стрѣлецъ къ декабрю, какъ и въ нашихъ календаряхъ, pl. 29. fig. 88, 1, ш.

³⁾ Orig. d. l'Hist., изд. 1860 г., p. 144.

⁴⁾ May Turda, the Keeper of the images of the great gods, walking in the right ways of the gods, besiege his door during the night. Rec. of the Past IX, 101.

⁵⁾ Relig. d. Babyl., p. 119; см. рис. табл. I, фиг. 12.

зываютъ, что во время его стражи ночной, онъ укралъ у Ваала его царскія одежды, корону, шпiшiмi (?), и хотiлъ воцариться. Этотъ великiй грѣхъ Сатурна былъ обнаруженъ другими богами, онъ же съ отчаянiя превратился въ Zu, птицу бури ¹⁾).

Остается послѣднее божество, упоминаемое въ надписяхъ, Malik, и послѣднiй символическiй знакъ, изображеннiй на камняхъ Napkas и Bit-Ada (фиг. 16). Онъ представляетъ раздвоенную вершину жезла, жезла глашатая или какого либо посоха. Верхня часть жезла, древна, образуетъ какъ бы хвостъ фигуры, направленный къ низу; отъ него къ верху выдвигаются два рога или отрога, увеличанные по концамъ головами двухъ злыхъ звiрей съ раскрытою пастью, взирающихъ въ противоположныя стороны, двухъ львовъ, драконовъ или иныхъ фантастическихъ чудовищъ. Тройственность въ изображенiи фигуры (состоящей изъ хвоста и двухъ отроговъ), по всей вiроятности, обозначена не безъ цѣли. Такая тройственность частей и самый способъ расположенiя напоминаютъ архангелескую форму посоха, кадуцея Гермеса (Меркурiя), воспроизведенную на рисункахъ, приложенныхъ къ нашимъ изслѣдованiямъ о символахъ на скалахъ Бавiана ²⁾. Имя Malik, на семитическихъ языкахъ, означаетъ царя или царствующаго, какъ и другiя имена божествъ, производима отъ того же корня—Молохъ, Милькомъ, Мелкартъ и т. д., ииющiя болѣе или менѣе близкое отношенiе къ основному божеству, единому, первобытному, общезвѣстному и всеобъемлющему, или къ его высшему проявленiю въ природѣ—солнцу (Hercules, Saturnus et Sol). Таково, между прочимъ, божество — тройственнiй Гермесъ, 'Ερμῆς Τριτάτος, по всей вiроятности олицетворявшее предвѣчный разумъ. Если послѣднiй символическiй знакъ отнести къ этому божеству, то въ таблицахъ Napkas и Bit-Ada понятiе Гермеса (Меркурiя) распадается на два представленiя: 1) Гермеса подземнаго, φοῦσκουπῶς, египетскаго Anubis и 2) Гермеса небснаго, олимпiйскаго, египетскаго Thot. Къ первому, водителю душъ умершихъ въ преисподнюю, ведущему и представляющему ихъ къ загробному страшному суду, относится, какъ и въ Египтѣ, символъ—собака или шакалъ, выше нами упомянутый и указанный; ко второму, богу разума и науки, покровителю книгъ, со-

¹⁾ Mélanet, La Biblioth. du palais de Ninive, p. 137, 138. Lenormant, Orig. de l'Hist. 117; Magie. 127.

²⁾ Ж. М. Н. Пр. 1880 г. сент. сѣт. сѣт. 14, также Mullin, Mythol. Gall. гланде. 3 изд. № 30.

кретарю боговъ, исполнителю и провозгласителю ихъ воли, слѣдуетъ отнести извѣстный намъ символъ — раздвоенный жезлъ, скипетръ, или кадуцей, образующій при его начертаніи тройственную фигуру, если считать стержень жезла (хвостъ къ низу) и два отрога.

На камнѣ Місхаух послѣдняго указаннаго символическаго знака — жезла или кадуцея, не имѣется; не имѣется и другаго знака, обозначающаго на камняхъ Нанкас и Вит-Ада божество Замал — ручной булавны. Эти два знака, на камнѣ Місхаух, зацѣплены головами двухъ фантастическихъ животныхъ, чудовищ¹⁾, какъ будто бы жезлъ божества Малік раздвоился и изъ двухъ его отроговъ образовались два самостоятельные символа, обозначающіе на камнѣ Місхаух два отдѣльныя божества: царя битвы Замал и царя Малік.

Голова первого чудовища (табл. IV, фиг. 46) изображаетъ голову и клювъ птицы, орла, астреба или пѣтуха, совершенно похожую на изображеніе, въ барельефахъ Ассиріи, того божества крылатаго, съ тѣломъ человѣка и съ орлиною головою, которое ассиріологи долго считали за божество Насрохъ, упоминаемое въ Вѣблии²⁾. Подобное изображеніе имѣется у насъ въ С.-Петербургѣ, между ассирійскими барельефами Эрмитажа, и въ Британскомъ музеѣ (фотографія Thompson'a Brit. Mus. № 355) съ большою надписью на барельефѣ (standard inscription). Перья, стоящія дыбомъ на хребтѣ чудовища, какъ перья или щетина у птицъ и животныхъ раздраженныхъ, и клювъ хищной птицы, указываютъ на божество битвы, на геній бури и борьбы.

Голову другаго чудовища (фиг. 47) съ раскрытою пастью, судя по формѣ ушей, едва ли можно считать львиною, какъ полагалъ Монтеръ. Скорѣе слѣдуетъ ее признать повтореніемъ въ другомъ

¹⁾ Монтеръ ихъ считаетъ за рыби, Relig. d. Babyt., p. 121, №№ 9, 10, но съ рыбами она не имѣютъ ни малѣйшаго сходства.

²⁾ Nisruk; des monuments figurés le représentent avec une tête d'aigle sur un corps d'homme, et quelquefois avec 4 ailes déployées. Mémoires Syllab. II, p. 341. Le génie à corps d'homme, muni de 2 grandes ailes et d'une tête de percnoptère, dans lequel on a cru pendant quelque temps reconnaître la figure du dieu Nisruk, en vertu d'une fautive interprétation de son nom, qui en faisait un dieu oiseau. Lenormant. Comm. de Béroze, p. 135. Имя Nisruk производимъ отъ nisr орелъ. Не подлежитъ сомнѣнію существованіе такого божества у Ассиріанъ, такъ какъ оно указано въ Вѣблии; но его имени въ ассирійскихъ текстахъ еще не нашли. G. Lenormant называетъ génie à tête de percnoptère Natgi, Nattiq «Destructeur» Ib., p. 137.

видѣ символа Анубиса. Такимъ образомъ символъ Гермеса снова раздвоился и на камнѣ Мисаихъ усматриваемъ цѣлую триаду воспродолжающую одно и тоже божество, а именно: 1) Гермеса, соответствующаго первому фазису върваній, изображеннаго въ видѣ молчаливаго или воющаго стража ночи, возвѣщающаго смерть, божество подземное, Анубіс или Nebo, Nabu; 2) Гермеса втораго фазиса, Гермеса борьбы, царя битвы, войсковаго глашатая, герольда — *xūroš*, представление, которое повидимому сливается съ понятіемъ о божествѣ Zamaš и 3) Гермеса атмосферическаго или астральнаго, производителя воли боговъ, пророка, къ которому относимъ имя Malik и изображение чудовища съ раскрытою пастью, какъ будто бы говорящее, возвѣщающее что либо тайное и загадочное¹⁾. Въ надписяхъ Nebo именуется „верховный стражъ, исполнитель воли боговъ“, онъ охраняетъ грани, даруетъ счастье или насылаетъ разореніе²⁾.

Престолы, изображенные на трехъ памятникахъ эпохи Мардукдинакхи, нами описанныхъ, не отличаются значительно одинъ отъ другаго, по своей формѣ. Кубъ составляетъ ихъ основаніе; на него возложена подушка, для сидѣнія или для помѣщенія регалій и священныхъ предметовъ, служащихъ символами божествамъ. Передняя сторона куба, обращенная къ зрителю, у пяти престоловъ на камнѣ Бит-Ада, украшена орнаментомъ прямолинейнымъ, состоящимъ изъ пяти прямоугольниковъ, вписанныхъ одинъ въ другой. На камнѣ Напкасъ каждый изъ изображенныхъ престоловъ убранъ двумя прямоугольниками, съ филиченатою рѣзбою въ родѣ нашихъ комнатныхъ дверей или шкаповъ (фиг. 22). На камнѣ Мишо, судя по рисункамъ Мюнтера и Миллина, у престоловъ Ану и Валъ, въ нижнемъ ряду символическихъ знаковъ, двѣ полосы съ филиченатою рѣзбою служатъ убранствомъ; у верхнихъ четырехъ престоловъ надъ ними—

¹⁾ Г. Mépant указываетъ на сходство признаковъ божества Nebo и бога Вн, бога атмосферы и бури; акад. или Мермер объясняется въ ассир. табличкахъ идеограммами Вн и Nebo: W. A. I. II, pl. 48, 35 и pl. 60, 37. Syllab. p. 342.

²⁾ Имя Nabu производятъ отъ nabi, пророкъ, и nebah latravit, Latrator Anubis, Mûnter, Rel. d. BabyI. 109. May Nabu, the supreme Watcher, the supreme Minister, the holy minister of the gods, strike him with misfortune and ruin, and blast his happiness, overthrow the surface, circumference and limits of his properties. May Malik, the great Master of Heaven, Gara anna, whilst he sins, cause him to be slain in the act. Records of the Past IX, 96, 100, 101. 107. Въ эти качества сравнимы къ греч. Гермесу.

во три такія же полосы (фиг. 23 и 24). Цѣль прибавленія указанныхъ нами орнаментовъ, полагаемъ, чисто эстетическая: имѣлось въ виду горизонтальными и вертикальными полосами придать разнообразіе плоской и гладкой поверхности куба. Такой орнаментъ отличается весьма примитивнымъ характеромъ, едва ли имѣлъ какое либо символическое значеніе, напоминаетъ извѣстное украшеніе изъ вертикальныхъ и горизонтальныхъ полосъ на саркофагѣ Микерина, погибшемъ въ волнахъ у Гибралтара, отъ котораго сохранились только рисунки ¹⁾, и подобную же систему украшеній, не скульптурную, но живописную, можно видѣть въ Импер. Эрмитажѣ, на деревянномъ саркофагѣ Ати (Атаи), туда перенесенномъ въ недавнее время изъ Академіи Наукъ ²⁾.

Кромѣ престоловъ, сгруппированныхъ въ одно мѣсто, около основнаго символическаго знака, змѣя, и триады астральной, помѣщенной на вершинѣ каждаго камня, въ центрѣ образуемаго ею сегмента шара, остальные знаки разбросаны довольно произвольно по поверхности того же сегмента. На в. Bit-Ada изображены:

Въ нижнемъ ряду — сивв. Anu, Hea, Bel и змѣя; за тѣмъ, въ томъ же ряду — сивв. Adar, Gula, и триада Nebo, Serah, Ishara. Во второмъ ряду надъ ними семь символическихъ знаковъ — Nirgal, Marduk, Turda, Zamal, Bin, Beltis и Malik.

Въ центрѣ сегмента — Sin, Samas, Istar.

На камнѣ Нанкас видимъ иное расположеніе (поступая не на встрѣчу, но по направленію фигуръ):

Въ нижнемъ ряду, на передней сторонѣ камня — сивв. Adar, Gula, Hea, Zamal, Marduk и потомъ змѣя.

Въ томъ же ряду съ боковъ и по задней сторонѣ камня — сивв. Anu, Bel, триада Nebo, Ishara, Serah и Bin.

Во второмъ ряду подъ ними — сивв. боговъ Malik, Nirgal, Beltis и Turda.

Въ центрѣ круга — Sin, Samas, Istar.

На камнѣ Misbaux: Въ нижнемъ ряду, начиная отъ змѣи — сивв. Anu, Bel, Bin, Ishara.

Во второмъ ряду — сивв. Gula, Adar, Hea, Beltis, триада Nebo, Malik, Zamal, знаки Marduk, Serah, Nirgal и надъ ними Turda.

Въ центрѣ сегмента — Sin, Samas, Istar.

¹⁾ Прахова, Зодч. древн. Египта, 1880 г., pl. I, fig. 1 и 1a.

²⁾ Libelin, Die Aegypt. Denkm. in St.-Petersburg. Urtheil. 1873 г., p. 44, № 66.

На камнѣ Бит-Ада, между символическими знаками помѣщены мелкія надписи: онѣ не имѣютъ никакого отношенія къ знакамъ, и касаются условій второстепенныхъ договора, которыя почему либо не могли быть включены въ его текстъ, на четырехъ его столбцахъ по бокамъ камня.

Сличать указанна нами 19 божествъ съ цикломъ олимпійскихъ боговъ было бы не умѣстно, уже потому, что ихъ число превышаетъ число, опредѣленное для этого цикла. Очевидно, что при выборѣ божествъ для нашихъ символическихъ таблицъ, приняты были нѣкоторыя основанія, нежели въ выборѣ 12-ти властвующихъ на Олимпѣ. Впрочемъ, и въ греческомъ пантеонѣ многія божества не вошли въ составъ Олимпійскаго цикла, таковы напримѣръ: подземныя божества Гадесъ и Персефона; Гебе, Эосъ, Гелиосъ; Панъ и столь прославленный Дионисъ-Вакхъ. Ассириологи также указываютъ на циклъ 12 великихъ божествъ въ Ассиріи и Халдее, не соответствующій, однако же, Олимпійскому и составленный изъ монады, триады, семи планетъ и богини Белтисъ. На трехъ памятникахъ Халдеи, нами изучаемыхъ, къ этому циклу присоединены другія божества и принята въ основаніе иная система перечисленія. Что же касается до совпаденія числа 19 божествъ, обозначенныхъ на символическихъ таблицахъ Мардукъ-един-акхи, съ общей суммою дней недѣли и мѣсяцевъ въ году, семи планетъ и знаковъ зодіака, то слѣдуетъ замѣтить, что даже у народовъ новаго времени сохранилось воспоминаніе о распределеніи дней недѣли въ соответствіи съ семью небесными свѣтилми, извѣстными древнему міру; и такое распределеніе, легко можетъ быть, намъ досталось, какъ наслѣдіе отъ древней Халдеи, прославленной своими астрономическими и календарными вычисленіями ¹⁾. По показанію г. Менана, зодіакъ, именуемый „путемъ солнца“, аз-ги, у Ассиріянъ былъ раздѣленъ на 12 частей; раздѣленіе основано на измѣненіяхъ и видахъ луны; каждой изъ 12-ти частей соответствовало одно изъ созвѣздій, посвященныхъ великимъ богамъ. Такимъ образомъ дни соответствовали планетамъ, а знаки зодіака — созвѣздіямъ. Но имена этихъ созвѣздій недостаточно еще выяснены и представляютъ значительныя затрудненія при ихъ чтеніи ²⁾. При такомъ положеніи

¹⁾ Дни, по всей вѣроятности, были посвящены: Солнцу (Sonntag, Sunday), Лунѣ (Lundi, Montag, Monday), Марсу (Mardi, Martis dies), Меркурию (Mercredi, р. Mercurii), Юпитеру (Jeudi, Jovis dies, Donnerstag), Венерѣ (Vendredi, Venaris dies) и Сатурну (sabbatum, Saturday, Saturni dies).

²⁾ *Ménot, Syllab. II, 355*

дѣла, едва ли возможно безошибочно опредѣлить, въ настоящее время, соотношенія мѣсяцевъ и дней съ божествами Халдеевъ и знаками ихъ зодіака ¹⁾).

Изъ свѣдѣній, нами изложенныхъ, о религиозныхъ вѣрованіяхъ древнихъ Вавилонянъ, усматривается, что ихъ божества не имѣли характера столь опредѣленнаго, обособленнаго, индивидуальнаго, какой позднѣе присвоены былъ каждому божеству греческаго пантеона. Божества Халденъ часто выражаютъ общія понятія: богъ, владыка, царь, богиня, природа; одно божество нерѣдко замѣняетъ другое, ихъ признаки часто сливаются. Въ трехъ символическихъ таблицахъ, нами описанныхъ, мы не замѣчаемъ столь же строго-систематически, такъ сказать, симметрически выработанной теософемы, каковую указали, въ другомъ нашемъ изслѣдованіи, изображенную на скалахъ Бавіана близъ Ниневіи; на таблицахъ Мардукиднакхи символическіе знаки разбросаны произвольно, безъ опредѣленнаго порядка. Тѣмъ не менѣе, между ними замѣчаемъ группы, повторяющіяся на каждомъ изъ трехъ памятниковъ, и въ нихъ узнаемъ довольно точно установившіяся понятія и представленія. Группы составлены преимущественно изъ триадъ, и повторяютъ, съ незначительными отступленіями, одни и тѣ же основанія. Приведемъ въ короткихъ словахъ перечень этихъ триадъ; такое перечисленіе намъ послужитъ, въ то же время, выводомъ изъ предидущихъ высканій, гѣвшѣ. На символическихъ таблицахъ Мардукиднакхи мы усматриваемъ:

1. Основное божество Вавилонянъ, первобытную ховаду, бога Илу, съ характеромъ злаго и дѣстиваго божества — змѣя. Этотъ символическій знакъ бросается въ глаза по своему значенію и своей величинѣ; около него группируются остальные.

2. Діаду, Адара и Гулу, олицетворяющихъ первобытныи дуализмъ. Загѣчательно, что символами этой основной пары избраны короны, вѣнцы, тиары владычества, *age biluti*; и дѣйствительно, не только на территоріи Вавилона и Ассирии, но во всей западной Азіи мы замѣчаемъ господство кровожаднаго и развратнаго культа Кроноса и Рея, съ его мистеріями, волшебствами, и поклоненіемъ подземнымъ богамъ. Здѣсь родина и царство этого фанатическаго, испугленнаго

¹⁾ Указаніе знаковъ зодіака, мѣсяцевъ и боговъ, которыхъ, полагаютъ, были посвященъ и тѣ и другіе, помѣщено въ *Leopoldant*, Orig. de l'Hist. еад. 1880 г. р. 140 sqq. Меланъ (Syllab. II, 368) приложилъ къ своему изданію списокъ мѣсяцевъ и ихъ монограммъ.

культы: основное, полузабытое божество Илу принимаетъ отчасти тотъ же характеръ, змѣнный образъ, и тѣмъ же характеромъ запечатлѣно, какъ мы знаемъ изъ исторіи, господствующее божество Бел или Вааль, въ которомъ Греки узнають, по всѣмъ признакамъ, своего Зевса, но котораго иногда считаютъ и за Кроноса.

Далѣе мы видимъ:

3. Основную восьмическую триаду, царствующую, составленную изъ божествъ: Ану, Хеа, Бел, раздѣлившихъ между собою власть надъ вселенною, и къ нимъ присоединено—

4. Основное женское божество, природа рождающая, именуемое: Белгисъ, великая мать боговъ. Далѣе—

5. Соответствующую тѣмъ же силамъ астральную триаду, Sin, Samas, Istar, солнце, мѣсяцъ и звѣздный міръ.

6. Триаду, такъ сказать идеальную, абстрактное понятіе о божествѣ: предвѣчный разумъ, жизнь и разрушеніе—Nebo, Segah, Iskhara.

И въ остальныхъ шести символическихъ знакахъ мы узнаемъ опять же триады:

7. Bin, Nirgalu и Marduk.

и 8. Turda, Zamal, Malik.

Bin, или Vul, въ указанной здѣсь триадѣ соответствуетъ первому фазису вѣрованій, божеству первобытному, удаленному въ преисподнюю, въ вѣчный мракъ, божеству подземному, какъ и въ Греціи Вулканъ, богъ пещерный, богъ огненной стихіи, коваль металла, обитающій въ кратерѣ Этны, составляющій, въ сущности, перерожденіе Аида, и его замѣняющій на греческомъ Олимпѣ. Тому же фазису вѣрованій соответствуютъ, въ предыдущихъ указанныхъ нами триадахъ, божества: Ану (Аидъ); Sin, мѣсяцъ, свѣтило ночи; Nebo (Anubis) и его собака, и то же понятіе намъ напоминаетъ свѣточъ ночи, лампа хранителя сокровищъ Турды, показаннаго въ послѣдней триадѣ.

Второму фазису вѣрованій соответствуютъ въ тѣхъ же триадахъ: Хеа, представитель водянаго культа; Istar, олицетвореніе начала женственности; Nirgalu, Iskhara, Zamal олицетворяющіе принципъ борьбы и смуты.

Къ третьему фазису, къ царственному поколѣнію боговъ, относимъ Samas, солнце, видимое проявленіе этой силы; живедателя Segah и божества—Bel, Marduk и Malik.

При томъ же выборѣ и расположеніи символическихъ знаковъ проявляются вѣны триады, такъ сказать, параллельныя или перекрестныя, повторяющія тѣ же основныя понятія; изъ нихъ мы уже

указывали: триаду историческую — Пу, Adar, Bel; триаду женскихъ божествъ — Anat (Gula), Belit, Istar; триаду Гермеса — Nebo, Zamall, Malik; укажемъ еще триаду борьбы — Nirgalu, Iskhara, Zama; и триаду господства — Bel, Marduk, Malik.

Едва ли самая дѣйствительная фантазія въ состояніи была бы отыскать въ знакахъ непонятныхъ, изваянныхъ на камнѣ безъ объяснительнаго текста, и повидимому разбросанныхъ въ безпорядкѣ, столь стройную систему понятій и представленій, какую мы указали, если бы эти понятія не заключались дѣйствительно въ изображенныхъ символическихъ знакахъ, если бы художникъ, при самомъ ихъ начертаніи, не вложилъ въ нихъ опредѣленнаго смысла и не позаботился самъ о томъ, чтобы каждый изучающій его твореніе и размышляющій мочь, по разнымъ примѣтамъ, возстановить тотъ рядъ представленій, который художникъ имѣлъ въ виду. Значеніе и выборъ символическихъ знаковъ на изучаемыхъ нами трехъ памятникахъ, по всей вѣроятности, не составляли плода минутнаго вдохновенія и каприза; художникъ, изобразившій знаки на камнѣ, рѣзчикъ, харапш¹⁾, относился довольно свободно къ ихъ выбору, безъ затрудненія замѣняя одинъ символическій знакъ другимъ и видоизмѣняя ихъ взаимныя положенія; на различныхъ памятникахъ, смотря по надобности, для выраженія и усилія того или другаго абстрактнаго понятія и даже отбѣива представленій. Такое отношеніе художника къ имѣющемуся подъ рукою матеріалу нельзя объяснить иначе, какъ предположивъ существованіе обширнаго запаса символовъ, цѣлаго лексикона условныхъ знаковъ, давно употребительныхъ, общепринятыхъ, общезнаемыхъ по ихъ смыслу, и которые составляли результатъ продолжительныхъ умственныхъ спекуляцій, многолѣтнихъ, вѣковыхъ соображеній, со стороны ученыхъ жреческихъ корпорацій, надъ народными вѣрованіями и преданіями. Художникъ, передавшій намъ на камняхъ Мардук-иднакки, идеи и преданія древней Халдеи, повидимому хорошо владѣлъ этою іероглифическою азбукою, этимъ, такъ сказать, образнымъ, фигурнымъ языкомъ пластики.

Въ заключеніе считаемъ обязанностью просить извиненія у благосклоннаго читателя, если онъ имѣлъ терпѣніе прослѣдить до конца

¹⁾ Такъ, по свидѣтельству Виблія, именовался въ то время первоклассный художникъ, «мудрый сердцемъ, хакам-лебъ», ему обильно платили за то, чтобы онъ резалъ узоры на золотѣ, серебрѣ, на мѣди и на стали или желѣзѣ, на камнѣ и на деревѣ. Нех. 35, 35; 36, 1; 1; Рег. 7, 14.

наше изслѣдованіе, извиненія въ томъ, что потратили мы столько труда, и похитили у самаго читателя столько драгоценнаго времени, на объясненіе и по возможности точное опредѣленіе смысла какакихъ-то знаковъ или значковъ, изображенныхъ на камняхъ, брошенныхъ и валяющихся въ поляхъ, откуда они доставлены въ музеи Европы пытливыми путешественниками, охотниками до всякаго куріоза. Намъ представлялось это изслѣдованіе весьма важнымъ, и вотъ по какимъ причинамъ:

Въ исторіи искусствъ, наукъ, весьма занимательной, излагающей въ исторической послѣдовательности постепенное развитіе художественной пластической формы у всѣхъ народовъ земнаго шара, развитіе, поражающее своею стройностью и правильностью, излагающей и различныя приемы, употреблявшіеся великими художниками для выраженія абстрактныхъ идей, психической жизни своего народа и современниковъ, всего пережитоваго и передуманнаго; а также и въ археологіи, какъ наукѣ о памятникахъ, о ихъ значеніи, о содержаніи имѣющихся на нихъ изображеній, невозможно разсудительно толковать о какомъ бы то ни было художественномъ произведеніи, не понимая его вполне; невозможно, напримѣръ, объяснять картину или барельефъ, не зная и не понимая всего на нихъ изображеннаго. Если художникъ изобразилъ на картинѣ или рельефѣ какую либо фигуру, надо же знать, съ какою цѣлью онъ ее изобразилъ, какой смыслъ она имѣетъ; иначе изслѣдователь или излагатель науки будетъ толковать о томъ, чего самъ не понимаетъ.

Проникая въ глубь вѣковъ, приближаясь къ источникамъ и начаткамъ искусства, мы встрѣчаемъ на весьма многихъ барельефахъ Ассиріи символическіе знаки, подобныя тѣмъ, объясненію которыхъ мы посвятили настоящее изслѣдованіе. Въ ассирійской скульптурѣ подобныя знаки попадаются чаще, нежели на барельефахъ греческихъ и римскихъ. Пониманіе ассирійской скульптуры было бы не полно, если бы не былъ найденъ ключъ къ истолкованію этихъ второстепенныхъ, придаточныхъ эмблемъ и знаковъ. Мы полагаемъ возможнымъ отыскать ключъ къ объясненію такихъ символовъ, избравъ двѣ или три таблицы, на которыхъ наиболѣе ихъ изображено, для внимательнаго ихъ изученія и изслѣдованія. На сколько успѣли мы приблизиться къ предназначенной себѣ цѣли, предоставляемъ судить читателю.

Объясненіе символическихъ знаковъ на трехъ памятникахъ эпохи Мардукидинавхи насъ ознакомило съ весьма любопытными данными,

касающимися религиозныхъ вѣрованій народовъ, обитавшихъ Ассирію и Халдею, имѣющими, въ то же время, прямое отношеніе и къ вѣрованіямъ древнихъ Грековъ и Римлянъ, и вообще къ вѣрованіямъ всѣхъ народовъ древняго языческаго міра. Подобныя изслѣдованія, мы полагаемъ, не бесполезны и для объясненія символическихъ знаковъ, часто встрѣчаемыхъ на вавилонскихъ цилиндрахъ, печатахъ и геммахъ, и на многочисленныхъ памятникахъ классическаго искусства, и даже для нумизмата, при объясненіи необъятнаго числа, иногда крайне замысловатыхъ эмблемъ и знаковъ, попадающихся на древнихъ монетахъ и медаляхъ ¹⁾.

Въ развитіе основной нашей мысли и въ видѣ опыта примѣненія на дѣлѣ результатовъ нашего изслѣдованія, приведемъ нѣсколько прихѣровъ изъ той же области памятниковъ, въ обломковъ, найденныхъ въ долинѣ Тигра и Евфрата.

Въ Британскомъ музеѣ, въ отдѣленіи ассирійскихъ памятниковъ, хранится плоскій камень, темнаго цвѣта, съ надписью, относящеюся къ древнѣйшимъ царямъ Халденъ, съ изображеніемъ знакомыхъ намъ трехъ престоловъ, съ тѣми же символическими животными передъ ними и съ тѣми же на нихъ символическими знаками: кошемъ Ану, оконечностью стрѣлы или перуномъ Ваала, со змѣей божества Хеа и присвоеннымъ ему быкомъ или козломъ. Работа—довольно отчетливая, но въ стилѣ нѣсколько болѣе арханческаго, нежели на памятникахъ эпохи Мардукидинакки. Этотъ любопытный образчикъ рѣзнаго искусства Халдеевъ свидѣтельствуетъ, что тѣ же самые символы были въ употребленіи за долго до эпохи Мардукидинакки, и что въ ихъ изображеніи не допускалось значительныхъ перемѣнъ ²⁾.

Въ томъ же изданіи гг. Опперта и Менана, на которое мы уже имѣли случай сослаться: *Documents juridiques de l'Assyrie et de la Chaldée* (изд. 1877 г. gr. 8°, p. 129), напечатанъ рисунокъ, снятый съ бѣлой каменной плиты, найденной покойнымъ G. Smith'омъ на берегу Тигра, напротивъ Багдада, и привезенной имъ въ Англію. Из-

¹⁾ Разумѣется, было бы крайне неумѣстно приписать тѣ же основанія къ объясненію змѣрей и чудовищъ, изображенныхъ на стѣнахъ Дмитровскаго собора въ г. Владимірѣ и готическихъ церквей Германіи, а также въ миниатюрахъ средневѣковыхъ манускриптовъ, хотя и въ нихъ, можетъ быть, отразились отдаленные отголоски и воспоминанія о преданіяхъ и символахъ древней Халдеи.

²⁾ *Thompson, Brit. Mus. photographs* № 573. Three stones, with inscriptions relating to the early Chaldaean kings. Мусеумъ. Безъ означенія года.

датель и называютъ плиту: *Stèle de Bagdad, Inscription de Marduk-habal-idin*. Время царствованія этого властителя трудно опредѣлить; плита имѣетъ $1\frac{1}{2}$ аршина вышины; на одной ея сторонѣ, въ трехъ горизонтальныхъ полосахъ, изображены различныя символическія знаки, на оборотѣ помѣщена надпись. Плита сильно повреждена и рисунокъ, съ нея снятый, исполненъ весьма неудовлетворительно. Это обстоятельство крайне затрудняетъ точное опредѣленіе всѣхъ изображенныхъ фигуръ и полное ихъ объясненіе. Ошибки, при такихъ данныхъ, въ толкованіи, почти неизбежны. Въ нижней полосѣ, въ основаніи всѣхъ изображеній, лежитъ змѣя, имѣющая сходство съ символомъ бога Илу, вырѣзанномъ на камнѣ *Bit-Ada*, но въ стилѣ, болѣе ахальскомъ, и съ двумя рогами на головѣ. Это божество, конечно, легло въ основу новой религіозной системы, въ ту отдаленную эпоху умственного броженія, о которой мы упоминали, и было причиною перваго раздвоенія вѣрованій; такое его значеніе и выражено двумя его рогами. На его хребтѣ узнаемъ быка съ поднятою ногою, символъ божества Хеа, и на спинѣ животного — присвоеннаго тому же божеству змѣя или дракона; но престола нѣтъ между быкомъ и дракономъ бога Хеа. Престоламъ придаютъ болѣе изыщества и законченности символическимъ группамъ; но, вѣдво, не всегда употреблялись. Позади этого символа стоитъ грозный сфинксъ или крылатый левъ, съ развернутою пастью. Мы различаемъ, такимъ образомъ, первую триаду, которую составляютъ: *Ilinoš*, *Aos* и неизвѣстное намъ божество, сфинксъ.

Во второй полосѣ узнаемъ животное съ двумя рогами божества Ану или Бел-Напрут, съ его же копьемъ на спинѣ; но безъ престола, котораго не показано и при символѣ бога Хеа. Далѣе лежитъ четвероногое, котораго породу невозможно опредѣлить; на его спинѣ изображены перуны Вина или бога Бел-Марду, Зевса атмосферическаго, въ видѣ двухъ извилистыхъ или ломаныхъ полосъ. Далѣе птица на подставѣ; подставка обломана, вѣроятно была раздвоенная, и воспроизводила символъ божества Сирах. Такимъ образомъ усматриваемъ вторую триаду, *Anu, Segah, Bel* (или *Bin*), позади которой изображенъ совершенно новый для насъ символъ — высокая пирамида уступами, которой вершина проникаетъ въ третью, верхнюю полосу символическихъ знаковъ. На послѣдней, верхней полосѣ, изображена триада Гермеса: собака божества Небо съ хвостомъ, загнутымъ спиралью, и два чудовища камня *Misbauh*, изображающія божества Малик и Загал. Выше надъ ихъ головами: Сии, Салас, Иштар. По-

сѣднюю изображаетъ восьмиконечная звѣзда, вписанная въ кругъ; бога Sin—обычный полумѣсяцъ; а бога Samas—крестообразный знакъ въ кругѣ и лучи свѣта, заливающіеся на четыре стороны. Рядомъ виднѣтъ пятую триаду: на вершинѣ пирамиды фигуру, весьма неопредѣленную и попорченную, которую легко можно принять за орла, символъ бога Мардук, именуемаго по показанію г. Менана (Syllab. I. с. v. 2.) „le Maître des oracles“. Извѣстно, что на вершинѣ Вавилонской пирамиды помѣщалась часовня съ оракуломъ божества ¹⁾, а у подножія пирамиды пещера (antre), внутренній храмъ или мѣсто упокоенія (покой, комната, гробница бога Вѣлос). Около предполагаемаго орла виднѣтъ весьма ясно: лампу Турды и скорпіона бога Nirgalu. Такимъ образомъ, пятую триаду составляютъ Turda, Nirgalu, Marduk. На верхней полосѣ изображены три триады; всего же съ нижними полосами мы насчитали 15 символическихъ знаковъ, кромѣ пирамиды. Отыскать остальные четыре, недостающіе противъ числа, показаннаго на камняхъ Napkas, Bit-Ada и Mischauх, можемъ слѣдующимъ способомъ: въ серединѣ нижняго уступа пирамиды замѣтна высокая узкая входная дверь, обозначающая вѣроятно внутренній храмъ (гротъ или пещеру), устроенный въ этомъ мѣстѣ; у его входа виднѣтъ нѣчто въ родѣ лежащаго животнаго съ двумя рогами, это первый изъ 4-хъ символовъ, которые разыскиваемъ. Другой мы можемъ приобрѣсти, если станемъ считать за два отдѣльные знака неопредѣленное въ той же средней полосѣ лежащее четвероное и перуны изображенные на его спинѣ; но такое раздѣленіе едва-ли возможно допустить по аналогіи съ другими фигурами, изображенными на той же таблицѣ. Третій символъ, вѣроятно, занималъ мѣсто у головы змія въ нижней полосѣ; но до такой степени обломанъ, что его фигуру невозможно опредѣлить. Четвертый символъ составляетъ упомянутая нами пирамида.

Знаменитая башня измковъ, селъное чудо въ свѣтѣ, величавый памятникъ Borsirra (Birs-Nimrud) именуется въ надписяхъ: Bit-Zida „обитель“ или „храмъ правой руки“ ²⁾. Lepogmant сопоставляетъ съ этимъ выраженіемъ цилиндръ, на которомъ изображена пирамида уступами, а на ея вершинѣ колоссальная рука; кругомъ — изображенія

¹⁾ Herodot., I, 181, sqq.

²⁾ Inscr. d. l. Comp. des Indes, W. A. I. I, 54 и 55, С. III, l. 36—56. Lepogmant, Bérose, p. 377. Zida ibid. p. 367.

семи божествъ, поклоняющихся этому великому основному божеству¹⁾. Ниже будетъ объяснено, что великая мать боговъ Beltis именовалась: *idu gabi* „сильная, властная рука“. Массивная пирамида уступами, ми полагаемъ, служила символомъ богини, символомъ материнъ вѣчной и неподвижной, какъ тотъ кубъ, изъ котораго составлены уступы пирамиды, и который поздне служилъ символомъ Рен (Кибели), ея сѣдалищемъ.

Имя того древняго царя, который началъ воздвигать Вавилонскую пирамиду (онъ ее оставилъ недоконченною, бури и дожди разрушили ея вершину), уже было позабыто Навуходоносоромъ и его ближайшими предѣстниками²⁾. На ея вершинѣ, какъ уже сказано, поздне была устроена часовня съ оракуломъ, посвященная богу Бел-Мардук или богу Небо. Какъ божества пророчества они замѣняли другъ друга. Нижній уступъ пирамиды, окрашенный, судя по изслѣдованіямъ г. Роулинсона, черною краскою³⁾, съ его пещерою (*Temin Ani* „хр. божества или хр. бога Ану“) былъ посвященъ подземнымъ божествамъ, изображалъ необъятное царство смерти, царство богини Анатъ (*Anit, Gula*), символомъ которой можно считать животное съ двумя рогами, лежащее у входа въ пирамиду. Изображенный подъ послѣднимъ указаннымъ символомъ и подъ изображеніемъ пирамиды, въ нижней половѣ символическихъ знаковъ, свирѣпый колоссальный сфинксъ или крылатый левъ, вполне соответствуетъ характеру божества Адара, къ которому мы рѣшаемся его отнести. Обломанный званъ у головы змѣя могъ представлять стрѣлу Исхари. Правильно опредѣленными мы считаемъ знаки, весьма похожіе по начертанію на символы, изображенные на памятникахъ Мардукдинакки: 1) божества Илу, 2) Хеа, 3) Ану, у подножія пирамиды, съ конькомъ,

¹⁾ *Lajard, Culte de Mithra pl. XXVII, № 5. Lenormant, Béroze, p. 381.*

²⁾ Нади. Навуход. W. A. I, 51, 1. *Lenormant*, исправляя невѣрное чтеніе этой надписи, напечатанное въ своемъ *Manuel d'Hist. anc. de l'Orient*, и чтеніе г. Опперта, признаетъ однакоже правильнымъ переводъ: *ultu uam rikut innam, inde a diebus diluuii derelinquerant (templum memoriale Borsipporum)*. *Béroze, p. 351.*

³⁾ *Journ. Roy. Asiat. Soc. XVIII, p. 1 — 34.* Цвѣтъ окраски или обшивки семи уступовъ пирамиды г. *Lenormant* опредѣляетъ по найденнымъ обломкамъ въ слѣдующемъ порядкѣ, соответствующемъ днамъ неба, начиная сверху: золотой (*Sol*), серебряный (*Lun.*), красный (*Mart*), голубой (*Mercur.*), пурпуровый (*Jovis*), бѣлый (*Vener.*), черный (*Saturn.*). *Lenormant, Béroze, p. 369, 377, 378. Ср. Dica. Cassius 38, 19, Herod. I, 98, G. Rawlinson, Hist. of Herod. I, 242.*

4) *Sin*, 5) *Sirax*, 6) *Hebo*, 7) *Malik*, 8) *Zamal*, 9) *Sini*, полумѣсяцъ, 10) *Samas*, 11) *Istar*, 12) *Turdi*, 13) *Nirgalu*; два новые символа — 14) пирамиду уступами относимъ къ богинѣ *Beltis*, и 15) крылатого сфинкса—къ богу *Adar*. Подъ сомнѣніемъ, по неясности изображеній, считаемъ: 16) орла божества *Magduk* на вершинѣ пирамиды и 17) животное съ двумя рогами богини *Anat (Gula)* у ея подножія, при входѣ въ пещеру. Мѣсто для 18-го символа, *Исхары*, мы указали у головы змѣя; 19-й символъ, бога *Bel*, мы затруднились указать.

На мраморномъ барельефѣ, хранящемся въ Британскомъ музеѣ, изображенъ упомянутый нами выше портретъ ассирійскаго царя *Самсибиа*, сына *Салманасара* (824 г. до Р. Х.), на груди царя крестообразный знакъ, символъ основнаго божества *Ану*, а надъ портретомъ царя изображены пять символическихъ знаковъ: 1) круглая тиара съ тремя парами роговъ, *agu biluti*, тиара господства, которую относимъ къ царствующему божеству *Bel*; 2) крылатый дискъ *Ассура*, 3) полумѣсяцъ божества *Sin*, 4) веруны бога *Вина* или *Рагману* и 5) восьмиконечная звѣзда, вписанная въ кругъ ¹⁾. Последній знакъ мы отнесли бы къ богинѣ *Istar*, если бы насъ не удерживали нижеслѣдующія соображенія. По числу знаковъ, надо полагать, что на барельефѣ изображены двѣ триады, иногда упоминаемыя въ надписяхъ: *Azzur*, *Anu*, *Bel*, и триада—*Sin*, *Samas*, *Sin*. Восьмиконечная звѣзда, вписанная въ кругъ, имѣетъ много сходства съ символомъ солнца (*Samas*), состоящимъ изъ крестообразнаго знака, вписаннаго въ кругъ, съ крестообразнымъ же на немъ изображеніемъ лучей, заливающихъ на четыре стороны; а потому, мы полагаемъ, что первый изъ двухъ указанныхъ нами символическихъ знаковъ замѣнялъ второй и обозначалъ, смотря по надобности и по расположенію другихъ знаковъ, то божество солнца (*Samas*), то богиню *Istar*, звѣзда которой, по строгому смыслу преданій, вѣроятно была семиконечная, какъ на в. *Bit-Ada*. Восьмиконечную звѣзду на портретѣ *Самсибиа* мы считаемъ за символъ солнца, *Samas*.

Въ Британскомъ же музеѣ хранится другой мраморный барельефъ съ портретомъ ассирійскаго царя *Ассурвазирпала* (884 г. до Р. Х.), найденный въ развалинахъ сѣверо-западнаго дворца *Ниневія*, съ жертвенникомъ или каменною курьельницей передъ нимъ ²⁾. Надъ головою

¹⁾ *Thompson, Brit. Mus. explorations № 354, Marble tablet of Samsirul son of Salmaneser, S. E. Palace of Nimrud, и наши рис. таб. III, фиг. 30.*

²⁾ *Thompson, Brit. Mus. explorations № 353; Marble altar and tablet of Assurvasirpal. N. W. Palace of Nimrud. Ср. наши рис., таб. III, фиг. 35—42.*

царя изображены тѣ же пять символическихъ знаковъ, какъ и на предыдущемъ указанномъ рельефѣ; а на груди царя, на ожерелии, въ видѣ орденскихъ знаковъ, помѣщены еще три символа: 1) крестообразный знакъ божества Ану, 3) такой же крестообразный знакъ, но вписанный въ кругъ, въ которомъ узнаемъ символъ солнца (бога Samas), точно такъ же изображенный, какъ и на скалахъ Бавіана, безъ изливающихся лучей въ видѣ ломанныхъ линий, и съ другой стороны отъ Ану, 3-й символъ, подковообразный, богини Beltis.

Въ данномъ здѣсь примѣрѣ мы видимъ два вида крестообразнаго символа, сопоставленные рядомъ: одинъ вписанный въ кругъ планетарномъ, а другой безъ круга. Признавая первый изъ нихъ за символъ солнца, а второй за символъ Ану, мы не затрудняемся отнести восьмиконечное сіяніе, изображенное въ планетарномъ же кругу, между символическими знаками верхняго ряда, къ богинѣ Istar, и такимъ образомъ получаемъ тѣ же двѣ триады, какія изображены на таблицѣ Самсибна: основную, составленную изъ боговъ Assur, Anu, Bel, астральную—Sin, Samas, Bin, и съ добавленіемъ къ нимъ діадн—Beltis, Istar.

Въ томъ же Британскомъ музеѣ, наконецъ, имѣется третій барельефъ, на каменной плитѣ, изображающій Салманасара II, отца Самсибна (859 л. до Р. X.), но сильно выѣтрившійся и поврежденный ¹⁾. Надъ головою царя помѣщены тѣ же пять символическихъ знаковъ, что и на предыдущихъ барельефахъ, но въ иномъ порядкѣ: самый верхній знакъ составляетъ символъ Ассура, за нимъ слѣдуютъ восьмиконечная звѣзда богини Istar, тиара божества Bel, полумѣсяцъ бога Sin, перуны Бина и на груди царя символы божествъ Anu, Samas, Beltis.

Крылатый дискъ Ассура, на таблицахъ Ассурназирпала и Самсибна составленъ изъ трехъ частей: 1) кольца, въ которое вписана розетка о восьми лепесткахъ, 2) раздвоенной надъ нимъ тесьмы или повязки и 3) двухъ рядовъ перьевъ, окружающихъ дискъ съ трехъ сторонъ въ видѣ полукруга. Надъ портретомъ Салманасара тотъ же символъ удержалъ богѣ древнюю форму: перья распространяются отъ центрального диска въ разныя стороны тремя лучами, въ видѣ двухъ крыльевъ и хвоста птицы. Тиара Ваала, тиара господства, agu biluti, представлена надъ портретами Ассурназирпала и Самсибна

¹⁾ Thompson, Brit. Mus. photographs № 421. Limestone tablet of Salmannesar II. From Kirk. См. табл. III, фиг. 43, 44 и 45.

en face, надъ портретомъ Салмавасара въ профиль. На портретѣ Салмавасара, неруны Вина обращены своими двумя вѣтвями къ низу расположены подъ символомъ Зевеса (Bel), какъ будто указывая и сродство этихъ двухъ администраторовъ атмосферы. Рядомъ съ символомъ божества Bii, видѣются слѣды еще одного символическаго знака, но до такой степени разрушеннаго, что нѣтъ никакой возможности сообразить и даже приблизительно опредѣлить, какую онъ имѣлъ форму. Если этотъ знакъ дѣйствительно существовалъ, то къ поименованнымъ нами двумъ триадамъ: Assur, Anu, Bel и Sin, Samas Bii, была присоединена еще третья триада, составленная изъ богини Beltis, Istar и божества, которое въ настоящее время невозможно указать. На томъ же портретѣ, на груди царя, между знаками Anu и Beltis, изображенъ, какъ и на таблицѣ Ассурназирпала, символъ бога Samas; на груди Салмавасара этотъ знакъ имѣетъ восемь вѣтвей: такимъ образомъ, мы видимъ на одномъ и томъ же наметникѣ два восьмиконечныя сіянія, или двѣ звѣзды, вписанныя въ планетарный кругъ. Одинъ изъ этихъ символовъ, нижній, на груди царя, относимъ къ богу Samas, другой верхній къ богинѣ Istar kakkabi; указываемъ на этотъ примѣръ въ подтвержденіе нашего предположенія, высказаннаго выше, что восьмиконечная звѣзда въ кругу могла обозначать, при различной обстановкѣ, и то, и другое божество.

Три послѣдніе приведенныя нами примѣра свидѣтельствуютъ, что символическіе знаки, нами изучаемые, не только изображались на различныхъ памятникахъ эпитафии и скульптуры, какъ символы, но также носились на одеждѣ, при торжественномъ облаченіи, въ видѣ нашихъ орденскихъ и тому подобныхъ знаковъ, имѣя значеніе амулетовъ, талисмановъ, или какъ *insignia fidei*.

Различныя указанныя нами сочетанія подтверждаютъ предположеніе, ранѣе сдѣланное, о давнемъ существованіи разнообразныхъ подобныхъ символическихъ группъ, основанныхъ на какихъ-либо древнихъ религіозныхъ обрядахъ, преданіяхъ или молитвенныхъ ритуалахъ; изъ нихъ, по всей вѣроятности, сравнительно только весьма немногія дошли до насъ.

Мы сочли бы крайнею забывчивостью съ нашей стороны, если бы подъ конецъ не упомянули о портретѣ царя Мардукидиваки, имя котораго намъ приходилось столь часто поминать, и если бы не помѣстили снимка съ него въ числѣ нашихъ рисунковъ (табл. V, фиг. 48). Онъ осипалъ своими милостями, какъ объяснено въ надписяхъ, жениха Таб-асап-Мардука, того, который начерталъ или ве-

лѣтъ изготовить надписи камня Мисаух, и многіе изъ участвовавшихъ во всѣхъ трехъ договорахъ принадлежали къ двору того же властителя; едва ли не всѣ три участка земли составляли плоды его щедротъ, которыхъ межеваніе описано на указанныхъ нами трехъ памятникахъ. Портретъ самаго царя изображенъ на лицевой сторонѣ камня Нанкас, во весь ростъ, и довольно точно воспроизведенъ въ изданіи Томкинса: *Studies on the times of Abraham*. Мардукидинаки на портретѣ облеченъ въ богатую одежду, покрытую узорами; опоясанъ широкимъ кушакомъ; на его головѣ цилиндрическая тиара, украшенная перьями на вершинѣ, съ вышитыми на ней розетками и символическими животными. Онъ держитъ въ одной рукѣ лукъ, въ другой двѣ стрѣлы. Типъ его лица рѣзко отличается отъ общаго типа ассирійскихъ царей и вообще отъ типа азіата, семита (сличн упомянутый выше портретъ Самсибна фиг. 30), и скорѣе приближается, какъ намъ кажется, по чертамъ и выраженію, къ типу великоруса. Если замѣнить его тиару високою мѣховою шапкою, можно было бы принять портретъ за изображеніе какого-либо древняго московскаго боярина или современнаго намъ, здороваго, коренастаго русскаго торговца съ береговъ Волги, Оки или Москвы рѣки. Смѣемъ надѣяться, что насъ не станутъ обвинять, за послѣднее сравненіе, въ ультрахалдеизмъ, въ желаніи доказать, что древніе Россѣ (Rus) и Мосохи (Muskuv) были нашими предками и родственниками Ахкадовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Объ именахъ ассирійскихъ и вавилонскихъ божествъ.

Въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за апрѣль 1881 года напечатана статья *К. П. Патканова* подъ заглавіемъ «Вавилонскія надписи», въ которой нашъ почтенный ориенталистъ проводитъ, между прочимъ, слѣдующую мысль (стр. 248): чтеніе собственныхъ именъ ассиріологами едва ли можно признавать вѣрнымъ, такъ какъ одинъ и тотъ же знакъ въ клинообразныхъ письменахъ имѣеть, весьма часто, три или четыре различныхъ значенія и произношенія. Такъ, напримѣръ: группа, произносимая шат, страна, можетъ быть чтаема также — киг, паі, пат, ват, и имѣеть, кромѣ того, идеографическое значеніе—рука, ваять, идти. Если бы мы пожелаали, продолжая г. Патканова, вписать клинообразными знаками имя города Нарвы, состоящее изъ двухъ

слоговъ Нар-ва, то оказалось бы, что слогъ нар можно читать *nar, lul, lip, rah, gar,* и слогъ va можно произносить *va*.

Замѣчаніе, сдѣланное многоуважаемымъ профессоромъ, совершенно справедливо въ отношеніи къ малоизвѣстнымъ именамъ армянскихъ царей и божествъ, упоминаемымъ въ вавилонскихъ надписяхъ, о которыхъ онъ пишетъ. Ассириолога сами въ этомъ сознаются, не достигнувъ по настоящее время до свободнаго и безошибочнаго чтенія этихъ надписей, не зная даже, на какомъ языкѣ говорили племена, обитавшія древнюю Арменію и начертавшія надписи на ея скалахъ. Сдѣланное замѣчаніе справедливо и въ отношеніи къ нѣкоторымъ именамъ ассирийскихъ и вавилонскихъ царей, городовъ и частныхъ лицъ, встрѣчающимся въ надписяхъ, найденныхъ въ развалинахъ Ассиріи и Халдеи; но, полагаемъ, его не слѣдуетъ распространять на всѣ имена, попадающіяся въ надписяхъ, и на имена главныхъ ассирийскихъ божествъ, преимущественно насъ занимающія, имена, хорошо знакомыя ассириологамъ изъ многочисленныхъ параллельныхъ текстовъ, по ихъ транскрипціи различными способами и съ различною орфографіею, а также по указаніямъ Библии, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ греческими и римскими писателями, и изъ многихъ другихъ источниковъ, хотя нельзя отрицать, что и при чтеніи извѣстнѣйшихъ именъ ассирийскаго и халдейскаго пантеона иногда возникаютъ такіе же затрудненія и недоумѣнія, какъ и при чтеніи извѣстнѣйшихъ твореній древнихъ поэтовъ, напримѣръ, Вергилія и Гомера, и даже ихъ именъ.

Ассириологи не разъ выражали сожалѣніе, что, не смотря на замѣчательные успѣхи, ими уже сдѣланные въ разборѣ надписей, ихъ переводы встрѣчаютъ недовѣріе, вовсе не заслуженное. Лучшимъ средствомъ противоѣствовать этому прискорбному явленію можетъ служить указаніе самаго способа разбора, дешифровки или анализа клинообразныхъ письменъ, ими принятаго на дѣлѣ. Въ текстѣ нашего изслѣдованія мы уже имѣли случай объяснить, какимъ образомъ разрѣшаютъ специалисты по этой части встрѣчаемыя ими затрудненія при чтеніи; это указаніе мы сдѣлали по поводу вопроса о произношеніи имени бога Адар или Нинип. Полагаемъ не безполезнымъ приложить къ нашему труду подробный разборъ именъ и другихъ божествъ, упоминаемыхъ въ томъ же текстѣ, провѣривъ ихъ чтеніе по наданнымъ силлабаріямъ и словарямъ, не скрывая отъ читателя тѣхъ именъ, которыхъ чтеніе слѣдуетъ считать сомнительнымъ, и тѣхъ затрудненій, какія встрѣтили мы лично, въ этомъ дѣлѣ, по нашей неопытности.

Предварительно напомнимъ, что ассирийское письмо — силлабическое, что изъ гласныхъ въ немъ попадаются звуки *a, i, u*, дифтонги довольно рѣдко, а существованіе особыхъ звуковъ для означенія знаковъ *e (= i), o (= u)* подвержено сомнѣнію. Каждый знакъ, или группа клиньевъ, можетъ имѣть значеніе идеограммы или фонетическое значеніе; и каждый знакъ въ самомъ его начертаніи весьма часто видоизмѣняется, вслѣдствіе упрошенія его фигуры, сокращенія, или вслѣдствіе зачѣна его составныхъ частей другими, съ ними сходными. Вообще ассириологи различаютъ: 1) *искусственное*, въ которомъ первоначальный іероглифъ, грубое и примитивное изображеніе какого либо предмета или изображеніе условнаго знака, воспроизведены прямыми линиями, чертами; 2) *архаическое* письмо, попадающееся на древнѣйшихъ

замѣтникахъ, въ которомъ начертаніе того же знака сдѣлано скорописью и не чертами, но клиньями (soius), и 3) имено *когдашнее* (moderne), болѣе упрощенное.

Въ прилагаемыхъ при семъ двухъ таблицахъ (IV и V) мы перепечатали, клинообразными знаками, имена божествъ, вырѣзанныхъ на гѣхъ трехъ памятникахъ эпохи Мардукидинахи, которымъ посвятили наше изслѣдованіе, и для болѣе легкаго обзора, размѣстили имена въ томъ порядкѣ, подъ тѣми же цифрами (арабскими числами), какъ и въ объясненіи ихъ значенія, прилагаемомъ ниже. Сличеніе именъ на камняхъ Напкаа и Bit-Ada указываетъ различныя способы начертанія одной и той же идеограммы или того же знака, допускаемые въ архаическомъ письмѣ; а сравненіе съ именами, вырѣзанными на камнѣ Мисаухъ, даетъ намъ понятіе о транскрипціи, начертаніи того же знака, и въ новѣйшемъ письмѣ болѣе упрощенномъ, которымъ составлена, между прочимъ, и надпись Сеннахериба, упоминаемая въ нашемъ изслѣдованіи, вырѣзанная на скалахъ Бавіана, близъ Ниневіи¹⁾.

Имена каждаго божества всегда предшествуютъ знаку, на к. Мисаухъ замѣняемая болѣе упрощеннымъ крестообразнымъ начертаніемъ того же знака. Эта идеограмма произносится ilu, что значитъ «богъ» на ассирійскомъ языкѣ, когда предшествуетъ имени божества (ilat, когда обозначаетъ «богиню»); въ другихъ случаяхъ, въ серединѣ и составѣ словъ, произносится an, какъ напримеръ, въ 19 строкѣ нашей таблицы (V, 19) въ словахъ: gaga adna. Ménant, Syllabaire Assyrien I, p. 186 № 66.

Обратимся къ именамъ боговъ:

1. *Ел, Илу.* Это имя на к. Мисаухъ написано двумя знаками; въ Rec. of the Past оно переведено однимъ словомъ—El, а въ Docum. jurid. de l'Assyr. (p. 90, с. III, l. 9) двумя словами: Bel-kit; ilu Bel-kit, deus Bel. Спрашивается, которому же чтенію слѣдовать? Обыкновенное начертаніе перваго знака, произносимаго il, воспроизведено въ нашей таблицѣ (V) подъ римскою цифрою I (Ménant, Syllab. I 186, № 42); на к. Мисаухъ пропущены въ этомъ знакѣ двѣ верхнія черты²⁾: оттого знакъ получилъ нѣкоторое сходство съ идеограммою Bel (Ménant, Syllab. II, 339), изображенною на той же нашей табл. подъ рим. цифр. II; отъ этого же пропуска, вѣроятно, происходитъ различное чтеніе и произношеніе переводчиковъ³⁾. Точнѣе груша il воспроизведена на томъ же к. Мисаухъ, ниже, въ имени «Великой Богини» (табл. IV, 5). Относительно втораго знака того же имени «Илу», слѣдуетъ имѣть въ виду, что ассиріологи различаютъ три отдѣльныя группы, произносимыя и или lu, e или bit, и kit, явлющія, однако же, несомнѣнное сходство въ архаическомъ и новѣйшемъ письмѣ; онѣ изображены въ различныя начертанія новѣйшаго письма (formes modernes) на нашей таблицѣ V, подъ рим. цифр. III (Kit), IV (e или bit) и V (или lu)⁴⁾.

¹⁾ Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. Сент. 1880 г., табл. 2-я.

²⁾ Судя по транскрипціи въ W. A. L. I, 70 у Millin, Mon. ant. inéd. I, 56.

³⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что въ Rec. of Past перепечатавъ тотъ самый переводъ, который помѣщенъ и въ Docum. Jurid., но пересмотрѣнный запово г. Оппертомъ предварительно его начертанія въ англ. изданіи (revised, in some essential points, for the Records of the Past, by D.-г. Oppert. vol. IX, p. 69).

⁴⁾ Ménant, Syllab. I 182 № 13, 196 № 14, и 210 № 134; Sayce, Assyr. Gram. 2-е изд. 1876 г. Syllabary №№ 142, 225 и 226.

Гг. Orpert и Ménant, въ *Docum. Jurid. de l'Ass.*; читаютъ второй знакъ перваго имени на к. Michaux (табл. IV, 1) Kit; архаическій знакъ во второмъ имени на к. Nanpas и Bit-Ada, составленный изъ 4 вертикальныхъ клиньевъ и 3 поперечныхъ чертъ (табл. IV, 3), читаютъ также Kit, и: Bel kit, deus Bel, и тотъ же знакъ въ третьемъ имени на всѣхъ трехъ памятникахъ (табл. IV, 4) читаютъ—е, и: Ea, deus Ea. Тотъ же знакъ Kit имѣеть сходство и съ группою lu (табл. V, подъ рим. цифр. XIV), и состоитъ, какъ и сей послѣдній знакъ, изъ креста, вписаннаго въ квадратъ, но передній лѣвый клинь перенесенъ на правую сторону и нижняя черта квадрата выпала при сокращеніи ¹⁾. Такимъ образомъ, первое имя на камнѣ Michaux можно читать: и-и, и-и, El-kit или Bel-kit. Kit, по объясненію г. Lenormant (*Comm. de Bérose*, p. 553) означало на языкѣ Ахкадовъ міръ, le monde: El-kit можно переводить «Богъ вселенной», Bel-kit «Князь міра сего»; но проще было бы и правильнѣе, какъ намъ кажется, чтеніе фонетическое ии, и-и ²⁾.

2. *Лу*. Имя этого божества обозначается двумя знаками, имѣющими фонетическое значеніе, которые произносятся А-лу, и не представляетъ такихъ затрудненій, какъ предыдущее имя. На камнѣ Bit-Ada употребленъ, для означенія того же божества (табл. IV, 2), одинъ второй знакъ—и, составляющій идеограмму божества, означающій также понятіе идола, image, Salim. Въ надписи Бавиана (vide supra l. c, таблица 2-а подъ рим. цифр. II) прибавленъ къ двумъ первымъ знакамъ третій, произносимый обыкновенно иш или иш; въ надписи стоитъ А—и—иш, слѣдуетъ читать Аиш. Ménant, *Syllab. I*, 130 sqq. №№ 1, 55 и 51.

3. *Бел* или *Былу*. Это имя составлено изъ двухъ звуковъ: первый произносится еи, ии и составляетъ идеограмму божества Bel, выражающую также общее понятіе «владыка», bel, seigneur, le chef (Ménant, *Syllab. I*, 188 № 58, II, 339 № 4 и 895). Новѣйшее, значительно упрощенное и сокращенное начертаніе того же знака, попадающееся и на скалахъ Бавиана (l. c. III), воспроизведено на нашей табл. V подъ рим. цифр. II. О второмъ знакѣ мы уже достаточно распространились выше, и его произносятъ е, и, иш, bit и kit. Kit, какъ уже сказано, переводится: «міръ», и тотъ же знакъ означалъ бездну, abîme (Ménant, *Syllab. I* c. № 134). Оба знака вмѣстѣ, по мнѣнію гг. Orpert и Ménant, слѣдуетъ читать Bel kit (и-kit по показанію г. Lenormant, *Comm. de Bérose* 98) «Царь міра»; но можно также прочесть ии-и, и это чтеніе намъ кажется не менѣе замисловатымъ и болѣе правильнымъ.

4. *Хел*. Имя божества Ea или Hés составлено изъ послѣднего упоминаемаго нами знака, произносимаго е, he, и, иш, kit, bit и фонетическаго окончанія—а. Оба знака читаются вмѣстѣ: Ea, быть можетъ, слѣдовало ихъ произносить U-a (греч. Ὑ-α латин. Aus, Oannes. Enabates), или У-а. Избранный для выраженія этихъ звуковъ знакъ bit (домъ, обитель) соответствовалъ понятію того же бога, какъ божества, господствующаго надъ землею и морями, обителью людей

¹⁾ Ménant, *Syllab. I*, 184, № 40.

²⁾ Вероятно, Orpert не безъ основанія исправилъ въ переводѣ *Rec. of the Part* имя Bel-kit на имя El; но основаній, имъ принятыхъ въ вниманіе, не объяснено въ англійскомъ изданіи.

и зѣрей; произносимый kit, этотъ знакъ приличенъ тому же богу, какъ божеству великой бездны (v. s.). Другія идеограммы того же божества приведены у Менапа, Syllab. II p. 340.

5. «*Великая Богиня*». Упоминаніе о ней, помѣщенное на к. Нанкаа, пропущено въ R. of the Past, вѣроятно по ошибкѣ. Ея имя на этотъ замѣтчикъ составлено изъ двухъ знаковъ (табл. IV, 5): первый произносится nin, повторяется ниже, въ той же надписи, въ имени Адара (Nin-dara табл. IV, 10), и какъ идеограмма означаетъ вообще женщину, assat, la femme (женщину и жену, woman, wife, по объясненію Сауса), и царницу, belit, souveraine (Ménant, Syllab. I, 218 № 189, II pp. 344 и 345). Повидямому этотъ знакъ—составной изъ двухъ группъ: 1-я произносится rak, sal, femme, а 2-я составляетъ идеограмму «богиня», belit (Ménant, Syllab. I, 228, № 269, II, pp. 345 и 359); для сличенія имъ помѣстимъ отдѣльно оба послѣдніе упомянутые знака (assat и belit), въ различныхъ употребительныхъ начертаніяхъ, на табл. V подъ рим. цифр. VI и VII. Можетъ быть, этотъ же знакъ, первый въ имени «Великая Богиня», произносимый nin, составляетъ изъ сокращенія въ скоровиса другія два знака: assat gabat, «жена великая», которыхъ начертаніе, встрѣчающееся въ другихъ надписяхъ, также нами помѣщено на табл. V подъ рим. цифр. IX (Ménant, Syllab. II, 345). Еще болѣе сложное начертаніе таинственнаго имени той же богини помѣщено на табл. V подъ рим. цифр. X и читается Assat-ida-gabu «Баба-сильная-вога» (Ménant, l. c. pp. 345 и 398) или «большая, сильная рука, власть (еврейск. лад)». Второй знакъ того же имени на к. Нанкаа читается mah, на ассир. языкѣ siru, élevé, suprême (Ménant, Syllab. I 214, № 157) Въ Dossat. jurid. de l'Assyrie. et de la Chaldée это мѣсто надписи переведено словами: ilat Nin-mah, Dea Magna. Тѣмъ же словами гг. Оппертъ и Менапъ передаютъ оба знака, соответствующіе тому же божеству, изображенныя на к. Місанахъ (табл. IV, 5). Начертаніе слога mah, однакоже, въ послѣднемъ случаѣ мало походитъ на соответствующую группу камня Нанкаа, и ближе подходит къ начертанію идеограммы «Илу» (v. s. табл. V, 1). Можетъ быть, это мѣсто надписи Місанахъ слѣдуетъ читать: Assat gabat Pa или birat gabat Pa, «Великая супруга бога Илу». Наиболѣе употребительное въ новѣйшемъ письмѣ начертаніе группъ mah, для сличенія, мы помѣстимъ въ табл. V подъ рим. цифр. VIII (Ménant, Syllab. № 157 v. s.).

6. Сии. Для обозначенія этого божества употреблена на всѣхъ трехъ камняхъ и въ Бавилѣ присвоенная ему идеограмма, означающая также свѣтло ночи, луну, и число 30, произносимая при обыкновенномъ чтеніи, фонетически, ia и sin. Въ значеніи этой идеограммы не встрѣчается никакого совѣтвія (Ménant, Syllab. I 192 №№ 99, 220 № 208, II 341 и 362).

7. Самас. Для обозначенія великаго свѣтла дня, употреблена идеограмма, присвоенная солнцу, какъ планетѣ и какъ божеству, обозначающая, въ то же время, и день вообще, уш, произносимая при чтеніи (фонетическое значеніе знака): ut или utuk, utuki. Эти послѣдніе звуки обозначали солнце на языкѣ Акадоя; на ассирійскомъ языкѣ (изъ Суміровъ) оно называлось: Samas. Сообщаемыя нами свѣдѣнія взлечены изъ справочныхъ лексиконовъ, то-есть, глиняныхъ таблицъ, сохранившихся въ Навейской библиотекѣ, устранимо-

щихъ всякое сомнѣніе по этому предмету. На нашей табл. V подъ рим. цифрой XI помѣщены различныя начертанія той же идеограммы, указывающія постепенный переходъ отъ первоначальнаго іероглифа, изображающаго дискъ солнца, къ позднѣйшымъ начертаніямъ того же знака въ письменахъ. Mépant, Syllab. I, 192, № 107; II, 341 и 352.

8. Имя богини *Иммар* на всѣхъ трехъ памятникахъ а въ Бавіанѣ написано фонетически и состоитъ изъ двухъ группъ: *Is-tar*. Звукъ *is* обозначался двумя способами: тѣмъ знакомъ, который здѣсь употребленъ въ имени *Istar*, и другимъ, выше нами указаннымъ, при объясненіи идеограммы мѣсяца (табл. IV, 6). Mépant, Syllab. I, 192, №№ 98, 99 и 236 № 380.

9. Объ имени *Мардукъ* или *Марудукъ* мы выше писали, въ текстѣ нашего изслѣдованія. Оно составлено на всѣхъ трехъ памятникахъ нами изучаемыхъ, и въ Бавіанѣ, изъ двухъ идеограммъ, которыя г. Lepoint читаетъ: *Amarduk* (Orig. de l'Hist., p. 255). Фонетическое значеніе первой, въ составѣ другихъ словъ, соответствуетъ звуку *ar*, *ar*; вторая произносится *ut* (v. s. *Samas*). Mépant, Syllab. I, 226 № 254 и 192 № 107. Двѣ группы, употребительныя для выраженія звука *ar* (*chemin, ar*), мы помѣстили въ табл. V подъ рим. цифр. XVIII (Mépant, I. с. 214, № 172). Можетъ быть девятое имя слѣд. читать *Maruduk, Maruduk*, выраженіе, кот. переводится: путь солнца.

10. *Адар* (Ния-пу). Объ этомъ имени мы также довольно распространялись. Оно составлено изъ идеограммы *Nin* (v. s.) и фонетическаго окончанія имени божества (*complément phonétique*) *dar*. Табл. IV, 10 указываетъ разнообразныя способы начертанія этого послѣдняго знака; мы присоединяемъ къ тому и новѣйшее его изображеніе (*forme moderne*) на нашей табл. V подъ рим. цифр. XII. Mépant, Syllab. I, 200, № 57.

11. *Гула*. Имя этого божества написано фонетически двумя знаками, произносимыми: *Gu-la*. Mépant, Syllab. I, 180 sq., №№ 9 и 38. Слѣженіе на всѣхъ трехъ памятникахъ того и другого знака, и знака *dar* въ предъидущемъ имени указать, какое разнообразіе придавалось въ надписяхъ начертанію одной и той же по значенію группы.

12. Для обозначенія божества *Бин* или *Римнок, Рамноку*, употреблена общія ея идеограмма, на камняхъ *Напкас* и *Вит-Ада* въ архаической формѣ ея начертанія, на к. *Мішаух* и въ Бавіанѣ ея форма новѣйшая. Фонетическое значеніе этой идеограммы выражается въ звукахъ: *im, iv*. Mépant, Syllab. I, 186 № 50 и II, 342.

13. Имя бога *Сиргал* составлено изъ двухъ знаковъ; первый произносится *se* или *si*, также имѣетъ значеніе «зерно» и «счастіе» (*bonheur, blé*), второй произносится *rah*. Mépant, Syllab. I, 192 № 93 и 226 № 266.

14. *Небо*. Для обозначенія его имени употреблена архаическая идеограмма; ея новѣйшую форму начертанія мы помѣстили на табл. V подъ рим. цифр. XIII; она произносилась *ak* (Mépant, Syllab. I, 184 № 35). На к. *Напкас* изъ указанной идеограммы прибавленъ знакъ и или *bit* (v. s.): гг. Oppert и Mépant въ *Docum. Jurid.* его переводятъ словомъ *Sakkallu, sacer Deorum: ilu Naba sakkallu siru, deus Naba sacer Deorum supremus*. Такого значенія въ

Syllabeire г. Менава я не нашелъ; полагаю слѣдуетъ читать: Ilu Nabu-u signi, deus Nabu signetina.

15. *Нурга*. Идеограмма этого божества встрѣчается въ другихъ надписяхъ и въ транскрипціи фонетической nig-gal (*Ménant*, Syllab. II, 343). можетъ быть составляетъ скоронисное сокращеніе двухъ послѣднихъ упомянутыхъ знаковъ (nig. gal), показанныхъ на нашей табл. V подъ рим. дифр. XV.

16. *Замал*. Это имя составлено изъ двухъ знаковъ, произносимыхъ Zamai (*Ménant*, Syllab. I, 182 № 17 и 214 № 168). На табл. V подъ рим. дифр. XVI помѣщаемъ наиболее употребительную форму начертанія знака mal. На камнѣ Bit-Ada пропущены два перекрестные клина; такое же отступленіе отъ нормы (или недосмотръ) могъ себѣ дозволить рѣзчикъ и при начертаніи имени бога Илу (т. е.).

17. *Турда*. Два знака, изображенные на нашей табл. V подъ № 17, Оппертъ и Менавъ въ *Docum. Jurid.* читаютъ: Turda, Sukkalu; ilu Turda (ѣр можетъ быть бар или пар) Sukkallu, deus Turda, intelligentia... Первый знакъ произносится бар или пар и имѣетъ значеніе: nakar, se révolter; второй произносится gib, lub и имѣетъ значеніе—roi, sukkalu (*Ménant*, Syllab. I, 194 sq., №№ 7 и 267). Въ томъ же изданіи *Docum. Jurid. de l'Assyr. et de la Chald.* помѣщена весьма поздняя надпись, въ которой нѣсколько разъ упоминается: an Par-lah (строитво Par-sukkal); это имя гг. Оппертъ и Менавъ переводятъ—Turda.

18. *Истара*. Это имя составлено изъ трехъ знаковъ: первый знакъ изъ уже объясненъ выше подъ № 8; второй произносится ha и третій ga (*Ménant*, Syllab. I, 182 sq., №№ 20 и 20), по крайней мѣрѣ, такъ надо полагать, основываясь на транскрипціи архаическихъ писемъ новымъ клинообразнымъ шрифтомъ, сдѣланной Г. Раулинсономъ въ W. A. I., и на переводахъ гг. Опперта и Менава. Знакъ ha изображаетъ рыбу пин; въ табл. V подъ рим. дифр. XVII мы помѣстили болѣе правильное начертаніе того же архаическаго знака и его транскрипцію въ новѣйшемъ письмѣ (forme moderne).

19. *Малик*. Для объясненія послѣдняго имени на к. Bit-Ada, мы помѣстили въ табл. V подъ № 19 всю 30-ую строку столба IV надписи съ ея транскрипціею латинскими буквами, сдѣланною въ *Docum. Jurid. de l'Assyr. et de la Chaldée*. Одна и та же идеограмма gabu (gal) означаетъ имя божества Malik и слово «великій», magnus; она показана на той же табл. V подъ рим. дифр. IX, X и XV. Идеограмма belu, dominus, уже встрѣчалась намъ въ имени божества Bel на томъ же памятникѣ (табл. IV, 3). Слова gaba appa, выраженіе, попадающееся и въ другихъ надписяхъ, гг. Оппертъ и Менавъ затрудняются перевести; они переводятъ ilu Malik belu gaba gaba appa словами: deus Malik dominus magnus coeli (?) «Malik, le grand maître, gaba appa»... и то же недоумѣніе повторится въ англійскомъ переводѣ.

Въ окончательномъ выводѣ приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: въ большинствѣ, имена боговъ обозначены, въ изучаемыхъ нами надписяхъ, фонетически, знаками, хорошо извѣстными, имѣющими то же фонетическое значеніе въ безчисленныхъ случаяхъ, въ которыхъ они употреблены на другихъ памятникахъ ассирійской и халдейской письменности; тамъ, гдѣ употреблена какая либо идеограмма (allophone), какъ напримѣръ, въ именахъ: №№ 7 Utuk,

10 Nin-dara, 12 Im, 14 Ak, 15 Nir-gal, 17 Pap-sukkal (Ungal Turda), выраженный ея звукъ означаетъ имя того же бога, какъ оно произносилось на языкѣ Акадоговъ. Собственно говоря, встрѣчаются во всѣхъ 19 именахъ только 3 случая недоразумѣній (въ именахъ: Илу, «Великая богиня» и Замал), и касаются преимущественно способа начертанія знака, то-есть, вопросовъ эпиграфики и палеографии; такъ, и при разборѣ древнихъ греческихъ надписей, иногда возникаетъ недоумѣніе, считать ли данный на памятникѣ знакъ за букву А, Δ или за букву Λ. При чтеніи выписанныхъ именъ и выраженій изъ трехъ надписей, нами разбираемыхъ, наиболѣе затруднило ассириологовъ значеніе словъ: ga ga appa; английскіе и французскіе ученые, издавшіе транскрипціи и переводы надписей, отказались объяснить это выраженіе, встрѣчающееся, впрочемъ, и на другихъ памятникахъ, и только предполагаютъ, что въ немъ заключается какое либо указаніе на небеса—appa.

II.

Списокъ прилагаемыхъ рисунковъ, съ показаніемъ, откуда заимствованы.

Табл. I, фиг. 1—19. Символическіе знаки, вырѣзанные на камнѣ Bit-Ada. *Thompson, Brit. Mus., фотографія №№ 533—536.*

20, 21. Змѣя и звѣзда, изображенныя на камняхъ Nankas и Michaux. *Thompson, fotogr. №№ 529—532 и Münster, Relig. der Babylon., pl. III.*

22. Черепаха к. Nankas, *Thompson, fotogr. v. z.*

23. Символъ бога Ану на к. Michaux, *Münster, v. z.*

Табл. II, фиг. 24. Символъ богини Beltis, изображ. на к. Michaux. *Münster, l. c. v. z.*

25. Afnet ent Nathor, парикъ богини Ахтор, носовое украшеніе каменной барки. *Brit. Mus. Thompson, fotogr. № 208.*

26, 27, 28. Мраморный барельефъ, найденный въ Буонджикѣ. *Brit. Mus. Thompson, фотографія №№ 452 и 453.*

Табл. III, фиг. 29. Другой барельефъ, найденный тамъ же. *Brit. Mus. Thompson, фотографія № 451.*

30. Портретъ ассирійскаго цара Самси-Бина (824 г. до Р. X.). *Thompson, Brit. Mus. фотографія № 354.*

31. Идеограмма бога Ану. *West. Asia sineif. inscr. II, 48 obv., l. 30.*

32. Та же идеограмма. *Saussure, Assurg. Grammar. 2-е изд. 1876 г. Syllabary, № 10.*

33. Гіероглифъ ах (жизнь).

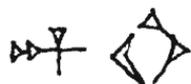
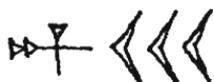
34. Тотъ же гіероглифъ въ видѣ подставы съ птицею на немъ, изображ. на вавилонскомъ цилиндрѣ. *Münster, Relig. der Babylonier, pl. I, fig. 11.*

35—42. Символическіе знаки, изображенныя на портретѣ цара Ассирия-Звирала (884 г. до Р. X.). *Thompson, Brit. Mus., fotogr. № 353.*

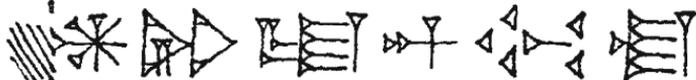
BIT ADA.

MICHAUX.

IV.

1.

2.

3.

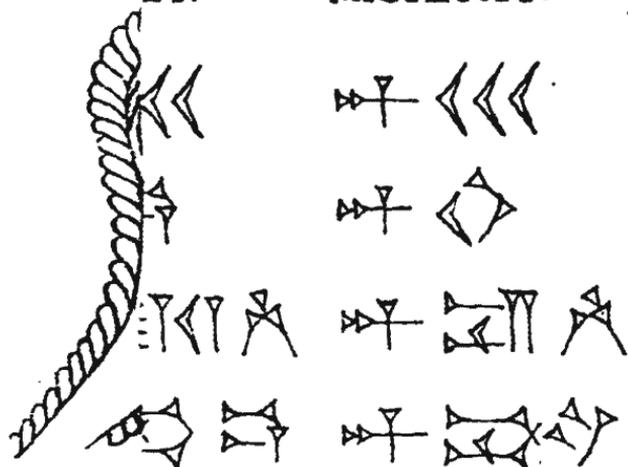
4.

5.

46. A. MICHAUX. IV.

HANKAS.

1.

2.

3.

4.

5.

V.

-ra

an-na

48. . . IV. . .

 . VII . .

 .   .

XII. . XIII. .

XVI. .

 . .

43—45. Символическіе знаки, изображ. на портретѣ царя Салмаасара II, сына Самси-Бина. *Thompson, Brit. Mus.*, fotogr. № 421.

Табл. IV, фиг. 46, 47. Два чудовища, изображен. на к. *Michaux. Myster. Relig. der Babylonier*, pl. III.

Табл. V, фиг. 48. Портретъ вавилонскаго царя Мардукдинакки (1110 г. до Р. X.), вырѣзанный на камнѣ *Nauck. Thompson, Brit. Mus.*, фотографія № 529.

В. НИИ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Римская сатира и Ювеналъ. Литературно-критическое послѣдованіе Д. И. Нагуевскаго. Митава, 1879.

Изученіе классической литературы, судя по означенной книгѣ г. Нагуевскаго, подвигается у насъ довольно медленно. Не трудно убѣдиться въ этомъ, сравнивъ ее съ тѣми скромными трудами, какіе стали появляться въ русской ученой литературѣ уже лѣтъ тридцать тому назадъ, въ отвѣтъ на тѣ самыя вопросы, которыми заданъ и нашъ авторъ. Правда, то были небольшія и безпритязательныя статьи, носившая дань ихъ авторовъ русской наукѣ, съ цѣлю пополнить ея вошіющіе пробѣлы, а объемистая книга г. Нагуевскаго заключаетъ въ себѣ 464 страницы. Чтò же, однако, изъ этого? Полнота, какъ извѣстно, не всегда признакъ здоровья, а въ ученыхъ трудахъ, кромѣ того, она иногда только кажущаяся, призрачная.

Вполнѣ раздѣляя съ Ювеналомъ убѣжденіе въ томъ, что не слѣдуетъ „*periturae rarisere chartae*“, г. Нагуевскій, какъ мы увидимъ, внесъ въ свою книгу очень много лишняго. Не говоря уже о необычно крупномъ шрифтѣ, внушительный на первый взглядъ объемъ разсматриваемой книги сократился бы до весьма скромныхъ размѣровъ, если бы авторъ выключилъ изъ нея длинныя и часто вовсе не идущія къ дѣлу выписки изъ древнихъ и новыхъ писателей, къ которымъ г. Нагуевскій обыкновенно относится пассивно, безъ надлежащей критики и безъ всякихъ слѣдовъ научной самостоятельности.

Къ такому лишнему и не идущему къ дѣлу баласту слѣдуетъ отнести и начало разсматриваемой книги, цѣлиа три первыя ея главы,

въ которыхъ авторъ распространяется о фесценнинахъ, экзодиахъ, ателланахъ и проч. Все это пошло сюда по какому-то странному недоразумѣнью, такъ какъ принадлежитъ исторiи римской комедiи, а не сатиры, которой авторъ посвятилъ свое изслѣдованiе. Древняя *satira* составляла, какъ извѣстно, одинъ изъ первобытныхъ видовъ этой комедiи. Это сатира драматическая, не имѣвшая ничего общаго, кромѣ названiя, съ тою сатирою, которая была создана Лудциемъ, а затѣмъ окончательно развита Гораціемъ и Ювеналомъ. Потому я могъ бы оставить въ покоѣ означенныя главы, если бы онѣ не представляли такъ много странностей, указаниемъ на которыя я обязанъ оправдать рѣзкость моего отзыва о диссертации г. Нагуевскаго ¹⁾.

Исторiю начала римской комедiи онъ излагаетъ очень смутно, основываясь на извѣстномъ свидѣтельствѣ Тита Ливiа (VII, 2), который ясно говоритъ, что пляска этрусскихъ актеровъ, приглашенныхъ Римлянами въ концѣ IV-го вѣка отъ основанiя города, во время моровой язвы, не сопровождалась ни діалогомъ, ни пѣнiемъ (*sine saturne ullo*), а г. Нагуевскiй заявляетъ (стр. 18) о какихъ-то стихахъ, которымъ недоставало только правильнаго размѣра. Незвѣстно только, какiе это были стихи—этрусскiе или латинскiе. Напрасно авторъ не занялся рѣшенiемъ этой мудреной задачи. Онъ оставляетъ своего читателя въ недоумѣнiи на счетъ и многого другаго. Затѣмъ, напримѣръ, Римляне пригласили пласуновъ во время моровой язвы, и почему изъ Этрурiи? Какимъ образомъ ихъ танцы могли служить однимъ изъ средствъ умлостивленiя боговъ (*inter alia coelestis irae placamina*)? Г. Нагуевскiй на эти весьма существенныя вопросы ничего не отвѣчаетъ и прямо переходитъ (стр. 21) къ фесценнинамъ (*versus fescenninij*). О происхожденiи этого темнаго названiя Фестъ

¹⁾ Тамъ болѣе, что самъ авторъ нѣсколько иначе смотритъ на значенiе поманутаго отдала своей книги. «Въ трехъ первыхъ главахъ (говоритъ онъ, въ концѣ 9-й стр. своего предисловія) я старался представить характеръ и развитiе римской сатиры, а также коснуться тѣхъ вопросовъ, которые до сихъ поръ считались спорными или мало затронутыми. Такъ, говоря о возникновенiи сатирической поэзи у Римлянъ, я нѣмъ въ виду выяснитъ происхожденiе и значенiе фесценнинъ и указать на ихъ связь съ древнею сатурою, первоначальное развитiе которой изложено на основанiи обстоятельнаго толкованiя извѣстнаго мѣста Ливiа. Затѣмъ я занялся рѣшенiемъ спорнаго со времени Казобона вопроса о родствѣ римской сатиры съ греческою сатирическою драмою, причѣмъ имѣлось въ виду выяснитъ значенiе слова *satira*, происхожденiе котораго мнѣтъ на мой взглядъ (?) много общаго съ древними сатуралiями».

въ своемъ лексиконѣ говоритъ неопредѣленно. Изъ словъ его видно только, что въ древности оно производилось или отъ города *Fescennia* (*Fescennium*) или отъ *fascinum*. Г. Нагуевскій отвергаетъ первое изъ этихъ производствъ на томъ основаніи, что фесценнины не могли быть приурочены къ какой нибудь опредѣленной мѣстности. Мы также не ратуемъ за это производство, хотя и не находимъ аргументацію автора достаточно основательною, такъ какъ въ ея силу слѣдовало бы отвергнуть и несомнѣнное происхожденіе названія ателланъ отъ города *Atella*. Затѣмъ нашъ авторъ, увлеченный весьма шаткими авторитетомъ Клотца, заявляетъ, что слова *Fescennia* и *fascinum* одного корня, что *fescenninus* есть видоизмѣненіе не существующаго прилагательнаго *fascininus*, и что, слѣдовательно, выраженіе *versus fescenninus* первоначально означало волшебную формулу (стр. 2-я). Такихъ корнесловныхъ аргументацій и фокусовъ, не оставившихъ по себѣ никакого слѣда въ наукѣ, можно встрѣтить множество, но не слѣдуетъ придавать имъ вѣры, особенно когда дѣло объясняется умнѣе и проще. Самъ же авторъ, на стр. 20-й, приводитъ *locus classicus* изъ Горация (*Epist.* II, 1, 139), гдѣ такъ ясно говорится о характерѣ и происхожденіи фесценнинъ, этихъ шуточныхъ и насмѣшливыхъ импровизацій, которыми перекидывались между собою во время деревенскихъ праздниковъ „*agricolae prisci*.“

Затѣмъ все, что авторъ во второй главѣ своей книги говоритъ о древней сатурѣ, въ высшей степени неясно и сбивчиво. На какомъ, напримѣръ, основаніи, привелъ на стр. 29 и 30-й слова Вергилія и Тибулла, изъ которыхъ видно только то, что деревенскіе праздники сопровождались не только фесценнинами, но также пѣснями и танцами, авторъ приходитъ къ слѣдующему неожиданному заключенію: „Такъ совершился переходъ фесценнинъ въ древнюю сатуру“. Затѣмъ ему понадобились Вергилій и Тибуллъ, которые ничего не говорятъ объ этомъ переходѣ, когда уже на стр. 19-й приведено свидѣтельство Тита Ливія (VII, 2), можно сказать, единственное свидѣтельство по рѣшаемому г. Нагуевскимъ вопросу? Онъ, правда, возвращается потомъ къ этому свидѣтельству, но передаетъ его сбивчиво, хотя и многословно, и безъ надлежащаго пониманія дѣла, не давая себѣ отчета о тѣхъ ступеняхъ въ развитіи первобытнаго сценическаго искусства, которыя намѣтилъ римскій историкъ. Первая изъ нихъ— это возмашеніе въ Римѣ этрусскихъ лицедѣевъ, ихъ безусловная, торжественная пляска, которая совершалась подъ звуки флейты и очевидно имѣла религіозный характеръ. Далѣе выступаетъ римская

(а не сельская) молодежь съ пародіей (такъ нужно понимать выражение *Livia imitari*) на эту пляску и присоединяетъ къ ней шутки (*ioculatio*), напоминавшія собою фесценнины, и соответствовавшую этому тексту миимику. Затѣмъ, вмѣсто прежнихъ дилеттантовъ являются гистрионы, т.-е. актеры, которые исключительно посвящаютъ себя сценическому искусству и тѣмъ содѣйствуютъ дальнѣйшему его развитію.

Вотъ при какихъ условіяхъ возникла въ Римѣ и усвоила себѣ опредѣленныя формы драматическая сатура, передъ самыми появленіемъ въ началѣ VI-го вѣка Ливія Андроника, который считается родоначальникомъ римской литературной драмы. Г. Нагуевскій, къ сожалѣнію, не подвергъ приведеннаго изъ Тита Ливія подробности сколько нибудь отчетливому анализу, а на нѣкоторыя изъ нихъ даже не обратилъ никакого вниманія, хотя и отвелъ въ своей книгѣ вопросу о сатурѣ чуть не сорокъ страницъ. Мы еще возвратимся къ нимъ, а теперь, слѣдуя за авторомъ, остановимся на концѣ второй главы, гдѣ онъ повелъ рѣчь объ ателланахъ, заимствованныхъ Риклянами „у Кампанскихъ Самнитовъ“ (почему-же не у Осковъ?) и объ экзодіяхъ. Слова недоумѣваемъ, почему все это вошло въ исторію римской сатиры. По всей вѣроятности, мы и ограничились бы этимъ замѣчаніемъ, если бы конецъ второй главы не представлялъ новыхъ указаній на недостаточное пониманіе авторомъ не только указанного свидѣтельства Тита Ливія о первобытной римской драмѣ, но и другихъ рассматриваемыхъ здѣсь латинскихъ текстовъ. Это непониманіе происходитъ, между прочимъ, какъ мы увидимъ, и отъ малаго знакомства автора съ данными римской литературной исторіи.

Въ доказательство справедливости и непреувеличенности всего, только что сказаннаго, остановимся съ надлежащимъ вниманіемъ на 36-й страницѣ рассматриваемой книги. Дѣло идетъ о томъ же свидѣтельствѣ Тита Ливія, или, говоря точнѣе, о слѣдующихъ его словахъ: *«iuventus histrionibus fabellarum actu relicto ipsa inter se more antiquo ridicula intexta versibus iactitare coepit, quae exodia postea appellata consertaque fabellis potissimum atellanis sunt»*. Въ разъясненіе этихъ словъ г. Нагуевскій заявляетъ слѣдующее: „Къ этой народной комедіи (то-есть, къ ателланамъ) примкнула теперь древняя сатура, измѣнивъ свое первоначальное названіе на *exodia*. Послѣднія сохранили веселый и шутливый характеръ, свойственный національнымъ римскимъ фарсамъ, и почти всегда присоединялись къ ателла-

часть оскуи, отд. 2. 11

намъ; въ этомъ значеніи и Ювеналъ употребилъ выраженіе: «*exodium atellanae*».

Прежде всего замѣчу, что едва ли въ приведенномъ мѣстѣ изъ Тита Ливія рѣчь идетъ о сатурѣ, такъ какъ выраженіе его «*ridicula intexta versibus*» совершенно соотвѣтствуетъ словамъ (въ той же главѣ § 6) «*inconditis iocularia versibus*», и такіа грубыя стихотворныя шутки онъ сравниваетъ вслѣдъ за тѣмъ съ фесценніями, а не съ сатурою. Потому не слѣдовало бы говорить о томъ, что она прикинула къ ателланамъ. Впрочемъ, тутъ еще большой ошибки нѣтъ, такъ какъ, въ литературномъ отношеніи, сатура едва ли далеко ушла отъ фесценникъ и другихъ тому подобныхъ фарсовъ. Гораздо менѣе позволительно утверждать, что экзодіи почти всегда присоединялись къ ателланамъ. У Ливія не то. Онъ говоритъ, что экзодіи впоследствии (*postea*) слѣлись (*conserta*) съ ателланамъ, то-есть, послѣднія усвоили себѣ весь комическій и скѣхотворный элементъ экзодій. *Conserta sunt* буквально значить, что экзодіи какъ бы влились въ ателланы и Вейсенборнъ въ своемъ комментарий къ Титу Ливію совершенно правильно передаетъ это выраженіе словомъ *verwebt*. Непониманіе настоящаго смысла словъ Ливія повело за собою и непониманіе Ювенала. Выраженіе его «*exodium atellanae*» г. Нагуевскій, какъ видно изъ послѣдующаго, принялъ въ смыслѣ присоединеннаго къ ателланѣ, или разграничнаго вслѣдъ за нею на сценѣ экзодія, между тѣмъ какъ оно совершенно тождественно съ выраженіемъ Светонія (Тиб. 34) «*atellanicum exodium*» и обозначаетъ состоящій изъ ателланы экзодій. По всему видно, что авторъ не уяснилъ себѣ характера экзодій и значенія ихъ среди другихъ пьесъ римскаго репертуара.

Подъ *exodia*, какъ видно изъ самой этимологіи этого латинизированнаго слова (греческаго корня) Римляне вообще разумѣли всякіе сценическіе фарсы, которые, для развлеченія зрителей, давались подъ конецъ спектакля, вслѣдъ за пьесами, оставившими по себѣ болѣе или менѣе тяжелое впечатлѣніе. Это нашъ дивертисементъ или то, что Нѣмцы называютъ *Nachspiel*. Слѣдовательно, *exodium* не есть специальное названіе для обозначенія извѣстнаго рода пьесъ, а общее, подъ которымъ могли разумѣться всякіе фарсы, и, между прочимъ, ателланы, но, впрочемъ, не тѣ, которыя появились на римской сценѣ во второй половинѣ VII вѣка, благодаря Помпонію изъ Болоньи (*Boloniensis*) и Новію. То были литературныя ателланы, которыя авторы ихъ старались возвысить на степень римской національной комедіи (*fabula togata*). Рядомъ съ ними продолжали, однако, суще-

ствовать и старинные осские фарсы. Даже во время империи они продолжали смѣшивать невзыскательную публику не только въ Римѣ, гдѣ давались въ концѣ спектакля, но и въ другихъ мѣстностяхъ Италіи, по небольшимъ городамъ и селамъ. Вотъ это-то и были ателланскія экзодіи, то-есть, незатѣйливыя и безсвязныя импровизаціи съ осскими типами Буккона, Доссена, Панпуса и пр., видоизмѣлявшимися согласно мѣстнымъ условіямъ. Такой деревенскій спектакль очень живо и извѣстно описываетъ Ювеналь въ III-й своей сатирѣ (ст. 173). Театръ, по всей вѣроятности, временный, а не постоянный, устроенъ изъ дерна (*herbosum theatrum*), на которомъ расположились зрители, причемъ деревенскій мальчуганъ, сидя на колѣняхъ у своей матери, жмется къ ней, испугавшись блѣдной и страшной маски съ широкого разнутыя рта. Тутъ, очевидно, какъ и въ VI-й сатирѣ у Ювенала (ст. 71), рѣчь идетъ объ *exodium atellanae*, на что указываетъ упоминаніе страшной маски, одной изъ тѣхъ, какія (въ родѣ Мадука, Пнеона, Манін, Ламин и пр.) составляли обыкновенную принадлежность осскихъ зрѣлищъ. Кромѣ того, изъ указаннаго мѣста видно, что въ вѣкъ Ювенала слова экзодій и ателлана употреблялись безразлично. Можно также думать, что на маленькихъ сценахъ экзодіи не были заключительными пьесами.

Но дѣльнѣе рядъ недоразумѣній, вызванныхъ неправильнымъ пониманіемъ разсматриваемаго вопроса, еще не конченъ. На той же 36-й страницѣ (въ концѣ), вслѣдъ за выписанными выше словами, нашъ авторъ дѣлаетъ слѣдующій странный и непонятный упрекъ схоластику за его примѣчаніе къ 175 стиху III-й сатиры Ювенала: „Схолиастъ его поэтому (то-есть, какъ видно изъ предшествующихъ словъ г. Нагуевского, потому, что экзодіи почти всегда присоединялись къ ателланамъ) несправедливо замѣчаетъ, что *exodiarius apud veteres in fine ludorum intrabat, quia (quod) ridiculus foret, ut quicquid lacrimarum atque tristitiae conlexissent ex tragicis affectibus, huiusce spectaculi risus detergeret*», такъ какъ характеръ ателланъ не былъ печальный, но веселый и колкій. Ошибка стариннаго комментатора произошла, по всей вѣроятности, отъ того, что онъ не понялъ происхожденія ателланъ, а потому и экзодіямъ приписалъ характеръ, свойственный греческой сатирической драмѣ^а.

Съ изумленіемъ останавливаемся на этомъ наборѣ словъ. Чего не понялъ схолиастъ? Да вѣдь онъ ни слова не говоритъ объ ателланахъ, а совершенно ясно заявляетъ лишь о томъ, что на сцену въ концѣ спектакля выходилъ экзодіарій, для того, чтобы развлечь

зрителей, находившихся подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, какое могла оставить въ нихъ трагедія. Затѣмъ, вопреки заявленію г. Нагуевского, схолиастъ ни слова не говоритъ также и о греческой сатирической драмѣ, да еслибы онъ и сопоставилъ ее съ экзодіями, то имѣлъ бы на это право въ томъ отношеніи, что какъ та, такъ и другіе давались на сценѣ «in fine ludorum». Наконецъ, схолиастъ говоритъ не объ экзодіяхъ, а объ exodiis, на что г. Нагуевскій также не обратилъ надлежащаго вниманія. Конечно, каждый актеръ, участвовавшій въ этихъ пьесахъ, имѣлъ право на такое названіе, но это слово имѣло и болѣе специальное значеніе. Экзодіи хотя и были безинтересные фарсы, но въ представленіи ихъ все-таки участвовало нѣсколько лицъ. Наконецъ, и это показалось лишнимъ. На сцену въ концѣ трагедіи, а можетъ быть также во время ея антрактовъ, началъ выходить одинъ актеръ съ тѣмъ, чтобы своими обыкновенно циническими остротами и жестами смѣшить невзыскательную публику. Вотъ такіе-то актеры и назывались у Римлянъ экзодіаріями. Для наглядности этого объясненія, замѣчу, что съ нѣкотораго времени такіе экзодіаріи появились и на русской сценѣ, въ лицѣ Вейнберга и пр.

Для того, чтобы выйти наконецъ изъ того невообразимаго хаоса, въ который г. Нагуевскій погрузилъ своихъ читателей, считаю излишнимъ передать въ нѣсколькихъ словахъ точный смыслъ того мѣста въ исторіи Тита Ливія, которое произвело всю эту путаницу. Римскій историкъ повѣствуетъ, что по введеніи Ливіемъ Андроникомъ искусственной драмы, римская молодежь, предоставивъ ее актерамъ, сама, согласно съ древнимъ обычаемъ (я какъ бы въ оппозицію иноземцамъ), начала по прежнему перекидываться на сценѣ стихотворными шутками или фарсами, которые потомъ названы были экзодіями и слились преимущественно съ ателланами, преимущественно потому, что комическій элементъ древнихъ народныхъ фарсовъ могъ, кромѣ ателланъ, отразиться и на другихъ видахъ первобытной римской комедіи, получившихъ впоследствии литературное развитіе, напримѣръ, на мимахъ и проч.

Третья глава одна изъ самыхъ печальныхъ въ книгѣ г. Нагуевского. Здѣсь онъ снова придирается къ слову *satura* и на цѣлыхъ тридцати страницахъ толкуетъ о его происхожденіи и значеніи.

На основаніи древнихъ свидѣтельствъ, давно уже установилось въ наукѣ мнѣніе, что этимъ словомъ первоначально обозначалось жертвенное блюдо (*lanx*), на которомъ приносили въ даръ Церерамъ

такъ-называемыя первинки (*primitiae frugum*), то-есть, первые по времени плоды, которые производила италянская почва. Впоследствии (когда именно—трудно сказать, но, во всякомъ случаѣ уже во время Эвнѣя) рассматриваемое слово получило болѣе обширное значеніе и, какъ бы въ воспоминаніе разнообразнаго и пестраго содержанія древней драматической сатиры, стало употребляться вообще для обозначенія смѣси изъ разныхъ предметовъ. Все это ясно видно изъ слѣдующаго опредѣленія, какое даетъ слову *satura* Фестъ въ своемъ лексиконѣ: «*Satura est cibi genus ex variis rebus conditum, ut est lex multis aliis conserta legibus. Quidam dicunt esse genus carminis, ubi de multis rebus disputatur*». Для насъ собственно имѣетъ интересъ конецъ этого свидѣтельства, гдѣ древній грамматикъ опредѣляетъ литературное значеніе слова *satura*. Дѣйствительно, согласно показаніямъ и другихъ латинскихъ авторовъ, оно употреблялось въ смыслѣ собранія или сборника разнородныхъ стихотворныхъ произведеній. Теперь окончательно не можетъ быть въ этомъ никакого сомнѣнія, благодаря новому и очень вѣскому доказательству, составляющему одно изъ послѣднихъ приобретений науки. Но объ этомъ послѣ, а теперь замѣчу, что свое изслѣдованіе о значеніи и происхожденіи слова *satura* г. Нагуевскій, къ сожалѣнію, началъ не съ Феста, а съ выписокъ изъ другихъ грамматиковъ и разныхъ схолиастовъ, которые, по своему обыкновенію, и въ данномъ случаѣ наговорили много негѣпостей, сопоставляя означенное слово съ *saturitas*, *saturus* и т. д. ¹⁾

Г. Нагуевскій не согласенъ съ приведеннымъ объясненіемъ Феста, а увлекшись весьма сомнительнымъ авторитетомъ одного нѣмецкаго ученаго, настойчиво заявляетъ, что слово *satura* имѣетъ непосредственную, какъ лингвистическую, такъ и реальную связь съ *Saturnus* и *Saturnalia*. Послѣ разныхъ многословныхъ и весьма страннаго свой-

¹⁾ Окончивъ свои выписки, г. Нагуевскій на стр. 55-й самодовольно замѣчаетъ, что всѣ эти свидѣтельства до сихъ поръ оставались разбросанными. Каковъ шагъ впередъ, каковъ заслуга для науки, подумаетъ умиленный, но неопытный читатель. Опытный же читатель хорошо знаетъ, что такая ученость добывается очень легко. Дѣйствительно, если бы г. Нагуевскому, для отысканія древнихъ извѣстій о сатурѣ, пришлось перерывать сборники Пугча или Линдемана, гдѣ помѣщены дошедшія до нашего времени произведенія римскихъ грамматиковъ, то, конечно, такой трудъ былъ бы очень хлопотливъ. Въ этомъ, однако, не стояло никакой нужды, такъ какъ всѣ подобныя извѣстія уже давно собраны въ любознательномъ латинскомъ лексиконѣ, напечатанномъ у Форзелана.

ства доказательствъ справедливости этого мнѣнія, онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію (стр. 66): „И такъ, древнія сатуры были игры, устраиваемыя (?) римскими юношами въ честь Сатурна на праздникъ Сатурналіи“.

Этому оригинальному выводу предшествуетъ цѣлая корнесловная оргія. Передъ глазами читателя такъ и мелькаютъ *sa, oa, sat* и производныя отъ нихъ: *satura, satorok, satis, satum, satur, saturnus, saturnalia* и еще что то такое. Словомъ, авторъ вступаетъ въ темныя филологическія дебри, плутаетъ въ нихъ безконечно, потерявъ дорогу, поминутно спотыкается о разные пни и корни, и наконецъ погибаетъ, по милости какого то Петермана. Это и есть тотъ вѣмецъ, который такъ жестоко поддунтилъ надъ г. Нагуевскимъ. Если бы онъ обнаружилъ при этомъ хотя какое нибудь знакомство съ результатами сравнительнаго языковѣдѣнія, то критика могла бы ограничиться замѣчаніемъ, что вся эта лингвистическая роскошь неумѣстна въ текстѣ историко-литературнаго изслѣдованія. Выходитъ, однако, что весь этотъ хаосъ словъ и звуковъ заимствованъ нашимъ авторомъ безъ всякаго раздумья изъ разныхъ старинныхъ книгъ и книжекъ, почтенные авторы которыхъ, конечно, не могли еще усвоить себѣ приемы новѣйшей лингвистики. И печальный результатъ всей этой ученой суматохи, какъ уже замѣчено, тотъ, что сатура получила свое названіе отъ Сатурна и составляла необходимую принадлежность того культа, которымъ Римляне чествовали этого бога! Для оправданія этого взгляда, г. Нагуевскому, то-есть, г. Петерману, потребовалось приурочить сатурналіи къ тѣмъ сельскимъ праздникамъ, которые, по словамъ Горация „*agricolae prisci*“ справляли „*condita post frumenta*“, а Сатурна причислить къ сельскимъ божествамъ, покровителямъ посѣвовъ и жатвы. Таково, по мнѣнію г. Нагуевского, главное его значеніе въ римской мѣологии. Едва ли слѣдуетъ долго останавливаться на доказательствахъ или, вѣрнѣе, на изворотахъ г. Нагуевского въ пользу защищаемаго имъ мнѣнія о непосредственной связи сатуры съ сатурналіями и о томъ, что это былъ сельскій праздникъ, который будто бы справлялся Римлянами вслѣдъ за уборомъ жатвы. Позволю себѣ только одно скромное замѣчаніе. Сатурналіи, какъ извѣстно, праздновались въ декабрѣ, о чемъ заявляетъ и нашъ авторъ на стр. 62. Выходитъ, стало быть, что жатва собиралась зимою. Не слишкомъ ли это поздно, или, если угодно, не слишкомъ ли это рано для Италіи? А все Петерманъ!

Начиная съ IV главы нашъ авторъ изъ темной области пред-

положений и гаданий выходить на исторический просторъ, гдѣ дышется свободнѣе, гдѣ подъ ногами уже не трясина, а болѣе или менѣе твердая почва. Большою частію недостаточныя и сбивчивыя указанія латинскихъ и греческихъ авторовъ на разныя стороны римской литературной древности могутъ быть здѣсь болѣе или менѣе удобно провѣрены оставшимся отъ нея матеріалами. Ученый его исследователь дѣлается независимѣе отъ неумѣлыхъ грамматиковъ и схоластовъ и разомъ получаетъ надъ ними значительный перевѣсъ, благодаря болѣе выработаннымъ приемамъ современной науки, которая въ періодъ классической древности была еще только въ зародкѣ. Затѣмъ, надлежащая филологическая подготовка, внимательное изученіе древнихъ текстовъ и критическій тактъ, съ которыми необходимо относиться къ вызванной ими огромной массѣ новыхъ изслѣдованій, умѣнье отличить въ послѣднихъ золото отъ мшурки и отъ безобразной лгатуры—вотъ тѣ условія, которыя необходимы для успѣшности историко-литературной работы изъ области классической филологіи. Только такимъ путемъ пріобрѣтается въ то же время самостоятельное отношеніе къ ней новыхъ труженниковъ. Впрочемъ, однимъ прилежаніемъ тутъ не возьмешь, такъ какъ нужна значительная даровитость для того, чтобы успѣшно осмотрѣться въ обширной литературѣ избраннаго для изслѣдованія вопроса и не увлечься разными мелкостями, какихъ въ наукѣ накопилось не меньше, чѣмъ правильныхъ выводовъ и здравыхъ взглядовъ.

Посмотримъ теперь, на сколько г. Нагуевскій удовлетворяетъ этимъ условіямъ въ тѣхъ отдѣлахъ своего „литературно-критическаго“ изслѣдованія, гдѣ одинъ за другимъ постепенно проходятъ передъ глазами читателя: Эний, Луцилій и Варронъ Реатинскій, затѣмъ Гораций и Персій и наконецъ Ювеналъ, которому посвящены шесть главъ (отъ VI до XI включительно). Въ первомъ изъ названныхъ отдѣловъ невольно выдаются въ глаза, съ одной стороны, упорныя усилія представить Энія родоначальникомъ римской сатиры, а съ другой самими же авторомъ приводимыя соображенія и факты, которыми не только ослабляются, но и въ конецъ уничтожаются эти усилія.

Для того, чтобы обставить вопросъ объ Энии, какъ сатирикѣ, возможно лучшимъ образомъ, авторъ на дѣлныхъ пяти страницахъ выписываетъ отрывки изъ разныхъ его произведеній, и затѣмъ на стр. 79 дѣлаетъ выводъ, изъ котораго видно, что между этими отрывками нѣтъ ни одного сатирическаго. Затѣмъ же было выписывать? затѣмъ было заявлять о томъ, что Эниева сатира по своему

содержанію не отличалась отъ сатиры Лупциліа (стр. 73), и не только по содержанію, но и по характеру (стр. 85)? И такое заявленіе повторяется авторомъ нѣсколько разъ. Мало того, онъ ставитъ Лупциліа въ зависимость отъ Эннія, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ (ibid.): „Существеннаго различія въ содержаніи и характерѣ сатирическихъ произведеній упомянутыхъ авторовъ не могло быть уже потому, что Лупцилій, какъ непосредственный преемникъ Эннія на сатирическомъ поприщѣ, естественно долженъ былъ близко позвѣдомиться съ его произведеніями и, само собою, подчиниться въ значительной степени ихъ вліянію“. Тамъ же г. Нагуевскій заявляетъ, что „у древнихъ писателей и въ существующихъ отрывкахъ мы нигдѣ не находимъ указанія на то, чтобы Лупцилій внесъ новыя начала касательно содержанія и изложенія сатиры“ (?). Какъ же, однако, съ этими категорическими, хотя и въ высшей степени странными заявленіями выжуются другіе, совершенно противоположные имъ выводы нашего автора, который уже на 45 стр. заявилъ, что Лупцилій преобразовалъ Римскую сатиру по своему, а на стр. 98-й, добавляетъ, что онъ ввелъ въ нее „личныя элементы“. Шутка! Какое же можетъ быть при этихъ условіяхъ тождество между упомянутыми писателями? Очевидно, было бы очень наивно пуститься по разсматриваемому вопросу въ дальнѣйшую полемику съ авторомъ, который на одной страницѣ говоритъ одно, а на другой—другое. Мы бы, по всей вѣроятности, и ограничились приведенными замѣчаніями, если бы не нашли нужнымъ еще разъ указать, по поводу этого вопроса, на небрежное и неумѣлое отношеніе г. Нагуевскаго къ древнимъ текстамъ. Дѣло идетъ о Квинтилианѣ. Въ извѣстномъ всякому филологу мѣстѣ своего руководства къ ораторскому искусству (Institut. orat. X, 1, 93) этотъ замѣчательный, можно сказать, гениальный критикъ приводитъ хотя небольшую, но обильную внутреннимъ содержаніемъ, и потому драгоценную замѣтку о разныхъ представителяхъ римской сатиры. Первымъ на этомъ поприщѣ, говоритъ Квинтилианъ, приобрѣлъ себѣ почетъ и славу (primus insignem laudem adeptus) Лупцилій и продолжаетъ нѣмѣть такихъ дѣятелей, которые ставятъ его не только выше другихъ сатириковъ, но и вообще выше всѣхъ другихъ римскихъ поэтовъ. Затѣмъ, воздавъ должное таланту, эрудиціи и направленію Лупциліа, Квинтилианъ заявляетъ, что, не раздѣляя, относительно этого писателя, увлеченія своихъ современниковъ, самъ онъ главнымъ (praecipuus) римскимъ сатирикомъ считаетъ Горациа. Далѣе, упомянувъ съ похвалою о Персіа и сдѣлавъ сочувственный, хотя и темный намекъ

на Ювенала и Суллицію, римскій критикъ нарушаетъ хронологическій порядокъ и заканчиваетъ свою рѣчь указаніемъ на автора такъ называемой Менипповой сатиры, замѣчательнаго римскаго полигистора Варрона Реатинскаго, знаменитаго современника и сторонника Помпея.

Повторяю, что эта замѣтка Квинтиліана, при всей своей краткости, должна имѣть и имѣеть большое значеніе въ глазахъ каждаго изслѣдователя исторіи римской сатиры. Не странно ли же, что г. Нагуевскій приводитъ (на стр. 93) почему-то только вовсе не идущій къ дѣлу конецъ этой замѣтки, гдѣ рѣчь о Варронѣ, не обративъ вниманія на все остальное? Но еще удивительнѣе тотъ неожиданный выводъ, который онъ дѣлаетъ изъ выписанныхъ имъ словъ Квинтиліана, утверждая (*ibid.*), что въ нихъ рѣчь идетъ объ Эннѣ, и что „Квинтиліанъ отличаетъ въ упомянутомъ мѣстѣ сатиру Эннѣ отъ Луціліевой не по содержанію и характеру, но единственно на основаніи внѣшней формы“. Да вѣдь въ выписанномъ авторомъ текстѣ ни слова не говорится о Луціліи, а объ Эннѣ Квинтиліанъ, какъ мы видѣли, вовсе не упоминаетъ въ своемъ перечнѣ римскихъ сатириковъ? Какое же тутъ можетъ быть сопоставленіе этихъ писателей?

Всгдъ за отрывкомъ изъ Квинтиліана, нашъ авторъ приводитъ ¹⁾ весьма замѣчательное и очень ясное свидѣтельство Діомеда о римской сатирѣ, котораго онъ также не понялъ. Вотъ точный смыслъ этого свидѣтельства: Теперь, говорятъ Діомедъ, сатирою называется у Римлянъ злословные стихи (*saturn maledictum*), какіе слагаются въ духѣ древней (греческой) комедіи, для порицанія людскихъ пороковъ, и какіе писали Луцілій, Гораций и Персій, а встарину (*olim*) сатирою назывались разнообразныя стихотворенія произведенія, какія писали Пакувій и Энній (то-есть, не злословныя, не обличительныя, словомъ, не сатирическія). Для того, чтобы видѣть, на какія невообразимыя мысли навели г. Нагуевскаго эти слова Діомеда, нужно раскрыть 95 страницу разсматриваемой книги. Вмѣсто всякихъ возраженій, ограничусь этимъ указаніемъ на прямой ихъ смыслъ.

Итакъ, Квинтиліанъ вовсе умалчиваетъ объ Эннѣ, какъ сатирикѣ, и въ этомъ совершенно сходится съ Горациемъ, который, какъ извѣстно, изобрѣтателемъ (*inventor*) сатиры называетъ Луцілія (*Sat. I, X, 48*). И Гораций, и Квинтиліанъ, конечно, хорошо знали

¹⁾ Въ старинной редакціи Пуче, которая теперь оставлена. Вмѣсто «non arid Græcorum», Кельдъ читаетъ «non quidem».

исторію своей отечественной литературы. Притомъ, второй изъ нихъ, какъ также извѣстно, былъ большимъ почитателемъ Эннія, а первый очень не жаловалъ Луцілія и, несмотря на то, не задумался связать съ его именемъ начало римской сатиры. Какъ же все это случилось? Дѣло объясняется очень просто тѣмъ, что Энній, не говоря уже о Пакувіи, никогда не писалъ сатиры. Это, впрочемъ, видно и изъ приведеннаго свидѣтельства Діомеда, гдѣ Энній и Пакувій ясно и рѣзко отдѣляются отъ Луцілія, Горація и Персія. До сихъ поръ еще господствующее въ наукѣ мнѣніе о двухъ первыхъ изъ названныхъ писателей, какъ о сатирикахъ, очевидно основано на простомъ недоумѣніи. Оно основано на неточныхъ и неправильно поматыхъ показаніяхъ Порфиріона и Доната, изъ которыхъ одинъ въ своихъ замѣткахъ къ Горацію (*Sat. I, 10, 47*), а другой къ Теренцію (*Phormio, II, 2, 26*) говорятъ то о четырехъ, то о шести книгахъ сатиры, написанныхъ будто бы Энніемъ. Свидѣтельства о Пакувіи, какъ сатирикѣ, еще болѣе ничтожны. Въ русской литературѣ уже лѣтъ десять тому назадъ было не только высказано, но и подробно развито предположеніе о томъ, что названіемъ *satura* Энній озаглавилъ сборникъ разнообразныхъ своихъ стихотворныхъ произведеній, памятуя древній смыслъ этого слова, какъ опредѣлилъ его Фестъ въ своемъ лексиконѣ. При этомъ была выражена надежда, что ученый ареопагъ не замедлитъ разжаловать Эннія, вмѣстѣ съ Пакувіемъ, изъ разга сатириковъ¹⁾. Эта надежда сбылась даже раньше, чѣмъ можно было ожидать. Вотъ, напримѣръ, что, по поводу этого вопроса, мимоходомъ и безъ всякой дальнѣйшей аргументаціи, говоритъ Тейфель въ своей исторіи римской литературы (ч. I, стр. 127): „*Ferner gab Ennius satirae heraus in dem Sinne einer Sammlung vermischter Gedichte in verschiedenen Maassen*“. Очень жаль, что г. Нагуевскій не ознакомился съ этимъ новымъ взглядомъ на Эннія. Это ознакомленіе было для него не только обязательно, но и необходимо, потому что при этомъ условіи разсматриваемая книга явилась бы хотя въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣлахъ въ болѣе приличномъ видѣ.

Страницы, посвященныя г. Нагуевскимъ Варрону Реатинскому, очень слабы. Это не болѣе, какъ небрежныя и случайныя выписки изъ добросовѣстной и почтенной монографіи г. Помяловскаго о знаменитомъ

¹⁾ Въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, въ январской лѣткѣ за 1870 года. См. критическую статью по поводу книги г. Помяловскаго «*Марк Теренцій Варронъ Реатинскій*».

римскомъ полигисторѣ. Относительно его замѣчательной личности читатель этихъ страницъ оставляется въ полномъ невѣдѣніи, какъ будто это былъ какой-нибудь заурядный писатель. Въ числѣ множества другихъ существенныхъ подробностей не уяснены вопросы о томъ, что такое Мениппова сатира, можно ли прослѣдить вліяніе Гадарскаго философа на Варрона и т. д. Не приведено также изъ него ни одного отрывка, что особенно странно послѣ цѣлаго ряда безцѣльныхъ выписокъ изъ Энія, которымъ нашъ авторъ удѣлилъ такъ много мѣста въ началѣ разсматриваемой главы. Все это, однако, не помѣшало ему распространиться (стр. 106) о различіи мениппей отъ сатиры Энія и Луцилія и заключить свое изслѣдованіе о Варронѣ докторальнымъ заявленіемъ, что все значеніе мениппей въ римской литературѣ основывалось исключительно на томъ, что онѣ представляли собою богатый лексическій и метрическій матеріалъ. Выходитъ такимъ образомъ, если успокоиться на изслѣдованіи г. Нагуевскаго, что Варронъ былъ какой-то ничтожный писатель, а Эній великій сатирикъ! Ну, и пусть будетъ такъ.

Въ самомъ началѣ пятой главы, посвященной Горацию и Персію, нашъ отечественный Квиптиліанъ, на подобіе древняго своего собрата, начерталъ въ общихъ чертахъ слѣдующую характеристику римскихъ сатириковъ: „Тогда какъ Луцилія нападаетъ, Персію говорить съ гнѣвомъ, принявъ роль стояка, Ювеналъ негодуетъ на всѣхъ и каждого, Гораций не становится нигдѣ на точку моралиста, но шутитъ и смѣется“ (?!).

Нельзя не остановиться на этихъ удивительныхъ словахъ, такъ какъ они, вмѣстѣ съ пояснительными къ нимъ дополненіями, бьютъ въ глаза и выставляютъ въ яркомъ свѣтѣ полное отсутствіе въ нашемъ авторѣ малѣйшихъ слѣдовъ критическаго анализа.

Представленная г. Нагуевскимъ характеристика Луцилія очевидно неполна, такъ какъ онъ не только нападалъ на своихъ современниковъ, но и трактовалъ въ своей сатирѣ о разныхъ другихъ, казалось бы, не подходящихъ къ ней предметахъ, напримѣръ, объ орографіи. Но оставимъ въ покоѣ Луцилія, о которомъ уже была рѣчь, и перейдемъ къ Персію, который „говоритъ съ гнѣвомъ“, между тѣмъ какъ Ювеналъ „негодуетъ“. Какое тонкое различіе! Изъ словъ „принявъ роль стояка“ можно бы заключить, что гнѣвъ Персія самъ по себѣ, а негодованіе Ювенала также само по себѣ, но самъ авторъ не даетъ намъ права придти къ такому заключенію, потому что на стр. 122-й дополняетъ характеристику Персія слѣдующими достопа-

мятными словами: „онъ нападаетъ вмѣстѣ и на народъ и на знатныхъ, со всѣхъ срываетъ маску и обначаетъ гнусность современныхъ нравовъ“. Очевидно, тутъ дѣло идетъ не о стоическомъ гнѣвѣ (то-есть не о теоретическомъ), а о гражданскомъ; какими былъ проникнутъ и хвалился Ювеналъ, какъ это видно изъ знаменитаго его выраженія „facit indignatio versum“. Мнѣніе г. Нагуевского о Персіи очень оригинально. До сихъ поръ всѣ понимающіе дѣло ученые считали его самымъ безобиднымъ сатирикомъ, не имѣвшимъ почти ничего общаго съ современнымъ ему міромъ и пребывавшимъ въ абстрактной области идеаловъ, навѣянныхъ ему тою философскою школою, которой онъ былъ такимъ жаркимъ сторонникомъ. Можно было ожидать, что г. Нагуевскій не признастъ справедливости такого воззрѣнія и поддержитъ столь категорически высказанное имъ противоположное мнѣніе о литературной личности Персіи. Выходитъ, однако, не такъ. На стр. 122 нашъ авторъ совершенно неожиданно заявляетъ, что Персіи „изображаетъ не столько истинную картину своего вѣка, сколько вообще свойства человѣческой природы“, а въ примѣчаніи къ этой тирадѣ приводитъ изъ моей книги „Сатиры Персіи“ слѣдующія слова: „если поэтъ и обращается иногда для подтвержденія своей доктрины къ явленіямъ жизни, то рисуетъ не римскую національность, какою она являлась въ его время, а жизнь всеобщую и всевременную“. Вспоминаемъ прежнее заявленіе автора на ту же тему и съ недоумѣніемъ спрашиваемъ: какія же тутъ нападки, срыванія масокъ и обнаженія гнусности современныхъ нравовъ? Какого же, наконецъ, мнѣнія держится нашъ авторъ о сатирахъ Персіи? Вотъ что значитъ механическое выписываніе изъ чужихъ книгъ, слѣды котораго, къ сожалѣнію, такъ часто замѣчаются въ разсматриваемомъ „литературно-критическомъ изслѣдованіи“.

Съ позволенія автора, измѣняю тотъ порядокъ, въ которомъ онъ почему-то разставилъ римскихъ сатириковъ, и перехожу къ Горацию. Онъ, какъ мы видѣли, по словамъ г. Нагуевского „не становится ни гдѣ на точку моралиста, но шутитъ и смѣется“. Это сказано въ началѣ 109-й страницы, а въ концѣ ея дальнѣйшая характеристика Горация принимаетъ такой оборотъ: „Онъ кротко укоряетъ и осмѣиваетъ глупыхъ и непостоянныхъ, недовольныхъ своею судьбою, суетныхъ и тщеславныхъ, скупыхъ до грязности и корыстолюбивыхъ, расточительныхъ, роскошныхъ и обжорливыхъ, сладострастныхъ, несправедливыхъ и зложелательныхъ, лстныхъ, бовзливыхъ и подозрительныхъ, преступныхъ, наконецъ, всѣхъ, преданныхъ какому бы то

ни было роду слабостей и пороков". Да развѣ это не моралистъ? Развѣ не моралистъ тотъ писатель, который (чтобы ограничиться хотя однимъ особенно яркимъ примѣромъ) въ своей знаменитой VI сатиры (I книга) высказалъ такіа высокіа чувства, говоря о своемъ отцѣ? ¹⁾ Девизъ Горация дѣйствительно былъ „*ridendo discere verum*“, вмѣсто Ювеналовой „*indignatio*“, онъ дѣйствительно ввелъ въ свою сатиру другой элементъ, а именно насмѣшку или смѣхъ, но развѣ моралистъ не можетъ, подобно нашему Гоголю, пользоваться этимъ элементомъ? Развѣ смѣхъ лишаетъ мораль ея силы? Развѣ онъ не можетъ прорываться сквозь „невидимыя міру слезы?“ Развѣ ошибается Гораций, говоря:

„Шутка часто сильнѣе разить, чѣмъ суровое слово“?

Пусть подумаетъ объ этомъ г. Нагуевскій, теоретическіа воззрѣнія котораго также, какъ видно, не отличаются особенною силою, а мы, между тѣмъ, обратимъ вниманіе на другія диковины, которыя поразили насъ въ трактатѣ его о Горациѣ. Вотъ, напримѣръ, извѣстіе о томъ (стр. 112), что онъ „въ нѣкоторомъ отношеніи пожертвовалъ плавностію и величественностію героическаго размѣра, стараясь придать ему характеръ повседневнои разговорной рѣчи“. Это заявленіе не мало удивитъ всякаго, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ характеромъ твореній Горация, да и самъ авторъ на слѣдующей же страницѣ говоритъ, что „этотъ поэтъ посвящалъ много времени, труда и усидчивости на отдѣлку своихъ произведеній“. Дѣйствительно, никто изъ римскихъ поэтовъ не заботился столько о ви́шнемъ изяществѣ своей рѣчи, объ этой, какъ онъ выражается, *lithae sigae*. Въ силу этого культа изящнаго Гораций, какъ извѣстно, постоянно уваживалъ Римлянамъ на греческую литературу какъ на достойный подражанія образецъ, и постоянно ратовалъ противъ своихъ предшественниковъ въ поэзіи, у которыхъ онъ не находилъ этого, столь необходимаго въ его глазахъ литературнаго элемента, всецѣло входившаго въ его эстетическую теорію. Какимъ же образомъ такой поэтъ (да и не такой, а какой угодно) могъ бы наумѣренно жертвовать плавностію своей рѣчи? И откуда онъ, г. Нагуевскій, позаимствовалъ такую парадоксальную премудрость? Оказывается, что онъ позаимствовалъ ее у какого-то Раппольта, но и тутъ перепуталъ, такъ какъ этотъ ученый говоритъ вовсе не о плавности героическаго размѣра, а объ *elegantia*. Впрочемъ, и

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ въ моей книгѣ «Гораций и его время». Стр. 24 и слѣд.

Раппольтъ не очень умно утверждаетъ, будто сатирики очень часто съ намѣреніемъ пишутъ не изящныя стихи для того, чтобы порицаемые въ нихъ люди видѣли, что дѣло главнымъ образомъ идетъ объ ихъ исправленіи (ut..... qui reprehenduntur agnoscant, nihil ea scriptione quasi praeter ipsorum emendationem). А г. Нагуевскій предпосылаетъ этой навивной латинской цитатѣ слѣдующее замѣчаніе: „Весьма удачно по этому поводу замѣчаетъ Раппольтъ“ и пр. В первыхъ, не по этому поводу, а, во-вторыхъ, весьма неудачно.

На той же 113-й страницѣ мы отмѣтимъ еще одну фразу г. Нагуевского, которая мало того что противорѣчитъ только что рассмотрѣннымъ его заявленіямъ, но и сама по себѣ отличается весьма печальнымъ недомысліемъ, а именно: „Венузійскій поэтъ избѣгалъ всякихъ шероховатостей, свойственныхъ стихамъ Энія, Лудилія и Варрона“. Это все равно, какъ если бы кто сказалъ: Пушкинъ избѣгалъ всякихъ шероховатостей, свойственныхъ стихамъ Державина, Сумарокова и Княжнина. Нужно было хотя немного подумать о томъ, могли ли всѣ эти поэты, какъ латинскіе, такъ и русскіе, избѣгнуть литературныхъ шероховатостей. У Горация ихъ мало, не только потому, что онъ очень заботился о внѣшности своихъ стиховъ, но и потому, что стихотворная рѣчь достигла въ его время большаго развитія, чѣмъ при его предшественникахъ. На томъ же основаніи не только у Пушкина, но и у любого теперешняго рюмонлета меньше шероховатостей, чѣмъ у Державина, то-есть, не потому меньше, что теперешній рюмонлетъ избѣгаетъ ихъ, а Державинъ не избѣгалъ, а по причинамъ отъ послѣдшаго не зависѣвшимъ.

Но довольно о Горациѣ, довольно не потому, что нечего болѣе сказать по поводу взглядовъ на него, заявленныхъ г. Нагуевскимъ, а потому, что ломать копыя можно только съ человѣкомъ вооруженнымъ. Какъ-то совѣстно и скучно нападать на безоружнаго противника, какимъ очевидно является нашъ авторъ. Опровергать или оспаривать критикъ можетъ только убѣжденіе, несогласныя съ его собственнымъ взглядомъ, а какія убѣжденія могутъ быть у автора, который пассивно относится ко всему печатному и почти постоянно сопоставляетъ противоположныя мнѣнія, недоумѣвая, которому изъ нихъ слѣдовать?

На этомъ основаніи я не считаю нужнымъ подробно останавливаться также на всѣхъ показаніяхъ г. Нагуевского о Ювеналѣ, который, какъ мы видѣли, „негодуетъ на всѣхъ и cadaго“. Эта характеристика также находится въ полномъ противорѣчій какъ съ научными данными, такъ и съ другими заявленіями самого же автора. Возьмемъ для при-

мѣра IV сатиру Ювенала, гдѣ онъ такъ живо описываетъ засѣданіе сенаторовъ, которыхъ Домиціанъ вызвалъ въ свою Альбанскую виллу, для рѣшенія вопроса о томъ, что дѣлать съ огромнымъ ромбомъ, пойманнымъ и принесеннымъ ему въ даръ бѣднымъ Пиценскимъ рыбакомъ. Между ними поэтъ называетъ Пегаса, прибавляя, что это былъ „честный человѣкъ и строгій блюститель закона“, а вслѣдъ затѣмъ называетъ „пріятнаго, добродушнаго и краснорѣчиваго Криспа“. Г. Нагуевскому извѣстны эти факты (стр. 244), но онъ не обратилъ на нихъ надлежащаго вниманія. Съ приведеннымъ заявленіемъ въ тѣсной связи находится и другой его отзывъ о Ювеналѣ, на стр. 200, а именно: „нигдѣ онъ не рисуется хорошей стороны современнаго (ему?) вѣка или лица“. Это также не совсѣмъ вѣрно и въ разсматриваемомъ трудѣ можно указать не на одну страницу, гдѣ говорится иное. Вотъ, напримѣръ, характеристика XI сатиры, представленная нашимъ авторомъ на стр. 336: „По своему тону и характеру она весьма близко подходитъ къ сатирическимъ произведеніямъ Горация. Въ ней поэтъ является въ свѣтломъ, праздничномъ настроеніи духа“ и проч.

Вообще по книгѣ г. Нагуевского очень трудно уяснить себѣ нравственную личность Ювенала. Возьмемъ, для примѣра, вопросъ о политическихъ его убѣжденіяхъ. Нашъ авторъ нѣсколько разъ касается этого вопроса, но рѣшаетъ его то такъ, то иначе, смотря по тому, какая передъ нимъ лежитъ книга. Вотъ, что онъ заявляетъ на 420 стр., ссылаясь при этомъ на Видала: „По своимъ политическимъ убѣжденіямъ Ювеналъ, подобно Тациту (?), принадлежитъ къ приверженцамъ республики“. Вслѣдъ затѣмъ римскій сатирикъ называется демократомъ. А на слѣдующей страницѣ, ссылаясь на Марта, авторъ пишетъ, что хотя Ювеналъ и республиканецъ по убѣжденію, но „подобно Персію (?), Тациту, Плинію Младшему и другимъ лучшимъ людямъ того времени, не требуетъ восстановления прежнихъ формъ правленія. Онъ преслѣдуетъ не имперію, но ея безнравственныхъ правителей и воцареніе „лучшаго“ изъ римскихъ императоровъ (то-есть Траяна) привѣтствуетъ столь же радостно, какъ и минувшія времена царей и трибуновъ“. Какой же это республиканецъ и кто же, наконецъ, Ювеналъ? Для того, чтобы выйти изъ этой дилеммы, необходимо слѣдовало разъяснить, что мирило съ монархіей человѣка, пережившаго ужасное время Домиціана. Нашъ авторъ, который внесъ въ свою книгу такъ много лишняго, не считъ дужными такихъ разъясненій. Очень также жаль, что въ разсматриваемой части

своего труда онъ поддался вліянію французскихъ ученыхъ, которые, какъ извѣстно, при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, очень часто имѣютъ въ виду не столько науку, сколько политику. При этомъ они очень развязно и храбро уничтожаютъ прямой и ясный смыслъ даже такихъ свидѣтельствъ, которыя положительно мѣшаютъ господству ихъ излюбленныхъ идей. Такъ, напримѣръ, поступилъ и Гастонъ Буассье съ извѣстнымъ мѣстомъ въ X-й сатирѣ (ст. 77), гдѣ Ювеналъ, по поводу волненія, вызваннаго казнію Селна, нисколько не становясь на его сторону, съ презрѣніемъ отзывается о народной массѣ, которая обнаружила при этомъ такое малодушіе. Оно выразилось въ томъ, что толпа, изъ страха передъ Тиберіемъ, наругалась надъ трупомъ недавняго своего любимца, Селна, ставила съ пьедестала его статуи и проч. При описаніи всего этого, сатирикъ вставляетъ въ свою рѣчь слѣдующія слова: „Этотъ народъ уже давно сложилъ съ себя государственное бремя, съ тѣхъ поръ, какъ мы, на выборахъ, никому больше не продаемъ нашихъ голосовъ“. Это значить: съ тѣхъ поръ, какъ окончилась республика и началась монархія, причѣмъ о республикѣ Ювеналъ очевидно отзывается здѣсь не съ особеннымъ сочувствіемъ. Это не нравится Гастону Буассье; ему бы хотѣлось, чтобы Ювеналъ бранилъ монархію, а не тотъ режимъ, который усвоила себѣ Франція, и который стоящая теперь во главѣ ея партія считаетъ исключительно „правовымъ“ и спасительнымъ для человечества. Понадобилось ослабить прямой и ясный смыслъ Ювеналовой рѣчи, и вотъ французскій ученый, впрочемъ, одинъ изъ весьма замѣчательныхъ дѣятелей по классической филологіи, усматриваетъ въ приведенныхъ словахъ внезапный переходъ отъ одной мысли къ другой (хотя этого на дѣлѣ вовсе нѣтъ) и притомъ подъ вліяніемъ страха „за спокойствіе своихъ старческихъ лѣтъ“, который будто бы внезапно обуялъ поэта въ то время, когда онъ писалъ свою X сатиру. Казнь Селна Гастону Буассье понадобилось, безъ всякаго достаточнаго основанія, выставить едва ли не самымъ кровавымъ и вопіющимъ дѣломъ римскаго цезаризма, и подъ вліяніемъ своего оппортунистскаго наеоса онъ пишетъ: „Ничто болѣе открыто не обличало новаго порядка, ничто естественнѣе не могло перенести мысль въ древнее время республики. Казалось, будто Ювеналъ, изображая всю пошлость настоящаго, вспомнить вѣкогда знаменитое прошлое. Дѣйствительно, воспоминаніе республики уже у него въ сердцѣ, имя ея уже на устахъ: „все измѣнилось, говоритъ онъ, съ тѣхъ поръ, какъ“..... Но здѣсь смѣлость его оставляетъ; быть можетъ, онъ увидѣлъ гдѣ либо

проходящимъ центуріона цезаря. Онъ оканчивается: „все измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ мы не продаемъ болѣе своихъ голосовъ“. И вотъ, республика осмѣяна, въ то время, какъ намъ казалось несомнѣннымъ услышать ея похвалу“.

Очень понятно или, вѣрнѣе, очень обычно, что Французъ, согласно съ временнымъ настроеніемъ своей отечественной интеллигенціи, или даже просто въ угоду господствующей политической партіи, дѣлаетъ такія непозволительныя натяжки безъ всякаго къ тому научнаго повода, но съ какой стати мы-то будемъ переносить подобныя приемы въ нашу молодую науку? А между тѣмъ г. Нагуревскій, которому „печатный каждый листъ быть кажется святиня“, въ своихъ прикѣпчаніяхъ къ 414 страницѣ находитъ приведенное французское объясненіе правдоподобнымъ и остроумнымъ. Мало того; оно внушило ему (ibid.) слѣдующія загадочныя соображенія: „эти неожиданныя переходы (у Ювенала) отъ одной мысли къ другой, эти недосказанныя слова встрѣчаются очень рѣдко, и въ первыхъ книгахъ сатиры они вовсе незамѣтны (?); кое гдѣ они мелькаютъ только въ послѣднихъ, написанныхъ въ преклонные годы: ихъ озаряетъ какая то нравственная и философская мораль, болѣе спокойная и сдержанная, чѣмъ именованное негодованіе юношескихъ лѣтъ. Парѣдка только это негодованіе подмываетъ съ прежнею силою и болѣе всего скрывается въ тѣхъ недосказанныхъ мысляхъ, въ тѣхъ полусловахъ и неожиданныхъ переходахъ, которые скорѣе должно назвать нѣкимъ протестомъ противъ всего тогдашняго строя, порывомъ гнѣва, сдерживаемымъ обстоятельствами, словомъ правды, замирающимъ на устахъ гнетомъ воспоминаній о прошломъ горѣ, даже невольнымъ опасеніемъ за спокойствіе своихъ старческихъ лѣтъ, чѣмъ доказательствомъ компрометирующимъ честность и безупречность убѣжденій сатирика“. У меня вѣтъ подъ рукою вступительной лекціи о Ювеналѣ Гастона Буассье, изъ которой нашъ авторъ позаимствовалъ всѣ эти фразы о неожиданныхъ переходахъ и недосказанныхъ словахъ въ произведеніяхъ римскаго сатирика. Полагаю, однако, что у французскаго писателя все это изложено нѣсколько иначе, такъ какъ, при всей своей преданности, на которую мы только что указали, онъ хорошо владѣетъ и мыслью, и словомъ. Дѣйствительно, недосказанные слова, слова правды, замирающія на устахъ и проч., все это признаки волненія, подъ гнетомъ котораго находится писатель, а оно свойственно молодымъ, или, по крайней мѣрѣ, бодримъ годамъ въ горадо большей мѣрѣ, чѣмъ старческому возрасту. Кромя того, оно находится

въ тѣсной связи съ тѣми условіями, среди которыхъ приходится жить человѣку. Перехода отъ этихъ общихъ положеній къ вопросу о Ювеналѣ, мы должны припомнить, что первая его сатира писана при Домиціанѣ, „этой язвѣ человѣческаго рода“, какъ онъ его называетъ, а послѣднія при Траянѣ, и притомъ въ старости. Вотъ почему, по словамъ самого же автора, ихъ озаряетъ спокойная и сдержанная мораль. На какомъ же основаніи онъ, вопреки исторической правдѣ и логикѣ, утверждаетъ, что означенные признаки, т.-е. внезапные переходы, умолчанія и проч. составляютъ характеръ послѣднихъ сатиръ Ювенала? Если гдѣ искать этихъ признаковъ, то именно въ первой его сатирѣ, гдѣ больше всего слѣдовъ происходящей отъ волненія прерывистой рѣчи. Да и какой могъ быть у Ювенала поводъ опасаться за спокойствіе своихъ старческихъ лѣтъ въ царствованіе того кесаря, котораго, какъ мы уже видѣли, онъ считалъ наиболѣе надежнымъ и единственнымъ въ свое время покровителемъ литературы? Очевидно, здѣсь двойное, а, можетъ быть, и тройное недоразумѣніе, такъ какъ авторъ противорѣчитъ самому себѣ, даннымъ науки и, по всей вѣроятности, тому ученому, котораго онъ на этотъ разъ избралъ своимъ менторомъ. Въ результатѣ же всѣхъ этихъ недоразумѣній и противорѣчій вышла невообразимая путаница.

Мы видѣли, что г. Нагуевскій называетъ Ювенала демократомъ (стр. 420). А выше сказано, на стр. 274: „поэтъ, какъ справедливо замѣчаетъ Маргъ, не выказываетъ себя врагомъ натриціата“ и почти вслѣдъ затѣмъ: „Ювеналъ не имѣетъ въ виду понести тогдашнюю знать, подъ вліяніемъ сословной ненависти низшаго класса“.

Снова приходится повторить нашъ прежній вопросъ: кто же былъ Ювеналъ, по своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ? Уже изъ простаго сопоставленія тѣхъ разногласныхъ мнѣній о его личности, которыя имѣются въ наукѣ и изъ которыхъ для cadaго можно подыскать подтвержденіе въ произведеніяхъ римскаго сатирика, ясно видно, что онъ ни демократъ, ни аристократъ, ни республиканецъ, ни монархистъ. Онъ чурался всякихъ политическихъ партій, или, лучше сказать, въ каждой изъ нихъ цѣнилъ все хорошее и ненавидѣлъ все дурное. Дѣйствительно, Ювеналъ и Тацитъ, съ которыми онъ имѣетъ такъ много общаго, не гнули своихъ убѣжденій въ какуюнибудь одну сторону, не насилывали ихъ въ угоду той или другой теоріи, а, какъ и слѣдуетъ людямъ честнымъ и трезвымъ, глядѣли на жизнь прямо и объективно. При этомъ они не руководились личными воз-

дѣльными и предвзятыми тенденціями, такъ часто ивѣющими эгоистическую подкладку, служащими тѣмъ конькомъ, на которомъ удобнѣе всего быстро выѣхать въ люди. На первомъ планѣ они ставили государственное благо и народную пользу. Вотъ къ чему, помимо всякихъ теорій и кличекъ, стремились они всѣми силами своей высокої души, глубоко сочувствуя всему, что, по убѣжденію ихъ, было для Рима своевременно и благотворно, и не разбирая изъ какого лагеря могло выѣти для него это добро. Такіе люди вездѣ желанны, особенно въ смутное время. Притомъ это были не только честные, но и очень умные люди, глубокіе знатоки человеческого сердца и историческаго фатума, который давилъ ихъ несчастную родину. Республиканцами они быть не могли, потому что хорошо понимали невозможность для Рима возврата къ минувшему, тѣмъ болѣе, что она была не политическая, а нравственная. Для восстановленія республики не только не было надлежащей почвы, но и средствъ для ея воодѣливанія. Нужно было для этого поднять въ народѣ нравственный уровень, низменность котораго и была главною причиною исчезновенія прежняго политическаго строя, а этотъ уровень въ вѣкъ Ювенала и Тацита былъ таковъ, что даже послѣднее время республики, сравнительно съ нимъ, могло казаться чуть не золотымъ вѣкомъ. При такихъ печальныхъ условіяхъ новыя Катилины и Клодіи, Суллы и Марія повторились бы въ усовершенствованномъ видѣ, и республиканскій деспотизмъ, не уступая автократіи, легко могъ изъ единоличнаго превратиться въ многоличній. Къ тому же Траянъ хотя на время помирилъ этихъ писателей съ монархіей и они хорошо понимали, что такой человекъ, живя онъ при прежнихъ порядкахъ, могъ сдѣлать для народа меньше добра, потому что, не пользуясь полною властію, встрѣтилъ бы больше препятствій для исполненія своихъ благихъ намѣреній. Съ другой стороны, однако, и на Траяна они не могли не смотрѣть, какъ на счастливую случайность, и не могли питать особеннаго сочувствія къ той монархіи, подъ тяжелымъ гнетомъ которой сложились ихъ первыя политическія убѣжденія. Вотъ трагизмъ того нравственнаго положенія, въ которомъ находились Ювеналъ и Тацитъ, вотъ откуда тотъ мрачный колоритъ, который такъ часто проявляется въ ихъ твореніяхъ.

Для того, чтобы, какъ говорится, отвести душу, Ювеналу оставалось переноситься мыслию къ той первобытной порѣ, когда римскіе нравы еще не восли на себѣ слѣдовъ испорченности и отличались сабинскою простотою. Мечти Ювенала, увлекавшія его въ эту сча-

ставлю Аркадію, конечно, не имѣли практическаго значенія. Римъ не могъ возвратиться къ этой сѣдой старинѣ, потому что въ жизни государства, какъ и въ жизни человѣка, одинъ возрастъ смѣняется другой безповоротно. Можетъ быть, Ювеналь и самъ понималъ неосуществимость своихъ *piâ desideria*, но обстоятельства сложились такъ, что его идеалъ не могъ осуществиться не только въ будущемъ (не даромъ онъ съ горечью говоритъ въ первой своей сатирѣ: „eadem facient cupientque minores“), но и въ ближайшемъ прошедшемъ, которое подготовило страшный вѣкъ Домиціана. Изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, что Ювенала можно обвинять въ отсутствіи идеала, какъ это дѣлаетъ нашъ авторъ на страницѣ 204. Писатель, который такъ строго относится къ своему вѣку во имя чести и правды, который такъ искренно скорбитъ объ упадкѣ нравовъ и рисуетъ ихъ не въ общихъ и отвлеченныхъ отъ вѣка чертахъ, а грозно указываетъ на нарушителей того нравственнаго закона, который онъ считалъ нормальнымъ и для всякаго обязательнымъ, очевидно не заслуживаетъ такого укора. Идеалъ Ювенала, хотя бы онъ и сомнѣвался въ возможности его осуществленія, какъ уже выше замѣчено, государственное и народное благо. Вотъ за что онъ ратовалъ всю свою жизнь. Уклоненіе отъ этого идеала онъ горячо и настойчиво преслѣдовалъ въ своихъ сатирахъ, и трудно понять, почему нашъ авторъ въ нападкахъ Ювенала, напримѣръ, на адвоката Кретика за то, что онъ появлялся среди народа „въ прозрачной одеждѣ“ или на матрону Мевію, которая съ копьемъ въ рукѣ выходила на арену амфитеатра, для боя съ дикими звѣрями, усматриваетъ узкій взглядъ поэта на общественный строй римской жизни (стр. 205). Отчего такіа проявленія этой жизни не должны были казаться честному и умному человѣку безобразными даже въ вѣкъ Римской имперіи? Они были чужды Риму въ періоды его болѣе или менѣе самостоятельнаго развитія, и вотъ почему Ювеналь не любилъ слѣдовъ посторонняго влияния на свою родину не только со стороны Азии, но и Греціи, что особенно ярко выразилось въ его знаменитой III сатирѣ. Не любовь Ювенала къ эллинизму, казалось бы, съ обычной нашей точки зрѣнія, должна была вызвать противъ него громы и перуны новой науки, а между тѣмъ она, и притомъ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, напримѣръ, въ лицѣ Момзена, въ этомъ случаѣ не расходится въ своихъ взглядахъ съ римскимъ поэтомъ. Она также признаетъ, что греческая культура, которой римская жизнь была обязана своимъ развитіемъ, внесла въ нее, между прочимъ, не мало и дурнаго и

много способствовала портѣ римскихъ нравовъ. Вообще чувство честнаго, умнаго и цѣльнаго человѣка, каковымъ несомнѣнно является въ своихъ произведеніяхъ римскій сатирикъ, подсказало ему много такого, что для его времени было вѣрно и разумно.

Для того, чтобы покончить съ очеркомъ нравственной личности Ювенала, которая такъ смутно обрисована въ книгѣ г. Нагуевского, прибавимъ еще нѣсколько словъ. Выше замѣчено, что римскій сатирикъ, въ силу своего нравственнаго склада, не могъ примкнуть ни къ одной изъ существовавшихъ въ его время политическихъ партій. Можетъ быть, ради большей точности, слѣдуетъ замѣтить, что онъ самъ составлялъ собою партію, которая, вслѣдствіе разныхъ историческихъ условій, никогда не была въ Римѣ, къ его горю, сильною, и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе утрачивала въ его интеллигентныхъ сферахъ своихъ приверженцевъ. Это та партія, которая въ настоящее время зовется національною и въ періоды культурной жизни народовъ вездѣ является результатомъ ихъ нормальнаго политическаго и общественнаго развитія; это именно та партія, для которой жизнь выше навѣянной извнѣ теорій, а народныя интересы выше личныхъ и перѣдко себялюбивыхъ вождельній. Повторяю, что эта партія постоянно имѣла въ Римѣ слишкомъ мало сторонниковъ, что и было одною изъ главныхъ причинъ его паденія.

Возвращаясь къ г. Нагуевскому, замѣчу, что длинный его трактатъ о Ювеналѣ написанъ довольно гладко и живо, и не лишень литературныхъ достоинствъ, но это легко объясняется тѣмъ, что упомянутый трактатъ составленъ по французскимъ книгамъ, которыми, какъ мы уже видѣли, нашъ авторъ не всегда пользовался съ надлежащею осторожностію. Изъ нихъ онъ, конечно, заимствовалъ и нелѣбую фразу на стр. 197: „Вѣкъ Августа исчезъ въ кровавомъ заревѣ деспотизма“ (?). Почтенныя, во всякомъ случаѣ, имена Видала, Буассье, Марта, Низара и проч. на каждой страницѣ упомятаго трактата бросаются въ глаза читателю, съ длинными изъ нихъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ выписками, болшею частію излишними и совершенно неумѣстными. Мозаичность работы, составляющая, впрочемъ, главный характеръ всѣхъ вообще отдѣловъ разсматриваемой книги, принимаетъ здѣсь еще не виданные у насъ размѣры. Чисто механическія выписки изъ чужихъ книгъ, перѣдко лишенные логической связи, противорѣчивыя и взаимно себя исключаютія, почти постоянно не даютъ читателю никакой возможности составить себѣ сколько нибудь опредѣленное понятіе о содержаніи и смыслѣ этой

„историко-критической“ мозаики. Это какой то необычайный, пестрый паркетъ, неумѣло и безъ всякой системы сложенный изъ разнодѣльныхъ заграничныхъ мраморовъ далеко не одинаковаго достоинства и калибра.

Рядомъ съ безконечными выписками изъ разныхъ авторовъ и простыми на нихъ ссылками, причѣмъ послѣднія, какъ мы имѣемъ основаніе думать, вообще не заслуживаютъ въ книгѣ г. Нагуевскаго особеннаго довѣрія, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ поманутаго отдѣла выписаны, безъ всякой надобности, въ подлинникѣ чуть не дѣлкою всѣ сатиры Ювенала, и тутъ же, въ верхнихъ столбцахъ, онѣ являются въ русской оболочкѣ. Я уже не разъ имѣлъ случай и поводъ указывать на неправильное отношеніе нашего автора къ латинскимъ текстамъ, точный смыслъ которыхъ очевидно ему недоступенъ. То же самое, къ сожалѣнію, прихотится повторить и теперь. Впрочемъ, г. Нагуевскій видимо уклоняется отъ переводовъ изъ Ювенала и предпочитаетъ имъ простой и не всегда умѣлый пересказъ. Что же касается до перевода, обозначеннаго коммичками, то и здѣсь онъ мѣстами поражаетъ своею странностію, не говоря уже о томъ, что въ немъ очень часто исчезаетъ не только колоритъ, но и мысль Ювеналовой рѣчи. Въ доказательство справедливости этого отзыва, приведу нѣсколько примѣровъ. Такъ на стр. 359, по мнѣнію автора, смыслъ Ювеналовыхъ словъ (Sat, I, 148): „eadem facient sapientique minores“ тотъ, что „при всеобщемъ господствѣ пороковъ, трудно будетъ и молодому человеку удержать себя въ границахъ скромной и честной жизни“. На стр. 241 слова сатирика (IV, 31) „Purpureus magni scurra palatii“ (такъ, полагаю, слѣдуетъ писать, а не Palatii), которыми онъ честитъ Криспину, г. Нагуевскій переводитъ: „одѣтый въ пурпуръ шутъ высокаго палатинскаго холма“. Во-первыхъ, можно ли назвать ничтожный по величинѣ Палатинскій холмъ высокимъ, въ особенности же могъ ли такъ назвать его итальянскій поэтъ, передъ глазами котораго отъ юности его висѣлись Аппенины и Альпы? Затѣмъ слово palatium, положимъ, могло быть употреблено Ювеналомъ въ смыслѣ Палатинъ или палатинскій холмъ, но оно имѣетъ свое специальное значеніе, а именно дворецъ. Потому точный смыслъ приведеннаго латинскаго текста нужно передать словами: „одѣтый въ пурпуръ шутъ высочайшаго двора“ или просто „придворный шутъ“. Въ VIII, сатирѣ, тамъ, гдѣ Ювеналъ, въ укоръ патриціямъ, распространяется о доблестяхъ людей, принадлежавшихъ къ высшимъ классамъ рим-

скаго общества, встрѣчаются, между прочимъ (ст. 61), слѣдующія слова:

«Nec petit Euphraten Iovenis domitique Batavi
Custodes aquilas, armis industrius: at tu
Nil nisi Cecropides transcoque simillimus Hermas.
Nullo quippe alio vincis discrimine, quam quod
Pili marmoreum caput est, tua vivit imago.»

А вотъ изъ русскій переводъ, принадлежащій г. Нагуевскому: „Вотъ не знатнаго рода юноша, устремляющійся къ берегамъ Евфрата, юноша, который въ воинственномъ увлеченіи становится подъ знамена орловъ, охраняющихъ укрощенныхъ Батавовъ. А ты, только потомокъ Бекрона, уподобляющійся глушому изображенію Гермеса; вся разница въ томъ, что у Гермеса голова изъ мрамора, ты же представляешь изъ себя живую статую“. По этому переводу выходитъ, что юноша въ одно и то же время устремлялся и къ берегамъ Евфрата (для охраны римскихъ границъ отъ Парсовъ) и къ Батавамъ, т. е. въ нидерландскую Голландію. Исполнить это на дѣлѣ было, конечно, очень мудро. Притомъ, съ какой стати было Римлянамъ охранять Батавовъ? Самъ же авторъ въ примѣчаніи къ означенному мѣсту объясняетъ, что они, вмѣстѣ съ Парсами, принадлежали къ числу заклятыхъ враговъ римскаго народа. У Ювенала, совершенно наоборотъ, говорится о томъ, что искусившійся (опытный) въ военномъ дѣлѣ юноша (а не „въ воинственномъ увлеченіи“) стремится къ Евфрату и (или) къ сторожевымъ орламъ „custodes aquilae“ (а не „подъ знамена орловъ“, что не имѣетъ смысла) укрощенныхъ Батавовъ. Выходитъ, что эти орлы, то есть, легіоны, охраняли Римлянъ отъ Батавовъ. Затѣмъ, при передачѣ словъ „transcoque simillimus Hermas“, въ которыхъ сатирикъ такъ зло надѣвается надъ римскими аристократами, г. Нагуевскій очевидно смѣшалъ статую Гермеса, то-есть, Меркурія, съ германомъ и совершенно безъ всякаго повода обозвалъ его дуракомъ. А между тѣмъ, о германѣ и о значеніи изъ въ исторіи древняго искусства уже давно была рѣчь въ нашей литературѣ¹⁾. Это были, какъ извѣстно, мраморные бюсты, а иногда и просто головы, постаменты которыхъ, также каменные, а иногда, можетъ быть, и деревянные, какъ это можно заключить изъ разсматриваемаго мѣста, имѣли четырехгранную форму и обыкновенно служивались къ иву. Въ глубокой древности, какъ видно изъ самаго на-

¹⁾ Проппера, т. I, стр. 7.

званія, такимъ образомъ дѣйствительно Греки могли изображать Гермеса, но въ историческое время подъ гермами разумѣлись вообще изображенія, усвоившія себѣ означенную форму. Часто это были головы бородатаго Бахуса, Фавновъ, разныхъ философовъ и т. д. Иногда это были двойныя, двуликія головы, въ родѣ Янусовыхъ. Таковъ, на примѣръ, извѣстный гермъ Капитолійскаго музея.

Замѣтимъ еще, что г. Нагуевскій обильно пользовался существующими у насъ переводами Ювенала и выписываетъ изъ нихъ цѣлыя страницы, хотя весьма рѣдко поясняетъ при этомъ, что онъ ихъ „придерживался“. Впрочемъ, въ другихъ своихъ трудахъ, посвященныхъ Ювеналу, которые почти цѣликомъ вошли въ рассматриваемую книгу, нашъ авторъ и этого не дѣлалъ, а ограничивался замѣчаніемъ, что его переводы тождественны съ прежними на томъ основаніи, что онъ совершенно согласенъ съ взглядами своихъ предшественниковъ на римскаго сатирика.

Наконецъ, въ заключеніе вопроса о качествахъ тѣхъ переводовъ, которыми г. Нагуевскій украсилъ свою книгу, укажу на стр. 342, гдѣ выраженіе „instrumentum vocale“ онъ передаетъ словами „подвижная машина“. Мы бы охотно приняли это за простую описку, но нѣтъ, на стр. 408 опять рѣжетъ глаза несчастная „подвижная машина“.

Трактатъ свой о Ювеналѣ авторъ заканчиваетъ главою „особенности Ювеналова языка и слога“, которая своимъ содержаніемъ далеко не соответствуетъ этому многообъщающему заглавію. Здѣсь же, вопреки ему, прибавлено нѣсколько совершенно ничтожныхъ словъ о метрикѣ Ювенала. Уже московскій профессоръ Ф. Е. Коршъ въ своей весьма дѣльной рецензій на рассматриваемое „литературно-критическое“ изслѣдованіе¹⁾, которую онъ заключилъ не очень лестнымъ для автора припоминаніемъ отвѣта халифа Омара на вопросъ, какъ поступить съ александрійской бібліотекой, заявилъ, что X глава составлена г. Нагуевскимъ очень неумѣло и небрежно. Рецензентъ, между прочимъ, совершенно справедливо упрекаетъ его въ томъ, что онъ вовсе не обратилъ здѣсь вниманія на столь извѣстныя и столь цѣнныя въ ученномъ мірѣ труды Луціана Мюллера по части римской метрики, въ которыхъ рѣчь идетъ и о Ювеналѣ. Съ своей стороны, замѣчу, что на стр. 438 г. Нагуевскій къ особенностямъ Ювеналова слога относитъ, между прочимъ: *interrogatio, exclamatio,*

¹⁾ Въ журнале *Критическое обозрѣніе* за 1880 годъ, №№ 11 и 12.

sermocinatio, allocutio, sententiae и пр. Подумаешь, что эти риторическія фигуры, какъ называется ихъ авторъ (и къ чему онѣ выписаны, очевидно, изъ какой нибудь старинной книги, полатыни?), у другихъ римскихъ писателей вовсе не встрѣчаются.

Мы не остановимся на послѣднихъ двухъ главахъ рассматриваемой книги, такъ какъ первая изъ нихъ: „Главнѣйшія положенія новейшей критики Ювеналовыхъ сатиръ“ составляетъ не болѣе, какъ перепечатку уже прежде изданной статьи, а второй, озаглавленной словами: „Полузабытыя имена римскихъ сатириковъ“, вѣроятно и самъ авторъ не придаетъ особеннаго значенія. Предлагаемая рецензія и безъ того приняла слишкомъ большіе размѣры, да и сказаннаго, полагаю, вполне достаточно для того, чтобы опредѣлить настоящее значеніе составленной г. Нагуевскимъ монографіи о римской сатирѣ.

Обращаясь отъ содержанія къ изложенію этой книги, напомнимъ, что уже выше мы обратили должное вниманіе на гладкость языка въ центральномъ, такъ сказать, ея отдѣлѣ, то-есть, въ главахъ, посвященныхъ собственно Ювеналу. Впрочемъ, и съ этой стороны книга нашего автора далеко безупречна. Иначе и быть не можетъ. Ясность, правильность и округленность языка и вообще изложенія обуславливаются такими же качествами, присущими мысли писателя, то-есть, его даровитостію. Для успѣшности ученаго труда, однако, и этого мало, такъ какъ означенныя качества находятся здѣсь кромѣ того въ полной зависимости отъ основательнаго и всесторонняго изученія излагаемаго вопроса. Нужно, чтобы онѣ были автору по силамъ. При этомъ невольно припоминаются слѣдующія умныя слова Горация:

Sumite materiam vestris, qui scribitis, aequam
Viribus, et versate diu, quid ferre recusent,
Quid valeant humeri. Cui lecta potenter erit res,
Nec faciundia deseret hunc, nec lucidus ordo.

Изъ всей предлагаемой рецензіи видно, что языкъ и вообще изложеніе г. Нагуевского не отвѣчаетъ и не можетъ отвѣчать означеннымъ требованіямъ даже на тѣхъ страницахъ его книги, которыя написаны подъ явнымъ влияніемъ французскаго красноречія. Къ приведеннымъ уже прихватамъ рѣзкихъ ея недостатковъ, въ рассматриваемомъ отношеніи, прибавимъ нѣсколько новыхъ. Такъ на стр. 219 авторъ долженъ былъ имѣть въ виду не „изчезновеніе древнихъ римскихъ фамилій“, а вырожденіе ихъ. На стр. 223 „выведенныя

нимъ (Ювеналомъ) лица все глубже и глубже повергаются въ пучину порока". Темно, да и не вѣрно, потому что тутъ же приводятся слова сатирика: „omne in praecipiti vitium stetit". На стр. 283-й и в другихъ мѣстахъ Цицеронъ постоянно и очень неудачно называетъ „новичкомъ". Развѣ этимъ словомъ точно обозначается тотъ смыслъ который Римляне придавали выраженію „homo poci"? Еще неудачнѣе (ibid.) Неронъ называется кучеромъ. Отчего бы не употребить автору, по крайней мѣрѣ, слово возница? На стр. 346 являютъ „маленькіе вѣточки", а вслѣдъ за ними (стр. 347) „осиротѣлы старики", какиx Ювеналь, конечно, не могъ имѣть въ виду. Не развстрѣчаемое у него выраженіе „ogbi senes" означаетъ бездѣтны стариковъ и вообще не имѣющихъ прямыхъ наслѣдниковъ. За такія „ogbi" обыкновенно ухаживали искатели наслѣдствъ. Римъ былъ вполнѣ таковыми пройдохами, и Ювеналь не разъ бичуетъ ихъ в своихъ сатирахъ.

Подводя итоги всего вышесказаннаго, замѣтимъ еще разъ, что неравномѣрность въ распредѣленіи матеріала, почти постоянно и правильное отношеніе къ латинскимъ текстамъ, плохое знакомство исторіей римской литературы, полная зависимость отъ чужого, хоть бы и ничтожнаго авторитета, механическое выписываніе изъ чужихъ книгъ и происходящая отсюда мозаичность работы, при полномъ отсутствіи самостоятельности и критики, неточности и неправильности въ языкѣ и въ изложеніи — таковы рѣзкіе недостатки русской монографіи о римской сатирѣ. Уже упомянутый московскій критикъ обратилъ вниманіе на то, что она механически и небрежно сшита изъ прежнихъ трудовъ г. Нагуевского на ту же тему, и при этомъ справедливо замѣтилъ, что, вмѣсто непосредственнаго изученія излагаемыхъ вопросовъ, онъ напрасно вздумалъ щегольнуть своею начитанностью въ новой литературѣ. Дѣйствительно, все это много повредило у нему достоинству разсматриваемаго труда.

Далеко не такъ смотритъ на него самъ авторъ. Онъ вполне убѣдился въ томъ, что книга его составляетъ весьма цѣнный вкладъ только въ русскую, но и въ общеевропейскую науку. Къ разсматриваемому „литературно-критическому изслѣдованію", заявляетъ онъ 7-й стр. своего предисловія, побудило его „отсутствіе въ новѣйшей ученой литературѣ труда, имѣющаго исключительною цѣлью самостоятельное, послѣдовательное изслѣдованіе развитія и характера римской сатиры съ самаго ея возникновенія до эпохи упадка". Немного выше (ibid.) говорится, что эта же самая причина, задол-

до него, г. Нагуевского, побудила „лучших издателей и исследователей Ювенала прилагать къ своимъ трудамъ объ этомъ писателѣ обстоятельные очерки, относящіеся вообще къ характеру и развитію римской сатиры“. Выходить такимъ образомъ, что г. Нагуевскій лучше лучшихъ исследователей Ювенала и вообще римской сатиры. Дѣйствительно до него, г. Нагуевского, по словамъ предисловія (стр. 6), существовалъ цѣлый „рядъ спорныхъ, нерѣшенныхъ вопросовъ, одинаково относящихся къ древнѣйшему и позднѣйшему періоду сатирической поэзіи“ и „между новѣйшими исследованіями“ по этому предмету нѣтъ ни одного, въ которомъ онъ былъ бы разработанъ съ надлежащею полнотою (стр. 8).

Мнѣ уже не въ первый разъ приходится указывать на такіе странныя и безцеремонныя притязанія нашихъ исследователей римской литературы, вѣсколько не оправдываемыя ихъ трудами. При слабомъ нашемъ съ нею знакомствѣ, подобныя заявленія, принятія на вѣру, какъ это уже и случалось, легко могутъ вводить въ заблужденіе людей неопытныхъ. Вотъ причина, которая заставила меня отнестись къ книгѣ г. Нагуевского съ должнымъ вниманіемъ и съ надлежащею откровенностію. Другая причина та, что эта книга появилась какъ диссертация на ученую степень доктора римской словесности.

И. Благошѣщенскій.

И. В. Крушевскій. Къ вопросу о гунѣ. Исслѣдованіе в области старо-славянскаго вокализма. Варшава. 1881.

Исслѣдованіе, заглавіе котораго сейчасъ выписано, представляетъ примѣненіе результатовъ, добытыхъ Ф. Де-Соссюромъ въ его „Memoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes“ (Leipsick, 1879), къ старо-славянскому языку. Результатъ этотъ состоитъ въ дальнѣйшемъ развитіи открытія Острофа (Osthoff) и Бругмана (Brugman), упростившаго вопросъ о такъ-называемомъ „первоначальномъ а“; это открытіе привело Де-Соссюра къ выясненію аrio-европейскаго вокализма. По мнѣнію Де-Соссюра, 1) всякій аrio-европейскій корень заключаетъ въ себѣ гласный звукъ а; 2) за гласнымъ а можетъ слѣдовать или обыкновенный согласный звукъ, или же звукъ (согласный или гласный), способный образовать слогъ (coefficient sonatique), каковы: і, ѵ, ѵ, ѵ, г (П), А, Q (=nl.); 3) коренной гла-

ный *a* можетъ исчезать; 4) коренной гласный *a*, можетъ замѣняться *a*.
 Полная форма *a*₁+согласная, служащая замѣною *a*, въ свою очередь сокращается черезъ исчезновение звука *a*.

Примѣняя этотъ законъ къ старо-славянскому языку, г. Крушевскій указываетъ, что первая полная аrio-европейская форма *a*₁+плавн. (*r*) имѣетъ въ старо-славянскомъ языкѣ первое соотвѣтствіе *єr*, *єл* (передъ гласною), *рѣ*, *лѣ* (передъ согласною), второе соотвѣтствіе *р*, *л*, *єр*, *єл* (передъ гласною), *рѣ*, *лѣ*, *рѣ*, *лѣ* (передъ согласною), что 2-я полная форма *a*₂+плавн. (*ч*) имѣетъ соотвѣтствіе *ор*, *ол* (передъ гласною), *ра*, *ла* (передъ согласною), и что сокращенная форма *r*₀ равняется старо-славянскимъ *р*, *л*, *єр*, *єл* (передъ гласною), *рѣ*, *лѣ*, *рѣ*, *лѣ* (передъ согласною).

Въ соединеніи того же первоначальнаго *a* съ *n* (*m*), первой полной аrio-европейской формѣ *a*₁*n* (*a*₁*m*) соотвѣтствуетъ въ старо-славянскомъ языкѣ сначала *єn* (*єm*) (передъ гласною и *j*), а затѣмъ (то-есть, второе соотвѣтствіе) *єn* (*єm*) (передъ гласною) и *лn* (передъ согласною); второй полной формѣ *a*₂*n* (*a*₂*m*) соотвѣтствуютъ въ старо-славянскомъ языкѣ *он* (передъ гласною), *лn* (передъ согласною), а сокращенной формѣ *n* (*m*) соотвѣтствуютъ *єn* (*єm*) (передъ гласною), и *лn* (передъ согласною).

Въ соединеніи того же первоначальнаго *a* съ *u* (*y*) является первая полная аrio-европейская форма *a*₁*u*, которая имѣетъ въ славянскомъ языкѣ первое соотвѣтствіе *єu* (передъ гласною), и второе соотвѣтствіе *єu* (*єo*) (передъ гласною) и *юu* (передъ согласною); затѣмъ вторая полная аrio-европейская форма *a*₂*u* имѣетъ своимъ славянскимъ соотвѣтствіемъ *ou* (передъ гласною), *ou* (передъ согласною), и наконецъ, сокращенной формѣ *u* соотвѣтствуетъ въ старо-славянскомъ языкѣ *єu*, *єo*, *o* (передъ гласною), или *ю* (передъ согласною).

То же *a*, въ соединеніи съ *i*, даетъ первую полную аrio-европейскую форму *a*₁*i*, которой соотвѣтствуетъ старо-славянское *єj* (передъ гласною), *и* (передъ согласною),—вторую форму *a*₂*i*, которой соотвѣтствуетъ старо-славянское *oj* (передъ гласною), *ьi* (передъ согласною)—и сокращенную *i*, которой соотвѣтствуетъ въ старо-славянскомъ языкѣ *j* (передъ гласною), *ьi* (передъ согласною).

Наконецъ, то же *a* безъ соединенія съ другими звуками въ первой полной формѣ равняется старо-славянскому *є*, и во второй полной формѣ равняется *ь*; сокращенная его форма не опредѣлена.

Какое же значеніе можетъ имѣть раскрытіе этого индо-европей-

слага закона въ старо-славянскомъ языкѣ? Авторъ разсматриваемаго изслѣдованія не разъясняетъ этого вопроса въ своемъ изложеніи. Онъ ограничился лишь однимъ механическимъ подведеніемъ примѣровъ подъ естественныя категоріи, указанныя въ вышеупомянутомъ старо-славянскомъ соотвѣтствіи аrio-европейскому сочетанію а+ согласная или гласная, и только въ 8-мъ положеніи, приложенномъ въ числѣ другихъ въ концѣ изслѣдованія, упомянулъ о значеніи указанного закона въ старо-славянскомъ языкѣ въ слѣдующихъ словахъ: „На первой ступени языкъ пользуется коррелятивными отношеніями для болѣе мелкихъ внутреннихъ различій, а именно—для различій словъ, принадлежащихъ одной матеріальной семьѣ (жрьѣ—сърьтъ—морь), или одной формальной семьѣ (бросить—забрасывать, кончить—закачивать). На второй ступени языкъ пользуется коррелятивными отношеніями для болѣе широкихъ внутреннихъ различій, а именно — для различій уже не отдѣльныхъ словъ, а цѣлыхъ семействъ словъ (дънь — диво—дѣва). То-есть, эти отношенія становятся однимъ изъ источниковъ, откуда происходятъ новыя корни“ (стр. 108).

Вообще говоря, изслѣдованіе это представляетъ механической подборъ фактовъ, безъ надлежащаго филологическаго ихъ изслѣдованія; къ объясненію явленій старо-славянскаго языка не примѣненъ даже самый родственнѣйшій ему языкъ литовскій, который помогъ бы истолковать собранные примѣры по отношенію къ эпохѣ латто-славянской. Предпосланныя изслѣдованію вступительныя замѣчанія о принадлежности науки лингвистики къ наукамъ „естественнымъ“, а не „историческимъ“, также не представляютъ ничего новаго. Достоинство этихъ замѣчаній состоитъ лишь въ томъ, что онѣ наложены въ строгой логической послѣдовательности.

В. В.

КОММЕРЧЕСКІЯ ОТДѢЛЕНІЯ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ ¹⁾.

Мы намѣреваемся сказать здѣсь нѣсколько словъ о коммерческихъ отдѣленіяхъ, которыя, будучи поставлены надлежащимъ образомъ, давали бы возможность получить хорошее коммерческое образованіе, столь необходимое въ настоящую пору развитія отечественной промышленности (или по крайней мѣрѣ стремленія къ этому) и тѣсно связанной съ нею торговли. Если такъ усиленно заботятся о всестороннемъ распространеніи разныхъ техническихъ знаній, для того, чтобы приготовить свѣдущихъ дѣателей для всѣхъ ступеней промышленнаго (техническаго) производства, то не ясно ли, что подобное же вниманіе должно быть обращено и на распространеніе здравыхъ понятій въ лицахъ, готовящихъ себя къ торговой дѣятельности.

Въ настоящей статьѣ я постараюсь изложить вкратцѣ положеніе коммерческаго образованія въ Россіи сравнительно съ другими государствами, а главнымъ образомъ указать на то, что по моему мнѣнію необходимо для выполненія коммерческими отдѣленіями ихъ прямого назначенія.

Обращаясь къ прошлому означенныхъ отдѣленій, нельзя прежде всего не обратить вниманія на повсемѣстную въ нихъ малочисленность учениковъ, да и то въ большинствѣ случаевъ малоспособныхъ (исключенія какъ по количеству, такъ и по качеству весьма рѣдки),

¹⁾ Предоставляемъ автору этой статьи возможность высказать его замѣчанія, но принимаемъ на себя ответственности за нихъ.—Ред.

когда, казалось бы, слѣдовало ожидать обратнаго при современномъ развитіи торговли. По моему мнѣнію происходитъ это, съ одной стороны, отъ безусловнаго стремленія общества къ высшему образованію, особенно техническому, причемъ забывается, что у насъ пока еще потребность въ лицахъ съ высшимъ техническимъ образованіемъ имѣетъ свои границы, за предѣлами которыхъ участь техниковъ является необезпеченною, вслѣдствіе невозможности примѣнить приобретенныя познанія; а также еще и отъ установившагося у насъ неправильнаго взгляда на торговую дѣятельность, какъ на предосудительную и недостойную благовоспитаннаго и порядочнаго человѣка, и при томъ вовсе не нуждающуюся въ предварительной къ ней подготовкѣ. Вотъ почему и на коммерческія отдѣленія смотрятъ у насъ какъ на учрежденія для убѣжища неспособныхъ учениковъ, а не какъ на учрежденія, вызванныя потребностію самой жизни. Общество къ сожалѣнію при этомъ забываетъ или какъ будто не хочетъ знать, что если не будетъ свѣдущихъ бухгалтеровъ, конторщиковъ, вообще свѣдущихъ хозяйственною стороною промышленныхъ предпріятій, то никакіе ученые техники не принесутъ пользы. Только при взаимодействіи тѣхъ и другихъ возможенъ успѣхъ предпріятія: одна дѣятельность дополняетъ другую, одна безъ другой безсильна. Если таково значеніе коммерческаго образованія въ промышленности, то тѣмъ паче въ торговлѣ. Съ другой стороны главная причина малочисленности учениковъ лежитъ въ организаціи самихъ коммерческихъ отдѣленій, между прочимъ въ томъ, что они не предоставляютъ тѣхъ правъ и отличій, какими пользуются всѣ самостоятельныя коммерческія училища, и которыя весьма цѣнны для торговаго люда, особенно званіе личнаго почетнаго гражданина. Кромѣ того нужно принять въ расчетъ неудовлетворительную постановку специальныхъ предметовъ и даже самаго названія нѣкоторыхъ; такъ наприимѣръ, что за учебный предметъ — письмоводство, которое изучается два года въ V и VI классахъ? Другой специальный предметъ — книговодство, и этимъ ограничивается все. Стоитъ ли же тратить два года, чтобы научиться только писать письма, да вести книги? Такъ думаютъ многіе, и пожалуй отчасти основательно. Но отъ школы требуется другое. Гдѣ же въ ней необходимыя уроки торговой мудрости? гдѣ коммерческое образованіе? неужели оно исчерпывается умѣньемъ писать торговые письма, да вести книги? Положимъ, письмоводство играетъ видную роль въ торговлѣ, такъ какъ коммерсанты постоянно сносятся между собою при помощи писемъ. Но содержаніе

ихъ такъ просто, что не требуетъ никакихъ особыхъ тонкостей въ изложеніи, и всякій развитой, знакомый съ сущностію торговли человѣкъ сумѣетъ ясно и коротко изложить въ письмѣ суть дѣла. Не забудемъ, что существуютъ на иностранныхъ языкахъ сборники торговыхъ писемъ, которыми можно пользоваться для ознакомленія съ коммерческою корреспонденціею, дѣйствительно принявшею въ торговыхъ государствахъ Европы нѣкоторыя своеобразныя формы, но, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ преподавателей, нѣтъ никакого основанія возводить ее въ особый самостоятельный классный предметъ и придавать ей большую важность. Кромѣ письмоводства и книговодства въ учебникѣхъ планахъ упоминаются еще спеціальныя предметы: коммерческая экономія въ связи съ вычисленіями и коммерческая географія, но въ аттестатахъ ученика, какъ мѣсячныхъ, такъ и выпускныхъ, о нихъ не упоминается. Первый изъ означенныхъ предметовъ сливается съ письмоводствомъ, а второй—съ общей географіею. Нужно также замѣтить, что программа коммерческой экономіи неудовлетворительна, ибо она только указываетъ на тѣ вопросы изъ политической экономіи, которые вызываютъ разные расчеты, часто встрѣчающіеся въ торговой практикѣ, почему конечно и начинается прямо вопросомъ о деньгахъ. Замѣнить же собою политическую экономію она, очевидно, не можетъ, такъ какъ она не касается многихъ важнѣйшихъ ея вопросовъ, лежащихъ въ основѣ торговой и промышленной дѣятельности (капиталъ). А между тѣмъ во всѣхъ просвѣщенныхъ торговыхъ государствахъ въ настоящее время стараются построить эту дѣятельность на началахъ, указываемыхъ политической экономіею. Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлано въ Германіи, гдѣ стараются науку о народномъ хозяйствѣ вывести за предѣлы школы; Листу, какъ выражается онъ самъ, удалось „пересадить политическую экономію съ профессорской кафедръ, изъ кабинета ученаго и сановника въ конторы фабриканта, оптоваго торговца, судохозяина, капиталиста и банкира, въ канцеларіи всѣхъ чиновниковъ и адвокатовъ, въ усадьбу помѣщика, въ собраніе земскихъ чиновъ и сдѣлать ее общіимъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей“. Въ Германіи общество проникается все болѣе и болѣе убѣжденіемъ въ важности политической экономіи для торговли и промышленности, и въ великихъ общеобразовательныхъ ея средствахъ. То ли же самое видимъ у насъ? Что касается программъ коммерческой географіи, то и она составлена не много лучше, такъ какъ независимо отъ ея расплывчивости и излишнихъ мѣстъ, заключаетъ въ

себѣ вопросы, къ ней не относящіеся и ничего общаго съ ней не имѣющіе. Таковъ весь 1-й §, большая часть 2-го §, и послѣдній вопросъ 23 §.

Чтобы устранить указанные недостатки коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ и привлечь къ нимъ учениковъ, слѣдовало бы предоставить имъ права коммерческихъ училищъ (которыя переполнены учениками) и ввести въ преподаваніе тѣ же спеціальныя предметы, что и въ упомянутыхъ училищахъ, какъ то: 1) Бухгалтерію въ примѣненіи ея ко всѣмъ видамъ торговли и промышленности, прохода ея по двойной системѣ, какъ господствующей; но при этомъ слѣдуетъ ознакомить учениковъ и съ новою русскою или тройною системою счетоводства, какъ послѣднимъ словомъ въ развитіи искусства бухгалтеріи и какъ системою, хотя еще очень рѣдко, но тѣмъ не менѣе практикуемою въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Polemica между защитниками старой и новой системъ не пришла еще ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, но все-таки нужно дать понятіе ученикамъ о новомъ способѣ счетоводства. 2) Коммерческія вычисленія, 3) Политическую экономію, 4) Законовѣдѣніе въ общемъ очеркѣ, подробнѣе же гражданское и особенно торговое право и судопроизводство (X и XI т. ч. 2), 5) Исторію торговли, 6) Коммерческую географію, 7) Технологию и 8) Товаровѣдѣніе¹⁾. Кромѣ исчисленныхъ предметовъ, по моему мнѣнію, не бесполезно бы было ввести преподаваніе краткаго курса сельскаго хозяйства съ примѣненіемъ къ нему счетоводства, такъ какъ легко можетъ случиться, что лицамъ, кончившимъ курсъ коммерческаго отдѣленія, придется быть счетоводами и управляющими въ небольшихъ имѣніяхъ; это доставитъ имъ лишнее поприще дѣятельности. Лица, кончающія курсъ въ Петровской Земледѣльческой академіи, ищутъ болѣе широкой дѣятельности въ большихъ хозяйствахъ, или посвящаютъ свои труды ученымъ занятіямъ по различнымъ многозначительнымъ и важнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства; такъ что упомянутая академія вскользь не исключаетъ, мнѣ кажется, полезности распространенія существенныхъ элементарныхъ познаній агрономіи въ

¹⁾ Въ непродолжительномъ времени являю будутъ напечатаны предполагаемыя программы спеціальныхъ предметовъ (кромѣ конечно технологіи и товаровѣдѣнія, какъ составляющихъ спеціальность технологговъ), при чемъ сдѣлано и распредѣленіе по классамъ и числу часовъ. Кромѣ того будутъ приготовлены и вопросы для устнаго экзамена по бухгалтеріи.

лицахъ, кончающихъ курсъ въ коммерческихъ отдѣленіяхъ, особенно въ виду предполагаемаго распространенія тѣхъ же знаній въ сельскихъ школахъ. А то можетъ случиться, что работники будутъ имѣть хорошія свѣдѣнія о хозяйствѣ, а управляющій никакихъ. Но понятно, что сельское хозяйство должно играть въ курсѣ второстепенную роль, такъ какъ главная цѣль коммерческихъ отдѣленій—готовить образованныхъ коммерсантовъ. Для вполне успѣшнаго прохожденія какъ общихъ, такъ и специальныхъ предметовъ необходимо курсъ сдѣлать 7-лѣтній, что дастъ еще возможность лучше изучить французскій и нѣмецкій языкъ, а также ввести съ V класса и англійскій. Всѣ эти языки, на ряду съ коммерческими предметами, имѣютъ громадную важность. При этомъ въ V классѣ несомнѣнно должно уничтожить уроки рисованія, какъ совершенно не нужные, отнимающіе даромъ дорогое время, и отдать употребляемые на нихъ три часа коммерческой географіи, которую вполне умѣстно и съ успѣхомъ можно изучитъ въ этомъ классѣ, когда свѣжа еще въ памяти учениковъ общая географія (нынешнихъ 2 часа, положенныхъ въ VI классѣ на коммерческую географію—мало). Здѣсь же можно въ положенные два часа на коммерческую математику очень успѣшно кончить весь элементарный курсъ геометріи, обративъ вниманіе главнымъ образомъ на практическія задачи (см. Задачникъ геометріи Воронова), при чемъ во второе полугодіе можно даже одинъ часъ отдѣлить и присоединить его къ коммерческимъ предметамъ. Такимъ образомъ въ VI классѣ освобождаются 4 часа (2 коммерческой географіи и 2 коммерческой математики), могущіе съ большою пользою быть употребленными на спеціальные предметы. Въ этомъ же классѣ должно кончить всѣ общіе предметы, между которыми, по моему мнѣнію, химія слѣдуетъ отвести болѣе мѣста, чѣмъ это сдѣлано теперь, такъ какъ она имѣетъ весьма широкое примѣненіе въ торговлѣ (дрогисты и др.) и многихъ производствахъ. Седьмой же классъ, по моему мнѣнію, долженъ быть весь посвященъ изученію специальныхъ предметовъ и иностранныхъ языковъ, между которыми англійскій должно сдѣлать обязательнымъ, а французскій и нѣмецкій по выбору, что облегчитъ переходъ учениковъ изъ основнаго отдѣленія реальныхъ училищъ и классическихъ гимназій, гдѣ дозволяется изучать одинъ изъ новыхъ языковъ. Впрочемъ, желающіе могутъ заниматься всѣми тремя языками. Независимо отъ измѣненія и дополненія учебныхъ предметовъ и ихъ программъ, необходимо придать иной характеръ экзамену бухгалтеріи, который въ настоящую пору поставленъ неудовлетворительно, почему и не даетъ возможности экзамен-

націонной комиссіи провѣрять степень знанія и пониманія ученикомъ существа бухгалтеріи. По моему мнѣнію, совершенно нецѣбно думать, что если въ бухгалтеріи видную роль играетъ письмоводство, то и экзаменъ такого важнаго предмета долженъ быть непременно письменный. Въ этой письменности есть много механическаго, формальнаго, нисколько не выражающаго знанія и степени пониманія ученикомъ своего дѣла. Таково писаніе инвентаря, заведеніе спеціальныхъ книгъ и первоначальное разнесеніе по нимъ цѣнностей, чего никакъ нельзя избѣгнуть на экзаменѣ, но на что уходитъ не мало времени и бесполезно развлекается вниманіе, какъ ни малъ инвентарь. Въ годичныхъ классныхъ занятіяхъ есть и другія письменныя механическія работы (ордерная, срочная и друг. книги), которыя, конечно, на экзаменѣ избѣгаются. При маломъ инвентарѣ, при затраченномъ уже непронзводительно времени на механическое письмо, число сдѣлокъ дается очень незначительное, и при томъ онѣ весьма просты для пониманія и рѣшаются сравнительно легко. Никакихъ задаваемыхъ въ классное время комиссіонныхъ и другихъ сложныхъ сдѣлокъ, на которыхъ ученикъ могъ бы показать свое ясное пониманіе сути бухгалтерской, на экзаменѣ предлагать невозможно, а то пришлось бы тратить времени еще гораздо болѣе теперешнаго. А потому учитель главнѣйшимъ образомъ судить объ ученикѣ по его годичнымъ работамъ и иногда, вполне справедливо, ставить удовлетворительную отмѣтку на экзаменѣ ученику, работа котораго, повидимому, и не совсѣмъ того заслуживаетъ за ея неоконченность или нѣкоторую спутанность, не смотря на простоту сдѣлокъ, происшедшія отъ того, что ученикъ торопился писать, или боялся не перепутать массу данныхъ. Спрашивается: за что же томится ученикъ 8 и даже 10 часовъ ¹⁾? Экзаменаціонная же комиссія тутъ все-таки не причетъ: ей не на чемъ основать свои сужденія, свою оцѣнку ученика, такъ какъ она отъ него самого ничего не слышитъ. При этомъ не мѣшаетъ имѣть въ виду, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ, комиссія состоитъ не изъ спеціалистовъ, а изъ людей, незнакомыхъ съ своеобразными требованіями бухгалтеріи, какъ учебнаго предмета, вслѣдствіе чего иногда могутъ возникать недоразумѣнія и значительныя разногласія. — Изъ всѣхъ учебныхъ предметовъ, не только общихъ, но и спеціальныхъ,

¹⁾ Экзаменъ бываетъ два, а иногда три дня и каждый по крайней мѣрѣ отъ 3-хъ до 4-хъ часовъ подрядъ.

бухгалтерія есть единственный, который имѣетъ въ виду прямое и непосредственное его приѣженіе на практикѣ, развѣ только съ нѣкоторыми вышними, мелкими уклоненіями противъ школьныхъ образцовъ. А потому все преподаваніе должно быть приурочено къ означенному характеру бухгалтеріи и не должно создавать положеній невозможныхъ на практикѣ. Между тѣмъ письменные экзамены какъ разъ и создаютъ такое положеніе. Спрашивается, когда бухгалтеру приходится въ теченіе нѣсколькихъ часовъ проходить весь годичный кругъ счетоводства, отъ самаго момента возникновенія до окончательнаго заключенія? Конечно, никогда,—на экзаменѣ же все это дѣлается. Не говори уже о практической несообразности такой работы, она и съ учебной точки зрѣнія равносильна тому, еслибъ кто-нибудь предложилъ на письменныхъ экзаменахъ алгебры или геометріи рѣшать задачи на весь полный курсъ этихъ предметовъ, — послѣднее даже, пожалуй, еще имѣло бы болѣе смысла, чѣмъ первое. По изложеннымъ причинамъ мнѣ кажется, что гораздо лучше и целесообразнѣе будетъ, если, вмѣстѣ съ письменныхъ экзаменовъ по бухгалтеріи, устроить устные испытанія, во время которыхъ каждый ученикъ обязанъ представить всѣ свои годичныя работы, какъ веденныя со всѣмъ классомъ вообще, такъ и задачи, рѣшаемыя отдѣльно каждымъ. Того же можно требовать и отъ постороннихъ экзаменующихся. Въ случаѣ же какаго-либо сомнѣнія въ представленныхъ ими работахъ, имъ можетъ быть предложено и письменное испытаніе, состоящее однако только въ одномъ годичномъ заключеніи книгъ, и то начиная съ журнала, переходя потомъ прямо къ главной книгѣ. Для этого заранѣе должны быть приготовлены примѣры на всѣ предшествовавшія работы. На устномъ же испытаніи можно предлагать примѣрно слѣдующіе вопросы:

1) Привести образецъ комиссіонной сдѣлки (товарной или фондовой или вексельной) съ самаго начала ея возникновенія до окончательнаго погашенія, объяснивъ подробно всѣ сопровождающіе ее документы и способы записей во всѣхъ подлежащихъ книгахъ, съ указаніемъ ихъ формъ!

2) Объяснить послѣдовательно весь ходъ и цѣль мѣсячнаго заключенія книгъ, указавъ при этомъ отличіе одиночной отъ двойной системы, а въ сей послѣдней, — систему мѣсячнаго журнала отъ дневнаго.

3) Годичное заключеніе всѣхъ книгъ и главной въ особенности, съ указаніемъ признаковъ вѣрности счетоводства.

4) Разные вопросы объ инвентарѣ и заведеніи счетоводства. О балансахъ.

5) Примѣры вексельныхъ учетныхъ операций съ разнесеніемъ по книгамъ и формы послѣднихъ.

6) Примѣры сдѣлокъ на разные процентныя бумаги и т. д., разные вопросы, зависящіе отъ умѣнья и находчивости преподавателя.

Толково знающій и понимающій свое дѣло ученикъ всѣ эти вопросы изложить ясно, послѣдовательно, употребивъ на все сравнительно очень мало времени. Тогда и экзаменаціонной комиссіи будетъ что послушать и изъ чего вывести заключеніе объ успѣхахъ ученика. Если же почему-либо будетъ признано необходимымъ сохранять существующіе письменные экзамены, то, по крайней мѣрѣ, кромѣ ихъ должно устроить и устные, какъ могущіе устранить разные недоразумѣнія экзаменаціонной комиссіи.

Но ученье-ученьемъ. Успѣхъ же знаний, большее ихъ развитіе и закрѣпленіе въ памяти ученика приобрѣтается еще и чтеніемъ соответствующихъ сочиненій. Въ коммерческихъ же предметахъ я признаю чтеніе однимъ изъ весьма важныхъ и необходимыхъ способовъ выяснить ученику многія весьма важныя и полезныя для него экономическія истины. Но гдѣ же взять подходящія книги? Въ частныхъ бібліотекахъ ихъ нѣтъ; въ Публичную ученикамъ не всегда разрѣшенъ входъ, да и не удобно: тратится много времени напрасно на ходьбу, книгъ съ собою на домъ, какъ извѣстно, оттуда брать нельзя, а между тѣмъ необходимую книгу слѣдовало бы имѣть всегда у себя подъ рукою. А потому, чтобы помочь ученикамъ въ этомъ полезномъ для нихъ дѣлѣ, считаю самыхъ лучшимъ устроить при училищахъ, конечно не сразу, а постепенно, ученическія спеціальныя бібліотеки. Тогда учитель можетъ задавать ученикамъ чтеніе тѣхъ или другихъ подходящихъ книгъ, затѣмъ и письменныя работы на прочитанное, или просто въ классѣ предложить ученику разказать и объяснить, что онъ читалъ и какъ понимаетъ прочитанное, а затѣмъ обратиться съ соответствующими вопросами ко всему классу, — такъ что работа одного дѣлается общимъ достояніемъ. Подобныя работы всегда будутъ интересовать учениковъ и принесутъ большую пользу, въ чемъ мнѣ пришлось самому убѣдиться. Но, къ сожалѣнію, подобныя чтенія приходилось мнѣ устраивать очень рѣдко, съ одной стороны за недостаткомъ времени, съ другой вслѣдствіе трудности найти подходящія книги.

Таковы желаемыя измѣненія въ спеціальныхъ курсахъ коммерче-

скихъ отдѣленій. Вообще, ужь если создавать эти отдѣленія, то такіа, чтобы вызывать къ нимъ довѣріе общества, вселить въ немъ вѣру въ ихъ цѣлесообразность, дать юношамъ на ряду съ общимъ образованіемъ, всестороннее, правильное, коммерческое образованіе, такъ необходимое въ настоящее время, могущее быть дѣйствительно прочною руководящею нитью будущей промышленной и торговой ихъ дѣятельности. Боячая курсъ дѣтъ 18 или 19, юноша, при солидной подготовкѣ, послѣ нѣкоторой практики, сдѣлается вполне знающимъ и разумнымъ дѣтелемъ. Только лица, получившія коммерческое образованіе могутъ внести въ торговлю и промышленность правильныя начала, духъ предпримчивости и энергіи и вытѣснить ту рутину, невѣжество и даже недобросовѣстность, какія, къ сожалѣнію, нерѣдко встрѣчаются почти на всѣхъ ступеняхъ нашей внутренней торговли, размѣры которой доходятъ до громадной цифры двухъ миллиардовъ рублей, и которая, благодаря огромности разстояній и крайней разбросанности торгово-промышленныхъ пунктовъ, ведется весьма оживленно и дѣтельно, какъ сравнительно съ внѣшней торговлей, такъ и относительно общей производительности страны. Русскому торговцу очень много дѣла и ему, для выполнения своей задачи, требуется усилій гораздо болѣе, чѣмъ за границей, вслѣдствіе сложности и разнообразія условій нашей внутренней торговли. Внѣшняя же наша торговля, имѣя пассивный характеръ, еще до сихъ поръ находится почти исключительно въ рукахъ иностранцевъ. Только въ дѣятельности Русскаго общества мореходства и торговли и недавно возникшаго Общества Добровольнаго Флота проглядываютъ серьезныя попытки къ активной внѣшней торговлѣ. Русскіе коммерсанты по преимуществу занимаютъ внутреннюю торговлю, размѣры которой, какъ сказано выше, громадны, а между тѣмъ коммерческія знанія у насъ очень не развиты. Посему давно пора нашихъ торговыхъ дѣтелей вывести изъ той школы, въ которой они выросли до сихъ поръ, а именно: — лавокъ. Эта школа въ большинствѣ случаевъ не что иное, какъ школа тяжкаго физическаго гнета, гдѣ все ученіе построено на слѣдующихъ правилахъ: обмануть, обвѣсить, запросить чуть не внятеро, и вообще обмануть не только покупателя, но и хозяина, — отсюда и недовѣріе послѣдняго къ своимъ прикащикамъ и нерѣдко обогащеніе послѣднихъ на счетъ перваго, затѣмъ банкротство со всѣми его печальными послѣдствіями для торговли. Кромѣ того порождается недовѣріе покупателя къ торговцамъ, весьма вредное для обѣихъ сторонъ. Торговли по прейсъ-

курантамъ у насъ еще, можно сказать, не существуетъ. Не безъ причины же сложилась среди торговцевъ поговорка: „не обманешь не продашь“, какъ разъ свидѣтельствующая объ изворотливости и сѣблливости нашего купца — качествахъ, восполняющихъ собою недостатокъ или даже отсутствіе коммерческаго образованія. Есть и еще поговорка: „не побойтиса — не продать“, тоже свидѣтельствующая о сомнительныхъ качествахъ нашего торговца. Но пора же наконецъ заставить забыть не очень лестные отзывы о русскомъ купечествѣ иностранныхъ путешественниковъ еще XVI столѣтія, изображающихъ его неблагонадежнымъ, и плутоватымъ. „Если, говорить Герберштейнъ, „русскимъ купцамъ давалось какое либо обѣщаніе по торговому дѣлу, то они помнили это очень хорошо и весьма строго настаивали на исполненіи его. Сами же никогда не сдерживали своего слова и пускали въ ходъ разнаго рода плутни, лишь бы какъ нибудь надуть другихъ“. А вотъ что говорить Олеарій: „они запрашиваютъ 10 и 12 талеровъ за товаръ, а потомъ отдають за полъ-гульдена и дѣлается это въ видахъ того, что необытній покупатель дастъ пожалуй 30 и 40 талеровъ за вещь, стоющую не болѣе 10. Въ дѣлахъ торговли отецъ не довѣряетъ сыну, сынъ — отцу“. И теперь еще, прислушиваясь къ разговорамъ торговцевъ, нерѣдко приходится услышать, какъ они хвастаются между собою, кому изъ нихъ удалось наиболѣе, какъ говорится, надуть кого либо. Съ большимъ пренебреженіемъ отзываются они о людяхъ, своей специальности, получившихъ образованіе. Есть еще очень много коммерсантовъ, которые положительно находятъ коммерческое образованіе совершенно лишнимъ. Въ конторѣ, магазинѣ и т. п., по ихъ мнѣнію, еще лучше можно научиться торговлѣ, такъ какъ ученикъ дѣлается практичѣе. Но они не понимаютъ, или забываютъ, что такое ученіе односторонне. Не говоря уже о томъ, что подобный ученикъ лишентъ весьма важнаго — это теоретическихъ основъ, онъ, будучи поставленъ къ другому, незнакому дѣлу, является опять ученикомъ. Особенно это сказывается въ самой важной дѣятельности, бухгалтерской. Навыкъ къ фабричному счетоводству, онъ является въ банковомъ дѣлѣ невѣждою и наоборотъ. Юноша же, получившій хорошее коммерческое образованіе, всегда и во всякомъ дѣлѣ сумѣетъ стать на правильный путь, такъ какъ онъ теоретически свѣдущій человекъ. Развѣ все равно адвокат самоучка, вышедшій изъ школы разныхъ судебныхъ канцелярій, или адвокатъ, получившій высшее юридическое образованіе? Совершенно то же и въ торговой дѣятельности.

Лучшимъ средствомъ поставить торговлю на правильныя и честныя начала—это возможно большее распространеніе коммерческаго образованія, удобнѣйшими проводниками котораго и могутъ быть коммерческія отдѣленія. Я не говорю конечно о весьма важномъ значеніи хорошихъ коммерческихъ законовъ, но какъ ни будь хороши послѣдніе, а если не будетъ торговаго образованія, процвѣтанія торговли нечего ждать. Коммерческія постановленія сами по себѣ никогда еще не способствовали умноженію капиталовъ, лежащихъ въ основѣ всякаго торговаго и промышленнаго предпріятія. Уже императоръ Петръ Великій придавалъ важность коммерческому образованію, что мы видимъ въ его интересныя собственноручныя записки, писанныя въ 1723 г. для коммерцъ-коллегии, гдѣ между прочимъ читаемъ: „Надо..... и отправлять молодыхъ купеческихъ сыновей за границу или въ Ревель и Ригу дабы они изучали тамъ торговлю“ и т. д.... Пора, значитъ, убѣдиться въ высокомъ значеніи торговли для жизни народовъ, а потому и весьма оцутительна потребность въ заведеніяхъ, которыя снабжали бы молодого купца всѣми необходимыми свѣдѣніями, состоящими въ связи съ торговлею. Коммерческія знанія — это личный капиталъ, сообщающій торговцѣ правильный ходъ, предохраняющій отъ ошибокъ и рискованныхъ предпріятій. Для купца важно знать и провѣрять всѣ условія, влияющія на сбытъ его товара, ему необходимо слѣдить за всѣми улучшеніями, за биржей, даже за политическимъ состояніемъ страны. Въ Европѣ еще въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія сознавалась необходимость торговаго образованія. Начало же устройства соответствующихъ учебныхъ заведеній было положено основаніемъ въ Гамбургѣ въ 1768 году, стараніями прусскаго коммерціи совѣтника Вурмба—коммерческой академіи. Въ ней преподавались слѣдующія науки: новая исторія, при чемъ преимущественно обращалось вниманіе на исторію торговли, коммерческая арифметика и геометрія, торговая географія, коммерческая корреспонденція, бухгалтерія, товаровѣдѣніе, технология, теорія и практика вексельныхъ курсовъ, вексельное и торговое право. Кромѣ того читались лекціи о почтовомъ, извозномъ и мореходномъ дѣлахъ, о мѣрахъ и вѣсахъ, торговыхъ обычаяхъ, пошлинахъ, податяхъ и т. д.; наконецъ, преподавались языки англійскій, французскій, итальянскій, испанскій и голландскій. Изъ этого перечня видно, какъ много требовалось отъ образованнаго торговца еще въ половинѣ минушаго столѣтія. Что же послѣ этого сказать о требованіяхъ при современномъ состояніи торговли? И дѣйстви-

тельно, теперь всё торговля страны Европы имѣютъ достаточное число коммерческихъ училищъ. Торговцы и промышленники сознаютъ тамъ необходимость усвоить себѣ достаточный запасъ полезныхъ свѣдѣній и потому гдѣ правительственныхъ учебныхъ заведеній недостаточно, они сами открываютъ школы, въ которыхъ на ряду съ общимъ образованіемъ развиваются разныя спеціальныя техническія (и торговля) знанія. Справедливо замѣчаетъ Редекъ, авторъ многихъ сочиненій (на нѣмецкомъ языкѣ) по разнымъ хозяйственнымъ вопросамъ: „Для того, чтобы съ достоинствомъ подвизаться на коммерческомъ поприщѣ, теперь недостаточно уже умѣть разбирать товары по ихъ хорошимъ и дурнымъ качествамъ, усвоить себѣ искусство простаго счета и бухгалтеріи, знать источники, откуда получаютъ обычнымъ путемъ товары, или мѣста, куда они доставляются. Современный торговецъ не только обязанъ знать таможенные уставы и что лежитъ въ основаніи ихъ въ разныхъ странахъ, также монеты, мѣры, вѣсы и весельные уставы; онъ долженъ сверхъ того изучить физическую и политическую географію всѣхъ частей свѣта, существующія въ нихъ произведенія, разныя средства сообщенія, сущность мануфактурнаго производства, словомъ и теорію и практику торговли въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Вести съ успѣхомъ торговлю въ настоящее время можно только въ связи съ основательными познаніями“. Интересно прослѣдить постепенное распространеніе коммерческихъ учебныхъ заведеній въ Европѣ. Такъ въ теченіе нашего столѣтія устроено много такихъ школъ по образцу существовавшей въ прошломъ вѣкѣ единственной въ Европѣ Гамбургской академіи. Въ Пруссіи въ 1832 г. купцомъ Капруномъ основана коммерческая академія въ Данцигѣ, въ 1839 г. общественная коммерческая школа въ Наумбургѣ и недавно въ Бреславлѣ. По предложенію банкира Гаммера, купечество въ Лейпцигѣ открыло общественное коммерческое учебное заведеніе, пользующееся теперь отличною репутаціей и переполненное учащимися. Кромѣ того въ Саксоніи находятся еще общественныя коммерческія школы въ Дрезденѣ (1844); Хемницѣ (1849) и Фрейбергѣ (1850 г.), всѣ устроены по образцу Лейпцигской. Затѣмъ видимъ ихъ въ Ганноверѣ (1837), Мюнденѣ (1837 г.) и Целле (1855 г.). Въ Австріи купечество города Лайбаха основало коммерческую школу въ 1834 г.; кромѣ того коммерческое отдѣленіе основаннаго въ Вѣнѣ въ 1815 г. политехническаго института и меркантильный отдѣлъ морской академіи въ Триестѣ. Въ 1856 г. купечество въ Прагѣ открыло высшее коммерческое учебное заведеніе, а

въ слѣдующемъ году открылись такія же училища въ Вѣнѣ и Пештѣ. Съ октября 1853 г. открыта торговая школа въ Грацѣ. Въ остальной Германіи слѣдуетъ упомянуть еще о школахъ въ Брауншвейгѣ, Дессау и особенно во Франкфуртѣ на Майнѣ. Во Франціи товарищество купцовъ-банкировъ въ 1820 году основало въ Парижѣ высшую коммерческую школу, по образцу которой во многихъ департаментахъ учреждены подобныя же институты. Въ Нидерландахъ въ 1846 году основано въ Амстердамѣ высшее коммерческое заведеніе, а въ маленькой Бельгіи, почти не участвующей во всемірной торговлѣ, а обратившей всѣ свои силы на внутреннюю торговлю и промышленность, имѣется высшая школа торговли и промышленности въ Брюсселѣ и высшій коммерческій институтъ въ Антверпенѣ, сверхъ того еще нѣсколько другихъ школъ. Высшая коммерческая школа въ Генуѣ основана въ 1850 году, а коммерческая академія въ Копенгагенѣ въ 1843 году. Россія же съ ея огромнымъ пространствомъ и населеніемъ, 400-милліонною внѣшнею торговлею и превышающею 2 миллиарда рублей внутреннею, имѣла до сихъ поръ всего четыре коммерческихъ учебныхъ заведенія: въ Петербургѣ одно (съ 1860 возникло новое, но еще только съ младшими классами общаго курса), въ Москвѣ — два и одно въ Варшавѣ. Всѣ эти учебныя заведенія даютъ образованіе едва ли $\frac{1}{20}$ долѣ всего купечества, а за симиъ остальная Россія лишена возможности получить коммерческое образованіе¹⁾. Коммерческія отдѣленія призваны восполнить этотъ важный недостатокъ.

¹⁾ У насъ недостаетъ еще торговыхъ періодическихъ изданій и популярныхъ сочиненій по торговлѣ, которыя также на ряду со школами значительно способствуютъ развитію коммерческаго образованія. Въ Европѣ существуетъ и то и другое.

И. Колумбусъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТЧЕТЪ О ДВАДЦАТЬ—ЧЕТВЕРТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГ- ГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА ¹⁾.

На соисканіе наградъ графа Уварова въ настоящемъ году было представлено авторами тринадцать историческихъ сочиненій, въ томъ числѣ три рукописныя. Для разсмотрѣнія ихъ и для постановленія о нихъ приговора была назначена Академіей особая коммиссія, состоявшая, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ гг. академиковъ: Я. К. Грота, А. Ф. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. А. Кунника, В. П. Безобразова, И. В. Ягича и адъюнкта барона В. Р. Розена.

Приступивъ къ исполненію возложеннаго на нее порученія, коммиссія устранила изъ конкурса одно сочиненіе, такъ какъ оно оказалось сборникомъ необработанныхъ матеріаловъ и потому не соответствующимъ пункту 2-му § 5 Положенія объ Уваровскихъ наградахъ. Для остальныхъ сочиненій коммиссія избрала рецензентовъ частью изъ своей среды, частью изъ числа постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ сообщить ей подробные разборы конкурсныхъ произведеній къ назначенному для того сроку. По истеченіи этого срока, коммиссія признала необходимымъ три сочиненія отложить до слѣдующаго Уваровскаго конкурса, за неполученіемъ рецензій отъ тѣхъ

¹⁾ Читана въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1881 года, непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ К. С. Веселовскимъ, часть сссѣпн, отд. 4.

лицъ, которыя приняла на себя ихъ разсмотрѣніе. Затѣмъ, по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ конкурсныхъ сочиненій, комиссія назначила одному изъ нихъ большую премію (въ 1500 руб.) и двумъ меньшія преміи (въ 500 руб. каждая).

I.

Исторія Русской Церкви. Сочиненіе профессора Московской духовной академіи, доктора богословія *Евгенія Голубинскаго*. Томъ I. Періодъ первый, Киевскій или до-монгольскій. М. 1880.

Авторъ этого сочиненія занимаетъ въ наукѣ весьма видное мѣсто такъ что всякій новый трудъ его обращаетъ на себя особое вниманіе. Его замѣчательное изслѣдованіе о первоучителяхъ славянскихъ, св. Кириллѣ и Меодіи, дано Академіи Наукъ въ 1869 году случай заявить справедливое уваженіе свое къ ученымъ заслугамъ автора назначеніемъ ему столь рѣдко присуждаемой большой Уваровской награды. Новое сочиненіе ученаго профессора возбуждаетъ въ каждомъ образованномъ читателѣ тѣмъ большее любопытство, что уже по обширности своего объема и по важности своего предмета оно представляется рѣдкимъ явленіемъ въ русской литературѣ.

Трудъ этотъ обнимаетъ собою церковную исторію Россіи до-монгольскаго времени и былъ принятъ Академіей на соисканіе Уваровскихъ наградъ на основаніи 3-го параграфа правилъ, въ которомъ самъ учредитель этихъ наградъ выразилъ желаніе, чтобы дѣйствіе ихъ простиралось и на сочиненія подобнаго рода. Всякому понятно, что, по причинѣ многихъ специальныхъ вопросовъ, изслѣдованію которыхъ посвященъ трудъ г. Голубинскаго, никто изъ членовъ Уваровской комиссіи не могъ считать себя въ правѣ явиться его специальнымъ судьей. Поэтому Академія, желая возможно строже и правильно исполнить возложенную на нее Уваровскими правилами обязанность оцѣнки этого сочиненія и въ этихъ видахъ положить въ основу своего приговора отзывъ о немъ вполне компетентнаго критика, обратилась въ совѣтъ Киевской духовной академіи съ просьбою пригласить одного изъ профессоровъ этой академіи, по усмотрѣнію совѣта, къ подробному разсмотрѣнію книги г. Голубинскаго. Киевская академія, съ обычною готовностью своею содѣйствовать дѣлу учености въ Россіи, избрала для этого своего заслуженнаго ординарнаго профессора И. И. Малышевскаго, какъ специалиста по исторіи Русской церкви.

О томъ, съ какими необыкновеннымъ усердіемъ и любовью къ самому предмету почтенный профессоръ исполнилъ принятую имъ на себя задачу, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ составленная имъ обширная рецензія, въ которой онъ подвергъ глубоко-ученой и всесторонней оцѣнкѣ главнѣйшія положенія и выводы автора. Очевидно, только важность сочиненія, выходящаго изъ ряда вонъ въ нашей литературѣ, одушевила рецензента при составленіи имъ его замѣчательной критики, которая даетъ твердое основаніе для правильнаго сужденія о трудѣ г. Голубинскаго и будетъ напечатана въ полномъ видѣ при настоящемъ отчетѣ. Ссылаясь на самую рецензію, которая, по существу предмета, обнимаетъ собою весьма многіе и разнообразныя вопросы, мы можемъ нынѣ только привести подлинными словами критика высказанныя имъ заключенія:

„Исторія Русской церкви“ г. Голубинскаго—трудъ въ высшей степени усердный и добросовѣстный, въ полной мѣрѣ дающій ощущать искреннее желаніе автора принести, по мѣрѣ своихъ силъ, пользу русской церковной исторической наукѣ. Замѣчательная выдержанность этихъ качествъ на всамъ теченіи труда и по отношенію ко всему, что въ немъ болѣе или менѣе важно, тѣмъ болѣе достойна уваженія, что она не разъ могла подпадать искушенію быть ослабленною подъ вліяніемъ постепенно слагавшагося въ историкѣ убѣжденія о невысокихъ качествахъ матеріала и предмета, надъ которыми онъ трудится, и отсюда чувства неудовлетворенности, достигаемой этимъ трудомъ обработки русской церковной исторіи, сравнительно съ предшествовавшими мысли его идеаломъ такой исторіи. Это трудъ въ полномъ смыслѣ ученый, плодъ обширнаго и глубокаго знанія, основаннаго на самомъ тщательномъ и богатомъ по запасу научныхъ средствъ изученіи историческихъ матеріаловъ, въ кругъ которыхъ вошли: во-первыхъ, русскіе источники, первостепенные и второстепенные, главныя и вспомогательныя, печатныя и рукописныя (въ немаломъ числѣ авторомъ вновь издаваемые или передаваемые по новымъ спискамъ, съ учеными примѣчаніями къ нимъ), а затѣмъ — русскіе учено-литературные труды по обработкѣ матеріала и предмета, начиная съ нынѣшнихъ въ этомъ отношеніи первостепенное значеніе трудовъ академиковъ прошлаго и настоящаго времени до малоизвѣстныхъ, но нерѣдко цѣнныхъ трудовъ исследователей мѣстной исторіи, мѣстныхъ древностей; вторыхъ, греческіе источники, и въ этой области греческіе классики, греческіе отцы и писатели и памятники древней христіанской церкви, затѣмъ, писатели и памятники византийскіе,

наконецъ ученые труды послѣ-византійскихъ или ново-греческихъ писателей и издателей памятниковъ. Необходимо признать, что еще никогда въ нашей церковно-исторической наукѣ не встрѣчалось такого широкаго примѣненія послѣднихъ группъ этого класса источниковъ и пособій, то-есть, византійскихъ и еще болѣе ново-греческихъ или послѣ-византійскихъ матеріаловъ, глубокимъ знаніемъ которыхъ авторъ много пользуется въ своей исторіи, особенно въ главахъ о церковномъ управленіи, богослуженіи, монашествѣ. Эта сторона ученаго аппарата въ „Исторіи Русской церкви“ г. Голубинскаго составляетъ одно изъ цѣннѣйшихъ приращеній въ области нашей церковно-исторической науки. Встрѣтыхъ — матеріалы, представляемые учено-литературными работами юго и западно-славянскихъ ученыхъ, воспользованные авторомъ изъ собственнаго изученія памятниковъ исторіи и литературы Славянъ. Авторъ, вадлежаще пользуясь трудами первостепеннаго значенія, какими были для него особенно труды Миклошича, не упускаетъ и другихъ, менѣе важныхъ или извѣстныхъ. Похвально въ частности вниманіе его къ трудамъ и изданіямъ галицко-русскихъ ученыхъ, какъ извѣстнымъ, такъ и менѣе извѣстнымъ. Четвертыхъ — латинскіе матеріалы, разумѣя здѣсь, послѣ латинскихъ классиковъ и писателей древней христіанской церкви, латинскіи средне-вѣковыя лѣтописи и памятники и на латянскомъ языкѣ обработанные труды и изданія позднѣйшихъ западныхъ ученыхъ XVI, XVII, XVIII и XIX вѣковъ, относящіеся къ исторіи древней церкви христіанской, къ исторіи греко-византійской церкви, къ патрологіи, агіографіи, каноникѣ, литургикѣ, археологіи, лексикографіи, исторической географіи и топографіи и т. п. Съ особеннымъ вниманіемъ относятся къ трудамъ Бингама и Дюканжа, ученый авторъ не опускаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ поправлять и пополнять ихъ, какъ то часто дѣлаетъ онъ и относительно другихъ авторовъ и изданій, которыми пользуется. Впятыхъ — сочиненія и изданія новѣйшихъ западно-европейскихъ ученыхъ, французскихъ, италіанскихъ, преимущественно же нѣмецкихъ, служившія автору въ изслѣдованіяхъ его по предметамъ изъ вышеозначенныхъ областей знанія, особенно же по предметамъ археологіи, а здѣсь въ частности — исторіи церковной архитектуры. Списокъ приведенныхъ въ исторіи г. Голубинскаго авторовъ, сочиненій и изданій, относящихся къ группѣ латинскихъ матеріаловъ, а также сочиненій и изданій новѣйшихъ западно-европейскихъ ученыхъ, такой списокъ, съ присоединеніемъ къ нему заглавій самихъ сочиненій и изданій, могъ бы дать представленіе о не-

обыкновенно многосторонней начитанности историка. Авторъ видимо съ большимъ знаніемъ и разборчивостію запасался подходящимъ для него матеріаломъ, онъ съ добросовѣстностію оговаривается тамъ, гдѣ не самъ беретъ что-либо изъ того или другаго автора или издателя, и доселѣ никто изъ нашихъ писателей и изслѣдователей по русской церковной исторіи не запасался для своихъ трудовъ по ней такимъ обиліемъ матеріала изъ означенныхъ вспомогательныхъ областей его. Въ области вещественныхъ памятниковъ авторъ восполнилъ и оживилъ свои свѣдѣнія непосредственными наблюденіями въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, замѣчательныхъ въ историко-археологическомъ отношеніи, и на греко-славянскомъ юго-востоѣ, что выгодно отозвалось на топографическихъ и археологическихъ описаніяхъ исторіи г. Голубинскаго, и это опять одна изъ новыхъ выдающихся сторонъ учености въ его трудѣ, цѣнныхъ для церковно-исторической науки. Слѣдуетъ упомянуть также о наблюденіяхъ автора въ церковно-бытовой области, особенно греко-славянскаго юго-востока, съ пользою приложенныхъ имъ къ объясненію явленій прошлаго времени, даже очень давняго.

„Съ богатимъ запасомъ учености въ области историческаго матеріала въ трудѣ г. Голубинскаго соединяется сила критики, напряженія мысли въ обработкѣ матеріала, въ выработкѣ отсюда содержанія для его „Исторіи“. Тѣмъ и другимъ обуславливаются, какъ составляющія именно отличительныя черты и достоинства „Исторіи“, самостоятельность изслѣдованія и оригинальность во взглядахъ, мнѣніяхъ и сужденіяхъ, — черты, объясняемыя еще нѣкоторымъ своеобразіемъ въ усвоенныхъ имъ началахъ и приѣмахъ критики и ученой изслѣдовательности“.

Плодомъ такой самостоятельности и оригинальности были слѣдующіе, по мнѣнію г. рецензента, весьма важныя въ научномъ отношеніи результаты и приобрѣтенія:

а) „Установленіе новаго взгляда на прошлое древне-русской церковной жизни, представляющее—въ данномъ періодѣ и долго послѣ него весьма не высокую степень развитія, и объясненіе этого факта именно отсутствіемъ настоящаго просвѣщенія, наконецъ—построеніе на этомъ основаніи всего плана „Исторіи Русской церкви“, выдержаннаго съ строгою послѣдовательностію.

б) „Освобожденіе церковно-историческаго матеріала до-монгольскаго періода отъ элементовъ легендарныхъ, сомнительныхъ, не подлин-

нихъ, съ уясненіемъ ихъ происхожденія, характера и значенія въ смыслѣ дѣйствительно историческомъ.

в) Живныя, положительныя или болѣе вѣроятныя и правдоподобныя рѣшенія многихъ вопросовъ или разъясненія сторонъ и явленій жизни церкви Русской до-монгольскаго (отчасти и послѣдующаго) времени. Изъ тѣхъ и другихъ, одна, основанная на общезвѣстномъ матеріалѣ, обязаны преимущественно началамъ и приемамъ критики; другія, вмѣстѣ съ тѣмъ новыми матеріалами, изысканными или взятыми изслѣдователемъ именно по требованію усвоенныхъ имъ приемовъ изслѣдованія (аналогія и обратныхъ заключеній отъ позднѣйшаго). Изъ первыхъ можно отмѣтить житія автора: по вопросу объ Аскольдѣ и Дирѣ и другихъ болѣе раннихъ сказаніяхъ о крещеніи Руссовъ, какими признаются азовско-таврическія; о христіанствѣ и варяго-христіанской общинѣ при Игорѣ и о самомъ Игорѣ, какъ внутреннемъ христіанинѣ; о крещеніи Ольги и Владиміра; о крещеніи Владиміромъ и послѣ него Русскаго народа; о попыткѣ Владиміра насадить просвѣщеніе въ Россію; о Ярославѣ, какъ учредителѣ библиотеки и переводчикѣ; о словѣ Иларіона, какъ торжественной, не собственно церковной, а такъ-сказать, академической рѣчи; о началѣ Русской митрополии въ видѣ автокефальной архіепископіи; о Грекахъ митрополитахъ и вообще о фактѣ нашей іерархической зависимости отъ Грековъ, какъ относительно счастливомъ для насъ, и о нашихъ попыткахъ освободиться отъ этой зависимости, и вообще о значеніи греко-византійскаго вліянія въ нашей исторіи; о соборныхъ клиросахъ, десятинникахъ, городскомъ и низшемъ духовенствѣ, и многія другія. Новыми житіями, выводами и объясненіями особенно изобилуютъ главы о церковномъ управленіи, о богослуженіи и здѣсь о церковной архитектурѣ и богослуженіи общественномъ, наконецъ о монашествѣ. Самое крупное, истинно капитальное приобрѣтеніе для науки составляютъ блистательныя изслѣдованія автора о церковномъ управленіи, церковной архитектурѣ и храмовомъ устройствѣ, изъ коихъ послѣднія превосходятъ все доселѣ извѣстное у насъ въ этой области церковно-историческихъ и церковно-археологическихъ изслѣдованій. Въ частности, относительно церковной архитектуры съ археологической точки зрѣнія слѣдуетъ замѣтить, что въ однихъ вопросахъ по этому предмету авторъ сводитъ воедино и значительно восполняетъ изслѣдованія другихъ (напримѣръ, въ вопросѣ объ иконовси); въ другихъ онъ полагаетъ даже начало этимъ изслѣдованіямъ.

„Къ достоинствамъ болѣе обыкновеннымъ, но также отличительнымъ, по степени проявленія ихъ въ „Исторіи“ г. Голубинскаго, должна быть отнесена полнота изслѣдованія и изображенія предметовъ и явленій. Объему его „Исторіи“ отвѣчаетъ обиліе содержанія. Обиная все то, о чемъ обыкновенно говорится въ нашихъ церковныхъ исторіяхъ, сочиненіе его о многомъ сообщаетъ болѣе обильныя и полныя свѣдѣнія, чѣмъ какія сообщались доселѣ; многіе предметы и явленія онъ изображаетъ съ новыхъ сторонъ. Характеристическимъ достоинствомъ труда г. Голубинскаго представляются полнота въ подробностяхъ изслѣдованія и отчетливость въ изображеніи отгѣочныхъ и видовыхъ чертъ предмета. Авторъ имѣетъ обычай опредѣлять и объяснять вслѣдъ подробность библиографическую, географическую, топографическую, археологическую, лексическую, всякій юридическій, техническій, обрядовый терминъ, вслѣдъ по возможности частности во внѣшней обстановкѣ явленія и въ признакахъ описываемаго предмета. Изображая группы людей, учрежденія, установленія и обычаи, онъ старается выяснитъ и опредѣлитъ, въ какихъ видахъ и классахъ, въ какой мѣрѣ и степени развитія или распространенія существовало то, что онъ изображаетъ. Такъ онъ пытается различить классы духовенства относительно его образованія и обезпеченія, опредѣлитъ время и стоимость книгописанія и отсюда отчасти степенъ распространенія книгъ, точно обозначить различіе въ религіозномъ воспитаніи и пониманіи верхняго меньшинства и нижняго большинства, обозначить послѣдовательныя серіи въ строеніи церквей, начавшемся за приступомъ къ крещенію народа и послѣ крещенія, обозначить по возможности всѣ видовыя отличія въ архитектурныхъ формахъ церковныхъ строеній, въ способахъ постройки, въ разныхъ частяхъ внутренняго устройства и убранства церквей, опредѣлитъ количественное отношеніе церквей, снабженныхъ богослужебными принадлежностями болѣе или менѣе великолѣпно, затѣмъ—болѣе или менѣе прилично, и наконецъ—бѣдно и скудно: количественное отношеніе монастырей ктиторскихъ къ монастырямъ самостоятельнымъ, свободнымъ, различія въ управленіи монастырей разныхъ классовъ, даже разнаго рода особенности въ принадлежностяхъ и способѣ ношенія одежды въ богослужебной и богослужебной, и такъ далѣе; словомъ, онъ стремится воспроизвестъ прошлую жизнь съ такими осязательными чертами въ ея складѣ, характерѣ и внѣшней обстановкѣ, какъ бы то была жизнь, движущаяся предъ нашими глазами. Здѣсь автору часто приходилось вступать въ область предположеній и въ-

ромтиостей. Но при широкой и сильной подкладкѣ для такихъ предположеній въ завѣстъ знаній положительныхъ, при развитой наблюдениемъ сообразительности, такъ-сказать, вглядчивости въ описываемые предметы, эти предположенія представляются вообще удачными, счастливыми".

Обращаясь отъ достоинствъ книги г. Голубинскаго къ тѣмъ сторонамъ этого труда, которыя, предъ судомъ критики, могутъ быть названы недостатками, рецензентъ выставляетъ слѣдующіе:

1) „Преобладаніе изслѣдовательности, обращаской на отдѣльные вопросы исторіи, явленія и стороны жизни, надъ воспроизводительностію исторической жизни въ ея цѣлостномъ содержаніи. Но это — недостатокъ, неизбежный при нынѣшнемъ состояніи нашей церковно-исторической науки, какъ и вообще нашей русской исторіи. Онъ значительно выкупается обиліемъ обобщающихъ опредѣленій, выводовъ и характеристикъ, находящихся въ полномъ согласіи съ общими взглядами автора на нашу церковную исторію, на историческую жизнь нашей церкви.

2) „Увлеченіе историка критическимъ направленіемъ изслѣдовательности. Это увлеченіе сказалось въ слишкомъ рѣшительномъ, отчасти поспѣшномъ заподозрѣніи въ подлинности или достоинствѣ, какъ историческаго матеріала, такъ и свидѣтельствъ и памятниковъ, которые самою важностію своею, доселѣ признаваемою большинствомъ ученыхъ, вызывали бы на болѣе осторожное къ нимъ отношеніе, какъ-то, напримѣръ, глѣтосная новѣсть о крещеніи Владиміра, у которой отнято всякое историческое значеніе, или уставы Владиміра и Ярослава. Но критиками автора именно потому, что онъ научный, обѣщаетъ принести новую пользу наукѣ, направляя на новое выясненіе заподозриваемыхъ имъ свидѣтельствъ, памятниковъ и фактовъ. То же должно сказать и объ увлеченіяхъ автора въ приѣмѣнѣніи одного изъ любимыхъ приемовъ его изслѣдовательности—обратныхъ заключеній отъ позднѣйшаго къ прошлому: не всегда такіа заключенія удачны, хотя и выкупаются многими удачными.

3) „Нельзя не указать также на нѣкоторое преувеличеніе даже въ общемъ взглядѣ автора на церковную исторію и церковную жизнь древней Руси, въ частности Руси до-монгольскаго періода, взглядѣ, формулированномъ слишкомъ рѣзко. Такъ, напримѣръ, говоря о нашемъ просвѣщеніи въ до-монгольскій періодъ, авторъ принимаетъ уровень его, умалая вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе событій, закрывшихъ для насъ дѣйствительное состояніе его и задержавшихъ дальнѣйшее дви-

женіе его, каково особенно монгольское нашествіе и поработеніе. Въ связи съ нѣскольکو преувеличеннымъ сужденіемъ автора о невысокихъ качествахъ нашего прошлаго, въ частности прошлаго до-монгольскаго періода, находится не совсѣмъ основательное уклоненіе автора отъ попытокъ къ болѣе связному и живому изображенію нѣкоторыхъ предметовъ въ исторіи этого прошлаго. Такъ, въ исторіи оригинальной письменности, вслѣдствіе слишкомъ рѣшительнаго убѣжденія въ отсутствіи въ ней всякаго движенія, не сдѣлана попытка отыскать признаки этого движенія, что должно сказать также и о письменности переводной. Такъ, въ главѣ о состояніи вѣры, правды, религиозности, авторъ не сдѣлалъ попытки выискать болѣе конкретныя черты религиозно-общественнаго воспитанія и развитія русскихъ христіанъ, выразившіяся въ нѣкоторыхъ лицахъ и типахъ представительныхъ и почетныхъ въ церковной и народной памяти.

„Если затѣмъ упомянуть о нѣкоторыхъ случайныхъ и частныхъ недосмотрахъ автора, какъ напримѣръ, въ каталогѣ митрополитовъ или въ описаніи обрядовъ и обычаевъ кабожности до-монгольскихъ предковъ нашихъ, то вѣтъ и ограничится вся совокупность недостатковъ его труда, вообще несущественныхъ, относительно которыхъ остается сказать только, что одному всего сдѣлать нельзя, что наконецъ достоинство научныхъ трудовъ не въ полномъ овладѣніи истинно, никогда не достижимомъ, а въ усиленномъ послѣдованіи ея и въ возможно большемъ приближеніи къ ней“.

Заканчивая свой приговоръ, г. Малышевскій заявляетъ, что трудъ г. Голубинскаго „по всей справедливости долженъ быть поставленъ на ряду съ самыми капитальными и наиболѣе уважаемыми трудами въ области русской церковной исторіографіи, каковы въ послѣднее время продолжающіе украшать ее труды ученаго архиепископа и академика, высокопреосвященнаго Макарія, послѣ котораго новый историкъ является дальнѣйшимъ, сильнымъ двигателемъ нашей церковно-исторической науки. Онъ обогащаетъ ее и вообще русскую историческую науку трудомъ, въ высшей степени усерднымъ и добросовѣстнымъ, истинно ученымъ, самостоятельнымъ и замѣчательно оригинальнымъ, обильно восполняющимъ досегдѣ имѣвшіяся познанія въ области предмета, къ которому относится, и направляющимъ на новые пути къ его вслѣдованію. Трудъ этотъ — такой капитальный вкладъ въ науку, какіе, къ сожалѣнію, рѣдко ей удается получать“.

Въ виду этого, профессоръ Малышевскій признавалъ сочиненіе г. Голубинскаго вполне достойнымъ большой Уваровской награды.

Комиссія единогласно согласилась съ такимъ заключеніемъ ученаго критика-спеціалиста, взвѣсивъ представленныя имъ доводы о достоинствахъ и недостаткахъ „Исторіи Русской церкви“ и приняла при этомъ въ соображеніе еще и то, что г. Голубинскій за нее призналъ отъ Московской духовной академіи достойнымъ степени доктора богословія и утверждать въ этой степени опредѣленіемъ св. синода.

II.

Вторая Турецкая война въ царствованіе императрицы Екатерины II. 1787—1791 г.
Составилъ генеральнаго штаба полковникъ *А. Н. Петровъ*. Два тома.
С.-Пб. 1880.

Постановляя свой приговоръ объ этомъ сочиненіи, комиссія основывалась на подробномъ его разборѣ, сообщенномъ ей членомъ-корреспондентомъ Академіи, генералъ-майоромъ Н. Ѳ. Дубровиннымъ, къ которому она обращалась съ просьбою рассмотреть трудъ г. Петрова, какъ къ такому ученому, которому собственныя изысканія въ области русской военной исторіи приобрѣли неотъемлемое право считаться компетентнымъ судьей въ этой области.

Въ своей рецензіи нашъ многоуважаемый сочленъ прежде всего останавливается на источникахъ, которыми пользовался авторъ, и на мнѣніяхъ его о нѣкоторыхъ лицахъ, участвовавшихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ и въ ходѣ политическихъ событій. Не придавая особаго значенія дѣятельности главнокомандовавшихъ въ Турецкой войнѣ 1787—1791 гг., князя Потемкина и графа Румянцева, авторъ признаетъ за Суворовымъ роль, на столько первенствующую, что называетъ эту войну „Суворовскою“, подобно тому, какъ первая Турецкая война известна подъ названіемъ „Румянцевской“. „Послѣдовавшее въ 1783 г. присоединеніе Крыма къ Россіи“, говоритъ г. Петровъ, — „такъ ловко подготовленное и энергически совершенное все тѣмъ же Суворовымъ, окончательно побудило Порту начать новую войну съ Россіей за обладаніе Крымомъ“. Съ такимъ мнѣніемъ рецензентъ не находитъ возможнымъ согласиться и полагаетъ, что при болѣе обширномъ знакомствѣ даже съ одною печатною литературою, относящеюся до присоединенія Крыма къ Россіи, авторъ пришелъ бы къ инымъ заключеніямъ. Кромѣ первостепенныхъ дѣятелей на разма-

триваюмъ поприщѣ, графа Н. Панина, гр. Румянцова, кн. Потемкина и Безбородка, были и другіе, каковы посланники Стахievъ и Булгаковъ, резидеvъ Веселицкій, генералы кн. Прозоровскій, Бринкъ, Де-Бальменъ и подъ конецъ—Суворовъ. Каждый отдѣльно и всѣ вмѣстѣ, они долго трудились надъ разрѣшеніемъ столь важнаго вопроса въ исторіи царствованія Екатерины II, и приписывать Суворову всю заслугу едва ли справедливо. Такое заключеніе автора рецензентъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что для выполненія своей задачи г. Петровъ счелъ достаточными матеріалы, находившіеся въ его распоряженіи.

Главное, и можно сказать—единственною своею задачею г. Петровъ считалъ описаніе военныхъ дѣйствій, и потому онъ мало касался политическаго хода событій; при этомъ источниками ему служили только дѣла военно-ученаго архива и немногіе документы, извлеченные изъ дѣлъ государственнаго архива въ Петербургѣ. Если и не ставить ему въ вину, что онъ не принялъ во вниманіе многихъ важныхъ документовъ, находящихся въ разныхъ архивахъ, не для всякаго доступныхъ, каковы, напримѣръ дѣла по управленію Потемкина, хранящіеся въ м. Рѣшетилонкѣ, Полтавской губерніи, въ иждивеніи наслѣдниковъ Попова, тѣмъ не менѣе авторъ имѣлъ возможность пользоваться для своей работы болѣе полнымъ матеріаломъ, такъ какъ многіе изъ документовъ уже напечатаны; нѣкоторые печатные источники, служившіе автору, устарѣли и не имѣютъ того значенія, какое представляютъ документы, изданные въ послѣднее время.

Представляя подробный разборъ содержанія самой книги, г. Дубровинъ указываетъ на тѣ мѣста въ ней, гдѣ желательно было бы видѣть болѣе обстоятельное изложеніе предмета, и дополняетъ это изложеніе соображеніями и фактами, на основаніи изученія источниковъ, ускользнувшихъ отъ вниманія г. Петрова.

Въ заключеніе ученый рецензентъ заявляетъ, что цѣль, которую поставилъ себѣ авторъ, вообще имъ достигнута, и что съ заданіемъ „Исторія второй Турецкой войны въ царствованіе императрицы Екатерины II“ военная литература „приобрѣла вполнѣ законченный, цѣльный и самостоятельный трудъ, особенно важный по описанію военныхъ дѣйствій. Значеніе этого труда увеличивается еще тѣмъ, что онъ, вмѣстѣ съ первымъ сочиненіемъ того же писателя „Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами съ 1769 по 1774 годъ“, представляетъ полную картину борьбы Россіи съ Турціей. Если въ

сочиненія и встрѣчаются нѣкоторыя неточности или неправильная оцѣнка событій, то это произошло отъ ограниченнаго пользованія печатными источниками, недоверія къ нимъ, а главное—отъ упущенія изъ виду матеріаловъ, хранящихся въ нѣкоторыхъ архивахъ.

Каждому труждающемуся надъ изученіемъ отечественной исторіи говорить г. Дубровицъ,—извѣстны тѣ затрудненія, часто непреодолимыя, которыя встрѣчаетъ онъ при собираніи необходимыхъ матеріаловъ, въ особенности архивныхъ. Обвинять автора въ томъ, что онъ не воспользовался тѣмъ, къ чему не имѣлъ доступа, было бы болѣе чѣмъ странно. Онъ воспользовался вполне добросовѣстно всѣмъ матеріаломъ, хранящимся въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба, и изложилъ военныя дѣйствія подробно, обстоятельно и съ критическимъ отношеніемъ къ описываемымъ событіямъ. Не ограничиваясь однимъ описаніемъ военныхъ дѣйствій нашихъ войскъ въ Европѣ и Азіи, авторъ, для лучшаго освѣщенія событій, излагаетъ попутно дѣйствія Австрійцевъ и даетъ довольно обстоятельный очеркъ войны нашей со Швеціей, такъ какъ война эта, прямо или косвенно, оказывала вліяніе на дѣйствія наши на Балканскомъ полуостровѣ. Сочиненіе А. Н. Петрова, кромѣ своей цѣнности и законченности, заключаетъ въ себѣ очень много новыхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ не изданныхъ архивныхъ матеріаловъ, и во всякомъ случаѣ составляетъ цѣнный вкладъ какъ въ военную литературу, такъ и въ исторію царствованія императрицы Екатерины II-й".

III.

Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ. Изданъ Ю. Б. Иверсеномъ. С.-Пб. 1830.

При оцѣнкѣ этого сочиненія, комиссія имѣла въ виду разборъ его, составленный, по ея приглашенію, преподавателемъ исторіи медальернаго искусства въ Императорской Академіи Художествъ Д. И. Прозоровскимъ, авторомъ сочиненія: „О монетахъ и вѣсѣ въ Россіи до конца XVIII столѣтія“, увѣнчаннаго въ 1866 году одною изъ Уваровскихъ наградъ. Рецензентъ призналъ почтенный трудъ г. Иверсена заслуживающимъ награжденія и опирался при этомъ на такихъ доводахъ, съ основательностію которыхъ комиссія не могла несогласиться. . .

Медали, выбитыя для русскихъ дѣятелей, доселѣ не были вполне приведены въ извѣстности; онѣ были извѣстны отрывочно, лишь по

экземплярамъ, случайно попавшимъ въ разные милицъ-кабинеты. Г. Иверсенъ является первымъ изыскателемъ этихъ медалей. Настоящій трудъ его — едва ли не единственный въ своемъ родѣ и вполне достоинъ уваженія какъ по объему, такъ и по старанію, съ какимъ онъ совершенъ. Надобно имѣть много терпѣнія, настойчивости и опытности, чтобы собрать такую массу предметовъ, значительное число которыхъ оставалось въ неизвѣстности и выведено на свѣтъ, благодаря знакомству собирателя съ дѣлами С.-Петербургскаго монетнаго двора, съ нумизматическою литературой и съ хранилищами, въ которыхъ многія медали находятся. Конечно, при всей обширности издаваемого нынѣ г. Иверсеномъ собранія частныхъ медалей, нельзя требовать отъ этого изданія безусловной полноты: кое-какія медали могли пропасть безслѣдно; но въ замѣвъ того отличаются полнотою частіе подборы собранія: если для какого-нибудь лица было выbito нѣсколько медалей, то г. Иверсенъ старался отыскать ихъ всѣ. О каждомъ лицѣ, ознаменованномъ одною или нѣсколькими медалями, г. Иверсенъ сообщаетъ краткія біографическія свѣдѣнія, почерпнутыя изъ разныхъ источниковъ, а иногда и изъ устныхъ сообщеній. Біографія и описанія медалей снабжены ссылками на источники и любопытными для нумизматовъ указаніями, хотя иногда и не относящимися къ дѣлу. Что касается до приложенныхъ къ изданію рисунковъ, то они исполнены подъ непосредственнымъ наблюденіемъ автора и вполне соответствуютъ требованіямъ отъ подобнаго рода изображеній. Все это дѣлаетъ трудъ г. Иверсена заслуживающимъ вниманія; въ немъ нумизматы получаютъ прекрасное руководство для познанія медалей, а русскимъ медальерамъ облегчены средства для историческаго изученія ихъ искусства. Такъ какъ имена лицъ, ознаменованныхъ медалями, расположены въ азбучномъ порядкѣ, неудобномъ для историческаго обзора, то желательно, чтобы изданіе завершилось хронологическимъ указателемъ медалей, по которому всякій нумизматъ и медальеръ могъ бы обозрѣвать медали въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ появленія.

Оцѣнивая по достоинству книгу г. Иверсена, имѣющую не малое значеніе въ русской литературѣ, рецензентъ не оставилъ безъ замѣчанія нѣкоторые болѣе крупныя недостатки ея. Прежде всего бросается въ глаза излишняя широта плана изданія, которое, по заглавію, посвящено медалямъ „русскихъ государственныхъ дѣателей и частныхъ лицъ“. Но что такое русскій дѣатель и русскій человекъ въ общемъ политическомъ значеніи? Это — люди, дѣйствующие въ интересахъ

Русскаго государства и входящіе въ составъ русскаго населенія. Между тѣмъ въ книгу включены люди, не имѣвшіе отношенія къ Россіи, а только дѣйствовавшіе когда-то въ областяхъ, уже впоследствии присоединенныхъ къ Россіи. Таковы: Финляндецъ Альманъ, умершій въ 1799 г., до присоединенія Финляндіи къ Русскому государству; пасторъ Боровскій, Прусакъ по рожденію и дѣятельности; Залусскій, умершій въ 1758 году, когда еще и мысли не было о присоединеніи Польши къ Россіи; Янъ Замоискій, умершій въ 1605 г.; Графъ Лубинскій, служившій Пруссіи и герцогству Варшавскому. Всѣ подобныя медали не были медалями русскихъ дѣятелей и русскихъ людей, но были медалями дѣятелей и людей шведскихъ, польскихъ и проч.; другими нумизматами онъ вовсе не признаются за русскія, и совершенно правильно. Поводомъ къ другому замѣчанію рецензента служить включеніе въ книгу царицы Евдокіи Теодоровны единственно по тому случаю, что повѣривъ, безъ надлежащей критики, свидѣтельству Морери, онъ приписалъ этой царицѣ названіе Оттокезы, находящееся на одной медали, выбитой нюрнбергскимъ медальеромъ Вестнеромъ послѣ 1730 года. Книгъ г. Иверсена нѣсколько вредятъ также нѣкоторыя несправности корректуры.

Но указанные недостатки, по отзыву г. Прозоровскаго, нисколько не уменьшаютъ ни достоинства, ни значенія сочиненія г. Иверсена, какъ важнаго вклада въ литературу русскои нумизматики и необходимаго пособия для нумизматическихъ розысканій.

Независимо отъ присужденія Уваровскихъ премій за историческіе труды, предпріятыя и исполненныя авторами по собственному ихъ почину, Академія имѣла удовольствіе отличить особю поощрительною Уваровскою наградою (въ 500 р.) сочиненіе, служащее отвѣтомъ на одну изъ предложенныхъ ею задачъ.

Во всѣхъ странахъ Европы, богатыхъ древними хрониками и лѣтописями, лишь очень недавно приступлено къ строго-научному изслѣдованію этихъ историческихъ памятниковъ въ отношеніи ихъ содержанія и времени происхожденія. Въ самой Германіи, столь богатой критико-историческими трудами, только въ послѣдніи десятилѣтія стали, съ несомнѣннымъ успѣхомъ, опредѣлять генеалогическое отношеніе между различными лѣтописями, съ цѣлью доискаться, какіе изъ этихъ источниковъ должны быть разсматриваемы какъ совершенно самостоятельныя, и какіе представляются въ большей или меньшей

степени компилятивными. На западѣ подобныя изслѣдованія въ которомъ отношеніи облегчаются тѣмъ, что тамъ множество хроникъ сохранилось отчасти въ очень древнихъ спискахъ; между тѣмъ въ Россіи и Литвѣ, вслѣдствіе утраты многихъ древнихъ рукописей, разборъ позднѣйшихъ компилятивныхъ хроникъ очень затруднителенъ. Въ особенности это выказывалось въ отношеніи литовскихъ лѣтописей, изслѣдованіе которыхъ однако явилось неотложною необходимостью.

Въ виду этого Академія, въ числѣ задачъ, предложенныхъ ею нѣсколько лѣтъ тому назадъ для желающихъ состязаться на получение поощрительныхъ наградъ графа Уварова, помѣстила и задачу объ изслѣдованіи состава западно-русскихъ или такъ-называемыхъ литовскихъ лѣтописей. При этомъ, чтобы не затруднить изслѣдователей объемомъ задачи, условія ея были ограничены, и соискателямъ преміи предоставлено ограничиться рассмотрѣніемъ лишь напечатанныхъ литовскихъ хроникъ.

Рѣшеніемъ этой задачи занялся преподаватель Николаевской Царскосельской мужской гимназіи И. А. Тихомировъ, снискавшій себѣ извѣстность въ кругу историковъ разборомъ такъ-называемой Тверской лѣтописи. Въ минувшемъ году онъ представилъ Академіи рукописное сочиненіе свое, служащее отвѣтомъ на означенную тему. Это сочиненіе, по отзыву нашего сочлена, академика Кункеа, вообще соотвѣтствовало тѣмъ требованіямъ, которыми можно предъявлять къ изслѣдованіямъ подобнаго рода. Главный выводъ произведеннаго авторомъ сравнительнаго изученія литовскихъ лѣтописей состоялъ въ томъ, что эти памятники слѣдуетъ вообще раздѣлить на два класса, а именно на имѣющіе полную или краткую редакцію. Въ подтвержденіе этого различія изслѣдователь представилъ столько убѣдительныхъ доводовъ, что его трудъ уже и тогда могъ бы быть признанъ достойнымъ награды. Но такъ какъ, при пособіи наличныхъ печатныхъ лѣтописей, списки которыхъ относятся къ довольно позднему времени, было не возможно выдѣлить первоначальныя литовскія лѣтописи изъ компиляцій, а это было весьма желательно, то г. Тихомирову, не смотря на все достоинство его сочиненія, былъ присужденъ только почетный отзывъ, и самое сочиненіе возвращено автору, съ тѣмъ чтобы онъ имѣлъ возможность переделывать его, и согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, вторично представить въ новомъ видѣ на соисканіе поощрительной преміи. При этомъ ему были сообщены нѣкоторыя изъ литовскихъ хроникъ, сохранившіяся въ видѣ особыхъ ру-

копсеей, въ томъ предположеніи, что онѣ принесутъ ему немаловажную пользу при распознаваніи древнихъ источниковъ въ изданныхъ матеріалахъ. Между тѣмъ внимательное сличеніе двухъ рукописей съ уже напечатанными источниками убѣдило, что онѣ не составляютъ третьей редакціи литовскихъ хроникъ, но что каждая изъ нихъ можетъ быть разсматриваема, какъ особый родъ краткой редакціи.

Со свойственною истинному ученому настойчивостью въ однажды предпринятомъ трудѣ г. Тихоміровъ во вторично представленной рукописи своего сочиненія переработалъ его согласно указаніямъ Академіи и дополнилъ новыми изслѣдованіями.

Присудивъ г. Тихомірову на этотъ разъ поощрительную премію, коммиссія имѣла въ виду отзывъ объ его трудѣ академика Кунька, которому было поручено ближайшее разсмотрѣніе этого сочиненія. Указавъ, что шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ не было извѣстно ни одной рукописной литовской хроники, и что съ того времени ихъ много открыто или въ видѣ самостоятельныхъ списковъ, или въ видѣ компиляцій, заключающихся въ хронографахъ, нашъ сочленъ замѣчаетъ, что хотя и нельзя надѣяться, чтобы въ этихъ компиляціяхъ оказались остатки древнѣйшихъ, для насъ утраченныхъ списковъ, однако необходимо, чтобы и онѣ были также изслѣдованы. Но на такое изслѣдованіе надо смотрѣть, какъ на особую задачу, за разрѣшеніе которой г. Тихоміровъ, конечно, не преминетъ взяться, когда это позволитъ ему время и обстоятельства.

Нѣкоторымъ покажется удивительнымъ, что Длугошъ († 1480 г.), при составленіи своей обширной хроники, пользовался литовскими лѣтописями — по видимому — не прямо. Слѣдуя программѣ задачи, г. Тихоміровъ сдѣлалъ сводъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ въ Бѣльскомъ и Длугошѣ, въ которыхъ рѣчь идетъ о Литовцахъ, на сколько эти мѣста или къ дѣлу. Безъ сомнѣнія, было бы желательно, чтобы при этомъ, по возможности, было розыскано, откуда именно заимствовалъ Длугошъ свои свѣдѣнія о Литовцахъ. Но это значительно усложнило бы работу, такъ какъ большая часть литовскихъ извѣстій этого писателя составлена несомнѣнно или изъ польскихъ источниковъ, или изъ грамотъ и изъ прусскихъ хроникъ. Какъ бы то ни было, любителя историческихъ изысканій, по отыску г. Кунька, должны быть благодарны г. Тихомірову, за то, что онъ внесъ свѣтъ въ хаосъ мѣстныхъ о возникновеніи и передѣлкахъ литовскихъ хроникъ. Это впрочемъ не значитъ, чтобы всѣ отдѣльныя сужденія автора могли устоять противъ всякихъ возраженій. Нѣкоторыхъ поразитъ, напримѣръ, что тамъ, гдѣ въ его ру-

кописи говорится о народныхъ преданіяхъ, онъ не вездѣ строго различаетъ ихъ отъ вымысловъ и соображеній лѣтописцевъ. Кроме того тамъ, гдѣ въ нѣсколькихъ спискахъ идетъ рѣчь объ одномъ и томъ же происшествіи или преданіи, онъ не придаетъ надлежащаго значенія различію въ употребленіи языка, и вопросъ о томъ, не лучше ли другихъ рукописей выражаетъ рукопись Красискаго литовско-русскій типъ языка — остается еще не рѣшеннымъ. Но эти и подобныя замѣчанія, какъ свидѣтельствуется г. Куникъ, не уменьшаютъ дѣйствительной заслуги г. Тихомірова, который разрѣшилъ предложенную Академіей задачу вообще согласно требованіямъ науки.

Оканчивая свой отчетъ, не можемъ, безъ чувства живѣйшей признательности, не заявить о томъ содѣйствіи, которое, въ дѣлѣ оцѣнки трудовъ, представляемыхъ на соисканіе наградъ графа Уварова, Академія постоянно встрѣчаетъ въ средѣ ученыхъ, не принадлежащихъ къ ея составу. Съ полною готовностью отзываясь на обращенія къ нимъ приглашенія рассмотреть то или другое изъ конкурсныхъ произведеній, многіе изъ нихъ сообщаютъ намъ обширныя и обстоятельныя рецензій, по научному значенію своему не менѣе, а иногда и еще болѣе важныя, чѣмъ сама сочиненія, разбираемыя въ этихъ статьяхъ. Рядъ такихъ рецензій, появившихся потомъ при издаваемыхъ нами ежегодныхъ отчетахъ объ Уваровскихъ конкурсахъ, не только содержитъ въ себѣ строго-научную и потому весьма цѣнную критику почти всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ произведеній русской исторической литературы, но и служитъ, самъ по себѣ, существеннымъ обогащеніемъ этой литературы, внося въ нее новыя данныя, изысканія и выводы.

Имѣвъ и въ настоящемъ году удовольствіе пользоваться подобнымъ содѣйствіемъ со стороны знатоковъ русской исторіи, Академія считаетъ своимъ долгомъ публично выразить искреннюю благодарность свою тѣмъ постороннимъ ученымъ, которые доставили ей рецензій на сочиненія нынѣшняго конкурса. Четыремъ же изъ этихъ критиковъ, а именно И. И. Малышевскому, Н. Ѡ. Дубровину, Г. Д. Филимонову и Н. И. Краснову, она, въ изъявленіе своей признательности, присудила установленныя для того золотыя Уваровскія медали.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ СЕЛЬСКИХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ ЛУЖСКАГО УѢЗДА ВЪ 1881 ГОДУ.

Задача сельской школы. Подвижныя или временныя школы. Неудобство трехъ отдѣленій въ школѣ при одномъ учителѣ. Устройство училищнаго музея. Программа и приемы преподаванія въ сельской школѣ. Образцовые и пробныя уроки. Дисциплина и порядокъ школы. Физическіе опыты и бесѣды.

Съѣздъ учителей и учительницъ Лужскаго уѣзда, городскихъ и сельскихъ, подъ руководствомъ инспектора народныхъ училищъ В. А. Александрова, продолжался пять дней съ 22-го по 26-е августа, ежедневно отъ 10 часовъ утра до вечера. Собранныхъ было: учителей 18, учительницъ 19. На расходы съѣзда было назначено уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ 125 рублей изъ земскихъ суммъ на народное образованіе. Послѣ краткой молитвы о томъ, чтобы настоящій съѣздъ, какъ начало будущихъ ежегодныхъ съѣздовъ, дружно потрудился на пользу сельской школы, руководитель открылъ пренія о ея задачахъ. Указавъ на положеніе и матеріальныя средства сельскаго населенія, весьма незавидныя отъ недостатка сельско-хозяйственнаго образованія, онъ вычислилъ, что распространеніе послѣдняго въ народѣ возможно посредствомъ самостоятельнаго чтенія и наблюденія лучшихъ хозяевъ-крестьянъ и при устройствѣ въ уѣздѣ спеціальнаго низшаго курса сельско-хозяйственнаго училища съ ремесленнымъ отдѣленіемъ. Но для того и другаго способа необходимо прежде всего усиленное распространеніе грамотности, то-есть умѣнья пользоваться книгою, и навыкъ къ наблюденію, необходимыя начальныя сельскія училища и школы грамотности. Затѣмъ съѣзду пред-

долженъ былъ вопросъ: какъ смотритъ народъ на школьное дѣло и чего требуетъ крестьянинъ отъ школы?

При рѣшеніи его возникли продолжительныя пренія. Учитель А. Малейнъ заявилъ, что „крестьянинъ дорожить школою, когда самъ лично ею заинтересованъ, когда школа и учитель находятся въ полнѣйшей связи съ обществомъ; такъ, напримѣръ, самъ Малейнъ во многихъ случаяхъ обращается къ родителямъ учащихся, къ сельскому слою; такъ, желая переимѣнить время занятій въ воскресной школѣ съ утра на послѣобѣденное время, онъ заявилъ объ этомъ на сходѣ,—сходъ не нашелъ это удобнымъ, а оставилъ для занятій утро, отъ 7 часовъ до обѣдни; и учитель согласился. Крестьяне считаютъ, что все, что дѣлается въ школѣ, важно, необходимо, они вѣрятъ въ это и ждутъ отъ школы всего хорошаго. Школьники должны быть проводниками всего хорошаго, добраго; они должны вносить въ семейства свѣдѣнія, получаемыя ими въ школѣ. Школа выдаетъ для чтенія книги, научаешь писать письма, прошенія, свидѣтельства, росписки, заводитъ домашнія приходо-расходныя книги и проч., и такимъ образомъ мало по малу вырабатываетъ свою задачу“. Учителемъ III-го класса Лужскаго городского училища А. Малининимъ было высказано слѣдующее мнѣніе: „Мы затруднимся рѣшеніемъ вопроса, какія цѣли должна преслѣдовать школа. Вопросъ этотъ намъ показался однимъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ. Отчего? Отъ того, что мы неправильно взглянули на дѣло. Вопросъ этотъ мы хотѣли рѣшить при помощи мнѣній той среды, гдѣ находится школа. Мы хотѣли, чтобы крестьянинъ сказалъ намъ, чего онъ требуетъ отъ школы. Спрашивается, можно ли отъ человѣка, не понимающаго ни цѣли, ни значенія школы, требовать рѣшенія такихъ вопросовъ? Можно ли требовать отъ больнаго, ничего не понимающаго и не знающаго въ медицинѣ, а только страдающаго отъ боли, чтобы онъ сказалъ, кака я у него болѣзнь и какое лекарство необходимо для поправленія его здоровья? Больной, не смотря на то, что ощущаетъ боль, по большей части затрудняется сказать, что у него болитъ. Точно также крестьянинъ: онъ чувствуетъ, что теперешняя школа не приноситъ ему надлежащей пользы, но отчего это происходитъ, онъ не въ состояніи рѣшить. Многие здѣсь высказали, что крестьянинъ видитъ въ школѣ только матеріальныя выгоды: получить льготу по воинской повинности, или же сдѣлаться волостнымъ писаремъ. Хотя такой взглядъ крестьянина и слишкомъ узкій, но совершенно правильный. Онъ и большаго потребовалъ бы отъ школы, еслибы зналъ.

что она въ состояніи дать это большее, помочь ему въ его жизни. Въ настоящее время школа слишкомъ далеко стоитъ отъ практической жизни; она вмучиваетъ ученика читать и писать, но не даетъ ему никакихъ другихъ практическихъ знаній, не приучаетъ его разумно относиться къ предметамъ и явленіямъ окружающей природы, извлекать пользу изъ того, что у него подъ руками. Происходить это оттого, что въ сельской школѣ не удѣлено времени для уроковъ естествознанія, въ ней нѣтъ ни книгъ, ни пособій, исключительно приспособленныхъ для этой цѣли. При объяснительномъ чтеніи въ школѣ знакомятъ ученика только съ названіемъ предмета, а не съ его сущностью. Несравненно полезнѣе было бы знакомить его съ предметами изъ окружающей его природы и съ мѣстными производствами. Изученіе этихъ предметовъ, хотя бы поверхностно, принесло бы несомнѣнную пользу въ практической жизни. Школѣ необходимо воспользоваться тѣмъ матеріаломъ, который скорѣе всего можетъ развить въ ученикахъ способности къ наблюденію. Наблюдательный человѣкъ не будетъ безучастно относиться къ предметамъ и явленіямъ окружающей природы. Онъ съ болѣею охотой примется за книгу, чтобы объяснить себѣ то, на что не находитъ отвѣта при своей школьной подготовкѣ и при помощи одного личнаго наблюденія".

Затѣмъ председателю съѣзда была предложена для обсужденія слѣдующая организація школьнаго дѣла въ уѣздѣ: въ настоящее время начальная сельская школа находится въ такомъ положеніи, что давно ждетъ помощи даже для исполненія своей скромной задачи—обученія безграмотнаго народа чтенію, письму и молитвамъ. Отъ недостатка средствъ происходитъ то, что мѣстами сельское населеніе вообще не можетъ обучать дѣтей грамотѣ, серьезный трудъ учителя весьма скудно оплачивается, школа часто должна довольствоваться тѣснымъ и неудобнымъ помещеніемъ въ душной избѣ, и обучившіеся въ ней должны оставаться безъ книгъ для чтенія. Можно встрѣтить цѣлыя селенія, гдѣ есть и грамотные, но нѣтъ ни одной книжки и ни лоскутка бумаги. Отсюда вытекаетъ необходимость вводить для первоначальнаго образованія такую школьную организацію, при которой было бы возможно ежегодно обучать какъ можно больше и дѣтей и взрослыхъ молитвамъ, чтенію, письму и счету. При этомъ обученіе грамотѣ взрослыхъ представляется одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ для распространенія грамотности: взрослый скорѣе пойметъ и грамоту и пользу отъ нея, и скорѣе окажется сильнымъ хо-

даться за школьное дѣло на сельскихъ сходкахъ, и самъ лично при случаѣ научить другаго безграмотнаго. Слѣдовательно, въ уѣздѣ постепенно въ каждой волости должны, по мѣрѣ средствъ, устраиваться школы: постоянныя съ трехгодичнымъ курсомъ и временныя съ годичнымъ и съ вечерними и воскресными занятіями для взрослыхъ.

Прежде всего устраивается въ волости школа съ годичнымъ курсомъ обученія, слѣдовательно съ одной группой учащихся и съ вечерними и воскресными занятіями для взрослыхъ. Эта школа должна быть вѣрена такому опытному, способному и усердному учителю, который въ 6 — 7 мѣсяцевъ можетъ обучить молитвамъ, чтенію, письму и счету дѣтей отъ 9 до 14 лѣтъ и желающихъ взрослыхъ того селенія, гдѣ находится школа, и ближайшихъ окрестныхъ деревень. Затѣмъ школа эта на слѣдующую зиму устраивается въ другомъ селеніи той же волости, верста на 5 далѣе отъ прежняго мѣста и черезъ 3—4 года возвращается на свое прежнее мѣсто. Знанію молитвъ и вообще релігиозно-нравственное направленіе учащихся можетъ провѣряться членомъ училищнаго совѣта совмѣстно съ приходскимъ священникомъ во время экзаменовъ; при болѣе близкомъ разстояніи школы отъ церквей было бы весьма желательно, чтобъ мѣстный священникъ могъ посѣщать, кромя постоянной школы въ своемъ приходѣ, и временную школу, хотя разъ въ недѣлю, для бесѣды съ учащимися. Каждая временная школа, особенно на первыхъ порахъ, для успѣха дѣла жертвуетъ при окончаніи курса каждому ученику по книгѣ для чтенія, чтобы онъ и дома могъ заняться чтеніемъ и вообще продолжать свое обученіе. Это небольшое пожертвованіе можетъ имѣть большое вліяніе на распространеніе грамотности; есть много такихъ бѣдныхъ сельскихъ обществъ, гдѣ родители не могутъ иногда употребить и 10 копѣекъ на покупку книги или бумаги. Въ болѣе населенномъ и центральномъ мѣстѣ волости должна быть устроена постоянная школа съ трехгодичнымъ курсомъ, въ которой дѣти могли бы не только научиться тольковому чтенію, письму и арифметикѣ, но также приобрести, съ помощью чтенія и наблюденія подъ руководствомъ учителя, болѣе пригодныя для жизни свѣдѣнія, а главное развитъ въ себѣ склонность и нѣкоторый навыкъ къ дальнѣйшимъ самостоятельнымъ занятіямъ. Чтобы постоянная школа могла съ успѣхомъ пройти въ 1½ года трехгодичный курсъ, въ ней должно быть не болѣе двухъ отдѣленій, если нельзя имѣть помощника учителя для младшаго отдѣленія, гдѣ

школьники-первогодки требуютъ болѣе наблюденія и помощи. Такъ какъ временная школа въ волости составляетъ особое младшее отдѣленіе для постоянной волостной школы, то число желающихъ поступить въ послѣднюю изъ отдаленныхъ мѣстъ естественно должно увеличиться; а потому при нѣкоторыхъ постоянныхъ школахъ необходимо устройство дѣтскихъ ночлежныхъ или школьныхъ пріютовъ съ такимъ недорогимъ приваркомъ, чтобы содержаніе мальчика обходилось не дороже чѣмъ дома; бѣдные же школьники и сироты должны пользоваться приваркомъ бесплатно. Эти школьные пріюты, оберегая дѣтей отъ стужи и мятежа, особенно необходимы тамъ, гдѣ населеніе болѣе разбросанно и бѣдно. Содержаніе такого пріюта можетъ обойтись въ учебный годъ отъ 150 до 200 руб. По неизмѣннѣю мѣстныхъ средствъ, такихъ пріютовъ почти нѣтъ въ уѣздѣ; вся надежда для ихъ устройства должна быть обращена на частныхъ лицъ и общества, которые оказали бы большую услугу, еслибъ пожертвовали на устройство школьныхъ пріютовъ нужные капиталы.

Кромѣ постоянныхъ волостныхъ и сельскихъ временныхъ школъ, необходимы въ уѣздѣ двухклассныя училища съ пятилѣтнимъ курсомъ въ двухъ или трехъ болѣе населенныхъ центрахъ уѣзда. Во вторые классы этихъ училищъ могутъ поступать желающіе изъ окончившихъ курсъ въ постоянныхъ волостныхъ школахъ. Въ этихъ классахъ съ пользою могутъ быть сообщаемы ученикамъ практическія свѣдѣнія изъ естествознанія, отечествознанія (объ уѣздѣ и губерніи) и упражненія въ черченіи. Въ такихъ двухклассныхъ училищахъ, въ видахъ экономіи, можно устроить и сельско-хозяйственные и ремесленные отдѣленія; здѣсь еще болѣе чѣмъ въ волостныхъ школахъ необходимымъ библиотека и собраніе наглядныхъ учебныхъ пособій.

Загѣмъ председателемъ съѣзда были выяснены и другія двѣ системы подвижной или временной школы по проектамъ гг. Бунакова и Студитскаго, статьи которыхъ объ этомъ предметѣ были прочитаны нѣкоторыми учителями и учительницами во время съѣзда, на дому.

Обсудивъ всѣ три системы подвижной школы, съѣздъ нашелъ болѣе удобнымъ и возможнымъ устройство временной школы по мысли председателя съ годичнымъ курсомъ и съ обязательными воскресными или вечерними занятіями для взрослыхъ, увеличивъ нѣсколько курсъ этой временной школы противъ курса младшаго отдѣленія постоянной школы, а именно: изученіемъ нумераціи и изображенія чиселъ любой величины и обученіемъ церковно-славянскому чтенію. Съѣздъ призналъ также необходимымъ, чтобы учебный годъ временной школы продол-

жался по крайней мѣрѣ съ 1-го сентября до 15-го мая, и чтобы у каждаго учителя непременно были для всѣхъ учениковъ Евангеліе на русскомъ и славянскомъ языкахъ, молитвословъ и Родное Слово годъ 1-й и 2-й, а для самого учителя—подвижная азбука Паульсона, арифметическій задачникъ Евтушевскаго и объясненіе молитвъ и заповѣдей Соколова; кромѣ того, для обученія взрослыхъ—нѣсколько экземпляровъ книги для чтенія Водовозова и Дѣтскаго Мира Ушинскаго.

Далѣе, на обсужденіе съѣзда было предложено слѣдующее:

Одною изъ главныхъ и общихъ причинъ неуспѣха сельской школы должно считать недостатокъ учебнаго времени и неаккуратное посѣщеніе школы учащимися; многія школы начинаютъ ученіе съ 15-го сентября и даже съ 1-го октября и оканчиваютъ къ 1-му или много 15-му апрѣля, не считая усиленнаго приготовленія къ экзаменамъ на льготу по воинской повинности, стало быть, занимаются всего 6—7 мѣсяцевъ въ годъ. Если же откинуть всѣ праздники, то останется всего 4 мѣсяца, то есть, 120—130 дней. Увлеченіе учителей и учительницъ усиленнымъ приготовленіемъ учениковъ къ экзаменамъ на льготу по воинской повинности и желаніемъ показать скорѣе успѣхи школы изученіемъ въ ней грамматики и даже исторіи, окончательно отнимаетъ отъ школы ея дорогое время.

Второю общею причиною неудовлетворительности школы слѣдуетъ считать установленнаго въ ней раздѣленіе класса на три отдѣленія: младшее (1-й годъ ученія), среднее (2-й годъ) и старшее (3-й годъ). Всѣ три отдѣленія поручаются одному учителю, что значительно увеличиваетъ трудность преподаванія и дѣлаетъ возможнымъ успѣхъ школьнаго дѣла только при болѣе способномъ учителѣ. Но такихъ учителей приходится одинъ на двадцать неспособныхъ, и потому естественно, что занятія съ тремя отдѣленіями, при недостаткѣ учебнаго времени, составляютъ главную причину безуспѣшности преподаванія, не смотря иногда на всѣ усилія учителя вести дѣло какъ слѣдуетъ. При неодинаковыхъ познаніи и развитіи учащихся каждаго отдѣленія, учитель по необходимости долженъ заниматься съ каждымъ отдѣленіемъ порознь, предоставляя другимъ двумъ отдѣленіямъ работать самостоятельно. Но самостоятельныя работы, заключающіяся въ чтеніи, письмѣ буквъ и цифръ и рѣшеніи задачъ, могутъ быть полезны при умѣньи взяться за нихъ и при просмотрѣ и исправлѣнн ихъ учителемъ, что физически для него невозможно. Кромѣ того, дѣти 7—9 лѣтъ при продолжительныхъ однообразныхъ рабо-

такъ утомляются, начинаютъ разговаривать между собою, шалить, шѣшая другъ другу заниматься. Словомъ, самостоятельныя работы не могутъ привести къ той желаемой цѣли, какую ожидаютъ отъ нихъ педагогика, а между тѣмъ при трехъ отдѣленіяхъ въ школахъ оны необходимы. Обыкновенно въ первое полугодіе учитель почти забываетъ и среднее и старшее отдѣленія для младшаго, гдѣ усиленно занимается съ вновь поступившими, чуть не малютками. Во второе полугодіе, въ виду приближенія экзаменовъ на выпускъ или вѣрнѣе на льготу по воинской повинности, въ виду скорого прибытія члена училищнаго совѣта и оцѣнки нѣкъ школы по числу приготовленныхъ на льготу учениковъ, учитель усиленно занимается со старшимъ отдѣленіемъ и почти забываетъ младшее и среднее отдѣленія. При этомъ больше другихъ страдаетъ среднее отдѣленіе: въ первое полугодіе оно было забито для младшаго, во второе для старшаго. При трехъ настоящихъ отдѣленіяхъ и при одномъ учителѣ школа не въ состояніи исполнить всю свою задачу какъ слѣдуетъ, то-есть, не только обучить грамотѣ, но решить въ учащихся охоту и умѣнье пользоваться книгою. Для найма отдѣльнаго учителя для младшаго отдѣленія или помощника у школы нѣтъ средствъ. А потому остается только устроить школу такъ, чтобы у ней были два отдѣленія при трехгодичномъ курсѣ, а это возможно лишь при условіи, чтобы въ три года курса одинъ разъ не было вовсе пріема и выпуска учащихся: въ 1-й годъ, напримѣръ, будутъ среднее и старшее отдѣленія, во 2-й годъ будутъ только младшее и старшее, и въ 3-й—младшее и среднее, затѣмъ снова: среднее и старшее и т. д.

Послѣ довольно продолжительнаго обсужденія этого вопроса и тѣхъ случаевъ неудовольствія крестьянъ, какіе могутъ производиться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и школахъ вслѣдствіе отказа въ пріемѣ учащихся въ одномъ изъ трехъ учебныхъ годовъ, съѣздъ нашего возможнаго вводить, по соглашенію съ крестьянами, съ наступающаго же учебнаго года, новую постановку школьнаго дѣла, то-есть, не принимать въ нѣкоторыхъ школахъ новыхъ учениковъ, не составляя младшаго отдѣленія, а оставаться только со среднимъ и старшимъ.

Дужскій уѣздный училищный совѣтъ вполне одобрилъ эту новую мѣру и постановилъ вводить ее постепенно во всѣхъ школахъ съ наступающаго учебнаго года.

Согласно постановленію училищнаго совѣта, объ устройствѣ при Дужскомъ городскомъ училищѣ музея, состоящаго изъ школьныхъ работъ и предметовъ сельскаго хозяйства, съѣздъ призналъ эту мѣру

весьма полезною какъ для учителей, такъ и для учащихся, и опредѣлилъ, что уѣздный училищный музей долженъ состоять изъ четырехъ отдѣловъ, а именно: 1) бібліотека преимущественно изъ педагогическихъ и другихъ научнаго содержанія книгъ; 2) собраніе наглядныхъ учебныхъ пособій, картъ, картинъ, таблицъ, физическихъ приборовъ, инструментовъ, разныхъ коллекцій техническихъ производствъ и предметовъ естествовѣдѣнія и разныхъ классныхъ принадлежностей; 3) собраніе разныхъ работъ учительскихъ и ученическихъ, и 4) собраніе предметовъ всѣхъ производствъ мѣстнаго сельскаго хозяйства и промышленности.

Свѣзду были предложены на рассмотрѣніе составленныя инспекторомъ народныхъ училищъ программы и пріемы преподаванія предметовъ, заключающіеся приблизительно въ слѣдующемъ:

Преподаваніе закона Божія имѣеть цѣлю воспитать дѣтей въ христіанской благочестивой жизни, по закону православной церкви. Весь характеръ преподаванія долженъ быть направленъ именно къ этой воспитательной цѣли. Первымъ, самымъ естественнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ для развитія благочестія въ дѣтяхъ служитъ молитва. Но чтобы молитва имѣла истинно-религіозное и нравственно-воспитательное значеніе, она должна проникнуть въ сердце ребенка, а для этого нужно, чтобы молитва была ясно, сознательно понята ребенкомъ, и не только выучена, но и прочувствована; она должна состоять изъ такихъ прошеній, которыя доступны его возрасту, и изъ такихъ благодареній, которыхъ не можетъ не чувствовать его сердце. Иначе дитя будетъ знать молитвы, но не будетъ чувствовать ни расположенія, ни искренней потребности молиться. Каждой новой молитвѣ должна предшествовать бесѣда съ дѣтьми о содержаніи ея, такъ чтобы она вылилась какъ результатъ этой бесѣды; она должна быть сказана по русски, а уже потомъ на церковно-славянскомъ языкѣ; учить ее дѣти должны въ классѣ со словъ законоучителя. По окончаніи урока, законоучитель читаетъ самъ эту молитву, чтобы показать дѣтямъ, какъ должно молиться; одни наставленія не научатъ этому.

Начальному обученію грамотѣ должны предшествовать приготовительныя занятія съ дѣтьми, съ цѣлю ознакомить ихъ съ школьною обстановкой и подготовить ихъ къ класснымъ занятіямъ съ учителемъ. На обязанности учителя въ этомъ дѣлѣ лежитъ: ознакомиться съ именами учениковъ и индивидуальными особенностями, имѣющими какое-либо отношеніе къ школьнымъ занятіямъ; приучить дѣтей къ

классной дисциплинѣ, къ внимательному выслушиванію вопросовъ учителя въ классной бесѣдѣ, къ даванію отвѣтовъ на эти вопросы, и къ разсматриванію предметовъ; заинтересовать учащихся образцовымъ чтеніемъ легкихъ и интересныхъ по своему содержанію разказовъ; объяснить въ бесѣдѣ прочитанный разказъ. Далѣе ведутся съ учениками бесѣды по поводу разсматриваемыхъ ими картинокъ, и чтеніе по картинкамъ; дѣлаются начальныя упражненія для развитія руки; предпринимаются экскурсіи съ цѣлью лучшаго и скорѣйшаго ознакомленія съ способностями и наклонностями дѣтей. Обученіе грамотѣ производится по звуковому способу одновременно чтенію и письму; оно должно идти съ самаго перваго урока путемъ чтенія словъ и фразъ, а не изученіемъ отдѣльныхъ звуковъ гласныхъ или согласныхъ. Вообще для первоначальнаго чтенія, въ избѣжаніе продолжительныхъ объясненій, слѣдуетъ избѣгать незнакомыхъ и непонятныхъ словъ и выраженій и ограничиваться названіями предметовъ изъ школьной и сельской окружающей жизни. Учителю весьма полезно заблаговременно сдѣлать тщательный подборъ словъ и выраженій, вполне доступныхъ для учениковъ при обученіи ихъ грамотѣ и удовлетворяющихъ требованіямъ постепеннаго изученія звуковъ рѣчи.

Съ изученіемъ всѣхъ звуковъ словъ и съ пріобрѣтеніемъ уже нѣкотораго навыка въ механизмѣ и сознательности чтенія, объяснительное чтеніе въ школѣ начинается преслѣдовать новую цѣль — сообщеніе ученикамъ разнообразныхъ практическихъ свѣдѣній. Отсюда и самое чтеніе дѣлится по матеріалу читаемаго на два рода: чтеніе легкихъ, преимущественно поэтическихъ статей и чтеніе дѣловыхъ статей. Въ первомъ преобладаетъ самое чтеніе, сознательное и выразительное; во второмъ — бесѣды о предметѣ читаемаго. И то и другое въ сельской школѣ должно имѣть въ виду одну и ту же задачу: помочь ученикамъ пріобрѣсти возможность пользоваться книгой, какъ средствомъ для самообразованія и развить въ нихъ охоту къ чтенію. Поэтому чтеніе дѣловыхъ статей должно прежде всего вести учащихся къ убѣжденію, что книга можетъ давать практическія свѣдѣнія и что разумное чтеніе необходимо для всякаго.

Только чтеніе со смысломъ или сознательное даетъ возможность ученику понимать и усваивать содержаніе читаемаго. Съ самыхъ первыхъ уроковъ обученія грамотѣ, когда чтеніе особенно затрудняетъ ученика, заставляя его напрягать все вниманіе на изученіе буквъ, на удачное произношеніе звуковъ и главное на сочетаніе звуковъ, и тогда необходимо при каждомъ словѣ вызывать въ умѣ ученика, при

помощи вопросовъ, представленіе предмета, обозначеннаго словомъ, и постепенно приучать его къ сознательному чтенію. Послѣ, когда ученикъ приобрѣтетъ уже нѣкоторый навыкъ, можно значительно усилить дѣйствіе объяснительнаго чтенія и посредствомъ разбора читаемаго и наводящихъ вопросовъ доводить его до полнаго всесторонняго пониманія и усвоенія читаемаго какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ; но при этомъ не должно быть слишкомъ подробнаго разбора каждаго слова и каждой отдѣльной мысли читаемаго, а необходимо останавливаться на общей связи между ними. Особенно кратки должны быть разборы при объяснительномъ чтеніи въ первый годъ ученія: достаточно, если ученики на столько освоились съ содержаніемъ читаемаго, что могутъ пересказать его сначала въ короткихъ отвѣтахъ на вопросы учителя, а потомъ и безъ вопросовъ, болѣе или менѣе связною цѣлою рѣчью. Поэтому каждый урокъ объяснительнаго чтенія долженъ дѣлиться на четыре части: 1) предварительное ознакомленіе учениковъ со статьей въ общемъ ея очеркѣ, дѣлаемомъ учителемъ, посредствомъ чтенія или разказа; 2) разборъ статьи по частямъ; 3) повторительное и выразительное чтеніе, и 4) устная передача учениками прочитаннаго. Словомъ, ученики должны сначала обращать вниманіе на цѣлое, затѣмъ на части и наконецъ, снова возвращаться къ цѣлому. Прочитанное и объясненное такимъ образомъ короткіе разказы слѣдуетъ заучивать наизусть для развитія памяти и для упражненія въ произношеніи и писаніи наизусть.

При преподаваніи ариметики необходимо имѣть въ виду слѣдующія общія указанія опыта: встрѣчается же мало учащихся, которые не терпятъ ариметики, — такъ она имъ надобна, благодаря постояннымъ однообразнымъ упражненіямъ надъ числами, надъ рѣшеніемъ однообразныхъ и часто вовсе не интересныхъ задачъ. Такое отвращеніе къ ариметикѣ въ нѣкоторыхъ учащихся, конечно, прежде всего происходитъ отъ неумѣлости преподавателя, или отъ его личнаго отношенія къ этому предмету, или же отъ положенія самой школы. При трехъ отдѣленіяхъ большая часть учителей бываетъ рада ухватиться для поддержанія школьной дисциплины за численные примѣры задачника, за безконечное писаніе чиселъ и за рѣшеніе задачъ, чтобы дать работу ученикамъ на цѣлый часъ, пока самъ учитель займется съ другими, которые въ свою очередь только что избавились отъ такой же скучной работы и уже съ нетерпѣніемъ ждутъ живаго слова. Первые дѣтскія впечатлѣнія всегда бываютъ сильны и долговѣчны, — и потому занятія ариметикою слѣдуетъ вести умѣло

и съ большою осторожностію. Въ сельской школѣ обученіе это всегда должно идти путемъ рѣшенія задачъ, и вначалѣ необходимо избѣгать задачъ неинтересныхъ и непонятныхъ для дѣтей по своему содержанію, задачъ съ голыми цифрами, преобладавшими въ старыхъ школахъ при упражненіи въ первыхъ четырехъ дѣйствіяхъ ариметики. Интересная для ребенка задача скорѣе вызываетъ въ немъ усиліе къ ея рѣшенію, и потому учитель долженъ придумывать задачи изъ мѣстной сельской жизни, представляющей обильный и вполне доступный понятіямъ крестьянскаго мальчика матеріалъ. Желательно, чтобы учителя занялись составленіемъ таковыхъ задачъ и представили бы свои труды слѣдующему съѣзду для повѣрки и оцѣнки ихъ общими силами и для составленія общаго мѣстнаго задачника. Приобрѣтеніе такого задачника было бы большимъ счастіемъ для малоопытныхъ учителей, въ виду положительныхъ требованій сельской школы—не терять много времени на опыты, ошибки и сомнѣнія во время преподаванія.

Начальная сельская школа должна дать учащимся знанія и навыки, необходимыя для дальнѣйшаго ихъ обученія или саморазвитія; Отсюда является необходимость въ классной бесѣдѣ о предметахъ и явленіяхъ окружающей сельской жизни, наглядныхъ упражненій въ ихъ распознаваніи. Съ этою цѣлью производятся въ классѣ возможные и простые опыты, или же устраивается научная прогулка, экскурсія. Чтобы эти прогулки могли быть болѣе продолжительными, чѣмъ часть времени, класснымъ бесѣдамъ необходимо отводить послѣдніе часы занятій въ школѣ. Желательно, чтобы учителя и учительницы приготовили къ слѣдующему съѣзду матеріалы объ организаціи какъ классныхъ бесѣдъ, такъ и экскурсій. Особенно интересны свѣдѣнія о предметахъ, которые могутъ быть приобретены школою для классныхъ бесѣдъ собственными средствами, то-есть самими учителями и учащимися изъ мѣстной жизни и окружающей природы, и какіе предметы и физическія явленія могутъ чаще всего встрѣчаться учащимся на экскурсіяхъ въ окружающей школу мѣстности, на разстояніи 5, 6 верстъ.

Занятія черченіемъ и рисованіемъ въ сельской школѣ могутъ принести много пользы, развивая въ дѣтяхъ навыкъ внимательно разглядывать и анализировать рисуемые предметы, не говоря уже о томъ, что эти занятія имѣютъ и воспитательное значеніе: они развиваютъ въ дѣтяхъ способность глазомера и нерѣдко доставляютъ имъ самое пріятное времяпровожденіе. Кромѣ того нѣкоторый навыкъ

въ черченіи и рисованіи всегда пригодится крестьянину въ его сельскохозяйственной и ремесленной жизни и въ случаѣ продолженія ученья въ высшихъ по курсу или въ техническихъ училищахъ. Но курсъ этотъ въ сельской школѣ долженъ быть упрощенъ и ограниченъ. Такъ, занятія ими, начинаясь упражненіями для развитія руки и глазоѣра, черченіемъ простыхъ фигуръ по транспаранту и клѣткамъ, должны окончиться черченіемъ плановъ и рисованіемъ безъ помощи сѣтя простыхъ предметовъ съ натуры.

Начальная сельская школа, имѣющая дѣло съ дѣтми отъ 7 до 12 лѣтняго возраста, обязана не только обучить ихъ чтенію, письму и ариметикѣ, но и заботиться о томъ, чтобы не повредить правильному воспитанію вѣрнѣйшихъ ей дѣтей, правильному развитію ихъ чувствъ и вообще ихъ здоровью. Для развитія въ дѣтахъ религіозно-нравственнаго чувства школа должна воспользоваться обученіемъ ихъ закону Божию, какъ главнѣйшій предметъ воспитательной ея части. Послѣ же закона Божія можетъ имѣть большое вліяніе на воспитательную часть школы — пѣніе. При тѣхъ весьма усиленныхъ и однообразныхъ занятіяхъ, какими почти постоянно отличается сельская школа вслѣдствіе большого недостатка времени, занятія пѣніемъ являютъ въ ней вполнѣ спасительныя средства. Пѣніе оживляетъ дѣтей и вмѣстѣ съ тѣмъ вліяетъ на развитіе въ нихъ слуха и голоса, чувства согласія и мѣры, содѣйствуетъ смягченію ихъ характера, уничтоженію грубыхъ инстинктовъ, столь свойственныхъ неразвитой средѣ. Но въ сельской школѣ при ея скудныхъ средствахъ и недостаткѣ времени, занятія пѣніемъ, въ сожалѣнію, не могутъ быть обширны; они не могутъ идти въ ущербъ другимъ занятіямъ. И потому приходится удѣлять на обученіе пѣнію только одинъ особый урокъ, съ тѣмъ чтобы, какъ сказано было выше, учитель ежедневно пользовался пѣніемъ при удобныхъ случаяхъ. Къ сожалѣнію, большая часть учителей и въ особенности учительницъ не могутъ обучать пѣнію, и потому необходимо назначать для такихъ школъ какъ временную мѣру, вмѣсто занятій пѣніемъ, особый урокъ хороваго чтенія.

Также весьма серьезное значеніе имѣютъ для сельской школы нѣкоторыя гимнастическія упражненія, особенно тамъ, гдѣ нѣтъ ни обученія ремесламъ, ни пѣви, ни дѣтскихъ подвижныхъ игръ. Необходимо ввести ихъ, назначивъ для этого одинъ часъ въ недѣлю. Но нѣкоторые движенія руками и ногами могутъ быть исполняемы учениками и во время cadaго урока въ теченіе 5 или 10 минутъ, или во

время переѣзвъ, если погода на столько дурна, что нельзя выпустить учениковъ на дворъ или на улицу побѣгать и заняться подвижными играми. Средства школы, недостатокъ времени, неудобные классные столы представляютъ часто серьезныя препятствія въ веденію въ школахъ гимнастическихъ упражненій въ болѣе широкомъ размѣрѣ. Вотъ почему, между прочимъ, и найдено необходимымъ, чтобы урокъ всѣхъ вообще предметовъ продолжался не болѣе $\frac{3}{4}$ часа, и чтобы послѣ каждаго урока $\frac{1}{4}$ часа употреблялись на отдыхъ въ видахъ устраненія вреднаго вліянія школы на здоровье и физическое развитіе дѣтей.

Планъ занятій школы составляется по задачѣ, которую школа преслѣдуетъ, къ чему она стремится, чего должна достигнуть; но зависитъ это и отъ другихъ условій, а именно: отъ времени, которымъ школа располагаетъ, отъ матеріальныхъ средствъ и отъ педагогическихъ соображеній. Времени у сельской школы весьма немного: въ 3 года курса всего 360—390 дней. Въ короткіе темные дни, а также вслѣдствіе плохаго помѣщенія, недостаточности средствъ на освѣщеніе, нельзя начинать занятія рано утромъ и кончать ихъ поздно вечеромъ. Съ такимъ короткимъ курсомъ, съ такимъ незначительнымъ числомъ учебныхъ часовъ, все-таки необходимо назначить возможно большее число часовъ въ день для того, чтобы успѣть пройти то, что надо. Самое большее число уроковъ 6; но для учениковъ 7—9 лѣтъ, при хорошемъ преподаваніи и распредѣленіи занятій, весьма утомительно проработать въ душевой и тѣсной комнатѣ 6 часовъ, а потому необходимо вопервыхъ, назначить для младшаго отдѣленія, для первогодковъ, только 30 уроковъ въ недѣлю или 5 уроковъ въ день отъ 9 до 3 часовъ, а для учениковъ средняго и старшаго отдѣленій по 36 уроковъ въ недѣлю, то-есть ежедневно отъ 9 до 4 часовъ; затѣмъ, чтобы каждый урокъ у тѣхъ и у другихъ продолжался не болѣе $\frac{3}{4}$ часа, и между ними промежутки для отдыха, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, и „порасправить косточки“, какъ говорятъ сами дѣти, не менѣе $\frac{1}{4}$ часа, а послѣ трехъ часовъ занятій — одинъ большой промежутокъ, не менѣе одного часа съ четвертью для обѣда и отдыха.

По недостатку матеріальныхъ средствъ, сельская школа можетъ имѣть для своихъ двухъ классовъ или отдѣленій только одного учителя. Отсюда вытекаетъ необходимость согласовать распредѣленіе занятій въ одномъ классѣ съ таковымъ же въ другомъ: занятія одного класса не должны вѣшать занятіямъ другаго, такъ какъ оба они ва-

ходятся въ одной комнатѣ. Наконецъ, для составленія росписанія уроковъ необходимо имѣть въ виду и педагогическія соображенія, требующія, чтобы трудные предметы раздѣлялись между собою болѣе легкими и занимательными для дѣтей, съ промежуточными занятиями, какъ сказано было выше, пѣніемъ и гимнастикой.

По выслушаніи вышеназложенныхъ программы и приемовъ преподаванія въ сельской школѣ, составленныхъ инспекторомъ училищъ, съѣздъ пришелъ къ полному соглашенію по всѣмъ затронутымъ вопросамъ.

Въ продолженіе съѣзда дано было всего девять образцовыхъ и пробныхъ уроковъ. Уроки эти давались по собственному желанію 8-ю учителями по утрамъ ученикамъ городского училища 1-го, 2-го и 3-го курса, но при двухъ отдѣленіяхъ. Болѣе удовлетворяющими педагогическимъ требованіямъ и условіямъ сельской школы были признаны съѣздомъ слѣдующіе уроки по порядку ихъ достоинства: урокъ чтенія и письма учителя Верховскаго (изъ воспитанниковъ С.-Петербургской земской учительской семинаріи), отличившійся особенно выдержкой школьной дисциплины; урокъ классной бесѣды учителя Малейна, имѣвшій цѣлью ознакомленіе учащихся съ занятиями въ школѣ; уроки: арифметики—учителя Кузьмы Иванова, бесѣды изъ грамматики — учителя Сидорова и пѣніи—учителя Кузьмина. Также весьма полезны были для съѣзда и уроки остальныхъ трехъ учителей: Яснецкаго—о словѣ и звукѣ, Петра Иванова — чтеніе дѣловой статьи „Стулъ и столъ“, и урокъ гимнастики Смородина; послѣдній— въ отрицательномъ отношеніи.

При обсужденіи вопроса о школьной жизни и о школьной дисциплинѣ предсѣдателемъ съѣзда вынесены были двѣ системы практикующіяся въ школахъ для поддержанія въ нихъ порядка: въ одной все основано и держится на страхѣ, въ другой—на любви и уваженіи къ учителю. Разумная дисциплина и порядокъ имѣютъ сильное вліяніе на дѣтей; правила школы должны исполняться дѣтьми, какъ законъ, нарушеніе котораго не должно проходить безъ взысканія. Для болѣе вѣрнаго достиженія этой цѣли учителямъ и учительницамъ предложено было разработать къ будущему съѣзду слѣдующіе вопросы: 1) какіе порядки и мѣры взысканія и поощренія принимались и принимаются учителями и учительницами? 2) какія необходимо и возможно установить правила для учащихся и учащихся съ цѣлію развитія школьной дисциплины и порядка? 3) какія мѣры взысканія съ учащихся возможны за нарушеніе правилъ школы? и 4) полезны

ли въ школьной жизни мѣры поощренія, и если болѣзни, то какія именно?

Предложеніе это было принято сочувственно съѣздомъ, который постановилъ къ будущему своему собранію доставить необходимыя матеріалы по этимъ вопросамъ.

Послѣ вечернихъ занятій во все продолженіе съѣзда учитель 3-го класса городского училища А. Малининъ производилъ весьма удачно физическія опыты, соединенныя съ объяснительною бесѣдой — рядъ опытовъ надъ воздухомъ, съ воздушнымъ насосомъ, съ электрическою машиной и туманныя картины.

25-го августа посѣтилъ съездъ г. директоръ народныхъ училищъ С. Е. Рождественскій и весьма радушно отнесся къ съезду, высказавъ ему свои пожеланія успѣха и подавъ мысль о необходимости разработать вопросъ о подвижныхъ школахъ. Также посѣщали съездъ и члены уѣднаго училищнаго совѣта и уѣдной управы.

26-го августа всѣ учителя и учительницы вмѣстѣ съ председателемъ съѣзда и учениками городского училища были въ соборѣ на каннихдѣ по въ Возѣ почившемъ Государѣ Императорѣ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Высшія спеціальныя учебныя заведенія.

Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой
Александріи въ 1880 году.

Въ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи состояло къ 1-му января 1881 года слѣдующее число преподавателей: профессоровъ 4, доцентовъ 8, учителей 2. Сверхъ того при институтѣ состояли: управляющій институтскими имѣніями, помощникъ ученаго садовника и 2 лаборанта, а директоръ институтъ читалъ земледѣльческую химию и завѣдывалъ земледѣльческою лабораторіею. Вакантными были должности: профессора общей и аналитической химіи, доцента по кафедрѣ строительнаго искусства, учителя рисованія и черченія и ученаго садовника; изъ нихъ должность учителя черченія и рисованія поручена одному изъ профессоровъ института.

Ходъ преподаванія и практическихъ занятій учащихся происходилъ въ слѣдующемъ видѣ: зоологія читалась для студентовъ 1-го курса въ объемѣ, опредѣленномъ программой, утвержденною совѣтомъ института; практическія занятія, происходившія въ теченіе года, состояли въ ознакомленіи учащихся съ важнѣйшими представителями мѣстной фауны. Физиологія животныхъ читалась для 2-го курса сельскохозяйственнаго отдѣленія по два часа въ теченіе всего года, причѣмъ преподаватель успѣлъ изложить только отдѣлы о питаніи, животномъ
часть ссхш, отд. 4.

теплѣ и движеніи, вслѣдствіе недостаточности времени; по этой же причинѣ и по недостатку необходимыхъ приспособленій не могли быть производимы желательныя упражненія студентовъ въ физиологическихкихъ работахъ. Ботаника общая и физиологія растений преподавались на первомъ курсѣ: изложены были анатомія и общая морфологія, а также систематика и частная морфологія явнобрачныхъ и физиологія растений; преподаваніе сопровождалось демонстраціями и опытами, а въ маѣ—экскурсіями для изученія мѣстной флоры. Минералогія (два часа на 1-мъ курсѣ) и геогнозія (два часа на 2-мъ курсѣ) читались безъ всякихъ измѣненій въ программахъ; практическія упражненія въ кристаллографіи и филогіаграфіи минераловъ производились учащимися самостоятельно въ теченіе всего учебнаго времени, въ концѣ же года—подъ руководствомъ профессора. Физика и метеорологія съ климатологіей излагались по 4 часа на 1-мъ курсѣ, причемъ, за недостаткомъ времени, не былъ оконченъ одинъ отдѣлъ физики—о гальванизмѣ; практическія занятія студентовъ не имѣли обязательнаго характера и состояли въ упражненіяхъ въ опредѣленіи удѣльнаго вѣса, въ употребленіи волюмометра, спектроскопа и сахарометра. По геодезій и нивелировкѣ, которыя преподавались два часа на 1-мъ курсѣ, практическія занятія студентовъ состояли въ групповыхъ упражненіяхъ въ простѣйшихъ геодезическихкихъ операціяхъ, которыя производились въ сентябрѣ и маѣ для сбора данныхъ, необходимыхъ для упражненія въ рисованіи и черченіи. По земледѣльческой механикѣ, преподаваемой 2 часа на 2-мъ курсѣ сельско-хозяйственнаго отдѣленія, практическія занятія состояли въ разборѣ и складкѣ земледѣльческихкихъ орудій и машинъ и опредѣленіи ихъ сопротивленія посредствомъ динамометровъ, а также въ ознакомленіи съ дѣйствіемъ паровой машины, находящейся въ институтскихкихъ мастерскихкихъ. Общая химія читалась безъ измѣненій въ объемѣ и программахъ преподаванія, причемъ существеннымъ дополненіемъ курсовъ являлись самостоятельныя занятія студентовъ младшихъ двухъ курсовъ въ химической лабораторіи по качественному и количественному анализу. Преподаваніе земледѣльческой химіи сохранило прежній характеръ ученія о движеніи вещества въ связи съ химическими данными, важными для культуры растений и животныхъ; практическія занятія производились по плану, одобренному совѣтомъ; успѣшность занятій въ зависимости отъ силъ условій признана удовлетворительной. Сельско-хозяйственная и лѣсная технологія читались на 3-мъ курсѣ совместно для обоихъ отдѣленій; въ общемъ курсѣ изложены

були: технологія води, строительныхъ и горючихъ матеріаловъ, въ спеціальнихъ курсахъ — важѣйшія производства, имѣющія тѣсную связь съ сельскимъ хозяйствомъ или лѣсоводствомъ. Лекціи сопровождались особыми демонстраціями продуктовъ и способовъ ихъ изслѣдованія; въ концѣ же учебнаго года, подъ руководствомъ преподавателя, была произведена экскурсія въ институтское имѣніе для осмотра пивовареннаго завода и мельницы. Сельское строительное искусство преподавалось 4 часа въ 1-мъ и 2 — во 2-мъ полугодіи по одобреннымъ совѣтомъ программамъ; во второмъ полугодіи студенты упражнялись въ составленіи проектовъ различныхъ построекъ по даннымъ программамъ. Политическая экономія, статистика и законовѣдѣніе преподавались: первая — четыре часа на 2-мъ курсѣ, вторая — столько же часовъ на томъ же курсѣ, законовѣдѣніе — два часа на 3-мъ курсѣ, при чемъ прочтены были: изъ политической экономіи — производство, распредѣленіе и потребление; изъ статистики — теорія статистики, популяціонистика и экономіка или хозяйственная статистика; изъ законовѣдѣнія — законы поземельной собственности, общія постановленія, направленныя къ развитію сельскаго хозяйства, и постановленія, относящіяся къ отдѣльнымъ видамъ послѣдняго. Въ теченіе года было произведено вѣскольکو повторительныхъ бесѣдъ по политической экономіи и законовѣдѣнію. Русскій языкъ и словесность преподавались на всѣхъ трехъ курсахъ, причемъ объемъ и программы словесности не измѣнялись существенно; по русскому же языку признано полезнымъ значительно усилить практическія занятія на 3-мъ курсѣ, съ каковою цѣлію были назначены особые часы для упражненія студентовъ въ различнаго рода письменныхъ работахъ. По отзыву преподавателя, студенты занимались усердно этими работами и извлекли изъ нихъ несомнѣнную пользу. Нѣмецкій языкъ преподавался на всѣхъ трехъ курсахъ. Успѣхи въ этомъ языкѣ обуславливались не столько преподаваніемъ въ институтѣ, сколько предварительной подготовкой слушателей. Поэтому и цѣль преподаванія — подготовка студентовъ къ свободному пользованію нѣмецкой спеціальной литературою не достигалась въ желательной степени. Земледѣіе читалось для 2-го курса и сельско-хозяйственнаго отдѣленія 3-го курса безъ существенныхъ измѣненій въ программахъ предъидущаго года. Практическія занятія студентовъ состояли въ изученіи институтскаго хозяйства въ имѣніи Пожогѣ. Почвовѣдѣніе читалось для студентовъ 2-го курса по одобреннымъ въ прошлѣмъ году программамъ. Практическія занятія 2-го курса происходили въ земледѣльческой лабор-

раторіи; въ теченіе всего учебнаго времени занимались 51 студентъ, въ томъ числѣ 19 студентовъ лѣснаго отдѣленія обязательно. Скотоводство, общее и частное, являлось для студентовъ 2-го и 3-го курсовъ сельско-хозяйственнаго отдѣленія; въ 1880 году оказалось возможнымъ расширить въ курсѣ общаго скотоводства отдѣлъ о гигиенѣ. Сельско-хозяйственная экономія читалась на 3-мъ курсѣ для сельско-хозяйственнаго отдѣленія по одобренной программѣ. Лекціи по земледѣлію, скотоводству и сельско-хозяйственной экономіи сопровождались практическими занятіями студентовъ въ теченіе года и въ вакаціонное время. Такъ, студенты 2-го курса, подъ руководствомъ преподавателя, познакомились съ хозяйствомъ опытной фермы, для чего имъ были производимы экскурсіи, въ концы изучались фермскій полевой инвентарь, культуры на поляхъ институтскихъ имѣній, инвентарь фермскаго скотоводства и помѣщенія для скота. По этимъ экскурсіямъ студентами представлялись весьма обстоятельные отчеты, найденные преподавателями вообще удовлетворительными. Тѣ же студенты, въ концѣ учебнаго года, занимались рѣшеніемъ письменныхъ задачъ по составленію кормовыхъ нормъ. Студенты 3-го курса въ теченіе всего года имѣли практическія занятія по частному скотоводству и сельско-хозяйственной экономіи, отчасти на фермѣ, главнымъ же образомъ въ аудиторіяхъ, зоотехническомъ кабинетѣ и земледѣльческой лабораторіи. Въ послѣдней они занимались анализомъ молока, причѣмъ преподаватель употребилъ особый, придуманный имъ для сей цѣли аппаратъ. Въ весеннемъ семестрѣ тѣ же студенты познакомились на опытной фермѣ съ двойною бухгалтеріей, съ устройствомъ птичника и овоскопированіемъ яицъ и производили экспертизу отдѣльныхъ штукъ изъ фермскаго скота по методу преподавателя. Экспертиза состояла въ балловой оцѣнкѣ самими студентами различныхъ качествъ скота, опредѣляющихъ его цѣнность, а именно: продуктивности, породистости, развитія и выдержки. Результаты всѣхъ этихъ занятій и отчеты по нимъ признаны преподавателемъ удовлетворительными. Въ первой половинѣ вакаціоннаго времени студенты 3-го курса изучали хозяйство имѣній Коиской-Воли и Пожого въ видѣ экскурсій, совершенныхъ по окончаніи экзаменовъ. Въ этихъ экскурсіяхъ студенты, подъ руководствомъ преподавателя, рѣшали отдѣльныя задачи, имѣвшія цѣлію полное описаніе хозяйства Пожогскаго фольварка и всѣхъ отраслей этого хозяйства. Самостоятельныя рѣшенія данныхъ вопросовъ были проверены на мѣстѣ преподавателемъ. Тѣ же студенты упражнялись въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ статей

Бонсковольскаго хозяйства и вообще въ таксаціи всего имѣнія. Въ то же время студенты 3-го курса упражнялись на опытной фермѣ въ работахъ съ жатвенными машинами и различными орудіями для уборки сѣна. Студенты 2-го курса были освобождены отъ участія въ экскурсіяхъ, въ виду недостаточной ихъ подготовки въ самостоятельнымъ занятіямъ, главнѣе же по ихъ многочисленности и недостатку матеріальныхъ средствъ для успѣшнаго веденія подобныхъ занятій. Впрочемъ, имъ предложено было избрать, по указанію преподавателей, вопросы для занятій въ вакаціонное время въ мѣстахъ ихъ пребыванія. Анатомія животныхъ и ветеринарныя науки преподавались: первая—для 1-го курса, послѣднія—на 2-мъ и 3-мъ курсахъ сельскохозяйственнаго отдѣленія, и дополнялись надлежащими демонстраціями, осмотромъ больныхъ животныхъ и упражненіями въ секціяхъ. Лѣсоводство излагалось для лѣснаго отдѣленія: во 2-мъ курсѣ были пройдены лѣсоохраненіе и лѣсовозращеніе, въ 3-мъ — лѣсоупотребленіе, лѣсные законы, лѣсное счетоводство и лѣсная статистика; излагавшій эти предметы преподаватель прочиталъ энциклопедическій курсъ лѣсоводства для 3-го курса сельскохозяйственнаго отдѣленія. Лѣсная таксація, по прежней программѣ и въ прежнемъ объемѣ, читалась: для 2-го курса лѣснаго отдѣленія—древозимѣреніе, для 3-го курса того же отдѣленія—лѣсоустройство и оцѣнка лѣсовъ съ лѣсной статистикою, а для сельскохозяйственнаго отдѣленія — сокращенный курсъ лѣсной таксаціи. По лѣснымъ наукамъ успѣшности преподаванія препятствовали: многопредметность чтенія, отсутствіе ассистента, немѣнѣе лѣсной дачи и ограниченіе средствъ института на учебныя пособія. По этимъ же причинамъ практическія занятія по лѣсоводству и лѣсной таксаціи ограничились ознакомленіемъ съ работами въ лѣсномъ питомникѣ, состоящемъ при институтѣ, и съ общими лѣсными операціями въ окрестныхъ лѣсныхъ дачахъ; въ концѣ же года студенты 3-го курса, по окончаніи экзаменовъ, пронзвели, подъ руководствомъ преподавателя, примѣрное устройство лѣснаго участка, выдѣленнаго институтомъ изъ мѣстной рощи для учебныхъ цѣлей; причемъ они, крохъ межевыхъ работъ въ этомъ участкѣ, составили полный планъ устройства его. Затѣмъ, подъ руководствомъ обоихъ преподавателей лѣсныхъ наукъ, при участіи одного доцента, были произведены двѣ лѣсныя экскурсіи необязательнаго характера, въ конхъ участвовали 15 студентовъ. Одна изъ этихъ экскурсій состоялась въ казенныхъ дачахъ Люблинской губерніи, другая въ казенныхъ лѣсахъ Плоцкой губерніи. Студенты, участвовавшіе

въ этихъ экскурсіяхъ, несмотря на ограниченность имѣвшихся для совершенія ихъ средствъ, приобрѣли много поучительныхъ данныхъ для оцѣнки пріемовъ лѣснаго хозяйства, практикующихся въ Привислянскомъ краѣ. По лѣсной ботаникѣ, излагавшейся для 2-го курса лѣснаго отдѣленія послѣ общаго курса морфологій и физиологій лѣсныхъ деревьевъ и кустарниковъ, преподаватель изложилъ подробное и систематическое описаніе важныхъ въ лѣсоводствѣ деревьевъ и кустарниковъ, какъ мѣстныхъ, такъ и акклиматизированныхъ. Въ теченіе мая производились экскурсіи со студентами въ институтскомъ паркѣ, причемъ составлялись, по указаніямъ преподавателя, спеціальныя гербаріи. Лѣсная энтомологія, пчеловодство, шелководство и рыбоводство читались: первая — для 2-го курса лѣснаго отдѣленія, послѣднія три — на 3-мъ курсѣ того же отдѣленія. Практическія занятія по энтомологіи велись въ теченіе года въ особые часы отъ лекцій, по остальнымъ же предметамъ занятія имѣли демонстративный характеръ и производились въ институтскихъ пасѣхъ и шелководѣхъ.

Съ цѣлію усилить путемъ постоянного контроля надъ занятіями учащихся ихъ прилежаніе, поднять уровень приобретаемыхъ ими знаній до полнаго усвоенія курсовъ, и тѣмъ самымъ ослабить развивающуюся самоувѣренность полунзанія и предупредить случайность экзаменовъ, въ 1880 году введены были въ дѣйствіе нѣкоторыя измѣненія въ правилахъ контроля, установленныхъ въ 1876 году. Результаты этихъ новыхъ правилъ обнаружались въ слѣдующемъ: а) полугодичныя репетиціи были назначены для 1-го курса по ботаникѣ, физикѣ и механикѣ, и произведены въ теченіе трехъ дней, съ 3-го по 5-е декабря, для неявившихся (20% общаго числа) въ началѣ января. Участвовали всѣ студенты, кромѣ одного, больнаго, отвѣты въ общемъ были вполне удовлетворительны; изъ 90 студентовъ одинъ только былъ признанъ неудовлетворительнымъ по всѣмъ тремъ предметамъ, число же неудовлетворительныхъ отвѣтокъ (2) по отдѣльнымъ предметамъ было весьма ограниченное: по ботаникѣ 12, по физикѣ 18, по механикѣ 6; б) контрольныя сочиненія были также представлены студентами всѣхъ курсовъ, и въ общемъ оказались болѣе чѣмъ удовлетворительными. Нѣкоторые изъ этихъ сочиненій студентовъ 2-го и 3-го курсовъ удостоены были совѣтомъ денежной награды, другія же напечатаны въ Запискахъ института, какъ вполне солидные труды съ научнымъ значеніемъ; въ остальныхъ можно было усмотрѣть болѣе серьезныя отношенія, за немногими исключеніями, къ преподавае-

тому въ теченіе курса; в) по русскому языку всѣми студентами были представлены письменныя работы, признанныя въ общемъ удовлетворительными; г) по рисованію и черченію годовыя работы студентовъ были также удовлетворительны; д) отгѣтки, поставленныя преподавателями за занятія въ лабораторіяхъ по аналитической и земледѣльческой химіи, почвовѣдѣнію, по спеціальнымъ предметамъ — свѣтоводству, лѣсной таксаціи, лѣснымъ законамъ, строительному искусству, въ большинствѣ случаевъ были очень хороши. Выводъ годичнаго балла контроля, рѣшающаго вопросъ о допущеніи къ испытанію, далъ вполне утѣшительные результаты: ни одинъ студентъ не получилъ за учебный годъ отгѣтки въ общемъ выводѣ неудовлетворительной и лишавшей права приступить къ испытаніямъ; средній выводъ изъ контрольных отгѣтокъ былъ выше удовлетворительнаго.

Какъ послѣдствіе введенія правилъ для контроля надъ занятіями студентовъ, въ 1880 году изготовленъ былъ совѣтомъ института и утвержденъ начальствомъ округа проектъ новыхъ правилъ для переводныхъ и окончательныхъ испытаній. Существенныя измѣненія въ этомъ проектѣ сравнительно съ правилами 1876 года заключаются въ слѣдующемъ: а) въ новыхъ правилахъ введено недопущеніе къ экзаменамъ въ случаѣ недостаточно-усердныхъ занятій въ теченіе года; б) усилено значеніе работъ въ году, такъ какъ занятіямъ въ году и отгѣткѣ, поставленной за оныя, придано нормальное значеніе, рѣшающее вопросы о допущеніи къ испытаніямъ и переводамъ; в) оставленіе на другой годъ въ томъ же курсѣ сдѣлано условнымъ и поставлено въ зависимость отъ совѣта, а не признано нормальнымъ явленіемъ, зависящимъ отъ воли студента; г) для избѣжанія недоразумѣній при оцѣнкѣ отгѣтовъ на экзаменѣ, болѣе точно опредѣлена постановка экзаменаціоннаго балла и устранены письменныя отгѣты въ спорныхъ случаяхъ; д) облегчено производство испытаній устраненіемъ присутствія всѣхъ членовъ совѣта на окончательныхъ испытаніяхъ, и признано достаточнымъ участіе въ этихъ испытаніяхъ одного или двухъ членовъ совѣта; е) введена пятибалльная система оцѣнки знаній; ж) повышены, сравнительно съ прежними, требованія по физикѣ, химіи, политической экономіи и законовѣдѣнію; з) сдѣлана попытка къ отличію болѣе достойныхъ поощренія студентовъ, хотя уставъ и стѣсняетъ примѣненіе весьма важнаго въ педагогическомъ отношеніи раздѣленія учащихся на болѣе или менѣе успѣшныхъ. Введеніе новыхъ правилъ отложено на одинъ учебный годъ.

Въ 1880 году не было представлено сочиненій на заданныя по

лѣснымъ наукамъ темы. На 1882 годъ одобрены совѣтомъ для соисканія почетныхъ наградъ слѣдующія темы: по лѣсоводству—„О естественномъ возобновленіи высокоствольныхъ лѣсовъ“, по лѣсной таксаціи—„Составить проектъ устройства Рудякой казенной лѣсной дачи“, по лѣсной ботаникѣ—„Значеніе въ лѣсномъ хозяйствѣ акклиматизированныхъ лѣсныхъ древесныхъ породъ“.

Въ 1880 году совѣтъ института имѣлъ 40 засѣданій, изъ коихъ два были употреблены на производство испытаній на званіе лѣсничаго, остальные же 38 имѣли предметомъ рѣшеніе многочисленныхъ и разнообразныхъ дѣлъ учебнаго характера, какъ текущихъ, такъ и особаго, въ видѣ мѣръ для улучшенія общаго хода учебной и ученой дѣятельности института. Въ 23 засѣданіяхъ участвовали, по приглашенію директора, кромѣ членовъ совѣта, и другіе преподаватели. Важнѣйшіе вопросы, обсуждавшіеся совѣтомъ, были слѣдующіе: По преподаванію отдѣльныхъ предметовъ: а) по поводу открытія вакантной доцентуры сельскаго строительнаго искусства, директоромъ института предположено было замѣстить эту кафедру новымъ преподавателемъ сельско-хозяйственныхъ наукъ, именно сельско-хозяйственной экономіи, чѣмъ послѣднему предмету, въ виду его важности для спеціальнаго агрономическаго образованія, дано было бы соответственное значеніе и могъ бы быть расширенъ его курсъ, соединенный съ скотоводствомъ въ лицѣ одного изъ доцентовъ-спеціалистовъ; строительное же искусство въ прежнемъ его видѣ отмѣнить и не приглашать для него отдѣльнаго преподавателя; б) имѣя въ виду свободное время отъ лекцій и занятій по кафедрѣ строительнаго искусства, совѣтъ удовлетворилъ желаніямъ студентовъ слушать дополнителныя лекціи по нѣкоторымъ предметамъ, и съ разрѣшенія начальства округа, введены, въ видѣ временной мѣры, такія лекціи по сельско-хозяйственной экономіи, сельскому строительному искусству, садоводству и огородничеству, эмбриологін, сельско-хозяйственной энтомологін и лѣсоводству для 3-го курса и съемѣй теодолитомъ; в) по просьбѣ же студентовъ 3-го курса, совѣтъ, съ разрѣшенія окружнаго начальства, нашелъ возможнымъ уменьшить число лекцій по русскому языку съ 4 на 2, съ тѣмъ, чтобы въ это число входили и практическія занятія русскимъ языкомъ. По практическимъ занятіямъ учащихся. Практическія занятія въ химической лабораторіи, въ виду увеличивающагося числа практикантовъ, недостатка лаборантовъ (одинъ на 160 практикантовъ) и невозможности, вслѣдствіе установленной обязательности лекцій, продолжительныхъ занятій студентовъ въ ла-

бораторіямъ,—были предметомъ частаго обсужденія этого дѣла. Отказы завѣдывающаго лабораторією произвести возможныя и настоятельныя измѣненія въ порядкахъ лабораторіи вызвали даже жалобы студентовъ на стѣсненія въ занятіяхъ. По распоряженію начальства округа, жалобы эти были обсуждены совѣтомъ, который рѣшилъ допустить студентовъ къ занятіямъ и въ необязательные часы, произвести измѣненія въ дѣйствовавшемъ въ лабораторіи порядкѣ распредѣленія времени и числа часовъ занятій студентовъ и облегчить имъ доступъ въ лабораторію. Но изъ указанныхъ мѣръ только одна, именно облегченіе доступа въ лабораторію въ сверхобязательные часы, осуществилась въ 1880 году, остальные же отложены до 1881 года. Сверхъ сего, по просьбѣ же студентовъ, совѣтъ нашелъ возможнымъ отгнѣвить стѣснительную для нихъ плату, за разбитую при занятіяхъ въ лабораторіи посуду. Практическія занятія по другимъ предметамъ были предметомъ обсужденія главнымъ образомъ при устройствѣ экскурсій студентовъ и правильныхъ занятій на опытной фермѣ. Въ виду недостатка средствъ для осуществленія вполнѣ правильныхъ и производительныхъ экскурсій, вопросъ объ экскурсіяхъ не получилъ окончательнаго разрѣшенія въ смыслѣ признанія ихъ необходимою составною частью институтскихъ курсовъ. Одобрены были совѣтомъ въ видѣ частнаго случая вакаціонныя экскурсіи студентовъ-лѣсоводовъ въ близлежащія казенныя лѣса; кромѣ того директоромъ института были разрѣшены экскурсіи въ теченіе учебнаго время въ праздничные дни въ Варшаву на конскую выставку и въ Варшавскую губернію для осмотра техническихъ заводовъ. Въ концѣ года, начальствомъ округа, по поводу просьбы студентовъ о возможности болѣе далекой экскурсіи, былъ одобренъ самый принципъ экскурсій для учащихся подъ руководствомъ преподавателя. По сельскому хозяйству совѣтъ рѣшилъ ввести очередныя дежурства студентовъ 3-го курса на опытной фермѣ, не придавая этимъ дежурствамъ обязательнаго характера. Одобрены также необязательныя занятія по механической обработкѣ почвъ. По почвовѣдѣнію занятія признаны необязательными, по лѣсной энтомологіи перенесены на 3-й курсъ, по лѣсоводству назначено по одной недѣлѣ весной и осенью для упражненій 2-го курса. Контроль надъ посѣщеніемъ практическихъ занятій рѣшено предоставить преподавателямъ-руководителямъ. Вышеизложенныя и нѣкоторыя другія мѣропріятія совѣта института, очевидно, не могли имѣть характера прочныхъ организационныхъ мѣръ, въ виду ихъ случайности и даже несогласія съ дѣятельностію совѣта въ предше-

ствовавшіе годы. Поэтому, съ разрѣшенія начальства округа, совѣтъ приступилъ къ пересмотру устава института, какъ единственному способу для устранения тѣхъ колебаній въ учебной жизни института, которыя утомляли дѣятельность совѣта безъ прямой пользы для дѣла и вызывались главнымъ образомъ нецѣлесообразной организаціей учебнаго строя. Особая коммиссія, въ составѣ директора, двухъ профессоровъ и одного доцента, рассмотрѣла составленный директоромъ проектъ положенія, объ институтѣ, и послѣ обсуждения оного и нѣкоторыхъ измѣненій согласно указаніямъ окружнаго начальства, внесла проектъ въ совѣтъ. Въ особыхъ четырехъ засѣданіяхъ совѣтомъ были обстоятельно рассмотрѣны и обсуждены всѣ проектированныя измѣненія и окончательно одобрено новое положеніе, которому и данъ въ 1881 годѣ дальнѣйшій ходъ. Общія положенія, которыя легли въ основу новаго проекта, имѣютъ въ виду сравнить положеніе института съ другими русскими высшими учебными заведениями, именно увеличеніе продолжительности курса однимъ годомъ, увеличеніе числа преподавателей и личнаго состава и улучшеніе ихъ матеріальнаго положенія, расширеніе правъ и значенія совѣта, уменьшеніе многопредметности, предоставленіе окончившимъ курсъ института правъ государственной службы и возможности получать высшія ученые степени кандидата и магистра, увеличеніе средствъ института на учебно-вспомогательныя учрежденія и на пособия студентамъ.

Чины личнаго состава института и другія состояща въ вѣдомствѣ его лица напечатали въ 1880 году слѣдующіе учебно-ученые труды: профессоры: Антоновичъ напечаталъ въ IV томѣ Записокъ института актовую рѣчь „Къ вопросу о ростѣ сельскаго хозяйства послѣ 19-го февраля 1861 года“, Милевскій помѣстилъ въ томъ же наданіи отчетъ о практическихъ занятіяхъ студентовъ по почвовѣдѣнію въ 1879—1880 учебномъ году; доценты: Хлюдзинскій напечаталъ отдѣльными изданіями: первые два выпуска книги „Организація сельско-хозяйственнаго промысла“ и брошюру „Ученіе о кормленіи и заводскомъ искусствѣ, какъ моменты скотоводственнаго прогресса“, Краусскій помѣстилъ: въ Запискахъ института—„Краткій очеркъ положенія лѣснаго дѣла въ имперіи и въ царствѣ Польскомъ въ періодъ царствованія императора Александра II“, въ Лѣсномъ Журналѣ—статью „Краткій очеркъ настоящаго положенія лѣснаго дѣла въ царствѣ Польскомъ“ и въ мѣстномъ сельско-хозяйственномъ еже-недѣльникѣ статью „O administracji lesnej gaidowej w Cesarstwie i wy- padkach jej dzialalnosci“, Бердау напечаталъ въ Wiadomoschiach

Farmsaceutyzynschъ вѣскольکو статей научнаго содержанія, между ними свой трудъ о спорыньѣ, Цихоцкій окончилъ печатаніе перевода сочиненія Гореня „Praca natury w zywieniu zwierzat domowych“; лаборантъ Орловскій помѣстилъ въ IV-мъ томѣ Записокъ института метеорологическихъ наблюденія на станціи института за 1879 годъ; бухгалтеръ Петрушинскій напечаталъ въ Циркулярѣ по Варшавскому учебному округу дополнительный указатель къ этому циркуляру за 1878 и 1879 годы: преподаватели: земледѣльческой химіи Добровольскій, физиологін животныхъ Карпинскій, почвовѣднія Малевскій, физики Заіончевскій и анатомін животныхъ Кратовскій приготовили для литографированія курсы своихъ лекцій; бывшіе студенты института Баскаковъ, Елагинъ и Любанскій помѣстили свои сочиненія въ IV-мъ томѣ Записокъ института, а бывший студентъ Гуртьевъ напечаталъ въ Запискахъ общества сельскаго хозяйства свой трудъ подъ заглавіемъ: „Овца, какъ молочное животное“.—Командированы были съ ученою цѣлю: доцентъ Кратовскій—для посѣщенія бывшей въ Варшавѣ выставки лошадей и образцовыхъ въ Привисляскомъ краѣ заводовъ лошадей и рогатаго скота, доцентъ Цихоцкій—въ Варшаву на выставку ткацкихъ надѣлій; доценты: Краубъ, Красускій, Бердау, Цихоцкій и Хлюдинскій принимали участіе въ качествѣ руководителей научныхъ экскурсій со студентами института, совершенныхъ въ Закрочимское лѣсничество, Плоцкой губерніи, съ цѣлю обозрѣнія лѣсовъ, въ имѣніи Брочевъ (Плоцкой губерніи) и Юзефовъ (Варшавской губерніи) для осмотра заводовъ и культурныхъ лѣсныхъ участковъ, и въ Варшаву на выставку лошадей.

Институтъ имѣлъ въ 1880 году въ своемъ распоряженіи слѣдующія денежныя средства: а) суммъ государственнаго казначейства: оставалось отъ 1879 года 622 руб. 86 коп., въ 1880 году ассигновано было 79,378 руб. 83 коп., въ теченіе года израсходовано 47,493 руб. 86 коп.; затѣмъ къ началу 1881 года имѣлся остатокъ въ 2,207 руб. 83 коп.; б) суммы сбора за слушаніе лекцій: остатка отъ 1879 года было 4,919 руб. 14 коп., въ теченіе 1880 года поступило 9,090 руб. 35 коп., за то же время израсходовано 9,863 руб. 20 коп., къ концу 1880 года оставалось на лицо 4,646 руб. 29 к.; в) общахъ специальныхъ средствъ (остатки по имѣніямъ, опытной формѣ, садовымъ учрежденіямъ, аренднымъ и другимъ поступленіямъ института): отъ 1879 года оставалось 5,904 руб. 37 коп., въ 1880 г. поступило 22,100 руб. 70 коп., въ теченіе года израсходовано 24,092 руб. 37 коп., остатка къ 1881 году было 3,912 руб. 79 коп.

Главнѣйшіе расходы на счетъ сбора за слушаніе лекцій были слѣдующіе: на учебно-вспомогательныя учрежденія, въ дополненіе къ штатнымъ суммамъ, 4,066 руб. 96 коп., на изданіе и печатаніе Записокъ института и другихъ спеціальныхъ сочиненій 937 руб. 29 к.; на матеріалъ для выдѣлки освѣтительнаго газа въ лабораторіяхъ 511 руб. 96 коп., на вознагражденіе за завѣдываніе опытною фермою 500 руб., на вознагражденіе сверхштатнаго лаборанта при земледѣльческой лабораторіи 404 руб. 18 коп., на вознагражденіе двумъ сверхштатнымъ педеламъ 315 руб., на устройство студентской столовой 300 руб., на экскурсіи студентовъ по сельскому хозяйству и лѣсоводству 299 руб. 50 коп.

Движеніе студентовъ института въ теченіе года представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ первомъ полугодіи 1879—1880 академическаго года (въ 1-му января 1880 года) состояло студентовъ 182, во второмъ полугодіи принято 3, всего 185. Изъ нихъ вышло въ теченіе перваго полугодія 45 (за окончаніемъ курса 31, по другимъ причинамъ 14). Къ началу 1880—1881 учебнаго года подали прошенія о приѣмѣ 108 человекъ, изъ нихъ принято 105, но явилось въ дѣйствительности къ слушанію лекцій 84, въ томъ числѣ бывшихъ студентовъ 2, студентовъ и воспитанниковъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній 1, невыдержавшихъ испытанія зрѣлости 5, окончившихъ съ аттестатомъ курсъ реальныхъ училищъ по основному отдѣленію или выдержавшихъ въ нихъ испытаніе 63, окончившихъ курсъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища 3, выдержавшихъ экзаменъ въ знаніи предметовъ гимназическаго курса безъ древнихъ языковъ 5, окончившіи реальное училище по коммерческому отдѣленію 1. Въ теченіе перваго полугодія 1880—1881 учебнаго года вышло по разнымъ причинамъ 13, и затѣмъ въ 1-му января 1881 года состояло на лицѣ 211 студентовъ, которые распредѣлились слѣдующимъ образомъ: а) по отдѣленіямъ и курсамъ: въ общемъ отдѣленіи 86 (въ 1-го курса), въ отдѣленіи сельскаго хозяйства 77 (во 2-мъ курсѣ 55, въ 3-мъ — 22), въ отдѣленіи лѣсоводства 48 (во 2-мъ курсѣ 26, въ 3-мъ — 22); б) по сословіямъ: дворянъ потомственныхъ 125, дворянъ личныхъ 29, духовнаго званія 2, купческаго званія, мѣщанъ и городскихъ обывателей 40, крестьянъ и сельскихъ обывателей 13, иностранцевъ 2; в) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго вѣроисповѣданія 50, римско-католическаго 142, армяно-грегоріанскаго 1, евангелическаго 9, іудейскаго 9; г) по предварительному образованію: изъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній 8, изъ гим-

назій 38, изъ реальныхъ училищъ 150, изъ другихъ средне-учебныхъ заведеній и домашняго образованія 15; д) по мѣстамъ рожденія: уроженцевъ губерній Царства Польскаго 78 или 36,97%, общаго числа, уроженцевъ западнаго края 82 или 38,86%, уроженцевъ другихъ губерній 51 или 24.17%, то-есть изъ мѣстныхъ губерній почти 37%, изъ внутреннихъ 63%. Общее число студентовъ увеличилось въ 1880 году сравнительно съ предыдущимъ на 29 человекъ. Вольныхъ слушателей въ институтѣ не полагается по уставу. Казенныхъ стипендіатовъ въ институтѣ также не имѣется, но изъ частныхъ записей пользовались стипендіями шесть студентовъ, въ размѣрѣ отъ 50 р. до 300 р. включительно. Сверхъ того два студента пользовались стипендіями на счетъ суммъ вольно-экономическаго общества и Кубанскаго казачьяго войска. Изъ числа студентовъ 3-го курса 31 студентъ, по выдержаніи установленнаго испытанія, удостоились аттестатовъ, изъ нихъ 15 сельско-хозяйственнаго отдѣленія и 16 отдѣленія лѣсоводства. Вмѣстѣ съ ними подверглась испытанію на должность старшаго лѣсничаго, бывшій воспитанникъ сего института подлѣсничій Хонцанскій и выдержалъ его удовлетворительно. Для улучшенія матеріальнаго быта несостоятельныхъ студентовъ, институтомъ практиковались различнаго рода мѣры. Такъ: а) въ первомъ полугодіи были освобождены отъ взноса платы за слушаніе лекцій 10% общаго числа студентовъ, то-есть 17, во второмъ полугодіи — 21; б) для взноса полной платы выдано пособій: въ первомъ полугодіи 33 студентамъ на сумму 825 руб., во второмъ — 36 студентамъ на сумму 900 руб.; в) въ облегченіе взноса платы выданы денежные пособия въ первомъ полугодіи шести студентамъ на 95 руб.; г) выдавались профессорскія стипендіи, по 7 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ каждая; въ первомъ полугодіи выдано было ихъ 4, во второмъ число ихъ увеличилось еще на двѣ, по 90 руб.; д) предоставлялись студентамъ нѣкоторыя работы по учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ; такія работы были даваемы 24 студентамъ, на что израсходовано изъ средствъ института 360 руб. 95 коп.; е) вознагражденія за контрольныя сочиненія, написанныя студентами на избранныя темы съ цѣлю полученія пособій, выданы 18-ти студентамъ на 390 р.; ж) выдавались денежные пособия двоякаго рода: безвозвратныя и заемобразныя; первыя выданы 54 студентамъ на сумму 1,144 руб., вторыя — 45 студентамъ на 636 руб.; з) больнымъ студентамъ оказывалась была институтомъ помощь, которая состояла въ содержаніи студентскаго отдѣленія въ мѣстной больницѣ св. Карла, во взносъ

75 копѣчной посутчной платы за лечившихся въ той же больницѣ несостоятельныхъ студентовъ, въ уплатѣ за больныхъ, пользовавшихся специальными больницами въ Варшавѣ, и въ покупкѣ лекарствъ нѣсколькимъ студентамъ, лечившимся на дому; каковой расходъ составилъ 827 руб. 61 коп.; и) наиболѣе несостоятельнымъ студентамъ были даваемы бесплатныя помѣщенія: въ первомъ полугодіи 11 комнатъ въ двухъ зданіяхъ института, во второмъ — семь въ особомъ зданіи, которыми пользовались разновременно 26 студентовъ; и) въ концѣ ноября 1880 года открыта въ отдѣльномъ институтскомъ зданіи столовая для несостоятельныхъ студентовъ; ближайшее распоряженіе столовою и завѣдываніе всѣми ея дѣлами поручено самимъ студентамъ; плата за обѣдъ изъ двухъ блюдъ назначена умеренная, 20 коп. за обѣдъ; при столовой есть также чайная; по просьбѣ студентовъ, начальство института исходатайствовало у правленій четырехъ мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ льготныя проѣзды для несостоятельныхъ студентовъ по пониженной (за $\frac{1}{4}$ тарифной) цѣнѣ. Такой льготой пользовалось большинство студентовъ, отправлявшихся въ отпуски по разнымъ случаямъ. Независимо отъ сего, правленія тѣхъ же дорогъ выдавали, согласно прежде послѣдовавшимъ разрѣшеніямъ, бесплатныя билеты 2-го класса для студентовъ, отправлявшихся на экскурсіи съ учебными цѣлями.

Дѣятельность учебно-вспомогательныхъ учрежденій института въ 1880 году и состояніе ихъ къ 1881 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: Основная бібліотека заключала къ 1881 году 8,596 названій въ 13,464 томахъ на сумму 30,356 руб. Цифра эта, однако, не можетъ быть названа точною, такъ какъ составленіе новыхъ инвентарей, по недостатку личныхъ силъ бібліотеки, не окончено, такъ какъ вслѣдствіе полученія большаго числа новыхъ книгъ и увеличенія выдать, приведеніе въ полный порядокъ бібліотеки немислимо безъ приостановки текущихъ дѣлъ и употребленія значительныхъ для института суммъ на увеличеніе силъ при бібліотекѣ. Въ профессорской читальнѣ получалось 146 періодическихъ изданій, изъ нихъ на русскомъ языкѣ 91, на нѣмецкомъ 32, на польскомъ 16, на французскомъ 6, на англійскомъ 1; специальныхъ изданій изъ общаго числа получалось 82. Въ виду неоднократныхъ заявленій о нѣкоторыхъ неудобствахъ при пользованіи матеріаломъ читальни, совѣтъ измѣнилъ порядокъ пользованія въ томъ смыслѣ, что всѣ періодическія изданія съ 1881 года будутъ поступать въ очередномъ порядкѣ непосредственно къ преподавателямъ института, не переходя черезъ

читальню. Студентская бібліотека съ читальней въ началѣ года находилась въ завѣдываніи одного изъ преподавателей института, въ концѣ же года передава въ непосредственное завѣдываніе двухъ избранныхъ студентовъ подъ наблюденіемъ того же преподавателя. Въ 1881 году въ ней находилось 627 наданій въ 1,156 томахъ на суммѣ 2,507 руб.; сверхъ того бібліотека получила, безплатно или по пониженной цѣнѣ, 35 періодическихъ наданій. Инвентарь имущества химической лабораторіи составленъ въ 1880 году, но провѣрка его отложена до прибытія новаго профессора, назначеннаго уже въ 1881 г. Практическія занятія студентовъ происходили подъ ближайшимъ руководствомъ завѣдывавшаго временно лабораторіей лаборанта; практикантовъ было 161, именво: въ 1-мъ полугодіи работали 77 студентовъ 1-го курса и 35—2-го, во 2-мъ полугодіи — 49 студентовъ 2-го курса. Занятія состояли на 1-мъ курсѣ въ передѣлываніи реакцій на металлы и кислоты, на 2-мъ — въ качественномъ и количественномъ анализѣ. Самъ завѣдывавшій лабораторіею производилъ нѣсколько изслѣдованій судебно-медицинскаго характера, и производилъ научныя изслѣдованія надъ продуктами замѣщенія бромистаго бромъ-этилена и полимерныхъ углеводородовъ, образующихся при дѣйствіи сѣрной кислоты на терпентиновое масло. Въ земледѣльческой лабораторіи находилось имущества 813 названій 1,309 экземпляровъ на суммѣ 8,044 р. Въ лабораторіи въ первомъ полугодіи 18, и во второмъ 22 студента 3-го курса сельско-хозяйственнаго отдѣленія занимались изслѣдованіемъ различныхъ образцовъ почвъ, удобрений, кормовыхъ средствъ и растительныхъ и животныхъ продуктовъ. Студенты 2-го курса занимались по почвовѣдѣнію, при чемъ знакомились съ приемами механическаго анализа и способами изслѣдованія физическихъ свойствъ почвъ. Второгодичные студенты (въ 1-мъ полугодіи 8, во 2-мъ — 10) занимались изслѣдованіями влагоемкости различныхъ почвъ при посредствѣ различныхъ приемовъ, съ цѣлію изученія условій, влияющихъ на результаты этихъ изслѣдованій. Профессоръ Малевскій занимался изслѣдованіемъ скорости вывѣтриванія сложныхъ кристаллическихъ горюкаменныхъ породъ въ различныхъ состояніяхъ измельченія, изслѣдованіемъ влияния примѣси измельченныхъ силикатовъ на производительность различныхъ почвъ, и продолжалъ свои изслѣдованія надъ свойствами чернозема и продуктовъ разложенія травянистыхъ растений; преподаватель Добровольскій продолжалъ опыты съ влияніемъ различныхъ химическихъ туковъ на составъ и свойства почвъ; студентъ Болновскій производилъ анализы гречневой воли, предва-

значенной для обработки костей по способу Ильенкова. Въ физическомъ кабинетѣ находилось различнаго имущества 329 названій на сумму 7,152 руб. Занятія студентовъ въ кабинетѣ имѣли необязательный характеръ и крайне-ограниченные размѣры, вслѣдствіе недостатка приспособленій, помѣщенія и личныхъ силъ. Въ метеорологической обсерваторіи имѣлось разныхъ предметовъ на 429 руб. Студенты могли пользоваться обсерваторіей для ознакомленія съ приемами наблюденій, преподаватели же — справками о метеорологическихъ данныхъ для научныхъ цѣлей. Зоологическій кабинетъ содержалъ 1,000 названій 1,366 предметовъ стоимостью въ 2,484 руб. и служилъ для демонстрацій и практическихъ занятій по зоологии и гѣсной энтомологіи. Кабинетъ этотъ, удовлетворяющій нуждамъ демонстративнымъ, требуетъ капитальныхъ затратъ для доставленія ему возможности быть хорошимъ пособіемъ для работъ студентовъ, не говоря уже о желательномъ его приспособленіи для біологическихъ и физиологическихъ изслѣдованій преподавателя. Въ ботаническомъ кабинетѣ имѣлось 4,254 предмета на 1,483 руб. Кромѣ демонстративныхъ цѣлей, кабинетъ служилъ для микроскопическихъ работъ студентовъ, которыхъ занималось до 40 человекъ и, по отзыву преподавателя, весьма усердно. Въ минералогическомъ кабинетѣ находилось разныхъ предметовъ 11,708 названій на 3,228 руб. По заявленію заведывающаго кабинетомъ профессора ощущается потребность въ приборахъ для демонстрацій на лекціяхъ и занятій студентовъ по опредѣленію физическихъ свойствъ минераловъ, каковыми инструментами кабинетъ доселѣ не располагаетъ. Кабинеты механической, геодезической и рисовальной заключали предметовъ: первый — 226 названій на сумму 8,925 руб., второй — 208 названій на 2,756 руб., послѣдній — 270 названій на 473 руб. Кабинеты нуждаются въ ремонтѣ большинства нужныхъ предметовъ, въ особенности же первые два. Въ технологическомъ кабинетѣ имѣлось 617 предметовъ на сумму 5,860 руб., но большинство этихъ предметовъ, по непригодности ихъ, должно быть исключено изъ списковъ. Въ земледѣльческомъ кабинетѣ находилось 1,289 предметовъ на 3,507 руб. Кабинетъ служилъ демонстративнымъ пособіемъ для лекцій растениеводства; практическихъ занятій въ немъ устроено быть не могло. Въ зоотехническомъ кабинетѣ состояло разныхъ предметовъ на 2,654 руб. Коллекціи по строительному искусству состояли изъ 92 названій на 3,468 руб., но предметы, ихъ составляющіе, не употреблялись для учебныхъ цѣлей, такъ какъ они имѣютъ мало общаго съ читаемымъ въ институтѣ кур-

сомъ строительнаго искусства. Въ лѣсномъ кабинетѣ было на лицо 1,264 предмета на 2,125 р. Кабинетъ, кромѣ демонстративныхъ цѣлей, служилъ для практическихъ занятій студентовъ по лѣсоразведенію, лѣсной таксаціи и проч. Въ лѣсномъ питомникѣ послѣдовали замѣтныя улучшения: проведена вода и назначенъ постоянный сторожъ, главныя дороги усыпаны гравіемъ. Высѣяно было до 39-ти фунтовъ древесныхъ и кустарныхъ породъ. Въ первой половинѣ апрѣля былъ произведенъ посѣвъ самими студентами, подъ руководствомъ преподавателя; пересадка же воспитанныхъ въ 1878 и 1879 годахъ сѣянцевъ хвойныхъ и лиственничныхъ породъ въ школу производилась отчасти студентами, отчасти же наемными рабочими подъ надзоромъ студентовъ и руководствомъ преподавателя. Содержаніе питомника обошлось въ 76 руб. 85 коп.; доходы его, независимо отъ учебныхъ цѣлей, выражаются какъ платой, поступившей за проданные экземпляры 16,098 штукъ однолѣтнихъ и 4,727 двухъ и трехлѣтнихъ породъ на сумму 128 руб. 59 коп., такъ и выданными изъ него для обсаженія двухъ лѣсныхъ участковъ института сѣянцами и саженцами, конкъ было отпущено 22,541 штука стоимостью въ 78 руб. 80 коп. Участокъ на Горной Нивѣ, величиною 8 морговъ 30 прентовъ, потребовалъ на свое содержаніе 30 руб. Работы, производившіяся въ немъ частію студентами подъ руководствомъ преподавателя, частію же наемными рабочими, состояли въ слѣдующемъ: а) на охраннымъ валу произведена посадка сосны и дуба, для образованія живой изгороди, а также бѣлой акаціи и дрена по сторонамъ средней дороги; б) одна половина участка облѣсена посадкой отпущенныхъ изъ питомника саженцевъ и сѣянцевъ различныхъ породъ, смотря по почвѣ и мѣстоположенію, рядами, а на небольшомъ пространствѣ былъ сдѣланъ посѣвъ обыкновенной сосны въ борозды съ помощью сѣялки Тигце; в) на второй половинѣ начаты работы по облѣсенію посадкой однолѣтнихъ сѣянцевъ и двухлѣтнихъ саженцевъ обыкновенной и австрійской сосны и бѣлой акаціи. Участокъ на Кемпѣ, выдѣленный въ 1880 году, въ размѣрѣ 20,42 десятинъ, изъ Кемпской рощи, былъ устроенъ, подъ руководствомъ двухъ преподавателей, студентами 3-го курса лѣснаго отдѣленія. Хозяйство на участкѣ началось съ осени: вся роща окопана на протяженіи почти 900 сажень вромъ, на проѣздахъ устроены шлагбаумы; въ томъ кварталѣ, въ коемъ отведена очередная лѣсосѣвка, начато облѣсеніе, высадкою до 800 штукъ трехлѣтнихъ дубовыхъ саженцевъ, по сѣверной границѣ, въ видѣ опыта, высажены различныя древесныя породы. Осенью же началась часть оскуны, отд. 4.

разработка очередной лѣсосѣки, площадью въ 1,3 десятины, заготовлено было до 20 сажень дровъ. Кромѣ того одинъ изъ покупателей началъ заготовку подѣлочнаго матеріала въ видѣ дровянаго лѣса въ штукахъ, а также досокъ. Разработка лѣсосѣки была почти окончена. Всѣ работы производились съ веденіемъ записей дежурными студентами, такъ что участокъ на Кемпѣ сразу принялъ учебно-практическое направленіе. Доходу отъ участка получено было 295 руб. 17 к., израсходовано 270 руб. 77¹/₂ коп. Въ ветеринарной клиникѣ и ветеринарномъ кабинетѣ находилось разныхъ предметовъ: въ первой 333 нумера на 538 руб., во второй 747 нумеровъ на 3,109 руб. За отсутствіемъ особаго аданія, дѣятельность этихъ учреждений ограничилась демонстраціями и учебными занатіями въ кабинетѣ и амбулаторнымъ леченіемъ животныхъ въ аптекѣ. Лечение животныхъ, принадлежащихъ институту, производилось на мѣстѣ, лекарства заготавливались въ аптекѣ самимъ преподавателемъ. Въ теченіе года подвергалось леченію и осмотру 237 животныхъ, принадлежащихъ институту; изъ нихъ околѣло 55. Посторонними лицами приведено было въ клинику для осмотра и совѣта 28 лошадей и 38 штукъ рогатаго скота, всего слѣдовательно пользовалось 303 животныхъ. Операций на животныхъ произведено 14, секцій 10, при чемъ участвовали и студенты института для пріобрѣтенія навыка въ простѣйшихъ операціяхъ. Учрежденія по пчеловодству и шелководству заключали 149 предметовъ на 350 руб. Роевъ было 15, ульевъ 39. 1880 годъ для роевнй былъ плохимъ, для сбора меда среднимъ. Пасѣка дала 130 фунтовъ меда и 8¹/₂ фунтовъ воску. Изъ породъ шелколичныхъ червей разводились тутовый, аялантовый и дубовый шелкопряды. Оба учрежденія имѣли главнымъ образомъ демонстративныя цѣли при преподаваніи теоретическихъ курсовъ. Въ садовыхъ учрежденіяхъ находилось растений: въ теплицахъ 2,330, въ оранжереѣ 2,390, въ ботаническомъ отдѣленіи 1,199, въ плодовомъ саду 2,077, въ питомникѣ 8,641, въ овощномъ саду 1,517, орудій и приборовъ 249 нумеровъ, всего 18,403 нумера на 2,776 руб. Въ теплицѣ, въ видахъ экономическихъ, закрыто отдѣленіе для разведенія ананасовъ и усилено рощеніе болѣе ходкихъ растений; чистаго дохода теплица дала 16 руб. 17 коп. Чистый доходъ отъ оранжерей былъ 6 руб. 46 коп. Ботаническій отдѣлъ преслѣдовалъ учебно-демонстративныя цѣли: въ немъ разводилось много видовъ и разновидностей, имѣющихъ по преимуществу сельско-хозяйственное значеніе; при отдѣлѣ состоялъ цвѣтникъ для разведенія красивыхъ растений и продажи. Доходу ботани-

чекскій отдѣлъ далъ 27 руб. 78 коп. Плодовый садъ, при всемъ уходѣ, далъ плохой урожай, влѣдствіе равннкъ и обильныхъ осеннихъ снѣговъ, сломавшихъ пять хорошихъ деревьевъ цѣликомъ, и у остальныхъ повредившихъ вѣтви, далѣе, вслѣдствіе сильныхъ морозовъ и особенно майскихъ утренниковъ, захватившихъ деревья въ цвѣту. Поэтому аренда плодового и части овощнаго сада дала только 205 руб. вмѣсто прошлогоднихъ 650 руб. Питомники плодовыхъ и декоративныхъ деревьевъ и кустарниковъ, вслѣдствіе устройства особеннаго обширнаго участка съ этою цѣлю, дали хорошіе результаты. Продажа доходила до болѣе 2,000 штукъ и дала 244 руб. 69 коп., несмотря на то, что зимними морозами и майскими утренниками истреблено было нѣсколько сотъ облагороженныхъ фруктовыхъ деревьевъ и значительное число декоративныхъ породъ. Овощной садъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ коммерческія цѣли. Доходъ его, благодаря заботливости правленія института, увеличился до 248 руб. 30 к., содержаніе обошлось въ 154 руб. 35 коп., чистый доходъ составлялъ 83 руб. 95 коп., что слѣдуетъ признать незначительнымъ, въ виду того, что распродажа овощей обезпечена на мѣстѣ, въ самомъ институтѣ. Паркъ изъ всѣхъ садовыхъ учреждений былъ наименѣе производительнымъ: институтъ воспользовался только доходомъ отъ собраннаго сѣна, приблизительно 247 центнеровъ, на 360 руб., для поддержки же его въ порядкѣ и производства нѣкоторыхъ улучшеній понадобилось 324 руб. 10 коп. Важнѣйшею работою была очистка луговъ парка и ихъ обмѣнѣніе. Опытная ферма, по примѣру прежнихъ лѣтъ, служила лѣтомъ для ознакомленія студентовъ, какъ съ дѣйствіемъ усовершенствованныхъ орудій и машинъ, такъ и съ рациональнымъ уходомъ за разводимыми въ хозяйствѣ фермы животными и растеніями. Въ 1880 году вновь приступлено фермою къ примѣненію, для удобренія полей, рыночныхъ тукоевъ. Такъ, были произведены сравнительные опыты удобренія клевера гипсомъ; къ сожалѣнію, трудно судить о результатахъ этихъ опытовъ, такъ какъ клеверъ былъ убранъ при неблагоприятной погодѣ. Другой тукъ, суперфосфатъ, примѣненный осенью для удобренія поля подъ озимую пшеницу, далъ результаты лишь въ слѣдующемъ году. Кромѣ того, студенты имѣли случай наблюдать за дѣйствіемъ навозной жижи на ростъ травы на лугахъ фермы. Хотя лугъ въ 1880 году далъ сѣна вдвое менѣе, чѣмъ въ предъидущемъ году, но нѣтъ сомнѣнія, что безъ полвки луга навозною жижею ферма получила бы сѣна съ луга еще менѣе. Изъ машинъ студенты ознакомились на фермѣ,

практически, съ работою жней-косилки Джонсона, съ работою конныхъ граблей Тигеръ и другими сложными орудіями. Кроме того, они имѣли возможность работать, подъ руководствомъ преподавателей земледѣльческой механики и земледѣлія, плугами различныхъ конструкций, изъ числа плуговъ, имѣющихся въ коллекціи фермы. По животноводству студенты, подъ руководствомъ преподавателей, изучали на фермѣ экстерьеръ животныхъ, ознакомились съ воспитаніемъ телятъ, кормленіемъ взрослого скота какъ зимою, такъ и осенью. Кроме того, ферма ежедневно во время полевыхъ работъ сообщала студентамъ наряды на работы, такъ что студенты имѣли возможность слѣдить за ходомъ всѣхъ работъ на фермѣ. Наконецъ, для студентовъ была постоянно открыта контора фермы, гдѣ они практически познакомились со счетоводствомъ фермы.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Съ времени моего послѣдняго письма важнѣйшимъ событіемъ въ учебномъ мѣрѣ была раздача наградъ на конкурсѣ Парижскихъ и Версальскихъ лицеевъ. Торжество это происходило подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія. Онъ произнесъ рѣчь, въ которой коснулся, между прочимъ, вопроса о томъ, какъ будутъ организованы во Франціи реальныя училища на основаніи декрета 4-го августа нынѣшняго года. Въ программу ихъ входятъ общія свѣдѣнія, необходимыя для молодыхъ людей, намѣревающихся посвятить себя дѣятельности торговой, промышленной или земледѣльческой; на ряду съ изученіемъ относящихся сюда наукъ будутъ установлены и практическія занятія. Курсъ будетъ восьмилѣтній съ раздѣленіемъ его на три разряда: низшій (3 года), средній (3 года) и высшій (2 года). По окончаніи средняго изъ нихъ воспитаннику выдается дипломъ комиссіей, состоящей изъ инспектора академіи и шести членовъ, которыми должны быть преподаватели казенныхъ и частныхъ среднихъ учебныхъ заведеній; программа экзамена для полученія этого диплома будетъ во всѣхъ подробностяхъ выработана высшимъ совѣтомъ народнаго просвѣщенія. При каждомъ реальномъ училищѣ учреждается комитетъ (comité de patronage) изъ мэра (предсѣдателя), директора училища и пяти членовъ, назначаемыхъ изъ среды богѣе или менѣе извѣстныхъ инженеровъ, коммерсантовъ, фабрикантовъ и сельскихъ хозяевъ. Нужно, конечно, озаботиться о томъ, чтобы для новыхъ училищъ устроены были приличныя и удобныя помѣщенія и правительство имѣетъ это въ виду, „по мѣрѣ того, замѣтилъ министръ, какъ будутъ дозволять финансовыя средства“.

Другое важное обстоятельство, на которое указалъ министръ въ своей рѣчи, это окончаніе работъ по устройству Сорбонны. Тѣ изъ вашихъ читателей, которые посѣщали Парижъ, вѣроятно не мало удивлялись, какъ тѣсно и неудобно размѣщены въ одномъ и томъ же зданіи три факультета — богословскій, филологическій и математическій и кроиъ того школа высшихъ наукъ. Рядомъ съ этимъ зданіемъ огороженъ огромный участокъ земли, на которомъ должна вышиться новая Сорбонна; хотя работы, начатыя еще 26 лѣтъ тому назадъ, никогда не прерывались, но шли онѣ крайне медленно вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ. Въ послѣднее время казна ассигновала на нихъ 11 милліоновъ и почти столько же муниципальное управленіе Парижа. Теперь дѣло пойдетъ очень быстро и вскорѣ мы будемъ имѣть храмъ науки, вполне достойный этого названія.

Изъ официальныхъ распоряженій послѣдняго времени не лишнимъ считаю упомянуть о законѣ, касающемся учрежденія нормальной школы, въ которой будутъ приготовляться учительницы для женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній (colléges). Эти учебныя заведенія только что возникаютъ у насъ теперь и правительство ассигновало на нихъ 10 милліоновъ франковъ. Они назначены исключительно для приходящихъ, но въ случаѣ ходатайства муниципальныхъ совѣтовъ могутъ быть устраиваемы при нихъ и пансіоны. До сихъ поръ женскихъ colléges не было у насъ почти вовсе, — находился одинъ въ Парижѣ и другой въ провинціи, да и тѣ существовали на частныхъ средства, безъ всякаго пособія со стороны казны. Правительство само намѣрено ими заботиться о нихъ, но еще неизвѣстно, какъ будутъ они организованы и высшій совѣтъ народнаго просвѣщенія еще не выработалъ программы учебнаго ихъ курса.

Въ докладѣ, представленномъ палатѣ депутатовъ о бюджетѣ министерства народнаго просвѣщенія на будущій годъ, содержится не мало интересныхъ свѣдѣній. Такъ, наприимѣръ, мы видимъ изъ него, что рѣшено учредить въ Парижскомъ словесномъ факультетѣ новую кафедру—исторіи средневѣковой французской литературн; ассигновано 10,000 фр. на учрежденіе кафедры кельтической филологіи въ Collége de France,—ибра весьма полезная и на которой давно уже ставляли многіе компетентные ученые; рѣшено также значительно расширить помѣщеніе Школы для разбора хартій. Что касается среднихъ учебныхъ заведеній, то 600,000 фр. ассигновано на учрежденіе параллельныхъ отдѣленій въ лицеехъ, классы коихъ слишкомъ переполнены. Комиссія палаты депутатовъ имѣетъ въ виду еще одно

нововведение: до сихъ поръ пансіонеры, то-есть ученики, живущіе въ коллегіумахъ, — а надо замѣтить, что они составляютъ почти половину всей обучающейся молодежи — получали даромъ необходима для нихъ книги, которыя однако не составляли ихъ собственности; по окончаніи учебнаго года слѣдовало возвращать ихъ въ библиотеки училищъ. Это порождало различныя неудобства: съ одной стороны молодые люди обращались очень небрежно съ книгами, съ другой — училищное начальство изъ экономіи пробавлялось иногда такими руководствами, которыя были изданы лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Палата предлагаетъ, чтобы отнынѣ пансіонеры сами прибрѣтали учебныя книги, а чтобы даромъ были выдаваемы онѣ лишь бѣднымъ ученикамъ, получающимъ стипендіи. Затѣмъ палата же депутатовъ обратила вниманіе на то, что бывшіе воспитанники Нормальной школы, занимающіе должности учителей въ лицеехъ, стараются обыкновенно какъ можно скорѣе покинуть эти учебныя заведенія и получить профессорскія кафедры, и она высказала желаніе, чтобы служба ихъ въ лицеехъ продолжалась не менѣе десяти лѣтъ.

Нельзя не обратить вниманія на тотъ интересный фактъ, что изученіе литературы и исторіи классической древности, не ограничиваясь тѣснымъ кругомъ специалистовъ, все болѣе и болѣе распространяется у насъ въ массѣ публики. Однимъ изъ средствъ, чтобы поддержать въ ней это настроеніе, служатъ между прочимъ иллюстрированныя изданія серьезныхъ сочиненій. Изъ числа ихъ принадлежатъ появившаяся недавно Исторія искусства въ древности (*Histoire de l'art dans l'antiquité*) г. Жоржа Перро, профессора Парижскаго словеснаго факультета. Этотъ почтенный ученый извѣстенъ тѣмъ, что ему принадлежитъ честь открытія Анкирскаго памятника, на которомъ изображенъ самый полный текстъ заповѣданія императора Августа; онъ долго путешествовалъ по Сиріи, Египту, посѣтилъ о. Критъ, а въ послѣднее время, кромя чтенія лекцій, занимается изданіемъ *Revue archéologique*. Трудъ, предпринятый имъ теперь, пополняетъ весьма существенный пробѣлъ въ нашей литературѣ и уже по первымъ выпускамъ можно убѣдиться, что онъ будетъ отличаться замѣчательными достоинствами. Г. Перро приступилъ къ нему въ сотрудничествѣ съ архитекторомъ, г. Шинье, которому принадлежитъ отличное изслѣдованіе объ архитектурныхъ стилахъ въ древней Греціи.

Другой археологъ, пользующійся не менѣе почетною репутаціей, Э. Рейе, профессоръ въ *Collège de France*, выступилъ съ подобнымъ

же изданіемъ, не столь обширнымъ, но болѣе роскошнымъ, и предназначеннымъ главнымъ образомъ для знатоковъ, а не для массы публики: я говорю объ его Памятникахъ древняго искусства (*Mémoires de l'art antique*). Выходитъ оно ливрезонами, изъ которыхъ въ каждомъ помѣщается по 15 рисунковъ большаго формата съ объяснительнымъ къ нимъ текстомъ. Памятники, изображенные на нихъ, находятся или въ публичныхъ или частныхъ музеяхъ, одни принадлежатъ греческому и римскому искусству, а другіе искусству восточному; текстъ отличается вполне научнымъ содержаніемъ; самъ г. Рейе занимается преимущественно древнею Греціей, а все, что касается Египта, принялъ на себя г. Масперо.

Съ большимъ сочувствіемъ встрѣчено было также новое сочиненіе г. Франсуа Ленормана о греческихъ колоніяхъ въ южной Италіи (*La Grande Grèce, paysages et souvenirs*). Тутъ обнаружился въ лучшемъ свѣтѣ и обширная эрудиція автора и замѣчательный его талантъ. Замѣчу кстати, что „Древняя исторія Востока“ г. Ленормана выходитъ теперь съ иллюстраціями; это ужъ десятое ея изданіе.

Однимъ изъ нашихъ молодыхъ эллинистовъ, г. Шарль Гро (*Charles Graux*), доцентъ Парижскаго словеснаго факультета и редакторъ *Revue critique*, былъ командированъ въ послѣднее время для обзрѣнія библиотекъ Даніи и Испаніи. Ему удалось при этомъ сдѣлать нѣсколько важныхъ открытій: такъ между прочимъ отыскалъ онъ манускриптъ Плутарха, болѣе полный и совершенный чѣмъ всѣ извѣстные до сихъ поръ. Результаты своихъ изслѣдованій изложилъ онъ въ двухъ диссертацихъ на докторскую степень, изъ коихъ одна озаглавлена *De Plutarchi codice matritensi injuria neglecto*, а другая *Les origines du fond grec de l'Escorial*. Пользуясь манускриптомъ, о которомъ я упомянулъ сейчасъ, г. Гро занялъ въ настоящее время изданіемъ нѣсколькихъ „жизнеописаній“ Плутарха. Нѣкоторые изъ нихъ уже появились и рѣзко отличаются своими достоинствами отъ изданій классическихъ авторовъ, предназначаемыхъ для нашихъ училищъ: эти послѣднія слишкомъ небрежны и очевидно имѣютъ въ виду лишь коммерческую цѣль. *Revue critique* же стоко и вполне основательно преслѣдуетъ ихъ.

Г. Буше-Леклеркъ, переводчикъ известной исторіи Греціи Курциуса, приступилъ къ изданію своего обширнаго сочиненія *Histoire de la divination dans l'antiquité*. До сихъ поръ вышло три тома, а всѣхъ будетъ четыре.

Одна изъ писательницъ, занимающихъ видное положеніе въ Па-

рижскомъ обществѣ, г-жа Адавъ, известная болѣе подъ псевдонимомъ Жюльетты Ламберъ и стоящая во главѣ редакціи Nouvelle Revue, вознамѣрилась познакомить нашу публику съ замѣчательнѣйшими изъ современныхъ греческихъ поэтовъ. Она не знаетъ греческаго языка, но буквальный переводъ изготовленъ былъ для нея г. Виеласомъ. Другой Грекъ, давно поселившійся во Франціи, г. Хассиотисъ издалъ книгу о народномъ просвѣщеніи въ Греціи отъ завоеванія Константинополя до настоящаго времени (*L' instruction publique chez les Grecs depuis la prise de Constantinople jusqu'à nos jours*). Это весьма почтенный трудъ: особенно любопытны тѣ его главы, которыя посвящены періоду порабощенія Грековъ Турками; тутъ собрано много свѣдѣній, которыя — можно сказать съ увѣренностью — для большинства читателей будутъ совершенно новыми.

Что касается изслѣдованій по части латинской филологіи, то въ этой области не могу указать ничего особеннаго за послѣднее время. Г. Констанъ издалъ диссертацию *De verbone Sallustiano*, не вполнѣ исчерпывающую впрочемъ предметъ, а г. Бреаню принадлежить небольшой, но прекрасный трудъ: „*Les mots latins groupés d'après le sens et l'étymologie*“, составляющій отрывокъ изъ обширнаго Словаря латинской этимологіи (*Dictionnaire de l' étymologie latine*), которымъ этотъ ученый занятъ въ настоящее время и который будетъ напечатанъ на счетъ Парижскаго общества лингвистовъ.

Обращаясь къ произведеніямъ по отечественному языку и литературѣ я долженъ упомянуть объ очень серьезномъ изслѣдованіи г. Тюро (*Charles Thurot*): „*De la prononciation française depuis le commencement du XVI siècle, d' après le temoignage des grammairiens*“. Авторъ — профессоръ Нормальной школы и членъ Академіи надписей — считается однимъ изъ лучшихъ нашихъ этимологовъ. Предметъ, избранный имъ, мало занималъ до сихъ поръ нашихъ ученыхъ, хотя онъ вполнѣ заслуживалъ бы этого. Г. Тюро извлекъ изъ подъ спуда множество давно забытыхъ сочиненій старинныхъ авторовъ, которые большею частью писали не для французской, а для иностранной публики; онъ сообщаетъ любопытныя подробности о томъ какую роль игралъ общій въ нашъ языкъ. Вышедшій нынѣ первый томъ посвященъ исключительно произношенію гласныхъ. Все сочиненіе будетъ напечатано на сумку, ассигнованную правительствомъ.

Между часто литературными новостями обращаютъ на себя вни-

маніе корреспонденці аббата Галіани и незаданные доселѣ мемуары Ламартина. Упомянутая корреспонденція проливаетъ любопытный свѣтъ на одного изъ интересныхъ дѣятелей конца прошлаго столѣтія. Галіани, какъ извѣстно, долгое время состоялъ Неаполитанскимъ посланникомъ въ Парижѣ и имѣлъ большой успѣхъ въ тогдашнихъ блестящихъ салонахъ; онъ одинаково хорошо писалъ по итальянски и по французски, ревностно занимался философіей, а также политическою экономіей, по которой написалъ трактатъ, превознесенный до небесъ его друзьями. Отозванный на родину, велъ онъ переписку съ Даламберомъ, Гольбахомъ, г-жею Жофренъ, г-жею Эланне, г-жею Неккеръ, Скаронъ и др. Переписка эта была уже издана два раза, но очень небрежно, и только теперь, благодаря гг. Пере и Гастону Могрѣ, мы имѣемъ ее вполне, безъ всякихъ пропусковъ, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые письма, неизвестныя до сихъ поръ, были заимствованы изъ С.-Петербургской публичной бібліотеки. Читатель найдетъ тутъ любопытныя подробности о сношеніяхъ съ французскими философами императрицы Екатерины, и не только ея самой, но также многихъ русскихъ вельможъ какъ напримѣръ, Воронцова, Шувалова и др. Пикантные анекдоты щедро разбѣяны во всей корреспонденціи. „Аббатъ Галіани, говорилъ о немъ Мармонтель,— одинъ изъ самыхъ изящныхъ арлекиновъ, какихъ когда либо производила Италия, но на плечахъ этого арлекина сидитъ голова Макиавелли“. Гг. Пере и Могрѣ предпослали изданной ими корреспонденціи аббата весьма обстоятельное предисловіе. Замѣчу здѣсь кстати, что книгопродавецъ Гарнье приготовляетъ образцовое по своей полнотѣ изданіе Ж. Ж. Руссо, надъ которымъ трудится въ настоящее время извѣстный критикъ г. Бринетьеръ. Что касается мемуаровъ Ламартина, то этотъ авторъ еще при жизни своей говорилъ о себѣ очень много, но какъ то туманно, языкомъ поэзии, и почти вовсе умалчивалъ о годахъ своей молодости. Именно ей и посвящена посмертная его книга: Ламартина разсказываетъ между прочимъ о томъ, какъ былъ онъ воспитанъ въ іезуитской школѣ и разказъ его—противъ обихованія—отличается замѣчательною трезвостью и сдержанностью.

Недавно сошелъ въ могилу одинъ изъ лучшихъ нашихъ ученыхъ, юристъ и историкъ, г. Шарль Жиро, занимавшій въ послѣднее время должность главнаго инспектора юридическихъ факультетовъ. При Наполеонѣ III онъ былъ два раза министромъ народнаго просвѣщенія. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ сочиненій о римскомъ правѣ и

о французскомъ средне-вѣковомъ правѣ, а также очерки литературы въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Послѣдній трудъ его „La tragédie de Villars“ съ удовольствіемъ читался публикой. Умеръ также г. Поль С. Викторъ, литературный критикъ, задумавшій не за долго до своей кончины написать цѣлый рядъ этюдовъ о древнемъ и новомъ театрѣ подъ заглавіемъ „Двѣ маски“ (трагедія и комедія). Вышелъ только одинъ томъ, посвященный Эскилу, въ которомъ много блестящихъ страницъ, но недостаточно серьезной эрудиціи. Завочу письмо свое извѣстіемъ, что Французская Академія присудила въ нынѣшнемъ году премію въ 20 т. фр., учрежденную Наполеономъ III и которая выдается чрезъ каждые два года, г. Низару за его известную Исторію французской литературы.

Л. Л—ръ.

А. А. КОТЛЯРЕВСКИЙ.

(некрологъ).

29-го сентября текущаго года, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, скончался въ Пизѣ, въ Италиі, профессоръ славянскихъ нарѣчій въ университетѣ св. Владиміра Александръ Александровичъ Котляревскій.

Онъ былъ уроженецъ Малороссіи и питомецъ Московскаго университета, а всѣ ученые степени отъ кандидатской до докторской получилъ въ университетѣ С.-Петербургскомъ. Слушатель Ф. И. Булаева и О. М. Бодянскаго въ средніи пятидесятныхъ годовъ, Котляревскій началъ свою учено-литературную дѣятельность еще во время пребыванія своего въ Московскомъ университетѣ: уже тогда, подъ псевдонимомъ С-та, онъ печаталъ въ учено-литературномъ отдѣлѣ Московскихъ Вѣдомостей интересныя статьи о богатыряхъ русскихъ былинъ и рецензіи на выходившія въ то время книги по части русской старины и народности. Потомъ его статьи такого же содержанія стали появляться (подъ псевдонимомъ Эксъ-С-та) въ Отечественныхъ Запискахъ начала 60-хъ годовъ, а еще позже (уже съ подписью полной фамиліи или подъ буквами А. К.) въ издаваемыхъ въ Воронежѣ Филологическихъ Запискахъ и въ періодическихъ изданіяхъ Московскаго археологическаго общества, котораго онъ былъ первымъ секретаремъ и въ то время дѣятельнымъ сотрудникомъ. Кромѣ того, въ концѣ 50-хъ же годовъ и первой половинѣ 60-хъ появлялись его статьи въ изданіи г. Тихонравова: Лѣтописи русской литературы, въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ

Основѣ и въ Бесѣдахъ Московскаго общества любителей русской словесности. Вообще Котляревскій особенно любилъ форму критико-библиографическихъ этюдовъ, и нерѣдко въ его статьяхъ такого рода появлялись результаты самостоятельныхъ его изысканій. Сперва область его ученыхъ работъ составляла преимущественно русская старина и народность, но затѣмъ, естественно увлекаемый необходимостью сравнительнаго изученія, онъ распространилъ свои занятія на весь кругъ славянской филологіи и археологій. Критическими статьями своими Котляревскій скоро приобрѣлъ себѣ почетную извѣстность въ наукѣ, и вслѣдствіе того, Академія Наукъ стала приглашать его къ составленію рецензій на труды, представляемые на соисканіе Уваровскихъ премій; такимъ образомъ, по порученію Академіи Котляревскимъ разобраны были извѣстное сочиненіе А. Н. Аванасьева: „Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу“ и „Исторія русской жизни“ И. Е. Забѣлина. Впослѣдствіи Академія присоединила Котляревскаго къ числу своихъ членовъ-корреспондентовъ по отдѣленію русскаго языка и словесности.

Въ 1868 году Котляревскій издалъ свою магистерскую диссертацию „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“, прекрасное, тщательно обработанное изслѣдованіе, въ которомъ съ основательнымъ разборомъ источниковъ и строгостью выводовъ онъ сумѣлъ соединить живое, изящное изложеніе. Около того же времени онъ занялъ кафедру русскаго языка и словесности въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ и пробылъ до 1872 года. Принужденный оставить преподаваніе по болѣзни, онъ провелъ болѣе года за границей, по большей части въ Чехіи, а въ 1874 году возвратился къ профессурѣ, но уже въ Киевскомъ университетѣ и на кафедре славянской филологіи. Защитивъ вскорѣ затѣмъ въ Петербургѣ свою докторскую диссертацию—объ обычномъ правѣ Поморскихъ Славянъ, онъ воспользовался своею преподавательскою дѣятельностью между прочимъ для того, чтобы возвратиться къ своимъ любимымъ критико-библиографическимъ трудамъ по предмету своей спеціальности. Послѣднее его сочиненіе, допечатанное только въ текущемъ году, принадлежитъ именно къ числу такихъ работъ: это — „Древняя русская письменность. Опытъ библиологическаго изложенія исторіи ея изученія“; сочиненіе это есть воспроизведеніе лекцій, читанныхъ Котляревскимъ въ 1877—1878 учебномъ году въ университетѣ св. Владимира за отсутствіемъ профессора русскаго словесности. Къ сожалѣнію, трудъ этотъ остался не конченнымъ, но продолженіе его — этюдъ объ изученіи

русской народной словесности—уже было приготовлено авторомъ, который предполагалъ печатать его на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Высоко цѣнимый за свою ученую и преподавательскую дѣятельность, Котляревскій былъ избранъ въ Кіевѣ предсѣдателемъ состоящаго при тамошнемъ университетѣ историческаго общества Нестора лѣтописца и много содѣйствовалъ оживленію его ученыхъ занятій: въ I-й книгѣ Чтеній этого общества (К. 1879) помѣщено нѣсколько небольшихъ его изслѣдованій, а также нѣсколько замѣтокъ о явленіяхъ текущей исторической и археологической литературы и нѣсколько характеристикъ недавно скончавшихся русскихъ ученыхъ дѣятелей. Такихъ же характеристикъ трудовъ покойныхъ славистовъ В. И. Григоровича и О. М. Бодянского были сообщены Котляревскимъ въ выходящій въ Кіевѣ Славянскій Ежегодникъ 1877 и 1878 годовъ. Въ засѣданіи общества Нестора лѣтописца, состоявшемся уже послѣ кончины Котляревскаго, секретарь общества профъ Дашкевичъ произнесъ о немъ рѣчь, изъ которой мы и приводимъ отрывокъ, чтобъ охарактеризовать общее научное направленіе покойнаго: „Ученикъ Бодянскаго и Срезневскаго, Александръ Александровичъ пошелъ дальше ихъ въ области филологіи, потому что ему приходилось учиться въ то время, когда у насъ филологія, благодаря трудамъ указанныхъ ученыхъ, достигла извѣстной солидности. Въ 50-хъ годахъ обнаруживается въ филологіи направленіе—усвоить себѣ результаты изслѣдованій западныхъ ученыхъ и примѣнить ихъ къ разработкѣ славяновѣдѣнія. Александръ Александровичъ и былъ сторонникомъ этого направленія. Въ этомъ отношеніи изученіе сочиненія Гримма о нѣмецкой мифологіи дало толчокъ къ разностороннему изученію русской старины, сказокъ, пословицъ, и проч. Гриммъ служилъ не только образцомъ, но и прекрасною школою. Пройдя эту школу, Александръ Александровичъ сталъ на уровнѣ западной филологіи, чѣмъ онъ и отличается отъ своихъ предшественниковъ, и затѣмъ намѣтилъ новые пути изслѣдованія. Въ немъ не было ученаго буквоедства; напротивъ, онъ вездѣ находилъ матеріалъ для возбужденія живыхъ вопросовъ. Для него филологія была только необходимымъ научнымъ условіемъ воссозданія прошедшей жизни. Вооруженный основательнымъ филологическимъ знаніемъ, онъ указывалъ историкамъ ихъ ошибки, бывшія результатомъ недостаточной филологической подготовки; таково было его участіе въ норманскомъ вопросѣ. Обладая необыкновенно счастливою памятью, Александръ Алексан-

дровичъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладалъ и способностью воссозданія изжившей жизни по какимъ-нибудь вещественнымъ или невещественнымъ ея остаткамъ⁴.

Котляревскій хотя и жилъ нѣкоторое время въ западно-славянскихъ земляхъ, но вообще не принадлежалъ къ числу славистовъ, которые основали свои знанія на непосредственномъ, живомъ общеніи съ славянскимъ міромъ. Это, конечно, составляло нѣкоторый недостатокъ въ отношеніи къ предмету его изученій; но за то онъ отличался обширнымъ знакомствомъ съ литературой предмета и обстоятельную одѣлку ея вносилъ въ свое преподаваніе. Это была невѣдная, черная работа, но очень полезная для его слушателей. Критическія же работы составляютъ — какъ сказано выше — и главный вкладъ его въ ученую литературу. Дѣятелей, которые посвящали бы себя преимущественно научной критикѣ, у насъ очень мало, и въ особенности съ этой точки зрѣнія прискорбна утрата такого дѣятеля, каковымъ былъ Котляревскій.

СОЧИНЕНІЕ ЦИЦЕРОНА О ГОСУДАРСТВѢ ¹⁾.

VII.

Взглядъ Цицерона на средства для развлеченія гражданъ въ минуты досуга. Драматическая поэзія и искусство. Нѣсколько словъ о судьбѣ греческой и римской комедіи. Невозможность признать осужденіе Цицерономъ поэзіи за принципиальное. Гладіаторскія игры. Возможное рѣшеніе вопроса объ отношеніи Цицерона къ этому роду зрѣлищъ. Музыка. Критика назвія Аристиды Канеттиана о взглядахъ на нее, высказанныхъ Цицерономъ въ *De republica*.

Говоря о нравахъ, какіе должны имѣть граждане дабы государство было счастливо, Цицеронъ не могъ не коснуться вліянія, которое имѣютъ на нихъ средства, изобрѣтаемыя цивилизаціей для доставленія развлеченія гражданамъ въ минуты отдыха отъ трудовъ, тѣмъ болѣе, что философы, преимущественно служившіе ему образцами, Платонъ и Аристотель, относятся къ этому предмету съ большимъ вниманіемъ. Оцѣнка поэзіи, музыки и общественныхъ зрѣлищъ должна была занять видное мѣсто въ произведеніи Цицерона, и слѣдуетъ сожалѣть, что мы не можемъ въ полнотѣ прослѣдить его взгляды на эти произведенія и вмѣстѣ съ тѣмъ подспорья цивилизаціи. Во всякомъ случаѣ мы, на сколько это возможно, отчасти по сохранившемуся въ нашемъ памятникѣ, отчасти по тому, что Цицеронъ говорилъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, постараемся опре-

¹⁾ Окончаніе. См. сентябрьскую и октябрьскую книжки *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

дѣлать, какъ онъ рѣшалъ важный вопросъ объ ихъ вліяніи на нравы. Начнемъ съ поэзіи.

Изъ всего, что было говорено въ сочиненіи *De republica* о поэзіи, до насъ дошли только небольшіе отрывки, изъ которыхъ, притомъ, одинъ ¹⁾ можетъ быть заподозрѣнъ въ принадлежности къ другому сочиненію Цицерона ²⁾. Но и изъ этихъ скудныхъ остатковъ, равно какъ и изъ другихъ сочиненій Цицерона, можно видѣть, что онъ былъ противъ поэзіи, если не въ принципѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ томъ ея видѣ, какъ она представлялась извѣстными ему греческими и римскими поэтами, и что мотивы, руководившіе имъ, были приблизительно тѣ же, которые заставили Платона осудить Гомера на изгнаніе ³⁾. Подобно Платону, упрекавшему поэтовъ за то, что они внушаютъ страхъ передъ смертію ⁴⁾, представляютъ героев нетерпѣливо переносящими страданія и подрываютъ уваженіе къ богамъ, изображая ихъ смѣющимися и подпавшими власти любви, возбуждаютъ злоправіе и гнѣвъ. — Цицеронъ говоритъ о поэтахъ: „они изображаютъ мужественнѣйшихъ людей плачущими, разбиваютъ наши души ⁵⁾, выводятъ боговъ, воспламененныхъ гнѣвомъ и неистовствующихъ подъ вліяніемъ страсти, заставляютъ насъ смотрѣть на ихъ войны, сраженія, раны, вѣчную вражду, раздоры, несогласія, гибель, жалобы, плачь, увлеченія, достигающія полной немѣренности, оболъщенія, плѣны, связи съ людьми, и смертныхъ рожденныхъ бессмертными“ ⁶⁾. Далѣе, по его словамъ, поэты заставляютъ насъ соглашаться съ тѣми, „которые полагаютъ, что нѣтъ ничего лучше, желательнѣе, предпочтительнѣе, чѣмъ почести, власть и слава“ ⁷⁾; однимъ словомъ, они заглушаютъ въ насъ сѣмена добродѣтелей, отнимаютъ всѣ силы у доблести ⁸⁾, и опасность, представляемая ихъ произведеніями, усугубляется ихъ прелестью, застав-

¹⁾ *De rep.* IV, 9 fr. (*Aug. Civ. Dei*, II, 13).

²⁾ *Tuscul.*, III, 2.

³⁾ Платонъ не называетъ прямо Гомера; но повидимому такъ слѣдуетъ понять его слова (*Полит.* III, 398). Такъ понималъ ихъ и Цицеронъ (*de rep.* IV, 5, *Nonius*, *fingeret*).

⁴⁾ *Plat. Полит.* III, 386, 387.

⁵⁾ *Tuscul.*, II, 11.

⁶⁾ *De nat. deor.* 1, 16.

⁷⁾ *Tuscul.*, III, 2.

⁸⁾ *Tuscul.*, II, 11.

ляущю не только читать, но и заучивать ихъ ¹⁾. Таковы тяжкія обвиненія, которыя Цицеронъ, слѣдуя Платону, направляетъ противъ поэзій вообще (при чемъ должно замѣтить, что, повидимому, онъ, какъ Аристотель въ своей Пинтикѣ, имѣетъ въ виду прежде всего поэзію драматическую, что можно объяснить преимущественнымъ предъ другими родами развитіемъ ея до его времени ²⁾).

Если даже трагедія заслуживаетъ упрека въ развращающемъ вліяніи на нравы ³⁾, то еще больше слѣдуетъ порицать, по мнѣнію Цицерона, комедію, „которая любовь, эту виновницу безчестія и легкомыслія, считаетъ вужнымъ помѣстить въ собраніи боговъ“ ⁴⁾, „которая перестала бы существовать, если бы мы не одобрили этихъ гнусностей“ ⁵⁾. Поэтому достойны похвалы Римляне, которые, считая постыднымъ комическое и вообще сценическое искусство, опредѣлили не только лишать всѣхъ, занимающихся имъ, почестей, принадлежащихъ остальнымъ гражданамъ, но даже исключать ихъ изъ трибы ⁶⁾. Уже вышеуказанной причинъ достаточно для Цицерона, чтобы произнести тяжелый приговоръ надъ комедіей; но во сколько разъ большаго осужденія заслуживаетъ она, если, не довольствуясь распространеніемъ превратныхъ понятій о богахъ, о порокахъ и добродѣтеляхъ, осмѣливается еще касаться знаменитыхъ своими заслугами мужей! А между тѣмъ въ Греціи „было даже закономъ дозволено, чтобы въ комедіи говорилось что угодно, о комъ угодно“ ⁷⁾. И каковы же результаты этого? „Кого не задѣла комедія, или, лучше сказать, кого она не оскорбила? Кого она пощадила?“ ⁸⁾. Пусть бы еще она касалась только людей, принадлежащихъ къ партіи народной, людей злонамѣренныхъ, производящихъ раздоры въ государствѣ, какъ Клеона, Клеофонта, Гипербола, хотя и такіе граждане скорѣе должны

¹⁾ Tuscul., *ibidem*.

²⁾ Впрочемъ лирическую поэзію Цицеронъ также, по свидѣтельству Сенеки, не считаетъ достойною вниманія, вѣроятно по недостатку въ ней серьезности (Sen., Ep. XLIX).

³⁾ Вся вышеприведенныя обвиненія поэзій Цицеронъ подтверждаетъ приписавъ имъ трагедіи.

⁴⁾ Tuscul., IV, 32.

⁵⁾ Tuscul. *ibidem*.

⁶⁾ De rep. IV, 10, (Aug. Civ. Dei, II, 14). Платонъ не допускаетъ на комическую сцену свободныхъ гражданъ (Némos VII, 816).

⁷⁾ De rep. IV, 10, (Aug. Civ. Dei, II, 9).

⁸⁾ *ibidem*.

подвергаться наказанію цензора, чѣмъ поэта; но оскорбить въ стихахъ Пернла, послѣ того, какъ онъ уже въ теченіи многихъ лѣтъ правилъ государствомъ и въ мирѣ и на войнѣ, — это было такъ же неприлично, какъ если бы Плавтъ или Невій захотѣли влословить Публия и Гнея Сципионовъ, или Цецилій—Катона ¹⁾. Поэтому законы XII таблица опредѣляли смертную казнь, „если кто-либо пропоетъ или сочинитъ стихотвореніе, которое должно причинить другому безславіе или позоръ“; и вообще Римляне не хотѣли, чтобы „кто-нибудь при жизни былъ хвалитъ или порицаемъ со сцены“ ²⁾. Цицеронъ въ высшей степени одобряетъ это, ибо „наша жизнь, по его словамъ, должна подлежать оцѣнкѣ и законному обсужденію магистратовъ, а не таланту поэтовъ, и мы не должны слышать поношенія иначе, какъ съ условіемъ, чтобы имѣть право отвѣчать и защищаться на судѣ“ ³⁾.

Въ виду словъ Цицерона объ ограниченіяхъ, постановленныхъ римскимъ законодательствомъ произволу драматическихъ писателей и исполнителей, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о различіи въ этомъ отношеніи между судьбами греческой и римской комедіи.

Въ Греціи и особенно въ Аѳинахъ такъ называемая древняя комедія долгое время какъ-бы замѣняла свободную печать: она затрогивала важнѣйшія государственныя дѣла и политическихъ дѣятелей, и насмѣшка ея не знала преградъ; не было столь знатнаго и вліятельнаго лица, которое могло-бы считать себя обезпеченнымъ отъ нея ⁴⁾. Известно, какія чувства питалъ Перикль къ Аспазіа, и, не

¹⁾ De rep. IV, 10, fr. S. Aug. Civ. Dei, II, 9.

²⁾ De rep. ibidem. Cp. Schoell, Legis reliquiae, VII.

³⁾ De rep. ibidem. Платонъ, допуская драматическую поэзію въ своихъ „Законахъ“, требуетъ, чтобы трагедіи прежде представленія были разсматриваемы магистратами, въ виду того, чтобы въ нихъ не высказывались какихъ-либо претивоположныя государственному строю мнѣнія (Νόμοι VII, 817), и назначать строгое наказаніе за осмѣяніе гражданнаго (Νόμοι XII, 935).

⁴⁾ Характеристику древней аттической комедіи представляетъ, между прочимъ Гораций.

Eupolis atque Cratinus Aristophanesque poetae
Atque alii, quorum comoedia prisca virorum est,
Si quis erat dignus describi, quod malus aut fur
Quod moechus foret aut sicarius aut alloqui
Famosus, multa eam libertate notabant.

Hor. Sat. I, 4, vv. 1 sqq.

смотря на то, комическій писатель Кратинъ, можетъ быть, въ присутствіи самого Перикла, указывалъ на нее со сценн, какъ на „похотливую, непотребную женщину съ собачьимъ взоромъ“. Аристофанъ, не говоря уже о тѣхъ, весьма подчасъ грубыхъ, насмѣшкахъ, которыми онъ осыпалъ Сократа, не будучи въ состояніи отличить его ученія отъ ученія софистовъ, и по смерти Перикла не оставилъ памяти этого государственнаго человѣка въ покое. Въ комедіи „Ахарняне“, поставленной впервые въ 425 году до Р. Х., онъ такъ объясняетъ начало Пелопонезской войны: „Нѣсколько молодыхъ гулякъ, слишкомъ много выпившихъ, украли Смету, мегарскую блудницу, послѣ того въ похотливомъ испугѣ они съ собой и двухъ гетеръ Аспазіи. Такимъ образомъ изъ-за трехъ непотребныхъ женщинъ вспыхнула въ Элладѣ война, потому что Олимпіецъ Периклъ, взбѣшенный этимъ, сталъ метать на Элладу громы и молніи“. Однако древняя аттическая комедія постепенно все болѣе и болѣе утрачивала свой политическій характеръ и свободу и переходила въ изображенію общечеловѣческихъ пороковъ и страстей. Такимъ образомъ выработалась такъ называемая средняя (переходная) и новая комедія ¹⁾.

Въ Римѣ, заимствовавшемъ комедію изъ Греціи, благодаря закону децемвировъ, старавшихся оградить аристократію ²⁾, мы видимъ лишь весьма немногія попытки перевести на римскую почву греческую политическую комедію. Такъ можно указать Невія, который въ одной изъ своихъ комедій, написанной послѣ первой Пунической войны, рѣшился подвергнуть осмѣянію нѣкоторыхъ изъ самыхъ важныхъ лицъ въ Римѣ и даже побѣдителя Карвагена, Цициона Африканскаго ³⁾. Нужно ли говорить, что такая смѣлость не прошла безна-

¹⁾ Характеристику средней и новой греческой комедіи см. у Meineke, *Hist. crit. comic. Graec.* pp. 272, sqq., 436, sqq. Эти два рода комедіи не были однако совершенно чужды политическимъ замечаньямъ и насмѣшкамъ. *Primarii* у Meineke, pp. 274, 436, sqq.

²⁾ Монтескь говоритъ по поводу этого закона: «La disposition, qui decouvre le mieux le dessein des decemvirs, est la peine capitale, prononcée contre les auteurs des libelles et les poètes etc» (*Esprit des Loix*, VI, 15).

³⁾ Aul. Gell. VII, 8. Въ этой комедіи были слѣдующіе стихи:

*Etiā qui res magnas manu saepe gessit gloriose,
Cuius facta nunc vigent, qui apud gentes solus
Praestat,—cum suis pater cum pallio uno ab amicis abduxit.*

Здѣсь же онъ задаетъ также Метелловъ слѣдующими словами:

Fato Metelli Romae consules fiunt.

казанной? Если народъ римскій, у котораго авторитетъ весьма много значилъ, когда тотъ же Циціонъ былъ привлеченъ къ суду законною властію, по одному слову его, напоминавшему о его заслугахъ, удался вмѣстѣ съ нимъ съ форума, оставивъ тамъ однихъ трибуновъ въ весьма неловкомъ положеніи ¹⁾, то и подавно за него должны были возстать всѣ вельможи. Нэвій былъ, по приказанію триумвировъ, заключенъ въ тюрьму, и, несмотря на требованія народныхъ трибуновъ, былъ освобожденъ не прежде, какъ написавъ двѣ комедіи — „Гаріола“ и „Леонта“, въ которыхъ загладиъ всѣ насмѣшки, бывшія причиною его несчастія ²⁾. Ясно, что при такомъ положеніи дѣла комедія политическая, которая имѣла бы въ виду вопросы дня, возновившіе народъ въ собраніяхъ, и дѣйствовала бы посредствомъ насмѣшки на политическихъ людей, не могла не только развиться, но и поддерживать свое существованіе: она зачахла, не успѣвъ окрѣпнуть, и римскіе комики должны были ограничиться копированіемъ бытовыхъ гражданскихъ комедій Менандра, Дифила и пр. Мало того, авторы, боясь за каждое вольное слово или намекъ если не смертнаго приговора, то, во всякомъ случаѣ, строгаго наказанія, дошли въ своей осторожности до того, что все, могущее напомнить Римъ, римскія названія мѣстностей, имена дѣйствующихъ лицъ, костюмы ³⁾, было надолго изгнано, и въ произведеніяхъ лучшихъ римскихъ комиковъ мы имѣемъ дѣло лишь съ Аеннами, Эфесомъ, Сикіономъ, Эпидавромъ, Эпидамномъ и т. п. Впослѣдствіи, частію вслѣдствіе истощенія греческихъ сюжетовъ, частію вслѣдствіе послѣдовательной демократизаціи римскаго государственнаго строя ⁴⁾, комедія получила болѣе національный характеръ, стала изображать нравы не только граждан низшаго класса и жителей муниципій (*fabula tabernaria* и *Atellana*), но и римскаго высшаго общества, замѣнивъ въ костюмахъ греческій плащъ тогю; но политическій налетъ получилъ нѣкоторую свободу лишь во время Цицерона, когда среди всеобщаго насилія публичная

На что Метеллы отвѣтили:

Dabunt malum Metelli haecio poetae (Ascon., Cicero. in Ver. I, 10).

¹⁾ Livius, XXXVIII, 51.

²⁾ Aul. Gell. III, 8.

³⁾ Дѣйствующія лица въ латинскихъ комедіяхъ, заимствованнымъ съ греческаго, были одѣты въ греческіе плащи (*pallium*), откуда этотъ родъ комедіи назывался *fabula palliata*. Наоборотъ, національная римская комедія по національному римскому костюму называлась, *fabula togata*.

⁴⁾ Patin, *Etudes sur la poésie latine*, II pp. 302—304.

насиѣшка со сцены сдѣлалась сравнительно невинныиъ и мягкииъ средствомъ для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей ¹⁾).

Естественно было бы теперь задать вопросъ: была ли религія такъ же ограждена въ Римѣ отъ насадокъ комедіи, какъ достоинство гражданъ, и требовалъ ли Цицеронъ въ разсматриваемомъ нами памятникѣ такого огражденія. Въ виду ясныхъ свидѣтельствъ Тертуліана о неуваженіи римскихъ мнимоъ къ богамъ ²⁾, и упрека Августина Цицерону за то, что онъ, защищая личность гражданъ отъ нападенія комедіи, не позаботился о защитѣ религіи ³⁾, приходится на этотъ вопросъ отвѣчать отрицательно.

До сихъ поръ мы старались, на основаніи остатковъ *De republica* и съ помощію другихъ сочиненій Цицерона, опредѣлить, какія возраженія были сдѣланы имъ противъ поэзіи вообще и драматической поэзіи и искусства въ частности. Мы видѣли, что Цицеронъ не скунется на тяжкія обвиненія ихъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что онъ какъ вообще, такъ и въ разсматриваемомъ нами памятникѣ, возставалъ противъ поэзіи въ принципѣ? Намъ кажется, что такое мнѣніе было бы даже нѣкотораго рода неуваженіемъ къ великому человѣку, котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя обвинить въ односторонности, который вездѣ умѣлъ ясно различить и хороша, и дурныя стороны; а кто станетъ отрицать неотъемлемыя достоинства поэзіи и драматическаго искусства? Не вѣриѣ ли поэтому думать, что Цицеронъ возставалъ только противъ недостатковъ большинства извѣстныхъ ему поэтическихъ произведеній, противъ злоупотребленій сцены, требовалъ ихъ исправленія, что будетъ весьма понятно, если мы вспомнимъ о характерѣ многихъ современныхъ ему сценическихъ

¹⁾ Такъ известный писатель мнимоъ Лаберій, принужденный Цезаремъ выступить на сцену и такаю образомъ лишенный всадническаго званія, отомстилъ ему, вставивъ въ свою роль слова: *Porro, Quirites, libertatem perdimus.* (Ribbeck, *Se. Rom. poëa. rel. II, 297*).

²⁾ Tertull. *Apol. 14*: *Dispicite Lentulorum et Hostiliorum venustates, utrum mimos an deos vestros, in locis et strophis rideatis: moechum Anubim et masculam Lunam, et Dianam flagellatam, et Jovis mortui testamentum recitatum, et tres Hercules famelicos irrisos.* Впрочемъ и въ древнѣйшихъ комедіяхъ боги иногда являются въ комическихъ положеніяхъ.

³⁾ *Itane tandem, Scipio, laudas hanc poetis Romanis negatam esse licentiam ut cuiquam opprobrium intelligeret Romanorum, cum videas eos nulli deorum pepercesse vestrorum. Itane pluris tibi habenda visa est aestimatio vestrae curiae, quam Capitolii, imo Romae unius quam coeli totius...* и т. д. (*Aug. Civ. Dei II, 13*).

представленій ¹⁾). Постараемся насколько возможно доказать это. Во-первыхъ, почти во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Цицеронъ нападаетъ на поэзію, какъ на силу, способствующую разнузданію страстей и искаженію нравственныхъ понятій, такіе же упреки онъ дѣлаетъ и философіи ²⁾). Но нельзя же изъ этого заключить, чтобы Цицеронъ, называвшій философію „изобрѣтеніемъ боговъ“ ³⁾, наукой „обильнѣе, цвѣтущѣе, превосходнѣе которой ничто не дано жизни человѣческой“ ⁴⁾, возставалъ вообще противъ нея: онъ самъ рѣшительно отрицаетъ это ⁵⁾. Равнымъ образомъ, изъ упрековъ поэзінъ нельзя выводить общаго отрицанія ея. Намъ кажется, что даже самыя ироническія названія, въ родѣ „славная истолковательница жизни“ ⁶⁾, придаютъ Цицерономъ поэзінъ собственно для того, чтобы рѣзче противопоставить, чѣмъ должна быть истинная поэзія, подобно тому, какъ и философовъ онъ часто иронически называетъ „наставниками добродѣтели“ ⁷⁾, хотя-бы они проповѣдовали совершенно противное нравственности. Что касается письма къ Марію, которое, какъ думаетъ Мозеръ, заключаетъ въ себѣ порицаніе всѣхъ римскихъ развлеченій, то, по нашему мнѣнію, это порицаніе не распространяется на комедію вообще: въ этомъ письмѣ заключается только дурной отзывъ о сценическомъ исполненіи одной комедіи ⁸⁾. Это все косвенныя доказательства; но есть мѣста, гдѣ Цицеронъ прямо высказываетъ сочувствіе поэзінъ и въ частности комедіи, конечно, если образецъ того заслуживаетъ. Какими похвалами, напримѣръ, превозноситъ онъ остроуміе Плавта, не только не видя въ немъ ничего „безстыднаго“, но называя его „изящнымъ, учтивымъ, замысловатымъ, пріятнымъ“, ставя его на

¹⁾ Тагъ Катонъ долженъ былъ выйти изъ театра во время празднества богини Флоры, ибо народъ при немъ не смѣлъ требовать исполненія неспрошенныхъ оарсовъ, обыкновенно заключающихъ торжество (Villem., 237).

²⁾ Св. Tuscul. II, 12, IV, 33, de nat. deor. I, 16 etc.

³⁾ Tuscul. I, 26.

⁴⁾ De leg. I, 22.

⁵⁾ Tuscul. II, 2, III, 3.

⁶⁾ Tuscul. IV, 32.

⁷⁾ Tuscul. II, 12, IV 33, etc.

⁸⁾ Ad fam. VII, 1: Omnino si quaeris, ludi apparatusissimi, sed non tuistomachi: coniecturam enim facio de meo. Nam primum honoris causa in scaenam redierant ii quos ego honoris causa de scaena deesse arbitrabar. Deliciae vero tuae, noster Aesopus, eius modi fuit ut ei desinere per omnes homines licent. Is jurare quum coepisset, vox eam defecit illo loco etc.

ряду съ философами Сократовой школы ¹⁾. Какое уваженіе къ поэзіи высказываетъ Цицеронъ въ защитѣ Архіи, на какой высокой пьедесталъ ставитъ онъ призваніе поэта, какого почтенія требуетъ къ нему! „Итакъ“, говоритъ онъ, „да будетъ священно предъ вами, человѣколюбивѣйшими людьми, это имя поэта, которое никогда не оскорбила ни одна варварская страна. Скалы и пустыни отвѣтствуютъ его голосу; часто лютые звѣри смягчаются его пѣніемъ и останавливаются: неужели же мы не тронемся голосомъ поэтотъ?“ ²⁾ Конечно, нельзя принимать за совершенно искреннее все, что здѣсь говоритъ Цицеронъ, какъ защитникъ обвиняемаго; но похвала во всякомъ случаѣ остается значительною. Да развѣ и самъ Цицеронъ не пробовалъ свои силы въ поэтическомъ творчествѣ ³⁾, развѣ не цитуетъ онъ зачастую поэтотъ ⁴⁾, развѣ не считаетъ, наконецъ, изученіе національныхъ поэтическихъ произведеній необходимымъ для того, чтобы имѣть право на званіе образованнаго человѣка? ⁵⁾. Все это должно убѣдить насъ, что Цицеронъ далеко не съ такимъ враждебнымъ чувствомъ смотрѣлъ на поэзію, какъ можно предположить съ перваго взгляда. Но признавъ, что Цицеронъ не былъ въ принципѣ противъ поэзіи и въ частности противъ драматическаго искусства, только бы они оставались вѣрны своимъ дѣламъ и идеаламъ, можемъ ли мы быть увѣрены, что и въ сочиненіи „О государствѣ“ Цицеронъ отступилъ отъ одностороннихъ обвиненій противъ этого искусства, замолвивъ слово въ его пользу? Все, какъ сохранившіеся отрывки изъ IV книги, такъ и характеръ самыхъ собесѣдниковъ, изъ которыхъ Циціонъ и въ особенности Лелій были друзьями Теренція и по слухамъ, упоминаемымъ самимъ поэтотъ ⁶⁾ и Цицерономъ ⁷⁾ и, можетъ быть, не совсѣмъ неосновательнымъ, участниками въ сочиненіи его ко-

¹⁾ De off. I, 29, 104.

²⁾ Pro Archia, VIII.

³⁾ См. напримѣръ переводы изъ «Финікія», Арага, Иліады и Одиссея Гомера. (Ed. Clotz, vol. III, pars IV).

⁴⁾ Напримѣръ Теренція Tuscul. III, 27, 65, De fin. I, 1, 3, De invent. I, 19, 27, De nat. deor. II, 23, 60, De off. I 42, 150; Плавта—De or. II, 10, 39, De invent. I, 50, 95. Ad Herenn. II, 23, 35; De div. I, 31, 65. и пр. Вивіи,—De ger. I, 2, Tuscul. IV, 23, 52, De legg. II, 27, 68, De n. d. II, 18, 49. Orat. 45, 152 и пр.

⁵⁾ De fin. I, 2.

⁶⁾ Terent. Adelphi. prolog. vv. 15—21.

⁷⁾ Ad Att. VII, 2.

медій, заставляетъ предполагать, что, послѣ произнесенія однимъ изъ собесѣдниковъ рѣчи противъ поэзіи и драматическаго искусства, другой изъ нихъ, и всего вѣроятно Делій, налагалъ свое мнѣніе о хорошихъ сторонахъ ихъ, говоря, между прочимъ, что комедія есть подражаніе жизни, зеркало нравовъ, образъ истины¹⁾, что, если Римляне считали нужнымъ вычеркивать актеровъ изъ списка гражданъ, то у другихъ народовъ, напримѣръ у Грековъ, трудъ актера не считается столь позорнымъ, и что многіе извѣстные люди, какъ ораторъ Эскинъ и Аристодемъ, бывшій неоднократно посломъ отъ Аѳинянъ, въ молодости были трагическими актерами²⁾.

Разсматривая ученіе Цицерона о вліяніи общественныхъ развлеченій на нравы гражданъ, нельзя пройти молчаніемъ гладіаторскихъ игръ, которыя, какъ извѣстно, имѣли огромное значеніе въ Римѣ. Здѣсь намъ предстоитъ отвѣтить на два вопроса: во первыхъ, какъ смотрѣлъ Цицеронъ на гладіаторскія игры, и, во вторыхъ, какъ выражался онъ о нихъ въ „De republica“. Первый вопросъ, повидимому, не представляетъ трудностей. Такой просвѣщенный мыслитель, какъ Цицеронъ, державшійся возвышенныхъ взглядовъ на природу человѣка, не могъ сочувствовать варварскому обычаю убивать для потѣхи себѣ подобныхъ: въ упомянутыхъ письмахъ къ Марію (а въ письмахъ мы можемъ больше всего разчитывать найти искреннее выраженіе его взглядовъ) онъ прямо, хотя сдержанно, заявляетъ свое неодобреніе этому роду развлеченій, на этотъ разъ уже, повидимому, осуждая его не за отклоненіе отъ нормальнаго, не за злоупотребленіе, а въ принципѣ. Изъ этого письма мы узнаемъ, что, по взгляду Цицерона, какъ бы роскошно ни было обставлено такое зрѣлище, образованные люди не могутъ испытывать удовольствія, видя, какъ „слабый человѣкъ растеривается сильнымъ звѣремъ, или прекрасный звѣрь пронзается охотничьимъ копьемъ“³⁾. Труднѣе рѣшить, какіе взгляды на тотъ же предметъ высказывалъ Цицеронъ въ занимающемъ насъ произведеніи. Зная его убѣжденія о безнравственности и неестественности развлеченія, въ жертву которому приносится человѣческая жизнь, можно предположить, что гладіаторскія сраженія подвергались адѣсь еще болѣе рѣзкому осужденію; но съ другой стороны должно принять во вниманіе, что Цицерону въ такомъ случаѣ

¹⁾ De rep. IV 11 (Donat. de comed.).

²⁾ De rep. IV, 11 (Aug. Civ. Del II, 10).

³⁾ Ad fam. VII, 1.

пришлось бы отступить отъ восточнаго пріема — брать за образецъ факты римской государственной жизни, пришлось бы возстать противъ обычая, вѣками укоренившагося въ Римѣ, получившаго почти государственное значеніе и, повидному, не возмущавшаго даже наиболѣе просвѣщенныхъ Римлянъ. Необходимо помнить, что Римляне, особенно въ сравненіи съ Греками, даже во время Цицерона, когда нравы значительно смягчились, представляются все-таки не истинно цивилизованной націей, но одаренными въ высшей степени способностію подражанія и, благодаря этой способности, усвоившими плоды чужеземной цивилизаціи, при чемъ однако она не проникла нѣ нравственное существо, не смягчила въ зачатѣйшей степени нѣ природу. Народъ военный по преимуществу, Римляне любили зрѣлище славныхъ плѣнныхъ: они служили украшеніемъ триумфовъ. Умерщвленіе этихъ плѣнныхъ на играль, дававшихся побѣдителями, было какъ-бы нагляднымъ, символическимъ выраженіемъ торжества Рима надъ врагами, много говорило чувству патриотизма, возбуждало національную гордость, которою, можетъ быть, ни одинъ народъ не превосходилъ Римлянъ, и это заглушало въ нихъ угроженія совѣсти. Разъ введенъ былъ этотъ обычай и Римляне привыкли къ нему, можно было и не ограничиваться уже одними плѣнными. Народъ, привыкнувъ къ жестокой потѣхѣ, не довольствовался случайными зрѣлищами при триумфахъ; ему хотѣлось чего нибудь болѣе постоянного, и вотъ изъ множества рабовъ выбираются сильные и ловкіе люди, устраиваются гладиаторскія школы, которыя снабжаютъ римскій циркъ бойцами, обезпечиваютъ ему постоянное изобиліе мяса и крохи. Могъ ли Цицеронъ возстать противъ этого, временемъ освященнаго и государствомъ признаннаго обычая, который искоренить удалось лишь христіанству, и то послѣ продолжительной и упорной борьбы съ языческими традиціями? Могъ ли, наконецъ, Сципіонъ Эмилианъ, главное лицо діалога, взять на себя порицаніе кровавыхъ зрѣлищъ, когда извѣстно, что его предокъ, Сципіонъ Африканскій Старшій, самъ, по вѣтаніи Кароагена, далъ въ этомъ городѣ блестящія гладиаторскія игры, къ участію въ которыхъ были допущены только свободные люди и въ которыхъ пали даже два иберійскихъ князья, братья, спорившіе за престолъ и вступившіе между собою въ бой съ разрѣшенія Сципіона¹⁾? Какъ выйти изъ этого недоумѣнія? При всемъ желаніи, мы не можемъ представить опредѣленнаго отвѣта; но если

¹⁾ VШет., р. 245.

позволено будетъ намъ высказать свое личное предположеніе, то въ сочиненіи Цицерона были вѣроятно высказаны противоположныя мнѣнія о гладиаторскихъ играхъ, указаны дурныя и хорошія стороны этого обычая; жестокости и несправедливости кровавыхъ зрѣлищъ могла быть противопоставлена польза, которую они приносятъ, приучая гражданъ къ виду крови и смерти и способствуя укрѣпленію ихъ нервовъ, подготавливая юношей къ военному дѣлу и не давая молодымъ людямъ совершенно отставать отъ него.

Наконецъ, въ числѣ предметовъ, такъ или иначе влияющихъ на нравы гражданъ, Цицеронъ долженъ былъ подвергнуть оцѣнкѣ и музыку, которая, несомнѣнно, на жителей южныхъ странъ, по самому свойству ихъ природы, имѣетъ гораздо большее влияние, чѣмъ на насъ. Извѣстно, какимъ значеніемъ пользовалась она въ Греціи; въ Римѣ ея значеніе хотя было много меньше, все-таки оставалось велико, и Цицеронъ не могъ обойти вопроса о ней. При томъ, уже примѣръ Платона и Аристотеля, отводившихъ въ своихъ сочиненіяхъ мѣсто разсмотрѣнію влияния музыки на развитіе человѣка и ея значенія въ воспитаніи ¹⁾, долженъ былъ заставить и его сказать свое мнѣніе объ этомъ предметѣ. До насъ не дошло ничего изъ того, что говорилось относительно музыки въ *De republica*. Единственнымъ источникомъ, по которому мы знакомимся со взглядами Цицерона на нее, какъ они высказывались въ этомъ сочиненіи, служитъ трактатъ о музыкѣ Аристиды Квинтиліана ²⁾. Изъ этого трактата мы узнаемъ не только, что Цицеронъ подвергалъ здѣсь вопросъ о музыкѣ обсужденію, но и то, какъ приблизительно онъ рѣшалъ его: Аристидъ говоритъ, что Цицеронъ признавалъ строгій приговоръ надъ музыкой, приписывая ей вредное влияние на нравы. Если это такъ, то слѣдуетъ признать, что Цицеронъ въ данномъ случаѣ становился противъ Платона и Аристотеля, считавшихъ музыку однимъ изъ сильныхъ и притомъ благотворныхъ средствъ вліять на характеръ людей, если только выборъ мелодій сдѣланъ удачно, и расходившихся между собою лишь въ мелочахъ (въ выборѣ мелодій и инструментовъ) ³⁾. Хотя не подлежитъ сомнѣнію,

¹⁾ Plat. *Politeia*, III, 398, 399; Aristot. *Polit.* VIII, 5, 6, 7. Здѣсь они говорятъ о музыкѣ въ тѣсномъ смыслѣ.

²⁾ Aristides Quintilianus, *de musica*, l. II, p. 69—71, ed. Weibom (in fragm. *De republ.* IV, 13).

³⁾ Plat. *Polit.* III, 398, 399. Arist. *Polit.* VIII, 6, 7. О значеніи музыки для государства см. также Cic., *de legibus*, III, 14: quod Platoni nostro placet, qui musicorum cantibus ait mutatis mutari civitatum statum.

въ виду яснаго свидѣтельства Аристидѣ Квинтилианѣ, что въ De republica музыка подвергалась осужденію, но позволительно сомнѣваться, на сколько мы должны видѣть здѣсь искреннее убѣжденіе самого Цицерона. Уже Аристидѣ Квинтилианѣ обратилъ на это вниманіе и сдѣлалъ попытку объяснить противорѣчіе, которое бросается въ глаза, если сравнить взгляды на музыку, высказанные Цицерономъ здѣсь, съ тѣмъ хвалю, которую онъ воздаетъ ей въ своей рѣчи за Россія ¹⁾. Аристидѣ не соглашается признать, что Цицеронъ говорилъ одобрительно о музыкѣ въ указанной рѣчи только какъ адвокатъ „въ виду предположенной цѣли“ ²⁾, и старается устранить противорѣчіе, принимая сказанное объ этомъ искусствѣ въ De republica за убѣжденіе не Цицерона, а лица, въ уста котораго была вложена рѣчь о немъ, подобно тому, какъ порицаніе краснорѣчія въ V-й книгѣ принадлежит не самому автору: если и можно, по мнѣнію Квинтилиана, видѣть здѣсь отголосокъ личныя взглядовъ Цицерона, то только въ осужденіи злоупотребленій музыкою и ораторскимъ искусствомъ ³⁾. Однако, хотя трудно понять, почему Цицеронъ въ вопросѣ о музыкѣ шелъ противъ всѣхъ своихъ обычныхъ авторитетовъ, не только противъ Платона и Аристотеля, но даже Полибія, который въ своей исторіи высказывается за музыку, „если только она дѣйствительно музыка“ ⁴⁾, и возражаетъ Эфрору, который говоритъ, что „музыка введена ради обмана и какъ бы обморочиванія“ ⁵⁾, хотя естественно было бы ожидать отъ такого приверженца всякаго знанія, какъ Цицеронъ, скорѣе защиты, чѣмъ порицанія музыки, мы не рѣшимся безусловно пристать къ мнѣнію Квинтилиана, ибо, вопер-

¹⁾ Οὐ γὰρ ἴγωγ' ἐν φαίην ἰκαίην τὰ τοιαῦτα εἰρηθεῖαι· κῆς γὰρ ἐν τις αὐτὸν ἰσχυρίσατο μουσικὴν λειδορεῖν τε καὶ ὡς φαύλην εὐθύνειν τέχνην, ἁρμονικῶν τε καὶ ῥυθμῶν ἀρετὰς τε καὶ κακίας ἐπιρίζουσαν, ἀνδρὰ δὲ γε τῆνικαῦτα ῥυθμοῖς μόνοις καὶ τούτοις ἀγαπᾶν: καὶ φαύλεις ἐπιβατικόμενον Ῥώσκιον τὸν ὀρχηστῆν οὕτω σφόδρα ἐξέπληττο, ὥστα φάσκεν αὐτὸν προνοίᾳ θεῶν ἐς ἀνθρώπους παρελθεῖν. (Arist. Quint. De mus. I. II, De rep. IV, 12). Этого мѣста въ рѣчи за Россія въ настоящее время не находится; но у Макробія есть нечто подобное: Histriones non inter turpes habitos Cicero testimonio est, quem nullus ignorat Roscio et Aesopo histrionicus tam familiariter usum. Nam illam orationem quis est, qui non h'gerit, in qua populum Romanum obiurgat, quod Roscio gestum agente tumultaverit (Mart. Saturn. II).

²⁾ Προκειμένης ἔνεκεν προφάσεως. (Arist. Quint. ibidem).

³⁾ Arist. Quint. ibidem.

⁴⁾ Πολοβ. Ἱστορ. IV, 20.

⁵⁾ Ibidem.

ныхъ, очень можетъ быть, что Цицеронъ и здѣсь, какъ часто въ другихъ мѣстахъ, приносилъ свои личныя убѣжденія въ жертву государственнымъ интересамъ и, чтобы обезпечить государство отъ вреднаго вліянія музыки дурнаго тона, рѣшался загнать ее совѣмъ; восторжъ, еслибы дѣйствительно Цицеронъ вложилъ въ уста кого либо изъ участниковъ діалога слова, противоположныя своимъ взглядамъ, то онъ слѣдалъ бы это не иначе, какъ съ цѣлью отгнать рѣче свое мнѣніе, которое было бы выражено другимъ. Но ничего подобнаго нѣтъ (ибо если бы было, Квинтилианъ упомянулъ бы объ этомъ), и потому мы должны признать, что мысли о музыкѣ, высказанныя въ *De republica*, представляютъ убѣжденіе самого автора. Во всякомъ случаѣ, мы не осмѣливаемся претендовать на несомнѣнное рѣшеніе этого вопроса, въ виду недостатка данныхъ.

VIII.

Мнѣніе Цицерона о недостаткѣ въ государственныхъ людяхъ, какъ главной причинѣ паденія республиканскаго строя, и степень исторической вѣрности этого мнѣнія. Душевыя свойства, требуемыя Цицерономъ отъ правителя государства. Главнѣйшія обязанности правителя. Характеръ ученія Цицерона объ этомъ предметѣ. Взгляды Цицерона на судебную, законодательную и административную власть правителя (въ связи съ римскою государственною практикою) по соч. *De republica* и *De legibus*. Очеркъ римскаго государственнаго устройства Полибія, какъ средство замѣнить, по всей вѣроятности, утраченную Цицероновою характеристикю значенія и круга дѣятельности, которыя должны принадлежать сенату и народному собранію. Взгляды Цицерона на научную подготовку правителя и отношеніе ихъ къ взглядамъ на этотъ предметъ Платона. Вопросъ о значеніи краснорѣчія для государственнаго человѣка и вѣрностное его разрѣшеніе. Ученіе Цицерона о смутахъ въ государствѣ и объ отношеніи къ нимъ правителя.

Мы познакомились, на сколько это было возможно при настоящемъ состояніи памятника, съ ученіемъ Цицерона о томъ, каковы должны быть нравы гражданъ и какія средства должно употреблять государство для ихъ улучшенія. Но, по мнѣнію Цицерона, для благополучнаго состоянія государства недостаточно еще однихъ добрыхъ нравовъ; необходимо также, чтобы во главѣ государственныхъ дѣлъ стояли достойные люди: только тогда государство можетъ разчитывать на продолжительное и славное существованіе. Если мы посмотримъ на исторію Рима, то увидимъ, что „ни мужи, если бы общество не было такъ организовано въ нравственномъ отношеніи, ни нравы, если бы

во главѣ его не стояли такіе мужи, не могли бы ни основать, ни сохранять такъ долго столь великаго, столь справедливо и на столь обширномъ прострѣствѣ владычествующаго государства" 1). Если мы затѣмъ обратимъ взоръ къ послѣднимъ временамъ римской республики, къ эпохѣ Цицерона, и спросимъ о причинахъ всеобщаго паденія, разложенія во всѣхъ частяхъ государственнаго организма, то, по мнѣнію Цицерона, должно будетъ отвѣтить, что онѣ заключались главнымъ образомъ въ забвеніе прежнихъ нравовъ, которыхъ въ это время уже „не только не уважали, но даже и не знали" 2), и въ недостаткѣ мужей, способныхъ руководить государствомъ: „самы нравы погибли вслѣдствіе бѣдности въ мужахъ" 3).

Мы не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніе дѣйствительныхъ причинъ паденія римской республики: это отыскло бы насъ слишкомъ далеко отъ предмета. Укажемъ только главныя изъ нихъ. Прежде всего должно обратить вниманіе на расширеніе территорій, не сопровождавшееся соответственнымъ измѣненіемъ въ государственномъ устройствѣ. Римъ, сдѣлавшись orbis, упорно сохранялъ то устройство, которое имѣлъ когда былъ urbs. Его консулы до конца республики были муниципальными магистратами; власть ихъ съ теченіемъ времени даже съузилась: они почти утратили военное значеніе, такъ какъ войны въ провинціяхъ велись провинціальными магистратами, а внутри Италіи уже не было непокоренныхъ народовъ. Сенатъ также во все время оставался вѣренъ древнему муниципальному характеру, ибо какъ прежде, когда въ сенатъ вступали только представители старинныхъ городскихъ родовъ, патриціи, 4) такъ и послѣ, по допущеніи въ него валебеевъ 5), консулы избирали членами его лишь лично имъ извѣстныхъ гражданъ, слѣдовательно жителей города Рима. Когда, по учрежденіи цензуры (310), lex Ovinia возложилъ на обязанность цензоровъ составленіе списка сенаторовъ и исключительное право на сенаторскія мѣста получили лица, занимавшія государственныя должности 6), сенатъ остался по прежнему городскимъ совѣтомъ: онъ былъ чуждъ представительнаго элемента;

1) De rep. V, 1.

2) De rep. V, 1.

3) De rep. ibidem.

4) Liv. II, 1.

5) Festus, v. conscripti.

6) Liv. XXII, 49.

въ немъ не было депутатовъ отъ подвластныхъ Риму областей. Наконецъ, народное собраніе оставалось постоянно сходкой римскихъ городскихъ обывателей: не говоря уже о жителяхъ провинцій, которые не имѣли права участвовать въ немъ, даже римскіе граждане, жившіе въ муниципіяхъ Италіи, почти не могли реализовать своего права на участіе въ собраніи, будучи лишены возможности часто являться въ Римъ. Такимъ образомъ старинное республиканское устройство оказывалось неудовлетворительнымъ въ виду новыхъ потребностей государства; необходимы были коренныя преобразованія, которыя бы сплотили римскія провинціи съ Италіей въ одно крѣпкое государственное тѣло. Старое правительство не въ силахъ было сдѣлать этого, должно было пасть и уступить мѣсто новой силѣ, которая и не замедлила явиться: республика смѣнилась имперіей. — Другія причины паденія республиканскихъ учрежденій и нравовъ были экономическія: распространеніе рабства въ Италіи, и, какъ слѣдствіе этого, уменьшеніе количества мелкихъ землевладѣльцевъ и развитіе пролетаріата, скопленіе въ рукахъ немногихъ богатствъ, повлекшее роскошь¹⁾, которая въ свою очередь требовала все новыхъ средствъ для удовлетворенія, и заставляла самихъ магистратовъ на судъ и управленіе провинціями смотрѣть, какъ на доходныя статьи.

Цицеронъ, конечно, не могъ съ ясностію видѣть всѣхъ этихъ причинъ, не видѣлъ того, что въ самихъ римскихъ республиканскихъ учрежденіяхъ скрывались зародыши разложенія. Живя среди самихъ событій, ему трудно было разсмотрѣть ихъ связь, какъ трудно составить понятіе объ общемъ видѣ зданія, стоя слишкомъ близко къ нему. Поэтому онъ принимаетъ за коренныя причины паденія республики явленія, бывшія сами по себѣ уже слѣдствіемъ совмѣстнаго дѣйствія многихъ причинъ. Но до известной степени Цицеронъ правъ: указанныя имъ явленія, упадокъ нравственности и недостатковъ въ государственныхъ людяхъ, были, если не первой причиной, то однимъ изъ важныхъ обстоятельствъ, способствовавшихъ ускоренію хода событій, приведшихъ республиканскій строй къ паденію.

Въ виду сказаннаго понятно, почему Цицеронъ обращаетъ такое вниманіе на вопросы о нравахъ гражданъ, о достоинствахъ, которыхъ должно требовать отъ представителей власти, и объ ихъ обязан-

¹⁾ Отому, какъ мы уже замѣчали, много способствовало также сближеніе съ націями, вмѣшавши въ культурномъ отношеніи, у которыхъ Римляне заимствовали преимущественно высшіе вещественные продукты въ цивилизаціи.

поставлять: не говори уже о томъ, что безъ этого въ его политическомъ сочиненіи былъ бы большой пробѣлъ, онъ не могъ отказаться отъ желанія повліять на соотечественниковъ по возможности яркимъ изображеніемъ древнихъ римскихъ доблестей. Съ первымъ вопросомъ мы уже знакомы. Теперь перейдемъ ко второму, то-есть, наложимъ по Цицерону, каковъ долженъ быть правитель въ государствѣ.

Вопросъ этотъ разрѣшался въ концѣ II-й и въ V-й книгѣ De republica, при чемъ во II-й содержались общія указанія на душевныя свойства, которыми долженъ обладать правитель государства, а въ V-й подробно налагались обязанности его и указывались средства, какіе онъ долженъ употреблять для ихъ выполненія. Но, къ сожалѣнію, изъ всего, что говорилъ Цицеронъ о наилучшемъ правителѣ, до насъ дошло лишь нѣсколько отрывковъ, и то въ большинствѣ случаевъ собранныхъ у древнихъ грамматиковъ и отцовъ церкви, такъ что при настоящемъ состояніи памятника едва можно наитти главнѣйшіе пункты, которыхъ касался Цицеронъ въ разсужденіи объ этомъ предметѣ.

Несомнѣнно, что главное свойство, требуемое Цицерономъ отъ челоѣка, стоящаго во главѣ государства, есть благоразуміе ¹⁾, которое, по его мнѣнію, какъ и по мнѣнію Платона, заключается въ томъ, чтобы разумъ торжествовалъ надъ низшими способностями души, управлялъ ими, подобно тому, какъ погонщикъ слова, „сидя на дикомъ и огромномъ животномъ, укрощаетъ и направляетъ его, куда хочетъ“ ²⁾; ибо, какъ мы знаемъ, „существо и природа души состоятъ изъ двухъ частей; одна часть представляется склонностями, appetitibus, которыя называются по-гречески *бѣнѣ* и которыя влекутъ челоѣка туда и сюда, другая—разумомъ, который указываетъ и посылаетъ, что должно дѣлать и чего должно избѣгать; такимъ образомъ выходитъ, что разумъ начальствуетъ, а страсти повинуются“ ³⁾; разумъ „обузываетъ и укрощаетъ не одну страсть и притомъ не легко покоряемую“ ⁴⁾, такъ какъ „есть три душевныя расположенія, влекущія стремительно челоѣка ко всякимъ злодѣяніямъ, это — гнѣвъ, жадность и похоть; гнѣвъ жаждетъ мщенія, жадность —

¹⁾ De rep. II, 40.

²⁾ De rep. II, 46.

³⁾ De off. I, 28, 101.

⁴⁾ De rep. II, 40.

богатствъ, похоть — удовольствій¹⁾; кромѣ того, сюда должно отнести еще четвертое — „душевное безпокойство, которое располагается къ печали и грусти и само доставляетъ себѣ пищу для тревоги²⁾. Несомнѣнно, весьма трудно бороться со всѣми этими душевными склонностями; немногимъ удается это³⁾, и великъ подвигъ человѣка, который побѣждаетъ ихъ; подвиги Геркулеса должны блѣднѣть передъ нимъ⁴⁾.

Если для всякаго человѣка необходимо умѣнье управлять своими страстями, то особенно нужно это для правителя государства, ибо, вопервыхъ, у людей, стоящихъ во главѣ государственныхъ дѣлъ, возбуждаются большія душевныя движенія, нежели у ведущихъ частную жизнь⁵⁾; вторыхъ, страсти, овладѣвая духомъ людей, облеченныхъ властью, влекутъ гораздо болѣе гибельныя послѣдствія, чѣмъ страсти частныхъ людей. Если, напримѣръ, душею правителя овладѣетъ гнѣвъ, „который питается кровью, который доходитъ до такой крайности въ ярости, что едва удовлетворяется жестокой гибелью людей⁶⁾, онъ совершаетъ злодѣянія, невозможныя для частнаго человѣка: „проливаетъ кровь, испровергаетъ города, уничтожаетъ народы, опустошаетъ провинціи⁷⁾.

Изъ правильнаго сочетанія главныхъ способностей души, подчиненія низшихъ склонностей разуму, Цицеронъ, вѣроятно, выводилъ всѣ остальные добродѣтели, которыя необходимо имѣть каждому и тѣмъ болѣе правителю. Такъ справедливость находится въ тѣсной связи съ преобладаніемъ разума, съ торжествомъ его надъ другими способностями, ибо справедливость и законъ суть не что иное, какъ

¹⁾ De rep. II, 41 (Lact. Inst. div. VI, 19).

²⁾ De rep. II, 41 (Nonius, anxietudo).

³⁾ De rep. II, 40.

⁴⁾ «Побѣждающій льва», говоритъ Лактанцій, повторая, хотя, не всей вѣрностью, не буквально, слова Цицерона, «не долженъ считаться мужественнѣе того, кто побѣждаетъ жестокость и заира въ немъ сакомъ заключеннаго, гнѣвливости, или убивашій самыхъ хищныхъ птицъ — мужественнѣе обудывающаго самую ненасытную страсти, или побѣждающій воинственную аназюнку — мужественнѣе побѣждающаго похотю, врага спрности и доброй славы, или извергающій яловозъ изъ стога — мужественнѣе извергающаго пороки изъ своего сердца» (Lact. Inst. I, 8).

⁵⁾ De off. I, 23, 73.

⁶⁾ De rep. II, 41 (Nonius exultare).

⁷⁾ De rep. II, 41 (Lact. De ira Dei, V).

„правный разумъ“, данный человеку природою и „выражающійся въ повелѣніяхъ и запрещеніяхъ“¹⁾; равнымъ образомъ мужество обусловливается тѣмъ же гармоническимъ сочетаніемъ душевныхъ способностей, ибо оно состоитъ изъ низшей склонности, гнѣва, подчиненнаго требованіямъ разума, такъ что „мужественнымъ можетъ быть названъ лишь человекъ воздержный, умѣренный и справедливый“²⁾. Изъ такого опредѣленія мужества само собою слѣдуетъ, что правитель не долженъ быть ни слишкомъ преданъ войнѣ, ни слишкомъ враждебенъ къ ней; въ этомъ отношеніи онъ долженъ, по мнѣнію Цицерона, стараться сочетать въ себѣ способности двухъ славныхъ мужей Рима: М. Марцелла, который отличался воинственностью, и Кв. Максима, извѣстнаго своею осмотрительностью³⁾. Къ этому должно присоединяться трудолюбіе, безъ котораго правитель не можетъ удовлетворять потребностямъ государства⁴⁾. Таковы должны быть нравственныя качества человека, котораго Цицеронъ могъ бы признать достойнымъ стоять во главѣ государства, на сколько можно уловить по жалкимъ остаткамъ того, что онъ заставлялъ говорить по поводу этого вопроса Циціона и другихъ участниковъ діалога.

Помимо природныхъ умственныхъ и нравственныхъ достоинствъ, такое трудное дѣло, какъ управленіе государствомъ, неминуемо должно требовать извѣстной специальной подготовки, достигаемой частію путемъ теоретическаго образованія, частію путемъ практической дѣятельности на государственномъ поприщѣ. Но такъ какъ характеръ этой подготовки обусловливается обязанностями правителя то мы сперва и обратимъ вниманіе на то, въ чемъ состоятъ эти обязанности. Первая и основная обязанность правителя, заключающая въ себѣ всѣ остальные,—постоянно имѣть въ виду благо государства. Мы знаемъ, что при отсутствіи этого условія государство не можетъ существовать, ибо оно не будетъ тогда безъ рорціи, и поэтому, „какъ коричему служить цѣлью благополучное плаваніе, врачу здоровье, полководцу побѣда, такъ правителю государства—счастливая

¹⁾ De legg. I, 12, 33.

²⁾ De rep. II, 41 (Lact. Inst. I, 9). Платонъ, какъ мы упоминали выше, также ставитъ гнѣвъ не въ противорѣчіи съ разумомъ, а въ подчиненіи ему.

³⁾ De rep. V, 8 (Nonius, p. 337).

⁴⁾ De rep. V, 7 (Nonius, p. 233).

жизнь гражданъ¹⁾). Отсюда вытекаетъ обязанность заботиться о крѣпости государства, его богатствѣ, славѣ и добродѣтели²⁾. Но при этомъ должно замѣтить, что рѣшеніе вопроса, что въ извѣстныхъ случаяхъ полезно и вредно для государства, Цицеронъ предоставляетъ лишь правителю; онъ долженъ постоянно имѣть въ виду болѣе пользу народа чѣмъ его желанія³⁾. Это, безъ сомнѣнія, совершенно послѣдовательно со стороны Цицерона, который вообще былъ противъ дѣятельнаго участія народа въ государственныхъ дѣлахъ. Онъ допускаетъ это участіе, какъ мы знаемъ, только потому, что этого трудно было избѣжать безъ опасности для прочности республиканскаго строя⁴⁾, и требовалъ, чтобы оно, во всякомъ случаѣ, простиралось лишь на столько, чтобы ограждать свободу отъ чрезмѣрно властолюбивыхъ стремленій правительства: для народа онъ считалъ нужною невласть, не значеніе, какъ для магистратовъ и сената, а лишь свободу.

Указавъ общія цѣли, къ которымъ долженъ стремиться правитель, посмотримъ, какія частныя обязанности налагаетъ на него Цицеронъ, какія средства даетъ ему для достиженія блага государства. При этомъ, какъ уже неоднократно было замѣчено въ другихъ случаяхъ, мы не должны ждать чего-нибудь оригинальнаго: какъ вся политическая система Цицерона, такъ и ученіе объ обязанностяхъ и объемѣ власти магистратовъ есть не что иное, какъ идеализація дѣятельности, представляемой римской исторіей, и поэтому страдаетъ тѣми же недостатками, какіе мы видимъ въ римской конституціи, и изъ которыхъ главный—отсутствіе точнаго раздѣленія различныхъ функцій государственной власти. Какъ мы уже имѣли случай говорить, римскимъ магистратамъ принадлежала власть законодательная, исполнительная и судебная; подобнымъ же образомъ и по Цицерону существенныя обязанности магистрата въ сферѣ гражданскаго управленія суть: изданіе законовъ, примѣненіе ихъ, наблюденіе за ихъ исполненіемъ и опредѣленіе, что должно считать достоинствомъ каждаго⁵⁾; все это, вмѣстѣ взятое, исчерпываетъ три указанныя функціи государственной власти.

Обращаясь къ вопросу въ какой мѣрѣ и въ силу какихъ соображеній Цицеронъ считалъ нужнымъ предоставить правителю каждую

¹⁾ De rep. V, 6 (ad Att. VIII, 11).

²⁾ De rep. ibidem.

³⁾ De rep. V, 6 (August., epist. ad Nect. CXIV).

⁴⁾ De rep. II, 33, IV, 8 (Priscian. XV, 4).

⁵⁾ De off. I, 34, 124; De republ. V, 2.

отрасль государственной власти, мы можем лишь сказать наизусть, что этот вопрос действительно рассматривался в V-й книге *De republica* (что доказывается сохранившимися до нас остатками ее), что, для доказательства своего мнения о необходимости для правителя вѣдать всѣ роды государственных дѣлъ, Цицеронъ пользовался свидетельствами исторій какъ другихъ народовъ, такъ преимущественно римскаго.

Изложеніе своихъ взглядовъ на объемъ и характеръ дѣятельности верховнаго правителя Цицеронъ начинаетъ съ судебной власти, вѣдая, вѣроятно, свои слова въ уста Манлија ¹⁾. Обращаясь къ древности и восходя постепенно къ позднѣйшимъ временамъ, онъ доказываетъ, что во всѣ времена одною изъ главнѣйшихъ обязанностей царей было толкованіе справедливости, разрѣшеніе судебныхъ процессовъ, возникавшихъ между частными гражданами: такъ было въ Греціи, такъ было и въ Римѣ, особенно при Нумѣ, который всецѣло посвящалъ себя дѣламъ внутренняго управленія, между тѣмъ какъ другіе цари въ значительной степени отдалекались отъ нихъ войнами ²⁾. Дальнѣйшихъ разсужденій Цицерона о судебной власти правителя не сохранилось; но такъ какъ вѣроятнымъ кажется предположеніе, что онъ подтвержденіе своихъ взглядовъ на юрисдикцію искалъ главнымъ образомъ въ римской исторіи, то мы считаемъ нелишнимъ сдѣлать краткій очеркъ организаціи ея въ Римѣ, до времени, къ которому приуроченъ діалогъ *De republica*.

Въ царскій періодъ въ рукахъ царей сосредоточивалось гражданское и уголовное судопроизводство, на что указываютъ уже слова Цицерона, по которымъ въ Греціи и Римѣ всѣ тяжбы разбирались царями. Однако, народъ постепенно приобрѣталъ себѣ долю участія въ судѣ: уже при царяхъ мы видимъ существованіе провокаціи къ народу, чему доказательствомъ служитъ процессъ Горация при Туллиѣ Гостиліи. Но изъ этого же случая видно, что провокація не была еще узаконеннымъ правомъ народа, что отъ царя зависѣло разрѣшить осужденному проводить къ народу, или нѣтъ. По изгнаніи царей провокація сдѣлалась неотъемлемымъ правомъ римскаго гражданина. Съ этихъ поръ уголовные процессы переходятъ въ руки народнаго собранія (центуриатныхъ комицій, трибутовыхъ, *concilia plebis*), или, въ исключительныхъ случаяхъ, въ руки особыхъ

¹⁾ Такъ думаетъ, напримеръ, Мозеръ, *De rep.* V, 2, п. 1

²⁾ *De rep.* V, 2

квесторовъ, родъ присяжныхъ, избираемыхъ народомъ ¹⁾. Но при этомъ право суда и наказанія смертію оставалось все-таки, кромѣ отцовъ семействъ надъ своими дѣтьми и супругами (въ послѣднемъ случаѣ съ участіемъ совѣта родственниковъ ²⁾, у магистратовъ съ *imperium*'омъ—относительно не-гражданъ и воиновъ ³⁾, и у диктаторовъ—относительно всѣхъ гражданъ и не-гражданъ ⁴⁾. Кромѣ того, уголовные процессы, колы скоро дѣло шло о преступленіяхъ не противъ государства, но противъ жизни и имущества гражданъ, а также процессы по обвиненію провинціаловъ и союзниковъ въ извѣнчїи или отпаденіи, велись иногда и въ сенатѣ ⁵⁾. Наконецъ, въ 149 году до Р. X. были учреждены постоянныя комиссіи (*quaestiones perpetuae*), вѣдавшія важнѣйшіе роды уголовныхъ преступленій ⁶⁾, послѣ чего уголовная юрисдикція сосредоточилась преимущественно въ ихъ рукахъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ Римѣ магистратамъ, сперва консуламъ, а потомъ преторамъ (съ 306 г. до Р. Xр.) ⁷⁾, принадлежала собственно гражданская юрисдикція; при чемъ должно замѣтить, что ни консулы, ни преторы не руководили лично процессами, а лишь опредѣляли формулу, по которой долженъ былъ быть вѣденъ процессъ, и назначали судей, которые уже производили слѣдствїе и постановляли приговоръ ⁸⁾. Судьи эти назначались по преимуществу изъ среды сенаторовъ ⁹⁾, такъ что сенатъ, не имѣвшїй собственно гражданской юрисдикціи, могъ косвенно вліять на нее. Это продолжалось до Тиберїя Гракка, который предоставилъ мѣста судей въ гражданскихъ процессахъ исключительно всадникамъ ¹⁰⁾. Такова въ общихъ чертахъ исторїя римской юрисдикціи до времени Цициона.

Мы не рѣшимся утверждать, что Цицеронъ подробно излагалъ въ „*De republica*“ свои взгляды на организацію судебной власти, и даже смелыи скорѣе думать, что этотъ вопросъ подвергался послѣдованію

¹⁾ *Quaestores parricidii*, Vilemain, p. 296.

²⁾ Vilems, *Le droit publ. Rom.* 72; cf. *Tac. Ann.* XIII, 32

³⁾ Vilems, p. 329.

⁴⁾ Vilems, *ibidem*, cf. 161, Vilemain, p. 296.

⁵⁾ Polyb. VI, 13; Vilems, 213; Vilemain, 301.

⁶⁾ Cic. *Brut.* 37, 106. Vilems, 330.

⁷⁾ Vilems, 340.

⁸⁾ *Ibidem*.

⁹⁾ Polyb. VI, 17; Vilems, 119; Vilemain, 301.

¹⁰⁾ Vilems, *ibidem*.

лишь на столько, на сколько онъ стоитъ въ связи съ вопросомъ о правителѣ, что здѣсь Цицеронъ говорилъ больше о томъ, какъ долженъ правитель относиться къ своимъ судебнымъ обязанностямъ, что было бы весьма умѣстно въ виду плачевнаго состоянія римскихъ судищъ во время Цицерона, на которое онъ такъ часто жаловался. Но если, не будучи въ состояніи познакомиться съ тѣмъ, что говорилъ Цицеронъ объ организаціи юрисдикціи, мы пожелаемъ, по крайней мѣрѣ, узнать, какую организацію онъ считалъ наиболѣе удобною для того государства, которое изобразилъ въ *De republica*, то въ въ этомъ случаѣ намъ поможетъ его сочиненіе „О законахъ“, изъ котораго мы можемъ усмотрѣть, что взгляды Цицерона на устройство судопроизводства ничѣмъ не разнились отъ того, что представляла римская дѣйствительность. Подобно тому, что мы на самомъ дѣлѣ видимъ въ Римѣ, Цицеронъ требуетъ, чтобы каждый магистратъ имѣлъ судебную власть ¹⁾, чтобы въ уголовныхъ дѣлахъ высшее значеніе принадлежало народному собранію, къ которому обвиняемый долженъ имѣть право провоцировать ²⁾, но чтобы это правило имѣло значеніе лишь въ мирное время: отъ суда полководца въ военное время не должно быть провокаціи ³⁾. Область гражданского судопроизводства также организуется Цицерономъ сообразно съ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ Римѣ: разбирательство гражданскихъ тяжбъ или назначеніе для нихъ судей, равно какъ наблюденіе за правильнымъ приѣмленіемъ гражданского права, поручается имъ претору ⁴⁾.

Законодательную власть Цицеронъ не только не представляетъ рѣзко отдѣленною отъ судебной, но, повидимому, ставитъ въ тѣсную связь съ нею. Онъ отнюдь не видитъ опасности въ соединеніи въ одномъ лицѣ этихъ двухъ отраслей правленія — напротивъ, считаетъ это необходимымъ, согласнымъ съ понятіемъ о верховной власти. Такъ, онъ хвалитъ Нуму, который, не ограничиваясь разбирательствомъ процессовъ, возникшихъ между гражданами, выразилъ свою заботливость о государствѣ также въ изданіи законовъ. Законодательство, наравнѣ съ юрисдикціей, есть существенная обязанность правителя ⁵⁾.

¹⁾ De leg. III, 2.

²⁾ De leg. III, 6.

³⁾ De leg., *Ibidem*.

⁴⁾ De leg. III, 2.

⁵⁾ De rep. V, 2.

Безъ сомнѣнія, разсужденіе о томъ, въ какомъ объемѣ должна принадлежать законодательная власть правителю государства, какъ долженъ онъ смотрѣть на эту важную отрасль своей дѣятельности, какой характеръ должны имѣть законы имъ издаваемые, занимало не послѣднее мѣсто въ V книгѣ *De republica*. Но для насъ рѣшеніе этихъ вопросовъ осталось бы совершенно неизвѣстнымъ, если бы въ некоторый свѣтъ на нихъ не проливали немногія мѣста въ сочиненіи *De legibus*, которыя, вмѣстѣ съ небольшими отрывками текста *De republica*, сохранившимися въ ватиканскомъ палимпсестѣ, представляютъ возможность дать какой либо, хотя далеко не обстоятельный и не подробный, отвѣтъ на эти вопросы.

Что касается объема законодательной власти верховнаго правителя, то, судя по тому, что мы имѣемъ въ *De legibus*, Цицеронъ и здѣсь шелъ объ руку съ практикой римскаго государства. Какъ въ Римѣ верховный магистратъ не могъ издавать законовъ по своему усмотрѣнію, но ему принадлежала лишь инициатива, право входить въ сенатъ и народное собраніе съ предложеніемъ законовъ ¹⁾, такъ и Цицеронъ требовалъ, повидимому, для правителя лишь права предлагать законы сенату и народному собранію ²⁾. Касательно отношенія законодателя къ своимъ обязанностямъ и характера, какой должны имѣть самые законы, должно замѣтить, что *De republica* не представляетъ ни одного отрывка, который бы указывалъ на этотъ вопросъ. Лишь одно мѣсто въ *De legibus*, гдѣ Цицеронъ говоритъ о магистратахъ, опредѣляетъ хотя отчасти направленіе, въ которомъ онъ рѣшался. Изъ этого мѣста мы видимъ, что Цицеронъ понималъ, къ какимъ вреднымъ послѣдствіямъ можетъ повести законодателя вражда или дружба, и поэтому требовалъ, чтобы законы не касались никогда отдѣльныхъ гражданъ, не были привилегіями ³⁾.

Въ сферѣ собственно администраціи дѣятельность правителя должна, по мнѣнію Цицерона, выражаться въ заботахъ о внѣшней безопасности ⁴⁾, внутреннемъ благоустройствѣ государства, и о нравственности гражданъ. Поэтому онъ долженъ пещись о правильной организаціи собственности и семейства, прочности родатель-

¹⁾ *Vilhelm*, 212.

²⁾ *De leg.* III, 4, 10.

³⁾ *De leg.* III, 4, 11.

⁴⁾ Ср. *De rep.* III, 23, (*Isid. Orig.* XVIII, 1, *Nonius*, *De numero et casu*); *De offic.* I, 22, 23. См. выше гл. IV.

скихъ и супружескихъ отношеній, установленныхъ законами, о святости домашняго очага и проч. ¹⁾). Законоуцъ, правитель обязанъ заботиться не только о карѣ, но и предупрежденіи преступленій, о распространеніи добродѣтели въ обществѣ. Этого онъ можетъ достигать особенно посредствомъ развитія общественнаго мнѣнія и внушенія гражданамъ уваженія къ нему: въ такомъ случаѣ граждане сами будутъ стараться избѣгать беславія и позора, ибо въ правильно организованномъ государствѣ „люди не столько боятся наказанія, установленнаго законами, сколько чувства чести, которое природа дала человѣку, какъ бы какой-то страхъ передъ справедливымъ морщаніемъ“ ²⁾).

При такомъ характерѣ дѣятельности правителя, при такой заботливости о вѣрнныхъ его попоченію интересахъ каждый изъ гражданъ будетъ пользоваться общими и своими частными выгодами, и поэтому мы имѣемъ право сказать, по мнѣнію Цицерона, что „нельзя жить счастливо безъ хорошаго государственнаго строя, и ничего нѣтъ счастливѣе хорошо устроеннаго гражданскаго общества“ ³⁾).

Неестественно предполагать, чтобы, разсуждая объ организаціи правительственной власти, Цицеронъ не обратилъ вниманія на сенатъ и народное собраніе. Вопервыхъ, не сказать ничего о мѣстѣ, какое долженъ занимать сенатъ въ государствѣ, не представить болѣе или менѣе подробнаго очерка его компетентности, объема его значенія, было бы непоследовательно со стороны Цицерона, стремившагося поставить сенатъ въ центрѣ, вокругъ котораго должны группироваться, отъ котораго должны получать власть и силу всѣ другіе политическіе органы, и старавшагося восстановить авторитетъ сената въ томъ размѣрѣ, какой онъ имѣлъ въ древности ⁴⁾). Второризъ должно замѣтить, что самыя права и обязанности правителя не могутъ быть ясно выставлены, если не будетъ обозначено, какиихъ ограниченій они подлежатъ со стороны другихъ органовъ государственной власти. Поэтому можно съ увѣренностію сказать, что вопросъ о степени и характерѣ участія въ управленіи сената и народнаго собранія съ большою или меньшею полнотою былъ разсматриваемъ въ V-й книгѣ. Но до насъ не дошло ни одного отрывка, ничего, что могло бы указать хоть приблизительно направленіе, въ которомъ онъ былъ разрѣшаемъ, ничего, что могло

¹⁾ De rep. V, 5.

²⁾ De rep. V, 4.

³⁾ De rep. V, 5.

⁴⁾ De leg. agr., 1, 2, 27.

бы намекнуть на отношенія сената и народнаго собранія къ верховному магистрату, правителю государства. Въ виду этого мы не рѣшаемся дѣлать никакихъ предположеній; скажемъ только, что если и здѣсь Цицеронъ шелъ по слѣдамъ римской дѣйствительности и вводилъ ее на степень постудата, то утраченная характеристика сената и народнаго собранія можетъ быть замѣщена хотя отчасти тѣмъ, что мы видимъ въ сочиненіи Полибія, который, говоря о смѣшанной формѣ правленія въ Римѣ, указываетъ средства, находящіяся въ рукахъ каждаго изъ правительственныхъ органовъ для обузданія незаконныхъ стремленій другихъ, и опредѣляетъ объемъ власти консуловъ, сената и народнаго собранія ¹⁾.

Какъ мы замѣтили уже выше, Цицеронъ, говоря о правителѣ государства, не могъ не коснуться вопроса о научной подготовкѣ, необходимой для успѣшнаго выполненія сложныхъ и разнообразныхъ государственныхъ обязанностей. Какъ важность и интересъ предмета, такъ и примѣръ Платона, подробно излагавшаго въ *Politeia* свои взгляды на научныя занятія людей, готовящихся стать во главѣ государства, должны были побудить Цицерона къ этому. И дѣйствительно, мы видимъ, что онъ не оставилъ этотъ вопросъ безъ разсмотрѣнія. Но рѣшеніе его совершенно иное, чѣмъ у Платона. Причина различія лежитъ въ несходствѣ взглядовъ Цицерона и Платона на политику. Платонъ отвергалъ политику, какъ искусство; въ его глазахъ она—наука и наука болѣе умозрительная, нежели опытная ²⁾; потому и занятія людей, предназначаемыхъ, на основаніи ихъ способностей, къ правленію, должны, по его мнѣнію, состоять главнымъ образомъ въ философіи, ибо хорошее управленіе государствомъ возможно только при познаніи истины, а познаніе истины приобрѣтается не иначе, какъ чрезъ созерцаніе вещей въ себѣ, что достигается только въ философіи ³⁾. Цицеронъ смотритъ на политику и обязанности правителя исключительно съ практической точки зрѣнія, сравниваетъ дѣятельность его съ дѣятельностію управляющаго имѣніемъ или эконома ⁴⁾. Поэтому, хотя онъ считаетъ нужнымъ для правителя философское образованіе, но только въ такихъ размѣрахъ, на сколько это можетъ быть полезно ему для его дѣятельности, для лучшаго

¹⁾ Полѣзъ Четор. VI.

²⁾ Plat. *Polit.* p. 259.

³⁾ Plat. *Politeia*. V, 476—480.

⁴⁾ De rep. V, 3.

выполненія государственныхъ обязанностей и пониманія вещей, съ которыми ему приходится имѣть дѣло; такъ, напримѣръ, знаніе общихъ основъ права можетъ быть полезно ему для уразумѣнія положительнаго законодательства ¹⁾. Однимъ словомъ, философія можетъ служить для правителя такимъ же подспорьемъ, какъ астрономія для корабляго, или естественныя науки для медика, но не должна отнимать у него слишкомъ много времени и вниманія, чтобы это не оказалось вреднымъ для государственныхъ дѣлъ.

Разсматривая вопросъ о научной подготовкѣ, необходимой для человѣка, стоящаго во главѣ государства, Цицеронъ не могъ пройти молчаніемъ отношенія его къ краснорѣчію. Какъ практика политической жизни Рима, гдѣ государственная дѣятельность стояла въ самой тѣсной связи съ краснорѣчіемъ, такъ и характеръ участниковъ діалога изъ которыхъ большинство (Сципіонъ, Лелій, Филъ, Спевоза, Рутилій) отличались въ свое время, какъ ораторы, должны были побудить Цицерона, говоря о государственномъ человѣкѣ, остановить свое вниманіе на ораторскомъ искусствѣ, насколько оно касается государственныхъ дѣлъ. Поэтому мы не соглашаемся съ Озанномъ и Мозеромъ признать за ошибку указаніе Нонія, что заимствованный имъ изъ *De republica* отрывокъ, относящійся къ разсужденію объ ораторскомъ искусствѣ, принадлежитъ къ V-й книгѣ. Названные ученые говорятъ, что о краснорѣчіи и его значеніи въ политикѣ Цицеронъ долженъ былъ разсуждать въ IV-й книгѣ, вмѣстѣ съ разсмотрѣніемъ вліянія на нравы музыки, поэзіи, театра и т. п., но мы предпочитаемъ, вмѣстѣ съ А. Ман, отнести разсужденіе о краснорѣчіи къ V-й книгѣ, полагая, какъ уже было сказано, что всего естественнѣе было Цицерону говорить о немъ при изображеніи наилучшаго правителя государства.

Нѣсколько словъ, сохраненныхъ древними писателями, показываютъ, что Сципіонъ въ діалогѣ порицалъ ораторовъ, воспроизводя противъ нихъ, повидному, обвиненія Платона. „Такъ какъ, говоритъ онъ между прочимъ, ничто въ государствѣ не должно быть столь неподкупнымъ, какъ голосованіе (въ собраніяхъ) и подача мнѣній (въ судѣ), то я не понимаю, почему тотъ, кто подкупилъ ихъ деньгами, достоинъ наказанія, а кто краснорѣчіемъ, тотъ достигаетъ даже славы. На мой взглядъ, по крайней мѣрѣ, подкупающій судью рѣчью дѣлаетъ большее зло, нежели подкупающій его денежнымъ вознагражде-

¹⁾ De rep. ibidem.

нѣмъ, ибо подкупить деньгами благоразумнаго человѣка никто не можетъ, силою же слова можетъ" ¹⁾). Вѣроятно, Циціонъ подтверждалъ свое мнѣніе примѣрами, взятими изъ римской исторіи, изъ дѣятельности демократическихъ ораторовъ, плебейскихъ трибуновъ; быть можетъ, онъ указывалъ на Тиберіа Гракха, рѣчи котораго онъ слышалъ, вліяніе котораго на народъ видѣлъ своими глазами, противъ котораго не разъ говорилъ самъ. Онъ требовалъ, чтобы государственный человѣкъ избѣгалъ многословія ²⁾, и, какъ на примѣръ для подражанія, указывалъ на Менелая Свартанскаго, обладавшаго, по его словамъ, способностію говорить кратко и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно ³⁾.

Мы не думаемъ однако, чтобы Циціонъ ограничился односторонними упреками тому искусству, которому самъ служилъ. Хотя мы видимъ, что одинъ изъ слушателей, Муммій, встрѣтилъ рѣзкіе упреки Циціона противъ краснорѣчія съ видимымъ удовольствіемъ ⁴⁾, но самъ Циціонъ объясняетъ это тѣмъ, что Муммій слишкомъ ненавидѣлъ ораторовъ ⁵⁾. Притомъ, если вѣрво наше предположеніе, что Циціонъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія о краснорѣчіи, указывалъ на несогласія въ государствѣ, которыя произошли благодаря демократическимъ ораторамъ, то одобреніе, встрѣченное имъ со стороны Муммія, дѣлается еще понятнѣе, ибо извѣстно, что Муммій былъ яростнымъ врагомъ демократіи ⁶⁾. Поэтому мы склонны думать, что кто-нибудь другой изъ собесѣдниковъ брагъ на себя защиту ораторскаго искусства, старался оправдать его, говоря о несправедливости принципиальнаго осужденія его за злоупотребленія имъ въ частныхъ случаяхъ, и мятежнымъ ораторамъ, указаннымъ Циціономъ, противопоставляя великихъ государственныхъ людей, оказавшихъ своимъ краснорѣчіемъ важныя услуги государству. Наше предположеніе кажется довольно вѣроятнымъ въ виду свидѣтельства одного древняго комментарія къ сочиненію Цицерона *De Inventione*, гдѣ между прочимъ, говорится: „Циціонъ въ своей „Полютикѣ“ говоритъ, что правитель государства долженъ быть великимъ и ученымъ мужемъ, такъ чтобы онъ былъ мудръ, справедливъ, умѣренъ и краснорѣчивъ

¹⁾ De rep. V, 9 fr. (Amm. Marcal, Hist. XXX, 4).

²⁾ De rep. V, 9. (Sen. ap. Aul. Gell. XII, 2).

³⁾ De rep. ibidem.

⁴⁾ De rep. V, 9. (Non. Imbutus).

⁵⁾ De rep. ibidem.

⁶⁾ De rep. III, 24, 25.

чтобы онъ могъ въ легкомъ потокѣ краснорѣчія раскрывать тайны своего ума для руководства народу¹⁾.

Наконецъ, являяся обязанности правителя государства, Цицеронъ естественно долженъ былъ подвергнуть разсмотрѣнію вопросъ, какъ долженъ онъ относиться къ несогласіямъ и смутамъ, которыя могутъ возникнуть между различными элементами государственнаго организма. Что Цицеронъ дѣйствительно говорилъ объ этомъ предметѣ, можно съ увѣренностію сказать уже въ виду его обѣщанія изложить подробно свое мнѣніе о государственныхъ переворотахъ²⁾; если скудные отрывки, относящіеся къ VI-й книгѣ разсматриваемаго нами сочиненія, не дадутъ возможности прослѣдить сколько нибудь полно взгляды его на этотъ вопросъ, то, по крайней мѣрѣ, указываютъ, что Цицеронъ отводилъ ему значительное мѣсто въ своемъ сочиненіи, налагалъ, какъ причины смутъ въ государствѣ, такъ и то, какъ долженъ относиться къ нимъ правитель.

Хотя при томъ государственномъ строѣ, какой рекомендовалъ Цицеронъ въ своемъ сочиненіи, по его мнѣнію, не легко могутъ происходить перевѣны³⁾, но все-таки онѣ возможны, если не потому, чтобы были вызваны несправедливыми распределеніемъ правъ и обязанностей между различными частями государственнаго тѣла, то, можетъ быть, вслѣдствіе личныхъ свойствъ нѣкоторыхъ людей, склонности ихъ къ смутамъ, которая, соединясь съ нѣкоторымъ значеніемъ и властью, можетъ повести къ серьезнымъ затрудненіямъ въ государствѣ. „Жестокія властительныя надъ мыслими, страсти, предъявляютъ безконечныя требованія и притязанія, а, не будучи въ состояніи достигнуть полнаго удовлетворенія и насыщенія, побуждаютъ тѣхъ, которыхъ воспылали своими приманками, во всякому преступленію“⁴⁾. Поэтому необходимо каждому гражданину прежде всего бороться со своими страстями. Если же силъ для борьбы не хватитъ и человѣкъ, подобно Г. Граху⁵⁾, приметъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ, одержимый такими страстями, то

¹⁾ De rep. I, 42.

²⁾ De rep. I, 42, 45.

³⁾ De rep. VI, 1 (Non. explorati).

⁴⁾ Что здѣсь Цицеронъ говорилъ о Гей Грахѣ, можно предположить потому, что этотъ же приторкъ пользуется Плутархъ, доказывая, что никто не долженъ приступать къ государственнымъ дѣламъ съ духомъ, возмущеннымъ страстями (adv. C. Segonii ad De rep. VI, 1, apud Moserum. p. 458).

печальный исходъ можетъ быть предотвращенъ лишь вмѣшательствомъ въ дѣло верховной правительственной власти, которая должна быть всегда готова оказывать противодѣйствіе подобнымъ опаснымъ для государства людямъ и смутамъ, ими затѣваемымъ ¹⁾. Это, несомнѣнно, одна изъ главныхъ обязанностей правителя, ибо, по мнѣнію Цицерона, основаніе политической мудрости заключается въ знаніи причинъ и хода государственныхъ переворотовъ, съ дѣлью подать руку помощи государству въ трудную минуту ²⁾. Самое основное достоинство, требуемое отъ правителя, указываетъ на то, что онъ обязанъ смотрѣть впередъ ³⁾ „на пути и уклошенія государства“ ⁴⁾ и охранять его спокойствіе. Какими средствами долженъ достигать правитель умиротворенія враждующихъ сторонъ, мы не можемъ отвѣтить по Цицерону; но мы знаемъ, что не менѣе существенно—интересамъ и требованіямъ которой стороны онъ долженъ отдавать предпочтеніе. Какъ всегда, Цицеронъ является защитникомъ оптиматовъ; какъ въ организаціи народнаго собранія онъ требуетъ, чтобы сила не принадлежала большинству ⁵⁾, такъ и здѣсь, въ рѣшеніи гражданскихъ распрій, въ виду того, что „благонамѣренныя люди имѣютъ больше цѣны, нежели многіе“ ⁶⁾, онъ считаетъ должнымъ „взвѣшивать, а не считать гражданъ“. Причина понятна: справедливость требуетъ, чтобы большее вліаніе при рѣшеніи общественныхъ вопросовъ имѣлъ тотъ, „кто больше заинтересованъ въ наилучшемъ состояніи государства“ ⁷⁾.

¹⁾ De rep. VI, 1, (Non. comparare).

²⁾ De rep. II, 25.

³⁾ De rep. VI, 1, (Non. prudentia).

⁴⁾ De rep. II, 25.

⁵⁾ De rep. II, 22.

⁶⁾ De rep. VI, 1 (Non. de doctrina indag.).

⁷⁾ De rep. II, 22.

IX.

Вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ частной и политической жизни. Исторія этого вопроса до Цицерона. Доводы противниковъ государственной дѣятельности и опроверженіе ихъ Цицерономъ. Честь и сознаніе принесенной согражданамъ пользы, какъ награда государственнаго дѣятеля. Религіозныя убѣжденія Цицерона, каковы они были на самомъ дѣлѣ и какъ выразились въ *De republica*. Ученіе его объ организаціи государства въ религіозномъ отношеніи (по *De legibus*). «Сноидаміа Сципіона». Сравненіе его въ литературномъ отношеніи съ разказомъ Платона о Памоніядѣ Эра. Цѣль включенія Цицерономъ этого эпизода въ сочиненіе *De republica*. Высшая награда за службу отечеству въ связи съ ученіемъ о бессмертіи души. Заключение.

Изложивъ по Цицерону обязанности государственнаго дѣятеля, посмотримъ теперь, какой награды можетъ онъ ожидать за свои заботы объ отечествѣ, за труды, которые ему приходится переносить, и слѣдуетъ ли благоразумному человѣку стремиться къ этой тяжелой дѣятельности. Этотъ вопросъ, повидному, серьезно интересовалъ Цицерона, что можно объяснить тѣмъ практическимъ значеніемъ, какое онъ имѣлъ въ Римѣ въ его время, когда, какъ мы говорили выше, люди, не одержимые особеннымъ честолюбіемъ, въ виду опасностей, съ которыми была соединена политическая дѣятельность въ послѣдніе дни республики, охотно удалялись отъ нея, и правило эпикурейской философіи, предписывавшее мудрецу не принимать участія въ государственныхъ дѣлахъ, находило все болѣе и болѣе многочисленныхъ послѣдователей. Цицеронъ, писавшій свое сочиненіе отчасти, какъ можно думать, съ цѣлью пробудить интересъ къ политическимъ вопросамъ, заставить общество стряхнуть свою апатію, отрѣшиться отъ безучастнаго отношенія къ судьбѣ отечества, не могъ не стараться объ искорененіи такого взгляда на государственную дѣятельность. Разсужденіемъ объ этомъ вопросѣ начинается сочиненіе *De republica* ¹⁾; къ нему же Цицеронъ возвращается снова въ III-й книгѣ ²⁾ и, повидному, въ V-й ³⁾; наконецъ, въ VI-й книгѣ, въ заключительныхъ главахъ трактата, опять мы слышимъ изъ устъ Сципіона призывъ на службу отечеству всѣхъ

¹⁾ De rep. I, 1—7.

²⁾ De rep. III, 3 и 28 (Lact. Inst. div. V, 18, 22).

³⁾ De rep. V, 7 (S. August. Civ. Dei, V, 13).

истинно любящихъ его и обѣщаніе высочайшей награды за подвиги на волюю родины ¹⁾.

Въ виду того значенія, какое самъ Цицеронъ придаетъ вопросу о сравнительномъ достоинствѣ политической и частной жизни, мы рассмотримъ его по возможности подробно.

Этотъ вопросъ не разъ подвергался обсужденію въ древнемъ мірѣ еще до Цицерона, и былъ разрѣшаемъ въ различныхъ направленіяхъ. Мы знаемъ уже, какъ смотрѣли на государственную дѣятельность эникурейцы; пифагорейцы въ этомъ были согласны съ ними ²⁾.

Платонъ, отдавая въ принципѣ предпочтеніе жизни, чуждой заботъ о политическихъ дѣлахъ, однако находитъ нужнымъ, чтобы мудрые люди, философы, принимали участіе въ управленіи государствомъ ³⁾, хотя бы уже для того, чтобы не быть въ подчиненіи у худшихъ ⁴⁾. Впрочемъ, они не должны домогаться власти; имъ слѣдуетъ только тогда возлагать на себя правительственныя заботы, когда ихъ приглашаютъ къ этому, ибо не вѣрнѣе просить матросовъ новиноваться ему, а они сами должны сознавать выгоду его начальства; не врачъ ищетъ больного, а больной проситъ врача о помощи ⁵⁾. А такъ какъ этого трудно достигъ при настоящемъ состояніи человѣческихъ обществъ и „такъ какъ нельзя совершить ничего полезнаго для государства при безуміи толпы“, то, пока философъ не найдетъ для себя идеальнаго государства, онъ, смотря, какъ исполняются беззаконія другими, радуется, если самъ остается чистымъ отъ неправды и дѣлъ незаконныхъ, и, „проводя такимъ образомъ здѣшнюю жизнь, съ прекрасною надеждою, весело и кротко ожидаетъ своего конца“ ⁶⁾. Такимъ образомъ, Платонъ въ окончательномъ выводѣ пришелъ къ осужденію политической жизни для мудреца.

Аристотель въ VII-й книгѣ своей „Политики“ также касается этого вопроса, рассматриваетъ различные доводы за дѣятельную и недѣятельную жизнь вообще и отдаетъ преимущество первой. При

¹⁾ De rep. VI, 9, 21.

²⁾ Vilemain, notes, I, I, 1.

³⁾ Это можно видѣть уже изъ того, что онъ душу человѣка, прежде бывшаго правителемъ государства, заставляетъ предпочесть преждему своему жребію жребію частнаго человѣка, спокойно и безвѣстно проводящаго жизнь. (Полт. X, 630).

⁴⁾ Полт., I, 347.

⁵⁾ Полт. VI, 489.

⁶⁾ Полт. VI, 496.

этомъ должно замѣтить, что его взглядъ на дѣятельную жизнь отличается большою широтою, чѣмъ взглядъ Цицерона. „Если счастье“, говоритъ онъ, „вообще слѣдуетъ полагать въ хорошей дѣятельности, то практическая жизнь, конечно, лучше, какъ для цѣлаго государства, такъ и для каждаго человѣка въ отдѣльности. Но практическая жизнь не есть необходимо жизнь для другихъ, какъ думаютъ нѣкоторые, и не одиѣ только тѣ мысли практичны, содержаніе коихъ составляютъ положительныя результаты, вытекающіе изъ того или другаго дѣйствія, но гораздо болѣе тѣ возрѣнія и мысли, которыя совершенны сами по себѣ и служатъ цѣлью для самихъ себя. Такъ какъ успѣхъ дѣла состоитъ въ достиженіи цѣли, то обсужденіе цѣли есть уже дѣятельность. На этомъ основаніи и въ практической сферѣ дѣятелями преимущественно мы называемъ тѣхъ, которые являются архитекторами практическихъ дѣлъ въ области мншенія.“¹⁾ Такимъ образомъ Аристотель, отдавая преимущество жизни практической, не чуждающейся государственныхъ заботъ, понимаетъ ее не только въ смыслѣ непосредственнаго участія въ правленіи, но и въ смыслѣ научной разработки политическихъ вопросовъ, ставя послѣдній видъ ея даже выше перваго.

Цицеронъ въ основномъ взглядѣ сходится съ Аристотелемъ, подобно ему отдавая предпочтеніе жизни, посвященной политической дѣятельности, передъ жизнью, свободной отъ государственныхъ заботъ, но, какъ мы уже указывали, отличается отъ него въ пониманіи дѣятельной жизни, разумѣя подъ нею исключительно участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Онъ рассматриваетъ вопросъ этотъ съ большою полнотою, чѣмъ Платонъ и Аристотель, приводитъ возраженія, которыя дѣлаются противъ политической жизни, опровергаетъ ихъ и противопоставляетъ имъ свои доводи въ пользу ея. Всѣхъ противниковъ мнѣнія о необходимости для благоразумнаго человѣка принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ, можно раздѣлить на два разряда: одни стараются доказать, что благоразумный человѣкъ долженъ удалиться отъ политической дѣятельности вообще; другіе говорятъ, что онъ долженъ помогать государству только въ затруднительныхъ случаяхъ. Первые, осуждающіе политическую дѣятельность въ принципѣ, указываютъ, во-первыхъ, на труды, сопряженные съ нею; вторыхъ, на опасности, которымъ подвергается политическій

¹⁾ Arist. Polit. VII, 3, 5.

дѣятелъ; въ третьихъ, на неблагоугодарность согражданъ, бывшую причиною несчастій многихъ славныхъ людей¹⁾; въ четвертыхъ, на трудность бороться съ неистовствами черни и противоудѣйствиемъ злонамѣренныхъ людей²⁾. Но ни одинъ изъ этихъ доводовъ не кажется Цицерону убѣдительнымъ, ибо труды присущи и менѣе важнымъ занятіямъ, опасности не могутъ устранить мужественнаго человѣка, который будетъ даже доволенъ, если представится случай пожертвовать жизнью за отечество, вмѣсто того, чтобы подвергнуться медленному умиранію отъ старости³⁾. Третій доводъ, указаніе на неблагоугодарность соотечественниковъ, обыкновенно считаютъ самымъ непоколебимымъ, и дѣйствительно, исторія и Греція, и Рима представляетъ много фактовъ, доказывающихъ его основательность: въ Греціи Милтиадъ, побѣдитель Персовъ, умираетъ въ Аониской тюрьмѣ, Оемистоклъ долженъ бѣжать изъ спасеннаго имъ отечества въ землю имъ же побѣжденныхъ варваровъ; въ Римѣ Камиллъ, Сервилій Агала, Сципіонъ Назика, Папирій Ленасъ, Олимпій, Метеллъ, Марій, наконецъ самъ Цицеронъ—краснорѣчивые примѣры неблагоугодарности народа къ его руководителямъ и охранителямъ⁴⁾. Но если сами противники политической жизни не боятся переплывать моря, побуждаемые страстью къ научнымъ занятіямъ⁵⁾, то можно ли останавливаться передъ всѣми этими невыгодами и опасностями, которыя съ лихвою вознаграждаются сознаніемъ пользы, оказанной отечеству⁶⁾? Что касается, наконецъ, четвертаго довода противъ политической жизни, то онъ, по мнѣнію Цицерона, менѣе чѣмъ какой-либо другой можетъ быть признанъ основательнымъ: безразсудство черни и происки злонамѣренныхъ людей, которыя противники государственной дѣятельности считаютъ за достаточное основаніе для благоуразумнаго человѣка удалиться отъ общественныхъ дѣлъ, напротивъ, должны особенно побуждать его принимать въ нихъ живое участіе: не можетъ быть причины, которая была бы болѣе способна заставить мудреца приняться за политическую дѣятельность, какъ нежеланіе быть въ повиновеніи у безчестныхъ людей и позволить имъ терзать государство⁷⁾.

¹⁾ De rep. I, 2.

²⁾ De rep. I, 5.

³⁾ De rep. I, 3, cf. Tuscul. I, 47; Pro Sest. 21, De finn. II, 30.

⁴⁾ De rep. I, 3.

⁵⁾ De rep. I; ib. in fine.

⁶⁾ De rep. I, 4.

⁷⁾ De rep., ibidem.

Такъ опровергаются доводы тѣхъ, которые осуждаютъ политическую жизнь въ принципѣ. Не можетъ согласиться Цицеронъ и со взглядомъ, занимающимъ средину между безусловнымъ одобреніемъ и порицаніемъ государственной дѣятельности и признающимъ ея необходимость для благоразумнаго человѣка лишь въ экстренныхъ случаяхъ ¹⁾; ибо, вонервыхъ, по его мнѣнію, чтобы быть въ состояніи помочь государству въ минуту бѣдствія, необходимо имѣть известную власть, силу, а этого нельзя достигнуть иначе, какъ посредствомъ продолжительнаго служенія государству ²⁾; воторныхъ, невозможно, не умѣя управлять государствомъ въ спокойное время, быть въ силахъ управлять имъ при смутахъ ³⁾.

Изложивъ возраженія, дѣлаемыя противъ политической дѣятельности, и опроверженіе ихъ Цицерономъ, укажемъ основанія, которыя приводитъ онъ въ защиту своего мнѣнія о необходимости для благоразумнаго человѣка принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ.

Къ дѣятельности на политическомъ поприщѣ насъ должно побуждать прежде всего сознаніе пользы, которую мы можемъ принести государству. Достаточно вспомнить подвиги римскихъ патриотовъ, чтобы понять, какой опасности оно подвергалось бы безъ ихъ помощи: если бы мужественные и мудрые люди стали удалиться отъ службъ, то Камиллъ не освободилъ бы Италію отъ нашествія Галловъ, Дуилий, Авлъ Атилій не избавили бы ее отъ страха предъ Каррагеномъ, два Сципіона не потушили бы начавшійся пожаръ второй Пунической войны своею кровью и т. п. ⁴⁾. Еще лучше мы поймемъ пользу, приносимую государству участіемъ въ правленіи мудрыхъ людей, если обратимся къ трудамъ законодателей: добродѣтели гражданъ, по мнѣнію Цицерона, составляютъ прямой результатъ мудраго законодательства, вслѣдствіе чего дѣятельность законодателей должна быть поставлена даже выше дѣятельности философовъ по количеству пользы, которую они приносятъ государству ⁵⁾.

Но одного сознанія пользы, которую можно принести государству, часто бываетъ недостаточно, чтобы заставить насъ отказаться отъ

¹⁾ De rep. I, 6.

²⁾ De rep. I, *ibidem*.

³⁾ De rep., *ibidem*.

⁴⁾ De rep. I, 1.

⁵⁾ De rep. I, 2. Не слѣдуетъ однако думать, чтобы Цицеронъ первую причину добродѣтели видѣлъ въ законодательствѣ. Здѣсь онъ говоритъ лишь о заслугахъ законодателей относительно поддержанія ее въ обществѣ.

удобствъ частной жизни и подвергнуть себя опасностямъ и тревоженіямъ политической дѣятельности. Поэтому Цицеронъ старается доказать, что, хотя бы наши желанія и стремились къ спокойной жизни, вдали отъ государственныхъ заботъ, мы не можемъ позволить себѣ этого, ибо отечество, родившее и воспитавшее насъ, доставляющее намъ всевозможныя жизненныя удобства, имѣетъ право въ свою очередь требовать отъ насъ въ вознагражденіе большей части нашихъ способностей, оставляя намъ въ собственное пользованіе лишь то, что окажется излишнимъ для него ¹⁾.

Наконецъ, къ службѣ отечеству должна побуждать насъ сама добродѣтель, ибо существенная черта ея есть дѣятельность, примѣненіе самой себя къ дѣлу; а не можетъ быть лучшаго примѣненія ея, какъ въ управленіи государствомъ ²⁾.

Что касается награды за усердную службу отечеству, то она, по мнѣнію Цицерона, заключается прежде всего въ славѣ. Добродѣтель стремится къ ней ³⁾; ради ея совершаются многіе подвиги ⁴⁾. Воздавать мужамъ, заслужившимъ преѣхъ государствомъ, и особенно правителю его, славу и почетъ — прямая обязанность гражданъ; неисполненіе ея можетъ даже повлечь гибель государства ⁵⁾. Но сама добродѣтель не должна требовать себѣ признанія съ особенною настойчивостію ⁶⁾; главная награда доблестнаго человѣка за труды и опасности и вѣрное утѣшеніе для него въ случаѣ неблагодарности народа или зависти массы, или ненависти сильныхъ, есть сознаніе своего достоинства. Это сладкое чувство должно быть для него выше всѣхъ земныхъ благъ: богатства, власти и т. п. ⁷⁾.

Кромѣ этого, есть еще высшая награда для людей добродѣтельныхъ и посвящающихъ себя служенію государству; но мы скажемъ о ней подробнѣе нѣсколько ниже, ибо это находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о религіи, къ которому мы и переходимъ.

Баканы были религіозныя убѣжденія Цицерона, достаточно извѣстно. Вся его философія, какъ справедливо замѣчаетъ Виллеманъ ⁸⁾, была

¹⁾ De rep. I, 4.

²⁾ De rep. I, 2.

³⁾ De rep. III, 28 (Lact. inst. div. V, 8).

⁴⁾ De rep. V, 7, (Aug. Civ. Dei, V, 13).

⁵⁾ De rep. V, 7 (Petr. Pictor. ep. ad calumn).

⁶⁾ De rep. III, 28 (Lact. inst. div. V, 18).

⁷⁾ De rep. III, 28 (Lact. inst. div. V, 22).

⁸⁾ Villemain, p. 341.

лишь искуснымъ и продолжительнымъ осмѣляніемъ языческаго политизма. Поэтому не представлялось бы никакого затрудненія, если бы намъ нужно было только изложить подлинныя взгляды Цицерона на религію его отечества. Но сдѣлавъ это, мы врядъ ли могли бы сказать, что имѣемъ вѣрное представленіе о томъ, какъ рѣшался вопросъ о религіи въ *De republica*. Стоить только сравнить противоположныя мнѣнія, которыя Цицеронъ высказываетъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій объ ауспидіяхъ, этомъ важнѣйшемъ въ римскомъ государственномъ быту религіозномъ установленіи, чтобы понять, что въ вопросѣ о религіи, какъ и во многихъ другихъ, необходимо различать Цицерона-философа и Цицерона-государственнаго человѣка. Онъ смотрѣлъ на религію, какъ вообще римскіе политики, съ утилитарной точки зрѣнія, видѣлъ въ ней одно изъ могущественнѣйшихъ орудій въ рукахъ государства, лучшее средство для поддержанія благоустройства и нравственности гражданъ ¹⁾. Поэтому онъ позволялъ себѣ обнаруживать скептицизмъ къ отечественной религіи и даже издѣваться надъ многими неглѣпостями ея, съ которыми не могъ припритаться его просвѣщенный умъ ²⁾, но только тогда, когда разсуждалъ о религіи отвлеченно, безъ отношенія къ государству, и притомъ былъ увѣренъ, что его не услышитъ народъ ³⁾. Какъ только ему приходилось говорить о ней въ связи съ политикою, онъ не допускалъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно ея, считалъ необходимымъ сохранять въ чистотѣ отечественныя вѣрованія ⁴⁾, говоря, что никакой авторитетъ не заставитъ его отказаться отъ преданности имъ ⁵⁾, называлъ право авгуровъ „величайшимъ и превосходящимъ по тому значенію, какое оно имѣетъ для государства“ ⁶⁾, негодовалъ на небрежное отношеніе къ религіознымъ установленіямъ предковъ ⁷⁾ и требовалъ строгихъ наказаній для ихъ нарушителей ⁸⁾.

Не трудно теперь угадать, котораго изъ указанныхъ нами двухъ

¹⁾ *De legg.* II, 7, 16; 12, 30 sq.

²⁾ См. напр. *De divin.* II, 33, 71.

³⁾ *De nat. deor.* III, 2.

⁴⁾ *De divin.* II, 33, 70.

⁵⁾ *De nat. deor.* III, 2.

⁶⁾ *De legg.* II, 12, 31.

⁷⁾ *Pro Sestio*, 7, 16 sq.

⁸⁾ *De legg.* II, 8, 21; *De divin.* II, 33, 71.

направленій долженъ былъ держаться Цицеронъ въ сочиненіи, посвященномъ имъ вопросу о наилучшей организаціи государства. Ясно, что онъ не могъ здѣсь повторять своихъ насмѣшекъ надъ религіей, напротивъ, старался возратить ей прежнее значеніе, прежнее вліяніе на умы.

Остатки того, что говорилъ Цицеронъ о религіи въ VI-й книгѣ *De republica*, такъ ничтожны, что содержатъ лишь слабое указаніе на частные вопросы, которыхъ онъ касался. Такъ мы видимъ, что Цицеронъ говорилъ о брачныхъ союзахъ ¹⁾, жертвоприношеніяхъ ²⁾, погребальныхъ обрядахъ, но мы не могли бы уяснить себѣ его взгляды, если бы намъ не помогало и въ этомъ случаѣ, какъ часто прежде, сочиненіе *De legibus*. На основаніи его, мы имѣемъ право съ увѣренностію сказать, что Цицеронъ слѣдовалъ почти во всемъ, даже въ мелочахъ, тому, что было выработано въ религіозной области римской исторіей, сохранялъ почти безъ измѣненій древнія постановленія, ограждавшія чистоту религіи и поддерживавшія ея связь съ государствомъ. Такъ (въ *De legibus*) онъ признаетъ многобожіе, но запрещаетъ поклоненіе богамъ, не признаннымъ государствомъ ³⁾, сохраняетъ авгуровъ, весталокъ, фламинновъ, феціаловъ, *sacra gentilia* и проч. ⁴⁾.

Цицеронъ не могъ вовсе отказаться отъ желанія хотя отчасти высказать свои завѣтныя религіозныя убѣжденія. Онъ былъ слишкомъ ревностнымъ ученикомъ греческихъ философовъ и въ особенности Платона, чтобы, говоря о религіи, пройти молчаніемъ важные вопросы о мировомъ строѣ, о дѣлѣ человѣческой жизни, о судьбѣ человѣка послѣ смерти. Взгляды свои на эти вопросы онъ изложилъ въ концѣ сочиненія *De republica*, придавъ имъ форму разказа Сципіона о слѣ, видѣнномъ имъ въ Африкѣ, въ домѣ нумидійскаго царя Масиниссы, въ бытность его военнымъ трибуномъ въ войскѣ М. Манлія ⁵⁾. Такимъ образомъ, это рассужденіе представляетъ какъ бы отдѣльное, законченное цѣлое и было извѣстно во многихъ латинскихъ и греческихъ спискахъ задолго до открытія остатковъ *De republica* подъ именемъ *Somnium Scipionis*.

¹⁾ *De rep.* VI, 2 (Non. firmiter.)

²⁾ *De rep.*, *ibidem* (Non. Samium).

³⁾ *De legg.* II, 6, 19.

⁴⁾ *De legg.* II, 6, 19—9, 21.

⁵⁾ *De rep.* VI, 8.

Что касается литературной формы, которую придаѣтъ Цицеронъ своему разсужденію о загробной жизни, то она, несомнѣнно, заимствована имъ у Платона, который, какъ извѣстно, въ X-й книгѣ своей *Politicæ* приводитъ разказъ о нѣкоемъ Памфилійцѣ Эрѣ, убитомъ въ сраженіи, ожившемъ чрезъ двадцать два дня уже на кострѣ и повѣдавшемъ тайны посмертнаго существованія. Но слѣдуетъ замѣтить, что, не смотря на подражательность, литературный приѣмъ, употребленный Цицерономъ, долженъ быть поставленъ выше Платонова въ художественномъ отношеніи: во-первыхъ, вымыселъ Цицерона о сновидѣніи Сципіона отличается гораздо большею естественностію и правдоподобіемъ, какъ было замѣчено уже древними писателями ¹⁾; во-вторыхъ, форма сновидѣнія была особенно подходящей для выраженія представленій о загробной жизни, въ истинѣ которыхъ самъ Цицеронъ не могъ быть совершенно убѣжденъ. Наконецъ, нельзя не одобрить, что взгляды на будущую жизнь вложены въ уста Сципіона: не говори уже о томъ, что Сципіонъ былъ ученикомъ Грековъ въ философіи и, по всей вѣроятности, держался приблизительно такихъ же мнѣній объ этихъ вопросахъ, какъ самъ Цицеронъ, должно признать, что слова Сципіона о загробной жизни, произносимыя имъ почти въ ту минуту, когда онъ самъ стоялъ на порогѣ вѣчности, когда рука убійцы готовилась поразить его, способны были производить особенно сильное впечатлѣніе на читателей того времени, въ памяти которыхъ были свѣжи и слава, и печальный конецъ этого великаго мужа.

Вліяніе Платона на *Somnium Scipionis* не ограничивается одной внѣшней стороною, литературной формою. Самыя воззрѣнія на міровой строй ²⁾ и загробное существованіе человека ³⁾, во многомъ напоминаютъ Платона, а въ одномъ мѣстѣ, въ доказательствѣ безсмертія души, Цицеронъ даже почти буквально переводитъ его ⁴⁾. Однако, между Цицерономъ и Платономъ въ данномъ случаѣ есть важное различіе, котораго нельзя провѣсти молчаніемъ: разказъ объ Эрѣ Памфилійцѣ, приводимый Платономъ въ концѣ сочиненія *Politicæ*

¹⁾ См. Favonius Eulogius (Comm. ad Somn. Scip. въ Fragm. De rep. V, 3, изд. Клотца и Мосера.

²⁾ De rep. VI, 16, 17, 18 (ed. Klotz) cf. Plat. Polit. X, 616—617.

³⁾ De rep. VI, 13, 15, 26, (ed. Klotz). cf. Plat. Polit. X, 614—621.

⁴⁾ De rep. VI, 24, 25, 26 (ed. Klotz). Сравненіе этого доказательства Цицерона съ соответственнымъ мѣстомъ у Платона, въ Федра, предложено Мосеромъ, Excurs. ad L. VI de rep. p. 537 sqq.

имѣть, повидному, между прочимъ, цѣлью доказать превосходство частной жизни предъ общественною¹⁾; наоборотъ, Цицеронъ несомнѣнно желалъ общаніемъ награды на небесахъ еще болѣе побудить всѣхъ добродѣтельныхъ людей посвящать своя силы на служеніе отечеству.

Somnium Scipionis можетъ служить прекраснымъ примѣромъ того, что можетъ сдѣлать умъ человѣческой, одушевленный желаніемъ высниться до созерцанія вѣчныхъ истинъ, и чего онъ не въ силахъ достигнуть или достигаетъ только посредствомъ тысячелѣтней преемственной работы поколѣній. Устанавливая безсмертіе души, Цицеронъ долженъ прибѣгать къ ватянутымъ, запутаннымъ доказательствамъ, пытается объяснить физическими законами то, что, будучи лишено матеріи, не можетъ быть подчинено ея законамъ. Картина мірового строя, нарисованная Цицерономъ сообразно съ ученіемъ Пифагорейцевъ и Платона, также далеко не величественна сравнительно съ видомъ вселенной, какъ она представляется намъ при современномъ состояніи науки. Со времени Цицерона умъ человѣческой сдѣлалъ много на широкомъ поприщѣ изученія природы: вмѣсто гадательныхъ предположеній, мы обладаемъ несомнѣнными данными, говорящими намъ о величій Творца краснорѣчивѣе самыхъ смѣлыхъ поэтическихъ представленій древности. Но мы все-таки должны отдать должную дань удивленія древнимъ гениямъ, счумѣвшимъ, при крайней бѣдности естественно-научныхъ познаній, достичь, по крайней мѣрѣ, до предчувствія тѣхъ великихъ истинъ, которыя кажутся намъ теперь несомнѣнными, благодаря божественному откровенію и послѣдовательной работѣ вѣковъ. Оцѣнивая заслуги великихъ философовъ древности, мы не должны забывать о томъ, что пробудить еще вѣка, — и многое теперь непонятное, даже для высшихъ умовъ, сдѣлается яснымъ для массы, что многое, кажущееся теперь несомнѣннымъ, будетъ признано ложнымъ. Самые заблужденія имѣютъ свою цѣну: путемъ ряда ошибокъ рано или поздно человѣчество приходитъ къ истинѣ. Наконецъ, уже одно то, что греческіе философы, а затѣмъ и Цицеронъ, безъ помощи Откровенія, пришли къ идеѣ безсмертія человѣка, должно обезпечить за ними наше удивленіе.

Мы не будемъ приводить подробно содержаніе «Сновидѣнія Сципіона», такъ какъ многое въ немъ не имѣетъ отношенія къ полити-

¹⁾ Plat. Полт. X, 620.

чекимъ взглядомъ Цицерона. Остановимся только на томъ, что непосредственно касается ученія его о государствѣ.

Прокъзъ называетъ *Somnium Scipionis* сокращеніемъ всего сочиненія *De re publica*, подобно тому какъ разказъ Платона о Памфиліидѣ Эрѣ стоитъ въ такомъ же отношеніи къ его *Politeia* ¹⁾. Мы съ своей стороны не рѣшимся придавать такое значеніе этому прекрасному эпизоду, но нельзя не признать, что онъ можетъ быть названъ краснорѣчивымъ выраженіемъ цѣли, руководившей Цицерономъ въ его трудѣ: адѣсь, въ концѣ сочиненія, Цицеронъ еще разъ повторяетъ своимъ согражданамъ призывъ на службу родинѣ, обѣщаетъ имъ высшую награду, какой только можетъ желать человѣкъ. Что это именно составляло главную его цѣль, можно заключить уже изъ того, какъ, если вѣрить Макробію ²⁾, этотъ эпизодъ былъ связанъ съ остальнымъ содержаніемъ. Мелій жаловался, что Сципіону Назикѣ, убійцѣ Тиберія Гракха, не было поставлено статуи. На это Сципіонъ возражалъ, что доблесть уже въ сознаніи своихъ подвиговъ имѣетъ достаточную награду; при томъ, у нея есть другая награда, болѣе вѣчная, чѣмъ свинцовыя статуи, лучше сохраняющая свѣжесть, чѣмъ лавровыя вѣнки. Чтобы показать, въ чемъ заключается эта награда, Сципіонъ и передавалъ что онъ слышалъ объ этомъ отъ своего отца и Сципіона Старшаго, явившихся ему въ сновидѣніи.

Выше мы видѣли, что Цицеронъ, отъ лица Сципіона, призывая всѣхъ добродѣтельныхъ людей на службу отечеству, указывалъ на награду, которой они могутъ достигнуть въ этой жизни, именно—славу; теперь онъ берется показать, что эта награда еще слишкомъ мала сравнительно съ другою, которую человѣкъ можетъ получить послѣ смерти. Не говоря уже о томъ, что часто земная слава не соответствуетъ подвигамъ и за заслуги отечеству приходится испытывать не только равнодушіе, но и неприязнь согражданъ, она, какъ бы ни была велика, не можетъ представлять достаточнаго вознагражденія за всѣ труды и опасности, съ которыми неразлучна государственная дѣятельность. Въ самомъ дѣлѣ, пространство, на которое слава распространяется, ничтожно сравнительно съ вселенной; предѣлъ ея распространенія не равенъ даже землѣ, ибо сама земля обитаема только

¹⁾ Moser, *De rep.* VI, 6, p. 403.

²⁾ Macrob., *Somn. Scip.* I, 4.

отчасти, при чемъ заселенныя мѣста раздѣлены между собою естественными преградами, отстоятъ далеко другъ отъ друга и, притомъ, часто не находятся даже на одной плоскости ¹⁾. Если мы обратимъ вниманіе на время, въ продолженіе котораго можно разчитывать на сохраненіе славы въ памяти потомства, то и здѣсь не представится ничего утѣшительнаго: періодически повторяющіеся потопаы и уничтоженія земли жаромъ дѣлаютъ невозможною не только вѣчную, но и продолжительную славу ²⁾. Развѣ можно призвать за продолжительное то, что обыкновенно считаютъ такимъ? Когда дѣло идетъ о сравненіи съ вѣчностію, то какъ ничтожны покажутся самыя долгіе періоды времени, которые мы опредѣляемъ количествомъ солнечныхъ годовъ! Не промежутокъ времени, требуемый для того, чтобы солнце возвратилось въ извѣстную точку ³⁾, должно считатьъ годомъ но періодъ, въ продолженіи котораго всѣ небесныя тѣла придуть въ прежнее положеніе; а насколько великъ такой годъ, можно судить изъ того, что отъ смерти Ромула до времени, когда происходитъ діалогъ, не прошло еще, по мнѣнію Цицерона, и $\frac{1}{10}$ его доли ⁴⁾. Можно ли удовлетвориться такой славой, которая не продолжается одного года ⁵⁾ и на такое пространство ⁶⁾? Очевидно, еслибы остановиться на этомъ вознагражденіи, то оно не соответствовало бы подвигамъ. Поэтому Цицеронъ совѣтуетъ презирать земное, человѣческое, и обращать взоръ къ небесному, тамъ ожидать себѣ награды ⁷⁾: „Всѣмъ, которые заботились о сохраненіи отечества, подавали ему помощь, возвеличивали его, опредѣлено извѣстное мѣсто на небѣ, гдѣ они, блаженныя, наслаждаются вѣчнымъ существованіемъ; ибо ничего нѣтъ пріятнѣе для верховнаго Бога, который правитъ этимъ міромъ, по крайней мѣрѣ

¹⁾ De rep. VI, 20 (ed. Klotz). Какъ примѣръ страха, до которыхъ слава не можетъ достигъ по ихъ отдаленности, Цицеронъ указываетъ Каннахъ и область Ганга. Это очень естественно, въ виду затруднительности сообщеній и малонаселенности земнаго шара въ древности.

²⁾ De rep. VI, 21 (Klotz).

³⁾ Съ точки зрѣнія древнихъ, полагавшихъ, что солнце движется вокругъ земли.

⁴⁾ Представленіе объ этомъ солнечномъ годѣ заимствовано Цицерономъ у Платона: "Ὁ γε τέλειος ἀριθμὸς ὑρόου τὸν τέλειον ἐπιπέδον πληροῖ τέτα, ἕταν ἀπασῶν τῶν ὀκτακρηίδων τὰ πρὸς ἀλλήλα συμπεραθέντα τὰχ σὺν καὶ αὐτὴν τῆ τοῦ τείτοῦ κίβλη (Tim. XI).

⁵⁾ De rep. VI, 22, (ed. Klotz).

⁶⁾ De rep. VI, 20, (ed. Klotz).

⁷⁾ De rep. VI, 19, (ed. Klotz).

изъ того, что происходитъ на землѣ, какъ собранія и сообщества людей, соединенныхъ правомъ, которыя называются государствами. Ихъ правители и охранители, отправившись отсюда (съ неба), возвращаются сюда же¹⁾.

Ясно, что для того, чтобы принять это ученіе, необходимо признать безсмертіе души. Поэтому Цицеронъ долженъ былъ постараться доказать это. При этомъ должно замѣтить, что онъ признаетъ души не бессмертными, а вѣчными, слѣдуя въ этомъ отношеніи Платону, и считая ихъ частичками божественной субстанціи, разлитой въ небесныхъ тѣлахъ. Свое мнѣніе о вѣчности души Цицеронъ доказываетъ слѣдующимъ, должно сознаться, довольно уничиженнымъ способомъ, опираясь на то, что душа по отношенію къ тѣлу играетъ ту-же роль, какую Богъ занимаетъ относительно міра: она живетъ, чувствуетъ, мыслитъ, предвидитъ, управляетъ тѣломъ и приводитъ въ движеніе его, подобно тому, какъ Богъ сообщаетъ движеніе міру; поэтому человекъ по своей внутренней природѣ можетъ быть названъ божествомъ, а слѣдовательно, какъ Богъ вѣченъ, такъ же вѣчною должна быть признана и душа человека²⁾. Но это еще требуетъ разъясненія, и Цицеронъ даетъ новое подтвержденіе своему ученію, представляя духъ человѣческой, какъ нечто первоначальное, не имѣющее себѣ причины: душа приводитъ въ движеніе тѣло, сама не нуждаясь въ дѣйствіи внѣшнихъ причинъ для своего движенія, „движется вслѣдствіе своего собственного внутренняго движенія“³⁾; а то, что движется само по себѣ и приводитъ въ движеніе другія существа, никогда не перестаетъ двигаться, такъ какъ никогда не оставляетъ себя, и, слѣдовательно, никогда не начинаетъ и не перестаетъ существовать; иначе послѣдовало бы прекращеніе движенія во всей природѣ, вслѣдствіе уничтоженія его первоначальной причини⁴⁾. И такъ, душа, какъ субстанція, въ себѣ заключающая причину собственнаго движенія и дающая движеніе тѣлу, должна быть признана вѣчною, то-есть, не имѣющей ни начала, ни конца существованія⁵⁾. Понятно, что такой выводъ бессмертія души возможенъ только при пантеистическомъ воззрѣніи на нее, какъ на частицу божества.

¹⁾ De rep. VI, 18, (ed. Klotz).

²⁾ De rep. VI, 24 (ed. Klotz).

³⁾ De rep. VI, 26, (ed. Klotz).

⁴⁾ De rep. VI, 25 (ed. Klotz).

⁵⁾ De rep. VI, 26 (ed. Klotz).

Раздѣляя мнѣніе Платона о безсмертіи душъ, Цицеронъ не признаетъ вслѣдъ за нимъ переселенія ихъ. По Платону каждая душа послѣ 1000 лѣтъ страданія или блаженства возвращается на землю въ томъ видѣ, какой сама избрала ¹⁾. Цицеронъ, повидимому, признаетъ лишь одно земное существованіе, продолжительность котораго опредѣлена Богомъ, сократить которое произвольно никто не въ правѣ. Онъ смотритъ на земную жизнь, какъ на испытаніе, отъ котораго никто не можетъ отказаться ²⁾. Единственно, что могутъ и должны дѣлать люди при жизни, это—стараться облегчить себѣ доступъ на небо по смерти ³⁾. Что касается состоянія души по кончинѣ, то оно различно для душъ людей добродѣтельныхъ и порочныхъ: души порочныхъ, преданныхъ страстямъ, посвящающихъ свою жизнь служенію удовольствіямъ, достигаютъ блаженнаго состоянія лишь послѣ долгаго скитанія надъ землею ⁴⁾, тогда какъ души добродѣтельныхъ возносятся на небо непосредственно по смерти. При этомъ высшая обязанность добродѣтели — забота о государствѣ ⁵⁾.

Разказомъ о слѣ Сципіона заканчивается сочиненіе Цицерона «О государствѣ».

Мы не разъ уже говорили, что произведеніе Цицерона не имѣетъ ни новизны и оригинальности взглядовъ, которыя мы видимъ у Платона, ни обширности ученаго изслѣдованія, какая поражаетъ насъ въ Аристотелѣ; оно не только мало новаго вноситъ для разрѣшенія политическихъ проблемъ, но зачастую, въ виду оправданія римской старины, доходитъ до отрицанія признанныхъ всѣми законовъ естественнаго развитія государства. Это бесспорно ставитъ его въ научномъ отношеніи ниже трудовъ греческихъ философовъ, предшественниковъ Цицерона. Но за то оно имѣетъ и свое достоинство, котораго почти нѣтъ въ трудѣ Аристотеля и которое лишь въ слабой степени принадлежитъ произведенію Платона. Это — ярко проглядывающая въ немъ любовь Цицерона къ родинѣ, желаніе помочь ей въ

¹⁾ Plat. Polittica, X, 615 sqq.

²⁾ De rep. VI, 15 (ed. Klots).

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ De rep. VI, 26. Подобнымъ образомъ у Платона въ Федонѣ: Ἡ τοιαύτη φύξις καὶ τὰ μνηστὲς τὰ καὶ τοὺς τέρους κολύβοιεντι и т. д. Въ разказѣ объ Врѣ Памоніидѣ, какъ мы видѣли, души послѣ 1000 лѣтъ страданія или блаженства возвращаются на землю.

⁵⁾ De rep., Ibidem.

трудную пору, отдалить отъ нея страшную минуту переворота, который онъ предчувствовалъ.

О степени искренности патриотизма Цицерона мы и должны сказать нѣсколько словъ. прежде чѣмъ расставимся съ его сочиненіемъ, въ виду замѣчаемаго на первый взглядъ несоотвѣстiя политическихъ убѣжденiй Цицерона, какъ они выразились въ *De republica*, съ нѣкоторыми фактами въ его практической дѣятельности на государственномъ поприщѣ.

Дѣйствительно, если мы обратимся въ эпохѣ, непосредственно слѣдующей за возвращеніемъ Цицерона изъ изгнанiя, эпохѣ, къ которой относится и его сочиненіе „О государствѣ“, то мы будемъ несправедливо поражены отношенiями Цицерона, на котораго мы привыкли смотрѣть, какъ на вѣстаго республиканца, къ тремъ виднымъ дѣятелямъ того времени. Мы увидимъ, что, вскорѣ послѣ возвращенiя изъ изгнанiя, Цицеронъ добивается назначенiя Помпея сугатою апповае на пять лѣтъ, хлопочеть о дарованiи ему чрезвычайной власти и неограниченнаго кредита въ государственномъ управленiи; немного спустя, по предложенiю Цицерона, за успѣхи оружія Цезаря въ Галліи назначается общественное молебствіе ¹⁾, а въ слѣдующемъ году онъ выхлопачиваетъ въ сенатѣ жалованье войску Цезаря и право этому полководцу имѣть десять легатовъ ²⁾; благодаря своему краснорѣчію, Цицеронъ не разъ склоняетъ большинство сенаторовъ на сторону триумвировъ и такимъ образомъ способствуетъ нѣкоторой легализаціи ихъ власти ³⁾; наконецъ, по желанiю Помпея, онъ мирится, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ, съ своимъ личнымъ врагомъ Брассомъ ⁴⁾, беретъ на себя защиту Габинія ⁵⁾, котораго прежде самъ называлъ „разрушителемъ государства, предателемъ римскаго достоинства“ ⁶⁾, торгашемъ провинціями ⁷⁾.

Безъ сомнѣнiя, это время темнымъ пятномъ лежитъ на политической дѣятельности Цицерона. Но имѣемъ ли мы право, на основанiи приведенныхъ и могущихъ быть указанными еще въ большемъ

¹⁾ *De prov. cons.* XI, 26.

²⁾ *Ibidem.*

³⁾ *Boissier, Cic. et ses amis*, p. 232.

⁴⁾ *Ad fam.* I, 9.

⁵⁾ *Pro Rab. Postum.* VI, 19.

⁶⁾ *Pro Sext.* VII, 15.

⁷⁾ *Post. red. in sen.* IV, 10.

количествѣ фактовъ, утверждать, что Цицеронъ въ эту пору былъ преданъ дѣлу триумвировъ, желалъ въ своихъ личныхъ интересахъ установленія новаго порядка вещей? Мы рѣшаемся отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Правда, самъ Цицеронъ высказываетъ подобную мысль въ одномъ письмѣ къ Аттику, говоря: „Оставимъ въ сторонѣ честь, справедливость и прекрасныя нравственныя истины! Такъ какъ тѣ, у которыхъ нѣтъ силы, не хотятъ насъ любить, постараемся заставить любить себя тѣхъ, у которыхъ въ рукахъ сосредоточено все могущество“¹⁾; но горькая иронія надъ самимъ собою и надъ окружающимъ проглядываетъ въ этихъ словахъ и возбуждаетъ въ душѣ читателя не презрѣніе, а состраданіе къ несчастіямъ, которыя должны были вынести Цицеронъ, чтобы рѣшиться такъ жестоко надѣяться надъ самимъ собою.

Мы видимъ изъ другихъ писемъ Цицерона и его дѣяній, какія нравственныя муки выносилъ онъ, какой внутренній разладъ съ самимъ собою терзалъ его въ эту пору: онъ то старается оправдать себя въ своихъ глазахъ и глазахъ согражданъ, говоря, что увѣренъ въ пользѣ для республики власти триумвировъ и съ полнымъ сознаниемъ правоты отказывается отъ прежнихъ убѣжденій²⁾, то жалуется на судьбу, поставившую его въ безысходное положеніе³⁾, то, наконецъ, выведенный изъ себя нравственными страданіями, страхируется на минуту поворное нго и раздражается рѣзкими протестами противъ триумвировъ, нападая на ихъ друзей и защищая враговъ⁴⁾.

Въ виду этихъ примѣровъ, указывающихъ на душевное состояніе Цицерона въ періодъ сближенія его съ триумвирами, въ виду, наконецъ, характера его предъидущей и послѣдующей дѣятельности, мы, считаемъ несправедливыми слишкомъ рѣзкія нападки на него: недостатокъ твердости характера, желаніе найти поддержку противъ сильныхъ противниковъ, симпатіи къ Помпею⁵⁾, но крайней мѣрѣ, по вѣнжности державшему сторону сената, и, можетъ быть, неполное пониманіе его политики, наконецъ, примѣръ большинства сенаторовъ—вотъ, по нашему мнѣнію, истинныя причины непостоянства,

¹⁾ Ad Att. IV, 5.

²⁾ Ep. ad Lent., ad fam. I, 9, 21.

³⁾ Ad Att. IV, 6.

⁴⁾ Boissier, p. 232.

⁵⁾ См. примѣръ ad Att. VIII, 15, 2.

замѣчаемаго въ политическомъ поведеніи Цицерона въ эпоху перваго триумвирата.

Эта эпоха была поворотнымъ моментомъ въ его дѣятельности. Со времени разрыва Помпея съ Цезаремъ, когда рѣзко обозначились монархическія стремленія послѣдняго, Цицеронъ, послѣ нѣкотораго колебанія ¹⁾, рѣшительно становится на сторону сената и республиканскаго строя ²⁾ и неуклонно держится этого направленія до конца жизни.

Въ виду этого мы рѣшаемся положительно утверждать, что *De republica* есть искреннее выраженіе того, что Цицеронъ считалъ необходимымъ для государства, и вызвано желаніемъ помочь отечеству избѣжать страшной опасности, приближеніе которой онъ чувствовалъ. Скажемъ даже болѣе, направленіе этого сочиненія, сожалѣніе о прошедшемъ, стремленіе возратить его, не только не находится въ противорѣчій съ характеромъ политической дѣятельности Цицерона, но рѣшительно объясняется ею. Цицеронъ—человѣкъ, котораго судьба помѣстила въ эпоху великой борьбы, въ эпоху столкновенія различныхъ элементовъ государства, подвергавшагося броженію, въ эпоху перехода государства въ новую фазу существованія, не надѣливъ его тѣми свойствами, которыми необходимо обладать, чтобы имѣть успѣхъ въ революціонное время. Мы видѣли, какъ дорого приходилось расплачиваться Цицерону за это несоотвѣстствіе его природы съ временемъ, въ которое онъ жилъ. Отсюда особенно понятно, почему онъ, говоря о наилучшемъ государственномъ строѣ, старался отвратить свои взоры отъ тяготившаго его настоящаго, перенестись въ далекое прошлое, когда можно было сочетать высшія, но его мнѣнію, блага въ жизни, свободу, достоинство и досугъ.

¹⁾ См. напр. *ep. ad Mariam* (*ad fam.* VII, 3, 2).

²⁾ Цезарь старался привлечь Цицерона на свою сторону или, по крайней мѣрѣ, убѣдить его не принимать участія въ борьбѣ (*ad. Att.* X, 8).

С. Вѣховъ.

Въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ Ж. Мин. Нар. Пр., въ статьѣ: Сочиненіе Цицерона „О государствѣ“, вкрались слѣдующія опечатки:

<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
Стран. 423, стр. 13—14: отголоскомъ мнѣній нуженъ былъ человѣкъ,	выразителемъ мнѣній человѣка,
» 423, стр. 7 снизу: consensus	consensus
» 431, прим. 10, стр. 1: болѣе совершенное	совершенно нное
» 445, стр. 20: неосуществимая въ небольшомъ государствѣ	неосуществимая или осуществимая хотя отчасти только въ не большомъ государствѣ
» 459, стр. 1: варваровъ,	народовъ,
» 459, » 8—9: процессовъ. Естественно	процессовъ доказываютъ это. Естественно
» 468, » 1: историческомъ	теоретическомъ
» 480, » 21—22: исторіи тѣхъ взглядовъ	исторіи, тѣ взгляды
» 508, » 10: С. Кассіемъ,	Сп. Кассіемъ,
» 511, » 8: денатуръ,	претуръ
» 530, 11—12 снизу: ни для союзниковъ, ни для богатыхъ	не для союзниковъ,..... но для богатыхъ
» 548, прим. 2: De off.	De off. I, 34, 122.
» 553, стр. 20: какихъ добродѣтелей	какихъ еще добродѣтелей

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ урчаженіями въ разборѣ устнымъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій*.

Изданіе восьмое, дополненное согласно послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія.

СЪ РИСУНКАМИ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 25 коп.

Складъ изданія: въ С.-Петербургѣ, книжный магазинъ *Фену и К^о*.

„СОЛЫШКО“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками. Составилъ *А. РАДОНЕЖСКІЙ*. Изданіе съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и вѣкласснаго чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

Съ требованіями просить обращаться: въ Москвѣ, въ книжный магазинъ наслѣдниковъ Салаевыхъ. Въ С.-Петербургѣ, — въ книжный магазинъ *Фену и К^о*.

Адресъ издателя: Швалерная ул., д. № 6, кв. 9.

О ПОДПИСКѢ НА 1882 ГОДЪ
НА
„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ“
БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
СЪ РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Съ 1-го января 1881 г. журналъ „Всемирная Иллюстрація“ начнетъ XIV годъ (то-есть томы XXVII и XXVIII) своего существованія. Извѣстность, приобретенная этимъ журналомъ избавляетъ насъ отъ труда подробно распространяться о его достоинствахъ. Онъ будетъ выходить такъ-же аккуратно, какъ и въ прошлые годы, еженедѣльно (то-есть 52 номера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большаго двойнаго листа самой лучшей бумаги, и каждый номеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

По случаю предстоящей въ 1882 г. Коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ, особенное вниманіе Редакціи будетъ обращено на изготовленіе цѣлой серіи рисунковъ, относящихся къ этому высокаторжественному празднеству.

Кромѣ того ко „Всемирной Иллюстраціи“ 1882 г. будетъ приложенъ бесплатно отдѣльный роскошный „Альбомъ Всероссийской Промышленно-Художественной выставки“, имѣющей состояться въ будущемъ году въ Москвѣ. Въ альбомѣ этомъ будетъ заключаться множество рисунковъ, съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ замѣчательныхъ произведеній выставки.

Цѣна годовому изданію „Всемирной Иллюстраціи“ на 1882 г.

Безъ дост. въ С.-Петербургѣ	13 р.	— к.
Безъ доставки въ Москвѣ.	14 „	— „
Съ дост. въ С.-Петербургѣ	14 „	50 „
Съ перес. въ другіе города	16 „	— „

·ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ·

представляет политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологію, промышленность, морское и военное искусства, и пр. и пр., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ **ВЪ КАРТИНАХЪ.**

Главная задача „Всемирной Иллюстраціи“—изображеніе, въ картинахъ и текстѣ, современныхъ событій во всѣхъ сферахъ политической и общественной жизни.

Каждый годъ **·ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ·** представляет собою

ДВА РОСКОШНЫЕ АЛЬБОМА

каждый до 500 печатныхъ страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

·ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ·

изъ англ. каленкора, съ золотымъ тиснен. по рис. художника К. Врожа. Цѣна покрышки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к., съ пер. 2 Р. 50 к.

Цѣна первыхъ 24 томовъ **·Всемирной Иллюстраціи·**

1869 г. (томы I и II) 10 руб. безъ перес.; въ англ. каленкоровомъ перепл. 14 р. 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), и 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X)—по 8 р. безъ пересылки) каждый годъ. Въ англ., тисненн. золотомъ, переплетахъ, каждый годъ стоитъ по 12 р. безъ пересылки. 1874 (т. XI и XII), 1875 (т. XIII и XIV), 1876 (т. XV и XVI), 1877 г. (т. XVII и XVIII) (безъ приложений), 1878 г. (т. XIX и XX) (безъ приложений), 1879 г. (т. XXI и XXII) и 1880 г. (т. XXIII и XIV) — по 9 р. безъ перес., кажд. годъ. Въ переплетахъ безъ перес. по 13 р.

На пересылку каждого года слѣдуетъ прилагать 3 р. с. Главная контора Редакціи „Всемирной Иллюстраціи“ въ С.-Петербургѣ, Больш. Садовая ул., № 16.

Для удобства своихъ подписчиковъ, Контора Германа Гоппе принимаетъ подлинку и на всѣ русскіе и иностранныя журналы и газеты.

О подпискѣ на 1882 годъ

НА

„ОГОНЕКЪ“, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Политики, Литературы, Общественной жизни, Наукъ и
Искусствъ.

52 номера въ годъ.

ПРОГРАММА „ОГОНЬКА“:

1. Еженедѣльный политическій обзоръ.
2. Романы, новѣсти, рассказы, стихотворенія, драматическія произведенія, юмористическіе очерки, оригинальные и переводы. (съ рисунками къ нимъ).
3. Историческіе очерки, бытовые картины изъ жизни древнихъ народовъ (съ рисунками къ нимъ).
4. Записки, мемуары, жизнеописанія великихъ людей и общественныхъ дѣятелей (съ портретами).
5. Систематическій обзоръ (съ рисунками, по надобности) замѣчательныхъ явленій въ области всѣхъ наукъ: Естествознанія, Археологіи, Географіи, Медицины, Механики и т. д., и искусствъ: Скульптуры, Живописи, Архитектуры, Музыки и т. д. Библиографія и замѣчательные процессы (безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній).
6. Хроника общественной жизни.
7. Хроника наукъ, искусствъ и литературы.
8. Слѣсь, анекдоты, афоризмы, загадки, шахматы, шашки и проч.
9. Почтовый ящикъ; отвѣты редакціи.
10. Тиражи выигршей 1-го и 2-го внутреннахъ займовъ.
11. Частныя объявленія.

Громадный успѣхъ „ОГОНЬКА“ въ первые три года изданія, дѣлаетъ лишними всякія пышныя общація. Успѣху этому „ОГОНЕКЪ“ обязанъ: 1) Объемомъ своимъ онъ равенъ большому

литературнымъ журналамъ, но дешевле ихъ четверо. 2) Въ немъ принимаютъ участіе лучшія литературныя и художественныя силы.

Въ «ОГОНЬКѢ» 1881 года были помѣщены произведенія, между прочимъ слѣдующихъ писателей: В. Г. Аветикова, В. Кернесскаго (псевд.), Г. Анципа, А. М. Майкова, А. Н. Островскаго, А. А. Потѣхина, Гр. Е. А. Салиаса, Н. Н. Случевскаго, и др.

Въ 1882 г. будутъ помѣщены въ первыхъ номерахъ слѣдующія произведенія: «Проклялись», комедія въ 4-хъ дѣйств. Н. Соловьева, «Графъ Морцъ Саксонскій», ист. ром. въ 5-ти част. Н. Муколыкина. «Редственный визитъ», повѣсть Н. Морскаго и произведенія другихъ извѣстныхъ писателей: гр. Салиаса, А. Майкова, К. Половскаго.

Въ 1882 году, при доволенной программѣ, въ «ОГОНЬКѢ» будутъ помѣщаться также еженедѣльные политическіе обзоры, хроника общественной жизни, шахматныя, шашечныя и другія задачи, загадки и проч. и проч.

 Къ журналу „Огонекъ“ 1882 г. будутъ приложены, бесплатно:
 Двѣ большія, роскошныя олеографическія преміи:

1) **ПОРТРЕТЪ ІМПАТОРСКАГО ВѢЛИЧЕСТВА ГОСУДАРНИИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ** (въ pendant къ портрету Государя Императора Александра III, данному, какъ премія, въ 1881 году).

2) **„ИТРЪ ВЪЛННІЯ ДОПРАШИВАЕТЪ ЦАРИЦА АЛІАСЪ ВЪ ПУТЯХЪ“**, картина профессора Га.

 Преміи эти, во избѣжаніе порчи ихъ въ дорогѣ, будутъ разосланы гг. подписчикамъ въ прочной картонной трубкѣ.

Годовая цѣна „Огонья“ съ преміями: безъ доставки 4 р., съ дост. въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россіи 6 руб.

Подписка принимается въ конторѣ издателя журнала „ОГОНЕКЪ“, Германа Гоппе, въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая улица, д. Коровина, № 16.

О ПОДПИСКѢ НА 1882 ГОДЪ НА
„МОДНЫЙ СВѢТЪ“,
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ.

(Самый полный и дешевый модный и семейный иллюстриро-
ванный журналъ въ Россіи).

Съ 1-го января 1882 года „Модный СВѢТЪ“ начнетъ XV
годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со
стороны издателя заботливостію о наружныхъ и внутреннихъ его
достоинствахъ.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ въ 1882 году будетъ выходить также.

ВЪ ТРЕХЪ ИЗДАНИЯХЪ

~~Въ~~ въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, съ 24-мя экстрен-
ными приложениями новѣйшихъ парижскихъ модъ ~~и~~
и будетъ заключать въ себя въ теченіе года:

Болѣе 3,000 рисунковъ модныхъ платьевъ, костюмовъ, пардессю,
пальто, рукодѣлій и проч., въ текстѣ.

Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки
бѣлыя мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

Раскраш. рисунки канвов., тамбурн. и друг. работъ. Рисунки
въ русск. вкусѣ.

Болѣе 300 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.

24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину.

24 (или 12 для I изданія) модныхъ раскрашен. парижскихъ карти-
нокъ для II изданія, исполненныя лучшими иностран. художниками.

36 раскрашенныхъ модныхъ парижскихъ картинъ, исполнен-
ныхъ лучшими иностран. художниками, для III изданія.

Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.

Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго вре-
мени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы
и проч.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетоны, стихотворенія,
анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

„Хороші тогъ“ или совѣты и указанія на всѣ случаи общественной жизни женщины.

Разныя отдѣльныя безплатныя приложения и „Почтовый ящикъ“ съ самыми разнообразными и полезными совѣтами.

 Кромѣ разныхъ отдѣльныхъ приложенийъ, къ „Модному Свѣту“ 1882 года будутъ приложены, безплатно,

ИЗЯЩНАЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРЕМИЯ, КАРТИНА:

„ВЕНЕЦІАНКА“

Премія эта, по своему художественному исполненію, могутъ служить украшеніемъ всякой гостиной и будутъ разсланы гг. подписчикамъ въ прочной упаковкѣ, во избѣжаніе порчи въ дорогѣ.

Цѣна годовому изданію «МОДНАГО СВѢТА» на 1882 г.:

I изданію, съ 12 раскрашен. парижск. картинками и со всѣми приложениями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—4 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—5 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 6 р. 50 коп.

II изданію, съ 24 раскрашен. парижск. картинками и со всѣми приложениями: въ С.-Петербургѣ безъ достав.—5 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 7 руб. 50 коп.

III изданію, съ 36 раскрашен. парижск. картинками и со всѣми приложениями: въ С.-Петербургѣ безъ достав.—7 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—8 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 9 р. 50 коп.

Главная контора Редакціи „Моднаго Свѣта“ находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина, № 16.

Съ 1882 года Редакція „Моднаго Свѣта“ открыла, для своихъ годовыхъ подписчиковъ конкурсъ на дамскія ручныя работы, съ десятию денежными преміями суммою на 500 рублей. Подробности смотрите въ №№ „Мод. Св.“ 1880 года.

Въ магазинахъ Н. ФЕНУ и К^о (въ Петербургѣ) и Н. КАРБАСНИКОВА (въ Москвѣ, Моховая, д. Коха) продаются слѣдующія

НОВЫЯ КНИГИ:

1) Н. МИХАЙЛОВЪ. Краткая Отечественная Географія съ 19 картами и 4 главами важнѣйшихъ городовъ въ текстѣ и съ приложеніемъ большой карты Европейской Россіи въ концѣ книги. Ц. 60 коп. Руководство для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, для городскихъ училищъ и другихъ вышнихъ школъ.

2) Н. БУНАКОВЪ. Двадцать большихъ стѣнныхъ таблицъ для обученія грамотѣ безъ книгъ. Классное пособие для народныхъ школъ, содержащее матеріалъ для чтенія и письма съ постепенно возрастающимъ числомъ буквъ и для начальныхъ упражненій въ правописаніи. Ц. 5 р.

3) Н. БУНАКОВЪ. Русская подвижная школа: а) Значеніе и программа подвижной школы съ указаніемъ пособій. б) Руководство для учителя къ стѣннымъ таблицамъ «Обученіе грамотѣ безъ книгъ», вновь составленнымъ Н. Бунаковымъ. в) Подробное распределеніе занятій подвижной школы по всемъ предметамъ обученія. Ц. 40 коп.

4) Н. БУНАКОВЪ. «Азбука и уроки чтенія и письма». Новое изданіе, совершенно переработанное, слабшенное большимъ количествомъ рисунковъ, оригиналами для рисованія по клеткамъ, прописями и разнообразнымъ матеріаломъ для самостоятельныхъ работъ. Ц. 25 к.

5) Н. БУНАКОВЪ. «Перевѣка», книжка для чтенія послѣ азбуки, съ большимъ количествомъ картинокъ и разнообразнымъ матеріаломъ для самостоятельныхъ работъ. Ц. 15 к.

6) Н. БУНАКОВЪ. Обученіе грамотѣ по звуковому способу, въ связи съ предметными уроками и съ начальными упражненіями въ родномъ языкѣ и правописаніи. Руководство для учителя, приспособленное къ новому изданію «Азбуки» и къ «Книжкѣ-Перевѣкѣ». 10-е изданіе. Ц. 25 к.

7) Н. БУНАКОВЪ. «Въ школѣ и Дома». 1-й и 2-й кругъ. Новое изданіе, совершенно переработанное и слабшенное большимъ количествомъ рисунковъ. Курсъ втораго года обученія въ народной школѣ. Ц. 35 к.

Въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ отпечатано роскошное всеароное изданіе подъ заглавіемъ: „Вѣчная память въ Бозѣ почившему Государю, Царю Освободителю Александру II, съ портретомъ покойнаго Императора, исполненнымъ по послѣдней фотографіи придворныхъ фотографовъ Левяцкаго и сына въ С.-Петербургѣ — художникомъ гравиромъ Н. И. Матюшкинымъ и съ роскошной вивьеткой, вокругъ портрета, изображающей сословія Россіи, колящіяся за Царя Благодѣтеля и украшенной царскими регаліями и эмблемами съ девизомъ: „съ нами Богъ“. Вивьетка эта исполнена придворнымъ Его Императорскаго Величества, художникомъ профессоромъ А. О. Шарлемань. Подъ портретомъ текстъ. Изданіе это допущено въ начальныя народныя училища министерствомъ народнаго просвѣщенія. Согласно обнародованному въ номерѣ 78 „Правительственнаго Вѣстника“ объявленію, главный складъ этого изданія, желая дать возможность всѣмъ вѣрнопопданнымъ сохранить дорогую для нихъ память о царь-мученикѣ, назначилъ, съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи, по шести копѣекъ за экземпляръ, при чемъ можно выписывать не менѣе ста экземпляровъ, которые высылаются цѣнной, застрахованной по почтѣ посылкой и, такимъ образомъ не раскуютъ подвергнуться портѣ или уtratѣ. Безденежныя требованія, откуда бы онѣ не поступали, ни въ какомъ случаѣ не удовлетворяются, равно какъ и требованія менѣе ста экземпляровъ.

Часть выручки отъ продажи этого изданія предназначена на Памятникъ покойному Императору, другая часть на дѣло благотворенія. Съ требованіями слѣдуетъ обращаться, со вложеніемъ по шести руб. за каждую сотню экземпляровъ по слѣдующему адресу: Забудущему главному складомъ всенароднаго изданія въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II, А. фонъ Беземану, по Фонтанкѣ № 125, кв. № 15, въ С.-Петербургѣ.

1-го НОЯБРЯ вышла и разослана подписчикамъ XI-я,
НОЯБРЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. О ориентъ подписки на „Русскую Старину“ изд. 1882 г. [тринадцатый годъ изданія].—II. Главныя черты моей жизни. Записки генераль-адъютанта, Павла Алексѣевича Тучкова, (рох. 1808 г. † 1864 г.).—III. Русское общество при восшествіи на престолъ Николая Павловича, донесенія М. М. Фока—А. X. Бенкендорфу, 1828 г. (Окончаніе).—IV. Война Россіи съ Турціей въ 1828—1829 гг.: переписка императора Николая съ гр. Дибичемъ, 1829 г. май—іюль.—V. Иммануилъ Борисовъ, архіепископъ Херсонскій и Таврическій, въ письмахъ къ наставнику и руководителю его въ дѣтствѣ, священнику Вас. Климентову, 1822—1855 гг. Сообщ. В. А. Конодаковъ.—VI. Записки декабриста Николая Александровича Бестужева, 1800—1871 гг.: Главы I—XXIV: Въ Читѣ и въ Петровскѣ.—Наши учителя и руководители.—Друзья и союзники.—Техническіе, научные и литературные труды братьевъ Бестужевыхъ.—Воспоминаніе о Рылѣевѣ—Селевгинскѣ и его обитатели.—Жизнь на поселеніи.—Смерть Николая Бестужева, 1800—1855 гг.—VII. Императоръ Александръ I и его время: 1. Объ отиженіи жестокостей въ обращеніи съ солдатами, 1804 г.—2. Сперанскій.—3. Война 1812 г.: кн. Яшвилъ.—кн. Кутузовъ.—гр. Аракчеевъ.—4. Донесенія высшей полиціи о состояніи умовъ.—VIII. Библиографическій листокъ.

Приложенія: I. Записки воспитателя великаго князя Павла Петровича, Семѣя Андреевича Перошова, 1764—1766 гг.—II. Портретъ профессора С.-Петербургской духовной академіи, писателя по вопросамъ о духовенствѣ, Дмитрія Ивановича Рєстиславова [† 1877 г.]. Гравировалъ художникъ Г. И. Грачевъ, ученикъ академика Сѣрлякова.

(Продолженіе Записокъ о духовенствѣ, соч. ДМ. ИВ. РОСТИСЛАВОВА будетъ помѣщено въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г.).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882-Й ГОДЪ:

„Русская Старина“—будетъ выходить въ будущемъ 1882-мъ году (тринадцатый годъ изданія)—ежемесячно, каждое первое число. Цѣна за двѣнадцать книгъ, четыре тома, съ гравированными портретами, съ пересылкою—ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая, д. Вагнера, № 12, возлѣ Публичной бібліотеки, въ книж-

номъ магазинѣ Мамонтова. Въ Москвѣ — на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова, въ магазинѣ Мамонтова.

Гг. иногородные обращаются исключительно въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „РУССКАЯ СТАРИНА“, на Большую Подъяческую, домъ № 7.

Въ редакціи и ея конторахъ можно получить: „Русскую Старину“ изданія 1870 г. (третье изданіе), 1876 г. (второе изданіе), 1877 г., 1878 г., 1879 г.; 1880 г. (второе изданіе), а также можно получить изд. 1881 года съ двѣнадцать книгъ — съ портретами достопамятныхъ русскихъ дѣтелей.

Цѣна каждаго изъ этихъ годовъ восемь руб. съ пересылкою.

Подписавшіеся на „Русскую Старину“ 1882 г. по 1-ое ноября текущаго года могутъ получить: — „Альбомъ русскихъ дѣтелей въ портретахъ, гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковичемъ“ — съ біографическими о нихъ свѣдѣніями. — Цѣна альбома для подписчиковъ „Русской Старины“ одинъ рубль.

Изд.-ред. „Русской Старины“ М. И. Семевскій.

ОТДѢЛЪ КЛАСИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

**Сочиненіе Цицерона „О государствахъ“ (De
republica). (Окончаніе). С. Вихова.**

Редакторъ Е. Осетрискогъ.

(Вышла 1-го ноября).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогичи и наукъ, критики и библиографичи, и современную летопись учебнаго дѣла у насъ и заграницей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ. съ пересылкою въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала—по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДЕКАВРЬ.

1881.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХУІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАНШЕВА.

Билетная таблица, между Восточ. и Маринскими частями. Л. № 90-1.

1881.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Большая Коммиссія А. Г. БРИКВЕРА.

Риторическіе этюды Н. ЛУЦЬКА.

Нѣсколько словъ о сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ. Н. БОЛГАНА-ДЕ КУР-ТЕНЕ.

Критика и библиографія:

Космологія (общепонятное назочевіе) *А. Д. Путьны.*
Часть I. Системы міра. Книга 1-я: геометрическія и динамическія отношенія небесныхъ тѣлъ. А. Н. САВЧУ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 29-й.

О двухъ греческихъ путешественникахъ XV и XVIII вѣковъ Г. ДАСТУНЦА.

Pismowstwo a spisowarje delno lužiskih Serbow wot (1542) 1574—1890. Zeběrná *K. A. Iěně.* В. БАЧАВОВСКАГО.

Митрополитъ Давидъ и его сочиненія. Исслѣдованіе *Василія Жмакина.* В. БАЧАВОВСКАГО.

Преподаваніе закона Божія въ германскихъ школахъ С. ЛЮБИМОВА.

Годичное засѣданіе Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при Московскомъ университетѣ.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: высшія учебныя заведенія.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССКVIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВЛАШУВА.

Емператорскій каналъ, между Вознесенскихъ и Маринскихъ мостовъ, д. № 90—1.

1881.

Средна Партгесна, д. № 7.
2298.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШАЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

9. (29-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи въ гор. Поневѣжѣ, Ковенской губерніи, шестикласснаго реальнаго училища.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ городѣ Поневѣжѣ, Ковенской губерніи, шестикласснаго реальнаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣть исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія, объ учрежденіи въ городѣ Поневѣжѣ, Ковенской губерніи, шестикласснаго реальнаго училища, мнѣніемъ положилъ:

1) Предоставить министру народнаго просвѣщенія открыть въ городѣ Поневѣжѣ, съ 1-го іюля 1882 года, шестиклассное реальное, однимъ основаніемъ отдѣленіемъ, училище, съ тѣмъ, чтобы въ 12 году были открыты два низшіе класса сего училища и, затѣмъ, бавлялось каждый годъ по одному слѣдующему классу.

2) На содержаніе упомянутаго училища вносить въ подлежащіе финансовыя свѣты министерства народнаго просвѣщенія слѣдующія

суммы: въ 1882 году — 5285 р.; въ 1883 году — 11630 р.; въ 1884 году — 13750 р.; въ 1885 году — 16907 р. 50 к.; въ 1886 году — 20502 р. 50 к. и начиная съ 1887 года — по двадцати двѣ тысячи рублей ежегодно. При этомъ въ доходныя смѣты названнаго министерства вносить пособіемъ государственному казначейству, на содержаніе того же училища, по 1,000 р. въ годъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго на это училище мѣстнымъ дворянствомъ;

и 3) Могущіе образоваться отъ штатныхъ суммъ Поневѣжскаго реальнаго училища остатки раздѣлять на двѣ части: одну, пропорциональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую — оставлять въ распоряженіи училища.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

10. (22-го сентября 1881 г.). О преобразованіи Нарвской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Нарвской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, о преобразованіи Нарвской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію, мнѣніемъ положилъ:

1) Существующую въ городѣ Нарвѣ шестиклассную мужскую прогимназію, съ начала учебнаго 1881—1882 года, преобразовать въ полную гимназію.

2) Въ дополненіе къ имѣющимся въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія пожертвованнымъ суммамъ на содержаніе VII и VIII классовъ этой гимназіи въ 1881 и 1882 годахъ отпустить изъ казны въ текущемъ году, на счетъ остатковъ по дѣйствующей смѣтѣ названнаго министерства, одну тысячу четырехста восемьдесятъ

рублей и внести въ смѣту того же министерства на 1882 годъ три тысячи восемьсотъ тридцать рублей.

3) Начиная съ 1883 года, вносить въ расходныя смѣты министерства народнаго просвѣщенія на содержаніе Нарвской гимназіи по двадцати шести тысячъ семисотъ рублей ежегодно, показывая по доходнымъ смѣтамъ того же министерства пособіемъ государственному казначейству на содержаніе упомянутой гимназіи: а) по 4,000 руб. въ годъ, жертвуемыхъ на этотъ предметъ мѣстнымъ городскимъ обществомъ; б) по 615 руб. въ годъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго почетнымъ попечителемъ гимназіи Ганомъ, и в) по 600 руб. въ годъ изъ специальныхъ средствъ гимназіи, собственно на вознагражденіе законоучителей иновѣрныхъ исповѣданій;

и 4) Могущіе быть отъ штатныхъ суммъ Нарвской гимназіи остатки раздѣлять на двѣ части: одну, пропорціональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую — оставлять въ распоряженіи мѣстнаго городского общества и гимназіи, для употребленія на нужды сего заведенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателя и членами.

11. (22-го сентября 1881 г.). О преобразованіи Ростовской на Дону четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ.

Его Императорское Величество воспользовавшееся мнѣніемъ въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Ростовской на Дону четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ, Высочайше утвердить соизволило и повелѣло исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, о преобразованіи Ростовской на Дону четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ, мнѣніемъ положи:

1) Существующую въ городѣ Ростовѣ на Дону четырехклассную

мужскую гимназію, съ начала учебнаго 1881—1882 года, преобразовать въ шестиклассный составъ.

2) Въ дополнение къ имѣющимся въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія пожертвованнымъ суммамъ на содержаніе V и VI классовъ этой гимназіи въ 1881 и 1882 годахъ отпустить изъ казны, по смѣтѣ названнаго министерства на 1882 годъ, одну тысячу сто два рубля пятьдесятъ копѣекъ.

3) Начиная съ 1883 года, вносить въ смѣты министерства народнаго просвѣщенія полную сумму, потребную на содержаніе всѣхъ шести классовъ упомянутой гимназіи, именно по двадцати три тысячи пятисотъ восьмидесяти пяти рублей ежегодно, а жертвуемые мѣстнымъ городскимъ обществомъ 3,000 руб. въ годъ поазывать, по доходнымъ смѣтамъ того же министерства, пособіемъ государственному казначейству на содержаніе гимназіи.

4) Могущіе быть остатки отъ штатныхъ суммъ Ростовской на Дону гимназіи раздѣлять на двѣ части: одну, пропорціональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую—оставлять въ распоряженіи городского общества, для употребленія на нужды гимназіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

12. (6-го октября 1881 г.). Объ учрежденіи въ гор. Гольдингенѣ женскаго шестикласснаго училища.

Его Императорское Величество воспользовавшееся мнѣніемъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ городѣ Гольдингенѣ женскаго шестикласснаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія, объ учрежденіи въ гор. Гольдингенѣ женскаго шестикласснаго училища, мнѣніемъ положилъ:

1) Въ память двадцатипятилѣтія славнаго царствованія въ Божѣ почившаго Императора Александра Николаевича, утвердить въ гор. Гольдингенѣ (Курляндской губерніи), согласно ходатайству мѣстнаго

городскаго общества и на средства его, городское двѣнчье шестиклассное училище, на тѣхъ же основаніяхъ, въ коихъ существуетъ Рижское городское женское шестиклассное училище:

2) Инспектору Гольдингевскаго училища предоставлять VI классъ по должности и VI разрядъ по штату на мундирѣ.

3) Инспектору, главной надирательницѣ, учительницамъ и надирательницѣ, производить пенсін и единовременныя пособія: первому — изъ суммъ государственнаго казначейства, на основаніяхъ, установленныхъ для служащихъ въ мужскихъ гимназіяхъ, а остальнымъ — изъ состоящаго въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія пенсіоннаго капитала для домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ, по такимъ же правиламъ, какія соблюдаются въ отношеніи къ служащимъ въ женскихъ гимназіяхъ министерства, и съ производствомъ установленныхъ вычетовъ съ упомянутыхъ выше лицъ на пополненіе подлежащихъ пенсіонныхъ источниковъ; и

4) Предоставить министру народнаго просвѣщенія утвердить штатъ Гольдингевскаго училища и примѣнить къ сему послѣднему уставъ Рижскаго городскаго женскаго шестикласснаго училища, съ тѣми въ немъ измѣненіями, кои указаны въ настоящемъ постановленіи.

Подлинное мѣние подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

13. (12-го октября 1881 г.) О принятіи пожертвованія, сдѣланнаго потохстеннымъ почетнымъ гражданиномъ Водениковымъ.

По всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія о пожертвованіи С.-Петербургскимъ 1-й гильдіи купцомъ, потохстеннымъ почетнымъ гражданиномъ Водениковымъ дома, участка земли около десятины и капитала въ количествѣ 42000 руб.; для двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Глѣбовѣ, Рыбннскаго уѣзда Ярославской губерніи, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ разрѣшить согласно ходатайству жертвователя:

1. Присвоить названному училищу наименованіе „училища Александра Дмитріевича Воденикова“, по фамиліи жертвователя.

2. Предоставить ему пожизненно званіе почетнаго блюстителя этого училища, съ переходомъ сего званія по смерти Воденикова на его племянника, С.-Петербургскаго 2-й гильдіи купца Николая Владиміа.

3. Для попеченія о благосостояніи училища и содѣйствіи къ наибольшему его процвѣтанію, учредить при училищѣ совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ почетнаго блюстителя, изъ трехъ лицъ, по избранію мѣстнаго общества изъ членовъ его, но преимущественно таинхъ, которые сами получили образованіе въ этомъ училищѣ; и

4. Въ случаѣ возвышенія положенныхъ окладовъ жалованья въ двухклассныхъ сельскихъ правительственныхъ училищахъ, таковое возвышеніе окладовъ по Глѣбовскому училищу отвести на счетъ казны

II. ВЫСОЧАЙШАЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, вслѣдствіе представленія по министерству народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, во 2-й день текущаго Октября, на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, за труды ихъ по народному образованію, серебряными медалями съ надписью „за усердіе“ на Александровской лентѣ для ношенія на груди: коллежскихъ регистраторовъ: учителя Басимовскаго женскаго приходскаго училища Николая Кипарисова, учителя Троицкаго народнаго училища, Бахмутскаго уѣзда, Петра Буркацкаго и завѣдывающаго Ганчешскимъ двухкласснымъ народнымъ училищемъ Ивана Яцимирскаго; не имѣющихъ чиновъ: учителя Лъзечскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Боровичскаго уѣзда, Новгородской губерніи, сына коллежскаго регистратора Алексѣя Иванова, учителя мужскаго училища въ г. Александровскѣ, личнаго почетнаго гражданина Василія Кубышкина, учителей приходскихъ училищъ: Тюменскаго Вознесенскаго Мелетія Чернавина, Сорокскаго Владиміра Пригоряна, Аккерманскаго — Василія Коптара, Папушойскаго Эмануила Васильева и Росскаго, Волковскаго уѣзда, Андрея Лобовича; завѣдывающихъ двухклассными училищами: Чукулескимъ народнымъ Георгія Бусуека, Камратскимъ народнымъ Афанасія Дмитрова и Чинишлѣйскимъ Ивана Ирменко, старшаго учителя Бѣлецкаго однокласнаго перваго мужскаго начальнаго и воскресно-ремесленнаго училищъ Карла Крайчевскаго, перваго учителя двухкласснаго Ложнянскаго городского начальнаго мужскаго и воскресно-ремесленнаго училищъ Осипа Верига, учителей однокласныхъ городскихъ начальныхъ и воскресно-ремесленныхъ училищъ: Млавскаго мужскаго, Плоцкой губерніи, Валентія Руссо и Липновскаго

перваго общаго, Плодской губерніи, Романа Кусмѣровскаго, учителей народныхъ училищъ: Кангазскаго Василія Ольшевскаго, Чинмаваргутскаго—Ивана Еирмеджи, Скулянскаго—Ивана Вельбенко, Вайсальскаго — Георгія Димова, Курчійскаго—Ивана Барциковскаго, Кайраклійскаго—Григорія Евсѣева, Тузорскаго Ивана Опри, Малечскаго, Пружанскаго уѣзда, Григорія Ганкевича, Тевельскаго, Пружанскаго уѣзда, Владиміра Вогушевскаго, Дорогичинскаго, Вѣльскаго уѣзда, Якова Зелько, Волотскаго, Кобринскаго уѣзда, Якова Чистякова, Вороцевичскаго, Кобринскаго уѣзда, Исидора Рожановича, Грушевскаго, Кобринскаго уѣзда, Николая Троицкаго, Зіоловскаго, Кобринскаго уѣзда, Петра Алисова, Городецкаго, Кобринскаго уѣзда, Игнатія Макаревича, Головчицкаго, Кобринскаго уѣзда, Антона Бѣдко, Опольскаго, Кобринскаго уѣзда, Ивана Гумилевскаго, Люшевскаго, Слоимскаго уѣзда, Дмитрія Хмѣльницкаго, Жировицкаго, Слоимскаго уѣзда, Парамона Житкевича, Вытенскаго, Слоимскаго уѣзда, Матвѣя Троспольскаго и Голминскаго, Гродненскаго уѣзда, Вароолоея Дудича, учителей сельскихъ начальныхъ народныхъ училищъ: Сабуровскаго, Мещовскаго уѣзда, Петра Больцова, Кругловскаго, Данковскаго уѣзда, Платона Тодорскаго, Теплоускаго, Данковскаго уѣзда, Василія Покровскаго, Щуровскаго, Зарайскаго уѣзда, Арсенія Ключарева, Нижнезалегощинскаго, Новосильскаго уѣзда, Герасима Глѣбова, Пшевскаго, Новосильскаго уѣзда, Андрея Рождественскаго, Кириковскаго, Новосильскаго уѣзда, Ивана Рудиева, Спасскаго, Новосильскаго уѣзда, Дмитрія Успенскаго, Голунскаго, Новосильскаго уѣзда, Ивана Виноградова, Березовскаго, Новосильскаго уѣзда, Михаила Казанскаго, Моховскаго, Новосильскаго уѣзда, Алексѣя Архангельскаго, Сергіевскаго, Богородицкаго уѣзда, Василія Честова, Барятинскаго, Богородицкаго уѣзда, Антона Шишкина, Троицкаго на Филиной Зушицѣ, Чернскаго уѣзда, Капитона Никольскаго, Владимірскаго, Ефремовскаго уѣзда, Михаила Архангельскаго, Сторожевскаго, Ефремовскаго уѣзда, Василія Глаголева, Глѣбовскаго, Ефремовскаго уѣзда, Петра Глаголева, Загѣскаго, Ефремовскаго уѣзда, Ивана Дагаева, Плоскаго, Ефремовскаго уѣзда, Василія Казанскаго, Сохлаковскаго, Ефремовскаго уѣзда, Тимофѣя Краснобаева, Сторожевскаго, Ефремовскаго уѣзда, Михаила Бударявцева, Ступинскаго, Ефремовскаго уѣзда, Владиміра Куркинскаго, Остриковскаго, Ефремовскаго уѣзда, Ивана Лебедева, Сергіевскаго, Ефремовскаго уѣзда, Петра Патинцаго, Куркинскаго, Ефремовскаго уѣзда, Ивана Сахарова, Заморайскаго, Ефремовскаго

уѣзда, Сергія Сахарова, Лавровскаго, Ефремовскаго уѣзда, Дмитрія Соболева, Тормасовскаго, Ефремовскаго уѣзда, Василия Сытина, Буралоновскаго, Ефремовскаго уѣзда, Ивана Филиппова, Шиповскаго, Ефремовскаго уѣзда, Ивана Прозорова, Хавскаго, Веневскаго уѣзда, Алексія Лебедева, и Дубиковскаго, Одоевскаго уѣзда, Ивана Никольскаго, учителя Пушкинскаго Слободскаго начальнаго народнаго училища въ г. Каширѣ Александра Дубова, Оршиновскаго однокласснаго гимназическаго начальнаго общаго училища, Пльскаго губерніи, Ивана Крисидкаго, учителя Панышинскаго сельскаго училища, Сызранскаго уѣзда, Николая Миронова, и бывшаго учителя Пултускаго городского однокласснаго начальнаго мужскаго и воскресно-ремесленнаго училищъ Петра Фрасункевича.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

4. (20-го октября 1881 г.). Правила о стипендіи доктора медицины Александра Павловича Станкевича.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи сто руб., заключающагося въ облигаціяхъ III восточнаго займа и образовавшагося изъ добровольныхъ пожертвованій, учреждается при Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра одна стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 12-го октября 1881 года, именуется „стипендія доктора медицины Александра Павловича Станкевича“.

§ 2. Проценты съ сего капитала, въ количествѣ 105 руб., назначаются на содержаніе стипендіата.

§ 3. Стипендіатомъ доктора медицины Станкевича можетъ быть только студентъ медицинскаго факультета.

§ 4. Въ стипендіаты могутъ быть зачислены преимущественно бѣдные студенты изъ рода Александра Павловича Станкевича, а за невозможностію таковыхъ стипендія предоставляется преимущественно воспитаннику одной изъ гимназій Подольской губерніи.

§ 5. Выборъ и зачисленіе стипендіата предоставляется совѣту университета Св. Владиміра.

§ 6. Стипендіаты Александра Павловича Станкевича обязаны подвергаться установленнымъ испытаніямъ въ теченіи всего времени бытности своей въ университетѣ.

Стипендіатъ, не выдержавшій испытанія, а равно неодобрительно аттестованный въ поведеніи, лишается стипендіи.

5. (8-го ноября 1881 г.). Правила о стипендіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ, учрежденныхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ 20,000 рублей, завѣщаннаго титулярнымъ совѣтникомъ Плотниковымъ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія.)

1) Изъ процентовъ съ капитала въ 20,000 рублей, заключающагося въ государственномъ непрерывно-доходномъ билетѣ, учреждаются при Московскомъ университетѣ двѣ стипендіи, а равно и единовременныя пособія, которыя, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 25-го іюля 1879 года, именуются „стипендіи и пособія титулярнаго совѣтника Николая Плотникова“.

2) Размѣръ стипендіи триста рублей въ годъ.

3) Стипендіи назначаются отличными по успѣхамъ и поведенію недостаточнаго состоянія студентамъ, безъ различія факультетовъ.

4) Стипендіи, по представленіямъ факультетовъ, назначаются совѣтомъ университета.

5) Стипендіатъ, не перешедшій на слѣдующій курсъ, а равно замѣченный въ чемъ либо предосудительномъ, лишается стипендіи.

6) Изъ процентовъ съ завѣщаннаго капитала двѣсти рублей ежегодно перечисляются въ спеціальныя средства университета за слушаніе лекцій четырьмя бѣднѣйшими студентами, по назначенію правленія университета.

7) Свободныя остатки отъ процентовъ съ завѣщаннаго капитала могутъ быть обращаемы правленіемъ университета на уплату за слушаніе лекцій недостаточными студентами.

IV. ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

(12-го сентября 1881 г.) (№ 8.) Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра Демченко — вновь деланомъ юридическаго факультета сего университета на три года съ 3-го августа 1881 года.

Доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ гражданскаго права Загурскій — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ римскаго права, со 2-го апрѣля 1881 года.

Директоръ Коломенской прогимназіи, статскій совѣтникъ Миротворцевъ — директоромъ Нижегородской гимназіи, съ 25-го августа 1881 года.

Инспекторъ Виленской гимназіи, статскій совѣтникъ Шовальскій — директоромъ Витебской гимназіи, съ 10-го августа 1881 года.

Инспекторъ Уфимской гимназіи, статскій совѣтникъ Лопатинскій — директоромъ Троицкой гимназіи, съ 14-го августа 1881 года.

Инспекторъ Кишиневской прогимназіи, статскій совѣтникъ Зовулякъ — директоромъ Екатеринославской гимназіи, съ 14-го августа 1881 года.

Инспекторъ Одесской первой прогимназіи, надворный совѣтникъ Гасиль — директоромъ Аваньевской гимназіи, съ 5-го сентября 1881 года.

Инспекторъ Елисаветградской прогимназіи, преобразованной изъ четырехклассной въ шестиклассную, коллежскій совѣтникъ Балыкъ — директоромъ сей прогимназіи, съ 1-го іюля 1881 года.

Инспекторъ Владимірской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Буславевъ — директоромъ Коломенской прогимназіи, съ 25-го августа 1881 года.

Исправляющій должность директора Мозирской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Смородскій — директоромъ Гомельской прогимназіи, съ 28-го августа 1881 года.

Директоръ Аваньевской гимназіи, статскій совѣтникъ Дьяконовъ — директоромъ народныхъ училищъ Таврической губерніи, съ 14-го августа 1881 года.

Почетный смотритель Ефремовскаго уѣзднаго училища Яблочковъ — директоромъ народныхъ училищъ Тульской губерніи, съ увольненіемъ отъ настоящей должности, съ 25-го августа 1881 года.

Тайный совѣтникъ Ивановъ, дѣйствительные статскіе совѣтники: Зигель и Тилевъ, предсѣдатель Смоленскаго общества взаимнаго кредита Гернъ, отставной поручикъ Пятницкій и Смоленскій купецъ Рубцовъ — членами попечительства Смоленскаго Александровскаго реальнаго училища, на три года.

Врачъ Невадомскій, почетные граждане: Борисовъ, Полшинъ и Гарелинъ, купцы: Новиковъ, Гандуринъ, Витовъ, Ф

князь, Дербеневъ и Бурылинъ — членами попечительства Ивано-Вознесенскаго реальнаго училища, на три года.

Назначается: Инспекторъ народныхъ училищъ Казанской губерніи, коллежскій ассесоръ Поповъ — исправляющимъ должность директора Благовѣщенской учительской семинаріи, съ 4-го сентября 1881 года.

Переимѣняются: директоръ Екатеринославской гимназіи, статскій совѣтникъ Алаевъ — директоромъ Бердянской гимназіи, съ 14-го августа 1881 года.

Директоръ Гомельской прогимназіи, статскій совѣтникъ Трофимовъ — директоромъ Мозырской прогимназіи, съ 28-го августа 1881 года.

Опредѣляется вновь на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ, съ утвержденіемъ директоромъ Кншневской гимназіи, съ 29-го августа 1881 года.

Оставляются на службѣ на пять лѣтъ: директоръ Императорской Казанской первой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бредхенбергъ, съ 17-го августа 1881 года.

Директоръ Архангельской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пилацкий, съ 17-го августа 1881 года.

Директоръ Ковенской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Теохтистовъ, съ 1-го сентября 1881 года.

Продолжается срокъ отпуска за границу: учителю Курской гимназіи, коллежскому ассесору Брезовару — на двѣнадцать дней.

Библіотекарю Императорской Публичной Библіотеки, дѣйствительному статскому совѣтнику Вальтеру, по болѣзни, на двѣ недѣли.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дьяковъ — на двѣ недѣли, въ губерніи Привислянскаго края.

Правитель дѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Саввантовъ и директоръ Одесскаго коммерческаго училища, коллежскій совѣтникъ Ждановскій — на двадцать восемь дней, первый — въ Московскую губернію, и послѣдній, по болѣзни, въ С.-Петербургъ.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ Бибииковъ — на двадцать девять дней, въ С.-Петербургскую и Псковскую губерніи.

Директоръ Елабужскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кубли — на два мѣсяца, по болѣзни, въ городъ Казань.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Чубиновъ — на три мѣсяца въ разныя губерніи.

За границу: доцентъ Императорскаго Московскаго университета Ковалевскій — на десять дней.

Библиотекаръ Императорской публичной бібліотеки, дѣйствительный статскій совѣтникъ Белвенъ — на пятнадцать дней.

Инспекторъ Курской гимназіи, статскій совѣтникъ Удовиченко — на двадцать одинъ день.

Библиотекаръ Императорской публичной бібліотеки, статскій совѣтникъ Воннелъ — на двадцать три дня.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій ассесоръ Вартекевъ и классная дама Люблинской женской гимназіи Нарбутъ — на два мѣсяца; послѣдняя по болѣзни.

Врачъ Глуховской прогимназіи Липайскій — на четыре мѣсяца по болѣзни.

Отчисляются отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленные къ сему министерству: губернскій секретарь баронъ Фитингофъ-Шель — по случаю перехода на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, съ 1-го мая 1881 года, и дѣйствительный статскій совѣтникъ Варановскій — согласно прошенію, съ 28-го августа 1881 года.

Увольняются: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Муромцевъ, согласно прошенію, отъ должности проректора сего университета, съ 24-го августа 1881 года.

Директоръ Шавельской гимназіи, статскій совѣтникъ Изюмовъ — за выслугою срока, отъ службы, съ 17-го августа 1881 года, съ дозволеніемъ носить въ отставку мундирный полукафтаны, послѣдней должности присвоенный.

Директоръ народныхъ училищъ Таврической губерніи, статскій совѣтникъ Соичъ — согласно прошенію, отъ сей должности, съ 14-го августа 1881 года.

Директоръ народныхъ училищъ Оренбургской губерніи, статскій совѣтникъ Распоновъ — согласно прошенію, отъ службы, по болѣзни.

Начальникъ Ломжинской учебной дирекціи, надворный совѣтникъ Строинизъ — согласно прошенію, отъ службы, съ дозволеніемъ носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный, съ 4-го сентября 1881 года.

Дозволяется: бывшему директору народныхъ училищъ Нижегородской губерніи, статскому совѣтнику Овслинникову — носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному почетелю Вольского реальнаго училища, купцу Котеневу. — за пожертвованіе на сіе училище.

С.-Петербургскому первой гильдіи купцу Григорьеву и крестьянину Юсковской волости Баранову — за пожертвованія ихъ въ пользу Подпорожскаго однокласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Лодыновскаго уѣзда, Оговецкой губерніи.

Попечителю Саранскаго мужскаго приходскаго училища Калегину — за усердную и полезную дѣятельность на пользу народнаго образованія.

Исключается изъ списковъ умершій ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поковъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными в. управлѣвшимъ министерствомъ, постановлена: а) „модели геометрическихъ тѣлъ“, составленныя П. Е. Криницкимъ и б) „коллекцію стекляннхъ и деревяннхъ полированныхъ кристаллографическихъ формъ“, изготовленнхъ въ мастерской П. Е. Криницкаго, подъ руководствомъ профессора минералогіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ барона Ф. Ф. Розена, включить въ число учебнхъ пособій, допущеннхъ къ употребленію въ учебнхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданіе „Дѣтскій отдых“. Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей. 1881 г. №№ 1—8. Цѣна годовому изданію 6 р., особенно рекомендовать для среднхъ учебнхъ заведеній мужскихъ

и женскихъ, городскихъ училищъ и начальныхъ народныхъ школъ, а равно включить его въ каталогъ изданій, допущенныхъ для народныхъ училищъ.

— Книгу „Собраніе примѣровъ, формулъ и задачъ изъ буквеннаго вычисленія и алгебры“. Сочиненіе Мейера-Гирша. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе 7-е. Въ трехъ отдѣленіяхъ. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 1 р., включить въ каталогъ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Образцы новой русской словесности“, прилжительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Пушкинскій періодъ (до Голя, включительно). Собралъ А. Цвѣтковъ. III отдѣлъ. С.-Петербургъ, 1881 г. Цѣна 2^{р.} 50 к.,—допустить въ видѣ учебнаго пособия при чтеніи и разборѣ литературныхъ образцовъ.

— Книгу „Русская народная поэзія. Сборникъ сказокъ, быльицъ, историческихъ и бытовыхъ пѣсенъ, обрядовъ, пословицъ, загадокъ и друг.“ Пособіе при изученіи русской словесности. Составилъ В. Воскресенскій (преподаватель С.-Петербургской 3-й военной гимназіи). Изданіе журнала „Семья и школа“. С.-Петербургъ 1881 г. Цѣна 1 р. 20 коп.,—допустить какъ учебное пособіе внѣ класснаго употребленія при изученіи исторіи русской словесности въ гимназіяхъ.

— Согласно съ заключеніемъ учебнаго комитета при свѣтѣйшимъ Синодѣ книгу: „Священная Исторія Новаго Завѣта“ въ объемѣ гимназическаго курса. Протоіерея Петра Смирнова. Москва. 1879 г. Цѣна 40 коп.,—признать въ числѣ учебныхъ руководствъ по закону Божію, для среднихъ учебныхъ заведеній.

VI. ОПРЕДѢЛЕНА ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіемъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. управляющимъ министерствомъ, постановлено: книгу „Сборникъ ариметическихъ задачъ“ для умственнаго и письменнаго счисленія, составленъ для городскихъ и сельскихъ школъ учителями Пересыфтинимъ. Москва 1881 г. ст. 247 in 8. Цѣна 35 к.,—допустить въ учительскія бібліотеки городскихъ и сельскихъ школъ.

— Книги. 1) „Бережь и трудъ“. Краткое руководство политической экономіи (по Влоку). Н. А. Тизенгаузена. С.-Петербургъ

1881 г. Цѣна 40 к., — допустить въ библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ, городскихъ училищъ, и учительскихъ семинарій; 2) „Бесѣды о русскомъ лѣсѣ“. 2-я серія. Чернолѣсье. Составилъ Дмитрій Кайгородовъ. С.-Петербургъ. 1881 г. Цѣна 1 р., — допустить для библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ, городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій, а равно признать и весьма пригодною для выдачи въ награду ученикамъ; 3) „Сборникъ военныхъ рассказовъ“. 1877—1878 г. Часть II-я. Изданіе Кн. В. П. Мещерскаго. С.-Петербургъ. 1881 г., 4) брошюры: „Пить до дна—не видать добра“. Рассказъ изъ крестьянскаго быта. Соч. Погожевой. Москва. 1881 г. Цѣна 10 к., — допустить въ библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ. 5) „О дѣлахъ житейскихъ“, рассказы стараго учителя. С.-Петербургъ. 1881 г. Цѣна 1 р. 25 к., — допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ и въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ, учительскихъ семинарій и учительскихъ институтовъ.

— Изданіе: 1) „Нотное пѣніе литургій Св. Іоанна Златоустаго“, съ приложеніемъ начальныхъ правилъ нотнаго пѣнія и азбуки, составленное А. Вишневскимъ (три тетради для дисканта, альты и баса). Изданіе 3-е Каллистратова. Кіевъ. 1869 г. и 2) „Два народныхъ гимна“, „Коль славенъ нашъ Господы!“ „Боже Царя храни!“, — одобрить для начальныхъ народныхъ школъ, городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій.

— Книгу: „Первые рассказы изъ естественной исторіи“ для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народныхъ школъ. Германа Вагнера. Перев. Вас. Висковатова. Кн. 1-я. Пятое дополненное изданіе. Кн. 2-я. Третье дополненное изданіе. С.-Пб. 1880 г. цѣна 1-й книжки 1 руб., въ новомъ ея изданіи одобрить для ученическихъ библіотекъ начальныхъ училищъ.

— Книгу: „Собраніе арифметическихъ задачъ“. Составлено Александромъ Вороновымъ. Часть I, (цѣлыя числа) 3-е изданіе цѣна 35 к. С.-Петербургъ. 1881 г., — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия къ употребленію въ приготовительномъ и низшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также въ городскихъ училищахъ и народныхъ школахъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 12-й день сего октября, Высочайше соизволилъ на учрежденіе, согласно ходатайству Рыльской городской думы, на проценты съ пожертвованнаго ею капитала въ двѣ тысячи триста пятьдесятъ руб., при мѣстныхъ городскомъ и приходскихъ училищахъ стипендіѣ, въ память въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра II.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 15-й день текущаго октября Высочайше соизволилъ на постановку въ начальномъ народномъ училищѣ въ слоб. Марковкѣ, Лебединскаго уѣзда, Харьковской губерніи, портрета мѣстнаго землевладѣльца, коллежскаго секретаря Василія Добросельскаго, во вниманіе къ пожертвованіямъ его въ пользу названнаго училища.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 15 день сего октября Высочайше соизволилъ на замѣну установленныхъ для учениковъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ кеши фуражекън того же цвѣта, съ тѣми же околышами и выпушками, какъ и нынѣшнее кеши, съ употребленіемъ того же знака, какой установленъ на кеши для отличія одного учебнаго заведенія отъ другаго, и съ тѣмъ, чтобы въ зимнее время такую фуражку дозволялось носить подбитою ватой, а въ лѣтнее время съ бѣлымъ чехломъ.

— Согласно ходатайству тайнаго совѣтника Галахова, г. министръ народнаго просвѣщенія изъявилъ согласіе на сохраненіе и за 18-мѣ, изданіемъ составленной имъ тождественной съ прежними изданіями, „Русской Хрестоматіи“ одобренія ученаго комитета какъ полезное учебное пособіе для средне-учебныхъ заведеній.

— Определеніемъ попечительскаго совѣта Московскаго учебнаго округа, утвержденнымъ г. министромъ, постановлено книгу: „Сборникъ примѣровъ и связанныхъ статей для перевода съ русскаго языка на латинскій. Составилъ для среднихъ (прим. III и IV) классовъ гимназій примѣнительно къ грамматикѣ Элендта-Зейфферта, К. Бродскій. Москва, 1881 г.—допустить, въ видѣ пособія, при преподаваніи древнихъ языковъ въ среднихъ классахъ гимназій.

— Вслѣдствіе представленій начальства Варшавскаго учебнаго

округа, г. министр народнаго просвѣщенія утвердилъ, съ огражденіемъ правъ третьихъ лицъ, пожертвованія въ пользу существующаго въ г. Плодѣвъ училища „Талмудъ-Тора“: 1) Блины Идессы Држималовой, по акту отъ 4—16 февраля 1879 г., ежегоднаго взноса по 100 р., и 2) Кивы Шлямовича Кона, по акту 1—18 мая текущаго года, таковаго же взноса по 50 руб.

— Господинъ управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищъ министра, утвердилъ: сдѣланное попечителемъ Одесскаго учебнаго округа распоряженіе объ открытіи, съ начала 1881—1882 учебнаго года, параллельныхъ отдѣленій при IV, V и VI классахъ Кишиневской гимназій и вѣсть съ тѣмъ разрѣшилъ увеличить для содержанія сихъ параллелей плату за ученіе въ названной гимназій, — въ приготовительныхъ классахъ до тридцати руб. и въ первыхъ трехъ классахъ до пятидесяти руб. въ годъ съ каждаго ученика; сдѣланное управлявшимъ Оренбургскимъ учебнымъ округомъ распоряженіе объ открытіи, съ начала 1881—1882 учебнаго года, параллельныхъ отдѣленій при II, III и IV классахъ Пержскаго Александровскаго реальнаго училища, съ отнесеніемъ расхода по содержанію сихъ параллелей на спеціальныя средства названнаго училища; сдѣланное Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ распоряженіе объ открытіи, съ начала 1881—1882 учебнаго года, параллельнаго отдѣленія при I классѣ Ташкентской гимназій, съ отнесеніемъ расхода по содержанію сей параллели, въ количествѣ двухъ тысячъ двусотъ шестидесяти-пяти руб., на спеціальныя средства названнаго учебнаго заведенія.

— Г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ открыть, съ начала 1881—1882 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при III классѣ Воронежскаго реальнаго училища съ отнесеніемъ расхода по содержанію сей параллели, въ количествѣ одной тысячи девятисотъ тридцати руб.; на спеціальныя средства названнаго реальнаго училища.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: открыть, съ начала 1881—1882 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при II классѣ Полтавскаго реальнаго училища, съ отнесеніемъ расхода по содержанію сей параллели на спеціальныя средства училища; взимать, съ начала 1881—1882 учебнаго года, плату за ученіе въ Новочеркасской гимназій: въ приготовительномъ классѣ по десяти руб. и въ остальныхъ классахъ по четырнадцать руб. съ каждаго ученика,

и также открыть, съ того же времени, параллельное отдѣленіе при подготовительномъ классѣ, съ отнесеніемъ сего расхода на сборъ за ученіе въ означенной гимназій; открыть параллельное отдѣленіе при II классѣ. Слудской гимназій; съ начала 1881—1882 учебнаго года, съ платою по сорока руб. въ годъ съ каждаго ученика, и съ отнесеніемъ расхода по содержанію означенной параллели на спеціальныя средства гимназій.

— Господинъ министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Рязьской прогимназій размѣръ платы за ученіе въ названной прогимназій: въ подготовительномъ классѣ по пятнадцати руб. и въ остальныхъ по двадцати-пяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

БОЛЬШАЯ КОММИССИЯ ¹⁾.

Внѣшній ходъ занятій Собранія.

Мы уже замѣтили, что правительство императрицы Екатерины, созывая Коммиссію, сдѣлало ошибку, не составивъ предварительно подробной программы занятій. Такимъ образомъ была возможна частая въ нихъ перемена. Наказы апрѣля и іюля 1768 года явились довольно поздно, послѣ того, какъ работа продолжалась уже нѣсколько мѣсяцевъ, и въ это время не повели къ опредѣленнымъ результатамъ.

Самый трудъ составленія законовъ не могъ собственно быть возложенъ на общее собраніе, въ которомъ участвовали столь многочисленные и разнокалиберные элементы. Тутъ развѣ могли быть выслушаны просьбы и желанія, могли быть подвергнуты обсужденію всекакіе готовые проекты законовъ. Самая же редакция послѣднихъ, кодификація въ тѣсномъ смыслѣ, должна была быть предоставлена спеціальнымъ коммиссіямъ, учрежденнымъ при такъ называемой Большой Коммиссіи.

Укажемъ на систему этихъ спеціальныхъ коммиссій, которыя могутъ быть раздѣлены на два разряда. Нѣкоторымъ образомъ общее значеніе канцелярій, состоявшихъ при большомъ собраніи, имѣли: 1) дирекціонная коммиссія; 2) экспедиціонная коммиссія; 3) коммиссія для разбора депутатскихъ наказовъ.

Дирекціонная коммиссія должна была вообще руководить ходомъ

¹⁾ Окончаніе. См. сентябрьскую и октябрьскую книжки *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

всего дѣла; ей было вмѣнено въ обязанность составлять, смотря по потребности, прочія частныя комиссіи, наблюдать за работами свихъ послѣднихъ, смотрѣть, согласны ли оконченныя этими комиссіями части законовъ съ Большимъ Наказомъ и пр.

Экспедиціонная комиссія наблюдала за тѣмъ, чтобы труды прочихъ комиссій изложены были „по правиламъ языка и слога“, слѣдовательно работа ея заключалась главнымъ образомъ въ редакціи. Она не могла переимѣнять сущности дѣла, но если замѣчала противорѣчія въ представленныхъ ей положеніяхъ какой-либо частной комиссіи, даже и самой дирекціонной, то обязана была имъ о томъ сообщить.

Комиссія о разборѣ депутатскихъ наказовъ или комиссія сводовъ должна была разобрать наказы и проекты по ихъ содержанію и, сдѣлавъ изъ нихъ выписки, представить полному собранію ¹⁾.

Всѣ эти три комиссіи оказались необходимыми тотчасъ же послѣ открытія собранія. Онѣ были учреждены 14-го, 20-го и 27-го августа 1767 года.

Изъ специальныхъ комиссій, въ числѣ 16, на которыя былъ возложенъ настоящій трудъ кодификаціи, только четыре были учреждены въ продолженіе первыхъ мѣсяцевъ, то-есть, во время пребыванія Собранія въ Москвѣ, а именно: 1) комиссія о разборѣ родовъ государственныхъ жителей (11-го сентября 1767 г.), 2) о юстиціи (24-го сентября 1767 г.), 3) о имѣніяхъ вообще (9-го октября 1767 г.), 4) о среднемъ родѣ людей (18-го октября 1767 г.) ²⁾.

Затѣмъ 20-го марта 1768 г. была учреждена: 5) комиссія о полиціи. Немногимъ позже явилось вмѣстѣ со вторымъ дополненіемъ къ Большому Наказу „Начертаніе о приведеніи къ окончанію комиссій о составленіи проекта Новаго Уложенія“ (8-го апрѣля 1768 г.). Очевидно, оно имѣло слѣдствіемъ учрежденіе цѣлаго ряда специальныхъ комиссій, а именно слѣдующихъ: 6) о городахъ (10-го апрѣля 1768 г.), 7) для остереженія противорѣчій между воинскими и гражданскими законами (29-го апрѣля 1768 г.), 8) о размноженіи народа,

¹⁾ Сб. И. О. IV, 43—44.

²⁾ О занятіяхъ комиссій о юстиціи мы встрѣчаемъ нѣкоторыя свидѣнія въ журналѣ Гадебуша, который, равно какъ и депутатъ города Риги, состоялъ ее членомъ. И въ комиссіи объ имѣніяхъ участвовалъ Гадебушъ; онъ для нея составилъ проектъ, см. статью г. Вергольца въ журналѣ *Baltische Monatschrift* V, 141—151.

земледѣлія, дожостроительствъ и пр. (13-го мая 1768 г.), 9) о образѣ сборовъ и образѣ расходовъ (13-го мая 1768 г.) 10) о рудокопаніи, растеніи и сбереженіи дѣсовъ и о торговлѣ вообще (21-го мая 1768 г.), 11) духовно-гражданская (27-го мая 1768 г.), 12) о училищахъ и призрѣніи требующихъ (27-го мая 1768 г.), 13) о почтахъ и гостиницахъ (8-го іюня 1768 г.), 14) о разныхъ установленіяхъ, касающихся до лицъ (8-го іюня 1768 г.), 15) о обязательствахъ (13-го іюня 1768 г.).—Наконецъ, уже въ послѣднее время существованія Большой Комиссіи, а именно 22-го сентября 1768 г., была учреждена комиссія объ общемъ правѣ.

Нельзя не удивляться тому, что между членами специальныхъ комиссій мы почти вовсе не встрѣчаемъ такихъ депутатовъ отъ правительственныхъ мѣстъ, которые по роду своей службы особенно годились бы для участія въ занятіяхъ соотвѣствующихъ ихъ специальности. Такъ напримѣръ, въ комиссіи „о рудокопаніи“ мы не встрѣчаемъ депутата отъ берг-коллегии, ассесора Роде; депутата камеръ-коллегии Мельгунова не было въ комиссіи о сборахъ и расходахъ, депутатъ отъ синода не участвуетъ въ духовно-гражданской комиссіи и т. п.

О занятіяхъ всѣхъ этихъ комиссій мы пока почти ничего не знаемъ. Лишь въ видѣ исключенія сохранился и былъ напечатанъ весьма важный документъ, относящійся къ занятіямъ комиссій о школахъ ¹⁾.

Въ какой степени зорко Екатерина слѣдила за ходомъ всѣхъ дѣлъ, видно изъ слѣдующаго довольно любопытнаго эпизода. Въ то время, когда были учреждены нѣкоторыя частныя комиссіи, именно 26-го апрѣля 1768 года, императрица обратилась къ маршалу собранія, Библикову, съ слѣдующею собственноручною запискою: „Александръ Ильичъ, получила я вчерашній день отъ васъ чрезъ князя Щербатова списокъ кандидатовъ по балламъ для военной комиссіи“ (очевидно, тутъ говорится о комиссіи „для остереженія противорѣчій между военскими и гражданскими законами“). „Необходимо нужно, чтобъ одинъ изъ гражданскихъ депутатовъ котораго нибудь порта нашего въ сію комиссію вошелъ; а еще лучше или архангелогородскій или кронштадтскій, если они еще не улажены. Итакъ, отдавъ на вашъ выборъ кого изберете,

¹⁾ Напечатанъ г. Соловьевымъ въ его статьѣ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1861 г. стр. 338—339.

остался къ вамъ доброжелательна¹⁾. Желаніе императрицы было исполнено въ точности. Бабиковъ предложилъ въ члены означенной комиссіи кронштадтскаго депутата, купца Рыбникова²⁾.

Вообще Екатерина входила во всѣ частности затѣяннаго ею предпріятія, какъ видно, между прочимъ, и изъ черноваго списка обряда комиссіи, писаннаго гр. Козницкимъ и исправленнаго ею³⁾, изъ черновыхъ собственноручныхъ отрывковъ ея, изъ обряда управленія комиссіи и пр.⁴⁾. Постоянно она старалась направлять ходъ занятій, давала совѣты маршалу собранія, заботилась о дополненіи обряда управленія комиссіею, придумывала разные средства для избѣжанія „остановки и конфузій“ и пр.⁵⁾.

Веденію дневныхъ записокъ Екатерина придавала особенное значеніе въ той мысли, „чтобы будущія времена имѣли вѣрную записку сего важнаго производства (то-есть дѣйствіей комиссіи) и судить могли о умоначертаніи сего вѣба и найти могли тѣ правила, кои имъ въ наставленіе служить будутъ и отъ коихъ много зависить твердость нашего нынѣшняго зданія, которое менѣе бы насъ обременяло, если бы мы не были лишены подобныхъ прошедшихъ вѣковъ записокъ или извѣстій; и того для надлежитъ стараться, чтобы записки были какъ возможно вѣрныя и ясныя“⁶⁾.

Екатерина предвидѣла нѣкоторыя затрудненія при руководствѣ преніями собранія. Можно было ожидать, что не всѣ депутаты будутъ избѣгать случаевъ какихъ бы то ни было столкновеній. Поэтому императрица старалась усилить авторитетъ предсѣдателя слѣдующимъ образомъ, какъ сказано въ заключеніи наказа, даннаго ей директору дневныхъ записокъ: „Мы за нужное находимъ здѣсь изъяснить для чего маршалу, генералъ-прокурору и директору дневной записки въ Обрядѣ предписано сидѣть за однимъ столомъ. Мы предвидѣли тогда еще, что въ комиссіи будутъ такія нечаянныя происшествія, для коихъ никакъ не можно предписать правила, и для того велѣли имъ сидѣть тремъ вмѣстѣ, дабы маршалъ, какъ человѣкъ явно дѣйствующій, имѣлъ бы близъ себя людей съ кѣмъ совѣтывать и чрезъ то

¹⁾ Сб. И. О. X, 285.

²⁾ Русскій Вѣстникъ 1861, декабрь, приложение, стр. 73.

³⁾ Сб. И. О. X, 223 и слѣд.

⁴⁾ Сб. И. О. X, 230 и слѣд.

⁵⁾ Сб. И. О. X, 297 и слѣд.

Сб. И. О. IV, 46.

получить бы онъ приличный родъ помощи, въ чемъ всѣмъ троицъ, мы надеемся, что нужды не имѣемъ предписывать обхождение дружеское и чистосердечное, дабы довести порученное великое дѣло до благополучнаго конца" ¹⁾).

Въ послѣдствіи оказалось, что такихъ „нечаянныхъ происшествій“ было немного. Собраніе держало себя хорошо; непріятностей почти вовсе не было. Все, что имъ знаемъ на этотъ счетъ, заключается въ слѣдующемъ.

По случаю преній о наказѣ Каргопольскихъ крестьянъ, Верейскій депутатъ отъ дворянства Степановъ позволилъ себѣ замѣтить, что „крестьяне Каргопольскаго уѣзда лѣнны и утагощены, утороплены (?) и упорны“. Ни со стороны депутата Каргопольскихъ крестьянъ, Бѣлкина, ни со стороны маршала собранія, Бибикова, не было сдѣлано замѣчанія по этому поводу. За то графъ Гр. Орловъ замѣтилъ, что Верейскій депутатъ допустилъ два противорѣчія: во первыхъ назвалъ крестьянъ Каргопольскаго уѣзда лѣнными и утагощенными, чего вмѣстѣ быть не можетъ, и во вторыхъ уторопленными и упорными, каковыя свойства также одно съ другимъ не согласуются. Къ сему графъ Орловъ прибавилъ, что подобныя названія, относящіяся ко всѣмъ вообще крестьянамъ, не должны быть употребляемы при обсужденіи дѣла, и онъ полагаетъ, что выраженія сіи, обращенныя въ порицаніе всѣхъ крестьянъ, были помѣщены по ошибкѣ писца, а не по волѣ депутата. Можетъ быть, онъ хотѣлъ сказать, что только нѣкоторая часть крестьянъ имѣютъ означенные недостатки, ибо между всякаго рода людьми есть хорошіе и дурные и проч. ²⁾).

Серьезнѣе былъ слѣдующій случай. Въ засѣданіи 28-го августа 1767 г. депутатъ отъ крестьянъ Елецкой провинціи, Давыдовъ, сообщилъ нѣкоторыя данныя о положеніи этого края. Депутатъ отъ дворянъ Оболенскаго уѣзда М. Глазовъ тутъ же замѣтилъ, что въ слѣдующемъ засѣданіи намѣренъ сдѣлать нѣкоторое возраженіе. О томъ, что происходило въ этомъ засѣданіи (31-го августа) въ протоколѣ разсказано слѣдующее: „Хотя сіе возраженіе (Глазова) состоитъ изъ 23 большихъ страницъ, однако трудно найти въ немъ единый порядочный періодъ; вездѣ мысли спутаны и темны, каждое почти выраженіе непринячно; но сіи недостатки кажутся нечувствительны предъ прочими непристойностями, которыми „лабы-

¹⁾ Св. Н. О. IV, 47.

²⁾ Св. Н. О. IV, 77 и 79.

точествуетъ оное сочиненіе. Депутатъ Обоинскій бранитъ безъ малѣйшаго смягченія депутата Елецкаго, развратное ему приписываетъ мнѣніе, поносить всѣхъ черносошныхъ крестьянъ; наконецъ, отдаляясь отъ своего предлога (предмета), ругаетъ Каргопольскій наказъ, и говоритъ, что надлежитъ его смечь, а депутата Каргопольскаго отъ черносошныхъ крестьянъ, который, истину всему предпочесть, доказавъ, что въ послѣднемъ чинѣ можно думать благородно, желаетъ оныя лишитъ депутатскаго знака и всѣхъ депутатскихъ выгодъ. Конечно, такому странному возраженію свойственно было произвестъ смѣхъ, соблазнъ и негодованіе, что и совершилось; но маршалъ остановилъ чтеніе на 9 страницѣ, вane въ собраніи надлежащее благочиніе могло бы совсѣмъ быть нарушено". За снмъ маршалъ, объявивъ, что такіа оскорбительная заявленія противны XV статьѣ Обряда, предписывающей, чтобы депутата, который другаго въ собраніи обидитъ, наказывать несею или исключеніемъ на время или вовсе,—потребовалъ мнѣнія собранія, что съ депутатомъ отъ Обоинскаго дворянства учинить слѣдуетъ.

Тутъ же нѣкоторые депутаты сдѣлали предложеніе вовсе исключить Глазова изъ числа депутатовъ; однако пренія по этому вопросу не были приведены къ окончанію; рѣшеніе было отложено.

Когда чтеніе разныхъ мнѣній по другимъ вопросамъ было окончено, то нѣсколько депутатовъ — между ними были люди знатные и извѣстные — подошли къ маршалу и объяснили ему, что такъ какъ депутатъ Обоинскій погрѣшилъ еще въ первый разъ, то и поступить съ нимъ слѣдующимъ образомъ: 1) чтобы онъ просилъ у обиженныхъ при всемъ собраніи прощенія, 2) для воздержанія впредь отъ такого поступка, выискать съ него 5 руб., которые и отослать въ надлежащее мѣсто; поданный же имъ голосъ отдать ему обратно; ибо, при совокупилн депутаты, „наказаніе сіе происходитъ изъ самаго естества его винъ". Кто-то замѣтилъ: „чѣмъ снисходительнѣе будемъ мы судить нашихъ товарищей, тѣмъ угоднѣе это будетъ Ея Императорскому Величеству". Другой депутатъ сказалъ, что когда поданный депутатомъ голосъ отдается ему обратно, „то и сіе оныя долженъ считать не малымъ для себя стыдомъ". Наконецъ приступили къ баллотированію: 105 голосовъ были за исключеніе Глазова, 828 голоса за меньшее наказаніе въ видѣ вышеупомянутаго предложенія.

Нѣсколько дней спустя, въ засѣданіи 6-го сентября, маршалъ вызвалъ М. Глазова и предложилъ ему выслушать опредѣленіе, составленное особою комиссіею по случаю поданнаго имъ возраженія.

Определение это гласило: „Комиссия о сочинении проекта Нового Уложения, выслушав большую часть возражения депутата Оболенского от дворянства М. Глазова на голос депутата Елецкого от одиодворцевъ М. Давидова, разсудивъ, что сіе возраженіе, язвительными словами и бранью пренебреженное, нарушаетъ всё, обществомъ принятыя, правила благочинія и справедливости, ибо не токмо въ ономъ сказано, что депутатъ Давидовъ имѣетъ гордыню, что онъ мыслить превратно; но и то безъ малѣйшей причины упомянуто, что всѣмъ черносотиннымъ депутатамъ почтаще надлежитъ вынимать изъ кармановъ зеркало, по которому вразумляемъ, будто ихъ поведеніе до сего времени не безпорочно; наконецъ депутатъ Оболенскій отъ дворянства осмѣливается предписывать строжайшія наказанія, когда онъ судить не имѣетъ права; Каргопольскій наказъ предаетъ огню; тогожъ убѣда депутата (котораго безпристрастный поступокъ выщей похвалы достоинъ) желаетъ лишить депутатскаго знака и всѣхъ депутатскихъ выгодъ. Уважая всё сіи обстоятельства и слѣдуя 15-му пункту Обряда (слѣдуетъ содержаніе этого параграфа) комиссия о сочинении проекта Нового Уложения опредѣлила: возвратить съ выговоромъ депутату Оболенскому отъ дворянства М. Глазову вышеназванное его возраженіе, взять съ него пять руб. пенн, которые въ надлежащее отослать мѣсто, да при всемъ собраніи просить ему у обиженныхъ прощеніе“.

За сие было возвращено Глазову его возраженіе съ выговоромъ. Потомъ онъ просилъ у обиженныхъ прощеніе, которое маршалъ точными его словами громко повторилъ, и наконецъ, положилъ на колоу пять руб. пенн ¹⁾.

Въ какой мѣрѣ Екатерина слѣдила за всѣмъ этимъ, видно изъ ея письма въ Вибикову: „Естьли Г... не покорится, и сдѣлають приговоръ объ исключеніи его, то не забудьте послѣдній пунктъ Обряда, естьли чуть складно онаго употребить способъ найдете, — да будетъ ему стыдно, и всѣхъ неудовольствіе на себѣ да понесеть“ ²⁾.

¹⁾ Сб. И. О. IV, 109—113, 131.

²⁾ См. записки Вибикова, 54. Тамъ же, стр. 43, смыслъ на заключеніе обряда, гдѣ между прочимъ сказано: «Не можеть думать, чтобъ нашелся единый, который бы не предпочиталъ важное въ своемъ предметѣ наизвѣстное апоэвоинимъ какикъ на есть выдуманъ или гордота и упрямству страстей, а естьли, иже чаша въ сиемъ источниковъ оему обряду какаа будетъ попка, то чрезъ сіа объявляемъ: да будетъ ему стыдно и всей комиссіи неудовольствіе на себѣ да повесть».

Изъ писемъ Екатеринѣ къ Вибикову мы узнаемъ еще о двухъ столкновеніяхъ въ собраніи. Въ одной запискѣ сказано: „Если депутатъ Д... въ явномъ порокѣ, то онъ не можетъ остаться въ комиссіи, но должно его отослать въ команду, гдѣ онъ вѣдомъ, къ суду. Но если сторожа слушаются по глупости депутата, во истинну, онъ не можетъ осужденъ быть, а за неосторожный его поступокъ присовѣтуйте сдать депутатство, ибо онъ оное во зло употребилъ“ и т. д. Въ другой запискѣ: „Какъ я не знаю наказа Башкирскихъ сосѣдовъ, точно содержитъ ли то, что Башкирскій депутатъ писалъ къ своему народу, то не могу сказать, солгалъ ли онъ или нѣтъ: если же онъ не солгалъ ни на сосѣдніе наказы, ни на губернаторскія представленія, то онъ невиненъ“ и проч. ¹⁾.

Объ этихъ эпизодахъ мы ничего не узнаемъ изъ изданія г. Полѣнова. Тамъ не говорится и о происшествіи, о которомъ упоминаетъ Гадебунъ: будто одного изъ депутатовъ застали въ собраніи въ нетрезвомъ видѣ, о чемъ самъ маршалъ удостовѣрился ²⁾.

О не совсѣмъ удовлетворительномъ образѣ дѣятельности депутатовъ изъ протоколовъ, изданныхъ г. Полѣновымъ, мы узнаемъ еще слѣдующее. Въ засѣданіи 13-го августа „было примѣчено, что нѣкоторые депутаты отъ дворянства вставали съ мѣсто и оборачивались лицомъ къ своимъ лавкамъ, довольно громко и весьма много разговаривали“ ³⁾.

Въ засѣданіи 30-го октября депутатъ отъ города Вологды Андрей Блазовъ представлялъ примѣчаніе, въ которомъ онъ, между прочимъ, замѣтилъ, будто крестьяне, забывъ страхъ Божій и государственные законы, торгуютъ какъ сущіе купцы и нагло чинятъ подрывъ коммерціи, и купцамъ уже до того дошло, что, оставя свое купечество, они принуждены уѣзжать въ другія страны.

Маршалъ объявилъ, что онъ считаетъ послѣднее замѣчаніе Блазова неприличнымъ; ибо представляя, что нѣкоторымъ купцамъ происходитъ вредъ, онъ не можетъ сдѣлать такого заключенія обо всѣхъ купцахъ; равнымъ образомъ никто не замѣчалъ и такого вреда, чтобы купцы отъ него, оставя свое отечество, уѣзжали въ другія страны; ибо учрежденныя правительства, коимъ поручено имѣть надъ гѣмъ смотрѣнія, конечно не могутъ этого допустить. Поэтому, на вопросъ маршала и опредѣлено собраніемъ единогласно возвратять депутату

¹⁾ Зап. Вибикова, 53 и 55.

²⁾ Baltische Monatschrift, V, 150.

³⁾ Сб. Н. О. IV, 67.

Блазнову примѣчаніе его съ выговоромъ, дабы впредь отъ такихъ выраженій онъ остерегался ¹⁾).

Отъ депутатовъ требовалось регулярное посѣщеніе засѣданій. Въ обрядѣ было предписано строго наблюдать за этимъ. Тѣ, которые не присутствовали въ продолженіе цѣлой недѣли безъ уважительной причины, подвергались вѣни ²⁾.

Мы не знаемъ, взимаемъ ли былъ штрафъ за непосѣщеніе засѣданій депутатами. Можно думать, что составъ комиссіи не всегда былъ полнымъ. Всѣхъ депутатовъ было 564; между тѣмъ изъ баллотировки, происходившей по поводу эпизода съ Глазовицъ видно, что въ засѣданіи 31-го августа присутствовало только 428 ³⁾. Депутаты подвергались непріятностямъ, когда приходили слишкомъ поздно. Въ концѣ засѣданія 15-го ноября маршалъ объявилъ, что изъ читанной въ тотъ день дневной записки видно, что нѣкоторые господа депутаты поздно пріѣзжаютъ въ собраніе; но записка о засѣданіи третьяго дня показываетъ ихъ гораздо болѣе. Маршалъ прочелъ имена ихъ и въ заключеніе сказалъ, что по силѣ даннаго комиссіи обряда, онъ ставитъ себѣ въ обязанность въ такихъ случаяхъ напоминать, и потому проситъ тѣхъ господъ депутатовъ, которые приходили послѣ открытія собранія, ѣздить въ надлежащее время; а извѣстно всѣмъ, что въ 10 часовъ засѣданіе комиссіи открывается. 13-го ноября оцовдали приходомъ 16 депутатовъ, 14-го ноября трое и т. п. ⁴⁾.

Вообще, предположеніе англійскаго посланника, что засѣданія большой комиссіи будутъ „шумными“ (tumultuous), оказалось лишненнымъ всякаго основанія. Порядокъ не нарушался.

Что же касается хода преній, то, какъ кажется, можно обвинить и депутатовъ и маршала. Обнаруживалась вообще замѣчательная неопытность. Пренія не велись систематически: въ одномъ и томъ же засѣданіи нерѣдко были затрогиваемы разные предметы; часто дѣлались замѣчанія или подавались мнѣнія, относившіяся не къ очереднымъ вопросамъ; и тутъ, какъ въ отношеніи дисциплины, Библиковъ не всегда считалъ себя въ правѣ дѣйствовать рѣшительно своею властью, какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго.

Уже въ засѣданіи 16-го октября онъ напомнилъ, что нѣкто

¹⁾ Сб. И. О. VIII, 185.

²⁾ Сб. И. О. IV, 48

³⁾ Сб. И. О. IV, 113.

⁴⁾ Сб. И. О. VII, 284.

рые депутаты, при чтеніи подаваемыхъ голосовъ и возраженій, не вслушавшись въ содержаніе читаемаго, подаютъ совершенно не подлежація къ тому мнѣнія, и тѣмъ производятъ лишь путаницу¹⁾. Въ засѣданіи 2-го ноября, по окончаніи чтенія разныхъ мнѣній по вопросамъ о правахъ купечества, маршалъ замѣтилъ, что, несмотря на его прежнія напоминанія, депутатъ отъ города Тары Вѣкишевъ, въ поданномъ голосѣ, представляетъ о укрѣпленіи привилегій христіанскій законъ идолопоклонниковъ, магометанъ, также и о подкидышахъ, чтобы оны вѣчно принадлежали тѣмъ, къмъ приняты и воспитаны будутъ. На вопросъ маршала, какъ поступить, онъ получилъ отъ присутствовавшихъ отвѣтъ, чтобы отдать тотъ голосъ Вѣкишеву обратно²⁾.

Въ Большой Комиссіи говорили весьма мало, а читали много. Читался въ каждомъ засѣданіи протоколъ предыдущаго засѣданія, затѣмъ цѣля главы изъ Большаго Наказа³⁾, перечни законовъ, отнесенныхъ къ тому предмету, который былъ на очереди, наказы депутатскіе, мнѣнія ихъ и возраженія. Лишь въ видѣ исключенія депутаты дѣлали свои замѣчанія усно.

Преобладаніе письменнаго изложенія было, какъ кажется, важнымъ затрудненіемъ, препятствовавшимъ достиженію цѣли. Пренія по какому-либо вопросу такимъ образомъ не могли быть оканчиваемы въ одною и томъ же засѣданіи. Часто пререканія между двумя, тремя депутатами тянулись весьма долго, возобновляясь въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго примѣра:

Въ засѣданіи 12-го октября 1767 года депутатъ отъ города Уфы, Подъячевъ, прочиталъ мнѣніе, въ которомъ говорилось о необходимости ограничить торговлю крестьянъ. Не раньше какъ въ засѣданіи 24-го октября ему возражалъ депутатъ отъ сибирскихъ казаковъ, Андциферовъ. Затѣмъ въ засѣданіи 2-го ноября Андциферову возражалъ депутатъ отъ города Тобольска, Медвѣдевъ, а въ засѣданіи 12-го ноября Андциферовъ прочиталъ мнѣніе, въ которомъ старался опровергнуть мнѣнія, высказанныя Медвѣдевымъ. Это мнѣніе обнимало 18 пунктовъ и было изложено крайне подробно; имѣло оно характеръ демонстраціи цѣлаго сословія инородцевъ противъ купече-

¹⁾ Сб. И. О. VIII, 130.

²⁾ Сб. И. О. VIII, 212.

³⁾ Въ самомъ наказѣ имъ встрѣчается предписаніе, чтобы онъ былъ прочитываемъ не крайней мѣрѣ по одному разу еженѣдельно.

ства, такъ какъ къ нему присоединились многіе Татары, Черемисы, Башкиры, Мещеряки, Чуваши, Телтяры и проч. ¹⁾

Въ какой мѣрѣ недоставало точно опредѣленной программы очередныхъ занятій, видно изъ слѣдующихъ данныхъ.

Въ октябрѣ обсуждались законы о купечествѣ. Вдругъ были прочтаны заявленія депутатовъ лифляндскаго и эстляндскаго дворянства, относившіяся къ правамъ и привилегіямъ этихъ провинцій. Маршалъ предложилъ: не будетъ ли признано за нужное заняться ими по окончаніи законовъ о купечествѣ и собраніе изъявило согласіе ²⁾. Дѣйствительно, въ засѣданіи 20-го ноября началось чтеніе этихъ законовъ; значитъ, пренія о правахъ купечества могли считаться оконченными, хотя они не привели къ опредѣленному результату. Мы видимъ однако, что и въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи 22-го ноября собраніе должно было опять выслушать нѣсколько мѣній, относившихся къ законамъ о купечествѣ, то-есть вексельному праву, пробѣ серебряныхъ товаровъ и т. п., и только въ концѣ этого засѣданія оно возвратилось къ правамъ и привилегіямъ Лифляндіи и Эстляндіи ³⁾.

Открывая засѣданіе 28-го ноября, маршалъ объявилъ, что такъ какъ теперь обсуждаются эстляндскія и лифляндскія привилегіи, то и не слѣдуетъ болѣе подавать голосовъ на законы о купечествѣ.

Несмотря на это заявленіе маршала, въ этомъ засѣданіи не говорилось вовсе о Прибалтійскомъ краѣ, а слушались только мѣнія о купечествѣ. Только въ засѣданіи 27-го ноября начались настоящіе пренія о правахъ Эстляндіи и Лифляндіи, что, впрочемъ, не мѣшало собранію еще даже въ декабрѣ возвращаться къ законамъ о купечествѣ.

Ни дирекціонная коммиссія, которая должна была направлять занятія собранія, ни маршалъ Вибиковъ, ни генераль-прокуроръ Ваземскій, ни директоръ составленія дневныхъ записокъ Андрей Шуваловъ не были въ состояніи руководить собраніемъ надлежащимъ образомъ, стараясь о сбереженіи времени и достиженіи цѣли.

Даже вопросъ о томъ, что вообще могло быть предметомъ обсужденія въ собраніи и что нѣтъ, оставался какъ-то нерѣшеннымъ, не

¹⁾ Сб. Н. О. VIII, 98, 156, 204, 245

²⁾ Сб. Н. О. IV, 221.

³⁾ Сб. Н. О. VIII, 321—331

яснымъ, спорнымъ, какъ видно, между прочимъ изъ слѣдующихъ давнихъ.

Въ обрядѣ выбора было сказано (§ 27), что „въ представленіи о общихъ нуждахъ не должно вносить никакихъ партикулярныхъ дѣлъ, кои всегда судебными мѣстами разобраны быть должны“. Несмотря на это, въ разныхъ засѣданіяхъ обсуждался вопросъ о мѣрѣ виновности Саратовскаго полиціймейстера, потому что въ депутатскомъ наказѣ саратовскихъ черносошныхъ крестьянъ были помѣщены жалобы на этого чиновника. Тутъ было сказано, что полиціймейстеръ Иванъ Милоховъ употребляетъ отъ крестьянъ сотскихъ и десятскихъ, мимо военныхъ, къ содержанію въ полиціи карауловъ и для домашнихъ своихъ работъ и проч. За Милохова заступился депутатъ отъ керенскаго дворянства Гаврила Ломоносовъ, стараясь доказать законность и цѣлесообразность его дѣйствій. Но въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи читался наказъ отъ пахотныхъ солдатъ города Саратова и тутъ также жаловались на Милохова, который наряжаетъ ихъ въ караулы какъ по городу, такъ и при своей квартирѣ и т. д. ¹⁾

Очевидно, все это должно было быть разобрано судебными мѣстами. Если часто повторялись бы подобныя пренія, то Большая Комиссія легко могла бы превратиться въ какое-то судебное мѣсто. Однако при другомъ подобномъ случаѣ маршалъ счужѣлъ отстранить такія пренія.

Въ засѣданіи 7-го ноября депутатъ города Симбирска отъ пахотныхъ солдатъ Ефимъ Нетуракинъ просилъ защитить его отъ напрасно нанесенной ему короннымъ повѣреннымъ Петромъ Хлѣбниковымъ обиды. По предложенію маршала, собраніе опредѣлило: означенное представленіе отослать въ правительствующій сенатъ, чрезъ генераль-прокурора, для исходатайствованія просителю удовлетворенія по законамъ ²⁾. Не странно ли однако, что маршалъ въ данномъ случаѣ счелъ нужнымъ предоставить собранію рѣшеніе вопроса о томъ, что нужно сдѣлать съ этимъ представленіемъ Нетуракина, которое не подлежало обсужденію собранія?

Программа занятій комиссіи оказалась тѣмъ болѣе обширною, чѣмъ менѣе она была опредѣлена въ точности. Вотъ, наиряжѣрь, случай, доказывающій это:

Въ то время, когда собраніе было занято чтеніемъ и обсужденіемъ

¹⁾ Об. И. О. IV, 113, 131.

²⁾ Об. И. О. VII, 228.

законовъ о кувечестѣхъ, въ засѣданіи 19-го ноября 1767 года депутатъ отъ переминьскаго и воротническаго дворянства, Левъ Нарышкинъ, прочиталъ весьма подробное мнѣніе о страшной смертности въ народѣ, особенно же въ крестьянскомъ сословіи. Онъ требовалъ ясныхъ энергическихъ мѣръ противъ повальныхъ болѣзней, умноженіе числа лекарей, повивальныхъ бабокъ, учрежденіе аптекъ и проч. Это мнѣніе заставило депутата Уфимскаго уѣзда отъ смоленскаго шляхетства Егора Тихановскаго сообщить собранію о двухъ средствахъ для леченія болѣзни отъ сильныхъ морозовъ: состояли они въ орнаментъ квашенномъ растворѣ и ржаной мукѣ, размѣшанной въ студеной водѣ. Собраніе опредѣлило послать это мнѣніе въ медицинскую коллегію для дальнѣйшаго распорядженія. Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ Лѣву Нарышкину довольно ловко и очень подробно возражалъ депутатъ отъ медицинской коллегіи баронъ Ашъ, и представилъ объ этомъ же предметѣ обстоятельное мнѣніе еще другой депутатъ, старавшійся играть роль посредника между Нарышкининымъ и барономъ Ашевымъ¹⁾.

При столь широкихъ разбѣрахъ программы, при недостаткѣ проекта законовъ, нельзя удивляться, что настоящая цѣль созванія комиссій не была достигнута: новое уложеніе не состоялось. За то другая цѣль, являвшаяся въ виду императрицею,—собрать свѣдѣнія о состояніи всего государства—было разрѣшено успѣшно.

Уже выше было указано на мнѣніе А. И. Вибикова, что „предпріятіе было рановременно и умы большей части депутатовъ не были еще къ сему приготовлены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которая требовалась къ столь важному дѣлу“.

Этотъ отзывъ едва ли можетъ считаться справедливымъ. Уже число тѣхъ членовъ Большой Комиссіи, которые участвовали въ преніяхъ и тѣмъ самымъ свидѣтельствовали о нѣкоторой способности къ участию въ этомъ дѣлѣ, оказывается довольно значительнымъ. Изъ числа 564 депутатовъ 202 подавали мнѣнія, дѣлали возраженія, замѣчанія²⁾. Такое процентное отношеніе намъ кажется удовлетворительнымъ.

Разумѣется, степень умственнаго развитія, познаній и образованія была неравнообразна. Между депутатами мы встрѣчаемъ людей, при-

¹⁾ Сб. И. О. VIII, 302, 321, 352.

²⁾ Г. Визинъ въ Р. Вѣстн. 1876 г. 121, стр. 566; см. такъ болѣе подробное изложеніе этого вопроса.

надлежащихъ къ лучшему обществу, какъ напримѣръ, Щербатова, отличавшагося необычайно богатою эрудиціею, но также и людей, которые были знакомы лишь съ нуждами своей родины въ тѣсномъ смыслѣ и не имѣли никакого понятія о задачахъ законодателя въ болѣе широкомъ смыслѣ. Возлѣ замѣчательныхъ ученыхъ, каковы напримѣръ, академикъ Гергардъ Фридрихъ Миллеръ и Гадебушъ, мы видимъ Башкировъ и Самоѣдовъ, которые болѣею частью едва ли были въ состояніи дать себѣ отчетъ объ отвѣтственности лежащей на членахъ собранія. Разумѣется, нельзя сравнить способности Библикова, Вяземскаго, Петра Панина и проч. съ ограниченнымъ умственнымъ горизонтомъ того или другаго депутата отъ пахатныхъ солдатъ или отъ какихъ нибудь сибирскихъ казаковъ.

Уже то обстоятельство, что почти всѣ ораторы часто ссылались на Большой Наказъ Екатерины, какъ намъ кажется, служитъ доказательствомъ, что не только люди высшихъ классовъ общества, но и простолюдины были въ состояніи выкинуть въ духъ этого замѣчательнаго сочиненія и заимствовать оттуда кое какія средства для усиленія аргументаціи при поддержаніи своихъ интересовъ. Нѣкоторые параграфы Большаго Наказа особенно часто служили цитатами при защищеніи нѣкоторыхъ сословныхъ правъ и преимуществъ. Такъ напримѣръ, § 360: „Дворянство есть нарицаніе въ чести различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены“ очень часто встрѣчается въ мнѣніяхъ, поданныхъ дворянскими депутатами. Купцы любили ссылаться на § 317: „Торговля оттуда удаляется, гдѣ ей дѣлаютъ притѣсненіе, и водворяется тамъ, гдѣ ея спокойствія не нарушаютъ“. Очевидно Наказъ, находившійся въ рукахъ каждаго депутата, читался много и не безъ пользы. Нѣкоторые мнѣнія, поданные депутатами различныхъ сословій, заключаютъ въ себѣ много мыслей, высказанныхъ Екатериною. Тутъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, мысль о соответствіи климата и почвы страны съ историческимъ развитіемъ, правами и обычаями народа, далѣе указанія на этнографическія и культурно-историческія данныя разныхъ вѣковъ; весьма часто говорится объ исторіи дворянства, объ исторіи торговли, о кротости и гуманности, о благѣ народа, о всеобщемъ матеріальномъ благосостояніи совершенно въ духѣ Наказа, и такого рода возрѣнія встрѣчаются не только въ рѣчахъ знатныхъ лицъ, но и въ мнѣніяхъ купцовъ, крестьянъ или казаковъ. Екатерина, какъ писательница, могла быть довольна дѣйствіемъ, произведеннымъ ея сочиненіемъ. Большой

Наказъ, какъ видно изъ множества ссылокъ на него во время прений, былъ популярнымъ трудомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова ¹⁾.

И между крестьянами были люди охитные, разсуждавшіе мѣтко и правильно. Разумѣется, иногда высказывались и довольно наивныя мысли. Когда, по случаю прений о депутатскомъ Наказѣ Каргопольскихъ крестьянъ, былъ затронутъ вопросъ объ ограниченіи лова звѣрей въ известное время года, депутатъ отъ чернососинныхъ крестьянъ Архангелогородской провинціи Чупровъ замѣтилъ, что „если ловамъ дозволить во всякое время, то звѣрей и птицъ не убавится, а если запретить, то не прибавится, потому, что уменьшеніе и умноженіе состоитъ во власти Всемогущаго Бога“ ²⁾. Но тотъ же самый Чупровъ въ другихъ случаяхъ говорилъ дѣльно и благоразумно и нѣсколько разъ участвовалъ въ преніяхъ по разнымъ вопросамъ. Его замѣчанія о необходимости дозволенія крестьянамъ участвовать въ дѣлахъ торговли могутъ быть названы мѣткими и вѣскими. Даже Чуваши, Мордвини, Татары и прочіе инородцы представляли нѣсколько разъ обстоятельныя мнѣнія по разнымъ вопросамъ тогда, когда шла рѣчь о нихъ край, о ихъ мѣстныхъ нуждахъ. Иногда такіе скромные элементы въ собраніи дѣлали довольно важныя предложенія общаго свойства. Такъ, напримѣръ, депутатъ отъ казаковъ Хоперской крѣпости, Андрей Алейниковъ, предложилъ замѣнить денежное взыскаіііе за безчестіе, какъ непристойное для всего государства, тѣлеснымъ наказаніемъ для всѣхъ сословій безъ изъятія, „не смотря ни на какое достоинство“. Выѣстъ съ тѣмъ онъ представлялъ, чтобы съ гражданина, употребляющаго непристойную брань, брать не ни рублю на содержаніе богадѣленъ, кто же будетъ не въ состояніи заплатить этой суммы, того наказывать плетью, хотя бы въ нарушеніи сего правила взыблеченъ былъ и дворянинъ, то и ему не дѣлать въ томъ никакого послабленія; даже и въ шуткахъ ругательную

¹⁾ Въ одномъ случаѣ ссылка на Наказъ оказывается, какъ намъ кажется, не совсѣмъ удачною. Депутатъ Оболенскаго дворянства, М. Глазовъ, отстаивалъ весьма упорно права столбового дворянства и предлагалъ, чтобы никто изъ дворянъ не былъ производимъ въ оберъ-оенцерскіе чины, сослался на § 245 Наказа: «Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространялось между людьми». Трудно повѣтъ, какова была связь между этии параграфомъ и предложеніемъ Глазова. См. Сб. Н. О. IV 312.

²⁾ Сб. Н. О. IV, 77.

брань не употреблять, ибо отъ сего происходятъ многія дурныя слѣдствія ¹⁾).

Значительно выдавались нѣкоторые малороссійскіе депутаты. Въ мнѣніяхъ ихъ замѣтна даже риторика, процвѣтавшая въ этомъ краѣ со времени учрежденія Киевской академіи. Особенно краснорѣчиво говорилъ депутатъ Гадяцкаго, Миргородскаго и Полтавскаго полковъ отъ шляхетства Николай Мотонисъ объ ужасахъ войны и о блаженствѣ мира ²⁾.

Примѣрами особеннаго пафоса могутъ служить, между прочимъ рѣчь депутата отъ Бахмутскаго и Самарскаго гусарскихъ полковъ Михаила Тошковича объ ужасахъ одиночной продажи крестьянъ ³⁾, мнѣніе депутата серебро-плавильнаго Барнаульскаго завода Ивана Каршова противъ участія крестьянъ въ дѣлахъ торговли ⁴⁾; рѣчь маіора фонъ-Блумена въ защиту правъ и привилегій Остзейскаго края и нѣкоторыя прекрасныя рѣчи князя Шербатова, который безспорно занималъ первое мѣсто между всеми депутатами и своимъ образованіемъ, и своими способностями, и энергіею своего характера.

Что касается до общаго впечатлѣнія, производимаго собраніемъ на очевидцевъ, то мы имѣемъ любопытный разказъ современника-дипломата. Англійскій посланникъ Каскартъ присутствовалъ въ одномъ засѣданіи въ августѣ 1768 года и сообщилъ англійскому министру слѣдующее:

„Графъ Шуваловъ, стоящій во главѣ комиссіи депутатовъ для составленія проекта новаго уложенія, сообщилъ мнѣ, что вчера должно было произойти общее собраніе и что подлѣ той галлерей, откуда императрица иногда наблюдаетъ за ихъ дѣйствіями, есть еще другая галлерей, куда онъ приважетъ, чтобы впустили меня вмѣстѣ съ лицами, которыхъ бы я пожелалъ пригласить съ собой. Предложеніе это было слишкомъ заманчиво для того, чтобы отъ него отказаться“.

„Комната эта также, какъ и всѣ комнаты, занятыя комитетомъ, расположены въ зимнемъ дворцѣ, который въ настоящую минуту передѣлывается въ тѣхъ видахъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ немъ поселится Ея Императорское Величество. Въ настоящую минуту могу только сказать, что то, что я изъ него видѣлъ, по мнѣнію моему, не

¹⁾ Сб. Н. О. VIII, 122.

²⁾ Сб. Н. О. IV, 167—170.

³⁾ Сб. Н. О. VIII, 244.

⁴⁾ Сб. Н. О. VIII, 274—282.

уступать ни по размаху, ни по великолѣпію плану, составленному Инго Джонсомъ для Уайтгола (Whitehall), съ которыми онъ имѣетъ также соотношеніе касательно своего счастливаго положенія на берегу прекрасной рѣки, могущей по справедливости сравниться съ Темзой, будучи такъ широка, что по ней свободно ходятъ суда значительной величины. Во дворцѣ этомъ есть комната, которую я видѣлъ только черезъ окно, но мнѣ говорили объ ней, что она такъ же велика, какъ зала въ Вестминстерѣ. Насъ ввели въ галлерей, расположенную надъ комнатою, гдѣ происходило засѣданіе, и отдѣленную отъ нея рѣшеткой. Въ эту минуту засѣданіе еще не начиналось, знакомыя мнѣ лица были по большей части военные, одѣтые въ мундиры и украшенные знаками различныхъ орденовъ; чиновники по большей части состояли изъ офицеровъ, а прислуга, какъ мнѣ сказали, была набрана между унтеръ-офицерами. Представители различныхъ частей этой огромной Имперіи столь многочисленны, что нѣтъ возможности перечислить въ дещнѣ ихъ имена и костюмы; списокъ этотъ составилъ бы цѣлую глѣбу героической поэмы.

Комната казалась до того наполненной, а различныя группы были до того заняты разговоромъ, что невозможно было смотрѣть на собраніе, не вспоминая о ичелиномъ ульѣ. Тронъ императрицы занимаетъ одну часть комнаты; на противоположномъ концѣ и по обѣимъ сторонамъ разставлены скамейки, какъ въ нашей палатѣ депутатовъ (House of Commons), на дѣло отъ трона поставленъ столъ; у верхняго конца его стулъ для предсѣдателя коммисіи, а въ сторонѣ два другихъ стула, одинъ для предсѣдателя, руководящаго ходомъ дѣла, а другой для генераль-прокурора, который засѣдаетъ въ качествѣ члена, назначеннаго со стороны императрицы и имѣетъ право дѣлать заявленія отъ ея имени, въ случаѣ, если бы были нарушены основныя законы.

Члены размѣщены по губерніямъ, при чемъ изъ cadaго уѣзда выбранъ дворянинъ, купецъ или ремесленникъ и свободный крестьянинъ, и такъ какъ мѣста зануерованы, то они и садятся въ такомъ порядкѣ. Духовенство имѣетъ лишь одного представителя, архіепископа, который одинъ только помѣщается на право отъ трона. При открытіи засѣданія всѣ заняли свои мѣста, послѣ чего воцарилась полнѣйшая тишина, и самое напряженное вниманіе, продолжавшееся до часа, когда засѣданіе было прервано. «*Sedant arma togae*» составляетъ правило, не признаваемое этимъ собраніемъ; въ немъ не было ни одного чернаго платья, вообще ни одного, похожаго на обыкновенный костюмъ юриста. Предсѣдатель, генераль-лейтенантъ, весьма

часть оскуин, отд. 2.

воинственной наружности и кавалеръ ордена Бѣлаго Орла, не имѣлъ ни мѣшка ни посоха, но вставая для того чтобы говорить, онъ бралъ въ руки булаву, называемую маршальскимъ жезломъ, и обращался къ собранію съ громкою, явственною и методичною рѣчью: онъ сказалъ имъ, какъ имѣ передавали, что такъ какъ на предъидущемъ засѣданіи былъ возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы за всѣми лицами, достигнувшими офицерскаго чина, было признано дворянство, основаніи къ чему были изложены письменно, а въ настоящее засѣданіе было подано противоположное тому мнѣніе, вмѣстѣ съ изложеніемъ его причинъ, прочитанныхъ собранію, то онъ обязанъ рѣшить этотъ вопросъ большинствомъ голосовъ посредствомъ баллотировки, во время которой одинъ чиновникъ читалъ вслухъ часть инструкціи императрицы, которую повелѣно перечитывать исполнѣ ежемѣсячно, для того чтобы тверже сохранять ее въ памяти каждаго изъ членовъ; весь томъ немного больше обряда управленія налаты лордовъ. По перечисленіи голосовъ оказалось, что согласныхъ 242, а несогласныхъ, къ удивленію моему, 213.

„Мнѣ говорили, что часто вопросы не проходятъ, часто голоса раздѣляются на самыя мелкія партіи, и что одинъ членъ (по имени Урскинсъ, профессоръ изъ Лифляндіи) не соглашается почти ни на одно предложеніе; нѣсколькимъ лицамъ былъ данъ отпускъ, другимъ отставка и вмѣстѣ ихъ объявлено избраніе новыхъ членовъ, послѣ чего предводитель закрылъ засѣданіе“.

Затѣмъ слѣдуетъ весьма любопытное замѣчаніе англійскаго посланника: „Все это установленіе представляется мнѣ чѣмъ-то въ родѣ подмостковъ, которые безъ сомнѣнія будутъ разбросаны, какъ ненужныя гѣса, тотчасъ по окончаніи императрицей всего великаго зданія. Она составила проектъ новаго уложенія законовъ на собственныхъ основаніяхъ, но въ смыслѣ исполнѣ соответствующемъ съ дѣйствительными интересами и характеромъ всѣхъ ея подданныхъ и пр.“¹⁾

Дѣло въ томъ, что, какъ мы уже знаемъ, императрица не составила предварительно проекта новаго уложенія и что несуществованіе такого проекта служило важнымъ препятствіемъ успѣха всего предпріятія.

Мы увидимъ въ послѣдней главѣ нашего очерка, какъ разнообразны были занятія Вольшой Комиссіи, какъ часто, если такъ можно вы-

¹⁾ Сб. И. О. XII, 357—360.

развиться, мѣнялась система этикъ занятій, какъ всё пренія оставались фрагментами, не имѣли никакой законченности.

Очередь занятій и закрытіе собранія.

Въ манифестѣ отъ 14-го декабря 1766 года было сказано, что засѣданія Большой Коммиссіи начнутся черезъ шесть мѣсяцевъ. Когда, въ томъ 1767 года, депутаты собрались въ Москвѣ въ достаточномъ числѣ (до 460 человекъ), то сенатъ донесъ о томъ императрицѣ, и вслѣдствіе сего 24-го іюля 1767 г. послѣдовалъ указъ объ открытіи Коммиссіи 30-го іюля.

Г. Полѣновъ сообщилъ весьма любопытныя подробности о церемоніи открытія собранія и о рѣчахъ, произнесенныхъ при этомъ случаяхъ ¹⁾. Изъ документовъ, хранящихся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, мы узнаемъ, что рѣчь Голицына была сочинена самою императрицею ²⁾. На другой день, 31-го іюля, происходило первое засѣданіе, въ Грановитой палатѣ. Сиверсъ, губернаторъ Новгородскій сообщаетъ что къ сожалѣнію, собранію было предоставлено весьма неудобное помѣщеніе ³⁾. И о томъ, какъ былъ избранъ маршалъ собранія весьма подробно разказано въ изданіи г-на Полѣнова.

Занятія кончились чтеніемъ Большаго Наказа. Въ пятмъ засѣданіи происходили пренія о поднесеніи императрицѣ, въ знакъ благодарности, титула матери отечества и пр. Были сдѣланы на этотъ счетъ разныя предложенія. Узнавъ объ этихъ преніяхъ, Екатерина писала къ Вибикову: „Я нигдѣ не желала дѣлать разсмотрѣніе законовъ, а они дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ“.

12-го августа происходилъ торжественный пріемъ депутатовъ которые поднесли императрицѣ титулъ Великой, премудрой Матери Отечества; отвѣтная рѣчь Голицына на это предложеніе была сочинена также, какъ и рѣчь, сказанная имъ 31-го іюля, самою императрицею. Собственноручные проекты и рѣчи Голицына и краткой рѣчи самой Екатерины нашлись между бумагами въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. ⁴⁾ Такіе торжественные случаи по-

¹⁾ См. Сб. И. О. IV, 34—39. См. также нѣкоторые данныя въ камеръ-курьерскомъ журналѣ 1767 г., стр. 273—276.

²⁾ Сб. И. О. X, 234—235.

³⁾ «In einer schlechten Wohnung gearbeitet». Blum I. 260.

⁴⁾ Сб. И. О. X, 226—227.

вторялись и въ то время существованія Большой Комиссіи, къ которому пока еще не относятся архивныя дѣла, издавныя Историческимъ Обществомъ; такъ, напримѣръ, въ ноябрѣ 1768 года депутаты поздравили императрицу съ выздоровленіемъ послѣ привитія оспы. Принимая депутатовъ, Екатерина замѣтила имъ, что она „ежедневно видить, съ какою ревностью и усердіемъ они трудятся въ порученномъ имъ дѣлѣ, и она смотритъ на ихъ труды какъ на полезнѣйшіе для всѣхъ и каждаго“¹⁾).

Дѣйствительно, императрица постоянно съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за ходомъ занятій Большой Комиссіи, какъ видно особенно изъ множества записокъ ея къ маршалу собранія. Въ октябрѣ 1767 года она послала ему журналы англійскаго парламента, которые могли служить образцомъ при составленіи дневныхъ записокъ Большой Комиссіи. Въ одной позднѣйшей запискѣ къ Бибикову сказано: „Бога для не спѣшите: оставьте было на столѣ и взять время, ибо скажутъ, что вы ихъ приволиваете“. Въ разныхъ запискахъ Екатерина направляла дѣятельность Бибикова и давала ему совѣты какъ вести дѣла въ извѣстныхъ случаяхъ. Особенное участіе она принимала въ вопросѣ о привилегіяхъ Остзейскаго края²⁾.

Пзбраніе маршала, учрежденія дирекціонной комиссіи и чтеніе Большаго Наказа были предметомъ занятій первыхъ семи засѣданій. Затѣмъ началось чтеніе и обсужденіе депутатскихъ наказовъ. Это занятіе продолжалось около трехъ недѣль, въ четырнадцати засѣданіяхъ было рассмотрѣно около двѣнадцати депутатскихъ наказовъ: одноворцевъ, пахатныхъ солдатъ и пр.

Нельзя не удивляться такому способу занятій Большой Комиссіи. Неужели сначала намѣревались просмотрѣть такимъ образомъ всѣ 564 наказа? Это потребовало бы по крайней мѣрѣ столько же засѣданій, то-есть продолжалось бы, безъ сомнѣнія, два или три года. При Большой Комиссіи существовала особая комиссія для разбора депутатскихъ наказовъ. Она могла бы заняться сводомъ и группировкою всѣхъ данныхъ, заключавшихся въ нихъ. Содержаніе ихъ, приведенное въ систему, скорѣе могло бы съ успѣхомъ сдѣлаться предметомъ обсужденія въ большомъ собраніи. Въ каждомъ почти депутатскомъ наказѣ было затронуто множество разнообразныхъ вопросовъ. При чтеніи и обсужденіи содержанія депутатскихъ наказовъ въ той очередѣ

¹⁾ Сб. Н. О. X, 306.

²⁾ Сб. Н. О. X, 253, 270—74.

въ которой говорилось въ нихъ о всевозможныхъ предметахъ, едва ли можно было рассчитывать на какой бы то ни было результатъ. Такъ и вышло. Пренія о частныхъ вопросахъ наказовъ Каргопольскихъ, Саратовскихъ и прочихъ крестьянъ были полезны, интересны вообще, однако не могли повести къ определенной цѣли, оставаясь такъ сказать бесѣдой о земледѣліи и лѣсоводствѣ, о почтовыхъ учрежденіяхъ, объ отношеніи крестьянъ въ другія сословія и пр. Такимъ путемъ нельзя было думать объ осуществленіи намѣренія составить проектъ новаго уложенія.

Еще въ то самое время, когда происходило чтеніе и обсужденіе нѣкоторыхъ наказовъ, продолжавшееся до 21-го сентября, началось уже въ засѣданіи 11-го сентября чтеніе законовъ о правахъ дворянства.

При этомъ собраніе дѣйствовало какъ-то болѣе систематически. Сначала читались всѣ законоположенія, относящіяся къ правамъ дворянства, начиная съ уложенія царя Алексѣя Михайловича по 12-е декабря 1766 года. Затѣмъ начались пренія. Обнаружилось существованіе двухъ партій. Происходила уворная борьба между лицами, отстаивавшими исключительное и преимущественное положеніе древнихъ своихъ родовъ, и тѣми, которые недавно были поставлены на одну степенъ или вовсе не принадлежавшими къ сословію дворянъ. Обсуждался вопросъ: считать ли дворянами тѣхъ, которые, на основаніи таблицы о рангахъ, дослужились до офицерскаго чина, хотя и поступили на службу изъ простаго званія, или дворянами признавать только одни древніе роды?

Чтеніе законовъ о дворянствѣ съ мнѣніями и возраженіями депутатовъ продолжалось до 2-го октября и заняло одиннадцать засѣданій. Нельзя отрицать, что эти пренія для правительства, какъ настоящаго законодателя, были въ высшей степени полезны и значительно содѣйствовали уясненію столь важнаго вопроса. Но все-таки и они какъ-то остались безъ окончательнаго результата. 2-го октября маршалъ Бибиковъ предложилъ собранію, чтобы всѣ прочитанные законы и мнѣнія отослать въ дирекціонную комиссію о разборѣ государственныхъ родовъ, которая и займется составленіемъ особаго объ этомъ предметѣ положенія.

Между тѣмъ уже прежде, въ засѣданіи 25-го сентября, значить въ то время, когда еще не было перваго обсужденія о правахъ дворянства, Большая Коммиссія обратилась къ законамъ о кучествѣ. Чтенію ихъ, сопровождавшемуся многочисленными замѣчаніями, по

свищено было 46 засѣданій. Много говорили при этомъ случаѣ купцы и крестьяне, по отчасти и дворяне. Купцы заботились объ ограниченіи права крестьянъ участвовать въ торговлѣ; крестьяне отстаивали свое право; дворяне также говорили въ пользу крестьянъ. Борьба была довольно оживленная. Далѣе обсуждался вопросъ о фабрикахъ, то-есть вопросъ о томъ, на сколько купцы должны были имѣть право содержать фабрики и покупать къ нимъ земли и крестьянъ и т. п. Купцы при своихъ притязаніяхъ ссылались на законы Петра Великаго, дворяне же старались доказать, что и эти законы, какъ и положенія Петра о новомъ дворянствѣ, могли имѣть лишь временное значеніе и пр. Разсужденія объ этихъ законахъ и о разныхъ вопросахъ, относящихся къ купечеству и торговлѣ, продолжались до 7-го декабря, и также не повели къ опредѣленной цѣли.

Между тѣмъ уже въ октябрѣ со стороны ливляндскихъ и эстляндскихъ депутатовъ были сдѣлапы заявленія, относящіяся къ правамъ и привилегіямъ этихъ провинцій. Маршалъ Бибииковъ предложилъ тогда же собранію отложить чтеніе этихъ привилегій и обсужденіе всего означеннаго вопроса до окончанія премій о купечествѣ. Но уже прежде, а именно 20-го ноября, началось обсужденіе вопроса о Прибалтійскомъ краѣ. Въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ были прочитаны ливляндскія и эстляндскія привилегіи, пренія были весьма оживленныя. Нѣсколько голосовъ, поданныхъ депутатами на означенныя привилегіи, выразили мнѣніе, чтобы для этихъ областей были постановлены тѣ же законы, какъ и для прочихъ составныхъ частей государства. Депутаты Прибалтійскаго края отстаивали особенность послѣднѣяго. Эти пренія продолжались до 14-го декабря 1767 года.

Въ этотъ день маршалъ, заключая семдесятъ седьмое засѣданіе, авалъ рѣчь, въ которой онъ объявилъ, что занятія Большой Комиссіи прерваны и что засѣданія будутъ вновь открыты въ С.-Петербургѣ 18-го февраля 1768 года ¹⁾.

Въ означенный день въ Зимнемъ дворцѣ было открыто 78-е засѣданіе Большой Комиссіи. Послѣ вступительной рѣчи маршала ²⁾ началось чтеніе законовъ, относящихся до юстиціи; къ нимъ же относились въ то время и положенія объ обязанностяхъ, предписываемыхъ христіанскою вѣрою и установленіями церкви. Занятія этимъ предметомъ продолжались съ 18-го февраля до 7-го іюля и занимали около

¹⁾ Сб. И. О. VII, 382.

²⁾ Сб. И. О. XIV, 1.

70 засѣданій. Только отчасти подробности этихъ преній сдѣлались известными чрезъ вѣданіе г-на Полѣнова, доведенное лишь до 20-го марта (102 засѣданіе). О слѣдующихъ затѣхъ событіяхъ ми узнаемъ кое-что почти исключительно изъ предисловія къ IV тому Сборника Историческаго общества. Тутъ, между прочимъ, разсказано о слѣдующемъ эпизодѣ:

Одно изъ мнѣній, поданныхъ по законамъ о юстиціи, коснулось вопроса о хрѣстостныхъ крестьянахъ и о власти надъ ними помѣщиковъ. Этотъ предметъ возбудилъ въ комиссіи сильныя споры. Когда дошли до чтенія законовъ о бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянахъ, то многіе изъ депутатовъ, объясняя причины этого безпорядка, предложили вывѣстѣ съ тѣмъ и мѣры къ его прекращенію. Депутатъ отъ Козловскаго дворянства Григорій Коробьинъ (артиллерія поручикъ), въ засѣданіи 5-го мая 1768 года, въ мнѣніи своемъ объяснилъ, что много есть такихъ помѣщиковъ, которые берутъ съ крестьянъ большія подати, чѣмъ бы слѣдовало; есть и такіе, которые, войдя въ значительныя долги, отдають людей своихъ для зарабатыванія денегъ на уплату однихъ процентовъ, и чрезъ то отлучаютъ ихъ отъ земледѣлія; наконецъ, находятъ и такіе, которые, увидѣвъ у крестьянина какое-либо небольшое, своимъ трудомъ добытое имущество, его отнимають. Всѣ эти случаи, говорилъ депутатъ Коробьинъ, и бывають причиною, что крестьяне, желая избавиться отъ отягощенія, оставляють и свои дома, и помѣщика. Сославшись на статьи Большаго Наказа (261, 269, 270, 275, 276, 277 и 295), онъ признавалъ за нужное ограничить власть помѣщиковъ надъ имѣніемъ ихъ крестьянъ и силою закона оградить собственность сихъ послѣднихъ. Личное же управленіе помѣщиковъ надъ крестьянами, депутатъ Коробьинъ полагалъ оставить въ прежнемъ положеніи. На это мнѣніе было подано болѣе 20 голосовъ, изъ которыхъ 18 были противъ мысли депутата Коробьина, и только 3 за него. Большинство депутатовъ въ опроверженіяхъ своихъ, признавая эту мѣру вообще вредною для государства, подѣрживали возраженія свои тѣмъ, что считали совершенно невозможнымъ разъединить два права, тѣсно между собою связанныя, то-есть, оставить у помѣщиковъ власть надъ лицомъ и отнять ее надъ имуществомъ этого самаго лица. Одинъ изъ членовъ комиссіи, возражавшихъ на мнѣніе Коробьина, депутатъ отъ дворянства Гороховецкаго уѣзда Александръ Протасовъ, между прочимъ, сказалъ, что если принять мнѣніе Коробьина, „то не останется другаго способа, какъ сдѣлать

крестьянъ свободными, еслибъ на то монаршее было соизволеніе⁴; но и въ такомъ случаѣ, по его мнѣнію, это надлежало сдѣлать исподволь.

Въ засѣданіи 10-го іюля 1768 года, маршалъ Вибиковъ объявлялъ большому собранію, что изъ дирекціонной комиссіи присланъ проектъ оправдахъ благородныхъ, составленный комиссіею о государственныхъ родахъ и дополненный замѣчаніями дирекціонной комиссіи. Этотъ проектъ былъ прочитанъ два раза. Затѣмъ начались пренія, послѣ того, какъ, по просьбѣ большинства депутатовъ, маршалъ Вибиковъ назначилъ одну недѣлю для зрѣлаго и всесторонняго обсужденія вопроса. Каждая статья прочитывалась отдѣльно и подвергалась многостороннимъ возраженіямъ.

Послѣ этого со стороны Лифляндскихъ и Эстляндскихъ, нѣкоторыхъ изъ Малороссійскихъ депутатовъ и депутатовъ Смоленской губерніи, были сдѣланы заявленія о сохраненіи древнихъ привилегій этихъ областей. Все это было выслушано въ собраніи комиссіи безъ возраженій. Но Екатерина неблагопріятно смотрѣла на подобныя заявленія, и чтобы положить имъ конецъ, маршалъ Вибиковъ, по ея повелѣнію, въ засѣданіи 9-го сентября 1768 года, обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой объяснилъ, что комиссія о сочиненіи проекта новаго уложенія, на основаніи 15 ст. даннаго ей обряда, не должна ни въ чемъ другомъ упражняться, кромѣ того, для чего именно она учреждена, то-есть, въ сочиненіи сего проекта. Между тѣмъ, депутаты Лифляндскаго, Эстляндскаго и Финляндскаго, Малороссійскаго и Смоленскаго дворянства подали заявленія, чтобы жители этихъ провинцій оставлены были при ихъ особенныхъ привилегіяхъ и чрезъ то были изъяты изъ общихъ правъ русскихъ дворянъ. Но какъ комиссія, за силою вышеприведенной статьи обряда, не можетъ входить въ разсмотрѣніе предмета, касающагося до правленія, а еще менѣе такого, который зависить единственно отъ монаршей власти, то на сего основаніи означенныя заявленія не могутъ быть не только внесены въ проектъ о правахъ благородныхъ, но даже приняты комиссіею; поэтому, присовокупилъ въ заключеніе Вибиковъ, и не остается ничего другаго сдѣлать, какъ торжественно возвратить помянутымъ депутатамъ поданыя ими заявленія, оставивъ только говоренныя ими на статьи проекта примѣчанія.

Въ сентябрѣ продолжались пренія о правахъ благородныхъ. Въ засѣданіи 7-го октября положено было, разсмотрѣнный въ большомъ собраніи проектъ о правахъ благородныхъ съ мнѣніями депутатовъ и ихъ преніями отослать въ дирекціонную комиссію.

9-го октября начали читать законы о помѣстьяхъ и вотчинахъ. Сюда вошли законы о наслѣдствѣ и о раздѣлѣ имѣній по частямъ, о выкупѣ движимаго и недвижимаго имѣнія и пр. Чтеніе этихъ законовъ продолжалось до 15-го октября. Замѣчаній на нихъ сдѣлано не много.

Наконецъ 18-го декабря 1768 года, маршалъ Бибииковъ объявилъ собранію о полученномъ комиссіею именномъ указѣ, въ которомъ императрица, объявляя, что, по случаю нарушенія мира, многіе изъ депутатовъ, принадлежащіе къ военному званію, должны отправиться къ занимаемымъ ими по службѣ мѣстамъ, повелѣвала: депутатовъ, которые, за выборомъ членовъ въ частныя комиссіи, остались въ большомъ собраніи, распустить до тѣхъ поръ, пока они вновь будутъ созваны; членамъ частныхъ комиссій остаться и продолжать свои занятія и на мѣсто членовъ этихъ комиссій, обязанныхъ отправиться къ своимъ мѣстамъ, выбрать другихъ изъ большого собранія депутатовъ.

Такимъ образомъ, Большая Комиссія о сочиненіи проекта новаго уложенія окончила свою дѣятельность и вновь уже не была созываема ¹⁾.

Предлогомъ для закрытія Большой Комиссіи была Турецкая война. Спрашивается, на сколько можно вѣрить разказамъ нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей, которые объясняли закрытіе собранія неудовольствіемъ императрицы?

Вопервыхъ, закрытіе собранія, какъ видно изъ указа, помѣщенного цѣлкомъ въ запискѣ о жизни и службѣ Бибиикова ²⁾, было лишь временное или, по крайней мѣрѣ, считалось лишь временнымъ. Центр тяжести законодательной работы, какъ мы знаемъ, находился не въ большомъ собраніи, а въ частныхъ комиссіяхъ. Эти частныя комиссіи, членовъ которыхъ было около ста человѣкъ, не только должны были оставаться въ полномъ составѣ, но даже въ указѣ о закрытіи Большой Комиссіи было предписано: „для каждой частной комиссіи, сверхъ полнаго числа членовъ, выбрать еще изъ большого собранія по три человѣка, дабы, если впередъ въ которой-либо частной комиссіи сдѣлаютъ уацма мѣста, тобъ оныя неотмѣнно заступлены

¹⁾ Сб. И. О. IV, стр. XX—XXVI.

²⁾ Стр. 28—30.

были; но и сихъ депутатовъ отпустить съ прочими, однако съ тѣмъ, чтобы они немедленно явились, когда въ нихъ окажется надобность⁶. Далѣе въ пятомъ пунктѣ предусмѣтливо было даже образованіе изъ частныхъ комиссій большаго собранія. „Естьли когда нужно будетъ собрать частныя комиссіи виѣстѣ, то маршалъ сіе учинить, согласуясь напередъ о томъ съ генераломъ-прокуроромъ“.

Кастера, какъ мы видѣли, объяснялъ закрытіе собранія возбужденіемъ въ немъ вопроса объ отиѣвѣ крѣпостнаго права. Однако, предложенія на этотъ счетъ Коробьина и Протасова относятся къ маю 1768 года, а собраніе было закрыто не ранѣе какъ въ декабрѣ; по тѣмъ даннымъ, которыми мы располагаемъ, нельзя считать вѣроятнымъ, чтобы въ продолженіе этого времени вновь происходили пренія по этому предмету.

Въ запискахъ Библикова также затрогивается вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ томъ смыслѣ, будто сдѣланныя на этотъ счетъ предложенія обнаруживаю „увлеченіе“ и „вольнодуміе“ собранія, такъ что, оно становилось опаснымъ. Последнее впечатлѣніе усиливается еще слѣдующимъ замѣчаніемъ сочинителя указа о закрытіи собранія, сообщеннаго въ приложеніи къ запискамъ Библикова. Тутъ сказано: „Должно быть исполнену благодарности, когда правители государствъ, жертвуя обширными и благодѣтельными своими намѣреніями затруднительности обстоятельствъ, вкоренѣлымъ обыкновеніемъ и предразсудкамъ и медлительности, не только останавливаютъ исполненіе своихъ предположеній и подвергаютъ оныя всѣмъ случаямъ будущаго, но даже и сокрываютъ отъ современниковъ мысли свои, чтобы не возбудить всѣ буйства страстей человѣческихъ къ истребленію того благотворнаго сѣмени, которое только единымъ временемъ и счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ вкорениться и произрасти должно“⁷).

Значить, сочинитель указа о закрытіи собранія—если только онъ въ самомъ дѣлѣ былъ авторомъ и этого замѣчанія, „сдѣланнаго къ указу“, какъ означено въ запискахъ о жизни и службѣ Библикова,—указываетъ на какую-то заднюю мысль, которою руководствовалось правительство при закрытіи собранія; умолчаніе настоящей причины оказывается необходимою мѣрою осторожности; иначе могли быть „возбуждены всѣ буйства страстей человѣческихъ“.

⁷ Зап. Библикова, 30.

Къ тому же изъ записокъ о жизни и службѣ Бибикова видно, что ему самому собраніе казалось опаснымъ и что онъ въ особомъ мнѣніи указывалъ на это обстоятельство. Вотъ что сказано на этотъ счетъ въ этомъ изданіи: „Вскорѣ императрица удостовѣрилась въ непобѣдимыхъ затрудненіяхъ, или справедливѣе сказать, въ неисполнительности ея великаго предпріятія, и убѣдилась въ истинѣ слѣдующаго предварительно даннаго Александромъ Ильичемъ мнѣніи: „что собраніе различнаго состоянія людей депутатовъ должно быть токмо съ тѣмъ, что хотя они всѣ вообще къ увеличенію государственнаго собранія, къ составленію благоразумныхъ законовъ и согласныхъ пользъ каждаго состоянія способствовать будутъ, но въ самомъ существѣ, чтобъ не они составители законовъ были, но особливо выбранныя изъ нихъ самихъ или изъ постороннихъ особъ и не столь во многомъ числѣ состоящее собраніе, и которое бы всѣ полагаемыя права и законы сообразовало съ предположенными ея величествомъ данными генеральными о законахъ правилами и со всеобщемъ, а не къ одной которой части клонящемся пользою, а большее общество депутатовъ тому законоположительному собранію доскональныя свѣдѣнія о всемъ до нихъ касающемся преподавало; инако же когда все множество различнаго состоянія депутатовъ имѣть будутъ право законоположенія, то, кромѣ многихъ затрудненій, послѣдовать можетъ и то, что всякій изъ нихъ только пользу и выгоду своихъ собратій наблюдать и о томъ печется будутъ, не размышляя о вредѣ отъ того происходящемъ въ другихъ частяхъ и во всеобщей связи¹⁾).

Мы не знаемъ когда была составлена эта „предварительная“ записка Бибикова. Можно считать вѣроятнымъ, что выраженіе „предварительно“ относится не ко времени до открытія, а скорѣе ко времени до закрытія собранія. Бибиковъ, въ качествѣ маршала, болѣе чѣмъ кто либо могъ убѣдиться въ затрудненіяхъ, которыя должно было встрѣтить предпріятіе вообще. Онъ поэтому могъ совѣтовать императрицѣ закрыть собраніе.

Мы видѣли, какъ Екатерина оказалась гораздо либеральнѣе многихъ лицъ, ее окружавшихъ. Доказательствомъ того служить уничтоженіе нѣкоторыхъ важныхъ частей Большаго Наказа. Весьма легко могло случиться, что лица, побудившія къ тому императрицу, содѣйствовали и закрытію собранія.

¹⁾ Записки Бибикова, 55—56.

О трудахъ частныхъ комиссій, оставшихся въ полномъ составѣ послѣ закрытія большаго собранія, мы знаемъ лишь слѣдующее. Въ теченіе пяти лѣтъ онѣ составили: 1) такъ называемые планы, то-есть заглавія проектовъ, и 2) небольшія части проектовъ въ видѣ опыта, именно по гражданскому праву, лишь нѣсколько главъ о правахъ семейственныхъ, которые остались однако безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Наконецъ указомъ 4-го декабря 1774 года были закрыты и частныя комиссіи; осталась одна канцеларія для справокъ ¹⁾.

Было бы несправедливо утверждать, что предпріятіе Екатерины оказалось вполне неудавшимся. Матеріалъ, собранный въ 1767 и 1768 годахъ, и группировка этого матеріала въ частныхъ комиссіяхъ послужили пособіемъ для законодательной дѣятельности слѣдующаго времени.

¹⁾ Памятникъ, I, 262.

А. Бриннеръ.

РИТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

III.

Рѣшеніе стазиса опредѣленія и прирѣненіе его къ рѣчи Демосоена противъ Мидія.

Распредѣленіемъ всѣхъ могущихъ встрѣчаться случаевъ судебныхъ дѣлъ на категоріи теорія ораторскаго искусства не принесла бы особенной пользы изучающимъ ее, еслибъ она вмѣстѣ съ тѣмъ не давала указаній, какъ слѣдуетъ поступать при рѣшеніи каждой категоріи. Въ самый древній періодъ риторикѣ, когда эти категоріи еще не были раздѣлены на выше изложенныя стазисы, ритори представляли только общее изложеніе ораторскаго изобрѣтенія, какъ мы это встрѣчаемъ у Анаксимена и Аристотеля; однако съ появленіемъ теорій стазисовъ ораторское изобрѣтеніе стало все больше и больше кромѣ этихъ общихъ наставленій излагать правила относительно полнаго рѣшенія отдѣльныхъ стазисовъ. Изъ всѣхъ сохранившихся риторикъ подробнѣе и обстоятельнѣе изложено рѣшеніе каждого стазиса въ риторикѣ Гермогена ¹⁾: поэтому мы положимъ въ основу своего изслѣдованія ученіе этого ритора съ примѣчаніями его комментаторовъ, и потомъ укажемъ вкратцѣ на правила прочихъ текниковъ.

По единогласному мнѣнію древнихъ риторовъ, въ рѣчи противъ Мидія, служащей намъ пробнымъ камнемъ пригодности даннаго отдѣла риторикѣ, Демосоеномъ употребленъ стазисъ опредѣленія ²⁾:

¹⁾ На сколько Гермогенъ воспользовался при этомъ изложеніи работами своихъ предшественниковъ, рѣшить трудно.

²⁾ Мѣста изъ риторовъ, относящіяся сюда, мы приведемъ ниже.

весь вопросъ этой рѣчи заключается въ томъ, какъ назвать обиду, причиненную Мидіемъ оратору. И такъ, намъ необходимо прежде всего познакомиться съ тѣми источниками, изъ которыхъ можно почерпнуть матеріалы для рѣшенія стазиса опредѣленія. Источники эти носятъ въ риторикѣ названіе *κεφάλαια*, *capita*, то-есть главные пункты, или *loci* (*τόποι*); послѣдній терминъ заимствованъ изъ логики. При изложеніи этихъ главныхъ пунктовъ всегда имѣются въ виду обѣ тяжущіяся стороны, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ предназначаются исключительно для обвинителя или обвиняемаго, а нѣкоторые общіе. Мы рѣдко поставлены въ столь благоприятное условіе, чтобъ имѣть подъ руками рѣчи обѣихъ сторонъ и принимать теорію къ цѣлому процессу; однако это неудобство устраняется тѣмъ, что ораторъ всегда имѣетъ въ виду способъ защиты своего противника, такъ что мы все-таки имѣемъ въ главныхъ чертахъ передъ собою полную картину ихъ борьбы ¹⁾.

Главные пункты, приведенные Гермогеномъ (153, 12 сл.) ²⁾ для рѣшенія стазиса опредѣленія, содержатъ въ себѣ всѣ главныя части ораторской рѣчи, за исключеніемъ приступа, который, впрочемъ, не всегда находится въ тѣсной связи съ даннымъ вопросомъ, и заключенія ³⁾. Обвиняющій долженъ прежде всего изложить судьямъ сущность преступленія вмѣстѣ съ обстоятельствами, его сопровождавшими. Это изложеніе ничто иное, какъ разказъ, но оно имѣетъ въ теоріи рѣшенія стазисовъ особое названіе *προβολή*, то-есть предложеніе, приведеніе спорнаго дѣла, рѣшеніе котораго судьямъ предстоитъ (ср. *πρόβλημα*). Обвиняющій постарается уже здѣсь увеличить значеніе совершеннаго преступленія на основаніи тѣхъ же обстоятельствъ; однако онъ долженъ при этомъ соблюдать мѣру, потому что настоя-

¹⁾ Главные пункты, которые обвинитель заимствуетъ отъ своего противника, чтобъ уже напередъ отзвѣтить на нихъ (*πρόβολις*), приводятся обыкновенно, (если они не известны изъ самаго дѣла), какъ разказъ, сообщенный оратору людьми, вѣющими съ противникомъ его сношенія, (ср. рѣч. пр. Мид. § 24 ἀπὸ τοῦ, § 36 ἀπὸ τῶν ἀλλοτρίων τῶν μετὰ, § 206 ἀπὸ τοῦ αἰσίου), или какъ предположеніе оратора, (ср. §§ 141, 160, 186, 191, 193).

²⁾ Комментаріи раторовъ къ этой части 4-й главѣ Гермогена помѣщены въ изданіи Вальца въ слѣдующихъ томахъ: Sa, Sr и M: IV, 474 — 546; Sr: V, 149 — 159; Maxim. Planud.: ibid. 299 — 310; Anonym.: VII, 395 — 451; рашеніе спорныхъ вопросовъ, заключающихъ въ себѣ стазисъ опредѣленія, см. Sr VIII, 78 — 126.

³⁾ Мы не употребили здѣсь термина «энималогъ», потому что онъ имѣетъ въ риторикѣ болѣе широкое значеніе, какъ мы увидимъ ниже.

щее увеличеніе (αὐτίως, amplificatio) послѣдуетъ уже послѣ доказательствъ.

На обвиненіе въ совершеніи преступленія послѣдовало съ противной стороны возраженіе. Мы показали уже въ первой главѣ, что при стазисѣ опредѣленія недостаетъ какого-нибудь характеристическаго признака, чтобъ совершенное преступленіе вполнѣ отвѣчало названію, прилагаемому къ нему обвинителемъ. Обвиняемый старается придать этому недостающему признаку самое важное значеніе, и сообразно съ этимъ даетъ опредѣленіе преступленія, въ совершеніи котораго его обвиняютъ. Такъ напримѣръ, тотъ, кто, укравъ частныя деньги изъ святыни, обвиняется въ святотатствѣ, будетъ утверждать, что святотатомъ можно назвать только того, кто укралъ храмовныя, а не частныя деньги. Это второй главный пунктъ, имѣющій названіе „опредѣленіе, бросъ“¹⁾.

Обвиняемый поколебавъ своимъ опредѣленіемъ слова противника; послѣдній старается стать крѣпко и для этой цѣли приводитъ свое опредѣленіе, ἀντιρροπός, которое составляется на основаніи того, что было сдѣлано, и недостающему признаку не придаетъ никакого значенія. Въ данномъ примѣрѣ обвинитель скажетъ, что святотатство есть отчужденіе чего-нибудь изъ храма. Посредствомъ умозаключенія, οὐλοῦνός, обвиняющій покажетъ дальше, что отсутствіе или присутствіе этого обстоятельства, которому обвиняемый придаетъ такое значеніе, для самого опредѣленія безразлично, при чемъ имѣется особенно въ виду одинаковый результатъ преступнаго дѣянія. Потому та и другая сторона постарается, для подкрѣпленія своего опредѣленія, истолковать мысль законодателя, γινώσκῃ τοῦ νόμου, въ благопріятномъ для себя смыслѣ. При этомъ ритори совѣтуютъ, если текстъ закона не говоритъ въ нашу пользу, не приводить его со всѣмъ, а говорить только о наміреніи законодателя.

Эти четыре пункта заключаютъ въ себѣ доказательство, и по этому названы риторами ἀποδεικτικὰ κεφάλαια; когда доказательство окончено, слѣдуетъ увеличеніе преступленія, для котораго служатъ два слѣдующіе главные пункта, названные εὐζήτικὰ κεφάλαια, именное значеніе преступленія, κηλικότης, и увеличеніе его посредствомъ

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ стазисы могутъ встрѣчаться и какъ главные пункты, при чемъ или названіе стазиса употребляется и какъ названіе главнаго пункта, или для обозначенія послѣдняго употребляются прилагательныя: εὐζήτικόν, ὀργικόν, ἀντιρροπικόν, κεραιραφικόν и т. д. (κεφάλαιον).

сравненія съ тѣмъ, что противъ него приводитъ обвиняемый, *κρὸς τ.* Оба эти главные пункта общіе обѣимъ сторонамъ: одна старается посредствомъ ихъ увеличить, а другая уменьшить степень виновности. Посредствомъ перваго пункта обрисовывается преступленіе яркими красками для того, чтобъ придать ему больше значенія и представить его въ болѣе страшномъ видѣ, при чемъ играютъ важную роль обстоятельства, при которыхъ оно было совершено. Здѣсь мы рассматриваемъ преступленіе само по себѣ, а во второмъ пунктѣ въ сравненія его съ тѣмъ, что было противъ него возражено: обвинитель старается доказать, что преступленіе, какъ оно было совершено, то-есть, безъ того обстоятельства, котораго въ данномъ случаѣ недостаетъ для полноты опредѣленія, еще страшнѣе, чѣмъ такіе случаи, гдѣ преступленіе сопровождается этимъ обстоятельствомъ. Конечно, не всегда можно примѣнить этотъ главный пунктъ, или обвинитель долженъ при этомъ прибѣгнуть къ софизмамъ и натяжкамъ.

Кромѣ главныхъ пунктовъ, исчисленныхъ до сихъ поръ, можно иногда употребить какой-нибудь изъ четырехъ антитетическихъ стазисовъ, который въ такомъ случаѣ занимаетъ мѣсто главнаго пункта: обвиняемый можетъ, напримѣръ, сослаться на то, что пострадавшій заслужилъ, чтобъ съ нимъ было поступлено такимъ образомъ (*ἀντιτύχημα*). Противъ этого послѣдуетъ со стороны обвинителя возраженіе, *μετάληψις*, что слѣдовало другимъ образомъ искать удовлетворенія, напримѣръ, судебнымъ порядкомъ, а не самому расправляться съ преступникомъ¹⁾; противъ этого возраженія употребить обвиняемый какъ главный пунктъ свое возраженіе, *ἀντιλήψις*, что онъ имѣлъ право поступить именно такъ, какъ онъ поступилъ.

Когда исчерпаны всѣ источники, служащіе для доказанія преступленія и увеличенія его значенія, обвиняющій нарисуетъ характеристику своего противника, *κοίτης*. Для этой цѣли онъ будетъ рассматривать его происхожденіе, образъ жизни, занятія, подвиги, вообще все, изъ чего онъ можетъ извлечь какую-нибудь черту для обрисованія личности подсудимаго. Матеріалы для этой характеристики, правда, не находятся въ связи съ даннымъ спорнымъ вопросомъ и

¹⁾ *Ἀντιτύχισ* обозначаетъ у риторовъ вообще всякое возраженіе со стороны обвиняемаго, которое онъ противопоставляетъ обвиненію; съ другой стороны, все, что приводится обвинителемъ для опроверженія этого возраженія, имѣетъ общее названіе *μετάληψις*; ср. W IV, 358, 8: *ἀεὶ ἢ μετάληψις τῷ δικάζοντι ἐστίν.*

составляют отступление от него (*παρέκβασις*, *digressio* по обменной терминологии), но они служат как нельзя лучше для выполнения доказательства: преступление является, так сказать, вытекающим из характера подсудимаго, или по крайней мѣрѣ не противорѣчающим ему. Этотъ пунктъ, налагающій прошлую жизнь обвиняемаго, занимаетъ, сравнительно съ прочими пунктами, большое мѣсто въ рѣчи обвинителя; послѣдній старается иногда сверхъ того начертать характеристику своего противника даже въ будущемъ на тотъ случай, если онъ избѣгнетъ наказанія въ настоящее время.

На послѣднемъ мѣстѣ Гермогенъ приводитъ намѣреніе или цѣль, *ἔργον*, съ которою преступное дѣяніе было совершено. Это тоже общій главный пунктъ, который слѣдовало помѣстить раньше характеристика, такъ какъ онъ находится въ тѣсной связи съ даннымъ преступленіемъ. Кроме того Гермогенъ говоритъ въ концѣ изложенія главныхъ пунктовъ еще объ общей характеристикѣ, *κοινὴ κοίτης*, которая заключаетъ въ себѣ общее мѣсто противъ цѣлой категоріи преступниковъ, къ которой обвиняемый принадлежитъ ¹⁾. По мнѣнію Гермогена, высказанному въ другомъ мѣстѣ (148, 24), общая характеристика имѣетъ мѣсто въ эпilogѣ, хотя она разсматривается иногда тоже вмѣстѣ съ характеристикой подсудимаго. И она старается увеличить виновность преступника.

И такъ, сущность теоріи рѣшенія ставится опредѣленія заключается, по ученію Гермогена, въ слѣдующемъ: матеріалы для перваго пункта (*πρόβολή*) доставляетъ обвинителю само дѣло; потомъ онъ, взявъ опредѣленіе своего противника (*ἄρτος*), противопоставляетъ ему свое опредѣленіе (*ἀνδορισμός*); послѣднее онъ подтверждаетъ при помощи слѣдующихъ двухъ главныхъ пунктовъ, силлогизма и мысли законодателя; послѣ этого онъ увеличиваетъ, опять въ двухъ пунктахъ (*ἠθλοτότης* и *πρός τι*), значеніе преступленія. Потомъ онъ возмѣтъ возраженіе, на которое опирается обвиняемый (*ἀντίθεσις*), и лишаетъ противника этой опоры (*μετέληψις*). Характеристика подсудимаго, намѣреніе, обнаруженное имъ при совершеніи преступленія, и общая характеристика составляются обвинителемъ на основаніи собранныхъ имъ данныхъ и имѣютъ цѣлью возбудить негодованіе судей противъ личности обвиняемаго.

¹⁾ При перечисленіи главныхъ пунктовъ въ началѣ этой главы (153, 16) Г. привелъ только *κοίτης*, подразумевая повидному подъ этимъ терминомъ и *ἔργον*, и *κ. κοινὴ* или *καθολική*; объ этомъ гл. и. ср. W IV, 412—429.

Пункты, изложенные до сихъ поръ, составляютъ, такъ сказать, оставъ рѣшенія стависа опредѣленія, который при рѣшенія каждаго отдѣльнаго случая обрабатывается и поименяется сообразно съ обстоятельствами дѣла; для послѣдней цѣли служатъ особенно примѣры ¹⁾). Кромѣ вышеприведенныхъ пунктовъ могутъ встрѣчаться и другіе, напримѣръ догадка (*στοχαστικόν*, sc. *κεφάλαιον*) и возраженіе противъ вчинанія процесса (*παρτήραφικόν*); съ другой стороны, нѣкоторые изъ нихъ опускаются, какъ напримѣръ мысль законодателя, когда для даннаго случая закона нѣтъ, и увеличеніе посредствомъ сравненія.

Гермогенъ, хотя и приводитъ при изложеніи главныхъ пунктовъ вездѣ примѣры для поясненія своей теоріи, все-таки самъ считаетъ эти примѣры только набросками, а не настоящимъ рѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ ²⁾); послѣднимъ занимались усердно учителя краснорѣчія позднѣйшихъ временъ, и Афинскій риторъ Сопатръ оставилъ богатое собраніе рѣшеній такихъ вопросовъ (см. l. l. 2—385). Изъ этого собранія мы заимствуемъ одинъ примѣръ (105—110), который своимъ содержаніемъ и рѣшеніемъ очень близко подходитъ къ рѣчи Демосоена противъ Мидія. Тема его составляетъ вариантъ примѣра, находящагося у Гермогена (155, 11), и заключается въ слѣдующемъ: изнасиловавшій дѣвцу долженъ по закону заплатить штрафъ въ тысячу драхмъ. Какой-то полководецъ, изнасиловавшій дочь своего товарища, готовъ заплатить закономъ назначенный штрафъ, но его подвергаютъ суду за совершеніе преступленія противъ государства. Для рѣшенія этой темы Сопатромъ употреблены слѣдующіе главные пункты ³⁾): 1) Из-

¹⁾ Что особенно стависъ опредѣленія, который не очень богатъ своимъ содержаніемъ, распространяется при помощи примѣровъ, свидѣтельствуеъ Sr W VIII, 84, 9. *επιπέδω δ' βροσ' ἀπανταυθ'· καλὸν ἔχει τὸ διὰ παραδειγματικῶν πλῆθυνσας*. Ср. *ibid.* 115, 21 и 120, 3.

²⁾ Ср. II 170, 22.

³⁾ Главные пункты, употребленные въ собраніи Сопатра для рѣшенія стависа опредѣленія, вообще тѣ же самыя, какъ у Гермогена, но въ частности являются нѣкоторыя отступленія. Вопервыхъ, Сопатръ даетъ почти вездѣ полное рѣшеніе спорнаго вопроса съ приступомъ и заключеніемъ, при чемъ иногда бываетъ приведено даже нѣсколько способовъ приступа (*ibid.* 112, сл.). Вмѣсто термина *προβολή* онъ употребляетъ вездѣ въ томъ же значеніи *κατάστασις* (изложеніе обстоятельности; *προβολή* имѣетъ у него обыкновенное значеніе «приведеніе, предложеніе», напримѣръ, 82, 10, *προβολή βροσ*). Кромѣ того онъ вездѣ опускаетъ характеристику подсудимаго; 110, 25 и 111, 7, онъ, правда, упоминаетъ о *πολιότης*, но тамъ подъ этимъ словомъ подразумѣвается только характеръ говорящаго лица, сообразно съ которымъ слѣдуетъ сочинять рѣчи; и тамъ, у Сопатра этотъ тер-

ложение обстоятельств (κατάστασις—κροβαλή). 2) Определение со стороны обвиняемого (βρος) и 3) со стороны обвинителя (ἀνθροπισμός). 4) Силлогизмъ послѣднего и 5) разъясненіе мысли законодателя (γνώμη νομοδότης). 6) Увеличеніе значенія преступленія, взятаго абсолютно (κτληκότης), и 7) увеличеніе посредствомъ сравненія (πρός τι). 8) Антигетическій главный пунктъ (σοφιστική, извиненіе), и 9) опроверженіе его (μετάληψις). 10) Заключеніе ¹⁾.

Изложеніе обстоятельствъ (1) начинается съ разказа о томъ, какъ обвиняемый былъ избранъ въ полководца, благодаря ходатайству обвинителя, который очень любилъ его и былъ убѣжденъ, что найдетъ въ немъ надежнаго товарища для веденія дѣлъ; привязанность его къ подсудному дошла даже до того, что обвинитель открылъ ему доступъ въ свою семью; однако обвиняемый, дождавшійся удобнаго случая, когда товарищъ устранился нападеніемъ на городъ враговъ, злоупотребилъ этимъ довѣріемъ и обезчестилъ дочь обвинителя; онъ домогался должности полководца, какъ обвинитель полагаетъ, только для того, чтобъ имѣть возможность опозорить семью своего товарища.

На обвиненіе въ совершеніи преступленія противъ государства обвиняемый отвѣтилъ отрицательно: онъ не признаетъ себя винов-

ннъ кождому обозначаетъ то, что риторы обыкновенно называютъ ἦθος (ἦθος λέγει).

¹⁾ Изданіе Вальда изобилуетъ такою массою неточностей текста, что оно едва-ли можетъ найти себѣ соперника въ этомъ отношеніи. Многочисленныя небрежности этого рода дѣлаютъ текстъ риторозъ, представляющій безъ того много затрудненій, еще болѣе неудобопонятнымъ, и читающему приходится на каждомъ шагѣ поправлять отчасти опечатки, отчасти ошибки, вытекающія изъ едобрисовѣстнаго отношенія издателя къ своей обязанности. Тѣмъ въ данномъ мѣстѣ нужно предпринять, какъ мы полагаемъ, слѣдующія исправленія текста:

106,	2	ἐπίστο	ὄρισμένον	читай	τοῦ ὄρισμένου
•	14	•	κατ'αὐτόν	•	εἰς ταῦτόν (ср. VII, 418, 10; εἰς ταῦτόν ἔκαστα συνέγει; ibid. 421, 6; εἰς ταῦτόν ἔγειν; ibid. 16; 422, 6; ibid. 14, 26 и 28).
107,	4	•	κόρη	•	κόρη (чтеніе Парам. рукописи).
•	17	•	τις	•	τι
108,	6	•	λαβεῖν	•	λαβεῖν
•	26	•	ἐπὶ	•	ἐπὶ
108,	2	•	μαχόμενον	•	μαχόμενον
•	25	•	διασκευάσει	•	διασκευάσει (const. ἐκλόγη δ. ἔγονε).
•	27	•	ὄρον	•	ὄρον
•	28	•	καταφύγησθε	•	ἐκφυγίσητε
110,	7	•	μῆδ	•	μηδερῆς

нимъ въ совершеніи преступленія противъ государства, опираясь на то, что онъ не повредилъ ни городской стѣнѣ, ни гавани или чего нибудь, принадлежащаго городу (въ чемъ и заключается, по его мнѣнію, преступленіе противъ государства), а только, изнасиловавъ дѣвцу, совершилъ преступленіе частнаго характера (2) и готовъ заплатить деньги согласно съ опредѣленіемъ закона. Обвинитель постарается въ слѣдующемъ опровергнуть это опредѣленіе опредѣленіемъ съ своей стороны (3): „Ты совершилъ величайшее преступленіе противъ государства, такъ какъ обидя, нанесенная полководцу, касается всего государства: если какое нибудь предпріятіе полководца увѣнчалось успѣхомъ, то этотъ успѣхъ принадлежитъ городу; точно также, если полководцу нанесено было оскорбленіе, то оно нанесено и городу; нѣтъ же только одной возможности совершить преступленіе противъ государства, такъ чтобы ты, не разрушивъ флота или стѣнъ городской, не могъ быть подвергнутъ отвѣтственности. Самъ полководецъ дается государствомъ и составляетъ почетную государственную должность; и такъ если кто-нибудь согрѣшитъ противъ него въ чемъ нибудь, то онъ провиняется противъ самого государства“¹⁾.

Опредѣленіе свое обвинитель подкрѣпитъ сверхъ того еще силлогизмомъ (4), доказывая, что нѣтъ никакой разницы причинить какой-нибудь вредъ государству, и обидѣть дочь полководца: если кто-нибудь потопилъ корабль, то онъ причиняетъ вредъ не только кораблю, но и плывущимъ вмѣстѣ съ послѣднимъ, и этотъ одинъ дерзкій поступокъ захватываетъ всѣхъ: такъ и тотъ, кто изнасиловалъ дочь полководца, провинился не только противъ самого полководца, но и противъ всего государства. „Сообразно съ этимъ“, скажетъ обвинитель дальше, „и законодатель не говоритъ: „Если кто-нибудь дѣлаетъ то или другое, то онъ совершаетъ государственное преступленіе“, но, обозначивъ преступленіе вообще, предоставляетъ суду рѣшить въ отдѣльныхъ случаяхъ причиненія вреда. Чтѣ же говоритъ законъ? „Если кто-нибудь совершилъ преступленіе противъ государства, то онъ отвѣтитъ за это народу“. Ты же провинился противъ важнѣйшаго и перваго члена государства, полководца, который для пользы государства подвергается опасности, и чрезъ котораго оно или одерживаетъ побѣду, или дѣлается подвластнымъ неприятели“ (5).

Увеличивая значеніе преступленія (6), обвинитель покажетъ, что

¹⁾ Сопатръ говоритъ здѣсь еще о возбужденіи павоса, но эти строки, какъ не относящіяся непосредственно къ опредѣленію, мы опускаемъ.

ужасно нанести оскорбленіе полководцу, что ужасно для семьи подвергнуться такому наслію; люди для того предпринимають войны, чтобъ никто изъ семьи не подвергся оскорбленію со стороны враговъ: а тутъ пришлось у домашнего очага потерѣть такую обиду. Дальше онъ укажетъ на то, что дѣломудріе считается женщинами величайшимъ сокровищемъ; и такъ, если кто-нибудь лишалъ ихъ дѣвственности, то онъ виѣсть съ тѣмъ уничтожилъ для нихъ все. Потомъ слѣдуетъ второй способъ увеличенія, посредствомъ сравненія съ тѣмъ, что приводитъ обвиняемый (7). Полководецъ скажетъ, что преступленіе его товарища болѣе тяжко, чѣмъ сожженіе кораблей или разрушеніе городской стѣны: флотъ и городскую стѣну можно опять привести въ прежнее ихъ состояніе; потерянную невинность нельзя больше возратить и пострадавшая будетъ несчастной на всю жизнь.

Обвиняемый воспользуется для своего извиненія антитезисомъ (8) и скажетъ, что онъ совершилъ преступленіе, увлекшись любовью къ дѣвицѣ (ἀντίθεσις ἀγαπῶμενικῆ). Этотъ пунктъ обвинитель опровергнетъ посредствомъ возраженія (μετάληψις), слѣдующимъ образомъ: „Ты долженъ былъ склонить отца къ согласію на бракъ съ его дочерью, а не дерзнуть совершить тайкомъ такую обиду“ (9).

Въ заключеніи (10) полководецъ скажетъ, что будетъ его одного довольно для веденія войны, что наказаніе обидчика поощритъ его для удачнаго исполненія общихъ дѣлъ государства; что ужасно, оставить преступленіе безъ наказанія. Потомъ послѣдуетъ живое изображеніе преступленія и указаніе на важное значеніе настоящаго приговора судей: оправданіе обвиняемаго поведетъ за собою потрясеніе всего государственнаго устройства и уваженія къ женской добродѣтели; полководецъ будетъ сравненъ съ каждымъ частнымъ лицомъ и судъ самъ повредитъ своей репутаціи. Если обвинитель не получитъ удовлетворенія, то это окажетъ удручающее вліяніе на него во время войны; съ другой стороны, побѣду надъ домашнимъ врагомъ онъ будетъ считать какъ бы вступленіемъ къ побѣдѣ надъ виѣшними врагами.

Приведенный нами примѣръ рѣшенія стазиса опредѣленія можетъ послужить образчикомъ дѣятельности риторовъ того времени, когда ораторское искусство, силою обстоятельствъ вытѣсненное съ форума, процвѣтало только въ школахъ и составляло предметъ упражненія для юныхъ умовъ. Уже тема, хотя и заимствованная отъ самаго компетентнаго представителя риторической техники, носитъ отпечатокъ невѣроятности. При рѣшеніи ея исчерпаны, правда, всѣ главные

пункты, принятыя Сопатромъ для рѣшенія стазиса опредѣленія, и такимъ образомъ требованія школы удовлетворены; однако самце вѣскіе изъ этихъ пунктовъ, именно тѣ, которые служатъ для аргументаціи, основаны на очевидныхъ софизмахъ. Впервыхъ, обвинитель не дѣлаетъ никакого различія между полководцемъ какъ должностнымъ лицомъ, и какъ частнымъ человѣкомъ. Только то, что полководецъ совершаетъ при исполненіи своей государственной должности, имѣетъ отношеніе къ государству; прочія же его дѣла, въ томъ числѣ и семейныя, вовсе не касаются государства. И такъ мы видимъ, что опредѣленіе обвинителя является пустою, ничѣмъ немотивированною натяжкой. И слѣдующій затѣмъ силлогизмъ, долженствующій послужить для подкрѣпленія опредѣленія обвинителя, не выдерживаетъ критики. Сопатръ заключаетъ вотъ какъ:

Кто потопляетъ корабль, тотъ причиняетъ вредъ не только кормчему, но и всѣмъ, находящимся на кораблѣ.

Полководецъ въ государствѣ есть то же самое, что корабль на кораблѣ. Слѣдовательно:

Кто обидѣлъ полководца (напримѣръ, тѣмъ, что изнасиловалъ его дочь), тотъ провинился не только противъ полководца, но и противъ всего государства.

Однако это заключеніе невѣрно; изъ этихъ двухъ посылкъ можно сдѣлать только слѣдующій выводъ: Кто нанесъ вредъ государству, тотъ провинился не только противъ полководца, но и противъ всѣхъ, находящихся въ государствѣ. И дѣйствительно, отъ того, что корабль пошелъ ко дну, весь его экипажъ пострадалъ, но отъ того, что дочь полководца лишена дѣвственности, государственные интересы нисколько не страдаютъ. То же самое надо сказать и относительно увеличенія посредствомъ сравненія: для общественной безопасности гораздо важнѣе цѣлость городской стѣны и флота, чѣмъ сохраненіе невинности одной дѣвицы. И такъ мы видимъ, что Сопатръ употребилъ шаткіе аргументы; ему только удалось представить, на основаніи обстоятельствъ, дѣяніе обвиняемаго болѣе тяжкимъ, но никакъ не государственнымъ преступленіемъ.

До сихъ поръ мы виѣли въ виду только теорію Гермогена и греческихъ техниковъ, примыкающихъ къ нему; остается еще упомянуть о правилахъ латинскихъ риториковъ, которыхъ можно раздѣлить на двѣ группы: первая будетъ заключать въ себѣ риториковъ до появленія Гермогена, а вторая риториковъ послѣ него.

Къ первой группѣ принадлежитъ трое главныхъ представителей

латинской риторике: Корнифиций, Цицеронъ и Квинтилианъ. Главные пункты, употребляемые для рѣшенія опредѣленія, не обозначены ни какъ мѣтко и отчетливо, какъ это сдѣлалъ Гермогенъ; они еще не исчисляются ихъ подъ техническими названіями, а приводятъ только правила, въ которыхъ мы можемъ узнать нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ. Корнифиций (II, 17) ограничился всего тремя правилами: во-первыхъ, мы изложимъ, согласно съ пользою для нашего дѣла, значеніе названія, которое мы хотимъ приложить къ данному дѣланію; потомъ мы сопоставимъ съ этимъ опредѣленіемъ данное дѣланіе, и наконецъ, опровергнемъ опредѣленіе противника.

Обширнѣе и подробнѣе, чѣмъ Корнифицій, изложилъ рѣшеніе стазиса опредѣленія Цицеронъ въ первомъ періодѣ своей риторической дѣятельности (см. Со II, 53—56). Кромѣ вышеприведенныхъ трехъ правилъ у него можно найти и увеличеніе преступленія ¹⁾, и подкрѣпленіе опредѣленія аналогическими случаями ²⁾. Сверхъ того, онъ упоминаетъ еще о другихъ пунктахъ, о списаніи списожденія и возраженіи противъ него, объ общихъ мѣстахъ, (встрѣчающихся въ общей характеристикѣ), но прибавляетъ, что они свойственны не только этому стазису, но и другимъ; наконецъ онъ говоритъ, что, смотря по обстоятельствамъ, можно употребить въ этомъ стазисѣ и индукцію (ibid. 56 fin.). Однако, въ сочиненіи *De Oratore* (II, 108 сл.) онъ сибѣтся надъ риторамъ, которые учатъ, что объ стороны должны привести ясное и краткое опредѣленіе спорнаго названія: не точное опредѣленіе, а только всестороннее изложеніе понятія рекомендуется имъ въ этомъ мѣстѣ. Наконецъ *Partit. orat.* 41 и 124 сл. онъ говоритъ о томъ и другомъ способѣ опредѣленія, а въ послѣднемъ мѣстѣ упоминаетъ между прочимъ и о мысли законодателя (124 fin.), и отступленіи (128 *digredi a causa*, которое чаще всего рисуетъ прошлую жизнь подсудимаго).

Квинтилианъ, хотя и распространяется черезчуръ обширно при изложеніи рѣшенія этого стазиса (VII, 3, 1—36), все-таки не приводитъ больше, чѣмъ Корнифицій (ср. тамъ же 19 сл.), то-есть, опредѣленіе говорящаго, опроверженіе опредѣленія противника, и прииженіе собственнаго опредѣленія къ данному случаю. Что касается самой дефиниціи, то Квинтилианъ рекомендуетъ средній путь (ibid. 17),

¹⁾ См. 53 fin.: *communi loco confirmare, per quem atrocitas aut indignitas aut omnia culpa cum indignatione suggestur.*

²⁾ Ibid. 55 in.: *res similes, ex quibus adfirmetur nostra descriptio.*

при которомъ не дается строго-логическое опредѣленіе, а только излагается значеніе спорнаго названія; однако онъ допускаетъ, что и тонкое опредѣленіе иногда можетъ имѣть мѣсто (18 fin.).

Изъ риторовъ второй группы особенно выдаются Фортунаціанъ, Сульницій Викторъ, Юлій Викторъ и Юлій Северіанъ. Послѣдній изъ нихъ (Нп 363) извлекъ свои правила, относящіяся къ рѣшенію стазиса опредѣленія, цѣликомъ изъ Со II, 53—56; первые же вообще придерживаются теоріи Гермогена, хотя въ частности есть нѣкоторыя отступленія отъ нея. Рѣшеніе спорнаго вопроса (*διαίρεσις τοῦ ζητήματος*) переведено ими буквально черезъ «*divisio quaestionis*» и греческіе термины *ἄριστος*, *ἀντιρρητικός*, *σολλογισμός*, *γνώμη νομοδότης*, *πληκτικός*; *πρός τ, ποιότης*, *γνώμη* и *κοινή ποιότης* соотвѣтствуютъ латинскимъ: *definitio (finis)*, *contraria definitio*, *collectio*, *voluntas legislatoris*, *quantitas*, *comparatio (или maius)*, *qualitas*, *voluntatis coniectura* и *qualitas conclusiva (или epilogica quaestio)*. Первый главный пунктъ Гермогена (*προβολή*) не встрѣчается ни у одного изъ нихъ ¹⁾; точно так же они не упоминаютъ объ антитегическомъ главномъ пунктѣ и тѣхъ, которые слѣдуютъ за нимъ; изъ прочихъ же главныхъ пунктовъ ни одинъ изъ риторовъ не исчисляетъ всѣхъ, а съ другой стороны, они сверхъ того приводятъ догадку. Во время полного упадка риторической техники этотъ отдѣлъ былъ опускаемъ совсѣмъ: такъ Марціанъ Капелла, Кассіодоръ, Исидоръ и Албинъ ограничились краткими объясненіемъ понятія стазиса опредѣленія.

Изложивъ всѣ источники, предназначенные теоріею для рѣшенія стазиса опредѣленія и показавъ примѣненіе ихъ на примѣрѣ, заимствованномъ изъ школьной рутины, мы можемъ теперь приступить къ приложенію этой теоріи къ рѣчи Демосфена противъ Мидія. Мы уже выше указали на то, что теорія начертала только оставъ рѣшенія, и что въ рѣчи могутъ встрѣчаться, сообразно съ данными обстоятельствомъ, иногда такіе пункты, о которыхъ теорія не говоритъ, а съ другой стороны, нѣкоторые изъ предназначенныхъ источниковъ могутъ оказаться неприменными: это вѣдь необходимо при каждомъ индивидуальномъ произведеніи ²⁾. Мы не будемъ предписы-

¹⁾ Еслибы они признавали изложеніе для томе главнымъ пунктомъ, то онъ называли бы его *propositio*, ср. Нп 392, 25; 393, 13 и 34 *propositio scripti-
probolē rētoū*.

²⁾ Ср. Н 165, 23 сл.: *τὴν δὲ ἢ τὴν τεχνὴν δείκνυσι τῆς διαίρεσεως, τῆ δὲ φύσει τοῦ πράγματος τὴν τεχνὴν προσκρίτον κατὰ τὸ ἔγχερον*.

затѣ никакого изложенія, по какому поводу и при какихъ обстоятельствахъ эта рѣчь была написана, а приступимъ къ риторическому разбору самой рѣчи.

Приступъ посвященъ изложенію перваго фазиса настоящаго процесса: Противъ Мидіа была подана Демосѳеномъ народному собранію жалоба въ томъ, что онъ, нанесши побой оратору, исполнявшему должность хорега въ праздникъ Діониса, и притѣсняяши его во все время его хорегіи, провинился этимъ противъ праздника. Народъ призналъ тогда Мидіа, несмотря на хлопоты его самого и его партіи, единогласно виновнымъ ¹⁾. Тогда многіе изъ Аѳинянъ уговаривали оратора довести дѣло до конца и предать Мидіа суду. Желаніе ихъ ораторъ исполнилъ, сколько отъ него зависѣло; остальное—дѣло судей, которыхъ онъ проситъ, со вниманіемъ выслушать его рѣчь и доставить защиту не только потерпѣвшему, но и себѣ самимъ, потому что здѣсь дѣло идетъ о защитѣ общества противъ своеволія частныхъ лицъ. Въ заключеніе ораторъ велитъ прочесть два закона, на основаніи которыхъ позволялось подать жалобу народному собранію противъ нарушителей священнаго торжества во время праздника (§§ 1—12).

Этотъ приступъ не составляетъ, правда, никакого главнаго пункта стазиса, но онъ какъ нельзя лучше подготавливаетъ почву для предстоящаго рѣшенія вопроса. Тема рѣчи намѣчена въ общихъ чертахъ уже здѣсь: ораторъ старается придать нанесенной ему обидѣ общественное значеніе (§ 8) и видитъ въ настоящемъ дѣлѣ удобный случай подвергнуть Мидіа наказанію и за обиды, нанесенныя имъ прочимъ Аѳинянамъ (§ 7). Мѣтко охарактеризованы оба противника: Мидій уже съ первыхъ словъ обрисованъ какъ человекъ дерзкій и нахальный; съ другой стороны, ораторъ рекомендуетъ себя какъ гражданина безкорыстнаго (§ 3), который отказывается отъ личной выгоды только для того, чтобъ лишить Мидіа возможности обижать другихъ и такимъ образомъ гарантировать общественную безопасность. То обстоятельство, что народъ уже предварительно осудилъ Мидіа, слу-

¹⁾ Жалоба этого рода называлась, какъ известно, *κροβελή*. Осужденіе обвиняемаго считалось только предварительнымъ и народное собраніе не назначало никакого штрафа; пожелалъ ли обвинитель, чтобъ виновный былъ подвергнутъ наказанію, то дѣло должно было еще поступить на разсмотрѣніе обыкновеннаго суда; но обвинителю тоже предоставлялось покончить съ противникомъ полюбовною сдѣлкой. См. Schömann, De Comit. Ath., p. 209 sqq. и 227 sqq.

жить оратору краеугольнымъ камнемъ, на который можетъ опираться его аргументація ¹⁾).

Съ § 13 начинается пераый главный пунктъ стависа, изложеніе предмета жалобы (κροβολή, §§ 13—23) ²⁾. Демосеенъ разказываетъ, какъ онъ за два года до настоящаго процесса, когда у филы Пандіоніиской не оказалось хорема, добровольно принялъ на себя обязанности послѣдняго. Однако этимъ онъ навлекъ на себя ярый гнѣвъ Мидія, который и сталъ вредить ему на каждомъ шагу. Ораторъ, не желая останавливаться на такихъ поступкахъ Мидія, которые въ глазахъ судей могли бы показаться недостаточно вѣскими, чтобы послужить поводомъ для судебного преслѣдованія ³⁾, приведетъ только самое важное: Мидій ворвался ночью въ домъ золотыхъ дѣлъ мастера, гдѣ попортилъ праздничную одежду, заказанную Демосееномъ для себя, и золотые вѣнки, сдѣланные для хора. Дальше онъ подкупилъ учителя хора Демосеена, подкупилъ архонта, который былъ распорядителемъ праздника, натравилъ прочихъ хореговъ противъ оратора, терроризовалъ и подкупилъ судей, назначенныхъ для оцѣнки хоровъ и присужденія награды, и загородилъ хору Демосеена входъ на сцену. Всѣ эти дѣянія онъ увѣнчалъ тѣмъ, что нанесъ оратору побой и былъ причиною, что филы Пандіоніиская не получила на-

¹⁾ И по опредѣленію схоластовъ къ этой рѣчи (въ IX томѣ изданія Дандорфа (Demosthenes ex recensione G. Dindorffii, Oxonii, MDCCCLII), который имъ ради краткости будетъ обозначать буквами Df), въ §§ 1—12 заключается при-ступъ (προσίμιον), который распадается на три части: первая изъ нихъ (§§ 1—4) относится больше всего къ самому дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь (πραγματικόν), а вторая (§§ 5—7) виваетъ цѣлью возбужденіе расположенія судей къ пострадавшему (παθητικόν), см. Df 531, 4; 536, 15 сл., 20; 537, 29. Эти двѣ части разобраны въ схолихъ съ тонкостью, доходящей до ригоризма. Третья часть (§§ 8—12) слушать такъ сказать вступленіемъ или предварительною подготовкою къ самому доказательству, слѣдующему ниже, и поэтому названа прохатаσχοή (Df 538, 13); впрочемъ, этихъ то терминомъ она была обозначена уже Гермогеномъ (κέρι εὐρέα. Sp. II, 204, 4 и 205, 14). Конецъ § 12 (βούλομαι—φανερίσται), въ которомъ ораторъ намятилъ содержаніе непосредственно затѣянъ слѣдующаго изложенія подсуднаго дѣла, приводится риторикомъ подъ техническими терминами прохатаστασις (W IV, 302, примѣч.), или проσίμιον хатаστατικόν, ἐπαγγελία (Df 542, 4) или ἔφοδος (Ruf. Sp. I, 465, 13; W II, 546, 3 и VII, 721, 4).

²⁾ Что здѣсь именно начинается разработка стависа, свидѣтельствуетъ самъ Гермогенъ l. l. 14: οὕτως ἐχάρησαν εἰς τὴν μελέτην τοῦ βροῦ.

³⁾ Ораторъ, не желая обвинять, все-таки обвиняетъ, употребивъ (§ 15) вигру, названную κεραιεῖσις или ἀποσιεῖσις, ар. Sp. II, 431, 5 и 481, 3; ἰβίδ. III, 23, 17 и 142, 16; Df 545, 16.

градъ. Кромѣ этихъ есть и другія обиды, нанесенныя оратору и мнѣмъ изъ Афинянъ, которые вслѣдствіе разныхъ причинъ не могли получить удовлетвореніе. За все это требуетъ теперь ораторъ отъ судей наказанія Мидія, чтобъ доставить законамъ государства удовлетвореніе. Для подтвержденія обвиненія ораторъ уже при изложеніи обвиненій сослался на судей какъ очевидцевъ того, что происходило на глазахъ народа и въ театрѣ (§ 18), и въ концѣ еще велитъ прочесть показаніе золотыхъ дѣлъ мастера (§ 22).

Изложеніе преступныхъ дѣяній Мидія или „обвинительный актъ“ составленъ съ замѣчательною ловкостью. Въ массѣ преступленій, приписываемыхъ Мидію, мы должны строго различать факты отъ подозрѣній, ничѣмъ недоказанныхъ, но сгруппированныхъ вмѣстѣ съ фактами, чтобъ увеличить виновность Мидія (ср. Df 543, 3 сл.). Порча одежды и вѣнковъ, напрасная затрата денегъ на иждивеніе хора, и оскорбленіе дѣйствіемъ могли дѣйствительно послужить основаніемъ процесса и Мидій по всей вѣроятности самъ признавалъ себя во всемъ этомъ виновнымъ (§ 25); но обвиненія въ подкупѣ учителя хора, судей и даже самого архонта, являются голословными пререканіями¹⁾. Ораторъ, правда, ссылается на то, что судьи все это видѣли собственными глазами; однако едва ли можно повѣрить что этотъ всеобщій подкупъ происходилъ такъ публично²⁾. Кромѣ того, ораторъ позволяетъ себѣ натяжки: что одежда, заказанная для хорега, считается „священною“ уже въ мастерской, гдѣ она была изготовлена (§ 16), преувеличено; точно также преувеличено, что Мидій натравлялъ прочихъ хореговъ противъ оратора; между хорегами, какъ вѣрно замѣтилъ схолиастъ Df 547, 6, и безъ того всегда существовало соревнованіе. Въ концѣ этой части (§ 23) ораторъ, обѣщая

¹⁾ Глаголь διαβάλλειν, употребленный риторомъ очень часто въ значеніи приводить упреки, ничѣмъ не мотивированные (ср. Df 549, 14; 630, 20), не понятъ Мейеромъ (M. H. E. Meier), который въ своемъ изданіи этой рѣчи (ср. Df 543, примѣч. 7) переводитъ его черезъ fallere.

²⁾ Новѣйшіе критики, не считая Демосоева способнымъ на такое усиженіе, усматриваютъ въ концѣ этого отѣла значительный пропускъ сандѣльскихъ показаній; мы еще вернемся къ этому вопросу ниже.—Демосоевъ самъ отлично показалъ въ другомъ мѣстѣ, что значить принимать въ сандѣтели самихъ судей: въ рѣчи противъ Евота (XL, 53), сказано про послѣдняго слѣдующее: κολὸς γάρ, κολὸς καὶ τομῆρός ἐστιν ἄνθρωπος, καὶ οὕτω κακοῦρος, ὅσα κερὶ αὐτῷ ἐξῆ μίσητος παραγέλασθαι, ταῦτα φήσιν ὑμᾶς εἰδέναι, ὃ ἄνθρωπος δικασταί, ὃ πάντας κοινοῦσιν οἱ μὴδίων ὑγιᾶς λέγοντες. Съ этими словами и сл. ср. § 18 нашей рѣчи.

кромѣ своихъ обидъ изложить еще преступленія Мидіа противъ прочихъ Аоніянъ, собственно не имѣющія къ данному процессу никакого отношенія, опять старается придать настоящему дѣлу общественное значеніе, чтобъ имѣть поводъ требовать суммарнаго наказанія Мидіа ¹⁾).

Послѣ изложенія обвиненій, на Мидіа внесенныхъ, ораторъ прежде всего отвѣчаетъ на отговорку Мидіа (*παρτηράφη*). По разказамъ, сообщеннымъ Демосеену, Мидіа, протестуя врознь формы настоящаго процесса, затѣяннаго противъ него, утверждаетъ, что слѣдовало возбудить противъ него частные процессы (*δικας ἰδίας*), именно: за порчу одежды и золотыхъ вѣнковъ и за лишнюю затрату денегъ для хора слѣдовало обвинять его въ причиненіи убытка (*βλάβης*), а за побой, нанесенные оратору, въ оскорбленіи дѣйствиємъ (*ἔβραως*), но никакъ не преслѣдовать его государственнымъ процессомъ (*δημοσίῃ κρίσει* § 25). Ораторъ видитъ въ этой отговоркѣ только общепринятую попытку обвиняемыхъ уклониться отъ судебного преслѣдованія; онъ убѣжденъ, что еслибъ онъ сталъ преслѣдовать Мидіа частнымъ процессомъ, послѣдній опять находилъ бы это неправильнымъ и видѣлъ бы въ приписываемыхъ ему дѣлнхъ преступленія противъ государства ²⁾). Если Демосеенъ, имѣя по закону право возбуждать

¹⁾ Схоласти тоже называютъ эту часть рѣчи *προβολή* или *κατάστασις*, и олицетвляютъ ее § 22 (Df 542, 8 и 548, 22) им прибавили къ ней еще § 23, потому что онъ находится въ тѣсной связи съ нею, а слѣдующій главный пунктъ начинается, какъ и схолии показываютъ (Df 549, 6), только съ § 24. Кромѣ схолистовъ и риторы часто упоминаютъ объ этой части рѣчи какъ образцовомъ примѣрѣ главнаго пункта *προβολή*, см. Sg W IV, 468, 25 и 498, 7; VII, 408, 13; въ послѣднемъ мѣстѣ неизвѣстныхъ комментаторомъ даже утверждается, что самъ Демосеенъ называлъ эту часть рѣчи *προβολή*, сказавъ въ § 19: *ἰφ' οἷς αὐτὸν προβόλην*. Едва ли надо прибавлять, что это — превратное толкованіе, такъ какъ эти слова не обозначаютъ «на основаніи чего я употребилъ противъ него главный пунктъ *προβολή*», а «способъ процесса, названный *προβολή*». (Впрочемъ объ этомъ объясненіи думалъ тоже Sg W IV, 487, 2 и за нимъ Максимъ Плавудъ W V, 300, 25; ихъ мнѣнія придерживается и Фолькианъ 325). Руоъ (Sp. I, 466, 10), называлъ эту часть просто разговоромъ (*διήγησις*). О томъ, что былъ споръ между риториками, назвать ли эту часть рѣчи противъ Мидіа *διήγησις*, или *κατάστασις*, или *προβολή*, свидѣтельствуетъ неизвѣстный авторъ (Sp. I, 440, 25); ср. Df 542, 10 сл.

²⁾ Предположеніе Демосеена — только риторическая ераза, но она употреблена очень ловко: выходитъ, что Мидіа самъ призналъ бы за своими дѣлнхъ значеніе государственнымъ преступленіемъ, еслибъ Демосеенъ возбудилъ противъ него частный процессъ; но сбмлось ли бы это предположеніе, и сталъ ли бы

противъ Мидія и тотъ и другой процессъ, отказался отъ вознагражденія изъ частнаго дѣла въ пользу государства, то это никакъ не должно послужить ему въ ущербъ (§§ 24—28).

Хотя Демосеенъ возражаетъ противъ отговорки Мидія, онъ все-таки въ сущности не опровергаетъ ея: онъ только допускаетъ, что онъ дѣйствительно имѣлъ право возбудить и частный процессъ противъ Мидія, но что онъ самъ имѣлъ законное право преслѣдовать Мидія за нанесенныя обиды государственнымъ процессомъ, этого онъ не доказываетъ, и требуетъ только отъ противника доказать, что послѣдній не провинился противъ праздника. Изъ этого видно, что предварительное признаніе Мидія виновнымъ въ томъ, что онъ провинился противъ праздника, служило Демосеену самою важною опорой для поддержка возбужденія государственнаго процесса противъ Мидія ¹⁾. Въ вопросу о формѣ процесса за оскорбленіе дѣйствиетъ ми вернемся ниже.

Уже изъ отговорки Мидія явствуетъ, какъ онъ опредѣлялъ обиды, нанесенныя имъ Демосеену; еще яснѣе это высказано въ слѣдующихъ §§, особенно въ § 31, гдѣ рядомъ съ опредѣленіемъ Мидія (брос), что было оскорблено только частное лицо (Ἀπιδιοσβάντης ὄβριστα), поставлено опредѣленіе оратора (ἀνθοραφικός), гласящее, что Демосеенъ былъ оскорбленъ во время праздника не только какъ частное лицо, но и какъ хорегъ, слѣдовательно въ качествѣ представителя Афинскаго государства (§§ 29—31) ²⁾.

обвиненный самъ увеличивать свою виновность, это другой вопросъ. Ср. Df 550, 6 сл., гдѣ вмѣсто χορῆ слѣдуетъ читать брос.

¹⁾ По вѣрному опредѣленію словомствоу, съ § 24 начинаются доказательства (ἀγώνες), простирающіяся вмѣстѣ съ тѣмъ, что имѣетъ приное отношеніе къ делу, до § 76 (см. Df 549, 6 и 575, 16). И они видятъ въ §§ 25 — 28 отводъ процесса (брос παρὰγραφικός Df 549, 13, ἀντίθεσις, παρὰγραφικῆ δόξανι ἔχουσι ibid. 21, или ἀντίθεσις μεταληπτικῆ ibid. 28), введеніе къ которому заключается въ § 24 (ibid. 7). Относительно возраженія Демосеена (§ 26) она также вѣрно замѣтила, что здѣсь отводъ Мидія (тоже μεταληπτικῆ) не опровергается посредствомъ оправданія (ἀντίληψις), какъ обыкновенно, а что ораторъ отвѣтилъ на него тоже посредствомъ возраженія (μετάληψις), ср. Df 550, 4: ἐφ' ἣν μεταληπτικῶν μεταληπτικῆς λόγουσιν; см. Df 549, 24; ibid. 28 сл. Апенгъ тах. рѣт. (Sp. I, 369, 10) назвала этотъ способъ опроверженія λύσις ἐκ τοῦ ἐναντίου κατ' ὑπόθεσιν. Что мы имѣемъ здѣсь главный пунктъ παρὰγραφικόν, засвидѣтельствовано еще W IV 785, 8 и 15; VII, § 1291, 24; ср. K 230.

²⁾ Разница между признаніемъ дѣлій Мидія частными или государственными преступленіями громадная: въ первомъ случаѣ все наказаніе обошлось бы убитомъ пострадавшему нѣсколькимъ тмелѣмъ драхмъ; во второмъ же Мидій рисковалъ быть присужденнымъ къ лишенію состоянія, гражданскихъ правъ и даже жизни.

И такъ мы узнали, что Мидій видѣлъ въ своихъ дѣяніяхъ только преступленія противъ частнаго лица, и поэтому полагалъ, что противъ него слѣдовало возбудить частный процессъ. На какомъ основаніи онъ считалъ оратора, исполнявшаго должность хорега, только частнымъ лицомъ, это изъ словъ Демосоена не видно; а между тѣмъ для аргументація это имѣетъ самое важное значеніе. Авторъ втораго введенія къ этой рѣчи (р. 512) говоритъ, что Демосоевъ, взявшій на себя хорегію добровольно, не былъ полноправнымъ хорегомъ. Хотя это объясненіе какъ нельзя лучше подходитъ къ понятію стазиса опредѣленія, мы все-таки не можемъ принять его, за немнѣвимъ никакихъ положительныхъ данныхъ для его подтвержденія ¹⁾. Болѣе вѣроятнымъ намъ кажется мнѣніе схолиастовъ къ этой рѣчи, объясняющихъ опредѣленіе Мидіа тѣмъ, что хорегъ вообще не пользовался тѣмъ авторитетомъ въ государствѣ, какъ архонты, которые были дѣйствительно представителями государства въ полномъ смыслѣ (см. Df 552, 8 и особенно 553, 2); и такъ, Демосоевъ позволилъ себѣ натяжку въ томъ, что онъ ставилъ хорега наравнѣ съ архонтами. Вѣроятность этого мнѣнія подтверждается и слѣдующимъ главнымъ пунктомъ ²⁾.

Опредѣленіе свое ораторъ поддѣрживаетъ посредствомъ слѣдующаго силлогизма:

Для Демосоена, конечно, было важно подвергнуть своего заклятаго врага этому жестокому наказанію, и поэтому онъ, отказавшись отъ денегъ, преслѣдуетъ его государственными процессами.

¹⁾ Только одно мѣсто въ схолияхъ (Df 547, 24) когдѣ бы послушать подтвержденіемъ этого объясненія; однако и оно происходитъ изъ того же источника, какъ вышеприведенная записка, остроумно придуманная какими-нибудь риторомъ.

²⁾ Оба вышеприведенные главные пункта совершенно правильно была опредѣлены схолиастами, см. Df 551, 3 и 552, 25 сл. Что касается до комментаторовъ Гермогена, то они не знали объ этой части данной рѣчи иснаго понятія. У оратора нѣтъ опредѣленія, которое показывало бы, что подразумевается подъ частнымъ, и что подъ государственнымъ преступленіемъ вообще; нѣтъ приводится только опредѣленія данного случая. Такой способъ изложенія не отвѣчалъ школьной рутинѣ риторомъ, и поэтому они сочли болѣе удобнымъ придерживаться, при изложеніи этого отдала рѣшенія данного стазиса, собственнымъ призывомъ. Соплатъ и съ нимъ невѣстный риторъ видятъ брос и ἀφορισμός въ той части рѣчи, которую мы выше правильно приняли за отводъ процесса (W IV, 500, 4 сл.; VII, 417, 8); первый риторъ даже говоритъ (498, 10), что Демосоевъ здѣсь далъ общее опредѣленіе государственнаго преступленія (τι το κολμ δίκην καθόρισεν)!

Кто наносит оскорбление тесмотету, архонту или вообще какому-нибудь должностному лицу, тот провиняется против государства и подвергается болѣе тяжкому наказанію, чѣмъ еслибъ онъ обидѣлъ частное лицо.

Мидій нанесъ оскорбленіе оратору какъ хорегу въ праздникъ Діониса.

Слѣдовательно: онъ долженъ быть наказанъ за государственное преступленіе.

Необходимость этого наказанія доказывается сверхъ того существованіемъ закона, касающагося преступленій, совершенныхъ во время праздника (§§ 32—35¹⁾).

При вышеприведенномъ силлогизмѣ ораторъ самъ составилъ большую послылку индуктивнымъ путемъ; тѣмъ же путемъ попытается Мидій, какъ кто-то оратору сообщилъ, поколебать ее, и такимъ образомъ поддержать свое опредѣленіе и разрушить все зданіе силлогизма Демосеена. Съ этою цѣлью онъ собираетъ случаи, показывающіе, что многіе изъ нанесшихъ должностнымъ лицамъ оскорбленіе не подверглись наказанію, какъ напримѣръ, какой-то Полизелъ, прибывшій въ засѣданіи суда предсѣдателя, и другой, отколотившій ночью, при какомъ-то любовномъ приключеніи, тесмотета. Ораторъ, указавъ прежде всего, что Аѳиняне, оставляя такіа преступленія безъ наказанія, этимъ только поощраютъ другихъ къ совершенію преступленій въ ущербъ государства, разбираетъ эти два примѣра и пока-

¹⁾ Кроме схоластиковъ, констатировавшихъ въ этомъ извѣстъ рѣчи Демосеена силлогизмъ (Df 553, 3 сл.), и риторъ Аписъ упоминаетъ о немъ (Sp. I, 377, 20), но только не подъ названіемъ *συλλογισμός*, а *ἐνθύμημα διὰ παρακρίσεως*. Это въ сущности не составляетъ никакой разницы, потому что эпиграма считается риторичею тоже силлогизмомъ, см. Аристот. Рит. I, 2 (Sp. I, 9, 16): *καὶ ἐ' ἐνθύμημα ῥητορικόν συλλογισμὸν*.

До сихъ поръ мы вездѣ соглашались съ опредѣленіемъ главныхъ пунктовъ, даннымъ схоластиками; здѣсь, при заикѣ въ §§ 34 *med.* — 35, мы вынуждены первый разъ сдѣлать отъ нихъ отступленіе. Ораторъ, окончивъ силлогизмъ, упомянулъ еще о законѣ, приведенномъ имъ уже выше (§ 10), противъ котораго Мидій провинился; цѣль приведенія этого закона — подкрѣпить имъ выводъ силлогизма. Однако схоласты преувеличили значеніе его, и видятъ въ этихъ строкахъ главный пунктъ стамиса, мысль законодателя (Df 554, 9 сл.; *ibid.*, 18 и 22); ораторъ здѣсь даже ни однимъ словомъ не упоминаетъ о законодателѣ, а внушаетъ только судьямъ, что они должны руководиться существующимъ закономъ. Это ничто иное, какъ удобное заключеніе данной части (*ἐπιλογικὸν κερφάλαιον*); мысль законодателя мы встрѣтимъ ниже.

зываетъ громадную разницу между ними и настоящимъ случаемъ: тамъ нанесшіе оскорбленіе заслужили снисхожденіе, одинъ вслѣдствіе нетрезваго состоянія, любви и незнанія, а другой вслѣдствіе вспыльчивости; ни того, ни другого не можетъ Мидій привести для своего извиненія. Тамъ потерпѣвшія оскорбленіе должностныя лица, получивъ денежное вознагражденіе, отказались отъ судебного преслѣдованія виновныхъ; Демосеенъ же ничего не получалъ и не думаетъ получить, а жалеетъ только доставить удовлетвореніе государственными интересамъ (§§ 36—41).

Хотя Демосеенъ сильно возражалъ противъ примѣровъ, приведенныхъ Мидіемъ, ему все-таки не удалось опровергнуть ихъ значеніе; особенно случай съ Полизеломъ, дѣло котораго даже не поступило въ судъ (§ 39), ясно показываетъ, что оскорбленіе государственнаго лица вовсе не имѣло непремѣннымъ послѣдствіемъ государственный процессъ. При этомъ нельзя не обратить вниманія на слѣдующую уловку Демосеена: Мидій намѣревался сослаться на вышеприведенные примѣры только для того, чтобъ показать неправильность опредѣленія Демосеена, считавшаго нанесенную ему обиду государственнымъ преступленіемъ; между тѣмъ Демосеенъ повернулъ дѣло такъ, какъ-будто Мидій хотѣлъ, на основаніи этихъ примѣровъ, снискать снисхожденіе (ср. § 36 fin.); и такъ, въ дѣйствительности Мидій вовсе не признаетъ себя виновнымъ, а по словамъ оратора онъ, сознавая свою виновность, хлопочетъ о снисхожденіи ¹⁾.

Въ § 41 ораторъ показалъ, что Мидій не можетъ, какъ Полизелъ, извиняться порокомъ гнѣва или моментальнымъ увлеченіемъ, такъ какъ онъ обижаетъ оратора постоянно уже съ давнихъ поръ, но что онъ нанесъ оратору оскорбленіе съ прежде обдуманымъ намѣреніемъ. Послѣднія слова служатъ переходомъ къ слѣдующей части, въ которой ораторъ, на основаніи законовъ, относящихся къ

¹⁾ Ср. Df 555, 12 сл. Этихъ обстоятельствъ можно объяснить разнью опредѣленія схоластовъ и риторовъ, которые упоминаютъ объ этой части нашей рѣчи: въ дѣйствительности это только примѣры, приведенные Мидіемъ для подкрѣпленія его опредѣленія (βρος), и ихъ опроверженіе тѣмъ, что показано на разницу между ними и даннымъ случаемъ (ἀλλὰ παραδειγματικῶν ἐκ διαφόρων Sp. I, 375, 21; W IV, 529, 23 сл.), а по изложенію Демосеена имъ имѣетъ здѣсь возвращеніе на основаніи примѣровъ, имѣющее цѣлью снисканіе снисхожденія (ἀντίθεσις συζητητική) и опроверженіе его со стороны оратора (ἀλλοίς), ср. Df 555, 12 и 30; 556, 4). Апелія (Sp. I, 360, 4 сл.) назвала это возвращеніе Мидія просто ἀντίθεσις ἀπὸ παραδειγματικῶν.

наказаніямъ за причиненіе убытка, убійство, неуплату судомъ назначенной пени и отчужденіе чего-нибудь силою, налагаетъ, что законы гораздо строже наказываютъ преступленіе, совершенное съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ, и своевольно, чѣмъ проступки, сдѣланные нечаянно и невольно. Изъ этой строгости и того обстоятельства, что въ такихъ случаяхъ съ виновнаго взыскивается сверхъ наказанія за его преступленіе, еще штрафъ въ пользу казны, проглядываетъ мысль законодателя (γνώμη τοῦ νομοθέτου), усматривающаго во всемъ, что совершается насильственно, преступленіе противъ общества. Вслѣдствіе этого законъ, касающійся нанесенія оскорбленія дѣйствиємъ (νόμος ὄψεως), позволяетъ каждому желающему, хотя и постороннему, начать противъ обидчика государственный процессъ (γραφὴ ὄψεως), при которомъ штрафъ идетъ весь въ пользу государства, а потерпѣвшій долженъ довольствоваться только нравственнымъ удовлетвореніемъ. Этимъ закономъ, который ораторъ велитъ прочесть, даже рабъ защищенъ противъ оскорбленія дѣйствиємъ (§§ 42—50) ¹⁾.

При изложеніи мысли законодателя сдѣлана Демосеевомъ подтасовка при законѣ о нанесеніи оскорбленія, какъ вѣрно замѣчено уже сколиастомъ Df 559, 8 и авторомъ втораго изложенія содержанія этой рѣчи (р. 513). Слово ὄψρις обозначало или обезаченіе позорникъ дѣйствиємъ (αἰσχρὰ σπουδαία), или оскорбленіе нанесеніемъ ударовъ; послѣдній случай считался преступленіемъ частнаго характера, а значеніе преступленія противъ общества придавалось только обезаченію когонибудь. Законъ, приведенный Демосеевомъ, относится только къ первому случаю, и ораторъ совершалъ при его привѣненіи къ данному случаю злоупотребленіе ²⁾. Что Демосеевъ былъ способенъ

¹⁾ Риторическое значеніе этикъ §§ нецѣлоу опредѣлено сколиастами; они видятъ въ нихъ опять смисланіе смисхожденія со стороны Мадія (ἐπίρα συγχευεμένη ἐπιθέσει) и возраженіе оратора противъ него (ἀνάς), см. Df 556 (18, 21 и 26; 557, 1 сл., 18; 560, 31 сл.). По ихъ мнѣнію ораторъ доказываетъ, что Мадій не заслужилъ смисхожденія, такъ какъ онъ совершилъ преступленіе съ прежде обдуманнѣмъ намѣреніемъ. Однако эта мысль составляется только переходъ, а сущность слѣдующихъ затѣмъ §§ заключается въ разсмотрѣніи законовъ, на основаніи которыхъ ораторъ заключаетъ о мысли законодателя. Уже начало (§ 42 τοὺς νόμους ἔδη σκεπεῖν εἶπ) показываетъ, какою главнымъ пунктомъ слѣдуетъ; сама же мысль законодателя ясно высказана въ § 45 in.: κάτα, εἰς τὸν βίαιον καὶ πρῶτον, καὶ ἐν τῷ ἐπιθέσει καὶ ἐν τῷ πρῶτον καὶ ἐν τῷ ἐπιθέσει καὶ ἐν τῷ πρῶτον. Удачица, чѣмъ сколиастами, опредѣлена въ часть рѣчи комментатора Гермогена, см. V IV, 524, 8 и VI, 427, 25.

²⁾ Яснымъ доказательствомъ того, что вышеприведенный законъ относится къ частной ссудѣ, см. Df 559, 8 и VI, 427, 25.

на продолженіе этого рода, показывается другой примѣръ, толкованіе словъ ἀνύψος ἔστω въ рѣчи противъ Аристократа (XIII, 90 сл.)¹⁾.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ ораторъ приступаетъ къ увеличенію значенія преступленія (αὐτόψος), совершеннаго Мидіемъ, говоря слѣдующее: „Еслибъ я потерялъ обиду не какъ хорегъ, то въ такомъ случаѣ дѣяніе Мидія было бы только оскорбленіе дѣйствіемъ: теперь же можно его справедливо назвать даже нечестіемъ (ἀνομίαν)“. Въ доказательство своего положенія ораторъ велитъ прочесть изреченія оракуловъ Дельфійскаго и Додонскаго, данныя Аенянамъ, при которыхъ онъ обращаетъ вниманіе на то, что хоры поставляются и вѣнки надѣваются по особому приказанію боговъ. И такъ, кто наноситъ оскорбленіе комунибудь изъ участвующихъ въ хорѣ или хореговъ, и при томъ во время представленія и въ святнѣй бога, тотъ поступаетъ безбожно (§§ 51—55).

Въ этихъ §§ заключается главный пунктъ κρός α, увеличеніе преступленія посредствомъ сравненія его съ тѣмъ, чего, по мнѣнію противной стороны, не достаётъ для того, чтобы преступленіе вполне отвѣчало прилагаемому къ нему обвинителемъ названію. Изъ дефиниціи Мидія (ἄρος) и силлогизма оратора мы выше заключили, что, по мнѣнію Мидія, оскорбленіе Демосгена какъ хорегга нельзя считать преступленіемъ противъ государства, потому что хорегга нельзя считать представителемъ государства. Ораторъ доказываетъ посредствомъ этого главнаго пункта, что преступленіе, какъ оно въ

къ обезчещенію позорнымъ дѣйствіемъ, служить рѣчь Эсхива противъ Тимарха, §§ 15—17, гдѣ онъ приводитъ въ настоящемъ его значеніи. Что же касается самаго текста закона, находящагося въ той и другой рѣчи, то текстъ закона въ рѣчи противъ Мидія имѣетъ гораздо больше данныхъ, говорящихъ за его подлинность, чѣмъ текстъ рѣчи противъ Эсхива: послѣдній повидимому подложный, потому что слово τὸν δούλον, которое тамъ должно стоять (ср. *ibid.* § 17), въ текстѣ отсутствуетъ; и начало закона не согласно совсѣмъ со словами оратора (§ 15). За то νόμος ἔργων, находящійся въ нашей рѣчи (§ 47), гораздо больше согласуется съ тѣмъ, что приведено въ самой рѣчи Эсхива, и поэтому весьма правдоподобно, что онъ подлинный. За его подлинность высказались Фбмелъ, К. Ф. Германъ (ср. *Di VI*, 776), и другіе.

¹⁾ Предложеніе Аристократа въ пользу Харидема было сформулировано слѣдующимъ образомъ: ἐὰν τις ἀποκταίνῃ Харιδѣмон, ἀνύψος ἔστω. Авторъ его подразумевалъ при послѣднихъ словахъ: ἐπὶ κρίσει, то есть пусть будетъ убійца отвѣденъ въ судъ, а Демосгенъ: ἐπὶ θανάτῳ, то есть пусть будетъ безъ суда, прямо оуденъ на смерть. Ср. *W IV*, 274, 3 и вид. этой рѣчи Э. В. Вебера, стр. 168 сл. и 313.

данномъ случаѣ было совершенно, еще болѣе тяжело, чѣмъ въ томъ случаѣ, о которомъ говоритъ Мидій ¹⁾).

Мы уже выше, при наложеніи обвиненія (§ 16), видѣли усердіе Демосоена выставить нанесенное ему оскорбленіе не только государственнымъ, но и религіознымъ преступленіемъ. Однако, и на это слѣдуетъ смотрѣть какъ на риторическую натажку. Празднества, устраиваемыя въ честь Діониса, уже давно потеряли свое первоначальное значеніе религіозныхъ обрядовъ, и служили только для развлечения народа. Діонисъ самъ подвергался въ аттической комедіи грубѣйшимъ насмѣшкамъ, какъ напримѣръ, въ Лягушкахъ Аристофана, при представленіи его путешествія въ преисподнюю.

Увеличивъ такимъ образомъ значеніе преступленія въ отношеніи къ тому, что было Мидіемъ приведено противъ него, ораторъ увеличиваетъ въ слѣдующихъ §§ значеніе преступленія самого по себѣ (πυλότης), показывая, что оно небывалое, тяжелое, несправедливое и вредное своими послѣдствіями. Въ пяти примѣрахъ, относящихся тоже къ хорегіи, ораторъ выставляетъ на видъ, что хотя и существовало гораздо больше поводовъ къ совершенію подобнаго нарушенія праздника, все-таки никто не смѣлъ дерзнуть и не дерзнулъ на это преступленіе. На первомъ мѣстѣ ораторъ излагаетъ, что хотя законъ воспрещалъ иностранцу принимать личное участіе въ хорѣ, все-таки нѣзаконному хорегу не позволялось во время представленія ни довести на участвовавшаго, ни отослать его на мѣста, назначенныя для зрителей, не хотѣлъ ли подвергнуться штрафу въ первомъ случаѣ въ пятьдесятъ, а во второмъ въ тысячу драхмъ (§§ 56—57). Изъ слѣдующихъ двухъ именныхъ примѣровъ видно, что никто изъ антихореговъ не осмѣлился наложить руку даже на лицъ, лишенныхъ всѣхъ гражданскихъ правъ вслѣдствіе судебного приговора. Санціонъ, занимавшійся обученіемъ хоровъ въ трагедіи, былъ уличенъ въ уклоненіи отъ военной службы. Послѣ этого его все-таки нанялъ какой-то страстный хорегъ Θεозотидъ. Прочіе хорегіи сначала угрожали, что они этому воспрепятствуютъ; но когда театръ наполнился, никто изъ

¹⁾ Варное обозначеніе этой части рѣчи было дано Br W IV, 464, 14 и Apolun. W. VII, 405, 5 (гдѣ стр. 7 вмѣсто ἀίχμη слѣдуетъ читать εἰς ἄχην). Схоласты тоже правильно опредѣлили данное мѣсто Df 561, 4, 12 и особенно 16, но они прибавили къ этому главному пункту еще слѣдующіе §§, въ честь ихъ съ ними расходился. Все сюда относящееся будетъ нами подробно изложено ниже.

нихъ не дерзнулъ протестовать, и Санніонъ все еще продолжаетъ обучать хоры. Точно также никто не осмѣлился удалить со сцены предводителя хора Аристиду, тоже осужденнаго вслѣдствіе подобнаго преступленія. Однакожъ, въ томъ и другомъ случаѣ было бы устраненіе обонхъ для прочихъ хореговъ очень выгодно (§§ 58—61). Слѣдующіе за тѣмъ примѣры служатъ доказательствомъ, что граждане, пользовавшіеся вліяніемъ вслѣдствіе своей славы и богатства, никогда не позволяли себѣ наносить оскорбленіе хорегамъ, находившимся во враждебныхъ отношеніяхъ къ нимъ. Такъ, полководецъ Ифигратъ никакъ не обидѣлъ своего заклятаго врага Діокла, въ бытность его хорегомъ, хотя тогда братъ Ифиграта, Тисій, выступилъ соперникомъ Діокла. Точно также отнесся и полководецъ Хабрій къ хорегу Филострату, который раньше былъ его обвинителемъ въ оропейскомъ дѣлѣ (§§ 62—64). Въ заключеніе этой части еще обрисовывается преступленіе Мидія живыми красками и развивается положеніе, что оно невиданное, неслыханное, отнимающее у гражданъ охоту добровольно принимать на себя хорегію. Мидій могъ, если желалъ оратора лишить награды, сдѣлать это законнымъ путемъ, то-есть самъ выступить антихорегомъ своей филы и перещеголять Демосеена; но и тогда нельзя было бы оскорблять оратора дѣйствіемъ (§§ 65—69).

Ораторъ предвидѣлъ, что противъ его увеличенія значенія преступленія можно будетъ возразить, что онъ преувеличиваетъ, такъ какъ въ сущности никакое несчастіе не случилось (ср. § 71 in.). Чтобы опровергнуть это возраженіе, онъ показываетъ на основаніи двухъ примѣровъ, что такіа дѣянія имѣли весьма печальныя послѣдствія, и если въ данномъ случаѣ ничего подобнаго не произошло, то это должно приписывать только умѣренности оратора, но никакъ не слѣдуетъ на основаніи этого обстоятельства уменьшать преступность дѣянія Мидія. Кромѣ того ораторъ и здѣсь продолжаетъ увеличивать значеніе нанесенной ему обиды ¹⁾.

Первымъ примѣромъ служитъ приключеніе на островѣ Самосѣ, гдѣ борецъ Эвоннъ въ частномъ кружкѣ убилъ борца Софила вслѣдствіе того, что послѣдній нанесъ ему удары съ цѣлью оскорбить его. Точно также и Эвзонъ убилъ на пиру Вэота только изъ-за одного удара. На послѣднемъ примѣрѣ ораторъ останавливается, показывая, что при

¹⁾ Какъ классическое мѣсто увеличенія преступленія на основаніи обстоятельствъ приводятся древними особенно часто § 72; ср. приличанія, собранныя Дандорфомъ въ его Оксе. над. Демосеена т. VI, стр. 790.

его оскорбленія было гораздо больше побужденій къ подобной расправѣ; если онъ все-таки не поддался ихъ вліянію, то это никакъ не должно служить основой для защиты противника (§§ 70—76) ¹⁾.

Нельзя не обратить здѣсь вниманія на странный поворотъ, который дается ораторомъ тому обстоятельству, что не случилось ничего ужасающаго: ни ожидаемъ, что побой, нанесенные Демосфену, не имѣли для него никакого послѣдствія (напримѣръ, увѣчья, ссадинъ, ср. Df 571, 4); между тѣмъ ораторъ объ этомъ умалчиваетъ, а выставляетъ на видъ только то, что онъ не увлекся и не убялъ Мидіа. Однако, не смотря на то, что въ дѣйствительности удары не имѣли никакого послѣдствія для оратора, онъ все-таки требуетъ, чтобъ Мидіа былъ подвергнутъ смертной казни (§ 70 in.) за то, что могло случиться.

Здѣсь собственно оканчивается дѣло: все, что составляетъ сущность настоящаго процесса и относится непосредственно къ спорному вопросу, подлежащему разсмотрѣнію судей, исчерпано ораторомъ, и онъ переходитъ теперь, послѣ краткаго введенія, къ начертанію характеристики Мидіа, *λοβότης* (§§ 77—135), основанной на цѣломъ рядѣ обидъ, нанесенныхъ Мидіемъ прежде всего оратору. Послѣдній уви-

¹⁾ И такъ, мы раздѣлили всю часть рѣчи, заключающую въ себя увеличеніе, слѣдующимъ образомъ: §§ 51—55 *πρός τι*; §§ 56—76 *κτλήτορας*, который пунктъ разлагается на два части: а) §§ 56—69 изложеніе значенія преступленія и б) §§ 70—76 опроверженіе возраженія противъ него. Что именно въ этомъ порядкѣ слѣдуютъ здѣсь эти два главные пункта одна за другими, свидѣлствуютъ, кромѣ скоміи (Df 570, 19), и Sr W VIII, 85, 5 сл. По опредѣленію скоміастовъ первый главный пунктъ обвиняетъ собою §§ 51—69 (Df 561, 4 и 12; 562, 10 и 29; 563, 1 и 3; 566, 9 и 11; 569, 22), а второй §§ 70—76 (570, 4; 575, 10); при этомъ они совсѣмъ вѣрно замѣтили, что онъ приведенъ εἰς ἀντιθέσιν; (570, 21). Однако среднюю часть увеличенія (§§ 56—69) вѣрнѣе будетъ присоединять къ второму главному пункту, *κτλήτορας*: нельзя видѣ сказать, что данное преступленіе болѣе легко, чѣмъ случаи, о которыхъ ораторъ упоминаетъ, потому что такъ никако преступленіе не было совершено, и слѣловательно, и сравнивать не съ тѣмъ. Опредѣленія комментаторовъ Геркогена очень сбивчивы: начало первого главнаго пункта (§ 51) приводится ими то подъ терминомъ *πρός τι* (см. выше), то подъ терминомъ *κτλήτορας* (Sr и M W IV, 522, 27 и 524, 10 и 16; Аноупт. W VII, 431, 8 и 433 26); въ примѣрѣ § 71 fin. они опять усматриваютъ главный пунктъ *πρός τι* (Sa W IV, 525, 4 сл.; Sr и M W IV, 529, 5); въ другомъ мѣстѣ они опять констатируютъ отсутствіе гл. и. *πρός τι* въ вашей рѣчи (Sr и M W IV, 530, 21 и 26); наконецъ, тѣ же комментаторы приводятъ и примѣръ изъ § 36 какъ образецъ гл. и. *πρός τι* (ibid. 529, 28). Эти противорѣчія объясняются тѣмъ, что эти объясненія заимствованы безъ всякой критики изъ разныхъ источниковъ.

дать его первый разъ за нѣсколько дней до своего процесса съ опекунами. Мидій ворвался со своимъ братомъ Эрасилохомъ въ домъ оратора, и Эрасилохъ предложилъ послѣднему или принятіе на себя тріэрархін, или объѣмъ имущества. Все это затѣялъ самъ Мидій. Тотчасъ же они, не ожидая окончательнаго рѣшенія оратора на счетъ ихъ предложенія, стали распоряжаться его имуществомъ и выломали двери комнатъ; передъ сестрою Демосеена, молодою дѣвицею, они произносили мерзкія рѣчи и осипали мать Демосеева и его самого кучею ругательствъ. Отъ веденія процесса съ опекунами они совсѣмъ отказались, считая себя владѣльцами имущества оратора ¹⁾. Демосеенъ надѣявшись, что онъ получитъ отъ опекуновъ все свое наследство, предпочелъ дать Мидію съ братомъ его двадцать минъ, за какую цѣну они отдали тріэрархію съ подрада. Потомъ ораторъ подалъ на Мидію жалобу за алосоловіе; Мидій, не явившись, былъ осужденъ заочно; но онъ пропустилъ срокъ платежа штрафа; хотя оратору тогда позволялось наложить руку на имущество Мидія, онъ все-таки предпочелъ начать противъ него процессъ за неисполненіе судебного приговора, который, хотя и назначенъ, до сихъ поръ не состоялся, благодаря интригамъ и уверткамъ Мидія. (Показаніе свидѣтелей). (§§ 77—82).

Въ связи съ изложеніемъ притѣсеній оратора находится слѣдующій эпизодъ, рисующій остервененіе и коварство, съ которыми Мидій отомстил мировому посреднику Стратону, осудившему его заочно (§§ 83—94). Въ тотъ же день, когда уже поздно состоялось рѣшеніе посредника, Мидій пришелъ вечеромъ къ аданію архонтовъ и засталъ послѣднихъ и Стратона уходящими. Безуспѣшно попытавшись подкупомъ заставить ихъ отмѣнить рѣшеніе, онъ затѣялъ противъ Стратона слѣдующую уловку: подавъ жалобу на его рѣшеніе, онъ не скрѣпилъ клятвою, что доведетъ процессъ до конца; вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства Стратонъ, не придавая его жалобѣ никакого значенія, совсѣмъ забылъ о ней. Это именно было нужно Мидію: дождавшись послѣдняго дня отчетнаго срока посредниковъ, когда обыкновенно уже немногіе изъ нихъ являются, онъ хотя и не исполнилъ формальныхъ требованій при своей жалобѣ, обвинилъ Стратона заочно и добился лишенія его гражданскихъ правъ ²⁾. Распространяясь о

¹⁾ Этой части Демосеенъ не подтверждаетъ свидѣтельскими показаніями, сославшись только на то, что многіе изъ судей вѣроятно еще помнятъ объ этомъ (ср. § 80).

²⁾ Однако, что осужденіе Стратона съ юридической стороны было правильно,

жестокости Мидій, ораторъ показываетъ, какъ Мидій долженъ быть наказанъ за свое нахальство, который сдѣлалъ Стратона несчастнымъ за его заочное рѣшеніе, влекущее за собою наказаніе только въ тысячу драхмъ, изъ которыхъ Мидій до сихъ поръ ничего не заплатилъ. (Показаніе свидѣтелей и законъ о посредникахъ). Чтобы еще больше подѣйствовать на судей и уже впередъ устранить ихъ состраданіе къ Мидію, ораторъ велитъ представить предъ судей самого Стратона. Какъ Мидій не пожалѣлъ ни его, ни дѣтей его, такъ и судьи должны теперь отнестись къ Мидію (§§ 95—101).

Все вышеприведенное относится ко времени до хорегіи оратора; въ слѣдующемъ отдѣлѣ излагается, какъ жестоко Мидій преслѣдовалъ Демосеена въ послѣдствіи (§§ 102—115). Послѣ краткаго введенія ораторъ разказываетъ, какъ Мидій нанялъ Эвтемона, который подалъ противъ Демосеена жалобу въ уклоненіи отъ военной службы, но самъ, отказавшись отъ этого процесса, засвидѣтельствовалъ его неосновательность. Второе нападеніе на оратора гораздо хуже перваго: когда Аристархъ обвинялся въ убійствѣ Никодема, Мидій сталъ сначала распространять слухи, что Демосеенъ совершилъ это убійство; но когда никто не хотѣлъ этому повѣрить, Мидій, отправившись къ родственникамъ убитаго Никодема, предлагалъ имъ деньги, если они станутъ обвинять въ этомъ убійствѣ оратора. Кромѣ свидѣтельскихъ показаній Демосеенъ велитъ прочесть еще законъ, опредѣляющій наказаніе за подкупъ, и пользуется промежуткомъ, пока секретарь дѣлаетъ приготовленіе, для того, чтобы показать значеніе вышеприведенныхъ обвиненій; сверхъ того онъ разказываетъ, какъ Мидій считалъ его виновникомъ того, что случилось на островѣ Эвбеѣ въ ущербъ для Аѳинянъ, хотя все это было дѣломъ друга Мидія, эретрійскаго тирана Плутарха, и дальше, какъ Мидій подалъ на оратора жалобу, когда послѣдній подвергся испытанію, будучи избранъ въ члены совѣта. Наконецъ, онъ сѣтуетъ на привилегіи богачей въ ущербъ бѣднякамъ. Послѣ прочтенія закона о подкупѣ ораторъ доказываетъ, что Мидій на дѣлѣ вовсе не считалъ его виновнымъ въ убійствѣ, потому что онъ не возсталъ противъ участія его въ разныхъ священнодѣяніяхъ.

такъ какъ онъ не имѣлъ никакого права не явиться, пока срокъ отчета не кончился, и что для этого не надо было никакого особаго позвола, видѣлъ уже Веетерманъ (Berichte d. Leipz. Academie, I, стр. 155; ср. A. Schäfer, Dem. u. A. Zeit, II, стр. 87, примѣч. 3.

При этомъ дѣлѣ обнаружались подлость и вѣроломство Мидія къ другу его Аристарху (§§ 116—122). Когда попытка Мидія, обвинить Демосоена въ этомъ убійствѣ, не увѣчалась успѣхомъ, онъ сталъ открыто дѣйствовать противъ Аристарха, друга Демосоена. Въ собраніи совѣта онъ прямо назвалъ Аристарха убійцею, хотя наканунѣ былъ у него въ гостяхъ; на второй же день послѣ засѣданія совѣта онъ опять зашелъ къ Аристарху, и покаялся, призывая гибель на себя, что онъ въ совѣтѣ ничего дурнаго противъ него не говорилъ. (Показаніе свидѣтелей).

Въ слѣдующихъ §§ (123—127), составляющихъ заключеніе изложенія обидѣ, навесенныхъ оратору, послѣдній старается придать этимъ обидамъ общественное значеніе. Примѣрное наказаніе обидчика, который, вмѣсто того, чтобы дать удовлетвореніе согласно съ законами, злоупотребляя своимъ богатствомъ, еще хуже преслѣдуетъ потерпѣвшаго, доставить защиту обидѣвшимся гражданамъ. Не только одинъ ораторъ, а все общество было обижено всѣми этими дѣяніями Мидія, которыя ораторъ резюмируетъ. Сообразно съ значеніемъ этихъ преступленій слѣдуетъ и назначить наказаніе.

Этимъ закончилось изложеніе преступныхъ дѣяній Мидія противъ оратора и противъ лицъ, пострадавшихъ изъ-за оратора; осталась еще масса преступленій Мидія противъ прочихъ Афинянъ, реестръ которыхъ Демосоевъ судьямъ читаетъ (§§ 128—130). Подъ конецъ онъ приводитъ еще одно преступленіе Мидія противъ цѣлаго класса гражданъ: Мидій отозвался публично о всадникахъ, отправившихся вмѣстѣ съ нимъ на Эвбею, что они вышли на срамъ для Афинъ. Ораторъ показываетъ, что это слѣдуетъ сказать про Мидія, и издѣвается надъ его невѣжественностью, обнаруженной при этой экспедиціи (§§ 131—135).

Если окинуть взглядомъ характеристику, начертанную Демосоевомъ, то мы должны сознаться, что онъ рѣшилъ свою задачу мастерски, собравъ такое громадное количество всякаго рода преступныхъ дѣяній, которыя дѣйствительно рисуютъ его противника подлѣйшимъ негоднемъ, опаснымъ для каждаго гражданина, имѣющаго несчастье съ нимъ имѣть дѣло. Насколько всѣ эти факты вѣрны, и насколько они изложены въ субъективномъ, предумышленно искаженномъ видѣ, рѣшить трудно, такъ какъ мы имѣемъ мало данныхъ для ихъ проверки. Съ другой стороны, ораторъ ловко пользуется случаемъ, очистить себя отъ разныхъ обвиненій и возбудить къ Стратону, давшему рѣшеніе въ его пользу, и Аристарху, принадлежав-

шему къ одной политической партіи съ ораторомъ; общее состраданіе ¹⁾).

Мидій, не будучи въ состояніи привести никакое обстоятельство для смягченія своей виновности, прибѣгаетъ къ другимъ, божье вышнимъ средствамъ, не находящимся въ тѣсной связи съ настоящимъ дѣломъ, чтобы при помощи ихъ заслушать снисхожденіе судей и та-

¹⁾ При риторическомъ опредѣленіи этой довольно значительной части речи мы руководились только содержаніемъ ея и значеніемъ главнаго пункта *κοιότης*, который мы къ ней приложили. Схоластики, бросивъ здѣсь продолжать призываніе главныхъ пунктовъ Гермогева, раздѣлили все, что слѣдуетъ послѣ § 76, по обыкновенной схемѣ анализа ораторскихъ рѣчей, и видятъ прежде всего въ § 77—125 отступленіе, *παράβασις* (Df 575, 18; 581, 8 сл.; 613, 8), которое, согласно со способомъ его изложенія и изътоку, которое оно занимаетъ, назвали вторымъ или добавочнымъ разказомъ, *παράπληθις* (Df 576, 24; о значеніи этого термина ср. Ruf. l. I. 466, 19 и W. V., 390, 6 (VII, 730, 4)). Это отступленіе они подробно раздѣлили согласно съ его содержаніемъ, при чемъ они особенное вниманіе обратили на возбужденіе состраданія къ Стратону (*ἰλίου κίνησις* Df 590, 10), устремленіе состраданія къ Мидію (*ἰλίου ἐκβολή* Df 592, 17) и самоубицу оратора противъ обвиненія въ соучастіи въ убійствѣ Никодема, посредствомъ догадки (*στοχαστὸς προκταστικαῖσθρατος* Df 581, 19; 598, 8). У прочияхъ риторомъ мы не встречаемъ ничего, что не было бы намъ известно изъ схолиі (*παράβασις* Sr W VIII, 85, 22; *ἰλεος* Arsin. l. I. 398, 10 и 405, 32 сл.; M. W IV, 419, 20 сл. (гдѣ вмѣсто *ἰλεῖν* читай *ἰλεῖν*), VII, 336, 3 сл.; *στοχαστὸς* W IV, 459, 8 сл.; последнее изъто обработано Сошатомъ въ цѣлую рѣчь (W VIII, 42—50). Съ § 128 начинается у схолиастовъ эпилോഗъ (*ἐπιόλογος* Df 613, 10). Въ первыхъ двухъ §§ они видятъ повтореніе (*ἀνακαταλαίωσις* Df 613, 12) и увеличеніе (*αὐξησις* *ibid.* 20) до сихъ поръ изложенныхъ оскорбленій. Въ этомъ нельзя не согласиться съ ними. Что за тѣмъ слѣдуетъ, то однако не вѣрно: съ § 128 они начинаютъ общую характеристику Мидія (*καθολική* или *κοινή* *κοιότης* Df 614, 19 сл.; 615, 7 сл.). Однако при этомъ обнаруживается, что они неправильно истолковали значеніе этого термина. По словамъ Гермогева и его комментаторовъ, это характеристика дѣлаго класса людей, къ которому обвиняемый принадлежитъ, другія словани, общее изъто (*κοινὸς τόπος*); между тѣмъ схоластики признають этотъ терминъ совсѣмъ произвольно въ значеніи: какимъ образомъ Мидій въ отношеніи къ государству (*πολιτικὸς περὶ κτῶν γεγενητὴ τῆν κοινὴν Μιδίας* Df 614, 25 и 615, 12). При этомъ схоластики вѣрно, хотя только мимоходомъ, замѣчаютъ, что частную характеристику Мидія въ отношеніи къ оратору (*πολιτικὸς γ. Μ. περὶ τὸν Δημοκρίτην* Df 615, 11), послѣдній уже выше нарисовалъ, указавъ на качество преступленіе, вѣроломство, суровость, неумячивость и прочія дурныя качества Мидія. И такъ, схоластики все-таки, хотя мимоходомъ, констатировали въ §§ 77—127 характеристику Мидія, какъ мы ее понимаемъ; что и слѣдующая часть до § 135 влчлчительно, принадлежать къ ней, неподлежитъ сомнѣнію. Въ остальной части эпилോഗъ схолиастовъ мы беремся ниже.

кинь образомъ, если не совсѣмъ отклонить, то по крайней мѣрѣ ослабить опасность, которой его подвергнулъ настоящій процессъ. И такъ, чтобъ обозначить риторическимъ терминомъ способъ защиты Мидіа, онъ употребить, какъ главный пунктъ, послѣдній изъ анти-тетическихъ стазисовъ, просьбу объ оказаніи снисхожденія (συγγνώμη). Эту попытку Мидіа ораторъ старается уже заранѣе парализовать тѣмъ, что онъ исчисляетъ все, что могло бы послужить противнику оцголомъ, и посредствомъ возраженія противъ каждаго отдѣльнаго пункта (πατάληψις) впередъ устраняетъ снисхожденіе къ Мидію; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старается еще больше возбудить негодованіе судей противъ Мидіа. Этотъ главный пунктъ заключаетъ въ себѣ §§ 136—212.

Мидіи не можетъ ссылаться, какъ обыкновенно дѣлаютъ подсудимые, на свою безпорочную жизнь: о его нахальныхъ и дерзкихъ поступкахъ знаютъ всѣ, но многіе изъ потерпѣвшихъ не хотятъ за-свидѣтельствовать нанесенныя имъ обиды, изъ страха передъ его на-спліемъ, энергіею и особенно богатствомъ; чтобы Мидіа преслѣдовать судебнымъ порядкомъ, у нихъ недостаетъ времени, опыта, ораторской способности и рѣшительности; въ виду этого теперь слѣдуетъ его наказать за всѣхъ, какъ общаго врага общества (§§ 136—142).

Какъ примѣръ того, что ни знатное происхожденіе, ни богатство, ни политическое вліяніе не можетъ спасти преступника отъ наказанія, ораторъ приводитъ Алкивіада, и сопоставляетъ его съ Мидіемъ. Алкивіадъ былъ знатнаго происхожденія по отцу и матери, самъ сражался за отечество, отличился въ состязаніяхъ въ Олимпіи, былъ превосходный полководецъ и ораторъ; а все-таки Аѳоняне наказали его изгнаіемъ, когда онъ, помимо другихъ менѣ важныхъ преступленій, изувѣчилъ статуй Гермеса. Однаково провинился теперь Мидіи, уничтоживъ священные предметы, принадлежавшіе Демосеену; что касается его должности военачальника, его ораторской дѣятельности и происхожденія, то ни одно изъ этихъ обстоятельствъ не говоритъ въ его пользу. И такъ, если Алкивіаду, отличившемуся во всемъ прочемъ, не было оказано снисхожденіе, тѣмъ менѣе можно оказать его Мидію (§§ 143—150).

При сопоставленіи Мидіа съ Алкивіадамъ мы видимъ, что Демосеенъ не пренебрегаетъ никакимъ средствомъ, чтобъ выставить своего противника въ дурномъ свѣтѣ: на основаніи какой-то нечистой сплетни онъ старается опозорить даже происхожденіе Мидіа, называя его под-

видимель¹⁾). Въ § 16 онъ разказывалъ, что Мидій пытался испортить священную одежду, но что не былъ въ состояніи всю ее истребить; адѣсь же, въ § 147, онъ, отождествивъ этотъ поступокъ съ изувѣченіемъ статуй Гермеса, уже говоритъ, какъ будто Мидій совсѣмъ уничтожилъ ее (τὸ δλας ἀφανίσαν ἱερά).

Къ самому вѣскову пункту, на основаніи котораго Мидій могъ надѣяться на оказаніе снисхожденія со стороны судей, мы приступаемъ теперь: это услуги, оказанныя имъ государству. Чтобы лишить противника этого, безъ сомнѣнія важнаго подспорья, ораторъ уменьшаетъ какъ можно больше значеніе этихъ услугъ, показывая:

- 1) что онѣ въ сущности ничтожны;
- 2) что, еслибъ онѣ и дѣйствительно были таковы, какныя ихъ представляеть Мидій, то это все-таки не даетъ права Мидію обижать гражданъ;
- 3) что онъ за нихъ уже получилъ награду (§§ 151—174).

ad 1) а) Мидій будетъ ссылаться на свои триэрархія и литургія. На это ораторъ замѣчаетъ, что онѣ больше на словахъ, чѣмъ въ дѣйствительности: Мидій всего одинъ разъ принялъ на себя триэрархія, и то еще въ то время, когда эта обязанность стала обходиться триэрархамъ почти даромъ, и поставилъ хоръ въ трагедіи. Демосеевъ пользуется весьма ловко случаемъ привести свои издержки для государства, сравнивая ихъ съ издержками противника и показывая, что хотя онъ гораздо моложе Мидіа и имущество его похитили опекуны, онъ все-таки больше пожертвовалъ. Мидій же употребляетъ свое имущество скорѣе на свою роскошь, чѣмъ на нужды государства (§§ 151—159).

Субъективность оцѣнки услугъ, оказанныхъ Мидіемъ государству, видна здѣсь особенно изъ слѣдующаго обстоятельства. По мнѣнію оратора, за вторую литургія вовсе не слѣдуетъ Мидію благодарность, потому что онъ взялъ на себя эти издержки не добровольно, а вслѣдствіе того, что въ случаѣ отказа ему предстоялъ обиднѣе имущество: при такихъ же обстоятельствахъ взялъ и ораторъ на себя первую триэрархія (ср. § 78); однако онъ, упоминая о ней (§ 154), и не думаетъ вслѣдствіе этого умалать ея значеніе²⁾.

б) Мидій дальше будетъ снискивать снисхожденіе на основаніи того, что онъ подарилъ городу триэру. Ораторъ, не будучи въ состояніи

¹⁾ Ср. Df 626, 4.

²⁾ Ср. Df 626, 26.

ничего сказать противъ самого подарка ¹⁾, возбуждаетъ подозрѣніе противъ побужденія къ пожертвованію: по его словамъ, Мидій жертвовалъ только вслѣдствіе трусости и изъ расчета, такимъ образомъ уклониться отъ военной службы. Мидій, не участвовавшій прежде никогда въ жертвованіяхъ для города, не пожелалъ сдѣлать пожертвованіе и послѣдній разъ, хотя присутствовалъ въ засѣданіи совѣта, гдѣ происходило пожертвованіе: только когда послѣ извѣстія объ осадѣ аѳинскихъ солдатъ въ Таминахъ на Эвбеѣ совѣтъ рѣшилъ, что и отрядъ всадниковъ, начальникомъ котораго состоялъ Мидій, долженъ отправиться на войну, тогда Мидій, рано явившись въ слѣдующее народное собраніе, сдѣлалъ тамъ пожертвованіе. Но когда потомъ отправленіе этого отряда конницы было отмѣнено собраніемъ, то Мидій послалъ на тріару вмѣсто себя другого, а самъ остался дома; однакожь когда полководецъ Фокионъ потребовалъ этотъ отрядъ для смѣны, то Мидій скорѣе отправился на свою тріару, покнуувъ своихъ всадниковъ. Не такъ поступили другіе жертвователи. Кромѣ того, онъ извлекъ изъ этого еще матеріальную пользу тѣмъ, что, оставши отъ экспедиціи, собиралъ камни, двери лагеря и скотъ, и нагруживъ дрова, отвезъ ихъ въ свои рудники. (Повѣзаніе свидѣтелей). (§§ 160—168).

ad 2) Еслибъ и дѣйствительно всѣ тѣ услуги, которыя Мидій будетъ исчислять, были имъ оказаны городу, то онѣ все-таки не могли бы освободить его отъ наказанія за дерзкіе поступки. Такой привилегіи не дали Аѳиняне и тѣмъ, которые оказали другія услуги государству, даже Гармодию и Аристогитону (§§ 169—170).

ad 3) Ораторъ доказываетъ, что Мидій уже получилъ награду за свои литургіи, и слѣдовательно, что за Аѳинянами ничего не числится. Наградой, далеко превышающей его заслуги, ораторъ считаетъ разныя должности, которыя Мидій исправлялъ: такъ онъ былъ казначеемъ Парала, начальникомъ всадниковъ и исполнялъ разныя обязанности, относящіяся къ религиознымъ обрядамъ. При этомъ ораторъ пользуется случаемъ, чтобъ оклеветать дѣятельность Мидія при исполненіи имъ первыхъ двухъ должностей. Какъ казначей Парала онъ отнял у гражданъ города Кизика, аѳинскихъ сокровенниковъ, больше чѣмъ пять талантовъ, и былъ такимъ образомъ причиною ихъ от-

¹⁾ Цѣнность этого подарка увеличивается еще тѣмъ, что казна Аѳинянъ была въ это время до того пуста, что даже надо было приостановить судопроизводство, за неимѣніемъ денегъ для названнаго судья. Ср. D XXXIX, 17 fm.

домени отъ Аенниитъ; какъ начальникъ конницы онъ издаде такім распоряженіи, отъ которыхъ онъ потомъ самъ отказался. При первой должности, хотя онъ получилъ на оснастку Парала двѣнадцать талантовъ, то священный корабль все-таки шелъ гораздо медленнѣе, чѣмъ всѣ частинѣ, а при второй, онъ даже не былъ въ состояніи купить себѣ лошадь. (Показаніе свидѣтелей). (§§ 171—174).

Въ слѣдующихъ §§ ораторъ приводитъ судьямъ примѣры для руководства при подачѣ голосовъ, показывающіе, что преступникамъ судьи не оказываютъ снисхожденія. Всего здѣсь шесть примѣровъ, изъ которыхъ въ первыхъ трехъ приведены преступленія одной категоріи съ настоящимъ, а въ трехъ послѣднихъ другія преступленія. Для насъ особенно поучителенъ первый примѣръ: Оеспіецъ Эвандръ выигралъ коммерческій процессъ въ два таланта противъ Каріида Меннипа, и не будучи въ состояніи получить удовольствованіе, арестовалъ послѣдняго во время мистерій. Меннипъ обвинилъ его предъ народнымъ собраніемъ, которое и осудило его. Когда же потомъ это дѣло поступило на разсмотрѣніе судей, они своимъ приговоромъ заставили Эвандра отказаться отъ двухъ талантовъ, слѣдовавшихъ ему на основаніи судебного приговора, и сверхъ того, дать Меннипу вознагражденіе за потерю времени при этомъ процессѣ. Примѣръ этотъ служитъ доказательствомъ, что и послѣ предварительнаго осужденія народнымъ собраніемъ судъ все-таки могъ назначить сравнительно незначительную пеню, и не смотрѣлъ на преступленіе, совершенное во время праздника, непремѣнно такъ, какъ смотритъ на него Демосеенъ. Дальше ораторъ говоритъ о томъ, какъ отецъ бывшаго архонта Хариллида вытолкалъ изъ театра кого-то, желавшаго занять мѣсто во время праздника Вакха; тотъ подалъ на него жалобу народу, который и призналъ его виновнымъ. Однако это дѣло, за смертью обвиняемаго, не поступило на разсмотрѣніе суда ¹⁾. Третьимъ примѣромъ служитъ Ктесимъ, который былъ признанъ виновнымъ въ народномъ собраніи и потомъ приговоренъ судомъ къ смертной казни за то, что онъ, будучи пьянъ, во время процессіи кнутомъ ударилъ своего врага. Этотъ примѣръ подобранъ удачливѣе всѣхъ; за то слѣдующіе три не имѣютъ никакого сходства съ даннымъ дѣломъ ²⁾. Въ первомъ изъ нихъ разказывается, что какой-то Пирръ

¹⁾ Этотъ примѣръ совсѣмъ лишній, потому что изъ него невозможно во видѣ, какъ судьи наказали провинившагося ср. Df 640, 23 сл.

²⁾ Ср. Df 642, 9 и 27 сл.

былъ присужденъ къ смерти за то, что онъ, не заплативши казнѣ долга, занималъ должность судьи; бѣдность, вслѣдствіе которой онъ на это рѣшился, не послужила ему извиненіемъ. Дальше упоминается о Смикросѣ и Скитонѣ, которые были оштрафованы, каждый десять талантами, за внесеніе противозаконныхъ законопроектвъ, и ни присутствіе дѣтей, ни друзей, ни родственниковъ не спасло ихъ. Точно также должны судьи поступить и съ Мидіемъ и показать, что передъ судомъ всѣ граждане равны (§§ 175—183).

Здѣсь ораторъ объявляетъ, что онъ, прежде чѣмъ закончить рѣчь, еще имѣетъ сказать нѣсколько не менѣе важныхъ пунктовъ. Цѣль того, что слѣдуетъ, та же, какъ и предъидущаго: устроить снисхождение къ Мидію. Хотя всѣ слѣдующіе пункты не имѣютъ такого вѣса, какъ предъидущіе, они все-таки могли бы послужить Мидію для облегченія наказанія. По своему существу эта часть представляется собою нѣсколько болѣе отрывочныхъ возраженій.

Гуманность и мягкій характеръ Аѳинянъ, этотъ общій источникъ смягченія наказанія виновныхъ, не долженъ быть причиною облегченія наказанія Мидію, потому что онъ не заслужилъ этого своими дерзкими и насильственными поступками. Ораторъ смотритъ на поступки людей какъ на складчину (§§ 184—185).

Состраданіе къ Мидію, которое могутъ въ судьяхъ возбудить его слезы и присутствіе его дѣтей на судѣ, Демосеенъ уже впередъ парализуетъ слѣдующимъ образомъ: по его мнѣнію, первое должно скорѣе повредить Мидію, такъ какъ изъ этого видно, что онъ можетъ быть смиреннымъ и кроткимъ, если захочетъ. То обстоятельство, что ораторъ, не имѣя дѣтей, не можетъ привести ихъ въ судъ, не должно быть ему въ ущербъ; противъ дѣтей на сторонѣ Мидія пусть судьи поставятъ на сторонѣ оратора законы и свою клятву, что они будутъ повиноваться имъ (§§ 186—188).

Виноность свою, доказанную рѣчью Демосеена, Мидій дальше постарается уменьшить на томъ основаніи, что Демосеенъ ораторъ, и что онъ приготовилъ рѣчь. Что касается перваго, то Демосеенъ признаетъ себя ораторомъ только въ томъ случаѣ, если подъ этимъ словомъ подразумѣвается скромный человекъ, дающій народу полезныя совѣты, но никакъ не въ томъ случаѣ, если этимъ обозначается дерзкій говорунъ, разбогатѣвшій на счетъ народа. Кромѣ того Демосеенъ считаетъ несправедливымъ, что Мидій съ одной стороны упрекаетъ его именемъ оратора, а съ другой, самъ желаетъ спастись при помощи ораторовъ, которые выступаютъ для его защиты. Относительно

второго пункта ораторъ отвѣчаетъ, что было бы въ высшей степени съ его стороны неблагоуразумно, послѣ столькихъ обидъ не приготовить рѣчи, матеріала для которой ему доставилъ самъ Мидій (§§ 189—192).

Намъ кажется, что ораторъ и здѣсь употребилъ хитрость. Подъ словами *ῥήτορ* и *ἀκαρτέρινα καὶ παρασκευαστέρινα* Мидій едва ли подразумевавалъ то, противъ чего ораторъ возражаетъ; онъ скорѣе хотѣлъ этимъ сказать, что Демосеевъ какъ ораторъ по ремеслу (адвокатъ) знаетъ разные уловки, чтобы представить бѣлое чернымъ (*τὸν κρείττον λόγον ἤττω ποιῆν*), и что онъ въ данномъ случаѣ воспользовался этимъ умѣніемъ при составленіи обвинительной рѣчи. Однимъ словомъ, Мидій хотѣлъ этимъ возбудить въ судьяхъ недоувѣріе къ правдивости рѣчи Демосеева; однако послѣдній повернулъ при своемъ возраженіи въ другую сторону.

И значеніе предварительнаго осужденія народнымъ собраніемъ Мидій будетъ уменьшать, какъ онъ это сдѣлалъ, когда это осужденіе состоялось; и теперь онъ будетъ утверждать, что его осудили люди, укловнившіеся отъ участія въ походѣ, члены хора и иностранцы. Этого пункта Демосеевъ не опровергаетъ, а только пользуется имъ какъ матеріаломъ для возбужденія негодованія судей противъ Мидія. Указавши на контрастъ между угрозами и свирѣпыми, запугивающими взглядами, которые онъ тогда бросалъ на собраніе, и теперешними его слезами, показавши дальше, что Мидій, отозвавшійся съ одинаковымъ презрѣніемъ какъ о тѣхъ граждавахъ, которые съ нимъ отправились въ походъ, такъ и объ оставшихся дома, недостойнъ никакого снисхожденія, ораторъ свидѣтельствуетъ объ общей ненависти противъ Мидія: если послѣдній, даже будучи осужденъ, не отложилъ своего высокоумія и надменности, что же можно ожидать отъ него, если ему теперь удастся избѣжать наказанія? Болѣе удобнаго случая обуздать его не представится больше (§§ 193—201).

Въ слѣдующихъ трехъ §§ (202—204) ораторъ продолжаетъ возбуждать ненависть и негодованіе судей противъ Мидія. Доказательство недоброжелательства послѣдняго къ народу онъ видитъ въ томъ, что Мидій никогда не радуется видѣть съ народомъ, а выходитъ на ораторскую кафедру только тогда, когда народъ былъ постигнутъ какимъ-нибудь несчастіемъ, чтобы его упрекать въ бездѣтельности и ожиданіи денегъ отъ Мидія. Какъ онъ не имѣетъ состраданія съ народомъ въ тяжелое время, такъ и судьи должны отнестись къ нему теперь.

Последнюю часть этого главнаго пункта Демосеенъ направилъ противъ защитниковъ Мидіа, раздѣливъ ихъ на двѣ категоріи: а) ораторовъ и б) богачей (§§ 205—212).

ад а) Чтобы уменьшить значеніе первыхъ, ораторъ утверждаетъ, что ихъ цѣль—не угодить Мидію, а нанести вредъ Демосеену изъ-за ихъ частной вражды къ нему. Изъ всѣхъ онъ особенно выдѣляетъ Эвбула, который, однако, присутствовалъ при предварительномъ осужденіи Мидіа, не защищалъ его, хотя послѣдній умолялъ его, а только теперь старается помѣшать оратору получить удовлетвореніе за понесенныя имъ обиды (§§ 205—207).

ад б) Ходатайство богачей за Мидіа парализуетъ ораторъ предположеніемъ, что еслибъ перемѣнилось государственное устройство и еслибъ богачи вмѣстѣ съ Мидіемъ взяли въ свои руки бразды правленія, они вовсе не обращали бы вниманія на просьбу какого-нибудь бѣдняка за его товарища; у нихъ ихъ добра никто не отнимаетъ; слѣдовательно, и они не должны препятствовать бѣднякамъ пользоваться единственнымъ ихъ добромъ, покровительствомъ законовъ; если они считаютъ положеніе Мидіа, лишеннаго имущества, ужаснымъ, то пусть они дадутъ ему изъ своего добра (§§ 205—212) ¹⁾.

¹⁾ Схоласти повидимому причисляютъ §§ 136—142 еще къ общей характеристикѣ, потому что слѣдующая часть эпиграфа начинается у нихъ только съ § 143 (Df 622, 3). (Однако, что эти слова оратора направлены противъ защиты обвиняемаго при помощи ссылки на безпорочную жизнь, видѣлъ тоже Кайзеръ 238 фп.). Эта слѣдующая часть эпиграфа (§§ 143—174) имѣетъ цѣлью доказать, что Мидіа не заслуживаетъ снисхожденія (μη ὄντα αἰεὶς ἕλιον, *ibid.* 4; 626, 4; 627; 16). Дальше §§ 175—183 составляютъ заключеніе къ изложенію значенія преступленія (ἐπίλογος τῆς κηλικότητος, 639, 4). Однако ораторъ самъ въ § 183 фп. (μη τοῖνον—σφῆρασμα ἕκτα) обозначилъ цѣль этой части. Содержаніе §§ 184—188 (643 г. 21; 644, 12) опять вѣрно обозначено словами ἐλεῖν ἐκβολῆ; въ §§ 189—192 заключается ἐπιλογικὴ ἀντίστισις (645, 16; 646, 15). Въ §§ 193—201 возстаиваетъ ораторъ весь народъ противъ Мидіа (647, 13); дальше §§ 202—204 направлены противъ ораторской дѣятельности послѣдняго, а §§ 205—212 противъ его защитниковъ (654, 16; 658, 1). При слѣдующихъ за тѣмъ §§ не обозначено ни ихъ риторическое значеніе, ни содержаніе.

Что касается комментаторовъ Гермогена, то они особенно часто цитуютъ три пункта изъ только что разобраннаго нами отъѣла, именно: какъ примѣръ образцовой характеристики противника на основаніи его происхожденія они приводятъ § 149 (W IV, 538, 30; VII, 448, 24), и характеристики его въ будущемъ § 199 (W IV 540, 16; VII, 448, 27), хотя риторическое значеніе этихъ §§ у Д. другое. Еще чаще они приводятъ § 160 какъ примѣръ того, что, когда намъ нельзя сказать ничего противъ самого эпита, мы должны возбудить подозрѣ-

Этимъ окончено рѣшеніе спорнаго вопроса, и ораторъ переходитъ къ заключенію (§§ 213—227), содержащему въ себѣ обращеніе къ судьямъ. Ораторъ проситъ ихъ не отказать ему въ доставленіи удовлетворенія, для чего и припоминаетъ имъ, что Мидій уже предварительно осужденъ народомъ, что ихъ приговоръ не останется скрытымъ отъ общественнаго мнѣнія, что преступленіе Мидія имѣетъ общественный характеръ и поэтому наказаніемъ его гарантируется безопасность частнымъ лицамъ и поддерживается авторитетъ законовъ. Судья обнаружили свое нерасположеніе къ Мидію шумомъ и свистомъ при появленіи послѣдняго въ театрѣ, поощрили оратора при предварительной жалобѣ въ народномъ собраніи: и такъ, пусть они и теперь, послѣ того, какъ Мидій былъ народнымъ собраніемъ признанъ виновнымъ и ораторъ доказалъ его виновность, назначать ему примѣрное наказаніе.

И такъ, мы рѣшили свою задачу и добились результатовъ, которыми вполне подтверждается пригодность теорій стазисовъ въ примѣненіи ея къ одному изъ самыхъ выдающихся памятниковъ судебного краснорѣчія древнихъ. Всѣ источники доказательствъ, которыми можно было воспользоваться въ данномъ случаѣ, исчерпаны ораторомъ¹⁾ и подвергнуты тщательной обработкѣ, особенно при помощи примѣровъ, которыми рѣчь противъ Мидія изобилуетъ. Собранные матеріалы были раздѣлены ораторомъ на двѣ части: въ первой изъ нихъ онъ помѣстилъ все, что имѣетъ непосредственное отношеніе

ніе противъ повода къ нему (W IV, 114, 21; 166, 4; 543, 1; ср. 539, 17). Наконецъ, чаще всего они воспеваются такъ, какъ долго ораторъ съумѣлъ въ § 188 противопоставить датямъ на сторонѣ Мидія закономъ на своей сторонѣ (W IV, 416, 5; 419, 14; VII, 335, 19; 339, 7; II, 397, 22). Большая часть изъ этихъ цитатъ находится у риторовъ при изложеніи правилъ, относящихся къ эпilogу, къ чему видно, что они видѣли въ этой части рѣчи эпilogъ.

¹⁾ Изъ главныхъ пунктовъ Гермогена остались непризнанными только два: ἀντίληψις и κοινή ποίησις. Первымъ изъ нихъ нельзя было оратору воспользоваться, такъ какъ онъ принадлежитъ обвиняемому, который долженъ употребить его противъ пункта ματάληψις со стороны обвинителя; отъ общей характеристики, которая въ данномъ случаѣ должна была быть направлена противъ богатей, ораторъ отказался, не желая задѣть кого-нибудь изъ этой сильной политической партіи. Ср. § 208: περί ὧν οὐδὲν ἐν εἰκοσιμῇ πρὸς ἑμὲ φησὶν καὶ γὰρ ἐν ματαλήψει. Что же касается наитренин обвиняемаго (γυμνάσιον), то ораторъ не посваталъ этому пункту никакого особаго отдѣла, но очень часто между прочимъ упоминалъ на то, что Мидій преследуетъ его постоянно. Ср. § 14 ἀπείρητον μοι ἀπὸ γυμνάσιου.

къ рѣшенію даннаго спорнаго вопроса, а вторая содержитъ въ себѣ то, что служить только вспомогательнымъ средствомъ къ достиженію обозначенной цѣли; по своему объему первая часть составляетъ вмѣстѣ съ приступомъ одну, а вторая вмѣстѣ съ заключеніемъ двѣ трети цѣлой рѣчи. Что же касается распредѣленія главныхъ пунктовъ на обыкновенныя главные части ораторской рѣчи, то оно почти вѣрно сдѣлано схоластиками въ примѣчаніяхъ къ этой рѣчи; только къ разказу слѣдовало прибавить еще § 23, и къ отступленію §§ 126—135; въ обонхъ случаяхъ этой поправки требуетъ само содержаніе ¹⁾.

Уже въ началѣ этой главы нами было указано на то, какъ древніе риторы опредѣляли стазисъ рѣчи противъ Мидіа; теперь мы возвращаемся къ этому вопросу. Всѣ риторы, начиная съ Гермогена, и кончая Цеціемъ, видѣли въ этой рѣчи стазисъ опредѣленія, а именно видъ его *βρος κατὰ σὺλλήψιν* ²⁾. Съ древними соглашались и новѣйшіе ученые, которые сочли нужнымъ упомянуть объ этомъ пунктѣ ³⁾,

¹⁾ И такъ, схема рѣчи противъ Мидіа будетъ слѣдующая:

- I. *προοίμια* (1—12).
- II. *διήγησις* (13—23).
- III. *ἀγώνισ* (24—76).
- IV. *παράβασις* (77—135).
- V. *ἐπιλόγι* (136—227).

При этомъ распредѣленіи пункты, увеличивающіе значеніе преступленія, причислены къ аргументаціи, что и Аристотель допускаетъ (*Rhet.* III, 13, Sp. I, 148, 10); что касается эпилога, то онъ можетъ назваться слишкомъ длиннымъ; однако терминъ *ἐπιλόγι* нѣмалъ у риторовъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ мы ему придаемъ; по замеченію Аристотеля (l. l. 161, 4) ораторъ старается въ эпилогѣ расположить слушателей благосклонно къ себѣ самому и враждебно къ противнику, приводитъ общее вѣсто для увеличенія или уменьшенія преступленія, возбуждаетъ всеобщіе и повторяетъ все замеченное. Первый и третій пункты составляютъ все содержаніе нашего эпилога.

²⁾ См. Н 155, 23; *περὶ εὐρίε*. 204, 8 и 205, 13; Ливан. (D p. 509) и авторъ втор. содерж. этой рѣчи (D p. 511 fn.; p. 512, med.; ср. p. 513 fn.); схола. къ этой рѣчи: Df 531, 1; 552, 28; 553, 12; ср. 554, 4 и 613, 14; коммент. Гермог. W IV, 201, 27; 309, 13 и 26; 556, 18; 558, 27; VIII, 108, 4; Tzetz. (*Anecd. Oxon. Craschii*, vol. IV, p. 67).—О значеніи вида *κατὰ σὺλλήψιν* см. гл. I.

³⁾ См. Spalding, *Dem. or. in Mid.* (Berol. 1794) p. 2; его примѣчаніе перепечатали въ своихъ изданіяхъ: Buttman (Dem. or. in Mid. Berol. 1823) p. 3 и Диядоръ l. l. p. 752. И Веэль (*Les plaid. polit. de Dém.*, Paris, 1877) p. 94, соглашаясь съ мнѣніемъ риторовъ, говоритъ слѣдующее: On voit que les rhéteurs anciens n'ont pas tout à fait tort de dire que le débat roule sur la définition du délit.

исключая К. Ф. Германна ¹⁾). Мнѣніе послѣдняго мы рассмотримъ вмѣстѣ съ очень важнымъ вопросомъ. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ не было точно и ясно изложено, какъ собственно Мидій опредѣлялъ свой поступокъ, и какъ Демосеенъ называлъ его, и дальше, что находится въ связи съ опредѣленіемъ обѣихъ сторонъ, какую форму процесса Мидій считалъ правильною, и какими процессомъ его преслѣдовалъ ораторъ. Мнѣнія древнихъ распадаются на двѣ группы: одни утверждаютъ, что Мидій видѣлъ въ оскорбленіи, нанесенномъ имъ оратору, преступленіе частнаго характера (*ἴδιον ἄδικημα*), а Демосеенъ преступленіе противъ государства (*δῆμιον αἴ.*); другіе же полагаютъ, что Мидій смотрѣлъ на свое дѣяніе какъ на оскорбленіе дѣйствиємъ (*ἄδικον*), между тѣмъ какъ ораторъ считалъ его нечестіемъ (*ἀσέβεια*); къ первой группѣ принадлежатъ, безъ сомнѣнія, и тѣ, которые противопоставляютъ оскорбленію государственное преступленіе, потому что изъ этого противопоставленія видно, что по ихъ мнѣнію Мидій считалъ свой поступокъ обидою частнаго характера ²⁾. Противъ этого опредѣленія риторовъ, между которыми на счетъ того, что въ рѣчи противъ Мидія употребленъ ставизъ опредѣленія, господствуетъ полное согласіе, возстаютъ, какъ мы выше указали, только одинъ Германнъ. По его словамъ, риторы вида, что первый изъ трехъ стависовъ, догадка, не можетъ имѣть адѣсь мѣсто, такъ какъ Мидій не отрицаетъ факта нанесенія оскорбленія, перешла отъ догадки къ второму ставису, опредѣленію, и остановившись на томъ, что Демосеенъ ради увеличенія значенія преступленія обвиняетъ противника въ нечестіи и подъ названіемъ *ἀσέβεια* противопоставляетъ обиду ему нанесенную простому оскорбленію дѣйствиємъ

¹⁾ De probole apud Atticos, Gottingae, 1847, pp. 6 — 8, или см. Df VI, pp. 749—751.

²⁾ Къ первымъ принадлежитъ Н 158, 24, автора втор. содерж. (D p. 511 вл. сл.), Сонатр (W IV, 528, 17; 558, 22 и VIII 111, 15), Довсонатр (W II, 87, 28 сл.; ср. Jul. Victor Hm 396, 19 в 26); вторую группу составляютъ Ливаній (L. I. p. 509), Аксиахъ (L. I. 369, 9), Сириахъ W IV, 556, 19, Аполумъ. W VII, 396, 17 сл. Схоласти въ примѣчаніяхъ къ этой рѣчи придерживаются то перваго, то втораго мнѣнія, смотря потому, отъ кого они заимствовали свои примѣчанія; однако первое опредѣленіе встрѣчается гораздо чаще, см. Df 549, 20; 552, 10; 613, 17 сл.;—552, 27, 553, 11, 614, 6.—Интересный примѣръ безтолковой комбинаціи риторовъ мы встрѣчаемъ W VII 463, примѣч. 13 (Schoha min.); несмотря на то, что Sr и Ss придерживались одинъ того, а другой другаго опредѣленія, авторъ примѣчанія, взявъ заголовку Sr (W IV, 558, 22), вставилъ въ нее заголовку Ss (W IV, 556, 20), вовсе не заботясь о противорѣчии ихъ содержания.

(ἔθρις), констатировали въ рѣчи противъ Мидіа стазисъ опредѣленія; однако точно также можно было бы, по его словамъ, усмотрѣть въ томъ, что разказывается относительно предварительнаго осужденія Мидіа народомъ, или относительно его будущей попытки снискать снисхожденіе, третій стазисъ (qualitas); вообще, сущность рѣчи противъ Мидіа вовсе не заключается въ томъ, въ чемъ ее видать риторы, а ораторъ заданъ слѣдующею цѣлю: увеличить степень виновности Мидіа и лишить его впередъ всякой возможности защищаться.

Доводы, на которые опирается полемика Германна, представляютъ собою смѣсь правильныхъ взглядовъ и заблужденій. Впервыхъ, уже въ началѣ своего разсужденія Германнъ невѣрно сообщаетъ, будто Ливаній, Гермогенъ и другіе риторы утверждаютъ, что въ данной рѣчи спорное названіе съ одной стороны опредѣляется какъ ἀσέβεια, а съ другой какъ ἔθρις. Мы уже выше показали, что дѣйствительно таково было мнѣніе Ливанія и нѣкоторыхъ другихъ раторовъ, но что Гермогенъ, и за нимъ много его послѣдователей, видѣли здѣсь опредѣленія: ἴδιον и δημόσιον ἀδικήμα¹⁾. Изъ этого слѣдуетъ, что полемика Германна можетъ быть принята только въ отношеніи къ Ливанію и тѣмъ, которые раздѣляли его взглядъ. Изъ опредѣленія дѣйствительно ошибочно, и Германнъ, опровергая его, совершенно правильно замѣтилъ, что хотя ораторъ употребляетъ выраженія ἀσέβεια и ἀσεβείν (§ 51 in. и 55 fin.), и даже говоритъ объ оскорбленіи самого бога (§§ 40; 61 fin.; 126; 227), онъ дѣлаетъ это только съ цѣлю увеличить ужасъ преступленія (augendae atrocitatis causa). Именно такъ было и нами на основаніи теоріи выше опредѣлено значеніе этой части рѣчи противъ Мидіа (§§ 51—55). И такъ, Германнъ борется противъ риторики, а на дѣлѣ высказываетъ то же самое, что уже давно передъ нимъ было высказано лучшими представителями ея²⁾.

¹⁾ Н. I. I. говоритъ: ἐπίσημος τοῦ Μειβίου ἔθριν εἶναι καὶ ἰδιωματικὸν ἀλλ' οὐ δημόσιον ἀδικήμα τὸ περὶ τὴν ἑορτήν, συνάγει ἑκάτερα καὶ τὸ τῆς ἔθριος (=ἰδιωματικὸν ἀδ.) καὶ τὸ περὶ τὴν ἑορτήν ἀδικεῖν (=δημόσιον ἀδ.). При этомъ выраженіе τὸ περὶ τὴν ἑορτήν ἀδικεῖν обозначаетъ только нарушеніе праздничнаго спокойствія; между послѣднихъ преступленіемъ и ἀσέβεια (непочитаніе боговъ) большая разница. Противопоставленіе опредѣленій ἀσέβεια и ἔθρις, правда, встрѣчается одинъ разъ у Герм. (περὶ εὐρέε. р. 204, 17), но это очевидная интерполція, приведенная безъ всякой связи только для объясненія, что подразумѣвается подъ словомъ νίχη. Ср. примѣч. Вейля I. I. р. 94, 6.

²⁾ Демосеенъ выражается въ этомъ отдалѣ рѣчи очень сдержанно, изъ чего

Въ слѣдующемъ возраженіи Германія указываетъ на то, что не представлялось оратору никакой надобности хлопотать о томъ, чтобы нанесенное ему оскорбленіе было опредѣлено какъ ἀσέβεια, а не какъ βράς, потому что то и другое одинаково влекло за собою государственный процессъ, при которомъ наказаніе не было впередъ опредѣлено законами, а назначалось присяжными засѣдателями по ихъ усмотрѣнію (ἀγὼν τιμῆτος) ¹⁾. Указавъ, что ораторъ не обвинялъ Мидіа ἀσέβειας, мы должны отвѣтить на вопросъ: вѣрно ли мнѣніе, что всякое оскорбленіе имѣло послѣдствіемъ государственный процессъ? Мы считаемъ возможнымъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно, на основаніи слѣдующихъ соображеній. Наше объясненіе этого труднаго мѣста, основывающееся на словахъ оратора, имѣетъ передъ толкованіями другихъ то преимущество, что не надо прибѣгать къ обвиненію оратора въ нелогичности и запутанномъ изложеніи. Ср. Boeckh, Ueber die Zeitverhältnisse der Dem. Rede g. Meid. (Abhandl. d. Berlin. Akad. der Wissensch., 1818) p. 73 сл.; Meier u. Schömann, der att. Process, p. 173 сл.; Вейль l.l. pp. 124—126, примѣч. Въ рѣчи противъ Мидіа (§ 25) обвиняемый, протестуя противъ возбужденнаго противъ него государственнаго процесса, говоритъ: δίκας ἰδίαις προσήμα λαχεῖν... βλάβης... βράως, οὐχὶ δημοσίᾳ κρίναι καὶ τίμημα ἀπαύειν ὃ τι χρὴ παθεῖν ἢ ἀποδοῖν ²⁾. Изъ этого мѣста видно, что дѣйствительно существовать процессъ δίκη βράως ἰδίαις, такъ какъ, съ одной стороны, Мидіа не могъ требовать чего-нибудь а ргіогі невозможнаго, а съ другой—ораторъ прямо указалъ бы на не основательность требованія Мидіа.

видно, что онъ и не думалъ серьезно обвинять Мидіа ἀσέβειας: οὐδὲ γὰρ μοι δοκεῖ (τις), κἔν ἀσέβειαν εἰ κατατίμωσκαί, τὴ προσήματα ποιεῖν, и подъ кощца: τοῦτον ἔλλο τι πλὴν ἀσέβειαν φήσομεν; и на прочія сюда относящіяся мѣста надо смотрѣть какъ на риторическую натяжку. На заблужденіе Ливанія и прочіихъ особенно ясно указаво Df 561, 17 (къ § 51 in.): τοῦτό τις μὴ νοήσας ὅτι ἀσέβειας εἰληται ἔθηκεν, περί ἀσέβειας εἶναι τὴν κρίσιν ἀπαφύλακτο. Удивительно, какъ все это могло ускользнуть отъ вниманія Германна.

¹⁾ Ἀσέβεια считалась преступленіемъ противъ государства или государственной религіи и во время Демосеена рассматривалась не ареопагомъ, а судомъ присяжныхъ засѣдателей, какъ и прочія преступленія противъ государства.

²⁾ Множественное число δίκας ἰδίαις употреблено не потому, что каждый изъ трехъ слѣдующихъ способовъ причиненія убытка долженъ былъ послужить поводомъ для одного частнаго процесса, а потому, что слѣдуютъ два частные процесса, βλάβης; и βράως; точно также надо объяснять δίκας ἰδίαις и ἰδίῳ δικῶν въ § 28.

Германии однако полагасть, что этотъ протестъ Мидіа относится не къ настоящему процессу, а къ предварительному суду, которому ораторъ подвергъ Мидіа. Это объясненіе невѣрно; послѣднія слова вышеприведеннаго мѣста, гдѣ говорится о назначеніи пени, служатъ яснымъ доказательствомъ, что Мидій не могъ имѣть въ виду при своемъ протестѣ *προβολή*, потому что тамъ не назначался никакой штрафъ обвиняемому. Въ § 26 ораторъ дѣйствительно противопоставляетъ частному процессу (*δικάζεσθαι*) обвиненіе въ народномъ собраніи (*προβαλέσθαι*), — что вѣроятно и заставило Германиа такимъ образомъ объяснять вышеприведенное мѣсто ¹⁾, — но въ этомъ-то и заключается адвокатская хитрость Демосфена: желая выдвинуть на первый планъ предварительное осужденіе Мидіа, на которое онъ смотритъ какъ на первый актъ настоящаго дѣла, онъ, вмѣсто того, чтобы здѣсь связать: *εἰ μὴ ἀγραφῆν*, въ противоположности къ *ἰδίαζόμεν*, употреблялъ выраженіе: *εἰ μὴ προβαλόμεν* ²⁾. Дальше, въ § 32 слѣдуетъ точно также въ словахъ *γραφὴν ὑβρέως καὶ δίκην κακῆγορίας ἰδίαν* послѣднее выраженіе относить и къ слову *γραφὴν*, какъ показывается начало этого періода: *ἂν ἰδιώτην οὐτα ὑβρίζη τις* ³⁾. Наконецъ въ § 28 ораторъ говоритъ, что по закону онъ имѣетъ право возбудить и частные процессы, и государственныя за оскорбленіе (*καὶ δίκας ἰδίας καὶ γραφὴν ὑβρέως*; и здѣсь подъ *δίκαι ἰδίας* подразумѣвается *δ. βλάβης* и *δ. ὑβρέως*), въ противоположности къ *γραφὴ ὑβρέως* то-есть *δημοσίου*, государственному процессу за нанесеніе оскорбленія. Оратору предстоятъ выборъ между частнымъ и государственнымъ процессомъ и онъ рѣшился на слѣдующее, какъ онъ самъ говоритъ: *τὴν ἐπὶ τῶν ἰδίων δικῶν πλεονεξίαν ἀφεῖς τῇ κόλῃ παραχωρῶ τῆς τιμωρίας καὶ τοῦτον εἰλόμεν τὸν ἀγῶνα, ἀφ' οὗ μηδὲν ἐστὶ λῆμμα λαβεῖν ἐμοί*. И такъ, всѣ эти три мѣста свидѣтель-

¹⁾ Точно также повинали это мѣсто уже раньше Германиа Бѣкъ I. I. p. 6 мед., и Мейеръ I. I. p. 173; ср. *Arslin*. I. I. 369, 9.

²⁾ *Δικάζεσθαι* въ противоположности къ *γράφεσθαι* встрѣчается часто, см. напримеръ D XXII, 26 сл.

³⁾ Такъ соединилъ уже Бѣкъ эти термины (*Die Staatshaushaltung der Athenen*, стр. 401, примѣч). — Изъ этого мѣста видно, что *γραφὴ* употреблено здѣсь вмѣсто *δίκη*, такъ что *γραφὴ ὑβρέως ἰδία* = *δίκη ὑβρέως ἰδία*; ср. § 33: *ἂν δὲ ἰδιώτην πταίετρε ἢ κακῆς εἰρης*, *ἰδία ὑπόδικος*, и *ibid. fin.* Названіе *γραφὴ ἰδία* встрѣчается только одинъ разъ въ законѣ нашей рѣчи § 47 (ср. *Westermann, de litia instrum.*, quae exstant in Dem. or. in Mid., p. 27), и потомъ у *Sr W VIII, 222, 4* (Meier I. I. стр. 163, примѣч. 8).

ствуютъ, что за оскорбленіе можно было виновнаго преслѣдовать и частнымъ процессомъ ¹⁾).

И такъ, мы видѣли, что доводи Германва, не признавашаго въ рѣчи противъ Мидіа стазиса опредѣленія, можно съ успѣхомъ опровергнуть и что риторы правильнѣе понимали сущность данной рѣчи, чѣмъ ихъ изобличитель. Средоточіе этой рѣчи дѣйствительно составляетъ опредѣленіе преступленія ²⁾ и ораторомъ былъ, на основаніи его опредѣленія, затѣянъ противъ Мидіа государственный процессъ, γράφη βρρασις.

Въ только что рассмотрѣнномъ нами вопросѣ мы убѣдились, что теорія стазисовъ помогла намъ къ правильному опредѣленію постановки вопроса въ рѣчи противъ Мидіа; однако это не единственная польза, которую мы извлекаемъ изъ этой теоріи: кромя постановки вопроса она еще указываетъ, какъ мы видѣли выше, и способъ рѣшенія его, то-есть источники, изъ которыхъ слѣдуетъ черпать дока-

¹⁾ Что можно было преслѣдовать одно и то же преступленіе и частнымъ и государственнымъ процессомъ, явнѣ всего видно изъ заветнаго кнѣта рѣчи Дек. противъ Андротіона §§ 25 — 27; такъ существовала δίκη и γράφη κλοπής, ἐπιστροφής (ср. Meier, l. l. стр. 164 и 166, 183 и 293). Мы, правда, не имѣемъ никакихъ другихъ данныхъ, которыми можно было бы привести въ доказательство существованія δίκη βρρασις; въ рѣчи противъ Конона (D LIV, § 1) мы увидимъ, что обвиняющій, не желая преслѣдовать оскорбителя государственнымъ процессомъ (γράφη βρρασις), возбудилъ противъ него частный процессъ за нанесенія побоевъ, который однако названъ δίκη αἰκίας; въ этого можно было бы заключить, что и ораторъ въ нашей рѣчи имѣлъ въ виду послѣдній способъ частнаго процесса, когда говоритъ о частномъ процессѣ за оскорбленіе. Иначе, что существовалъ процессъ γράφη βρρασις ἰδία ἐτίμητος, высказалъ Мюкке (Mücke) въ своей диссертациіи подъ заглавіемъ: De injuriarum actione ex iure attico grativiana. Gottingae, 1872. Намъ, къ сожалѣнію, не удалось видѣть это разсужденіе; Вейль упоминаетъ о немъ р. 94 примѣч. 1.

²⁾ Риторы видѣли здѣсь видъ стазиса опредѣленія βρασις κατὰ οὐλήψιν, потому что Демосеенъ соединилъ (συνλαβήναι) обиду ему лично нанесенную съ оскорбленіемъ его какъ представителя государства, см. § 31: οὐ γὰρ εἰς Δημόσθενην ὄντα με ἰδίως ἔλαβε μόνον ταύτην τὴν ἡμίβραν, ἀλλὰ καὶ εἰς ἑορτήτων βράτων. Однако такъ какъ ораторъ отказывается отъ своего права на наказаніе Мидіа въ пользу государства (ср. § 28 вл.) и старается доказать, что это не частное, а государственное преступленіе, то мы съ тѣмъ же правомъ могли бы видѣть въ рѣчи противъ Мидіа и другой видъ, βρασις ἀντονομασίων. И такъ, разница этихъ двухъ видовъ исчезаетъ на практикѣ; точно также не оправдывается на практикѣ школьное правило риторовъ, что двойныя опредѣленія, въ которыхъ они причисляютъ данную рѣчь, рѣшаются посредствомъ двойныхъ главныхъ пунктовъ.

зательства, и ихъ расположеніе въ рѣчи ¹⁾. Предпринятый нами анализъ рѣчи противъ Мидія на основаніи теоріи стазиса опредѣленія привелъ къ тому результату, что спорный вопросъ рѣшенъ ораторомъ превосходно; между тѣмъ мнѣнія новѣйшихъ цѣнителей этой рѣчи совсѣмъ другія, идущія въ разрѣзъ съ нашимъ выводомъ. Признавая мастерскую обработку нѣкоторыхъ частей ея, они оспариваютъ у нея значеніе художественнаго произведенія какъ цѣлаго, находя ее неконченною, неотшлифованною, изобилующею недостатками относительно изобрѣтенія, расположенія и изложенія.

Сигналомъ къ этому неблагоприятному отзыву послужила замѣтка, находящаяся у Фотія ²⁾, который приводитъ мнѣніе нѣкоторыхъ критиковъ, считавшихъ, на основаніи повтореній, рѣчи противъ Мидія и Эсквіа только набросками, необработанными для изданія. Этого мнѣнія придерживались Тайлоръ и Шпальдингъ въ своихъ изданіяхъ этой рѣчи ³⁾. Дальше пошелъ Бёккъ ⁴⁾, который, кромѣ повтореній, приведенныхъ его предшественниками, открылъ здѣсь значительный пропускъ и указалъ на неясности содержанія и изложенія. Одновременно съ Бёккомъ открылъ тотъ же пропускъ и Буттманнъ ⁵⁾, хотя опубликовалъ свое открытіе пять лѣтъ позже, чѣмъ Бёккъ; кромѣ того и онъ исчисляетъ незначительныя повторенія. Доказательства Бёкка перенялъ почти безъ переменъ А. Шеферъ и помѣстилъ ихъ въ своемъ капитальномъ трудѣ ⁶⁾. Потомъ критики стали открывать

¹⁾ Изобрѣтеніе матеріаловъ для рѣшенія стазиса и расположеніе ихъ находится въ тѣсной связи между собою, какъ указалъ Квинтиліанъ въ своемъ «Ораторскомъ наставленіи»; онъ назвалъ способы рѣшенія отдѣльныхъ стазисовъ въ отдѣлѣ, трактующемъ о расположеніи (ср. VII, прооет. 4); что однако, какъ само собою разумѣется, при расположеніи можно сообразиться съ обстоятельствами и пережидать порядокъ, который даетъ теорія, ср. такъ же, гл. I, 2.

²⁾ Bill. I, p. 491 ed. Bekker: Καὶ ὁ κατὰ Μειδίου δεῖ καὶ κατ' Αἰσχίνου λόγος αἰτίαν ἔσχε τὸ μὴ τὴν αὐτὴν κατὰ πάντα ἀρετὴν τῇ Δημοσθενείῃ συνεισφέρειν χάρακτι. καὶ γὰρ ἐν τοῖς ἄλλοις τοῖτοις λόγοις ἐκ διαλειμμάτων τινῶν ταῖς αὐταῖς ἐνοσίαις ἐπιβάλλων ἀρῶμεθα δοκῆαι πρὸς αὐτὸν ὡσεὶ δοκούμενος ἀλλ' οὐκ ἐκ' αὐτοῖς ἀγωνίζομενος τοῖς ἔργοις· ἢδὲ καὶ τινες ἔφησαν ἐκίτερον λόγον ἐν τοῖτοις καταλειφθῆναι ἀλλὰ μὴ πρὸς ἐκδοεῖν διακατέσθαι.

³⁾ Taylor, Oratt. Demosth. etc. T. III, p. 168 (Cambbrig. 1757); Spalding, I. I. p. XIX.

⁴⁾ L. I. pp. 72—77.

⁵⁾ L. I. Excursus II, pp. 121—123; (ср. p. IX, примеч.).

⁶⁾ A. Schäfer, I. I., III Bd, 2-te Abth., Bellage III, S. 58—63.

недостатки другого рода, касающіеся расположенія, и предпринимали перестановки въ текстѣ, какъ Шенгелъ ¹⁾ и за нимъ Нитше ²⁾. До послѣдней крайности чудовищныхъ предположеній дошелъ голландскій филологъ ванъ-денъ-Эсъ ³⁾. По его комбинаціи, (которую мы приводимъ только ради куріоза, но никакъ не для того, чтобъ возражать противъ нея), рѣчь противъ Мидія въ томъ видѣ, какъ она до насъ дошла, вовсе не происходитъ отъ Демосоена; послѣдній написалъ кое-что, чтобъ этимъ когда-нибудь воспользоваться; послѣ его смерти жадные книгопродавцы напши эти клочки и склеили ихъ въ одну рѣчь, стараясь, чтобъ она вышла побольше, чтобъ ее дороже сбить. Такихъ кусковъ онъ насчиталъ всего четырнадцать.

Изъ недостатковъ, исчисленныхъ въ этихъ сочиненіяхъ, мы можемъ здѣсь говорить только о тѣхъ, которые относятся къ ораторскому изобрѣтенію и расположенію и, слѣдовательно, затрагиваютъ нашу тему. Прежде всего мы рассмотримъ повтореніе одной и той же аллегоріи или сравненія, которое, по всей вѣроятности, дало поводъ древнимъ, и за ними и новѣйшимъ критикамъ, считать эту рѣчь только наброскомъ ⁴⁾. Ораторъ, возбудивъ въ эпизодѣ со Стратономъ негодованіе судей противъ Мидія, оканчиваетъ § 100 общимъ изреченіемъ или сентенціею, гласящей, что тотъ, кто самъ безсердеченъ, не заслуживаетъ ни состраданія, ни снисхожденія; § 101 заключаетъ въ себѣ сравненіе человѣческой жизни со складчиною (*βρυσος*), служащее для развитія и подкрѣпленія этой сентенціи; то же самое сравненіе, и при томъ почти тѣ же слова, встрѣчается въ §§ 184—185, гдѣ оно служитъ для доказательства положенія оратора, что мягкость Аоніянъ не должна быть причиною смягченія наказанія Мидія. Это повтореніе, бросающееся каждому въ глаза уже при первомъ чтеніи рѣчи, заставило критиковъ позадуматься, и такъ какъ нельзя предположить, что Демосоевъ, извѣстный богатствомъ и разнообразіемъ ораторскаго изобрѣтенія, вдругъ умственно обдѣлѣлъ до того, что не былъ въ состояніи придумать что-нибудь новое на одномъ изъ

¹⁾ Die Midiana des Dem., Philol., XVII Jahrg. (1861), pp. 606—613.

²⁾ G. Nitsche, De tralciendis partibus in Dem. oratt., Berol. 1863, pp. 73 sqq.

³⁾ Van den Es, Commentatio de Dem. Midiana, Tralecti ad Rhen. 1874.

⁴⁾ Фотій I. I. употребилъ мнош. чис. τὰς αὐτὰς βρυσίας, изъ чего можно было бы заключить, что критики имѣли въ виду больше повтореній, чѣмъ одно, на которое указалъ уже Тейлоръ; однако не слѣдуетъ забывать, что онъ говоритъ о двухъ рѣчахъ, и поэтому нѣтъ никакой необходимости предполагать, что онъ въ нашей рѣчи видѣлъ больше одного повторенія.

этихъ двухъ мѣстъ, то большинство критиковъ стало объяснять это повтореніе тѣмъ, что Демосѣенъ, сочиняя данную рѣчь, помѣстивъ спорное сравненіе на томъ и другомъ мѣстѣ, однако съ тою цѣлью, чтобъ его при окончательной обработкѣ или при самомъ произнесеніи рѣчи употребить только на одномъ изъ нихъ, гдѣ окажется болѣе удобнымъ. Однако странно, что ораторъ, сзумѣвъ расположить 225 параграфовъ своей рѣчи, очутился въ затрудненіи относительно одного сравненія, и оставилъ окончательное рѣшеніе этого пункта на другое время, чтобъ имѣть между тѣмъ возможность зрѣло его обдумать. Другіе критики нашли болѣе рациональный способъ рѣшенія этой загадки: по ихъ мнѣнію одно изъ этихъ двухъ мѣстъ возникло благодаря интерполяціи; но тутъ опять является вопросъ, которое мѣсто слѣдуетъ считать подлиннымъ, а которое подложнымъ? Отто Гауптъ ¹⁾ хотѣлъ выбросить §§ 184—192, Добри (Dobree) видѣлъ въ первомъ мѣстѣ интерполяцію ²⁾; мы считаемъ единственно правильнымъ мнѣніе англійскаго филолога; § 101 есть переходъ §§ 184—185; кому-то показалось, что это сравненіе можно было уже здѣсь помѣстить и онъ прибавилъ его, сдѣлавъ въ немъ нѣкоторыя перемѣны, на поляхъ рукописи, откуда оно впоследствии попало въ текстъ ³⁾. Что мы имѣемъ на этомъ мѣстѣ интерполяцію, подтверждается слѣдующими соображеніями: по ученію риторовъ, сентенціи считается очень хорошимъ окончаніемъ какого-нибудь отдѣла рѣчи ея такъ сказать скрѣпляется, что было вложено въ частности. Такое употребленіе сентенцій встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ у Демосѣена ⁴⁾; отчего же не окончить ему и этотъ отдѣлъ общимъ изреченіемъ, которое, будучи произнесено съ надлежащимъ пафосомъ должно было гораздо сильнѣе подѣйствовать на судей, чѣмъ разбав-

¹⁾ Ueber die Midiana des Dem., Posen., 1837. Мы не имѣли случая видѣть это разсужденіе и поэтому намъ пришлось довольствоваться выпискою изъ диссертациі Натше, р. 66.

²⁾ Ср. Шпенгель, I. I. р. 606.

³⁾ Не надо приводить примѣры, что и лучшія рукописи не ушли этой участи: укажемъ только на повтореніе въ концѣ § 160: ἀναθεν δέ βραχὺς γάρ ἐσθ' λόγος ὅν λέγω, κἄν ἀναθεν ἀρχαῖσαι δοκῆ. Это мѣсто приводитъ Шпальдингъ (I. I. какъ второй примѣръ повторенія въ нашей рѣчи; ср. § 77, гдѣ тоже сказано ἵσται δὲ περί αὐτῶν βραχὺς ὁ λόγος, κἄν ἀναθεν ἀρχαῖσαι δοκῆ. Однако первое мѣсто совсѣмъ отсутствуетъ въ Авгсбургской рукоп. А, изъ чего видно, что его слѣдуетъ считать интерполяціею.

⁴⁾ Ср. вашу диссертацию: Observatt. rhet. in Dem. р. 8 med. и 10 in.

леніе этой мысли посредствомъ сравненія? На второмъ мѣстѣ совсѣтъ другое: тамъ это сравненіе является необходимымъ звеномъ рѣчи, такъ какъ въ этихъ §§ ораторъ только посредствомъ его доказываетъ, что Мидій не заслужилъ, чтобъ судьи отвесили къ нему со снисхожденіемъ. Дальше: на второмъ мѣстѣ ораторъ излагаетъ, какую складчину онъ здѣсь подразумѣваетъ, между тѣмъ какъ на первомъ мѣстѣ фальсификаторъ это опустилъ: еслибъ оба мѣста происходили отъ самого оратора, то онъ помѣстилъ бы это объясненіе скорѣе на первомъ мѣстѣ, а на второмъ предполагалъ бы его известнымъ. Наконецъ, само начало § 184 ясно показываетъ, что на этомъ мѣстѣ повторенія быть не можетъ, такъ какъ ораторъ общаесть говорить о томъ, о чемъ онъ еще не говорилъ, и изложить это вкратцѣ. Изъ этого видно, что первый доводъ, на который опирается положеніе критиковъ, что рѣчь противъ Мидія неокончена, не имѣетъ основанія.

Самый важный пробѣлъ, который былъ открытъ Бѣккомъ и признанъ всѣми филологами, заключается въ значительномъ пропускѣ (lacuna) одной трети цѣлой рѣчи, при чемъ этотъ недостатокъ еще увеличивается тѣмъ, что опущенъ самый важный отдѣлъ, который слѣдовало обработать тщательнѣе всего. Аргументація, которою поддерживается существованіе этого пропуска, заключается въ слѣдующемъ: Въ § 21 ораторъ даетъ раздѣленіе матеріаловъ своей рѣчи: во-первыхъ, онъ изложитъ обиды, нанесенныя ему лично, потомъ обиды, нанесенныя Мидіемъ Аевянамъ, и наконецъ, онъ разсмотритъ всю прочую жизнь Мидія, чтобъ доказать его виновность. Послѣ этого онъ велитъ прочесть свидѣтельство золотыхъ дѣлъ мастера. Когда послѣднее исполнено, ораторъ указываетъ на то, что онъ, какъ имъ было упомянуто уже въ началѣ рѣчи, имѣетъ возможность распространиться объ обидахъ, нанесенныхъ Мидіемъ и прочимъ Аевянамъ, но что онъ раньше опровергнетъ возраженія Мидія. Здѣсь, кажется, нѣтъ никакихъ затрудненій: ораторъ, изложивъ предметъ жалобы, даетъ планъ своей рѣчи и подтверждаетъ ту часть только что изложеннаго предмета жалобы, которая нуждалась, по его усмотрѣнію, въ подтвержденіи, свидѣтельскимъ показаніемъ; но, прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію задачи, планомъ обозначенной, онъ опровергаетъ возраженія противника. Совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ показалось это мѣсто критикамъ Демосоева. По ихъ мнѣнію, чтеніемъ свидѣтельскаго показанія золотыхъ дѣлъ мастера начинается первая и главная часть рѣчи, первый отдѣлъ изъ того, что ораторъ обѣщалъ въ § 21: ἡμετέρας, οὐκ αὐτὸς ὑπέσχετο.

Эта первая часть должна была заключать въ себѣ подтвержденіе свидѣтельскими показаніями всѣхъ пунктовъ, изложенныхъ въ рассказѣ и содержащихъ въ себѣ обвиненіе Мидіа. Послѣ перваго свидѣтельства должно слѣдовать второе, третье, и т. д., ораторъ долженъ еще послѣ каждаго документа резюмировать его содержаніе и опять велѣть секретарю прочитать слѣдующій документъ. Но такъ какъ всего этого здѣсь нѣтъ, то послѣ § 22 надо констатировать большой пропускъ. Подтвержденіе того, что послѣ перваго свидѣтельскаго показанія слѣдовалъ еще цѣлый рядъ подобныхъ документовъ, критикъ видитъ въ словахъ Демосоеена, съ которыми онъ обращается къ секретарю: Δέγε μοι τῆν τοῦ χρυσοῦχοο πρῶτην λαβὼν μαρτυρίαν. Демосоеенъ употребилъ πρῶτην въ противоположности къ прочимъ свидѣтельствамъ, которыя за этимъ первымъ слѣдовали, но переписчиками были опущены, или ораторъ не успѣлъ собрать ихъ, когда составлялъ свою рѣчь, и отложилъ окончательную обработку этой части на другое время, или даже, можетъ быть, такъ поступилъ, какъ Цицеронъ въ процессѣ противъ Верреса (actio I). Что этотъ пропускъ былъ довольно почетныхъ размѣровъ, они заключаютъ на основаніи словъ оратора: ὅσαρ εἶπον ἐν ἀρχῇ τοῦ λόγου (§ 23), относящихся, по ихъ объясненію, къ § 19 *sup.*; въ нашей рѣчи промежутокъ между этими двумя мѣстами незначителенъ; но въ настоящей или предполагаемой рѣчи противъ Мидіа разстояніе ихъ другъ отъ друга было столь значительно, что § 19 дѣйствительно казался еще въ началѣ рѣчи. При этомъ нѣкоторые филологи даже старались угадать содержаніе этой опущенной части, относя къ ней данныя, встрѣчающіяся во второмъ изложеніи содержанія этой рѣчи, и вытекающія изъ небрежнаго и поверхностнаго изученія ея.

Всѣ эти гипотезы и соображенія оказываются неосновательными, если мы ихъ подвергнемъ надлежащему разсмотрѣнію, придерживаясь вышеизложенной теоріи и вдумываясь въ слова оратора. На основаніи теоріи мы выше опредѣлили настоящее значеніе этого мѣста, такъ часто терзаемаго критиками; мы видѣли, что оно заключаетъ въ себѣ изложеніе сущности дѣла, во что ораторъ, стараясь уже здѣсь увеличить виновность противника, сгруппировалъ факты съ подозрѣніями. То, на чемъ основывалась жалоба, поданная ораторомъ противъ Мидіа, достаточно засвидѣтельствовано: оскорбленіе было нанесено Демосоеену публично ¹⁾, неполученіе награды, находившееся вѣроятно въ зави-

¹⁾ Ср. Aeschin. contr. Ctes. § 52: τί γὰρ δεῖ λέγειν... τὰ περὶ Μειδίαν καὶ τοὺς κοινούλους, οὓς ἔλαβεν ἐν τῇ ἀρχῇ τῆς χορηγίας ἔσθ.

смысла отъ скандала, которому подвергся хорегъ, было тоже всѣмъ извѣстно, а порча одежды и золотыхъ нѣмковъ была подтверждена свидѣтельскими показаніемъ; ораторъ, правда, обвиняетъ Мидіа тоже въ подкупѣ, но за это онъ не подаетъ противъ него жалобы (*δέσφω*), и поэтому не приводитъ свидѣтельскихъ показаній. Небѣрно истолковано слово *κράττω*; противоположности здѣсь вовсе не составляютъ опущенныя свидѣтельства, а тѣ, которыя слѣдуютъ ниже (§§ 82, 93, 107, 121 и т. д.). Возраженіе Буттмана, что нижеслѣдующія свидѣтельскія показанія не читаются секретаремъ, а что призываются сами свидѣтели, не имѣетъ никакого значенія; свидѣтельскія показанія и въ такихъ случаяхъ налагались письменно ¹⁾. Изъ этихъ свидѣтельствъ, находящихся на лицо при дѣлѣ, ораторъ велитъ первымъ взять показаніе золотыхъ дѣлъ мастера. Слова: *ἐν ἀρχῇ τοῦ λόγου* въ § 23 безъ всякаго основанія отнесены къ § 19, который, неизвѣстно почему, считается критиками началомъ рѣчи. Ораторъ здѣсь дѣйствительно имѣлъ въ виду начало своей рѣчи, гдѣ уже въ § 1 сказано: *ὄψιν, ἣ πρὸς ἀπαντας ἀπὸ χρητῶν Μιδίας*; и § 2: *δενδὴ κερκοθίνας νομίζοντας ἐμὲ καὶ δίκην ἄρα βουλομένοι λαβαῖν ἂν ἐκὶ τῶν ἄλλων ἀπαίειντο θρασὺν βῆτα καὶ βελούρον καὶ οὐδὲ κλεβητὸν ἔτι*; ср. § 7. Наконецъ, въ § 23 ораторъ упоминаетъ объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ Мидіемъ прочимъ Лавианамъ, не потому, что онъ кончилъ первый главный отдѣлъ и хочетъ перейти къ второму, а потому, что онъ здался цѣлью подвергнуть Мидіа наказанію за всѣ его преступленія; здѣсь, при изложеніи обвиненій, онъ не можетъ ихъ, разумѣется, исчислять, и поэтому онъ по крайней мѣрѣ общаетъ сдѣлать это ниже. Что же касается распредѣленія, даннаго въ концѣ § 21, то первая его часть относится къ §§ 77—127, вторая къ §§ 128—135, а третья къ слѣдующимъ §§, гдѣ ораторъ, на основаніи нѣкоторыхъ чертъ, рисующихъ жизнь Мидіа, старается возбудить негодованіе судей противъ него. Эти черты, какъ мы видѣли, распространены въ этой части спорадически. Изъ всего изложеннаго видно, что и пропускъ существуетъ только въ воображеніи критиковъ, а не въ дѣйствительности.

Остается подъ конецъ сказать нѣсколько словъ о перестановкахъ въ этой рѣчи, сдѣланныхъ Шневгелемъ и Нитше; первый хочетъ цѣлую часть, заключающую въ себѣ §§ 23—41, помѣстить послѣ § 127; такимъ образомъ то, что имѣетъ въ рѣчи самое важное значеніе, очутилось бы, какъ какой-то клинъ, между изложеніемъ характеристики

¹⁾ Ср. Meier u. Schömann, l. l. p. 675.

Мидія; и Нитше сдѣлалъ перестановку подобнаго рода, вставивъ послѣ § 170, §§ 143—150, которою какъ разъ то, что своимъ содержаніемъ связано, насильно расторгается. Этими двумя примѣрами мы ограничимся; они вдоволь показываютъ субъективность филологическихъ упражненій этого рода.

Итакъ, мы окончили предпринятое нами изслѣдованіе и пришли къ результату, ясно показывающему, что безъ знанія риторической техники оцѣнка памятниковъ древняго краснорѣчія является субъективною, неправильною и несправедливою. Рѣчь противъ Мидія представлялась намъ съ точки зрѣнія теоріи ораторскаго искусства совсемъ другою, чѣмъ какъ привыкли смотрѣть на нее новѣйшіе филологи. Это противорѣчіе заставило насъ подвергнуть мнѣнія, высказанныя критиками, подробному разсмотрѣнію, которое только подтвердило правильность риторической оцѣнки. Сознаніе, что мы такимъ образомъ принесли посильную лепту къ правильному пониманію этого литературнаго памятника, будетъ намъ достаточною наградою за труды, посвященные нами настоящему изслѣдованію.

И. Тульминъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О «СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКѢ ИНДО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ».

Между предметами, читаемыми въ историко-филологическихъ факультетахъ русскихъ университетовъ, полагается по уставу 1863 года сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ. Кромѣ того, въ книгахъ и въ учено-литературныхъ журналахъ можно встрѣтить иногда этотъ терминъ. Между тѣмъ, вѣроятно, только немногіе изъ образованныхъ читателей имѣютъ вполне ясное понятіе о томъ, что такое слѣдуетъ понимать подъ этимъ названіемъ, тогда какъ предметъ другихъ наукъ, преподаваемыхъ въ университетахъ, понятенъ для большинства образованныхъ людей. Поэтому я считаю не лишнимъ, по мѣрѣ силъ и возможности, отвѣтить въ этой статьѣ на вопросъ: что такое—сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ?

Въ этомъ названіи соединены два понятія: „сравнительная грамматика“ и „индо-европейскіе языки“. Такимъ образомъ нашъ общій вопросъ распадается на два частные вопроса: 1) что такое сравнительная грамматика? 2) что такое индо-европейскіе языки?

Постараюсь прежде всего отвѣтить на первый вопросъ: что такое сравнительная грамматика?

Всѣмъ образованнымъ людямъ извѣстно, что существуетъ наука, называемая ботаникой, и что предметъ занятій этой науки состоитъ въ научномъ изслѣдованіи растений; затѣмъ—что существуетъ зоологія, занимающаяся научнымъ изслѣдованіемъ животныхъ; что наука, называемая астрономіей, занимается научнымъ изслѣдованіемъ небес-

ныхъ тѣлъ, и т. д. Вездѣ мы замѣчаемъ, съ одной стороны, извѣстную сумму однородныхъ явленій, а съ другой — пытливое, научное отношеніе человѣческаго ума къ этимъ явленіямъ.

Какъ растенія, животныя, небесныя тѣла и т. д., также точно и языки представляютъ собраніе однородныхъ явленій, и вслѣдствіе того, могутъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія. Наука, основывающаяся на идеальномъ, и надо сказать, никогда не осуществимомъ стремленіи человѣческаго ума узнать всѣ подробности, подходящія подъ общую категорію слова человѣческаго или языка, называется или изслѣдованіемъ языковъ, наукой о языкѣ, языковеденіемъ, языковѣдѣніемъ и т. п., или же лингвистикой (отъ латинскаго *lingua*, языкъ), глоттикою, глоттологіей (отъ греческаго γλῶσσα (*glōssa*) или γλῶττα (*glōtta*), языкъ, и λόγος (*logos*), слово, рѣчь, — стало бытъ, глоттологія значить „рѣчь, наука о языкѣ“, какъ зоологія — „рѣчь, наука о животныхъ“, и т. д.

Относительно названій „лингвистика“, какъ наука о языкѣ, и „лингвистъ“, въ значеніи „изслѣдователя языка“, я долженъ замѣтить, что эти названія употребляются тоже для обозначенія практическаго знанія многихъ языковъ. Съ этой точки зрѣнія, „лингвистъ“ есть человѣкъ, знающій практически много языковъ, то-есть, объявляющійся на нихъ безъ затрудненія. Такимъ знаменитымъ лингвистомъ, въ этомъ именно смыслѣ, былъ кардиналъ Меццофанти, подъ конецъ жизни говорившій исправно, по преданію, на 58 языкахъ. Никто, конечно, не въ правѣ навязывать другому свой собственный взглядъ на вещи, и тѣмъ болѣе никто не можетъ требовать отъ людей, употребляющихъ слово „лингвистъ“ въ только что упомянутомъ значеніи, чтобы они въ угоду намъ отказались отъ своей привычки. Но какъ бы то ни было, понятія о „лингвистѣ“, какъ практическомъ знатокѣ и воспроизводителѣ языковъ, нельзя смѣшивать съ понятіемъ о „лингвистѣ“, какъ ихъ научномъ изслѣдователѣ. Если человѣкъ, способный подвергаться самымъ разнообразнымъ и самымъ интереснымъ болѣзнямъ, не есть вовсе изслѣдователь этихъ болѣзней или ученый медикъ, если человѣкъ, совершающій въ исправности всѣ физическія отправленія или функція, не есть вовсе изслѣдователь этихъ функцій или физиологъ, если хорошій исполнитель писанныхъ законовъ вовсе не есть ихъ изслѣдователь, если гениальный поэтъ далеко не тождественъ съ психологомъ, изслѣдующимъ процессъ поэтическаго творчества, — то и человѣка, совершающаго исправно языковой процессъ на всецвѣмож-

ние люди, нельзя вовсе считать научными исследователями языка или же языков. И даже часто случается, что люди, отличающиеся замечательными способностями къ практическому усвоению чужихъ языковъ, оказываются совершенно неспособными относиться сознательно и научно къ явленіямъ хотя бы только отечественнаго языка; слѣдовательно, они не могли бы никогда сдѣлаться лингвистами въ теоретическомъ смыслѣ этого слова. Изъ этого однакожь не слѣдуетъ, что теоретическій исследователь какого-нибудь языка или же группы языковъ долженъ пренебрегать ихъ практическимъ знаніемъ; напротивъ того, чѣмъ обширнѣе фактическія познанія по этой части, тѣмъ легче и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ можно работать въ нашей наукѣ. Вѣдь точно также для ботаника и для зоолога весьма желательно самое обстоятельное по возможности знакомство со всеми видоизмѣненіями изслѣдуемыхъ ими существъ. И хотя природа языка и сложность и богатство представляемыхъ имъ фактовъ дѣлаютъ невозможнымъ для исследователя языка такое знаніе своего предмета, какое доступно ботанику или же зоологу, тѣмъ не менѣе необходимо стремиться къ усвоенію по возможности большаго числа языковъ и къ самому основательному ихъ изученію. Во всякомъ случаѣ однако, даже практическое изученіе языковъ теоретическими лингвистами отличается отъ чисто практическаго ихъ изученія кардиналомъ Меллофанга и другими ему подобными тѣмъ, что первые изучаютъ факты языка вполне сознательно, а цѣль послѣднихъ состоитъ только въ совершенно бессознательномъ владѣніи тѣмъ или другими языкомъ при помощи врожденныхъ имъ чисто подражательныхъ способностей.

Съ другой стороны, если садовникъ, основательно ознакомленный съ самымъ громаднымъ количествомъ растений, или же содержатель и практическій знатокъ самаго богатаго звѣрнида и акварія не могутъ еще претендовать на названіе ботаника или зоолога, то точно также невѣрно было бы называть лингвистомъ того, кто ограничивается болѣе или менѣе страдательнымъ, хотя бы даже самымъ обстоятельнымъ, знаніемъ однихъ только подробностей языка или же языковъ, или же однимъ только описаніемъ отдѣльныхъ частей языка, безъ всякой другой цѣли, какъ только именно это страдательное знаніе и описаніе подробностей. Есть, правда, ученые, которые сами себя считаютъ и даже другими признаются за исследователей языка, и которые однакоже видятъ всю мудрость и конечную цѣль языковѣдствія, по части литературы — въ составленіи описательныхъ грамматъ

часть оснѣн, отд. 2.

тикъ, словарей и въ изданіи памятниковъ разныхъ языковъ, а по части знанія и преподавательской дѣятельности — въ озвакомленіи себя и другихъ только съ тѣмъ, что дается описательными грамматиками, словарями и изданіями памятниковъ, при чемъ де должно быть строжайше запрещено дѣлать какія бы то ни было болѣе широкія обобщенія и высказывать какія бы то ни было гипотезы. Обыкновенно къ подобнаго рода гонителямъ научной мысли вполнѣ примѣнима латинская пословица: *Arg non habet osorem, nisi ignorantem* (искусство, или же науку, преслѣдуютъ только люди, незнакомые съ нею). Ограничиваясь при изслѣдованіи явленій языка исключительно только описательною стороною, эти господа дѣлаютъ это вовсе не изъ какой-нибудь скромности, а напротивъ того, гордятся своею воздержанностью и „положительностью“. По моему же, здѣсь не чѣмъ гордиться. Видѣть конечную цѣль извѣстной науки въ одномъ только собираніи материала и отказывать себѣ во всѣхъ обобщеніяхъ и гипотезахъ — значить, не понимать вовсе, что такое наука вообще, а данная наука въ частности. И такъ, языковѣдніе, на сколько оно принадлежитъ къ числу наукъ, должно стремиться къ самымъ широкимъ обобщеніямъ, соблюдая, конечно, при этомъ всѣ условія точности и осмотрительности индуктивнаго метода.

Многими признается сравненіе за отличительный признакъ нашей науки, и поэтому она весьма охотно говоритъ о „сравнительномъ языковѣдніи“ или „сравнительномъ языковѣднѣи“ (*vergleichende Sprachwissenschaft*), о „сравнительномъ изслѣдованіи языка“ (*vergleichende Sprachforschung*) или о „сравнительной филологіи“ (*philologie comparée, comparative philology*), или же наконецъ, о „сравнительной грамматикѣ“ (*vergleichende Grammatik, grammairé comparée*) и т. д.

Что касается перваго рода названія, „сравнительное языковѣдніе“ или т. п., то прилагательное „сравнительное“ является здѣсь совершенно лишнимъ. Ибо не только каждый научный выводъ, но даже самое простое сужденіе есть результатъ сравненія. Такъ напримѣръ, сужденіе „свѣтъ бѣлъ“ представляетъ результатъ сравненія цвѣта свѣта съ цвѣтомъ другихъ предметовъ. Провизноса 1, 2, 3... , мы тѣмъ же самымъ сравниваемъ числовыя величины; а такъ какъ всѣ математическія величины являются результатомъ извѣстнаго сравненія, и такъ какъ все математическое мышленіе есть не что иное, какъ сравненіе своего рода, то прежде всего слѣдовало бы говорить не „математика“, а „сравнительная математика“. Роль же, которую

сравненіе играетъ въ языковѣдѣніи, оно исполняетъ и во всѣхъ индуктивныхъ наукахъ: только при помощи сравненія можно обобщать факты и пролагать дорогу прижизненію дедуктивнаго метода. Поэтому опредѣленіе „сравнительная“ равнымъ правомъ подходитъ къ словамъ: „географія“, „геологія“, „зоологія“, „ботаника“, „исторія“, „психологія“ и т. д., однимъ словомъ, съ этой точки зрѣнія всѣ науки сравнительны.

Но впрочемъ при „сравнительномъ языковѣдѣніи“ прилагательное „сравнительное“ имѣетъ историческое значеніе. Оно обязано своимъ происхожденіемъ новой школѣ, новому направленію въ языковѣдѣніи, сдѣлавшему громаднаго открытія. Это направленіе выразилось въ сравненіи между собою нѣсколькихъ группъ языковъ родственныхъ, по преимуществу же въ сравненіи языковъ „индо-европейскихъ“ (въ началѣ текущаго столѣтія). Подобное же историческое значеніе имѣютъ названія „сравнительная анатомія“, „сравнительная географія“, „сравнительная мпѣологія“, „сравнительное правовѣдѣніе“ и т. д. Но все-таки это только одинъ моментъ въ исторіи науки, моментъ, когда сравненіе въ неизвѣстномъ до сихъ поръ съ научной точки зрѣнія направленіи привело къ громаднымъ и совершенно новымъ результатамъ.

Названіе „сравнительная филологія“, кромя лишняго прилагательнаго „сравнительная“ не точно еще и потому, что подъ словомъ „филологія“ мы понимаемъ обыкновенно другую науку, объ отношеніи которой къ языковѣдѣнію будетъ сказано послѣ.

Наконецъ, примѣнять названіе „сравнительная грамматика“ къ языковѣдѣнію вообще значить брать „partem pro toto“ (часть вмѣсто цѣлаго), потому что сравнительная грамматика, или просто, грамматика является только одною частью языковѣдѣнія, которое задается не исключительно только грамматическими, но и другими вопросами. Прилагательное „сравнительная“ здѣсь точно также совершенно лишнее: каждая грамматика есть сравнительная, настоящая же научная грамматика извѣстнаго языка можетъ быть только одна, то-есть, съ одной стороны, индуктивная, а съ другой—историческая и сравнительная въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова.

И такъ, если науку часть которой составляетъ „сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ“, называть не по переходящимъ ей направленіямъ, не по извѣстнымъ, совершаемымъ въ ней научнымъ операціямъ, а по предмету изслѣдованія во всей его полнотѣ, то въ такомъ случаѣ, на подобіе „естествовѣдѣнія“ или

„естествознанія“, самое умѣстное названіе для науки, предметомъ которой служить языкъ, будетъ просто или „ислѣдованіе языка и рѣчи человѣческой вообще“, или „языковѣдѣніе“, или „языкознаніе“ и т. д. или „лингвистика“, „глоттологія“, „глоттика“, и т. п. Подобныя названія ничего не предрѣшаютъ, а указываютъ только на предметъ, изъ области котораго берутся научные вопросы. Впрочемъ, можно называть извѣстную науку, какъ кому угодно, и въ особенности можно величать ее „сравнительною“, лишь бы только знать, что сравненіе здѣсь не цѣль, а только одно изъ средствъ, и что оно есть не исключительная принадлежность языкознанія, а общее достояніе всѣхъ безъ исключенія наукъ.

Языковѣдѣніе распадается прежде всего на чистое и прикладное. Чистое занимается вопросами чисто лингвистическими, то-есть, оно изслѣдуетъ языки и на основаніи частныхъ изслѣдованій дѣлаетъ общіе выводы; прикладное же—примѣняетъ результаты чистаго языковѣдѣнія къ вопросамъ изъ области другихъ наукъ (міеологіи, этнографіи, этногеніи, до-исторической исторіи, исторіи культуры и т. д.).

Чистое языковѣдѣніе можно дѣлить на двѣ части: 1) положительную и 2) трансцендентальную. Положительное языковѣдѣніе ограничивается выводами изъ доступныхъ изслѣдованію фактовъ, трансцендентальное же—задается такими вопросами, которые лежатъ собственно за предѣлами доступной изслѣдованію дѣйствительности и могутъ быть рѣшены по преимуществу только умозрительно и съ помощью аналогическаго умозаключенія. Сюда принадлежитъ, между прочимъ, вопросъ о началѣ слова человѣческаго и т. п. Но, хотя сами вопросы трансцендентальны, то-есть, относятся къ фактамъ, которыхъ нельзя ни наблюдать, ни провѣрить, однако методъ долженъ быть положительный.

Нѣкоторые лингвисты исключаютъ совершенно изъ области лингвистики или языковѣдѣнія подобнаго рода вопросы и представляютъ ихъ всецѣло на рѣшеніе такъ-называемыхъ философовъ языка, а эти послѣдніе, съ своей стороны, присвоиваютъ себѣ область, на которую ихъ положительныя знанія не даютъ имъ ни малѣйшаго права. По моему, философія языка безъ основательнаго знанія результатовъ положительнаго языковѣдѣнія не можетъ вовсе существовать какъ серьезная наука, а только какъ переливаніе изъ пустаго въ порожнее, или же какъ пріятное препровожденіе времени: точно также какъ натуръ-философъ безъ основательнаго знанія естествен-

ныхъ наукъ не можетъ вовсе считаться серьезнымъ ученымъ. Тѣмъ не менѣ нельзя отрицать, что, какъ въ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности, такъ и въ языковѣдѣніи, существуетъ раздѣленіе труда, и что одни изъ лингвистовъ занимаютъ по преимуществу положительную часть своей науки, а другіе—по преимуществу частью трансцендентальною. Конечно, нѣтъ ничего невозможнаго соединить въ себѣ знанія философа съ основательнымъ знаніемъ положительнаго языковѣдѣнія.

Первую и вмѣстѣ съ тѣмъ основную и самую важную часть языковѣдѣнія составляетъ языковѣдѣніе положительное, распадающееся на два отдѣла: 1) грамматику и 2) систематику или классификацію языковъ. Грамматика есть всесторонній анализъ составныхъ частей человѣческаго языка или же языковъ; систематика же занимается упорядоченіемъ языковъ, какъ недѣлимыхъ цѣлѣкъ, по ихъ отличительнымъ признакамъ и по ихъ генетическому, настоящему родству.

Основаніемъ всему языковѣдѣнію служитъ грамматика. Она въ свою очередь дѣлится на нѣсколько частей, сообразно съ природою разбираемаго языка. Такъ, напримѣръ, въ примѣненіи къ языкамъ „индо-европейскимъ“ она распадается на фонетику или науку о звукахъ, морфологію или науку о знаменательныхъ частяхъ слова въ ихъ взаимной связи, и наконецъ, синтаксисъ или науку о сочетаніи словъ въ предложеніяхъ и объ ихъ значеніи въ подобныхъ сочетаніяхъ. Но такое раздѣленіе примѣнно не ко всѣмъ безъ исключенія языкамъ. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, слѣдуетъ остерегаться всего апіористическаго. Какъ остеологія, то-есть, наука о костяхъ, возможна только при разсмотрѣніи тѣхъ животныхъ, у которыхъ есть кости, какъ изслѣдованіе законодательства и вообще законовѣдѣніе возможно при изслѣдованіи только тѣхъ народовъ, у которыхъ есть писанные законы, точно также, наприимѣръ, наука о падежныхъ и личныхъ окончаніяхъ, какъ часть грамматики, возможна при разсмотрѣніи только тѣхъ языковъ, которымъ въ самомъ дѣлѣ свойственны падежныя и личныя окончанія. Отсюда видна вся несостоятельность тѣхъ общихъ, апіористическихъ или такъ-называемыхъ „философскихъ грамматикъ“, въ которыхъ есть мѣсто, наприимѣръ, только для четырехъ падежей, ничуть ни меньше, ни больше, то-есть, для „*weg-fall*“, „*wess-fall*“, „*wem-fall*“ и „*wen-fall*“ („именительный“, „родительный“, „дательный“ и „винительный“),

не смотря на то, что во многихъ языкахъ нѣтъ вовсе никакого fall'a (падежа), а въ другихъ нхъ бываетъ даже нѣсколько десятковъ.

По довольно распространенному мнѣнію, глоттологія (лингвистика) или языковѣдѣніе смѣшивается съ филологіей. Для устранения этой неточности во взглядѣ на нашу науку, я позволю себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ о взаимномъ отношеніи языковѣдѣнія и филологіи. При этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что, говоря объ отношеніяхъ отдѣльныхъ наукъ, можно имѣть въ виду только положительно дѣйствія отдѣльныхъ науки, какъ упражненія человѣческаго ума надъ суммой однородныхъ, тѣсно между собою связанныхъ и изъ поколѣнія въ поколѣніе передаваемыхъ фактовъ и понятій. Какъ науки должны бы раздѣляться „по своей идеѣ“—до насъ вовсе не касается. Можно себѣ, зашмура глаза, строить прекрасныя системы, распредѣляя науки по дивзіямъ, на знаменахъ которыхъ красуются: „Богъ“, „природа“, „человѣкъ“, и затѣмъ по полкамъ, основаніемъ которыхъ послужать различія логическія категоріи: пространство, время, количество, качество и т. д., но все это не измѣняетъ существующихъ связей между науками.

Итакъ, филологія классическая есть изслѣдованіе душевной жизни обонхъ такъ-называемыхъ „классическихъ“ народовъ—Греческаго и Римскаго, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Точно то же германская филологія по отношенію къ Германскимъ народамъ, славянская по отношенію къ народамъ Славянскимъ, и т. д.

Мнѣніе, что можетъ существовать филологія только культурныхъ народовъ, есть научный предрассудокъ, основанный на научномъ аристократизмѣ, по которому только „благородные“ имѣютъ право на вниманіе науки. Правда, что въ самомъ дѣлѣ исторически развивались и процвѣтали до сихъ поръ только филологіи народовъ такъ-называемыхъ „историческихъ“ или „культурныхъ“. Но въ новѣйшее время появилось стремленіе, общее впрочемъ всѣмъ наукамъ, не ограничиваться одними только аристократами, но обращать вниманіе на всѣхъ безъ исключенія людей. Кто изучаетъ „варваровъ“ или „первобытные народы“ во всѣхъ отношеніяхъ, языка, словесности (настоящей словесности), вѣрованій, обычаевъ, культуры и т. д., тотъ тоже филологъ, хотя и не величаетъ себя этимъ именемъ.

Итакъ, общая филологія есть, по идеѣ, изслѣдованіе душевной жизни всѣхъ безъ исключенія народовъ. Само собою разумѣется, что еще не нашелся человѣкъ, который—выражаясь философски—могъ бы „осуществить“ собою хотя бы только приблизительно идею по-

добной общей филологии. Задача исследовать всё стороны душевной жизни хотя бы только одного народа, или много-много, одной группы народов так огромна, что ее хватить, пожалуй, на всю жизнь одного лица. Поэтому-то мы знаем о филологах классических, занимающихся изучением душевной жизни Римлян и Греков, затем о филологах германских, славянских, индийских, арабских и т. д., но о филологах, хотя бы только „индо-европейских“ мы как-то до сих пор не слышали, и по всей вероятности, никогда слышать не будем. Правда, что тоже ни один человек не был и не будет в состоянии „осуществить“ собою идею общего языковедения, как научного знания всех языков и знакомства со всеми результатами отдельных исследований по части всех известных досель групп языков. Но, сосредоточиваясь на одной только стороне проявления душевной жизни человечества, то-есть, на языкѣ, можно гораздо больше расширить область своих исследований и заниматься съ успехом не только одною отраслю языков, въ родѣ языков „индо-европейских“, но даже нѣсколькими подобными отраслями, и затемъ, на основаніи аналогическихъ заключеній объ общихъ свойствахъ всехъ языковъ, развить въ себѣ приблизительно вѣрное понятіе о языкѣ человеческомъ вообще.

Итакъ, отношеніе филологии и лингвистики можно выразить слѣдующимъ образомъ: Для филолога центромъ, около котораго группируются всё его занятія, являются одни и тѣ же носители всехъ проявленій душевной жизни, какъ-то: языка, вѣрованій, сказаній, письменности, культуры и т. д., или другими словами, одни и тѣ же народы; исследования же лингвиста связываются въ одно цѣлое однородностью той стороны проявленія душевной жизни разныхъ народовъ, которая называется языкомъ.

Впрочемъ, все это имѣетъ мѣсто только въ отвлеченіи. Въ дѣйствительности же возможно успешное соединеніе въ одномъ лицѣ самостоятельныхъ занятій по части, напримѣръ, классической или же славянской филологіи съ чисто лингвистическими исследованиями въ области, напримѣръ, „индо-европейскихъ“ языковъ.

Видѣть, вмѣстѣ съ нѣкоторыми, различіе филологіи и лингвистики въ томъ, что первая есть наука историческая, а вторая—естественная, и затемъ ставить эти двѣ науки въ какія-то непріязненныя другъ другу отношенія, не имѣетъ, по моему, достаточнаго основанія, кромѣ личныхъ вкусовъ, предразсудковъ и произвольныхъ толкованій отдѣльными учеными воображаемыхъ задачъ той и другой

науки. Нѣкоторые лингвисты смотрятъ на этотъ вопросъ нѣсколько односторонне и считаютъ свою науку естественною въ томъ именно смыслѣ, какъ геологія или же биологія (представляющая соединеніе (отавненіе) и зоологіи), то-есть, не только по методу, но и по самому предмету изслѣдованія: языковѣдніе изслѣдуетъ не живые „организмы“, языки, стало бытъ, оно въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ другихъ естественныхъ наукъ, занимающихся изслѣдованіемъ живыхъ организмовъ. Мы же вопросъ о принадлежности языковѣднія къ естественнымъ наукамъ представляется слѣдующимъ образомъ: Методъ, которымъ пользуется настоящая научная лингвистика, таковъ же, какъ и методъ естественниковъ, методъ строгій, индуктивный, — стало бытъ, съ этой точки зрѣнія языковѣдніе есть наука естественная. Если же принять [во вниманіе природу изслѣдуемаго предмета, то-есть, природу языка, какъ проявленія по преимуществу бессознательной психической дѣятельности человѣка, въ такомъ случаѣ нужно будетъ причислить языковѣдніе къ наукамъ исторически-психическимъ или „соціологическимъ“. Но впрочемъ языковѣдніе должно будетъ являться въ обоихъ отдѣлахъ науки только въ такомъ случаѣ, если вообще принимать подобное дуалистическое или двойственное дѣленіе наукъ. Если же отказаться отъ этого традиціоннаго дуализма, то въ такомъ случаѣ вопросъ, куда причислить языковѣдніе, окажется совершенно лишнимъ, ибо, во-первыхъ, въ такомъ случаѣ всѣ настоящія науки явятся естественными, такъ какъ онѣ занимаются изученіемъ природы въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, и если претендуютъ на настоящую научность, должны слѣдовать индуктивному и затѣмъ дедуктивному методу; во-вторыхъ же, отдѣльныя науки составляютъ только части одной общей науки: онѣ не что иное, какъ задачи, взятая на себя отдѣльными группами тружениковъ, конечная цѣль которыхъ — узнать дѣйствительность во всѣхъ ея проявленіяхъ. Задача всѣхъ наукъ состоитъ въ очищеніи предмета изслѣдованія отъ всякихъ „случайностей“ и произвола и въ отысканіи „правильности“ и „законности“. Съ этой точки зрѣнія всѣ науки, занимающіяся сопоставленіемъ и обобщеніемъ подробностей, будутъ естественными, если выдвигаютъ на первый планъ кроющуюся въ явленіяхъ стройность и правильность; останавливаясь же на однихъ только случайностяхъ и частностяхъ, всѣ эти науки, суть науки „историческія“ (въ томъ смыслѣ, какъ этотъ эпитетъ прилагается къ вѣчкѣ такъ-называемой „всеобщей исторіи“). При такомъ взглядѣ на вещи, вѣдь естественныхъ наукъ и матема-

тики, нѣтъ мѣста для какой бы то ни было дѣйствительной науки. Тогда и филологія, и исторія, и политическая экономія и т. д., на сколько онѣ науки, должны быть непременно естественными. Филологія же и исторія, отказывающаяся отъ строго индуктивнаго метода естественныхъ наукъ и избѣгающая научныхъ обобщеній въ томъ смыслѣ, какъ они производятся въ естественныхъ наукахъ, могутъ быть собраніемъ весьма интересныхъ свѣдѣній и всемірно-историческихъ сплетенъ и вообще чѣмъ кому угодно, но никогда не будутъ наукою.

Такъ какъ языкъ представляетъ изслѣдованію только двѣ стороны: 1) акустическо-физиологическую и 2) психическую, то можно бы спросить: есть ли вообще основаніе создавать отдѣльную науку языковѣдѣнія, и не есть ли это наука лишняя, являющаяся только случайнымъ сочетаніемъ или слѣнкомъ трехъ наукъ—акустики съ физиологіей и психологіей? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можно указать прежде всего на тотъ фактъ, что языковѣдѣніе, какъ отдѣльная наука, существуетъ, что у него есть и своя собственная литература, есть и свои собственные специалисты. Кромѣ того, въ языковѣдѣніи есть въ самомъ дѣлѣ вопросы исключительно глоттологическіе или лингвистическіе, то-есть, вопросы, которыхъ никогда не касаются ни физиологъ, ни психологъ. Такъ напримѣръ, хотя дѣйствующія въ языкѣ „силы“, какъ то „привычка“, „стремленіе къ удобству“, „безсознательное обобщеніе или аперцепція“, „безсознательная абстракція“ и т. п., принадлежать всецѣло къ разряду силъ психическихъ, тѣмъ не менѣе способъ ихъ проявленія въ языкѣ совершенно своеобразенъ и таковъ, что онъ можетъ быть понятенъ единственно только для тѣхъ, кто посвятилъ себя специальному изученію языка. Въ акустическо-физиологической части языковѣдѣніе пользуется только выводами акустики и физиологій, но все-таки соединяетъ ихъ такимъ образомъ, который совершенно чуждъ этимъ двумъ наукамъ. Это соединеніе результатовъ акустики и физиологій для потребностей лингвистовъ дало начало особой наукѣ, „физиологій звука“ или „антропфоникѣ“, какъ части языковѣдѣнія. Подобнымъ образомъ то обстоятельство, что физиологія занимается только изслѣдованіемъ физическихъ и химическихъ процессовъ въ живомъ организмѣ, не уничтожаетъ еще этой науки (физиологій) и не изводитъ ея на степень какого-то случайнаго конгломерата изъ вопросовъ, принадлежащихъ во настоящему химіи и физикѣ.

Только та наука можетъ быть названа истинною наукой, которая на каждомъ шагѣ соблюдаетъ въ своихъ выводахъ самую строгую и възыскательную точность и не пускается ни на какія фантазерства. Каждый научный человѣкъ, въ томъ числѣ и изслѣдователь языка, долженъ проникнуться убѣжденіемъ, что нѣтъ ни одного явленія, которому не было бы причинъ, которое не было бы обусловлено необходимостью; все равно—извѣстна ли намъ эта причина и понятна ли намъ въ данномъ случаѣ эта необходимость, или же нѣтъ. Все въ природѣ, а слѣдовательно, и въ языкѣ, „причинно“, „естественно“, „законно“, „раціонально“. Въ языкѣ нѣтъ никакого произвола. Высказываемый здѣсь взглядъ не есть мусульманскій фанатизмъ, гласящій: „дѣлай, что хочешь, увертывайся, сколько тебѣ угодно, а все-таки твой рокъ заставитъ тебя даже у полюсовъ умереть отъ жары, а на экваторѣ отъ холода“. Нѣтъ, тутъ только постоянное сдѣленіе обстоятельствъ, при тождественныхъ условіяхъ дающее всегда одинъ и тотъ же результатъ.

Если находящіяся въ нашихъ рукахъ научныя средства не позволяютъ намъ получить строго опредѣленный отвѣтъ на каждый изъ занимающихъ насъ вопросовъ, то это не должно насъ вовсе смущать. Вѣдь даже строжайшая и самая законченная изъ всѣхъ наука, наука, основанная на неизбѣжныхъ аксіомахъ, единственная вполне дедуктивная наука не на всѣ вопросы даетъ вполне опредѣленные отвѣты. Вѣдь квадратный корень изъ любой величины является не въ одномъ, но въ двухъ видахъ. Вѣдь, пользуясь бесконечно малыми и бесконечно великими величинами и соблюдая въ своихъ дѣйствіяхъ безукоризненную математическую строгость, мы все-таки можемъ доказать, что всѣ числа и всѣ вообще опредѣленныя величины равны между собою. Вѣдь $1 = 0,9999\dots$. Вѣдь въ математикѣ же есть, на примѣръ, хотя бы уравненія первой степени съ двумя неизвѣстными, для которыхъ получается по настоящему безчисленное множество отвѣтовъ, и только ограничивая отвѣты къ цѣлымъ числамъ, ограничивается то же число отвѣтовъ, и т. д. А нечего ужъ и говорить о высшей математикѣ, постоянно имѣющей дѣло съ бесконечными величинами. И въ языковѣдніи есть свои уравненія первой степени съ двумя и даже болѣе неизвѣстными. И въ языковѣдніи, даже въ опредѣленныхъ случаяхъ, на одинъ и тотъ же вопросъ могутъ быть во два, по три и болѣе отвѣта. Но мы все-таки твердо увѣрены, что эта неопредѣленность отвѣтовъ есть слѣдствіе только недостаточнаго знанія частныхъ условій.

Годность исследований лингвиста зависит, между прочим, от строгого соблюдения условий географии и хронологии. Это значит, что каждый факт языка должен быть рассматриваемъ въ свойственной ему средѣ пространства и времени. Объяснять явления известнаго языка въ известный періодъ его развитія законами другихъ періодовъ и другихъ языковъ—значитъ не обладать вовсе чутьемъ дѣйствительности, значитъ выставлять себѣ рѣшительное свидѣтельство въ своей полной научной несостоятельности. Стало быть, никоимъ образомъ невозможно объяснять явления, на примѣръ, русскаго языка „законами“, свойственными языку латинскому. Вѣдь это почти то же самое, какъ если бы кто сталъ серьезно утверждать, что на тѣлѣ какого-нибудь Нѣнца или Француза остались слѣды наказанія бамбукомъ какого-нибудь японскаго или китайскаго сановника.

Какъ научное стремленіе, языковѣдѣніе имѣетъ цѣлью изслѣдовать всѣ языки земнаго шара. Но къ сожалѣнію, языковъ насчитываютъ одни нѣсколько тысячъ, другіе—нѣсколько сотъ (о точности здѣсь и рѣчи быть не можетъ), и во всякомъ случаѣ ихъ столько, что даже съ сотю ихъ частью не въ состояніи основательно ознакомиться человѣкъ самый способный и имѣющій возможность посвящать все свое время подобнымъ занятіямъ. Такимъ образомъ на практикѣ языковѣдѣніе выходитъ гораздо скромнѣе, нежели въ чисто отвлеченныхъ дефиниціяхъ. Необходимымъ является здѣсь раздѣленіе труда, спеціализація, въ силу которой отдѣльные ученые сосредоточиваютъ свое вниманіе только на нѣкоторыхъ группахъ языковъ, но при всемъ этомъ должны избранную ими частичку всего языковаго богатства рассматривать съ общей точки зрѣнія. Тогда ихъ спеціальность сохранить живучесть и общій интересъ.

Болѣе всѣхъ прочихъ группъ языковъ изслѣдованы группы, принадлежащія племенамъ и народамъ, приобрѣвшимъ въ исторіи всемірное значеніе, то-есть, группы семитическая и индо-европейская. Преимущественно же поучительно изученіе этой послѣдней группы, такъ какъ на ней былъ выработанъ тотъ строгій методъ, которымъ теперь такъ справедливо можно гордиться языковѣдѣніе.

Изученіе исключительно языковъ индо-европейскихъ можетъ быть примѣненіемъ только положительнаго языковѣдѣнія къ этимъ языкамъ, то-есть, примѣненіемъ къ нимъ, съ одной стороны, грамматики, а съ другой—систематика или классификаціи, и то даже не всей, а

только классификаціи гейнетической или естественной классификаціи языковъ родственныхъ.

Примѣненіе грамматической части языковѣдѣнія къ языкамъ индо-европейскимъ и является именно сравнительною грамматикой индо-европейскихъ языковъ или просто грамматикой индо-европейскихъ языковъ.

Въ предшествующемъ я старался дать отвѣтъ на первый изъ вопросовъ, поставленныхъ въ началѣ этой статьи, и мнѣ остается еще отвѣтить на второй вопросъ: что такое языки индо-европейскіе? Но прежде чѣмъ отвѣтить специально на этотъ вопросъ, я считаю великимъ объяснить, что такое языки родственные.

Еслибъ всѣ языки происходили отъ одного, то-есть, были только различныя видоизмѣненія одного и того же первобытнаго языкового матеріала, то въ такомъ случаѣ всѣ они были бы родственны между собою; въ такомъ случаѣ нечего было бы выдѣлять известную группу языковъ родственныхъ и противопоставлять ее всѣмъ остальнымъ языкамъ. Но въ томъ-то и бѣда, что такихъ группъ языковъ родственныхъ такъ много, что, вслѣдствіе недостаточнаго званія языковъ, даже неизвестно, сколько такихъ группъ, и что между отдѣльными группами нельзя усмотрѣть ни малѣйшаго родства. Это можно объяснить тѣмъ, что, когда у различныхъ племенъ создавался и окончательно слагался (формировался) строй языка, какъ уже дѣйствительнаго языка, эти племена не находились между собою ни въ какихъ отношеніяхъ и выработали (развили) свои языки совершенно независимо одинъ отъ другаго, или говоря иначе, что основные первобытные языки отдѣльныхъ племенъ произошли въ различныхъ мѣстахъ земнаго шара, безъ какаго бы то ни было взаимнаго вліянія другъ на друга. Кажется даже, что нѣкоторые дикари до сихъ поръ не развили окончательно своего языка въ собственномъ смыслѣ этого слова и находятся еще теперь въ состояніи переходномъ отъ безъязычнаго состоянія къ появленію настоящаго языка.

Донскиваясь сходствъ и различій между языками не родственными, и вообще отыскивая характеристическія, всеобъемлющія особенности этихъ языковъ не родственныхъ, и на основаніи этихъ характеристическихъ особенностей опредѣляя взаимное отношеніе, ихъ (то-есть, не родственныхъ языковъ) мы даемъ начало морфологической или структурной классификаціи языковъ, которая во всякомъ случаѣ есть классификація искусственная, такъ какъ она не воспроизводитъ настоящаго постепеннаго развѣтвленія описываемыхъ предметовъ. За

то классификація въ области языковъ родственныхъ должна быть по мѣрѣ возможности классификаціею естественною, то-есть, она должна стремиться къ такому упорядоченію этихъ родственниковъ языковъ, которое было бы, такъ-сказать, только повтореніемъ дѣйствительно совершившагося процесса постепеннаго ихъ дѣленія или дифференцировки.

Языки родственные суть не что иное, какъ различныя видоизмѣненія одного и того же первобытнаго языка. Для объясненія этого выраженія я считаю нелишнимъ прибѣгнуть къ слѣдующему сравненію: Представимъ себѣ громадное пространство, покрытое сплошною массою одного и того же рода травы. Еслибъ условія почвы, климата и т. д. остались одни и тѣ же, еслибы вообще трава эта не подвергалась никакимъ постороннимъ вліаніямъ, она осталась бы на всегда не измѣняющею, представляя впрочемъ на разныхъ мѣстахъ занимаемаго ею пространства извѣстное, чуть-чуть замѣтное разнообразіе формъ и свойствъ. Но допустимъ, что часть этой травы занесена какими-то судьбами въ другое, болѣе или менѣе отдаленное мѣсто, другая часть—опять въ другое мѣсто и т. д., и что эти новыя мѣстопребыванія разнятся отъ первобытной родины описываемой травы и представляютъ другія условія для ея жизни и развитія. Въ такомъ случаѣ родъ этой травы въ этихъ разныхъ мѣстахъ долженъ непременно измѣниться. Мало того; положимъ, что даже на первобытной родинѣ, гдѣ осталась извѣстная часть нашей травы, условія почвы и климата измѣнились; въ такомъ случаѣ даже тамъ видъ травы долженъ будетъ тоже измѣниться, то-есть, она явится современемъ въ новомъ видѣ. Такимъ образомъ отъ прежняго рода или вида травы ничего не останется, и онъ будетъ продолжать жить только въ своихъ разнообразныхъ потомкахъ, которые будутъ, правда, сходны какъ съ нимъ, такъ и между собою, но все-таки они будутъ не имъ самимъ, а только его разнообразными видоизмѣненіями.

Замѣнимъ теперь траву какими-нибудь первобытнымъ языкомъ, напримѣръ, тѣмъ языкомъ, на которомъ говорили предки всѣхъ Индо-Европейцевъ. Эти первобытные Индо-Европейцы или Аріевропейцы занимали извѣстное пространство, и вслѣдствіе сего, ихъ языкъ не могъ быть совершенно одинаковъ, но долженъ былъ представлять извѣстные, хотя даже и незначительные, діалектическіе оттѣнки или діалектическія видоизмѣненія. Извѣстные обстоятельства, борьба за существованіе, историческія бури и т. п. унесли съ собою въ различныя страны извѣстную часть этихъ Индо-европейцевъ, которые для

насть являются прежде всего носителями индо-Европейскихъ языковъ. При новыхъ условіяхъ жизни удалившіеся со своей родины Индо-Европейцы развили первобытные діалектическіе отгѣнки въ различныя самостоятельныя языки, которые являются, правда, прямымъ продолженіемъ первобытнаго языка и разнообразными его видоизмѣненіями, но ужь никакъ не могутъ быть съ нимъ отождествляемы. Но даже на родинѣ первобытнаго языка оставшаяся часть Индо-Европейцевъ не могла остаться неподвижною по отношенію къ своему языку. Здѣсь не нужно было даже никакихъ измѣненій въ условіяхъ почвы или климата, а достаточно было того обстоятельства, что непосредственно живую почву для языка служили и служатъ его носители, то-есть, говорящіе на немъ люди, врожденными органическими и психическими стремленіями которыхъ должны были обусловить постоянныя видоизмѣненія свойственнаго имъ языка, и затѣмъ, его распаденіе на болѣе или менѣе другъ отъ друга отличающіеся нарѣчія и говоры. Такимъ образомъ отъ первобытнаго языка ничего не осталось, а остались только различныя его отраженія или рефлексы въ его отдѣльныхъ потомкахъ или его отдѣльныхъ видоизмѣненіяхъ. Первобытный языкъ является, такъ-сказать, „общимъ знаменателемъ“ всѣхъ отъ него происшедшихъ. Поэтому нѣсколько наивно считать, напримѣръ, санскритъ источникомъ, изъ котораго происходятъ всѣ остальные языки индо-европейскіе: санскритъ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ такое же видоизмѣненіе первобытнаго языка, какимъ является, напримѣръ, языкъ литовскій или же любой изъ славянскихъ.

Такъ какъ при перерожденіи первобытнаго языка подвергалась измѣненію прежде всего его звуковая сторона, и такъ какъ это перерожденіе происходило вездѣ на основаніи строгихъ и опредѣленныхъ законовъ, то в первомъ, необходимомъ признакомъ генетическаго родства извѣстной группы языковъ являются именно строго опредѣленныя звуковыя соотвѣтствія. Пока подобныя, строго опредѣленныя звуковыя соотвѣтствія не открыты, до тѣхъ поръ нельзя говорить о генетическомъ родствѣ языковъ, которое, можетъ быть, и существуетъ, но не для строгихъ и точныхъ изслѣдователей. Поэтому всѣ попытки доказать генетическое родство, напримѣръ, между языками аrio-европейскими (индо-европейскими) и семитическими, или же между языками аrio-европейскими и финско-тюркскими (туранскими) развивались именно о невозможность найти подобныя строго опредѣ-

ления звуковых соответствий между сравниваемыми группами языков.

Прямикъ послѣдствіемъ постоянныхъ звуковыхъ соответствій является возможность фонетическаго перевода съ одного языка на другой, ему родственный, или возможность, каждое не заимствованное слово одного языка выразить въ звуковой формѣ другого, сообразно съ открытыми и установленными звуковыми соответствіями, и не смотря на то, существуетъ ли данное слово въ этомъ другомъ языкѣ, или же нѣтъ. Если оно не существуетъ, то все-таки, еслибы существовало, оно должно бы явиться непременно въ этомъ воссоздаваемомъ видѣ. При этомъ всѣ сравниваемые слова слѣдуетъ прежде всего дѣлать на ихъ составныя знаменательныя (морфологическія) части или морфемы. Морфема представляетъ сумму звуковъ и вообще звуковыхъ свойствъ, съ которою связанъ извѣстный отгѣнокъ значенія, и которая въ этомъ отношеніи совершенно не дѣлима.

Возьмемъ, напримѣръ, русское слово семья, которому въ старославянскомъ соответствуетъ сѣмѣа или сѣмѣа (по старославянски оно значитъ „челядь“, какъ отчасти и по русски). Главною морфемой или „корнемъ“ этого слова будетъ сѣм. Теперь предстаетъ вопросъ: нѣтъ ли, напримѣръ, въ языкахъ литовскомъ и нѣмецкомъ словъ, родственныхъ по корню съ названнымъ русскимъ и старославянскимъ словомъ? Обратимся къ звуковымъ соответствіямъ: славянскому с (s) можетъ въ литовскомъ соответствовать или с (s), или ш (š). Въ первомъ случаѣ въ нѣмецкомъ будетъ тоже s (s), во второмъ же—h. Старославянскому ѣ (чередующемуся съ и (i) и съ ѓ) въ литовскомъ соответствуетъ ai (aj), чередующеся, смотря по формѣ, съ ei (ej) и съ i; въ нѣмецкомъ же—тоже ai, или ei, или i (причины этого разнообразія тоже опредѣлены, но чтобы не осложнять вопроса, оставимъ ихъ безъ вниманія). Наконецъ, старославянскому и вообще славянскому м въ языкахъ литовскомъ и нѣмецкомъ будетъ соответствовать тоже m (m). Поищемъ теперь, нѣтъ ли въ литовскомъ и нѣмецкомъ словъ, родственныхъ по „корню“ слову сѣмѣа, и корень которыхъ начинался бы съ согласнаго, соответствующаго первому славянскому с (s). Это долженъ бы быть корень *šaim*, или *šeim*, или *šim*; а словъ съ подобныхъ корней и со значеніемъ, хоть сколько нибудь похожимъ на значеніе слова сѣмѣа, въ литовскомъ и нѣмецкомъ совершенно нѣтъ. Слѣдовательно, остается прибѣгнуть къ другому предположенію: нѣтъ ли въ литовскомъ и нѣмецкомъ словъ, корень которыхъ начинался бы въ литовскомъ съ ш (š), а въ нѣмец-

комъ съ ђ? Такія слова есть, а именно: литовское *zveim-yna* (челядь) и нѣмецкое *heim, da-heim, heim-ath* (родина), *heim-weh*, готское *haim-s* (деревня, село). Конечно, всѣ эти слова родственны только по корню, то-есть, по главной морфемѣ, сочетающейся съ разнообразными суффиксами или придаточными морфемами. Съ этимъ различіемъ суффиксовъ совпадаетъ и разнообразіе гласныхъ въ корнѣ: или *ai*, или *ei*, или *i*, въ старо-славянскомъ или *ъ*, или *ы* (*i*) или *ь*.

Славянское *с* (*s*), въ тѣхъ случаяхъ, когда въ литовскомъ ему соотвѣтствуетъ *sz*, а въ нѣмецкомъ *h*, развило изъ первобытнаго *k*, сохранившагося въ латинскомъ и греческомъ въ видѣ *k*, а въ санскритѣ вообще давшаго *ç* (*s*). На этомъ основывается возможность фонетическаго перевода корней слѣдующихъ словъ славянскихъ на корни родственныхъ имъ по „корню“ словъ другихъ языковъ:

сердце (съ уменьшительнымъ суффиксомъ) — литовск., *szirdis* (сердце), готское *hairtô*, нѣмецк. *herz* (сердце) (славянскому и литовскому *d*, сообразно съ его двоякимъ происхожденіемъ, соотвѣтствуетъ въ готскомъ или *d* или *t*, въ нѣмецкомъ же или *t*, или же *s* (*u*) или *s* (*c*).

десять — литовск. *desz-imtis* — готск. *taih-un*, древне-верхне-нѣмецкое *zehan*, нѣмецк. *zehn*, — санскр. *daça*.

сто, старо-слав. съто — литовск. *szimtas* — готск. *hund*, нѣмецк. *hundert* — санскрит. *çatam* — латинск. *centum* (*kentum*), греч. *hè-katón*.

весь (весь Божій), старо-слав. вьсь (дворъ, деревня) — литовск. *viesz* — вѣвiesz-pats (повелитель, то-есть, „владѣтель области“) — готск. *veih-s* (село, поле), нѣмецк. *weich-bild* (въ значеніи „территорія“) — санскр. *ves-az, ves-man* (домъ), *viç* (домъ, мѣстопребываніе), *viç-patis* (хозяинъ) — лат. *vis-us* — греч. *oikos*.

поросенокъ, старо-сл. прасѣ — литовск. *pauszas* — древне-верхне-нѣмецк. *farah*, нѣм. *ferk-el* — латинск. *porc-us*.

солома, старо-сл. слама — древне-верхне-нѣм. *halam*, нѣмецк. *haln* — латинск. *culmus* (стебелекъ, солома) — греч. *kálamos* (тростникъ), *kalámb* (стебелекъ, солома).

срамъ (вошедшее въ русскій изъ церковно-славянскаго), рядомъ съ соромъ — нѣмецк. *hagm* (огорченья, скорби), *hagm-los* (безобидный, спокойный) и т. д.

Изъ предшествующаго видно, что „фонетическій переводъ“ самъ по себѣ не можетъ служить одною изъ составныхъ частей метода изслѣдованія, такъ какъ возможность его является только результа-

томъ индуктивныхъ сопоставленій и выводовъ. Но фонетическимъ переводомъ можно отлично пользоваться какъ педагогическимъ средствомъ при ознакомленіи начинающихъ съ точными звуковыми соответствіями.

Сказавъ нѣсколько словъ объ аrioевропейскихъ или индо-европейскихъ языкахъ вообще, перехожу теперь къ исчисленію отдѣльныхъ семей этой отрасли, на сколько о нихъ сохранились слѣды въ памятникахъ, или на сколько онѣ извѣстны по послѣдовапію живыхъ говоровъ. Многіе изъ этихъ языковъ, вѣроятно, исчезли безслѣдно.

Народы и племена, говорящіе на аrioевропейскихъ или индо-европейскихъ языкахъ, нарѣчіяхъ и говорахъ, живутъ сплошнымъ населеніемъ въ Европѣ, Азій и Америкѣ—въ этой послѣдней, конечно, только со времени ея открытія Европейцами.

Въ Азій ¹⁾ встрѣчаемъ двѣ большія семьи этихъ языковъ: индійскую и персидскую или иранскую.

1. Древнѣйшимъ представителемъ семьи индійской является языкъ ведическій. Веды (Вѣды), то-есть, священныя книги Индусовъ, представляютъ собою вообще древнѣйшій памятникъ аrio европейской отрасли. Языкъ Ведъ (Вѣдъ), съ нѣкоторыми довольно значительными измѣненіями, и прежде всего съ устраниеніемъ многихъ формъ, свойственныхъ древнѣйшему ведическому языку, служилъ впоследствии общимъ литературнымъ языкомъ Индусовъ (Индійцевъ) подъ названіемъ санскрита. Слѣдовательно, настоящій санскритъ не есть вовсе языкъ народный, а только искусственный, священный, и вмѣстѣ съ тѣмъ, литературный языкъ, въ томъ болѣе или менѣе родѣ, какъ въ былое время старо-славянской для—Славянъ, латинскій для западныхъ Европейцевъ—въ средніе вѣка, а в настоящее время итальянскій—для Итальянцевъ.

Впрочемъ слово санскритъ употребляется тоже для совмѣстнаго обозначенія какъ ведическаго языка, такъ и санскрита въ тѣсномъ смыслѣ. Только въ такомъ случаѣ различаютъ санскритъ ведическій и санскритъ классическій. Собственное же значеніе санскритскаго слова *sams-kr-ta-* или *sams-kr-tá-* есть „сдѣлан-

¹⁾ При этомъ мы оставляемъ въ сторонѣ представителей славянской семьи въ русско-азиатскихъ владѣніяхъ.

ный", „овонченный", „приготовленный", „совершенный", „правильно-образованный", „классическій".

Изученіе санскрита очень важно для изученія аrioевропейскихъ или индо-европейскихъ языковъ вообще, какъ вслѣдствіе подробнаго и удачнаго его анализа, совершеннаго еще туземными грамматиками, такъ и по свойствамъ самого языка, а именно по прозрачности его строя и по сохраненію древняго состоянія. Однако же не слѣдуетъ забывать, что санскритъ есть только одинъ изъ членовъ общей аrio-европейской семьи, что онъ, по отношенію къ другимъ аrioевропейскимъ языкамъ, есть не первобытный языкъ, а только производный, хотя впрочемъ сохранившійся въ самыхъ древнихъ памятникахъ. Стало бытъ, изученіе санскрита не исчерпываетъ всего богатства вопросовъ, возбуждаемыхъ разсмотрѣніемъ всей аrioевропейской отрасли. Ограничиваясь подробнымъ историческимъ изученіемъ какой-нибудь другой семьи языковъ или же одного языка, напримѣръ, семьи славянской, германской, греческой и т. п., или же, напримѣръ, языка русскаго, литовскаго и т. п., можно, собственно говоря, отлично обойтись безъ знанія санскрита, хотя, съ другой стороны, никогда не помѣшаетъ усвоеніе себѣ отчетливаго знанія грамматической системы этого стариннаго языка. Но при всемъ этомъ слѣдуетъ избѣгать столь распространеннаго рабства передъ санскритомъ и не измѣрять явленій другихъ языковъ санскритскими категоріями. И даже во всякомъ случаѣ лучше не прибѣгать къ „сравненіямъ съ санскритомъ", нежели щеголять съ ними безъ точнаго и основательнаго знанія этого языка. Между тѣмъ въ каждой европейской литературѣ, въ томъ числѣ и въ русской, есть книжки, въ которыхъ наобумъ сравниваются санскритскія слова со словами любого языка, вопреки здравому смыслу и безъ всякаго научнаго основанія.

Кромѣ санскрита, древними литературными языками индійской семьи являются пракритъ и пали.

„Пракрить" (prākṛta) значить „природный", народный языкъ, въ противоположность санскриту какъ языку совершенному, классическому. Онъ извѣстенъ главнымъ образомъ изъ драмъ индійскихъ, въ которыхъ одни дѣйствующія лица говорятъ санскритомъ, другія же пракритомъ. Пракрить служитъ выразителемъ чувствъ и мыслей всѣхъ женщинъ, затѣмъ мужчинъ, не принадлежащихъ къ двумъ привилегированнымъ кастамъ—военной (kshatriya) и духовной (brāhminā). Только vidūshaka (шутъ, скоморохъ), хотя и принадлежитъ къ духовной кастѣ, все же говорятъ въ драмахъ по пракритски, такъ какъ онъ яв-

яется выразителемъ самаго „прозаическаго“, самаго „невозвышеннаго“ мировоззрѣнія, толкуя только о ѣдѣ, питьѣ и увеселеніяхъ. Кромѣ того, всѣ хоры въ индійскихъ драмахъ поются по пракритски. Надо замѣтить, что „пракритъ“ не означаетъ какого-нибудь одного, однороднаго языка, а напротивъ того является общимъ обозначеніемъ вѣсколькихъ діалектическихъ оттѣнковъ „народнаго“ языка литературы.

Пáli (Páli) является по преимуществу священнымъ языкомъ буддистовъ.

Главные діалектическіе оттѣнки живущихъ въ настоящее время нарѣчій и говоровъ Индійскаго племени распадаются на слѣдующія группы:

Гиндустани (Hindustani),

Бенгали (Bengali),

Кафиръ (Kafir)—на возвышенной плоскости Гиндукуша.

Цыганскіе говоры представляютъ тоже отпрыскъ индійской семьи языковъ. Такимъ образомъ, Цыгане являются ближайшими этнографическими родственниками восточныхъ Индійцевъ или Индусовъ.

Весьма замѣчательенъ языкъ поэтовъ (Kavi) на островѣ Явъ (Java), такъ какъ съ матеріаломъ словъ индійскаго происхожденія въ немъ соединена форма языковъ дравидскихъ, не принадлежащихъ вовсе къ аrioевропейской отрасли, пѣчто въ родѣ кяхтинскаго китайскаго нарѣчія русскаго языка.

2. Въ иранской (эранской) или персидской семьѣ языковъ имѣются два древніе представителя:

1) языкъ древне-персидскій, сохранившійся въ единообразныхъ надписяхъ царей изъ династіи Ахеменидовъ, съ Кира до Александра Великаго, и

2) языкъ древне-бактрійскій или зендъ, то-есть, языкъ священныхъ книгъ, приписываемыхъ Заратустрѣ или Зороастру, съ діалектическимъ оттѣнкомъ га т'а (gâthâ) (языкъ вѣсевъ).

Болѣе поздняго происхожденія слѣдующіе литературные языки эранской семьи: Гузварешъ (Huzvâresch) или Пэхлави (Pehlavi) и Пазендъ (Pazend) или Парси (Parsi).

Въ настоящее время существуетъ ново-персидскій языкъ съ разными нарѣчіями и говорами.

Къ эранской же семьѣ причисляются языки Курдовъ, Афганцевъ, языкъ осетинскій и т. д.

Что же касается армянскаго или ормянскаго языка, то, хотя

онъ тоже причисляется къ эванской семьѣ, но скорѣе представляетъ особую семью аrioевропейскихъ языковъ, близкую, правда, къ эванской, но все-таки довольно рѣзко отъ нея отличающуюся.

Точно также, на сколько можно заключать по дошедшимъ до насъ памятникамъ, совершенно особую семью составляли аrioевропейскіе языки Малой Азии—ликійскій, фригійскій и т. п.

Главное мѣстопробываніе племенъ, говорящихъ на аrioевропейскихъ языкахъ, — Европа. Здѣсь мы встрѣчаемъ слѣдующія главныя семьи этой отрасли языковъ: греческую, албанскую, италійскую или романскую, кельтскую, германскую, литовскую и славянскую.

3. Греческая семья, древними представителями которой являются разныя діалекты древне-греческаго или эллинскаго языка. Главныя діалекты были слѣдующіе: дорическій, эолическій, іоническій и аттическій, изъ котораго впоследствии развился общій литературный языкъ всѣхъ Грековъ (*κοινὴ διάλεκτος*). Всѣ эти діалектическія видоизмѣненія составляютъ группу греческую въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Ближайше родственными ей являются въ древнее время нарѣчія македонское, мессанійское (въ южной Италіи) и т. д.

Въ наше время существуетъ литературный ново-греческій языкъ и разнообразіе ново-греческіе народныя говоры.

4. Нѣкоторые причисляютъ къ Греческому племени и Албанцевъ или Арнаутовъ, но ихъ ближайшее родство съ Греками вѣсколько сомнительно. По мнѣнію нѣкоторыхъ, это потомки древнихъ „Пелазговъ“. Какъ бы то ни было, албанскій языкъ и албанскіе говоры составляютъ въ области аrioевропейской особую семью отличающую отъ греческой.

Что касается исчезнувшихъ языковъ „Даконовъ“, „Фракіяцевъ“ и т. д., то о нихъ трудно судить по скудости и запутанности матеріаловъ.

5. Италійская или романская семья, на сколько она отпечатлѣлась въ памятникахъ, представляетъ въ древнее время двѣ вѣтви:

умбрско-самнитскую, состоящую изъ языка умбрскаго вольскаго, осскаго и сабельскихъ говоровъ, и латинскую, то-есть, языкъ латинскій съ его народными говорами.

Принадлежность этрусскаго языка къ италійской семьѣ болѣ

чьмъ сомнительна. Попытку Корсена (Corssen) доказать эту принадлежность слѣдуетъ считать не удавшеюся, точно также какъ и попытку одного изъ англійскихъ ученыхъ показать близкую связь языка этрускаго съ языками туранскими или финско-тюркскими.

Послѣ паденія Римскаго государства языкъ латинскій продолжалъ существовать какъ литературный, но значительно измѣнился подъ вліяніемъ народныхъ говоровъ разныхъ странъ, населенныхъ „Романскимъ“ племенемъ. Это дало начало средне-латинскому языку, приѣвнявшемуся въ письменности среднихъ вѣковъ, конечно, не въ однообразномъ видѣ, но въ различныхъ діалектическихъ отбѣнкахъ. Какъ въ направленіи географическомъ (діалектическомъ), такъ и въ хронологическомъ, этотъ языкъ подвергся постепенному перерожденію. Въ этомъ отношеніи можно различать два главные типа: болѣе древній (средне-латинскій) и болѣе поздній (ново-латинскій), употребившійся въ концѣ среднихъ вѣковъ и вытѣсненный черезъ восстановление въ литературѣ, въ эпоху „возрожденія“, древняго настоящаго латинскаго языка.

Рядомъ съ литературнымъ языкомъ латинскимъ, видоизмѣняющимся съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ родственныхъ ему народныхъ говоровъ, жили сами эти народные говоры, сводившіеся къ нѣсколькимъ главнымъ типамъ. Нѣкоторые изъ этихъ народныхъ говоровъ дали начало особымъ литературнымъ языкамъ. Въ настоящее время мы встрѣчаемъ слѣдующія семь главныхъ группъ романскихъ языковъ, нарѣчій и говоровъ:

1) Группа италіанская, состоящая изъ значительнаго количества самыхъ разнообразныхъ говоровъ. Литературнымъ представителемъ этой группы является языкъ италіанскій, по которому однакожь никакъ нельзя заключать о характеристическихъ особенностяхъ большинства живыхъ народныхъ говоровъ италіанскихъ. Различіе между такъ-называемымъ италіанскимъ языкомъ, и наиримѣръ, говоромъ миланскимъ или неаполитанскимъ гораздо больше, нежели между тѣмъ же италіанскимъ языкомъ и древнимъ языкомъ Римлянъ, то-есть, языкомъ латинскимъ. Это объясняется тремя причинами—діалектической, литературною и хронологическою.

Относительно первой причины, можно замѣтить, что въ то время, когда слагался теперешній литературный языкъ Италіанцевъ (то-есть, во времена Данта), существовали всѣ тѣ же діалектическіе отбѣнки италіанскихъ говоровъ, что и въ настоящее время; народнымъ же основаніемъ для литературнаго языка послужили говоры средней

Италіи, говоры Тосканы (Флоренція и др.) и Романьи (Рима), въ то время, какъ и теперь, являвшіеся рядомъ съ говорами Венеціанскаго края, самими консервативными, то-есть, менѣе всего измѣнившимися отъ своего древняго состоянія, иначе, самими близкими къ языку латинскому. Не подлежитъ сомнѣнію, что Генуэзецъ или же Сицилиецъ XIII-и XIV вѣковъ почти также мало понималъ, безъ особаго обученія, литературный италіанскій языкъ, какъ и его потомокъ въ настоящее время.

Само собою разумѣется, что Дантъ и другіи писатели, создавшіе литературный языкъ Италіи, при выборѣ тосканскаго нарѣчія руководствовались прежде всего его консервативностью и близостью къ языку латинскому. Мало того: даже выбравъ для литературныхъ цѣлей тосканское нарѣчіе, они все-таки не заимствовали его цѣлкомъ, но напротивъ того, устранили изъ него вѣкоторыя характеристическія особенности, съ цѣлью сблизить созданный такимъ образомъ новый литературный языкъ съ языкомъ латинскимъ. Такимъ образомъ въ литературный языкъ Италіи съ самаго начала вошли особенности не только одного изъ живыхъ италіанскихъ нарѣчій, но и особенности отлично извѣстнаго въ то время всѣмъ ученымъ и литераторамъ языка латинскаго. Это — вторая, литературная, причина великой близости языка италіанскаго и латинскаго и значительнаго различія между тѣмъ же италіанскимъ языкомъ и большинствомъ живыхъ италіанскихъ говоровъ. Подобное явленіе можно отмѣтить всегда, если извѣстный, вновь создающійся литературный языкъ не вырабатывается на родной почвѣ вполне самостоятельно, но имѣетъ родственныхъ ему, болѣе древнихъ предшественниковъ. Такъ, между прочимъ, сложился русскій литературный языкъ, представлявшій съ самаго начала собственно церковно-славянскій языкъ, видоизмѣненный подъ вліяніемъ одного изъ живыхъ русскихъ говоровъ или же группы говоровъ. Самъ же церковно-славянскій языкъ, какъ перерожденіе древняго старо-славянскаго, представляетъ, по отношенію къ этому послѣднему, болѣе или менѣе то же самое, что средневѣковый латинскій по отношенію къ древнему латинскому.

Наконецъ, хронологическая причина вышеупомянутаго явленія заключается въ томъ, что италіанскій литературный языкъ, разъ сложившись и окончательно установившись, дошелъ до насъ только съ незначительными измѣненіями, касающимися болѣе слога и построенія фразъ, нежели формъ, и какъ можно полагать, звуковъ, — между тѣмъ, какъ развивающіеся вполне „естественнымъ“ путемъ на-

родные говоры лишены этого предохранительнаго вліянія литературнаго воздѣйствія и измѣняются гораздо скорѣе.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что литературный итальянскій языкъ съ самаго начала своего появленія получалъ печать „искусственности“ и исключительнаго употребленія въ литературѣ, въ школахъ, въ администраціи и въ торжественныхъ случаяхъ. Въ обыденной жизни его, вѣроятно, никогда не употребляли, какъ и теперь не употребляютъ. Пьемонтецъ говоритъ по пьемонтски, Миланецъ по милански, Венеціанецъ по венеціански и т. д., а ничуть не по итальянски. Въ Миланѣ даже такъ-называемые „высшіе слои“ общества употребляютъ въ обыкновенномъ разговорѣ мѣстный діалектъ. Только въ послѣднее время, вслѣдствіе унифицирующихъ стремленій, вслѣдствіе вліянія школы, обязательной военной службы и т. д., употребленіе общаго итальянскаго языка все болѣе и болѣе распространяется.

2) Въ итальянской группѣ слѣдуетъ отличать такъ-называемую ладинскую полосу (zona ladina). Эта—незначительная территория, распадающаяся на три изолированныя части: одну часть составляютъ Гриджоны (Grigioni) или Гризоны въ Швейцаріи, другую—Ладины въ Тироли, отдѣляющіе нѣмецкое населеніе отъ настоящаго итальянскаго, и наконецъ, Фурланы или Фриуляне (Friuliani, Furlani) во Фриули, то-есть, въ Италіи, съ городами Удине (Udine) и Чивидале (Cividale), и въ Австріи, гдѣ занимаютъ южную часть Горницкаго графства (Gorizia, Górg), населеннаго въ остальномъ Славянами.

3) Третью группу романскихъ говоровъ составляетъ группа провансальская, названная такъ по литературному ея представителю, средневѣковому провансальскому языку трубадуровъ. Названіе же „провансальскаго“ языка — географическаго происхожденія (отъ французской провинціи Provence). Въ настоящее время нѣтъ одного провансальскаго литературнаго языка, но все-таки появляются книги на родственныхъ ему говорахъ, приспособленныхъ для литературнаго употребленія. Провансальскіе говоры занимаютъ югъ Франціи, стало быть, территорию, на которой господствующимъ литературнымъ языкомъ является языкъ французскій, да кромѣ того, сѣверо-востокъ Испаніи. Этимъ говорамъ въ ихъ совокупности присвоивается также названіе „langue d'oc“ (языкъ „ок“), гдѣ „oc“ есть утвердительное словечко, соответствующее французскому oui (такъ), и развѣншееся, какъ и это послѣднее, изъ латинскаго hoc (это). Упомянутое названіе рас-

пространено, какъ терминъ географическій, на старинную французскую провинцію Languedoc (Лангедокъ), на западъ отъ Прованса.

4) Четвертую группу романскихъ говоровъ представляетъ группа французская, литературнымъ представителемъ которой является языкъ французскій, принадлежащій къ самымъ распространеннымъ всемірнымъ языкамъ, и кромѣ Франціи, принятый официально-литературнымъ языкомъ въ Бельгій, въ Люксембургѣ и отчасти въ Швейцаріи, и „дипломатическимъ“ — во всей Европѣ. Народные французскіе говоры разнятся между собою, вѣроятно, не меньше итальянскихъ.

Особую группу представляютъ говоры Валлоновъ (Wallons) въ сѣверо-восточной Франціи и въ Бельгій.

5) Группа испанская господствуетъ въ настоящее время не столько въ Европѣ, сколько въ южной Америкѣ, точно также, какъ и

6) группа португальская.

7) Последнюю, выдающуюся группу романскихъ говоровъ составляетъ группа румынская (румунская) или дако-романская (молдаво-волошская). Говорящіе на говорахъ той группы живутъ прежде всего въ независимой Румыніи (Придунайскихъ княжествахъ), и затѣмъ, въ Австріи (въ Семиградскомъ, въ Венгріи и въ Буковинѣ), въ Россіи (въ Бессарабіи), въ восточной части княжества Сербскаго и въ теперешней Болгаріи. Особую немногочисленную вѣтвь Румыновъ составляютъ Джиндзвары или Куцо-Влахы, разбѣянные по прежнимъ и теперешнимъ турецкимъ владѣніямъ и живущіе сплошною массою между Албанцами и Греками, какъ въ Турціи, такъ и въ Греціи.

8) На сколько можно судить по историческимъ преданіямъ, кельтская семья въ древнее время была гораздо болѣе распространена, нежели въ настоящее. Теперь ова занимаетъ только французскую Бретань, Ирландію, Уэльсъ (Wales) и незначительную часть Шотландіи. Да и то о сплошномъ кельтскомъ населеніи можно говорить только относительно. Лишенные какъ политической, такъ и культурно-литературной независимости, Кельты примыкаютъ то къ Французамъ, то къ Англичанамъ, и вслѣдствіе того, съ одной стороны перемѣшаны съ французскими или же англійскими поселенцами, съ другой же — знаютъ сами или французскій, или англійскій господствующій языкъ. Многіе потомки прежнихъ Кельтовъ теперь уже не говорятъ по кельтски. Для нѣкоторыхъ усвоenie себѣ высшей культуры равносильно отчужденію отъ прежней національности. Въ этомъ отноше-

ни кельтских земли представляют такое же зрѣлище, какъ земли литовскія (по крайней мѣрѣ отчасти), или земли славянскія, находящіяся во владѣнннхъ племенъ романскихъ, германскихъ или мадьярскаго (Славяне въ Италіи, Лужичане, Поляки въ Силезіи, Словаки въ Венгріи и т. п.). Точно также такъ-называемые „инородцы“ въ Россіи, становясь людьми „культурными“, обыкновенно перестаютъ употреблять въ разговорѣ свой родной языкъ и пользуются для этой цѣли языкомъ русскимъ, хотя очевь часто ихъ культурный уровень совершенно при этомъ не повышается.

Вообще кельтская семья распадается на двѣ вѣтви, значительно другъ отъ друга отличающіяся:

1) Вѣть ирская или гадхельская, къ которой принадлежатъ

а) говоры ирскіе, въ Ирландіи, древнѣйшимъ литературнымъ представителемъ коихъ является языкъ древне-ирскій. Отъ этого языка нѣются памятники по раньше VIII столѣтія послѣ Р. X.

б) Другую группу вѣтви ирской составляютъ говоры гальскіе, въ Шотландіи.

2) Вѣть британскую или кимрійскую составляютъ:

а) языкъ древне-гальскій,

б) говоры уэльскіе (вельшскіе) или валлійскіе, въ Уэльсѣ (Wales),

в) говоры корнуэльскіе или языкъ корнуэльскій (корнійскій), существовавшій раньше въ юго-западной провинціи Англій Корнуэль (Cornwall) и исчезнувшій (вымершій) окончательно около 1750 г.,

г) говоры бретанскіе или армориканскіе во французской Бретани. „Армориканскій“ значитъ „поморскій“, отъ аг-шог.

9) Самою распространенною между аrio-европейскими или индо-европейскими является семья германская. Изъ народовъ, создавшихъ независимыя государства, къ ней принадлежатъ Нѣмцы (въ настоящее время Германская имперія съ принадлежащими ей вассальными государствами), Голландцы, Англичане, сѣверные Американцы, Датчане, Шведы и Норвежцы. Затѣмъ, въ Австріи Нѣмцы представляютъ еще теперь преобладающій элементъ, называющій свой языкъ, какъ языкъ школы и администраціи, другимъ національностямъ этого многоязычнаго государства. Наконецъ, сложное население, принадлежащее къ германской семьѣ, живетъ въ Бельгіи, въ нидерландскихъ (голландскихъ) и англійскихъ колоніяхъ, а

отдѣльныя нѣмецкія поселенія находятся въ Италіи, въ Россіи, въ Турціи, и кажется, даже въ Испаніи.

Германская семья распадается на три главныя вѣтви:

1) Готскую. На языкахъ, принадлежащихъ къ этой вѣтви, говорили племена, извѣстныя въ исторіи среднихъ вѣковъ подъ названіемъ Готовъ или Готеовъ. Племена эти слѣшались съ племенами не германскаго происхожденія, лишившись при этомъ своего языка, такъ что эта вѣть германской семьи аrio-свропейскихъ языковъ вымерла, какъ говорится, безъ потомковъ. Только одно изъ нарѣчій этого племени развилось въ свое время въ литературный языкъ, на которомъ написана Библия (собственно Новый Заветъ, Вулфили или Улфили (Vulfilas, Ulfilas) и нѣсколько другихъ менѣе значительныхъ памятниковъ.

Отъ языка Лонгобардовъ и нѣкоторыхъ другихъ племенъ германскихъ, извѣстныхъ изъ исторіи среднихъ вѣковъ, осталось слишкомъ мало памятниковъ (въ родѣ отрывочныхъ словъ и выраженій, записанныхъ лѣтописцами) для того, чтобы можно было опредѣлять ихъ ближайшую принадлежность. Отъ языка Вандаловъ, кажется, положительно ничего не осталось.

2) Другую, въ достаточной степени извѣстную вѣть германской семьи языковъ составляетъ вѣть нордійская (сѣверная) или скандинавская.

Древнѣйшимъ представителемъ этой вѣтви является языкъ древне-нордійскій или древне-сѣверный (altnordisch), то-есть, языкъ двухъ скандинавскихъ Эддъ (Edda's).

Заѣтъ, къ той же вѣтви принадлежатъ и въ настоящее время нарѣчія и говоры исландскіе, норвежско-датскіе (датско-норвежскіе) и шведскіе съ литературными языками исландскимъ, норвежскимъ, датскимъ и шведскимъ.

3) Третья вѣть германскихъ языковъ называется вѣвью германскою по преимуществу или нѣмецкою (deutsch). Въ ней мы можемъ отличать двѣ обширныя группы: нижне-нѣмецкую (niederdeutsch, plattdeutsch) и верхне-нѣмецкую (hochdeutsch). Названія эти заимствованы отъ того, что на первоначальной (исторически извѣстной) родинѣ Нѣмцевъ, Нѣмцы, говорящіе на „верхне-нѣмецкомъ“ (hochdeutsch), занимаютъ южную, болѣе возвышенную и гористую часть территоріи, Нѣмцы же нарѣчій и говоровъ „нижне-нѣмецкихъ“ (niederdeutsch)—часть общей территоріи сѣверную, низменную, къ морю наклоненную.

Из древних представителей ниже-нѣмецкой группы мы можем назвать сохранившіеся въ памятникахъ языки древне-саксонскій (altsächsisch), англо-саксонскій (angelsächsisch) и нѣкоторые другія видовъмѣненія древняго ниже-нѣмецкаго.

Вселившись въ Британію и смѣшавшись тамъ съ древними Британіями, кельтскаго происхожденія, древніе Англо-Саксонцы сохранили все-таки свой языкъ и навязали его прежнимъ туземцамъ. Покорившіе ихъ впоследствии Французскіе Норманы или Нормандцы (принесшіе съ собою изъ Франціи французскій языкъ) подчинились культурному вліянію Англо-Саксонцевъ и усвоили себѣ ихъ языкъ. Хотя, вслѣдствіе французско-норманскаго вліянія, вошло въ англо-саксонскій языкъ очень много французскихъ словъ, оборотовъ и даже отдѣльных формъ, тѣмъ не менѣе этотъ языкъ сохранилъ вполнѣ свой германскій типъ и не пересталъ быть языкомъ англо-саксонскимъ, живущимъ въ разнообразныхъ говорахъ. Дальнѣйшее развитіе этихъ англо-саксонскихъ говоровъ въ Британіи дало новѣйшіе англійскіе говоры съ литературнымъ англійскимъ языкомъ, который выѣстъ съ тѣмъ служить государственнымъ языкомъ Великобританіи и Ирландіи, Восточной Индіи, разныхъ другихъ англійскихъ колоній, и наконецъ, Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Вообще англійскій языкъ принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ языкамъ земнаго шара.

Другимъ языкомъ литературно-государственнымъ, развившимся изъ говоровъ ниже-нѣмецкой группы, является языкъ голландскій или нидерландскій. Близжайше-родственные этому языку народныя говоры (ниже-нѣмецкіе, niederdeutsch) принадлежатъ племенамъ, населяющимъ, кромѣ Голландіи, часть Бельгіи (Фламандцы), и затѣмъ, всю сѣверную Германію. Здѣсь особую группу составляютъ говоры Фризовъ или говоры фризскіе. Въ самой Германіи выработался въ новѣйшее время особый ниже-нѣмецкій литературный языкъ (niederdeutsch, plattdeutsch), на которомъ писалъ, между прочимъ, знаменитый поэтъ Фрицъ Рейтеръ (Fritz Reuter).

Область, занимаемая племенами, говорящими на верхне-нѣмецкихъ (hochdeutsch) народныхъ говорахъ, значительно меньше той области, на которой господствуютъ языки, принадлежащіе къ группѣ ниже-нѣмецкой. Весьма разнообразныя народныя говоры верхне-нѣмецкіе живутъ въ настоящее время въ южной (большей) половинѣ Германской имперіи (включая сюда Эльзась), въ нѣмецкой части Швейцаріи, въ провинціяхъ Австріи, населенныхъ Германскими племенемъ, и наконецъ, въ тѣхъ мѣстахъ Россіи и Польши, гдѣ встрѣчается

сплошное нѣмецкое населеніе, но не исключительно, такъ какъ въ Россіи и Польшѣ живутъ тоже нѣмцы, говорящіе на діалектахъ ниже-нѣмецкихъ (plattdeutsch).

Въ разные періоды жизни нѣмецкаго народа верхне-нѣмецкіе говоры давали начало различнымъ литературнымъ и литературно-государственнымъ языкамъ. Древнѣйшій видъ подобнаго литературнаго примѣненія верхне-нѣмецкихъ говоровъ представляетъ языкъ древне-верхне-нѣмецкій (althochdeutsch) въ нѣсколькихъ видоизмѣненіяхъ, употреблявшійся письменно съ VII по XII столѣтіе. Средній періодъ въ примѣненіи верхне-нѣмецкихъ говоровъ къ потребностямъ литературы представляетъ языкъ средне-верхне-нѣмецкій (mittelhochdeutsch), памятники котораго простираются съ XII по XIV столѣтіе. Главный памятникъ—,народный эпосъ" о Нибелунгахъ (Der Nibelunge Nôt).

Совершенно независимо отъ средне-верхне-нѣмецкаго, во времена реформациі, и главнымъ образомъ по почину Лютера, сложился новѣйшій видъ верхне-нѣмецкаго литературнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ государственнаго языка, языкъ новый верхне-нѣмецкій (neuhochdeutsch) или нѣмецкій въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Лютеръ воспользовался по преимуществу языкомъ, употреблявшимся въ саксонскихъ канцеляріяхъ. Языкъ этотъ, съ незначительными измѣненіями, продолжаетъ существовать и въ настоящее время какъ языкъ литературы, школы, администраціи и, наконецъ, какъ разговорный языкъ такъ-называемыхъ образованныхъ классовъ во всей Германской имперіи (за исключеніемъ частики прежнихъ польскихъ владѣній, равно какъ Эльзаса и Лотарингіи), затѣмъ—въ Австріи, на сколько она является германскою, въ нѣмецкихъ кантонахъ Швейцаріи, и наконецъ, въ Россіи (не говоря уже о нѣмецкихъ виселенцахъ въ Америкѣ). Не лишне упомянуть, что въ Швейцаріи языкомъ военной команды въ пѣхотѣ и кавалеріи служитъ языкъ нѣмецкій, а въ артиллеріи—французскій.

Особое видоизмѣненіе нѣмецкаго языка представляетъ языкъ, или какъ нѣкоторые называютъ, „жаргонъ“, на которомъ говорятъ Евреи (отчасти) въ самой Германіи, затѣмъ въ Польшѣ, Россіи, Австріи и (отчасти) Румыніи.

8) Литовская семья принадлежитъ къ самымъ малочисленнымъ семьямъ аrio-европейской или индо-европейской отрасли. Рядомъ съ нею можно поставить въ этомъ отношеніи только Альбанцевъ (са-

ныхъ малочисленныхъ) и затѣмъ теперешнихъ Кельтовъ (которыхъ нѣсколько болѣе, чѣмъ Литовцевъ съ Латышами).

Литовская семья вообще распадается на двѣ группы: 1) литовскую въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и 2) латышскую.

Одинъ изъ діалектовъ литовской семьи въ тѣсномъ смыслѣ сохранился только въ скудныхъ письменныхъ памятникахъ отъ XVI столѣтія, но въ живомъ употребленіи пересталъ существовать, такъ какъ потомки говорившихъ на немъ оиѣмчались, передавъ свое имя государству, создавшему въ новѣйшее время Германскую имперію и стоящему во главѣ ея. Это языкъ—старо-прусскій или древне-прусскій (altpreussisch), то-есть, языкъ древнихъ Пруссовъ, частью истребленныхъ, частью же ассимилированныхъ Нѣмцами-крестоносцами, заимствовавшими отъ нихъ свое названіе, какъ названіе географическое, то-есть, названіе страны, въ которой жили древніе Пруссаки-Литовцы.

Въ настоящее время Литовцы живутъ въ Восточной Пруссіи и, затѣмъ, по преимуществу въ Россіи и Царствѣ Польскомъ (то-есть, въ губерніяхъ Копенской, въ части Виленской и Сувалкской). Литовскіе говоры распадаются на вѣсколько группъ. Самыя значительныя (хотя въ сущности весьма незначительныя) отличія виѣются между „верхними“ Литовцами (Hochlitauer) или Литвянами и Жмудинами или Жемайтцами (Samagitier). Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что названія „Жмудины“ и „Литвяны“ (Литовцы) въ лингвистико-этнографическомъ смыслѣ далеко не совпадаютъ съ ихъ историческимъ значеніемъ и съ ихъ популярнымъ употребленіемъ въ настоящее время. Многіе называютъ „Жмудинами“ всѣхъ настоящихъ Литовцевъ, въ противоположность „Литвянамъ“, то-есть, людямъ не литовскаго, но славянскаго этнографическаго происхожденія, живущимъ въ Литвѣ, или же въ противоположность „Литвянамъ“, какъ вообще жителямъ исторической Литвы безъ различія ихъ происхожденія. При такомъ взглядѣ вмѣсто названія „литовскій языкъ“ употребляютъ „языкъ жмудскій“.

Литовскій языкъ слѣдуетъ въ извѣстномъ смыслѣ считать языкомъ литературы, такъ какъ онъ служитъ органомъ особой письменности, состоящей не изъ однихъ такъ-называемыхъ произведеній народнаго творчества, но и изъ сочиненій индивидуальнаго характера. Въ прежнее время центръ литературной дѣятельности Литовцевъ былъ въ предѣлахъ Русскаго государства; теперь онъ перенесенъ въ Пруссію, гдѣ даже основано въ Тильзитѣ (Tilsit) общество любителей литов-

скаго языка и словесности. Слѣдуетъ замѣтить, что между литературною дѣятельностью Литовцевъ въ Россіи и въ Пруссіи мало общаго. Ихъ раздѣляетъ, во первыхъ, принадлежность къ разнымъ государственнымъ особямъ, а во вторыхъ, религія: русско-польскіе Литовцы—католики, прусскіе же—лютеране.

Въ гораздо лучшихъ обстоятельствахъ живутъ Латыши. Племя, говорящее на латышскихъ говорахъ, изъ среди которыхъ выросъ литературный латышскій языкъ, живетъ въ губерніяхъ Курляндской, въ половинѣ Лифляндской и (въ незначительномъ количествѣ) въ Витебской. Латыши—по преимуществу протестанты, частію же православные.

Изъ живущихъ въ настоящее время аrio-европейскихъ языковъ литовскій языкъ сохранилъ древнѣйшее состояніе, какъ со стороны звуковъ, такъ и со стороны формъ. Въ этомъ отношеніи онъ немногимъ уступаетъ санскриту. Но изученіе литовскаго языка для чисто лингвистическихъ цѣлей гораздо важнѣе изученія санскрита, и именно потому, что санскритъ сохранился только въ письменныхъ памятникахъ, а литовскій языкъ живетъ до сихъ поръ въ устахъ народа; слѣдовательно, мы всегда можемъ провѣрить возникающія сомнѣнія и изучить этотъ языкъ во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ до мельчайшихъ тонкостей и подробностей. Литовскій языкъ мы можемъ непосредственно наблюдать и даже производить въ его области, относительно напримѣръ, его антропофонической (звуко-физиологической) стороны, извѣстнаго рода опыты; между тѣмъ, имѣя дѣло съ санскритскими памятниками, мы, относительно нѣкоторыхъ весьма важныхъ особенностей свойственнаго имъ языка, обречены на вѣчное незнаніе.

9) Послѣднюю аrio-европейскую семью въ Европѣ (а теперь уже и въ Азіи, то-есть, въ Сибири) составляетъ самая славянская. Сначала представимъ ея чисто лингвистико-этнографическое дѣленіе, и затѣмъ скажемъ только нѣсколько словъ о литературныхъ, литературно-церковныхъ и литературно-государственныхъ языкахъ, выросшихъ на ея почвѣ.

Съ чисто-естественной (лингвистико-этнографической или діалектологической) точки зрѣнія, славянская семья распадается на слѣдующія вѣтви:

1) Вѣтъ русская, самая обширная и многочисленная, распадается прежде всего на группу нарѣчій и говоровъ великорусскихъ или сѣвернорусскихъ, а затѣмъ, на группу нарѣчій и го-

воровъ малорусскихъ или южнорусскихъ. Великоруссы живутъ въ одной только Россіи, Европейской и Азіатской, Малоруссы же, кромѣ Россіи, населяютъ еще нѣкоторую часть территоріи Австро-Венгрии (часть Галиціи, Буковины и Венгрии).

Отъ великорусской группы въ обширномъ смыслѣ этого слова отдѣляется группа говоровъ бѣлорусскихъ (кривичскихъ), носители которыхъ, то-есть, говорящіе на нихъ люди, живутъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ Россіи (частью въ Смоленской, затѣмъ въ Витебской, Могилевской, Минской, Виленской и Гродненской).

Великорусская группа въ тѣсномъ смыслѣ (безъ бѣлорусской) распадается на двѣ главныя части: сѣверную, „окающую“, и южную, „акающую“, не говоря о менѣе значительныхъ діалектическихъ отгѣнкахъ. Конечно, всѣ эти названія пока весьма относительныя, въ виду особенно малаго знакомства съ отличительными чертами отдѣльныхъ русскихъ говоровъ и съ ихъ географическимъ распредѣленіемъ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, нельзя установить рѣзкой границы между говорами бѣлорусскими и малорусскими, съ одной стороны, а съ другой стороны — между говорами малорусскими и великорусскими въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Недостатокъ данныхъ не позволяетъ рѣшить, на сколько вѣрно это мнѣніе. Теоретически въ немъ нѣтъ ничего невозможнаго.

Какъ въ области великорусской, такъ и въ области малорусской, можно отличить нѣсколько діалектическихъ отгѣнковъ. Но здѣсь эти отгѣнки не столь значительны, что и совпадаетъ съ меньшею распространенностью Малорусскаго племени.

2) Если и нѣтъ рѣзкой, опредѣленной границы между говорами великорусскими и малорусскими, то ужъ во всякомъ случаѣ говоры польскіе своими характеристическими особенностями рѣзко отличаются отъ сосѣднихъ имъ говоровъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ.

По своимъ главнымъ, древнѣйшаго происхожденія характеристическимъ особенностямъ, польскіе говоры составляютъ одну группу съ говорами кашубскими, полабскими и лужицкими. Эти три только что названія группы принадлежатъ Славянамъ, все болѣе ассимилируемымъ окружающимъ ихъ Нѣмецкимъ племенемъ.

Отъ полабскихъ (на Эльбѣ живущихъ) Славянъ не осталось теперь ни одного человѣка: послѣдній, говорившій по-полабски, умеръ въ прошломъ столѣтіи; потомки же прежнихъ Полабовъ или Полаблянъ совершенно опѣмечены. Кромѣ названія, единственнымъ слѣ-

домъ существованія когда-то Полабовъ служить скудные письменные памятники (писанные Нѣмцами) и мѣстныя названія ихъ прежней территоріи, на сколько вивеллирующая рука германизаторовъ не стерла ихъ съ лица земли, какъ это заранѣе, еще до полного овѣмеченія Польскаго племени, съ захѣвательнымъ вандализмомъ старается она дѣлать въ польской части великаго герцогства Познанскаго.

Кашубовъ весьма немного, и живутъ они неподалеку отъ Данцига. Прогрессъ нѣмеченія ихъ можно прослѣдить исторически.

Лужичане или Сорбы (Сербы) окружены со всѣхъ сторонъ Нѣмцами и тоже таятъ по немножку: численность ихъ постоянно уменьшается. Они живутъ еще въ Саксоніи (около Баудена или Будишина) и въ Брандбургѣ (около Котбуса или Хотебужа) и распадаются на двѣ главныя части: Верхнихъ Лужичанъ (преимущественно въ Саксоніи) и Нижнихъ Лужичанъ (преимущественно въ Брандбургѣ).

Единственнымъ этнографически сильнымъ племенемъ этой группы является племя Польское, хотя и оно на своихъ западныхъ окраинахъ испытываетъ ту же участь, что его ближайшіе родичи, Кашубы и Лужичане, то-есть, или само постепенно нѣмечится, или же уступаетъ напору Нѣмцевъ, движущихся пока все болѣе и болѣе къ востоку. Это происходитъ главнымъ образомъ въ предѣлахъ Прусскаго королевства — въ восточной и западной Пруссіи, въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ, и наконецъ, въ Силезіи, — хотя и въ предѣлахъ Русскаго государства Нѣмецкое племя подвигается все болѣе на востокъ, вытѣсняя Поляковъ и Литовцевъ изъ ихъ прежнихъ владѣній.

Кромѣ Пруссіи, Поляки живутъ сплошнымъ населеніемъ въ Австріи (въ австрійской Силезіи и въ Галиціи), въ Царствѣ Польскомъ (кромѣ нѣкоторыхъ частей губерній Сувалской, Сѣдлецкой и Люблинской), и затѣмъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ губерній Виленской и Гродненской. Перемѣшанные съ Литовцами, съ Бѣлоруссами и Малоруссами, Поляки живутъ вообще въ городахъ, въ мѣстечкахъ и деревняхъ западныхъ губерній Россіи, въ особенности же—въ губерніяхъ Волынской, Гродненской, Виленской, Ковенской и Минской.

Конечно, въ области польской группы славянскихъ говоровъ есть нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ видоизмѣненій или диалектическихъ оттѣнковъ; но теперешнее состояніе польской диалектологіи не позволяетъ намъ сказать въ этомъ отношеніи ничего точнаго. Можно только отмѣтить отлічіе говоровъ такъ-называемыхъ

„мазурскихъ“, силезскихъ (въ нѣсколькихъ видоизмѣненіяхъ), польско-карпатскихъ, курийскихъ и т. д.

3) Слѣдующая вѣтвь, чешско-словацкая или словацко-чешская, распадается на двѣ главныя группы: словацкую и чешско-моравскую. Словаки населяютъ сѣверо-западный уголъ Венгрии, а Чехи или Чехо-Моравяне — славянскую часть Чехии, Моравии и непольскую территорію австрийской Силезіи. Незначительные отпрыски Чешско-Моравскаго племени существуютъ также въ прусской Силезіи, не говоря уже о чешскихъ поселеніяхъ въ Россіи, напримеръ, въ Волынской губерніи.

Диалектологія чешская довольно разработана, но все-таки не настолько, чтобы можно было съ точностью отдѣлить главныя группы чешско-моравскихъ говоровъ. Достаточно будетъ констатировать фактъ, что и здѣсь, какъ въ прочихъ областяхъ, встрѣчаемъ въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе значительное равнообразіе.

4) Вѣтвь сербо-хорватско-словинская отдѣлена отъ только что названной населеніемъ нѣмецкимъ и венгерскимъ. Она распадается на три главныя группы: сербо-хорватскую, словинскую и резьянскую.

Хотя людей, говорящихъ по-резьянски, весьма немного (около 3 ¹/₂ тысячъ), но тѣмъ не менѣе резьянскіе говоры довольно рѣзко отличаются какъ отъ говоровъ словинскихъ, такъ и отъ говоровъ сербо-хорватскихъ, для того, чтобы не смѣшивать ихъ ни съ тѣми, ни съ другими. Резьяне живутъ въ провинціи Удине (Udine) Итальянскаго королевства, на самой австрийской границѣ.

Нѣкоторые совершенно отдѣляютъ говоры словинскіе отъ сербо-хорватскихъ, и въ противоположность этимъ послѣднимъ, признаютъ ближайшее родство между говорами словинскими и болгарскими. По моему, болѣе общихъ чертъ можно замѣтить между говорами словинскими и сербо-хорватскими, нежели между словинскими и болгарскими. Извѣстенъ же фактъ, что есть группа собственно словинскихъ говоровъ, которую иные причисляютъ къ сербо-хорватскимъ, и которая во всякомъ случаѣ представляетъ нѣчто переходное отъ одной большой группы къ другой.

Населеніе, которому свойственны говоры словинскіе (крайно-словенскіе, „хорутанскіе“), занимаетъ всю Крайну, то-есть, провинцію Австріи со столицей Лайбахомъ (Laibach) или Любляною (Ljubljana), за исключеніемъ лишь незначительной части территоріи на югѣ, заселенной Нѣмцами-Кочеварами (Gottscheer); затѣмъ, оно

занимаетъ частичку Венгріи, южную часть Штирии, южную полосу Хорутаніи или Каринтіи, двѣ трети Горницкаго графства (Görg) (то-есть, его сѣверную гористую часть, тогда какъ приморская равнина занята Фриулянами или Фурланами и Итальянцами), окрестности Триеста и сѣверную часть Истрии. Кроме того, въ Словинцахъ, съ лингвистическо-этнографической точки зрѣнія, слѣдуетъ причислить Хорватовъ „Кайкавцевъ“, живущихъ въ провинціи Хорватіи или Кроаціи и въ бывшихъ военныхъ поселеніяхъ (Граничары), то-есть, именно тѣхъ Словинцевъ, которыхъ, какъ выше сказано, нѣкоторые причисляютъ къ Сербо-Хорватамъ.

Сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ въ области славянщины на столь незначительномъ пространствѣ нѣтъ такого значительнаго количества самыхъ разнообразныхъ диалектическихъ отбѣнковъ, какъ именно на территоріи, занимаемой Словинцами. Кроме многихъ другихъ диалектическихъ группъ мы можемъ отличать здѣсь двѣ главныхъ диалектическихъ полосы: сѣверо-западную (въ Каринтіи, въ сѣверной части славянскихъ владѣній Горницкаго графства и въ верхней, то-есть, сѣверо-западной Крайнѣ) и юго-восточную (отчасти въ Горницкомъ графствѣ, и затѣмъ, въ средней и нижней Крайнѣ, въ Штирии и въ Венгріи).

Сербо-хорватская группа простирается въ южной Венгріи, въ части провинціи Хорватіи или Кроаціи, не занатой Словинцами „Кайкавцами“, въ южной части Истрии, въ Венгерскомъ побережьѣ (Littorale) со столицей Рѣкою (Riska) или Фиуме (Fiume), на островахъ Адриатическаго моря, въ Далмаціи, въ Черногоріи, въ Босніи и Герцеговинѣ (вмѣстѣ съ бывшею турецкою Кроаціей), въ незначительной части сѣверо-западнаго угла нынѣшней Турціи, и наконецъ, въ независимомъ княжествѣ Сербскомъ. Кроме того, скорѣе къ Сербо-Хорватскому, чѣмъ къ Словинскому племени, слѣдуетъ причислить Славянъ, живущихъ въ Италіи въ провинціи Удине, на австрійской границѣ, на сѣверо-востокъ отъ Чивидале (Cividale) и на югъ отъ Реэи. Наконецъ, болѣе или менѣе значительныя сербо-хорватскія поселенія имѣются въ южной Италіи, въ бывшемъ Неаполитанскомъ королевствѣ, и въ Россіи.

Съ диалектологической точки зрѣнія Сербо-Хорваты распадаются прежде всего на двѣ части, на такъ-называемыхъ „Чакавцевъ“ и „Штокавцевъ“. Названія эти довольно куріознаго свойства: они заимствованы отъ вопросительныхъ мѣстоименій „ча“ и „што“ (что?),

употребляемыхъ этими Сербо-Хорватами ¹⁾). Между тѣмъ, хоть сколько выбудь научная классификація и общая характеристика известной группы нарѣчій и говоровъ не можетъ основываться на столь ничтожномъ свойствѣ, какъ употребленіе одного словечка, „ча?“ или „шта?“, тѣмъ болѣе что эти словечки со временемъ могутъ уступить мѣсто другимъ, и такимъ образомъ исчезнуть совершенно главный будто бы признакъ отличія. Но подобныя названія могутъ быть употребляемы, какъ техническіе термины, лишь бы только помнить, что они условныя знаки, съ которыми соединяется представленіе о суммѣ другихъ свойствъ, гораздо болѣе важныхъ, чѣмъ свойство, соединяемое въ умѣ съ названіями „што-кавцы, и „ча-кавцы“ путемъ чисто этимологическимъ. Въ данномъ случаѣ названія эти совпадаютъ приблизительно съ дѣйствительнымъ распаденіемъ Сербо-Хорватскаго племени на двѣ группы по главнымъ и существеннымъ отличиямъ чертамъ свойственнымъ имъ говорамъ. Все же таки могутъ быть „Што-кавцы“ или „Шта-кавцы“ безъ „што?“ или „шта?“, и дѣйствительно, есть „Ча-кавцы“ безъ „ча“. Сюда принадлежатъ, между прочимъ, вышеупомянутые Славяне въ провинціи Удине, по главнымъ свойствамъ ихъ говоровъ подходящіе собственно подъ категорію „Ча-кавцевъ“, но все таки употребляющіе мѣстоименіе вопросительное не „ча?“, но „кай?“ или „кой?“ и, слѣдовательно, являющіеся, съ этой точки зрѣнія, не „Чакавцами“, а „Кайкавцами“ или „Койкавцами“. Съ этимъ названіемъ мы уже познакомились при обзорѣ Словенскаго племени и его подраздѣленій.

Кромѣ сѣверной Итали, такъ-называемые „Чакавцы“ живутъ на островахъ Адриатическаго моря, а на материкѣ ихъ территорія обнимаетъ сербо-хорватскую часть Истрия, и затѣмъ, тянется узкою полосой по побережью Адриатическаго моря, за исключеніемъ однако южной части Далмаціи.

Всѣ остальные Сербо-Хорваты—„Штокавцы“. „Штокавскіе“ сербо-хорватскіе говоры распадаются, въ свою очередь, на три группы, юго-восточныхъ „Иже-кавцевъ“, сѣверо-восточныхъ „Е-кавцевъ“ (Э-кавцевъ)—главнымъ образомъ въ княжествѣ Сербскомъ, и западныхъ

¹⁾ На употребленіи подобнаго рода словечекъ основано въ области языковъ романскихъ различіе между «langue d'Oc» (провансальскій) и «langue d'Oïl» или «langue d'Oil» (французскій). Точно также известное намъ уже названіе «Кайкавцевъ» принадлежитъ къ той же категоріи.

„И-кавцевъ“. Первые говорятъ, напримѣръ, ријека, бивјели, другіе—река, боли, третья же, наконецъ—рика, били (рѣка, бѣлый).

Конечно, всѣ эти дѣленія далеко не точны и не окончательны. Со временемъ классификація не только сербо-хорватскихъ, но и другихъ славянскихъ нарѣчій и говоровъ, должна будетъ быть построена на болѣе широкихъ и болѣе научныхъ основаніяхъ.

Въ заключеніе отдѣла о сербо-хорватскихъ говорахъ считаю нужнымъ замѣтить, что это—терминъ искусственный, то-есть, выдуманный учеными, а не заимствованный изъ жизни. Названія „Сербо-Хорваты“ или „сербо-хорватскій языкъ“ мы не встрѣтимъ ни въ національныхъ литературахъ Сербовъ и Хорватовъ, ни въ политикѣ, ни въ исторіи, ни въ какой бы то ни было области, кромѣ филологическихъ и лингвистическихъ изслѣдованій и разсужденій. Первоначально существовали рядомъ два названія Сербы и Хорваты, какъ названія племенныя. Затѣмъ, они были присвоены вѣдѣственнымъ провинціямъ или странамъ, Сербія и Хорватія, такъ что изъ нихъ вышли терминъ политическо-географическіе, не совпадающіе съ дѣйствительными этнографическими сходствами и различіями. Различіе вѣроисповѣданій способствовало распространенію названій „Хорваты“ и „Сербы“ за предѣлы географическіе. „Хорватами“ стали звать римскихъ католиковъ, „Сербамъ“ же—православныхъ того же племени. Какъ увидимъ впоследствии, въ связи съ этимъ находится тоже отличеніе двухъ алфавитовъ и двухъ письменностей или литературъ, хорватской и сербской. Въ настоящее время географическое названіе „Хорватія“ или „Кроація“ (Hrvatsko, Croation) вовсе не совпадаетъ съ этнографическимъ распредѣленіемъ Славянскихъ племенъ, живущихъ въ этой провинціи: значительная часть ея населена не настоящими Хорватами, въ этнографическомъ смыслѣ этого слова, а Словинцами („Кайнавцами“), и даже столица Хорватіи, Загребъ, лежитъ въ ея словинской части.

5) Остается еще болгарская вѣтвь славянскихъ нарѣчій и говоровъ. Носители болгарскихъ говоровъ, то-есть, Болгарское племя или Болгаре населяютъ всю славянскую часть Балканскаго полуострова, за исключеніемъ сѣверо-западнаго угла, занятаго Сербо-Хорватами. Изъ неславянскихъ народностей Болгаре граничатъ съ сѣвера съ Румунами, съ востока и юга—съ Турками и Греками, съ запада—съ Албанцами или Арнаутами. Такимъ образомъ они живутъ въ полунезависимомъ княжествѣ Болгарскомъ, въ автономической Рү-

меліи, въ княжествѣ Сербскомъ, въ Македоніи, въ Фессаліи, въ незначительномъ количествѣ въ Албаніи, и наконецъ, у устьевъ Дуная, какъ въ Румуніи, такъ и въ Россіи.

Кромѣ менѣе значительныхъ группъ, болгарская вѣтвь славянскихъ нарѣчій и говоровъ распадается на двѣ главныя группы: сѣверо-восточную или дунайско-балканскую и юго-западную или македонскую.

Кончивъ такимъ образомъ обзоръ славянскаго міра съ точки зрѣнія чисто діалектологической или племенной, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію литературныхъ языковъ, развившихся на этой почвѣ и служащихъ однимъ изъ главныхъ отличительныхъ признаковъ отдѣльных славянскихъ народовъ или національностей.

Литературные языки могутъ быть нѣсколькихъ родовъ, сводящихся къ слѣдующимъ главнымъ категоріямъ:

1) Языки церковно-литературные и административно-литературные, служащіе письменнымъ органомъ или государства вообще, или же только администраціи въ извѣстной части государства. Въ первомъ случаѣ это будутъ языки государственно-литературные, во второмъ—административно-литературные. Такъ напримѣръ, въ Россіи государственно-литературнымъ является языкъ русскій, но напримѣръ, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ рядомъ съ нимъ существуетъ языкъ нѣмецкій, какъ языкъ мѣстной администраціи.

Особый видъ государственнаго языка составляетъ языкъ дипломатическій, каковымъ для Россіи, напримѣръ, какъ и для всей вообще Европы, служитъ въ настоящее время языкъ французскій. Но такъ какъ ни одинъ изъ славянскихъ языковъ не употребляется въ дипломатическихъ международныхъ сношеніяхъ, то эта категорія не можетъ имѣть примѣненія въ области славянскихъ языковъ.

3) Третью общую категорію литературныхъ языковъ составляютъ языки литературные въ строгомъ смыслѣ этого слова, то-есть, языки, употребляемые въ письменности свѣтской и служащіе органомъ науки и изящной литературы того или другаго народа.

Чаще всего строго-литературное употребленіе совпадаетъ съ употребленіемъ церковнымъ и прежде всего административнымъ; но это далеко не всеобщее явленіе, и въ особенности въ славянской области мы должны постоянно помнить объ этихъ отличіяхъ.

Какіе же имѣются (или же имѣлись) у Славянъ церковно-литературные языки?

Первое мѣсто по своей важности и своеобразности занимаетъ здѣсь древній „церковно-славянскій“ или старо-славянскій языкъ. Въ памятникахъ его отразилось относительно самое древнее состояніе славянскихъ языковъ. Естественно, этотъ языкъ долженъ былъ имѣть какое-нибудь народное начало, то-есть, могъ производиться только путемъ примѣненія того или другаго народнаго говора или группы говоровъ къ извѣстнаго рода литературнымъ потребностямъ. Слѣдовательно, какая же изъ живущихъ въ настоящее время группа славянскихъ говоровъ находится въ ближайшей родственной связи съ древнимъ церковно-славянскимъ языкомъ? На этотъ вопросъ существуетъ нѣсколько отвѣтовъ, но между ними выдѣлится теперь только два: одни ищутъ начала старо-славянскому языку въ области болгарской группы, другіе же видятъ въ немъ одну изъ вѣтвей народнаго языка „Паннонскихъ“ Словенцевъ (Словеновъ, Славявъ), потому что которыхъ лишились своей національности и смѣшались съ другими иноплеменными, не славянскими народностями. По моему, одно вѣрно, а именно то, что языкъ старо-славянскій принадлежитъ къ южно-славянскимъ языкамъ, не можетъ находиться въ ближайшемъ родствѣ съ сербо-хорватскимъ, и наконецъ, нѣкоторыми своими свойствами ближе всего подходитъ къ болгарскому; но дѣйствительные ближайшіе его родичи между существующими теперь группами южно-славянскихъ говоровъ пока не найдены, и вѣроятно, никогда не будутъ найдены.

Въ первоначальномъ своемъ видѣ старо-славянскій языкъ сохранился только въ древнѣйшихъ памятникахъ, да и то, какъ кажется, съ довольно значительными отступленіями. Связанный главнымъ образомъ съ православіемъ, онъ употреблялся именно у православныхъ Славянъ, то-есть, у Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ, да кромѣ того, у Румуновъ. Принараживаясь къ живой рѣчи различныхъ славянскихъ племенъ, онъ въ скоромъ времени распался на нѣсколько оттѣнковъ, которые, все болѣе и болѣе увеличиваясь, дали начало особеннымъ церковно-славянскимъ языкамъ у Сербовъ, у Болгаръ и у Русскихъ. Но вслѣдствіе взаимнаго общенія и водѣйствія однихъ православныхъ Славянъ на другихъ, связь между этими равными видоизмѣненіями церковно-славянскаго языка постоянно сохранялась и была причиной ихъ взаимнаго вліянія другъ на друга. А такъ какъ съ теченіемъ времени центръ православія перенесся съ Балканскаго по-

луострова въ Россію, то, понятно, русское видоизмѣненіе церковно-славянскаго языка стало руководящимъ и для другихъ православныхъ Славянъ—Сербовъ и Волгарь. Что касается Румуновъ, то ихъ церковно-славянскій языкъ ближе всего подходитъ къ болгарскому видоизмѣненію, а будучи языкомъ совершенно чуждымъ, то-есть, находясь въ такомъ болѣе или менѣе отношеніи къ народному румынскому языку, въ какомъ церковный латинскій находится къ народному языку Чеховъ или Поляковъ, онъ не могъ подвергаться никакому вліянію румынскаго языка и сохранилъ приблизительно тотъ же видъ, въ какомъ онъ когда-то былъ заимствованъ Румунами. У Русскихъ, понимая подъ этимъ какъ Великоруссовъ, такъ и Малоруссовъ, церковно-славянскій языкъ, по крайней мѣрѣ въ произношеніи, представляетъ два разные оттѣнка, смотря по употребленію его духовенствомъ великорусскимъ, или малорусскимъ. Въ Россіи эти оттѣнки въ настоящее время болѣе или менѣе сглажены, но видъ предѣловъ Русскаго государства, а именно у униатовъ-Малоруссовъ Австрійской имперіи, существуетъ своеобразный церковно-славянскій языкъ, сходный съ языкомъ, употреблявшимся раньше у польскихъ униатовъ. Этотъ языкъ значительно ближе къ народному языку Малоруссовъ, нежели церковно-славянскій языкъ Россіи—даже къ народному языку Великоруссовъ; мало того, въ произношеніи оба эти языка, униатскій церковно-славянскій и народный малорусскій, почти тождественны.

При этомъ не лишне замѣтить, что въ основу теперешняго общерусскаго церковно-славянскаго языка легъ языкъ церковно-славянскій, употреблявшійся въ свое время прежде всего у Малоруссовъ. Изъ Константинополя и вообще изъ Византіи путь въ сѣверо-восточную Русь идетъ черезъ юго-западную Русь, населенную Малоруссами. Вообще, вслѣдствіе своего положенія, юго-западная Русь гораздо раньше сѣверо-восточной прислонилась къ Европѣ, вліявшей на нее съ двухъ сторонъ, юго-западной (вліяніе византійское) и сѣверо-западной (вліяніе латино-польское). Многія основныя особенности общерусскаго церковно-славянскаго языка объясняются только тѣмъ, что центромъ церковнаго просвѣщенія на Руси былъ первоначально Кіевъ.

Древній церковно-славянскій или старо-славянскій языкъ сложился еще до окончательнаго раздѣленія церкви Восточной и Западной, и первоначально онъ предназначался, какъ общій церковный языкъ, для всѣхъ Славянъ-христіанъ, какому бы толку они ни принадле-

жали. По крайней мѣрѣ славянскіе апостолы Кириллъ и Мессодій получили отъ папы разрѣшеніе пользоваться этимъ языкомъ для распространенія между Славянами римскаго католичества, то-есть, католичества съ папою во главѣ. И въ самомъ дѣлѣ имѣются слѣды употребленія славянскаго языка въ богослуженіи и у западныхъ Славянъ. Но сильная оппозиція со стороны епископовъ и вообще иноплеменнаго католическаго духовенства (въ особенности же нѣмецкаго) помѣшала окончательному пріивитію у Славянъ-католиковъ богослуженія на народномъ языкѣ и вмѣсто него ввела почти повсемѣстно латинскій. Только весьма незначительная часть Хорватовъ-католиковъ, употребляющихъ такъ-называемую глаголическую азбуку, сохранила въ церковныхъ книгахъ языкъ славянскій, какъ и вообще Хорваты, по отношенію къ Риму, сохранили болѣе самостоятельности, чѣмъ, напримѣръ, Словинцы, Чехи и Поляки. Этотъ церковно-славянскій языкъ у Хорватовъ смѣшался со временемъ съ народнымъ хорватскимъ, такъ что въ настоящее время, кромѣ нѣкоторыхъ архаизмовъ, это — просто хорватскій языкъ. Территорія, на которой употребляется этотъ богослужебный хорватскій языкъ, все болѣе и болѣе суживается въ пользу языка латинскаго, такъ что, сколько мнѣ извѣстно, въ настоящее время хорватскіе священники служатъ обѣдно на хорватскомъ языкѣ только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Истріи и на островахъ Адриатическаго моря. Кромѣ того, изъ Славянъ, признающихъ главенство папы, одни только русскіе униаты (теперь существующіе только въ Австріи) пользуются славянскимъ богослужебнымъ языкомъ.

Конечно, рядомъ съ латинскимъ языкомъ, употребляемымъ для богослуженія, у всѣхъ Славянъ-католиковъ употребляются и ихъ народныя языки для проповѣдей, молитвъ, церковныхъ пѣсней и вообще для тѣхъ областей церковной службы, въ которыхъ необходимо или дѣятельное участіе или по крайней мѣрѣ пониманіе языка со стороны вѣрныхъ.

Вполнѣ народнымъ языкомъ пользуются священники у Славянъ-протестантовъ, къ которымъ принадлежатъ большинство Лужичанъ, ватѣмъ частічка Камубовъ, Поляковъ (сплошнымъ населеніемъ въ восточной и западной Пруссіи и въ австрійской Силезіи, а спорадически въ разныхъ мѣстностяхъ), Чеховъ, Словаковъ и др. Одну изъ основъ протестантства составляетъ, какъ извѣстно, употребленіе настоящаго народнаго языка, между тѣмъ какъ у православныхъ не говоря уже о церковно-славянскомъ языкѣ у Румынъ, и у самихъ

Славянь церковно-славянскій языкъ только отчасти понятенъ народу. Известно тоже, что начало новѣйшихъ литературныхъ языковъ Европы совпадаетъ съ возникновеніемъ эпохи возрожденія и реформациі.

У Славянъ-протестантовъ въ предѣлахъ Германской имперіи, какъ у Поляковъ, такъ и у Лужичанъ, до сихъ поръ держится въ молитвенникахъ и т. п. книгахъ употребленіе готическаго алфавита (швабахъ), то-есть, видоизмѣненнаго въ средніе вѣка алфавита латинскаго. Употребленіе прямого латинскаго алфавита (антиквѣ) считается тамъ признакомъ католицизма.

Государственно-литературные языки у Славянъ встрѣчаются только при независимости государства, въ которомъ преобладаетъ одно изъ Славянскихъ племенъ. Такимъ прежде всего является языкъ русскій, сложившійся въ Московскомъ государствѣ на церковно-славянской подкладкѣ. Но на сколько характеръ русскаго церковно-славянскаго языка обуславливается преимущественно тѣмъ, что известное время центромъ церковнаго просвѣщенія на Руси былъ Кіевъ, на столько при формированіи государственнаго и административнаго языка Россіи взялъ перевѣсъ ея политическій центръ, то-есть, Москва. Освобожденію государственнаго языка отъ церковно-славянскихъ элементовъ значительно способствовали преобразованія Петра Великаго и его сподвижниковъ въ разныхъ отрасляхъ общественной и литературной дѣятельности. Не смотря на очищеніе русскаго письменнаго языка отъ церковно-славянизмовъ, въ немъ все-таки осталась известная примѣсь церковно-славянскаго языка, и можно сказать, что теперешній русскій письменный языкъ, не только государственно-административный, но и литературный, по своему происхожденію и дальнѣйшему развитію является церковно-славянскимъ языкомъ, видоизмѣненнымъ подъ сильнымъ влияніемъ языка народнаго.

Кромѣ русскаго языка, имѣются въ славянской области еще слѣдующіе языки государственнаго значенія: языкъ сербскій (въ княжествѣ Сербскомъ и въ Черногоріи) и (въ новѣйшее время) языкъ болгарскій (въ княжествѣ Болгарскомъ). Въ прежнее время существовали еще государственные славянскіе языки: польскій (въ Польшѣ), бѣлорусскій (въ великомъ княжествѣ Литовскомъ), хорватскій (въ независимой Хорватіи) и др.

Въ предѣлахъ Русскаго государства русскій языкъ одинъ изъ славянскихъ служитъ языкомъ школы и внутренней администраціи.

Въ Австріи, вслѣдствіе ея состава изъ различныхъ исторически

однородныхъ и въ извѣстной степени автономныхъ провинцій съ разнообразнымъ населеніемъ, для внутренней администраціи, по крайней мѣрѣ по основнымъ государственнымъ законамъ, равноправны всѣ языки, въ томъ числѣ и слѣдующіе славянскіе: польскій, малорусскій или русинскій, чешскій, словинскій и хорватскій. Въ дѣйствительности, равноправность этихъ языковъ осуществляется не въ одинаковой мѣрѣ. Такъ самыми широкими правами въ этомъ отношеніи пользуется языкъ польскій, рядомъ съ нѣмецкимъ имѣющій въ Галиціи перевѣсъ надъ русинскимъ или галицко-малорусскимъ, который однакожь признанъ и допущенъ какъ въ школахъ, такъ и въ администраціи. Затѣмъ идетъ чешскій языкъ въ Чехіи, уступающій все-таки въ школахъ и администраціи языку нѣмецкому. Подобнымъ образомъ въ Далмаціи и Истріи итальянскій языкъ, рядомъ съ нѣмецкимъ, оттѣсняется на второй планъ народный языкъ хорватскій. Не въ лучшія условія поставленъ, по отношенію къ нѣмецкому, языкъ словинскій, не только въ провинціяхъ, гдѣ рядомъ съ Словинцами живутъ другія народности, но даже въ Крайнѣ, почти исключительно населенной Словинцами. Въ маленькихъ провинціяхъ Австріи, со смѣшаннымъ населеніемъ, языки отдѣльныхъ національностей ступенькаются передъ государственнымъ языкомъ—нѣмецкимъ. Такъ напримѣръ, въ Буковинѣ, гдѣ рядомъ съ Румунами живутъ Русины, затѣмъ въ австрійской Силезіи, населенной на половину Поляками, на половину Чехами, съ незначительною примѣсью Нѣмцевъ, въ Моравіи, гдѣ тоже языкъ чешскій оттѣсненъ на второй планъ нѣмецкимъ, и т. д. Равноправность всѣхъ языковъ Австрійской имперіи признается однако въ томъ, напримѣръ, смыслѣ, что надписи на присутственныхъ мѣстахъ, въ особенности же на почтѣщеніяхъ почтоваго вѣдомства, поставлены на мѣстныхъ языкахъ данной провинціи. Такъ, въ Горницкомъ графствѣ на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ, рядомъ съ нѣмецкими, красуются тоже надписи на языкахъ итальянскомъ и словинскомъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что въ Австріи, какъ впрочемъ и въ другихъ государствахъ, администрація центральныхъ учреждений и администрація мѣстная, провинціальная—двѣ разныя вещи. Въ отношеніи равноправности языковъ, центральныя административныя учрежденія проявляютъ болѣе терпимости, нежели провинціальныя. Такъ напримѣръ, въ упомянутомъ уже Горницкомъ графствѣ со стороны центральныхъ государственныхъ властей словинскій языкъ испытываетъ гораздо меньшія ограниченія, нежели со стороны преобладающихъ, если не чис-

домъ, то вліяніемъ, въ этой провинціи Итальянцевъ (собственно Фурляновъ, усвоившихъ себѣ итальянскій литературный языкъ), стремящихся къ полному вытѣсненію словинскаго языка изъ официальнаго употребленія.

Въ венгерской половинѣ Австро-Венгерскаго государства условія нѣсколько другія. Тамъ исключительность и нетерпимость Мадьяръ не признаетъ правъ ни за какимъ другимъ языкомъ, кромѣ венгерскаго или мадьярскаго. Поэтому ни словацкій языкъ, ни сербскій, ни словинскій не приобрѣли себѣ до сихъ поръ въ Венгрии права гражданства въ административномъ мірѣ.

За то въ Хорватіи или Бродціи, соединенной съ Венгіей на условіяхъ автономіи, языкъ хорватскій преобладаетъ въ администраціи, съ устраненіемъ, какъ нѣмецкаго, такъ и мадьярскаго, хотя, напри- мѣръ, надписи на почтовыхъ бланкахъ и тамъ исключительно мадьярскія или венгерскія. Языкъ хорватскій признаетъ официальнымъ и во вновь присоединенныхъ провинціяхъ Босніи и Герцеговини.

Понятно, въ княжествѣ Сербскомъ и въ Черногоріи административнымъ и школьнымъ языкомъ служитъ языкъ сербскій.

Языкъ болгарскій играетъ роль административнаго и школьнаго языка не только въ княжествѣ Болгарскомъ, но, рядомъ съ греческимъ, и въ автономной Восточной Румелии.

Кромѣ того, въ Турціи, какъ прежде, такъ и теперь, въ мѣстностяхъ, населенныхъ Славянами, языками администраціи, кромѣ турецкаго, служатъ фактически тоже соответственные славянскіе языки: между Болгарами—болгарскій, между Сербами—сербскій.

Остальныя европейскія государства, владѣющія извѣстною частью Славянскаго племени, совершенно не обращаютъ вниманія на языки этихъ племенъ. Не говоря ужъ объ Италіи, гдѣ Славяне весьма немногочисленны и не имѣютъ никакихъ ни культурныхъ, ни литературныхъ преданій, — Пруссія не только не признаетъ правъ польскаго языка въ администраціи, но даже всѣми мѣрами старается ишатаь его употребленію для другихъ цѣлей. Нечего, стало быть, и упоминать о лужицкихъ языкахъ. Впрочемъ, въ прежнія времена, въ независимой Саксоніи верхне-лужицкій языкъ, хотя и не употреблялся въ администраціи, все же не испытывалъ гоненій.

Выше я нѣсколько разъ упоминалъ о языкѣ „сербскомъ“, отличномъ отъ „хорватскаго“, между тѣмъ какъ при обзорѣ Славянскихъ племенъ съ диалектологической или этнографической точки зрѣнія у

насть было только одно „Сербо-Хорватское“ племя. Спрашивается: откуда подобное различіе? чѣмъ оно обуславливается?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ исторія. Настоящіе Сербо-Хорваты, какъ теперь, такъ и раньше, составляли одно только племя. Но очень рано по историческимъ судьбамъ племя это было раздѣлено на двѣ части. Главнымъ виновникомъ этого раздѣленія оказалось вѣроисповѣданіе: одни подпали подъ власть папы, другіе же сдѣлались православными Восточной церкви, не говоря уже о такъ-называемыхъ „рenegатахъ“, принявшихъ вполнѣ магометанство. Съ различными вѣроисповѣданіями усвоены были и различныя алфавиты: католиками — латинскій, православными — видоизмѣненный греческій или кирилловскій. То и другое должно было вызвать почти полное литературное отчужденіе и развитіе своеобразныхъ литературныхъ преданій. Сербо-Хорваты католики получили со временемъ названіе Хорватовъ, православные же были отождествлены съ Сербамъ. Какъ православные, Сербъ подвергались вліянію православной церковной литературы, а носитель этой литературы, то-есть, церковно-славянскій языкъ, долженъ былъ вліять на языкъ сербскій, хотя, какъ мы видѣли, подвергался тоже сильному вліянію съ его стороны. До начала текущаго столѣтія сербскій церковно-славянскій языкъ примѣнялся, съ незначительными измѣненіями, и въ свѣтской литературѣ, на сколько она вообще существовала. Только въ вѣнѣншемъ столѣтіи знаменитый Вукъ Стефановичъ Караджичъ, можно сказать, создалъ чисто народный литературный языкъ Сербовъ, отвергнувъ всякія церковно-литературныя преданія и ставъ исключительно на народную почву. Для этой цѣли онъ считалъ необходимымъ преобразовать вмѣстѣ съ тѣмъ алфавитъ, заимствовавъ вѣнѣннюю его форму у Русскихъ, но вполнѣ самостоятельно примѣнивъ его къ обозначенію звуковъ роднаго языка. Это и было начало теперешняго литературнаго сербскаго языка.

Въ этомъ новомъ видѣ онъ почти тождественъ съ языкомъ хорватскимъ, который, совершенно независимо отъ него, развивался у Сербо-Хорватовъ-католиковъ, и на которомъ писали всегда латинскими буквами. Въ XVI и XVII вв., во время процвѣтанія дубровницкой и вообще далматинской литературы, существовалъ особый видъ литературнаго „хорватскаго языка“, нѣсколько отличный отъ того, который сталъ господствующимъ съ переселеніемъ центра литературнаго движенія Хорватовъ на сѣверъ занимаемой ими территоріи. Теперешній хорватскій языкъ сложился окончательно въ тоущемъ сто-

лѣтин, и какъ уже замѣчено, онъ почти тождественъ съ языкомъ сербскимъ. Съ легкой руки Наполеона I, создавшаго королевство Иллирское, языкъ хорватскій называли нѣкоторое время иллирскимъ или иллирскимъ.

Между литературными языками славянскими (то-есть, литературными въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) слѣдуетъ отличать языки литературные, употребляемые во всѣхъ отрасляхъ науки, изящной литературы и публицистики, и затѣмъ, языки болѣе ограниченаго круга, преимущественно народныя, ограничивающіеся небогатою изящною литературой (беллетристикою) и публицистикою. Конечно, между этими двумя крайними категоріями есть переходныя звенья, и затѣмъ какъ та, такъ и другая главная категорія дѣлится на нѣсколько второстепенныхъ.

Первое мѣсто между литературными славянскими языками, по своей распространенности и всесторонности, занимаетъ въ настоящее время языкъ русскій (великорусскій). Но если принять во вниманіе прошлое литературное развитіе, то русскому языку не уступить языкъ польскій. Языками общаго литературнаго значенія являются тоже языки чешскій, хорватскій и сербскій.

Гораздо ограниченнѣе литературный кругъ языковъ словинскаго (словенскаго, крайнскаго), болгарскаго, словацкаго (у Словаковъ въ сѣверо-западной Венгріи) и верхне-лужицкаго, который, можно сказать, держится только искусственно и со смертью нѣсколькихъ любителей-патріотовъ совершенно прекратилъ бы свое существованіе.

Нижне-лужицкій языкъ тоже служитъ органомъ известнаго рода литературы, состоящей изъ одной газеты для народа, изъ календаря и изъ нѣсколькихъ популярныхъ книжекъ. Вообще онъ въ этомъ отношеніи не многимъ выше кашубскаго литературнаго языка, „литература“ котораго зависитъ отъ дѣятельности одного человека, Флоріана Ценови (Florian Cenow).

Въ Галиціи, рядомъ съ польскимъ языкомъ, литературную роль играетъ и языкъ русинскій или рутенскій. Но, большинствомъ пишущихъ этимъ языкомъ стало не на чисто народную почву, и нѣ письменный языкъ представляетъ какую-то неудобоваримую смѣсь изъ церковно-славянскаго, русскаго (великорусскаго), польскаго, и наконецъ, галицко-малорусскаго. Смотря по симпатіямъ и привыч-

камъ писателей, преобладаетъ то тотъ, то другой элементъ. Этотъ же языкъ, съ различными видоизмѣненіями, въ употребленіи у Русиновъ Буковины и сѣверо-восточной Венгріи.

Слѣдующіе литературные языки славянскіе пользуются латинскимъ алфавитомъ: польскій, чешскій, словацкій, словинскій, „хорватскій“, оба лужицкіе и кашубскій. Видоизмѣненная же кириллица (алфавитъ русско-гражданскій) примѣняется къ языкамъ русскому, малорусскому (въ различныхъ его видоизмѣненіяхъ), сербскому и болгарскому. Кромѣ того, Болгаре и Галиціи Русины употребляютъ тоже церковную кириллицу, которая господствуетъ исключительно въ православной церковной письменности. Объ употребленіи глаголицы у нѣкоторыхъ Хорватовъ-католиковъ и объ употребленіи „швабаха“ Славянами-протестантами въ Германской имперіи сказано выше.

Предназначая эту статью для русской публики, я столь пространно говорилъ объ языкахъ славянскихъ, какъ о самыхъ близкихъ изъ всѣхъ языковъ индо-европейскихъ или аrioевропейскихъ. Теперь вернемся къ обзорѣннѣю аrioевропейскихъ языковъ вообще. И прежде всего представимъ географическое распредѣленіе этихъ языковъ въ древности и въ новѣйшее время.

Въ древности Аrioевропейцы занимали часть Азіи и большую часть Европы. Съ теченіемъ времени нѣкоторыя семьи аrioевропейскихъ языковъ или же отдѣльные члены семей исчезли. Такъ на примѣръ, исчезли языки аrioевропейскіе Малой Азіи (кромѣ греческихъ говоровъ), исчезли готскія нарѣчія, нѣкоторыя славянскія и т. д. Другіе опять лишились значительной части прежней своей территоріи. Сюда принадлежатъ Кельты и Литовцы. Третьи, наконецъ, все болѣе и болѣе разрастаются и приобрѣтаютъ все новыя земли. Довольно упомянуть о громадномъ постепенномъ распространеніи нѣкоторыхъ членовъ семей романской и германской; между славянскими русскій языкъ принадлежитъ тоже ко все болѣе и болѣе распространяющимся.

Открытіе Америки открыло Аrioевропейцамъ доступъ въ эту часть свѣта, куда они и хлынули, безпощадно истребляя болѣе или менѣе цивилизованныхъ туземцевъ (автохтоновъ).

Въ настоящее время въ Азіи по прежнему живутъ только двѣ семьи аrioевропейскихъ языковъ, то-есть, семьи индійская и иранская (эранская) или персидская (къ которой причисляемъ тоже

Курдовъ, Афганцевъ, Осетинновъ и даже Армянъ). Эти двѣ семьи принадлежать къ семьямъ, если не суживающимся въ своихъ владѣнiяхъ, какъ Бельги или Литовцы, то по крайней мѣрѣ не увеличивающимся. Кроме того, въ Азiи живутъ Англичане и другiе Европейцы Аrioевропейскаго племени, какъ позднѣйшiе поселенцы (колонисты). Въ Сибири преобладаетъ теперь Славянское племя въ лицѣ Русскихъ.

Точно также поселенцами живутъ Европейцы Аrioевропейскаго племени въ Африкѣ и Австрали. Въ Африкѣ—главнымъ образомъ Англичане, Голландцы и Французы. Теперешнюю южно-африканскую войну ведутъ именно Англичане съ голландскими поселенцами.

Почти всю Америку населяютъ въ настоящее время отпрыски разныхъ европейскихъ народовъ Аrioевропейскаго племени. Прежнiе туземцы адѣсь остаются только въ ничтожномъ количествѣ. Въ Сѣверной Америкѣ преобладаетъ Германское племя, Англичане, въ Южной же (со включенiемъ Мексики) — племя Романское, Испанцы и Португальцы.

Наконецъ, почти вся Европа (со включенiемъ Кавказа) заселена народами, языки которыхъ принадлежать къ аrioевропейской отрасли. Народы и племена Европы, не принадлежащiе къ Аrioевропейцамъ, только слѣдующiе:

Баски въ Испанiи и во Францiи (совершенно особаго племени),
 Венгерцы или Мадыры (Финскаго племени),
 Эсты, Финны (съ Лопарями) и другiя финскiя племена, живущiя въ Россiи,
 Турки, Татары и Чуваши,
 Кавказскiя племена, говорящiя на своеобразныхъ языкахъ.

Послѣ этого не лишнимъ будетъ, какъ полагаю, рассмотреть отдѣльныя европейскiя государства съ точки зрѣнiя ихъ одноплеменности или разноплеменности.

Въ этомъ отношенiи мы будемъ отличать:

1) государства совершенно чистыя, одноплеменныя, населенныя людьми одного только племени, понимая „одно племя“ въ томъ смыслѣ, какъ напримѣръ, племя Романское, Германское, Славянское и т. п.;

2) государства, въ которыхъ живутъ не аrioевропейскiя племена

или хотя бы только одно не аrioевропейское племя, но аrioевропейскій элементъ которыхъ однороденъ;

3) государства, населеніе которыхъ состоитъ изъ разноплеменныхъ Аrioевропейцевъ, но безъ примѣси не аrioевропейскаго элемента;

4) государства, въ составъ которыхъ входятъ какъ разноплеменные Аrioевропейцы, такъ и не аrioевропейскія племена.

При этомъ мы не станемъ обращать вниманіе на Цыганъ, по языку принадлежащихъ къ индійской семьѣ аrio-европейской отрасли. Не будемъ обращать на нихъ вниманія потому, что они до сихъ поръ являются кочевниками, которымъ чужда осѣдлая жизнь, хотя впрочемъ въ такихъ странахъ, какъ Венгрія или Румунія, гдѣ Цыгане живутъ въ значительномъ количествѣ, и они могли бы быть принимаемы въ соображеніе.

Что касается Евреевъ, то хотя по своему происхожденію они принадлежать къ народамъ и племенамъ, говорящимъ на семитическихъ языкахъ, тѣмъ не менѣе въ Европѣ по языку они должны быть причислены къ отдѣльнымъ аrio-европейскимъ народамъ. Такъ напримѣръ, въ Англіи они говорятъ по англійски, во Франціи по французски, въ Италіи по италіянски, и т. д. Въ Германіи Евреи, не смотря на всѣякія „Judenhetzen“, — Нѣмцы. Точно также они Нѣмцы въ Польшѣ и въ Россіи, если говорятъ на такъ-называемомъ „жидовскомъ жаргонѣ“; если же они ассимилируются окружающей средѣ, усваяя себѣ ея языкъ, они становятся Поляками, Русскими или т. п.

1) Итакъ, — оставляя въ сторонѣ маленькія государства въ родѣ республикъ Андоры, Сан-Марино и княжества Монако, — самыми однородными по составу населенія являются слѣдующія европейскія государства:

Португалія (племя Романское),

Голландія или Нидерланды (племя Германское) и

Данія съ Исландіей (племя Германское).

2) Затѣмъ, одно аrio-европейское племя живетъ рядомъ съ племенемъ не аrio-европейскимъ.

Въ Испаніи (племя Романское и Баски, — если не считать значительныхъ нѣмецкихъ колоній), да кромѣ того, въ Швеціи и Норвегій (племя Германское и Финны).

3) Нѣсколько (два и болѣе) аrio-европейскихъ племенъ встрѣчаются:

въ Бельгiи и Люксембургѣ (племя Германское и Романское),
 въ Швейцарiи (точно также племя Германское и Романское),
 въ Черногорiи (племя Славянское и Албанское или Шкипетарское),
 въ Сербiи (племена Славянское, Романское и Албанское),
 въ Греции (племя Греческое, Албанское и Романское),
 въ Германiи (племя Германское, Славянское, Литовское и Романское).

въ Италии (племена Романское, Славянское, Албанское, Греческое и Германское въ весьма ограниченномъ количествѣ) и, наконецъ,

въ Великобританiи и Ирландiи (племя Германское и Кельтское). На Мальтѣ же преобладающимъ является племя, говорящее языкомъ семитическимъ, близкимъ арабскому.

Если Албанию считать фактически полунезависимымъ государствомъ, то она то же сюда подойдетъ. Въ ней встрѣчаемъ племена: Албанское, Славянское и Романское.

4) Остаются государства съ самымъ разнообразнымъ составомъ населенiя, то-есть, такія, въ которыхъ встрѣчаются не только различные племена аrio-европейскiя, но и не аrio-европейскiя. Таковы: Францiя, гдѣ рядомъ съ Романцами и Кельтами живутъ Баски;

Румынiя, гдѣ рядомъ съ преобладающимъ романскимъ этнографическимъ элементомъ встрѣчаемъ Славянъ, Мадьяръ и, наконецъ, Турокъ съ Татарами;

Болгарiя, гдѣ встрѣчаемъ племена Славянское, Романское и Турецко-татарское;

Восточная Румынiя, гдѣ живутъ тѣ же племена, да кромя того Греческое и Албанское.

Въ остальной Европейской Турции то же самое: преобладающими являются племена Греческое, Славянское и Албанское, но рядомъ съ ними живутъ тоже племена Романское и Турецкое.

Австро-Венгрия представляетъ почти въ одинаковой этнографической силѣ изъ аrio-европейскихъ племена Славянское, Германское и Романское, а изъ не аrio-европейскихъ племя Мадьярское или Венгерское. Съ Босніей и Герцеговиной необходимо было захватить то же немножко Албанцевъ и Турокъ.

Самую пеструю этнографическую картину въ Европѣ представляетъ Европейская Россiя, въ особенности, если причислить къ ней Кавказъ. Здѣсь живутъ самыя разнообразныя, какъ аrio-европейскiя, такъ и не аrio-европейскiя племена.

Преобладающее племя въ Россiи Славянское, представляемъ часть ссуши, отд. 2.

тогого являются Русскіе (Великороссы съ Бѣлоруссами и Малороссы), Поляки, и затѣмъ, отдѣльныя поселенія Сербовъ, Болгаръ и Чеховъ.

Изъ другихъ аrio-европейскихъ племенъ мы встрѣчаемъ здѣсь сплошное населеніе Литовцевъ съ Латышами, Нѣмцевъ (Германцевъ) съ Евреями, Румуновъ (Романцевъ) и, затѣмъ, изъ азиатскихъ аrio-европейскихъ племенъ: Армянъ, Осетиновъ и Курдовъ. Присоединивъ къ нимъ Цыганъ, принадлежащихъ по языку къ индійской семьѣ, мы должны будемъ констатировать фактъ, что въ одной Европейской Россіи (не считая Азіатской), живутъ сплошною массою представители всѣхъ, за исключеніемъ Кельтовъ и Албанцевъ, семей аrio-европейскихъ языковъ, съ которыми мы познакомились выше.

Изъ не аrio-европейскихъ племенъ въ значительномъ количествѣ въ Россіи являются племена, языки которыхъ принадлежатъ къ урало-алтайской или финско-тюркской, иначе, туранской отрасли. Съ одной стороны, мы можемъ назвать Татаръ, Калмыковъ, Киргизовъ, Башкировъ, Чувашей и т. д., съ другой же—Эстовъ, Финновъ съ Лопарями, Зырянъ, Самоѣдовъ, Вогуловъ, Черемисъ, Мордву и т. д.

Наконецъ, на Кавказѣ можно отмѣтить много языковъ, не принадлежащихъ ни къ аrio-европейской, ни къ финско-тюркской отрасли.

Выше мы познакомились съ слѣдующими девятью главными семьями аrio-европейской или индо-европейской отрасли языковъ: индійскою, иранскою (иранскою) или персидскою, греческою, албанскою, италійскою или романскою, кельтскою, германскою, литовскою, и наконецъ, славянскою. Теперь спрашивается: нельзя ли между нѣкоторыми изъ этихъ семей признать ближайшаго родства, въ противоположность всѣмъ остальнымъ?

На этотъ вопросъ давались разными учеными самыя разнообразныя отвѣты, однаково неудовлетворительныя, и въ концѣ концовъ былъ высказанъ взглядъ, отрицающій правильность самой постановки вопроса.

Какъ бы то ни было, помимо всѣхъ измѣняющихся взглядовъ на этотъ предметъ, вѣрно то, что существуетъ болѣе близкая родственная связь, съ одной стороны, между языками семей индійской и иранской, съ другой же стороны—между языками семей литовской и славянской.

Существуетъ нѣсколько названій языковъ отрасли, поверхностное описаніе которой составляетъ, между прочимъ, предметъ этой статьи. Одни называютъ ихъ іафетическими, въ противоположность семитическимъ, другіе — арійскими, отъ Аріевъ или Арійцевъ, носителей ведическаго, и затѣмъ, санскритскаго языка. По этому же поводу нѣкоторые придадутъ всей отрасли названіе санскритской. Опять другіе, въ особенности Нѣмцы, постоянно употребляютъ названіе „языки индо-германскіе“, основываясь на томъ, что на крайнихъ предѣлахъ территоріи, заселенной племенами этой отрасли, живутъ-де съ востока Индійцы или Индусы, съ запада же „Германцы“. Кромѣ того существуютъ еще два названія той же отрасли: „языки индо-европейскіе“ и „языки аrio-европейскіе“. По моему, самымъ подходящимъ слѣдуетъ считать послѣднее названіе, „языки аrio-европейскіе“, какъ обнимающее собою все пространство, на которомъ жили эти племена въ древнѣйшее доступное для исторіи время. Названіе „Арійцы“ или „Ариі“ примѣнимо одинаково къ обѣимъ главнымъ семьямъ этой отрасли, жившимъ въ то время, какъ и до сихъ поръ живущимъ въ Азіи, то-есть, какъ къ Индійцамъ, такъ и къ Францамъ. Европа въ древнее время была населена по преимуществу племенами этой отрасли. Въ другихъ же частяхъ свѣта, и прежде всего въ Африкѣ, не было тогда вовсе Аrio-европейцевъ. Впрочемъ названіе не важно. Можно называть, какъ кому угодно, лишь бы понимать, въ чемъ дѣло.

Сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ должна представлять научное изслѣдованіе и описаніе языковъ индо-европейской или аrio-европейской отрасли въ ихъ взаимной связи.

И. Водунъ де-Нуртенъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Космологія (общеповѣстное изложеніе) А. Д. Пушлны. Часть I. Системы міра.
Книга I-я: геометрическія и динамическія отношенія небесныхъ тѣлъ.
С.-Петербургъ 1876—1880.

Болѣе тридцати пяти лѣтъ прошло съ того времени, какъ А. фонъ Гумбольдтъ мастерскою рукою представилъ, въ своемъ „Космосѣ“, картину вселенной сообразно съ тѣмъ, что въ его время считалось или точно извѣстнымъ или вѣроятнымъ. Знаменитѣйшіе современныя ученые охотно отвѣчали на вопросы, предлагаемые Гумбольдтомъ и доставляли ему свѣдѣнія, каждый по своей специальности; это облегчило трудъ автора и придало его книгѣ особенную занимательность.

Нынѣ физико-математическія науки расширились: нѣкоторыя изъ господствовавшихъ мнѣній замѣнились предположеніями, заслуживающими большаго довѣрія: открыты новыя способы изслѣдованій, которые доставили болѣе основательности нашимъ понятіямъ о разныхъ явленіяхъ во вѣншемъ мірѣ. Довольно упомянуть о спектральномъ анализѣ, чтобы напомнить о тѣхъ важныхъ приобрѣтеніяхъ, которыми обогатилась наука въ послѣднее время.

Изобразить всю совокупность современныхъ знаній о неорганической природѣ, отъ міра звѣздъ до молекулярнаго строенія матеріи, есть предметъ сочиненія, издаваемого нашимъ ученымъ соотечественникомъ. Задача весьма обширная, сложная и трудная, затрогивающая разнообразныя науки; автору пришлось рѣшать ее самому, безъ особенной посторонней помощи, и онъ рѣшилъ ее на столько удовле-

творительно, сколько допускали силы одного даровитого писателя, обладающего обширными свѣдѣніями.

Руководящимъ намѣреніемъ автора было писать не для специалистовъ, но вообще для образованныхъ читателей и потому онъ старался сдѣлать изложение столь возможно понятнымъ, не позволяя себѣ однако отступать отъ научной строгости заключеній. Въ этомъ именно состояла великая трудность работы; на сколько успѣлъ авторъ достигнуть своей цѣли,—это лучше всего оцѣнить читатели по мѣрѣ той пользы, которую извлекутъ изъ чтенія книги.

Первый томъ вышелъ въ свѣтъ въ 1880 году; въ 1-мъ его отдѣлѣ рассматривается фигура земли и въ 1-й главѣ сообщаются предварительныя свѣдѣнія, нужныя для объясненія предмета. Авторъ вообще принялъ въ основаніе вѣрныя понятія; встрѣчаются однакожъ нѣкоторыя выраженія, которыя едва ли можно одобрить; таковы наприхѣръ слѣдующія: небо отражаетъ въ нашъ глазъ всѣ пункты земной поверхности; небо есть для насъ бесконечно удаленная картинная сферическая поверхность; радіусъ небесной сферы не имѣетъ определенной величины, но нельзя его предположить меньше нѣкоторой весьма большой величины, и т. п.—Автору слѣдовало бы проще и определеннѣе сказать, что въ астрономіи подъ именемъ небесной сферы разумѣютъ геометрическое построеніе, которое служитъ для вычисленія угловъ исконыхъ помощію данныхъ. Для этой цѣли употребляется это построеніе также въ другихъ наукахъ; радіусъ сферы произволенъ; будетъ ли онъ великъ или малъ, это все равно.

Во 2-й и 3-й главахъ рассматриваются геодезическія измѣренія и ихъ послѣдствія, основанныя на сравненіи ихъ съ астрономическими наблюденіями и съ соображеніями, къ которымъ приводитъ аналитическая механика.

Земля совершаетъ въ каждыя сутки оборотъ около своей оси; механика показываетъ, что еслибы земля была жидкая масса, въ которой плотность частицъ, находящихся въ равныхъ отъ центра земли разстояніяхъ, была одинакова и возрастала по мѣрѣ приближенія къ центру, то поверхность земли представляла бы фигуру сфероида, близкаго къ шару и происходящаго отъ вращенія эллипса около его меньшей оси. Въ этомъ случаѣ отвѣсныя линіи располагались бы по нормалемъ къ эллипсоиду; но вслѣдствіе притяженій къ горамъ и разнобразнаго распредѣленія вещества внутри земной коры на разныхъ глубинахъ, фигура поверхности земли нѣсколько отступаетъ отъ фигуры эллипсоида, котораго поверхность выйдетъ въ нихъ мѣстахъ

выше, въ другихъ ниже земной поверхности, и отвѣсныя линіи, всегда перпендикулярны къ поверхности земли, уклоняются отъ нормалей къ эллипсоиду; эти послѣднія называетъ авторъ теоретическими нормальми.

Такия уклоненія обнаружены въ разныхъ странахъ; авторъ приводитъ любопытные тому примѣры. Въ Австріи, Италіи, на Кавказѣ и другихъ гористыхъ странахъ упомянутыя уклоненія очевидно зависятъ отъ притяженій къ горамъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ достигаютъ до очень значительныхъ величинъ, какъ показали изслѣдованія генерала Стебницкаго объ отклоненіяхъ отвѣсныхъ линій притяженіемъ Кавказскихъ горъ ¹⁾. На равнинахъ замѣчены также уклоненія, которыя вообще не велики и происходятъ отъ неоднобразнаго распредѣленія плотности вещества въ земной корѣ. Среднимъ числомъ эти уклоненія въ Европейской Россіи составляютъ около 2", но въ нѣкихъ мѣстахъ выходятъ болѣе. г. Швейцерь нашелъ въ окрестности Москвы уклоненіе отвѣсной линіи, которое простирается до 8" и уничтожается въ 12 верстахъ къ югу отъ города; въ большемъ удаленіи къ югу снова появляется уклоненіе, но уже располагается въ противную сторону.

Направленіе силы тяжести въ каждомъ на землѣ мѣстѣ совпадаетъ съ направлениемъ отвѣсной линіи и выводится изъ астрономическихъ наблюденій, которыми опредѣляется географическая широта мѣста. Напряженность, съ которою дѣйствуетъ сила тяжести, возрастаетъ съ удаленіемъ отъ экватора и вычисляется изъ опытовъ надъ быстротою колебаній отвѣснаго маятника; для этого нужно опредѣлить число колебаній маятника въ извѣстный промежутокъ времени, угловыя величины его размаховъ, вліяніе сопротивленія воздуха на быстроту колебанія маятника и разстояніе центра качаній этого маятника отъ оси вращенія. Быстрота колебаній одного и того же маятника, при другихъ равныхъ обстоятельствахъ, пропорціональна квадратному корню изъ силы тяжести и это даетъ средство къ изслѣдованію силы тяжести въ различныхъ точкахъ на земной поверхности.

Авторъ обозрѣваетъ въ 4-й главѣ опыты, производившіеся въ XVII, XVIII и XIX столѣтіяхъ надъ колебаніями маятника въ разныхъ странахъ. Еслибы устройство земли было таково, какое принимаютъ математики, изыскивавшіе фигуру земли по теоріи тяготѣнія и зако-

¹⁾ Приложеніе къ XVII тому Записокъ С.-Петербургской Академіи Наукъ 1870.

намъ механики, то можно было бы вычислить сжатіе земли изъ опытовъ, которые сдѣланы въ разныхъ удаленіяхъ отъ земного экватора надъ колебаніями маятника. Допуская предположенія знаменитыхъ математиковъ объ устройствѣ земли и основываясь на всей совокупности произведенныхъ по нынѣ градусныхъ измѣреній и опытовъ надъ колебаніями маятника, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Южная половина земли симметрична сѣверной ея половинѣ, то-есть той и другой соответствуетъ одинакое сжатіе. По опытамъ Фрейссне получается для южной половины земли сжатіе $\frac{1}{230,2}$, а по опытамъ Сабина выходитъ для сѣверной половины земли сжатіе $\frac{1}{230,1}$, то-есть почти то же самое.

2) Среднее общее сжатіе земли по опытамъ Борды, Біо, Кетера, Сабина, графа Э. П. Лютке и другихъ оказывается близкимъ къ $\frac{1}{230}$, что мало отличается отъ сжатія земли $\frac{1}{230}$, выведеннаго изъ градусныхъ измѣреній.

Эти заключенія допускаютъ гипотезу о жидкости вещества, составляющаго землю, и о послѣдовательномъ возрастаніи плотности этого вещества съ приближеніемъ къ центру земли. До нѣкоторой степени можно это принять, но дѣйствительное устройство земли болѣе сложно и нѣсколько отличается отъ предполагаемаго, какъ это доказываютъ мѣстные уклоненія въ направленіи и въ напряженности силы тяжести. Разногласія въ выводахъ сжатія земли по разнымъ градуснымъ измѣреніямъ и по опытамъ надъ колебаніями маятника могутъ происходить не отъ однихъ только погрѣшностей измѣреній и опытовъ, но также отъ несовпаденія дѣйствительности съ гипотезами объ устройствѣ земли. Поэтому едва ли справедливо мнѣніе автора, что только тѣ результаты опытовъ надъ колебаніями маятника должны быть признаны удовлетворительными, которые дадутъ сжатіе земли близко согласующееся съ сжатіемъ, которое получается изъ градусныхъ измѣреній. Самъ авторъ упоминаетъ о мѣстныхъ уклоненіяхъ въ направленіи и величинѣ силы тяжести сравнительно съ тѣмъ, что слѣдуетъ изъ теоріи, допускающей эллипсоидальный видъ земли. Наблюденія и опыты Кетера заслуживаютъ по ихъ точности высокаго довѣрія, которое нисколько не поколебалось отъ того, что этими опытами обнаружались въ разныхъ точкахъ англійскаго градусаго измѣренія такіа мѣстныя уклоненія въ дѣйствіи силы тяжести, что равныя сочетанія опытовъ надъ колебаніями маятника давали сжатіе земли, измѣнявшееся отъ $\frac{1}{230}$ до $\frac{1}{200}$. Подобныя явленія замѣчены

въ другихъ мѣстностяхъ, ихъ находили Сабинъ и французскіе ученые, тоже показываютъ опыты, произведенные въ Россіи между Торнео и Измайломъ. Сомнительность опытовъ слѣдуетъ выводить изъ разсмотрѣнія средствъ, помощію которыхъ производились опыты, и обстоятельствъ, въ которыхъ опыты, были дѣлаемы; если опыты безупречны, то несогласіе ихъ съ предполагаемымъ результатомъ даетъ поводъ къ исправленію самаго предположенія.

Размѣры и общее сжатіе земли уже хорошо опредѣлены; вышѣ особенно занимательны подробныя изслѣдованія мѣстныхъ уклоненій въ различныхъ странахъ, такъ какъ этимъ путемъ приобрѣтаются свѣдѣнія объ устройствѣ земной коры.

Нѣкоторыя изъ неравенствъ въ движеніи луны зависятъ отъ эллипсоидальной фигуры земли, ихъ объяснилъ Лапласъ и онъ показалъ какимъ образомъ изъ наблюденій надъ положеніями луны можно вычислить сжатіе земли; найденное имъ сжатіе равно $\frac{1}{100}$ и мало отличается отъ среднего вывода изъ всѣхъ градусныхъ измѣреній. Число, полученное Лапласомъ, не зависитъ отъ мѣстныхъ на землѣ уклоненій въ дѣйствіи силы тяжести, это составляетъ важное достоинство результата. Мы высоко цѣнимъ заслуги великаго геометра, но не раздѣляемъ мнѣнія нашего автора, что изысканіе упомянутаго луннаго неравенства есть наилучшій способъ опредѣлять сжатіе земли. Для рѣшенія разныхъ геодезическихъ задачъ выгоднѣе принимать то сжатіе земли, какое даютъ градусныя измѣренія.

II отдѣлъ книги содержитъ геометрической обзоръ различныхъ тѣлъ, находящихся въ нашей солнечной системѣ. Въ V главѣ говорится о шарообразной фигурѣ и величинѣ радиуса солнца, о пятнахъ, факелахъ и выступахъ (protuberances) на солнцѣ; свѣдѣнія о физическомъ устройствѣ солнца предполагаетъ авторъ наложить въ особой книгѣ.

Изъ наблюденій, произведенныхъ въ Парижѣ, Секи находятъ радиусъ солнечнаго диска, при одинаковыхъ расстояніяхъ солнца отъ земли, тѣмъ меньшимъ чѣмъ болѣе замѣчалось патентъ и выступовъ на солнцѣ. Изслѣдованія другихъ астрономовъ не подтвердили заключеній Секи. Вообще очень затруднительно измѣрять поперечникъ солнечнаго диска съ точностію до дробя секунды; по весьма хорошимъ наблюденіямъ Гринвичскихъ астрономовъ съ 1836 по 1847 годъ, поперечникъ солнечнаго диска, при среднемъ расстояніи солнца отъ земли, содержатъ $32' 3''6$; Парижскіе астрономы даютъ нѣсколько

метре, — $32' 2'' 4$, а немецкие астрономы еще метре; и такъ остается сомнѣніе почти до секунды.

Далѣе авторъ упоминаетъ о попыткахъ опредѣлить расстояние солнца отъ земли или найти горизонтальный параллаксъ солнца. Келлеръ и Тико-Брагъ полагали среднее расстояние земли отъ солнца равнымъ 1,200 радиусамъ земнаго шара, — почти такъ, какъ принималъ Аристархъ въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х. Измѣренія разности склоненій планеты Марсъ и сосѣднихъ съ нею звѣздъ въ разныхъ странахъ во время противостояній планеты съ солнцемъ, астрономъ XVIII вѣка убѣдился, что солнце отстоитъ отъ земли гораздо далѣе, нежели предполагали прежде, и что горизонтальный параллаксъ солнца не долженъ быть болѣе $10''$. Галлей предложилъ другое хорошее средство вычислять параллаксъ солнца, а именно замѣчать для этого съ разныхъ на землѣ точекъ время высшихъ и въ особенности время внутреннихъ прикосновеній темнаго диска планеты Венеры съ свѣтлыми краями диска солнца, тогда когда Венера кажущимся образомъ проходитъ чрезъ солнце. Изъ многихъ такого рода наблюденій въ прохожденіи Венеры чрезъ солнце въ 1761 и 1769 годахъ Энке вычислилъ средній горизонтальный параллаксъ солнца $8'',576$; это число близко согласовалось съ тѣмъ, которое Лампласъ находилъ изъ неравенствъ въ движеніи луны. Впоследствии однакожъ Гаусенъ и Леверрье, пользуясь новѣйшими наблюденіями, вывели изъ тѣхъ же неравенствъ нѣсколько болѣеій параллаксъ солнца.

Наблюденія надъ положеніями Марса въ его противостояніе съ солнцемъ въ 1860 году даютъ параллаксъ около $8'',85$; почти то же ($8'',88$) слѣдуетъ изъ наблюденій надъ положеніями малой планеты Флора въ ея противостояніе въ 1878 году. Наконецъ, изъ прохожденія Венеры черезъ солнце въ 1874 г. вывели параллаксъ около $8'',84$. Принимаемая нами средняя величина параллакса ($8'',85$) вѣроятно не содержитъ ошибки достигающей до $0'',1$.

Въ началѣ нашего вѣка Даламбръ вычислилъ изъ многихъ наблюденій надъ затмѣніями спутниковъ Юпитера, что, въ среднемъ разстояніи солнца отъ земли, свѣтъ доходитъ до насъ отъ солнца въ $8' 19'',24$ средняго времени. Отсюда легко можно заключить о скорости распространенія свѣта; эту же скорость можно найти изъ наблюденій надъ годовою абераціею звѣздъ; изъ такихъ наблюденій англійские астрономы нашли нѣсколько меньшую скорость свѣта, нежели какая слѣдуетъ изъ вычисленій Даламбра. Самое точное опре-

дѣленіе коэффициента годовой aberrации звѣзд сдѣлано въ Пулковской обсерваторіи; по изслѣдованіямъ В. Струве этотъ коэффициентъ равенъ $20''{,}44$; вмѣсто числа Деламбра надобно принять $8'$, $17''{,}84$ средн. вр. Нашъ авторъ предпочитаетъ однакожь число Деламбра, полагая, что оно лучше согласуется съ повѣйшими опытами, которые производили Физо, Фуко и Корню около Парижа надъ скоростію распространенія свѣта отъ земныхъ источниковъ свѣта. По результаты этихъ опытовъ болѣе между собою расходятся нежели опредѣленія В. Струве и Деламбра; нѣтъ никакого повода пріяимать, что изъ этихъ опытовъ вѣрнѣе получается скорость свѣта, нежели изъ астрономическихъ наблюденій.

Причину равногласія выводовъ скорости свѣта по различнымъ способамъ, авторъ объясняетъ тѣмъ, что величина коэффициента годовой aberrации можетъ быть различна для разныхъ звѣздъ. Нѣсколько разныхъ звѣздъ были наблюдаемы съ этою цѣлю; но никакой чувствительной разницы не оказалось. Мы не раздѣляемъ также мнѣніе автора, что всего рациональнѣе было бы изискивать коэффициентъ aberrации изъ опредѣленій aberrации планетъ.

Въ VI-й главѣ сообщаются свѣдѣнія о фазисѣ и фигурѣ луны, затѣннѣхъ луны и солнца, пепельномъ свѣтѣ в горахъ на лунѣ, поступательномъ и вращательномъ движеніи луны, ея среднѣмъ горизонтальномъ параллаксѣ и т. д. Авторъ упоминаетъ предположеніе Гавзена о томъ, что общая фигура луны можетъ быть яйцеобразною, то-есть не много вытянутою въ направленіи къ землѣ, и что центръ тяжести луны не совпадаетъ съ геометрическимъ центромъ ея фигуры.

Видъ, величина и движеніе большихъ планетъ составляютъ предметъ VII-й главы; въ ней встрѣчаемъ любопытныя свѣдѣнія, собранныя изъ сочиненій разныхъ астрономовъ,—сочиненій, которыя помещались въ ученыхъ журналахъ и въ академическихъ изданіяхъ. Между прочимъ говорится о томъ, что понынѣ остается сомнительнымъ: слѣдуетъ ли считать Меркурія планетою ближайшею къ солнцу? По мнѣнію Леверрье, неравенства въ движеніи Меркурія могутъ быть объяснены только предположеніемъ, что между Солнцемъ и Меркуріемъ находится либо одна планета, или нѣсколько промежуточныхъ планетъ. Неоднократно заявляли нѣкоторые наблюдатели, что имъ удавалось видѣть на дискѣ солнца невѣстную планету въ видѣ чернаго кружка, движущагося по диску солнца; но послѣдующія изысканія этой планеты были безуспѣшны.

Здѣсь замѣтимъ, что эпохи наибольшихъ уклоненій (элонгацій) Меркурія и Венеры отъ солнца не вполне совпадаютъ съ эпохами видимыхъ стояній этихъ планетъ (стр. 193).

Не малаго труда стоило автору собрать свѣдѣнія о фигурахъ, величинѣ и сжатіи планетъ, а также объ ихъ вращательныхъ движеніяхъ около осн. Въ 1800 и 1801 годахъ, въ то время, когда Меркурій представлялся въ видѣ серпа, удалось Шретеру замѣчать по временамъ притупленіе южнаго конца серпа. Это явленіе доказывало вращеніе Меркурія около осн и существованіе высокой горы на Меркуріѣ, которая задерживала лучи солнца; то же явленіе возобновлялось чрезъ нѣкоторые промежутки времени; изъ сличенія временъ возврата притупленія серпа Шретеръ вывелъ, что Меркурій обращается около своей осн въ $24^{\circ} 5' 30''$ среднего времени. Подобное явленіе представляетъ также планета Венера; Шретеръ находилъ періодъ вращенія Венеры около ея осн равнымъ $23^{\circ} 21''$; изъ наблюденій римскаго астронома Вико получается нѣсколько болѣе, $23^{\circ} 21'' 24''$, что близко подходитъ къ тому, что выводилъ Д. Кассини изъ наблюденій надъ перемѣщеніями пятенъ на дискѣ Венеры.

Поверхность планеты Марсъ была нѣсколько разъ тщательно изслѣдована; въ особенности замѣчательны наблюденія, сдѣланныя послѣ противостоянія планеты съ солнцемъ въ 1873 году. Астрономы однако не пришли къ полному согласію о средней угловой величинѣ поперечника диска Марса; нѣроятно это зависѣло отъ того, что прежде полагали дискъ Марса круговымъ. Изъ Гринвичскихъ наблюденій, съ 1873 по 1880 годъ, Леверрье вычислилъ средній поперечникъ диска Марса равнымъ $11''$, 1 и то же слѣдуетъ изъ новѣйшихъ Парижскихъ наблюденій. Вращательное движеніе Марса хорошо опредѣлено помощію наблюденій надъ пятнами на дискѣ планеты и ихъ послѣдовательными перемѣщеніями; періодъ обращенія Марса около его осн составляетъ около $24^{\circ} 37' 22''$.

Наблюденія не обнаруживали съ достаточною степенью приближенія сжатія на Меркуріѣ ¹⁾ и Венерѣ. Точныя измѣренія разныхъ поперечниковъ диска Венеры возможны только въ ея прохожденія чрезъ солнце, въ которыя планета бываетъ въ однихъ и тѣхъ же, почти

¹⁾ Въ прохожденіе Меркурія чрезъ солнце въ 1779 году Лавандъ видѣлъ Меркурія нѣсколько слѣдующимъ; Доосъ (Dawes) нашелъ сжатіе Меркурія около $\frac{1}{17}$ помощію микроскопическихъ измѣреній во время прохожденія планеты въ 1848 году; во Гвидъ (R. Hind) принимаетъ мѣрѣ, около $\frac{1}{100}$.

противоположныхъ точкахъ ея орбиты; тогда положенія планеты оказываются неблагоприятными для изысканія сжатія, по причинѣ направленія оси вращенія Венеры относительно эклиптики.

Нашъ авторъ полагаетъ, что вопросъ о величинѣ сжатія на Марсѣ окончательно рѣшенъ и считаетъ это сжатіе равнымъ $\frac{1}{55}$. Въ подтвержденіе упоминается о наблюденіяхъ В. Гершеля и Араго, относящихся къ этому предмету, также о новѣйшихъ опредѣленіяхъ, но не сказано кѣмъ они сдѣланы. Микрометры, употреблявшіеся В. Гершелемъ и Араго, не на столько совершенны, чтобы могли служить для точнаго изысканія сжатія на Марсѣ. Поэтому понинѣ остается въ своей силѣ заключеніе Бесселя, что сжатіе на Марсѣ не должно быть значительно и едва-ли можетъ быть изслѣдовано помощію наблюденій.

Сжатіе, положеніе оси, около которой вращается планета, и продолжительность каждаго оборота около оси, хорошо извѣстны для Юпитера и Сатурна; оборотъ Юпитера совершается въ $9^{\circ} 55''$, а Сатурна въ $10^{\circ} 29''$ средн. времени. Сжатіе на Юпитерѣ составляетъ около $\frac{1}{14}$, на Сатурнѣ около $\frac{1}{5}$.

Уранъ находится отъ земли столь уже далеко, что изъ наблюдений нельзя было вывести отчетливыхъ заключеній о фигурѣ и вращеніи этой планеты. В. Гершель полагалъ, что она довольно быстро вращается около своей оси; въ январѣ 1870 года г. Веффгамъ (W. Veffham) видѣлъ въ свой сильный рефлекторъ два свѣтла пятнышка на дискѣ Урана, медленно передвигавшіяся съ востока на западъ; въ мартѣ 1872 года онъ снова замѣтилъ пятно, которое можно было видѣть въ теченіи $3\frac{1}{2}$ сутокъ. Изъ своихъ наблюденій Веффгамъ опредѣлилъ періодъ вращенія планеты Уранъ въ 12 часовъ.

В. Гершель находилъ дискъ Урана сплюснутымъ, Медлеръ выводилъ изъ своихъ наблюденій сжатіе Урана почти въ $\frac{1}{10}$; но все это не подтвердилось послѣдующими наблюденіями. О. В. Струве помощію точныхъ микроскопическихъ измѣреній доказалъ, что дискъ Урана есть кругъ. Изъ этого нельзя однако заключать о шаровой фигурѣ Урана; Араго обратилъ вниманіе на то, что ось вращенія Урана лежитъ почти въ плоскости эклиптики и что есть эпохи, въ которыя малая ось эллипса планеты направляется почти прямо къ землѣ; тогда сплюснутость Урана не можетъ быть съ земли замѣчаема.

Нептунъ гораздо далѣе отстоитъ отъ земли, нежели Уранъ; угловой радіусъ этой планеты, когда она наиблизе подходитъ къ землѣ,

содержитъ только около 2,6 секундъ; поэтому періодъ вращенія Нептуна около оси и сжатіе не могли быть опредѣлены помощью наблюденій.

Въ VIII-й главѣ содержится много занимательнаго о спутникахъ планетъ и кольцахъ Сатурна; читатели познакомятся съ остроумнымъ способомъ В. Гершеля обнаруживать вращательныя движенія спутниковъ Юпитера и Сатурна, а также колецъ Сатурна около ихъ осей. Знаменитый астрономъ открылъ несомнѣнно для 8-го спутника Сатурна (для Яфета), и весьма вѣроятно для всѣхъ спутниковъ Юпитера, періоды ихъ вращательныхъ движеній и равенство этихъ періодовъ съ соответствующими періодами поступательныхъ движеній спутниковъ около ихъ планеты.

Въ IX-й главѣ говорится о планетондахъ или астерондахъ, то-есть многочисленной группѣ мелкихъ планетъ, обращающихся около солнца между Юпитеромъ и Марсомъ; для 165 этихъ планетъ показаны элементы ихъ орбитъ, какіе извѣстны были въ началѣ 1877 года; элементы заимствованы изъ *Annaire pour l'année 1877, publié par le Bureau des longitudes*. Большинство мелкихъ планетъ среднимъ числомъ отстоитъ почти въ $2\frac{3}{4}$ раза далѣе отъ солнца, нежели земля; отъ большихъ планетъ онѣ отличаются сильнымъ разнообразіемъ эксцентриситетовъ и наклонностей ихъ орбитъ къ эклиптикѣ. Эксцентриситетъ орбиты Протогея (145) выражается малою дробью 0,02, а эксцентриситетъ Эфры (182) простирается до 0,38. Наклонность орбиты планеты Мессалия къ эклиптикѣ не превышаетъ $0^{\circ}41',2$, а орбиты Паллады достигаетъ до $34^{\circ}41',5$; слѣдовательно, пути нѣкоторыхъ мелкихъ планетъ значительно выступаютъ за предѣлы зодіакальнаго пояса.

Эти планеты очень малы и сіяютъ отраженіемъ лучей солнца; замѣченны Шпретеромъ быстрыя перемѣны въ блескѣ Юноны и подобныя же перемѣны, усмотрѣнны въ наше время въ блескѣ Ириды, объясняются присутствіемъ пятенъ на этихъ планетахъ и вращательными движеніями планетъ около ихъ осей.

Значительныя неравенства (пертурбаціи) въ движеніяхъ мелкихъ планетъ зависятъ отъ ихъ притяженій большими планетами и преимущественно Юпитеромъ. Для немногихъ изъ нихъ вычислены неравенства по абсолютнымъ способамъ и выражены аналитически для какаго ни есть времени, подобно тому, какъ это сдѣлано для большихъ планетъ. Эти способы непримѣнимы для большей части мелкихъ планетъ; неравенства такихъ планетъ вычисляются отдѣльно

для разныхъ, не слишкомъ большихъ промежутковъ времени, слѣдующихъ одинъ за другимъ, и при этомъ интегрируютъ дифференціальныя уравненія движенія планетъ помощію такъ называемыхъ механическихъ квадратуръ. Поэтому не изыскивались вѣковыя перемѣны элементовъ орбитъ этихъ планетъ, и намъ кажется, авторъ безъ ущерба для своей книги могъ бы не касаться вопроса о томъ, обезпечены ли мелкія планеты отъ взаимныхъ столкновеній.

Обширную X-ю главу авторъ посвящаетъ метеоритамъ, включая сюда огненные метеоры — болиды, аеролиты и вообще падающіе метеорные камни. Здѣсь приведено много фактовъ паденія этихъ тѣлъ, полета въ атмосферѣ, взрывовъ въ воздухѣ, состава ихъ и т. п. Въ объясненіи относящихся сюда явленій и въ терминологіи авторъ слѣдуетъ преимущественно г. Добре, директору минералогическаго отдѣла музея естественныхъ наукъ въ Парижѣ, и г. Менье.

Болиды усматривались иногда на весьма большихъ возвышеніяхъ надъ земною поверхностію. Основываясь на современномъ состояніи наукъ, говоритъ авторъ, нинѣ можно съ увѣренностію сказать, что высота земной атмосферы много превышаетъ предполагавшіяся прежде узкіе ея предѣлы 45 или 60 верстъ. Сколько намъ извѣстно, эти предѣлы никогда не допускались какъ нѣчто несомнѣнное; ихъ вычисляли изъ продолжительности сумерокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ считали выводъ не представляющимъ даже грубаго приближенія; изъ другихъ основаній получалась гораздо большая высота атмосферы. Для измѣненія астрономическихъ преломленій нѣкоторыми учеными предлагались такія гипотезы объ уменьшеніи плотности воздуха съ удаленіемъ отъ поверхности земли, что получалась малая высота атмосферы; но этой высотѣ не придавали дѣйствительнаго значенія и гипотезамъ пользовались только для удобства вычисленія преломленій отъ 0° до 85° зенитнаго разстоянія; вблизи горизонта выходили преломленія, несогласныя съ наблюденіями, и тѣмъ обнаруживалась несостоятельность гипотезъ. Есть другія теоріи астрономическаго преломленія, какъ напримѣръ теорія Лапласа, которая принимаетъ неограниченную высоту атмосферы и лучше удовлетворяетъ астрономическимъ наблюденіямъ и извѣстнымъ физическимъ свойствамъ атмосферы. Не сомнѣвались также и прежде въ томъ, что плотности верхнихъ слоевъ воздуха большими удаленіями отъ земной поверхности уменьшаются медленно, чѣмъ плотности нижнихъ слоевъ атмосферы.

Желѣзо встрѣчается въ метеоритахъ большею частію въ чисто металлическомъ видѣ и называется метеорнымъ желѣзомъ; оно не

попадаетъ въ такомъ состояннн въ земныхъ горныхъ породахъ. Нашъ авторъ, слѣдуя г. Дебре, раздѣляетъ всѣ метеоры на четыре группы и описываетъ каждую изъ нихъ; вѣтъкъ отъ излагаетъ замѣчательнѣйшіе результаты изслѣдованій, относящихся къ метеоритамъ, и преимущественно руководствуется трудами гг. Дебре и Менъе. Вѣроятнымъ оказывается, что равные метеорные камни составляли нѣкогда одно нераздѣльное тѣло; полное сходство строенія и состава различныхъ метеорныхъ камней одного типа и нѣкоторое сходство въ устройствѣ камней различныхъ типовъ, свидѣтельствуютъ въ пользу такого предположенія. Сравнительно съ земными тѣлами, метеориты болѣе сходны съ тѣми породами, которыя лежатъ очень глубоко внутри земли, нежели съ тѣми, какія встрѣчаются на земной поверхности. Особенно замѣчательно сходство нѣкоторыхъ метеоритовъ съ земными металлическими жилами; въ базальтахъ, лавахъ и другихъ эруптивныхъ породахъ понадается желѣзо, хотя въ маломъ количествѣ, но въ чисто металлическомъ видѣ, какъ въ метеорныхъ камняхъ.

Болиды и вообще метеориты вступаютъ въ земную атмосферу въ направленнн косвенномъ къ горизонту, даже иногда горизонтальномъ; отсюда можно заключить, что они движутся вокругъ земли по кривымъ линіямъ болѣе или менѣе растянутымъ. Нѣкоторые изъ метеоритовъ, достигая до своихъ перигеевъ, подходятъ очень близко къ землѣ и потому такъ сильно землею притягиваются, что вступаютъ въ земную атмосферу и нине изъ нихъ падаютъ на землю. Убѣднтельнымъ также доказательствомъ движеній метеоритовъ около земли, а не вокругъ солнца, служитъ то, что въ эпохахъ паденія метеоритовъ не открыто никакой періодичности, и большее или меньшее изобиліе въ появленнн метеоритовъ въ теченіе нѣ котораго промежутка времени вовсе не зависитъ отъ времени года.

Изъ прежнихъ предположеній о значеннн метеоритовъ особенно замѣчательно мнѣніе Хладни. Онъ представилъ первыя научныя основанія нашимъ понятіямъ о космическихъ метеорахъ и считалъ метеориты мелкими тѣлами, которыя движутся въ небесномъ пространствѣ по разнымъ направленнямъ. Если нѣкоторые изъ нихъ подойдутъ очень близко къ землѣ, то сильно ею притягиваются и могутъ упасть на землю въ видѣ болидовъ и вообще метеорныхъ камней. Есть геологи и астрономы, которые еще теперь полагаютъ мнѣніе Хладни наиболѣе вѣроятнымъ и не различаютъ метеориты отъ па-

дающихъ звѣздъ, что не согласно съ новѣйшими изслѣдованіями объ этихъ предметахъ.

Авторъ сообщаетъ въ XI-й главѣ подробныя свѣдѣнія о падающихъ звѣздахъ (Sternschnuppe, étoiles filantes). Въ безоблачныя ночи часто случается видѣть, какъ яркая искра внезапно показывается на небѣ, быстро пробѣгаетъ нѣкоторое пространство и потомъ исчезаетъ; иногда она оставляетъ за собою свѣтлый хвостъ, который очень скоро потухаетъ. Это явленіе называютъ падающею звѣздою.

Чтобы найти высоту, въ которой падающая звѣзда усматривалась надъ земною поверхностію, нѣсколько астрономовъ повѣряютъ свои часы и помѣщаются для наблюденій въ разныхъ точкахъ, отстоящихъ одна отъ другой на 20, 30 или болѣе верстъ. Въ каждой изъ этихъ точекъ наблюдатель записываетъ время, когда онъ увидѣлъ падающую звѣзду, опредѣляетъ положеніе ея сравнительно съ близкими къ ней неподвижными звѣздами и отмѣчаетъ это положеніе на звѣздной картѣ; то же дѣлается относительно мѣста исчезновенія падающей звѣзды. Впослѣдствіи сравниваютъ между собою наблюденія, произведенныя въ одну и ту же ночь на разныхъ точкахъ земной поверхности, и выбираютъ тѣ, которыя были сдѣланы въ этихъ точкахъ въ одинъ и тотъ же физическій моментъ и относятся къ одной и той же падающей звѣздѣ. Такъ какъ разныя точки, въ которыхъ помѣщались наблюдатели, были хорошо извѣстны по ихъ географическимъ положеніямъ, то можно опредѣлять разстояніе между ними и потомъ вычислить въ какихъ удаленіяхъ отъ земной поверхности усматривались падающія звѣзды.

Первыя удачныя наблюденія такого рода производили Брандесъ и Бенценбергеръ въ окрестностяхъ Геттингена въ 1798 году. Въ нашъ столѣтіи сдѣлано много подобныхъ наблюденій; пользуясь обширнымъ собраніемъ относящихся сюда изслѣдованій, Александръ Гершель (звукъ Вильяма Гершеля) напечаталъ въ 1863 году любопытную записку, въ которой показалъ, что среднее возвышеніе падающей звѣзды надъ поверхностію земли составляетъ около 106 верстъ въ моментъ ея появленія и около 80 верстъ въ моментъ исчезновенія. Почти никогда падающія звѣзды не проникали ниже слоя верхнихъ облаковъ. Скорости, съ которыми несутся падающія звѣзды, простираются, по изскаваніямъ Брандеса, отъ 17-ти до 83-хъ въ одну секунду средняго времени; другія изслѣдованія показали болѣшія скорости.

Хладни причислялъ болиды и падающія звѣзды къ тѣламъ одного

рода; нѣнѣ понятія о нихъ измѣнились и теперь относятъ въ одну группу съ падающими звѣздами только тѣмъ называемые нѣмне болиды, то-есть тѣ, которые, будучи свѣтлыми, не сопровождались трескомъ и другими признаками взрыва. Вообще падающія звѣзды, по словамъ автора, различаются отъ болидовъ тѣмъ, что усматриваются преимущественно на большихъ высотахъ, и тѣмъ, что не содержатъ плотныхъ веществъ, но состоятъ изъ газовъ.

Давно замѣчено, что въ нѣкоторые въ году мѣсяцы и особенно въ нѣкоторые годы появляются падающія звѣзды въ гораздо большемъ изобиліи, нежели въ другое время. Въ эти эпохи онѣ видны въ такомъ множествѣ, что представляютъ какъ бы ливни, потоки или рои. Наибольше замѣчательнымъ количествомъ падающихъ звѣздъ августовскій и ноябрьскій потоки; первый изъ нихъ усматривается въ ночь съ 10-го на 11-е августа новаго стиля и въ ближайшія къ ней ночи; второй, въ нѣкоторые годы болѣе обильный, но менѣе постоянный, появляется ночью съ 12-го на 18-е ноября новаго стиля и въ сосѣднія ночи.

Видимыя движенія падающихъ звѣздъ совершаются по дугамъ большихъ круговъ на небѣ; если мысленно продолжимъ кажущіеся пути двухъ падающихъ звѣздъ, то они встрѣтятся въ одной точкѣ. Многія наблюденія показали, что кажущіеся пути большей части падающихъ звѣздъ одного потока по ихъ продолженіи взаимно пересѣкаются въ одной точкѣ и какъ бы выходятъ изъ этой точки, которую называютъ точкою радіаціи. Въ августовскомъ потокѣ такая точка находится въ созвѣдіи Персея и потому падающія звѣзды августовскаго потока извѣстны подъ именемъ Персеидъ. Точка радіаціи ноябрьскаго потока расположена въ созвѣдіи Льва и соответствующія ей падающія звѣзды называютъ Леонидами. Впрочемъ, въ каждомъ потокѣ попадаются падающія звѣзды, которыхъ видимыя движенія направляются мимо точки радіаціи большей части падающихъ звѣздъ одного и того же потока; онѣ суть постороннія этому потоку.

Далеко не всѣ годы одинаково богаты падающими звѣздами; наибольшее изобиліе ихъ въ ноябрьскомъ потокѣ возвращается периодически почти черезъ $33\frac{1}{4}$ года; такъ напримѣръ, чрезвычайное множество падающихъ звѣздъ замѣчено было въ ноябрѣ 1799, 1833 и 1866 годовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось отсутствіе потока въ эпохи предшествующія около 12-ти лѣтъ времени наибольшаго изобилія падающихъ звѣздъ.

Обиліе августовскаго потока въ каждомъ августѣ мѣсяцѣ продол-
часть оскуив, отд. 2.

жастся въ теченіи 20 или 30 годовъ; прежде и послѣ того происходить оскудѣніе; промежутки между эпохами двухъ послѣдовательныхъ изобилій содержатъ отъ 100 до 108 лѣтъ.

Все это наводитъ на мысль, что падающія звѣзды движутся около солнца. То, что кажущіеся пути падающихъ звѣздъ одного потока проходятъ чрезъ общую точку (радіаціи), доказываетъ параллельность орбитъ, по которымъ тѣла движутся въ пространствѣ. Совокупность орбитъ тѣлъ, принадлежащихъ одному потоку, составляетъ нѣчто въ родѣ кольцеобразнаго слоя, который всегда остается въ неизмѣнномъ положеніи и пересѣкаетъ годовой путь земли около солнца по одному и тому же направленію. Земля ежегодно достигаетъ до этого слоя въ то же самое время года, напримѣръ до ноябрьскаго потока около 11-го ноября новаго стила; такъ какъ падающія звѣзды ноябрьскаго потока совершаютъ свои обороты около солнца почти въ $33\frac{1}{4}$ года, то земля вступаетъ періодически чрезъ каждые $33\frac{1}{4}$ года вширокую полосу слоя, изобильную тѣлами, которыя являются какъ падающія звѣзды; въ другіе же годы земля около 11-го ноября встрѣчаетъ слои менѣе обширные и менѣе богатые, или даже очень бѣдные тѣлами такого рода. Нѣчто подобное представляетъ августовскій потокъ; разница только въ томъ, что онъ относится къ еще болѣе обширному слою и содержащаяся въ немъ тѣла описываютъ свои обороты около солнца въ промежутки времени гораздо большіе, чѣмъ въ ноябрьскомъ потокѣ. Поэтому земля, перешедши однажды чрезъ наиболѣе широкую полосу слоя въ августѣ мѣсяцѣ, можетъ нѣсколькими лѣтъ сряду встрѣчать другія полосы того же слоя, менѣе пространныя, но все еще довольно богатая мелкими космическими тѣлами. Такимъ образомъ удобно объясняются явленія, замѣченныя внимательными наблюдателями.

Кромѣ упомянутыхъ двухъ главнѣйшихъ потоковъ, найдены еще другіе, менѣе обильные падающими звѣздами; напримѣръ потокъ, который бываетъ около 20-го апрѣля, и потокъ, случающийся около 20-го декабря.

Г. Кюве-Гравье въ Парижѣ и г. Эррикъ въ Сѣверной Америкѣ многіе годы прилежно слѣдили за падающими звѣздами и нашли, что въ началѣ ночи, въ седьмомъ часу послѣ полудня, менѣе усматривается падающихъ звѣздъ, чѣмъ въ слѣдующіе часы ночи; число и величинъ болѣе и болѣе возрастаетъ съ приближеніемъ къ шести часамъ послѣ полуночи и становится въ шесть часовъ наибольшимъ тогда оно бываетъ вдвое и даже въ $2\frac{1}{2}$ раза болѣе, чѣмъ въ шес-

часовъ вечера. Количество падающихъ звѣздъ въ тѣ же часы ночи неодинаково въ разные времена года: болѣе встрѣчаютъ падающихъ звѣздъ осенью, нежели весной, и притомъ болѣе на восточной сторонѣ неба, нежели на западной. Это зависитъ отъ расположенія слоевъ, въ которыхъ содержатся метеорныя тѣла, и отъ направленій, по которымъ эти тѣла движутся. Въ земную атмосферу большую частію вступаютъ падающія звѣзды близкія къ прямой линіи, которая во время ихъ появленій касалась къ орбитѣ земли; направленіе этой прямой линіи означается положеніемъ точки на небѣ, отстоящей къ западу на 90° отъ мѣста, въ которомъ находится солнце. Въ шесть часовъ утра эта точка достигаетъ наибольшей высоты надъ горизонтомъ наблюдателя, и тогда появляется болѣе падающихъ звѣздъ, нежели въ другое время.

Допустимъ, что падающія звѣзды подходятъ къ землѣ въ одинаковомъ количествѣ съ разныхъ сторонъ; въ теченіе одного часа болѣе встрѣтятся метеорныхъ тѣлъ въ то время, когда они движутся противно движенію земли и скорѣе успѣваютъ вступать въ атмосферу, нежели когда движенія метеорныхъ тѣлъ и движеніе земли направляются въ одну сторону, такъ что эти тѣла подходятъ только вслѣдствіе разности скоростей метеорныхъ тѣлъ и земли. Первый случай бываетъ въ 6-ть часовъ утра и относится къ встрѣчнымъ тѣламъ; второй случай бываетъ въ 6-ть часовъ вечера и относится къ тѣламъ попутнымъ, то-есть движущимся въ одну сторону съ движеніемъ наблюдателя. Число появляющихся въ теченіе одного часа падающихъ звѣздъ около 6-ти часовъ утра должно содержаться къ числу ихъ въ такой же промежутокъ времени около 6-ти часовъ вечера, такъ какъ сумма скоростей падающей звѣзды и земли содержится къ разности этихъ скоростей. Отсюда, зная скорость движенія земли, можно вычислить среднюю скорость падающихъ звѣздъ; по изысканіямъ итальянскаго астронома г-на Скиапарелли и американскаго г-на Ньютона средняя скорость падающихъ звѣздъ почти въ 1,4 разъ превышаетъ среднюю скорость земли, а такъ какъ 1,4 почти есть $\sqrt{2}$, то, по теоріи тяготѣнія, должны быть орбиты падающихъ звѣздъ близкія къ параболамъ и среднія ихъ скорости таковы, какъ скорость кометы, которая описываетъ около солнца параболу и подходитъ очень близко къ землѣ.

При вступленіи падающихъ звѣздъ одного и того же потока въ земную атмосферу, направленіе ихъ движеній опредѣляется точкою радіаціи; мѣсто, занимаемое тогда падающими звѣздами, почти совпа-

дасть съ извѣстными мѣстомъ земли и скоростью движенія падающихъ звѣздъ, время ихъ появленія была опредѣлена. Поэтому, основываясь на свойствахъ параболическаго движенія, можно вычислить параболическій путь Персидовъ, то-есть падающихъ звѣздъ Августовскаго потока. Дѣйствительно, изъ наблюденій, произведенныхъ въ августѣ мѣсяцѣ 1866 года, г. Скиапарелли опредѣлялъ параболическіе элементы движенія Персидовъ; потому онъ нашелъ, что эти элементы мало различаются отъ элементовъ большой кометы, называемой 3-ю кометою 1862 года.

Этимъ не удовольствовался знаменитый итальянскій ученый: онъ замѣтилъ, что 3-я комета 1862 года описываетъ около солнца не параболу, но очень растяженный эллипсъ, и совершаетъ свой оборотъ въ теченіи болѣе ста лѣтъ. Изъ свѣдѣній, сохранившихся въ хроникахъ, начиная съ IX вѣка послѣ Р. Х., и изъ наблюденій, произведенныхъ въ новое время, г. Скиапарелли извлекъ, что периодически появляются падающія звѣзды въ августѣ мѣсяцѣ въ изобиліи каждый годъ, и это продолжалось въ опредѣленные промежутки времени, обнимавшіе отъ 20 до 30-ти лѣтъ. По мнѣнію г-на Скиапарелли, столько лѣтъ длится переходъ скопища метеорныхъ тѣлъ, Персидовъ, черезъ ихъ перигелии или точки ближайшихъ разстояній отъ солнца.

Потомъ эта куча тѣлъ болѣе и болѣе удаляется отъ солнца и отъ земли, но по истеченіи около 108 годовъ снова возвращается въ прежнее свое положеніе, и тогда повторяются прежнія явленія. Этотъ періодъ 108 годовъ близокъ къ промежуткамъ времени, раздѣляющимъ эпохи, въ которыя Августовскій потокъ бываетъ наиболѣе изобильнымъ; оборотъ 3-й кометы 1862 года около солнца содержитъ также около 108 годовъ.

Такое согласіе времени оборота кометы съ упомянутымъ періодомъ и близкое согласіе всѣхъ элементовъ кометной орбиты съ элементами орбитъ падающихъ звѣздъ, Персидовъ, не есть только случайность. Г-нъ Скиапарелли обнаружилъ подобныя явленія въ отношеніи падающихъ звѣздъ ноябрьскаго потока, Леонидовъ. Еще въ 1837 году Ольберсъ доказалъ 33-лѣтній періодъ возврата Ноябрьскаго потока къ наибольшему изобилію падающими звѣздами; въ этотъ самый періодъ ($33\frac{1}{4}$ годовъ) космическія тѣла, принадлежащія къ ноябрьскому потоку, совершаютъ свои обороты около солнца. По законамъ Кеплера можно вычислить большую полуось эллипса, которая соответствуетъ обороту, содержащему $33\frac{1}{4}$ года, а потомъ найти другіе элементы движенія этихъ тѣлъ. Наиболѣе точные элементы

опредѣлилъ Леверрье и вскорѣ потомъ г. Петерсъ показали, что элементы орбитъ падающихъ звѣздъ ноябрьскаго потока близко согласуются съ элементами кометы, открытой г. Темпелемъ въ началѣ 1866 года. Согласіе вышло еще полнѣе послѣ того, какъ Александръ Гершель опредѣлилъ точку радіаціи Леонидовъ по наблюденіямъ въ 1866 году съ большею точностію, нежели прежде было извѣстно.

Намъ также, что падающія звѣзды потока, который бываетъ около 20-го апрѣля новаго стиля, движутся по орбитамъ, сходнымъ съ орбитою первой кометы 1861 года, и что падающія звѣзды, являющіяся 10-го декабря, описываютъ эллипсы, которыхъ элементы не значительно различаются отъ элементовъ эллипса, по которому движется періодическая комета Виейна.

Столь замѣчательные факты привели къ заключеніямъ о томъ, что падающія звѣзды и кометы суть тѣла одного рода. Вѣроятно, комета есть скопленіе мельчайшихъ частицъ вещества малой плотности въ одну кучу; если такая куча достаточно велика, чтобъ могла быть разсматриваема съ земли, то она представляется намъ въ видѣ кометы. Падающія звѣзды, можетъ быть, состоятъ изъ частицъ подобнаго же тонкаго вещества; но эти частицы разсѣяны далеко одна отъ другой и не соединены въ отдѣльныя значительныя кучи; по ихъ малости онѣ для насъ непримѣтны, мы ихъ видимъ только тогда, когда онѣ вступаютъ въ земную атмосферу и тамъ воспламеняются.

Можно полагать, что въ разныхъ странахъ небесныхъ пространствъ находятся скопища мелкихъ тѣлъ, состоящихъ изъ тонкаго туманнаго вещества; тѣ изъ такихъ скопищъ, которыя не слишкомъ далеки отъ солнца, подчиняются тяготѣнію къ солнцу, входятъ въ нашу планетную систему и обращаются вокругъ солнца. Притяженіе ихъ большими планетами можетъ способствовать къ растяженію ихъ путей и даже къ превращенію эллиптическихъ путей въ параболическіе. Когда земля встрѣчаетъ такое скопище, то отдѣльныя его газообразныя части проникаютъ въ нашу атмосферу и образуется потокъ падающихъ звѣздъ. Великая быстрота ихъ движенія производитъ внезапно сильное сжатіе воздуха, сопровождаемое такимъ развитіемъ теплоты, которое достаточно для воспламененія газообразнаго вещества, вступившаго въ воздухъ и способнаго къ горѣнію.

Намъ представляются тогда эти явленія въ видѣ падающихъ звѣздъ, быстро катящихся по небу и скоро потухающихъ, потому что горящаго вещества входитъ мало.

Такъ называемыя спорадическія падающія звѣзды суть туманныя частицы, которыя отдѣльно отъ другихъ приходятъ въ близкое разстояніе отъ земли; можетъ быть, онѣ принадлежали прежде къ потокамъ, но были разсѣяны потомъ въ разныя стороны притяженіемъ планетъ.

Въ XII главѣ описаны кометы, рассматриваются ихъ орбиты, въ особенности орбиты періодическихъ кометъ, и упоминаются разныя явленія, которыя обнаружены наблюденіями относительно наружнаго вида кометъ и ихъ хвостовъ; приводятся также свѣдѣнія о раздѣленіи кометы Біалли на двѣ части и т. д. Согласно съ мнѣніемъ Лапласа, нашъ авторъ считаетъ кометы тѣлами пришлыми извнѣ въ нашу планетную систему; только немногія изъ нихъ, подвергаясь тяготѣнію къ солнцу и притяженіямъ къ планетамъ, сдѣлались членами этой системы. Авторъ не упустилъ изъ виду остроумныхъ изслѣдованій г. Скиапарелли объ аналогіи кометъ съ падающими звѣздами, и говоритъ о возможности раздробленія кометы на отдѣльныя, особныя части и превращенія въ метеорный потокъ.

XIII-я глава содержитъ все, что извѣстно о зодіакальномъ свѣтѣ. Такъ называютъ слабое сіяніе, которое наилучше замѣчается въ тропическихъ странахъ; его можно наблюдать также въ другихъ мѣстахъ, но менѣе отчетливо. Преимущественно видѣтъ зодіакальный свѣтъ весной и осенью; его усматриваютъ по окончаніи вечернихъ сумерокъ на западѣ, около того мѣста, въ которомъ заходило солнце, или передъ началомъ утреннихъ сумерокъ, на востокѣ, вблизи того мѣста въ которомъ ожидается восхожденіе солнца.

Зодіакальный свѣтъ представляется въ видѣ трехсторонней пирамиды, или точнѣе въ видѣ половины чечевицы, которой основаніе находится на горизонтѣ; длина ея всегда бываетъ гораздо больше основанія. Угловое разстояніе зодіакальнаго свѣта отъ солнца выходитъ въ равное время не одинаковымъ: иногда оно содержитъ 40° , а иногда 90° и даже 100° ; ширина его измѣняется отъ 8° до 30° . Все это зависитъ отъ размѣровъ, фигуры зодіакальнаго свѣта и положенія относительно наблюдателя.

Вообще это сіяніе выходитъ весьма далеко за предѣлы земной атмосферы и ни въ какой связи не состоитъ съ землею; доказательствомъ справедливости такого заключенія служитъ то, что зодіакальный свѣтъ участвуетъ въ кажущемся суточномъ движеніи неба, подобно тому, какъ участвуютъ разныя небесныя свѣтила. Невѣроятно также, чтобы зодіакальный свѣтъ былъ принадлежностію солнечной атмосферы,

которая не может простираться на такія разстоянія отъ поверхности солнца, какія требовали бы огромные размѣры зодіакальнаго свѣта. А. Гумбольдтъ и нѣкоторые другіе ученые приписывали явленіе зодіакальнаго свѣта туманному слою, окружающему солнце въ видѣ кольца. По мнѣнію новѣйшихъ физиковъ, солнце окружено большимъ чечевицеобразнымъ слоемъ, въ которомъ содержится великое множество очень мелкихъ тѣлъ, или разныхъ скопищъ тѣлъ, подобныхъ метеорнымъ тѣламъ. Такія тѣла, можетъ быть, движутся около солнца по разнообразно расположеннымъ орбитамъ, и отъ того происходятъ замѣчаемыя съ земли измѣненія въ яркости, размѣрахъ и фигурѣ зодіакальнаго свѣта, какъ слѣдствія переизмѣнъ въ положеніи наблюдателя относительно метеорныхъ тѣлъ. Эту гипотезу предложилъ Лапласъ; онъ полагаетъ, что солнце и всѣ планеты послѣдовательно образовались изъ одной общей, начальной туманной матеріи, которая нѣкогда заполняла сферондъ огромныхъ размѣровъ. Тѣ частицы этой матеріи, которыя не соединились съ солнцемъ и не вступили въ составъ планетъ, продолжаютъ обращаться около солнца и отражать падающіе на нихъ солнечные лучи, дають поводъ къ происхожденію зодіакальнаго свѣта.

Робертъ Майеръ въ 1848 году и Томсонъ въ 1861 году предположили, что можно объяснить причину сохраненія высокой температуры солнца не прекращающимся паденіемъ на солнце множества метеорныхъ тѣлъ и развивающагося отъ этихъ паденій теплоты. Нашъ авторъ не считаетъ эту гипотезу удовлетворительною.

XIV-я глава, послѣдняя въ первомъ томѣ, заключаетъ общій перечень свѣдѣній о различныхъ тѣлахъ планетной системы, которыхъ массы вообще малы въ сравненіи съ массою солнца. Авторъ оканчиваетъ свое сочиненіе сужденіями о томъ, что пространство, занимаемое орбитами извѣстныхъ нынѣ планетъ, составляетъ малую часть того пространства, въ предѣлахъ котораго притягательное дѣйствіе нашего солнца переслѣдуетъ притяженіе къ другимъ солнцамъ, то-есть къ такъ называемымъ неподвижнымъ звѣздамъ.

Первый томъ содержитъ 438 страницъ въ осьмушку большого формата. Далѣе слѣдуютъ примѣчанія и прибавленія къ тексту, которыя помѣщены на 265 страницахъ мелкаго шрифта и назначаются для разъясненій и дополненій того, что предложено въ текстѣ.

Въ примѣчаніяхъ читатели найдутъ много занимательнаго; изрѣдка встрѣчаются предметы не вполне точно изложенные. Такъ напримѣръ, на стр. 18-й примѣчаній авторъ говоритъ, что повторительные круги

въ практикѣ не оправдали возлагавшихся на нихъ надежды, и полагаютъ, что это происходитъ отъ недостаточнаго совершенства въ устройствѣ винтовъ, закрѣпляющихъ и освобождающихъ какъ трубы, такъ и самый лимбъ. Боненбергеръ объяснилъ истинную причину невозможности опредѣлять углы помощью повторительныхъ круговъ съ такою точностію, какъ сперва ожидали; преимущественно обнаруживаются малыя постоянныя ошибки при измѣреніи высотъ повторительнымъ кругомъ, установленнымъ вертикально. Чтобы ось вращенія алидаднаго круга могла обращаться внутри оси лимба, необходимо пространство, хотя весьма малое, между верхней поверхностію первой оси и внутренней поверхностію второй оси. Отъ того происходитъ нѣкоторая шаткость въ положеніи одного круга относительно другаго круга, и чрезъ то опредѣленіе угла дѣлается болѣе или менѣе ошибочнымъ.

На 42-й страницѣ примѣчаній сказано, что интегрированіе дифференціального уравненія равновѣсія атмосферы показываетъ, что когда высота поднятія надъ поверхностію земли возрастаетъ въ арифметической прогрессіи, тогда плотность воздуха уменьшается въ прогрессіи геометрической. Этотъ результатъ не есть дѣйствительный фактъ, существующій въ природѣ, но представляетъ гипотетическое значеніе и соответствуетъ предположенію, которое допускаетъ въ слояхъ воздуха во всей атмосферѣ одну и ту же температуру; тогда какъ извѣстно, на большихъ высотахъ надъ поверхностію земли обыкновенно бываетъ воздухъ холоднѣе, чѣмъ внизу, при поверхности земли. Такое предположеніе принимаютъ для вычисленія высотъ горъ изъ барометрическихъ и термометрическихъ наблюдений, считая температуру воздуха равною среднему числу изъ температуръ, замѣченныхъ въ нижнемъ и верхнемъ мѣстахъ наблюдений; тогда не происходитъ значительной ошибки потому, что высота самыхъ большихъ горъ мала въ сравненіи съ высотой всей атмосферы. Но предположеніе оказывается неудовлетворительнымъ при вычисленіи астрономическихъ преломленій. Вообще нельзя найти интегралъ упомянутаго дифференціального уравненія, не опредѣливъ сперва зависимость температуры воздуха отъ возвышенія надъ поверхностію земли. Эта зависимость не найдена еще съ совершенною точностію и ее выражаютъ допуская вѣроятнѣйшія предположенія, какъ сдѣлала Лапласъ и послѣдующіе ученые; вообще выходитъ не такая зависимость, какую упоминаетъ авторъ.

Читатели встрѣтятъ въ примѣчаніяхъ любознательныя историческія

подробности и останутся довольны тою простотою и ясностію, съ которыми авторъ даетъ понятіе о нѣкоторыхъ сложныхъ явленіяхъ, какъ напримѣръ о поляризаціи лучей свѣта.

Окачивая обзоръ перваго тома Космологіи г. Путьты, мы справедливымъ считаемъ сказать, что это сочиненіе займетъ весьма почетное мѣсто въ русской научной литературѣ; оно замѣчательно по изяществу изложенія и богатству разнообразныхъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ многихъ специальныхъ трактатовъ и научныхъ журналовъ. Намѣреніе автора было совершенно безкорыстное; не жагѣя ни труда, ни денежныхъ издержекъ, онъ напечаталъ свою книгу единственно съ цѣлю распространить полезныя знанія въ нашемъ отечествѣ. Будемъ надѣяться, что просвѣщенная русская публика поддержитъ автора въ его занятіяхъ и дастъ ему средства до конца довести сочиненіе, котораго изданный первый томъ заслуживаетъ полнаго одобренія.

А. Самитъ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 29. С.-Петербургъ, 1881.

Князь Безбородко принадлежитъ къ числу тѣхъ лицъ, исторія дѣятельности коихъ можетъ по справедливости считаться и исторіею ихъ времени. Относительно его замѣчаніе это имѣетъ силу не столько даже потому, чтобы обнаруживать онъ преобладающее вліяніе на событія, сколько по той причинѣ, что почти не было такого важнаго дѣла, въ которомъ не принималъ бы онъ виднаго участія. Все проходило чрезъ его руки и на всемъ оставилъ онъ слѣдъ своего обширнаго ума и необыкновенныхъ способностей. Извѣстно, что первоначально опредѣленъ былъ онъ для принятія челобитенъ, подаваемыхъ на Высочайшее имя, но скорѣ сдѣлался необходимъ для императрицы. Екатерина привлекла его къ самымъ разнообразнымъ трудамъ, онъ занялъ положеніе главнаго ея секретаря, докладчика ея по дѣламъ всѣхъ государственныхъ учреждений. Администрація, юстиція, финансы, иностранная политика — все было одинаково ему доступно; не было такого вопроса, въ которомъ онъ не считалъ бы себя полнымъ хозяиномъ. Въ ряду совѣтниковъ великой государыни онъ отличается вполне оригинальною физиогноміею и не уступаетъ ни одному изъ тѣхъ, имя вторыхъ запечатлѣлось, быть можетъ, нѣсколько болѣе чѣмъ его имя въ памяти потомства.

Мы хотимъ познакомить здѣсь нашихъ читателей съ появившимся недавно вторымъ (и послѣднимъ) томомъ біографіи князя Безбородко, оставленной г. Григоровичемъ. Этотъ томъ обнимаетъ періодъ времени отъ второй турецкой войны и отъ войны съ Швеціей до 1799 года. Здѣсь прежде всего останавливаетъ наше вниманіе дѣятельность Безбородки какъ дипломата. Онъ и прежде много занимался иностранными дѣлами, но теперь выступилъ въ совершенно самостоятельной роли, какъ главный уполномоченный нашего правительства для заключенія мира съ Портой. Замѣтимъ кстати, что этотъ отдѣлъ не принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ въ книгѣ г. Григоровича. Почтенный авторъ не останавливается на общемъ ходѣ событій, не старается уяснить характеръ нашихъ международныхъ сношеній въ то время, для него на первомъ планѣ личность самого Безбородки, а потому если читатель и составитъ себѣ понятіе о томъ, какъ дѣйствовалъ Безбородко, то предъ нимъ висколько не рисуется картина общаго положенія дѣлъ. По полученіи извѣстія о смерти Потемкина, Безбородко самъ вызвался ѣхать въ Яссы для переговоровъ, и въ письмѣ къ П. В. Завадовскому онъ откровенно высказалъ соображенія, руководившія имъ въ этомъ случаѣ: „когда сообразишь всѣ обстоятельства, то не станешь винить меня, будто я перемудрилъ при отправленіи моемъ сюда (то-есть въ Яссы) въ минуту, что получена была вѣсть о смерти всемогущаго. Я, зная, что трудно было чаать добраго и скораго конца отъ негоціаторовъ или кенсусныхъ, или ты знаешь какихъ, рѣшился офирировать себя на сію службу. Тутъ вся голова моя воспалилась двумя пунктами: первое, оказать услугу отечеству, и второе, особенно для себя, придать большую знать своей карьерѣ“. Явившись въ Яссы Безбородко обнаружилъ именно тѣ качества, которыя были какъ нельзя болѣе необходимы для успѣха возложеннаго на него порученія—необыкновенную ловкость и ничѣмъ не смущаемую настойчивость. Никто не думалъ отрицать, что онъ оказывалъ огромныя услуги, хотя въ это же самое время уже развивалась противъ него сильная интрига. „Вы волюнѣ справедливо говорите, писалъ Ростовичъ графу С. Р. Воронцову, что графъ Безбородко покрылъ себя славой. Препятствія которыя онъ долженъ былъ преодолѣть, отсутствіе самыхъ необходимыхъ средствъ для переговоровъ съ Турками, извѣстныя свойства ихъ уполномоченныхъ, все было соединено, чтобъ выставить въ аркомъ свѣтѣ его великія дарованія. Чѣмъ болѣе я смотрю на его труды, тѣмъ болѣе удивляюсь его гению“. Частныя письма Безбо-

родки во время пребывания его въ Яссахъ исполнены необыкновеннаго интереса. Не можемъ не привести здѣсь одно изъ нихъ, проливающее яркій свѣтъ на то, какого рода порядки господствовали при Потемкинѣ въ областяхъ, занятыхъ нашими войсками.

Письмо это адресовано къ графу А. Р. Воронцову: „Ваше сіятельство знаете, говорилъ Безбородко, что я скорѣе привыкъ всякую вещь, какъ Сведенбергъ ¹⁾ на своего государя говаривалъ, видѣть въ розовомъ цвѣтѣ; сверхъ того знаете, что я много обязанъ покойнику, не скажу конечно лишняго, да притомъ и справедливость ему дамъ, что онъ былъ конечно рѣдкій и отличный человекъ, особливо на выдумки, лишь бы только онъ не на его исполненіи остались. Извините, что письмо мое будетъ очень разсѣянно, по мѣрѣ какъ это на мысль пришло, или могъ я на вѣрное свидѣть. Я начну съ путешествія моего. Сколько ни малъ урожай хлѣбный въ Малороссіи, особливо по причинѣ худаго умолата, столь напротивъ того Екатеринославская губернія и прошедшій, а еще болѣе нынѣшній годъ изобилуетъ хлѣбомъ. Нѣтъ мѣста, гдѣ бы рожь дороже 1 руб. 30 коп., а овесъ 60 коп. продавался. Всѣ житницы съ излишествомъ наполнены и бѣдные обыватели рады сживать съ рукъ свой хлѣбъ; да и охотно бы нашлись поставщики въ Крымъ, въ надеждѣ на фурахъ своихъ обратно взять оттуда соль, но о семъ, кажется, и не мыслить. Магазины по Бугу наполнены, а прочее доставленіе все на подрядахъ. Графиня Браницкая, Энгельгардъ, князь Сергѣй Голицынъ, графъ Вятъ и тому подобныя, которые набрали еще множество прислужниковъ, дерутъ съ казны цѣны преболюшія. Напримѣръ, графиня (Браницкая) подрядилась поставить хлѣбъ въ Таврическіе магазины четверть по 7 р. 50 к. и имѣла уже на семъ подрядѣ барыша до 180 тысячъ рублей, кромѣ что фуры ея на обратномъ пути должны были вывезти полный грузъ соли за обыкновенную тамъ цѣну, то-есть за пудъ по 10 коп. Но сямъ она не удовольствовалась: требовала, чтобы платежъ за все учиненъ былъ червонцами, полагая каждый по 3 рубля, когда они гораздо выше четырехъ рублей сюда изъ Варшавы приходятъ. Отъ сего вышла у нея ссора съ Поповимъ, а смертію княжю (Потемкина) дѣло такъ и осталось. Теперь не трудно вамъ судить, отъ чего такое множество надо сюда переводить денегъ, да ихъ и нѣтъ здѣсь... Послѣ проинтанія войскъ скажу вамъ о землѣ (то-есть о Румыніи). Никто ее не узнаеть, кто видѣлъ

¹⁾ Чрезвычайный посолъ Швеціи въ Петербургѣ.

прежде. Столь раззорена, что безъ жалости ни на что взглянуть нельзя. Веселость народа здѣшняго превратилась въ уныніе; вѣтъ уже ни малѣйшей привязанности, которою, можно сказать, они отличались къ Россіи противъ всѣхъ другихъ единовѣрныхъ народовъ, и они желаютъ, чтобъ поскорѣе только миръ сдѣлался. Дамы убралась. Лашкаревъ и Селунскій правятъ деспотически. Большая часть сборовъ на откупъ за ними. Лашкаревъ сдѣлалъ при смерти князя постыдную проказу. Покойникъ забралъ въ долгъ множество товаровъ, которыми дарилъ онъ Петербургскихъ дамъ и прочихъ, тысячъ до двухъ сотъ рублей. Лашкаревъ вырвалъ у него ордеръ на свое имя собрать контрибуцію за не доставленный будто провіантъ для войскъ ордеръ сей подписавъ 4-го октября, а объявленъ 19-го того мѣсяца. Когда ея дружески совѣтовалъ удержаться съ исполненіемъ, то онъ мнѣ сказавъ, что сіе у нихъ съ покойникомъ положено обратить на уплату помянутыхъ долговъ его. Я не знаю, останется ли онъ; но мнѣ государыня пишетъ своеручно, чтобъ, лаская Грековъ и Молдаванъ, в трактатъ ихъ наравнѣ съ своими, не допускалъ я ни своихъ, ни чужихъ ихъ грабигъ. Сверхъ того мы теперь съ Турками трактуемъ объ облегченіяхъ, настаивая на уничтоженіи старыхъ счетовъ или увольненіи двуклѣтвемъ отъ дани: прилично ли намъ обременять ихъ контрибуціями?... Всѣ бояре почти изъ домовъ выгнаны; обиды и раззореніе жителямъ неслыханныя. Вся Молдавія не благословитъ памяти умершаго, видя опустошеніе, всякое воображеніе превосходящее“....

Безбородко, какъ мы сказали, былъ одинъ изъ тѣхъ государственныхъ людей, безъ которыхъ не могло обойтись правительство. При дворѣ нерѣдко усиливаясь неблагопріятныя ему вліянія, возвышались люди, пытавшіеся отстранить его; иногда удавалось имъ даже поколебать расположеніе къ нему самой императрицы, но все это продолжалось не долго. Необходимый человекъ снова завоевывалъ позицію. Въ послѣдніе свои годы онъ успѣвалъ въ этомъ даже безъ особнхъ стараній съ своей стороны, ибо если въ значительной мѣрѣ обладалъ онъ честолюбіемъ, то не менѣе развито было въ немъ и сабаритство и онъ былъ далеко не прочь, удалившись отъ дѣлъ, вполне насладиться жизнью. Но о противникахъ его можно было повторить то самое, что, какъ мы видѣли сейчасъ, сказалъ онъ о Потемкинѣ, то-есть, что они были сильны „на выдумки, лишь бы только онѣ на ихъ исполненіи не оставались“. Какъ было лишиться совѣтовъ и указавіи Безбородки съ его свѣтлымъ умомъ, обширною опыт-

востью и громадным запасомъ всякаго рода свѣдѣній! По возвращеніи его изъ Яссы, онъ тотчасъ же убѣдился, что если „придаться звать своей карьерѣ“, то съ другой стороны чуть не погубилъ ее. Другіе люди заняли его мѣсто; всѣ дѣла, которыя прежде производились въ его канцеляріи, шли теперь чрезъ руки Зубова, который сдѣлался такимъ же могущественнымъ совѣтникомъ императрицы, какимъ до него былъ Безбородко. Завадовскій писалъ графу Р. С. Воронцову: „Александра Андреевича роль преностыдная. Всякъ на его мѣстѣ, стяжавъ дохода 150 тысячъ, удалится бы; но онъ еще пресмыкается въ чашни себѣ лучшаго, а навпаке корыстнаго, не имѣя духа на шагъ пристовный. Низкими терпѣніемъ и гибкостью многіе дождались своей погоды. Онъ послѣдуетъ сему правилу, развѣ вытолкають въ зашей. Безъ того не уклонится, чуждѣ бытъ нравственныхъ побужденій“. Самъ Безбородко тяготился своею ролью, какъ видно изъ его письма къ тому же Воронцову: „По заключеніи мира зачали оказывать нетерпѣливость, чтобы я скорѣе ѣхалъ, и такимъ лестнымъ для меня образомъ, что сама государыня нѣсколько писемъ самыхъ убѣдительныхъ мнѣ прислала и когда меня дорогою здоровье медлить принудило, неудовольствіе оказало. Я однако пожертвовалъ всѣмъ и прямымъ путемъ поспѣшилъ исполнить ея волю. Но что сдѣлалось? Нашелъ я идею изъ Зубова сдѣлать въ глазахъ публики дѣловаго человека. Хотѣли, чтобы я съ нимъ по дѣламъ сносился; намекали, чтобы я съ нимъ о томъ и другомъ поговорилъ, то-есть, чтобы я пошелъ къ нему. Но вы знаете, что я и къ покойнику не учашаю, даже и тогда, когда обстоятельства насъ въ самое тѣсное согласіе привели. Вышло послѣ на повѣрку, что вся дрянъ, какъ-то сенатскіе доклады, частныя дѣла, словомъ сказать, все неприятное, заботъ требующее и ни чести, ни славы за собою не влекущее, на меня взвалено, а напримѣръ дѣла польскія, которыя имѣютъ съ собою связанныя распоряженія по арміямъ, достались Зубову“. Но Безбородко не могъ не замѣтить, что въ важнѣйшихъ случаяхъ, когда требовался испытанный государственный умъ, императрица обращалась къ нему. Она колебалась сохранить за нимъ первенствующее мѣсто; но по силѣ вещей это мѣсто принадлежало все-таки ему. Чтобы разъяснить свои отношенія къ государынѣ онъ прямо возбудилъ вопросъ о своемъ выходѣ въ отставку и все тотчасъ же извѣнилось: до такой степени казалась невозможною мысль не пользоваться его совѣтами. Приводимъ здѣсь письмо, написанное имъ къ императрицѣ,—документъ весьма важный, между прочимъ потому, что Безбо-

родко бросаетъ здѣсь взглядъ на главнѣйшіе моменты своей плодотворной дѣятельности:

„Осмнадцать почти лѣтъ, продолжая службу мою при лицѣ вашего императорскаго величества, бывъ удостоенъ отличной вашей довѣренности, имѣвъ участіе въ исполненіи многихъ важныхъ и государству полезныхъ вашихъ намѣреній и получивъ толь отличные знаки монаршаго благоволенія, поставилъ я себѣ за правило идти путемъ правымъ и быть во всемъ предъ вами открытымъ. Въ совѣсти моей убѣжденъ я, что не сдѣлалъ ничего вреднаго службѣ вашей или предосудительнаго чести моей. Время открыло, да и болѣе еще откроетъ, что всякое на счетъ мой порицаніе было только клевета, завистью и злобью на меня воздвигнутая. Въ такомъ совѣсти моей спокойствіи осмѣливаюсь предстать предъ ваше величество съ чистосердечнымъ изразженіемъ настоящаго моего положенія. Послѣ мира со Швеціей возведенъ будучи вами на одну изъ первыхъ степеней, могъ я спокойно оставаться при лицѣ вашемъ, пользоваться довѣренностью вашей и трудами моими, подъ вашимъ руководствомъ продолжаемыми, споспѣшествовать дальнѣйшему исполненію вашихъ предположеній. Зная справедливость и щедроту вамъ сродная, былъ я несомнителенъ, что по заключеніи мира съ Портой и по совершеніи многоаго, что уже и тогда было предвидѣно, усердіе и труды мои не остались бы тщетны. Въ семъ положеніи застигла вѣсть о смерти фельдмаршала князя Потемкина. Въ минуту полученія ея, вѣдая, сколько заботы она принесетъ вашему величеству, и зная, что мирная съ Турками негочіація, въ самыхъ предиминаріяхъ испорченная долговременнымъ срокомъ перемирія, новыми же по кубанскимъ дѣламъ затрудненіями въ замѣшательство приведенная, не токмо продлится, но и рушится легко могла, рѣшился я представить мою готовность отправиться въ Яссы для руководства мирными переговорами. Ни безпокойства труднаго пути, для здоровья моего вреднаго, ни неизбѣжность большихъ издержекъ, со званіемъ главнаго полномочнаго сопряженныхъ, ниже уваженіе, что, отлучаясь отъ двора, подвергаю себя жребію отсутствующихъ, кои часто теряютъ, не превозмогли надъ моимъ рвеніемъ угодить вамъ доставленіемъ отечеству мира, только для него нужнаго. По пріѣздѣ моемъ нашель я дѣло безъ начала и путеводства. Полномочные, имѣвшіе болѣе доброй воли, чѣмъ къ дѣламъ пріобычки, ниже плана не сдѣлали, какъ трактовать. За нѣсколько дней до пріѣзда моего, получивъ указъ объ старштинъ переговоровъ, вступили они съ однимъ ультияматумомъ въ

рукахъ. По двумъ первымъ и ничего не значущимъ нѣхъ конференціямъ можно было предвидѣть и медленность, и малую надежду успѣха. По прибытіи моемъ негодіація взяла иное теченіе; но подробности ея извѣстны вашему величеству и не одинъ разъ ошастливленъ былъ я израженіями вашего удовольствія. Случались иногда въ теченіе дѣла сего критическія минуты, которыя предвѣщали возможность разрыва. Я и тутъ готовился, если бы только вамъ угодно было, остаться среди военныхъ дѣйствій, и раздѣляя съ другими всѣ опасности, способствовать имъ, по мѣрѣ усердія и смысла моихъ, и терпѣливо ждать времени къ совершенію возложеннаго на меня служенія. Сверхъ мирной негодіація, имѣлъ я отъ вашего величества порученіе по дѣламъ польскимъ, которыя при жизни князя Потемкина ведены были чрезъ мои руки. Много мнѣ стоило труда удерживать пылкость и неосновательность Поляковъ, ко мнѣ тогда прибывшихъ, покуда успѣлъ я одержать миръ, безъ котораго и помыслить о Польшѣ было нельзя. Наконецъ совершенъ сей миръ на томъ основаніи, какъ желали. Сверхъ прочнаго спокойствія, имъ установленнаго, пользы, отъ него проистекшія, ощутительны. Какъ присоединеніе подъ державу вашу Крыма, Тамани и части Кубани было слѣдствіемъ мира Кайнаржійскаго, такъ, по истинѣ, настоящее, гораздо важнѣйшее того приобрѣтеніе можетъ почтеться слѣдствіемъ Яскаго мира. По милостивому приему оконченной мною негодіація и по настоящему образу повелѣній, отъ вашего величества ко мнѣ присланныхъ о послѣщеніи пріѣздомъ въ Петербургъ, имѣлъ я причину ласкать себя надеждой, что довѣренность ваша ко мнѣ не уменьшась. По возвращеніи моемъ я и паче удостоверился, что подвѣгъ мой былъ вамъ угоденъ. Ваше величество желали, чтобъ я пакъ за дѣла принялся; требовали, чтобъ я былъ точно на томъ же основаніи, какъ и прежде, чтобы не обинулся о всемъ представлялъ вамъ и сказывалъ откровенно мои мысли. Сеуму монаршему изреченію повиновался и по долгу подданнаго, и по долгу благодарности. Я ссылаюсь на все, что докладывалъ по разнымъ дѣламъ, въ томъ числѣ и на мнѣніе мое, подаанное о пользѣ и необходимости приобрѣтенія Украйны и другихъ земель отъ Польши, какъ только первая къ тому удобность открывалась начала. Если мнѣ казалось, что мои представленія не въ томъ уже видѣ и цѣли принимались, какъ прежде я былъ ошастливленъ, то служило мнѣ, по крайней мѣрѣ, утѣшеніемъ, что я исполнялъ мою предъ вами обязанность, и что дѣла, о коихъ я писалъ или говорилъ, производимы въ исполненіе, приве-

силы свою пользу. Не могу однако скрыть предъ вашимъ величествомъ, пользуясь дозволеніемъ вашимъ быть предъ вами откровеннымъ, что вдругъ нашелся я въ сферѣ дѣлъ, толь тѣсно ограниченной, что я предаюсь на собственное ваше правосудіе: сходствуетъ ли она и съ степенью, отъ васъ мнѣ пожалованною, и съ довѣренностью, каковой я прежде удостоенъ былъ? А сіе и заставило меня отъ многихъ дѣлъ уклониться..... Всемилостивѣйшая государина, если служба моя вамъ негодна, и ежели, по несчастію, лишился я довѣренности вашей, которую вѣще заслужить послѣднимъ подвигомъ моимъ уповалъ, то, повинувшись достоительно волѣ вашей, готовъ ото всего удалиться; но если я не навлекъ на себя такого неблаговоленія, то льщу себя, что личнымъ вашимъ заступленіемъ охраненъ буду отъ всякаго униженія и, что будучи членомъ совѣта вашего и вторымъ въ иностранномъ департаментѣ, имѣя подъ начальствомъ новымъ департаментъ почти и вся при томъ на себѣ одинъ изъ знатныхъ чиновъ двора вашего, не буду я обязанъ принятіемъ прошеній и тому подобными дѣлами, которыми я ни службѣ вашей пользы, ни вамъ угодноста сдѣлать не въ состояніи. Готовъ я впрочемъ всякое трудное и важное препорученіе ваше исправлять, не щадя ни трудовъ моихъ, ниже самого себя".

Храновицкій говоритъ въ своемъ дневникѣ, что при чтеніи приведенной вами записки Безбородки, и „при писаніи отвѣта не сердился, но задумчивость была примѣтна". Весьма можетъ быть, что Екатерина нѣсколько охладѣла къ своему довѣренному совѣтнику; другія лица стали между нихъ и ея; но это было чисто личное чувство, которому некогда не приносила она въ жертву государственныя соображенія. Снова возстановилъ Безбородко поколебленное свое вліяніе и до послѣднихъ дней императрицы неизмѣнно сохранялъ его. Все заставляло думать, что именно по этой причинѣ онъ не долженъ былъ ожидать ничего хорошаго для себя отъ ея преемника. Растопчинъ разсказываетъ, что онъ былъ крайне смущенъ въ роковой день 1-го ноября 1796 года. По словамъ его „графъ Безбородко болѣе 30-ти часовъ не выходилъ изъ дворца и былъ въ отчаяніи; неизвѣстность судьбы, страхъ, что онъ подѣ гнѣвомъ новаго государя, и живое воспоминаніе благодѣяній умирающей императрицы наполнили глаза его слезами, а сердце горестью и ужасомъ; раза два говорилъ онъ мнѣ унизительнымъ голосомъ, что надѣется на мой дружбу, что онъ старъ, боленъ, имѣетъ 250,000 руб. дохода и единой проситъ милости—быть отставленнымъ отъ службы безъ посрам-

ленія^а. Но можно сказать, что съ первой же минуты императоръ Павелъ понялъ, какое огромное приобретене дѣлаетъ онъ въ лицѣ Безбородки съ его удивительною памятью и съ необычайнымъ знаніемъ дѣлъ. „Этотъ человекъ для меня даръ Божій“, сказалъ онъ Растопчину. Сохранилось извѣстіе, будто графъ Безбородко оказалъ важную услугу новому государю, бивъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ того, что завѣщаніе императрицы Екатерины не было приведено въ исполненіе; г. Григоровичъ довольно подробно останавливается на этомъ вопросѣ и склоняется въ пользу упомянутаго предположенія. Едва ли однако это повліяло бы значительно на судьбу Безбородки, ибо, кажется намъ, услугъ нельзя было придавать чрезвычайную важность: если императрица, при жизни своей, не успѣла обнародовать свою волю, то, по смерти ея, ни Безбородко и никто другой не могли бы, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, привести ее въ исполненіе. Гораздо правдоподобнѣе, что возвышеніемъ своимъ въ новое царствованіе Безбородко обязанъ былъ тѣмъ высокимъ достоинствамъ дѣловаго человека, которыя всегда выдвигали его на первый планъ. Почести посыпались на него такъ, что самъ онъ былъ смущаемъ и тревожимъ этимъ приливомъ счастья—и замѣчательно, что при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, когда такъ шатко было положеніе государственныхъ людей, Безбородко ни разу не испыталъ никакихъ невгодъ.

Въ книгѣ г. Григоровича собрано много любопытнаго матеріала для характеристики Безбородки, какъ человека. Мы имѣемъ предъ собой, между прочимъ, различные отзывы его современниковъ. „Онъ былъ, выразился о немъ Карамзинъ въ 1825 году, хорошій министръ, если и не великій; такого теперь не имѣемъ. Вижу въ немъ умъ государственный, ревность, знаніе Россіи, то, чего теперь не вижу. Жаль, что не было въ Безбородкѣ ни высокаго духа, ни чистой нравственности; заключимъ обыкновенною поговоркой—чѣтъ совершеннаго“. Сперанскій отзывался, что въ Россіи, въ XVIII-мъ столѣтіи, было только четыре генія: Меншиковъ, Потемкинъ, Суворовъ и Безбородко, но послѣдній „не имѣлъ характера“. Морковъ писалъ Воронцову: „Безъ сомнѣнія, князь Безбородко во многихъ отношеніяхъ составляетъ для всѣхъ утрату, но я не знаю, внушаетъ ли онъ кому-либо состраданіе“. Завадовскій говорилъ: „Народное тщеславіе и во всемъ прочемъ необычайное преуспѣяніе кололи завистливыя глаза, по обыкновенному свойству людей, чтобъ злорѣчить другаго изъ томъ, чего сами имѣть не можемъ. Безъ благоволенія фортуны и

часть ссѣвчи, отд. 2.

случаевъ благопріятствовавшихъ, никто не вошелъ въ первую знать; но oprичъ сихъ, покойникъ (Безбородко) имѣлъ свою собственность, щедренную отъ природы, какъ-то умъ дѣловой и острое по нятіе. Непомѣрное любопытство стяжало ему обширное знаніе вещей, для государственнаго человѣка нужныхъ, которыя удерживала всегда присутственными мыслями память его преудивительная. Къ его головѣ трудно прибрать равную, чтобы такъ же былъ прѣмагкій нравъ и неалобивое сердце, даже и противъ враждовавшихъ ему. Наконецъ сохранился суровый приговоръ Растопчина: „Россія будетъ имъ гордиться, но онъ ее не любилъ, яко сынъ любить мать“. Во всѣхъ этихъ отъзнавахъ есть общаа черта — безусловное воскваленіе рѣдкихъ способностей Безбородки; всѣ, имѣвшіе случай приближаться къ нему или судящіе о немъ по его дѣятельности, согласны въ томъ, что это была чрезвычайно богато одаренная натура. Но достаточно ли этого, чтобы сдѣлаться первостепеннымъ государственнымъ человѣкомъ? Кромѣ ума и таланта, нуженъ для этого также смѣлный характеръ, но общій голосъ утверждалъ, что именно характера и недоставало князю Безбородкѣ. Подъ характеромъ понимаемъ мы, между прочимъ, способность всецѣло предаться тому или другому дѣлу, твердо отстаивать его, напрягать всѣ усилія, чтобы обезпечить его успѣхъ, но о Безбородкѣ можно сказать, что если почти во всемъ видно его участіе — и почти всегда участіе весьма полезное — то ни съ чѣмъ особенно не связалъ онъ своего имени. Этому мѣшала основная черта его характера — безнечность, даже лѣность, чрезмѣрная наклонность къ житейскимъ выгодамъ и удобствамъ. Онъ сошелъ въ могилу вовсе не старымъ человѣкомъ, ему было только 51 годъ, но еще задолго до того, еще при жизни Екатерины, онъ таготился своею дѣятельностью, какъ будто она совсѣмъ надломла его. „Всѣ чины — монета безъ внутренняго вѣса, говорилъ онъ; я пребываю безъ перемѣны въ моихъ прежнихъ желаніяхъ: отойти отъ большаго свѣта и водвориться въ деревнѣ, гдѣ я нѣсколько и мотовато соорудилъ себѣ пристанище на дни послѣдніе и послѣ смерти“. Въ царствованіе императора Павла, убѣждалъ Лопухина хлопотать, чтобы дозволено было ему удалиться отъ служебныхъ занятій, онъ писалъ: „Вы за меня легко поручитесь можете, что я великій неохотникъ не только до интригъ, гдѣ много бываетъ безпокойства и заботы, но даже и до всѣхъ дѣлъ; слѣдовательно я не заслуживаю никакого сомнѣнія или подаренія, и въ чужихъ краяхъ, и въ Россіи живучи, кромѣ своего здоровья, покоя и удовольствія, ни о чемъ и

намѣренъ помышлять*. Нельзя не вѣрить совершенной искренности такихъ заявленій со стороны Безбородка; онъ внесъ въ государственную службу обширный запасъ свѣдѣній и дарованій; служба взаимѣнъ этого принесла ему большія почести и огромное состояніе и онъ сѣшлъ вдоволь, на просторѣ, насладиться ими, ибо едва ли не въ этомъ и видѣлъ онъ главную цѣль земнаго существованія. Безбородко былъ своего рода философъ, какихъ не мало встрѣчается въ XVIII-мъ вѣкѣ.

Роскошь его была изумительна,—онъ ничего не жалѣлъ для себя. Въ книгѣ г. Григоровича читатель найдетъ описаніе великолѣпныхъ его празднествъ, которыя приводили въ восторгъ его современниковъ. Извѣстно, что онъ далеко не отличался чистотою своихъ нравовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ развиты были въ немъ благородныя утонченныя вкусы, благодаря которымъ онъ имѣлъ право занять мѣсто на ряду съ наиболѣе просвѣщенными представителями окружающаго его общества. Картинавая его галерея, составляющая нынѣ одно изъ лучшихъ украшеній нашей Академіи художествъ, свидѣтельствуетъ объ его благородной страсти къ живописи. „Испытавъ въ жизни моей, писалъ онъ къ графу Воронцову, всякаго рода мотовства, вдругъ очутился я охотникомъ къ картинамъ. Случай разореній французскихъ благопріятствоваль мнѣ достать нѣсколько штукъ, наипаче изъ школы Фламандской. Я получилъ три картины изъ коллекціи Орлеанскаго герцога, три изъ Шуазелевой и нѣсколько изъ другихъ. Дошли ко мнѣ также и весьма добрыя картины итальяскія. Словомъ, съ моиъ жаркимъ стараніемъ, съ помощью пріятелей и съ пособіемъ до ста тысячъ, издержанныхъ мною мнѣе трехъ лѣтъ, составилъ я хорошую коллекцію, которая и числомъ, и качествомъ превзошла Строгановскую. Отъ сего вышелъ другой расходъ, что я долженъ былъ построить большую картину галерею, въ которую жду еще нѣсколько картинъ изъ Варшавы и штуки четыре изъ Италіи....“. Прося Воронцова обратить вниманіе, не найдется ли въ Англіи что-нибудь пригодное для умноженія его галереи, Безбородко продолжаетъ: „Но я долженъ сказать, что нынѣ Орлеанскаго Теньера, Мериса и Жерарда Доу, также и другихъ Фламандцевъ, я, можно сказать, рѣдкіе пейзажи, болѣе жадею на итальянскія, а изъ пейзажей развѣ бы Клода Лоррена, котораго у меня нѣтъ; но, напротивъ того, есть у меня Сальваторъ Роза, какова и въ Эрмитажѣ нѣтъ и къ которому Строгановъ и профессора часто съ визитою прѣзжаютъ“.

Другою страстью Безбородки была архитектура. Онъ задумалъ, между прочимъ, построить въ колоссальныхъ размѣрахъ домъ, кото-

рый представлялъ бы нѣчто необыкновенное если бы смерть не помѣшала ему исполнить это намѣреніе. Онъ самъ говорилъ о немъ, что это зданіе „потомству покажетъ, что въ нашъ вѣкъ и въ нашей землѣ знали вкусъ“. Известный художникъ Гваренги составилъ планъ этого дома,—начертилъ великолѣпныя гостиныя, залы, скульптурную и картинную галлерей, нумизматическій кабинетъ, бібліотеку, театръ; въ саду должны были находиться настоящія классическія руины въ греческомъ и римскомъ стилѣ. Впослѣдствіи почитатели Гваренги издали въ Миланѣ копія съ рисунковъ, сочиненныхъ имъ по этому поводу.

О двухъ греческихъ путешественникахъ XV и XVIII вѣковъ.

Καθαρός Λασκαρὶς καὶ Βασίλειος Βατατζῆς δύο Ἑλληνας περιηγηταὶ τοῦ 15^{ου} καὶ 18^{ου} αἰώνος ὑπο Ἐπιμ. Π. Λαμπροῦ (Каннаръ Ласкари и Василій Ватаца, два греческіе путешественника XV и XVIII вѣковъ. Соч. С. Ламбра). Ев. Аѳѣν. 1881.

Греческій ученый Спиридонъ Ламбръ, известный по изданію и объясненію византійскихъ текстовъ, помѣстилъ недавно въ греческомъ журналѣ Парнассъ статью о двухъ греческихъ путешественникахъ XV и XVIII вѣковъ, записки которыхъ до сихъ поръ не были известны. Желая познакомить русскихъ читателей съ неизвестными до сихъ поръ текстами и съ предположеніями о нихъ г. Ламбра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вызвать нашихъ специалистовъ на дальнѣйшія разъясненія трудныхъ вопросовъ, мы рѣшились представить содержаніе его статьи съ нѣсколькими своими замѣтками, пользуясь для того отдѣльнымъ ея оттискомъ.

Греческая рукопись императорской Вѣнской бібліотеки, помѣченная Hist. Gr. CXIII и писанная на бумагѣ въ XVI столѣтіи, содержитъ въ себѣ слѣдующій краткій текстъ, который г. Ламбръ переписалъ весной 1876 года и издалъ весь въ вышеприведенной статьѣ, подписавъ подъ текстомъ ошибочныя написанія кодекса. Мы даемъ здѣсь весь переводъ упомянутого текста.

Ласкари Канназ¹⁾.

„Я объѣхалъ много земель въ Европѣ и обошелъ все ея поморіе отъ Сѣвернаго Океана (ἀπὸ τοῦ βόρειου Ὠκεανῶ). Здѣсь находится

¹⁾ Λασκαρῆος τοῦ Καθαροῦ. Начало текста: Ἐγὼ περιήθην..., конецъ μὴ καταλείψετε.

обширѣйшій заливъ, именуемый по гречески Узнедскимъ (Ὀυνεδικός κόλπος), котораго обходъ имѣеть четыре тысячи миль; а поперечникъ его отъ сѣвернаго мыса (ἀκρωτηρίου), называемаго мысомъ Норвегій (ἀκρὸς τῆς Νορβηγίας), до его кута въ странѣ Пурсіа (Πορσείας) имѣеть двѣ тысячи тѣхъ италіанскихъ миль, которыя заключаютъ въ себѣ по тысячѣ оргій (ὄργιων) на милю, а нашихъ миль, что по семисотъ-пятидесяти оргій на милю, имѣеть онъ (поперечникъ) двѣ тысячи двѣсти-пятьдесятъ. Находятся же отъ него съ востока и съ запада [шестъ странъ] ¹⁾. И вопервыхъ, съ востока и въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ его находится страна Норвегій, имѣющая столичный городъ, именуемый Бергенъ Вагенъ (προκαθισμένην πόλιν καλομένην Μικέρυεν Βόγην²⁾). Въ этомъ городѣ не чеканится монета ни золотая, ни серебряная, ни мѣдная, ни желѣзная, но живутъ отъ товаровъ, какъ покупающіе, такъ и продающіе ³⁾. Еще въ этомъ городѣ бываетъ день въ одинъ мѣсяць: съ двадцать-четвертаго іюня мѣсяца по двадцать-пятое іюля—все день, а ночи вовсе нѣтъ. Послѣ этой страны находится страна Суиціа (ἐπαρχία τῆς Σουητίας), имѣющая столицей Стокольмо (Στοκόλμω). Въ этомъ городѣ чеканится монета серебряная смѣшанная. Въ сихъ двухъ странахъ властвуетъ король Данскій (τοῦ ῥήτος τῆς Δανίας). Послѣ Суиціа находится страна Ливонія (τῆς Λιβονίας). Эта страна имѣеть столицу, которая именуется Ригой (Ρήγα), и городъ Ривулъ (Ρήβυλα). Въ нихъ имѣеть власть архіепископъ и мѣрскую, и духовную. Въ странѣ же властвуетъ герцогъ великій магистръ бѣлыхъ одеждъ и чернаго креста (ἡ ἐπαρχία ἄρχωνι ὑπὸ τοῦ δοκῆος μεγάλου μαϊστορος τῶν λευκῶν ἰνδωματίων καὶ τοῦ μέλανος σταυροῦ). Послѣ этой страны и въ кутѣ залива находится страна Пурсіа (τῆς Πορσείας); имѣеть столицу, именуемую Танцикомъ (Τάντικω). Послѣ нея находится страна Саявунія (Σθαβουνίας), имѣющая столицу, называемую Лупикомъ (Λουπήκω). Изъ этой страны происходятъ Зигіоты, что въ Пелопоннѣсѣ (οἱ Ζηγιῶται οἱ ἐν Πελοποννήσῳ): ибо тамъ находится весьма много селеній (χωρία), говорящихъ языкомъ Зигіотовъ. Послѣ этой страны находится страна Данія (τῆς Δανίας), которая Данія имѣеть

¹⁾ Слова, вставленные въ скобкахъ ἐπαρχίας εἰς помянуемъ здѣсь надателемъ, который замѣствовалъ ихъ изъ послѣдующаго текста.

²⁾ Очевидно, Вагагъ названіе бухты Waagen, у которой помѣщается городъ Бергенъ, присоединяемъ къ имени города.

³⁾ Г. Ламбръ считаетъ это за неясное пониманіе и полагаетъ, что слова эти имѣють только ту истинную основу, что въ Норвегій чеканеніе монетъ было исключительнымъ правомъ королей, но не городовъ (стр. 5).

городъ, именуемый Купанаве (Κοοπανάβα). Это и есть столица короля Даниа. Таковы тѣ шесть странъ, что вокругъ залива.

Я доѣзжалъ и до острова Ихеіофаговъ (Ἰχθεοφάγων)¹⁾, именуемаго обыкновенно Исландой (Ἰσλάντην), а у мудраго Птолемея, какъ мнѣ кажется, это есть Оула (ἡ Οὐλή). Тамъ всталъ я день въ шесть мѣсяцевъ, отъ начала весны до осенняго поворота. Ибо я поѣхалъ изъ Ингливіи (Ἰγγληνίας) на сей островъ, и плаванія было тысяча миль, и задержанъ я былъ (ἐπιλημμέλησα) тамъ двадцать-четыре дня. И выдалъ я мужей крѣпкихъ и сильныхъ, и пищей была имъ рыба, и хлѣбомъ—рыба, а напояткомъ—вода. Потомъ я опять вернулся назадъ въ Англитеру (Ἰγγλητέραν). А разстояніа (μιλιασμός) отъ вышеупомянутаго города Бергена Вагена до Клузъ (τῶν Κλουζῶν) къ югу отъ Фландріи (Φλανδρίας) прямымъ путемъ три тысячи пятьсотъ миль, отъ Клузъ до Священнаго мыса (Ἱεροῦ ἄκρου) въ Портѣ Галле (τὸ Πόρτε Γάλλε) двѣ тысячи шестьдесятъ-четыре мили, или же вмѣстѣ пять тысячъ шестьсотъ-шестьдесятъ-четыре мили, не объѣзжая заливовъ (μὴ κατακολπίζοντι)²⁾.

Г. Ламбръ, какъ мы уже сказали, понястилъ въ своей статьѣ весь текстъ Канана, найденный имъ въ Вѣнской библиотекѣ; однако онъ не считаетъ его трудомъ цѣльнымъ, сполна дошедшимъ до насъ, но скорѣе короткимъ отрывкомъ утраченнаго географическаго труда. Онъ считаетъ автора этого отрывка, Ласкари Канана, за одно и то же лицо, что и Іоаннъ Кананъ, авторъ известнаго „Повѣствованія о происшедшей въ Константинополѣ войнѣ“³⁾, гдѣ описана осада этой столицы Амуратомъ, въ 1422 году, не удавшаяся этому султану вслѣдствіе мужественнаго противодѣйствія жителей. Къ такому отождествленію г. Ламбръ приведенъ сходствомъ смѣшаннаго, полудревняго, полуноваго азыка, которымъ писаны оба упомянутыя сочиненія. Въ географическомъ отрывкѣ это лицо названо по личному имени Іоанномъ, а въ историческомъ повѣствованіи отъ втораго имени великаго рода Ласкари, котораго какой-либо членъ, вѣроятно—по свойству (по женской линіи), породнился съ домомъ Канановъ. Если же можно считать Канана географическаго отрывка за одно и то же лицо съ Ка-

¹⁾ То-есть, рыбозковъ.

²⁾ Этотъ текстъ помѣщенъ на стр. 2 и 3 статьи г. Ламбра.

³⁾ Въ томъ же томѣ Боннскаго изданія византійскихъ историковъ, гдѣ хроника Георгія Фраанди и Моводія Іоанна Анагноста о вѣлѣнїи Θεσσαλονίκης, помѣщена и: Τηθέντος τοῦ Κανανῶν διήγησις περί τοῦ γεγονότος κολπίου и т. д.

накомъ историческаго повѣствованія, то лицо это приурочивается къ первой половинѣ XV в. Къ той же эпохѣ приводитъ г. Ламбра я рассмотрѣніе свѣдѣній Канана - географа объ отношеніи Норвегіи и Швеціи къ Даніи и о положеніи Риги и Данцига ¹⁾).

Остановимся на томъ мѣстѣ географическаго текста Канана, гдѣ онъ говоритъ о Сеавуніи и Луникѣ. Выше мы представили это мѣсто въ переводѣ. Теперь приведемъ его въ подлинныхъ выраженіяхъ Канана:

Μετ' αὐτὴν ἔστιν ἡ ἐπαρχία τῆς Σθαβοονίας ἣτις ἔχει προκαταζομένην πόλιν Δουπήκην ὀνομαζομένην. Ἄκ' αὐτῆς τῆς ἐπαρχίας ὑπάρχουσιν οἱ Ζυγίωται οἱ ἐν τῇ Πελοποννήσῳ ἕκαστοι ὑπάρχουσιν πλείοτα χωρία ἅτινα διαλέγουσται τὴν γλῶσσαν τῶν Ζυγιωτῶν. (Дальше о Даніи) ²⁾.

„Неясность и смутность замѣтна въ томъ, что сказано адѣсь о Сеавуніи и Луникѣ“, замѣчаетъ г. Ламбръ. — „Какая это страна Сеавунія, и какой это городъ Луникъ? Что это за проживающій тамъ народъ, который нашему путешественнику напоминаетъ Зигіотовъ Пелопонниса, и кто же наконецъ эти послѣдніе?“ (стр. 6). Вотъ вопросы, которыми задается греческій ученый и которые старается разрѣшить.

„Самую подходящую мысль будетъ“, продолжаетъ г. Ламбръ, — „что Луникъ Канана есть германскій Любекъ, хотя тогда трудно объяснить отношеніе этого города къ Сеавуніи. Допустивъ, что рѣчь идетъ о Любекѣ, быть можетъ, кто-нибудь сдѣлаетъ попытку предположить, что у Канана говорится о Славянахъ (Σλάβων), и таково приблизительно было мнѣніе германиста Хаупта въ Вѣнѣ, которому я показывалъ это мѣсто. Но согласно съ тѣмъ, что я прежде изложилъ въ Орѣ ³⁾, я думаю, что въ этихъ Зигіотахъ мы должны признать Цыганъ (τοὺς Ἀδιγγάνους), жившихъ въ Пелопоннисѣ съ серединою XIV вѣка. Что въ Пелопоннисѣ жили Цыгане въ довольно большомъ количествѣ, это доказывается, какъ привилегіями, выданными имъ венеціанскимъ намѣстникомъ Октавіаномъ Буономъ, и встрѣчающимся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пелопонниса именовъ Гифтокастра (Γοφτοκάστρου), такъ и сочиненіемъ Мазари, въ которомъ приводятся вмѣстѣ съ дру-

¹⁾ Статя г. Ламбра, 4—6.

²⁾ Тамъ же, стр. 3 (строки 7—11). Смотри выше у насъ переводъ этого мѣста.

³⁾ Авторъ адѣсь ссылается на свою статью, помѣщенную въ греческомъ журналѣ *Ора* (Ἦρα), 5-го мая 1879 г.

гими шестью племенами, живущими въ Пелопонесѣ, и Египтяне (Αἰγύπτιοι) ¹⁾. Мы имѣемъ и другія свидѣтельства германскихъ путешественниковъ конца XV вѣка, нашедшихъ не мало Цыганъ, особенно у Мессоны. Можетъ быть, кто-нибудь возразитъ, что имя Ζογίωται не находится ни въ какомъ отношеніи къ Цыганамъ. Но въ сочиненіи кельскаго патриція поклонника Арнольда фонъ-Харфа (Harff) 1496—1499 гг., находится по поводу Мессоны слѣдующее мѣсто: „Здѣсь живеть много бѣдныхъ обнаженныхъ людей въ крытыхъ тростникомъ хижинахъ, до трехъ сотъ семействъ, называемыхъ Suuginer, тѣхъ самыхъ, которыхъ мы называемъ лычниками изъ Египта, и которые кочуютъ въ нашихъ странахъ“ и проч. Въ другомъ мѣстѣ онъ говорить, что они происходятъ изъ какого-то города Гимъ (Γόμη), неподалеку отъ Мессоны; и то же имя мы находимъ въ болѣе старинныхъ разказахъ германскихъ поклонниковъ Св. Гроба, посѣтившихъ и Грецію. И такъ, если имя Ζογίωται не искажено въ дурно-написанной рукописи изъ Γόμηται, все же оно очень родственно съ именемъ Suuginer кельскаго патриція, если мы древнюю сигму произнесемъ какъ зигу, согласно съ выговоромъ многихъ Германцевъ, и представимъ себѣ, что германскій путешественникъ замѣнилъ греческое окончаніе германскимъ. Это мнѣніе мое, что Зигіоты не суть Славяне (Σλάβοι), но кочующіе Цыгане (Αβίγγανοι) высказалъ я берлинскому профессору Ваттенбаху, одному изъ лучшихъ знатоковъ мѣстной средневѣковой исторіи Германіи, и онъ написалъ мнѣ по этому случаю слѣдующее: „И я то же думаю, что это были Цыгане (Αβίγγανοι); но напрасно донскавался я какого-нибудь упоминанія о Цыганахъ въ хроникахъ тѣхъ германскихъ мѣстностей въ XV столѣтіи; это однако не значитъ, чтобы вовсе и не было такихъ селеній; возможно, что когда-нибудь и кочевали въ тѣхъ мѣстностяхъ толпы ихъ, о которыхъ нѣтъ упоминанія въ лѣтописцахъ“. Немногими моими строками²⁾, продолжаетъ г. Ламбръ,—я высказалъ только домыслы, и не предпринялъ положительнаго рѣшенія этого вопроса, который по неопредѣленности и смутности мѣста Кананова кажется мнѣ очень неудоборазрѣшимымъ. Я ожидалъ слышать мнѣніе лицъ, занимающихся у насъ ³⁾ исторіей... Я радъ, что могу приложить здѣсь мнѣніе по крайней мѣрѣ одного, г. Константина Саен, единственнаго, писавшаго

¹⁾ Ἐκτίθεται Μάσση ἐν Ἄβσο ἡ Βασσαράδα, Anecdota Graeca, томъ 3, стр. 174.

²⁾ Въ Гречіи.

по этому предмету. По его мнѣнію, я заблуждаюсь, полагая, что Зиготы суть Цыгане, между тѣмъ какъ они суть жители Зига (τοῦ Ζυγῶν) въ Мани или Маниаты (Майноты). Вотъ дословно, что говорить г. Сава: „Хотя Кананъ Ласкари, путешествовавшій по сѣверной Европѣ въ XV вѣкѣ, и кажется писателемъ легкимъ, но мы не можемъ предположить, что онъ былъ такъ простъ, чтобы принять языкъ Маниатовъ или Цаконювъ за тотъ языкъ, на которомъ говорили въ его время Германцы береговъ Балтійскаго моря, или жители Любка. Вѣроятно, что кто-нибудь изъ иноземныхъ феодаловъ, занимавшихъ нѣкоторое время маленькіе замки въ Лаконіи, нашелъ выгоднымъ поставить тамъ постой германскихъ воиновъ. Въ дѣйствительности одинъ изъ безыменныхъ бароновъ Лаконіи носить имя 'Αλαμάννος, свидѣтельствующее о его германскомъ происхожденіи: ему принадлежалъ замокъ святаго Иліи на Тайгетѣ. Въ 1423 году вдова этого Алманна вышла замужъ вторымъ бракомъ за Адама Мельпильяно, барона Миловъ (Μύλων), замка, стоящаго недалеко отъ Каламаты (Horf, Chroniques Gréco-Romanes, p. 472, XIII). Предположеніе же о германской колоніи въ Пелопонисѣ могло бы имѣть поддержку въ слѣдующихъ двухъ фактахъ, что и нынче въ Мани (Майнѣ) есть семейства съ именемъ Ντοοδεσκήας (Tudesque), и что большое мѣстечко съ 342 жителями, принадлежащее къ дому Τροκατοί въ округѣ Гортинскомъ, называется Βρατερβούργον, а это имѣетъ германское происхожденіе" ¹⁾.

„Этими замѣчаніями“, продолжаетъ г. Ламбръ, — „мы не подвинулись ощутительно въ разрѣшеніи занимающаго насъ вопроса. Только прибавился еще одинъ домысль, противъ котораго я скажу слѣдующее: Г. Сава приводитъ двѣ страны въ Пелопонисѣ, Мани (Майну) и Цаконію, какъ обозначаемыя хронографами названіемъ Зигъ (Ζυγός), и клонится къ мнѣнію, что Кананъ называетъ Зиготами Маниатовъ (Майнотовъ). Мы же думаемъ, что это имя встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ полуострова, и что оно означаетъ не однѣ только опредѣленныя мѣстности, но вообще жителей Зиговъ (τῶν Ζυγῶν), то-есть, тѣхъ горъ, которыми отдѣляются воды (Wasserscheide) или иначе водораздѣловъ (τῶν στενωῶν): такъ, что мы не можемъ положительно высказаться, что рѣчь идетъ о жителяхъ Мани (Майни). Не оспаривая вообще существованія какого-нибудь германскаго воинскаго поста въ

¹⁾ См. *Sahas*, Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge. T. I. Paris. 1880, p. XXX, n. 3. *Прим. к. Ламбра.*

Пелопоннѣ, а въ настоящемъ случаѣ считаю невѣроятнымъ сближеніе Зигіотовъ Канава съ Германцами вообще, по той причинѣ, что было бы странно, если бы византийскій путешественникъ, объѣхавшій хоть и не всю Германію, то по крайней мѣрѣ Пруссію, о которой положительно упоминаетъ передъ спорною Сеавуніей, въ которой находится Лупикъ, не сказалъ бы ни слова о германскихъ переселенцахъ Пелопонниса тотчасъ же послѣ упоминанія о Пруссіи. Если онъ желалъ просто упомянуть о томъ, что Зигіоты происхожденіемъ Германцы, то зачѣмъ онъ, чтобы сказать это, поджидалъ своего пріѣзда въ Лупикъ? Поэтому, если Зигіоты не Цигане, то они еще того больше не Германцы¹⁾. А вотъ что неоспоримо: это тогда будетъ разрѣшено, когда ясно и опредѣленно будетъ объяснено, что это за Сеавунія и что это за Лупикъ, о которыхъ говоритъ Канава; и оттуда будетъ дознано, на какомъ это тамъ говорятъ языкъ, знакомъ путешественнику изъ Пелопонниса. Дѣло идетъ рѣшительно о какомъ-то чужомъ языкѣ, а не о какомъ-либо говорѣ пелопоннискскомъ. Если, напримѣръ, вышеприведенный Мазари не былъ знакомъ съ лаконскими говорами и привелъ особенные обороты и слова за цаконскія, которыхъ однако принадлежность къ этому говору отвергаютъ нынѣ люди, въ немъ свѣдущіе, то мы не можемъ предположить, чтобы этотъ говоръ могъ поразить слухъ Канава какъ какой-то говоръ ему чуждый, такъ какъ Канава не брезгалъ писать простымъ языкомъ, поступая и естественнѣе и совершенно иначе, чѣмъ пуристъ Мазари. И такъ, вопросъ о Сеавуніи, Лупикѣ и языкѣ Зигіотовъ необходимо еще извѣстить; и когда онъ будетъ рѣшенъ, то онъ обогатитъ насъ важнымъ извѣстіемъ по эволюціи Пелопонниса въ XV столѣтіи. Въ настоящую же минуту пусть будетъ высказано и такое предположеніе: не разумѣетъ ли Канава подъ Сеавуніей Эстонію, а подъ Лупикомъ рукописи не кроется ли въ искаженномъ видѣ названіе курляндскаго города Libau²⁾.

Здѣсь останавливается г. Ламбръ въ той части своей статьи, гдѣ онъ разбираетъ текстъ Канава. Догадки двухъ греческихъ ученыхъ приведены нами сполна, въ надеждѣ вызвать замѣчанія вашихъ знатоковъ. Мы съ своей стороны позволимъ себѣ лишь двѣ замѣтки.

Упомянувъ города одинъ за другимъ, Канава почти описываетъ кругъ: Бергенъ, Стокгольмъ, Рига, Ревель, Данцигъ, Любекъ, Копен-

¹⁾ Дословно: то они гораздо меньше того суть Германцы.

дагень: поэтому, его Лупика, кажется намъ, не слѣдуетъ ни измѣнять, ни передвигать: это безспорно—Любекъ.

Зигіотовъ не слѣдовало бы принимать за Цыганъ, и вотъ почему: Цыганъ Греки называютъ различно: Вонервхъ, Ἀδιγανος, Τσιγγανος, чему соответствуетъ названіе турецкое, сербское, русское и нѣмецкое Zigeuner, которое Нѣмецъ-паломникъ XV вѣка и воспроизвелъ въ своемъ Suuginer: Харфъ видалъ у Мессоны, въ Греціи, дѣйствительно Цыганъ. Повторныхъ, Греки называютъ Цыганъ еще и Γόβτος, а это есть усѣченное Αἰγύπτιος Египтянами, какъ извѣстно, называютъ Цыганъ и народы Романскіе. Втретьихъ, Греки называютъ Цыганъ еще, неизвѣстно мнѣ почему—Κατσιβελани, Κατσιβελος. Поэтому, если бы Кананъ при видѣ поселенъ какихъ-то деревень близъ Любка, узналъ въ нихъ Цыганъ, подобныхъ видѣннымъ имъ въ Морей, то онъ упомянулъ бы о нихъ подъ одною изъ этихъ общепотребительныхъ формъ, а не вридалъ бы Цыганамъ чисто греческаго имени Зигіотовъ. Итакъ, въ языкѣ означенныхъ окрестныхъ жителей Любка Кананъ призналъ не цыганскій языкъ.

Другой путешественникъ, о жизни и дѣятельности котораго сообщаетъ г. Ламбръ, по имени Василій Ватаца, родился въ 1694 году въ Терапіяхъ, недалеко отъ Константинополя. Отецъ его былъ священникомъ и экономомъ Великой церкви. Когда Василію было четырнадцать лѣтъ, онъ уже имѣлъ желаніе торговать и путешествовать: въ этомъ возрастѣ онъ уже пустился въ путь. „Съ молитвами“, пишетъ Ватаца,—„отправили меня родители мои въ страны арктическія, въ землю, говорю, православную, гдѣ сіяетъ церковь, и въ царственный градъ Московію“¹⁾. Эта поѣздка въ Россію и еще вторая туда же описаны Ватациемъ въ первой части его „Путешествія“. Много лѣтъ спустя предпринялъ онъ въ 1727 году и третье далекое странствіе, сперва по Азіи, гдѣ носѣтилъ онъ Хиву, Бухару, Иркию, Аральское море, Таврскія горы, Персію,—потомъ по Европѣ. Это третье странствіе описано во второй части.

Эти извѣстія о Ватаца почерпнуты г. Ламбромъ изъ упомянутого „Путешествія“ Ватаца, найденнаго молодымъ ученымъ въ 1876 году между рукописями бібліотеки Британскаго музея. Рукопись эта перешла сюда изъ Корфу вмѣстѣ съ бібліотекою лорда Гильфорда. Она писана въ первой половинѣ прошлаго вѣка и отмѣчена Add. 10, 075.

¹⁾ См. статью г. Ламбра, стр. 9—11 (гдѣ приведены стихи Ватаца, въ которыхъ онъ разсказываетъ свою жизнь).

Путешествіе заключаетъ въ себѣ 2,100 стиховъ, размѣра политическаго, съ римами. Въ одномъ мѣстѣ Ватаца, высказывая особенное удивленіе шаху Надиру, ссылается на сочиненную имъ „Исторію шаха Надира“, *Ἱστορία τοῦ αἰχμῆ τῆς Περσίας Nadir*. Извлеченіе изъ этой „Исторіи“ по памяти издано было Давидомъ Филиппидомъ въ приложеніи къ его „Географіи Руминіи“, изданной въ Лейпцигѣ въ 1816 году. По извѣстію Филиппида, Василій Ватаца, знавшій языки греческій, латинскій, арабскій и персидскій и разные европейскіе языки, пробывъ долгое время въ Персіи, отправленъ былъ шахомъ Надиромъ посломъ въ Россію... ¹⁾. А изъ „Путешествія“ Ватаца узнаемъ, что этотъ шахъ довѣрилъ ему какое-то посольство въ Пранію, котораго цѣль держитъ онъ въ тайнѣ ²⁾. Г. Ламбръ хвалитъ наблюдательность автора „Путешествія“ и нѣкоторые эпизоды считаетъ достопримѣчательными; въ своей статьѣ приводитъ онъ изъ этого стихотворенія девять отрывковъ. Въ ожиданіи изданія всего „Путешествія“ Василія Ватаца, гдѣ описана и Московія, мы пока остановимся на одномъ только извѣстіи. Греческій путеописатель говоритъ о томъ, что онъ первый сдѣлалъ извѣстнымъ Европѣ Аральское море. Вотъ его слова:

„И послѣ этого недалеко, я говорю отъ Хивы дней черезъ шесть, семь пути, достигли мы до моря, котораго древніе не знали, и которое было совершенно неизвѣстно послѣдующимъ историкамъ. Говорю о морѣ Аральскомъ, къ которому приблизившись, я собственнымъ языкомъ моимъ отвѣдалъ его солоность: оно во всемъ совершенно похоже на море. Обходу его тридцать дней. Въ него текутъ обѣ рѣки Оксъ и Яксартъ, а не такъ, какъ полагали древніе, будто онѣ текутъ въ Каспійское море, какъ говорятъ они по незнанію. Аральское море отстоитъ отъ Каспійскаго даже на много дней пути. Это самое море Аральское, о которомъ я сказалъ, я первый сдѣлалъ извѣстнымъ въ Европѣ. И въ Лондонѣ съ благодарностью оно было принято тѣми учеными, которые занимаются географіей“ ³⁾.

Въ другомъ мѣстѣ, при описаніи Англіи и Оксфордской академіи Ватаца пишетъ:

¹⁾ Φιλίππιδος, Περφόρητα γεωγραφικὰ τῆς Ῥωμανίας, стр. 1—22, по сему-же К. Сави, *Νεοελλην. φιλολογία*, 619 и П. Ламбра стр. 10.

²⁾ Ст. Ламбра, стр. 10 и 12, гдѣ приведенъ стихъ его—описаніе большаго выезда шаха Надира.

³⁾ Не море, конечно, а извѣстіе о немъ; но мы держимся слова Ватаца. Ст. г. Ламбра, стр. 12 и 13, рукописек л. 33 а, какъ сказано на стр. 12 г. Ламбра.

„Я ей поднесъ начертанную мною карту, за которую меня очень поблагодарили всѣ тамошніе“¹⁾).

Г. Ламбръ сообщаетъ, что къ лондонскому списку „Путешествія“ Ватаци прилетенъ одинъ экземпляръ той карты, которую путешественникъ напечаталъ въ Лондонѣ въ 1732 году. Хорографическая часть карты занимаетъ середину листа, а на поляхъ находятся надписи и примѣчанія. Съ лѣвой стороны толкованія и замѣтки о странахъ и народахъ, помѣщенныхъ на картѣ, писанныя по гречески; съ правой — то же самое по латыни. На верху читается по гречески и по латыни слѣдующая надпись:

„Карта, посредствомъ которой дается видѣть любознательнымъ людямъ нѣкій участокъ Азіи, котораго до сихъ поръ ни одному изъ путешественниковъ не удалось своими глазами видѣть и съ знаніемъ что-либо о немъ отчетливо сказать, вслѣдствіе (я думаю) многоразличныхъ опасностей и безчисленныхъ трудностей тамошняго путешествія. Нынѣ впервые въ печать изданная мною, Василиемъ Ватаци, сыномъ усопшаго великаго эконома Святой Христовой Великой въ Константинополь Церкви, такъ какъ круговоротъ дѣлъ человѣческихъ (а мои дѣла, такъ-сказать, отъ этого же круговорота многообразно и неустанно вращаются) явилъ меня путешественникомъ, какъ и прежде по другимъ странамъ и народамъ, такъ и въ здѣсь начерченномъ Азіатскомъ краѣ въ 1727 году (и до 1730); а къ тому же не лишилъ меня (случая) содѣлаться нынѣ зрителемъ достопримой Великой Вреттанніи“²⁾. Кромѣ замѣтокъ и изображеній, на нижнемъ полѣ читается по гречески слѣдующее: „Въ Лондонѣ, въ Вреттаніи. Въ лѣто спасенія 1732, мѣсяца октовріа“. „Эта карта“, прибавляетъ г. Ламбръ, — „стала рѣдкостью: это, можетъ быть и единственный экземпляръ... Я искалъ эту карту въ Оксфордѣ, гдѣ она, по словамъ Ватаци, была поднесена, но тамъ не было экземпляра ея, по крайней мѣрѣ въ Бодлевской библіотекѣ“.

Благодаря статьѣ греческаго ученаго мы могли познакомить русскихъ читателей съ извѣстіями Ватаци объ Аральскомъ морѣ. Сознывая себя въ чуждой намъ области знанія, мы не можемъ взять на себя трудъ сличенія этихъ извѣстій Ватаци съ другими извѣстіями современными. Мы здѣсь кратко повторимъ лишь нѣкоторые выводы

¹⁾ Ст. г. Ламбра, стр. 14.

²⁾ См. греческій текстъ этой надписи въ томъ видѣ, какъ онъ составленъ Ватациемъ въ статьѣ г. Ламбра, стр. 15.

относительно хода историческихъ свѣдѣній объ Аральскомъ морѣ, къ которымъ пришли знатоки. Разказы и слухи древнихъ и средневѣковыхъ писателей о какомъ-то морѣ, находившемся къ востоку отъ Каспія, считаются крайне неопредѣленными. Извѣстія объ особомъ морѣ, подъ названіемъ Ховареймскаго, принимающемъ въ себя двѣ большія рѣки Аму-Дарью и Сыр-Дарью (подъ разными названіями) принадлежатъ восточнымъ писателямъ (до XIV в.) ¹⁾. Болѣе точныя описанія Россіи, и даже чертежи, составлены были русскимъ правительствомъ въ XVI в. и обновлены были имъ въ 1627 и 1680 годахъ. Изданный по многимъ спискамъ текстъ Книги Большаго Чертежа заключаетъ въ себѣ Синее море со впадающими въ него съ востока рѣками Аму-Дарьей и Сыромъ, съ опредѣленіемъ длины и ширины этого моря и его разстоянія отъ Каспія и извѣстіемъ о солоности воды въ Синемъ морѣ ²⁾. Столь полныхъ свѣдѣній объ Аральскомъ морѣ до начала XVIII в. въ западной Европѣ не имѣлось. Въ это время сообщенныя Петромъ Великимъ свѣдѣнія Амстердамскому бургомистру Витзену, Нюрнбергскому картографу Гомману и Парижской академіи дали возможность обозначить отдѣльное существованіе Аральскаго моря, хотя и въ неправильномъ очеркѣ, на картахъ Делиля и Гоммана, Мааса (1735 г.) и Хааза (1744 г.) ³⁾.

Мы привели самыя общія выводы о состояніи свѣдѣній объ Аральскомъ морѣ, опираясь на работы нѣкоторыхъ специалистовъ. Но для насъ остается еще нѣсколько вопросовъ, на которые обращаемъ вниманіе вообще знатоковъ Арало-Каспійскаго бассейна и его исторіи.

Спрашивается: въ самомъ ли дѣлѣ карта Ватади, издавшая имъ въ 1732 году, есть самая первая, или ее такою считалъ ея состави-

¹⁾ *Макшеева*, ст. «Аральское море» въ Геогр.-статист. Словарѣ Росс. Имп. П. Семенова, 1871; Р. Э. Лещица, Наши свѣдѣнія о прѣшемъ теченіи Аму-Дарьи, въ *Зап. Ям. Русск. Геогр. Общ. по Общ. Геогр.* т. IV. С.-Пб. 1871, стр. 89 — 104. А. Б. Каульбарса, *Извѣсія Аму-Дарьи*, *Зап. Ям. Г. Общ.* по *Общ. Геогр.* т. IX, 1881, стр. 442—459.

²⁾ Книга Большому Чертежу, изд. 2-е. С.-Пб. 1838, Д. Языкова (сводное изданіе изданій 1773 и 1792 гг., см. предисл. Языкова; Книга, глаголемая Большою Чертежъ, изд. Г. И. Снасская, Москва, 1846. Издана по оснѣ рукописей, слѣченныхъ между собою и съ печатными изданіями. См. предисловіе Снасскаго. О Синемъ морѣ см. у Языкова стр. 71—72, у Снасскаго стр. 72—73, и прил. 62; А. Макшеева, *Географическія свѣдѣнія Книги Большаго Чертежа о Евразійскихъ степяхъ и Туркестанскомъ край.* Въ *Зап. Ям. Геогр. Общ. по отд. Этногр.* т. VI. С.-Пб. 1881, стр. 16—22.

³⁾ *Макшеева*, Аральское море—въ Словарѣ Семенова.

тель по незнанію? Но если и была издана какаа-нибудь карта Аральскаго моря до 1732 года, то самое изданіе карты Ватаца на глазахъ у англійскихъ ученыхъ съ обозначеніемъ его притязанія на первенство доказываетъ, что съ ихъ стороны никакого спора не было тогда заявлено.

Другой вопросъ: Какимъ образомъ могъ Ватаца начертить свою карту? Какими данными могъ онъ руководствоваться? Разстояніе отъ Хивы до Аральскаго моря, которое, какъ мы видѣли, онъ опредѣляетъ въ своемъ „Путешествіи“ шестью-семью днями, знаетъ онъ по личному опыту: судя по нынѣшнимъ картамъ, путь между Хивой и Аральскимъ моремъ нѣсколько длиннѣе; однако указаніе Ватаца, кажется, не много расходится съ дѣйствительностію ¹⁾. Солоность Аральскаго моря испыталъ онъ тоже самъ. Но какъ могъ онъ знать окружность моря? Разъѣжая въ качествѣ купца или посланца шаха Надира, онъ не могъ имѣть надобности объѣхать кругомъ все Аральское море; а между тѣмъ обозначеніе его нельзя считать произвольнымъ: оно приблизительно вѣрно. Окружности Аральскаго моря онъ даетъ 30 дней пути; помноживъ эту цифру на 30, то-есть, на число верстъ, равное путевому дню, получимъ 900 верстъ, а это немногимъ меньше, чѣмъ указаніе новыхъ картъ ²⁾. Поэтому съ вѣроятностію можно допустить, что онъ о 30 дняхъ пути освѣдомился изъ распросовъ, обращенныхъ къ мѣстнымъ жителямъ. О впаденіи двухъ большихъ рѣкъ въ это море, а не въ Каспійское, могъ онъ и самъ узнать, и отъ туземцевъ. Что это искомыя древнія рѣки Оксъ и Яксартъ, которыя обыкновенно направляемы были въ Каспій, было ему извѣстно изъ книгъ. Но какимъ образомъ былъ въ состояніи начертить карту моря путешественникъ-купецъ, хотя и много выдавшій, но не бывшій геодезистомъ? Какія данныя могъ онъ имѣть, чтобы положить ихъ въ основаніе своему чертежу? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ нужно сдѣлать нѣкоторыя розысканія: между прочимъ необходимо сравнить издаваную Ватациемъ карту Аральскаго моря съ картами Петровскими, если онѣ еще существуютъ, или съ тѣми европейскими картами, которые составлены по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Европѣ Петромъ Великимъ.

¹⁾ См. Подробный Атласъ Россійской Имперіи Ильмина, 1871; карту областей Уральской и т. д.; см. также карту Хивинскаго Ханства и впаденіе Аму-Дарыи приложенную къ вышеупомянутому сочиненію А. В. Каулабарова.

²⁾ См. вышеупомянутую карту въ Атласѣ Ильмина.

Гавріиль. Дестунинъ.

Pismowstwo a spisowarje deluje lužiskih Serbow wot (1546) 1574—1880. Zesbírání K. A. Iéńc. (Casopis Matičcy Serbskeje 1880. Letnik XXXII, zeliwek II).

Watworjenje našeje spisowarje rěče a jeje zblizenje z delnoserbskej. Spisál M. Hórnik, 1880 (тамъ же).

Литература живныхъ Лужицанъ вступила съ недавняго времени въ новый фазисъ своего развитія: мы имѣемъ въ виду учрежденіе глѣтомъ 1880 года ниже-лужицкаго отдѣла Сербской матицы, при содѣйствіи князя Альфонса Парчевскаго; въ отдѣлѣ этомъ принимаютъ дѣятельное участіе два почтенные уроженца Нижнихъ Лужицъ—священники Тешнаръ въ Недѣ и Рохъ въ Вѣтошовѣ. Учредитель отдѣла по происхожденію Полякъ. Жаль, что эту роль не принялъ на себя какой-нибудь русскій любитель славянства, въ виду близости лужицкихъ нарѣчій къ русскому языку. Считаемъ вполне умѣстнымъ указать здѣсь черты этой близости: 1) лужицкія нарѣчія въ словообразованіи уравниваются собою приваки западной вѣтви славянскаго языка и собственно русскаго языка, восточной вѣтви; 2) грамматика ихъ представляетъ изумительное сходство съ церковно-славянскою, и дополняя ее обиліемъ древнихъ формъ, во многомъ облегчаетъ рѣшеніе трудной задачи о воссозданіи стараго единого славянскаго языка; 3) наконецъ, въ словарѣ, хотя эти нарѣчія и представляютъ наибольшее сходство съ языками западной вѣтви, въ отдѣльныхъ словахъ они сохранили слѣды ближайшаго сходства съ языками восточной вѣтви, преимущественно русскимъ и церковно-славянскимъ. Добровскій при своемъ дѣленіи славянскихъ нарѣчій на двѣ вѣтви—сѣверо-западную и юго-восточную привелъ одинадцать примѣтъ; но изъ этихъ одинадцати примѣтъ только третья и четвертая самыя главныя: это — неупотребленіе *đ* передъ *l* (*salŏ*) и опущеніе *đ* и *m* передъ *l* и *n*. Эти двѣ примѣты привалъ и П. І. Шафарикъ въ своей Народописн; ему принадлежитъ и распространеніе сейчасъ высказаннаго смысла этихъ примѣтъ. Но тѣ же двѣ примѣты примѣнимы и къ лужицкимъ нарѣчіямъ. Относительно вставки плавной *l* для смягченія губной согласной лужицкія нарѣчія слѣдуютъ западной вѣтви славянскихъ нарѣчій: *zemja*; но въ старину лужицкій языкъ не чуждался вставочной *l*: въ грамотахъ встрѣчается имя селенія въ предѣлахъ племени Гломачей, на лѣвомъ берегу р. Лавы, въ окрестностяхъ Мишна „Doblin“¹⁾; затѣмъ въ нѣмецкихъ словахъ, перешед-

¹⁾ См. Славян. Древности Шафарика I, стр. 914.

шихъ въ лужицкую рѣчь, удерживается сочетаніе губныхъ съ плавною *l*: *grubljovat* (= *grübeln*), *kor'la* (= *Kirpel*) и друг. Максимо-вичъ, занимавшійся лужицкими нарѣчіями по отношенію къ русскому языку, приводитъ еще чисто-славянскій примѣръ (единичный) *gobl* въ *gob* (воробей). Вторая примѣта русскаго языка — отпаденіе *d* и *ж* передъ *l* — вполне выдерживается въ лужицкихъ нарѣчіяхъ въ окончаніи спрагаемыхъ причастій: верхне-лужиц. *boł*, ниже-лужиц. *beł*. Но кромѣ отрицательнаго сходства въ упомянутыхъ примѣтахъ, лишившихся вышѣ доказательной силы, лужицкое нарѣчіе имѣетъ существенное сходство съ русскимъ языкомъ въ вокализации или сочетаніи коренныхъ и вставныхъ гласныхъ съ коренными согласными. Въ верхне-лужицкомъ, какъ и въ русскомъ, преобладаетъ широкая гласная *a* передъ узкою *e*. Глухіе звуки *z* и *z'* переходятъ въ *o* и *e* въ верхне-лужицкомъ, какъ и въ русскомъ языкѣ, а въ ниже-лужицкомъ переходятъ безразлично во всѣ гласныя: *a*, *e*, *i*, *o*, *ö*, *u*.

Относительно согласныхъ звуковъ только одни лужицкія нарѣчія (въ особенности верхне-лужицкое) довольно значительно приближаются къ русской отчетливости въ чистотѣ различенія твердыхъ и мягкихъ. Не указывая всѣхъ сходныхъ чертъ, обращаю вниманіа на одну еще черту — отсутствіе шипящаго *r*.

Образовавшееся ниже-лужицкое отдѣленіе Сербской матицы, какъ видно, будетъ дѣйствовать независимо отъ верхне-лужицкаго отдѣла. Какъ отразится это на верхне-лужицкой литературѣ — покажетъ время; Нижніе же Лужичане, безъ сомнѣнія, могутъ разчитывать на увеличеніе изданій на ихъ родномъ говорѣ. Эту надежду выражаетъ и авторъ первой изъ рассматриваемыхъ монографій г. Іенчъ; онъ указываетъ на тотъ печальный фактъ, какъ мало до сего времени сдѣлали Нижніе Лужичане на литературномъ поприщѣ (стр. 81).

Правда, они раньше начали писать своимъ роднымъ языкомъ, чѣмъ Верхніе Лужичане. Такъ, начало ниже-лужицкой народной письменности восходитъ ко времени реформаций. Еще въ 1548 году явился переводъ Новаго Завета Якубицы: *Nowy zakon Serpsky do serpskeye gessu pszinessony psches Miklawuscha Jakubicu*, на которомъ сказалось вліяніе чешское; рукопись эта хранится въ Берлинской императорской бібліотекѣ. Одна часть этого памятника — *Evangelie* отъ Марка, издано профессоромъ Лейпцигскаго университета Лескиеномъ въ *Archiv für Slavische Philologie* (I B., стр. 161—249) подъ заглавіемъ: „*Das serbische Neue Testament von 1548*“. Раньше того (1867) Лотце издалъ посланіе Іакова (In wendischer Uebersetzung

aus der Berliner Handschrift von Jahre 1548 zum ersten Male mitgetheilt von Hermann Lotze. Leipzig, in Commission bei F. A. Brockhaus). Первая печатная книга на ниже-лужицкомъ нарѣчїи известна отъ 1574 года. Въ этому году относится Катихизисъ Альбина Моллера (Der kleine Catechismus, das ist, die Heiligen Zehen Gebot Gottes der Glaube, das Vater unser, die Wort von Sacrament der Tauffe und des Altars, auch der Morgen und Abend Segen, das Bonedicite und Gratias, auch eine kurze Beichte nach dem Decalogo und etliche Fragstücken den Beichtigern natig zu wissen, sampt dem Tauff und Trawbuchlein, der christlichen Kirchen in Niederlausitz zu gutte, in Wendische Sprache verdolmetschet und publiciret worden. Durch Magistrum Albinum Mollerum Straupicensem, Pastorem et Astronomum Lusatiae inferioris. MDLXXIII).

Но это раннее возникновение ниже-лужицкой литературы съ народною рѣчью не способствовало развитію литературнаго ниже-лужицкаго языка. До сего времени въ литературномъ языкѣ Нижнихъ Лужицанъ существуетъ масса германизмовъ, легко замѣнимыхъ и замѣняемыхъ уже Верхне-Лужицавами. Ниже-лужицкіе писатели приняли правописаніе вѣмецкое, и при написанїи своихъ родныхъ словъ обнаружили большую неопытность, которая породила массу невѣрностей. Такое несовершенное правописаніе находимъ у упомянутыхъ уже Якубицы и Молера, у Тара, переводчика сокращеннаго Лютерова катихизиса ¹⁾ и др. Нѣсколько болѣе правильное правописаніе начинается со времени Фабриція, родомъ Нѣмца (+1741); но все еще отдѣльные писатели не подчинялись известнымъ установившимся правиламъ, а сообразовались со своими личными взглядами. Болѣе свойственное ниже-лужицкому языку правописаніе принялъ наконецъ Тешнеръ (родился въ 1829 г.) въ своихъ новѣйшихъ изданїяхъ. Изданіе отличается замѣчательною правильностью относительно ниже-лужицкаго языка.

¹⁾ Kechiridione Vandalicum, das ist, der Kleine Catechismus Lutheri, dabey teliche schöne nothwendige Gebet und Psalmen, Vermanung und Erinnerung für der Traue und Tauffe... Alles aus dem Deutschen in Wendische Sprache gebracht, sampt furhergehenden kurzen Unterricht, wie man recht Wendisch schreiben, lesen und aussprechen soll, durch Andream Tharaeum Mincoviensem Pfarrherrn zu Friedendorff. Gedruckt zu Franckfurt an der Oder, bey Nickel Bolzen. Im Jahre 1610. Замѣчаніе объ этомъ памятникѣ сдѣлано профессоромъ Лескиномъ, въ статьѣ: Bemerkungen über den niederserbischen Dialect des Tharaeus, помещенной въ *Archiv für slavische Philologie*, 1876, II; I, стр. 136.

Представленный г. Іенчемъ перечень ниже-лужицкихъ книгъ съ въѣкторными замѣчаніями не свидѣтельствуетъ объ обиліи писательской дѣятельности самихъ Нижнихъ Лужичанъ; для нихъ работала учебнае Нѣмцы, Поляки и Верхніе Лужичане, а частью и Русскіе, только бы поднять ихъ народное самосознаніе; сами же природные Нижне-Лужичане, напротивъ того, въ нашъ просвѣщенный XIX вѣкъ, работали въ пользу овѣмеченія своего народа. І. Іенчь указываетъ слѣдующія три изданія, имѣвшія свою дѣлю овѣмеченіе: 1) *Wie sollte man die Wenden ihre Sprache vergessen lassen?* (Wochenblatt für die Lausitz und den Cottbuser Kreis von Fielitz, 1811; 10 Stück, 81); 2) *Ob man die Wendische Sprache in der Niederlausitz wieder aufleben oder aussterben lassen solle?* ¹⁾; 3) *Die Wendische Sprache in Bezug auf Staat, Kirch und Volksbildung* ²⁾. Только на одну личность у современныхъ Нижнихъ Лужичанъ можно указать, какъ на защитника ниже-лужицкой народности; это — Беткаръ (Böttcher), священникъ въ Котебузѣ. Для этой дѣли имъ написаны слѣдующіе труды: а) *Kirchliche Nothstände der Wenden* ³⁾; б) *Wendische Kirche und Schule* ⁴⁾; в) *Aus der Wendischen Niederlausitz* ⁵⁾; г) *Wendische Gemeinden und deutsche Prediger* ⁶⁾; д) *Stimme einer evangelischen Geistlichen aus der Niederlausitz* ⁷⁾; е) *Der geistige Nothstand der Wenden in der Niederlausitz und Vorschläge zur Abhilfe desselben* ⁸⁾.

При всей усердной дѣятельности Нижнихъ Лужичанъ, они никогда не могутъ достигъ желанной дѣли — процвѣтанія своей литературы; этому мѣшаетъ ихъ малочисленность. Это очень хорошо сознаютъ Верхніе Лужичане, и одинъ изъ важнѣйшихъ представителей послѣднихъ, М. Гурникъ, помѣстилъ вслѣдъ за упомянутою монографіею статью „*Wutworenje našeje spisowneje rěče a jeje zblizenje z delnjnserbškej*“, въ которой доказываетъ необходимость объединенія ниже-лужицкой письменности съ верхне-лужицкою. Объединеніе это, по его мнѣнію, можетъ быть достигнуто такимъ образомъ, если

¹⁾ См. *Neues Lausitzisches Magazin*, 1812, стр. 390—405.

²⁾ *Ibid.*, 1826 г. стр. 305—316.

³⁾ Beilage zu No 234 der *Neuen Preussischen (Kreis) Zeitung*, Berlin, den 6 Octob. 1865.

⁴⁾ *Ibid.* 1867, № 57.

⁵⁾ *Niederlausitzer Zeitung*. Cottbus 1865, № 14—21.

⁶⁾ *Ibid.* 1866, № 82—84.

⁷⁾ *Ibid.*, 1867, № 41—48.

⁸⁾ *Cottbuser Tageblatt*, 1860, № 153—197.

Верхне-Лужичанинъ приметъ одну изъ различныхъ въ своемъ языкѣ формъ извѣстнаго слова, которая приближается къ ниже-лужицкой и отвѣчаетъ правиламъ языкованія. Такъ, Гурникъ предлагаетъ въ верхне-лужицкомъ нарѣчій принять окончаніе именъ существительныхъ средняго рода на мягкое *e*: *lěće*, *zboże* и глаголовъ на *nis* (=вѣтъ); предлагаетъ писать: *hódać* вм. *hudać*, *měłki* вм. *nełki*, *řeć*, *řećes* вм. *gub*, *gubet* (согласно правописанію Смоляра), *gozum*, *gozumie* вм. *gozot*, *gozemie*, *zbytny* вм. *zbytkny* и т. п. (стр. 163). Затѣмъ, Нижніе Лужичане должны замѣнить нѣмецкія слова соответствующими словами верхне-лужицкими, славянскаго корня. Для болѣе вѣрнаго достиженія указанной цѣли, необходимо составленіе словаря словъ ниже-лужицкихъ, неизвѣстныхъ Верхне-Лужичанину, съ которыми просвѣтителъ Нижнихъ Лужичанъ Верхне-Лужичане, получивъ мѣста священниковъ и учителей въ Нижнихъ Лужичахъ, могли бы справиться.

Это составляетъ задачу современныхъ верхне-лужицкихъ ученыхъ, въ достиженіи коей они не теряютъ надежды, имѣя примѣръ подобнаго сближенія Словенцевъ и Хорватовъ. Кромѣ того, задачу тѣхъ же ученыхъ, въ главѣ конхъ состоитъ М. Гурникъ, составляетъ—дать другимъ славянскимъ ученымъ вѣрное понятіе о своемъ литературномъ языкѣ и своемъ правописаніи. Гурникъ въ рассматриваемой статьѣ указываетъ на существовавшую разницу у составителей верхне-лужицкаго правописанія XIX вѣка. Лѣтъ сорокъ тому назадъ Смоляръ и Йорданъ издавали свои книги по произношенію своего роднаго мѣста. Послѣ того, какъ Йорданъ пересталъ писать по лужицки, Смоляръ сблизился съ молодымъ Пфулемъ и сообщалъ съ нимъ измѣнилъ лужицкое правописаніе и книжный языкъ. Тогда-то явилось шепелявыя *g* и *d* (=dz) и ютація. Съ 1848 года верхне-лужицкая матрица стала издавать книги съ этимъ правописаніемъ. Въ 1853 году это правописаніе было нѣсколько измѣнено І. Букомъ и М. Гурникомъ чрезъ устраненіе *j* послѣ *l*, въ виду массы іотъ въ лужицкомъ правописаніи. Съ 1854 года верхне-лужицкая матрица продолжаетъ эту работу. Результатъ этой дѣятельности видѣнъ въ изслѣдованіи Пфуля: *Laut- und Formenlehre der oberlausitzischwendischen Sprache* (Bautzen, 1867 года). Гурникъ рекомендуетъ этотъ трудъ, но въ то же время дѣлаетъ замѣчаніе, что не вполне основательно внесеніе Пфулемъ двухъ начертаній смягченнаго *d* — *dz*(=dzj) и *dt*, такъ какъ оно не оправдывается языкомъ,—но все же онъ признаетъ это за фактъ въ современномъ верхне-лужицкомъ правописаніи. Далѣе, Пфуль пишетъ послѣ *s*, *z*, *ds*, *c*, согласно съ

старо-верхне-лужицкимъ правописаніемъ, *e* вмѣсто *y*. Нововведеніе это М. Гурникъ рекомендуетъ принять. Кроме того, Пфуль предлагаетъ принять нѣкоторыя формы, сближающія лужицкія нарѣчія съ церковно-славянскимъ языкомъ: а) для имен. пад. множ. ч. муж. р. принять окончаніе *owie* вмѣсто *ojo*; б), иѣстоженіе *tamou* (= *tam von*) склонять *tama*, *tamo*, а не *tampo* (въ сред. р.), какъ бы отъ *tamvu*; γ), въ иѣстномъ падежѣ принять окончаніе *om* ниже-лужицкое, хотя въ верхне-лужицкомъ въ разныхъ иѣстностяхъ слышно смѣшеніе окончанія иѣстнаго падежа съ окончаніемъ падежа дательнаго *etu*; δ), въ окончаніи нарѣчій, иѣющихъ форму иѣстнаго падежа, слѣдуетъ принять церковно-славянскую форму, то-есть, *se* (= *цѣ*) вмѣсто *су* (*цм*): *wuose* и т. п.; ε), принять аористъ *praeteritum* отъ вспомогательнаго глагола быть *bych* вмѣсто народнаго *bosh* ¹⁾, и ζ), предлогъ *om* измѣнить на *wu* (*въ*), въ видахъ сближенія съ другими славянскими нарѣчіями. Нельзя не признать пользы отъ подобнаго сближенія съ старо-славянщиною, остатковъ коей вдоволь въ лужицкихъ нарѣчіяхъ. На первыя двѣ особенности, предлагаемыя Пфулемъ, М. Гурникъ особенно указываетъ и предлагаетъ другимъ славянскимъ

¹⁾ Лужицкія нарѣчія, принявъ изъ праразма общія черты, сохранили ихъ въ полной неприкосновенности, благодаря тому обстоятельству, что языкъ Лужицкаго не былъ подверженъ насилью писателей. Вотъ эти остатки старо-славянскимъ, отиѣченныя Новаковичъ: 1) двойств. число въ лужицкихъ нарѣчіяхъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ сохранилось въ необыкновенной живости, въ первобытной чистотѣ, какой невидимъ даже въ памятникахъ старо-славянскихъ XI, XII вв.; а) въ старо-слав. языкѣ дат. пад. двойств. ч. оканчивается на *ома*, вмѣсто *ома*, *ома*: въ Евангеліи 1164 г. читаемъ *племенама*, вмѣсто *племена*, такая форма действительно существовала и сохранилась въ позднѣйшемъ памятникѣ—Апостолѣ XIV в.; б) та особенность, что въ ниже-лужицкомъ нарѣчій падежъ существа. одушевл. муж. рода сходенъ съ родит. п., какъ въ ижевичскомъ русскомъ языкѣ, въ противоположность церковно-славянскому тождеству винит. п. съ именительнымъ во всѣхъ случаяхъ, нельзя признать, вмѣстѣ съ Новаковичъ, праразмочкою; напротивъ, древнѣе сходство имен. пад. съ винит.: винит. пад. *богъ*—*богъ*—*ан*; конечная согласная *н* отпала, не успѣвъ перейти съ предыдущемъ гласною въ носовую звукъ; оставшаяся гласная ослабѣла въ *э*; γ) иѣстный падежъ сходенъ съ дательнымъ и творительнымъ, тогда какъ въ церковно-славянскомъ языкѣ сходенъ съ родительнымъ; δ) въ спряженіи глаголомъ самое важное преимущество ниже-лужицкаго нарѣчія состоитъ въ томъ, что въ сложныхъ временахъ причастіе спрягаемое принимаетъ окончаніе двойств. числа, а не вспомогательный глаголъ; въ церковно-славянскомъ языкѣ отскакиваютъ лишь слѣды этого явленія: въ Острожковомъ Евангеліи нѣтъ призраковъ двойств. числа спрягаемыхъ спряжений, но нрѣдка попадаются она въ русской Лаврентьевской лѣтописи: «аще ли быста задала, то не быста пришла».

ученнымъ обратить на нихъ вниманіе, въ особенности академику И. В. Ягичу, намѣревавшемуся издать словарь всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Онъ желаетъ, чтобы измѣненіе въ лужицкомъ правописаніи и книжномъ языкѣ было принято вашимъ академикомъ, чтобы въ его трудѣ не была допущена ошибка Миллошича (когда онъ выпустилъ первое изданіе своей „Сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій“), условленная разностью правописанія у Лужичанъ. Но при всемъ благомъ намѣреніи лужицкихъ литераторовъ, имъ врядъ ли удастся отстоять свою народность отъ обдуманной германизациі. Много вредитъ этому славянскому племени его изолированное положеніе: оно представляетъ оазисъ среди массы германскаго населенія. Только значительная славянская сила въ состояніи поддержать лужицкую народность.

В. Качаковскій.

Митрополитъ Даниилъ и его сочиненія. Исслѣдованіе Василія Жмакина. Москва. 1881.

Давно уже русскіе ученые, какъ напримѣръ, И. Д. Бѣляевъ, С. М. Соловьевъ и высокопресвященный Макарій, обратили вниманіе на сочиненія митрополита Даниила. Но до сего времени не появлялось подробнаго изслѣдованія объ этомъ писателѣ, не смотря на тотъ оригинальный характеръ, которымъ отличаются сего произведенія. Его литературная дѣятельность была очень плодотворная и вызывалась потребностями современнаго ему общества: стоятъ вниманія часто встрѣчающіяся въ его сочиненіяхъ заявленія такого рода: „возможею и отъ многа времени стужаеши моему окаянству и просиши мене грѣшнаго и худаго ивока Данила написати и послати тебѣ слово полезно къ благоученію Божию“ (стр. 275 изслѣдованія г. Жмакина), или: „возможею писахъ тебѣ“ (стр. 274). Довольно уже одного изъ этихъ указаній, чтобы признать, что его вліяніе на русскую среду было значительно. Но въ пользу этого вліянія говорятъ еще слѣдующія соображенія. Благодаря энергической дѣятельности митрополита Даниила, утвердились въ русскомъ обществѣ и церкви идеи его учителя Іосифа Волоцкаго. Идеи, которыя распространялъ Даниилъ, сильно отзываются въ важномъ памятникѣ древне-русской литературы „Домострой“; сочиненія Даниила служатъ матеріаломъ для разъясненія этого памятника, а потому нельзя сомнѣваться, что авторомъ „Домостроя“ былъ священникъ Сильвестръ, владѣвшій пол-

нимъ спискомъ сочиненій Давида. Кроме того, дѣятельность Давида подготовила рѣшенія Стоглаваго собора въ смыслѣ господства идей Іосифа Волоцкаго и его послѣдователей; на немъ было призвано вотчинное начало владѣнія монастырей и повторено рѣшеніе собора 1503 года о вдовыхъ священникахъ, берущихъ себѣ женщину для сожительства. Благодаря тому обстоятельству, что изъ среди послѣдователей Іосифа Волоцкаго являлись достойные преемники митрополита Давида (какъ напримѣръ, митрополитъ Макарій), почитаніе старины все больше и больше утверждалось въ Русской церкви, и даже полторасто лѣтъ спустя духовенство, воспитанное въ этихъ идеяхъ, стало въ оппозицію патриарху Никому, предполагавшему сдѣлать нововведенія и исправленія.

Съ цѣлью выяснитъ историческую личность и литературные труды митрополита Давида, г. Жмакинъ предпринялъ изслѣдованіе, въ которомъ и собралъ очень обширный матеріалъ для этой задачи. Но въ сожалѣнію должно сказать, что въ почтенномъ трудѣ изслѣдователя замѣчается нѣкоторая разбросанность матеріала и отсутствіе одной руководящей мысли, постепенное развитіе которой въ концѣ концовъ дало бы намъ цѣлостный образъ митрополита Давида, какъ историческаго дѣятеля и писателя. Попытаемся однако свести итоги этого ученаго труда.

Мы уже сказали, что Давидъ является продолжателемъ-защитникомъ убѣжденій Іосифа Волоцкаго, служившаго представителемъ формальнаго направленія умственной жизни Русскаго народа въ концѣ XV вѣка, которое встрѣтило сильную оппозицію со стороны энергическаго представителя другаго направленія, на извѣстномъ основаніи называемаго критическимъ: это—школа Нила Сорскаго; послѣдній имѣлъ достойнаго преемника въ лицѣ Вассіана Косого Патриархева. Споръ между этими двумя направленіями былъ ожесточенный. Къ нему присоединилась ересь „жидовствующихъ“. Направленіе Нила Сорскаго и Вассіана Косого и ересь „жидовствующихъ“ представляютъ собою протестъ противъ недостатковъ современной (XV—XVI вѣка) русской церковной жизни; въ этомъ ихъ общая сходная черта; въ частности же они различны.

Воспитанникъ Волоколамскаго монастыря—особаго воспитательнаго учрежденія, основаннаго Іосифомъ Волоцкимъ (какъ свидѣтельствуютъ слѣдующія слова одного біографа Іосифа Волоцкаго: „многимъ у него вѣнымъ мнхамъ въ монастыри учащимся, не яко самъ безъ опасства живущимъ, но много соблюденіе и удержаніе имъ, непопущашеся бо

хоженіе тѣмъ идѣе хотѣющимъ, но присно назираніе движеніямъ ихъ учителямъ ихъ имѣти¹⁾) (стр. 117), митрополитъ Даниилъ вышелъ настоящимъ питомцемъ своего учителя, „Іосифляниномъ“. Послѣ того, какъ онъ былъ избранъ въ игумены Волоколамскаго монастыря, просвѣщеніе въ духѣ началъ Іосифа Волоцкаго продолжало здѣсь развиваться. Получившая свое начало еще при Іосифѣ, библиотека этого монастыря продолжала быстро умножаться при игуменѣ Даниилѣ; во главѣ книжниковъ при Даниилѣ стоялъ Нилъ Полевъ; да кромѣ того, можно и слѣдуетъ упомянуть старца Фотія, имѣвшаго своихъ учениковъ по книжному дѣлу, и Θεодосія, одного изъ участниковъ на Стоглавомъ соборѣ.

Въ чемъ же состояло направленіе Іосифа Волоцкаго? Отвѣтъ на этотъ вопросъ намъ необходимъ для того, чтобы удобнѣе было прослѣдить духъ сочиненій митрополита Даниила. Слѣдуетъ, поэтому, указать на связь его литературной дѣятельности съ выдающимся памятникомъ литературы предшествовавшей: это—„Просвѣтитель“ Іосифа Волоцкаго. Г. Жмакинъ склоненъ даже приписать митрополиту Даниилу участіе въ составленіи этого памятника; въ данномъ вопросѣ онъ исходитъ изъ высказаннаго М. О. Колловичемъ мнѣнія такого рода, что въ „Просвѣтитель“ есть ясныя признаки его многосоставности и разнохарактерности, условленная тѣмъ, что въ составленіи его принимали участіе главнѣйшіе члены Волоколамской общины¹⁾, а въ числѣ этихъ главнѣйшихъ членовъ не могъ не быть и некогда Даниилъ; онъ усматриваетъ нѣкоторыя черты сходства въ построеніи и главѣ „Просвѣтителя“ Іосифа Волоцкаго и „Соборника“ Даниила (стр. 126). „Просвѣтитель“ Іосифа имѣлъ въ виду представить подтвержденіе того, что было на самомъ дѣлѣ въ Волоколамской общинѣ—именно: монастырскій уставъ Іосифа Волоцкаго видѣръялъ въ членовъ монастыря отрицаніе права личности, проявленія единичной воли; индивидуальныя особенности инока, воспитывавшагося по правиламъ этого устава, отходили на задній планъ, и вмѣсто нихъ выступали общность интересовъ и подчиненіе выработавшему другимъ взгляду. Результатомъ дѣйствія этого устава на отдѣльныя личности было приниженіе даже сильныхъ характеровъ. Такое, выработавшее предшественникомъ Даниила, направленіе слѣдуетъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ дѣятельности этого послѣдняго писателя.

¹⁾ Речь, читанная въ торжественномъ собраніи С.-Пб. Духовной Академіи М. О. Колловичемъ, 17-го февраля 1871 года.

Послѣ избранія Даниіла въ митрополиты (17-го декабря 1521 года), онъ является потворщикомъ всѣхъ дѣйствій великаго князя Ивана Васильевича III, пользовавшагося, при проведеніи своей государственной идеи, одобряемыми и не одобряемыми нравственностью средствами. Въ подобной политикѣ митрополита Даниіла отразилось влияние нравственныхъ воззрѣній его школы, въ системѣ коей были и такія, которыя не совсѣмъ гармонировали съ духомъ христіанской православной церкви и отзываются казуизмомъ: это—такъ-называемое Іосифомъ Волоцкимъ „богонаучное коварство“. Отъ казуистическихъ понятій о нѣкоторыхъ нравственныхъ дѣйствіяхъ не былъ свободенъ и Даниілъ, который, напримѣръ, считалъ дѣломъ высоконравственнымъ возбуждать вражду между порочными людьми и еретиками, когда тѣ и другіе живутъ въ согласіи между собою (стр. 131). Это казуистическое направленіе митрополита Даниіла проявилось въ его поступкѣ съ Сѣверскимъ княземъ Василенъ Шемятичемъ, котораго онъ призналъ „за образъ Пречистые, да за чудотворцевъ, да за свою душу“, а затѣмъ не защитилъ отъ измѣнническаго поступка съ нимъ великаго князя. Поведеніе митрополита Даниіла въ данномъ случаѣ подорвало нравственный авторитетъ митрополита въ глазахъ людей, воспитанныхъ въ иныхъ нравственныхъ понятіяхъ. Подобнымъ же образомъ, въ допущеніи развода великаго князя Василія Ивановича съ женою Саломоніей Сабуровой, Даниілъ съ точки зрѣнія своей школы не затруднился воспользоваться нравственно-религиознымъ средствомъ для достиженія чисто-политической цѣли, хотя и этотъ случай возбуждалъ сильное неудовольствіе въ современномъ русскомъ обществѣ; въ этомъ разводѣ оно видѣло преступленіе: одинъ изъ современныхъ событію лѣтописцевъ назвалъ второй бракъ князя прелюбодѣланіемъ (стр. 141; П. С. Р. Л. IV, 1-я Псковск. лѣт., стр. 295); разводъ этотъ осуждали Вассіанъ Косой, Максимъ Грекъ, Симеонъ Курбскій и др.; первый точно также называлъ великаго князя прелюбодѣлемъ. Приверженцы старо-боярской партіи, продолжавшей еще существовать, видѣли въ дѣйствіи митрополита измѣну, нарушеніе священныя правилъ. Главные обвинители княжескаго развода—Вассіанъ Косой и Максимъ Грекъ, остались вѣрными евангельскимъ началамъ; но въ то же время и митрополитъ Даниілъ былъ правъ съ точки зрѣнія школы „Іосифлянъ“.

Митрополитъ Даниілъ сумѣлъ воспользоваться нерасположеніемъ великаго князя къ Максиму Греку и Вассіану Косому, вызваннымъ ихъ оппозиціей разводу, съ цѣлью подорвать ихъ авторитетъ, и та-

кимъ образомъ упрочить свое вліяніе при дворѣ великаго князя и въ то же время, отмстить имъ за нанесенныя ему оскорбленія. Эти оскорбленія были слишкомъ явственны, чтобы не подорвать авторитетъ митрополита Давида. Старый врагъ послѣдняго, Вассіанъ Косой, только для виду помирившійся съ установленнымъ абсолютизмомъ великаго князя Василія Ивановича, но вовсе ему не симпатизировавшій, нашелъ въ Максимѣ Грекѣ хорошаго помощника. Максимъ, вызванный по настоянію Вассіана для перевода греческихъ книгъ — собственно для того, чтобы ему было возможно свѣрять русскія Кормчія съ греческими подлинниками Кормчей для рѣшенія вопроса о вотчинномъ владѣніи монастырей, — былъ посвященъ Вассіаномъ въ неурядицы современной ему политической жизни Россіи. Поборникъ греческаго элемента, съ полнымъ игнорированіемъ элемента славянскаго, Максимъ Грекъ, не сообразуясь съ русскимъ духомъ, вооружался противъ недостатковъ государственнаго управленія тогдашней Россіи, и между прочимъ, противъ вотчиннаго владѣнія монастырей; греческія Кормчія свидѣтельствовали о владѣніи землею, виноградникомъ, но не селами; послѣднее оказывалось русскою прибавкою. Въ своихъ нападеніяхъ Максимъ доходилъ до того, что даже говорилъ и писалъ противъ тѣхъ „иже благочестивый санъ царскій растлѣвають всяческими своими неправданіи и лихоманіи и богомеракими блуженіи, ихъ же ноги скорѣйши въ еже изливати крови по неправедному гнѣву своему и ярости звѣрской“ (стр. 157). Или въ другомъ своемъ сочиненіи онъ выражается такъ: „ты же трюкаляна (душе), кровей убогихъ безщадно испиваючи ляхвами и великимъ дѣломъ неправеднымъ, и себѣ оттуду преобильно приготавлиаючи вся твоя угодная, егда же и якоже хоцеша, во градѣхъ ѣдящи на конѣхъ благородныхъ со многими, овѣишь убо послѣдующимъ, овѣишь же напредѣ воплемъ и бичію разбивающимъ срѣтаючи ты народи. Угодна ли творити мнѣи своими долгими молитвами и чернымъ симъ властнымъ образомъ, Христу любящу милость паче жертвы и осужающа всякаго нищенезавидца“ (стр. 163). Въ словахъ этихъ можно усматривать характеристику самого митрополита Давида.

Сначала, по своемъ пріѣздѣ въ Россію, Максимъ Грекъ работалъ при совѣтахъ митрополита Валаама и затѣмъ Давида; но враждебныя отношенія Вассіана къ митрополиту Давиду заставили Максима прекратить всѣ совѣщанія съ нимъ по этому поводу, такъ какъ, по оскорбительному отзыву Вассіана, „они (митрополитъ и епископы) того не вѣдаютъ, а что онъ и знаютъ. имъ надобе цари, и

села, и скакати и смѣтати съ воры" (стр. 164). Исхода затѣмъ изъ ижѣвля Вассіана, высказаннаго впоследствии письменно о славянскихъ переводахъ, что они „отъ діавола писаны, а не отъ Св. Духа.... а здѣшніе книги всѣ живые.... до Максима есмя по тѣмъ книгамъ Бога хулили, а не славили, ни молили, а нынѣ есмя Бога позвали Максимомъ" (стр. 164), Максимъ Грекъ принялъ слѣдующій несообразный методъ исправленія славянскихъ книгъ: не зная славянскаго и русскаго языка, Максимъ Грекъ переводилъ съ греческаго подлинника на языкъ латинскій, и затѣмъ два его толмача Дмитрій Герасимовъ и Власій съ двумя писцами Михаиломъ Медоварцевымъ и Сялуномъ, некоимъ Троицко-Сергіевской лавры, переводили съ латинскаго языка на славянскій. Естественно, что переводъ выходилъ невѣрный, такъ какъ толмачи могли подчасъ не понять его и перетолковать по своему, а Максимъ Грекъ не могъ провѣрить толмачей. Благодаря этому обстоятельству, въ исправленія Максима Грека вкрались новыя ошибки, близкія къ ереси. Такъ, выраженіе прежнихъ славянскихъ переводовъ „Христосъ възде на небеса и сѣде одесную Отца" или „сѣдѣи одесную Отца" онъ замѣнилъ словами: „сѣдѣвъ одесную Отца, сѣдѣшаго одесную Отца", а въ другомъ: мѣстѣ „сидѣль одесную Отца" (стр. 179). Были и другія неточности перевода.

Подобная этимъ ошибки, отрицаніе вогчиннаго владѣнія монастырей и оскорбительныя выходки противъ высшаго духовенства и противъ развода великаго князя, затѣмъ случайное свиданіе Максима съ турецкимъ посломъ Свендоромъ (греческаго происхожденія), враждебно настроеннымъ къ Россіи, и наконецъ, связь съ опальнымъ бояриномъ Пваномъ Берсень-Беклемишевымъ и дьякомъ Феодоромъ Жаренымъ условили паденіе Максима Грека, которому предшествовалъ его судъ на соборѣ 1525 года. Въ этомъ судѣ митрополиту Давиду выпала самая выдающаяся роль, въ которой онъ тоже является вѣрнымъ послѣдователемъ своей школы; онъ назвалъ проповѣдь Максима Грека злымъ еретическимъ мудрованіемъ и хулою на всю Русскую церковь. „Ты Максимъ", говорилъ митрополитъ Давидъ, — „святія Божія соборныя и Апостольскія церкви и монастыри укорнеша и хулиши, что они стяжаніе, и люди, и доходы, и села вѣють, а и въ вашихъ монастырѣхъ во Святой горѣ и въ иныхъ мѣстѣхъ въ вашей земли и у церквей и у монастырей села есть да и въ писаніяхъ отеческихъ писано велѣно ихъ держати святимъ церквамъ и монастыремъ. Да ты же, Максимъ, святыхъ чудотворцовъ Петра, и Алексѣя и Іоны митрополитовъ всея Руси и престо-

добныхъ чудотворцевъ Сергія и Варлама, и Кириля, и Пафнугія, и Макарія укоряеши и хуляши, а говоришь такъ: занеже они держали города, и волости, и села, и люди, и судили, в пошляны, в оброки, и дани вскази, и многое богатство имѣли, яко имъ нельзѣ быти чудотворцомъ" (стр. 176).

Разсмотрѣніе обвинительныхъ пунктовъ противъ Максима Грека на этомъ соборѣ показываетъ, что обвиненія противъ него не выдумывались, а были въ известной степени истинны. Максима сославъ въ Волоколамскій монастырь. Въ выборѣ этого, а не другаго мѣста заточенія, участвовала воля митрополита Давиіла. Очувшись въ этомъ заточеніи, въ средѣ единомышленниковъ митрополита Давиіла, Максимъ открыто заявлялъ свою правоту въ подрывѣ компетентности митрополита Давиіла и собора 1525 года. Поэтому-то на соборѣ 1531 г. митрополитъ Давиілъ укорялъ Максима Грека такъ: „Ты, Максимъ, самъ себя оправдываешь вездѣ и возносишь, и хвалишь и не слазываетъ на себя ни единого грѣха и вины отъ чрева матери своея... Хвалишися еллинскими и жидовскими мудростями, волшебными хитростями и чернокожными волхвованіями, то все есть отвержено христіанскаго закона и житія, в не гѣпо есть христіаномъ въ то себе вдати мудрованіе" (стр. 184). Максима Грека стали обвинять въ волшебствѣ, въ томъ числѣ и митрополитъ Давиілъ. Но главное обвиненіе Максима Грека началось съ политическаго дѣла, съ его сношеній съ турецкимъ посломъ Скендеромъ. Это вполне понятно, если примемъ во вниманіе, что заправитель собора, митрополитъ Давиілъ, отождествлялъ интересы мірскіе съ интересами церковными. Затѣмъ, Максима Грека обвиняли въ ереси, допущенной въ переводѣ слова о Пресвятой Богородицѣ Метафраста; въ переводѣ своемъ онъ допустилъ слѣдующее еретическое выраженіе, что Іосифъ Обручникъ „по совѣщанію іереевъ обручаетъ себѣ отроковицу, совокупленія же до обрученія бѣ" (стр. 182). На этомъ судѣ митрополитъ Давиілъ явственно выступаетъ, какъ гордый, мстительный человекъ: когда Максимъ Грекъ, утомленный своимъ тяжелымъ положеніемъ, повергся ницъ передъ соборомъ, прося помилованія, Давиілъ заявляетъ ему: „Достягоша тебе, окаянне, грѣси твои о немъ же отрелси превести ни священную книгу блаженнаго Феодорита" (стр. 191). Онъ не прощаетъ его, а ссылаетъ въ Тверской Отрочь монастырь.

Оставался еще другой важный противникъ митрополита Давиіла—Вассіанъ Косой, известный намъ уже своею оппозиціей противъ вот-

чиннаго владѣнія. Для оправданія своего мнѣнія объ этомъ предметѣ, Вассіанъ составилъ свою Кормчую по списку Фотія, въ которомъ не находилось статей, особенно благопріятствовавшихъ вотчиннымъ правамъ монастырей. Кроме того, Вассіанъ исключилъ изъ своей Кормчей слѣдующія высоко цѣнимыя защитники монастырскихъ мнѣній статьи: 1) подложное „слово св. отцовъ пятаго вселенскаго собора на обидящихъ св. Вошія церкви“, 2) всѣ „градскіе законы“, данныя Греческими императорами церквамъ, и 3) церковныя уставы Русскихъ князей св. Владиміра Равноапостольнаго и Ярослава, — и въ замѣнъ ихъ внесъ статьи противъ вотчиннаго владѣнія монастырей, какъ: 1) „сказаніе старца Максима Св. горы къ старцу Вассіану о Св. горѣ жительства“ и 2) свой трудъ: „собраніе нѣкоего старца на воспоминаніе своего обѣщанія отъ Св. Писанія о отверженіи міра“. Между тѣмъ митрополитъ Данилъ принималъ, что Кормчая должна быть не мнѣнною. Онъ поэтому сталъ обвинять Вассіана въ развращеніи Кормчей и въ составленіи новаго сборника правилъ. Какъ въ судѣ надъ Максимомъ Грекомъ, такъ и въ судѣ надъ Вассіаномъ Косымъ (1531 г.) митрополитъ Данилъ обнаружилъ свою личную злобу; онъ, напримѣръ, публично говоритъ, что Вассіанъ составилъ свою Кормчую по своему малоліудію и всячески старается унизить его въ глазахъ всѣхъ присутствующихъ. Вассіана сослали въ Волоколамскій монастырь.

И такъ, благодаря содѣйствію великаго князя, митрополитъ Данилъ одержалъ побѣду надъ своими противниками. Находясь на вершинѣ своего торжества, онъ, въ видахъ освященія идей Іосифа Волоцкаго, причисляя 1-го мая 1531 г. преподобнаго Пафнутія Воровскаго, Іосифова учителя, къ лику святыхъ (стр. 236). Но это торжество Данила не долго продолжалось: 2-го февраля 1539 г. (послѣ смерти Василя Ивановича) боярская партія съ Шуйскимъ во главѣ низложила его, заставивъ его дать отреченную грамоту. Митрополитъ Данилъ сходитъ со сцены въ пору чрезмѣрнаго усиленія произвола боярскаго думы, отъ котораго ничего хорошаго нельзя было ожидать. Передъ самымъ своимъ низложеніемъ, въ январѣ мѣсяцѣ 1539 г., онъ разослалъ окружное посланіе „о смиреніи, и соединеніи, и согласіи, и о любви, и о соблюденіи православныя вѣры и закона“, въ которомъ изображаетъ „вину дѣтъ снхъ и времени“ и осуждаетъ „не согласія и пререканія, раздѣленія же и распрѣнія“ (стр. 244). Низложенный митрополитъ Данилъ прожилъ еще до 1547 года.

Указанныя выше идеи разсматриваемаго писателя и его общественное положеніе должны были сказаться и въ его литературныхъ трудахъ. Услѣдить въ произведеніяхъ митрополита Даниила современныя ему событія и состояніе общества — составляетъ существенную задачу изслѣдованія г. Жмакина. Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этой важной стороны дѣла, онъ даетъ свое дѣленіе сочиненій разсматриваемаго писателя на три группы, которое — замѣтить нужно — не вполне однако оправдывается. Къ I-й группѣ онъ относитъ тѣ слова Даниила, „которыя были написаны имъ въ связи и противъ еретичества и современнаго либеральнаго направленія и волюнтаризма“; къ II-й группѣ слѣдуетъ отнести все, касающееся общаго нравственнаго мировоззрѣнія митрополита Даниила и нравственнаго состоянія современнаго ему русскаго общества; къ III-й группѣ — посланія, имѣющія частный характеръ (стр. 315 — 316). Кроме того, такъ какъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ очень часто все это смѣшивается, г. Жмакинъ нашелъ умѣстнымъ выдѣлять изъ каждаго такого сочиненія все то, что будетъ входить въ одну изъ трехъ принятыхъ группъ.

Къ I-й группѣ г. Жмакинъ отнесъ: а) V-е слово „Соборника“, имѣющее слѣдующее заглавіе: „о воплощеніи Господа нашего І. Христа, востанувшаго проповѣдаемъ того совершенна Бога и совершенна чловѣка, а не яко аліи еретичи нечестивно глаголють по воплощеніи Господу нашему І. Христу едино естество точію Божества имѣти“; оно составлено противъ ереси Вассіана Косого Патрикѣева „о воплощеніи І. Христа“; б) VII-е слово противъ догматическихъ заблужденій „жидовствующихъ“; в) VI-е слово тоже противъ „жидовствующихъ“ краткое; г) XI-е слово „о божіихъ судьбахъ и о младенцахъ умирающихъ“; и яко бѣдно есть не исповѣдати помысли своя отцемъ духовнымъ“; поводъ къ составленію этого слова подало броженіе въ умахъ русскаго общества первой половины XVI в., условленное неисполненіемъ ожидаемой всѣми кончины міра въ 1492 г.: всѣ стали разсуждать, почему законы Божіи не дѣйствуютъ такъ, какъ гласать священныя книги; отвѣтъ на этотъ вопросъ общества митрополита Даниила даетъ въ слѣдующемъ: „неподобаетъ намъ непостижимое, и недомыслимое, и неизслѣдованное Божіе естество и существо испытывать, также и о Божественныхъ Его судьбахъ“ (стр. 374). Съ цѣлью прекратить большую тайную пропаганду „жидовствующихъ“ въ средѣ православныхъ, послѣ пораженія первыхъ я въ видахъ охраненія послѣднихъ, были написаны митрополитомъ Да-

нимомъ изученія нравственнаго содержанія. Въ числу таковыхъ относятся: I-е слово „Соборника“, въ которомъ видна полнѣйшая „жидовствующицъ“ в большаа опасность отъ нихъ православнымъ; митрополитъ Даниилъ настаиваетъ на прекращенія сношеній православныхъ съ „жидовствующими“; С) VIII-е слово „яко подобаетъ къ властямъ послушанія имѣти и честь имъ воздавати, и еже на враги Божіа“; на первый взглядъ, ово можетъ быть отвесено противъ вреднаго обычая отъѣзда не довольныхъ московскихъ бояръ въ Литву; очень вѣроятно, что митрополитъ Даниилъ и этотъ вредный обычай имѣлъ въ виду, но еще вѣроятнѣе—какъ полагають г. Жмакинъ—что слово направлено противъ еретиковъ; слово это представляетъ и мѣры противъ не исправимыхъ еретиковъ: „Осужаеми бывають тати и разбойници и прочіи злоторащени челоуѣци, приеельють же казнь поправшеш и оплевавшеш образъ зеннаго цара, и аще убозіи, и прочіи казнь приеельють, множае наче хулащеш Сына Божіа и Бога и Пречистую Богородицу“ (стр. 410); въ преслѣдованіи еретиковъ долженъ принимать участіе всякій православный челоуѣкъ; воззрѣніа Даниила о преслѣдованіяхъ еретиковъ, сравнительно съ подобными воззрѣніями его учителя Іосифа Волоцкаго, являются болѣе гуманными; 7) III-е слово „яко восхода Господь на небеса вдаде апостолахъ два завѣта ветхій и новій, сіа же приееше св. апостоли, тоже по нихъ церковніи пастырие и учителя, иже вси Духомъ Божественнымъ поставляеми, ова убо оставиша, ова же узаконоположиша и предаша святой церкви, и сіа же вся церковная преданія, писанная и не писанная, узаконенная намъ отъ св. апостолъ и богоносныхъ отецъ нашихъ непреложно подобаетъ соблюдати“, и IV-е—„яко прияхомъ преданія писанная и неписанная: и да знаменуемъ лице свое крестообразно, и еже на востокъ обращатися въ молитвахъ, и вѣрѣти же, сице же и поклонятися“ имѣють своєю задачей защиту священнаго преданія и всей церковно-обрядовой стороны русскаго православія; эти слова были вызваны особенностями религіозной жизни Русскаго народа, унаслѣдовавшаго отъ Грековъ обрядность, противъ которой явились нападки приверженцевъ противнаго направленія; IV-е слово имѣеть особенное значеніе: даже раскольники признають его святоотеческимъ твореніемъ.

Во II-й группѣ сочиненій Даниила—по мнѣнію автора изслѣдованія—относятся: 1) XIII-е слово „о еже что мѣръ и аже въ мѣрѣ“; слово это имѣеть прямое и непосредственное отношеніе къ современному Даниилу понятію русскаго общества о нравственности и ду-

шевномъ спасеніи. Въ предшествовавшіе вѣка, начиная еще съ до-монгольскаго періода, и особенно въ періодъ монгольскій на Руси, утвердилось византійское аскетическое воззрѣніе на міръ, какъ на преходящій, мѣшающій душевному спасенію. Благодаря этому воззрѣнію, увеличилось число монастырей: съ XI по XIV в. возникло восемьдесятъ-восемь монастырей; въ XIV в. в первой половинѣ XV число ихъ увеличилось до 160; во второй половинѣ XV в. и началъ XVI в. число монастырей увеличилось почти вдвое болѣе прежняго ⁴⁾. Аскетическое воззрѣніе постоянно усиливалось, и наконецъ, дошло до такой крайности, что на бракъ смотрѣли съ презрѣніемъ; крайность эта отразилась на положеніи русской женщины въ монгольскій періодъ и была вовсе нежелательна; поэтому-то митрополитъ Даніилъ и вооружился противъ нея въ упомянутомъ слогѣ, хотя его убѣжденія были тоже аскетическаго характера, какъ свидѣлствуютъ слѣдующія его слова: „вся басня, вся паутина, вся дымъ и трава, и цвѣтъ травный, и сѣнь и сонъ;... непрочна есть и непостоянно ничтоже отъ сущихъ на земли и человѣци, и вещи, и разумы, и словеса, и мысли, и дѣла ихъ, превращаетъ бо ся яко коло и яко стѣнь преходитъ“ (стр. 476).

Другая крайность, развившаяся въ современномъ митрополиту Даніилу русскомъ обществѣ, была страсть къ разводамъ. Причины къ разводу были различны и были неизбежны, при теремной жизни русской женщины—удаленіи ея отъ мужскаго сообщества до выхода замужъ. При такомъ порядкѣ вещей были злоупотребленія, недоразумѣнія, порождавшія семейную вражду, главную причину къ разводу. Противъ этого вреднаго обычая митрополитъ Даніилъ составилъ XIV-е, XV-е и XVI-е слова „Сборника“, общая идея которыхъ слѣдующая: „не подобаетъ мужу отъ жены, женѣ отъ мужа разлучатися развѣ блудныя вини“ (такъ озаглавлено XIV-е слово). Въ этихъ трехъ словахъ митрополитъ Даніилъ вообще касается нравственной стороны жизни человѣка.

Къ III-й группѣ отнесены г. Жмакинѣмъ всѣ посланія митрополита Даніила. Всѣ они подраздѣлены такъ: А) посланія, имѣющія главную темою ученіе о монашествѣ и о правилахъ монашеской жизни; сюда относятся: а) VI-е посланіе (по сборнику), адресованное одному влія-

⁴⁾ Древне-русскіе пустыни и пустынники: *Правосл. Собесѣды*. 1860 г. часть III.

тельному и богатому лицу, задумавшему постричься въ монашество; б) V-е посланіе, адресованное одному иноку, спрашивавшему митрополита, въ какомъ изъ трехъ видовъ монашеской жизни всего удобнѣе получить спасеніе; с) VII-е посланіе „о иноческомъ законѣ и правилѣ общаго житія“, написанное для монаховъ Волоколамскаго монастыря, когда Даниилъ былъ игуменомъ этого монастыря; d) посланіе въ Владимірскій Волосовъ Николаевскій монастырь „о благочиніи и крѣпости монастырскаго устава“, развивающее мысль предыдущаго посланія объ общезначительности съ полнымъ отсутствіемъ личной собственности; е) XII-е посланіе „о цѣломудренномъ и благоговѣнномъ житіи“; f) посланіе князю Діонисію Звенигородскому (изъ рода литовскаго выходца Александра Звенигородскаго), иноку Волоколамскаго монастыря, писанное въ октябрѣ 1528 года и проповѣдующее смиреніе и повненіе его монастыря.—В) посланія, проповѣдующія цѣломудренную чистоту; сюда относятся: а) XI-е посланіе „о цѣломудрїи и чистотѣ“; б) XIII-е посланіе къ неизвѣстному лицу, въ которомъ Даниилъ рекомендуетъ средство противъ нравственной распущенности: с) посланіе „о блудныхъ помыслахъ“ (какъ его называютъ ученые); d) XIV-е посланіе „о духовномъ вниманїи, и трезвенїи и бжеженїи“; е) X-е посланіе „яко душевредно есть совокуплятися и бесѣдовать съ женами и съ мужи женовидными“.—С) посланія разнородныя; сюда относятся: а) IX-е посланіе „о страхѣ Божиємъ“; б) VIII-е посланіе „о страшномъ судѣ“; с) IV-е посланіе „о ничтожествѣ земныхъ благъ и скоротечности человѣческой жизни“, d) „о небрежномъ и лхонимственномъ житїи епископа“ (къ неизвѣстному епископу); е) коротенькое посланіе о томъ же; f) посланіе къ Дмитровскому князю Юрію Ивановичу, брату великаго князя Василїа Ивановича, въ коемъ митрополитъ пишетъ, что въ понедѣльникъ, если въ этотъ день случится праздникъ Успенїа Пресв. Богородицы, не должно быть поста; g) наказъ Сарскому епископу Досвееву и архимандриту Симоновскаго монастыря Филовею для передачи князю Андрею Старичику; въ немъ сдѣлано напомянаніе, чтобъ этотъ князь не имѣялъ великому князю.

Кромѣ того, сохранился отрывокъ Коричей митрополита Даниїла; онъ же принималъ участіе въ составленїи сводной Коричей первой половинны XVI вѣка. Г. Жмакинъ дѣлаетъ очень вѣроятную догадку, что Коричая митрополита Даниїла послужила оригиналомъ для печатной Коричей 1650 и 1653 годовъ.

Послѣ лишенїа Московской митрополїи, Даниилъ написалъ „ду-
часть оскуви, отд. 2.

ховную", которую г. Жмакинъ предполагаетъ видѣть въ сходномъ съ известными сочиненіями Даниіла сборникѣ, принадлежащемъ библиотекѣ Московской духовной академіи.

Въ такой массѣ трудовъ не могъ не высказаться въ достаточной мѣрѣ взглядъ этого выдающагося въ древне-русской литературѣ писателя на устройство человѣческой жизни, Въ изслѣдованіи г. Жмакина онъ не вполне рельефно обрисованъ. Представитель формальнаго направленія, митрополитъ Даниилъ вовсе не былъ человѣкомъ отсталымъ, рутиннымъ; напротивъ, онъ является проводникомъ новыхъ для тогдашняго русскаго общества понятій въ жизни семейной, воспитаніи и относительно рабовъ (крестьянскаго сословія). Если сравнить эти убѣжденія его съ понятіями его противниковъ—Вассіана Косого и другихъ возстававшихъ противъ вотчиннаго владѣнія монастырей, то увидимъ превосходство на сторонѣ Даниіла. Современные ему вольнодумцы не высказывали такихъ гуманыхъ и трезвыхъ понятій о крѣпостномъ сословіи, какія встрѣчаемъ у Даниіла. „Вси есмь“, говорятъ онъ напримѣръ, — „создани рукою Божіею, и вси плоть едина, и вси въ единомъ дому еже подѣ небесемъ на вселеннѣй въ маловременнѣмъ семъ житіи вселени есмь отъ Господа Бога, и вси единымъ Божественнымъ крещеніемъ крестихомся, и вси равно кровію Христовою искуплени бихомъ, и вси равно божественнымъ причащеніемъ причащаемся, и вси являемъ къ Нему каждо насъ о грѣсѣхъ своихъ, и вси милости отъ Него просимъ и въ сій вѣкъ и въ будущій.... Вси есмь въ рудѣ Господни, егоже обнащаетъ, а егоже хочетъ богатѣть, аще и адѣ на мало время попустилъ естъ овому господствовать, овому же работати, но въ будущемъ нѣстъ раба, ни свободна, каждо бо насъ на страшномъ судѣ Христовѣ по своимъ дѣломъ приметъ, или рабъ, или свободъ, или князь, или царь“ (стр. 516). Касааясь ненормальнаго положенія женщины въ древне-русскомъ обществѣ, какъ рабы или только старшей между рабами, Даниилъ дѣлаетъ строгіе укоры жестокихъ мужьямъ: „Ты же грязеши ея (жену) непрестанно, якоже и ума иступити ей отъ твоего свѣрѣнства, престани тако творя, о человѣче!“ (стр. 519). Правда, онъ не вполне разстался съ аскетическими византійскими взглядами на женщину, какъ на соблазнъ для мужчины; на тему „о дѣломудрїи мужнины“ митрополитъ Даниилъ писалъ (необходимо) „не токмо не совокулатиса или бесѣдовати съ женами.... но ниже взирати безстыдно на лица ихъ... отлучатиса отъ бесѣдъ женскихъ и не взирати на дѣвицу;... преже всѣхъ подобаетъ намъ бѣгати бесѣдъ женскихъ.... налѣпо ти естъ съ женами бесѣ-

довати и любити всяко бесѣды женскія" (стр. 504—505). Но взглядъ Данила на бракъ выше взгляда другихъ древне-русскихъ писателей; онъ больше приближался къ пониманію нравственнаго значенія брака; въ основу взаимныхъ отношеній мужа и жены онъ полагаетъ взаимную любовь, но притомъ такъ, что мужъ всегда долженъ давать чувствовать себя въ случаѣ надобности: „Аще и страхъ подобаетъ наложить на нея (жену), но мѣрно, якоже подобаетъ, законно къ цѣломудрію, къ благопокоренію" (стр. 509).

Но еще больше выдвигается личность митрополита Данила въ вопросѣ объ образованіи мальчиковъ и дѣвушекъ. Въ отличіе отъ древне-русскихъ моралистовъ, трактовавшихъ болѣе о томъ, какъ воспитывать и обучать дѣтей, чѣмъ чему учить, у митрополита Данила обращено вниманіе на содержаніе обученія. По его взгляду, ученіе и воспитаніе должно быть двухъ родовъ—религіозно-нравственное и житейское, съ предпочтеніемъ перваго. Въ XIII-мъ словѣ своемъ онъ обращается къ родителямъ: „О отцы, имѣйте попеченіе о чадѣхъ вашихъ, воспитывайте ихъ въ навазаніи и ученіи Господни всегда на благая дѣла спасительная: бояться Бога, и въ законѣ его поучатися день и ночь; о юннѣ, къ вамъ ми слово, возлюбите Христа Бога да живють вѣчный наслѣдуете" (стр. 512). Образованіе должно начинаться съ обученія письму и чтенію по церковнымъ книгамъ, съ возможностью дальнѣйшаго развитія: „Любомудрствуйте, юннѣ, въ хитростехъ трудящеся елико по силѣ: или въ писательнемъ художествѣ или въ ученіи книжномъ; не отлучайтесь бесѣдъ духовныхъ, мужій боящихся Бога, навазанія спасительная, и повѣсти и притча услышите; много пользуютъ бесѣды духовныя: и очищаютъ тѣло, и просвѣщаютъ душу, точію подщитаете и слышатъ и творити душеполезная мало глаголюще, выщше же разумѣюще" (стр. 513). Данилъ предписываетъ родителямъ заботиться о нравственномъ воспитаніи дѣтей, и такимъ образомъ, предупреждать развитіе дурныхъ наклонностей: „Тѣмъ же, о отроци и дѣвнѣ, возлюбите тихое и смиренное житіе въ цѣломудріи и чистотѣ, даже и въ семь вѣцѣхъ велиа радости наслаждаете, въ будущемъ же живють вѣчный наслѣдите" (ib.).

Имѣя въ виду эти воззрѣнія митрополита Данила, нельзя не признать его писателемъ просвѣщеннымъ. Только въ одномъ случаѣ митрополитъ Данилъ высказываетъ мысль болѣе чѣмъ странную: строгій охранитель нравственности въ обществѣ, которое въ его время большею частью погрязло въ развратѣ, видя всю бездну вреда отъ этого для цѣлаго народа, онъ, въ видахъ сохраненія цѣломудрія,

признавалъ цѣлесообразнымъ оскотленіе (стр. 646). Очевидно, митрополитъ Давидъ имѣеть здѣсь въ виду одно душевное спасеніе, безъ отношенія къ росту народа и государства.

Тревыми мысли были высказываемы митрополитомъ Давидомъ и относительно социальной жизни современнаго ему русскаго общества. Поученія Давида, по мнѣнію г. Жмакина (стр. 646), служатъ правдоподобными историческими комментаріями на очень многія стороны московскаго быта, въ особенности боярскаго сословія; Давидъ грозно вооружается противъ паденія нравственности, причину чего онъ видитъ въ праздности древне-русскаго богатаго человѣка: „Какъ тебѣ нужда есть“, говоритъ Давидъ, — „который же тебѣ прибытокъ есть праздну всегда быти, или какъ тебѣ похвала будетъ якоже предлагаю переходити отъ мѣста на мѣсто?“ И далѣе: „всегда наслажденія и унѣтнія.... всегда праздность и безумная тасканія якоже нѣкихъ мошенниковъ и оманниковъ дѣмонскимъ наученіемъ“ (стр. 543). Всѣ наставленія Давида касательно праздности древне-русскаго богача сгруппированы въ наказаніи XVI-го слова: „Волюбѣ страданіе и трудъ и смиреніе...., гдѣность бо многихъ погуби тунеядѣніе.... вся извуря; трезвитесь, подвизайтесь, никтоже буди тунеядецъ, никтоже буди празденъ, праздность бо всѣмъ злымъ ходатайствена есть“ (стр. 544—545). Праздное коротаніе жизни сосредоточивалось въ изысканномъ удовольствіи животныхъ истинныхъ: „какая убо сія еже не безсловесне убыточная и проторная творити, какая убо есть нужда многое и сладостное и раздрающая ястіе и питіе имѣти выше мѣры?“ (стр. 546); „вчера и днесь повари въ поварню стекаются, и сію украшаютъ, и свиты взмѣняютъ, и рудѣ стирають, и листы укрѣпляютъ, и ножи острять, и дрова накладываютъ, и огонь вжигаютъ, и котлы наставляютъ, и сковрады и горьницы постовляютъ, къ насыщенію чрева пищу готовить и сими наслаждается и укрѣпляется тѣло и потомъ къ истлѣнію сводится. И колико тщаніе и подвиги имать пища и питіе, колико же сребра и злата на сіе исчезаетъ, и колики подвиги, и поты, и труды и болѣзни приемятъ чревоработающіи“ (стр. 546—547). Въ другомъ мѣстѣ вотъ какъ Давидъ рисуетъ отношенія мужскаго и женскаго пола на пиришестввахъ и попойкахъ: „жены красны блудница, или ино лице женовидно краснѣющеса видѣвъ, и свѣтло и мягко тѣло обвухавъ и притекъ, объемъ, цѣлуеша, мызжеша и руками осмязеша, и толико безстуденъ и безуменъ бывъ бѣсовскою любовію восхвѣтиса къ ней, аки бы ея внутрь себе выштити, сиде помраченъ смѣ; якоже отъ безсловесныхъ бывалъ, аки жеребецъ вѣнкій сласто

яроствивый рвал и сластію распалаяся, аки огнемъ горя, яко вепрь къ свннн своей похотствуя и употввая, и пвны испущая, сице и ты безсловеснымъ позавидѣвъ словесное естество въ безсловесное поработивъ. О человѣче! сице услаждаючися сластями и отъ разгорѣнія тѣла сластей жокроты испущая не престаеши, и не точію не престаеши, и всцѣлвтися требуеши, но и огонь ко огню прилагам не стыднншися!" (стр. 549). У Даніила находимъ и прекрасную характеристику древнерусскаго волокиты: „блудныи юноши всегда велемудрствуютъ о красотѣ тѣлеснѣй, всегда украшаются выще женъ умываніи различными и натираніи хитрыми, и умъ ихъ всегда плаваеть о ризахъ, о ожереліихъ, о пугвицахъ, о иже подъ срачицею препоясаніа, о сапозехъ, о остриженіи главы, о повѣшеніи космъ, о намизаніи ола, о кваніи главѣ, о уставленіи персть, о выставленіи ногъ и иная многая понужаются творяти неполезная.... Что бо непредестно отъ нихъ? Цвѣтуютъ лица ихъ и сіяютъ аки луча испущающе, уста же и гласъ, и услабленіи.... и прелестиѣ, глупотиѣ женъ" (стр. 577). И еще: „великій подвигъ твориши, угожая блудницамъ: ризы измѣняеши, хоженіе уставляеши, сапоги велыи червлены и малы зѣло, якоже и ногамъ твоимъ велику вужу терпѣти отъ тѣсноты согнетѣнія ихъ, сице блистаеши, сице скачеши, сице рыгаеши и рзаеши, уподобляеся жребцу, благому же обычаю ни мало хочеши навывкнути" (ib.).

Чрезмѣрная роскошь и соперничество одного боярина передъ другимъ требовали громадныхъ средствъ, которыхъ нерѣдко не хватало у этихъ безумныхъ мотовъ. Съ цѣлью принскать нужныя средства, они давили своихъ крестьянъ, прибѣгали къ всевозможнымъ хитростямъ и обманамъ, о которыхъ митрополитъ Даніилъ такъ говорить: „И сихъ ради всѣхъ многихъ доходовъ взыскуемъ и аще ти не достанеть что, якоже обыкль еси отъ безумія твоего многа расхода имѣти, краденія, насильствуеши, грабиши, ябедничаеши, занимаеши и не имѣя чѣмъ отдать, бѣгаеши, запираешися, клятвопреступаеши, и иная безчисленная мая содѣваеши" (стр. 583). И если имъ не удавалось получить подобные доходы, они доходили до дѣйствительнаго сумасшествія: „доколѣ питавіе, доколѣ игравіе и щапленіе, доколѣ дrochenіе и тунелденіе, и отъ сего занмованіе, и наки и кабалы женѣ и дѣтемъ миганіе и слезы, самому и исчезновеіе и умаизступленіе!" (ib.). Это же соперничество бояръ особенно сильно проявилось въ мѣстничествѣ, вредъ коего указываетъ митрополитъ Даніилъ: „Сіа зависть высоту престоловъ желаеть, всѣхъ славу на себя влечеть, всѣхъ чествѣйша любитъ быти, лухавства

стаживаетъ, правды отвращается, ближняго злится радуется и веселится якоже о напастехъ и бѣдахъ ближняго" (стр. 588). Вредъ мѣстничества и боярскихъ интригъ прекрасно представлены и въ окружномъ посланіи митрополита Давида, данномъ имъ за одинъ мѣсяцъ до своего низложенія; въ этотъ памятникъ онъ заявляетъ, что онъ „хочетъ показати вину гѣтъ сихъ и время... несогласія и пререканія, раздѣленія же и распрѣнія, расколы же и раздоры, раздвоеніе же и раздѣленіе" (стр. 589). Въ связи съ этимъ зломъ была древнерусская привычка къ пересудамъ, имѣвшимъ цѣлю повредить положенію своего ближняго; привычка эта осуждена митрополитомъ Давидомъ въ IX-мъ и X-мъ словахъ „Соборника". Весь общественный строй такъ сложился, что одинъ другаго ненавидѣлъ, желалъ зла и за пустяки готовъ былъ лишать жизни своего оскорбителя. Митрополитъ Давидъ пишетъ въ одномъ словѣ: „и мало нѣчто укоровшаго ти или досадившаго въ велику напастъ хочещи возвращи и смерти предати" (стр. 607).

Судебное дѣло страдало злоупотребленіями судей, которые точно также нашли своего обличителя въ лицѣ митрополита Давида. Вотъ что онъ пишетъ: „подобаетъ судіямъ праведнымъ бити и исполненнымъ страха Божія и премудрости, но и простоту же, и кротость, и смиреніе и благопреступное всѣмъ показати, праведную ярость на обидящая имѣти, себе же отмщати и своєю славы и чести не исцати, но о всемъ славу и честь Христу Богу въсылати; подобаетъ судити не мзду и посуломствомъ, но праведно благоугоднѣ" (стр. 583—584).

Въ характеристикѣ современнаго митрополиту Давиду свѣтскаго русскаго общества слѣдуетъ прибавить и характеристику монашества, мастерски изложенную тѣмъ же писателемъ во II-мъ словѣ „Соборника": „Почто, братіе, гордимся, и возносимся и сами ея прельщаемъ, власти игуменства или епископства ищуще, страстни суще и немощни на таковыя величества въсходити. Что же ради сихъ и възскуемъ?—Ясти ли и пити многоразличная и драгая, сладостнѣйшая, или злата, или сребра, и многа богатства, и имѣнія собирать или веселитися, и прохлжати и возноситися, и щашити и пири съставляти, и совывати на обѣдъ славныхъ и богатыхъ и истощати всеу церковнымъ доходы тунеаддемъ, аже церкви и церковнымъ потреба бѣ, и страннымъ и нищимъ? Мы же сихъ презираемъ, и церковныя доходы съ славными и съ богатыми и съ тунеадцами въздаемъ, гордостію и тщеславіемъ надымаящеса, и къ настоящимъ вседушно првлежаще, а мнѣмса пастыри и учителя бити и иставно

слово Божіе правити и наставляти родъ человѣческой къ спасенію" (стр. 620). Подобно боярамъ, монахи давили подвѣдомственныхъ крестьянъ, отдавали деньги въ ростъ, въ голодные годы повышали цѣну на хлѣбъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ и Максимъ Грекъ, и Даниилъ; послѣдній пишетъ въ посланіи къ монахамъ Владимірскаго Волосова монастыря: „у васъ не во обычаю общаго монастыря презвитеры и діакони емлютъ по рукамъ милостиню, лихонимству радующеса" (стр. 622), и къ монахамъ Волоколамскаго монастыря: „не по общему житію и преданію отецъ нашихъ и руководліе держимъ сребролюбія ради нашего... иже на всякъ часъ прогѣваемъ Господа чрезъ покой общаго монастыря особная вещи держащи, и продающе, и купующе, и росты на росты емлюще, и особно руководльствующе, сребро и злато копяще, не боящеса Бога" (стр. 622—623).

Видимъ въ этомъ обществѣ и небрежное отношеніе къ исполненію христіанскаго долга. По свидѣтельству митрополита Даниила, многіе не причащались, скрывали свои грѣхи передъ духовниками и затѣхъ этихъ хвастались. Высшее общество было не вѣрующее, а низшее привыкло къ одному обряду. Поэтому-то Даниилъ въ одномъ изъ своихъ поученій говоритъ: „Братіе, внимаемъ себѣ, и очищаемъ свою совѣсть, и испытаемъ сами себе на всякъ часъ, не забвенно кающеса о грѣсѣхъ своихъ, не точію о дѣльныхъ и словесныхъ согрѣшеніихъ, но и о помислахъ.... исповѣдунмъ Богу и отцемъ духовнымъ согрѣшенія своя" (стр. 642). Противъ скриванія своихъ грѣховъ передъ исповѣдниками Даниилъ составилъ особое XI-ое слово „яко бѣдно есть не исповѣдати помислы своя отцемъ духовнымъ" (ibid.).

Какъ одинъ изъ лучшихъ представителей своего времени, Даниилъ сталъ обличителемъ современныхъ ему недостатковъ, и въ то же время имоходомъ указывать, какъ должна быть устроена жизнь русскаго человѣка.

Соображая все вышесказанное, нельзя не признать митрополита Даниила писателемъ съ практическимъ направленіемъ, проповѣдникомъ-моралистомъ, а пожалуй и проповѣдникомъ-публицистомъ, какъ то признаетъ и г. Жмалинъ. Появленіе такого писателя въ русской литературѣ XVI в. есть явленіе естественнаго развитія общества. Русское общество породило его, какъ одновременно польское общество дало своихъ публицистовъ-писателей такъ-называемаго золотого вѣка польской литературы. Чрезвычайно интересно можетъ быть сравненіе этихъ двухъ лагерей, столь различныхъ съ точки зрѣ-

нія вѣронсовѣданія и историческаго развитія; изъ него уяснилось бы, что рѣзкой разницы въ развитіи этихъ славянскихъ народовъ въ сущности не было: общественное состояніе Россіи времени митрополита Давіила и общественное состояніе Польши времени Збылитовскаго, Петра Сварги, Кохановскаго, Рея изъ Нагловицъ, Гурницкаго и другихъ представляютъ много сходныхъ чертъ, условленныхъ не взаимодѣйствіемъ, а необходимымъ ходомъ развитія каждаго изъ нихъ. Какъ въ Россіи, такъ и Польшѣ XVI в., пьянство, обжорство, роскошь, развратъ и лѣнь составляютъ принадлежность польскаго шляхтича. Андрей Збылитовскій въ идилліи „Żywot szlacheński" говоритъ, что шляхта обращаетъ всѣ свои доходы на роскошь, на кушанья, вино, одежду, дворню, коней и дорогіе экипажи. У много слугъ больше, чѣмъ крестьянъ, а иной и деревню заложитъ, только бы поставить къ обѣду сто блюдъ. Другой польскій писатель, Иванъ Кохановскій, въ своемъ Satyrѣ такъ выражается о шляхтѣ: „Богатства я у васъ не вижу, между вами находится больше такихъ, которые разстались съ своими деревнями и отцовскую утварь дали жидамъ на храненіе. Что же за причина этой вашей нужды? роскошь, которая какъ море все пожираетъ; она никому не уступаетъ и приводитъ къ ничетѣ; при дворѣ ея льстецы, а совѣтники ея — сводники; дворниковъ ей не нужно, такъ какъ кредиторы сами стерегутъ". Или, вотъ какъ Рей изъ Нагловицъ въ своемъ „Wizerunk't żywota człowieka poczciwego" (кн. II, глава VI) описываетъ роскошь изысканныхъ кушаній: „Посмотри на эти различные соусы, которые называются „сапорамъ", вѣрно, что „сапоръ", потому что обожравшійся ими сопить, какъ боровъ въ берлогѣ etc. Все блестятъ золотомъ—курица, орлы, зайцы; а подъ позолотою гниль; они были бы гораздо лучше и вкуснѣе, если бы ихъ прямо изъ горшка выложили на блюдо:... иной, какъ обожравшаяся собака едва добредеть до своей берлоги". Противъ пьянства у Поляковъ XVI в. писалъ Осипъ Верещинскій; онъ издавъ 1585 г. „GoŃciniec pewny nieropniernymъ moszucyebomъ a obmierzłymъ wydmikuflomъ swiata tego"; противъ разврата писалъ Морджевскій въ своемъ сочиненіи „De republica eelandanda".

Въ вышеназложенномъ мы воспользовались трудомъ г. Жмакина, чтобы при помощи его опредѣлять значеніе митрополита Давіила въ исторіи русскаго просвѣщенія. Теперь взглянемъ на выполненіе г. Жмакина со стороны его выполненія.

Трудъ этотъ—безспорно капитальный и представляетъ вкладъ въ

науку. Но вместе съ тѣмъ нельзя не сказать, что онъ чересчуръ объемистъ: это оттого, что въ немъ подробно передается все содержаніе сочиненій Даниіла и иногда попадаются ненужныя повторенія. Объемъ книги ввелъ автора даже въ нѣкоторые противорѣчія. Такъ, на стр. 274 г. Жмакинъ склоненъ признать сочиненія митрополита Даниіла самостоятельными, оригинальными, когда говоритъ: „число сочиненій, какъ видно, весьма значительное, особенно, если взять во вниманіе бѣдность самостоятельной и оригинальной литературы до и послѣ времени митрополита Даниіла“, а нѣсколько ниже, на стр. 288, авторъ вообще отрицаетъ въ митрополитѣ Даниілѣ стремленіе къ критическому изслѣдованію и оригинальности: „всякая болѣе или менѣе свободная и независимая отъ установившихся временемъ авторитетовъ дѣятельность ума, обозначавшаяся въ то время названіемъ „миѣнія“, Даниіломъ безусловно отвергается. Онъ называетъ миѣніе даже проклятымъ“. На стр. 291 авторъ также утверждаетъ, что въ капитальномъ произведеніи митрополита Даниіла „Соборникѣ“ нѣтъ авторской самостоятельности. Кроме того, по миѣнію г. Жмакина, „въ отношеніи формы построеній своихъ сочиненій митрополитъ Даниілъ стоитъ ниже своего учителя Іосифа Волоцкаго; онъ при изложеніи свидѣтельствъ является списывателемъ ихъ, простымъ копистомъ, мыслъ котораго во время труда остается совершенно безслѣдной для дѣла“ (стр. 291); эта форма, по словамъ нашего автора (стр. 293), „вылилась сама и явилась такою именно, а не втюю, будучи прямымъ, непосредственнымъ плодомъ древне-русской книжности и тѣхъ цѣлей и задачъ, которыя ставились и преслѣдовались ея дѣятелями“. И далѣе: „митрополитъ Даниілъ по формѣ своихъ сочиненій является типическимъ ученымъ богословомъ русской древности, богословомъ-начетникомъ, на которомъ во всей полнотѣ отобразились требованія, какія выставляла для своихъ адептовъ, какъ непремѣнными условія, древне-русская книжность“ (ibid.). А развѣ Іосифъ Волоцкій, учитель Даниіла, не имѣлъ вліянія на своего ученика? Вліяніе перваго на послѣдняго признано нашимъ авторомъ въ первой части его труда. И можно ли и Іосифу Волоцкому отказывать въ томъ, что онъ также является плодомъ древне-русской книжности? Если сочиненія митрополита Даниіла относительно формы стоятъ ниже сочиненій Іосифа Волоцкаго, то какой смыслъ имѣеть слѣдующій отзывъ изслѣдователя: „въ отношеніи формы своихъ сочиненій митрополитъ Даниілъ пошелъ далѣе въ исторіи поступательнаго движенія церковнаго консерватизма и сдѣлалъ здѣсь шагъ впередъ сравнительно съ собою, отд. 2.

тельно съ своимъ знаменитымъ учителемъ Іосифомъ Волоцкимъ. Избранная митрополитомъ Даниломъ литературная форма есть высшая и послѣдняя ступень въ области въ строгомъ смыслѣ литературныхъ произведеній, необходимо собою предполагающихъ извѣстную долю авторской самостоятельности" (стр. 293—294).

Кромѣ противорѣчій, попадаются у г. Жмакина и повторенія, которыя произошли отъ недостаточной обработки собраннаго имъ матеріала. Такъ въ главѣ „форма сочиненій митрополита Данила“ на стр. 288 онъ говоритъ: „по содержанію слова сборника не имѣютъ между собою ничего общаго, и каждое изъ нихъ представляетъ изъ себя совершенно самостоятельное цѣлое, какъ то находится и въ большей части словъ „Просвѣтителя“ (стр. 288); а на стр. 290 опять читаемъ; „между словами Даниловскаго сборника не существуетъ никакой связи. Каждое слово есть вполнѣ самостоятельное цѣлое“.

Нѣсколько выше я указалъ параллель между состояніемъ русскаго общества XVI в. и польскаго того же вѣка. Если причина деморализаціи русскаго общества кроется въ византійскомъ вліяніи, то какъ объяснить подобную же деморализацію въ польскомъ обществѣ, которое было изъято изъ вліянія Византіи и подверглось вліянію Рима? Но мало того: и все западно-европейское общество того времени было столь же разаратное. Между тѣмъ г. Жмакинъ всю вину разращенія русскаго общества XVI в. сваливаетъ на дряхлую Византію. Проведеніе такого взгляда составляетъ существенный недостатокъ въ трудѣ г. Жмакина, напоминающій обычную точку зрѣнія нашихъ западниковъ. Но нашему автору, столь начитанному въ древне-русской литературѣ, слѣдовало бы имѣть болѣе самостоятельный взглядъ на нашу старину, а вмѣстѣ съ тѣмъ не забывать и того, что писатели, выступающіе съ обличеніями противъ пороковъ современнаго имъ общества, всегда склонны преувеличивать эти послѣдніе; слѣдовательно, отзывъ обличителей, въ данномъ случаѣ—я самого Данила, слѣдуетъ принимать не иначе какъ съ осторожностью и критикой.

Не смотря однако на указанные недостатки въ изслѣдованіи г. Жмакина, трудъ этотъ заслуживаетъ полнаго вниманія. Не многіе изъ писателей средняго періода нашей литературы обслѣдованы такъ обстоятельно, какъ митрополитъ Данилъ въ сочиненіи г. Жмакина, и надобно желать, чтобъ авторъ какъ можно дѣятельнѣе продолжалъ свои работы, обѣщающія полезное приобрѣтеніе для отечественной науки.

Вл. Качановскій.

ПРЕПОДАВАНІЕ ЗАКОНА БОЖІЯ ВЪ ГЕРМАНСКИХЪ ШКОЛАХЪ.

Настоящій очеркъ касается предмета, мало извѣстнаго въ нашей литературѣ. Тѣмъ пріятнѣе сообщить объ немъ нѣкоторыя свѣдѣнія, особенно въ виду того, что система школьнаго религіознаго обученія въ Германіи представляетъ много новаго въ сравненіи съ вашею постановкою этого дѣла. Мы льстимъ себя надеждою, что потраченное нами время на настоящую, довольно кропотливую работу не пропадетъ даромъ. Источниками для всего здѣсь изложеннаго служили, кромѣ печатныхъ руководствъ и пособій, относящихся къ преподаванію закона Божія въ Германіи, личныя наши наблюденія.

Весьма замѣчательно, что при глубокой и широкой постановкѣ религіознаго обученія въ Германіи, тамъ существуетъ одно явленіе, которое есть какъ бы болѣзненный наростъ на крѣпкомъ организмѣ нѣмецкой школы,—разумѣемъ *Confessionslose-Schulen*, то-есть школы, въ которыхъ вовсе не преподается законъ Божій. Хотя ихъ очень немного (онѣ встрѣчаются только кое-гдѣ въ Пруссіи и Саксоніи, благодаря обилію въ нихъ населенія соціалистическаго элемента), тѣмъ не менѣе ихъ появленіе въ Германіи и могилы къ нему заслуживаютъ вниманія. Собственное отечество этихъ школъ — Америка гдѣ по одному изъ основныхъ принциповъ конституціи не признается господствующей религіи и гдѣ каждому вѣроисповѣданію предоставляется обучать принадлежащихъ къ нему дѣтей закону Божію независимо отъ школы, вслѣдствіе чего тамъ и распространены воскресныя школы, преимущественно занимающіяся религіознымъ обученіемъ. Въ Германіи, не отличающейся америкавскою пестротой вѣроисповѣда-

ній, эти школы обязаны своимъ существованіемъ протестантскому субъективизму въ дѣлѣ вѣры и религіи, совершенно освобождающему религіозную жизнь отъ какой бы то ни было принудительности, хотя этотъ же самый субъективизмъ, признавая личныя права въ самомъ широкомъ смыслѣ, ставитъ въ основаніе ихъ оубрѣшій умъ и развитую волю и этимъ располагаетъ правительство, вмѣстѣ съ предоставленіемъ обществу религіозной свободы, къ заботамъ о его духовномъ просвѣщеніи и, въ данномъ случаѣ, о самой широкой и глубокой постановкѣ школьнаго религіознаго обученія. Лютеръ не предчувствовалъ этого и сильно ратовалъ, какъ показываютъ его жестокія филиппики, противъ равнодушнаго отношенія къ христіанству и противъ тѣхъ школъ, въ которыхъ не изучается Евангеліе ¹⁾. Тѣмъ не менѣе эти школы явились въ Германіи на почвѣ протестантизма. Современные защитники ихъ обыкновенно говорятъ, что тамъ, гдѣ дѣти принуждены лежать къ тремъ исповѣданіямъ: лютеранскому, католическому иудейскому (а это въ Германіи почти повсемѣстно), для школы весьма затруднительно давать имъ соответствующее религіозное обученіе; тогда теряется, будто бы, и единство педагогической дѣли, и лучше всего предоставить каждому учиться своей религіи гдѣ онъ хочетъ и какъ онъ хочетъ. Безъ сомнѣнія, этимъ объясненіемъ стараются только прикрыть неблаговидныя, антирелигіозныя принципы; на дѣлѣ же всегда возможно преподаваніе закона Божія для дѣтей двухъ даже трехъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, безъ малѣйшаго нарушенія педагогическаго единства.

Обращаясь къ „благонамѣреннымъ“ нѣмецкимъ школамъ, видимъ между ними удивительное согласіе относительно метода и объема религіознаго обученія. Въ Германіи вообще неизвѣстно дѣленіе средняго и низшаго образованія на духовное и свѣтское. Хотя тамъ существуютъ, кромѣ богословскихъ факультетовъ, богословскія семинаріи, какъ средне-учебныя заведенія, но относительно религіознаго обученія (за исключеніемъ еврейскаго языка, изучаемаго въ нихъ обязательно), равно какъ и всего вообще учебнаго курса, онѣ нисколько не отличаются отъ гражданскихъ гимназій ²⁾: мало того, отъ нихъ:

¹⁾ „Die Schulen in welchen nicht das lautere Ewaangelium gelehrt wird, si Eeselsställe und Teufelschulen die man in den Grund und Boden hinein verderb sollte“.

²⁾ Мы знаемъ при этомъ въ виду Виртембергскія богословскія семинаріи. Если онѣ еще и сохраняютъ свое имя, то главнымъ образомъ благодаря тому что содержатся на суммы, обрѣдывшіяся изъ пренныхъ церковныхъ имущества

въ этомъ отношеніи почти не отстаютъ и народныя нѣмецкія школы;—отсюда является полная возможность представить преподаваніе закона Божія въ различныхъ нѣмецкихъ школахъ въ одномъ, общемъ нормальномъ планѣ.

Общій характеръ преподаванія закона Божія въ Германіи — библейскій; это есть по преимуществу библейское обученіе ¹⁾. Скучная относительно церковной виѣшности и обрядности, протестантская религиозная жизнь не создала тамъ, какъ у насъ, особеннаго школьнаго предмета, подъ именемъ: „изъясненія“ и исторіи богослуженія“. Вслѣдствіе однообразной простоты протестантскаго богослуженія ²⁾ нѣмецкимъ дѣтямъ и не нужно знакомиться съ нимъ въ школахъ; ознакомленіе его приобрѣтается ими непосредственно, при первомъ же посѣщеніи церкви, и единственно, что они изъ этой области изучаютъ въ школахъ, это—духовно-нравственныя пѣсни ³⁾, употребляющіяся при богослуженіи. Но за то тѣмъ основательнѣе и солиднѣе изучается въ нѣмецкихъ школахъ священное писаніе съ его научной, внутренней и виѣшной (или буквальной) сторонъ. Собственно говоря, въ Германіи изученіе священнаго писанія только еще начинается въ школахъ; болѣе же подробно и обстоятельно оно изъясняется на церковной кафедрѣ въ обычномъ видѣ нѣмецкой проповѣди и въ ея особенной формѣ, извѣстной подъ именемъ библейскихъ часовъ (Bibelstunde). Такимъ образомъ протестантъ изучаетъ Библію въ дѣтствѣ, въ зрѣломъ и старческомъ возрастахъ, словомъ—всю свою жизнь. То же нужно сказать и относительно католицизма, который изучается въ школахъ и изъясняется на церковной кафедрѣ, для дѣтей и взрослыхъ. Эта тѣсная волюнъ выработанная связь, существующая въ Германіи между школьнымъ религиознымъ обученіемъ и церковною проповѣдью, волюнъ заслуживаетъ вниманія, но изслѣдованіе ея не входитъ въ задачу настоящаго очерка.

При изложеніи нашего предмета, мы возьмемъ за норму нѣмецкую народную школу, имѣющую восьми-годовой курсъ, а всѣ существующія различія, напримѣръ, въ десятилѣтнемъ гимназическомъ курсѣ, укажемъ отдѣльно.

Программа по закону Божію въ Германіи состоитъ изъ слѣдую-

¹⁾ Весьма часто оно обозначается такъ и въ программахъ, то-есть, подъ именемъ «Biblischer Unterricht».

²⁾ Его можно описать четырьмя словами: пѣніе (въ началѣ и въ концѣ богослуженія), молитва (два раза), Евангеліе и проповѣдь.

³⁾ Соответствующія нашимъ молитвамъ и пѣнопѣваніямъ.

щихъ предметовъ: I. Изреченія священнаго писанія (Sprüche), духовно-нравственныя пѣсни (Lieder) и Катихизисъ; II. Библейская исторія ветхаго и новаго заветовъ; III. Чтеніе и изученіе священнаго писанія (Bibelkunde); IV. Исторія христіанской церкви; V. Пріготовленіе къ конфирмаціи и VI (въ гимназіяхъ только) догматика (Christliche Glaubenslehre) и этика (Christliche Sittenlehre). На весь этотъ курсъ употребляется: въ народныхъ школахъ еженедѣльно по 4 часа (въ теченіи восьми лѣтъ), а въ гимназіяхъ и другихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ въ недѣлю (неодинаково къ различнымъ классамъ).

I. Изреченія священнаго писанія и духовно-нравственныя пѣсни. Они объясняются дѣтямъ въ школѣ и затѣмъ заучиваются ими наизусть на дому. Наибольшій интересъ для насъ имѣютъ, безъ сомнѣнія, первыя, то-есть, изреченія (тексты) священнаго писанія, ихъ подборъ и расположеніе. Въ первый годъ ихъ заучивается дѣтьми не болѣе тридцати; они не раздѣляются еще на группы, съ соответствующими названіями, какъ это будетъ далѣе, но въ расположеніи ихъ проходитъ опредѣленная религіозно-нравственная нить, которую можно представить, приблизительно, въ слѣдующихъ чертахъ: Богъ есть творецъ (Дѣян. 17, 24)¹⁾, всемогущій (Пс. 115, 3), отецъ всѣхъ людей (Еф. 3, 15), добрый и милосердый (Пс. 34, 9, 145, 4), Котораго человекъ не достоинъ (Быт. 32, 10), но Онъ возлюбилъ человека изначала (1 Иоан. 4, 19) и показалъ ему свое благоволеніе (Лук. 2, 14), чрезъ посланіе на землю Иисуса Христа для спасенія грѣшниковъ (1 Тимоѳ. 1, 15), Который любитъ дѣтей и удостовѣтъ ихъ Царства Небеснаго (Марк. 10, 14) и пребудетъ съ всѣми людьми до скончанія вѣка (Матѳ. 28, 20). Богъ знаетъ все и знаетъ любовь къ Нему Иисуса Христа (Иоан. 21, 17). Къ Нему мы должны обращаться съ молитвою (Матѳ. 7, 7), непрестанно думать о Немъ (Пс. 53, 7) и Онъ не оставитъ, но спасетъ насъ (Пс. 50, 15). Ему мы обязаны нашимъ пропитаніемъ (Второз. 8, 10) и спокойствіемъ, такъ какъ Онъ есть помощникъ всей нашей жизни (Пс. 4, 9). Нужно быть благочестивымъ предъ Богомъ (Пс. 5, 5), ибо Онъ это намъ заповѣдуетъ (Быт. 17, 1). Дѣтямъ Онъ заповѣдуетъ почтеніе къ родителямъ (Кол. 3, 20). Они должны удаляться отъ дурнаго сообщничества (Притч. 1, 10), ибо дурныя поступки противны Богу

¹⁾ Цитаты свящ. писанія, встрѣчающіяся въ настоящемъ трудѣ, приведены по лютеранскому изданію Виблія.

(Быт. 39, 9) и виновный въ нихъ не достоинъ называться сыномъ Божиимъ (Лук. 15, 21). Люди поступать съ нами такъ, какъ мы поступаемъ съ ними (Матѳ. 7, 12). Кто не трудится, тотъ не достоинъ пищи (Матѳ. 7, 12); грѣшно воровать, лгать и поступать лжво съ ближними (Лев. 19, 11), завидовать и ненавидѣть ближнихъ. Эти шорки ведутъ къ несчастію (Іак. 3, 16), а счастье принадлежитъ только благочестивому и праведному (Іс. 37, 37), который удостоится благословенія въ Царствѣ Небесномъ (Матѳ. 25, 34). Такимъ образомъ въ этихъ изреченіяхъ дѣти получаютъ весьма полный и цѣльный матеріалъ для первоначальнаго знакомства съ словомъ Божиимъ,—и онъ усваивается ими тѣмъ болѣе отчетливо, что на репетиціяхъ имъ задаютъ обыкновенно вопросы по основной мысли каждаго изреченія ¹⁾.

Во второй годъ эти изреченія становятся значительно пространнѣе и уже раздѣляются на извѣстныя группы, каждая съ своимъ собственнымъ наименованіемъ. Одни изъ нихъ учатъ правой вѣрѣ (Sprüche welche lehren recht glauben), другіе — благочестію (Sprüche welche lehren fromm leben), третьи—терпѣнію (Sprüche welche lehren geduldig leiden) и наконецъ послѣднія—приготовляютъ къ спокойной кончинѣ (Sprüche welche lehren getrost sterben). Всѣхъ изреченій подъ указанными наименованіями 136, и около 80 изъ нихъ относятся ко второму году, а остальные — къ третьему. Въ четвертый школьный годъ заучиваются навзгустъ изреченія, относящіяся къ катихизису и расположенныя по его шести главнымъ отдѣламъ. Часть ихъ—все ихъ число равняется 184—относится къ настоящему году, а другая часть—къ пятому; самый же катихизисъ изучается въ теченіи шестаго года. Этотъ приемъ предварительнаго изученія текстовъ катихизиса (прежде его системы) очень оригиналенъ. Не хотя онъ и представляетъ прикѣненіе къ данному случаю общаго аналитическаго метода, составляющаго самую выдающуюся сторону современной нѣмецкой системы религіознаго обученія; нельзя сказать, чтобы прикѣненіе его въ этомъ случаѣ было вполне дѣлессообразно. Тексты, приводимые въ подтвержденіе катихизическихъ положеній, слишкомъ тѣсно соединены съ послѣдними, чтобы ихъ можно было изучать отдѣльно. Такимъ образомъ, всѣхъ изреченій Ветхаго и Новаго заветовъ, изучаемыхъ въ народныхъ и среднихъ нѣмецкихъ школахъ

¹⁾ Учитель напримѣръ, спрашиваетъ: какъ говорить слово Божіе о почтеніи къ родителямъ? и ученикъ отвѣчаетъ навзгустъ соотвѣствующее изреченіе.

въ теченіи пяти школьныхъ лѣтъ, около 350. Число очень значительное, особенно принимая во вниманіе объемъ нѣкоторыхъ изреченій (напримѣръ, катихизическіе тексты въ 20 строкъ и болѣе, обыкновеннаго шрифта) и небольшой возрастъ дѣтей, опредѣляемый: въ 6 лѣтъ для поступленія въ народную школу и нѣсколько старше для гимназій. Сюда нужно прибавить еще упомянутыя нами духовно-нравственными пѣсни или гимны (Lieder) употребляющіеся при богослуженіи. Гимны эти — произведенія протестантской церковной поэзіи и изложены въ стихахъ; они заучиваются дѣтьми наизусть въ теченіи семи школьныхъ лѣтъ, и можно себѣ представить, какаѣ масса ихъ выучивается! Они принадлежатъ весьма уважаемымъ въ протестантскомъ мірѣ авторамъ, начиная отъ временъ реформаціи до настоящаго времени и создаются вновь и теперь.

II. Библейская исторія Ветхаго и Новаго заветовъ. Въ теченіи двухъ первыхъ лѣтъ она изучается въ видѣ избранныхъ библейскихъ разказовъ (при этомъ употребляются и картины), извлеченныхъ совместно изъ Ветхаго и Новаго заветовъ, ежегодно по 52 очерка, что составитъ въ теченіи двухъ лѣтъ 104 библейскихъ разказа. Для перваго года избираются болѣе простѣйшіе, такъ сказать описательные разказы, напримѣръ, изъ Ветхаго завета: о твореніи, грѣхопаденіи, братоубійствѣ и т. п.; изъ Новаго завета: рожденіе Спасителя, поклоненіе волхвовъ, бѣгство во Египетъ и т. под. Для втораго года указаны въ программѣ очерки, требующіе отъ ребенка большаго пониманія и сосредоточенности: изъ Ветхаго завета, напримѣръ: призваніе Авраама, вѣра его и т. под.; изъ Новаго завета: бесѣда Господа съ Самарянкою, вагорная проповѣдь и т. под. Такимъ образомъ по этой методѣ дѣти знакомятся одновременно съ Ветхимъ и Новымъ заветами ¹⁾. Въ Виртембергскихъ гимназіяхъ изучается, кромѣ того, во второй годъ, непосредственно за вступительными географическими свѣдѣніями географія Виртембергскаго королевства и въ связи съ ней географія Палестины. Дѣлается это заѣмъ, чтобы развивая въ дѣтяхъ національное сознаніе посредствомъ роди-

¹⁾ Одновременно въ томъ смыслѣ, что за изученіемъ первой половины Ветхаго завета изучается первая половина Новаго, и заѣмъ, въ слѣдующій годъ, вторая половина Ветхаго и вторая половина Новаго заветовъ. Но по своему характеру курсы библейской исторіи перваго и втораго годовъ вполнѣ отлечены одинъ отъ другаго. Какъ увидимъ далѣе, библейская исторія изучается въ Германіи, постепенно усложняясь, три разъ, не считая ея изученія по Библии.

новѣдвіа, содѣйствовать развитію въ нихъ и религіознаго сознанія. Но рядъ тщательно намѣченныхъ, съ этою цѣлю, сравненій и параллелей между Виртембергемъ и Палестиною, содѣйствуя знакомству съ послѣднею, не остается безъ слѣда и для патріотическаго убѣжденія, что Виртембергъ — своего рода благословенная страна въ мірѣ ¹⁾. Мы не упомянули еще, что Палестина изучается при этомъ какъ со стороны ея библейскаго, такъ и современнаго состоянія. Пособіемъ служитъ ясно и довольно обширно составленный учебникъ, снабженный прекрасною цвѣтною картою Палестины и видомъ и планомъ современнаго Іерусалима, составляющими хорошую иллюстрацію къ изложеннымъ въ немъ свѣдѣніямъ.

Съ наступленіемъ третьяго года изученіе библейской исторіи, особенно заручившись географическимъ знакомствомъ съ Палестиною, приобретаетъ еще болѣе основательности. Дѣти знакомятся теперь съ исторіею въ полномъ смыслѣ этого слова, изучая ее въ видѣ пространныхъ библейскихъ разказовъ, расположенныхъ въ послѣдовательной связи между собою, и при этомъ въ теченіе третьяго года изучается ими исключительно Ветхій заветъ, а въ теченіе четвертаго года исключительно Новый заветъ.

Четвертымъ годомъ и заканчивается изученіе (по разказамъ учителя и по учебнику) библейской исторіи и съ слѣдующаго, то-есть пятаго года начинается непосредственное ея изученіе по ея первоисточнику—священному писанію. Теперь являюся и преподаватели закона Божія. До сихъ поръ ими были обыкновенные учителя ²⁾; теперь, гдѣ только есть возможность, преподаютъ сами пасторы.

III. Чтеніе и объясненіе священнаго писанія (Bibelkunde). Въ началѣ пятаго года дѣтямъ даютъ въ первый разъ въ руки Библию и сообщаютъ порядокъ священныхъ книгъ ³⁾ Ветхаго и Новаго завета,

¹⁾ Есть даже сочиненіе для народа, въ которомъ эта мысль развивается очень обширно. «На свѣтъ дѣй благословеннаи страны, земля Хаанаанская и Виртембергъ», такъ начинается народное изданіе исторіи Виртемберга (*Geschichte Württembergs neu erzählt für den Bürger und Landmann*).

²⁾ Что касается участія обыкновенныхъ учителей въ преподаваніи закона Божія въ Германіи, то оно объясняется ихъ солдною религіозною подготовкою, которому они обязаны высокому уровню религіознаго образованія въ нѣмецкихъ школахъ.

³⁾ Для лучшаго запомнанія порядка этихъ книгъ, названія ихъ изложены въ стихахъ,—пріемъ, практиковавшійся въ старину въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ относительно правилъ и исключеній латинской грамматики.

съ краткими, элементарными свѣдѣніями объ ихъ содержаніи. Въ этомъ же году начинается и чтеніе Библии. Въ виду обширнаго ея содержанія и невозможности ознакомиться съ нимъ въ границахъ положеннаго времени, въ Германіи выработана весьма заманчивая система школьнаго чтенія и изученія Библии, которая, знакомя съ главнѣйшими ея отдѣлами, въ то же время прокладываетъ путь въ сознаніи учащихся къ дальнѣйшему ознакомленію съ ея богатымъ и разнообразнымъ содержаніемъ во всѣхъ его подробностяхъ. Въ основаніи этой системы лежитъ двоякая точка зрѣнія на содержаніе Библии, которое рассматривается съ его исторической и догматическо-нравственной стороною.

Въ виду этого наибѣгаются выдающіеся библейскіе отдѣлы историческаго характера (или избранныя историческіе отдѣлы, какъ ихъ принято называть въ нѣмецкихъ программахъ) изъ историческихъ книгъ ¹⁾ Ветхаго и Новаго завѣтовъ и выдающіеся отдѣлы догматическо-нравственнаго характера (или учительныя отдѣлы по терминологіи нѣмецкихъ программъ) изъ историческихъ, учительныхъ и пророческихъ книгъ Ветхаго и Новаго завѣтовъ. Тѣ и другіе прочитываются и изъясняются дѣтми. По методу своего изученія первые отдѣлы составляютъ предметъ такъ называемаго послѣдовательнаго чтенія Библии (*kurzerliches Bibellesen*), а послѣдніе такъ какъ при изученіи ихъ имѣется въ виду усвоеніе не исторической связи содержанія Библии, а догматическо-нравственнаго смысла ея выдающихся мѣстъ) составляютъ предметъ такъ называемаго мѣстнаго чтенія Библии (*statarisches Bibellesen*).

1. Послѣдовательное чтеніе Библии (*kurzerliches Bibellesen*) полагается въ теченіе пятого и шестаго школьныхъ годовъ. Въ пятый годъ прочитываются главнѣйшіе отдѣлы историческаго характера изъ историческихъ книгъ ²⁾ Ветхаго Завѣта; въ шестой годъ такіе же отдѣлы изъ книгъ Новаго Завѣта. По предписанію евангелической консисторіи (обязательному для народныхъ школъ, находящихся въ ея вѣдѣніи, и соблюдаемому по возможности и въ гимназіяхъ), на послѣдовательное чтеніе библии употребляется отъ 1¹/₂ до 2 часовъ

¹⁾ Къ историческимъ книгамъ Библии протестанты причисляютъ также и тѣ, которыя называются по нашему православному дѣланію книгъ священнаго писанія—законоположительными.

²⁾ То-есть, законоположительнымъ и историческимъ книгъ, по нашему.

въ недѣлю (а въ народныхъ школахъ иногда значительно болѣе), и при этомъ положено ознакомиться, въ теченіе каждаго часа, съ тремя главами, прочитывая, приблизительно, по 30 стиховъ изъ каждой главы, что составить по 90 стиховъ въ часъ. Это чтеніе располагается неизмѣнно въ связи съ пройденными въ предшествующихъ двухъ классахъ послѣдовательными библейскими разказами. Порядокъ его таковъ: учитель заставляетъ дѣтей повторить относящійся къ предстоящему чтенію библейскій разказъ и, указавъ ему соответствующій послѣднему библейскій отдѣлъ ²⁾, прочитываетъ его самъ, или заставляетъ дѣтей прочитывать его ясно и толково. Трудныя выраженія и непонятныя обороты рѣчи тщательно при этомъ объясняются. По прочтеніи такимъ образомъ извѣстнаго отдѣла, или нѣсколькихъ отдѣловъ, близкихъ между собою, сообщается въ общихъ словахъ ихъ содержаніе и выводится краткое религіозно-нравственное заключеніе. Вниманіе дѣтей при этомъ постоянно поддерживается перекрестными вопросами. Но главное правило, которое должно соблюдаться по предписанію евангелической консисторіи при послѣдовательномъ чтеніи Библии, состоитъ въ томъ, чтобы разумно-прочитанное божественное слово само, своимъ собственнымъ содержаніемъ и формою, дѣйствовало на душу дѣтей, и потому преподаватели должны по возможности удерживаться отъ обширныхъ толкованій и объясненій прочитаннаго. Вотъ для примѣра нѣсколько образцовъ этого рода:

²⁾ При этомъ употребляются всѣ мѣры, чтобы дѣтки усвоивалась какъ нельзя болѣе отчетливо связь между библейскими разказами и его историческимъ — библейскимъ отдѣломъ. Вотъ что для этого, на примѣръ, дѣлается. По повтореніи разказа, положимъ о рожденіи Спасителя; учитель спрашиваетъ дѣтей откуда онъ заимствованъ. Незнакомые съ частными особенностями четырехъ Евангелій, дѣти отвѣчаютъ ему, что рожденіе Спасителя описывается у каждаго изъ четырехъ Евангелистовъ, и когда учитель сообщаетъ имъ, что оно описывается у одного только Ев. Луки, это, своего рода открытіе, производитъ на дѣтей неожиданное впечатлѣніе и полученное знаніе усваивается ими отчетливо.

Годъ пятый.

Годъ шестой.

Историческіе образцы
изъ историческихъ книгъ:

Ветхаго Заѣта:	Новаго заѣта:
Сотвореніе міра. Рай (Быт. I, 2).	Влаговѣщеніе (Лук. I, 26—38).
Грѣхопаденіе (Быт. 3).	Рождество Іоанна Крестителя (Лук. I, 57—80)
Камнь и Абель (Быт. 4. 1—16).	Рождество Спасителя (Лук. 2 1—20)
Ной и потопъ (Быт. 6, 5—22, 7, 11—24. 8, 41—8).	Срѣщеніе (Лук. 2, 22—40).
Вавилонское столпотвореніе (Быт. 11, 1—8).	Волквы и бѣгство во Египет. (Мате. 2)
	Отрокъ Іисусъ во храмѣ (Лук. 2 41—52)
	Вознесеніе (Дѣян. 1, 4—11).
	Сошествіе св. Духа (Дѣян. 2 1—21)
	Испѣленіе хромого (Дѣян. 3 1—10)
	Аванія и Сапфира (Дѣян. 5 1—12)
	Св. Арх. Стефанъ (6, 8—15, 7 51—59) и проч

Всѣхъ историческихъ образцовъ, прочитываемыхъ въ теченіе года и шестаго годовъ: изъ Ветхаго Заѣта — сорокъ шесть и изъ Новаго Заѣта — шестьдесятъ три. Но въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и особенно въ народныхъ школахъ, имѣющихъ двухъ учителей за кона Божія, кромѣ этихъ обязательныхъ (obligatorisch) отдѣловъ прочитываются дополнительные или необязательные (facultativ) отдѣлы изъ нихъ можно указать, наприкладъ, на псалмы 104 и 8, прочитываемые одновременно съ разказомъ о сотвореніи міра, такъ какъ въ нихъ живописуется картина міроустроенія, или, изъ Новаго Заѣта — Дѣян. 7, 1—50, налагающіе рѣчь св. Арх. Стефана. Иногда, при остающемся времени, прочитываются и воскресные евангельскіе отдѣлы, но это не составляетъ особой необходимости, такъ какъ каждый лютеранинъ имѣетъ предъ собою во время богослуженія книгу, съ названіемъ воскресныхъ евангелій, и слышитъ въ церкви ихъ объясненіе въ обязательной проповѣди пастора. — Съ наступленіемъ сего

го года приобрѣтается знакомство съ научною стороною Священнаго Писанія, именно: изучаются свѣдѣнія о происхожденіи, времени и мѣстѣ написанія священныхъ книгъ, изучается ихъ характеръ и частное ихъ содержаніе; въ теченіе седьмага года — книгъ стараго Завѣта, и въ теченіе восьмага года — Новаго Завѣта.

Въ руководство при этомъ употребляется пособие, подъ названіемъ: „Введеніе въ Священное Писаніе“ („Einleitung in die Heilige Schrift“), которымъ дѣти пользуются для домашняго приготовленія уроковъ и при классномъ чтеніи Библии. Законоучителями теперь являются исключительно пасторы: Начинаящееся въ это же время такъ зываемое:

2) Мѣстное чтеніе библии (Statarisches Bibellezen) имѣеть цѣлю, какъ мы уже сказали, ясненіе не исторической послѣдовательности библейскихъ событій (въ нихъ наглядности), а раскрытіе и внутренней религіозно-нравственной идеи, которая проходитъ черезъ всѣ Ветхозавѣтныя и Новозавѣтныя писанія. Для этого теперь прочитываются и разъясняются упомянутые отдѣлы догматическо-нравственнаго характера, являющіеся какъ бы узлами, связующими обширное библейское содержаніе и рельефно обозначающіе его религіозно-нравственную идею: въ седьмой годъ — изъ Ветхаго Завѣта. При этомъ, конечно, повторяются и нѣкоторыя изъ прежде прочитанныхъ книгъ (при послѣдовательномъ чтеніи Библии), но съ соотвѣтствующей имъ точки зрѣнія. Вотъ нѣсколько образцовъ этого рода.

Годъ седьмой.

Годъ восьмой.

Догматическо-нравственные
образцы изъ книгъ

Ветхаго Завѣта:	Новаго Завѣта:
отвореніе міра (Быт. 1, 2, 1—3).	(изъ Ев. Матѳея): Крещеніе и вознесеніе Спасителя (3, 4).
рѣхопаденіе (Быт. 2, 8 — 9, 15—17).	Нагорная проповѣдь (5—7).
Исходъ (Быт. 8, 20—9, 13).	Призваніе Ап. Матѳея (9) и проч.
авдонское столпотвореніе (Быт. 11,—19).	(изъ Ев. Марка): Благословеніе дѣтей (10).
призваніе Авраама (Быт. 12).	Предсказаніе о разрушеніи Иерусалима и страшномъ судѣ (13)
ѣбра Авраама (Быт. 15).	и проч.
ѣртвоприношеніе Исаака (Быт. 22).	(Изъ Ев. Луки): Три притчи: о

Благословеніе Іакова и пророчество о львѣ отъ Іуды (Быт. 48, 49) и проч.

заблудшей овцѣ, потерянной монетѣ и заблудшемъ сынѣ (15).
Притча о мудромъ домоправителѣ (16, 1—13) и проч.
(Изъ Ев. Іоанна): Вѣчное слово Божіе (1, 1—18).
Бесѣда съ Никодимомъ (3, 1—21) и проч.
(Изъ Дѣян. св. Апостоловъ). Проповѣдь Ап. Петра (2: 14—36).
Проповѣдь Ап. Павла въ Ассизахъ (17, 14—36).
И т. д. — изъ соборныхъ посланій, посланій св. Ап. Павла и Апокалипсиса.

Всѣхъ отдѣловъ, относящихся къ этому курсу и изучаемыхъ въ седьмой и восьмой школьные годы изъ Ветхаго и Новаго Заветовъ, приблизительно столько же, сколько было въ предшествовавшемъ, послѣдовательномъ чтеніи библіи. Для лучшаго ознакомленія съ этимъ (иѣстными) чтеніемъ Библіи приводимъ въ русскомъ переводѣ нѣсколько отрывковъ изъ относящагося сюда матеріала, которыми мы пользовались при составленіи настоящей статьи. Вотъ, наприимѣръ, какъ объясняется дѣтямъ библейскій разказъ о Твореніи (Быт. 1, 2, 1—3) и въ частности ученіе о Богѣ Творцѣ:

„Богъ Творецъ (Быт. 1, 1—3 ср. съ 1 гл. Символа вѣры). Откуда: міръ 1) не вѣченъ, а произошелъ во времени; но 2) не изъ Бога, какъ неизбежное истеченіе (эманация) Его существа, а отъ Бога, произведенный Его свободной волею, и именно 3) изъ ничего (ср. Пс. 33, 9: „потому что Онъ сказалъ“. „Духъ Божій ст. 2 и „Слово Божіе“ ст. 3. ср. Іоан. 1, 1—3 и Колос. 1, 16 съ 1 Корин. 8, 6)“. Или библейскій разказъ о сотвореніи человѣка, его составѣ, достоинствѣ и культурномъ призваніи:

„Сотвореніе человѣка. Человѣкъ — послѣднее и высшее твореніе на землѣ. Растенія Богъ произростилъ изъ земли, животныхъ Онъ произвелъ также изъ земли, давъ имъ особенное благословеніе — въ движеніи. Человѣка же Богъ образовалъ Самъ, и хотя также изъ земли, но особеннымъ образомъ и (Быт. 2, 7) далъ ему

вой Божественный духъ. Черезъ это человѣкъ является подобіемъ божіимъ и предназначается къ господству надъ всѣми земными тварями^а.

„Составъ человѣка. Изъ земной матеріи и божественнаго духа отворены тѣло и духъ человѣка. Составъ человѣка не тройкій: тѣло, душа и духъ, но двойкій: тѣло и духъ, или тѣло и душа, потому что душа и духъ составляютъ единое въ человѣкѣ. Если же различать послѣдніе, то духъ обозначаетъ высшую духовную жизнь души, а душа—низшую, тѣлесную жизнь души (ангелъ имѣетъ собственно только духъ, а не душу, и есть поэтому духовное существо. Животное имѣетъ собственно только душу, а не духъ, и есть поэтому душевное существо. Человѣкъ же занимаетъ мѣсто въ среднѣйшѣхъ твореніяхъ—имѣетъ духъ и душу, то-есть высшую духовную и низшую тѣлесную жизнь души и есть такимъ образомъ душевный духъ — относительно ангеловъ, или духовная душа — относительно животныхъ)^а“.

„Достоинство человѣка. Человѣкъ—подобіе Божіе, которое заключается не только въ его совершенномъ тѣлесномъ составѣ, — это ступообразное, — также не только въ его господствѣ надъ животными,—все это есть только слѣдствіе другаго, высшаго подобія; главнымъ образомъ подобіе Божіе въ человѣкѣ заключается въ его вышнѣйшѣмъ и достоинствѣ, въ томъ, что предъ всѣми прочими твореніями онъ одаренъ духовною жизнію, свободою волею (вмѣсто природнаго влеченія) съ яснымъ самосознаніемъ и познаніемъ Бога и совѣстью“.

Укажемъ также на нѣкоторые объясненія, относящіяся къ Новозавѣтному тексту, въ особенности къ Нагорной проповѣди, и въ частности: къ 17—20 ст. 5 гл. Ев. отъ Матѳея, которыя содержатъ изреченія Спасителя о ветхозавѣтномъ законѣ и Словѣ Божіемъ (какъ должны понимать ихъ христіане).

„Новымъ Завѣтомъ прекращается Ветхій, но ничто не признается въ немъ за не имѣющее значенія, или безразличное, и ничто въ немъ не разрушается. Хотя Христосъ есть и конецъ закона, но въ то же время Онъ есть его исполненіе, именно: 1) весь обрядовый законъ исполняется во Христѣ какъ пророчество и получаетъ свое исполненіе въ Его лицѣ и дѣлѣ какъ прообразъ въ образѣ; 2) всякій гражданскій законъ и все іудейски-національное въ законѣ получаютъ черезъ ученіе и заповѣди І. Христа свое выполненіе, какъ несовершенное въ совершенномъ, поэтому его вышшая форма уже не имѣетъ болѣе значенія, но его нравственное зерно остается и поддерживается теперь

съ новой стороны (ср. законы о іудейскомъ бракѣ и милосердіи); 3) точно выраженный нравственный законъ, десять заповѣдей, уясняются и утверждаются Христомъ во всемъ ихъ объемѣ, какъ вѣчно и обще-обязательныя.

Замѣчанія, составляющія содержаніе 17—20 ст., относятся не только къ ветхозавѣтному закону, но и ко всему библейскому содержанию.

Эти общіе пункты разъясняются далѣе подробно, при разборѣ слѣдующихъ стиховъ 5 гл. Ев. отъ Маттея; но мы удерживаемся отъ изложенія этихъ объясненій и другихъ, относящихся къ Новозавѣтному тексту, полагая, что и приведенныхъ мѣстъ будетъ достаточно для того, чтобы уяснить занятія этого рода ¹⁾. Такъ какъ историческая послѣдовательность событій не имѣется уже болѣе въ виду, то нѣкоторыя повѣствованія при мѣстномъ чтеніи Библии во все опускаются, напримѣръ исторія Кайна и Авеля, имѣющая болѣе историко-нравственное значеніе, нежели уясняющая развитіе ветхозавѣтнаго союза Бога съ человѣкомъ. Но за то объясненія прочитаннаго становятся гораздо обширнѣе и полнѣе, нежели то было при послѣдовательномъ чтеніи Библии, имѣвшемъ въ виду усвоеніе библейскаго разказа, какъ онъ есть; для этого теперь пользуются, какъ мы видѣли, частными ссылками на параллельныя мѣста изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ; вообще, все направляется теперь къ тому, чтобы учащіеся уразумѣвали догматическо-нравственный смыслъ прочитаннаго, или знакомились съ духомъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ писаній, уясняя себѣ ихъ внутреннюю связь и то нравственное единство, которое проникаетъ собою исторію царства Божія въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ.

Что касается общаго характера описанныхъ обонхъ родовъ чтенія Библии, то послѣдовательное чтеніе Библии является аналитическимъ изученіемъ библейской исторіи. Съ нашей точки зрѣнія, въ виду предшествовавшего такому чтенію обстоятельнаго знакомства съ Библией, оно можетъ, конечно, показаться излишнимъ въ учебномъ отношеніи; но оно окупается приобрѣтасимымъ знакомствомъ съ первоисточникомъ библейскихъ фактовъ, съ простымъ и величественнымъ

¹⁾ Объясненія выдающихся мѣстъ Ветхозавѣтнаго и Новозавѣтнаго текстовъ обыкновенно даются въ Германіи пасторами-педагогами подъ заглавіемъ: «Наука о Библии, для религіознаго обученія и для чтенія Библии.» («Bibelkunde zum Religionsunterricht und für Bibelleser») или кодъ другихъ именъ, и въ этомъ печатномъ видѣ служатъ для учениковъ руководствомъ.

разказомъ и языкомъ священнаго писанія, производящими на душу ребенка впечатлѣніе, которому принадлежитъ въ послѣдствіи рѣшающее вліяніе во всемъ его нравственномъ существѣ. То же нужно сказать и о мѣстномъ чтеніи Библии. Оно имѣетъ очень близкое отношеніе къ предшествовавшему ему изученію катихизиса, является аналитическимъ изученіемъ истинъ вѣры, данныхъ въ послѣднемъ синтетически; но осуществляетъ эту цѣль гораздо многостороннѣе, вывода истины божественнаго ученія изъ ихъ первоисточника и знакомя съ священными буквою и формами, въ которыя облечены послѣднія. Съ другой стороны, посредствомъ этихъ двухъ родовъ чтенія Библии достигается какъ нельзя лучше и объединеніе между познаніями историческо-библейскаго и догматическо-нравственнаго характера (особенно это осуществляется тогда, когда одни и тѣ же библейскіе отдѣлы встрѣчаются при обоихъ родахъ чтенія Библии и такимъ образомъ усвоится учащимся самое главнѣйшее и существенное въ библейскомъ содержаніи. Поэтому весьма понятно, что описанная система изученія Библии занимаетъ вполне заслуженно очень почетное мѣсто: о въ вѣхедкой программѣ школьнаго религіознаго обученія. Время проложенія ея, сравнительно, не очень давнее: она выработана въ Германіи не ранѣе 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія, а до тѣхъ поръ школьное изученіе Библии производилось тамъ по тому же самому способу, по которому она изучается теперь у насъ въ духовныхъ семинаріяхъ, то-есть въ порядкѣ расположенія священныхъ книгъ послѣдовательно отъ книги Бытія до Апокалипсиса. Но такъ какъ было невозможно прочитать и объяснить всю Библию, то и случалось, что одними учениками изучалось Пятиквнжіе Моисея, другими—слѣдующія за нимъ книги, третьи выходили изъ школы съ знаніемъ Пророковъ и т. д. Вновь выработанная система устранила всѣ недостатки прежняго метода: въ сравнительно короткое время она даетъ ученикамъ, такъ сказать, всю сущность библейскаго содержанія.

Съ своей стороны мы считаемъ долгомъ засвидѣтельствовать о необыкновенной полнотѣ и отчетливости библейскихъ знаній среди воспитанниковъ нѣмецкихъ школъ, которыя они вносятъ съ собою въ жизнь вѣстѣ съ охотою и умѣніемъ пользоваться Библией.

Въ теченіе того же восьмага года, вслѣдъ за мѣстнымъ чтеніемъ Библии, или „изученіемъ исторіи царства Божія“, какъ оно нерѣдко называется въ программахъ нѣмецкихъ гимназій, слѣдуетъ въ видѣ его продолженія, изученіе исторіи христіанской церкви. Въ народныхъ школахъ она изучается въ видѣ отрывковъ, помещен-

ныхъ въ христоматіи для чтенія и описывающихъ выдающіеся моменты протестантской и обще-церковной исторіи. Но законоучители при этомъ дѣлаютъ все возможное, чтобы изучаемыя событія не оставались въ сознаніи дѣтей изолированными отъ другихъ фактовъ церковной жизни, и по возможности группируютъ около нихъ описаніе послѣднихъ. Въ гимназіяхъ и соответствующихъ имъ мужскихъ и женскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, исторія христіанской церкви проходитъ во всемъ ея объемѣ, какъ и у насъ, только ей предшествуетъ изученіе исторіи реформаціи, въ видѣ отдѣльнаго предмета. Въ томъ же восьмомъ классѣ для учениковъ народной школы наступаетъ Приготовленіе къ конфирмаціи, которою и заключается курсъ. Являясь церковно-религиознымъ актомъ, удостоверяющимъ религиозную зрѣлость протестантскаго ребенка, конфирмація имѣетъ большое значеніе въ жизни протестантскихъ дѣтей, и приготовленіе къ ней не только не отдѣляется отъ школы, но составляетъ даже одинъ изъ главныхъ предметовъ школьнаго религиознаго обученія. Надъ всѣми вообще дѣтскими конфирмаціями совершается по достиженіи ими 14-лѣтняго возраста; но приготовленіе къ ней, заставляя учениковъ народной школы неизмѣнно на послѣднемъ году ихъ ученія, застаетъ учениковъ гимназій и другихъ средне-учебныхъ заведеній болѣею частью въ неодинаковыхъ классахъ, хотя и не ранѣ шестого, такъ какъ конфирмаціонное обученіе предполагаетъ знакомство съ катихизисомъ, изучаемымъ въ этомъ классѣ. Приготовленіе къ конфирмаціи совершается такимъ образомъ: назначенные къ конфирмаціи дѣти собираются въ теченіе 10 недѣль внѣ учебныхъ часовъ въ школы, въ церкви или у пастора на квартирѣ и учатъ наизусть такъ называемую конфирмаціонную книгу, состоящую изъ 78 вопросовъ и отвѣтовъ, относящихся къ символу вѣры. Такъ какъ при этомъ обращается большое вниманіе на уясненіе смысла катихизическихъ положеній и на отчетливое знаніе относящихся къ нимъ текстовъ священнаго писанія, то съ педагогической стороны конфирмаціонное обученіе представляетъ объединеніе между первыми и послѣдними, словомъ, объединяетъ собою матеріалъ, оставшіяся разрозненными въ предшествующихъ занятіяхъ (въ 5 — 6 годахъ; см. таблицу въ концѣ статьи). Обыкновенно на это употребляется отъ 3-хъ до 4-хъ часовъ въ недѣлю. Самый актъ конфирмаціи состоитъ въ томъ, что „властвующіе необходимыми школьными и религиозными знаніями, посѣщавшіе прилежно школу и отличающіеся нравственнымъ поведеніемъ“ (по выраженію конфирмаціоннаго акта) въ праздничныхъ

одеждахъ являются въ назначенное время въ церковь, гдѣ они испытываются пасторомъ въ знаніи катихизиса, послѣ чего на обращенные къ нимъ съ его стороны вопросы даютъ обѣтъ (Verpflichtung) вѣрно пребывать въ усвоенномъ ими ученіи и неуклонно исполнять до самой своей смерти обязанности христіанина; затѣмъ подходят по одному къ алтарю и, колѣнопреклоненные, принимаютъ отъ пастора, произносящаго извѣстную молитву, благословеніе, съ возложеніемъ его руки. Въ заключеніе этого акта, извѣстнаго на протестантскомъ церковномъ языкѣ подъ именемъ „возобновленія обѣта крещенія“, дѣтямъ преподается въ первый разъ св. причащеніе ¹⁾. Конfirmaціею обыкновенно заканчивается религиозное образованіе (и все вообще) нѣмецкой народной школы, но для воспитанниковъ гимназій оно продолжается еще два года. Именно, они изучаютъ: въ 9 классѣ Христіанское ученіе вѣры (Christliche Glaubenslehre) или Догматику и въ 10 классѣ Христіанское ученіе нравственности (Christliche Sittenlehre) или Этику. Та и другая науки являются отраслями спеціальнаго богословскаго знанія. Опредѣлить методъ ихъ преподаванія довольно трудно, потому что онъ вполне зависитъ отъ личности того или другаго законоучителя, которымъ въ этомъ случаѣ предоставляется почти профессорская свобода. Печатныхъ руководствъ ученики не имѣютъ, а главнѣйшія положенія диктуются имъ и записываются ими. Вообще, означенные науки изучаются въ нѣмецкихъ гимназіяхъ въ томъ же объемѣ, какъ догматическое и нравственное богословіе въ спеціальныхъ классахъ нашихъ духовныхъ семинарій.

Для болѣе яснаго представленія германской программы по закону Божію прилагаемъ здѣсь составленную нами таблицу:

¹⁾ Иногда, вследствие значительной численности дѣтей, св. причащеніе преподается имъ послѣ конfirmaціи, въ ближайшее воскресенье, равно какъ и указанное нами испытаніе ихъ производится заблаговременно, до конfirmaціи.

Въ заключеніе настоящаго очерка позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько выводовъ. По своему общему характеру описанная сейчасъ система преподаванія закона Божія весьма приближается къ системѣ религіознаго образованія, принятой въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, именно въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ, но съ нѣкоторыми отличіями отъ нее; такъ, напримѣръ, въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ географія Палестины не изучается въ видѣ отдѣльнаго предмета: кромѣ того (о чемъ мы еще не упомянули) въ нѣмецкихъ гимназіяхъ существуетъ приватная кафедра еврейскаго языка для готовящихся къ богословскому факультету, которой въ настоящее время нѣтъ въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ. Въ смыслѣ общаго религіознаго образованія, однообразнаго для всѣхъ школъ, эта система составляетъ въ Германіи существенный элементъ и даже основу принятаго тамъ общаго образованія; съ другой стороны, она представляетъ весьма достаточную религіозную подготовку для богословскаго факультета (являющагося въ Германіи единственною формою спеціальнаго богословскаго образованія). Естественныя слѣдствія этого: 1, высокій уровень религіознаго образованія въ германскомъ обществѣ, въ которомъ оно, такъ сказать, разлито по по всѣмъ его слоямъ; 2, то явленіе, что германскіе богословскіе факультеты (въ ученое и образовательное отношеніе столице не ниже нашихъ духовныхъ академій) наполняются, наравнѣ съ воспитанниками упомянутыхъ выше богословскихъ семинарій, и воспитанниками гражданскихъ гимназій, принадлежащихъ къ различнымъ сословіямъ. Кромѣ того, когда послѣднимъ и не приходится продолжать свое богословское образованіе въ университетѣ, они тѣмъ не менѣе полагаютъ правомъ и знаніями къ преподаванію закона Божія въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ силу только своего гимназическаго образованія.

С. Любимовъ
дѣканъ православной
предворной церкви въ
Штутгартѣ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ГОДИЧНОЕ ЗАСѢДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

15-го октября текущаго года, въ Москвѣ, въ здании Политехническаго музея, происходило годичное засѣданіе Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при Московскомъ университетѣ. Засѣданіе было посвящено чтенію отчетовъ о дѣятельности Общества и его отдѣловъ въ минувшемъ году. Главнѣйшія черты этой дѣятельности заключаются въ слѣдующемъ:

Личный составъ Общества увеличился въ минувшемъ году 3 почетными членами, 12 непремѣнными, 14 дѣйствительными и 19 членами-сотрудниками. Три устроенные почти при самомъ началѣ Общества отдѣла — физикъ, антропологии и этнографіи продолжали въ минувшемъ году по прежнему свои научныя занятія, и сверхъ того, къ нимъ присоединился еще четвертый, посвященный специально зоологіи; открытіе этого отдѣла естественно вызывается необходимостью систематизировать поступающія въ Общество работы по зоологіи; председателемъ новаго отдѣла избранъ профессоръ Московскаго университета А. П. Богдановъ. При отдѣлѣ прикладной физики, благодаря вновь избранному председателю профессору А. Т. Столѣтову, открыта физико-математическая коммиссія, имѣющая цѣль слѣдить за успѣхами знаній въ области этой науки. Полезные труды состоящаго при физическомъ отдѣлѣ физико-механика В. Т. Рома-

ненко подали Обществу поводъ награждать его большою серебряною медалью.

Въ теченіе отчетнаго года Общества имѣло четыре публичныя засѣданія, въ которыхъ прочтано было десять различныхъ сообщеній, преимущественно по естествознанію. Печатаніе ученыхъ трудовъ Общества въ отчетномъ году продолжалось по прежнему: вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ XXXVII-го тома Извѣстій Общества съ шестью, въ приложеніи, статьями специальныхъ изслѣдованій по зоологіи. Изданія Общества обращаютъ на себя вниманіе многихъ ученыхъ западной Европы, которые пользуются для своихъ работъ научными матеріалами Извѣстій, не смотря на то, что эти послѣднія издаются на русскомъ языкѣ. Принимъ послѣдствіемъ того, что Общество преобрѣтаетъ извѣстность въ Европѣ, служитъ увеличеніе его сношеній съ западно-европейскими учеными центрами и развитіе взаимнаго обмена изданій между западно-европейскими учрежденіями и Московскимъ обществомъ любителей естествознанія.

Научныя коллекціи Общества пополнялись въ отчетномъ году новыми приобрѣтеніями, а именно: почетный членъ генералъ Колпаковский пожертвовалъ интересную коллекцію минераловъ изъ Кульдженскаго района, профессоръ Д. Я. Самокласовъ — собраніе череповъ изъ Киевской губерніи, М. В. Малаховъ, г. Бастановъ и др. — различные антропологическія и археологическія находки, сдѣланныя въ упомянутомъ году при ихъ раскопкахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Въ отчетномъ году Общество имѣло своихъ представителей: профессора А. Г. Столѣтова — на всемірной выставкѣ электричества въ Парижѣ, и профессора Д. Н. Анучина — на пятomъ русскомъ археологическомъ сѣздѣ въ Тифлисѣ. Въ томъ же засѣданіи 15-го октября, въ коемъ прочтаны были вышеизложенный отчетъ о дѣятельности Общества, г. Анучинъ представилъ свой докладъ о результатахъ Тифлисскаго сѣзда по отношенію къ антропологии и первобытной исторіи Россіи. Не входя въ подробности этого сообщенія, замѣтимъ только, что, по словамъ г. Анучина, весьма оживленные пренія по отношенію къ первобытной исторіи Россіи возбудилъ на сѣздѣ вопросъ о національности древнихъ племенъ, населявшихъ наше отечество, — вопросъ, часто поднимавшійся и прежде, но какъ и прежде не приведшій въ Тифлисѣ ни къ какому результату. Касательно антропологии интересно находженіе въ разныхъ мѣстахъ на Кавказѣ слѣдовъ каменнаго и бронзоваго періода и выводы, сдѣланные изъ этихъ находженій. У западно-европейскихъ ученыхъ въ настоящее время господствуютъ въ

счетъ послѣдовательности различныхъ періодовъ первобытной жизни человѣчества два мнѣнія: одни говорятъ, что сначала былъ каменный періодъ, который смѣнился бронзовымъ, а этотъ послѣдній желѣзнымъ; другіе предполагаютъ, что бронзовый и желѣзный періодъ господствовали одновременно, и что на югѣ, и преимущественно въ юнѣйшей Греціи, существовали цѣлыя такъ-сказать фабрики, издѣлія которыхъ сбывались на сѣверъ. На Кавказѣ до сихъ поръ было отыскано мало вещей, характеризующихъ каменный періодъ. На Тифлискомъ съѣздѣ было высказано мнѣніе, поддержанное, между прочимъ, и знаменитымъ германскимъ ученымъ Вирховымъ, что Кавказъ по своему географическому положенію, по самому своему рельефу принадлежитъ къ странамъ съ болѣе поздней культурой, что онъ не могъ служить большою дорогою народовъ, и что въ его ущелья лишь съ теченіемъ времени осѣли разные племена, тѣснимыя съ сѣвера и юга болѣе сильными народностями.

Поѣздка дѣйствительнаго члена Н. В. Насонова на Черное море и въ Архипелагъ, совершенное имъ въ текущемъ году по порученію Общества съ зоологическою цѣлью, также дала этому исследователю поводъ сообщить въ засѣданіи 15-го октября главные общіе результаты своей научной экспедиціи. Г. Насоновъ занимался главнымъ образомъ изслѣдованіемъ морской фауны и при этомъ обратилъ преимущественное вниманіе на особый родъ губокъ, живущихъ полувоздушной жизнью на раковинахъ и прокладывающихъ ходы въ ихъ толщѣ. Этотъ видъ губокъ довольно распространенъ на разныхъ морскихъ побережьяхъ; въ Нортумберландѣ, на примѣръ, почти всѣ камни морскаго побережья просверлены имъ, а въ Сухумѣ даже большіе валуны пронизаны насквозь цѣлою сѣтью ходовъ. Это просверливаніе происходитъ одновременно химическимъ и механическимъ путемъ, и такимъ образомъ ничтожный паразитъ можетъ вредить прочности большихъ морскихъ сооружений.

Этимъ интереснымъ сообщеніемъ закончилось засѣданіе 15-го октября, еще разъ доказавшее, что извѣстное по своей энергической научной дѣятельности Общество любителей естествознанія, антропологии и этнографіи продолжаетъ ее съ полнымъ успѣхомъ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Новороссійскаго университета въ 1880 году: личныя соображенія преподавателей, вакантными катедры; награды за сочиненія на заданныхъ темы; ученые труды преподавателей и другихъ лицъ; достоинствѣ ученыхъ степеней и званій; командировки съ ученою цѣлю; учащіеся; учебно-вспомогательныя учрежденія.

Въ Новороссійскомъ университетѣ состояло къ концу 1880 года на лицо слѣдующее число штатныхъ преподавателей: на историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 6, доцентовъ 3; на физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 3, астрономъ-наблюдатель 1, лаборантовъ 4; на юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ 7, доцентовъ 2. Сверхъ того по штату университета положены не причисленные ни къ какому факультету: профессоръ православнаго богословія и четыре лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ. Общее число наличныхъ штатныхъ преподавателей было слѣдующее: 1 профессоръ православнаго богословія, ординарныхъ профессоровъ 24, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 8, астрономъ-наблюдатель 1, лекторъ 3, лаборантовъ 4, всего 44 лица. Сверхштатныхъ преподавателей было 5: 1 ординарный профессоръ по кафедрѣ механики и 4 лаборанта. Сверхъ того по найму читали три сторонніе преподавателя: 2 на историко-филологическомъ факультетѣ и 1 на юридическомъ. Приватъ доцентовъ имѣлось два, по одному на историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ. Общее число

преподавательских вакансій было: относительно временнаго штата 1 ординарнаго профессора, 6 экстраординарнаго, 2 доцента, 1 лектора, всего 12; въ сравненіи же съ постояннымъ штатомъ 4, ординарнаго профессора, 10 экстраординарнаго, 6 доцента, 1 лектора, всего 23. Незамѣщенными оставались слѣдующія кафедръ: философій съ октября 1876 года, римской словесности съ 1877 года, сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ съ октября 1874 года, исторіи всеобщей литературы съ мая 1865 года, астрономической химіи съ марта 1879 года, энциклопедіи права съ октября 1872 года, международнаго права съ мая 1865 года и церковнаго законовѣдѣнія съ юня 1875 года.

Факультеты Новороссійскаго университета имѣли въ 1880 году за-сѣданій: историко-филологическій 19, физико-математическій 27, изъ коихъ 4 публичныхъ, а юридическій 16. По вакантнымъ кафедрамъ поручено было преподаваніе; сравнительнаго языкованія—профессору славянской филологіи Кочубинскому, исторіи философій—доценту греческой словесности Воеводскому, энциклопедіи права—профессору гражданскаго судоустройства и судопроизводства Малинину, международнаго права—профессору полицейскаго права Шпилевскому, государственнаго права—профессору исторіи русскаго права Леонтовичу, церковнаго законовѣдѣнія—профессору православнаго богословія Бударцеву, уголовного права—стороннему преподавателю, заслуженному профессору Богдановскому, физической географіи (въ 1-й полугодіи) профессору физики Шведову. Затѣмъ вовсе не читались лекціи по слѣдующимъ предметамъ: на историко-филологическомъ факультетѣ—исторіи всеобщей литературы, на физико-математическомъ—агрономической химіи, и на юридическомъ—исторіи славянскихъ законодательствъ. Въ видахъ усиленія учебной дѣятельности студентовъ, историко-филологическій и юридическій факультеты требовали отъ нихъ, какъ и въ предшествующіе годы, обязательнаго представленія письменныхъ работъ на темы, выбранныя по соглашенію съ преподавателями и выполненыя подъ ихъ рукодствомъ. Профессоры юридическаго факультета Леонтовичъ, Малининъ и Посниковъ, кромѣ чтенія лекцій, имѣли еще практическія занятія со студентами. Физико-математическій факультетъ удержалъ полугодичныя устные контрольныя испытанія и постоянно велъ практическія занятія со студентами въ кабинетахъ и лабораторіяхъ.

За представленныя на заданныя факультетами темы сочиненія удостоены награды: золотую медалью—студентъ IV курса естественнаго

отдѣленія физико-математическаго факультета Я. Бардахъ за сочиненіе на тему: „Изучить производныя оптически-недѣятельной яблочной кислоты по сравненіи съ производными оптически-дѣятельной яблочной кислоты, и представить полное изложеніе вопроса объ оптически-изомерныхъ кислотахъ“; серебряными—студенты IV курса историко-филологическаго факультета Ник. Орловъ и Петръ Катаевъ за сочиненіе на тему „Очеркъ русскаго народнаго и историческаго орнамента“ а сочиненіе на ту же тему Ал. Вырлана удостоено похвальнаго отзыва.

Въ 1880 году профессора, преподаватели и другія принадлежавшія вѣдомству Новороссійскаго университета лица издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: профессоры: священникъ Кудрявцевъ произнесъ и напечаталъ нѣсколько словъ и рѣчей по разнымъ случаямъ церковно-общественной жизни Кочубинскій напечаталъ статьи: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія — „Исторія литературы Славянъ“, въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ—„Рукописи Григоровича. А. Викторова“ и „Книжныя мелочи“, въ Запискахъ Новороссійскаго университета „Правда жизни и правда творчества“, рѣчь, произнесенная въ университетѣ на Пушкинскомъ праздникѣ и надалъ литографированную „Раннюю исторію Славянъ“, Успенскій помѣстилъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью: „Цари Алексѣй II и Андроникъ Бониничъ“; Юргевичъ напечаталъ въ Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей двѣ статьи: „Псифисмъ древняго города Херсониса о назначеніи почестей Діофанту полководцу Мирадата—Евнатора за покореніе Крыма“ и „Объясненія надписей царя воспорскаго Асандра в Аспурга“; Шведовъ помѣстилъ въ журналѣ С.-Петербургскаго химико-физическаго общества статьи: „Theorie mathématique des formes cometaires“ „Что такое градъ?“; Свицовъ напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей двѣ статьи: „Описаніе новыхъ и малозслѣдованныхъ формъ раковинъ изъ третичныхъ образованій Новороссіи“ и „Описаніе нѣкоторыхъ видовъ мезозойскихъ окаменѣлостей изъ Симбирской и Саратовской губерній“; Лигинъ напечаталъ: „Публичная лекція о водорѣзахъ“ и русскій переводъ сочиненія Миколецкаго: „Задачи по начертательной геометріи“; Мечниковъ помѣстилъ: въ Zoologischer Anzeiger—„Ueber die intra—celluläre Verdauung der Coelentkraten“ и „Zur Lehre über Insectenkrankheiten“ и въ Запискахъ Новороссійскаго университета—отчетъ о заграничной командировкѣ. Ярошенко продолжалъ печатаніе въ Запискахъ Новороссійскаго университета курса

проективной геометріи; Леонтовичъ помѣстилъ статьи: въ протоколахъ юридическаго общества— „О значеніи древне-русскаго суда и розыска“ и въ Запискахъ Новороссійскаго университета— „Къ исторіи права русскіихъ инородцевъ. Калмыцкое право“; Трачевскій, Бондаковъ, Сабининъ и Малкинъ напечатали въ Запискахъ Новороссійскаго университета слѣдующія статьи: первый— „Нѣмецкій вопросъ во Франціи при Людовикѣ XVI“, съ приложеніемъ матеріаловъ извлеченныхъ изъ Парижскихъ архивовъ, второй— „Мозаики мезети Бахріе—Джамиса“, съ рисунками къ этой статьѣ, третій— „Дополненіе къ моеи статьѣ, помѣщенной въ IX томѣ Математическаго Сборника, подъ заглавіемъ: „Къ мемуару Коши Sur l'integration des equations differentielles“, послѣдній— „Теорія гражданскаго права“ по поводу мнѣнія профессора Н. А. Дювернуа о книгѣ г. Палаузова“. Доценти: Воеводскій напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета „О ваятіяхъ по критикѣ и міеологін гомеровскаго эпоса, съ дополнительными примѣчаніями: I. Миѳъ о повѣшеніи Прн и толкованіе Преллера. II. О нѣмецкой міеологін Якова Гримма, о „болѣзни языка“, Макса Мюллера, и о „теоріи заимствованій“, „Миѳъ о Клеоніи и Ватайѣ“; Спиро помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей статью: „Матеріалы для изученія образованія желчи“; Гамбаровъ напечаталъ: „Добровольная и безвозмездная дѣятельность въ чужомъ интересѣ“ (вып. II); Палаузовъ помѣстилъ въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права слѣдующія статьи: „О преданіи суду въ обвинительномъ процессѣ“, „Апелляціонное производство въ дѣлахъ уголовныхъ съ точки зрѣнія принципа непосредственности“, „Сообщеніе въ Одесскомъ юридическомъ обществѣ объ изданіи Гольцендорфа „Handbuch des deutschen Strafprocessrechts“ и „Очеркъ дѣятельности гражданскаго управленія по устройству юстиціи въ Болгаріи“; Лаборанты: Меликовъ напечаталъ: въ Запискахъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей— „О производимыхъ акриевой кислоты“ и въ Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft— „Ueber die Oxуacrylsäure“, и „Ueber die Constitution der flüssigen Chlormilchsäure und Glycidsäure“, Amidomilchsäure“ и Ueber die Bildung α —und β —Chlormilchsäure“; Геричъ помѣстилъ въ журналѣ L' Electricité статью „Quelques modifications dans le thelephone de Bell“; Танатаръ напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей статью „О строеніи фумаровой и маленовой кислотъ“. Магистръ Кононовичъ и стипендіатъ Бучинскій напечатали статьи: первый— „Вычисленіе орбиты двойной звѣзды γ Virginis“,

второй — „Объ общихъ чертахъ въ строеніи нервной системы кольчатыхъ червей и позвоночныхъ животныхъ“, объ статьи въ Запискахъ Новороссійскаго университета. — Публичныя лекціи читали ординарные профессеры Вериго и Лыгинъ: первый объ одесскихъ лиманахъ, второй — о вождѣрахъ.

Въ 1880 году Новороссійскимъ университетомъ утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) степени магистра кандидаты: *Ө. Цомакіонъ* — физики и *Ш. Таватаръ* — химіи; б) степени кандидата 31, въ томъ числѣ по факультетамъ: историко-филологическому 4, физико-математическому 14, юридическому 13; в) званія дѣйствительнаго студента: на историко-филологическомъ факультетѣ, 17, физико-математическомъ 14, юридическомъ 12, всего 43. Для приготовления къ профессорскому званію командированы были за границу магистраны: *Волинцевичъ* — по астрономіи, *Слешинскій* по чистой математикѣ и *Гахманъ* — по механикѣ; съ тою же цѣлю оставлены на два года при университетѣ кандидаты: *Гріельскій* — по международному праву и *Елисафовъ* — по химіи. Командированы были съ ученою цѣлю за границу — профессеры *Шведовъ*, *Кочубинскій* и *Успенскій*, внутри Россіи — доцентъ *Перетятковичъ*; а профессорамъ *Петріеву* и *Трачевскому* продолжены сроки ихъ заграничныхъ командировокъ съ ученою цѣлю.

Денежныя средства Новороссійскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныя суммы: оставалось отъ 1879 года 9,282 руб. 35 коп., по государственной росписи ассигновано изъ государственнаго казначейства на содержаніе университета въ 1880 году 222,475 руб. 35 коп., (на содержаніе личнаго состава 140,960 р. на учебныя пособия, хозяйственныя и другіе расходы 49,400 руб., на стипендіи и пособия студентамъ 18,000 руб., на пособіе общества естествоиспытателей при университетѣ 2,500 руб., на приготовленіе молодыхъ людей къ профессорскому званію и научныя командировки 833 руб., на биологическую станцію въ Севастополѣ 1,503 руб.), въ теченіе года израсходовано 211,811 руб. 52 коп., ватѣмъ къ 1-му января 1881 года имѣлось въ остаткѣ 10,593 руб. 83 коп.; б) сборъ платы со студентовъ за слушаніе лекцій: къ 1-му января 1880 года имѣлось на лицо 3.158 руб. 69¹/₂ коп., въ теченіе года поступило 5,180 руб., въ теченіе года израсходовано 8,139 руб., къ началу 1881 года въ остаткѣ было 198 руб. 80¹/₂ коп., главнѣйшіе расходы изъ этого источника были слѣдующіе: типографія за напечатаніе Университетскихъ Записокъ и другія типографскія работы 2,285 руб., выдано въ

пособіе нѣкоторымъ служащимъ въ университетѣ 1,125 р. уплачено за выписаніе для университета иностранніе журналы и газеты 761 руб., уплачено за медали для награжденія студентовъ 514 руб., выдано въ вознагражденіе редактору Университетскихъ Записокъ 300 руб., за выписаніе для университета русскіе журналы и газеты 523 руб., в) сборъ платы со студентовъ за патронулы, оставалось отъ 1879 года 457 руб. 19¹/₂ коп., въ 1880 году израсходовано 300 руб., къ 1881 году оставалось на лицо 137 руб. 19¹/₂ коп. г) Пожертвованныя сумми: въ остаткѣ къ 1880 году имѣлось 137,817 руб. 75¹/₄ коп., въ 1880 году поступило 23,974 руб. 64 коп., въ теченіе года израсходовано на выдачу стипендій 6,111 руб. 34 коп., затѣмъ къ 1-му января 1881 года оставалось 155, 681 руб. 5¹/₂ коп.

Студентовъ къ 1-му января 1880 года состояло 346; въ 1880 году вновь поступило 85 (изъ гимназій 49, домашняго воспитанія и свидѣтельстванъ зрѣлости 4, изъ университетовъ 31, изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній 1); въ теченіе года выбыло 104 (до окончанія курса 80, по окончаніи курса 74): затѣмъ къ 1-му января 1881 года состояло на лицо 327. Эти 327 студентовъ распределялись: а) по факультетамъ на историко-филологическомъ 71, на юридическомъ 114, на физико-математическомъ 142 (по отдѣленію математическихъ наукъ 57, по отдѣленію естественныхъ наукъ 85); б) по курсамъ: на первомъ курсѣ 77, на второмъ 77, на третьемъ 94, на четвертомъ 79 в) по вѣрословѣданіямъ: православныхъ 256, армянъ-григоріанъ 1, римско-католиковъ 14, лютеранъ 2, евреевъ и караимовъ 54; г) по сословіямъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 76, духовнаго званія 147, почетныхъ гражданъ и купцовъ 29, мѣщанъ и разночинцевъ 38, крестьянъ 11, иностранно-подданныхъ 26; д) по предварительному образованію: гимназистовъ 187, семинаристовъ 140, изъ другихъ учебныхъ заведеній 50; е) по округамъ, въ предѣлахъ которыхъ находятся предварительныя учебныя заведенія: С.-Петербургскаго 9, Московскаго 7, Казанскаго 5, Оренбургскаго 2, Харьковскаго 31, Одесскаго 137, Кіевскаго 81, Варшавскаго 3, Дерптскаго 2. Изъ общаго числа студентовъ пользовались стипендіями 147, всего на сумку 28,578 руб. 29 коп., изъ нихъ 107 на счетъ суммъ государственнаго казначейства; 23 на проценти съ пожертвованныхъ капиталовъ, 7 на суммы, высланныя разными учрежденіями и лицами, и 3 (славянскія стипендіи) на суммы, отпущавшіяся канцелярією попечителя Одесскаго учебнаго года. Независимо стипендій, студентамъ выданы были одновременныя пособія: изъ штатныхъ

суммъ—3-мъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 30 руб., на сумму 135 руб., изъ частныхъ суммъ—185, отъ 4 до 50 руб., на сумму 2,744 руб. Изъ числа университетскихъ стипендіатовъ 6 студентовъ были лишены стипендіи.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Новороссійскаго университета къ концу 1880 года находились въ слѣдующемъ положеніи. Въ университетской библіотекѣ числилось книгъ 42,954 сочиненія 73,784 тома, періодическихъ изданій 749 названій 15,319 томовъ рукописей 129 названій 151 тетрадь, картъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей 599 названій 645 номеровъ, всего въ библіотекѣ на 196,370 руб. Въ студентской библіотекѣ: книгъ 4,641 сочиненіе 7,505 томовъ періодическихъ изданій 109 названій 1,409 томовъ, рукописей, картъ, гравюръ, рисунковъ и плановъ 47 названій 57 листовъ, всего на сумму 5,804 руб. Въ астрономической обсерваторіи: книгъ и журналовъ 1 названіе 21 томъ на 302 руб., инструментовъ, моделей, подвижной утвари и другихъ принадлежностей 258 номера на сумму 15,690 руб. Въ кабинетъ практической механики: книгъ 20 сочиненій на 128 руб., моделей, утвари и другихъ принадлежностей 281 номеръ на сумму 11,987 руб. Въ физическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и атласовъ 56 названій 132 экземпляра на 475 руб., инструментовъ, приборовъ, посуды и мебели 496 номеровъ на сумму 18,235 руб. Въ химической лабораторіи и кабинетѣ: химическихъ препаратовъ, реактивовъ и другихъ принадлежностей 1,480 номеровъ 1,744 экземпляра. Въ минералогическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: минераловъ, картъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей 867 номеровъ на сумму 12,884 руб. Въ кабинетѣ физической географіи: книгъ, атласовъ, картъ 74 названіе 90 экземпляровъ на 1,014 руб., инструментовъ 26 номеровъ 31 экземпляръ на 2,447 руб. Въ метеорологической обсерваторіи: книгъ и атласовъ 8 названій на 1,972 руб., инструментовъ и снарядовъ 34 номера 48 экземпляровъ на 2,206 руб. Въ кабинетъ геологическомъ и палеонтологическомъ: книгъ и другихъ изданій на 2,030 руб., моделей, окаменѣлостей, горныхъ породъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей на 5,918 руб. Въ ботаническомъ кабинетѣ: книгъ 106 названій растений, инструментовъ, приборовъ, разной посуды, утвари и проч. 49,369 номеровъ 49,304 номера, всего въ кабинетѣ на 8,389 руб. Въ ботаническомъ саду: растений, кустарниковъ, травъ, утвари, и другихъ принадлежностей 926 номеровъ 1,402 экземпляра на 686 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и другихъ изданій

287 названій 684 тома, чучель, препаратовъ, инструментовъ и другихъ принадлежностей 3,781 всего въ кабинетъ на сумму 20,689 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ съ лабораторією: книгъ и другихъ изданій 91 названіе 116 томовъ, скелетовъ, препаратовъ, инструментовъ и проч. 655 номеровъ, на сумму 7,868 руб. Въ физиологическомъ кабинетѣ приборовъ, мебели, реактивовъ, препаратовъ и проч. 175 номеровъ на 4,224 руб. Въ техническомъ кабинетѣ съ лабораторіей: техническихъ надѣій и принадлежностей химическихъ препаратовъ, реактивовъ и посуды 4,745 экземпляровъ на 9,546 руб. Въ агрономическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ 26 названій, приборовъ, посуды, инструментовъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей 628 номера 1,391 экземпляръ, всего въ кабинетѣ на сумму 11,911 руб. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ: статуй, слѣпковъ, бюстовъ, фотографій, литографій и проч. 3,635 номеровъ, 4,952 экземпляра на сумму 13,525 руб. Въ минцъ-кабинетѣ, монетъ, моделей и утвари 3,973 номера 4,080 экземпляровъ на 2,014 руб.

Казанскій и Харьковскій ветеринарные институты въ 1880 году.

Въ Казанскомъ ветеринарномъ институтѣ и состоящей при немъ фельдшерской школѣ наличное число преподавателей было слѣдующее: въ институтѣ: а) штатныхъ: ординарныхъ профессоровъ 3 (въ числѣ ихъ директоръ института), экстраординарныхъ 1, доцентъ 1, ученый взынецъ 1; б) сверхштатныхъ 12, для преподаванія слѣдующихъ предметовъ: богословія, физиологій, сельскаго хозяйства, фармакологіи, физики, химіи органической и неорганической, химіи медицинскон, ботаники, зоологій съ сравнительною анатоміей, минералогіи, русскаго и нѣмецкаго языковъ; въ фельдшерской школѣ штатныхъ: 1 законоучитель и 1 учитель русскаго языка. Ваганцовъ была должность прозектора при кафедрѣ зооміи.—Совѣтъ института нѣлъ въ теченіе года 30 засѣданій, на которыхъ постановлено, между прочимъ, слѣдующее: а) По утвержденіи начальствомъ Казанскаго учебнаго округа постановленія совѣта о распредѣленіи 20 тысячъ рублей, назначенныхъ на устройство и обзаведеніе кабинетовъ и лабораторій для вспомоgetельныхъ предметовъ, а также по рассмотрѣніи и утвержденіи совѣтомъ программы, представленной вновь приглашенными преподавателями, чтеніе вспомоgetельныхъ предметовъ ветеринарнаго курса открыто съ начала года въ самомъ институтѣ; при-

чемъ, согласно ходатайству преподавателей физики и химіи, совѣтомъ института постановлено и начальствомъ округа разрѣшено пригласить, въ качествѣ сверхштатнаго лаборанта, въ помощь преподавателямъ означенныхъ предметовъ, особое лицо съ вознагражденіемъ по 500 р. въ годъ изъ штатной сумми по содержанію и пополненію вновь устрояемыхъ кабинетовъ. б) Съ введеніемъ преподаванія вспомогательныхъ предметовъ ветеринарнаго курса въ самомъ институтѣ, занятія совѣта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и секретаря оного значительно увеличались, а между тѣмъ секретарю не положено штатнаго содержанія; а потому совѣтъ постановилъ: ходатайствовать о вознагражденіи секретаря, какъ это имѣетъ мѣсто въ факультетахъ университетовъ, за усиленные труды по совѣту, въ размѣрѣ 300 руб. въ годъ изъ специальныхъ средствъ института, на что и послѣдовало, чрезъ начальство Казанскаго учебнаго округа, разрѣшеніе г. министра народнаго просвѣщенія. в) На основаніи дѣйствующаго положенія о ветеринарныхъ институтахъ, совѣтъ института не приступаетъ къ рѣшенію дѣлъ, если въ засѣданіи не находится на лицо по крайней мѣрѣ $\frac{2}{3}$ членовъ. Со введеніемъ преподаванія вспомогательныхъ предметовъ въ самомъ институтѣ, число членовъ совѣта увеличилось приглашенными для чтенія сихъ предметовъ профессорами Казанскаго университета; но при этомъ нерѣдко случалось, что засѣданія совѣта не могли быть открыты по непрібытію законнаго числа членовъ. Имѣя въ виду, что рассмотрѣніе нѣкоторыхъ дѣлъ и разрѣшеніе вопросовъ, особенно же по хозяйственной части, требуютъ неотложнаго ихъ рассмотрѣнія, совѣтъ, для устраниенія изъясненнаго неудобства, постановилъ: ходатайствовать объ открытіи особаго комитета для рѣшенія указанныхъ дѣлъ, но предварительно поручить особой комиссіи изъ членовъ совѣта составить проектъ правилъ, на основаніи которыхъ предполагается учредить хозяйственный комитетъ.—За представленныя на заданнаго темы сочиненія удостоены награжденія медалями: золотыми—бывшіе студенты, нынѣ ветеринары Мих. Аристовъ и Ник. Киселевъ, серебряною—студентъ 3-го курса Фед. Готвальдъ. Сочиненіе Киселева обратило на себя особенное вниманіе какъ по знакомству автора съ литературою предмета сочиненія, такъ и еще болѣе по весьма интересному открытію въ научномъ отношеніи: авторъ впервые описываетъ у ленточныхъ глисть железистый органъ мужскаго полового аппарата, именно предстательную железу. На 1881 года предложена съ тою же дѣлію тема: „Строеніе новообразованія при такъ называемой жемчужной болѣзни рогатаго скота“. — Удостоены ученыхъ

степеней: магистра ветеринарных наук — ветеринары Георг. Чуловский и Григ. Гумилевский, ветеринара — окончившие в 1880 году курс 42 студента. Преподаватели института издали в 1880 году следующие труды: ординарный профессор Ланге напечатал в *Zeitschrift für Thiermedizin und vergleichende Pathologie* статью: „Zur Kenntniss der Tuberculose“, ординарный профессор Догель напечатал две статьи: в *Archiv für Anatomie und Physiologie* — „Ueber den Einfluss der Musik auf den Blutkreislauf“ и в *Pflügers Archiv für die gesammte Physiologie* — „Beiträge zur Lehre von der Arsenikwirkung auf den thierischen Organismus“; экстраординарный профессор Щербаков напечатал в *Дневникъ общества врачей при Казанскомъ университетѣ* две статьи: „Къ вопросу объ образовании щавелево-кислыхъ осадковъ сростковъ въ мочѣ человѣка“ и „Углекислота и азотная кислота, какъ показатели процесса окисления органическихъ приращей почвы“; преподаватель, докторъ Жбиковский напечатал статью „Объ одной стереометрической задачѣ и ея практическомъ слѣдствіи“. Командированы были съ ученою цѣлью за границу — профессоръ Стржежзинскій и по Россіи — профессоръ Зейфманъ; послѣднему сопутствовалъ въ поѣздкѣ студентъ III курса Готвальдъ. — Денежныя средства института находились въ следующемъ положеніи: штатныхъ суммъ оставалось къ концу 1879 года 4,955 р. 78 коп., въ 1880 году ассигновано изъ государственнаго казначейства на содержаніе института 60,841 руб. (на содержаніе личнаго состава 28,941 руб., на хозяйственные расходы 28,900 руб., на стипендіи 3,000 руб.), въ теченіе года произведено расходовъ на 58,986 руб. 5 коп., затѣмъ къ 1-му января 1881 года имѣлось остатка 6,810 руб. 73 коп. Специальныхъ средствъ (сборъ за слушаніе лекцій, сборъ за леченіе животныхъ въ клиникахъ, сумма на устройство кабинетовъ и лабораторій по естественно-историческимъ предметамъ, партикулярныя суммы и залогн) оставалось къ 1880 году 11,401 руб. 69 коп., въ теченіе года поступило 6,837 руб. 18 коп., израсходовано 6,971 р. 87 коп., затѣмъ къ 1-му января 1881 г. имѣлось на лицо 11,267 р. Главнѣйшіе расходы изъ сбора за слушаніе лекцій следующие: на содержаніе инспекціи 1,035 руб., на пособия студентамъ 943 руб., на страхованіе имущества и другіе расходы 884 руб., на жалованье и плату 300 руб. Студентовъ состояло къ 1-му января 1880 года 185; въ теченіе года вновь поступило 32 (изъ бывшихъ студентовъ сего же института 11, изъ medico-хирургической академіи 1, изъ гимназій 18, изъ прогимназій 2); въ теченіе года выбыло 56 (по окон-

кін курса 43, до окончанія курса 13); затѣмъ къ 1-му января 1881 года осталось 161, которые распределены были по курсамъ слѣдующимъ образомъ: въ 1-мъ курсѣ 34, во 2-мъ 36, въ 3-мъ 44, въ 4-мъ 41. Въ фельдшерской при институтѣ школѣ состоялось къ 1-му января 1880 года 11 учениковъ; въ теченіе года вновь поступило 8, выбыло 4 (по окончаніи курса 1, до окончанія курса 3), затѣмъ къ 1-му января 1881 года оставалось 15 (въ 1-мъ классѣ 8, во 2-мъ 6, въ 3-мъ 1). Изъ числа студентовъ 15 пользовались казенными стипендіями въ размѣрѣ по 200 руб. каждая; пособій выдано изъ сбора за слушаніе лекцій на 808 руб.; освобождено было отъ платы за лекціи 146, что составляетъ 67% общаго числа студентовъ; за половинную плату было 18. — Учебно-вспомогательныя учрежденія института, вслѣдствіе введенія преподаванія вспомогательныхъ предметовъ учебнаго курса въ самомъ институтѣ, увеличились числомъ: вновь образованы кабинеты: ботаническій, минералогическій, зоологическій, фармакологическій физическій и для преподаванія химіи органической, неорганической, медицинской и аналитической. Состояніе учебно-вспомогательныхъ учреждений къ концу 1880 года и дѣятельность ихъ въ теченіе года представляются въ слѣдующемъ видѣ: Въ библиотекѣ числится книгъ и періодическихъ изданій 2,117 названій 3,403 тома на сумму 8,147 руб.; въ физическомъ кабинетѣ разныхъ предметовъ 216 номеровъ на 2,465 руб.; въ химическомъ кабинетѣ—355 экземпляровъ на 2,218 руб.; въ фармакогностическомъ кабинетѣ — 1,023 номера на 4,029 руб.; въ минералогическомъ кабинетѣ — 98 экземпляровъ на 298 руб.; въ гербарѣ и ботаническомъ саду—42 номера на 474 руб.; въ физиологическомъ отдѣленіи анатомическаго театра—60 номеровъ на 1,076 руб.; въ патологическомъ отдѣленіи анатомическаго театра 469 экземпляровъ на 2,843 руб. Въ кабинетѣ этого отдѣленія происходили практическія занятія, заключавшіяся въ вскрытіяхъ студентами 4-го курса труновъ животныхъ и составленіи о томъ протоколовъ, матеріаломъ для чего были 54 экземпляра разныхъ животныхъ; студенты же 3-го курса занимались практически еженедѣльно 6 часовъ по патологической гистологіи. Въ кабинетѣ моделей домашнихъ животныхъ 127 номеровъ на 663 руб.; въ кузницѣ 204 экземпляра на 612 руб. Въ кузницѣ студенты 4-го курса и фельдшерскіе ученики практиковались въ выдѣлѣ подковъ сначала изъ свинца, а потомъ изъ желѣза, и кромѣ того занимались расчисткой и подковываніемъ мертвыхъ коней. Въ сельско-техническомъ кабинетѣ 142 экземпляра на 964 р.; въ физиолого-химическомъ кабинетѣ 1,428 номеровъ на сумму 9,321

руб.; въ аптеки 983 экземпляра на 2,711 руб. Въ аптеки и фармакогностической лабораторіи, по примѣру прежнихъ лѣтъ, студенты 4-го курса упражнялись въ составленіи лекарствъ по рецептамъ и фармацевтическихъ препаратовъ. Нѣкоторые студенты 3-го курса занимались открытіемъ ядовъ въ различныхъ частяхъ тѣла отравленныхъ животныхъ. Въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и различнаго рода копытъ 113 номеровъ на 381 руб.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ 22 экземпляра на 63 руб.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ 480 номеровъ на 1,293 руб.; въ зоотомическомъ кабинетѣ 1,008 экземпляровъ на 3,574 руб. Въ кабинетѣ этомъ студенты по группамъ занимались приготовленіемъ и изученіемъ назначаемыхъ имъ препаратовъ мышечной, нервной и сосудистой системъ. По изготовленіи препаратовъ, студенты, въ назначенные особыми объявленіями дни, демонстрировали ихъ по группамъ, при чемъ результаты демонстрацій заносились завѣдующимъ кабинетомъ въ особо-заведенную для того книгу отмітокъ по занятіямъ практической зоотоміей. Для практическихъ занятій приобрѣтено было на 190 руб. различныхъ домашнихъ животныхъ и частей ихъ; тогда же употреблялись и трупы. Въ клиникѣ 958 номеровъ на сумму 5,706 руб. Въ клиникѣ въ назначенные на то ежедневно часы завѣдующій клинкою профессоръ знакомилъ студентовъ 3-го и 4-го курсовъ съ методами распознаванія и леченія больныхъ животныхъ, состоявшихъ въ постоянной клиникѣ и представленныхъ въ оню какъ амбулаторныхъ. Для наблюденія за ходомъ болѣзни животныхъ въ стаціонарной клиникѣ студенты 2-го курса назначались кураторами; имъ же въ помощь даваемы были ученики фельдшерской школы, съ цѣлью приученія послѣднихъ къ правильному уходу за больными животными. Сверхъ того студенты 3-го и 4-го курсовъ исполняли ежедневно въ клиникѣ по очереди дежурства, примѣняя, подъ руководствомъ ассистентовъ, врачевныя мѣры, предложенныя завѣдующимъ клинкою. Въ теченіе года въ клинику доставлено было животныхъ 735, въ этомъ числѣ поступило въ постоянна клиника 103, представлено какъ амбулаторныхъ 611, было лечимо поляклинически 21; изъ общаго числа, больныхъ внутренними болѣзнями было 236, больныхъ наружными болѣзнями 499; изъ 103 животныхъ, пользовавшихся въ стаціонарной клиникѣ, выздоровѣло и получило облегченіе 86, пало 13, осталось въ намеченіи къ 1881 году 4; болѣе важныхъ операций произведено было 52.

Личный составъ преподавателей Харьковскаго ветеринарнаго института и состоящей при немъ фельдшерской школы къ концу

1880 года былъ слѣдующій; штатныхъ: ординарныхъ профессоровъ 3 (въ числѣ ихъ директоръ института), экстраординарныхъ 1, доцентовъ 3, прозекторъ зоотоміи 1, ученый кузнецъ 1; сверхштатныхъ, приглашенныхъ для преподаванія вспомогательныхъ предметовъ: 5 ординарныхъ профессоровъ, 1 экстраординарный и 1 привать-доцентъ. Въ фельдшерской школѣ состояли по штату: законоучитель и учитель русскаго языка. Совѣтъ института имѣлъ въ теченіе года 25 засѣданій, въ томъ числѣ три публичныхъ; въ нихъ одно—для публичной защиты диссертациіи и два—для выслушанія пробныхъ лекцій. Изъ обсуждавшихся въ совѣтѣ дѣлъ особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія: а) доцентъ Остаенко, указывая на затрудненія, встрѣчающіяся при замѣщеніи вакантныхъ профессорскихъ кафедръ, проистекающія вслѣдствіе недостатка лицъ, удовлетворяющихъ требуемымъ условіямъ, заявилъ о необходимости учрежденія при институтѣ правильной привать-доцентуры на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) при каждой кафедрѣ спеціальныхъ ветеринарныхъ предметовъ имѣть по одному привать-доценту; 2) состоя при извѣстной кафедрѣ, привать-доценты должны исполнять обязанности завѣдывающаго кабинетомъ или лаборанта; на нихъ же могло бы быть возложено чтеніе лекцій по одному изъ предметовъ ветеринарнаго курса, входящихъ въ составъ кафедръ, и 3) привать-доценты, излагающіе какой-либо предметъ, должны быть полнoprавными членами совѣта, для того, чтобы каждый изъ предметовъ имѣлъ представителя въ совѣтѣ, могущаго вліять на рѣшенія его въ интересахъ преподаваемаго предмета. Совѣтъ постановилъ: назначить комиссію для подробной разработки этого предложенія. б) Повечитель Харьковскаго учебнаго округа предложилъ совѣту относительно учрежденія сверхштатной должности ассистента при кабинетѣ частной патологіи и клиникѣ эпизоотическихъ болѣзней, безъ содержанія, но съ правами государственной службы. По выслушаніи сего предложенія, всѣ завѣдующіе кабинетами заявили, что было бы весьма желательнымъ ходатайствовать объ учрежденіи сверхштатныхъ должностей не только ассистентовъ клиникъ, но также лаборантовъ и прозекторовъ, съ служебными правами и преимуществами. Совѣтъ принялъ такое заявленіе и в) Профессоръ Гордѣнко, указывая на весьма важное значеніе ножныхъ болѣзней у рабочихъ домашнихъ животныхъ, а главнымъ образомъ у однокопытныхъ, цѣнность которыхъ преимущественно зависитъ отъ здороваго состоянія конечностей и копыта, и на то обстоятельство, что ковка находится въ самомъ примитивномъ, небрежномъ состояніи,—

рда тайствоваль объ учрежденіи при институтѣ доцентуры пожнмх олбнней и конки, такъ какъ существующая нынѣ должность ученаго узнеца не можетъ служить гарантіею, что теоретическое и практическое реподаваніе конки и наконныхъ болбнней будетъ всегда находиться въ умнлхъ и достойныхъ рукахъ, вполне соответствующихъ той мсоти, кака необходима для авторитета вышшаго спеціального зрещенія. Совѣтъ постановялъ: ходатайствовать, чрезъ попечителя чебнаго округа, объ учрежденіи означенной доцентуры. г) Доцентъ стапенко заявилъ, что въ виду связи между медициною чловѣка и омашихъ животныхъ, давно уже сознаваемой лучшими представителями обнхъ этихъ отраслей медицины, желательнo было бы, ля успѣшнаго развитія чловѣческой и ветеринарной медицины, редоставить ветеринарнымъ врачамъ право поступать на медицинскіе вультемы университетовъ. Совѣтъ постановилъ: назначить комиссію изъ членовъ совѣта и предложить ей представить свои соображенія. [де награжденіи медалью предложена тема подъ заглавіемъ: „Симп-ома тология и семіотика чумы рогатаго скота, съ рациональнымъ вво-омъ терапевтическихъ показаній, причемъ непремѣннымъ условіемъ доклетворительнаго выполнения темы постановлено обнаруженіе въ очиневнѣ самостоятельныхъ наблюденій и изслѣдованій автора.— [ля дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ и преимущественно рестороннаго изученія конки лошадей и рогатаго скота оставленъ при институтѣ удостоенный степени ветеринарнаго врача съ отличіемъ . Пушкаревъ. Командированъ былъ съ ученою цѣлю профессоръ авловичъ для собранія свѣдѣній о состояніи конскихъ и овечьихъ заводовъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ; ему сопутствовать дннъ изъ лучшихъ студентовъ института,—Денежныя средства института находились въ слѣдующемъ положеніи: штатныхъ суммъ оставалось отъ 1879 года 4,629 руб. 31 коп., въ 1880 году отпущено изъ государственнаго казначейства 45,821 руб., въ теченіе года израсходовано 46,237 руб. 1 коп., затѣмъ къ 1-му январю 1881 года оставалось на лицо 4,213 руб. 30 коп. Сбора за слушаніе лекцій въ остаткѣ къ 1880 году было 669 руб. 23 1/2 коп., въ 1880 году поступило 2,191 руб., израсходовано 2,058 руб. 92 коп., къ концу 1880 года амѣлось на лицо 801 руб. 31 1/2 коп. Другихъ источниковъ оставалось отъ 1879 года 456 руб. 31 1/2 коп., въ 1880 году получено 2,579 руб. 64 коп. израсходовано 2,579 руб. 64 коп., затѣмъ къ 1-му январю 1881 года остаются 456 руб. 31 1/2 коп. — Учащихся было: въ институтѣ: отъ 1879 года оставалось 281, въ теченіе года

вновь поступило 79, въ теченіе года выбыло 94 (54 окончили курсъ съ степенью ветеринара остальные до окончанія курса), затѣмъ къ 1-му января 1881 года состояло на лицо 265 студентовъ; въ фельдшерской школѣ: къ 1880 году находилось 12 учениковъ, въ теченіе 1880 года вновь поступило 9, въ теченіе года выбыло 6 (6 окончили курсъ съ званіемъ ветеринарнаго фельдшера, 1 до окончанія курса), затѣмъ къ 1-му января 1881 года состояло 16 учениковъ. Изъ числа учащихся освобождены были отъ платы 119 студентовъ и 1 ученикъ; слушали лекціи за половинную плату 8 студентовъ; пособія выданы 3 студентамъ; въ стипендіи выдано студентамъ 2,841 руб. 97 коп. Учебно-вспомогательныя учрежденія института находились къ 1-му января 1881 года въ слѣдующемъ положеніи: въ библиотекѣ имѣлось книгъ и періодическихъ изданій 4,764 названія 3,272 тома на 14,178 руб.; въ физическомъ кабинетѣ разныхъ предметовъ 246 номеровъ на 3,725 руб.; въ химической лабораторіи 225 номеровъ на 1,745 руб.; въ фармакогностическомъ кабинетѣ 267 номеровъ на 204 руб.; въ минералогическомъ кабинетѣ 1,135 номеровъ на 858 руб.; въ гербаріѣ и ботаническомъ саду 6,000 номеровъ на 151 руб.; въ зоологическомъ собраніи 349 номеровъ на 2,070 руб.; въ двухъ отдѣленіяхъ музея анатомическаго театра 3,468 номеровъ на 5,459 руб.; въ кабинетѣ моделей различныхъ домашнихъ животныхъ 61 номеръ на 255 руб.; въ кузницѣ 64 номера на 402 руб.; въ сельско-техническомъ кабинетѣ 153 номера на 557 руб.; въ физиолого-химической лабораторіи 230 номеровъ на 1,014 руб.; въ аптекѣ 1,596 номеровъ на 2,993 руб.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и разнаго рода копытъ 84 номера на 96 руб.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ 40 номеровъ на 105 руб.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ 349 номеровъ на 2,070 руб.; въ зоотомическомъ кабинетѣ 1,920 номеровъ на 3,702 руб.; въ клиникѣ 126 номеровъ на 1,195 руб.— Движеніе больныхъ въ клиникѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ хирургической: поступило для леченія 144, выбыло столько же (выздоровѣло 128, получило облегченіе 8, признано неизлечимыми 7, пало 1), амбулаторныхъ больныхъ было 133; въ терапевтической стационарной: поступило для леченія 128, выбыло столько же (выздоровѣло 85, получило облегченіе 6, признано неизлечимыми 2, пало 35); амбулаторныхъ больныхъ было 51.

ОБЗОРЪ ЭПИГРАФИЧЕСКИХЪ ДОКУМЕНТОВЪ ПО ИСТОРИИ АТТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ.

Историко-филологическая наука лишена того могучаго средства контроля надъ выводами разума, которое въ другихъ наукахъ дается опытомъ. Но и въ ней, хотя случайно и лишь время отъ времени, является нѣчто, отчасти замѣняющее опытъ—именно открытіе новыхъ, прежде неизвѣстныхъ свидѣтельствъ. Такія открытія то неожиданнымъ образомъ подтверждаютъ самыя смѣлыя догадки дальновидныхъ исследователей, то, очищая вину науки отъ ложныхъ гипотезъ, выведшихъ изъ неправильной оцѣнки и комбинаціи старыхъ свидѣтельствъ, готовятъ почву для новыхъ предположеній, болѣе надежныхъ. Таково же до извѣстной степени значеніе и открытій, сдѣланныхъ въ недавнее время въ области эпиграфическихъ источниковъ исторіи греческой драмы.

Эти источники драгоценны для насъ не только потому, что, во времени происхожденія, они весьма близки, отчасти современны тѣмъ историческимъ фактамъ, о которыхъ свидѣлствуютъ, но еще и потому, что значительная часть ихъ, по самому способу происхожденія, имѣетъ тѣ неоспоримыя права на наше довѣріе, какія обыкновенно усваиваются официальнымъ документамъ. Только изъ официальныхъ документовъ могли быть извлечены тѣ извѣстія, съ какими здѣсь приходится имѣть дѣло; мало того, мы имѣемъ достаточно оснований предполагать, что и самыя извлеченія въ большинствѣ случаевъ имѣютъ официальный характеръ, что они были предприняты по волѣ афинскаго государства. Подобно множеству иныхъ официаль-

нихъ извѣстій, и эти официальные историко-литературныя показанія касаются лишь чисто внѣшней стороны событій; но за то въ этой ограниченной области они, безъ всякаго сомнѣнiя, совершенно точны и достовѣрны. А что правильное, методическое объясненiе смысла историко-литературныхъ фактовъ невозможно, пока не опредѣлена точно ихъ внѣшняя обстановка—это едва ли нужно доказывать. Возможно ли напр. устанавливать преемственность литературныхъ идей и формъ, пока не существуетъ надежной историко-литературной хронологiи? Что касается въ частности до исторiи греческой литературы, то она, какъ извѣстно, до сихъ поръ находится въ такомъ положенiи, при которомъ никакъ нельзя пренебрегать какими бы то ни было приростомъ свѣдѣнiй, хотя бы и чисто внѣшняго характера. Само собою понятно, что такого рода свѣдѣнiя приобрѣтають особенную важность тогда, когда они касаются такихъ отраслей литературы, развитiе которыхъ находится въ особенно близкой зависимости отъ внѣшнихъ, постороннихъ литературъ условiй. Въ греческой поэтической литературѣ такою отраслью преимущественно вредъ прочимъ была драма. Греческiя трагедiи и комедiи прежде всего и главнымъ образомъ назначались для исполненiя на театрѣ, и затѣмъ уже для чтенiя. Поэтому греческiй драматическiй поэтъ въ своемъ творчествѣ долженъ былъ приравляться къ массѣ разнообразныхъ, время отъ времени измѣнявшихся условiй, которыми обставлено было допущенiе пьесъ на сцену и ихъ исполненiе. Свѣдѣнiя, сообщаемыя эпиграфическими памятниками, и касаются главнымъ образомъ этихъ условiй развитiя греческой драмы, а также ея хронологiи. Вслѣдствiе особенной обстановки драматическаго дѣла, греческiй драматургъ едва ли еще не болѣе, чѣмъ новыя драматурги, долженъ былъ дорожить успѣхомъ перваго представленiя. Отсюда являлась необходимость приравляться къ извѣчному, различнымъ историческимъ причинамъ обусловленному настроенiю публики. Извѣстно, что дѣлiи и весьма значительный отдѣлъ греческой драматической поэзи (древняя комедiя) почти также тѣсно связанъ былъ съ временными скоро переходящими интересами публики, какъ связана съ ними новѣйшая юмористическая и сатирическая періодическая пресса. Но и возмущенная трагедiя не пренебрегала возможностью оживлять вниманiе къ себѣ зрителей намеками на интересы ближайшей минуты.

Поэтому неудивительно, что уже древнiе національные историки греческой литературы посвятали не мало трудовъ изслѣдованiю какъ другихъ сторонъ внѣшней исторiи драмы, такъ въ особенности ея хро-

нологія. Нѣкоторые изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ этихъ трудовъ, и именно самые полные между ними и, очевидно, вѣрнѣе всего сохранившіе свой первоначальный видъ, обнаруживаютъ поразительное сходство и по содержанію и по формѣ съ нѣкоторыми изъ занимающихъ насъ эпиграфическихъ памятниковъ. Въ виду этого факта само собою возникаетъ предположеніе, что довольно обширный, а по своей точности и достовѣрности и самый цѣнный разрядъ литературныхъ показаній по исторіи греческой драмы ведетъ свое начало если не изъ тѣхъ самыхъ эпиграфическихъ памятниковъ, о которыхъ мы намѣрены говорить, то по крайней мѣрѣ изъ одного источника съ ними, то-есть изъ официальныхъ протоколовъ аѳинскихъ драматическихъ составаній. А ргіюгѣ возможно, конечно, и такое предположеніе, что, на основаніи официальныхъ протоколовъ, былъ сперва составленъ литературный трудъ, обнимавшій вѣдѣнію исторію драмы, который впоследствии послужилъ источникомъ для эпиграфическаго памятника. Но и при этомъ предположеніи, столько же, сколько и при первомъ, должна показаться основательною надежда, что изученіе эпиграфическаго памятника дастъ намъ средства съ большою точностью, чѣмъ это было возможно до сихъ поръ, опредѣлить первоначальный составъ, форму и значеніе нѣкоторыхъ литературныхъ источниковъ исторіи греческой драмы.

Возможность существованія официальныхъ документовъ по исторіи такого неофициальнаго на нашъ взглядъ явленія, какъ драматическая поэзія, у Грековъ обуславливалась тѣмъ общезвѣстнымъ фактомъ, что у нихъ исполненіе драматическихъ произведеній было составною частью празднествъ, совершаемыхъ общиною или государствомъ въ честь своихъ боговъ. Произведенія драматической поэзіи, во времена ея процвѣтанія въ Аѳинахъ, ставились на сцену только въ праздники Діониса. Въ этомъ отношеніи первенствующее значеніе между такими праздниками приобрѣли городскія или великія Діонисіи и Линаіи. Оба эти праздника совершались цѣлымъ Аѳинскимъ государствомъ; поэтому совершались на гораздо большія средства, съ большимъ блескомъ и великолѣпіемъ, чѣмъ сельскія Діонисіи, совершавшіяся отдѣльными днами; понятно, что эти два праздника въ особенности должны были привлекать къ себѣ участіе какъ публики, такъ и драматическихъ поэтовъ, которые трудились надъ своими произведеніями, мечтая о побѣдѣ на представленіяхъ одного изъ этихъ двухъ праздниковъ: мы знаемъ еще относительно нѣкоторыхъ поэтовъ, сколько они одержали побѣдъ на городскихъ Діонисіяхъ и сколько

на Ливахъ, но мы не имѣемъ ни одного извѣстія о побѣдахъ, одержанныхъ на сельскихъ Діонисіяхъ, или въ праздникъ Хитръ; если въ дошедшихъ до насъ показаніяхъ о первыхъ представленіяхъ трагедій и комедій называются не только годы первыхъ представлений, но и самые праздники, то такими праздниками всегда оказываются или городскія Діонисіи, или Ливы.

Какъ составная часть праздника, совершаемаго государствомъ, постановка драматическихъ произведеній, вмѣстѣ съ лирическими, находившимися въ томъ же положеніи, должна была подчиняться надзору официальныхъ лицъ, заведующихъ устройствомъ праздника. Архонтъ „давалъ хоръ“ драматическому поэту. При этомъ иногда, кажется, и не получивъ хора отъ архонта, поэтъ могъ добиться исполненія своей пьесы: такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ насъ древніе толкователи термина *ἐδαλοντα* ¹⁾. Можно было бы полагать, что въ этомъ показаніи, порядки, существовавшіе въ самомъ началѣ развитія драматической поэзіи (Aristot. Poet. V, 1449, B.), по недоразумѣнію, переносятся на позднѣйшую эпоху. Но отъ такого предположенія насъ удерживаетъ то обстоятельство, что иногда ²⁾ въ древнихъ извѣстіяхъ о времени постановки пьесъ мы встрѣчаемъ такого рода замѣтки: такая-то пьеса поставлена въ такомъ-то году въ такой-то праздникъ *ἐπιποσίᾳ*. Это *ἐπιποσίᾳ* кажется намъ понятнымъ только при томъ предположеніи, что одновременно съ общественными, при помощи государства совершаемыми постановками пьесъ, существовали постановки частныя, „добровольныя“, то-есть такіа, средства для которыхъ давались не обязанными къ тому хоригами, а самими поэтами или другими лицами, по доброй волѣ служившими поэту. Но само собою разумѣется, что добровольныя постановки были явленіемъ сравнительно рѣдкимъ. Трудно себѣ представить, чтобы часто оказывались лица, изъ одной любви къ искусству, безъ общественнаго принужденія бравшія на себя значительные расходы по исполненію драматическихъ пьесъ. Кромѣ того, такъ какъ число дней каждаго праздника было ограничено и достаточно наполнено совершеніемъ религиозныхъ церемоній, исполненіемъ лирическихъ пьесъ и обяза-

¹⁾ Eustath. ad Hom. II. p. 800, 30 Rom. (πρὸς θείῃς Διονυσίαις) ἐδαλοντο δὲ καὶ ἐδαλονταί διδασκαλοὶ, δραμάτων ἐπιποσίᾳ, ἐπεὶ τὰς μὴ λαβόντων χορὸν μὴδὲ χορηγῆσαι ἔχον ἑαυτῶν τὰ πάντα παραίτου.

²⁾ Arg. Arist. Equ. II, ἐπιποσίᾳ τὸ δράμα ἐκὶ Στρατοκλασῶς ἀρχοντος ἐπιποσίᾳ εἰς Αἴφνια, δι' αὐτοῦ τοῦ Ἀριστοφάνους.

тельными „общественными“ драматическими представленіями, то не легко было найти и время для сколько нибудь значительнаго числа частныхъ, „добровольныхъ“, такъ сказать, сверхштатныхъ представленій. Во всякомъ случаѣ, если бы число такихъ представленій было и велико, подчиненіе драматической части праздника архонту достаточно выражалось въ томъ, что архонтъ могъ при случайнѣ лишить драматическаго поэта общественной поддержки при исполненіи пьесъ.

На городскихъ Діонисіяхъ драматическія представленія, безъ сомнѣнія, подчинены были надзору архонта эпонима. Что первый архонтъ былъ верховнымъ распорядителемъ великихъ Діонисій, известно теперь не только изъ литературныхъ свидѣтельствъ (Demosth. XXI, 13. Poll. VII; 89, ὁ δὲ ἄρχων διατίθειρα — Διονύσια καὶ Θαρύλια μετὰ τῶν ἱερῶν αὐτῶν), но и изъ подлинныхъ официальныхъ документовъ: см. Согр. inscr. Att. II, п. 420 и надпись въ 'Αθήναις VII, стр. 480 сл. съ призываніемъ Куманудиса. Въ сожальнію, въ этихъ документахъ воздается благодарность архонту, только какъ совершителю жертвы и торжественнаго шествія (жюкѣ) въ честь Діониса; о дионрамбическомъ и сценическомъ агоніахъ не упоминается ни однимъ словомъ. Это упущеніе, кажется намъ, слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что въ ту эпоху, къ которой относятся эти документы, если не всѣ функціи архонтской власти по отношенію къ агонической части праздника, то, по крайней мѣрѣ, самая значительная часть ихъ перешла къ агоносту; поэтому и общественная благодарность за счастливое совершеніе агоніи въ лирическихъ и драматическихъ должна была воздаваться теперь и, какъ мы знаемъ¹⁾, дѣйствительно воздавалась уже агоносту, а не архонту.

Ливійскія драматическія представленія, подобно другимъ частямъ Ливійскаго празднованія, должны были подчиняться надзору архонта-царя. Poll. VIII, 90 ὁ δὲ βασιλεὺς ποστέρων προβάτρη μετὰ τῶν ἱερῶν αὐτῶν καὶ Ληναίων = Schol. ad Platon. Euthyphr. 2 A.

Когда драматическія произведенія, кромѣ Аѳенъ, начинають исполняться и въ другихъ городахъ, то и тамъ это дѣло совершается подъ надзоромъ властей. См. Lüders. Die Dionysischen Künstler. 1873, стр.

¹⁾ См. эпиграфическія свидѣтельства, собранныя Казерою въ Mittheilungen des deutschen archäologischen Institutes in Athen, III Jahrgang (1878), стр. 233, особенно Согр. inscr. Att. II, 307: (ἱερῶν αὐτῶν) ἡ δὲ καὶ τῶν ἐγώνων τῶν τε Διονυσιακῶν καὶ τῶν ἄλλων καλῶς [καὶ φιλοτίμῃ] εἰς.

81, 143 и Foucart. De collegiis scenicorum artificum apud Graecos. 1873, стр. 54 сл.

Естественно, что исполненіе драматическихъ произведеній, какъ одно изъ дѣйствій общественнаго празднованія, не обходилось безъ помощи государства: эта помощь оказывалась такимъ образомъ, что покрытіе издержекъ по постановкѣ трагедій и комедій признавалось повинностью, возлагавшеюся на богатѣйшихъ гражданъ и частію метиковъ, сперва въ формѣ хоригіи, впоследствии въ формѣ агоноеесіи. По весьма правдоподобнымъ соображеніямъ Келера (l. l. стр. 231 сл.), эта послѣдняя форма повинности установлена лишь съ 309 г. до Р. X. Поэтому приходится предполагать, что правило аттицистовъ, которое κομῆν αἰῶνα τραγῳδῶν об φασ θεῶν λέγειν, ἀλλ' ἀγωνοβότην (Bekkeri Anecdota, стр. 11, 18) было основано только на словопотребленіи писателей современныхъ столь низкому дѣйствию аттицистами Менандру или писателей еще болѣе позднихъ. Упомянутое объ агоноеесіи для Діонисіи въ поддѣльныхъ документахъ, вставленныхъ въ рѣчь Димосеена „о вѣнкѣ“ §§ 84 и 118, можно, конечно, объяснить произвольнымъ усвоеніемъ Димосеену времени учрежденій поддѣльшихъ ¹⁾ или неудачно привлеченной аналогіей Панаэневійскаго праздника: см. *ibid.*, § 116. Не нужно однако упускать изъ виду и такого предположенія, кажущагося намъ вѣроятнымъ: званіе агоноеета для Діонисіи, можетъ быть, существовало издавна, но только его роль до 309 г. была не финансовая, а чисто административная: это былъ одинъ изъ тѣхъ эпилетовъ, о которыхъ говорятъ намъ (Poll. VIII, 89), какъ о помощникахъ перваго архонта въ устройствѣ городскихъ Діонисіи ²⁾. По всей вѣроятности, такіе же эпилеты помогали архонту-царю завѣдывать Дивейскимъ празднествомъ. Что агоноеетамъ принадлежалъ надзоръ за драматическими представленіями, можно заключить изъ Aristid. T. II, p. 523 Dind. κομφοῖς μὲν καὶ τραγῳδοῖς καὶ τοῖς ἀναγκαιοῖς τοῦτοιοῦ ἀγωνιστοῖς ἴσαι τις εἶν καὶ τοὺς ἀγωνοβότας καὶ τοὺς θιαστας ἀκυροῦντας μικρὸν τι παρὶ αὐτῶν

¹⁾ Cf. Sauppe, Die Mysterieninschrift aus Andania (Abhandl. d. k. Gesellsch. d. Wissensch. zu Göttingen. VII, Bd. 1860, стр. 256).

²⁾ Вадъ и въ періодъ полного развитія Діонисіаной агоноеесіи это была лишь эпилета, а не ἀρχή. См. Köhler, Mitth. III, стр. 234. Въ тѣ времена, когда завѣдываніе агоніи выдвигалось въ особую эпилета, архонтскіе эпилеты завѣдуютъ уже только торжественнымъ шествіемъ. См. надпись въ Ἀθήν. VII, стр. 480 (строка 23 τοὺς τῆς κομῆς ἐπιμελητάς) и С. I. A. II, p. 420, строка 24.

παράθηναι καὶ κολλᾶντες ἀφαιρόντες τὸ προσηλαῖον μεταδὲ τῆς Μοῦσης ἢν ὑποκρίνονται δημηγοροῦσι οὐκ ἔστιν ἡμῖν οὐδὲ τοσοῦτον μετέβαλες ἀνα-
 λυθεὶσα, καὶ ταῦτα ἐν οὐδαίς, ἀλλ' ἀγὰν σοι προσηλαῖον, εἰ καὶ ἐν οὐδαίῳ
 ταῖσι κερήσθαι τοῖς γυμνασίῳ. Возможно, разумеется, что риторъ П
 въка по Р. X. говорить объ агонеестахъ, современныхъ древней ко-
 медіи, не на основаніи точныхъ свѣдѣній, а по догадкѣ; но такая
 догадка была возможна только въ томъ случаѣ, если въ тотъ періодъ
 агонееесіи, о которомъ зналъ Аристидъ, обязанности агонеееста ¹⁾
 состояли не въ томъ только, чтобы доставлять средства, или часть
 средствъ, для снаряженія діонисійскихъ агоневъ, а и въ распоряженіи
 этими агонями. Эта послѣдняя часть функций агонееесіи существо-
 вала, вѣроятно, и до 309 года, когда другая половина ихъ, финан-
 совая, принадлежала хориги ²⁾. Поэтому-то, когда отмѣнено было
 нововведеніе 309 года, когда снова были введены хориги, однове-
 ременно существовали и хориги и агонееести (Köhler, l. l., p. 241).
 Впрочемъ и въ періодъ, слѣдовавшій непосредственно за 309 г., но-
 минально хоригія существовала; только въ этотъ періодъ хоригомъ
 представляется не отдѣльный гражданинъ, а цѣлый народъ Аѳинскій
 (ὁ δῆμος ἑχορήγας), такъ что съ формальной точки зрѣнія агонееестъ
 былъ именно только устроителемъ агона на средства, доставляемыя
 государствомъ: агонееестъ замѣнилъ собою не хорига, на мѣсто ко-
 тораго сталъ ὁ δῆμος, а архонтскаго знимедета. Первоначальная адми-
 нистративная, а не финансовая сущность обязанностей агонеееста
 сказывается еще и въ такомъ явленіи римской эпохи: званія агонеееста
 Діонисіи и архонта соединяются въ одномъ лицѣ. (См. надпись въ
 Ἀρχαιολογικῇ Ἐφημερίδι, 1862 г., стр. 222, стр. 2 сл). Однако, при
 бѣдности казны, на практикѣ, конечно, могло выходить такъ, что
 большую долю средствъ на совершеніе праздниковъ все-таки давалъ
 агонееестъ, во что бы то ни стало обязанный устроить агонии прилич-
 нымъ образомъ, такъ что отправленіе этой должности обращалось въ
 исполненіе довольно тяжелой повинности. Такое же соединеніе адми-

¹⁾ Мнѣе точно по такому же поводу, какъ у Аристиды называется агонее-
 еста, у Лукиана (Piscat. 33) называются ἀθλοθέται. Словъ нагъ агонееесіи
²⁾ Такъ что у Фукидида, въ рѣчи Клеона (III, 38, 4 αἰτίαι δ' ἑμείς κατὰς
 ἀγνοῦμεν, αἰτίαι αἰσθᾶτε θεαταὶ μὲν τῶν λόγων γυμνασίου, εἰρησται δὲ τῶν
 ἰσχυρῶν), гдѣ, кажется, называется именно на Діонисіекое празднество, на кото-
 ромъ агонии нукетескія соединялись со сценическими, ἀγνοῦμεν, неметъ бытъ,
 есть τὸν προγρία οὐκ εἰσεται, устроителемъ агонии этого праздника.

нистративной стороны съ финансовой мы находимъ и въ агонеесис, существовавшей для праздника Θῦρια (С. I. A. II, п. 444 и 446).

По аналогіи гимническихъ и гиплическихъ состязаній, издавна соединявшихся у Грековъ съ религиозными празднествами, къ мусической и сценической частямъ Діонисовыхъ празднествъ также весьма рано примѣненъ былъ принципъ агонъ-состязанія. При этомъ состязались не только поэтъ съ поэтомъ, но (по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ мусическихъ агоняхъ) фила съ филой и (во времена существованія хоригів) — хоригъ съ хоригомъ. Судьи состязаній выбирались подъ надзоромъ и при участіи государственныхъ властей. Филамъ или хоригамъ, одержавшимъ побѣды на состязаніяхъ, давались отъ государства извѣстныя призы.

Однимъ словомъ, исполненіе драматическихъ и лирическихъ (а частію и чисто музыкальных) произведеній на праздникахъ, совершаемыхъ государствомъ, имѣло значеніе довольно сложнаго, имѣвшаго и свою финансовую сторону и затрогивавшаго интересы многихъ лицъ, официального дѣйствія, которое, какъ всякое другое официальное, требовало документальной отчетности. Такъ, напримѣръ, безъ сомнѣнія, въ официальные документы записывались не только расходы по изготовленію призовъ (ср. надпись Делосскихъ амфиктіоновъ у Boeckh'a *Staatshaushaltung der Athener II*, стр. 95 и I, стр. 299: τρίποδες, κητήρια τοῖς χοροῖς καὶ τῶ ἄρχοντι μισθός и [κομ]ῆτῃ τῶν τριπόδων, а также аѳинскую смѣту расходовъ у Rangabé, *Antiquités helléniques*, п. 961, на устройство наградъ кнеародамъ, авлодамъ, кнеаристамъ и авлитамъ). Когда советъ пятисотъ выплачивалъ драматическимъ поэтамъ гонораръ за поставленныя ими пьесы (Schol. Aristoph. *Van.* 367), то, по всей вѣроятности, дѣло не обходилось безъ официального удостоверенія лица, распорядившагося устройствомъ агоня, о томъ, что извѣстный поэтъ участвовалъ въ извѣстномъ агонѣ, а самое исполненіе денежной выдачи, конечно, заносилось съ надлежащей обстоятельностью въ списокъ расходовъ, сдѣланныхъ советомъ. Но въ особенности архонты, которымъ принадлежало верховное завѣдываніе празднествами Діониса, должны были вести своего рода протоколы состязаній, какъ для того, чтобы имѣть возможность представить точный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ и для того, чтобы фили и отдѣльными лица, тѣмъ или другимъ способомъ чередовавшіяся въ исполненіи хоригів, имѣли официальное свидѣтельство о томъ, что

извѣстная хоригія или дѣйствительно была исполнена ¹⁾. Подобнаго юда записи необходимо должны были вести и власти отдѣльныхъ филъ: иначе слишкомъ затруднительно было бы опредѣлять, кто изъ филетовъ, по своему составу обязанныхъ быть хоригами, исполнял эту обязанность и кто еще нѣтъ; а для того чтобы бремя коммаческой повинности распредѣлялось сколько нибудь справедливо и равномерно, необходимо было знать не только то, что извѣстный гражданинъ былъ уже хоригомъ, но и то, какъ давно онъ исполнял эту повинность. Когда фила Пανθίωνς постановила (Cogr. inscr. II, n. 553=Cogr. inscr. gr. I, n. 215) почтить записью на каменѣ воиновъ хориговъ, одержавшихъ побѣды нѣсколько лѣтъ тому назадъ *ἰνατριφῆ δὲ καὶ εἰ τις ἄλλος κενήκειν ἀπ' Εὐκλείδου ἀρχόντος καὶ οὐκ ἔδραζεν Διονόου ἢ Θερρύλλου ἢ Προμήθου ἢ Ἡραίου*, то, безъ сомнѣнiя, она имѣла въ своемъ распоряженiи архивные документы, по которымъ наматъ о прошломъ легко и точно могла быть восстановлена. Въ этомъ восстановленiи говорится только о побѣдителяхъ на извѣтнаго рода мусическихъ агонахъ; о побѣдахъ сценическихъ здѣсь не могло быть рѣчи уже потому, что сценическiя хоригiя никакого отношенiя къ филамъ не имѣли.

До сихъ поръ при разсужденiяхъ о хоригiяхъ общепринятымъ, сколько мы знаемъ, обычаемъ было все извѣстное о дионрамбическихъ органахъ *κλίβαν* и *ἀνδρῶν*, связь которыхъ съ филами несомнѣнна, ереносить и на всякихъ другихъ хориговъ, въ особенности на хориговъ сценическихъ. Ф. А. Вольфъ въ изслѣдованiи о литургiяхъ, предпосланномъ его изданiю Димосеновой рѣчи противъ Деппiа (стр. XXXIX), зависимость отъ филъ вводилъ, какъ постоянный признакъ, въ самое опредѣленiе хоригiи: *Ac primum nomen χορηγῶν et inde ducta, solenni Atticis sensu, propria sunt de eo, qui a tribu sua ditus sumtum praebebat choris instruendis et adornandis.* Съ меньшей опредѣлительностью, но, очевидно, то же самое держали въ умѣ позднѣйшие изслѣдователи греческихъ древностей: Беккъ (Staatsh. I, tr. 601: *Die von den Stämmen gestellten Chorengeen wurden vom Arhon den Dichtern zugetheilt* и т. д. Ср. также стр. 598 сл.), К. Ф. Германъ (Lehrb. d. griech. Antiquit. I, коментаръ 161-го §), Шеманъ Gr. Alterth. I², стр. 488), говоря объ отношенiяхъ хориговъ къ филамъ, не дѣлаютъ различiя между хоригiями хоровъ дионрамбиче-

¹⁾ Ср. самоеъ лицъ, бывшихъ въ годъ какого-то архонта литургами для года *εὐσταθῆς* въ С. I. A. II, n. 172.

скихъ и драматическихъ; не дѣлаеть этого и Келеръ (Mitth. der deutsch. arch. Inst. in Ath. III, стр. 230 сл.), разъяснившій нѣкоторыя другія стороны устройства хоригической повинности¹⁾. Безъ всякихъ выраженій сомнѣннй говорятъ о зависимости драматическихъ хоригій отъ филъ историка греческой литературы; такъ напримѣръ у Бернгарди II, 2³, стр. 96, читаемъ: der jedesmal im Namen seines Stammes eintretende Chorege wetteiferte mit anderen wohlhabenden Männern, den Vertretern der tbrigen Stämme, um die dramatischen und lyrischen Chöre der Männer und Knaben, den kunstvollen Verein von Poesie mit Gesang, Tanz und Musik nach vielfachen Uebungen im würdigsten Schmuck darzustellen und seinem Stamme den Sieg zuzuwenden. (Ср. К. О. Müller's Gesch. d. griech. Literatur II², стр. 41 и 74). Между тѣмъ, на сколько мы знаемъ, не существуетъ ни одного свидѣтельства, которое хоть что нибудь говорило бы въ пользу того мнѣннй, будто драматическй хоригъ дѣйствовалъ какъ представитель извѣстной филы. Напротивъ, какъ нѣкоторые, давно уже извѣстные факты, такъ въ особенности недавно открытые эпиграфическйе документы исторнй аттической драмы весьма сильно говорятъ противъ такого мнѣннй. Прежде всего, полагая, что оно справедливо, слѣдовало бы ожидать соответствнй между числомъ драматическихъ хоровъ и числомъ филъ, и Беккъ (С. I. Gr. I, стр. 352) разсуждалъ вполне послѣдовательно, когда онъ полагалъ, что на каждомъ драматическомъ аеинскомъ агонѣ ставилось 5 тетралогій пятью трагиками и 5 комедій пятью комическими поэтами. Но съ тѣмъ поръ, какъ послѣ изслѣдованнй Зауппе (Sauppe, Ueber die Wahl der Richter in den musischen Wettkämpfen an den Dionysien: Berichte über die Verhandlungen der k. sächsischen Gesellschaft der

¹⁾ Монографнй Розенкранца (H. Rosenkranz, De choregia et choreutarum numero, Rostochii 1873), какъ во всякъ другнхъ случаяхъ, ограничивается скуднымъ пересказомъ чужнхъ мнѣннй, не вводя въ изслѣдованнй ни одного новаго факта, ни одной свѣжей мысли, такъ и въ изложениі занимающаго насъ вопроса (стр. 4, 6 сл.) отправляется отъ положеннй: choregiae omnis institutio in decem phylarum distributione est posita. Нѣсколько оригинальныхъ сужденнй о подробностяхъ устройства сценическихъ хоригій высказалъ Шмерль (M. Scherl, Quibus Atheniensium diebus festis fabulae in scenam commissae sint. Vratisl. 1879), но самую основу этого устройства и онъ, полагаясь на свидѣтельство, никакого отношеннй къ сценическимъ хоригіямъ не имѣющее, опредѣляетъ (стр. 12) такъ: chororum scenaeorum exornatio quae publica cura regebatur, ita distributa erat, ut quaeque филъ, quae vocabatur, semel quotannis choragium susceperet (conf., ut uno exemplo defungar, Demosth. Mid. § 13).

за Leipzig, VII т., стр. 16 сл.) сдѣлалось общепризнано, что въ V вѣкѣ каждый драматическій агонъ состоялъ изъ тетралогій и трехъ комедій, нельзя бы, кажется, для V вѣка, не считать сомнительною связь драматическую съ филли. А теперь, изъ недавно обнаруженныхъ эпиграфическаго свода дидаскалій, мы знаемъ, что когда на состязаніяхъ являлось по пяти конниковъ, каждый по одной комедіи, все-таки соотвѣстствіи между числомъ хоригіевъ и числомъ филл не было, такъ какъ и въ это время допускались по три трагедіи, ставившихъ каждый свое число трагедій (около половины IV-го вѣка—по двѣ или по три трагедіи); соотвѣстствіе не возстановилось и тѣмъ, что агонъ состоялъ еще изъ исполненій одной сатирической драмы и одной (трагической или комической) вѣсь стараго репертуара.

Нельзя не придавать значенія тому обстоятельству, что въ имени филл составляеть постоянный признакъ эпиграфическаго отчетовъ о хоригіяхъ драматическихъ, точно также, какъ въ имени филл составляеть постоянный признакъ оффиціальнаго извѣстій о хоригіяхъ дидраматическихъ. Далеко уже известно довольно значительное число такъ называемыхъ хоригическихъ надписей, и число это постоянно возрастаетъ вслѣдствіе новыхъ находокъ. Множество разъ въ этихъ надписяхъ встрѣчается соединеніе имени филл или агонъ съ именемъ филл; но, насколько мы знаемъ, до сихъ поръ не найдено еще ни одной такой надписи, въ которой бы встрѣтились формулы η δ α ν α ϕ α λ λ η α ν α ϕ α λ λ η или η δ α ν α ϕ α λ λ η α ν α ϕ α λ λ η . Можетъ быть, это случайность, зависящая отъ того, что, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, не принято было устраивать хоригическіе памятники въ честь сценическихъ побѣдъ? Дѣйствительно, такихъ памятниковъ было, кажется, очень мало — и скоро мы попытаемся объяснить, почему ихъ было мало, — но все-таки они были. Мы знаемъ еще очень древнюю надпись сценическаго хорига, именно надпись въ честь побѣды, одержанной Семистокломъ посредствомъ трагедій Фриниха. И что же? Имени филл здѣсь не оказывается: $\Theta\epsilon\mu\sigma\tau\omicron\kappa\lambda\omicron\varsigma$ $\Phi\rho\iota\sigma\tau\iota\omicron\varsigma$ $\epsilon\chi\omicron\rho\eta\tau\iota\alpha$, $\Phi\rho\epsilon\mu\chi\omicron\varsigma$ $\alpha\delta\iota\sigma\alpha\kappa\tau\iota\alpha$, $\Lambda\delta\epsilon\mu\tau\omicron\varsigma$ $\tau\eta\rho\chi\epsilon\upsilon$ —такъ читается надпись въ Плутарховой біографіи Семистокла (гл. 5). Но не случайность ли и это? Тотъ же Плутархъ (v. Aristid. 1) сохранилъ намъ такую копію другой хоригической над-

писи: 'Αντιόχης ἐπίστα, 'Αριστοειδῆς ἐχορήγηε, 'Αρχίστρατος ἐδίδασκε'), между тѣмъ, какъ копія Киріака (С. I. Gr. I, p. 211), сдѣланная, по-видимому, съ того же оригинала, даетъ только: 'Αριστοειδῆς ἐχορήγηε, 'Αρχίστρατος ἐδίδασκε: можетъ быть, и сообщаемая Плутархомъ копія съ надписи Θεμιστοκλα такъ же неполна, какъ неполна копія Киріака съ надписи Аристидеа? Признавая, что приведенныя до сихъ поръ соображенія и свидѣтельства еще не доказываютъ выставленнаго нами положенія, думаемъ однако, что и они отчасти послужатъ для него опорой, если мы сопоставимъ ихъ еще съ нѣкоторыми другими.

До насъ дошло нѣсколько надписей такихъ, въ которыхъ вмѣстѣ говорится и о побѣдахъ мусическихъ и о побѣдахъ спеническихъ: отъ этихъ документовъ мы въ правѣ ожидать полного тождества формулъ въ обозначеніи результатовъ того и другаго агона, если только тождественна была сущность устройства самихъ агоневъ. Уже Фр. Лео (въ журналѣ Rheinisches Museum für Philologie, XXXIII t. 1878 г., стр. 142 и сл.), издавая одну изъ такихъ надписей, былъ пораженъ тою ея особенностью, что въ ней, по-видимому, безъ достаточнаго основанія, обозначеніе филы, сдѣланное въ одномъ случаѣ, въ трехъ другихъ случаяхъ опущено. Вотъ эта надпись⁵⁾:

εν κέρμοι ἥσαν τ- [Σ]νοκλειδῆς ἐχορήγηε [Μ]άγνης ἐδίδασκων τραγῳδῶν 5 Περικλῆς Χολαρ. (γυῖς) ἐχορήγ. (γυῖ) Αισχύλος ἐδίδασκε[ν]	Πανδίων... Κλαίνετ... κερμίδω[ν] ΘΔ . . .
--	---

Здѣсь мы имѣемъ четыре, такъ сказать, параграфа, относящіеся къ четыремъ побѣдамъ; хотя ни одинъ, можетъ быть, изъ этихъ па-

⁴⁾ Отнести эту надпись къ спенической побѣдѣ нѣтъ ни налѣгающаго основанія. Если бы Архестратъ былъ трагикомъ или комикомъ, то, вѣроятно, Пандіонъ зналъ бы его не по одному хорегическому памятнику; да едва ли тогда Плутархъ (или Пандіонъ) и назвалъ бы Архестрата χορῶν δίδασκαλον. Въ эти времена χοροὶ именно противопоставляются трагедіи и комедіи. См. надпись въ 'Αθήν. VI, прилож. къ стр. 127 (она повторена также въ Addenda къ С. I. A. III и Кайзербелтъ въ Rhein. Mus. XXXIV); 'Αρχων Διονυσόδωρος εὐκάρου τέχνης | κίστες καὶ κῶδος κερμίδος τραγικῆς χορῶν | τὸν δευτέρου τρικοῦδα θῆκε 'Ασκληπιάδης.

⁵⁾ Мы даемъ ее по копіи, сообщенной Келлеромъ въ Mitchell, d. deutsch. arch. Inst. in Ath. III, стр. 105. Дополненія принадлежатъ частію Лео, частію Келлеру.

тъ, ироніи развѣ второго, не сохранился звонкій. Фр. Лео совершенно вѣрно, узнавъ въ третіемъ параграфѣ имя филіи (1), замѣтилъ, что ни въ одинъ изъ остальныхъ обозначеніе не можетъ быть вставлено. Первый параграфъ, какъ угадать поносится къ комедіи: Μένυξъ есть знаменитый древній комикъ; итакъ въ этомъ параграфѣ недостаетъ заголовка χορηγῶν, и онъ долженъ былъ находиться на другой плитѣ, присоединяясь къ этой слѣва; но что сразу за словомъ χορηγῶν не могло означать обозначеніе филіи, видно изъ четвертаго параграфа, гдѣ χορηγῶν(ν) находится такіа начертанія (ΩΔ, по копіи Лео, или по копіи Келера), съ которыхъ не могло начинаться ни одно изъ аттическихъ филій, и что вообще между заголовкомъ филіи и именемъ хорига не могло находиться никакихъ другихъ словъ, доказываетъ второй параграфъ, гдѣ къ заголовку непосредственно принаесть имя хорига; съ другой стороны, изъ сохранившагося заключенія перваго параграфа, ни имѣемъ права думать, что ни въ заключеніи второго, ни въ заключеніи третьяго параграфовъ, послѣ имени дидакаловъ не находилось филіи. Итакъ въ одномъ параграфѣ мы здѣсь имѣемъ обозначеніе филіи, а въ трехъ другихъ такого обозначенія не оказывается. Объяснить такое различіе? Лео объясняетъ его случайностью, говоря, что источниками для автора этого эпиграфическаго сборника послужили хоригическія надписи, въ которыхъ-де и называются имена хориговъ, но не всегда имена филій. Такого объясненія можно было довольствоваться, пока не имѣлось для другаго лучшаго. Но уже очень скоро послѣ изслѣдованія Лео сдѣланы вѣдѣстныи двѣ новыя надписи, которыя, очевидно, принадлежатъ къ тому же самому разряду, какъ только что приведенная, устроены по одному принципу съ нею, и которыя, какъ намъ кажется, не только дозволяютъ, но и заставляютъ установить законность явленія, которое ранѣе казалось случайнымъ и слѣдовательно, въ сущности необъяснимымъ. Изъ этихъ надписей, изданныхъ Келеромъ 2), въ особенности важна слѣдующая:

1) Оно было названо впрочемъ—что и неудивительно—уже Рангабсомъ (Rangabé, Antiquités Helléniques II, p. 730).

2) Mittheil. III, стр. 107 и 109. Келеру принадлежатъ и всѣ дополненія, которыя мы далѣе будемъ приводить.

ΠΑ[Α]
 ΟΣΕΑ
 ΙΑΩΝ
 ΝΠΑΙΑΝΙΕ
 5 [Ν]ΕΚΡΑΤΗΣΕΑΙ
 ΟΚΡΙΤΗΣΜΙΝΝ
 ΠΑΛΚΑΙΟΥ
 ΠΠΟΘΩΝΤΙΣΠΑΙΩΝ
 ΑΡΙΣΤΑΡΧΟΣΕΚΕ:ΕΧΟΡΗ
 10 ΑΙΑΝΤΙΣΑΝΑΡΩΝ
 ΑΗΜΟΣΘΕΝΗΣΕΧΟΡΗΓΕΙ
 [Ω]ΜΩΙΑ
 ΗΓ

Важное значеніе этой надписи состоитъ прежде всего въ томъ, что она даетъ возможность, которою и воспользовался Келеръ¹⁾, опредѣлить тотъ порядокъ, въ которомъ въ документахъ этого рода перечислялись различные виды агоней. Въ этой надписи, которую мы для краткости будемъ называть второю, за именемъ архонта (ἐπί 'Αλκείου), стоящимъ въ 7-й строкѣ, слѣдуетъ, очевидно, начало списка побѣдъ, одержанныхъ на какомъ-то праздникѣ въ годъ этого архонта. Сопоставляя эту часть второй надписи съ данными перваго столбца первой, получаемъ такой рядъ агоней: Παιδων, ἀνδρων, χορηγῶν, τριγυδῶν. Во второй надписи заголовку χορηγῶν (стр. 12) предшествуетъ параграфъ (стр. 10 и 11), относящійся къ агону ἀνδρων и состоящій изъ двухъ строкъ, изъ которыхъ въ первой содержится имя филы и терминъ ἀνδρων, а во второй имя хорига и терминъ ἐχορήγας: отсюда само собою понятно, что во второмъ столбцѣ первой надписи слѣдуетъ дополнять—какъ уже и дополнилъ Келеръ—послѣ Πανδίωνς терминъ ἀνδρων и послѣ Κλακίνατος—терминъ ἐχορήγας. Теперь мы получаемъ три образца формулы, посредствомъ которой въ этихъ надписяхъ приводилось имя филы: 'Ικκοδωντις παιδων, Αϊαντις ἀνδρων, Πανδίωνς ἀνδρων: имя филы постоянно предшествуетъ имени агона и оба имени постоянно пишутся въ одну строку. Этими уже доказывається, что нельзя дополнять имени филы ни передъ словомъ χορηγῶν (стоящимъ во второй надписи, стр. 12), ни послѣ него. Послѣднее можно доказать еще и иначе. Къ строкѣ 7-й долженъ при-

¹⁾ Mitth., III, стр. 104.

искать сверху параграфъ, относившійся къ послѣднему изъ агоніевъ, совершенныхъ на законѣ-то врандникѣ въ годъ, предшествовавшій арховству Алкея. Легко замѣтить, что этотъ параграфъ состоитъ изъ 4-хъ строкъ: въ 6-й былъ названъ актеръ [ὄκ]οκρῆς Μοῦν[ι]ακός, въ 5-й дадасвалъ, Преміецъ 4-й строки могъ быть только хоригонъ, для названія агона остается 3-я строка; что это былъ агонъ драматическій, видно изъ 6-й строки; что это не былъ агонъ κερμίδων, видно (не говоря уже объ имени актера) изъ общаго порядка агоніевъ: остается дополнить 3-ю строку такъ [τρῦμίδων]. Судя по коши Келера, за этихъ словомъ не слѣдовало въ той же строкѣ никакого другаго, не слѣдовало имени филы; но и въ 4-й строкѣ самое краткое имя филы и самое краткое собственное имя хорига не могли бы помѣститься предъ словами Παιμν[ι]δ[ος] ἑχουρήτης]. Слѣдовательно, имени филы вообще не было послѣ заголовка τρυμίδων; не было его, значить, и послѣ заголовка κερμίδων. Предполагать, что имя филы находилось во второй строкѣ, невозможно: противъ этого говорить аналогія формулы Ἰκκιδωντῆς καίδων и аналогія перваго столбца первой надписи. Остается дополнить начало второй надписи такъ, какъ до-полнял Келеръ:

[κερμίδων]
 — — — Παι[μν]ιδ[ος] ἑχουρήτης]
 — — — ος ἰδ[ί]α[κων].

Другая изъ новыхъ надписей, изданныхъ Келеромъ (третья по на-шему счету), содержитъ лишь слѣдующія начертанія:

ΚΕΚΡΟΙ
 ΔΙΟΦΑΝ
 ΚΕΚΡΟΠΕ
 ΟΝΗΤΩΡ
 5. ΚΩΜΩΙΑ
 ΔΙΟΠΕΙ
 ΠΡΟΚΛΕ
 ΤΡΑΓΩΙΑ

Не смотря на поврежденность надписи, полное тождество ея устройства съ устройствомъ двухъ ранѣ приведенныхъ, очевидно. И здѣсь агону τρυμίδων предшествуетъ агонъ κερμίδων; параграфъ, относившійся къ комедіи, и здѣсь состоитъ изъ трехъ строкъ ³⁾, также

³⁾ Почему въ этихъ надписяхъ не называются имена комическихъ актеровъ,

какъ изъ трехъ строкъ долженъ былъ состоять первый параграфъ первой надписи; этому трехстрочному параграфу въ третьей надписи предшествуютъ два параграфа, которые могутъ относиться только къ агонамъ *καίρων* и *ἀνδρῶν*; какъ въ первыхъ двухъ надписяхъ, такъ и здѣсь каждый такой параграфъ состоитъ изъ двухъ строкъ; какъ тамъ, такъ и здѣсь въ этихъ параграфахъ въ началѣ первой строки стоитъ имя филы; какъ тамъ, такъ и здѣсь въ параграфахъ, относящихся къ сценическимъ агонамъ, въ началѣ первой строки стоитъ не имя филы, а обозначеніе агона. При такомъ сходствѣ этой надписи съ двумя предыдущими, не только мало вѣроятно, но совершенно недозволительно было бы предположеніе, что обозначеніе филы, не найденное въ известнымъ параграфахъ тѣхъ надписей, существовало въ соответствующихъ параграфахъ этой. — Тѣ соображенія по поводу трехъ приведенныхъ надписей, какія мы до сихъ поръ излагали, собственно говоря, неизбежно уже предполагаются тѣми дополненіями, которыя сдѣлалъ въ надписяхъ Келеръ и которыя въ нашей зачатѣ, конечно, не нуждаются; тѣмъ не менѣе показать, что другія дополненія сверхъ сдѣланныхъ знаменитымъ эпиграфикомъ невозможны, намъ было необходимо потому, что самъ онъ, насколько мы знаемъ, не сдѣлалъ того вывода, какой, по нашему убѣжденію, изъ этихъ фактовъ прямо вытекаетъ, и потому еще, что этотъ выводъ противорѣчить мнѣніямъ весьма распространеннымъ и очень твердо укоренившимся. Выводъ же состоитъ въ слѣдующемъ: такъ какъ въ эпиграфическихъ документахъ, перечисляющихъ совместно побѣдителей агоневъ двоерамическихъ и агоневъ драматическихъ, постояннымъ признакомъ отчетовъ о первомъ видѣ агоневъ является усвоеніе побѣды прежде всего филѣ, и затѣмъ уже хоригу, а столь же постоянными признаками отчетовъ объ агонахъ втораго вида является усвоеніе побѣды непосредственно хоригу, и отсутствіе обозначенія филы, то слѣдовательно хоригин двоерамическія находились въ известномъ отношеніи къ филамъ, а хоригин драматическія отношенія къ филамъ не имѣли.

Намъ кажется, что тотъ же самый выводъ могъ бы быть сдѣланъ независимо отъ приведенныхъ надписей и гораздо ранѣе ихъ открытія, если бы исследователи, разсуждавшіе о хоригіяхъ, не забывали придавать надлежащее значеніе греческимъ частицамъ *μὲν* и *δέ*. Мы по

хотя называются актерами трагическіе—объ этомъ имъ надлежало сказать въ другомъ мѣстѣ.

крайней мѣрѣ недоумѣвается, какимъ образомъ можно понимать это выраженіе оратора Исэя (V, § 36): οὗτος τῆ μὲν φιλῆ εἰς Διονύσια χορηγῆτος τῆς τέρτος ἰγένιτο, τραγῳδοῖς δὲ καὶ κορυχισταῖς ὕστατος ¹⁾, если не раздѣлять убѣжденія, что не всякая хоригія была хоригіей для филы (φιλῆ), что было два рода хориговъ: одни ставились филан каждой изъ своей среды, другіе народомъ ἐξ Ἀθηναίων ἀκάντων, и что хориги траγῳδοῖς и κορυχισταῖς принадлежали къ этому второму роду. Доказать это относительно хориговъ для пиррихистовъ другими свидѣтельствами мы не можемъ, потому что упоминанія объ этой хоригіи крайне рѣдки и скудны; но тѣ, какія есть, по крайней мѣрѣ, не противорѣчатъ выставленному нами положенію; мы разумѣемъ Lys. or. XXI, §§ 1, 4 и надпись, наданную Rangabé Ant. hell. n. 987 и Beulé L' acropole d' Ath. II, стр. 315 ²⁾: ... κορυχισταῖς κηρός, Ἄταρβος (?) Δα(..η)βλα, Κ]υρισ[δ]ωρος ἤρχων. Независимость же драматическихъ хоригіи отъ филы, кажется, должна быть ясна изъ того, что нами уже сказано, хотя мы и не истерпали еще всѣхъ доказательствъ нашего положенія.

Не знаемъ, говорить ли въ пользу его тотъ фактъ, что и въ надписяхъ изъ временъ хоригіи „народа“ и агоноеесіи, при обозначеніяхъ побѣдъ сценическихъ, хотя уже не называются хориги филы, но

¹⁾ Такъ читается въ рукописяхъ; только κορυχισταῖς (вм. κορυχίςτις) есть поправка, найденная Paulmier и Bentley—поправка во всякомъ случаѣ необходимая; напротивъ, предложенное великимъ англійскимъ критикомъ и принитое у Scheibe, опущеніе сокма δὲ нужно только для оспариваемой нами теоріи, которая безъ этого произвольнаго извращенія рукописнаго преданія не можетъ держаться.

²⁾ Читаніи Beulé, которыми мы следуемъ отчасти въ текстѣ, известны намъ лишь изъ вторыхъ рукъ: изъ книги А. Монизема Neortologie стр. 165 и изъ статьи К. Кейля Epigraphische Beiträge въ Mélanges Gréco-Romaines. Tome II. Соединеніемъ формулы κηρός съ обозначеніемъ агона эта надпись нѣсколько напоминаетъ другую, помѣщенную у Rang. подъ n. 986 (ср. Keil. l. 1.); но тамъ рѣчь идетъ объ агонѣ κηρών и имя онымъ вѣдется на лицо .. Ἀριστοβόρου Σκεπταίων ἀνδρός κηρός χορηγῶν κηροκίβι κηρών | и т. д. Читаніи, предложеннаго Rangabé въ надписи о пиррихистахъ: κορυχισταῖς κηρός(τιν) нельзя оправдать, кажется, никакими аналогіями. Въ латинѣ, которую Rangabé отивталъ послѣ (κορυχισταῖς) находились—нужно думать—начальными буквами слѣдующаго имени, такъ какъ имя Ἄταρβος во всякомъ случаѣ (Keil. l. 1.) нѣсколько сомнительно.—Упомянутое о пиррихистахъ въ надписи у Rang. n. 960 (строки 22—24) ничего не даетъ для опредѣленія свойствъ пиррихической хоригіи. Нѣкоторыя подтвержденія для нашего мнѣнія могла бы служить надпись въ Ἀθῆν. II, стр. 481, если бы она была аттическая.

все еще называются самыя филы, а при обозначеніяхъ побѣдъ сценическихъ не называются и филы. Такъ, съ одной стороны мы имѣемъ надписи такого рода: С. I. Gr. I, n. 225. 'Ο δῆμος ἐχορήγει, Ποδάρατος ἦρχεν, | ἀγωνοθέτης Θρασοκλῆς Θρασύλλου Δακελαεύς, | Ἰπποθωνίς παιδῶν ἐνίκα и т. д., n. 226 ὁ δῆμος ἐχορήγει, Ποδάρατος ἦρχεν | ἀγωνοθέτης Θρασοκλῆς Θρασύλλου Δακελαεύς, | Πανδιονίς ἀνδρῶν ἐνίκα и т. д., 'Αθῆν. VI, стр. 278 [ὁ δῆμος ἐχορήγει, ... ἦρ]χεν | [ἀγωνοθέτης ...] νομίδου, | Ἐραχθίς ἀνδρῶν ἐνίκα и т. д. (ср. также Rang. n. 971, строка 10, 'Αθῆν. V, стр. 330, Αρχαιολ. ἐφημ. 1862, стр. 169, pp. 170 и 171 и табл. 24, 2 и 3), а съ другой—Mitth. d. deutsch. arch. Inst. III, стр. 237—'Αθῆν. VI, 276, 376—Bull. de corr. Hellen. II, 392, 'Ο δῆμος ἐ[χορήγει ἐπὶ Ἀνακί]κράτους ἀρχοντος, | ἀγωνοθέ[της Σενοκλῆς Σε]αίνιδος Σρήττιος, | ποιητῆς τραγ[ωδίας Φανόστрато]ς Ἐρακλειδου Ἀλικαρνασσῶς, | ὀποκратῆς τραγ[ωδίας...] ἐν Εὐαγορίδου Κοβαθηναίου, | ποιητῆς κωμω[δίας Φιλήμων] Δάμωνος Διομευίδος, | ὀποκратῆς κ[ωμωιδίας ...]πος Καλλίου Σοονιδῶς. (Что надпись слѣдуетъ относить къ архонству Анаксикрата, а не Никократа, доказываетъ Келеръ, Mitth. I. l.). Не подлежащій сомнѣнію официальный характеръ этихъ документовъ не допускаетъ мысли о произвольномъ сокращеніи или совершенномъ опущеніи установленныхъ формулъ. Однако теперь мы не намѣрены пользоваться этого рода свидѣтельствами, такъ какъ, хотя нельзя доказать, нельзя однако и опровергнуть ни того мнѣнія, что во времена Анаксикрата (307 г. до Р. X.) какъ комедія, такъ и трагедія обходились уже безъ хора, ни того, что, коль скоро прекратили свое существованіе сценическіе хоры, должна была сама собою уничтожиться и всякая связь драматической хоригія съ филοιῶν, если только первоначально эта связь состояла въ томъ, что каждый хоръ набирался изъ членовъ одной опредѣленной филы.

Но кромѣ доказательствъ прямыхъ, есть признаки, косвеннымъ образомъ подтверждающіе справедливость нашей мысли.

Беккъ, въ изслѣдованіи: Vom Unterschiede der Attischen Lenäen, Anthesterien und ländlichen Dionysien, стр. 106 (A. Boeckh's Kleine Schriften, V, стр. 132) изъ того положенія, что «die Fremden [то-есть, метики]—stehen mit dem Gaue in keiner Beziehung, sondern nur mit dem Staate», доказывалъ невозможность отождествленія Лявѣй, на которыхъ хоры могли быть и метики¹⁾, съ „сельскими“ Діонисіями, которыя праздновались динамн. Но, кажется, не только съ такимъ же,

¹⁾ См. Schol. Aristoph. Plut. 953 Dueda. (954 Dind.).

Большинъ правозъ поэма, отираалась отъ того же коло-
 :оказывать, что не всѣ аттическія хоригіи были хоригіями филъ,
 :оторы изъ нихъ отъ филъ были вполнѣ независимы. Въ са-
 :мѣ, если метки находились еще въ кое-какой связи съ димонъ,
 :иватель послѣднато, то уже рѣшительно никакой связи не
 :филонъ; поэтому, когда метки бывали хоригіями (Согр. insgr.
 :п. 86, строка 34), они никакимъ образомъ не могли являться
 :ии представителями филъ, а только слугами воинскаго народа.
 :тѣ хоригіи, которыя метки исполняли для Димонскаго правд-
 :были именно хоригіи драматическія, это мы вскорѣ надѣемся,
 :е вполнѣ доказать, то не крайней мѣрѣ сдѣлать очень вѣ-
 :имъ.

тъ указаннаго нами существеннаго различія между хоригіями ну-
 :кими и хоригіями сценическими объясняется и тотъ фактъ, что
 :отѣмъ облегчить исполненіе первыхъ, то позволяли двумъ фи-
 :имѣть одного хорига ¹⁾, при чемъ, вѣроятно, дѣя филы на-

Schol. Demosth. Leptin. p. 468, 27: καὶ μὲν ἡ θεοῖν φωνὴν ἐν χορηγόν-
 :ς ἀσπίς ἐξέειπεν (ἤγαγεν καὶ ἐξηγήσατο τινος, ἐπὶ τοῖς Θαρρῆσιος θεοῖν
 :ς μόνος καθίστατο χορηγός, τοῖς δὲ μὲν ἄλλοις Διονυσίος — — εἰς χορηγός
 :ς φωνῆς καθίστατο. Мысль, что указанное облегченіе допускалось только по
 :енію въ праздникъ Θαρρῆσιος, есть, можетъ быть, αὐτοεὐχέλεια некая.
 :на въ ἐξηγήσει, единственнаго неточнаго въ точности которыхъ въ дав-
 :случаѣ случилось, впрочемъ, это нѣкто рѣши Антиоқта κατὰ τοῦ χορηγοῦ
 :): ἐκείνη χορηγός καθίστατο εἰς Θαρρῆσιος καὶ ἕλαον Παντοκλῆ διδασκάλον καὶ
 :οπίδα φωνῆν πρὸς τῇ ἑαυτοῦ καὶ. Ср. С. I. Gr. n. 216 ('Εροφίλιος 'Εροφίλαχος | Κα-
 :αίσιος ἐχορηγῶν | Πανδίωνι, 'Ερχυθῆσι καίῃων. n. 22 Σφ[...]) | с Βοφίλιος [...
 :ται | 'Ερχυθῆσι | 'Ἰκποθωντί.], Mittl. d. deutseh. arch. Inst. in Ath. II,
 :189 (надпись найдена у южнаго склома акрополя, между гѣмъ гѣмъ нѣкто въ
 :анонимъ Θαρρῆσιенскія троложиныя было Πόθιον, Суид. s. Πόθιον) Χῆρης
 :άρουσ 'Αγγελοῦ χορηγῶν ἐνίκα | Πανδίωνι | 'Αχαρντίσι καίῃων | n. κ.,
 :IV. 1, стр. 169 (три камня, найденныя на лѣвомъ берегу Илосса, на канонгъ
 :ны двадци найденная хоригическая надпись), 1: Φιλίππος Φιλίππο |
 :ονιεύς χορηγῶν | ἐνίκα Πανδίωνι | 'Αχαρντίσι καίῃων | 'Αλέξανδρος ἦμα | Βοκλῆς
 :βασί, 2: Αἰεὶος Μνηστειόλο Σφῆστιος | χορηγῶν ἐνίκα | 'Αχαρντίσι | Πανδίωνι
 :καίῃων, Βοκλῆς | ἰδὲβακκ, Εὐβαρίσιος ἦμα | Χίον ἔρην, 3: Τεράντορος Δόχρητος 'Εκ-
 :ηδεν | χορηγῶν ἐνίκα Διονυτίσι Διγῆσι | καίῃων, Βοκλῆς ἰδὲβακκ | Τυροκράτης ἔρην.—
 :кажется, исключительво г. Кунаудуеу принадлежитъ предположеніе, высказы-
 :ваемое имъ ('Αθήν. I, стр. 171), какъ нечто несомнѣнное, будто, когда дѣя филы
 :выставляли одинъ хоръ, то каждая изъ нихъ все-таки имѣла своего особаго хо-
 :рига. Но единственнаго, сколько имъ могли волята, основаніемъ для предполо-
 :женія служить отсутствіе означенія арктога въ первой изъ трехъ послѣднихъ,
 :только что приведенныхъ надписей. Г. Кунаудуеу предполагается, что каждая

ставляли одинъ какійсь хоръ; напротивъ, когда то же самое хотѣли сдѣлать для сценическихъ хорягій, никакого отношенія къ филамъ не имѣвшихъ, то бремя одной хорягій распредѣляли между двумя хорягами (Aristot. ap. Schol. Ar. Ran. 404 Dueb., 406 Dind.).

Изъ различнаго отношенія къ филамъ различныхъ видовъ хорягій легче всего объясняется и то, на первый взглядъ кажущееся страннымъ явленіе, что число извѣстныхъ намъ надписей хоряговъ сценическихъ и пиррихическихкихъ ¹⁾ такъ поразительно непропорціонально съ числомъ извѣстныхъ надписей хоряговъ παίδων и ἀνδρῶν. Побѣда, одержанная хорягомъ-представителемъ филы, по древнему воззрѣнію, принадлежала не ему, а филѣ, ей принадлежалъ и побѣдный призь-тrenoжникъ. (Ср. Dem. Mid. 5 τῆς φιλῆς ἀδίκως ἀφαιραθείσης τὸν τρίποδα ...). Въ сооруженіи приличныхъ ностаментовъ для trenoжниковъ и устройствъ соотвѣствующихъ случаю надписей заинтересовано было корпоративное честолюбіе филы, не удовлетворить которому хорягъ не могъ, не навлекая на себя обвиненія въ равнодушіи къ чести своей филы. Напротивъ, побѣды κεραιῶν, τραγῶδων, πορρυσίων никакого отношенія къ филамъ не имѣли; только личное честолюбіе могло заставить хоряга, сверхъ расходовъ по исполненію самой хорягій, подвергать себя еще расходамъ по устройству памятника; внѣшняго принужденія къ этому не существовало. Понятно, что многіе хоряги уклонялись отъ такого расхода, который не былъ незначителенъ, судя по тому, что и онъ фигурируетъ въ числѣ тѣхъ пожертвованій для общаго блага, которыя перечисляются въ XXI рѣчи Деміа (§ 2 ἀνδράσι χο-

изъ двухъ хоряговъ, содержавшихъ совмѣстно одинъ хоръ, поставленный двумя эпами, въ случаѣ побѣды устранилъ свою особую побѣдную надпись, и имя архонта, обозначенное въ одной изъ нихъ, могло быть опускаемо въ другой. Но не говоря о невѣроятности этого послѣдняго соображенія, все гипотеза почтеннаго греческаго эпиграфика противорѣчитъ тому изображенію дѣятельности хоряга, какое имъ имѣемъ въ рѣчи Антисонта περί τοῦ χορευτοῦ. Здѣсь (§§ 11—13) хорягу, принадлежащему къ филѣ Ἐργυθῆς, по обязанности служить также и для Κεκροπῆς, помогаютъ въ устройствѣ и снаряженіи хора два эксперта этого дѣла, назначенный филю Ἐργυθῆς-Ἀρμόνιος, ὃν αὐτοὶ οἱ φυλάται ἐψηφίσαντο σολλέγειν καὶ ἐπιτελεῖν τῆς φιλῆς ἰκαστοῦ, и другой, точно такой же спеціалистъ, назначенный филю Κεκροπῆς, ὅκερ ἰκαστοῦ εἰσθεὶν ταῦτῃ τὴν φιλῆν σολλέγειν. Объ особомъ хорягѣ филы Κεκροπιδекой не говорится ни слова.

¹⁾ По поводу приведенной выше надписи, упоминающей о пиррихистахъ, Кейль въ своемъ перечнѣ хорягическихъ надписей замѣчаетъ: Diesz das einzige Stück, worin ein Sieg mit Pyrrichisten erwähnt wird. Единственнымъ этотъ памятникъ, за сколько имъ знаемъ, остается и до настоящаго времени.

Διονύσιος — — ἐπίτροπος, καὶ ἐπιλέμων ἐὼν τῷ τοῦ τριπόδος ἐπι-
 επιτελεστικῆς ἐραχμῆς) ¹⁾.
 ннаго нами объ отношеніяхъ различныхъ видовъ хоригіи къ
 надѣмся, достаточно для того, чтобы доказать, что списки
 оскихъ хориговъ могли быть ведены не властями филг, а только
 государственными—архонтами.
 длинными архонтскіи записи, конечно, не дошли до насъ, но со-
 изъ можно быть определѣно изъ содержанія эпитафиче-
 памятниковъ, которые, судя по всѣмъ признакамъ, вышли или
 или чрезъ весьма близкое посредство изъ тѣхъ подлинныхъ
 ыхъ документовъ и могутъ считаться извлеченіями изъ нихъ.

ду эпиграфическими извлеченіями изъ архонтскихъ записей,
 тству сообщаемого историко-литературнаго матеріала, первое
 нимаютъ памятники, характеризующіея слѣдующими при-
 они представляютъ расположенный въ хронологическомъ по-
 сводъ свѣдѣній о драматическихъ составаніяхъ за цѣлый рядъ
 Сообщение о составаніяхъ каждаго отдѣльнаго года начи-
 въ этихъ документахъ обозначеніемъ архонта-эпонима. Хро-
 ническая точность показаній доходитъ до того, что, если въ ка-
 нбудь годъ драматическіи составанія почему нибудь не состоя-
 и это обозначается особенною формулою οὐκ ἐγένετο ²⁾.

¹⁾ То обстоятельство, что Эскинъ, говоря объ ответственности Діонисій-
 ныхъ судей (с. Steinh. § 232 τοὺς μὲν κριτὰς τοὺς ἐκ Διονυσίου, εἰς μὲν δεξιῶν
 οὐκ ἐπιτελεστικῆς ἐραχμῆς, ἑπιλέμω, αὐτοὶ δὲ ...), упоминаетъ только о дво-
 рамбической части Діонисіеваго агона и совершенно упускаетъ о специ-
 ской, также вѣроятно, находится въ какой-нибудь связи съ различіемъ между
 хоригіями мусическими и драматическими, но въ чемъ именно состоитъ эта связь,
 мы не можемъ опредѣлить.

²⁾ Келеръ (I. I. стр. 130) съ этою формулою сравниваетъ G. I. Gr. № 108
 (Саламинскій decretъ изъ времени послѣ ОI. 134): Διονυσίου τῶν ἐν Χαλκίδι τρι-
 πόδοις, βίαν πρώτων ἔγενετο. Нужно замѣтить впрочемъ, что эта формула встрѣ-
 чается только въ той части эпиграфическихъ документовъ, которая касается со-
 ставаній 3-го и 2-го звѣновъ до Р. X. Въ 4-мъ звѣнѣ οὐκ ἐγένετο по отношенію
 къ Діонисіевскому агону казалось еще чѣмъ-то немеланимъ. Demosth. IV, 28:
 τί δὲ ποτε, ὡ ἀνδρες Ἀθηναῖοι, νομίζετε τὴν μὲν Παναθηναίων ἑορτὴν καὶ τὴν τῶν
 Διονυσίων ἀεὶ τοῦ καθήκοντος χρόνου γίγνεσθαι, ἐν ταῖς βασιαὶ λάμπεσιν ἐν ταῖς ἡμέταις οἱ
 τοῦτων ἐκείρων ἐκμελοῦσθαι. Здѣсь, при словѣ ἑορτή, ораторъ, очевидно, думалъ
 не о жертвоприношеніяхъ и торжественныхъ шествіяхъ, а о мусической и спе-
 цической части праздниковъ: только по отношенію къ этой части нѣтъ списка

2. Если состязаніе состоялось, то перечисляются всѣ поэты, участвовавшіе въ немъ, а не одни только побѣдители ¹⁾, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ, о которыхъ мы будемъ еще говорить.

3. Порядокъ, въ которомъ здѣсь перечисляются поэты, есть порядокъ достоинства, установленный приговоромъ судей состязанія.

4. При имени каждаго поэта кратко ²⁾ называется пьеса или пьесы, которыя имъ на данномъ состязаніи были поставлены.

вопросъ: будутъ ли эпиграфами праздника знатоки дѣла или прозаики. Замѣтка схоластика къ Aristoph. Pac. 530, изъ которой можно было бы заключить, что уже въ V вѣкѣ, въ военное время, Діонисіевскій агонъ отменялся, есть, вѣроятно, просто *автохуйство*. Вѣдь известно, что большая часть комедій Аристофана и другихъ древнихъ комиковъ поставлена именно во время Пелопоннесской войны.

¹⁾ Этимъ устраняется возможность такихъ предположеній, какъ напримѣръ предположеніе Elmsley (Annotatt. ad Euripid. Med. Argum. p. 72), будто показаніе о 92-хъ трагедіяхъ, поставленныхъ Еврипидомъ, гораздо ниже дѣйствительности, и произошло вслѣдствіе того, что въ дидаскаліи записывались только тетралогіи, заслужившія приза, призовъ же было только три, изъ которыхъ на долю Еврипида часто недоставалось даже и послѣдняго. Дѣйствительно, какъ мы скоро увидимъ, существовалъ такой разрядъ памятниковъ, въ которомъ перечислялись не всѣ поэты, а только побѣдители, но тамъ, въ качествѣ побѣдителей для каждаго вида состязаній называется не по три, а только по одному поэту; а заглавія тетралогій или отдѣльныхъ пьесъ вовсе не называются.

²⁾ Известно, что и въ тѣхъ «Дидаскаліяхъ», которыми пользовались александрійскіе грамматики, заглавія пьесъ нѣсли самую краткую форму, не устранявшую возможности смѣшенія омонимныхъ дракъ. См. Aristoph. Pac. argum. 3: φέρεται ἐν ταῖς Διδασκαλίαις οἷς (add. Dind.) διδραχῶς Εὐριπίδου ὁμοῦμος (Dind., ὁμοῦμος edd.) ὁ Ἀριστοφάνης ἄνθλον οὖν, φησὶν Ἐρατοσθένης, πότερον τὴν αὐτὴν ἀνεδίδαξεν ἢ ἑτέραν καθήκον, ἧτις οὐ βέβαια. Κράτης μάλιστα ὕπο οὗδε δράματα. Такъ и въ дидаскалической замѣткѣ къ «Персамъ» Эсхила называется сатирическая драма Προμηθεὺς безъ всякаго опредѣленія, которое отличало бы ее отъ другихъ «Промнеевъ», созданныхъ Эсхиломъ. Въ Schol. Aristoph. Pac. argum. v. 67 οὕτω γὰρ καὶ Διδασκαλίαις φέρονται τελευταίουτος Εὐριπίδου τὸν υἱὸν αὐτοῦ διδραχῶν ὁμοῦμος ἐν ἄσται Ἰερτρένιαν τὴν ἐν Ἀλλίβι, Ἀλκμαίωνα (тамъ, вѣроятно, было написано въ оригиналѣ σκωλίῃ, хотя еще въ 3-мъ вѣкѣ до Р. X. форма заглавія Ἀλκμαίωv, о которой см. Нѣука Trag. gr. fr. p. 302, употреблялась, какъ показывается надпись, найденная въ Ἀθῆν. I, p. 5, l. 7; въ Венеціанской рукописи въ приведенномъ мѣстѣ σκωλίῃ написано Ἀλκμαίωv ὄνομα, почему Диндоръ предлагаетъ читать Ἀλκμαίωνα διὰ Κορίνθου; однако намъ кажется (однако простыми и вѣроятными предположеніемъ, что Ἀλκμαίωv ὄνομα произошло изъ дигографіи средняго слога въ Ἀλκμαίωv), Вѣхлисъ, очевидно, имъ имѣетъ неточную цитату изъ «Дидаскаліи»: такихъ выраженій, какъ τελευταίουτος Εὐριπίδου τὸν υἱὸν αὐτοῦ, конечно, не было въ «Дидаскаліяхъ». По тѣмъ же ирвандамъ и въ замѣткѣ argum.

5. При заглавіи каждой пьесы называется актеръ, игравшій въ ней главную роль.

6. Въ концѣ замітки о составленіи данного года обозначается, какой актеръ былъ признанъ лучшимъ изъ всѣхъ протагонистовъ, участвовавшихъ въ составленіи.

7. Въ этихъ памятникѣхъ сообщаются свидѣнія только о драматическихъ составленіяхъ, но ничего не говорится о лирическихъ; при этомъ свидѣнія относительно драматическихъ составленій представляютъ два отдѣльныхъ свода, соответственно двумъ видамъ драматическаго агона—трагическому и комическому.

Въ литературныхъ свидѣтельствахъ по исторіи греческой драмы источникъ свидѣній о времени постановки пьесъ, изъ первоначальныхъ заглавій и призвакъ, полученныхъ постами за известную тра-

Soph. Oed. Col. τὸν ἐπὶ Κελωνῆ Οἰδίκοιο ἐπὶ τετακτοῦρατος τῆ κίππῃ Σφοραλῆς ὁ οὐλοῖς εἰδῶρα, οἰε: ἔν Ἀριστοῦτος ми должны видѣть неточную, распространяемую поодвойшнимъ прибавлениемъ передачу дидактическаго извѣстія: къ числу таковыхъ прибавокъ относится, какъ опредѣленіе Ποτιῖος при заглавіи Γλαῖκος въ аргум. Aesch. Pers., такъ и опредѣленія ἢ ἐν Αὐλῖδι: и ὁ ἐπὶ Κελωνῆ въ только что приведенныхъ свидѣтельствахъ. Если еще Аристотель въ своей «Піитикѣ» иногда обходится безъ точнаго разграниченія заглавій омонимныхъ трагедій, то тамъ немыслимо въ правѣ ожидать полной опредѣленности въ этомъ отношеніи отъ спеціальныхъ документовъ, которыми историко-литературнымъ цѣли были чужды. Поэтому отсутствіе отличающаго опредѣленія, наприказъ, при заглавіи Ἰερῶντων Εὐρηπίδο въ эпиграфическомъ отчетѣ о составленіяхъ 341 года (Mittheil. d. deutsch. arch. Inst. III, стр. 412—Αθήναιον VI, стр. 476) ничего не говоритъ, конечно, противъ, но ничего не говоритъ и въ пользу мнѣнія В. Дандорфа, будто изъ двухъ «Пенгемій», дошедшихъ до насъ подъ именемъ Еврипида, на сцену поставлена была только одна—Таврическая». Но страшно, что этого же ученнаго, такъ часто напоминающаго о свойственной дидактикѣ неслоготѣ заглавій, основываетъ свое опредѣленіе времени постановки Сооклова «Эанта» Локрсаго, сколько можно понять, единственно на слѣдующемъ соображеніи (см. наприказъ Sophocl. fr. p. 120 in Poet. voan. gr. ed. V; такова же, впрочемъ, была, кажется, мысль Бенка, С. I. Gr. I p. 350): такъ какъ дошедшая до насъ трагедія Αἰε: нѣдала въ дидактикѣхъ (см. Argum. Αἰ.) только это простое заглавіе безъ всякаго опредѣленія, то слѣдовательно эта трагедія была поставлена ранѣе другаго «Эанта», который, какъ поодвойшній, уже нудался въ отлеченіи отъ своего болѣе древнаго омонима и потому былъ названъ не просто Αἰε:, а Αἰε: Λοκρός. Мы полагаемъ, что это основаніе — не основаніе, такъ какъ оба «Эанта», каковы бы ни были изъ хронологическія отношенія, въ дидактикѣхъ должны были называться одинаково—безъ всякихъ опредѣленій. Сложное заглавіе Αἰε: Λοκρός явилось, вѣроятно, тогда же, когда и заглавіе Αἰε: μετῆγοῦρος и по всей вѣроятности позже, чѣмъ Αἰε:τὸς δαιμότος.

гическую тетралогію или за известную комедію, обозначается заглавіемъ Διδασκαλίαι. Хотя, какъ мы увидимъ впоследствии, этотъ источникъ, которымъ пользовались древніе историки греческой литературы, и не представлялъ полного тождества съ тѣми эпиграфическими памятниками, отличительные признаки которыхъ только что указаны, несомнѣнно однако близкое сходство и сродство его съ послѣдними. Поэтому не было важной погрѣшностью со стороны Бекка то, что онъ удержалъ названіе „дидаскаліи“ за тѣми эпиграфическими памятниками, о которыхъ мы теперь говоримъ и которыя Беккъ могъ изучать только по единственному въ его время известному фрагменту (Cogn. Inscr. Graec. № 231). Прежде то же названіе употреблялось въ примѣненіи еще и къ нѣкоторымъ другимъ надписямъ С. I. Gr. №№ 229, 230); но Беккъ же, сколько намъ известно, первый доказалъ, что онѣ носятъ совершенно особый характеръ и ничего уже общаго съ дидаскаліями не имѣютъ.

Совершенно естественно, что, при крайней скудости матеріала, знаменитый эпиграфикъ впадалъ въ нѣкоторыя ошибки при объясненіи подробностей содержанія единственной въ своемъ родѣ надписи, въ которой онъ признавалъ дидаскалическій характеръ. Теперь эти ошибки легко могутъ быть исправлены при помощи нѣлаго ряда эпиграфическихъ фрагментовъ, найденныхъ въ послѣднее время известнымъ греческимъ эпиграфикомъ Кумандисомъ въ его Ἀθήνηαιον (VI, стр. 476 сл.) и нѣмецкимъ—Келеромъ (въ Mittheil. d. deutsch. arch. Inst. in Athen. III, стр. 112 сл. и стр. 257 сл.).

Въ своемъ устройствѣ эти новонайденные фрагменты представляютъ только то сколько нибудь существенное отличіе отъ Бекковской дидаскаліи, что въ нихъ полезна проведено разграниченіе свѣдѣній о трагодическихъ агонахъ отъ свѣдѣній объ агонахъ комодическихъ. Новые фрагменты принадлежатъ двумъ совершенно отдѣльнымъ одна отъ другаго памятникамъ, изъ которыхъ на одномъ начертана была краткая хроника трагедій, а на другомъ — такая же комедій. Это доказывается различною толщиной мраморныхъ плитъ, на которыхъ написаны были эти хроники: плита съ надписью о трагодическихъ агонахъ имѣетъ толщину въ 10 сантиметровъ (Köhler l. l. p. 112), всѣ плиты съ надписями о комодическихъ агонахъ имѣютъ толщину 20 сантиметровъ (Id. ib. p. 118). Ничего не сообщается издателемъ относительно свойствъ и размѣровъ того камня, на которомъ сдѣлана касающаяся комедій надпись, изданная Келеромъ ibi. l. p. 257; но, судя по тому, что пред-

помогается нѣ въ стр. 258 ¹⁾), нужно думать, что и этотъ камень нѣтъ ли не отличается отъ другихъ, содержащихъ замѣтки о комедическихъ агонахъ. Между тѣмъ надпись (C. I. Gr. № 231), издаваемая Беккетомъ по копіи Фурмонга ²⁾), говоритъ вмѣстѣ и о трагедіи и о комедіи, только свѣдѣнія объ этихъ двухъ различныхъ видахъ драмы раздѣлены въ этой надписи по различнымъ столбцамъ. Отсюда приходится заключить, что въ различные времена такого рода памятники устраивались въ этомъ отношеніи различно; то (вѣроятно, въ древнѣйшее время) какъ въ Фурмонтовской надписи ³⁾), въ устройствѣ ихъ допускалась, такъ сказать, чрезвычайность, то-есть свѣдѣнія о различныхъ видахъ сценическаго агона располагались на одномъ и томъ же памятникѣ только въ различныхъ столбцахъ, такъ что за столбцомъ, посвященнымъ хроникѣ трагедіи, слѣдовалъ столбецъ, наполненный свѣдѣніями о комедіи и т. д., — то показанія о различныхъ видахъ агона помѣщались на различныхъ, совершенно отдѣльныхъ одинъ отъ другаго памятникахъ.

Бѣкъ, опредѣляя свойства тѣхъ документовъ, которые онъ называлъ *didascalіями* и образчики которыхъ онъ выдѣлъ въ Фурмонтовской надписи, выставилъ положеніе ⁴⁾), что *didascalіи* устраивались непосредственно послѣ того состязанія, къ которому онѣ относились. Это положеніе не оправдывается новонайденными *didascalіи*ческими фрагментами. Самый древній изъ нихъ говоритъ о состязаніяхъ, бывшихъ въ 341 — 339 годахъ до Р. X., а написанъ этотъ

¹⁾ Ich vermuthe, dass das vorstehende Fragment seinen Platz über dem Bruchstück c hatte in der Weise, dass die erste Columne von e der Fortsetzung der zweiten Columne des neu hinzugekommenen Fragmentes angehörte.

²⁾ Новая копія, сдѣланная Питтакисомъ и известная намъ по Rang. Ant. ell. n. 970, несколько не помогаетъ пониманію памятника. Исправить, очевидно, описъ у Le Bas et Waddington, *Attique*, n. 507.

³⁾ Эту надпись пришло бы отнести къ очень позднимъ временамъ, если бы въ ней (столбецъ 2-й, стр. 10) въ самомъ дѣлѣ находилась показываемая описѣ Питтакиса формула *ἐκὶ ἀρχαῖος* —; но болѣе чѣмъ вѣроятно, что и въ томъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, греческій эпиграфистъ сообщаетъ не то, что онъ выдѣлъ, а то, что онъ думалъ, списывая надпись: Фурмонгъ и Le Bas-Waddington въ соответствующемъ мѣстѣ своихъ копій даютъ только начертаніе ΠΙΑΡΧΗ.

⁴⁾ Corp. inscr. gr. I p. 350. Vetustissimae didascalіae ipsae his temporibus publice confectae sunt, quibus il docebant, quorum opera didascalіae commemorant. p. 351 Бѣкъ не находитъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы надпись n. 231 etiam illa et vetusta didascalіa videatur.

фрагментъ, какъ по палеографическимъ основаніямъ полагаетъ Келлеръ (I. с. р. 114), лишь въ половинѣ III вѣка до Р. X. Слѣдовательно здѣсь промежутокъ времени между совершеиіемъ факта и записью о немъ на камиѣ равняется приблизительно столѣтію. Неточность Бѣккова опредѣленія произошла отъ того, что онъ не различалъ дидаскалій въ смыслѣ архонтскихъ актовъ, относившихся къ извѣстнымъ составаніямъ извѣстнаго года ¹⁾ и предназначавшихся, можетъ быть, для представленія къ отчету, а затѣмъ для сдачи въ архивъ, отъ дидаскалій въ смыслѣ надписей, которыя, находясь на памятникахъ, украшавшихъ окрестности театра Діонисова (см. Köhler I. с. р. 112), имѣли цѣлью увѣковѣченіе славнаго прошлаго аттической сцены. Первыя, то-есть отдѣльныя записи относительно составаній каждаго отдѣльнаго года, составлялись, безъ сомнѣнія, каждая сразу послѣ того составанія, котораго касалась; вторыя, представлявшія сводъ извлеченій изъ первыхъ, могли составляться и — какъ мы теперь знаемъ — дѣйствительно составлялись гораздо позже тѣхъ событій, о которыхъ въ нихъ говорилось. Чтобы не давать повода къ недоразумѣніямъ, лучше, кажется, обозначить два эти вида записей различными названіями. Слово *διδασκαλία* въ единственномъ числѣ въ томъ смыслѣ, какой теперь мы можемъ принимать въ соображеніе, означаетъ отдѣльную замѣтку объ отдѣльномъ исполненіи лирической или драматической пьесы: но то, что мы имѣемъ въ надписяхъ, представляетъ не такія отдѣльныя самостоятельныя замѣтки, а отрывки хронологически расположеннаго сборника замѣтокъ за цѣлый рядъ годовъ. Поэтому правильнѣе будетъ называть интересующія насъ надписи не просто дидаскаліями, а фрагментами эпиграфическаго свода дидаскалій.

¹⁾ Единственнымъ (но и то не аттическимъ) образчикомъ эпиграфической дидаскаліи, относящейся къ одному извѣстному году, могла бы, повидимому, считаться надпись, приведенная Людерсомъ (*Luders, Die Dionysischen Künstler, Berl. 1873, p. 187 sq.*) подъ № 112. Съ дидаскаліями роднитъ ее то, что въ ней перечисляются не побѣдители только (*οἱ νικηφόροι* *ibid.* № 109, *οἱ νικηθέντες* № 110), какъ въ томъ разрядѣ эпиграфическихъ документовъ, о которыхъ мы тотчасъ будемъ говорить, а всѣ участники составанія (*οἱ τοῦ ἡρωισμοῦ*, № 112, строка 6), какъ въ дидаскаліяхъ. Однако, намъ кажется, Фукиръ (*Foucart, De collegiis acaemi-corum atticis apud Graecos p. 62*) совершенно правъ, когда полагаетъ, что въ агонѣ, о которомъ идетъ рѣчь въ этой надписи, не было ни побѣжденныхъ, ни побѣдителей потому, что весь агонъ былъ совершенъ членами одной Діонисіевой художественной артели. А если это такъ, то понятно, что эта надпись только случайно получила одинъ изъ признаковъ дидаскаліи.

рядъ надписей, касающихся исторіи аттической драмы, являющихся въ этихъ надписяхъ зачатки относятся къ дѣламъ и расположены, также какъ въ эпитафическомъ надписи, хронологически, съ обозначеніемъ архонтовъ эпохи.

Въ этихъ надписяхъ говорится не только о сценическихъ, но и о мусическихъ, бывавшихъ въ праздники Діониса.

Въ этихъ надписяхъ перечисляются не всѣ участники состязаній, а только побѣдители.

Въ этомъ, въ качествѣ побѣдителей называются не только артисты (актеры), но также—и прежде всего—филы (поэты) и хористы (хористы) произведеній, посредствомъ которыхъ побѣды были достигнуты.

Въ этихъ надписяхъ называются не только побѣдители, но и ихъ имена.

Въ этихъ надписяхъ упоминаются не только имена побѣдителей, но и ихъ имена, какъ въ аттической драмѣ, такъ и въ мусической драмѣ.

Въ этихъ надписяхъ упоминаются не только имена побѣдителей, но и ихъ имена, какъ въ аттической драмѣ, такъ и въ мусической драмѣ.

Въ этихъ надписяхъ упоминаются не только имена побѣдителей, но и ихъ имена, какъ въ аттической драмѣ, такъ и въ мусической драмѣ.

Въ этихъ надписяхъ упоминаются не только имена побѣдителей, но и ихъ имена, какъ въ аттической драмѣ, такъ и въ мусической драмѣ.

Въ этихъ надписяхъ упоминаются не только имена побѣдителей, но и ихъ имена, какъ въ аттической драмѣ, такъ и въ мусической драмѣ.

Въ этихъ надписяхъ упоминаются не только имена побѣдителей, но и ихъ имена, какъ въ аттической драмѣ, такъ и въ мусической драмѣ.

Въ этихъ надписяхъ упоминаются не только имена побѣдителей, но и ихъ имена, какъ въ аттической драмѣ, такъ и въ мусической драмѣ.

Въ этихъ надписяхъ упоминаются не только имена побѣдителей, но и ихъ имена, какъ въ аттической драмѣ, такъ и въ мусической драмѣ.

Въ этихъ надписяхъ упоминаются не только имена побѣдителей, но и ихъ имена, какъ въ аттической драмѣ, такъ и въ мусической драмѣ.

1) Приведена выше, стр. 614.

за Перикла великаго, ни даже за сына этого Перикла, а полагали что тутъ упоминается потомокъ знаменитаго государственнаго чело-вѣка, жившій въ IV вѣкѣ; при этомъ приходилось, конечно, прибѣгать къ невѣроятному предположенію, что констелляція блистательнѣйшихъ именъ V вѣка появилась еще разъ почти въ томъ же видѣ и въ IV вѣкѣ, то-есть что кромѣ знаменитыхъ комика Магнита и трагика Эсхила, которые въ V вѣкѣ были современниками другъ другу и оба современниками Перикла, въ IV вѣкѣ существовали другіе, неизвѣстные намъ комикъ Магнитъ и трагикъ Эсхилъ, которые опять были современниками другъ другу и имѣли современникомъ какого-то Перикла. Но теперь, когда извѣстно, что дидаскалическія надписи могутъ быть на цѣлое столѣтіе моложе тѣхъ официальныхъ актовъ, изъ которыхъ заимствовано ихъ содержаніе, нѣтъ никакого основанія удивляться тому, что и списокъ побѣдителей, составленный въ IV вѣкѣ касается фактовъ V вѣка, тѣмъ болѣе, что и другой фрагментъ (изданный Келеромъ I. I стр. 107), перечисляющій побѣдителей V вѣка, какъ показываетъ его орѳографія, составленъ не равнѣ половинъ IV вѣка. Такимъ образомъ устраняется единственное, какъ кажется, основаніе опасаться съ Фр. Лео (Rheinisches Museum XXXIII стр. 143), что эпиграфическое свидѣтельство о побѣдахъ Магнита и Эсхила, есть древнѣйшій фальсификатъ и, подобно Кокку (Comisogum Graecorum fragmenta v. I p. 7), называть этотъ интересный эпиграфическій обломокъ *obscurum et dubiae fidei*.

Келеръ (I. I. p. 106, sq.), въ объясненіе этой надписи, повторяя отчасти высказанное уже Ф. Лео (Mus. 33, p. 144), строитъ такого рода комбинацію; „Эсхилъ умеръ въ 456 г.; за два года передъ тѣмъ, въ 458 г., онъ посредствомъ „Орестинъ“ одержалъ послѣднюю свою побѣду въ Аеннахъ; но при этомъ агонѣ хоръ для Эсхила, какъ мы знаемъ изъ сохранившейся [въ іѳодѣозѣ къ „Агамемнону“] дидаскаліи, снаряжалъ не Периклъ, а Ксеноклъ. Поэтому агонъ, упоминаемый въ надписи, долженъ падать на время до 458 года. Плутархъ (Pericl., 16), какъ я думаю, по Теопомпу, сообщаетъ, что Периклъ въ продолженіе 40 лѣтъ принималъ участіе въ общественной жизни. Это показаніе можно объяснить себѣ только такъ, что въ преданіи, и при томъ, какъ показываетъ самая сущность дѣла, въ преданіи документальномъ, около 469 г. Периклъ впервые назывался въ качествѣ ка-когонибудь официального лица. Весною 467 г. Эсхилъ одержалъ побѣду посредствомъ „Семи противъ Фивъ“. Поэтому я предполагаю, что это-то и былъ тотъ агонъ, въ которомъ Эсхилъ, имѣя хоригонъ

Перикла, составился одновременно съ Магнитомъ, и что отсюда-то выведено показаніе, будто Периклъ, кругленьк счетишь, 40 лѣтъ принималъ участіе въ общественной жизни. Если это предположеніе основательно, то отсюда слѣдуетъ, что въ Афинахъ въ 78 Олимпиаду комедія была уже официально признанною частью Діонисійскаго праздника¹.

Въ этихъ соображеніяхъ, конечно, много произвольнаго. Показаніе Плутарха или Θεωμονα могло быть основано на данныхъ, ничего общаго съ трагическими херягами не имѣющихъ, а потому изъ него можно выводить (какъ это и дѣлалъ Leo I. I., стр. 144) то лишь заключеніе, что агонъ, о которомъ повѣствуетъ наша надпись, происходилъ, во всей вѣроятности, не раньше 469 года. На основаніи того, что намъ сообщаютъ о жизни Эскила, позволительно предпологать, что этотъ агонъ состоялся не позже 459 года; но нѣтъ никакой необходимости приурочивать его непременно къ 467 г., такъ какъ мы лишены всякой возможности утверждать, что между 469 и 459 гг. Эскилъ не одержалъ никакой иной побѣды, кроми той, которую доставили ему „Семь противъ Фивъ“.

Разбираемый нами фрагментъ не составлялъ начала эпиграфическихъ „Διονυσιακά“: это видно изъ того, что не на немъ начинается заглавіе наматинна²), но, во всей вѣроятности, онъ находится близко къ началу, такъ какъ Магнитъ былъ, кажется, вторымъ во времени изъ тѣхъ аттическихъ комиковъ, хронологія которыхъ могла быть установлена на основаніи документальныхъ данныхъ. Такъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ Аристотелевской „Піитики“ (гл. 3, стр. 1448 г.), которая, хотя, можетъ быть, и не принадлежитъ самому Аристотелю, во всякомъ случаѣ могли быть внесены въ его текстъ только интерполаторомъ весьма древнимъ и весьма знающимъ: τῶν μὲν γὰρ κωμῳδῶν οἱ Μάγνης (ἀντικειμένῳτι) οἱ τε ἀντιῶνα, ὅς ἐκὶ τῶν παρ' αὐτοῦς εὐποροῦσιν γινόμενοι, καὶ οἱ ἐκ Σικαλίας, ἀκρίβην γὰρ ἦν Ἐπίχουρος ὁ ποιητὴς κολλᾷ κριτέρος ἐν Χιονίδῳ καὶ Μάγνηςος. Въ недомедшемъ до насъ началѣ эпиграфическихъ „Διονυσιακά“ означены были вѣроятво еще одна³) или нѣсколько побѣдъ Магнита и во всякомъ случаѣ одна или нѣсколько побѣдъ Хюнида. Побѣдою этого поэта

¹) Сверху нашего фрагмента сохранилось нѣсколько начертаній (ΟΗ ΚΩΜΟΙ ΝΕΑΝ Τ), составлявшихъ, конечно, продолженія, а не начало заглавія.

²) По свидѣтельству Свиды, Магнитъ одержалъ двѣ побѣды, а не Анономъ, іе Соμοод.—одинадцатъ.

начинался списокъ Діонисійскихъ побѣдителей-комиковъ. Ранѣе этого комика въ официальныхъ записяхъ не называлось никакого другаго: потому-то (а не потому, что онъ *omnium antiquissimus fuit quorum et scriptae et artificiosius excoltae fuerunt comoediae* ¹⁾) Хіониду дается первое мѣсто между аттическими комиками въ приведенномъ мѣстѣ „Пинтики“ и потому-то у Свиды (с. Χιονιδης) мы читаемъ о Хіонидѣ: *ὄν καὶ λέγουσι πρωταγωνιστὴν γενέσθαι τῆς ἀρχαίας κωμῳδίας*. Здѣсь слово *πρωταγωνιστὴν*, намъ думается, употреблено вмѣсто *πρῶτον ἀγωνιστὴν*, то-есть, по вашему мнѣнію, Хіонидъ, какъ предполагалъ, кажется, уже Мейнке (Hist. com., 36), былъ побѣдителемъ на первомъ правильно устроенномъ комодическомъ агонѣ въ Афинахъ, агонѣ официальной, а не агонѣ τῶν ἑθελοντῶν; такимъ образомъ только начиная съ Хіонида, аттическая комедія имѣла твердую, официальными записями засвидѣтельствованную хронологію. Начало официальныхъ комодическихъ агоней въ Атиѣ пришлось бы отнести къ очень древнему времени, если бы нужно было доверять той части показанія Свиды (с. Χιονιδης), по которой Χιονιδης ἰδὲ αὖτις ἔτατον ὄντα πρὸ τῶν Περσικῶν, и въ такомъ случаѣ пришлось бы предполагать въ спискѣ Діонисіониковъ существованіе весьма и весьма значительнаго промежутка между началомъ и той сохранившейся его частью, которая говоритъ о побѣдѣ Магнита: трудно представить себѣ, побѣдами какихъ комиковъ могъ бы быть наполненъ такой промежутокъ. Но уже Мейнке (р. 27), справедливо отвергъ эту Свидовскую хронологію, которая прямо противорѣчитъ показанію „Пинтики“, косвенно подтверждаемому и самимъ Свидой с. Μάγνης (ἀκρίβειαν δ' Ἐπιχάρμης νόος κρᾶσθῆναι).

Такъ какъ часть списка, упоминающая о Магнитѣ и, очевидно, принадлежавшая почти къ самому началу списка, по опредѣленію Белера (стр. 106), должна быть написана не ранѣе половины IV вѣка, но не могла быть написана много позднѣе этого времени, а другая часть списка, перечисляющая побѣдителей на состязаніяхъ 422—1 годовъ, по убѣжденію того же эпиграфика (стр. 108), написана также не ранѣе половины IV вѣка, то можно было бы съ вѣроятностію предполагать, что памятникъ со спискомъ побѣдителей поставленъ былъ по инициативѣ Ликурга, того Ликурга, который съ такимъ уваженіемъ относился къ произведеніямъ драматической поэзіи и такъ много заботъ приложилъ къ устройству мусической части

¹⁾ Meibnke. hist. com. gr., p. 28.

аттическихъ праздниковъ: достроилъ театръ Дюнисовъ, поставилъ статуи Эсхила, Софокла и Еврипида, учредилъ каноническіе экземпляры произведеній этихъ трагиковъ, возобновилъ комедическій агонъ для праздника Хэброу, далъ уставъ состязаніямъ кикладскихъ хоровъ, совершавшимся въ Пирей въ честь Посидона (Pz. Plat. X orati. vitt. p. 841 sq.). Однако такому предположенію ¹⁾ противорѣчатъ голословное ²⁾ и потому самому не допускающее возраженій утвержденіе Келера, будто часть списка, тракующая о состязаніяхъ 1 волюнам IV вѣка и по начертаніямъ относится къ тому же времени. Если это такъ, то значить 1) памятникъ, содержащій на себѣ списокъ Дюнисіониковъ, поставленъ былъ задолго прежде, чѣмъ Инкуртъ сдѣлался государственнымъ казначеемъ; 2) на этотъ памятникъ занесены были сперва свѣдѣнія о самыхъ новыхъ, самыхъ послѣднихъ состязаніяхъ, а потомъ уже послѣ половины IV вѣка — добавленъ и отчетъ о состязаніяхъ V вѣка вѣстѣ съ общимъ для всего списка заглавіемъ. Какъ ни мало вѣроится этотъ второй выводъ, приходится принимать его до тѣхъ поръ, пока не будутъ опровергнуты палеографическія опредѣленія Келера.

Фрагментъ списка побѣдителей, изданный Келеромъ на стр. 109 дополняетъ наши свѣдѣнія о комедической хоригіи. На основаніи прежде извѣстныхъ данныхъ ³⁾ можно было полагать, что вскорѣ послѣ архонства Евклида ⁴⁾ совершенно отгнѣнена была хоригія для комедій. Между тѣмъ нашъ эпиграфическій фрагментъ, какъ кажется, правильно относимый издателемъ во времена около 370 г., все еще называетъ хориговъ не только для лирическихъ хоровъ и трагедій,

¹⁾ По которому время основанія памятника Дюнисіонскихъ побѣдителей должно бы отнесать, съ наибольшимъ вѣроятіемъ, къ періоду между Ol. 111, 3 и 113, 3. Ср. k. Curtius, въ Philol. 24, стр. 281.

²⁾ Стр. 109: Die Inschrift, die ich nur ein Mal gesehen habe, schien mir damals aus der ersten Hälfte des vierten Jahrhunderts zu stammen.

³⁾ Schol. Ar. Ran. 404 ἐπί — τοῦ Καλλίου τούτου (архонтъ 406—5 года) φησὶ Ἀριστοτέλης ἐτι σύνθεο ἔδοξε χορηγῶν τὰ Διονύσια τοῖς τραγῳδοῖς καὶ κωμικοῖς. ὅτε ἴσως ἦν τις καὶ περὶ τὸν Διονυσίον ἀγῶνα σπουδαῖα, χορῶν δ' ἕτερον οὐ καλλῆρον καὶ κατὰκτὸν περὶ τὰ Κλησίου τὰς χορηγίας. Cf. Platon. κ. ἀμφ. κωμ. § 8 Bergk.

⁴⁾ Bernhardt Grundr. d. Griech. Liter. II, 2, 3, стр. 583. Das letzte Datum einer Liturgie fällt in Ol. 94, 2: Lysias or. 21, 4 ἐπί δὲ Εὐκλείδου ἀρχοντος κωμικοῖς χορηγῶν Κλησιόδοτον ἐνίκων. W. Dindorf, Poet. Sc. Gr. ed. V, Vit. Arist. p. 28 пользуется, какъ доказаніемъ, положеніемъ, что въ IV вѣкѣ не было хоригіи для комедій.

но и для комедіи. Такъ какъ въ этой надписи названъ одинъ хоригъ для комедіи, то отсюда слѣдуетъ заключить, что по отміѣи предложеннаго Квинсіей постановленія, уничтожавшаго комодическую хоригію, послѣдняя восстановлена была въ своемъ первоначальномъ видѣ, а не въ томъ, какой приданъ былъ ей въ архонство Калліи, когда бремя каждой отдѣльной хоригіи стали распределять между двумя лицами. Такого дѣленія хоригіи не существовало и въ то время, къ которому относится V рѣчь Исая: явче ораторъ, говоря (§ 36) о неудачномъ исполненіи хоригіи противникомъ своего кліента, едвали бы упустилъ случай замѣтить, что этотъ противникъ имѣлъ еще себѣ помощника въ дѣлѣ спарженія хора.

Для точности выводовъ, какіе, могли бы быть сдѣланы относительно исторіи драмы, изъ эпиграфическаго списка Діонисійскихъ побѣдителей, важно знать, къ какому изъ двухъ главныхъ сценическихъ праздниковъ аонисскихъ относится каждый данный фрагментъ списка.

Келеръ (стр. 110) относитъ всѣ фрагменты къ городскимъ Діонисіямъ по слѣдующимъ основаніямъ: 1) высшимъ моментомъ праздника въ спискѣ является трагическій агонъ (то-есть говоря проще трагодическій агонъ называется на послѣднемъ мѣстѣ), между тѣмъ существованіе представленій новыхъ трагедій на Ливнахъ, по крайней мѣрѣ для V вѣка, не можетъ быть доказано; 2) въ фрагментѣ списка, относящемся, по содержанію, къ 422 г. (Köhler, стр. 107)¹⁾, побѣдителемъ въ комодическомъ агонѣ названъ какой то поэтъ, котораго имя оканчивалось на *ος*; а изъ *ὀκόθασος* къ Аристофановымъ „Осамъ“ мы знаемъ, что на Ливнахъ 422 года побѣда одержана была Филонидомъ; 3) сравнительно съ Діонисіями Ливнеи, по блеску празднованія и знаменитости, во всѣ времена стояли на второмъ планѣ.

Но первый изъ этихъ доводовъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если считать ошибочнымъ извѣстное, сохраннымъ Аеннеемъ (V, р. 217 а) показаніе о времени первой побѣды трагика Агаэона: *ὄτα—'Αγάθων ἐνίκη, Πλάτων ἦν τσοαρασκαίδεα ἐτών' ὁ μὲν γὰρ ἐκὶ ἀρχοντος Ἐβφήμοσ σταφαιούται Δηναίος, Πλάτων δὲ γαννῆται ἐκὶ Ἀπολλοδώροσ τοῦ μετ' Εὐθρόδημον ἀρκαντος*. Такого точнаго и имѣющаго въ себѣ всѣ признаки документальной достовѣрности свидѣтельства нельзя опровергать, какъ дѣлаютъ это между новыми исследовате-

¹⁾ Приведемъ выше, стр. 616.

днн Мадвигъ *) и одинъ изъ новѣйшихъ толкователей Платона „Пира“, Реттингъ †), указавшихъ на пролически преувеличенный элементъ Платоновскаго Сократа Агаѳону (Symр. 175 E): ἡ δὲ σὴ (σφία) λαμπρὰ τε καὶ πολλὰν ἐκίθεισιν ἔχουσα, εἰ γε κατὰ σοὸ νόμο οὕτως ὅπως σφόδρα εἰλάμψε καὶ ἀκυφανὴς ἐγένετο κρήνη ἐν μέρτοι τῶν Ἑλλήνων κλίον ἢ τρισμορίουс. Реттингъ по поводу этого мѣста разсуждаетъ: Da durch unsere Stelle der Sieg des Agathon ins glänzendste Licht gestellt werden soll, so weist schon dieser Umstand darauf hin, dass der Sieg an den städtischen Dionysien errungen wurde und nicht an den Lenäen. Noch bestimmter geht dies aber aus der Beziehung auf Anwesenheit von Fremden (Ἑλλήνων) in unserer Stelle hervor, welche durch die Stelle in Aristophanes Acharnern v. 504 ff. an den Lenäen geradezu angeschlossen werden“. Такимъ образомъ аргументація въ концѣ концовъ сводится къ свидѣтельству Аристофана объ отсутствіи иностранцевъ на Линаяхъ. Но намъ кажется, что вообще болѣе, чѣмъ должно, изслѣдователи придаютъ значенія этимъ словамъ комика (Acharn. 502 сл.):

οὐ γάρ με νῦν γε διαβαλεῖ Κλέων, ὅτι
 εἶναι παρόντων τὴν πόλιν κακῶς λέγει.
 αὐτοὶ γάρ ἴσμεν οὐκ Ἀθηναίῃ τ' ἄγον,
 καὶ οὕτως εἶναι παροῦσιν ὅπως γὰρ φόροι
 ἤχουσαν οὐτ' ἐκ τῶν πόλεων οἱ ἔθρυμαχοι.
 ἀλλ' ἴσμεν αὐτοὶ (ἄστοι?) νῦν γε παρεκτιομένοι.
 τοὺς γὰρ μετοίκοις ἔχορα τῶν ἀστῶν λέγει.

Выводя отсюда, что на Линаяхъ театръ былъ наполненъ только Афинянами, забываютъ, что Аристофанъ имѣетъ въ виду время войны, когда въ иностранцевъ въ Афинахъ могли подвѣяться только дачники или союзники Аѳинскіе, да и тѣ могли приходить туда только моремъ: тогда, вѣроятно, трудно было на Линайскомъ праздникѣ, во время неудобное для мореплаванія, увидѣть въ Афинахъ много иностранцевъ. Но нѣтъ никакого основанія полагать, что такъ же бывало и въ мирныя времена, когда сухопутныя границы Аттики не были ограждены враждебно настроенными сосѣдями. Если бы отсутствіе „Эллиновъ“ на Линаяхъ было такимъ зауряднымъ, неизбежно повто-

*) Kleine philol. Schriften, стр. 442. См. также Dindorf. Sophoclis perditarum fabularum fragmenta. Oxon. 1860, p. LI. LII.

†) Platons Symposion erklärt von Rettig. Halle 1876, стр. 88. Ср. стр. 63 и 368.

рящимся явленіемъ, которое само собою разумѣется, то Аристофану не нужно было бы такъ обстоятельно доказывать, что Линэйская публика, присутствующая при представленіи Ахаридцевъ, не заключаетъ въ себѣ иностранцевъ, тогда не было бы нужды въ этихъ словахъ: *κοῖται ξένοι—ἑπίμαχοι* ¹⁾. Разница между городскими Діонисіями и Линейми могла состоять въ томъ, что на первыхъ иностранцевъ присутствовало, вообще говоря, больше, чѣмъ на вторыхъ; но никакъ нельзя утверждать, что въ праздникъ Линей въ театрѣ не допускали никого кромѣ атиковъ. Известно ²⁾, что именно на Линейхъ, въ противоположность городскимъ Діонисіямъ, метики могли быть и хоревтами и хоригами; поэтому темные и, можетъ быть, испорченные 507 — 8 стихи „Ахаридцевъ“ могутъ заключать въ себѣ только ту мысль, что для Аристофана *οἱ μέτοχοι* не суть *ξένοι*, а составляютъ необходимое дополненіе къ „гражданамъ“: но если Аристофанъ для своей цѣли считалъ возможнымъ не различать метиковъ отъ гражданъ, то не съ большимъ ли еще правомъ могъ Платонъ публику, состоящую изъ атическихъ гражданъ и метиковъ, которые, хотя отчасти, были эллинскаго происхожденія, назвать Эллинами, хотя бы даже въ ней и не находилось такихъ Эллиновъ, которые не были бы жителями Атики?

Несомнѣнное доказательство отсутствія трагическаго агона на праздникъ въ Линей въ V вѣкѣ и началѣ IV-го, Келеръ (стр. 132 сл.) находитъ въ двухъ аеинскихъ декретахъ относительно награды, пожалованныхъ аеинскимъ народомъ нѣкоторымъ иностранцамъ, оказавшимъ выдающіяся услуги аеинскому государству (*Corpus inscriptionum atticarum* I, 59 и II, 10^a, стр. 397). Въ первомъ декретѣ (410 г.)—

¹⁾ Та же слова довольно сильно говорятъ противъ еястастическаго предположенія Мюллера-Стрюбинга (*Philologus*, IV, Supplementband, стр. 46), будто въ Аеинахъ для коническихъ представленій на городскихъ Діонисіяхъ существовалъ законъ, запрещающій осмѣиваніе аеинскаго государственнаго устройства. Этотъ запрещеніемъ повсемно какъ бы разрешалось *κωμῆσαι τὴν πόλιν καὶ τὸν ἄριστον καθ' ἑσπερίαν* на Линейхъ. Но если бы Аристофанъ взглянулъ въ виду, какъ думаетъ М.-Стрюбингъ, такое запрещеніе, то для того чтобы показать, что въ данномъ случаѣ это запрещеніе не нарушается, совершенно достаточно было бы словъ *οὐκ ἄνευ τ' ἑὐν* и бессмысленно излишня была бы прибавка *κοῖται ξένοι—ἑπίμαχοι*; наоборотъ въ стт. 830 сл. была бы страшная недомолвка, если бы Аристоф. (или Каллистратъ) обвинялся не за то, что онъ осмѣиваетъ народъ Аеинскій, а за то, что онъ дѣлаетъ это на Діонисіяхъ, а не на Линейхъ.

²⁾ Ср. *Die Acharner des Aristophanes*. Griech. u. Deutsch mit Anmerkungen von W. Ribbeck., стр. 124.

говорятъ Келеръ—часть камня, содержащая формулу, которая должна имѣть рѣшающее въ нашемъ вопросѣ значеніе, почти совершенно обломана; однако-де пространственныя отношенія надписи, словупотребленіе и имѣющіяся аналогіи необходимо ведутъ къ такому дополненію (въ строкахъ 12—14): καὶ [ἀνακαίῃ τὸν χῆροκα τραγῳδῶν τῆ] ἀγῶν ἔν [ἐν] [ἀνακα αὐτὸν ὁ δῆμος ἀσφαπάνω]. Во второмъ декретѣ (393 г.) сохранившіеся слѣды начертаній ведутъ къ такому будто бы дополненію: ὁ δὲ κ[ῆ]ρο[ς] ἀναγορευοῦται ἐν τῆ θιάτρῳ]. δε[α]ν ο[ι] τραγῳδοῖσι ἔτι δεῖ ὁ δῆμος ὁ 'Αθηναίων Ἐδαυροῖσαν ἀσφανοῖ ἀρετῆς ἐνεκεν]. Отсюда-де получается несомнѣнный выводъ, что до 393 г. на Ливняхъ трагедіи не ставились; только при этомъ-де предположеніи можно себя объяснить то обстоятельство, что ина праздника, въ который должно совершиться провозглашеніе о наградѣ, въ этихъ декретахъ вовсе не называется. Такова аргументація Келера. На нашъ взглядъ она далеко недостаточна для доказательства того, что хочеть доказать ученый эпиграфикъ. Положимъ, что въ этихъ декретахъ не обозначается праздникъ, въ который должно совершиться провозглашеніе, но точно также въ нихъ, какъ и во всѣхъ имъ подобныхъ, не означается годъ провозглашенія: какъ, не смотря на отсутствіе этого послѣдняго обозначенія, само собою было понятно, что провозглашеніе награды должно совершиться въ тотъ же самый годъ, когда состоялось постановленіе о дарованіи наградъ, точно также при отсутствіи обозначенія праздника, само собою должно было быть понятно, что имѣется въ виду ближайшій изъ двухъ праздниковъ, совершаемыхъ цѣлымъ народомъ афинскимъ и соединенныхъ съ трагическими агоніями, тѣ-есть, смотря по обстоятельствамъ, или городскія Діонисіи, или Ливвѣи. Еще болѣе разсужденія Келера теряютъ въ своей доказательности, если мы обратимъ вниманіе на то, что предложенное имъ въ первомъ декретѣ дополненіе [ἀνακαίῃ τὸν χῆροκα τραγῳδῶν τῆ] ἀγῶν вовсе не есть необходимое и можетъ быть замѣнено другимъ, совершенно равнымъ ему по числу буквъ и одинаково подходящимъ по смыслу: [ἀνακαίῃ Διονυσίῳν τραγῳδῶν τῆ] ἀγῶν¹⁾. Если бы

¹⁾ Διονυσίῳν въ занимающей насъ надписи дополнилъ уже Кирхгофъ. Διονύσια безъ опредѣленія въ смысле Διονύσια τῆ ἐν δεῖσι или Δ. τῆ μετὰ, какъ известно, очень обыкновенно. Въ С. I. A. II, 481, 63 Келеръ въ транскрипціи даетъ Διονυσίῳν [τῶν μετὰ] τῆ κληροῖ [ἀγῶν], но съ начертаніями его копія и развѣржка обозначенной имъ записи, какъ кажется, было бы чтеніе Διονυσίῳν [τραγῳδῶν] τῆ κληροῖ [ἀγῶν]. Сравни № 478 d. Διονυσίῳν τραγῳδῶν τῆ κληροῖ ἀγῶν.

Келеровскимъ дополненіемъ въ самомъ дѣлѣ исключалось существованіе ливійскихъ трагодическихъ агоней въ V вѣкѣ, то мы считали бы это наше дополненіе необходимымъ, такъ какъ при немъ только мы оставались бы въ согласіи съ Аеннеевымъ свидѣтельствомъ о Ливійской побѣдѣ Агаѳона, свидѣтельствомъ, которое могло быть почерпнуто только изъ документовъ вислолько не менѣе достовѣрныхъ, чѣмъ какіе бы то ни было декреты. Вѣдь предположеніе Реттига (стр. 63), будто въ этомъ свидѣтельствѣ подробность *Διυαίου* путемъ комбинаціи выведена изъ словъ Платона (*Supr.*, 223 c) ¹⁾ уже потому въ высшей степени невѣроатно и иротивно всякой методѣ, что въ данномъ мѣстѣ Аенней слѣдуетъ автору, который, самъ отличаясь рѣдкой хронологической и дидактической (см. *Athen.* 216 d. 218 bc.) ученостью, враждебно относится къ Платону, уличаетъ философа въ пренебреженіи къ хронологіи, въ грубыхъ анахронизмахъ.—Итакъ, по нашему мнѣнію, положеніе, что въ V вѣкѣ трагодическій агонь былъ принадлежностію какъ Діонисійскаго, такъ и Ливійскаго празднества, стоитъ и послѣ разсужденій Келера, такъ же твердо, какъ стоялъ до нихъ ²⁾. Что касается до IV вѣка, то, если бы восстановленная Келеромъ формула декрета 393 года допускала то только толкованіе, какое даетъ ей этотъ ученый, пришлось бы признать, что около 398 года, можетъ быть въ связи съ другими ограниченіями пышности сценической части празднествъ, предложенными Кинесіей, былъ отмѣненъ существовавшій въ V вѣкѣ трагодическій агонь для Ливіи. Но и въ такомъ случаѣ мы имѣли бы право и почти обязанность предполагать, что вскорѣ послѣ 393 года, когда отмѣнены были другія стѣснительныя для драмы мѣры, восстановленъ былъ и этотъ

¹⁾ Хотя, разумеется, и эти слова сами по себѣ кое-что говорятъ въ пользу предположенія Ливійской побѣды Агаѳова. См. Boeckh, *Kl. Schr.* V, стр. 76*: «Es wird von Platon die Länge der Nächte ohne nähere Veranlassung hervorgehoben; welches nur durch eine sehr bedeutende Länge motivirt ist, wie im Winter-solstitium».

²⁾ Малочисленность и бѣдность свидѣтельствъ не дозволяютъ такія точныя и подробныя опредѣленія исторіи Ливійскихъ составаній, какія даетъ Schermerl (*Qu. Ath. d. f. fab. in sc. comm.* 8., p. 47): *Lenaels — primo cum neque Dionysia urbana neque comoediae publico usu recepta essent, singulae tragoediae, tum tetralogia inventa tantummodo comoediae et inde ab anno fere 420 deinceps praeter comoedias singulae tragoediae [in scaenam committabantur].* Главнымъ основаніемъ къ возможно наибольшему ограниченію разсужденій Ливійскихъ составаній служить для г. Шнераа соображеніе (p. 10 sq.), что въ праздники Ливіи въ Аеннаѣ было еще слишкомъ холодно.

трагическiй агонъ. Однако, нѣтъ основанiя принимать гипотезу Келера и съ этими ограниченiями, такъ какъ то толкованiе формулы декрета, на которомъ она основана, не есть единственно возможное. Эта гипотеза кажется намъ мало вѣроятною еще и по слѣдующему соображенiю: Ифигенiя Авлидская, Алкмеонъ и Вакханки Еврипида были поставлены послѣ смерти этого трагика, но, конечно, не много спустя послѣ нея, то-есть, во всей вѣроятности, ранѣе 393 г., или, что не менѣе вѣроятно, вскорѣ послѣ этого года; между тѣмъ дидаскалическая записка объ этихъ пьесахъ (Schol. Ar. Ran., 67) заявляетъ, что онѣ поставлены были *ἐν ἄσται*; при известной краткости дидаскалическихъ формулъ, не странно ли было бы такое заявленiе, если бы, какъ это выходитъ по теорiи Келера—въ дидаскалическихъ до 393 года и непосредственно послѣ этого года вовсе не могло быть различенiя между трагедiями, поставленными *ἐν ἄσται*, и трагедiями, поставленными *Ἀφαικῶς*, такъ какъ всѣ онѣ савались *ἐν ἄσται*? На „Простомъ иранорѣ“ (ср. 43), по несомнѣнному, кажется, дополненiю Бека, приходится читать: *ἐφ' ὅτι ὁ Θέαικς ὁ ποιητῆς [ἀφαικῆ] κρῆτος ἐς ἰδὲβα* [ἔφ]α[α] *ἐν ἄσται*; положимъ, что это показанiе отчасти вымышленное (ср. Plut. Sol., 29), но могло ли бы оно быть вымышлено въ такой формѣ, если дидаскалiя, относившаяся къ древнѣйшимъ временамъ исторiи аттической драмы, въ своей трагическoй части не представляла уже дѣленiя на двѣ графы: *ἐν ἄσται* и *Ἀφαικῶς*?

До сихъ поръ мы разбирали первый изъ доводовъ, представленныхъ Келеромъ въ пользу мнѣнiя, что всѣ фрагменты „Дιονисионковъ“ относятся къ городскимъ Дιονисiямъ, а не къ Лианiямъ.

Второй его доводъ, заимствованный изъ *ὀκώδων* къ „Осамъ“ Аристофана, если и не придаетъ никакой цѣны тѣмъ сомнѣнiямъ, какiя заявлялись противъ дошедшаго до насъ текста этой *ὀκώδων* (Cfr. Bergk. ar. Meinek. Com. gr. fr. v. II p. II p. 911.; Dindorf. Aristoph. vita in Poet. Scen. ed. V p. 28, F. Leo Mus. Rheu. vol. 33 p. 404), имѣетъ слишкомъ частное значенiе: изъ того, что одинъ фрагментъ списка побѣдителей относится къ городскимъ Дιονисiямъ, не слѣдуетъ еще, что и всѣ остальные фрагменты относятся къ тому же празднику.

Изъ того, что городскiя Дιονисiя были болѣе знамениты, чѣмъ Лианiя ¹⁾, также не слѣдуетъ, что на памятникѣ, поставленномъ во

¹⁾ Поэтому-то, впрямую, только Дιονисiя называетъ Псевдартъ ср. XII, § 168 *τις γὰρ οἱσὶν ἢ τις οἱσὶν ἀφαικῶν τῶν τραγῳδικῶν ἀποκρίσις τις Ἀριστοφ.*

вогъ афинскаго государства, могли быть записаны только „городскія побѣды“; такой выводъ тѣмъ менѣе основателенъ, что для другаго разряда эпиграфическихъ документовъ, какъ мы увидимъ, съ вѣролпностью можно предполагать отношеніе не только къ городскимъ Діонисіямъ, но и къ Ливзіямъ.

Однако, отрицая доказательность доводовъ Келера, мы не отрицаемъ самаго его мнѣнія, такъ какъ эти слабыя доводы могутъ быть замѣнены другими, болѣе сильными.

Уже Бергъ ¹⁾, для рѣшенія занимающаго насъ теперь вопроса, привлекалъ къ сравненію съ фрагментами „Діонисіониковъ“ текстъ Евнгорова закона, вставленный въ рѣчь Демосфена противъ Мидія (§ 10), гдѣ Ливзіскіе агони перечисляются въ такомъ порядкѣ: οἱ τραυφοῖ καὶ οἱ χορφοῖ, а части праздника городскихъ Діонисіевъ въ такомъ: οἱ καῖδων καὶ ὁ κέρως καὶ οἱ χορφοῖ καὶ οἱ τραυφοῖ. Такъ какъ въ рабрасенныхъ нами надписяхъ постоянно οἱ χορφοῖ называются прежде, чѣмъ οἱ τραυφοῖ, то Бергъ выводилъ отсюда, что эти надписи должны относиться къ городскимъ Діонисіямъ.

Подлинность Евнгорова закона, какъ извѣстно, была оспариваема ²⁾. Но послѣ того, какъ эпиграфическія находки подтвердили подлинность, если не формы, то содержанія законовъ и декретовъ, вставленныхъ въ нѣкоторыя другія произведенія аттическихъ ораторовъ, нельзя уже заподозривать и подлинность Евнгорова закона по тѣмъ слабымъ основаніямъ, которыя представлены были Вестерманомъ и достаточно, кажется намъ, опровергнуты Фукаромъ ³⁾.

Но если законъ и подлиненъ, то замѣчаемое въ немъ различіе въ порядкѣ перечисленія агоней Ливзіскихъ и „городскихъ“ не произошло ли вслѣдствіе случайной ошибки? Ни Бергъ, ни Келеръ не обращаютъ никакого вниманія на то, что въ законѣ, въ той его части, которая относится къ Ливзіямъ, вовсе не упоминаются агони καῖδων и ἀνθρῶν, между тѣмъ какъ въ „Діонисіоникахъ“ эти агони постоянно предшествуютъ агонямъ χορφοῖν и τραυφοῖν: повидимому, предполагается, что въ этой части закона есть пропускъ; но если въ этой

¹⁾ *Revue de Philologie*, Nouvelle série, t. I (1877), стр. 163—161.
 γυορίων ἐν Θῆβαις χορφοῖς κτλ. Что до 339 г., когда рѣчь написана, происходила уже представленія трагедій на Ливзіяхъ—вооспоримы: еще Ол. 103, 1 Діонисіевъ одержалъ побѣду въ трагическомъ агонѣ Λυζιῶν (Diod. XV, 74, 1).

²⁾ Rheinisches Museum, Bd. 34, стр. 331.

³⁾ Westermann. De litis instrumentis quae exstant in Demosthenis oratione in Midiam. Lips. 1844, p. 21.

⁴⁾ *Revue de Philologie*, Nouvelle série, t. I (1877), стр. 163—161.

части текстъ закона передать намъ такъ не точно, то можно ли надѣяться, что многиѣ безомысленно показаніе его о порядкѣ агоневъ походическихъ и трагодическихъ, и не лучше ли вернуться къ положенію Саурре (Saurre, Ueb. d. Wahl der Richter in den musischen Wettkämpfen an d. Dionysien. Ber. üb. d. Verhandl. d. athen. Gesellsch. d. Wissensch. VII, стр. 19), по которому порядокъ этихъ послѣднихъ агоневъ былъ одинаковъ и для Ливей и для Діонисій? Однако, нужно ли предполагать такой значительный пропускъ въ текстѣ закона? Имѣетъ ли онъ какое-нибудь право утверждать, что на Ливеяхъ также происходили составленія лирическихъ хорозъ, какъ и на городскихъ Діонисіяхъ? Мнѣ кажется—никакого. Но за то есть достаточное основаніе для противоположнаго утвержденія. Филъ Павдіонисъ въ своемъ постановленіи о запискѣ побѣдоносныхъ лирическихъ хоригій (Corpus inscriptionum Atticarum II, n. 563) ἐνεγράφη δὲ καὶ εἰ τῆς ἄλλης νεώτερον ἀπ' Ἐδουλεῖο ἀρχοντος καὶ οἱ ἀνδρῶν Διονύσια ἢ Θαργυῖα ἢ Προμήθεια ἢ Πρωτόσια, ἐνεγράφη δὲ καὶ τὸ λαμβάνειν τῆς τοῦτον τι κληρῶν τὸς ἐκτελεστὰς ἐφ' ἃν κληρῶν. Эти слова не говорятъ о Ливейскомъ составленіи. Предположеніе, что здѣсь подъ Διονύσια нужно разумѣть не только Διονύσια τὰ ἐν ἄσῃ, а и Διῦκια, противорѣчило бы какъ официальному характеру документа, такъ и устройству присоединеннаго къ нему списка хориговъ, гдѣ имена Діонисійскихъ побѣдителей приводятся подъ рядъ, безъ всякаго признака дѣленія на два разряда, которое соотвѣтствовало бы двумъ „Діонисійскимъ“ празднествамъ. Итакъ, почему же въ постановленіи Фила Павдіониса, гдѣ, казалось бы, мы должны имѣть полный перечень праздниковъ, для которыхъ поставлялись хоры καὶ οἱ ἀνδρῶν, не упоминаются Ливея, и почему въ томъ мѣстѣ Елигорова закона ¹⁾, гдѣ

¹⁾ Если есть какой нибудь пропускъ въ переданномъ какъ текстъ закона Елигора, то это можетъ быть только предполагаемый Вергомъ (Rhén. Mus. 36, стр. 331) пропускъ словъ καὶ εἰ ἀνδρῶν послѣ словъ καὶ εἰ καὶ οἱ κληρῶν. Кромѣ этого пропуску легко объяснить, и эта эта догадка имѣетъ для себя довольно твердую опору въ вышеприведенныхъ эпиграфическихъ текстахъ. Однако, при начальномъ составленіи нашихъ свѣдѣній о лирическихъ агоняхъ, некая доказательности и того предположенія Бека (Von den Zeitverhältnissen der Demosth. Rede gegen Meidias—Kleine Schriften, V, стр. 155), по которому слово κληρῶν употреблено въ законѣ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употребляется терминъ ἀνδρῶν.—Составленія καὶ οἱ ἀνδρῶν для праздника Θαργυῖα обозначены въ законѣ общими терминами ἀνδρῶν.—Фукаръ (l. c. p. 174) предполагаетъ, что и та часть закона, которая касается городскихъ Діонисій имѣла первоначально такой видъ: καὶ τοῖς ἐν ἄσῃ Διονύσιος ἢ κορυκῆ καὶ εἰ καὶ οἱ κληρῶς <καὶ ὁ ἀνδρῶν>

рѣчь идетъ о Ливіяхъ, вовсе не обозначаются состязанія παιδων и ἀνδρῶν? Намъ кажется, причина можетъ быть только одна, а именно

καὶ οἱ κριταὶ καὶ τραυταὶ, и что подъ ὁ δῦον разумѣлись состязанія παιδων и ἀνδρῶν. На нашу взглядъ эта догадка совершенно вѣрнотна. На Фаргиліяхъ, по всей вѣрности; другихъ агоней, кромѣ состязаній παιδων и ἀνδρῶν, не было, между тѣмъ какъ на Діонисіяхъ были еще агонии комодическія и трагическія; поэтому обозначеніе ὁ δῦον, совершенно достаточное, когда оно находится въ статьѣ закона, трактующей о Фаргиліяхъ, оказывается слишкомъ неопредѣленнымъ и недостаточнымъ, являясь въ статьѣ о Діонисіяхъ по соседству съ такими опредѣленными обозначеніями, какъ οἱ κριταὶ и οἱ τραυταὶ. Въ своей догадкѣ знаменитый ученый привелъ былъ тѣмъ соображеніемъ, что терминъ οἱ παιδες не можетъ обозначать и терминъ οἱ ἄνδρες; не могъ бы означать въ Эпигоровомъ законѣ состязаній илліадскихъ хоровъ; а это свое соображеніе онъ обосновываетъ (стр. 175) такими образомъ: on ne trouve pas d'exemple des expressions παιδες, ἄνδρες, employées seules pour désigner les choses cyclopiques d'hommes ou d'enfants; elles ne prennent ce sens que construites avec un verbe. comme χορηγεῖν, κινῶν παισὶ οἱ παιδων. Но рассуждать такимъ образомъ, намъ кажется, значитъ злоупотреблять случайнымъ признакомъ тѣхъ скудныхъ свидѣтельствъ, какія дошли до насъ относительно илліадскихъ состязаній. Выраженіе [δῦον] οἱ παιδες [δῦον] само по себѣ, конечно, очень отрывно, но, какъ текъ иллическій терминъ, оно насколько не страннѣе выраженія [δῦον] οἱ κριταὶ καὶ οἱ τραυταὶ [δῦον]. Кроме того, по мнѣнію Фукара, помянутому, οἱ παιδες въ смыслѣ илліадскаго хора препятствуетъ порядку словъ въ текстѣ закона: ὁ χῆρος δεῖ μὲν δεῖ εἶναι προερχομένην πρὸς τὸν χορὸν, но не могъ имѣть мѣста послѣ нихъ. Однако церемоніальнѣе Діонисійскаго торжества такъ мало извѣстны намъ и значеніе слова χῆρος такъ широко, что едва ли мы можемъ рѣшати, какой порядокъ образованій дѣйствиіи былъ возможенъ и какой вѣтъ. Фукаръ полагаетъ что формулою οἱ παιδες обозначается особая, отличная отъ иллическихъ состязаній, часть праздника Діонисіей: она смысляетъ (стр. 177) въ этомъ случаѣ на одно постановленіе ἐκκλησία ἐκ Διονύσειο (Согр. insc. Att. II, n. 420), въ концѣ котораго находится окруженныя кривикою слова ἡ βουλή, ὁ δῆμος τοὺς παιδας τοὺς ἄλοβῆρος καὶ τῶν δίδρακτων ἀνδρῶν, и еще на иллическія не аттическія надписи, по которымъ οἱ παιδες или οἱ ἄλοβῆρος παιδες явилъ гимны въ честь врандлукаго божества. Но имъ не видна, почему бы аттическое свидѣтельство, которое одно имѣетъ доказательную силу, не могло быть отнесено къ илліадскимъ хорамъ παιδων, къ которымъ и относится его Келлеръ (С. I. Att. II, p. 203 qui in infimo lapide exsculpta est corona demonstrat etiam pueris chori cyclici cum magistro coronam datam fuisse). Собраніе хоровъ παιδων было сопряжено съ особенными затрудненіями, какъ видно изъ Antiph. κ. τοῦ χορ. § 11, родители не охотно отпускали дѣтей въ хоры; не мудро, что кромѣ другихъ иллическихъ побужденій для родителей существовала еще и эта, дѣйствовавшая на нихъ тѣмъ слабіе: присужденіе хорамъ παιδων, сверхъ правоты, раздававшихся Діонисіей славы судьями, еще и вѣнча, жалуемаго государственной душой и народными софраніемъ.

та, что на Ливахъ, во крайней мѣрѣ, до начала четвертаго вѣка до Р. X. ¹⁾, не было состязаній ни καίδων, ни εὐδρών ²⁾. А такъ какъ во фрагментахъ списковъ побѣдителей эти состязанія являются постоянной составной частью празднества, то слѣдовательно списки относятся къ городскимъ, а не къ Ливейскимъ агонамъ ³⁾.

Устройство третьяго разряда эпиграфическихъ свидѣтельствъ по исторіи аттической драмы весьма просто: здѣсь называются одно за другимъ имена драматическихъ постовъ; позади cadaго имени ставится цифра. Кумандисъ первый высказалъ (въ журналѣ Φιλότηρ I, стр. 331) догадку, что эти цифры суть цифры одержанныхъ побѣдъ; новыя находки, сдѣланныя въ этой области эпиграфики, и изслѣдованія Келера и Вергга всолиѣ подтвердили эту догадку. Мы, для обозначенія этихъ статистическихъ таблицъ побѣдъ, одержанныхъ въ Лоннахъ драматическими постами, будемъ пользоваться известнымъ

¹⁾ Изъ надписи къ Ἀρχαιολογικῆ ἑφημερίδ, περίοδος δεύτερη, ἴσος κρῆτων (1862), № 219 и табл. 34 (=Φιλότηρ IV, стр. 33, № 4 и стр. 473) известно, что въ Македонскій періодъ и на Ливахъ исполнялись драмы, но какъ исполнялись, шумны ли были и тогда для этого хоры καίδων и εὐδρών—мы не знаемъ.

²⁾ Не удивлять объяснить, почему Лива не называются въ сочиненіи Ἀθηναίων πολιτεία III, 4 (βαί δὲ καὶ τὰς διεξάγει, εἰ τις τὴν ναῦν μὴ ἐκτελεσῆν ἢ κατοικοβοῦναι τὴν ἐπιπέδων κρῶς δὲ τοῦτον, χερσῶν δὲ διεξάγει εἰς λιμένα καὶ Ἐπυρῶνα καὶ Παλαίριον καὶ Προφύριον καὶ Ἡραίουσιον βῆσ ἴτη). Тамъ, что для Ливей существовали только хорыгн сценическія, а не музыкаскія, нельзя объяснить этого ощущенія, такъ какъ и для первыхъ, не смотря на отличие ихъ отъ лирическихъ, допускалась εὐδρῶσις (Lys. XXIV, 9), которая не могла не дать поводовъ къ βίαδισκῆσι. Нельзя ли сказать объясненія въ томъ обстоятельствѣ, что на Ливахъ хорыганы или всегда, или по большей части были немцы? Во всякомъ случаѣ, приведеннымъ источникомъ Πολιτείας нельзя подтверждать имени объ отсутствіи въ V вѣкѣ на Ливахъ трагодическихъ агоневъ, не отрицаю вѣстѣ съ тѣмъ существованія на томъ же праздничнѣ агоневъ нонодическихъ: а такое отрицаніе невозможно въ виду показаній о временахъ постановки Арастовагоскихъ комедій.

³⁾ Если бы можно было полагаться на копию Питтагаса и дополненія Рагаваса, то слѣдовало бы думать, что надпись Rang. Ant. hell. n. 261 относится къ Ливейскимъ агонамъ, такъ какъ въ ней называются только хорыгн и дидакамы, а не называются оэлы, которыми, по вышеупомянутымъ соображеніямъ, не могли быть отношенія къ Ливейскому агону, состоявшему только изъ состязаній τραγῶδων и κωμῶδων. Однако изъ копій у Le Bas-Waddington n. 479 очевидно, что это есть частная надпись хорыгновъ, принадлежавшихъ къ одной семьѣ; а ощущеніе имени оэлы въ частныхъ надписяхъ хорыгновъ не имѣетъ никакого значенія.

уже въ области источниковѣдѣнія исторіи греческой драмы заглавіемъ Νῆλαι Διονυσιακαί.

Большая часть эпиграфическихъ фрагментовъ этого рода найдена въ недавнее время и издана Куманудисомъ (Αθήνων VII стр. 80 сл. и стр. 291) и Келеромъ (Mittheilungen III стр. 242 сл. и V стр. 325) ¹⁾.

Самые древніе отдѣлы этого списка побѣдъ, составленнаго не за разъ, а частями, въ разные времена отъ половины III до начала II вѣка, Келеръ, по палеографическимъ основаніямъ относить къ III вѣку до Р. Х., слѣдовательно къ такому времени, для котораго мы должны предполагать уже существованіе литературныхъ изложеній фактовъ исторіи аттической драмы. Но если составители эпиграфическихъ Νῆλαι Διονυσιακῶν и воспользовались такого рода источниками, то эти послѣдніе, въ свою очередь, могли заимствовать обозначенія чиселъ побѣдъ только или изъ официальныхъ архонтскихъ записей или изъ эпиграфическаго свода дидаскалій; въ томъ и другомъ случаѣ Νῆλαι Διονυσιακαί, хотя посредственно, ведутъ свое начало изъ официальныхъ документовъ.

Издатели фрагментовъ списка побѣдъ, Куманудисъ и Келеръ, на основаніи впечатлѣнія, оставляемаго большинствомъ фрагментовъ, полагали, что въ списокѣ перечислялись только побѣды комиковъ, но не трагиковъ. Куманудисъ предполагалъ еще, что кромѣ побѣдъ комическихъ поэтовъ обозначались также и числа побѣдъ комическихъ актеровъ. Неосновательность этого послѣдняго предположенія достаточно разъяснена Келеромъ (l. l. III стр. 253 сл.). Съ другой стороны, Бергку (Rheinisches Museum 34, стр. 237) первому удалось замѣтить, что нѣкоторые фрагменты принадлежать списку побѣдъ не комодическихъ, а трагодическихъ.

Одинъ изъ древнѣйшихъ фрагментовъ Νῆλαι Διονυσιακῶν (означенный буквою Δ у Куманудиса, № 9 у Келера) читается Келеромъ ²⁾ такъ:

(Δ)σχόλ(α...)

(Ευ) ἔτης Ι

¹⁾ Для насъ новія новія Келера свѣрять съ подлинниками, отиѣчалъ всѣ самыя нагнѣшнѣ различія, В. К. Ериштедтъ. Нѣкоторые сообщенія, касающіяся того же предмета, имъ обзаны В. В. Латышеву.

²⁾ В. К. Ериштедтъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній относительно этого фрагмента, изъ которыхъ имъ считается уиѣстнымъ сообщить здѣсь слѣдующія: «въ строкѣ 2-й послѣ I другой чермы не было, въ стр. 5-й передъ К было, вѣроятно, O; въ стр. 6-й послѣ I было, повидному еще одно I, если не больше».

(Πολύκριτος(ων..)

αἴτος Ι

κλῆς ΔΓΙΠ

τας Ι

ις

Этотъ фрагментъ на первыхъ порахъ такъ мало былъ понятъ, что заставилъ Куманудиса сомнѣваться въ справедливости собственной догадки, что цифры, стоящія позади имени, означаютъ числа побѣдъ. Подъ влияніемъ того предубѣжденія, что встрѣчающіяся въ спискахъ имена суть имена или комическихъ поэтовъ или комическихъ актеровъ и не явля возможности указать на какого нибудь знаменитаго комическаго поэта или комическаго актера, имя котораго означалось бы на κλῆς, Куманудисъ (Αθήναιον VII стр. 86) ставилъ такой вопросъ: если цифры указываютъ числа побѣдъ, то почему большія цифры — и въ числѣ ихъ самая большая изъ всѣхъ встрѣчающихся въ спискахъ (имѣется въ виду цифра 18 при имени κλῆς) стоятъ при именахъ менѣе знаменитыхъ? Бергъ устранилъ это недоумѣніе, замѣтивъ, что цифра, стоящая послѣ имени... κλῆς, какъ разъ сходится съ однимъ изъ дошедшихъ до насъ показаній о числѣ побѣдъ великаго трагика Софокла. Этому поэту у Діодора XIII 108 приписывается именно 18 побѣдъ. У Свида Бергъ даетъ 24 побѣды, но по довольно правдоподобной догадкѣ Берга, это показаніе только по видимому противорѣчитъ показанію Діодора: источникъ Свида обозначалъ общее число побѣдъ, одержанныхъ Софокломъ, а источникъ Діодора отнѣтилъ только число побѣдъ, одержанныхъ на одномъ изъ двухъ главныхъ сценическихъ праздниковъ, и по всей вѣроятности — именно на томъ, который пользовался наибольшою славой, то-есть, на городскихъ Діонисіяхъ ¹⁾. Мы имѣемъ еще и третье показаніе о числѣ побѣдъ Софокла, въ биографіи, сохраненной — и, какъ извѣстно, весьма дурно сохраненной — Софокловскими рукописями; адѣсь трагикъ приписывается двадцать побѣдъ; но весьма возможно, что число 2, есть извращеніе того же числа 20, которое мы имѣемъ у Свида. — Какъ бы то ни было, догадка Берга, вносящая въ текстъ Νύκτω

¹⁾ Если Діодоръ пользовался въ этомъ случаѣ Аполлодоромъ, то нужно думать, онъ оупустилъ или просмотрѣлъ часть показанія своего источника, такъ какъ Аполлодоръ имѣлъ обыкновеніе обозначать числа побѣдъ и городскихъ и Лиувейскихъ. См. Diogen. L. VIII, 8, 90 (εὐδοκός) κοινῆς κερφαλίας, νίκας δὲ αὐτοῦ ἀετιδῆς μὲν τρεῖς, Διονυσιας δὲ κέντα καὶ ἑξήνι Ἀκαλλοδορος ἐν ὑπομνήσε.

Διονυσιακῶν имя трагика, достаточно оправдывается свидѣтельствомъ Діодора. Въ ней можно было бы, пожалуй, отнестись съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, если бы въ томъ же фрагментѣ, гдѣ мы находимъ загадочноеαλῆς, не удалось указать именъ трагиковъ, близкихъ, по времени, къ великому Софоклу. Но вѣдь дополненіе (Δι)συχός(ος) въ 1-й строкѣ фрагмента такъ несомнѣнно, какъ только могутъ быть несомнѣнны эпиграфическія конъектуры. Также несомнѣнно и дополненіе, сдѣланное уже первыми издателями въ 3-й строкѣ: (Πο)λυφράσι(ων). — Πολοφράσι(ων) есть имя трагическаго поэта, котораго историки литературы, кажется, совершенно произвольно называютъ Полифрасмономъ. Точно также, какъ разбираемый нами эпиграфическій фрагментъ, и наши рукописные источники называютъ трагика, сына Фриникова, Полифрасмономъ. Въ ὑπόθεσις къ „Семь противъ Θивъ“ со времени Франца печатали: τρίτος Πολοφράσι(ων) Λυκοφρυγία τετραλογία, но рукопись даетъ тамъ не Πολοφράσι(ων), а Πολοφράσι(ων). У Свида въ биографіи трагика Фриника (Φρίνιχος: Πολοφράσι(ωνος) ἢ Μινύροο οἱ δὲ Χοροκλέους Ἀθηναῖος τραγικός... εἶναι ἐκί της ἐθ' ὀλομνιαδός... καὶ καίτε ἔσχα τραγικὸν Πολοφράσι(ωνος) имена отца и сына Фриника печатаются, такъ: Πολοφράσι(ωνος) и Πολοφράσι(ων). Однако въ Лейденской рукописи лексикона Свида (по сличенію Бернгарда) и въ рукописи того же лексикона, принадлежащей Петербургской публичной библиотекѣ (по нашему собственному сличенію), хотя въ началѣ биографіи написано также Πολοφράσι(ωνος), въ концѣ оказывается чтеніе Πολοφράσι(ων).

Послѣ того, какъ форма съ σ засвидѣтельствована эпиграфически (ср. еще Согр. insc. gr. n. 7444², надпись на вазѣ Πολοφράσι(ων), Πολοφράσι(ων) καλός), нѣтъ никакого основанія въ ὑπόθεσις къ трагедіи „Семь“¹⁾ и у Свида имя сына Фриникова Πολοφράσι(ων) передѣлывать въ Πολοφράσι(ων): болѣе чѣмъ вѣроятно, что Νίκα Διονυσιακῆι приводятъ имя поэта въ той формѣ, въ какой оно записано было въ современныхъ посту актахъ архонта; до какой степени точны въ этомъ отношеніи Νίκα, можно судить по тому, что имя трагика Θεοδέκτα, происшедшаго изъ дорійскаго (Herodot. II, 178) города Φάστλις, въ Νίκα сохраняетъ свою дорійскую форму Θεοδέκτας (см. фрагментъ, изданный Келеромъ въ Mittheil. V, p. 32), а не подвергается передѣлкѣ на аттическій ладъ (Θεοδέκτης), между тѣмъ какъ всѣ, кажется, наши

¹⁾ Гдѣ позднѣйшіи издатели трагедіи Демия (A. Kirchhoff, Aeschyli tragoediae, Berol., 1860) востановили уже чтеніе рукописи, не объясняя однако, почему отъ поправки Франца считаютъ ненужнымъ.

литературные источники приводить это имя въ формѣ *Φεοδότης*. —
 Не рѣшается сказать, адъдуется ли переданную въ рукописяхъ (у
 Янда и Павсанія X, 31, 4) форму имени отца Фриникова *Πολοφράδμων*
 замѣнять въ болѣе соответствующую законамъ аттической
 юветики (см. G. Meyer, Gr. Gram. § 281) *Πολοφράδμων*: при извѣ-
 стномъ состояніи нашихъ свѣдѣній объ аттицизмѣ этой древней ювети,
 такъ кажется, нельзя считать особенно страннымъ предположеніе,
 что форма имени, бывшая еще въ употребленіи во времена дѣда, пере-
 тала быть такою во времена внука. Однако все-таки вѣроятнѣе,
 что написаніе *Πολοφράδμων* вмѣсто *Πολοφράδμων* явилось такъ же слу-
 чайно, какъ напримѣръ, во второстепенныхъ Эсхилосскихъ рукопи-
 сяхъ (Регъ, 417) написаніе *ἄφραδμόνος* вмѣсто сохраненнаго главною
 рукописью *ἄφραδμόνος*, то-есть подъ вліяніемъ или правдивыхъ этимо-
 логическихъ мудрствованій, или образцовъ, представлявшихся пре-
 изведеніями неаттическими; ср. употребленіе словъ: *ἄφραδμόων* како-
φραδμόων, *καλοφραδμόων*, *καλοφράδμων*, *ἰκοφραδμόων*, *φραδμόων*, *φρά-*
μων. Что позднѣйшій влліяніемъ, смѣшивавшій формы разныхъ нарѣ-
 зій и разныхъ временъ, склоненъ былъ снова оживить устарѣлое со-
 состояніе звуковъ *φρ*, можно заключать изъ того, что аттицисты счи-
 тали долгомъ предостерегать противъ употребленія такихъ формъ,
 какъ *ἄφρμῃ* вмѣсто *ἄφρμῃ* (cf. Phrynich. p. 89, sim. not. Lobesk. и
 L. Dindorf, praef. ad Xen. Cyt. ed. Lips. IV, p. XVII).

Кромѣ имени Полифрасконона въ занимающемъ насъ фрагментѣ
 „Побѣдъ Діонисійскихъ“ можетъ быть, если не ошибаемся, съ достато-
 чной вѣроятностью указано и еще одно имя трагическаго поэта. Въ
 3-й строкѣ фрагмента Еуванудисъ, стараясь, гдѣ только мало нальски
 возможно, вставлять имена комиковъ, читаетъ: (Φιλ)ικκος. Но, какъ
 видно изъ копій Келера, на самой надписи нѣтъ ни малѣйшаго слѣда
 которой нибудь изъ этихъ трехъ буквъ (Φιλ), дополняемыхъ веки-
 скимъ ученымъ: вмѣсто нихъ могутъ быть вставлены какія угодно
 другія, только сумма ихъ, на сколько можно судить по копіи, коне-
 чно, далеко не совершенно точной, должна быть не менѣе и не бо-
 лѣе трехъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ именъ трагиковъ только
 одно оканчивается на *ικκος*, и оно какъ разъ подходитъ къ указан-
 нымъ требованіямъ: это имя есть *Νόδιικκος*. Дошедшія до насъ свѣ-
 дѣнія о трагикѣ этого имени крайне скудны, но все-таки достато-
 чны для того, чтобы опредѣлить, хотя приблизительно, время его
 жизни и узнать, настолько ли это древній поэтъ, что его имя могло
 быть названо между именами Эсхила и Софокла. Единственное сви-

дѣтельство о Ноэппѣ находится у Аеннея ¹⁾, который знаетъ этого трагика по наслѣшкамъ комиковъ Ермиппа и Телеклида, упоминавшихъ о Ноэппѣ въ комедіяхъ, поставленныхъ еще при жизни Перикла. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что Ноэппъ, во всякомъ случаѣ современникъ Софокла, одержалъ первую побѣду годомъ раньше Софокла, а въ такомъ случаѣ Νίκαи и должны были назвать его строкою выше, чѣмъ Софокла.—Въ новѣйшее время пытались, правда, совершенно вычеркнуть имя Ноэппа изъ числа именъ трагиковъ. Wilamowitz-Möllendorf ²⁾ высказалъ догадку, что Νόθιππος есть кличка, комическое извращеніе настоящаго имени Γυνήσιππος: этой кличкой комики хотѣли-де указать частію на незаконное будто бы происхожденіе Гнесиппа, частію на свойства его поэзіи, частію на что-то еще кромѣ этого. Трудно согласиться съ этики предположеніемъ, которое не можетъ дать твердаго, опредѣленнаго объясненія тѣмъ самымъ фактамъ, по поводу которыхъ оно придумано. Правда, что имя Νόθιππος неизвѣстно намъ изъ другихъ источниковъ ³⁾, кромѣ

¹⁾ VIII, 384, e. d. Νόθιππον δὲ τὸν τραγικῶν [ὄν] Ἑρμῖππος ἐν τοῖς Μοῖραις ψηφίῳ

εἰ δ' ἦν τὸ γένος τῶν ἀνδράκων τῶν νῦν τοιόνδε μάχεσθαι
καὶ βᾶτις αὐτῶν ἦγειτ' ὀκτὴ μεγάλη καὶ κλειρὸν ὄσιον,
τοὺς μὲν ἄρ' ἄλλους οἰκοοραῖν χρῆν, κέρπειν δὲ Νόθιππον ἐν ὄντα
εἰς γὰρ μόνος ἂν καταβρόχθισαν ἐν τῇ Πελοπόννησον ἔπεισον.

Ἐπὶ δὲ οὗτος ἦν ὁ ποιητὴς σαφῶς παρ' ἑστῆσι Τηλακλειδῆος ἐν 'Ἡσιόδοις.

²⁾ *Observationes criticae in comoediam graecam selectae*. Berol. 1870, pagg. 27 sq. «Versus primus [въ фрагментѣ Гермиппа] corruptus habetur, sed bene intellegitur, modo interpreteris: si tale hodiernum esset genus (quale v. e. Μαραθῶνε μάχων) et hostes essent edulia, unus ad delendos Peloponnesios sufficeret Nothippus. nempe significat Gnesippum (oblique tangens fortasse originem eius, si eius Cleomachi filius erat, quem cinaedi puellam amasse narrat Strabo XIV 648.) sed ne γυνήσις quidem eo opus est, illa mirabilia facinora perficeret iam νόθος quo convicio usus est Teleclides, acerbe poeticam Gnesippi perstringans virtutem; non enim eum genuinos edere partus, sed νεκτερίν' εὖρα μογοῖς ἀείματ' ἐκκαλεῖσθαι γυναικας quae coniectura, quam per se satis commendatū arbitror, sustentatur eo, quod praeter illos comicorum locos nihil de Nothippo iam veteribus constitisse videtur». Догадку Wilamowitz-Möllendorfa одобряетъ Kock, *Comicorum atticorum fragmenta* v. I, p. 214 (Telecl. fr. 16), а въпротиву—и Bergk, *Helasmius* (Rhein. Mus. 34, стр. 298) въ разборномъ эпиграфическомъ фрагментѣ читаетъ [Γυνή]σιππος, если бы только пространственами отношеніи видныя дозволяли такое допозненіе.

³⁾ Νόθ(ι)ππος дополняетъ Кунаудисъ въ изданіи своемъ изъ въ 'Αθήν. V, стр. 102 авенсонъ постановленіи 330 г.—допозненіа, конечно, не надежное; однако и въ новіи Келера (*Corp. inscr. Att.* II, n 175° p. 412) видно, что аѣтъ ни извѣстн дѣло съ однимъ изъ тѣхъ радныхъ именъ, которыя начинались съ Νοθ—.

указаннаго ³⁾, но иъдь и имя Γυήακτος не имогутъ бытьъ употребительно. Которое изъ двухъ именъ пригодише для того, чтобы слышать обидный прозвищень — это не легко рѣшить. Νόβικτος можетъ значить не только какъ „задний на лошаки“ (ср. употребленіе прилагательныхъ λωβικτος, μελβικτος, σιολόικτος, λωκόικτος и такіа собственныя имена, какъ Εβικτος, Λωβικτος, Μελβικτος и т. п.); труднѣе представить себѣ смыслъ имени Γυήακτος, и если бы оно не встрѣчалось (Хер. Авар. VII, 3, 36) несомнѣнно, какъ собственное имя, на нашъ взглядъ оно скорѣе могло бы бытьъ принято за комическое изращеніе имени Νόβικτος, чѣмъ наоборотъ. Однако то, что сообщается намъ о Ноонидѣ не представляеть никакихъ основаній для отождествленія его съ Гнисиппомъ. Въ приведенномъ Аонисемъ отрывкѣ Ермива Ноонидъ осмѣивается за обжорство; въ комическихъ фрагментахъ, осмѣивающихъ Гнисиппа, послѣдній изображается: какъ приторно слащавый музыкантъ (Chionid. fr. 4 Kock., гдѣ Гнисиппъ называется вмѣстѣ съ двоюродникомъ Клеонепомъ), какъ изобрѣтатель иъсенъ, пригодныхъ для ночныхъ походовъ прелюбодѣвъ (Euprolid. fr. 139, гдѣ съ Гнисиппомъ сооставляются лирики Стаскиоръ, Алкиманъ, Синопидъ), какъ прелюбодѣй (Teleclid. fr. 34), наконецъ, какъ бездарный трагикъ, вводящій въ трагедію нагѣвъ, приличныя жонщинамъ легкаго веведенія (Cratin. fr. 256. ср. fr. 15). Какія изъ этихъ характеристикъ дастъ намъ право считать Гнисиппа за одно лицо съ Ноонидомъ, и если это послѣднее имя есть прозвище, то какое изъ указанныхъ свойствъ Гнисиппа могло бытьъ обозначено такимъ прозвищемъ? Какъ бы то ни было, дополненіе (Γυήα)κτος въ 9-мъ фрагментѣ Νιχθъ не допускается пространственными условіями, между тѣмъ какъ имя Νόβικτος, какъ нельзя лучше, подходитъ къ этимъ условіямъ, служить новымъ доводомъ въ пользу догадки Бергга о принадлежности 9-го фрагмента къ списку побѣдъ трагическихкихъ, а не комическихкихъ.

Берггъ отнеслъ къ числу фрагментовъ, перечисляющихъ побѣды трагиковъ, еще и тотъ, который у Куманудиса обозначень буквою Ε, а у Келера № 10. Но одного имени Αισυάλ(ος), встрѣчающагося въ этой надписи, еще недостаточно для того, чтобы опредѣлить ея смыслъ, а другіе ивъиющіеся тутъ остатки собственныхъ именъ (Κλαδ-, 'Αρρυτ-, Έλαρμ-, —ερετ-, —ρε-) не даютъ никакой опоры для объясненія. Нужно еще замѣтить и то, что та часть надписи, на которой должны бы были находиться цифры, не сохранилась, такъ что, намъ

кажется, возможно еще сомнѣніе, слѣдуетъ ли вообще считать этотъ фрагментъ фрагментомъ Νικῶν Διοσσοκλῆων.

За то нѣкоторые сомнѣніямъ не подлежатъ принадлежность къ списку побѣдъ трагодическихъ слѣдующаго найденнаго въ самое недавнее время (въ 1880 г.) эпиграфическаго фрагмента (Mittheil. V, стр. 324):

ακ
Καρῖνος ΑΙ
Ἀσποδάμιος Γ(Π)Ι
Θεοδώτις ΓΠ
Ἀφάρσιος Π
(ς)Π

Π

Α
Φρ
Ορ
Δ

Какъ ни сухи и бѣдны содержаніемъ эпиграфическія Νικῶν, однако они имѣютъ нѣкоторое значеніе для исторіи аттической драмы. Такъ, въпримѣръ, благодаря этому новому источнику, восстанавливаются въ своихъ правахъ нѣкоторые драматическіе поэты, которыхъ существованіе было отвергаемо излишнимъ скептицизмомъ новыхъ ученыхъ. Мы пытались уже спасти трагика Ноенина отъ смѣшенія съ Гнисиппомъ. Рассмотримъ еще два подобныхъ примѣра, не отмѣченныхъ издателями Νικῶν.

Новые толкователи Аристофана всякими способами пытались устранить изъ числа комическихъ поэтовъ Лякиса (Λύκις), упоминаемаго въ комедіи „Лягушки“, ст. 14. Фриче въ своемъ изданіи этой комедіи (1845 г.), объясняя указанный стихъ ея и приведя примѣчаніе схоластиа Λύκις κωμῆδίας ποιητής ὡς φοῦρος κωμῆδισταί. λέγει δὲ αὐτὸν καὶ Λύκον ὅτι οὐδὲν φέρεται, разсуждалъ затѣмъ приблизительно такъ: комикъ, упоминаемый Аристофаномъ на ряду съ Фриникомъ и Амипсией и поставившій (какъ видно-де изъ словъ Аристофана εἰσθε κωμῶν) не мало вѣсь, долженъ бы быть поэтомъ довольно значеннымъ, не малое число его комедій должно бы было дойти до временъ Александрійскихъ грамматиковъ; между тѣмъ схолиастъ не знаетъ ни одного произведенія этого поэта и нигдѣ больше о такомъ поэтѣ не упоминается; чтобы устранить эту несообразность, нужно де придать тѣмъ Аристофана такой видъ, при которомъ не пришлось бы думать

о поэтѣ Ликисѣ: *Nam ignorabilis iste comoediae poeta Δόκος sive Δόκος feigo et igni tollendus est; поэтому ученый комментаторъ предлагалъ читать у Аристофана, вмѣсто Δόκος κάρματίας, Δοκοκάρματίας. Чтобы вложить какой нибудь смыслъ въ эту столь легкую по вѣжливости конъектуру, пришлось прибѣгнуть къ фантазій: „posterior Lyciscus poterit Amphipiae comici famulus haud indoctus fuisse, cuius opera ille in scribendo similiter usus fuerit, atque Choerili Esphantidae, Euripides Cephisophontis: dummodo ne in poetarum numero habeatur. Non minus speciose hic Lyciscus videri poterit bistris Amphipiae fuisse“. Коку (въ изданіи 1856 г.), принимая основную мысль Фриче и стараясь на мѣсто неизвестнаго Ликиса поставить поэта сколько нибудь болѣе известнаго, предлагалъ догадку κάρκοκος κάρματίας. Вслѣдствіи и Фриче (*Supplementum ad Aristophanem*, 1862 г.) принявъ эту догадку съ такимъ извѣщеніемъ: читая теперь у Аристофана καὶ Δόκος κάρματίας, онъ предполагалъ, что Δόκος было коническимъ прозвищемъ для поэта, котораго настоящее имя было 'Επλόκος. Всѣ эти тонкія и частію совершенно фантастическія догадки и поправки теперь оказываются ненужными: имя поэта, намѣтъ о которомъ хотѣли истребить огнемъ и мечемъ, найдено на древнемъ мраморѣ, рядомъ съ именами другихъ побѣдосмыслъ коническихъ поэтовъ (фрагментъ 2-й у Келера, Δ у Куманудиса). Здѣсь ΔΥΚΙΕ называется между поздѣвѣшими представителями древней комедіи, но все-таки, во крайней мѣрѣ, двумя годами ранѣе Полизила, который находилъ еще нужнымъ осмѣивать Ивербола: слѣдовательно Ликисъ могъ ставить комедіи ранѣе, чѣмъ поставлены были „Лагуши“.*

Нельзя, кажется намъ, не согласиться съ Мейнке, когда онъ (*Fragm. Com. Gr. v. I, p. 499* и *v. IV, p. 592*) въ изреченіи, приводимомъ въ сборникѣ Максима Исповѣдника подъ именемъ какого то Сократа: *ὅταν ποδαῖν οὐ καὶ στέφανον λέγῃ τῶν ἡ; φοβῶν κατ' αὐτῆς κλέων ἔν λέγει κακὰ* видитъ комическій фрагментъ, еще хорошо сохранившій слѣды первоначальной стихотворной формы (*ὅταν τῶν ἡ κ. с. κ. στ. λέγῃ, | φ. κ. α. κλείων' ἔν λ. κ.*). Не выходя нигдѣ ни малѣйшаго намека на существованіе сомненнаго великому философу комика, Мейнке относилъ этотъ фрагментъ къ комику Сосикрату. Теперь въ этомъ не оказывается надобности: въ спискахъ побѣдъ (фрагментъ Δ у Куманудиса, № 2 у Келера, строка 17) мы находимъ волией сохранившееся имя комика Сократа.

Принимая въ соображеніе доставленные намъ другими источни-

ками хронологическія данныя по исторіи аттической драмы, легко замѣтить, что порядокъ именъ въ эпиграфическихкихъ Νίχαι Διοσκολαί есть порядокъ хронологическій и именно — какъ этого требуетъ самая сущность дѣла — порядокъ первыхъ побѣдъ, то-есть выше ставится въ спискѣ тотъ поэтъ, который раньше одержалъ побѣду. (Köhler, l. c. III, p. 255). Такъ какъ для нѣкоторыхъ поэтовъ наши литературные источники сообщаютъ даты первыхъ ихъ побѣдъ, то такимъ образомъ, при помощи новонайденныхъ списковъ, мы получаемъ возможность опредѣлить съ ирриблизительной точностью и хронологію другихъ поэтовъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыхъ имена стоятъ въ спискахъ не подалеку отъ именъ поэтовъ, которыхъ хронологія твердо установлена. При этомъ опять таки, какъ мы увидимъ впоследствии, нѣкоторыя извѣстія литературныхъ источниковъ, независимо заподозрѣнными исследователями, въ спискахъ находятъ себѣ подтвержденіе. Во всякомъ случаѣ, эти списки даютъ для изложенія нѣкоторыхъ отдѣловъ исторіи аттической драмы хронологическую схему болѣе надежную, чѣмъ та, которою приходилось довольствоваться до сихъ поръ и которая, во многихъ своихъ частяхъ, основывалась на очень сомнительныхъ комбинаціяхъ темныхъ намековъ комиковъ и мало извѣстныхъ историческихъ фактовъ.

Къ сожалѣнію, полной точности выводовъ, получаемыхъ изъ вооткрытыхъ источниковъ, препятствуетъ то же самое обстоятельство которое мѣшаетъ и вполне успѣшному пользованію извѣстіями эпиграфическаго списка Διοσκολαί: не возможно съ полной несомнѣнностію опредѣлить, къ какому изъ Аѳонскихъ сценическихъ праздниковъ относятся показанія того или другаго фрагмента списка побѣдъ.

Что цифры, выставленныя въ этомъ спискѣ, не представляютъ итога побѣдъ, одержанныхъ на обоихъ главныхъ праздникахъ, а относятся каждая только къ одному празднику—это несомнѣнно доказали Келеръ и Бергъ сличеніемъ этихъ цифръ съ числами побѣдъ, сообщаемыми въ другихъ источникахъ; такъ Кратинъ старшій, по свидѣтельству Свида, одержалъ 9 побѣдъ, а въ спискахъ (№ 1 Кел., А. Куманул.) ему дается 3 побѣды; Евполиду Свида даетъ 7 побѣдъ, списки (ibid.) 3 побѣды; Анаксандриду Свида 10, списки (5 и 6 Кел., В и Σ Кум.) 3, Антифану Свида 13, списки (ibid.) 8 Менандру Аполлоторъ у Геллія (XVII, 4) 8, списки (6 Кел., Σ Кум.) не болѣе 4-хъ побѣдъ. То же самое относительно побѣдъ трагиковъ мы находимъ во фрагментѣ (Mitthell. V, p. 324), найденномъ

послѣ того, какъ этотъ вопросъ былъ изслѣдованъ Келеромъ и Беркомъ. Здѣсь Астиданату дается не болѣе 9 побѣдъ противъ 15, показываемыхъ у Свиди, Θεοδεδου 7 побѣдъ противъ 8, о которыхъ сообщаетъ эпиграмма ар. Steph. Byz. s. Φάστρις. Нижнѣ представляется на первый взглядъ отношеніе между эпиграфическими и литературными показаніями о побѣдахъ трагика Каркина. Эпиграфическій источникъ приписываетъ этому поэту 11 побѣдъ, между тѣмъ у Свиди говорится о Каркинѣ ἐνίκησε δε ε̄. Но уже Келеръ (I. I, p. 325) замѣтилъ, что у Свиди цифру ε̄ слѣдуетъ исправить въ ιᾱ, такъ какъ невѣроятно, чтобы поэтъ, составившій 160 пьесъ (число, показываемое тѣмъ же Свидой), то-есть участвовавшій по крайней мѣрѣ въ 40 состязаніяхъ, только однажды вышелъ съ составленіемъ побѣдителемъ. Изъ этому доводу можно прибавить, что одна побѣда не соответствовала бы тому уваженію, какому пользовался Каркинъ, судя по вниманію, посвящаемому ему Аристотелемъ (Poet. c. 16, 17) и тому паэосу, съ которымъ Плутархъ говоритъ о фурорѣ, вызванномъ Каркиновой „Аероной“¹⁾. Предположеніе, что число побѣдъ Каркина, показанное у Свиди, относится къ одному сценическому празднику, а число, выставленное на эпиграфическомъ фрагментѣ, относится къ другому или представляетъ сумму побѣдъ, одержанныхъ на обоихъ праздникахъ, было бы слишкомъ невѣроятно, такъ какъ числа побѣдъ у Свиди вообще означаются болѣе числами, находящимися въ эпиграфическихъ спискахъ, что можетъ быть объяснено только тѣмъ, что показанія лексикографа взяты изъ того источника, въ которомъ сообщались общіе итоги чиселъ побѣдъ, одержанныхъ на обоихъ праздникахъ, а числа побѣдъ, выставленные въ эпиграфическихъ Νίκαхъ, относятся только къ одному какому нибудь празднику. Поэтому приходится предположить, что текстъ Свиди поврежденъ опискою, что Каркинъ одержалъ всего 11 побѣдъ, и что всѣ эти побѣды были одержаны на одномъ праздникѣ.

Относительно одного фрагмента Νίκαхъ можно считать почти доказаннымъ отношеніе его къ агону городскихъ Διονυσίῳ.

¹⁾ Несообразность этихъ свидѣтельствъ съ числомъ побѣдъ Каркина, показанныхъ у Свиди, привелъ уже, какъ сказано, въ недоумѣніе Бергаран. См. Grundr. d. gr. Litter. II, 2, стр. 57 сл. (3 изд.): Karkinos—war um die hundertste od. und länger — thätig, wenn anders ihm Suidas mit Recht 160 Dramen beilegt; um so kläglicher kontrastirt mit dieser überschwänglichen Betriebsamkeit der Vermerk ἐνίκησε δε ε̄. Allein Plutarch, de gloria Ath. p. 443, e. erwähnt als einen glänzendsten Moment, das Karkinos 'Αερόνην εὐχρήσας.

Давно уже обнаруженъ (см. С. I Gr. I, 230) находящійся въ Римѣ фрагментъ списка побѣдъ драматическихъ поэтовъ. Устройство этой римской надписи совершенно иное, чѣмъ новооткрытыхъ фрагментовъ. Въ римской надписи для каждого поэта называются вмѣстѣ и Νῆμα ἀστιαί и Νῆμα Ληναϊαί, при чемъ обозначаются и заглавія пьесъ, доставившихъ побѣды и годъ состязаній. Вѣроятно, этотъ списокъ побѣдъ былъ составленъ ἐξ ἀντιγραφῶν παντοίων, подобно Паросской хроникѣ, для частнаго употребленія, какъ пособие при историко-литературныхъ занятіяхъ. Къ сожалѣнію, надпись сохранилась такъ дурно, что въ подробностяхъ допускаетъ самыя разнообразныя толкованія. Бергкь ¹⁾ читаетъ интересующую насъ часть этого памятника такимъ образомъ ἐπί Χίλων; Μα(νο)ρίων, ἐπί... Διονύσου γουαίς, ἐπί... Ἀμφρακίωτις Γ ἐν(ἄστα). ἐπί Φανο)στράτου Ἐραχιδί, ἐπί... Ὀδυσσεύ, ἐπί Κυραιοῦ(ῶρον...) ἐπί Ἀπολλοδώρου Ἀγ(ροίχ) δι' Ἀνα(κίπλο) Λήναια. Здѣсь перечень побѣдъ какого то комика разбитъ на два отдѣла; первый отдѣлъ оканчивается формулой Γ ἐν(ἄστα), то-есть τρίτων (такъ объясняетъ Бергкь; но почему не истолковывать этого Γ, какъ τρίς, то-есть τρίς ἐνίκτης?) ἐν ἄστα., и именно 3 заглавія комедій предшествуютъ этой формулѣ; затѣмъ второй отдѣлъ содержалъ, какъ кажется, 7 заглавій и заключается обозначеніемъ другаго агона—Λήναια. Итакъ, поэтъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, одержалъ всего 10 побѣдъ: 3 ἐν ἄστα и 7 Ληναίως. Судя по числу побѣдъ, это долженъ быть одинъ изъ выдающихся комиковъ; а такъ какъ общее число побѣдъ (10) тождественно съ числомъ побѣдъ, показываемыхъ Свидой для поэта средней комедіи Анаксандрида; такъ какъ времена перечисляемыхъ въ надписи побѣдъ (Ol. 103, 4; 99, 2; 101, 1; 101, 2; 103, 3; 107, 3); какъ нельзя лучше подходятъ къ хронологіи Анаксандрида; такъ какъ, не смотря на жалкое состояніе нашихъ свѣдѣній о средней комедіи, мы все еще можемъ указать между известными намъ заглавіями комедій Анаксандрида нѣсколько заглавій, тождественныхъ съ приводимыми въ этой надписи (Ὀδυσσεύς, Ἐραχιδίς, Ἀγροίχος), то Бергкь давно уже (въ своихъ Commentationes de reliquiis comoediae atticae antiquae) относилъ эту часть надписи къ Анаксандриду. Нельзя отрывать, что отдѣльные составные элементы этой комбинаціи, взаимно другъ друга подкрѣпляя, дѣлаютъ ее весьма вѣроятною. Въ аеонскихъ эпиграфическихъ спискахъ побѣдъ Бергкь ²⁾ нашелъ новую опору

¹⁾ Rheinisches Museum, 34, стр. 328, 3.

²⁾ Rheinisches Museum, 34, 328°.

для своей догадки: здѣсь въ фрагментахъ 5+6 (Кел.—В+Σ Куман.) Анаксандриду дается 3 побѣды, то-есть столько же, сколько и въ томъ отдѣлѣ римской надписи, который, по предположеніямъ Бергга, пересчитываетъ „городскія“ побѣды Анаксандрида. Итакъ, если предположенія Бергга вѣрны (а они, по крайней мѣрѣ, очень вѣроятны), то, значитъ, эти фрагменты аэинскаго списка принадлежать къ Νικη ἑστιαί.

Въ вышеприведенномъ нами фрагментѣ, перечисляющемъ побѣды трагиковъ Каркина, Астидаманта, Θεοδέκτα и Αφάρει, послѣднему приписываются двѣ побѣды, а авторъ издаваемыхъ между сочиненіями Плутарха биографій X ораторовъ (Plut. Mor. p. 839) сообщаетъ намъ такой формуляръ поэтической дѣятельности Αφάρει: ἀρβάνιος ἀπὸ Διοσκότου διδάσκαλον ἐν τῷ Σωκράτους διδασκαλίας ἀστικῆς καὶ ἤλικον ἔξ καὶ δις ἐνίκηεν διὰ Διονυσίου καὶ δις ἐτέρων δύο Ἀθηναίως. Келеръ (Mittheil. V, стр. 325) понимаетъ это свидѣтельство такъ: Αφάρει всего на всего восемь разъ появлялся на трагическихъ состязаніяхъ и одержалъ всего двѣ побѣды, обѣ на великихъ Διονυσіяхъ. Отсюда же само собою слѣдуетъ, что занимающій насъ фрагментъ относится къ побѣдамъ „городскимъ“. Не отвергая возможности Келерова пониманія свидѣтельства автора биографій, мы полагаемъ однако, что это свидѣтельство, столь вѣршиливо стилизованное, можетъ быть понято иначе: можетъ быть, авторъ при словахъ καὶ δις ἐτέρων ἐτέρας δύο Ἀθηναίως подразумѣвалъ ἐνίκηεν¹⁾. А если такое пониманіе возможно, то значитъ нельзя еще считать доказаннымъ, что фрагментъ Νικῶν, приписывающій Αφάρει 2 побѣды, относится непремѣнно къ составленію городскихъ Διονυσіωνъ.

Но если бы это и было доказано, то этикъ далеко еще недостаточно было бы обосновано предположеніе Келера (Mittheil. III, стр. 255), что всѣ вообще фрагменты Νικῶν относятся къ великимъ Διονυσіямъ. Правда, что и противоположное предположеніе Бергга, по которому нѣкоторые фрагменты относятся къ городскимъ, а нѣкоторые къ Ливадскимъ состязаніямъ, также еще не доказано. Главнымъ доводомъ для этого ученаго служитъ то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ фрагментахъ встрѣчаются имена поэтовъ, названныя уже въ другихъ фрагментахъ. Такой доводъ уже съ перваго взгляда кажется не особенно

¹⁾ Такого толкованія первоначально (Mittheil. III, стр. 255) держался и самъ Келеръ. Мы, по крайней мѣрѣ, кажется, что выраженіе ἐτέρας δύο имѣеть смыслъ только при этомъ старинномъ толкованіи.

сильнымъ, такъ какъ при немъ не принимается въ расчетъ омонимія. столь многое дѣлающая смутнымъ и шаткимъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ о греческихъ писателяхъ; еще слабѣе оказывается онъ въ приложеніи къ частнымъ случаямъ.

Фрагментъ 9-й (Кел. = Δ Куман.), приведенный нами выше и приписывающій, согласно съ Діодоромъ, Софоклу 18 побѣдъ, по мнѣнію Бергга, съ которымъ трудно въ этомъ случаѣ не согласиться, относится къ „городскимъ“ состязаніямъ. Въ этомъ фрагментѣ называется Эскилъ, Эскилъ же называется и въ фрагментѣ 10-мъ (= Ε Куман.): слѣдовательно — заключаетъ Берггъ — послѣдній фрагментъ долженъ относиться къ Лизіямъ. Но выше мы уже замѣтили, что этотъ фрагментъ ничего не можетъ доказывать: только тогда имѣли бы мы право отождествлять Эскила, упоминаемаго въ этомъ фрагментѣ съ Эскиломъ 9 го фрагмента, если бы могли указать между современными Эскилу трагиками такихъ, которыхъ имена начинались бы съ Клеодъ, — Ἄριμνι, — Ἐλαμνι и т. д. А такъ какъ этой возможности мы не имѣемъ, то остается думать, что различные фрагменты упоминаютъ различныхъ Эскиловъ.

Другое подтвержденіе своей мысли Берггъ находитъ въ томъ обстоятельстве, что тотъ же Кратинъ, который упомянутъ въ 1-мъ фрагментѣ (= Α Кумануд.), называется будто бы и въ 4-мъ (= Ξ Кумануд.) фрагментѣ. Что Кратинъ, названный въ 1-мъ фрагментѣ, есть знаменитый поэтъ древней комедіи — это неоспоримо. Имени его предшествуютъ въ этомъ фрагментѣ имена Σανόφιλος, Τηλεκλειδης, Ἀριστομένης, а слѣдуютъ за нимъ Φαρμακίτης, Ἐριππος, Φρόνιχος, Μορτίλος, Εὐκόλις: всѣ эти имена за исключеніемъ одного (Σανόφιλος), извѣстны какъ имена поэтовъ древней комедіи. Но за то далеко не такъ ясно значеніе имени Κρατῖνος, восстанавлиаемаго Берггомъ въ 4-мъ фрагментѣ. Берггъ, при составленіи своего разсужденія, имѣвшій возможность пользоваться только изданіемъ Куманудиса, читаетъ эту, въ самомъ жалкомъ видѣ сохранившуюся надпись, такимъ образомъ:

(Χιωνί)θη(ς) ¹⁾,
 ς Ι
 (Μάτ)νης. . Ι
 ς Ι
 ρος Ι

¹⁾ Куманудисъ въ этой строкѣ даетъ только Δ Ι

(Εκφα)πίθης.
 (Κρατί)υος Γ Ι
 αίθης ΙΙ
 (Κρά)τις ΙΙΙ
 (*Ερμ)ικος ΙΙ

Если бы эти чтения были на чемъ нибудь основаны, то мы имѣли бы въ этой надписи интересный документъ самаго древняго, начальнаго періода аттической комедіи; тогда позволительны были бы тѣ выводы, какіе Бергтъ дѣлаетъ изъ этого документа относительно времени учрежденія драматическихъ Линейскихъ агоневъ. Въ сжальствію, при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, приходится усумниться какъ въ этихъ чтенияхъ, такъ и въ этихъ слишкомъ далеко идущихъ выводахъ. То, что сохранилось въ надписи, даетъ слишкомъ ненадежную опору для восстановленія того, что утрачено; а послѣ изданія Келера эта опора сдѣлалась еще менѣе надежною. Для имени Χιωπίθης Бергтъ имѣлъ въ изданіи Куманудиса по крайней мѣрѣ полторы буквы, но Келеръ, судя по его копіи, безъ всякихъ колебаній прочиталъ въ этомъ мѣстѣ не ΔΙ, а ΣΔΙ, то-есть цифру 11 и предъ нею конечную букву имени, букву Σ, которая, конечно, столько же говорить въ пользу чтенія Χιωπίθης, сколько и въ пользу безконечнаго множества другихъ. Нѣсколько основательнѣе въ 7-й строкѣ предложеніе Бергтомъ допущеніе (Κρατί)υος, такъ какъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ именъ драматическихъ поэтовъ только два оканчиваются на υος: имя комика Κρατίυος и имя трагика Κακρίυος. Но, какъ нельзя, при теперешнемъ состояніи надписи, утверждать, что въ ней не могъ быть названъ трагикъ, такъ и, принимая чтеніе Κρατίυος, мы не обязаны разумѣть подъ этимъ именемъ непременно того же комика, который названъ въ 1-мъ фрагментѣ: вѣдь кромѣ Кратина, поэта древней комедіи, намъ извѣстенъ еще другой Кратинъ, дѣйствовавшій на поприщѣ средней аттической комедіи. Къ этому послѣднему и относится показаніе 4-го фрагмента Келеръ. Это объясненіе имѣетъ за себя по крайней мѣрѣ то, что ничѣмъ нельзя опровергнуть его ¹⁾; между тѣмъ какъ, при Бергтовскомъ объясненіи

¹⁾ В. К. Крашадтъ въ 1-й строкѣ 4-го фрагмента назвалъ Келеромъ чтеніе ΣΔΙ, во 2-й, гдѣ и Куманудисъ и Келеръ даютъ только ΣΙ, онъ прочиталъ ΔΣΙ, а въ 4-й предъ буквой Σ, какъ онъ замѣчаетъ, есть остатокъ, кажется, буквы Ω. Такъ какъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ именъ драматиковъ на υος оканчиваются только имя поэта средней комедіи: 'Αραρίυος, то здѣсь мы получаемъ извѣстный,

надписи, выходитъ та странность, что изъ всѣхъ комиковъ, называемыхъ вмѣстѣ съ Кратиномъ въ 1-мъ фрагментѣ, въ 4-мъ называется одинъ только Ермиппъ: при предположеніи Бергга, что послѣдній фрагментъ принадлежитъ къ списку Ливнэйскихъ побѣдъ, чѣмъ объяснитъ себѣ, что ни одному изъ остальныхъ современниковъ Кратина, перечисленныхъ въ спискахъ „городскихъ“ побѣдъ, на Ливнахъ не досталось даже и по одной побѣдѣ?

Такъ же мало говорить въ пользу предположенія Бергга указываемый имъ случай повторенія въ двухъ различныхъ фрагментахъ (№ 5=В и № 21=N; въ послѣднемъ, впрочемъ, сохранилось только Εὐβουλ, что Куманудисъ дополняетъ: Εὐβουλ(ίδης) имени Εὐβουλος: ни одно изъ именъ, окружающихъ это имя въ первомъ фрагментѣ не повторяется во второмъ. Таковы же, по своему свойству, повторенія въ различныхъ фрагментахъ именъ: Φιλῆμων (фр. 5 и 11), Ἀριστομένης (1 и 17), Κηφισόδωρος (3 и 17), Καλλίστρατος (11 и 12), Θεόδωρος (15 и 21), Ἀμενίας (5 и 15), Διονύσιος (17, 22 и—если вѣрна догадка Келера—4). Въ приложеніи къ этимъ случаямъ можетъ быть вполне справедливо замѣчаніе Келера (III, стр. 254): „во всѣхъ этихъ случаяхъ не представляется никакого повода думать скорѣе о тождествѣ обозначаемыхъ лицъ, чѣмъ объ омониміи. Вѣдь было бы даже удивительно, если бы въ спискахъ, заключающемъ свыше 150 именъ, не встрѣчилось повтореніи одного и того же имени“.

То, что хотѣлъ доказать Берггъ, было бы доказано, если бы нашлся случай повторенія не отдѣльныхъ именъ, а цѣлыхъ группъ именъ; и мнѣ кажется, что, по крайней мѣрѣ, одинъ такой случай можетъ быть указанъ.

Если мы сравнимъ фрагментъ 12 (=I Куман.):

Α
Φιλ
Φιλοχ
5. Καλλιστρα[α]τος II
Ἐρμιπ[ι]δης II
Πολυ[λ]η I

съ этой частью 2-го фрагмента (=Δ Куман.):

11. — — — —
Φιλοχ

хотя, разумѣется, и подверженнымъ сомнѣніямъ доводъ въ пользу Келерова объясненія имени Кратіносъ.

- Ἀριστοφάνης Ι
 Ἐρμηνίδης Ι
 15. Αὐτόλοκος Ι
 Φιλωνίδης Ι
 Σωφράτης Ι
 1. Πολο (2-й столбецъ)
 Λόκις

то мы прежде всего замѣтимъ имя Ἐρμηνίδης, общее тому и другому фрагменту. Это имя до сихъ поръ не было извѣстно въ исторіи греческой драмы. Но такъ какъ 2-й фрагментъ, въ которомъ *) мы находимъ, во крайней мѣрѣ**), семь знаковыхъ именъ комическихъ поэтовъ: Аристофору, Филониду, Ликсу, Полиху, Калли, Димитрію, Каллипу (см. о послѣднемъ замѣчаніе Келера, III, стр. 243 сл.), несомнѣнно принадлежитъ списку комиковъ, то слѣдовательно и Ἐρμηνίδης, упоминаемый въ этомъ фрагментѣ, есть комическій поэтъ. Далѣе, въ 4-й строкѣ 12-го фрагмента мы имѣемъ начальный остатокъ имени Филок. Изъ извѣстныхъ намъ именъ драматическихъ поэтовъ одно только начинается этими звуками, это—Φιλοκλῆς. Авторъ „Критической исторіи греческой комедіи“ говоритъ о Филоклѣ въ томъ приложеніи къ своему труду, которое озаглавляется „de poetis comicorum numero eximendis“ (Hist. crit. comic. gr. p. 521 sq.), но говоритъ вотъ что: „De Philocle scholiastes Aristoph. Av. 282 haec scripsit: Ἴσα δὲ Φιλοκλῆς κωμῳδίας ποιητῆς καὶ Φιλοκλῆδος οὐδὲ ἐξ Αἰσχόλοιο ἀδελφῆς. Similia habet Suidas III, p. 604 et ex Suida Eudocia p. 427.. At Kusterus τραγωδίας ποιητῆς legendum esse vidit, improbante, ut videtur, Buttmanno in Museo Antiqu. Stud. vol. II p. 380. Sed vtrissime Kusterus, ut docent quae sequuntur apud scholiasten: γαγόνου δὲ Φιλοκλεῖς ὄνο τραγωδιῶν ποιηταί. Athenaeus tamen lib. II, p. 66 b Philoclem ita commemorat, ut nisi de comico poeta non cogitari posse videatur: καὶ γὰρ Φιλοκλῆς τὰ ἐγκέφαλον φησιν· οὐδ' ἂν ἐγκέφαλον ἔσθων λίποι· καὶ Ἀριστοφάνης· ἀπολέσασθ' ἂν ἐγκαφάλου θρίψ' ὄνο... Itaque propter hunc ipsum Athenaei locum videndum est ne Philocles quidam comicus fuerit, ac commode succurrit Philocles Philippidae comici pater... Sed haec omnia admodum dubia esse non diffiteor, neque multum repugnarem, si quis pro Philocle apud Athenaeum Dioclis nomen

*) Мы разумеяъ каллиѣ фрагментъ, а не ту только часть, которая здѣсь приведена.

**) Если не считать Сопрата, о которомъ мы выше говорили.

геронет⁴. Сомнѣнія Мейнке нашли себѣ отыскъ и у Нѣука, который, приводя (Tragic. graec., fragm. p. 589) подъ именемъ Филокла фрагментъ οὐδ' ἂν ἐγκρίφαλον ἔσθων λίπον, замѣчаетъ: „Incertum utrum comici haec sint poetae an tragici“.

Въ имени 'Ερμηνίδης мы имѣли уже нѣкоторое, хотя конечно и слабое, основаніе для предположенія, что 12-й фрагментъ, подобно 2-му фрагменту, перечисляетъ комическихъ поэтовъ; эта вѣроятность нѣсколько возрастаетъ, когда мы получаемъ возможность утверждать, что другое имя (Φιλοκλῆς), восстанавливаемое нами въ 12-мъ фрагментѣ, не только принадлежало нѣкоторымъ трагикамъ, но, по нѣкоторымъ признакамъ, ранѣе насъ и совершенно независимо отъ показаній Никѡν замѣченныиъ, должно было принадлежать и одному комикю. Но тотъ же самый остатокъ имени (Φιλοκ) и въ томъ же близкомъ сосѣдствѣ къ имени 'Ερμηνίδης мы находимъ и во 2-мъ фрагментѣ. Размѣщеніе именъ въ этомъ фрагментѣ имѣетъ такой смыслъ, что комикъ Эменидѣ одержалъ свою единственную побѣду на состязаніяхъ какого-то праздника вскорѣ послѣ побѣды или побѣдъ, одержанныхъ γ. микомъ, котораго имя начиналось съ Φιλοκ; — по смыслу размѣщенія именъ въ 12-мъ фрагментѣ, поэтъ Эменидѣ первую изъ двухъ побѣдъ, одержанныхъ имъ на состязаніяхъ какого-то праздника, одержалъ вскорѣ послѣ побѣды или побѣдъ, одержанныхъ поэтомъ, котораго имя начиналось съ Φιλοκ: не вѣроятно ли, что оба фрагмента говорятъ о побѣдахъ одного и того же Эмениды, одного и того же Филокла, но только одинъ фрагментъ перечисляетъ побѣды Діонисіейскія, а другой Ливнѣйскія?

Между Филокломъ и Эменидомъ въ 12-мъ фрагментѣ называется Καλλίστρατος. Намъ неизвѣстно ни одной комедіи Калистрата ни по заглавію, ни по фрагментамъ; мы знаемъ Калистрата только какъ „дидаскала“ нѣкоторыхъ Аристофановскихъ пьесъ. Однако поэтическая дѣятельность Калистрата давно казалась необходимымъ предположеніемъ для этой его роли дидаскала, да кое-какъ, хотя темными намеками, обозначалась и въ преданіи. См. Schol. Ar. Vesp. 1018 (1018) οὐκ ἐκ τοῦ φωνεροῦ, φησί, ἀκχοορεῖ ὁ ποιητὴς τοῖς θεαταῖς ὄμιν, ἀλλὰ δι' ἑτέρων ποιητῶν λάθρα, ἐπαθὴ διὰ Φιλωνίδου καὶ Καλλιστράτου καθὼς τινὰ τῶν δραμάτων. Cfr. Bergk ar. Meinek. Com. gr. fr. II, p. 928 sqq. — 'Ερμηνίδης и Φιλοκ(λῆς) во 2-мъ фрагментѣ называются между такими комическими поэтами, которыхъ мы должны считать современниками Аристофана; теперь наша мысль, что 'Ερμηνίδης и Φιλοκ(λῆς) этого фрагмента тождественны съ Эменидомъ и

Филокломъ 12-го фрагмента, находить себѣ новое подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что въ 12-мъ фрагментѣ оказывается названіемъ извѣстный сотрудникъ Аристофана.

Во 2-мъ фрагментѣ мы не находимъ Каллистрата, вѣроятно, потому, что на его долю не досталось ни одной побѣды на сценическихъ состязаніяхъ того праздника, къ которому относится этотъ фрагментъ; но, можетъ быть, Каллистратъ названъ былъ и здѣсь въ совершенно поврежденной 11-й строкѣ 1-го столбца. Какъ бы то ни было, но не находи въ этомъ фрагментѣ Каллистрата, мы встречаемъ за то здѣсь имя двойника Каллистратова. Всякому, кто сколько нибудь знакомъ съ биографіей Аристофана, имя Каллистрата должно само собою напоминать о Филоидѣ — в имя Филоида сполна сохранилось во 2-мъ фрагментѣ. Что этотъ „дидаскалъ“ Аристофана и самъ писалъ комедіи—это давнымъ давно извѣстно. Въ 12-мъ фрагментѣ нѣтъ полного начертанія имени Φιλωνιδῆς; но едва ли мы выйдемъ изъ предѣловъ дозволительной въ историческомъ изслѣдованіи смѣлости предположенія, если, принимая въ расчетъ вышеуказанные признаки относительнаго тождества двухъ фрагментовъ, будемъ думать, что начальныя буквы 2-й строки 12-го фрагмента принадлежатъ имени Филоида. Мы не упускаемъ изъ вниманія того, что цифра побѣдъ, стоящая во 2-мъ фрагментѣ при имени Филоида, можетъ оказаться противорѣчающею нѣкоторымъ довольно распространеннымъ представленіямъ о свойствахъ отношеній Каллистрата и Филоида, какъ режиссеровъ, къ поэтической дѣятельности Аристофана. Но извѣстно, что вслѣдствіи мнѣній относительно этого вопроса сводятся только къ гаданіямъ и предположеніямъ, поэтому они не могутъ служить опроверженіемъ нашему пониманію эпиграфическаго списка побѣдъ комиковъ. Мы оставляемъ пока эти мнѣнія въ сторонѣ, надѣясь, что будемъ еще имѣть случай и для рѣшенія этого вопроса указать нѣкоторыя новыя данныя въ эпиграфическихъ документахъ исторіи аттической драмы.

Прежде чѣмъ подвести итогъ сравнительному изслѣдованію фрагментовъ 2-го и 12-го, считаемъ нужнымъ замѣтить еще слѣдующее.

Изъ извѣстныхъ намъ именъ комическихъ поэтовъ слѣдующія начнутся съ Поло: Πολόζηλος, Πολόβαυκτος, Πολόχρητος (fr. 20. Вел.—К Буван.), Πολόκλῆς (fr. 12). Изъ нихъ третье встрѣчается только въ спискѣ поэтовъ II вѣка (Köhler, Mitth. III, стр. 251); два первыхъ во 2-мъ фрагментѣ (столб. 1, стр. 4 и столб. 2, стр. 4) уже названы; поэтому

есть нѣкоторая вѣроятность, что 1-я строка 2-го столбца то фрагмента должна быть дополняема такъ: Πολο(κλῆς).

Теперь мы высказали всѣ соображенія, по которымъ счи весьма вѣроятными такіа реставраціи фрагментовъ 2-го и 12-го

φρ. 2.	φρ. 12.
11. — — — —	1. Α(ριστοκράτης или—οτέλοχο;?)
Φιλοκ[λῆς—]	Φιλ[ωνίδης—]
'Αριστοκράτης I	Φιλοκ[λῆς—]
'Ερμηνίδης I	Καλλίστ[ρατ]ος II
15. Αὐτόλοχος I	5. 'Ερμηνί[δη]ς II
Φιλωνίδης I	Πολυκ[λῆ]ς I
Σωκράτης I	
1. Πολο[κλῆς—]	
Λύκις—	

Едва ли такое сходство между этими фрагментами можно яснять простой случайностью; гораздо вѣроятнѣе, что въ этихъ двѣхъ фрагментахъ мы имѣемъ два списка для одного и того же пер исторіи комедій: одинъ перечисляетъ побѣды Діонисіевскія, другі Динаіевскія.

Съ тѣмъ разрядомъ надписей, которому мы дали названіе Διοσωνίαια, значительное сходство по содержанію и по формуламъ представляютъ надписи хориггическія, надписи, которыя ставились хориг въ память одержанныхъ или мусическихъ или сценическихъ побѣ. Съ „Діонисіониками“ этому роду надписей обще то свойство, что и тамъ, такъ и здѣсь результаты составаній изображались не съ точки зрѣнія заинтересованнаго въ составаніи поэта, а съ точки зрѣнія рига и — если составаніе было мусическое — съ точки зрѣнія фил одержавшей побѣду; и здѣсь и тамъ послѣ имени хориговъ назывались имена поэтовъ (дидаскаловъ), но только имена; заглавія произведеній не обозначались. Ср. Plut. Themist. 5: Θεμιστοκλῆς εὐχορ γει, Φρόνιχος εἰδύασαεν, 'Αδαίρανος ἤρχαεν и надписи, приведенны выше. Но между тѣмъ, какъ Διοσωνίαια представляютъ перечень Діонисіевскихъ побѣдителей за цѣлыя ряды годовъ и при томъ касаются всѣхъ видовъ составаній мусическихъ (καίθων, ἄνδρῶν) и сценическихъ (κωμῶδων, τραγῶδων), допускавшихся на Діонисіяхъ, каждая отдѣльная изъ хориггическихъ надписей относится къ составанію и вѣстнаго праздника вѣстнаго года, при чемъ и это отдѣльное с

ствленіе она представляетъ не волюгѣ, а только въ той ея части, въ которой оказался побѣдителемъ хоригъ, ставящій надпись. Хоригическія надписи уже не имѣютъ вовсе связи съ архонтскими актами, хотя, разумѣется, никогда не должны были противорѣчить послѣднимъ. Въ сооруженіи этихъ надписей, которыя помѣщались подъ треножниками, служившими наградою побѣдителямъ, заинтересовано было не государство, представителями котораго были архонты, а только хориги, и въ случаяхъ, не касающихся исторіи драмы — филли.

Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что хоригическимъ надписямъ рѣшительно невозможно придавать того значенія въ источниковѣдѣніи исторіи греческой драмы, которое усвоится еще нѣтъ, напримѣръ, у Бернгарди (*Grundr. d. griech. Litter. II, 2°, стр. 141* ¹⁾), гдѣ онѣ представляются источникомъ литературныхъ дидакалій, а слѣдовательно вѣсѣхъ тѣхъ хронологическихъ и библиографическихъ изслѣдованій, на жалкихъ остаткахъ которой основана современная исторія греческой драматической поэзіи.

Когда хоригомъ номинально сталъ считаться весь аонскій народъ (ὁ δῆμος ἐχορήγος), а на дѣлѣ обязанности хориговъ сталъ нести агонеецъ, тогда уже, не хориги, а агонеецы должны были устраивать пьедесталы для побѣдныхъ трофеевъ-треножниковъ ²⁾ и дѣлать на пьедесталахъ надписи, возвышавшія имена побѣдителей. Такъ какъ агонеецы были представителями не отдѣльныхъ филл, а дѣлаго народа, то въ ихъ надписяхъ содержаніе нѣсколько шире, чѣмъ въ надписяхъ собственно хоригическихъ. Въ надписяхъ агонеецовъ извѣстія о состязаніяхъ παιδωνъ соединяются съ извѣстіями объ агонѣ ἀνδρῶν (Ἀθῆναϊον VI, стр. 278 и 367—*Bull. de corr. Hellénique II, стр. 392; Köhler, Mitth. III, стр. 238*), извѣстія о сценическомъ агонѣ обни-

¹⁾ Aus diesen Urkunden (то-есть, изъ хоригическихъ надписей) stellten frühzeitig gelehrte Forscher eine Chronik der dramatischen Litteratur zusammen; ihnen verdankte man nicht nur Zeittafeln der gehaltenen Wettkämpfe, sondern auch Verzeichnisse der von den Dichtern aufgeführten, der siegraischen und der übrig gebliebenen Stücke; hieraus wurden zusammenhängende Schriften (διδασκαλία) gebildet, die gelegentlich als Urkundenbücher zu den Berichten über nationale Musik und Poesie gehörten. Мы не отрицаемъ, впрочемъ, что древніе ученые для некоторыхъ изслѣдованій могли пользоваться и этими источниками, какъ второстепеннымъ и вспомогательнымъ. См. Aristot. *Polit. VIII, 6, p. 1341, A*; о Димитріѣ Фал. и Панетіѣ *Plut. Aristid. 1*.

²⁾ См. надпись въ Ἀθῆν. VII, стр. 93, строки 15 и 18 и надпись агонеецова, приведенная выше.

мають состязанія и κορυφῶν и τραυφῶν ('Αθ. VI, стр. 276 = Bull. I. I.; Köhl. Mitth., стр. 237). Такимъ образомъ эти надписи еще ближе подходятъ къ типу тѣхъ, которыя мы назвали Διονυσονίκα.

Какъ хориги (см. Келеръ въ Mitth. III, стр. 229 сл.), такъ и агонисты (см. надпись въ 'Αθῆν. VII, стр. 291: [ἐκτὶ ...] ἀρχοντος Δούλλου Δουφίλου Χολαργεὺς ἀγωνοθετήσας [Διονύ]σῳ παιδείῃ) могли лично отъ себя, а не какъ представители филы или народа, дѣлать тѣ или другія приношенія богамъ въ благодарность за успѣхъ въ устройствѣ агоневъ и на этихъ приношеніяхъ дѣлать соответствующія случаю надписи. Такія приношенія и надписи, по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшія времена дѣлались и архонтами, какъ верховными распорядителями агоневъ. Такъ въ стихотворной надписи, изданной Куманудисомъ въ 'Αθῆν. VI (прилож. къ стр. 127=C. J. A. III Add. 68) вмѣстѣ говорятъ каждый за себя и хоригъ-побѣдитель въ одномъ изъ состязаній и архонтъ (52 г. по Р. X.), подъ надзоромъ котораго совершены всѣ состязанія, драматическія и лирическія. Понятно, что въ такого рода частныхъ посвященіяхъ, еще съ большей исключительностью, чѣмъ въ хоригическихъ надписяхъ, умалчивается о всемъ томъ, что не касается прямо оффиціальнаго лица, устраивающаго надпись; такъ что эти памятники вовсе не могутъ быть относимы къ числу источниковъ исторіи греческой драмы.

Какъ аѳинское устройство сценическихъ агоневъ считалось въ Греціи образцовымъ (мы можемъ сослаться на изрѣченіе вѣвариста Стратоніа, которое—можетъ быть, по такому же поводу, какъ мы теперь,—приводилъ Хариклъ въ началѣ своего сочиненія περὶ τοῦ ἀστικῆς ἀγῶνος—Athen. VIII, 350 B.—γυμνικῶς—ἀγῶνας διατθέντων 'Ἠλεῖοι, Κορίνθιοι δὲ θορμαλικῶς, 'Αθηναῖοι δὲ οὐληκῶς· αἱ δὲ τῶν τοῦτων κλημματοῖη, μασιγούσθων Λακεδαιμόνιοι), такъ—нужно думать—и аѳинское устройство эпиграфическихъ памятниковъ въ честь побѣдителей на этихъ агоняхъ должно было сдѣлаться образцемъ для подобныхъ же памятниковъ, устраивавшихся въ другихъ городахъ Греціи. До насъ дошло еще нѣсколько такихъ копій съ аѳинскаго оригинала, но разсмотрѣніе ихъ не входитъ въ предѣлы настоящаго изслѣдованія.

III. Неметинъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ ВОСЕМНАДЦАТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. (17-го августа 1881 г.). О дозволеніи Вяземской гимназій впредь именоваться „Александровскою“ и состоять подъ Авгу- стѣйшимъ Его Величества покровительствомъ.	8
2. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи стипендій при Ташкентской мужской прогимназій и при Вѣрненскихъ мужской прогимназій и женской гимназій	—
3. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи при Таганрог- скихъ мужской и женской гимназій стипендій имени статскаго совѣтника Кульжинскаго.	4
4. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи стипендій для образованія трехъ крестьянскихъ мальчиковъ Липовецкаго уѣзда.	—
5. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи при Видав- скомъ уѣздномъ училищѣ стипендій гражданна г. Видавы Эгерта	—
6. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи при Новгород- сѣверской гимназій в Кролевецкомъ городскомъ училищѣ сти- пендій имени генералъ-лейтенанта Антоновича.	5
7. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденіи при среднихъ	1

учебныхъ заведенiяхъ Варшавскаго учебнаго округа стипендiи имени Франца Новодворскаго	5
8. (13-го сентября 1881 г.). Объ учрежденiи при Московскихъ 1-й гимназии и 2-мъ уѣздномъ училищѣ и при Сычевскомъ городскомъ училищѣ стипендiи князя Мецерайскаго	—
9. (29-го сентября 1881 г.). Объ учрежденiи въ гор. Поневѣжѣ, Ковенской губернии, шестикласснаго реальнаго училища	28
10. (22-го сентября 1881 г.). О преобразованiи Нарвской шестиклассной прогимназии въ полную гимназiю	24
11. (22-го сентября 1881 г.). О преобразованiи Ростовской на Дону четырехклассной прогимназии въ шестиклассный составъ	25
12. (6-го октября 1881 г.). Объ учрежденiи въ гор. Гольдингенѣ женскаго шестикласснаго училища	26
13. (12-го октября 1881 г.). О прiятiи пожертвованiя, сдѣланнаго потомственнѣмъ почетнѣмъ гражданиномъ Воденнeвoвѣмъ	27

ВЫСОЧАЙШИЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНIЯ.

23-го iюля 1881 года (№ 12)	6
17-го августа 1881 года (№ 13)	7

ВЫСОЧАЙШИЯ НАГРАДЫ

26

МИНИСТЕРСКIЯ РАСПОРЯЖЕНIЯ.

1. (15-го сентября 1881 г.). Положенiе о двѣнадцати стипендiяхъ Смоленскаго губернскаго земства при Смоленскомъ реальномъ училищѣ въ память двадцатипятилѣтiя царствованiя Императора Александра II	8
2. (29-го сентября 1881 г.). Правила о стипендiи, учреждаемой при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на проценты съ капитала въ тысячу рублей, пожертвованнаго отставнымъ штабъ-капитаномъ Иваномъ Степановичемъ Дурново	9
3. (29-го сентября 1881 г.). Правила о стипендiи, учреждаемой при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на про-	

вѣсти съ капиталомъ въ шесть тысячъ рублей, пожертвованнаго надворнику совѣтнику Якову Васильевичу Федоровичу.	9
4. (20-го октября 1881 г.). Правила о стипендіи доктора медицины Александра Павловича Станисевича.	30
5. (8-го ноября 1881 г.). Правила о стипендіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ, учрежденныхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ 20,000 рублей, завѣщаннаго титулярнику совѣтнику Плотниковичу.	31

**ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
ТОВАРИЩА МИНИСТРА.**

14-го августа 1881 года (№ 7).	11
12-го сентября 1881 года (№ 8).	13

**ОБЪЯВЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: C. Julii Caesaris Commentarū de bello Gallico. Издавъ М. Блоссъ	15
О книгѣ: „Этимологія русскаго языка“. Составили А. Курничиковъ и Ѳ. Гиларовъ	16
О книгѣ: „Систематическій курсъ ариметики“. Составилъ Ѳ. В. Гель	—
О книгѣ: „Начала космографіи“. Составилъ К. Краевичъ	—
О брошюрѣ: „О семьѣ“. Составилъ В. Піщовъ	—
О книгѣ: „La Gymnastique pedagogique pour garçons à l'usage des écoles primaires, moyennes et normales etc.“. Составилъ Г. Богель	—
О книгѣ: „Плюсовая тригонометрія“. Составилъ К. Гехель	—
О книгѣ: „Книга упражненій въ латинской грамматикѣ съ этимологическими вокабуляріями“. Издавъ С. Блажевскій	—
О книгѣ: „Учебникъ Русской исторіи“. Составилъ Н. Баженовъ	17
О книгѣ: „Жизнь и сочиненія Горация“. Литературный очеркъ Лукиана Миллера	—
О брошюрѣ: „Богатства Сѣвера“. Экономическое исследование Вильгельма Журавскаго	—

Объ изданіяхъ: а) „Модели географическихъ тѣлъ“, составленны П. К. Крижиднымъ и б) „Коллекція стекляннхъ и деревяннхъ папированныхъ кристало-графическихъ формъ“, изготовленны въ мастерской П. К. Крижицына.	35
Объ изданіи: „Дѣтскій отдыхъ“	—
О книгѣ: „Собраніе примѣровъ, формулъ и задачъ изъ буквеннаго вычисленія и алгебры“. Сочиненіе Мейера Гирша. . .	36
О книгѣ: „Образцы новой русской словесности“. Собралъ А. Цвѣтковъ	—
О книгѣ: „Русская народная поэзія“. Составилъ В. Воскресенскій.	—
О книгѣ: „Священная Исторія Новаго Завѣта“. Составилъ протоіерей Петръ Смирновъ.	—

**ОПРЕДЕЛЕНІЯ ОСНОВАГО ОТДАЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: „Объяснительное чтеніе“. Составилъ Ѳ. Г. Савенко.	17
О брошюрѣ: „Азбука копѣйка“	—
О книгѣ „Бережь и трудъ“ (по Влоку). Н. А. Тизенгаузена.	—
О книгѣ: „Краткое описаніе Олонецкой губерніи“. Составилъ К. Петровъ.	—
О книгахъ: 1) „Христосъ“. Священная поэма изъ св. Евангелія въ стихахъ; составилъ Самойло, и 2) „О томъ какъ подобаетъ православнымъ христіанамъ проводить дни престольныхъ и нарочитыхъ праздниковъ. Простонародныя бесѣды св. Іоанна Миловидова.	18
О книгахъ: 1) „Краткое изъясненіе Божественной литургіи“, составилъ священникъ Іоаннъ Никольскій и 2) „Житіе святыхъ угодниковъ“. Издано редакціею журнала „Досугъ и дѣло“. . .	—
О книгѣ: „Сборникъ ариметическихъ задачъ“. Составилъ Переспѣшинъ	36
О книгахъ: 1) „Бесѣды о русскомъ глѣсѣ“. Составилъ Дмитрій Кайгородовъ. 2) „Сборникъ военныхъ расказовъ“. Изданіе кн. В. П. Мешерскаго. 3) Брошюра: „Пять до два—не выдать добра“. соч. Погожевой, и 4) „О дѣлахъ житейскихъ“, расказы стараго учителя.	—

Объ изданіяхъ: 1) „Нотное пѣніе литургій св. Іоанна Златоустаго“, составилъ А. Вишневскій, и 2) „Два народныхъ гимна“, „Коль славетъ нашъ Господь“ и „Воже Царя храни“	37
О книгѣ: „Первые разсказы изъ естественной исторіи“. Составилъ Германъ Вагнеръ.	—
О книгѣ: „Собраніе арифметическихъ задачъ“ Составилъ Александръ Вороновъ	—
Официальныя извѣщенія	18 и 38

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Макарій митрополитъ всея Россіи. К. Заусцинскаго.	1
Архангелскія формы семейной организаціи у кавказскихъ горцевъ. В. Соколовскаго.	39
Давидъ Сосунскій. ***	51
Религіозные символы древнихъ Вавилонянъ. В. Ш.	83
Римская сатира и Ювеналъ. Литературно-критическое изслѣдованіе Д. И. Нагуевскаго. Н. Благовѣщенскаго.	158
Н. В. Крушевскій. Е вопросу о гудѣ. Изслѣдованіе в области старо-славянскаго вокализма. В. К.	187
Большая Комиссія. А. Брикнера	191
Риторическія этюды. И. Луньяка	219
Нѣсколько словъ о сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ. И. Водузна-де-Куртене	269
Космологія (общепонятное изложеніе) А. Д. Путаты. Часть I. Системы міра. Книга 1-я геометрическія и динамическія отношенія небесныхъ тѣлъ. А. Савича.	322
Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 29-й.	343
О двухъ греческихъ путешественникахъ XV и XVIII вѣковъ. Гавриила Дестуниса.	354
Pismowstwo a griszowarje delnjo lutiskih Serbow wot (1548) 1574—1880. Zezbératъ K. A. Iénó. В. Качановскаго.	166
Wutworjenje nateje Spisowneje rébe a jeje zblitenje z delniji-serbskej. Spisať M. Hórník. В. Качановскаго.	—
Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. Изслѣдованіе Василія Жмакина. В. Качановскаго	272

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Коммерческія отдѣленія реальныхъ училищъ. Н. Колумбуса.	1
Преподаваніе закона Божія въ германскихъ школахъ. С. Либманова	15

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Отчетъ о двадцати четвертомъ присужденіи наградъ графа Уварова	1
Педагогическій сѣздъ сельскихъ учителей и учительницъ Лужскаго уѣзда въ 1881 году	18
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній	33 и 68
Письмо изъ Парижа. Л. Я—ра	53
А. А. Котляревскій	60
Годичное засѣданіе Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при Московскомъ университетѣ	65

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Сочиненіе Цицерона „О государствѣ“ (De republica). С. Вѣхова	555
Обзоръ эпиграфическихъ документовъ по исторіи аттической драмы. П. Никитина	603

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устроеньѣ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій*.

Изданіе восьмое, дополненное согласно послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія.

СЪ РИСУНКАМИ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 25 коп.

Складъ изданія: въ С.-Петербургѣ, книжный магазинъ *Фену и К^о*.

„СОЛЫШШКО“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками. Составилъ *А. РАДОНЕЖСКІЙ*. Изданіе съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и вѣвкласснаго чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

Оъ требованіями просить обращаться: въ Москвѣ, въ книжный магазинъ наслѣдниковъ Салаевыхъ. Въ С.-Петербургѣ, — въ книжный магазинъ *Фену и К^о*.

Адресъ издателя: Шпалерная ул., д. № 6, кв. 9.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ

„НИВА“

ХІІІ годъ.

иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни выходитъ еженедѣльно то-есть 52 номера въ годъ (болѣе 2000 рисунковъ, и чертежей, 2000 столбцовъ текста) съ еженесячнымъ приложениемъ.

„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“

(около 500 модныхъ рисунковъ въ годъ, 400 выкроекъ чертежей въ натуральную величину и 300 рисунковъ руководяльныхъ работъ).

Подписка принимается въ С.-Пб., въ конторѣ редакціи, по Большой Морской д. № 9.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“ съ правомъ на полученіе всѣхъ бесплатныхъ приложений и премій въ теченіе 1882 года:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р. „ к.
Съ доставкой въ С.-Петербургъ.	5 „ 50 „
Безъ дост. въ Москвѣ черезъ отд. конт. „Нивы“ у Н. Печковской.	5 „ „ „
Съ достав. въ Москвѣ и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ Имперіи .	6 „ „ „
За границей .	8 „ „ „

„НИВА“, даетъ чтеніе: историческія повѣсти, преимущественно въ русской исторіи, разсказы, романы, біографіи при портретахъ замѣчательныхъ лицъ, статьи по естествознанію, (особенно зоологіи), гигиенѣ (ученіе о здоровьѣ) географіи, этнографіи, путешествіяхъ, технологіи, астрономіи, новѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, свѣдѣнія изъ внутренней жизни страны, еженедѣльное политическое обозрѣніе, сѣтъ, хозяйственные совѣты, шашечныя, шахматныя и математическія задачи, загадки и проч.

ДЛЯ ПОМѢЩЕНІЯ ВЪ „НИВЪ“ ВЪ БУДУЩЕМЪ 1882 ГОДУ мы имѣемъ крохѣ массы художественно исполненныхъ гравюръ, уже цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній.

Какъ ПРЕМИЮ на будущій 1882 годъ мы выдадимъ всѣмъ годовымъ подписчикамъ безъ исключенія и когда бы они не представили свои подписки — крохѣ большого стѣннаго календаря 1882 года, очень большую роскошную олеографію съ новой картиной известнаго русскаго художника профессора В. И. ЯКОБИ.

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“

Картина написана по заказу „НИВЫ“; сюжетъ заимствованъ изъ известнаго романа „Князь Серебряный“ Графа А. К. Толстаго. Блестящія копія-олеографіи будутъ имѣть именно величину оригинала то есть 62 сент. ширины и 82 1/2 сент. высоты—словомъ большой форматъ.

Желающіе подписаться на будущій 1882 г. „НИВЫ“ просятъ заблаговременно обращаться въ въ Главную Контору Редакціи „НИВА“, (помѣщается въ С.-Петербургѣ, Большою Морскою ул. д. № 9).

Издатель „НИВЫ“ А. Ф. Марсъ.

ИЗДАНИЯ КНИГОПРОДАВЦА ЭМИЛЯ ГАРТЬЕ.

Невскій пр., д. 27, у Казаискаго моста, въ С.-Петербургѣ.

ОБРАЗЦЫ ПОВОЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Собралъ А. Щетновъ, преподаватель 7-й гимназiи и Марiинскаго института.

Въ четырехъ періодахъ.

- I. Ломоносовскій 8°. 1 р. 25 к., въ учебн. перепл. 1 р. 40 к.
- II. Карамзинскій 8°. 2 р. — к., въ учебн. перепл. 2 р. 15 к.
- III. Пушкинскій 8°. 2 р. 50 к., въ учебн. перепл. 2 р. 65 к.
- IV. Образцы новѣйшей словесности 8° (печатается).

Сборникъ рассмотрѣнъ Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенiя какъ учебное пособіе при чтенiи и разборѣ литературныхъ образцовъ.

По періодамъ сборникъ раздѣленъ на три отдѣльныя части. 1-я часть—періодъ Ломоносовскій; 2-я часть—періодъ Карамзинскій и 3-я часть періодъ Пушкинскій (до Гоголя включ.).

Періоду Ломоносовскому предпосланы отрывки изъ сочиненій писателей эпохи преобразовательной: Посошкова, Татищева и Кантемира.

Затѣмъ слѣдуютъ отрывки и цѣльныя сочиненія Ломоносова, Екатерины II; отрывки изъ сатирическихъ журналовъ 1769—74 гг.; Посошкова, Фонвизина, Хемницера, Державина, Капниста, Нелединскаго-Мелецкаго, Елагина, Грибовскаго, Карамзина, Дмитриева, Озерова, Крылова, Измайлова, Мерзлякова, Жуковскаго, Батюшкова, Гяфдича, князя Вяземскаго, Грибоѣдова, Пушкина, барона Дельвига, Баратынскаго, Языкова, Тютчева, Веневитинова, Кольцова, Цыганова, Ершова, Лермонтова и Гоголя.

Избранныя слова (проповѣди) Теофана Прокоповича, Платона, Иннокентія, Филарета, Іоанна и поученія протоіерея Родіона Путятина.

По подбору образцовъ сборникъ падѣется удовлетворить программамъ среднихъ учебныхъ заведеній вообще, имѣя въ виду классы средніе и высшіе.

Нѣкоторую особеннсть сборника составляетъ то, что въ немъ всѣ замѣчательныя (болѣе или менѣе объемныя) произведенія являются,

относительно содержания, въ возможно полномъ, законченномъ видѣ; а по объему сборникъ не заставитъ ни учащаго, ни учащагося перебѣгать отъ одной христоматіи къ другой, ница въ одной того, въ другой—другого образца.

Сборникъ этотъ можетъ быть рекомендованъ не только учащимъ и учащимся, но и всѣмъ желающимъ познакомиться съ избраннѣйшими произведеніями русской словесности, потому что образцы такъ составлены, чтобы быть пригодными не только въ школахъ, но и вѣвъ ея; какого нибудь особеннаго характера учебной книги они не имѣютъ.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ КУРСЪ НѢМЕЦКОЙ ЭТИМОЛОГИИ для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. А. Баронъ. 162 стр. 8°. С.-Пб. 1881. 85 к. **АЛФАВИТНЫЙ СБОРНИКЪ РУССКИХЪ НЕПРАВИЛЬНЫХЪ ГЛАГОЛОВЪ.** Сост. А. Волковъ. 26 стр. м. С. С.-Пб. 1881. 30 к.

КНИГИ, СОСТАВЛЕННЫЯ А. ГАЛАХОВЫМЪ.

1) Русская Христоматія. Изданіе 18-е, безъ переизмѣнъ, II т. С.-Пб. 1881. Одобрена, какъ учебное пособіе, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для средне-учебныхъ заведеній (мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій), и Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ для духовныхъ семинарій.

2) Историческая Христоматія новаго періода Русской Словесности. Изданіе 3-е, безъ переизмѣнъ, II т. С.-Пб. 1880. Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ учебное пособіе, при преподаваніи Исторіи Русской Литературы.

3) Исторія Русской Словесности, древней и новой. Изд. 2-е, съ переизмѣнами, II тома (въ 3-хъ книгахъ). С.-Пб. 1880. Рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ пособіе для гимназій.

4) Исторія Русской Словесности. (Учебникъ для средне-учебныхъ заведеній). Изд. 2-е, безъ переизмѣнъ, С.-Пб. 1881. Рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ учебное руководство для мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

Въ книжныхъ магазинахъ: Н. И. Глазунова, Я. А. Псакова, М. О. Вольфа, Н. Г. Мартынова, Н. Фену и К°, братьевъ Салаевыхъ (въ Москвѣ) и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ можно получить:

1. Начальныя основанія прямолинейной тригонометрiи, по порученiю начальства Морскаго Училища сост. А. Дмитриевъ. Съ двумя таблицами чертежей и съ четырьмя полтинниками (Руководство это одобрено ученимъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенiя и учебнымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ). Изданiе 5-ое. С.-Пб. 1876 г. Цѣна 75 к., въсовыхъ за 2 ф.

2. Начальныя основанія сферической геометрiи и сферической тригонометрiи, по порученiю начальства Морскаго Училища состав. А. Дмитриевъ. Съ двумя таблицами чертежей и съ тремя полтинниками. Принято за руководство въ учебныхъ заведенiяхъ морскаго вѣдомства и министерства народнаго просвѣщ. (циркул. 7-го августа 1872 г.). Изданiе 3-е, исправленное и значительно дополненное. С. Пб. 1879 г. Цѣна 75 коп., въсовыхъ за 1 ф.

3. Практическiя упражненiя въ геометрiи, или собранiе геометрическихъ задачъ, по Вѣселю, Шницу и друг., составл. А. Дмитриевымъ. Примѣнено къ курсу гимназiй и реальныхъ училищъ:

Книга I — Планиметрiя, заключающая въ себѣ 860 зад. на построенiя и 460 зад. на вычисленiя. С.-Пб. 1875 г. Одобрено учебн. комит. при святѣйшемъ синодѣ, а также и учен. комит. мин. нар. проsv. какъ весьма полезное учебное пособие для гимназiй и реальныхъ училищъ. Цѣна 75 к.

Учебное пособие это предназначается для слѣдующихъ цѣлей:

1. Какъ учебный материалъ для изученiя курса теоретической геометрiи: а) даетъ учащимся возможность вытѣсть свои силы въ примѣненiи общихъ геометрическихъ истинъ къ частнымъ случаямъ, а чрезъ то способствуетъ развитiю и укрѣпленiю въ учащихся геометрическаго соображенiя. б) Даетъ возможность, въ многорудныхъ классахъ, упражнять учащихся по мѣрѣ силъ и способностей каждаго, разнообразя эти упражненiя, какъ приложимъ ариметики, такъ и обобщенiемъ геометрическихъ результатовъ при помощи начальныхъ свѣдѣнiй изъ курса элементарной алгебры.

2. Учащиеся найдутъ въ этомъ собранiи задачъ обильныя, систематически расположенныя материалы для геометрическаго черченiя, въ объемъ курсовъ IV и V классовъ реальнхъ училищъ. „Практическiя упражненiя въ геометрiи“

даютъ возможность учащимся основательно усвоить себѣ столь необходимое для реалистовъ употребленіе циркуля, линейки и другихъ чертежныхъ инструментовъ, употребленныхъ при графическомъ рѣшеніи задачъ, и, такимъ образомъ, будутъ способствовать развитію такимаго геометрическаго черченія (см. Учебные планы реальнаго училища, утвержденныя г. министромъ народн. просв. 1872—1875 г.).

Книга II, заключающая въ себѣ: а) Задачи изъ стереометріи, б) задачи о наибольшаго и наименьшаго (maxima и minima) для реальнаго училища, и с) группу задачъ для окончательныхъ испитаній въ гимназіяхъ и реальнаго училищахъ. С.-Пб. 1879 г. Цѣна II книги, вмѣстѣ съ „Отвѣтами и рѣшеніями“,—80 к.

Обѣ книги „Практическія упражненія въ геометріи“ одобрены ученикомъ комит. мин. нар. просв. какъ весьма полезныя учебныя пособія; одобрены и для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства.

Означенныя изданія можно получать: въ С.-Петербургѣ— у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ; въ Москвѣ— въ книжныхъ магазинахъ братьевъ Салаевыхъ.

Главныя склады: 1) въ книжномъ магазинѣ г. Н. Фену и К^о противъ гостиннаго двора, домъ армянской церкви, и 2) у автора, на Вас. Остр. по 12 линіи, д. № 17, кв. № 13.

Книгопродавцамъ обычная уступка; на число экз. свыше 100 — по взаимному соглашенію.

1-го ДЕКАБРЯ вышла и разошлась подписчикам XII-я,
ДЕКАБРЬСКАЯ, книга исторического журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержание: I Записки декабриста А. В. Бѣлова. (Окончание).—II. Война Россіи съ Турціей въ 1829 г.—III. Генералъ Федоръ Гейсгаръ, 1783—1848 гг.—IV. Записки Мясоедова, содержащія путешествіе въ Сибирь по камчатку въ 1826—1827 гг.—V. Федоръ Гумилевскій, архіепископъ Черниговскій (Окончание).—VI. Между страницъ одного формулярнаго свѣдѣнія, 1823—1831 гг.—VII. Инженеры: Александръ І, Николай І и Александръ II: историческіе матеріалы къ книгѣ и эстампамъ ихъ относилсѣя.—VIII. Горе и нуды Россіи въ 1807 г.—IX. Восшествіе Веранни въ Берлинъ въ 1654 г. Сообщ. баронъ Б. Бѣне.—X. Очеркъ и записки.—XI. Обзоръ «Русской Старинѣ» изданія 1881 г. и проч.

Приложенія: I. Записки Софьи Андреевны Веранни, 1764—1765 гг.: Приложенія къ Запискамъ.—II Указатель личнымъ именъ въ XXXII томѣ «Русской Старинѣ» изд. 1881 г.—III. Портретъ генерала Гейсгара † 1848 г., гравировалъ художникъ Н. И. М а т ю ш и н ъ, ученикъ академика Сѣрякова.

(Продолженіе Записокъ о духовенствѣ, соч. Дн. ИВ. РОСТИСЛАВОВА будетъ помѣщено въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г.).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882-Й ГОДЪ:

„Русская Старина“—будетъ выходить въ будущемъ 1882-мъ году (тринадцатый годъ изданія)—ежегодно, каждое первое число. Цѣна за двѣнадцать книгъ, четыре тома, съ гравированными портретами, съ пересылкою—ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая, д. Вагнера, № 12, возлѣ Публичной библиотеки, въ книжномъ магазинѣ Мамонтова. Въ Москвѣ—на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова, въ магазинѣ Мамонтова.

Гг. иногородные обращаются исключительно въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „РУССКАЯ СТАРИНА“, на Большую Подъяческую, домъ № 7.

Въ редакціи и ея конторахъ можно получить: „Русскую Старину“ изданія 1870 г. (третье изданіе), 1876 г. (второе изданіе), 1877 г., 1878 г., 1879 г.; 1880 г. (второе изданіе), а также можно получить изд. 1881 года всѣ двѣнадцать книгъ—съ портретами достопамятныхъ русскихъ дѣятелей.

Цѣна каждаго изъ этихъ годовъ восемь руб. съ пересылкою.

Подписавшіеся на „Русскую Старину“ 1882 г. по 1-ое ноября текущаго года могутъ получить:—„Альбомъ русскихъ дѣятелей въ портретахъ, гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ“—съ биографическими о нихъ свѣдѣніями.—Цѣна альбома для подписчиковъ „Русской Старинѣ“ одинъ рубль.

Изд.-ред. «Русской Старинѣ» М. И. Семевскій.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

**Обзоръ эпиграфическихъ документовъ по
исторіи аттической драмы. П. Шкитив**

Редакторъ Е. Осипцева

(Вышла 1-го декабря).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогичи и наукъ, критики и библиографичи, и современную летопись учебнаго дѣла у насъ и заграницей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ. съ пересылкою въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (последній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала—по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.
